

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2022. 17(2)
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

С. И. ДЕГТЯРЕВ (Г. СУМЫ, УКРАИНА)
гл. редактор – д-р ист. наук

А. Ю. ПЕРЕТЯТЬКО (Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
РОССИЯ)

Т. А. МАГСУМОВ (Г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ,
РОССИЯ) канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Редакционный совет:

Д. ДАРОВЕЦ (Г. ВЕНЕЦИЯ, ИТАЛИЯ)

П. ДЖОЗЕФСОН (Г. ВОТЕРВИЛЬ, США)

Е. Ф. КРИНКО (Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, РОССИЯ)

Р. МАРВИК (Г. НЬЮКАСЛ, АВСТРАЛИЯ)

Р. В. МЕТРЕВЕЛИ (Г. ТБИЛИСИ, ГРУЗИЯ)

Б. Н. МИРОНОВ (Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

Дж. САНБОРН (ПЕНСИЛЬВАНИЯ, США)

В. САНДЕРЛЭНД (Г. ЦИНЦИННАТИ, США)

С. Г. СУЛЯК (Г. ТИРАСПОЛЬ, МОЛДАВИЯ)

Г. ЧЖАН (Г. ЧАНЧУНЬ, КИТАЙ)

Ф. Б. ШЕНК (Г. БАЗЕЛЬ, ШВЕЙЦАРИЯ)

М. ШМИГЕЛЬ (Г. БАНСКА БЫСТРИЦА, СЛОВАКИЯ)

Учредитель и издатель – Cherkas Global University, США

Адрес для писем:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Подписано в печать 01.06.2022 г.

Заказ № 70.

Тел.: +1 202 8437792 (США)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Союз трех флотов»

BYLYE GODY. 2022. 17(2)
HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE) Editor
in Chief – Dr. (History)

A. Yu. PERETYATKO (ROSTOV-ON-DON,
RUSSIA) PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA) PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Publisher – Cherkas Global University, USA

Postal Address:

1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (USA)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Approved for printing 1.06.2022

Order № 70.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo “Union of Three Fleets”

C O N T E N T S

ARTICLES

Regional Land Road System of Putivl Uyezd in the 17th century S.I. Degtyarev, E.M. Osadchij, Sh.A. Zabikh	557
Politics and the Role of the House of Romanov in the Development of Military Physical Training, Sports and the Olympic Movement in Russia: XVII – early XX centuries N.M. Pestereva, M.Yu. Belyakova	571
Bakhta-Girey and Kalmyk-Kuban Relations in 1726 V.T. Tepkeev	581
The Steppe Elite of the Kazakhs of the Junior Horde in the Period of Vassalage: New Approaches and Problems of Rethinking G.A. Shotanova, E.M. Uzhkenov, K.V. Dzhumagaliyeva	590
Problems of Kazakh Horse Breeding in the Works of Researchers of the Russian Empire A.U. Toktabay, A.S. Nugumarova	604
Organization of the Space of the First Maternity Clinics in Russia (XVIII – beginning of the XX centuries) N.A. Mitsyuk, N.L. Pushkareva, A.V. Belova	621
Material Support of Medical Personnel in Pre-Revolutionary Russia in the 18th – 19th centuries A.A. Bakulina, M.A. Fedotova, T. Krishtaleva, V.V. Igonin	631
The Image of Kazakh Society in the Studies of Russian Ethnographers during the Russian Empire: on the Example of Material Culture M. Oguzkhan Aksoy, S.M. Dzhunusbayev, K.D. Raisov, T.A. Apendiyev	640
The Legal Regime of Aquatic Biological Resources in the 18th century in the Positive and Customary Law of the Permian Peoples O.A. Plotskaya, D.A. Ospanova, G.A. Stamkulova, N.D. Myrztayev	649
Road to the Fair: Trade as a Factor in the Formation of Regional Identity (based on Materials from the Penza Region) O.A. Sukhova, I.N. Inozemtsev	657
The Kokand Khanate as an Object of Russia's Geopolitical Interests in the Representation of Travelogues of Imperial Experts in the first half of the 19th century B.S. Tokmurzayev, S.K. Yelshibayev, S.N. Apasheva	666
Russia and Jigetiya: to the Issue of Relations in 1837–1854 K.V. Taran, S.D. Ludwig, A.A. Baibarin, N.M. Pestereva	677
To the Issue of the Establishment and Activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society: Some Cultural, Organizational and Geopolitical Aspects L.V. Shkvarya, I.A. Zein Aidrus, R.R. Asmyatullin, S.G. Glavina	695
Analysis of the Personnel Policy of the Imperial Authorities in Relation to the Atamans of the Don Cossacks (1848–1917) A.Yu. Peretyatko	703
The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 3 A.M. Mamadaliev, V.V. Bogdan, N.V. Svechnikova, N.V. Miku	714
Contacts of the Russian-Speaking Population of the Foothills of the Kuban with the Greek colonists in the second half of the 19th – early 20th centuries. (according to Registers of Births) S.L. Dudarev, N.S. Kovalenko, S.N. Kitorov, A.L. Pelikh	729

Russian Alcohol on the Markets of Europe in 1863–1893 N.Ye. Goryushkina	739
Memoirs of A.N. Benois in the Context of Search for National Identity by the Intelligentsia of the Silver Age T.V. Gryaznukhina, A.G. Gryaznukhin, D.N. Gergilev, A.P. Dvoretzkaya	749
Social Significance, Designing and Laying Highways in the Russian Empire in the 1870s (on the Example of the Construction of the Sumy Railway) A.E. Lebid, D.V. Kudinov	758
The History of the Cattle Industry in the Steppe Region (late 19 th – early 20 th centuries) S. Mamytova, Z. Kabuldinov, N. Shayakhmet	777
The Sacred Geography of Central Asia in the Works of Joseph-Antoine Castagnier S. Uderbaeva, A. Sagatov, E. Kakimzhanov	789
Russia's Attitude to the “Armenian Issue” in the Ottoman Empire in the last quarter of the 19th century K.R. Ambartsumyan, I.V. Kryuchkov	800
Pipeline Oil Supplies in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries: Historical Retrospective and Modern Assessments A.A. Kartskhiya, M.G. Smirnov, S.A. Tyrtychnyy, M.G. Dolgikh	812
Volunteering from Culture, or Education of Charity through Art among Muslim Students in Russian Turkestan, Turn of the 19th – 20th centuries G.K. Mukanova, O.T. Abisheva, S. Zhumatay, Zh.A. Batyrkhanova	824
The History of the Construction of Railways in Siberia and the Steppe (Kazakh) Region: the Contribution of the Merchants to the Development of the Railway Line in the late XIX – early XX centuries A.Zh. Gabdulina, A.Zh. Turkhanova, L.T. Kurmanbayeva, Zh.R. Abisheva	834
“The Temple of Sciences Has Been Erected”: on the History of the Creation of the Real School in the Nalchik District P.A. Kuzminov, S.S. Apazheva, A.A. Zhurtova	844
The Features of Educational Activity in the Journal “Niva” in 1882 (based on the Analysis of Illustrative Material) A.A. Sitnikova, M.A. Kolesnik, N.M. Leshchinskaia, E.A. Sertakova	853
The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century N.P. Koptseva, K.A. Degtyarenko, D.S. Pchelkina, Yu.N. Menzhurenko	867
Escapes of Prisoners in the History of Russian Penitentiary Institutions of the late XIX – early XX centuries A.E. Epifanov, E.E. Krasnozhenova, S.V. Kulik	876
The Path of the Teacher A. Baitursynov: from Bestamak to Karkaralinsk (1895–1910) A.A. Absadyk, O.I. Issenov, K. Mukhitov, B.S. Boranbaeva	890
Children in the Composition of the Population of Orenburg according to the Data of the First General Census of the Russian Empire of 1897 E.V. Burlutskaya	902
The Role of the Tatars in the Socio-Political Life of Semirechye at the beginning of the XX century A.B. Kali, A.Sh. Makhayeva, I. Erpay, S.K. Rustemov	922
The Russian-Japanese War in the Reflection of the “Yakutskie Eparkhial'nye Vedomosti” T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, M.B. Kolotkov, S.B. Zinkovskii	934

Equipment and Uniforms of the Russian Imperial Army after the War with Japan: Problematic Aspects S.E. Prokofiev, P.S. Seleznev, K.V. Simonov, D.V. Petrosyants	943
The Activities of the Russian Red Cross Society in the Organization of Medical Institutions during the Russian-Japanese War of 1904–1905 M.S. Sergeeva, I.V. Karpenko, I.M. Chizh, S.D. Batoev	952
The Feat of the “Varyag” Cruiser in the Pre-Revolutionary, Soviet and Modern Russian Historiography: Comparative Characteristics D.S. Sknarev, Z.S. Zyukina, Yu.A. Voropaeva, N.M. Suzdalova	963
The Confessional Dimension of the Resettlement Policy of the Autocracy in the Kazakh Region at the beginning of the 20th century: the Fight against Sectarian Proselytism G.A. Alpyspaeva, G. Sametova, L.T. Jumaliyeva	975
Moscow Security Department on Guard of the Security of the Russian Empire in 1905 S.V. Medvedev, E.E. Kochetkov, E.V. Bestaeva, O.V. Panina	986
Duties, Professional Appearance and Personal Qualities of Provincial Officials of Excise Departments and Financial Chambers of Eastern Siberia at the beginning of the 20th century T.G. Karchaeva, M.D. Severyanov, A.S. Zhulaeva, N.R. Novosel'tsev	994
Stolypin Migrant in the Caucasus (1908–1914): Some Features G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.E. Epifanov, E.N. Trikoz	1002
Media Image of the Territories of the Russian Empire in “Priroda i Lyudi” (“Nature and People”) Journal (1913) Ju.S. Zamaraeva, N.N. Seredkina, A.A. Shpak, N.N. Pimenova	1010
Social and Public Life of Austro-Hungarian War Prisoners in Western Siberia and Turkestan (1914–1917) Sh.A. Zabikh, Yu.M. Jihangir, G.T. Zhoraeva, T.S. Kalenova	1022
On the Issue of State Social Policy for the Disabled People During the First World War in Russian Historiography: Problems of Population and Identification A.S. Kovalev, N.R. Novosel'tsev, D.V. Rakhinsky, N.N. Ravochkin	1033
To the Question of "Germanophobia" in the Autobiographical Story of the Russian Officer V.V. Korsak during the First World War P.V. Ulyanov	1041
Barges of the Votkinsk Plant, Ordered by the Naval Ministry in 1916–1917 N.W. Mitiukov, I.Yu. Cherkasova	1050

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 557-570
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.557

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

Regional Land Road System of Putivl Uyezd in the 17th century

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Evgenij M. Osadchij ^c, Sholpan A. Zabikh ^d

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, USA

^c Institute of Applied Physics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Sumy, Ukraine

^d Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract

The article deals with the formation and functioning of land routes in the southern part of the Putivl district (uyezd) in the 17th century. The authors analyzed a significant number of written and visual sources and proposed options for passing the routes of the roads known at that time. At the end of the 16th century, Putivl played an important role in organizing guard and border services on the border with uninhabited steppe areas of the Wild Field (Dike Pole). At that time, roads in the modern sense of the term did not exist in the region under study. The act documents stipulated the general direction of movement and indicated the places of crossings over the rivers.

In the middle of the 17th century, in the regions bordering the Polish-Lithuanian Commonwealth, several fortresses appeared, located far from the populated territories of Muscovy. Their lives were directly dependent on the supply of food and military supplies. At this time, the load on the old roads increases, and a primitive road network between these cities is being formed. These roads were not equipped with engineering and hydraulic structures, and their throughput and ease of movement remained at a primitive level.

The second half of the 17th century was marked by changes in the administrative structure of the region. Ukrainian settlers began to form a qualitatively new system of communications. The road network was improved, and cities and large villages made it possible to receive groups of merchants who came from remote regions. Fairs began to appear in these settlements, to which merchants from the Polish-Lithuanian Commonwealth, Lithuania and Hetman Ukraine came. The construction of a new road network allowed the cities of Sloboda Ukraine to quickly integrate into the economic trading model of Eastern Europe.

Keywords: Putivl uyezd, Muscovy, Sloboda Ukraine, Aleshnya, Okhtyrka, Sumy, land road network, armed conflict, war, XVII century.

1. Введение

Сухопутные торговые пути во все времена играли значительную роль в социальном и экономическом развитии народов и государств. С появлением трансконтинентальных путей появилась возможность не только торговать, но и обмениваться технологиями и научными знаниями. Наиболее известная магистраль – Великий шелковый путь – связывала Китай со странами Средней Азии, а ее отдельные ответвления достигали Крыма и Киева. Ее наиболее известной частью является

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

дорога, связывавшая столицу Волжской Булгарии город Булгар со столицей Киевской Руси Киевом. Частично этот путь проходил через земли северян, населявших Днепровское Левобережье в IX–XI веках. Здесь на первое место выходила торговля, хотя этим же путем пользовались и посольства.

Появление протяженных сухопутных дорог иногда происходило и вследствие политических изменений. Князь Мстислав Удалой, ставший правителем в Чернигове в 1024 г., имел владения в Северном Причерноморье, что повлекло появление пути из Чернигова в Тмутаракань. Этот путь уникален тем, что проходил через два непримиримых мира – древнерусское княжество и степной участок, населенный кочевниками. В период феодальной раздробленности все большее значение приобретали региональные дороги, связывавшие княжества друг с другом. Такая ситуация благотворно влияла на развитие отдельных регионов, но создавала определенные помехи более протяженным путям сообщения. После завоевания монголами древнерусских княжеств прежняя система дорог была разрушена, а сохранившиеся перестали играть значительную роль в экономической жизни региона.

На территории Путивльского удельного княжества продолжала функционировать сухопутная дорога, связывавшая Киев с Путивлем. Но это было обусловлено, прежде всего, тем, что в Киеве правили князья из путивльской династии. Окончательный упадок путей сообщения на землях Днепровского Левобережья связан с Северскими войнами, которые велись в конце XV – начале XVI веков. По результатам мирных соглашений территория Путивльского уезда оказалась в составе Московского княжества, и тогда начинается формирование новой системы путей сообщения, где ключевую роль стал играть Путивль как юго-западные ворота Московии. С этого времени появляется региональная система сухопутных дорог, позволявшая оперативно реагировать на военные угрозы, но практически не имевшая экономического значения. Дорожная сеть северной, более населенной части Путивльского уезда нами уже анализировалась, а вот южная часть остается практически не изученной.

2. Материалы и методы

Источниковая база данного исследования опирается в первую очередь на данные изобразительных источников: фиксационных чертежей и карт, а также дополняется письменными источниками. Наиболее ранние чертежи были созданы в конце XVII – первой половине XVIII веков.

Первая попытка отобразить южную часть Путивльского уезда принадлежит французскому военному инженеру на польской службе Г.Л. де Боплану ([Боплан, 1990: карта](#)). «Чертеж пасечных угодий вдоль реки Ворсклы между городом Олешней Яблоновского уезда и литовскими городами Кузминым, Грунь Черкасской», составленный в 1652 г., отображает дорогу, ведущую из города Алешня к броду через реку Ворскла, а также участок государственной границы ([РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стлб. 203: 350](#)).

В конце XVII – начале XVIII веков были составлены несколько чертежей, связанных с судебными тяжбами между землевладельцами. Наиболее информативным является «Чертеж околиц города Путивль», сделанный в конце 90-х годов XVII века ([РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Рыльск. Ед. хр. 30165: б/н](#)). Этот документ содержит изображения нескольких переправ через р. Сейм и дорог, идущих из Путивля в южном направлении. Дополняет его чертеж сеймских мельниц 1662 г., на котором детально изображена одна из плотин на Сейме, а также специальные приспособления для защиты от льда ([РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стлб. 1103: 256](#)). На другом фиксационном чертеже начала XVIII века нарисована полевая дорога – ответвление пути из Путивля к Дороголевецкой переправе ([РГАДА. Ф. 210. Приказный стол. Стлб. 2449: 266](#)).

Первой картой, на которой изображено практически все Днепровское Левобережье, является «Чертеж украинским и черкасским городам от Москвы до Крыма», созданный в 70–80-х годах XVII века ([Багров, 1923: 30-43, карта](#)). В 1684 г. был создан чертеж земель между городами Краснополье и Мирополье ([РГАДА. Ф. 210. Поместный стол. Стлб. 108: 258](#)).

Во время Северной войны был создан «План местоположения населенных пунктов и городов, где были расквартированы главные силы царской армии». На нем также изображена дорожная сеть, связывающая основные населенные пункты региона – Сумы, Ахтырка, Боромля, Лебедин, Ромны ([Гольденберг, 1959: карта 4](#)).

Военные интересы так же часто были причиной создания отдельных чертежей. Один из них – «Фиксационный план Белгорода с ворсклинско-донецким фасом засечной черты» 1718–1719 гг. Он отображает одну из дорог, соединявших Хотмышск с Вольным и далее с Алешней. Здесь основной акцент был сделан на изображения крепостей и полевых оборонных сооружений, дороги же показаны схематично, хотя и содержат информацию о некоторых переправах ([РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 4207-1](#)).

Реформы Петра I затронули множество сегментов государственного управления, в том числе и картографию. Одна из таких карт – «Carte du Regiment d'Akhtyrka nomme Akhtyrskoj-Polk qui confine avec des Ville de la Grande Russie par Jacob Esenev 1725» – является хорошим примером первоначального крупномасштабного чертежа. К этому же времени относится и «План городу Олешне», который был создан в первой половине XVIII века и содержит изображение Сагайдачного шляха ([РГВИА. Ф. 423. Оп. 1. Д. 34](#)).

Наиболее противоречивым источником является «Karta Granic Polski, y Rusysi, Zawieraiąca Część Południową Ukrainy, y Przeciąg Dniepru, Zaczawszy od Kiowa, aż do Samary» авторства Заннони Риччи и Жозефа Александра Яблоновски 1772 г. Она содержит значительный объем пока еще не проанализированной информации о населенных пунктах исследуемого региона.

В заключении обзора картографических источников следует вспомнить о трехверстовых геометрических планах городов Ахтырка, Сумы, Лебедин, Белополье, Путивль и их уездов, составленных в 70–80-е годы XVIII века (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 6311; РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 6315; РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 6351; РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 6357; РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 6371).

Письменные источники более обширны, поэтому остановимся на обзоре основных. Наиболее ранние упоминания о маршрутах в южной части Путивльского уезда относятся ко второй половине XVI века. Одним из событий, описывающих движение в южной части Путивльского уезда, были походы Матвея Ржевского и князя Дмитрия Вишневецкого в низовья Днепра (ПСРЛ. Т. 13: 288). В 1571 г. был составлен «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», в котором содержится первое упоминание о Лосицкой дороге, а также названия других дорог, расположенных в соседних уездах (АМГ. Т. 1: 2-12, 28-30).

С 1640 г. в отписках воевод пограничных городов впервые упоминаются две важные магистральные дороги – Бакаев и Сагайдачный шляхи (АМГ. Т. 2: 136; АЮЗР. Т. 3: 121-122). Упоминания региональных дорог содержатся в «Списке с подлинных межевых книг границ города Путивля и городищ Чернигова и Черкас». В одном из отчетов, составленных вольновским воеводой князем Н. Белосельским содержится описание дороги, связывавшей Хотмышск с Вольным и Лосицким острогом (Холмогоров, 1885: 1-17).

В дальнейшем упоминания путей сообщения будут содержаться в документах статистического и экономического характера. Это описания слободских полков, позднее наместничеств и губерний, в которых отдельной строкой упоминаются дороги (Багалей, 1890). Вспомогательными документами можно считать дневниковые записи казацкой старшины. Наиболее информативным является дневник генерального подскарбия Якова Марковича, написанный в период с 1717 по 1767 гг. (Маркович, 1859; Маркович, 1893).

Считаем нужным дать отдельное пояснение касательно географических рамок предлагаемой работы. Территории, которые стали предметом нашего исследования, до середины XVII века представляли собой довольно большой по площади Путивльский уезд. Но с середины – второй половины XVII века происходит формирование административных границ казачьих полков Слободской Украины и некоторые части указанного уезда вошли в состав Слобожанщины. Во избежание путаницы и учитывая цели исследования, мы все же посчитали более целесообразным обозначить изучаемый регион единым термином «Путивльский уезд».

3. Обсуждение

История изучения вопросов, связанных с появлением и развитием путей сообщения в Путивльском уезде, а с середины XVII века в Северо-Восточной Слобожанщине, достаточно продолжительна. Первый этап связан, прежде всего, с публикацией источниковой базы. В XIX веке Археографической комиссией были найдены и опубликованы многочисленные документы, содержавшие данные о наличии дорог в Московском царстве и Речи Посполитой, в том числе выше упомянутые документы о сторожевой и станичной службе. Они стали объектом тщательного анализа Д. Беляева в его докладе «О станичной и полевой службе на польской украине московского государства до царя Алексея Михайловича», прочитанный им в 1846 г. в Императорском обществе истории и древностей (Беляев, 1846: 1-117). Эта работа ознаменовала начало аналитического подхода к источникам и появление собственно исторических работ, посвященных исследуемому региону. В этом же ряду историков следует упомянуть архиепископа харьковского и черниговского Филарета (Гумилевского). Его многотомное издание «Историко-статистическое описание Харьковской епархии» и сегодня является весьма актуальным, благодаря значительному количеству архивных материалов, к которым он имел доступ. Ученый не только публиковал отрывки из древних актов, но и проанализировал их, а его выводы в большинстве своем подтверждены современной наукой (Филарет, 1857).

В 1900 году была опубликована работа А. Николаева, посвященная истории сухопутных и морских путей сообщения в Российской империи. В ней был опубликован известный на тот момент фактологический материал по истории данного вопроса, и даже сегодня отдельные выводы не потеряли своей актуальности (Николаев, 1900: 62-63).

Первым обобщающим историческим трудом по истории Слобожанщины являются работы Д. Багалей и его ученика В. Юркевича. Они заложили основу для дальнейшего изучения истории Слобожанщины. В частности, ими введен в научный оборот значительный объем статистической информации, в том числе и касающейся путей сообщения. Их научные труды были настолько исчерпывающими, что использовались в дальнейшем учеными советской школы, однако с обязательной критикой их буржуазных взглядов (Багалей, 1887; Юркевич, 1932).

К истории социально-экономического развития Слобожанщины вернулись лишь в конце 60-х годов XX века. А. Слюсарским была издана монография, по своей структуре значительно повторяющая уже изданные в первой половине столетия работы. Ее отличием был лишь перекоп в сторону классовой борьбы, поставленный во главу угла и являвшийся основным нововведением. В целом она является знаковой в советской историографии и последней обобщающей монографией по данной проблематике (Слюсарский, 1964).

В дальнейшем проблемы изучения сухопутных путей сообщения рассматривались в контексте военных или социально-экономических вопросов. Сюда следует отнести работы В. Загоровского, В. Шутого, Е. Тарле и других ученых.

Проблематика современных отечественных и зарубежных исследователей данного вопроса несколько изменилась. На смену обобщающим работам пришли аналитические труды, касающиеся отдельных регионов или путей сообщения. Стали появляться статьи, посвященные конкретным дорогам. Здесь следует упомянуть работу В. Звагельского, посвященную Лосицкой дороге. Она была написана по результатам исследований Д. Беляева и архиепископа Филарета с использованием не только опубликованных ими источников, но и их выводов. В результате автор назвал Лосицкой дорогой маршрут дальней путивльской сторожи, описанный в документах 1571 и 1623 гг., без какой-либо аргументации (Звагельский, 1999: 37-53). Позже с обоснованной критикой этой статьи выступил В. Приймак, отметивший слабый анализ археологических источников (Приймак, 2003: 70-71).

Среди современных публикаций отметим серию работ харьковского ученого Ю. Конивой, посвященных сухопутным дорогам и мостам на территории Слободской Украины (Коніва, 2015: 159-165; Коніва, 2016: 148-149). По результатам своих исследований она защитила диссертацию, которая является комплексным исследованием с опорой на карты XVIII века и содержит анализ климата и рельефа в изучаемом регионе (Коніва, 2019).

На сегодня актуальными являются работы по графической реконструкции сухопутных путей сообщения с опорой на археологические и письменные источники. Исследованию Бакаевого шляха посвящена статья А. Зорина, содержащая значительное количество графического материала, являющегося как результатом исследований предшественников, так и авторских наработок. Однако в работе есть некоторые вопросы дискуссионного характера, связанные с прохождением Бакаевого шляха именно в южной части Путивльского уезда. Здесь он проходит в междуречье Псла и Ворсклы, что не стыкуется с данными письменных источников относительно другого сухопутного пути – Сагайдачного шляха (Зорин, 2018: 30-42).

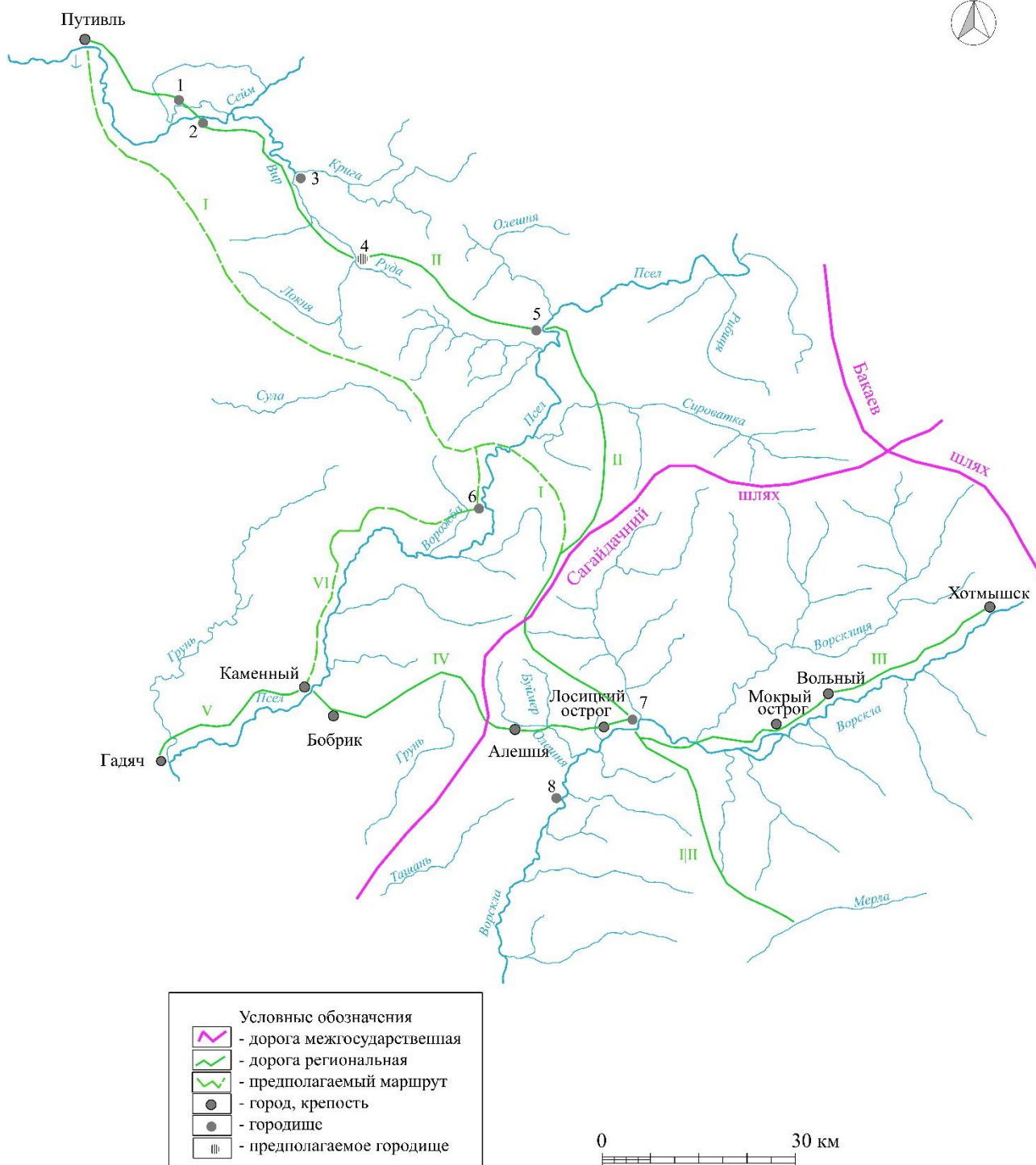
Исследованию пути гетмана Петра Сагайдачного из Запорожской Сечи в Москву посвящен ряд статей, в котором приводятся реконструкции его маршрута. Наиболее дискуссионным является отрезок от переправы через Днепр до города Ливны. Этот маршрут не отображен в документах того времени и реконструируется по источникам более позднего времени (Łukaszewski, 1929; Franz, 2009; Осадчий, Дегтярьов, 2021: 5-20).

Исследованию путей сообщения Путивльского уезда мы посвятили ряд статей. Отдельно были проанализированы маршруты прохождения Псельской, Большой Рыльской и Прилуцкой дорог, являвшихся межрегиональными путями сообщения. Пригородные дороги Путивля также были предметом изучения, что позволило в значительной мере реконструировать иххождение в северной и центральной частях уезда (Осадчий, 2015: 226-234; Осадчий, 2018a: 100-112; Осадчий, 2018b: 209-217; Osadchij, 2019: 83-92). Во время подготовки работы, посвященной приграничному сражению между войсками белгородского воеводы Григория Ромодановского и гетмана Петра Дорошенко 1660–1661 гг., был обработан массив данных о перемещении войск противоборствующих сторон, однако цель исследования не позволила изложить в ней полученный материал, и, таким образом, его анализ будет изложен в данной статье. В этой же работе сделан обзор археологических источников, что освобождает авторов от повтора (Degtyarev et al., 2022: 25-36).

4. Результаты

Развитие дорожной сети в южной части Путивльского уезда происходило неравномерно. Ее формирование началось еще в конце XVI века, однако события Смутного времени привели к полной дезорганизации инфраструктуры Путивльского уезда. Ее возобновление начинается после подписания Деулинского перемирия в 1618 г. и возвращения Путивля в состав Московского царства. С этого времени начинается постепенное формирование основных направлений к югу от Путивля (Рисунок 1).

Рис. 1. Карта расположения основных дорог и направлений в южной части Путивльского уезда в конце XVI – первой половине XVII века. I – Лосицкая дорога, II – маршрут дальней путивльской сторожи, III – Алешенская дорога, IV – Московская дорога, V – Пleshивская дорога, VI – дорога из города Каменный в Алешню. 1 – Дороголеовское городище (Вольнцево), 2 – городище Глушецкое, 3 – Вырское городище, 4 – переправа Хосотин, 5 – Липенское городище, 6 – Заводитцкое городище, 7 – Кукуево городище, 8 – Ахтырское городище. Реконструкция Е.Н. Осадчего

Лосицкая дорога была единственной упоминаемой в письменных источниках. Ее реконструкции посвящен ряд статей В. Звагельского, в котором автор предлагает свой маршрут прохождения. Однако в своих выводах исследователь, по сути, реконструирует маршрут дальней путивльской сторожи, выдавая ее за Лосицкую дорогу. Главная проблема состоит в том, что само название дороги упоминается не в описании дальней сторожи Путивля, а другой, Коломацкой, с уточнением, что «бегаи сторожем с тое сторожи с вестьми в Путивль с верх Мжа и Коломака Лосицкою дорогою» (АМГ. Т. 1: 28-30). Такая ориентация дороги дает лишь ее начало, ориентировочно в районе современных населенных пунктов

Коломак и Валки, и конечную цель маршрута – Путивль. В. Звагельский, беря за основу описание дальней путивльской сторожи 1571 г., предлагает его как основу для реконструкции Лосицкой дороги, что является механической попыткой совместить известный маршрут с названием дороги без ее детального анализа (Звагельский, 1999: 49, рис. 3).

В первой половине XVII века эта дорога оставалась одной из немногих, использовавшихся в междуречье Псла и Ворсклы. Причиной этому было отсутствие населенных пунктов. Немногочисленное посадское население Путивля только начинало осваивать земли в пределах 10–20 км от города и ориентировалось в основном на территории вдоль течения Сейма. В 1640 г. на Ворскле строятся две пограничные крепости – Хотмышск и Вольный (Багалей, 1887: 204-205). Они являлись частью продолжительной засечной черты, протянувшейся в северо-восточном направлении до Тамбова. Эти крепости располагались в незаселенных местах и полностью зависели от снабжения из крупных городов, прежде всего Путивля. В этой ситуации значение Лосицкой дороги значительно возрастает. Об этом свидетельствует реакция путивльского воеводы на угрозу прерывания снабжения города Вольный в связи с появлением новых поселений украинских казаков в Верхнем Посулье. В 1641 г. для защиты дороги и предотвращения проникновения далее на восток украинских поселенцев очень быстро был построен Песчаный острог (Кулаковский, 2006: 325-326). Однако, несмотря на попытки защитить единственный путь из Путивля в Вольный, там постоянно происходили стычки между московскими ратными людьми и украинскими казаками. Лучше вооруженные и более многочисленные казацкие ватаги не только нападали на пограничные сторожи, но и посольства, направлявшиеся в Крым. Эти нападения были отражены в «Списке обидном, которые обиды вчинились в царского величества в порубежных городах его господарства людем з королевского величества стороны от польских и от литовских людей, а сыска и управы в тех, во всех обидных делах, по ся место не вчинено» (Панков, 2004: 175-192).

В 1647 г. происходит передача Речью Посполитой нескольких пограничных крепостей Московскому царству – Алешни, Бобрика, Недригайлова, Городецкого и Каменного городищ. Это привело к некоторому снижению боевых действий на границе и появлению новых сухопутных дорог в регионе.

Алешенская дорога связывала город Алешня с Вольным и Хотмышском. Ее появление связано с расширением Белгородской засечной черты вниз по течению Ворсклы. После завершения строительства Хотмышского и Вольненского острогов начинается функционирование дороги между этими крепостями. Она проходила вдоль укреплений, так называемых засек, которые устраивали путем рубки леса на склонах правого берега Ворсклы. Опорными пунктами на этом пути были небольшие сторожки, в которых находился гарнизон из нескольких десятков ратных людей.

В 1641 г. засечная черта продолжала расширяться и новый острог был построен уже не на Ворскле, а на небольшом ее притоке. Окончательно эта дорога сформировалась в 1647 г., когда Алешня была передана московской стороне, а на месте литовских укреплений был построен небольшой острог.

Реконструкция этой дороги основывается на локализации основных укрепленных пунктов на пути ее следования и описании инспекторской поездки князя Никифора Белосельского от Хотмышска к месту слияния Ворсклы и Ворсклицы. Его целью было выявление вырубок леса украинскими промышленниками-селитроварами.

От Хотмышска дорога шла правым берегом Ворсклы мимо Углицкого и Ракового острожков и стоялого острога на Пробойной горе. Это прямой путь, не имевший каких-либо природных препятствий. По «Мерной книге с описанием мест где устроены сторожи» расстояние от Хотмышска до Вольного составляло 19 верст (Холмогоров, 1885: 19). Эта часть пути была в ведении хотмышского воеводы. Следующий участок пути проходил от Вольного до Алешни. «Мерная книга...» дает расстояние между городами 27 верст 300 саж., а между ними располагались Мокрый и Лосицкий остроги. Эта часть пути проходила в сложных топографических условиях. От Вольного до границы Лосицкой волости она проходила по краю правого коренного берега р. Ворскла. Далее необходимо было переправиться через реку. Переправа находилась в 2 верстах от Зеленчева кургана, который является большим майданом в составе курганного могильника около современного села Катанское (Осадчий, Коротя, 2018: 114). От него до места переправы через Ворсклу чуть более 2 км. Урочище Вилы, где собственно и находилась переправа, расположено в месте слияния Ворсклы и Ворсклицы, образуя те самые вилы, хорошо просматриваемые с коренного берега. Далее дорога шла левым берегом Ворсклы к курганному могильнику в ур. Королевские могилы. В его составе также есть майданы, что предполагает и наличие дороги, которой пользовались промышленники. От него краем левого берега необходимо было идти к переправе через Ворсклу в районе Кукуева городища. Здесь находилась одна из сторож, относившаяся к Лосицкому острогу (Осадчий, 2016: 244-246). Сама переправа находилась немного севернее городища, в урочище Острожек между Литовкой и Бакировкой. В этом месте ширина заболоченной поймы Ворсклы наименьшая. От переправы дорога шла по пересеченной местности, изрезанной оврагами правого берега Ворсклы, к непосредственно Лосицкому острогу. Он локализуется на городище Сосонка 2 на одноименной речке (Коротя, Осадчий, 2013: 167-170). Из Лосицкого острога дорога шла через лес правым берегом р. Олешня до

впадения в нее ручья Буймер. Здесь, вероятно, находилась переправа на левый берег Олешни, где располагалась крепость.

Эта дорога, протянувшаяся в широтном направлении, соединяла не только пограничные города, но и два магистральных пути – Бакаев и Сагайдачный шляхи, проходившие, соответственно, около Хотмышска и Алешни.

В 1641 г. в Курске часть гарнизона, состоявшая из украинских казаков, решила покинуть службу и вернуться на родину. Это было воспринято как открытый мятеж, и на перехват колонны казаков, в которую входили их семьи, были брошены ратные люди из нескольких пограничных крепостей. Они смогли догнать их на Бакаевом шляхе в 20 верстах от Хотмышска, и после долгого боя с применением полевой артиллерии боеспособная часть казаков прорвалась и ушла в украинские земли Речи Посполитой, а обоз, в котором находились женщины и дети, попал в плен. Другая часть казаков попыталась прорваться Сагайдачным шляхом, но также была перехвачена отрядом из Путивля. Здесь путивляне не смогли добиться решающего успеха и почти все казаки смогли пробиться в Речь Посполитую (Папков, 2004: 245-246). В этом сообщении интересны даты событий. Выход казаков произошел 13 августа, а уже 16 числа состоялся бой на Бакаевом шляхе, а 17 августа – на Сагайдачном. За пару дней сообщение об этом пришло в Хотмышск, затем в Вольный и Путивль, что говорит о налаженных маршрутах доставки донесений.

В 1645 г. украинский князь Дмитрий Вишневецкий собрал придворные войска и захватил значительные территории в среднем течении Ворсклы, которые он считал своими по праву. Нападению подвергся и Лосицкий острог. Московский гарнизон был выгнан из крепости, и в результате правый берег Ворсклы был потерян до 1647 г. (Филарет, 1857: 55).

В 1648 г. украинские торговцы, которые обошли вольновскую таможню, были задержаны и после переписки с гадяцким урядником Станиславом Броневским были отпущены и сопровождаемы до Сагайдачного шляха. Их путь как раз проходил от Вольного к Алешне (АЮЗР. Т. 3: 121-122).

Дорога из города Алешня в город Каменный. Появление этой дороги восходит еще ко времени пребывания этих населенных пунктов в составе Речи Посполитой. В документе за 1647 г. она называется Гадицкой (Холмогоров, 1885: 8). В 1650 г. около Каменного городища московскими ратными людьми был построен новый острог. Он, как и Алешня, становится центром достаточно обширного, но незаселенного уезда. Дорога между ними проходила водоразделом Псла и Ворсклы, пересекая р. Грунь в районе современного села Довжик. Здесь она также пересекала и Сагайдачный шлях, что отображено на «Плане городу Олешне» начала XVIII века. Вначале эта дорога проходила через городок Бобрик, где находился гарнизон из Каменного, но после ухода из Бобрика гарнизона маршрут изменился и проходил вдоль левого берега р. Будылка. Переправа через Псел происходила по новому деревянному мосту, построенному каменовскими боярскими детьми. Эта переправа удачно использовалась шведской армией в Северной войне зимой 1708–1709 гг. и неудачно российской в 2022 г. В «Мерной книге...» расстояние между Алешней и Каменным указано в 17 верст (Холмогоров, 1885: 19).

От города Каменный вели несколько местных дорог. Все они упоминаются в «Строенной книге» города Каменный 1650 г. В этом документе упоминается **Плешивская дорога**, соединявшая Каменный и Гадяч. Судя по ее названию, она шла правым берегом р. Псел через село Плешивец. Там же упоминается **Московская дорога**, но из текста «Строенной книги» сложно определить ее маршрут, можно только говорить о ее северном направлении к Заводицкому городищу и Романову перевозу на Псле (Дегтярьов, Осадчий, 2020: 56, 66-67, 78, 87).

В середине XVII века эти дороги были ориентированы прежде всего на военные нужды. Ими пользовались преимущественно для доставки оружия, амуниции и припасов. Особенностью их устройства было отсутствие мостов и широкое использование бродов с твердым дном. Подобные дороги не были оборудованы инженерными сооружениями, а движение происходило в основном небольшими конными отрядами. Они также были не приспособлены для комфортного проезда гужевой транспорта. Очень эмоциональное описание подобной дороги оставил Павел Алеппский, сопровождавший патриарха Макария во время его путешествия в Москву. После выезда из украинских земель и нескольких дней в дороге между Путивлем и Севском он написал: «...Мы, проезжая по разным дорогам от своей страны до сих мест, не встречали таких затруднений и таких непроходимых путей, как здешние, от которых поседел бы и младенец. Далее следует подробное описание этой дороги, размытой дождем и заваленной упавшими деревьями (Алеппский, 1897: 119-120).

В 1654–1656 гг. в междуречье Псла и Ворсклы появляются новые крепости, построенные украинскими казаками. Они имели значительные укрепления, а их население и гарнизон насчитывали более тысячи человек. Появление этих городов сразу же изменило направления основных дорог. Очень быстро эти города стали военно-административными центрами региона, а их потребности в торгово-экономических связях стали формировать новые пути сообщения. Это были принципиально новые дороги, которые абсолютно не затрагивали старые.

Главным отличием их от дорог первой половины XVII века была их протяженность. Украинские крепости и крупные села располагались на расстоянии от 10 до 35 км друг от друга. Это давало возможность проводить значительные торговые ватаги, которые в случае необходимости

могли найти ночлег и сменить лошадей. Практически в каждом большом населенном пункте был шинок, который выполнял функции постоялого двора.

Еще одним нововведением стало широкое применение инженерных сооружений. На дорогах стали массово появляться прочные деревянные мосты. Они строились через значительные водные препятствия, а их эксплуатация и ремонт проводились местным населением. Их появление значительно увеличило расстояние, которое мог проделать путешественник или торговец за один день. Одновременно со строительством укреплений на мелких реках стали появляться мельничные плотины. Традиция их массового строительства также появляется с приходом украинского населения. В отличие от более ранних московских крепостей, расположенных на высоких, труднодоступных мысах, казацкие крепости строились на низменных территориях, часто окруженных протоками, старицами и болотами. Наличие плотин, с одной стороны, являлось защитной мерой, с другой – возможностью пропускать в город тяжело груженные возы.

Новые крепости в первые несколько лет своего существования нуждались в припасах и вооружении. Основой обороны города являлась артиллерия, которую нужно было доставить на значительные расстояния. В середине XVII века технология их производства была различной. Были литые и разборные из стальных досок. Последние было легко транспортировать, но иногда собрать на месте не представлялось возможным (АМГ. Т. 3: 215). Для транспортировки литых орудий необходимы были значительные усилия и хорошая транспортная сеть. Перевозить такую пушку можно было возом, запряженным парой волов по относительно ровной дороге. Большую проблему представляли крутые берега и болотистые поймы рек и ручьев. Казаки активно использовали саперные навыки: при строительстве плотины земля бралась из обрывистых берегов, что уменьшало угол склона и позволяло проехать тяжело груженому возу. Наиболее грандиозным гидротехническим сооружением в регионе стала дамба длиной почти 2 километра, соединившая два берега Псла у города Сумы. Это позволило сэкономить значительное время в пути.

Во второй половине XVII века формируется совершенно новая дорожная сеть, соединившая сотенные и полковые центры Слободской Украины. Основные маршруты Сумского и Ахтырского казацких полков: Сумы–Ворожба–Лебедин, Ворожба–Межирич–Михайловка–Гадяч, Сумы–Боромля–Ахтырка, Мирополье–Краснополье–Славгород–Вольный–Ахтырка, которые функционируют и сегодня (Рисунок 2).

Они уже не имели собственных названий, а из большого города выходило несколько направлений, что позволяло вести активную торговлю и в случае необходимости быстро концентрировать войска на участке, которому угрожали. Именно такими дорогами пользовался белгородский воевода князь Григорий Ромодановский во время сражения с войсками гетмана Петра Дорошенко в 1660–1661 гг. Качество дорог и мостов в значительной мере определяло скорость его маневров, а также позволяло проводить глубокие рейды из Путивля на Гадяч и Зиньков (Degtyarev et al., 2022: 29-30).

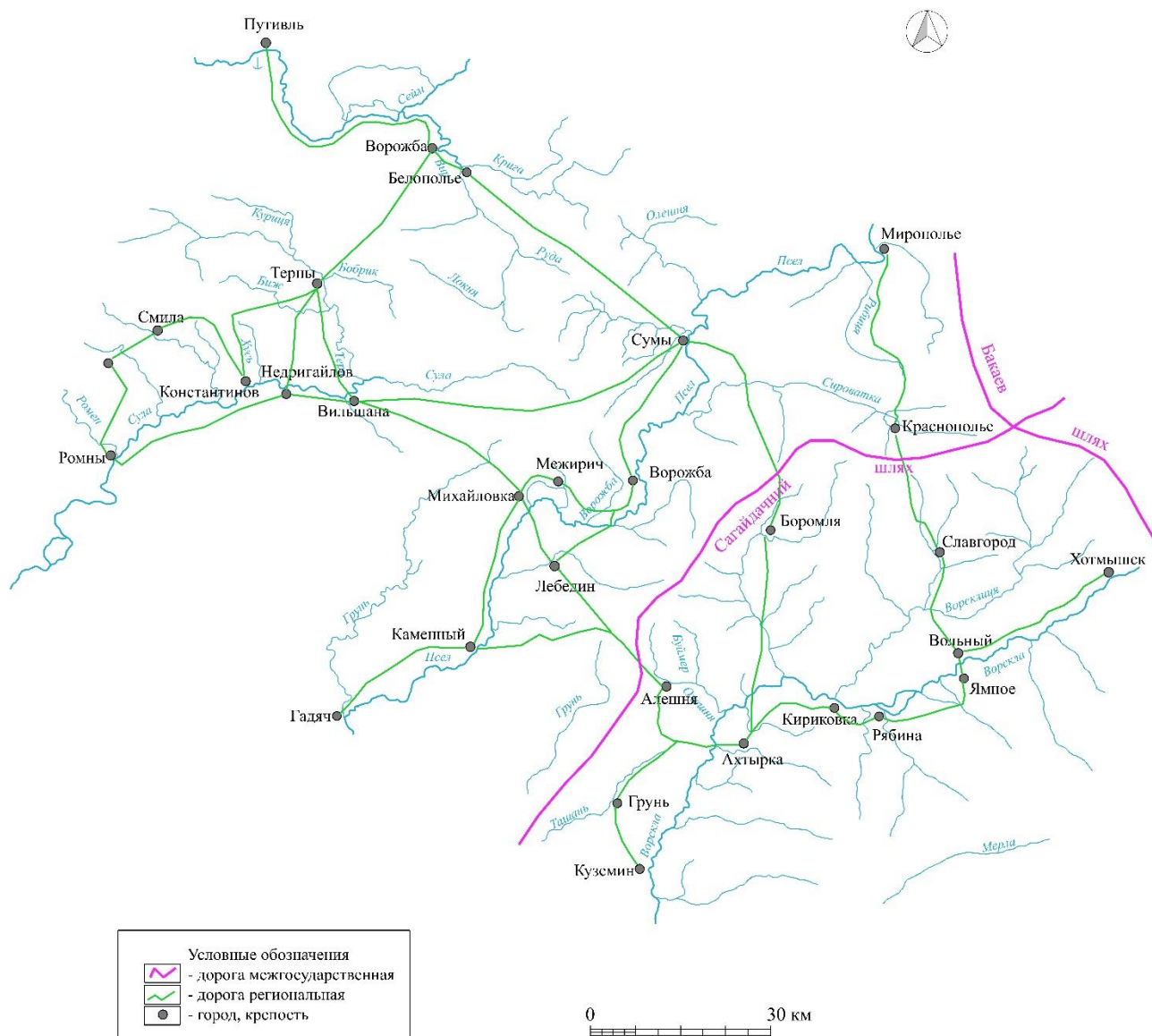
Изменения коснулись и маршрутов дипломатических миссий в Крым. Со второй половины XVII века посольства предпочитали ехать по хорошо защищенной территории через украинские города, а не напрямую Муравским шляхом. В 1680 г. посольство стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова было направлено в Крым для подписания мирного договора. Его маршрут проходил из Багурина в Смелу, Белополье и Сумы. Там посольство остановилось на несколько дней, пополнило припасы. Из Сум поехали в Краснополье и Вольный. Последней остановкой перед выходом в Степь была крепость Ольшана на Белгородской черте (Статейный список, 1850: 9-11).

Нет нужды анализировать пути прохождения этих маршрутов, так как они функционируют и сегодня. Для примера остановимся на дороге Алешня–Вольный для того, чтобы показать, как именно менялась дорожная сеть во второй половине XVII века.

В 1654 году в нижнем течении р. Ахтырка была построена новая крепость, через некоторое время ставшая полковым городом. В скором времени он стал не только военно-политическим, но и экономическим центром региона, что сказалось на изменении старых и появлении новых дорог. Старая Алешенская дорога некоторое время функционировала без изменений. Причиной этому были военные конфликты между украинскими гетманами Иваном Выговским, Юрием Хмельницким и московским царем. Нападения украинских казаков и их союзников татар были направлены, в первую очередь, на московские крепости. Многодневные штурмы и осады подорвали их военный и экономический потенциал, и после завершения боевых действий они так и не смогли восстановиться. Они стали зависимы от поставок продовольствия из казацких городов и сел, а защита границы в большей степени стала обязанностью казаков. В этом конфликте Ахтырка почти не пострадала, но на территории города смогли одновременно располагаться около 8,5 тысяч войска, состоявшего из слободских казаков и московских полков «нового строя», что свидетельствует о значительном экономическом потенциале города (Degtyarev et al., 2022: 32).

В течение второй половины XVII века на левом берегу р. Ворскла появляются новые украинские села – Ямное, Рябина, Кириковка, Бакировка. Они располагались на так называемой крымской стороне, так как на правом берегу строиться было нельзя, чтобы не нарушать целостность укреплений засечной черты. Некоторые из этих сел имели дерево-земляные укрепления. Описание подобной

крепости известно из донесения царю от казаков села Ямное. В 1680 г. они построили «...земляной городок для изгону воинских людей со всякими осадными крепостями...» (Россия. Т. 7: 315). На карте Ахтырского полка 1725 г. Богодухов, Вольный, Ямное, Кириковка и Новая Рябина имеют общее условное обозначение, что может говорить о наличии укреплений в этих населенных пунктах.

Рис. 2. Карта дорожной сети северо-восточной части Слобожанщины (Сумской и Ахтырский казацкие полки) во второй половине XVII века

Таким образом, во второй половине XVII века на левом берегу Ворсклы появился ряд значительных казацких населенных пунктов, что привело к изменению маршрута дороги, соединявшей Алешню и Вольный. Теперь начало этой дороги было не в Алешне, а в Лебедине, расположенном на левом берегу Псла. Из Алешни дорога теперь шла в город Ахтырка. Начало этой дороги изображено на «Плане городу Олешне». Она показана идущей на юг, по водоразделу Ворсклы и Алешни в обход разветвленной сети оврагов. Переправа через Ворсклу проходила в районе старого Ахтырского городища, где был построен деревянный мост (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 481: 88-89). Из Ахтырки дорога шла левым берегом через новые населенные пункты до Ямного, а переправа через Ворсклу происходила по плотине мельницы. Из Вольного на Хотмышск маршрут не изменился и проходил правым берегом р. Ворскла.

5. Заключение

Таким образом, формирование дорожной сети в южной части Путивльского уезда происходило в несколько этапов. Первый – конец XVI – первая половина XVII веков. Он характеризуется практически отсутствием в регионе дорожной сети. Несколько маршрутов, известных по

документам того времени, использовались в основном для военных целей. Это Лосицкая дорога, Бакаев и Сагайдачный шляхи. Это были просто участки относительно ровной местности, в основном водораздельные плато, с минимальным количеством переправ через водные преграды.

Второй этап – середина XVII века. С появлением нескольких пограничных крепостей начинают строиться региональные дороги, связывающие их с крупными городами Московского царства. По ним доставлялись припасы и происходила ротация гарнизонов. Строительство стационарных мостов было разрешено только возле крепостей, а переправы в отдаленной местности организовывались с использованием известных бродов.

Третий этап связан с появлением разветвленной сети дорог во второй половине XVII века и приходом на незаселенные территории украинских казаков и крестьян. Появление значительного количества городов и сел стало причиной кардинального изменения направлений сухопутных путей сообщения, а также появления новой дорожной сети. Изменились промежутки между населенными пунктами, а на дорогах появились мосты и плотины. Все это привело к качественным изменениям в инфраструктуре региона и послужило дальнейшему развитию торговых отношений Слободской Украины с землями Гетманской Украины.

Литература

Алеппский, 1897 – *Алеппский Павел*. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским (по рукописи Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел). Выпуск второй (от Днестра до Москвы). М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1897. 202 с.

АМГ. Т. 1. – Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук. Том I. Разрядный приказ. 1571–1634. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1890. 767 с.

АМГ. Т. 2 – Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук. Том 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1894. 773 с.

АМГ. Т. 3 – Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. СПб., 1901. Том 3. 674 с.

АЮЗР. Т. 3 – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. 1638–1657. СПб.: Типография П.А. Кулиша, 1861. Т. 3. 764 с.

Багалея, 1887 – *Багалея Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1887. 634 с.

Багалея, 1890 – *Багалея Д.И.* Материалы для колонизации и быта степной окраины Московского государства Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Харьков: Типография К.П. Счасни, 1890. Т. 2. 438 с.

Багров, 1923 – *Багров Л.С.* Чертеж украинским и черкасским городам 17-го века // *Труды русских ученых за границей*. Сборник Академической группы в Берлине. Берлин, 1923. С. 30-43.

Беляев, 1846 – *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М.: Университетская типография, 1846. 117 с.

Боплан, 1990 – *Боплан Г.Л. де*. Опис України, кількох провінцій Королівства Польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансильванії, разом з їхніми звичаями, способом життя та веденням воєн. К.: Наукова думка, 1990. С. 17-114.

Гольденберг, 1959 – *Гольденберг Л.А.* Картографические источники XVIII в. о военных действиях в 1708–1709 гг. К 250-летию Полтавского сражения. Полтава, 1959. С. 363-388.

Дегтярьов, Осадчий, 2020 – *Дегтярьов С.І., Осадчий Є.М.* Копія «Строенної книги» острогу Кам'яного 1651 р. Київ-Суми: ЦП і УТОПІК, 2020. 119 с.

Звагельський, 1999 – *Звагельський В.Б.* Лосицька дорога // *Сумська старовина*. 1999. № V–VI. С. 37-54.

Зорин, 2018 – *Зорин А.В.* Бакаев шлях // *Белгородская черта*. Сборник статей и материалов по истории Белгородской черты. Белгород: Константа, 2018. Вып. 3. С. 30-42.

Коніва, 2015 – *Коніва Ю.В.* Шляхи сполучення в Слобідській Україні XVIII ст.: проблеми історіографії // *Харківський історіографічний збірник*. 2015. Вип. 14. С. 159-165.

Коніва, 2016 – *Коніва Ю.* Дорожні комунікації на теренах Слобідської України у XVIII ст.: картографічні джерела дослідження // *Каразінські читання (історичні науки): тези доповідей 69-ї міжнародної наукової конференції*. Харків, 2016. С. 148-149.

Коніва, 2019 – *Коніва Ю.В.* Зародження та розвиток суходільних комунікацій на території Слобідської України у XVIII – на початку XIX ст.: автореф. дис. ... канд. істор. наук. Дніпро, 2019. 20 с.

Коротя, Осадчий, 2013 – *Коротя А.В., Осадчий Е.Н.* Лосицкий острог середины XVII в. // *Русский сборник*. Брянск: Курсив, 2013. Вып. 7. С. 167-172.

Кулаковський, 2006 – *Кулаковський П.* Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). К., 2006. 496 с.

- Маркович, 1859** – Дневныя записки генерального подскарбия Якова Марковича. М.: Типография В. Готье, 1859. Ч. 1–2.
- Маркович, 1893** – Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717–1767 гг.). К.: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1895. Ч. 1. 342 с.
- Николаев, 1900** – Николаев А.С. Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений торговых портов в России. СПб.: Тип. М.П.С. т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1900. 372 с.
- Осадчий, 2011** – Осадчий Є.М. Пам'ятки військової історії Північно-Східної Слобожанщини XVII ст. Суми: Джерело, 2011. 238 с.
- Осадчий, 2015** – Осадчий Є.М. Шляхи сполучення Путивльського уділу наприкінці XVI–XVII ст. // *Праці Центру пам'яткознавства*. Збірник наукових праць. К., 2015. Вип. 27. С. 226–234.
- Осадчий, 2016** – Осадчий Є.М. Сторожовий пост Вольнівської ділянки Білгородської засічної смути // *Археологія і фортифікація України*. Збірник матеріалів VI Міжнародної науково-практичної конференції. Кам'янець-Подільський: ПП Буйницький О.А., 2016. С. 244–247.
- Осадчий, 2018a** – Осадчий Є.М. Велика Рильська дорога // *Праці Центру пам'яткознавства*. Збірник наукових праць. К., 2018. Вип. 33. С.100–112.
- Осадчий, 2018b** – Осадчий Є.М. Суходільний маршрут Матвія Ржевського 1556 р. в контексті вивчення шляхів сполучення Путивльського Посейм'я // *Праці Центру пам'яткознавства*. Збірник наукових праць. К., 2018. Вип. 34. С. 209–217.
- Осадчий, Дегтярьов, 2021** – Осадчий Є.М., Дегтярьов С.І. Сагайдачний шлях: від верхов'я Псла до кордонів Речі Посполитої // *Сумська старовина*. 2021. № LIX. С. 5–20.
- Осадчий, Коротя, 2018** – Осадчий Є.М., Коротя О.В. Пам'ятки селітроваріння Південної Сіверщини XVII ст. Харків: Майдан, 2018. 248 с.
- Папков, 2004** – Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII). Белгород: Константа, 2004. 352 с.
- Приймак, 2003** – Приймак В.В. Деякі питання комплексного джерелознавства Путивльського уділу Новгород-Сіверського князівства у XII–XIII ст. // *Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя (I – початку II тис.)*. Збірник наукових праць. Суми, 2003. С. 65–75.
- ПСРЛ, Т. 13** – Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археологическою комиссиею. Том тринадцатый. Первая половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 303 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Россия. Т. 7** – Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 7. Малороссия: [Полтавская, Харьковская и Черниговская губернии]. СПб.: Тип. А.Ф. Девриен, 1903. 517 с.
- Слюсарский, 1964** – Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. Харьков, 1964. 460 с.
- Статейный список, 1850** – Статейный список сотника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова посольства в Крым в 1680 году для заключения Бакчисарайского договора. Одесса: Городская типография, 1850. 302 с.
- Филарет, 1857** – Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. М.: Типография В. Готье, 1857. Отд. III. 604 с.
- Холмогоров, 1885** – Холмогоров В.И. Акты, относящиеся к Малороссии // *Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете*. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1885 г. Апрель–июнь. Книга вторая. С. 1–46.
- Юркевич, 1932** – Юркевич В. Еміграція на схід і залюднення Слобожанщини за Б. Хмельницького. К.: з друкарні ВУАК, 1932. 190 с.
- Degtyarev et al., 2022** – Degtyarev S.I., Osadchij E.M., Gut J. Border Battle: Fighting on the Ukrainian-Moscow Border in 1660–1661 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1). Pp. 25–36.
- Franz, 2009** – Franz M. Piotr Konaszewicz Sahajdaczny – sojusznik czy przeciwnik armii koronnej w pierwszej połowie XVII wieku // *Colloquium Wydziału Nauk Humanistycznych i Społecznych Akademii Marynarki Wojennej*. I. 2009.
- Łukaszewski, 1929** – Łukaszewski A. Pochodzenie Piotra Konaszewicza Sahajdacznego // *Prace Historyczne wydane ku uczczeniu 50-lecia Akademickiego Koła Historyków Uniwersytetu Jana Kazimierza we Lwowie 1878–1928*. Lwów, 1929.
- Osadchij, 2019** – Osadchij E. Fortified Marina on the Land Route from the City of Romny to Konotop in the 17th century // *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. 2019. № 6(2). P. 83–92.

References

Aleppskiy, 1897 – Aleppskiy, P. (1897). Puteshestviye antiokhiyskogo patriarkha Makariya v Rossiyu v polovine XVII veka, opisannoye yego synom, arkhidiakonom Pavlom Aleppskim (po rukopisi Moskovskogo

Glavnogo Arkhiva Ministerstva Inostrannykh Del) [The journey of Patriarch Macarius of Antioch to Russia in the middle of the 17th century, described by his son, Archdeacon Pavel of Aleppo (according to the manuscript of the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs)]. Vypusk vtoroy. (ot Dnestra do Moskvyy). Moscow, 202 p. [in Russian]

AMG, T.1 – Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoyu Akademiyey nauk. Tom 1. Razryadnyy prikaz. 1571–1634 [Acts of the Moscow State, issued by the Imperial Academy of Sciences. Volume 1. Discharge order. 1571–1634]. St. Petersburg, 1890. 767 p. [in Russian]

AMG, T.2 – Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoyu Akademiyey nauk. Tom 2. Razryadnyy prikaz. Moskovskiy stol. 1635–1659 [Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences. Volume 2. Discharge order. Moscow table. 1635–1659]. St. Petersburg, 1894. 773 p. [in Russian]

AMG, T.3 – Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoyu Akademiyey nauk. Tom 3. Razryadnyy prikaz. Moskovskiy stol. 1660–1664 [Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences. Volume 3. Discharge order. Moscow table. 1660–1664]. St. Petersburg, 1901. 674 p. [in Russian]

AYUZR, T.3 – Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannyye i izdannyye arkheograficheskoy komissiyey. 1638–1657 [Acts relating to the history of Southern and Western Russia, collected and published by the archeographic commission. 1638–1657]. St. Petersburg, 1861. T.3. 764 p. [in Russian]

Bagaley, 1887 – *Bagaley, D.I.* (1887). Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva. Izdaniye Imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete [Essays on the history of the colonization of the steppe outskirts of the Moscow State. Publication of the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Moscow, 634 p. [in Russian]

Bagaley, 1890 – *Bagaley, D.I.* (1890). Materialy dlya kolonizatsii i byta stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva Khar'kovskoy i otchasti Kurskoy i Voronezhskoy guberniy [Materials for the colonization and life of the steppe outskirts of the Moscow state of Kharkov and partly Kursk and Voronezh provinces]. Khar'kov. T. 2. 438 p. [in Russian]

Bagrov, 1923 – *Bagrov, L.S.* (1923). Chertezh ukrainskim i cherkasskim gorodam 17-go veka [Drawing of Ukrainian and Cherkasy cities of the 17th century]. *Trudy russkikh uchenykh za granitsey*. Sbornik Akademicheskoy Gruppy v Berline. Berlin. Pp. 30-43. [in Russian]

Belyayev, 1846 – *Belyayev, I.D.* (1846). O storozhevoy, stanichnoy i polevoy sluzhbe na pol'skoy ukraine Moskovskogo gosudarstva do tsarya Alekseya Mikhaylovicha [About guard, stanitsa and field service in the Polish Ukraine of the Muscovite state before Tsar Alexei Mikhailovich]. Moscow, 117 p. [in Russian]

Boplan, 1990 – *Boplan, H.L. de.* (1990). Opys Ukrayiny, kil'kokh provintsiy Korolivstva Pol's'koho, shcho tyahnut'sya vid kordoniv Moskoviyi do hranyts' Transil'vaniyi, razom z yikhnyimi zvychayamy, sposobom zhyttya ta vedennyam voyen [Description of Ukraine, several provinces of the Kingdom of Poland, stretching from the borders of Muscovy to the borders of Transylvania, along with their customs, way of life and warfare]. Kyiv. Pp. 17-114. [in Ukrainian]

Degtyarev et al., 2022 – *Degtyarev, S.I., Osadchij, E.M., Gut, J.* (2022). Border Battle: Fighting on the Ukrainian-Moscow Border in 1660–1661. *Bylye Gody*. 17(1): 25-36. [in Russian].

Degtyarev, Osadchij, 2020 – *Degtyarev, S.I., Osadchij, Ye.M.* (2020). Kopiya «Stroennoy knyhy» ostrohu Kam'yanoho 1651 r. [Copy of the "Building Book" of the Stone Jail in 1651]. Kyiv-Sumy: TSP i UTOPIK, 119 p. [in Ukrainian]

Filaret, 1857 – *Filaret* (1857). Istoriko-statisticheskoye opisaniye Khar'kovskoy yeparkhii [Historical and statistical description of the Kharkiv diocese]. Moscow, Otd. III. 604 p. [in Russian]

Franz, 2009 – *Franz, M.* (2009). Piotr Konaszewicz Sahajdaczny – sojusznik czy przeciwnik armii koronnej w pierwszej polowie XVII wieku [Piotr Konaszewicz Sahajdaczny – an ally or opponent of the Crown Army in the first half of the 17th century]. *Colloquium Wydziału Nauk Humanistycznych i Społecznych Akademii Marynarki Wojennej*. I. [in Polish]

Gol'denberg, 1959 – *Gol'denberg, L.A.* (1959). Kartograficheskiye istochniki XVIII v. o voyennykh deystviyakh v 1708–1709 gg. K 250-letiyu Poltavskogo srazheniya [Cartographic sources of the XVIII century on military operations in 1708–1709. To the 250th anniversary of the Poltava battle]. Poltava. Pp. 363-388. [in Russian]

Kholmogorov, 1885 – *Kholmogorov, V.I.* (1885). Akty, odnosyashchiesya k Malorossii [Acts related to Little Russia]. *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete*. Moscow, 1885. April'-iyun'. Kniga vtoraya. Pp. 1-46. [in Russian]

Koniva, 2015 – *Koniva, Yu.V.* (2015). Shlyakhy spoluchennya v Slobids'kiy Ukrayini XVIII st.: problemy istoriografii [Ways of communication in Slobidska Ukraine of the XVIII century: problems of historiography]. *Kharkivs'kyi istoriografichnyy zbirnyk*. 14: 159-165. [in Ukrainian]

Koniva, 2016 – *Koniva, Yu.* (2016). Dorozhni komunikatsiyi na terenakh Slobids'koyi Ukrayiny u XVIII st.: kartografichni dzherela doslidzhennya [Road communications in the territory of Slobidska Ukraine

in the XVIII century: cartographic sources of research]. *Karazins'ki chytannya (istorychni nauky): tezy dopovidey 69-yi mizhnarodnoyi naukovoyi konferentsiyi*. Kharkiv. Pp. 148-149. [in Ukrainian]

Koniva, 2019 – *Koniva, Yu.V.* (2019). Zarozhennya ta rozvytok sukhodil'nykh komunikatsiy na terytoriyi Slobids'koyi Ukrayiny u XVIII – na pochatku XIX st. [Origin and development of land communications on the territory of Slobidska Ukraine in the XVIII – early XIX centuries]: avtoref. dys. ... kand. istor. nauk. Dnipro. 20 p. [in Ukrainian]

Korotyа, Osadchyy, 2013 – *Korotyа, A.V., Osadchyy, Ye.N.* (2013). Lositskiy ostrog serediny XVII v. [Lositsky ostrog in the middle of the 17th century]. *Russkiy sbornik*. Bryansk. Vyp. 7. Pp. 167-172. [in Russian]

Kulakovs'kyi, 2006 – *Kulakovs'kyi, P.* (2006). Chernihovo-Sivershchyna u skladi Rechi Pospolytoyi (1618–1648) [Chernihiv-Sivershchyna as part of the Polish-Lithuanian Commonwealth (1618–1648)]. Kyiv, 496 p. [in Ukrainian]

Lukaszewski, 1929 – *Lukaszewski, A.* (1929). Pochodzenie Piotra Konaszewicza Sahajdacznego [The origin of Piotr Konaszewicz Sahajdaczny]. *Prace Historyczne wydane ku uczczeniu 50-lecia Akademickiego Kola Historyków Uniwersytetu Jana Kazimierza we Lwowie 1878–1928*. Lwów. [in Polish]

Markovich, 1859 – Dnevnyya zapiski general'nogo podskarbiya Yakova Markovicha [Day notes of the general treasurer Yakov Markovich]. Moscow, 1859. Ch. 1-2. [in Russian]

Markovich, 1893 – Dnevnik general'nogo podskarbiya Yakova Markovicha (1717-1767 gg.) [Diary of the general treasurer Yakov Markovich (1717-1767)]. Pod red. Al. Lazarevskogo. Kyiv, 1895. Ch. 1. 342 p. [in Russian]

Nikolayev, 1900 – *Nikolayev, A.S.* (1900). Kratkiy istoricheskiy ocherk razvitiya vodyanykh i sukhopotnykh soobshcheniy torgovykh portov v Rossii [A brief historical outline of the development of water and land communications of commercial ports in Russia]. St. Petersburg, 372 p. [in Russian]

Osadchyy, 2019 – *Osadchyy, E.* (2019). Fortified Marina on the Land Route from the City of Romny to Konotop in the 17th century. *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. 6(2): 83-92. [in Russian]

Osadchyy, Degtyarev, 2021 – *Osadchyy, Ye.M., Degtyarev, S.I.* (2021). Sahaydachnyy shlyakh: vid verkhov'ya Psla do kordoniv Rechi Pospolytoyi [Sagaydachny road: from the top of the Psel river to the border of the Polish-Lithuanian commonwealth]. *Sumska starovyna*. LIX: 5-20. [in Ukrainian]

Osadchyy, 2011 – *Osadchyy, Ye.M.* (2011). Pam'yatky viys'kovoyi istoriyi Pivnichno-Skhidnoyi Slobozhanshchyny XVII st. [Monuments of military history of the North-Eastern Slobozhanshchina of the XVII century]. Sumy, 238 p. [in Ukrainian]

Osadchyy, 2015 – *Osadchyy, Ye.M.* (2015). Shlyakhy spoluchennya Putyvl's'koho udilu naprykintsy XVI – XVII st. [Ways to connect the Putivl share in the late XVI–XVII centuries]. *Pratsi Tsentru pam'yatkoznavstva*. Zbirnyk naukovykh prats'. Kyiv. Vyp. 27. Pp. 226-234. [in Ukrainian]

Osadchyy, 2016 – *Osadchyy, Ye.M.* (2016). Storozhovyy post Vol'nivs'koyi dilyanky Bilhorods'koyi zasichnoyi smuhy [Watchtower of the Volnivka section of the Belgorod notched strip]. *Arkeolohiya i fortifikatsiya Ukrayiny*. Zbirnyk materialiv VI Mizhnarodnoyi nauково-praktychnoyi konferentsiyi. Kam'yanets'-Podil's'kyi. Pp. 244-247. [in Ukrainian]

Osadchyy, 2018a – *Osadchyy, Ye.M.* (2018). Velyka Ryl's'ka doroha [Great Rylsk Road]. *Pratsi Tsentru pam'yatkoznavstva*. Zbirnyk naukovykh prats'. Kyiv. Vyp. 33. Pp. 100-112. [in Ukrainian]

Osadchyy, 2018b – *Osadchyy, Ye.M.* (2018). Sukhodil'nyy marshrut Matviya Rzhevs'koho 1556 r. v konteksti vyvchennya shlyakhiv spoluchennya Putyvl's'koho Poseym'ya [The land route of Matviy Rzhevsky in 1556 in the context of studying the ways of connecting the Putivl Poseimye]. *Pratsi Tsentru pam'yatkoznavstva*. Zbirnyk naukovykh prats'. Kyiv. Vyp. 34. Pp. 209-217. [in Ukrainian]

Osadchyy, Korotyа, 2018 – *Osadchyy YE.M., Korotyа O.V.* Pam'yatky selitrovarinnya Pivdennoyi Sivershchyny XVII st. [Monuments of salt-making of the Southern Sivershchyna of the XVII century]. Kharkiv, 2018. 248 s. [in Ukrainian].

Papkov, 2004 – *Papkov, A.I.* (2004). Porubezh'ye Rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoy (konets XVI – pervaya polovina XVII) [Border of the Russian Empire and the Ukrainian lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth (the end of the 16th – the first half of the 17th century)]. Belgorod, 352 p. [in Russian]

Pryymak, 2003 – *Pryymak, V.V.* (2003). Deyaki pytannya kompleksnoho dzhereloznavstva Putyvl's'koho udilu Novhorod-Sivers'koho knyazivstva u XII–XIII st. [Some issues of complex source studies of the Putivl part of the Novgorod-Siversky principality in the XII-XIII centuries]. *Arkeolohiya ta istoriya Pivnichno-Skhidnoho Livoberezhzhya (I – pochatku II tys.)*. Zbirnyk naukovykh prats'. Sumy. Pp. 65-75. [in Ukrainian]

PSRL, T. 13 – Polnoye sobraniye russkikh letopisey izdannoye po Vysochayshemu poveleniyu Imperatorskoyu Arkheograficheskoyu komissiyeyu. Tom trinadtsatyy. Pervaya polovina. VIII. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Pariarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [The Complete Collection of Russian Chronicles published by the Highest Command of the Imperial Archaeographic Commission. Volume thirteen. First half. VIII. Annalistic collection, called the Patriarchal or Nikon chronicle]. St. Petersburg, 1904. 303 p. [in Russian]

RGADA – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

RGVIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive].

Rossiya, T.7 – Rossiya. Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego Otechestva: nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey. T.7. Malorossiya: [Poltavskaya, Khar'kovskaya i Chernigovskaya gubernii] [A complete geographical description of our Fatherland: a desktop and travel book for Russian people. T.7. Little Russia: [Poltava, Kharkov and Chernigov provinces]. St. Petersburg, 1903. 517 p. [in Russian]

Slyusarskiy, 1964 – *Slyusarskiy, A.G.* (1964). Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Slobozhanshchiny XVII–XVIII vv. [Socio-economic development of the Sloboda region in the 17th–18th centuries]. Khar'kov, 460 p. [in Russian]

Stateyny spisok, 1850 – Stateyny spisok sotnika Vasiliya Tyapkina i d'yaka Nikity Zotova posol'stva v Krym v 1680 godu dlya zaklyucheniya Bakchisarayskogo dogovora [Article list of centurion Vasily Tyapkin and deacon Nikita Zotov of the embassy to the Crimea in 1680 for the conclusion of the Treaty of Bakchisaray]. Odessa, 1850. 302 p. [in Russian]

Yurkevych, 1932 – *Yurkevych, V.* (1932). Emihratsiya na skhid i zalyudnennya Slobozhanshchyny za B. Khmel'nyts'koho [Emigration to the east and the population of Slobozhanshchyna under B. Khmelnytsky]. Kyiv, 190 p. [in Ukrainian]

Zorin, 2018 – *Zorin, A.V.* (2018). Bakayev shlyakh [Bakaev way]. *Belgorodskaya cherta*. Sbornik statey i materialov po istorii Belgorodskoy cherty. Belgorod. Vyp. 3. Pp. 30-42. [in Russian]

Zvahel's'kyu, 1999 – *Zvahel's'kyu, V.B.* (1999). Losyts'ka doroha [Losytska road]. *Sums'ka starovyna*. V–VI. Pp. 37-54. [in Ukrainian]

Региональная система сухопутных дорог Путивльского уезда в XVII веке

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Евгений Николаевич Осадчий ^c, Шолпан Арапбаевна Забих ^d

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Институт прикладной физики Национальной академии наук Украины, Сумы, Украина

^d Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования и функционирования сухопутных путей сообщения в южной части Путивльского уезда в XVII веке. Авторами проанализировано значительное количество письменных и изобразительных источников и предложены варианты прохождения маршрутов известных в то время дорог. В конце XVI века Путивль играл важную роль в организации сторожевой и пограничной службы на границе с незаселенными степными участками Дикого поля. В это время дорог в современном понимании этого термина в исследуемом регионе не существовало. В актовых документах оговаривалось общее направление движения сторож и указывались места переправ через реки.

В середине XVII века в пограничных с Речью Посполитой регионах появилось несколько крепостей, расположенных далеко от заселенных территорий Московии. Их жизнь прямо зависела от поставок продовольствия и военных припасов. В это время увеличивается нагрузка на старые дороги, а также идет формирование примитивной дорожной сети между этими городами. Эти дороги не были оборудованы инженерными и гидротехническими сооружениями, а их пропускная способность и удобство передвижения оставались на примитивном уровне.

Вторая половина XVII века ознаменовалась изменениями в административном устройстве региона. Украинские переселенцы начали формировать качественно новую систему путей сообщения. Дорожная сеть была улучшена, а у городов и крупных сел появилась возможность принимать ватаги купцов, приехавших из отдаленных регионов. В этих населенных пунктах стали появляться ярмарки, на которые приезжали купцы из Речи Посполитой, Литвы и Гетманской Украины. Строительство новой дорожной сети позволило городам Слободской Украины быстро интегрироваться в экономическую торговую модель Восточной Европы.

Ключевые слова: Путивльский уезд, Московское царство, Слободская Украина, Алешня, Ахтырка, Сумы, сухопутная дорожная сеть, вооруженный конфликт, война, XVII век.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 571-580
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.571

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Politics and the Role of the House of Romanov in the Development of Military Physical Training, Sports and the Olympic Movement in Russia: XVII – early XX centuries

Nina M. Pestereva ^{a, b, *}, Mariya Yu. Belyakova ^a

^a Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

^b Harbin International Sports Cooperation and Exchange Association, Harbin, China

Abstract

The article discusses various aspects of the influence of the internal policy of the House of Romanov on social relations, the formation of the physical and moral health of the population on the example of the military-physical training of the personnel of the Russian army and the development of the ideas of Olympism in pre-revolutionary Russia. Even Peter the Great, in need of like-minded people who were strong not only in spirit, but also in body, adhered to a demanding attitude towards the physical form of his officers. Representatives of the ruling House of Romanov not only formed the state policy of the physical development of the population of the Russian Empire, but also patronized the development of sports, sports organizations, clubs, personally took part in the Olympic Games. Sports and sports traditions are one of the components of the diversity of our cultural heritage. Russian athletes have made a great contribution to the modern development of Olympism, Russian Olympic sport occupies a leading position in the sports world. However, high performance sports cannot emerge in a vacuum. Worthy positions of any country in the world of Olympic sports are based on national historical, cultural, ethnic, social characteristics. The purpose of this study is to analyze the state policy and the contribution of the Romanov dynasty to the creation and development, based on the historically established practice of military physical education of the Russian army, not only amateur, professional and mass Russian sports, but also in Russia's participation in the development of Olympism. Modern life cannot be imagined without sport, which has become an important area of social policy. It is all the more interesting to turn to the origins of the sports movement and pay tribute to the memory of its initiators and organizers.

Keywords: House of Romanovs, military physical training, Olympic Games, sports, sports organizations, Olympism.

1. Введение

Сегодня история и настоящее олимпийского спорта являются одними из популярных направлений как медийных источников, так и научных исследований (Бубка, 2021: 94; Демерт, 2005). В наше время спорт является неотъемлемой частью жизни представителей современного социума, а вершиной этого спорта являются Олимпийские игры (Анохин, 2013: 4).

Существует версия, что одним из побудительных мотивов возрождения Олимпийских игр явилось поражение Франции во Франко-прусской войне 1870–1871 гг. Согласно мнению Пьера де Кубертена, решающую роль в поражении Франции сыграло слабое физическое здоровье французских войск. Ввиду этого де Кубертен полагал, что Олимпийские игры могли бы изменить данное положение путем введения военно-физической подготовки во Франции. Однако в некоторых исторических хрониках факт несомненного приоритета француза де Кубертена в возрождении древних греческих Олимпийских игр ставится под сомнение (История..., 2022). Реальными же

* Corresponding author

E-mail addresses: pnm_o6@mail.ru (N.M. Pestereva), mbeliakova@ranepa.ru (M.Yu. Belyakova)

предшественниками современных Олимпийских игр являлись греческие «Олимпиады» – спортивные игры, которые регулярно проводились в Греции в период 1859–1889 гг. Мысль о возрождении Олимпийских игр в Греции принадлежала греческому поэту Панайотису Суцосу, а воплотил ее в реальность Евангелис Запас – греческий общественный деятель, филантроп и бизнесмен. По сведениям из многочисленных источников, Е. Запас являлся одним из первых организаторов и спонсоров современных Олимпийских игр. Он спонсировал Олимпийские игры 1859, 1870, 1875, 1888, 1889 годов, частично восстановил античные и построил новые спортивные сооружения за счет собственных средств ([Шесть личностей, 2022](#)).

Во Франции в Сорбонне 23 июня 1894 года прошел Международный конгресс по проблемам физического воспитания, в котором участвовали представители 12 стран. Участниками конгресса было принято решение о создании Международного олимпийского комитета для проведения «Международных Олимпийских игр». Первым президентом МОК стал грек Деметриус Викелас (МОК–1894). Он исполнял обязанности президента МОК до окончания «Первых Олимпийских игр – 1896». Генеральным секретарем МОК был избран барон Пьер де Кубертен ([Рисунок 1](#)). Созданию МОК–1894 предшествовали три основные предпосылки: спортивная (существующая во многих странах военно-спортивная или военно-физическая подготовка, а также развивающийся любительский спорт), историческая (возрождение Грецией современных «Олимпийских игр Древней Греции»), политическая (поражение Франции в войне с Германией). Однако, по мнению авторов статьи, существовала еще одна достаточно важная предпосылка – экономическая. В конечном итоге МОК–1894 создал крупнейший финансовый и политический международный спортивный проект – Олимпийские игры.

Как показывают многочисленные исследования историков, археологов и социологов, основанные на реальных исторических событиях, доминирующая роль в создании и развитии национальных государств отводится родовой знати, господствующим классам, национальным элитам и отдельным «историческим личностям» ([Гориневский, 1913: 83](#); [Дивинская, 2010: 119](#); [Наставление..., 1879: 17](#), [FB U 53/470](#); [Чувардин, 2009: 181; 2018: 39](#)).

Рис. 1. Члены первого Международного олимпийского комитета (1894 г.). На снимке: крайний слева за столом – генеральный секретарь МОК, барон Пьер де Кубертен; в центре за столом – первый президент МОК, греческий поэт и коммерсант Деметриус Викелас; крайний справа – член комитета МОК, генерал русской императорской армии Алексей Дмитриевич Бутовский

В период феодальной раздробленности на Руси (XII–XIV вв.), а также в русском централизованном государстве (XV–XVII вв.) физическое воспитание носило военную направленность и распространялось только на аристократию. Причина этому была в многочисленных войнах, которые и предьявляли требования к военной службе в княжеских дружинах, поместных войсках (XV в.), в «стрелецких» и «городовых» полках (XVI в.). Как правило, командовали такими войсками отпрыски княжеских, боярских и дворянских фамилий. Их заранее готовили к воинской службе, а поскольку главным родом войск в то время была кавалерия, то в воспитании аристократии

важное значение отводилось верховой езде, конному спорту и конной охоте (Герд, 1900: 115; Инструкция..., 1889: 43, FB A 185/111; Лесгафт, 1888: 15; Олсуфьев, 1896: 164).

В I Олимпийских играх 1896 г. (Греция, Афины) Россия, к сожалению, участие не принимала, так как первый российский представитель в МОК (с 1894 по 1900 г.), чиновник по особым поручениям V класса при Главном управлении военно-учебных заведений генерал-майор А.Д. Бутовский не подготовил сборную олимпийскую команду. Это случилось, скорее всего, не только по причине, связанной с личностью Александра Дмитриевича, но и, вполне возможно, из-за отсутствия государственного финансирования участия спортсменов в Олимпийских играх и опыта работы с меценатами. К сожалению, Россия не приняла участие в этих Олимпийских играх еще и по причине отсутствия регистрации в МОК–1894 «Национального Олимпийского комитета России». В соответствии с Хартией Олимпийских игр, утвержденной МОК (Олимпийская Хартия МОК, 2019), к Играм официально допускались только те страны, в которых были созданы национальные олимпийские комитеты (НОК). На момент начала проведения «I Олимпийских игр–1896» (ЮИ–1896) Российский олимпийский комитет (РОК) не был создан. В 1900 г. А. Бутовский уходит в отставку с поста представителя России в МОК.

Членами МОК от России в последующие годы были князь С.К. Белосельский-Белозерский (1900–1908) – генерал русской армии, меценат клуба «Спорт» (Петербург); граф Г.И. Рибоьер (1900–1913) – президент Санкт-Петербургского атлетического общества; князь С.А. Трубецкой (1908–1910); князь Л.В. Урусов (1910–1913); Г.А. Дюперон (1913–1915) – председатель Петербургского общества содействия физическому развитию учащейся молодежи (Суник, 2004, Трубецкой, 1991). Целью данной работы является анализ политики и роли Дома Романовых в организации на основе существующей в стране практики военно-спортивного воспитания офицерского корпуса и личного состава российской армии создания и развития любительского, профессионального и массового спорта, а также участия России в возрождении и развитии современного олимпийского движения.

2. Материалы и методы

В работе использованы следующие группы исторических источников:

- архивные документы центральных архивохранилищ Российской Федерации – Российского государственного исторического архива и Российского государственного военно-исторического архив, часть из которых впервые вводится в научный оборот;

- материалы периодической печати. К ним мы относим периодические издания, такие как «Русский спорт», «Всероссийский календарь спорта», «Красота и сила» и др.

Исследование проводилось на основе общеисторических методов, таких как ретроспективный анализ (описание последовательности событий), дескриптивный (описание исторических событий), сравнительно-исторический анализ (сопоставление событий и явлений), контент-анализ (формализация исторических текстов). Авторы следовали основным общеисторическим принципам: объективности (рассмотрение явления или события в полном соответствии с текстом источника) и историзма (оценка мотивов поступков и действий исторических личностей).

3. Обсуждение и результаты

В России процесс интеграции физического воспитания в школьную систему образования был заложен еще Петром I, который 17 апреля 1721 г. подписал Указ «Об открытии епархиальной школы (для дворянской молодежи)», согласно которому в данной епархиальной школе было предусмотрено преподавание фехтования, гребли, передвижения по корабельным снастям и т.д. (Рождественский, 1910). Спустя 5 лет, в 1796 г., императрица Екатерина I подписала Указ «О регламентации кулачных боев», в котором прописывались правила таких спортивных состязаний (Эйхман, 2008). Подобные преобразования проводились и позднее (Дивинская, 2010), в том числе и в военных учебных заведениях – кадетских корпусах (Устав, 1804; Россия. Военные уставы и наставления, 1879; Инструкция..., 1889).

В первой половине XVIII в. в вопросе физического воспитания в России доминировали стандарты немецких кадетских корпусов, однако позднее, при Екатерине II, они были заменены французскими стандартами (Екатерина II, 1766).

В 1816 г. по распоряжению императора Александра I в России было открыто первое военно-спортивное учебное заведение – фехтовальная школа в составе отдельного Гвардейского корпуса. В середине XIX в. (1859 г.) Военным ведомством были выпущены «Правила для обучения гимнастике в войсках» и другие аналогичные документы (Правила для обучения..., 1859). Спустя несколько лет были приняты меры по кадровой подготовке персонала – Положение «Об открытии курсов для подготовки руководителей гимнастики и фехтования в Армии» (1863 г.). Примерно в это же время гимнастика как дисциплина была введена и в программу учительских семинарий, а Министерство народного просвещения издало циркуляр «Об указании выпускникам учительских семинарий умение преподавать гимнастику и в аттестатах вносить оценку за овладение преподаванием гимнастики» (Эйхман, 2008).

В 1880–1890-е гг. в мире начинают создаваться международные спортивные федерации. Так, например, в 1881 г. была создана федерация гимнастов, в 1892 г. – федерации гребцов и конькобежцев. Это способствовало проведению первых международных чемпионатов, и спорт начал становиться одним из главных элементов межгосударственного общения. В это же время в России начинает складываться российская система физического воспитания (Лесгафт, 1888). Начинают развиваться такие виды спорта, как легкая и тяжелая атлетика, борьба, большой теннис, парусный, конькобежный и велосипедный спорт. Это не замедлило отразиться и на появлении первых чемпионов мира (Н. Струнников – конькобежный спорт, П. Заковорот – фехтование, в велосипедном спорте достигли вершин С. Уточкин и А. Бутыжкин и многие другие).

В дореволюционной России олимпийское движение зародилось как инициатива частных лиц, но затем обрело и поддержку престола. Император Николай II взял под свое покровительство подготовку российской сборной к V Олимпийским играм. В 1912 году Российская империя отправила в Стокгольм 178 человек, которые выступали почти во всех видах спорта. Для комфортного размещения российских олимпийцев был арендован круизный лайнер, спортсмены размещались в двухместных каютах, обеспечивались питанием, им была предоставлена возможность для тренировок. На Стокгольмской олимпиаде было несколько нововведений: впервые использовался фотофиниш и электронные часы. В то же время следует отметить, что в стрельбу входила такая дисциплина, как стрельба «по подкидываемым голубям». С современной точки зрения такая олимпийская дисциплина «является абсолютно безнравственной», но это исторический факт.

Несмотря на комфортные условия и полное финансирование проекта императорской семьей, российская команда, к сожалению, не оправдала возложенных на нее надежд: не было завоевано ни одной «золотой» медали. В среднем весе «серебро» завоевал борец Мартин Клейн, еще две «серебряные» медали команда получила по стрельбе из «дуэльного пистолета», третье место досталось в стрельбе «по подбрасываемым голубям». На «V ОИ–1912» в Стокгольме российская команда атлетов заняла 18-е место. Естественно, что такие результаты были признаны правящим Домом Романовых и спортивной общественностью явно неудовлетворительными (Финогенова, 1995).

После этого конфуза представителями Дома Романовых, курирующими развитие физической культуры и спорта, разрабатываются рекомендации и предложения по формированию «новой» олимпийской политики. Результатом явилось решение Николая II о ежегодном проведении Российской олимпиады (Анохин, 1913; Вешке, 1913). Главные задачи РО: 1 – развитие и распространение идей олимпизма в России; 2 – подготовка российских спортсменов и тренеров для участия в следующих Олимпийских играх (Дюперрон, 1913). Первым городом, где планировали в 1913 г. провести «пробную мобилизацию всех русских спортивных сил», стал Киев. Было принято решение о превращении спорта в часть национальной политики как в области реализации национальных интересов на международной арене, так и в области общего «оздоровления населения» («физического воспитания»). Вполне понятно, что такое предложение имело и очевидный «военный контекст»: в данный отрезок времени реализовывалась «малая военная программа» и спорт становился одним из инструментов повышения боеспособности личного состава императорской армии (мир стоял на пороге новой большой войны). Результатом принятого решения стала проведенная в 1913 г. в Киеве I Российская олимпиада (Олимпийский комитет, 1911).

После неудачных в целом выступлений на I–V Олимпийских играх (1896–1912 гг.) и детального анализа причин, развитие спорта во всем его многообразии – от военно-спортивной подготовки личного состава российской армии, разработки программ физического воспитания и физической культуры в военных и гражданских учебных заведениях, создания государственных программ физического развития народонаселения Российской империи, разработки и развития теоретико-методологических основ физической культуры и спорта; создания современных программ подготовки преподавателей и тренеров, условий для развития любительского, профессионального и массового спорта, общественных всероссийских и региональных спортивных сообществ, союзов, клубов по разным видам спорта и до разработки системы государственного финансирования спорта и привлечения спонсоров – становится частью национальной политики России, возглавляемой Домом Романовых (Белоков, 2015: 138).

Спорт становится частью национальной политики, и своим распоряжением император Николай II назначает В.Н. Воейкова «главным наблюдающим за физическим развитием народонаселения Российской империи». В.Н. Воейков отвечает на государственном уровне за планирование, организацию и реализацию политики Дома Романовых в сфере спорта, военно-физической подготовки, развития спортивного образования, олимпийского движения, повышения социальной роли физической культуры и спорта в России (Основная и общая программа..., 1914: 44).

Торжественное открытие Первой российской олимпиады (ПРО) состоялось 20 августа 1913 г. На церемонии присутствовало примерно 10 тыс. зрителей и около 600 участников из 15 спортивных организаций и 20 городов империи (Отчет, 1913а; Отчет, 1913б; Отчет, 1913с). Программа соревнований включала в себя легкую и тяжелую (гири) атлетику, борьбу, велосипедный спорт, плавание, гимнастику, фехтование и другие виды спорта, включая мотоспорт. ПРО находилась под патронажем российского императорского дома. К примеру, подготовку и проведение соревнований

курировал великий князь Дмитрий Павлович Романов – сын великого князя Павла Александровича, внук Александра II, двоюродный брат императора Николая II. Он также участвовал в ПРО как спортсмен – на скачках в индивидуальном и командном первенствах (Князь..., 1912).

Благодаря активной благотворительной деятельности женской половины Дома Романовых, многие российские аристократы стали также активно заниматься как спортом, так и благотворительностью. Например, князь Сергей Белосельский-Белозерский был страстным спортсменом, одним из основателей Санкт-Петербургского спортивного клуба и оказывал значительное влияние на развитие гребного и парусного спорта. Граф Георгий Иванович Рибопьер также не только сам активно занимался спортом, но и по примеру императорской семьи был великим меценатом и организатором отечественного спорта. Вложив в развитие спорта более 100 тыс. руб. собственных денег, он основал Санкт-Петербургское атлетическое общество, развивал конный спорт, в течение 13 лет (1900–1913) также представлял Россию в Международном олимпийском комитете. Основанное графом Г. Рибопьером Атлетическое общество при его постоянной материальной поддержке воспитало не один десяток прославленных чемпионов – борцов и тяжелоатлетов, которым впоследствии рукоплескал весь мир. Многие наши знаменитые атлеты – «самородки» – И. Поддубный, Г. Гаккеншмидт, В. Пытлясинский – получали материальную поддержку и возможность участвовать в международных соревнованиях только благодаря средствам графа Г.И. Рибопьера. Князя С. Трубецкой и Л. Урусов также активно занимались развитием спорта и благотворительностью (Трубецкой, 1991: 221; Московский..., 2016).

Среди призов Первой российской олимпиады были призы, учрежденные такими государственными деятелями, как император Николай II, великий князь Д.П. Романов, генерал Воейков и другие. Помимо этого, были призы, утвержденные городами (например, несколько призов предоставил Киев), организациями (Общество поощрения всех видов охоты, газета «Южная копейка», Императорское юго-западное общество). Это свидетельствует о том, что представители Дома Романовых во главе с Николаем II не только поддерживали развитие военно-спортивного направления для укрепления физического состояния офицерского и личного состава армии, но и уделяли личное внимание развитию массового спорта, олимпийского движения, а также учреждали именные призы и, как правило, лично вручали их чемпионам и призерам. 4 августа 1913 г. в последний день Первой российской олимпиады – состоялась торжественная церемония награждения призами победителей. Процедуру награждения осуществлял Е.И.В. великий князь Дмитрий Павлович (Отчет, 1913с.; Первая РО, 1913).

Первые российские спортивные федерации и союзы начали создаваться в Российской империи практически сразу после отмены крепостного права. И хотя на рубеже XIX–XX веков спорт еще не играл заметной роли в жизни общества, в стране нашлись частные попечители, уже тогда осознавшие его социальную значимость и приложившие немалые финансовые и организационные усилия для его пропаганды и поддержки. Среди таких попечителей были известные меценаты Морозовы, председатель Московского купеческого банка Г.А. Крестовников, князь П.Д. Львов, князь П.Г. Волконский, барон М.С. Кистер и другие филантропы, в том числе из ближайшего окружения императорской семьи. Под их руководством создавались и работали разнообразные спортивные лиги и союзы. Так, например, в 1895 г. был создан Всероссийский лыжный союз, в 1907 г. – Всероссийский союз лаун-теннисных клубов, в 1908 г. – Всероссийский союз гребных обществ, а в 1909 г. – Всероссийский конькобежный союз. В 1910 г. было создано в России Генеральное спортивное агентство по конному спорту. В 1911 г. создана Всероссийская лига студенческого спорта. В 1912 г. создаются всероссийские футбольный и парусный союзы. В год 300-летия Дома Романовых (1913 г.) созданы сразу три всероссийских союза (атлетический, любителей легкой атлетики и союз стрелковых обществ), а в 1914 г. еще два союза – пловцов и хоккейных клубов. Все это способствовало подготовке к очередным Олимпийским играм (Устав Азовско-Донского, 1912).

Результатом предпринятых Домом Романовых мер по формированию всероссийских спортивных союзов, объединений, способствующих развитию спорта, явилось создание и региональной спортивной инфраструктуры, например в Ростовской области (Братолобова, 2021; Спорт..., 1914).

4. Заключение

Зарождение и развитие спорта, включая олимпийское движение, являлось одним из ключевых элементов развития социальной жизни России на рубеже XVII–XX вв. Отечественный спорт зарождался и формировался под воздействием множества факторов как объективных, так и субъективных: исторических, религиозных, социально-экономических, культурологических, политических. основополагающим фактором развития современного любительского, профессионального и массового спорта в России еще со времен формирования российской государственности была государственная политика правящей династии, направленная, прежде всего, на поддержание высокого уровня военно-физической подготовки и «боевого духа» офицерского и личного состава армии. Эти традиции не только сохранялись в период от создания первых

московских княжеств до Российской империи начала XX в., но и трансформировались на основе новых социальных, демографических, экономических, политических и военно-технических условий.

Под руководством Дома Романовых, включая первых лиц государства, успешно развивались не только военно-спортивные направления, включающие разработку отечественной модели физического воспитания, но и была создана современная для того времени (XVIII–XIX вв.) многоуровневая модель образования (от приходских училищ до университетов). Законодательно внедряются занятия по физической подготовке не только в военных лицеях и училищах, но и в гражданских образовательных учреждениях; разрабатывается и внедряется политика поддержки и развития спорта, спортивных организаций и союзов, объединяющих различные виды спорта.

В конце XIX – начале XX вв. спорт становится частью национальной политики: Николай II своим указом в 1913 году создает новый государственный орган управления – «Канцелярию главного наблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи», руководителем которого назначается известный представитель аристократического рода, представитель императорской гвардии, генерал-лейтенант В.Н. Воейков.

По мнению авторов, трудно переоценить вклад Дома Романовых и в развитие олимпизма в России. Представитель России генерал-майор царской армии А.Д. Бутовский был приглашенным членом первого Международного олимпийского комитета. Члены Дома Романовых непосредственно лично участвовали в Олимпийских играх (князь Дмитрий Павлович Романов). По распоряжению Николая II были организованы и проведены Первая и Вторая российские олимпиады.

Представители Дома Романовых также активно занимались различными видами спорта: Петр I (шахматы, бильярд, яхтинг), Анна Иоанновна и Елизавета Петровна (охота и стрельба), Екатерина II (верховая езда), Николай II (велоспорт, теннис, гребля на байдарке, яхтинг) и др. ([Спортивные увлечения..., 2018](#)). Романовы активно занимались благотворительной деятельностью, были учредителями именных призов за высокие спортивные достижения, лично присутствовали на церемонии награждения и вручали призы, занимались законотворческой деятельностью, поощряющей создание всероссийских спортивных и региональных союзов и военно-спортивных клубов. Следует отметить, что в 1913 году отмечалось 300-летие Дома Романовых и Первая российская олимпиада явилась своеобразным «отчетом» реализации политики правящего дома по развитию олимпийского движения в России.

Но впереди Россию и Дом Романовых ожидали очень тяжелые времена и непредсказуемые события. Однако вклад Николая II и представителей Дома Романовых в развитие не только военно-спортивной подготовки российской армии, но и в развитие физической культуры, спорта, спортивного образования, участие России в олимпийском движении, учреждение всероссийских спортивных союзов, создание нормативной базы и благоприятных условий для развития любительского, профессионального и массового спорта, спорта высоких достижений должен быть достойно оценен нами, гражданами современной России.

Литература

- [Анохин, 2013](#) – Анохин А.К. К предстоящей Российской Олимпиаде в г. Киеве // *Русский спорт*. 1913. № 26. С. 4.
- [Белюков, 2015](#) – Белюков Д.А. Физическое воспитание в российской школе в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник архивиста*. 2015. № 3. С. 138-153.
- [Бубка, Булатова, 2021](#) – Бубка С.Н., Булатова М.М. Олимпизм и история спорта // *Наука и спорт: современные тенденции*. 2014. 2(3). С. 94-108.
- [Вешке, 1913](#) – Вешке А.А. Первая Российская Олимпиада // *Русский спорт*. 1913. № 33. С. 5-6.
- [Воейков, 1995](#) – Воейков И.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего Дворцового коменданта Государя Императора Николая II. М.: Военное издательство, 1995. 431 с.
- [Герд, 1900](#) – Герд И.Я. Легкая атлетика и атлетические игры для войск, военных и юнкерских училищ и старших. Исторический обзор регламентации воспитания и обучения в высших военно-учебных заведениях от основания первых военных школ до последнего времени // *Военный сборник*. 1900. № 1. С. 115-139.
- [Гориневский, 1913](#) – Гориневский В.В. Физическое образование. СПб., 1913. 83 с.
- [Деметер, 2005](#) – Деметер Г.С. Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. М.: Изд-во «Советский спорт», 2005 (ПИК ВИНТИ). 322 с.
- [Дивинская, 2010](#) – Дивинская Е.В. Физическая культура и спорт России с древнейших времен до начала XX века [учеб. пособие]. Волгоград: ВГАФК, 2010. 119 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/02000014755> (дата обращения: 06.02.2022).
- [Инструкция..., 1889](#) – Инструкция для преподавания гимнастики в мужских учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения. Неофиц. изд. Казань, 1889. 43 с. Российская государственная библиотека, Москва.
- [История..., 2022](#) – История возрождения Олимпийских игр. [Электронный ресурс]. URL: <https://olympics.com/ioc/history> (дата обращения: 18.02.2022).

Князь..., 1912 – Князь Дмитрий Романов – участник Олимпийских игр 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://moi-goda.ru/sudbi-liudskie/olimpiyskie-skachki-knyazy-dmitriya-romanova> (дата обращения: 20.02.2022).

Лесгафт, 1888 – *Лесгафт П.Ф.* Значение физических упражнений для войск. СПб., 1888. 15 с.

Московский..., 2016 – Московский Императорский речной яхт-клуб. Возрождение. [Электронный ресурс]. URL: https://www.yachtrussia.com/articles/2016/03/15/articles_276.html (дата обращения: 19.02.2022).

Екатерина II, 1766 – *Екатерина II.* Устав Императорского шляхетского сухопутного кадетского корпуса. СПб.: Библ. «Универс». 1766. 25 с.

Новикова, 2018 – *Новикова И.Н.* Россия и участие Велико княжества Финляндского в олимпийском движении в начале XX в. // *Новейшая история России.* 2018. Т. 8. № 1. С. 142-164.

Олимпийская хартия МОК, 2019 – Олимпийская хартия введена в действие с 26 июня 2019 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://nos.by/upload/New%20Folder/charter-26.06.2019-rus.pdf> (дата обращения 1.02.2022).

Олимпийский комитет, 1911 – Олимпийский комитет // *Русский спорт.* 1911. № 21. № 9.

Олсуфьев, 1896 – *Олсуфьев В.А.* Пособие для обучения фехтованию и применение его в конном строю офицерами и фехтовальными командами. СПб., 1896. 164 с.

Основная и общая программа..., 1914 – Основная и общая программа деятельности главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской Империи. СПб., 1914. 44 с.

Отчет, 1913a – Первая Российская Олимпиада. Открытие // *Киев. мысль.* 21 август, 1913 г. № 230.

Отчет, 1913b – Итоги Первой Российской Олимпиады // *Красота и Сила.* 22 сентябрь, 1913 г. № 17-18.

Отчет, 1913c – Первая Российская Олимпиада 2013 года в г. Киеве. Приложение к «Всероссийскому календарю спортсмена» на 1914 год. К.: Польская типография. 15 с.

Первая РО, 1913 – Первая Российская Олимпиада. Раздача призов // *Киевлянин.* 25 авг., 1913 г. № 233. С. 6.

Правила для обучения..., 1859 – Правила для обучения гимнастике в войсках, 1859. СПб.: Воен. тип., 1859. [2], II, 192 с.: ил.; 22.

Рождественский, 1910 – *Рождественский С.В.* Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX вв. СПб., 1910.

Россия. Военные уставы и наставления, 1879 – Россия. Военные уставы и наставления. 1879. Наставление для обучения войск гимнастике и полевая гимнастика: 1879 года. Неофиц. изд. СПб.: В. Березовский, 1906. IV с., 116, 17 с., 6 л. ил.: ил.; 15.

Скетинг-ринг, 1911 – Скетинг-ринг // *Приазовский край.* 1911. 22 мая.

Спорт..., 1914 – Спорт во всех видах // Пер. с фр. П. Лафитт и Ко. М.: Типография А.П. Поплавского, 1914 / Переиздано с оригинала 1914 г. без изменений. К.: Олимп. лит., 1999. 384 с.

Спортивные увлечения..., 2018 – Спортивные увлечения династии Романовых. [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/sofia_piter/sportivnye-uvlecheniia-dinastii-romanovyh--5bado342fa729400ab43bf66 (дата обращения: 19.02.2022).

Суник, 2004 – *Суник А.* Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков. 2–е изд., испр. и доп. М.: Сов. спорт, 2004. 764 с.

Трубецкой, 1991 – *Трубецкой В.С.* Записки кирасира. М.: «РОССИЯ», 1991. 221 с.

Устав Азовско-Донского, 1912 – Устав Азовско-Донского Яхт-Клуба: утвержден 5 января 1893 года. Ростов-на-Дону: Типолит. М.И. Осадченко, 1912. 20 с.

Финогенова, 1995 – *Финогенова Л.А.* Анализ подготовки, участия и результатов первого официального выступления команды России на Играх V Олимпиады (Стокгольм, 1912 г.) // *Олимп. бюл.* 1995. № 2. С. 25-41.

Чувардин, 2009 – *Чувардин Г.С.* Образы военно-политической элиты Российской империи: кавалергард В.Н. Воейков // *Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования».* 2009. № 1 (5). С. 181-187.

Чувардин, 2018 – *Чувардин Г.С.* Императорская гвардия и становление военно-спортивной подготовки личного состава российской армии на рубеже XIX–XX веков // *Ученые записки Орловского государственного университета.* 2018. 3(80). С. 39-42.

Шесть личностей, 2022 – Шесть самых главных личностей в истории Олимпийских игр современности (31.01.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mhealth.ru/heroes/sport-heroes/6-samyh-glavnyh-lichnostey-v-istorii-olimpiyskih-igr/> (дата посещения: 20.02.2022).

Эйхман, 2008 – *Эйхман С.В.* Организационно-правовые основы формирования физической культуры и спорта в России в XVI–XIX вв. // Проблемы и вопросы теории и истории государства и права // *Вестник ЮУрГУ.* 2008. № 2. С. 27-30.

Bratolyubova, 2021 – *Bratolyubova M.V.* Sports societies and leisure in Rostov-on-Don at the turn of the 19th–20th centuries // *Bylye Gody.* 2021. 16(4): 1886-1897.

References

- Anokhin, 2013** – *Anokhin, A.K.* (2013). K predstoyashchei Rossiiskoi Olimpiade v g. Kieve [For the upcoming Russian Olympics in Kiev]. *Russkii sport*. 26: 4. [in Russian]
- Belyukov, 2015** – *Belyukov, D.A.* (2015). Fizicheskoe vospitanie v rossiiskoi shkole v kontse XIX – nachale XX vv. [Physical education in the Russian school in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik arkhivista*. 3: 138-153. [in Russian]
- Bratolyubova, 2021** – *Bratolyubova, M.V.* (2021). Sports societies and leisure in Rostov-on-Don at the turn of the 19th–20th centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1886-1897.
- Bubka, Bulatova, 2021** – *Bubka, S.N., Bulatova, M.M.* (2021). Olimpizm i istoriya sporta [Olympism and the history of sports]. *Nauka i sport: sovremennye tendentsii*. 2(3): 94-108. [in Russian]
- Chuvardin, 2009** – *Chuvardin, G.S.* (2009). Obrazy voenno-politicheskoi elity Rossiiskoi imperii: kavalgard V.N. Voeikov [Images of the military-political elite of the Russian Empire: cavalry guard V.N. Voeikov]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Novye gumanitarnye issledovaniya»*. 1(5): 181-187. [in Russian]
- Chuvardin, 2018** – *Chuvardin, G.S.* (2018). Imperatorskaya gvardiya i stanovlenie voenno-sportivnoi podgotovki lichnogo sostava rossiiskoi armii na rubezhe XIX–XX vekov [The Imperial Guard and the formation of the military-sports training of the personnel of the Russian army at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(80): 39-42. [in Russian]
- Demeter, 2005** – *Demeter, G.S.* (2005). Ocherki po istorii otechestvennoi fizicheskoi kul'tury i olimpiiskogo dvizheniya [Essays on the history of domestic physical culture and the Olympic movement]. M.: Izd-vo «Sovetskii sport» (PIK VINITI). 322 p. [in Russian]
- Divinskaya, 2010** – *Divinskaya, E.V.* (2010). Fizicheskaya kul'tura i sport Rossii s drevneishikh vremen do nachala XX veka [Physical culture and sport in Russia from ancient times to the beginning of the 20th century]. ucheb. posobie. Volgograd: VGAFK, 2010. 119 p. [Electronic resource]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/02000014755> (date of access: 06.02.2022). [in Russian]
- Eikhman, 2008** – *Eikhman, S.V.* (2008). Organizatsionno-pravovye osnovy formirovaniya fizicheskoi kul'tury i sporta v Rossii v XVI–XIX vv. [Organizational and legal foundations for the formation of physical culture and sports in Russia in the 16th-19th centuries]. *Problemy i voprosy teorii i istorii gosudarstva i prava Vestnik YuUrGU*. 2: 27-30. [in Russian]
- Ekaterina II, 1766** – Ekaterina II. Ustav Imperatorskogo shlyakhetskogo sukhoputnogo kadetskogo korpusa [Charter of the Imperial gentry land cadet corps]. SPb.: Bibl. «Univers». 1766. 25 p. [in Russian]
- Finogenova, 1995** – *Finogenova, L.A.* (1995). Analiz podgotovki, uchastiya i rezul'tatov pervogo ofitsial'nogo vystupleniya komandy Rossii na Igrakh V Olimpiady (Stokgol'm, 1912 g.) [Analysis of the preparation, participation and results of the first official performance of the Russian team at the Games of the V Olympiad (Stockholm, 1912)]. *Olimp. byul.* 2: 25-41. [in Russian]
- Gerd, 1900** – *Gerd, I.Ya.* (1900). Legkaya atletika i atleticheskie igry dlya voisk, voennykh i yunkerskikh uchilishch i starshikh. Istoricheskii obzor reglamentatsii vospitaniya i obucheniya v vysshikh voenno-uchebnykh zavedeniyakh ot osnovaniya pervykh voennykh shkol do poslednego vremeni [Athletics and athletic games for the troops, military and cadet schools and seniors. Historical review of the regulation of education and training in higher military educational institutions from the founding of the first military schools until recently]. *Voennyi sbornik*. 1: 115-139. [in Russian]
- Gorinevskii, 1913** – *Gorinevskii, V.V.* (1913). Fizicheskoe obrazovanie [Physical education]. SPb., 83 p. [in Russian]
- Instruktsiya..., 1889** – Instruktsiya dlya prepodavaniya gimnastiki v muzhskikh uchebnykh zavedeniyakh vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Instructions for teaching gymnastics in men's educational institutions of the department of the Ministry of Public Education]. Neofits. izd. Kazan', 1889. 43 p. Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka, Moskva. [in Russian]
- Istoriya..., 2022** – Istoriya vozrozhdeniya Olimpiiskikh igr [History of the IOC]. [Electronic resource]. URL: <https://olympics.com/ioc/history> (date of access: 18.02.2022). [in Russian]
- Knyaz'..., 1912** – Knyaz' Dmitrii Romanov – uchastnik Olimpiiskikh igr 2012 g. [Prince Dmitry Romanov, participant of the 2012 Olympic Games]. [Electronic resource]. URL: <https://moi-goda.ru/sudbi-liudskie/olimpiyskie-skachki-knyazy-a-dmitriya-romanova> (date of access: 20.02.2022). [in Russian]
- Lesgaft, 1888** – *Lesgaft, P.F.* (1888). Znachenie fizicheskikh uprazhnenii dlya voisk [Importance of exercise for the troops]. SPb., 15 p. [in Russian]
- Moskovskii..., 2016** – Moskovskii Imperatorskii rechnoi yakht-klub. Vozrozhdenie [Moscow Imperial River Yacht Club. Renaissance]. [Electronic resource]. URL: https://www.yachtrussia.com/articles/2016/03/15/articles_276.html (date of access: 19.02.2022). [in Russian]
- Novikova, 2018** – *Novikova, I.N.* (2018). Rossiya i uchastie Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v olimpiiskom dvizhenii v nachale XX v. [Russia and the participation of the Grand Duchy of Finland in the Olympic movement at the beginning of the 20th century]. *Noveishaya istoriya Rossii*. 8(1): 142-164. [in Russian]
- Olimpiiskaya khartiya MOK, 2019** – Olimpiiskaya khartiya vvedena v deistvii s 26 iyunya 2019 goda [The Olympic Charter came into effect on 26 June 2019]. [Electronic resource]. URL: <https://noc.by/upload/>

New%20Folder/charter-26.06.2019-rus.pdf (date of access: 01.02.2022). [in Russian]

Olimpiiskii komitet, 1911 – Olimpiiskii komitet [Olympic Committee]. *Russkii sport*. 1911. № 21. № 9. [in Russian]

Olsuf'ev, 1896 – *Olsuf'ev, V.A.* (1896). Posobie dlya obucheniya fekhrovaniyu i primeneniye ego v konnom stroyu ofitserami i fekhtoval'nymi komandami [A manual for teaching fencing and its application in the equestrian ranks by officers and fencing teams]. SPb., 164 p. [in Russian]

Osnovnaya i obshchaya programma..., 1914 – Osnovnaya i obshchaya programma deyatel'nosti glavnonablyudayushchego za fizicheskim razvitiem narodonaseleniya Rossiiskoi Imperii [The main and general program of the activities of the chief overseeing the physical development of the population of the Russian Empire]. SPb., 1914. 44 p. [in Russian]

Otchet, 1913a – Pervaya Rossiiskaya Olimpiada. Otkrytie [First Russian Olympiad. Opening]. *Kiev. mysl'*. 21 avgust, 1913 g. № 230. [in Russian]

Otchet, 1913b – Itogi Pervoi Rossiiskaya Olimpiady [Results of the First Russian Olympiad]. *Krasota i Sila*. 22 sentyabr', 1913 g. № 17-18. [in Russian]

Otchet, 1913c – Pervaya Rossiiskaya Olimpiada 2013 goda v g. Kieve . Prilozhenie k «Vserossiiskomu kalendaru sportsmena» na 1914 god [The first Russian Olympics in 2013 in Kiev. Appendix to the "All-Russian Athlete Calendar" for 1914]. K.: Pol'skaya tipografiya. 15 p. [in Russian]

Pervaya RO, 1913 – Pervaya Rossiiskaya Olimpiada. Razdacha prizov [First Russian Olympiad. Distribution of prizes]. *Kievlyanin*. 25 avg., 1913 g. 233: 6. [in Russian]

Pravila dlya obucheniya..., 1859 – Pravila dlya obucheniya gimnastike v voiskakh [Rules for teaching gymnastics in the troops]. SPb.: Voenn. tip., 1859. [2], II, 192 z.: il.; 22. [in Russian]

Rozhdestvenskii, 1910 – *Rozhdestvenskii, S.V.* (1910). Materialy dlya istorii uchebnykh reform v Rossii v XVIII–XIX vv. [Materials for the history of educational reforms in Russia in the 18th–19th centuries]. SPb. [in Russian]

Rossiya. Voennye ustavy i nastavleniya, 1879 – Rossiya. Voennye ustavy i nastavleniya. 1879. Nastavlenie dlya obucheniya voisk gimnastike i polevaya gimnastika: 1879 goda [Russia. Military regulations and instructions. 1879. Manual for training troops in gymnastics and field gymnastics: 1879.]. Neofits. izd. SPb.: V. Berezovskii, 1906. IV s., 116, 17 p., 6 l. il.: il.; 15. [in Russian]

Shest' lichnostei, 2022 – Shest' samykh glavnykh lichnostei v istorii Olimpiiskikh igr sovremennosti [The most important people in the history of the Olympics]. (31.01.2022). [Electronic resource]. URL: <https://www.mhealth.ru/heroes/sport-heroes/6-samyh-glavnyh-lichnostey-v-istorii-olimpiiskih-igr/> (date of access: 20.02.2022). [in Russian]

Sketing-ring, 1911 – Sketing-ring [Skating ring]. *Priazovskii krai*. 1911. 22 maya. [in Russian]

Sport..., 1914 – Sport vo vseh vidakh [Sport in all forms]. Per. s fr. P. Lafitt i Ko. M.: Tipografiya A.P. Poplavskogo, 1914. Pereizdano s originala 1914 g. bez izmenenii. K.: Olimp. lit., 1999. 384 p. [in Russian]

Sportivnye uvlecheniya..., 2018 – Sportivnye uvlecheniya dinastii Romanovykh [Sports hobbies of the Romanov dynasty]. [Electronic resource]. URL: https://zen.yandex.ru/media/sofia_piter/sportivnye-uvlecheniya-dinastii-romanovykh--5bad0c42fa729400ab43bf66 (date of access: 19.02.2022). [in Russian]

Sunik, 2004 – *Sunik, A.* (2004). Rossiiskii sport i olimpiiskoe dvizhenie na rubezhe XIX–XX vekov [Russian sport and the Olympic movement at the turn of the XIX–XX centuries]. 2–e izd., ispr. i dop. M.: Sov. sport, 764 p. [in Russian]

Trubetskoi, 1991 – Trubetskoi, V.S. (1991). Zapiski kirasira [Notes of a cuirassier]. M.: «ROSSIYA», 221 p. [in Russian]

Ustav Azovsko-Donskogo, 1912 – Ustav Azovsko-Donskogo Yakht-Kluba: utverzhden 5 yanvarya 1893 goda [Charter of the Azov-Don Yacht Club: approved on January 5, 1893]. Rostov-na-Donu: Tipolit. M.I. Osadchenko, 20 p. [in Russian]

Veshke, 1913 – *Veshke, A.A.* (1913). Pervaya Rossiiskaya Olimpiada [First Russian Olympics]. *Russkii sport*. 1913. № 33. S. 5-6. [in Russian]

Voeikov, 1995 – *Voeikov, I.N.* (1995). S tsarem i bez tsarya. Vospominaniya poslednego Dvortsovogo komendanta Gosudarya Imperatora Nikolaya II [With a king and without a king. Memoirs of the last Palace commandant of Emperor Nicholas II]. M.: Voennoe izdatel'stvo, 431 p. [in Russian]

Политика и роль Дома Романовых в развитии военно-физической подготовки, спорта и олимпийского движения России: XVII – начало XX вв.

Нина Михайловна Пестерева ^{a, b, *}, Мария Юрьевна Белякова ^a

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация

^b Харбинская ассоциация международного спортивного сотрудничества и обменов, Китай

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты влияния внутренней политики Дома Романовых на социальные отношения, формирование физического и морального здоровья населения на примере военно-физической подготовки личного состава российской армии и развития идей олимпизма в дореволюционной России. Еще Петр Великий, нуждаясь в крепких не только духом, но и телом единомышленниках, придерживался требовательного отношения к физической форме своих офицеров. Представители правящего Дома Романовых не только формировали государственную политику физического развития народонаселения Российской империи, но и покровительствовали развитию спорта, спортивных организаций, клубов, лично принимали участие в Олимпийских играх. Спорт и спортивные традиции – одна из составляющих многообразия нашего культурного наследия. Российские спортсмены внесли большой вклад в современное развитие олимпизма, российский олимпийский спорт занимает ведущие позиции в спортивном мире. Однако спорт высоких достижений не может возникнуть в вакууме. Достойные позиции любой страны в мире олимпийского спорта базируются на национальных исторических, культурных, этнических, социальных особенностях. Целью данного исследования является анализ государственной политики и вклада Дома Романовых в создание и развитие на основе исторически сложившейся практики военно-физического воспитания российской армии не только любительского, профессионального и массового российского спорта, но и в участии России в развитии олимпизма. Современную жизнь невозможно представить без спорта, который стал важным направлением социальной политики. Тем интереснее обратиться к истокам спортивного движения и отдать дань памяти его инициаторам и организаторам.

Ключевые слова: Дом Романовых, военно-физическая подготовка, Олимпийские игры, спорт, спортивные организации, олимпизм.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pnm_06@mail.ru (Н.М. Пестерева),
mbeliakova@ranepa.ru (М.Ю. Белякова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 581-589
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.581

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Bakhta-Girey and Kalmyk-Kuban Relations in 1726

Vladimir T. Tepkeev ^{a,*}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article examines in detail the Kalmyk-Kuban relations in 1726 and the role of the rebellious Kuban sultan Bakhta-Girey in them, which brought serious destabilization on the steppe border of the Russian and Ottoman empires. Recently, in historiography, there has been an increasing interest in the personality of Bakhta-Giray, to whom a number of publications are personally devoted. The aim of the work is to introduce new information about Kalmyk-Kuban relations into scientific circulation in 1726. The main source base for this work was the materials of the National Archives of the Republic of Kalmykia. Their analysis led to the conclusion that in 1726 Bakhta-Girey, after a series of failures, again entered the struggle for power in the Kuban, resorting to military assistance from the Kalmyks. The Kalmyk owners, led by the governor, sought to return the Nogai edisans and dzhemboiluks from the Kuban and they were vitally interested in minimizing any threat from the Kuban direction. The example of the events of 1726 shows how Bakhta-Girey, in a hopeless situation, was able to break out of the encirclement and, through negotiations with the Kalmyk owners, captivate them with the idea of moving forward with an army to the Kuban and returning the Nogais, despite strict government prohibitions.

Keywords: Kalmyks, Kuban Nogais, Kalmyk-Kuban relations, Bakhta Giray, Crimean Khanate.

1. Введение

История взаимоотношений калмыков с кубанскими ногайцами в первые десятилетия XVIII в. тесно связана с именем легендарного кубанского султана Бахта-Гирея. Неудивительно, что в последние годы в историографии ему посвящена целая серия научных публикаций, раскрывающая отдельные стороны его биографии. В настоящей же статье на основе новых архивных сведений будут более подробно показаны события в калмыцко-кубанских отношениях 1726 г., сыгравшие определенную роль в дестабилизации положения в Кубанском регионе и южном степном порубежье в последние годы жизни Бахта-Гирея.

В условиях отсутствия официальной власти и ресурсов Бахта-Гирею удавалось влиять на многие народы, населявшие не только Кубань и Северный Кавказ, но и Нижнее Поволжье. Привлекая их к своим военно-политическим акциям, он успешно достигал своих целей, связанных с приходом к власти, но также мог и быстро ее потерять. В новых исторических условиях Бахта-Гирей безнаказанно позволял себе совершать самостоятельные военные походы в соседние регионы или создавал условия своим подчиненным для набегов на оппозиционно настроенных к нему кубанских владельцев. Действительно, Бахта-Гирей был крупным политиком и военачальником в Крымском ханстве и на Северном Кавказе, кому удавалось проводить набеги на территорию соседнего государства без санкции хана или турецкого правительства (Сень, 2019: 128).

В истории Калмыцкого ханства начала XVIII в. роль Бахта-Гирея также была одной из ключевых во внешней политике. Особенно это касается 1720-х гг., когда султану удалось привлечь на свою сторону большинство калмыцких владельцев и быть инициатором нескольких крупных военных

* Corresponding author

E-mail addresses: vtv75@mail.ru (V.T. Tepkeev)

акций калмыков на кубанском направлении. Отношение калмыцкой знати к султану было разным, но никто не мог отрицать его выдающихся способностей как организатора и военного деятеля, которому одному из немногих удалось нанести военное поражение калмыкам в 1715 г.

2. Материалы и методы

Документальные сведения о калмыцко-кубанских отношениях и роли в них султана Бахта-Гирея отложились в нескольких государственных архивах, и значительное количество из них уже введено в научный оборот. Отдельные этапы биографии султана получили заметное отражение в документальных источниках, особенно последние годы его жизни. В это время российские власти целенаправленно собирали о нем разведывательные сведения через калмыцких информантов, так как Бахта-Гирей своими действиями ставил под угрозу существование русско-турецкого мира.

В нашем случае использовались материалы Национального архива Республики Калмыкия, которые и стали главной источниковой базой. В фонде И-36 («Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе») отложились уникальные документы XVIII в. (с 1713 г.) астраханской и царьцынской администраций по «калмыцким делам», а также личные письма калмыцкого наместника Церен-Дондука и других владельцев о калмыцко-кубанских отношениях в оригинале и переводах. В частности, при подготовке данной работы использовалось дело под № 25 – «Указы, донесения и письма калмыцких владельцев по текущим делам. 1725–1726 гг.» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25).

В работе с архивным материалом применялся историко-сравнительный метод, с помощью которого автор сопоставил хронику событий в калмыцко-кубанских отношениях в 1726 г. на основе совпадающих сведений, которые содержатся в большинстве источников. Благодаря тому, что российские власти целенаправленно собирали информацию о Бахта-Гирее и калмыцко-кубанских отношениях, в документах представлены различные сведения как от секретных калмыцких информантов, выделяющиеся определенной достоверностью, так и из официальных источников. Это позволило сравнить и сопоставить разную информацию и выстроить ее в хронологическом порядке для понимания того, как развивались события за указанное время.

3. Обсуждение

Калмыцко-кубанские отношения и роль в них султана Бахта-Гирея отражены практически во всех работах по истории Калмыцкого и Крымского ханств, начиная с XVIII в. Довольно подробно упоминает об этом историческом персонаже в своей работе В.М. Бакунин – переводчик с калмыцкого языка, работавший в канцелярии «калмыцких дел», а также непосредственный участник и свидетель тех событий. Называя Бахта-Гирея «турецким бунтовщиком», В.М. Бакунин считал его серьезным раздражителем в русско-турецких отношениях, от действий которого российский резидент в Стамбуле И.И. Неплюев в течение 1726–1727 гг. неоднократно получал от имени турецкого султана «жалобы и великие выговоры» (Бакунин, 1995: 59–60). Таким же источником дестабилизации в Крымском ханстве считал султана и известный тюрколог В.Д. Смирнов, изображавший его человеком, готовым время от времени творить смуты: «то делая вид покорности крымскому хану, то соединяясь с калмыками, чтобы совершать насилия над мусульманскими обитателями кубанских поселений» (Смирнов, 2005: 44).

В последнее время в историографии наблюдается возрастающий интерес к личности Бахта-Гирея, которому персонально посвящен целый ряд публикаций (Батыров, 2006; Грибовский, Сень, 2012; Грибовский, Сень, 2013; Сень, 2016; Сень, 2019; Сень, 2020; Сень, Грибовский, 2015). Тема калмыцко-кубанских отношений начала XVIII в. довольно подробно изложена в работах по истории Калмыцкого ханства (Очиров, 2009; Тепкеев, 2018; Цюрюмов, 2007; Цюрюмов, 2005; Цюрюмов, Батыров, 2006), русско-ногайских отношений (Кочекаев, 1988; Торопицын, 2011) и Северо-Восточного Причерноморья (Приймак, 2011). Как считает В.Д. Сень, в историографии до сих пор остается актуальным исследование комплекса причин, позволивших Бахта-Гирею «обрести огромное и долгосрочное влияние на дестабилизацию обстановки в степном порубежье, в том числе путем эффективного использования им своей неофициальной власти» (Сень, 2019: 128).

В данной статье будут достаточно подробно рассмотрены события 1726 г. в калмыцко-кубанских отношениях, которые вносили серьезную дестабилизацию на степной границе Российской и Османской империй. Эта будет публикация первой части предполагаемой своего рода трилогии о последних годах жизни султана Бахта-Гирея, несомненно, сыгравшего одну из главных ролей в этих событиях и предложившего определенное социальное поведение для большей части представителей калмыцкой знати. После смерти султана в 1729 г. калмыцкий владелец Дондук-Омбо в первой половине 1730-х гг. по его примеру вполне успешно организовал восстание и откочевку большей части калмыков на Кубань, добившись в конечном итоге от российского правительства смены верховной власти в Калмыцком ханстве.

4. Результаты

В годы правления крымского хана Девлет-Гирея II (1699–1702 гг.) на Кубани наместником становится его сын Бахта-Гирей (Сень, Грибовский, 2014: 639). С этого времени судьба этого ханского

отпрыска неразрывно была связана с данным регионом, положение дел в котором часто было нестабильным из-за слабого контроля крымскими ханами. Несмотря на запреты и угрозы ханского двора, кубанские ногайцы часто совершали набеги на приграничные российские земли, ставя под угрозу мирные договоры между Стамбулом и Крымским ханством, с одной стороны, и Российским государством – с другой. Частая смена правительством Порты крымских ханов также не способствовала установлению жесткого контроля над Кубанской ордой. После второго смещения Девлет-Гирея II (1709–1713 гг.) с ханского престола в 1713 г. Бахта-Гирей самопровозгласил себя кубанским султаном, вступив в прямой конфликт с новым ханом – Каплан-Гиреем. Такая самостоятельная его деятельность на Кубани, граничившая с непредсказуемостью и даже безрассудством, вызвала у современников прозвище «Дели-султан» – «Бешеный султан».

Вассально зависимое от Москвы Калмыцкое ханство также постоянно имело собственные политические интересы на Кубани. Калмыцкие правители еще с середины XVII в. во главе войск периодически вторгались в этот регион, чтобы подчинить или разорить кочевавшие здесь ногайские улусы, особенно это касалось ногайских племен едисан и джембойлуков, постоянно мигрировавших между Волгой и Кубанью и считавшихся подданными калмыцкого хана.

Так, в результате Кубанского похода 1711 г. калмыцкое войско во главе с Чакдорджабом, старшим сыном хана Аюки (1672–1724 гг.), увело с Кубани на Волгу около 10,5 тыс. ногайцев. В 1715 г. Бахта-Гирею во главе 30-тысячного кубанского войска удалось нанести ощутимый удар по калмыкам и снова перевести указанных ногайцев на Кубань. В 1717 г. Чакдорджаб и Бахта-Гирей заключили союз, в результате чего султан взамен за военную поддержку в подавлении внутренней оппозиции в орде добровольно вернул к калмыкам ногайских джембойлуков и едисан. В 1723 г. начался уже внутрикалмыцкий конфликт между сыновьями покойного Чакдорджаба за раздел отцовского улуса, чем, собственно, и воспользовались ногайцы, откочевав с Волги на Кубань. Таким образом, именно пресловутый «ногайский вопрос» и был причиной жесткого противостояния в калмыцко-кубанских отношениях в первые десятилетия XVIII в.

С середины 1720-х гг., одновременно с затуханием внутреннего конфликта, калмыцкие владельцы начинают все больше задумываться о возвращении ушедших от них ногайских джембойлуков и едисан. Именно в этот в период активизировались набеги калмыков на Кубанский регион. Проводником их политики в ногайском вопросе выступал как раз Бахта-Гирей, который в 1725 г. потерпел поражение на Кубани от законного представителя крымского хана – кубанского султана Салди-Гирея (Салат-Гирея). В 1724 г. он поддержал мятеж мирзы Джан-Темира Ширин-бея против хана Саадег-Гирея, а затем выступил против своего дяди Менгли-Гирея II (1724–1730 гг.), назначенного Стамбулом новым крымским ханом (Сень, 2019: 135).

Мятежный султан снова решил привлечь калмыков на свою сторону в борьбе со своими противниками. 3 февраля 1726 г. майор В.П. Беклемишев получил секретные сведения от калмыцкого осведомителя Олдоксона, что Бахта-Гирей постоянно присылает своих людей к калмыцким владельцам с просьбой собрать войско и двигаться к нему на Кубань. Взамен за военную помощь он обещал им отдать ногайских едисан и джембойлуков (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 11).

Кубанское направление заинтересовало калмыцкую сторону еще в 1725 г., когда оттуда пришли известия, что Бахта-Гирей с мятежным Джан-Темиром Ширинским после неудачного мятежа против нового крымского хана Менгли-Гирея II с немногими людьми бежали на Кубань, а затем в абазинские горы, откуда запросили военной поддержки у калмыков (Фелицын, 1904: 12).

Калмыцкие владельцы для подлинной информации с этого региона отправили туда своих представителей – зайсанга Халухайчи и Башку. Они должны были встретиться с султаном и на месте выяснить условия военной помощи калмыков в обмен на возвращение с Кубани на Волгу ногайских едисан и джембойлуков. В случае положительного решения по этим вопросам со стороны Бахта-Гирея наместник и владельцы его партии соглашались оставаться с улусами на правом берегу, откуда они могли организовать военное наступление на кубанском направлении (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 120). Бахта-Гирей просил калмыков прислать ему в помощь 2-тысячное войско из Эркетеновского улуса под командой Балгана, сына Ямана, а взамен они смогли бы забрать с собой едисан и джембойлуков (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 61-610б.).

12 марта 1726 г. калмыцкий осведомитель Олдоксон секретно сообщал В.П. Беклемишеву о приезде к наместнику Церен-Дондуку 30 представителей кубанского султана Салди-Гирея. Султан предлагал мирное добрососедство, а также ставил в известность наместника, что он полностью контролирует ситуацию на Кубани и под его властью находятся все кубанские ногайцы и горские черкесы. Бахта-Гирей находился в бегах и прятался у абазинских горных черкесов, и Салди-Гирей советовал Церен-Дондуку отказаться от какой-либо ему военной помощи. В это время кубанский султан собирал войско против кабардинского владельца Арсланбека, поскольку тот ранее сотрудничал с Бахта-Гиреем и воевал против законной власти на Кубани. Салди-Гирей предложил Церен-Дондуку в знак дружбы и мира вернуть ему конские табуны, которые калмыки в начале этого года отогнали с Кубани (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 156-1560б.).

Олдоксону также было известно и об отправке 2-тысячного калмыцкого войска на Кубань к Бахта-Гирею якобы «для приему» ногайских едисан и джембойлуков. Но, по мнению Олдоксона,

калмыцкий отряд был отправлен для военной поддержки мятежного кубанского султана, который к моменту прихода на Кубань не застал Бахта-Гирея, так как тот бежал к абазинским черкесам в горы. Султан, узнав о приближении калмыцкого отряда, отправил уполномоченного к калмыкам с уведомлением, чтобы они дожидались его в местности Шести рек, между Азовом и Кубанью. Бахта-Гирей еще рассчитывал на получение власти над кубанскими ногайцами и черкесами (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 157-157об.).

23 июня в Царицын прибыл отряд калмыков из 130 человек во главе с Ябашки, сыном эркетеновского владельца Халухайчи. Они возвращались с кубанского похода, целью которого была погоня за 200 казахскими кибитками, находившимися во владении наместника. Казахов им догнать так и не удалось, так как те успели укрыться в Ачуевской крепости, лежащей в устье Кубани. Но по дороге они сумели разгромить один из крупных купеческих караванов из ста арб, направлявшийся с Кубани в Азов. Затем на Кубани у едисанских ногайцев им удалось отогнать конский табун в одну тысячу голов (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 412-412об.).

Толмач С. Ваулин встретился с владельцем Халухайчи, который кочевал на Ахтубе, в 10 верстах от Черного Яра. Он подтвердил сведения о кубанском походе своего сына и добавил, что вместе с ним к наместнику прибыл и посланник Бахта-Гирея. Мятежный султан у калмыцких владельцев просил военной помощи, обещая им вернуть на Волгу всех ногайских едисан и джембойлуков. Ябашки у Бахта-Гирея для связи оставил своего человека – Церена Атхаева (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 428-428об.).

17 июля калмыцкий осведомитель Токта секретно сообщал властям о намерении владельцев Дондук-Даши, Дамрина и Халухайчи с войском двигаться на Кубань. Однако общего решения по этому вопросу не было, так как указанные владельцы ожидали дополнительных разведывательных сведений с этого региона (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 429). Как считал В.П. Беклемишев, наместник Церен-Дондук всерьез опасался Бахта-Гирея, так как в случае отказа ему в военной помощи, тот мог, обретя снова власть на Кубани, «их разорить, чем он их и страшит». Тем более многие калмыки с большим желанием ходили служить к султану на Кубань, поскольку тот вместо жалованья позволял им разорить то или иное владение кубанского мирзы, чем наводил страх на местное население (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 439-439об.).

26 сентября 1726 г. наместник Церен-Дондук сообщил В.П. Беклемишеву, что рассчитывает на 6-тысячное русское войско с сотней пушек, находившееся на Царицынской линии. Именно это воинское соединение должно было по указу императрицы Екатерины I защищать калмыцкие улусы от возможной агрессии соседних кочевых народов. А беспокоиться Церен-Дондуку было о чем. На правом берегу Волги объявился бежавший с Кубани Бахта-Гирей с 50 людьми. Вслед за ним, преследуя, пришел на правобережье кубанский султан Салди-Гирей с 3-тысячным войском и остановился в урочище Уланхак, он сразу отправил наместнику ультиматум, который состоял в следующем: он требовал выдачи ему Бахта-Гирея, в противном случае обещал привести с Кубани на Волгу 30-тысячное войско (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 516-516об.).

Историю появления Бахта-Гирея на Волге подробно рассказал В.П. Беклемишеву калмыцкий осведомитель Токта, живший во владении наместника. По его секретным данным, прошедшей зимой Бахта-Гирей с немногими своими последователями скрывался от войск Салди-Гирея в горах Черкесии. Весной ему с 30 чел. пешком через перевалы удалось обойти преследователей и уйти на Кубань. Остановившись около владения ногайского племени хатай-кипчак, Бахта-Гирей со своими людьми стал заниматься грабежом местного населения. Скрываясь в кубанских лесах, в урочище Домбай, он отправил трех посланцев к Церен-Дондуку с просьбой прислать калмыцкое войско, продукты и одежду. По дороге его посланники встретили отряд Церена Атхаева из 50 человек, который весной был оставлен Явашкой для связи с Бахта-Гиреем. Объединенный калмыцко-кубанский отряд двинулся в сторону реки Кумы, в урочище Кокагир. Затем к ним присоединился еще один калмыцкий отряд из ста человек под командой Нармы, из владения Галдан-Данджина, направлявшийся на Кубань для отгона конских табунов. Вскоре этот объединенный отряд был разбит донскими казаками, и Бахта-Гирею с оставшимися калмыками пришлось бежать на Волгу, где он остановился в одном из урочищ напротив Еногаевского острова. Вскоре Бахта-Гирей перебрался в урочище Яшкуль, в трех днях пути от Волги, при нем находилось уже 560 человек, в основном это были калмыки из Эркетеновского улуса (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 536-536об.). Позже стало известно, что Джан-Темир продолжал оставаться в одном из ущелий в черкесских горах, и Бахта-Гирей ему пообещал вскоре вернуться на помощь с калмыками (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 659-659об.).

Калмыки из владения Данджин-Дорджи сообщали в администрацию, что посланцы Бахта-Гирея были поочередно на приеме у Церен-Дондука, ханши Дарма-Балы и Дондук-Омбо и просили предоставить в помощь 4-тысячное войско под командой Дондук-Даши, а взамен получить волжских ногайцев, кочующих на Кубани (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 528). В это же время, в сентябре, у наместника побывали и представители Салди-Гирея, которые выговаривали Церен-Дондуку: «Для чего де вы у нас табуны отгоняете и такому вору Бакты Гирею войска давать хотите» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 528об.).

В начале октября Дондук-Даши с тысячным отрядом перешел Волгу и появился возле Черного Яра, известив местного коменданта капитана Дурново, что с отрядом идет на Кубань для возвращения едисанских ногайцев (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 549). Стараясь избежать конфликта между Россией и Турцией, майор В.П. Беклемишев немедленно отправил к Дондук-Даши толмача С. Ваулина с требованием не ходить на Кубань. Майор ссылался не только на российские указы, но и на повеление покойного хана Аюки, который также запрещал своим калмыкам ходить в самовольные набеги на Кубань и Крым, чтобы не вызывать ответную реакцию и не нарушать мир с крымским ханом. Беклемишев аргументировал еще и тем, что у калмыков не окончено внутреннее междоусобие и намечается новая война с казаками, а в зимний период, когда Волга будет скована льдом, калмыцкие улусы будут беззащитны перед приходом кубанского войска (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 549-549об.).

Дондук-Даши через своего человека передал В.П. Беклемишеву, что он идет на Кубань с общего согласия с наместником, поскольку в том регионе между кубанцами вспыхнула усобица. По мнению калмыцкой стороны, это был подходящий момент, чтобы вернуть на Волгу ногайских едисан и джембойлуков, которые якобы сами желают вернуться (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 549об.-550).

Но, по данным В.П. Беклемишева, о чем он и сообщил Дондук-Даши, на Кубани никакой усобицы не было. По указу турецкого султана Салди-Гирей изгнал Бахта-Гирея с Кубани. В.П. Беклемишев призвал Дондук-Даши прекратить свой намеченный поход и вернуться в улус, иначе это военное мероприятие рассматривалось бы как действие, направленное против интересов российской власти (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 550-550об.). Однако Дондук-Даши, несмотря на предупреждение, все-таки выехал с отрядом в степь. По словам Шакур-ламы, владелец только намеревался лично встретиться с Бахта-Гиреем, который остановился недалеко от Волги (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 584).

Отправившись в поход на казахов, которые в это время стали тревожить калмыков с восточного направления, владелец Дондук-Омбо не переставал поддерживать связь с Бахта-Гиреем. Во-первых, он выделил в отряд Дондук-Даши часть своих людей для кубанского похода. Во-вторых, по просьбе Бахта-Гирея он прислал ему для его же личной охраны сотню своих калмыков под командой Солом-Церена, сына Септеня, которые пригнали 100 лошадей и привезли 100 тулупов. Дондук-Омбо приказал Солом-Церену дожидаться его возвращения из казахского похода и никуда самостоятельно без него не выдвигаться. Бахта-Гирей передал Дондук-Омбо, что, как только тот вернется, в тот же день они пойдут вместе на Кубань: «и будет вам, калмыкам, немалая добыча». Их связывали друг с другом особые отношения, так как, по свидетельствам очевидцев, они постоянно через каждые 3-4 дня обменивались посланниками (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 590-590об.).

Другие калмыцкие владельцы также поддержали Бахта-Гирея, и каждый из них прислал ему своих людей. Например, ханша Дарма-Бала прислала к нему зайсангов Даши-Дорджи и Нарма-Кару, Церен-Дондук отправил Балгана Яманова. Дондук-Даши принял личное участие, возглавив практически сводный тысячный отряд калмыков из разных улусов, не считая различных добровольцев. Он планировал вначале совершить короткий разведывательный набег на Кубань для отгона конских табунов (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 617).

30 октября другой калмыцкий осведомитель, Иши, из владения Церен-Дондука и зайсанга Халухайчи, секретно сообщил властям, что Дондук-Даши на реке Сарпа встретился с Бахта-Гиреем. Отсюда калмыцкий владелец отправил под турецкий Азов для отгона лошадей отряд из 600 калмыков под командой Явашки. Через пять дней Дондук-Даши с оставшейся частью сводного отряда направился на Кубань (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 627).

31 октября стало известно, что Шакур-лама отправил к наместнику и другим владельцам, участвовавшим в казахском походе, сообщение, чтобы они приостановили военную помощь Бахта-Гирею и движение отряда Дондук-Даши на Кубань. Как считал Шакур-лама, не решив окончательно войну с казаками, нельзя начинать военные действия на кубанском направлении (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 628).

9 ноября калмыцкий осведомитель Тогул, из владения Четера, секретно докладывал В.П. Беклемишеву, что Бахта-Гирей с калмыками совершил нападения на слободы турецкой крепости Азов, захватив около тысячи ее жителей. Дондук-Даши в этом набеге лично не участвовал и оставался в степи. Организованная азовскими властями погоня, в которой участвовали 700 азовцев, добилась только того, что им удалось взять в плен несколько калмыков из владения Церен-Дондука. Бахта-Гирей и Дондук-Даши остановились на отдых в верховьях Маньча, и отсюда султан отправил ультиматум кубанскому Салди-Гирею с требованием заключить мир, так как в противном случае он обещал привести на Кубань калмыцкое войско сразу после окончания казахского похода. Для пополнения продовольствия он собирался совершить короткий набег на Кабарду и отогнать оттуда овечьи стада (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 645-645об.).

17 ноября В.П. Беклемишев из Черного Яра по указу отправляет к наместнику Церен-Дондуку и ханше Дарма-Бале дворянина С. Казанцева. Ханша не согласилась с российскими претензиями по поводу незаконных действий калмыков на кубанском направлении. По ее словам, на Кубань калмыки ходили только для того, чтобы вернуть своих ногайцев, едисан и джембойлуков, но Бахта-Гирею

войсками не помогали, с ним якобы были только «воровские» калмыки. Действия отряда Дондук-Даши на правом берегу Волги, по ее мнению, носили только оборонительный характер, но никак не наступательный. Также Дарма-Бала и ее приближенные заверили, что без указа они не будут сотрудничать с Бахта-Гиреем (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 705-705об.).

Наместник Церен-Дондук на встрече с С. Казанцевым уверял его в своей непричастности к военной помощи Бахта-Гирею. При этом наместник признался, что планирует перейти на правый берег Волги и с войском выдвинуться на Кубань, чтобы оттуда забрать ногайских едисан и джембойлуков. Когда С. Казанцев ему высказал, что это будет против воли российской императрицы, то Церен-Дондук заверил, что не будет оказывать военной помощи Бахта-Гирею и без особого указа его к себе не примет (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 706-706об.).

Находясь в калмыцких улусах, С. Казанцеву удалось узнать от калмыцкого осведомителя Батыр-Омбо, что Бахта-Гирей и Дондук-Даши стоят в верховьях реки Маныч, дожидаясь прихода остальных калмыцких владельцев с войском. В ставке Церен-Дондука в это время находился посланник кубанского султана Салди-Гирея, который прибыл по вопросу возврата лошадей, отогнанных калмыками прошедшим летом. Также посланник требовал не помогать войсками Бахта-Гирею, на что Церен-Дондук ему ответил, что четверо кубанских посланников, прибывших с ним, уже сбежали на Кубань с ведомостью, что калмыки идут на них войной (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 707-707об.).

22 ноября 1726 г. в Петербурге получили письмо от крымского хана Менгли-Гирея II, в котором он просил российские власти при первой же возможности Бахта-Гирея и Джан-Темира на границе физически устранить или задержать. Также у хана были претензии по отношению к калмыкам, отгонявшим лошадей и скот под Перекопом. Он описывает интересный случай, когда турецкий комендант Азова хотел перехватить один из таких отрядов воровских калмыков, скрывшихся за Доном, и обратился с жалобой к донским казакам. Войсковое руководство само страдало от беспокойного соседства с кочующими на Дону калмыками, что предложило азовцам провести совместную военную операцию против них (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 26. Л. 209-210). Здесь, конечно, речь шла о калмыках-дербетах из владения Четера.

В указе императрицы генерал-фельдмаршалу кн. М.М. Голицыну от 13 ноября 1726 г. повелевалось в отношении Бахта-Гирея всячески удерживать калмыцких владельцев от «соединения и вспоможения» ему. Также указывалось внимательно наблюдать за действиями Бахта-Гирея и не допустить его усиления, так как была вероятность того, что он мог бы напасть на приграничные российские земли (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 755-755об.).

11 декабря в калмыцкие улусы по указу выехал саратовский дворянин Алексей Нечаев, который подал наместнику, ханше и Шакур-ламе письма от В.П. Беклемишева. В разговоре зайсанг Яман и Самтан заверили дворянина, что калмыки на Кубань в поход не идут, а только для охраны улусов стоят заставы на правобережье Волги. По поводу прихода Бахта-Гирея они сказали следующее: «Прежде де сего он и калмыкам добра делал многа и ево де им крымцам и россиянам отдать невозможно, а от него де Бахта Гирея к россиянам никакой противности не будет» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 800-800об.).

В улусе наместника А. Нечаев заметил присутствие посланника кубанского султана Салди-Гирея, который также приехал отговаривать калмыцких владельцев от похода на Кубань и требовать вернуть захваченное ранее имущество. По словам кубанца, Церен-Дондук его задержал у себя в ставке, а сам собирается в кубанский поход. Однако посланнику удалось отправить своих людей к Салди-Гирею с предупреждением о возможной военной угрозе со стороны калмыков (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 801).

Прибывшему с А. Нечаевым татарскому толмачу удалось разузнать в улусе, что Бахта-Гирей с калмыками стоит на Куме. Оттуда он призывал Церен-Дондука прийти с войском для дальнейшего похода на Кубань. Наместник, задержав кубанского посланника, отправил войско к нему и собирался лично затем присоединиться к походу. Посланнику Салди-Гирея было известно, что российские власти также отговаривают калмыков от кубанского похода, только, по его данным, они действительно выдвинули свои войска на Северный Кавказ (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 801об.).

Ханша Дарма-Бала также выступала активной сторонницей кубанского похода и поддержки Бахта-Гирея. На встрече с А. Нечаевым она ему объяснила свою позицию: «Что де им за свата как не стоять, только они виноваты не будут, хотя с Кубани своих етсан и енбулук и возьмут» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 801об.).

Авторитетный калмыцкий владелец Дорджи Назаров признался А. Нечаеву, что в предполагаемом кубанском походе из-за болезни лично участвовать не будет, как бы этого ни хотели Церен-Дондук и Дондук-Омбо. Он пообещал при встрече с наместником также отговорить от похода, хотя с Бахта-Гиреем он малознаком и кубанское направление, по его словам, для него было малоинтересным, поскольку он с улусом кочует по Яику (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 802).

По словам калмыцкого осведомителя Данджина, из владения Четера, зимой 1726/27 года калмыцкие владельцы с войсками стали концентрироваться на реке Кума, в урочище Обдара Мудун. Бахта-Гирей их всячески агитировал немедленно выступить на Кубань, в чем имел поддержку от

Дондук-Омбо. Однако Церен-Дондук под влиянием своих зайсангов и приближенных лиц матери-ханши сомневался в правильности этого решения. Это вызвало определенный раскол в рядах владельцев, и калмыцкое войско продолжало стоять на месте и никуда не выходило (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 26. Л. 24).

5. Заключение

В заключение отметим, что в 1726 г. Бахта-Гирей после ряда неудач снова вступил в борьбу за власть на Кубани, прибегнув к военной помощи калмыков. Калмыцкие владельцы во главе с наместником Церен-Дондуком, используя этот фактор, могли не только возратить оттуда ногайских едисан и джембойлуков, но и иметь постоянное влияние на весь Кубанский регион. В условиях нарастающей угрозы с восточного направления, связанной с казахско-каракалпакским наступлением в степи Северного Прикаспия, калмыцкие владельцы были жизненно заинтересованы в минимизации какой-либо угрозы со стороны кубанских ногайцев. По сути, Бахта-Гирей и калмыцкие владельцы были взаимно заинтересованы в военно-политической поддержке друг друга.

Не сбрасывались калмыками со счета и такие важные качества мятежного султана, как его харизматичность, отчаянная смелость и организаторские способности, которые они не раз наблюдали в действительности. Именно калмыки последовательно поддерживали Бахта-Гирея с середины 1720-х гг. в его борьбе за власть на Кубани, веря в его удачливость и неуязвимость (Сень, 2019: 158). На примере событий 1726 г. видно, как Бахта-Гирей в безвыходной ситуации смог вырваться из окружения и путем переговоров с калмыцкими владельцами увлечь их идеей выдвинуться с войском на Кубань и вернуть ногайцев, несмотря на строгие правительственные запреты. В дальнейшем обязательно будет подробно рассмотрен и такой вопрос, как участие российских властей в судьбе мятежного султана в 1727 г.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Литература

Бакунин, 1995 – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Батыров, 2006 – Батыров В.В. Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан во взаимоотношениях с Калмыцким и Крымским ханствами // *Сарепта. Историко-этнографический вестник*. Волгоград: ООО «Мириа», 2006. С. 36-51.

Грибовский, Сень, 2012 – Грибовский В.В., Сень Д.В. Бахты-Гирей и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в. // *Wschodni Rosznik Humanistyczny*. Т. VIII. 2012. С. 85-116.

Грибовский, Сень, 2013 – Грибовский В.В., Сень Д.В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // *Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств*. М.: Восточная литература, 2013. С. 92-137.

Кочекаев, 1988 – Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата: Наука КазССР, 1988. 268 с.

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Очиров, 2009 – Очиров У.Б. Участие калмыков в войнах 1724–1771 гг. // *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 т.* Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 1. С. 410-420.

Приймак, 2011 – Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир: Полипринт, 2011. 359 с.

Сень, 2016 – Сень Д.В. Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки*. 2016. № 4. С. 105-117.

Сень, 2019 – Сень Д.В. Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея: тактика и стратегия пограничного сотрудничества (середина – вторая половина 1720-х гг.) // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. № 1. С. 125-161.

Сень, 2020 – Сень Д.В. Кубанский султан Бахты-Гирей: историческое пространство индивидуальной биографии и его реконструкция / *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII Международной научной конференции*. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2020. С. 355-358.

Сень, Грибовский, 2015 – Сень Д.В., Грибовский В.В. Кубанский султан Бахты-Гирей и его роль в осmano-крымско-русских отношениях первой трети XVIII в. // *Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений*. Материалы Международной научной конференции,

посвященной 230-летию со дня рождения Бей-Булата Таймиева. Грозный: ИПУ «Грозненский рабочий», 2015. С. 635-649.

Смирнов, 2005 – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты. Т. 2.: В XVIII в. до присоединения его к России. М.: Рубежи XXI, 2005. 313 с.

Тепкеев, 2018 – Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.

Торопицын, 2011 – Торопицын И.В. Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.) // *Тюркологический сборник, 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье*. М.: Вост. лит., 2011. С. 330-359.

Фелицын, 1904 – Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Т. 1. Екатеринодар: Куб. обл. стат. ком., 1904. 306 с.

Цюрюмов, 2005 – Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: Джангар, 2005. 160 с.

Цюрюмов, 2007 – Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 464 с.

Цюрюмов, Батыров, 2006 – Цюрюмов А.В., Батыров В.В. Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 95 с.

References

Bakunin, 1995 – Bakunin, V.M. (1995). *Opisanie kalmytskikh narodov, a osobливо iz nih torgoutского, i postupkov ih hanov i vladel'tsev* [The Description of the Kalmyk peoples, and especially of them the Torgout peoples, and the deeds of their khans and owners]. 2-e izd. Elista, 153 p. [in Russian]

Batyrov, 2006 – Batyrov, V.V. (2006). *Kubanskii pravitel Bakhty-Girey Saltan vo vzaimootnosheniakh s Kalmytskim i Krymskim khanstvami* [Kuban ruler Bakhty-Girey Saltan in relations with the Kalmyk and Crimean khanates]. *Sarepta. Istoriko-etnograficheskii vestnik*. Volgograd: ООО Miria, pp. 36-51. [in Russian]

Felitsyn, 1904 – Felitsyn, E.D. (1904). *Sbornik arkhivnykh dokumentov, odnosyashchikhsya k istorii Kubanskogo kazach'ego voiska i Kubanskoj oblasti* [Collection of archival documents related to the history of the Kuban Cossack army and the Kuban region]. Vol. 1. Ekaterinodar, 306 p. [in Russian]

Gribovsky, Sen, 2012 – Gribovsky, V.V., Sen, D.V. (2012). *Bakhty Girey i problema stabilizatsii granits Rossiyskoi i Osmanskoi imperii v pervoi treti XVIII v.* [Bakhty Giray and the problem of stabilizing the borders of the Russian and Ottoman empires in the first third of the 18th century]. *Wschodni Rosznik Humanistyczny*. VIII: 85-116. [in Russian]

Gribovsky, Sen, 2013 – Gribovsky, V.V., Sen, D.V. (2013). *Kubanskii sultan Bakhty-Girey: fenomen neligitimnoi vlasti v Krymskom khanstve pervoi treti XVIII v.* [Kuban sultan Bakhty-Girey: the phenomenon of illegitimate power in the Crimean Khanate in the first third of the 18th century]. *Tyurkologicheskii sbornik 2011–2012: politicheskaya i etnokul'turnaya istoriya tyurkskikh narodov i gosudarstv*. Moscow: Eastern Literature, pp. 92-137. [in Russian]

Kochekaev, 1988 – Kochekaev, B.-A.B. (1988). *Nogaysko-russkie otnosheniya v XV–XVIII vv.* [Nogai-Russian Relations in the 15th – 18th centuries]. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 268 p. [in Russian]

NA RK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [The National Archive of the Republic of Kalmykia].

Ochirov, 2009 – Ochirov, U.B. (2009). *Uchastie kalmykov v voynakh 1724–1771 gg.* [Participation of the Kalmyks in the wars of 1724–1771]. *Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 3-kh t.* Elista. 1: 410-420. [in Russian]

Priimak, 2011 – Priimak, Yu.V. (2011). *Severo-Vostochnoe Prichernomor'e vo vnutri- i vneshnepoliticheskikh protsessakh formirovaniya yuzhnykh granits Rossii (konets XVII – pervaya tret' XIX v.)*. [The North-Eastern Black Sea Region in the internal and external political processes of the formation of the southern borders of Russia (the end of the 17th – the first third of the 19th century)]. Armavir: Polyprint, 359 p. [in Russian]

Sen, 2016 – Sen, D.V. (2016). *Biograficheskie dannye ob elitakh Krymskogo khanstva: problemy istochnikovedcheskogo izucheniya (sluchai sultana Bakhty-Gireya)* [Biographical data on the elites of the Crimean Khanate: problems of source study (the case of Sultan Bakhty-Girey)]. *Uchenye zapiski V.I. Vernadsky. Historical sciences*. 4: 105-117. [in Russian]

Sen, 2019 – Sen, D.V. (2019). *Vzaimootnosheniya kalmykov i kubanskogo sultana Bakhty-Gireya: taktika i strategiya pogrannichnogo sotrudnichestva (seredina – vtoraya polovina 1720-kh gg.)* [Relations between the Kalmyks and the Kuban sultan Bakhty-Girey: tactics and strategy of border cooperation (mid-second half of the 1720s)]. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 1: 125-161. [in Russian]

Sen, 2020 – Sen, D.V. (2020). *Kubanskii sultan Bakhty-Girei: istoricheskoe prostranstvo individual'noi biografii i ego rekonstruktsiya* [Kuban Sultan Bakhty-Girey: the historical space of an individual biography and its reconstruction]. *Vspomogatel'nye istoricheskiye distsipliny v sovremennom nauchnom znanii. Materialy XXXIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, pp. 355-358. [in Russian]

Sen, Gribovsky, 2015 – Sen, D.V., Gribovsky, V.V. (2015). Kubanskii sultan Bakhty-Girey i ego rol' v osmano-krymsko-rossiiskikh otnosheniyakh pervoi treti XVIII v. [Kuban sultan Bakhty-Girey and his role in the Ottoman-Crimean-Russian relations in the first third of the 18th century]. *Rol' lichnosti v stanovlenii i razvitiі rossiisko-kavkazskikh otnoshenii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 230-letiyu so dnya rozhdeniya Bey-Bulata Taymieva*. Grozny, pp. 635-649. [in Russian]

Smirnov, 2005 – Smirnov, V.D. (2005). Krymskoye khanstvo pod verkhovnstvom Otomanskoy Porty [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte]. Vol. 2.: in the XVIII century before joining Russia. M., 313 p. [in Russian]

Tepkeev, 2018 – Tepkeev, V.T. (2018). Ayuka-khan i yego vremya [Ayuka Khan and his time]. Elista, 366 p. [in Russian]

Toropitsyn, 2011 – Toropitsyn, I.V. (2011). Rossiya i nogaitsy: poisk putei samoopredeleniya i sosushchestvovaniya (pervaya polovina XVIII v.) [Russia and the Nogais: the search for ways of self-determination and coexistence (the first half of the 18th century)]. *Tyurkologicheskii sbornik, 2009–2010: Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e*. Moscow, pp. 330-359. [in Russian]

Tsyuryumov, 2005 – Tsyuryumov, A.V. (2005). Kalmytskoe khanstvo v 1724–1741 gg.: khroniki dinastiinykh mezhdousobits [Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of dynastic civil strife]. Elista: Dzhangar, 160 p. [in Russian]

Tsyuryumov, 2007 – Tsyuryumov, A.V. (2007). Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii [The Kalmyk Khanate within Russia: Problems of Political Relations]. Elista, 464 p. [in Russian]

Tsyuryumov, Batyrov, 2006 – Tsyuryumov, A.V., Batyrov, V.V. (2006). Kalmytskoe khanstvo v rossiisko-krymskikh otnosheniyakh (XVIII v.) [The Kalmyk Khanate in Russian-Crimean Relations (XVIII century)]. Elista: AO «NPP «Dzhangar», 95 p. [in Russian]

Бахта-Гирей и калмыцко-кубанские отношения в 1726 г.

Владимир Толтаевич Тепкеев ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье подробно рассматриваются калмыцко-кубанские отношения в 1726 г. и роль в них мятежного кубанского султана Бахта-Гирея, которые вносили серьезную дестабилизацию на степной границе Российской и Османской империй. В последнее время в историографии наблюдается возрастающий интерес к личности Бахта-Гирея, которому персонально посвящен целый ряд публикаций. Целью работы является введение в научный оборот новых сведений о калмыцко-кубанских отношениях в 1726 г. Основной источниковой базой для данной работы послужили материалы Национального архива Республики Калмыкия, где отложились уникальные документы, касающиеся переписки калмыцкого наместника Церен-Дондука и других владельцев с региональными администрациями на юге России, а также секретные сведения информантов о калмыцко-кубанских отношениях. Их анализ позволил прийти к выводу, что в 1726 г. Бахта-Гирей после ряда неудач снова вступил в борьбу за власть на Кубани, прибегнув к военной помощи калмыков. Калмыцкие владельцы во главе с наместником стремились вернуть с Кубани ногайских едисан и джембойлуков, а также в условиях казахско-каракалпакского наступления с востока были жизненно заинтересованы в минимизации какой-либо угрозы с кубанского направления. На примере событий 1726 г. видно, как Бахта-Гирей в безвыходной ситуации смог вырваться из окружения и путем переговоров с калмыцкими владельцами увлечь их идеей выдвинуться с войском на Кубань и вернуть ногайцев, несмотря на строгие правительственные запреты.

Ключевые слова: калмыки, кубанские ногайцы, калмыцко-кубанские отношения, Бахта-Гирей, Крымское ханство.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: tvt75@mail.ru (В.Т. Тепкеев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 590-603
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.590

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Steppe Elite of the Kazakhs of the Junior Horde in the Period of Vassalage: New Approaches and Problems of Rethinking

Galiya A. Shotanova ^{a,*}, Ernar M. Uzhkenov ^b, Kulyash V. Dzhumagaliyeva ^c

^a Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Public Foundation "Institute of National History", Almaty, Republic of Kazakhstan

^c Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the role and significance of the steppe nobility of the Junior Horde, which played a significant role in the process of establishing Kazakh-Russian relations of the XVIII - early XIX centuries, since the role of the steppe elite was very relevant. In the context of the management of their possessions, representatives of the Steppe elite were guided by the norms of the "customary law" of the code of laws compiled by Tauke Khan, who was known as "Zhety Jargy" and had a certain influence on the decision of not only internal, but also involved in external processes of the Kazakh statehood. Their presence during important negotiations was explained by the fact that each steward was interested in the safety of those tribal groups that made up his entourage and represented his allotment. Therefore, the khan accepted the solution of issues on which the welfare of the Steppe depended in the presence of elders, influential sultans, biys and batyrs. The same case is recorded in written sources when the fate of the fatherland was decided after the death of Tauke Khan. Then Abulkhair Khan took a key position in the Kazakh steppe. This was a person who was appreciated by the external rulers by the elder khan. The role of the Khan of the Junior Horde Abulkhair in the life of both the Kazakhs themselves and his relationship with Bashkirs, Kalmyks, Russians, Khivins, etc., is described very meaningfully in the writings of representatives of these peoples.

Here the authors tried to reconstruct the picture of the circumstances that radically changed the socio-political structure of the Steppe and intend to assess some historical figures that played an important role in solving the strategic tasks of the Kazakh steppe.

Keywords: steppe elite, Russian Empire, Kirillov expedition, strategic partner, Abulkhair Khan, Junior Horde, Orenburg.

1. Введение

Ключевым событием утраты государственности казахским народом является момент принятия Абулхаир-ханом российского протектората. В советской историографии данное событие объяснялось главным образом джунгарской угрозой, представлявшей опасность не только для суверенитета, но и даже для выживания казахской нации. Однако при сопоставлении исторических фактов это предположение выглядит по меньшей мере странно, так как только были одержаны крупные победы над войском джунгар (в 1728, в декабре 1729, в январе 1730 гг.). На тот момент джунгарская угроза как основная причина принятия протектората была временно устранена. Мнение об устремлениях Абулхаир-хана через подданство Российской империи и при ее поддержке стать главным ханом в Казахской степи характеризует скорее незнание реалий казахского общества или их упрощенное восприятие. Хан прежде всего был сакральной фигурой, и любое его желание должно было встретить

* Corresponding author

E-mail addresses: galia8.09@mail.ru (G.A. Shotanova), e81g@mail.ru (E.M. Uzhkenov), d_kylash@mail.ru (K.V. Dzhumagaliyeva)

понимание со стороны родовых управителей, учитывая тот факт, что Абулхаир-хан не смог предотвратить угрозу смерти посланнику империи Кутлу-Мухаммеду Тевкелеву в своей ставке, и лишь вмешательство других старшин сохранило ему жизнь. Следует учитывать, что претенденты от Младшего жуза должны были встретить одобрение казахов Среднего и Старшего жузов, что шло вразрез со сложившимися традициями.

В настоящее время требуют переосмысления не только исторические процессы, но и роль исторических личностей, судьба которых тесно переплелась с событиями прошлого. В нашем случае речь пойдет о некоторых представителях степной элиты, сыгравших определенную роль в казахско-русских отношениях в XVIII – начале XIX вв. В этот период Казахская степь фактически находилась под протекторатом России. События обернулись таким образом, что казахские правители обратились к российской короне как стратегическому партнеру в борьбе с внешними угрозами. В намерения степной правящей элиты входило сохранение дальнейшего суверенитета и своей относительной самостоятельности.

К тому времени это был взвешенный, хотя и весьма рискованный политический курс правителя Младшего жуза Абулхаира. Несомненно, это укрепило казахско-русские дипломатические отношения и визуализировало внешней восточной угрозе серьезность двухстороннего сотрудничества. Однако надо признать, что от этой ситуации больше выиграла империя, которая в своих интересах рассматривала Казахскую степь как один из стратегически важных географических объектов для пополнения своего земельного фонда и налаживания безопасности торгово-экономических связей с Центральной Азией и Востоком.

2. Методы и материалы

Источниковую базу исследования составили документы фондов Государственного архива Республики Татарстан, материалы периодической печати, а также сборники опубликованных исторических документов.

Историческая наука в настоящее время находится под воздействием новых трансформаций, что в большей степени связано с появлением и развитием научных подходов. Довольно длительное время на территории СССР и постсоветского пространства господствовал формационный подход, который ограничивал исследователей в интерпретациях исторических процессов прошлого. Понятно, что и казахско-русские отношения рассматривались через призму идеологического сита. К слову, оценка этих отношений давалась только через призму позитивного подхода, где Российская империя, в отличие от других западноевропейских держав, была объявлена носителем более гуманной колониальной традиции.

К числу наиболее объективных инструментов изучения данного периода относится и ситуационный подход, который составил основу нашего исследования, где не всеобщие закономерности, а локальность и дискретность исторического процесса на территории Младшего жуза казахов в XVIII в., деятельность его лидера хана Абулхаира рассматриваются через призму исследования ситуаций, их форм и конструкций. Субъект исследования – хан Абулхаир как сторонник присоединения Младшего жуза казахов к Российской империи – становится и объектом исследования. Применение ситуационного подхода позволило авторам статьи через изучение позиций хана Абулхаира при решении важных внешнеполитических проблем смоделировать и проанализировать различные ситуации на территории Казахской степи в XVIII в. Использование данного подхода доказывает необходимость действий и выбранных способов решения важных вопросов ханом Абулхаиром в тот исторический период.

Междисциплинарный подход дает возможность применить методы разных научных дисциплин, что помогает исследовать нашу проблему более глубоко. В частности, применение методов картографического анализа позволяет описать географические условия, их специфику, а также восстановить существовавшие условия природного ареала и раскрыть проблемы жизнеобеспеченности казахской общины в частности и казахского кочевого общества в целом.

В исследовании применяется микроисторический подход, который дает возможность анализировать малозначимые, незаметные в повседневной жизни человека случаи, факты, что позволяет нам в свою очередь интерпретировать большое количество событий. На уровне микроистории изучается тонкая связь взаимовлияния элиты казахского общества, в частности ханов, султанов, и представителей простого народа. Микроисторический подход помогает раскрытию внутреннего состояния человека: применяя его, мы конструируем события того исторического периода через взгляды, переживания казахского хана Абулхаира.

При исследовании данных исторических вопросов исходным является принцип приоритета презумпции научной истины. Одним из постулатов, которым руководствовались авторы статьи, выступает тезис о причинах сближения степной аристократии с представителями колониальной администрации.

3. Обсуждение

Взаимоотношения степной элиты и представителей царской администрации в период XVIII – начала XIX веков широко представлены в материалах дореволюционных периодических изданий из Российской государственной библиотеки г. Москвы (РГБ). Один из важных источников, который у нас вызывает интерес, – «Грамота Анны Иоанновны Абулхаир хану» от 20 апреля 1734 г., опубликованная в Тургайской газете в 1899 году. Можно предположить, что императрица была встревожена рядом событий, происходивших к тому времени в Казахской степи после заключения двухстороннего соглашения о сотрудничестве. По документу можно проследить, что ее беспокоила степная вольность, особенно отношение казахов к действиям мурзы Тевкелева. По мнению Анны Иоанновны, в ряде случаев не соблюдались некоторые «важные пункты соглашения», отмеченные в «Указе о принятии казахов Младшего жуза в состав Российского подданства» от 1731 года.

При этом, учитывая некоторые особенности казахско-русских взаимоотношений, российская корона приняла решение поддержать идею Абулхаира о строительстве города на р. Орь, что прослеживается в следующей грамоте от 10 июня 1734 года. Необходимо отметить, что в создании города для казахского правителя была заинтересована сама империя, так как это был более эффективный способ контроля своих «подданных». По той же причине на строительство города была направлена экспедиция И. Кириллова, которая впоследствии составила гарнизон Орской крепости, куда следом были отправлены значительные воинские подкрепления.

Практически все доступные источники характеризуют период XVIII века как время попыток усиления российского влияния на Казахскую степь, по большей части дипломатическими способами, подчеркивая при этом относительную самостоятельность казахской верхушки. Эти мотивы, к примеру, прослеживаются в обращении оренбургского губернатора И. Рейнсдорпа в 1773 году от имени Екатерины II к Нуралы-хану, в котором предлагалось оказать помощь в подавлении восстания под руководством Е. Пугачева. Такое же письмо было направлено и Айшуак-хану ([Казахско-русские отношения, 1964](#)). В этом же издании мы наблюдаем четкое вовлечение протектора во внутренний процесс традиционного кочевого общества, где императрица, выражая соболезнование в связи с кончиной Нуралы-хана, озвучивает свое желание видеть последующим правителем Малой орды Ералы. Эти процессы в целом заключали в себе некоторые особенности дипломатических отношений, но вместе с тем указывали на первостепенную важность устоявшихся степных традиций, где определяющим было решение Ханского совета, что отмечается и в труде К.Ш. Хафизовой: «Одним из важных факторов для казахских правителей была необходимость признания их легитимных прав на ханство, на владение уделом и закрепление этих прав за своим наследником» ([Хафизова, 2019: 11](#)). В этом же контексте важно обратить внимание на сборник исторических документов в 2 томах, который включает в себя целый пласт писем казахских правителей с 1675 по 1821 годы ([Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014](#)).

Важнейшими источниками также явились записки, дневники и воспоминания путешественников, купцов как русских ([Халфин, Рассадина, 1977](#)), так и иностранных, совершавших поездки в казахские жузы. Они смогли передать характер, быт и повседневную жизнь кочевого общества через свои наблюдения. В этой связи можно отметить живописца Джона Кэстля, совершившего летом 1736 г. поездку в Младший жуз. Он побывал в ставке хана Абулхаира у Аральского моря. Его «Дневник путешествия» был опубликован в 1784 г. в качестве приложения к «Материалам по русской истории» ([Journal von Ao, 1784](#)). Также имеется реляция Флорио Беневени из Бухары в 1725 г. ([Аллаева, 2021: 85-87; Халфин, 1986](#)).

Основные этапы и ход исторических событий, связанных с развитием казахско-русских взаимоотношений второй половины XVIII – начала XIX вв., отражены в одной из крупнейших работ по данной проблеме – «Материалах по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.)» М.П. Вяткина, изданной в 1940 году. В ней прослеживается характер взаимоотношений казахской элиты с представителями царской администрации. Но особенность ее также в том, что здесь идет переосмысление устоявшихся в имперский период взглядов о «подчинении Казахской степи». Автор пишет, что обращение Абулхаира и его приближенных к союзу «лишь облегчило наступление феодально-крепостной России на казахские степи, но развернуть это наступление царскому правительству удалось после подавления восстаний в Башкирии, которые наблюдались в 30–40-е годы XVIII» ([Вяткин, 1940: 3](#)).

Большой интерес представляют европейские источники, особенно дневниковые записи английских путешественников, которые были в свое время впервые изучены ученым К. Есмагамбетовым в работе «Что писали о нас на Западе» ([Есмагамбетов, 1992](#)) и более подробно проанализированы в труде Б. Сужикова «История Казахстана в западных источниках XII–XX вв.» ([Сужиков, 2005](#)). Европейский взгляд на исторические процессы и казахско-русские взаимоотношения во многом основан на тех или иных популярных подходах, как, например, «теория границ», которая, несмотря на всю критику и полный крах, стала своего рода прародителем теории «естественных границ» и выделения фронта. Именно фронт в работах западных ученых как территория между кочевниками и империей стал объектом рассмотрения этапов формирования стабильности и порядка на этой границе, а также проблем ее укрепления путем организации сети

военных укреплений и установления полного контроля (Моррисон, 2020). *Казахская степь была довольно трудно контролируемой территорией для Российской империи, но в то же время она имела стратегическое значение. В процессе подчинения региона и управления им сыграли свою роль как русские, так и казахские представители (Кэмпбелл, 2017).*

Отдельным методом упрочения своих амбиций являлась попытка реализации проекта духовной интеграции. Помимо пропаганды преимуществ принятия православия, для большего укрепления своих позиций и отношений с местной знатью Российская империя сделала ставку и на ислам. Одна из целей – формирование из кочевого населения лояльных подданных, культурным ориентиром которых должны были стать религиозные центры Поволжья. Исламу предстояло стать связующим звеном в укреплении казахско-русских отношений (Круз, 2006).

Также в западной историографической традиции отдельно обсуждаются проблемы распространения степени влияния и взаимодействия российского правительства с кочевой элитой, и в этом аспекте анализируются причины относительно мирного продвижения царизма в Казахскую степь, что нашло отражение в работе Г.Т. Кендирбай (Кендирбай, 2020).

В отечественной историографии вопрос изучения казахско-русских отношений в период имперского влияния России получил широкую популярность в 1990-е годы. Появились труды таких исследователей, как Ж. Касымбаев (Касымбаев, 1997), К.Л. Есмагамбетов (Есмагамбетов, 1992), И.В. Ерофеева (Ерофеева, 2007), Б. Абиьлдаулы (Абиьлдаулы, 2002), которые дали возможность современным авторам продолжить реконструкцию событий XVIII – первой половины XIX веков и вместе с тем переосмыслить роль исторических личностей.

До этого времени в советской историографии вопрос «добровольного присоединения», или «добровольного вхождения», освещался с точки зрения формационного подхода, поддерживая идейную линию марксистско-ленинской идеологии. В зависимости от интерпретации событий авторами прошлого создавались своеобразная картина действий и характеристика образов исторических лидеров. На протяжении долгого времени исследователи ориентировались на наиболее популярные и известные дореволюционные источники, которые в большей степени гласно или негласно освещали волю царя или же идеи царских чиновников, к примеру В.Н. Витевский (Витевский, 1891), П. Рычков (Рычков, 1762). В свое время широко известными в научном обиходе стали труды советских историков П. Галузо (Галузо, 1965), В.Я. Басина (Басин, 1971), Б.С. Сулейменова в соавторстве с В.Я. Басиным (Сулейменов, Басин, 1981) и др.

В кругу российских и зарубежных ученых можно встретить работы о политике взаимоотношений казахской знати со среднеазиатскими ханствами. Например, наиболее значимыми стали научные труды В.В. Трепавлова (Трепавлов, 2017), Р.Ю. Почекаева (Почекаев, 2017), Д.В. Васильева (Васильев, 2015), С.У. Таймасова (Таймасов, 2009). Вопросу изучения дипломатических отношений хивинских ханов и правителей Казахской степи посвятили свои исследования узбекские авторы – Н.А. Аллаева (Аллаева, 2021), Б.А. Ахмедов (Ахмедов, 1985) и др.

Анализ непростых отношений казахской элиты Младшего и Среднего жузов с Российской империей представлен в работе Ю.А. Лысенко (Лысенко, 2019). Применяя на практике монгольские традиции в системе управления (аманатство, ясак) в XVIII – первой половине XIX вв., российское правительство тем самым стремилось наладить контроль над степной элитой. Роль института аманатства во внутренней политике Российской империи и его место в казахско-русских отношениях подробно описаны в работе Г.Б. Избасаровой (Избасарова, 2017).

Одним из примеров казахско-русских отношений, а именно вмешательства и изменения традиций, существовавших в казахском обществе, является инаугурация хана Младшего жуза Жанторе. Сам процесс провозглашения его ханом был проведен в соответствии с законом Российской империи 1792 года, хотя обычно это решали сами султаны-чингизиды и представители казахской знати (Васильева, 2019).

4. Результаты

История процесса колонизации Великой Степи остается одной из наиболее актуальных для исследования утраты государственности в XVIII веке. Как известно, процесс колонизации можно подразделить на казачью, крестьянскую и военную колонизацию степных пространств, и если сами переселенческие волны достаточно хорошо описаны (Абдиров, 2000), то отношение к этому процессу представителей степной элиты остается одним из дискуссионных вопросов отечественной истории. Начало колонизации традиционно относят к активному проникновению казаков в Приуралье и основанию Яицкого городка, что совпало с временным ослаблением Казахского ханства и утратой контроля над кочевым населением этих районов.

Процесс вхождения в состав российского государства имел продолжительную историю и имел как своих сторонников, так и противников. На должность сторонников в советский период был «назначен» Абулхаир-хан, названный инициатором данного процесса. Более того, он в советской историографии выступал как фигура достаточно лояльная к российской власти, а его цель обращения к российскому протекторату трактовалась как попытка с помощью российской власти добиться объединения казахов под своей абсолютной властью. Здесь необходимо более подробно остановиться

на функциях хана и его реальных возможностях. Постулат об отсутствии у кочевого правителя абсолютной власти известен уже давно. Хан – это главнокомандующий с возможностью делегировать свои полномочия другому, как, например, Тауке-хан, который вследствие тяжелой болезни не мог самостоятельно водить войска в бой; правитель, решения которого можно корректировать, как это было с самим Абулхаиром, когда часть старшин выступила против самостоятельного принятия решения о протекторате; судебные полномочия хана возникали только тогда, когда стороны не могли прийти к самостоятельному решению конфликта, но даже хан мог быть призван в качестве ответчика, как, например, Нуралы-хан был приговорен к выплате куна простому кочевнику за причиненные побои. Одна из функций хана, наиболее важной из которых была прерогатива вести внешнеполитические переговоры и принимать решения в них, также могла быть подвергнута пересмотру. Так, китайские чиновники, пытавшиеся повлиять на мнение хана Старшего жуза, были вынуждены ждать приезда его главного советчика – Толе би. «Среди деятелей большинство составляют представители «белой кости», что вполне закономерно, так как дипломатия была привилегией ханов и ближайших их родственников – султанов. Среди послов мы встречаем представителей «черной кости», но и они в своем большинстве относились к казахской феодальной знати...» (Хафизова, 2019: 5).

В целом необходимо признать, что действия хана Абулхаира по принятию протектората не укладывались в его властные функции, однако, если обратим внимание на действия хана Среднего жуза – Семеке, то его единовластное решение о протекторате не вызвало подобного негативного отклика среди его подданных, что побуждает нас искать причину обращения Абулхаира к Российской империи именно во внутривосточной ситуации Младшего жуза. Младший жуз, расположившись на одном из флангов Казахской степи, был окружен со всех сторон кочевыми и оседлыми соседями, что вынуждало любого властителя держать войска не врозь, а в едином целом, что в свою очередь приводило, как правило, к самым негативным последствиям. Ханская дружина просто не успевала отреагировать на многочисленные вторжения или агрессию. По данным известных нам источников, виден размах и масштабность тех действий, которые предпринимал хан Абулхаир для защиты своего народа. Так, он на короткое время становится ханом Хивы, был приглашен стать ханом башкир, пытался посадить своего сына ханом у туркмен, контролировал часть каракалпаков, ходил походами на волжских калмыков и уральских казаков. Столь бурная внешняя политика вовсе не означала надежный и крепкий тыл и зачастую вызывала противодействие даже внутри ханской семьи. Как известно из источников, Нуралы как старший сын хана вел самостоятельные переговоры с царской администрацией и склонял отца к более прочному подчинению российской короне. Более того, слабость ханской власти вообще была характерна для Младшего жуза. Согласно «Жеты Жаргы» Тауке-хана, убийство хана или султана простым кочевником характеризовалось как самая тяжкая статья. Тем не менее Сырым-батыр убийством хана Ералы по сути положил начало процессу ликвидации ханской власти вообще, а Есет-батыр убил даже двух султанов. Жанкожа Нурмухамедов отстаивает свой суверенитет даже перед последним общеказахским ханом Кенесары, а Исатай-батыр перед последней своей битвой отказывается признать своим ханом султана Каипгали. Степень непопулярности ханов также была характерна и для Младшего жуза. Так, ханы Шергазы, Жанторе и Нуралы и вовсе предпочитали жить вблизи российской границы и быть под охраной колониальных властей.

Сами события, случившиеся в период переговоров о подданстве, хорошо освещены и изучены. Так, например, описывая мотивы Абулхаир-хана, В.Я. Басин в 1971 году пишет, что «одновременно с принятием казахами российского протектората, Абулхаир рассчитывал опереться на могущественную Россию против Джунгарии, расширить торговлю с ней, получить право пользоваться пастбищами между Волгой и Уралом» (Басин, 1971: 132), иначе говоря, на тот момент были актуальны поиски «выгодного сюзерена-покровителя» (Галузо, 1965: 11). А в 1981 году тот же В.Я. Басин в соавторстве с Б.С. Сулейменовым пишет, что «наиболее дальновидная часть казахского общества, в частности «ханская партия» во главе с ханом Младшего жуза Абулхаиром, единственный выход из этой тяжелой для края внутренней и внешнеполитической обстановки видела в принятии российского подданства» (Сулейменов, Басин, 1981: 37).

Однако вопрос о мотивах и причинах, побудивших обратиться Абулхаира к российскому покровительству, остается открытым. Указываемая в качестве причины в ряде источников и научной литературе угроза нового джунгарского нашествия может считаться таковой лишь отчасти, поскольку Аныракайская битва достаточно серьезно подорвала силы джунгар, и обращаться к российскому протекторату сразу после победы по крайней мере выглядит сомнительно для главнокомандующего всем казахским войском. Последующий ход событий также показывает, что и в 1740-х гг., после принятия протектората, джунгар не остановил новый статус извечных врагов, и состоялась серия сражений, в которых российское правительство не оказало военной поддержки своим новым подданным и ограничилось только лишь дипломатическими мерами. По сути, главная причина, указываемая в источниках – джунгарская угроза – была ликвидирована уже в конце 1740-х – начале 1750-х гг. силами казахов, которые воспользовались тем, что джунгары были вынуждены держать часть сил против Цинской империи.

Еще одной причиной, укоренившейся в отечественной науке, называлась попытка Абулхаир-хана с помощью российских властей стать единоличным правителем. Отметим, что на тот момент по устоявшимся степным обычаям и праву роль старшего хана отводилась Абулхаиру, поскольку он обладал достаточным авторитетом и вкладом в дело безопасности ханства. Но также этот статус примерял на себя и Кайып-хан. В этой связи о важности существования «старшего хана» известный ученый-востоковед К.Ш. Хафизова пишет: «Казахских ханов объединяло понимание необходимости иметь старшего хана, хотя бы для председательствования на ханских советах, для обсуждения насущных внешнеполитических вопросов и достижения консенсуса. Старший хан должен был быть знатного происхождения и, в силу своей знатности, обладать авторитетом. Если он уступал по знатности, как, например, хан Абулхаир, то по меньшей мере должен был завоевывать этот авторитет своим вкладом в дело безопасности ханства, отличившись в крупных военных сражениях и дипломатических переговорах с соседними государствами» (Хафизова, 2019: 9). По сути, Абулхаир-хан не мог не понимать всю неосуществимость своих «мечтаний» о всеказахском троне, поскольку даже его собственные султаны и родовые правители не всегда поддерживали его. Свидетельств подобного умозаключения в источниках немало, а учитывая тот факт, что каждый родоправитель принимал присягу на подданство Российской империи самостоятельно, нетрудно представить степень центробежных процессов.

Сама территория исторического проживания казахов выходила за пределы современных политических границ и включала в себя многие приграничные на сегодня районы, подходившие для нужд кочевого хозяйства. Само понятие границы у кочевников расходится с теми или иными маркерами, подходившими для земледельческих культур, поскольку включает в себя географические ориентиры, сакральные места или постройки и наиболее удобные для выпаса скота пастбища и водопои. Так, географическим ориентиром могли выступать холмы, горы или леса, а также берега рек или озер, где давняя традиция использования пригодных для выпаса скота мест служила неким юридическим актом для узаконивания прав того или иного социума на эту территорию. Сакральные места зачастую представляли собой отдельно стоящие могилы либо некрополи и служили дополнительным подтверждением прав на данную территорию, как и колодцы или переправы через водные преграды, которые зачастую закреплялись за определенным родом или индивидом, однако существовали и определенные правовые нюансы при использовании колодцев (Дробышев, 2006: 170). При всей богатой литературе по теме наличия частной собственности у кочевников нам близка точка зрения Н.Н. Крадина, где он достаточно аргументированно утверждает, что частная собственность у кочевников распространялась на движимое имущество и скот (Крадин, 2020).

Сам регион представляет собой в природно-климатическом плане степные пространства, где зона полупустынь достигает территории современной Атырауской области, а именно среднего течения реки Сагиз с отдельными пустынными районами восточнее реки Волги, а также занимает почти всю южную часть современной Актюбинской области. Сама территория Западного Казахстана представляла собой идеальную площадку для ведения кочевого хозяйства. Климатические условия достаточно суровые – засоленные почвы, аридная местность, большая амплитуда температур предопределили кочевое хозяйство как единственно возможный вид. Ярким свидетельством этого является судьба Ханской ставки, построенной на территории Букеевской орды ханом-реформатором Джангиром. Занесенная песками, Ханская ставка ненадолго пережила своего создателя (Дробышев, 2006: 172-173). Пустынный характер местности, большие пространства, мобильное хозяйство и воинственность местных кочевников стали серьезным препятствием для колонизации края.

Именно поэтому мы видим, что на протяжении всего XVIII – начала XIX веков устремления российской державы были направлены на захват более благоприятных районов, долин рек и плодородных земель, благодаря чему близлежащие кочевья довольно быстро приняли новую власть. О степени подчинения дальних кочевий сложно судить на сегодня, и если говорить именно о подчинении кочевников и превращении их в подданных Российской империи, то этот процесс затянулся вплоть до середины XIX века. Для более раннего периода следует подразумевать, что казахские власти находились под протекторатом России. Отсутствие реальных рычагов давления и администрирования над отдаленными кочевьями российские колониальные власти могли компенсировать лишь лояльностью местной степной элиты.

Природная мобильность кочевников, климатические и природные факторы, а также довольно малочисленные военные отряды, способные преодолеть необъятные степи, обеспечили довольно мирное продвижение царских отрядов в глубь казахских степей. Сам процесс колонизации, занявший по времени более 200 лет, не являлся завоеванием, согласно классической точке зрения. На протяжении всей военной колонизации Казахской степи ожесточенное сопротивление оказывалось только на уровне родовых дружин, и только лишь благодаря личным качествам предводителя и полководца, в период предводительства Кенесары национально-освободительной войной, казахи смогли противопоставить российской армии достаточно большое количество сарбазов. Таким образом, именно лояльность местной элиты позволила российской колониальной администрации закрепиться в казахских степях.

Общий ход исторических процессов складывался таким образом, что российской короне, как было указано выше, противостояло не централизованное государство, а ополчение жузов, объединявшихся лишь перед внешней угрозой, такой как, например, джунгарское нашествие.

Первая треть XVIII века для Казахстана стала периодом, угрожавшим не только потерей независимости, но и национальной идентичности. После смерти Тауке-хана к просторам Казахской степи наблюдался повышенный интерес со стороны Джунгарского ханства. Помимо этого, имела место внутренняя борьба правящих элит, что также нарушило стабильность в Казахском ханстве. В книге «Казахстан в составе России» говорится, что «казахи оказались в невыносимо тяжелом положении. Это ускорило их решение обратиться к России с просьбой о подданстве» (Сулейменов, Басин, 1981: 36). Именно с именем Абулхаира в последующем, в 30-е годы XVIII века, связывают тесные контакты казахских ханств с Российской империей, Хивой, Башкирией и каракалпаками.

Во время работы в Российской государственной библиотеке в г. Москве на страницах ряда дореволюционных печатных изданий были обнаружены сведения о заинтересованности России в соседних землях, в том числе и Казахской степи. Это был характерный для империи процесс, так как Россия получала выход на рынки Азии, не имея естественных конкурентов, а также смогла бы наладить сбыт своей продукции, что стимулировало бы развитие собственной промышленности. Учитывая слабость промышленной базы, Российская империя смогла бы перенаправить часть всемирной торговли через свои рынки и порты, что автоматически бы позволило пополнить государственную казну и усилить позиции на европейской, а по сути, и мировой сцене. Отсюда мы наблюдаем попытку подготовки военного похода в Британскую Индию через казахские степи императором Павлом I, сюда же можно отнести и политику развертывания строительства опорных баз – линии крепостей и городов. Немаловажным фактором усиления военного проникновения в казахские степи стала нейтрализация угрозы перспектив объединения кочевников в единое целое, особенно учитывая наличие пусть и ослабевшего, но все-таки признанного последнего государства кочевников – Казахского ханства. Это же обстоятельство проявилось, когда речь пошла о строительстве города на берегу реки Орь, которая служила бы административным центром империи с целью контроля над казахами и недопущения усиления казахско-башкирских связей. Например, о несогласии строительства этого города высказались башкиры, отправив на переговоры с И.К. Кирилловым в г. Уфу своих представителей. По их мнению, строительство города в будущем ограничит их связь с казахами. И вместе с тем упомянули то, что строительство крепостей нарушало прежние договоренности с Россией, закрепленные еще при Иване Грозном. В своем обращении к И.К. Кириллову башкиры говорили: «Царь Иоанн даровал в 1556 году нам вольности жить, при старых порядках, по древним нашим обычаям, самим собой управлять, и чтобы на наших землях отнюдь русских не было; на этом условии наши предки признали себя данниками и вошли в российское подданство. Но вопреки грамоте 1556 года, началось строительство городов и населять их русскими...» (ГАРТ. Ф. 698. Оп. 1. Д. 195. Л. 11). Однако к тому времени наблюдалась политическая трансформация Московского царства в Российскую империю (Киргизская степь..., 1877: 5), что негативно повлияло на интересы подвластных народов. Относительно этого Г.Б. Избасарова пишет, что инородные политические сообщества успели превратить Россию в многонациональное государство, что стало удобным началом для России с новым статусом «империя» (Избасарова, 2018: 68). В этой связи Суни Рональд отмечает: «После завоевания Иваном IV Казанского и Астраханского ханств в середине XVI в. Московское государство инкорпорировало в свой состав территории, компактно заселенные нерусскими народами» (Суни, 2004: 177).

Несмотря на разработанную доктрину «естественных границ» в дореволюционный период, сутью которой был выход на естественные горные препятствия, чтобы нейтрализовать любые внешние вторжения со стороны британских владений и Афганистан, Казахская степь у царских чиновников все же пользовалась интересом не только в качестве транзитного коридора на среднеазиатские рынки, но и в качестве самостоятельного субъекта торговли и прибыли, о чем свидетельствуют доходы от приграничной торговли. Так, в 1830-е годы только Казахская степь потребляла более 50 % хлопчатобумажных изделий, являясь таким образом крупнейшим рынком для России в области развития легкой промышленности (Акимбеков, 2018: 316). Поэтому «вслед за Тевкелевым отдельные исследователи разных поколений справедливо связывают стратегический этап, навсегда определивший неизбежность включения Казахстана в орбиту России, с именем и деяниями Петра I. Он дал поручение ответственному работнику Сената И. Кириллову и дипломату, переводчику Коллегии иностранных дел мурзе Тевкелеву (до принятия православия – Кутлумбет мурза) разработать проект приведения казахов в российское подданство» (История Казахстана..., 2010: 19).

О намерениях стабилизации российской внешней торговли, проходящей через казахские степи, в том числе и укрепление позиций в самой Средней Азии в период правления Петра упоминается на страницах «Оренбургского листка»: «Петр всегда промышлял об азиатской торговле, ему нужно было привести в подданство киргиз, чтобы на Аральском море учредить торговую пристань» (Киргизская степь..., 1877: 6).

Следовательно, Казахская степь рано или поздно столкнулась бы с проблемой в лице империи, и намеренный захват территории с целью урегулирования торговых сообщений был неизбежен. Об этом можно прочесть в работе В.Н. Витевского, посвященной 300-летию Уральского казачьего войска. Он пишет: «Чтобы открыть путь торгово-промышленному движению на восток, Россия должна была овладеть киргизскими ордами, которые, по мнению Петра Великого, имели значение «ключа и ворот» по отношению к Средней Азии, и, только овладев ими, русские могли войти в сношение с ташкентцами, сартами, хивинцами и другими среднеазиатскими народами» (Витевский, 1801: 148). Планы императора не ограничились проваленной экспедицией А. Бековича-Черкасского, о чем В.Н. Витевский пишет так: «Несчастный исход экспедиции Бековича Черкасского в Хиву не ослабил стремление Императора на восток через киргизские степи», который готов был потратить большие усилия и «миллионные средства» для осуществления цели. При этом приводится цитата самого Петра: «Киргизская орда одним листом под протекцию Российской империи быть обязана» (Витевский, 1801: 149). Плановая реализация задумок Петра Первого нашла место в политике Анны Иоанновны. При ней вопрос получения полного протектората над Степью к тому времени приобрел более серьезный характер. Проезд через Степь чаще всего представлялся опасным, поэтому чиновники регулярно напоминали о своем политическом статусе. Тому свидетельство – грамота от 20 января (9 января) 1734 года с прямым обращением императрицы к Абулхаир-хану с намерением напомнить о «присяге 1731 года» (Грамота императрицы..., 1899: 5-6). Причиной стало нападение казахов на караван полковника Гербера, который двигался по направлению к Хиве и Бухаре. Пользуясь случаем, Анна Иоанновна напоминает об обеспечении бескомпромиссной безопасности субъектам империи (государственным чиновникам, купцам и т.д.) по всей степи и при этом считает необходимым упомянуть следующее: «Киргиз-кайсацкой орды Абулхаир хану, старшинам и всему киргиз-кайсацкому войску... Понеже по принятию Нашего вечного подданства и по учинению присяги в 1731 году, каким образом с нашим посланником мурзой Тевкелевым вы поступили, о том нам пространно донесено, и между тем о происшествиях на полковника Нашего Гербера с караваном, ведущего в Хиву и в Бухару, из ваших своевольных киргизов, что против подданнической должности и присяги показано» (Грамота императрицы..., 1899: 5). Продолжая обращаться к Абулхаиру, императрица оповещает его также и о нападении казахов во главе с Семекеханом на башкир с целью «разорения» и следом отмечает, что это столкновение завершилось примирением сторон. Здесь, в обращении к Абулхаиру, императрица упоминает всех участников делегации 1731 года, акцентируя внимание на том, что тогда во дворец прибыли представители трех жузов. Но по отношению к Семекехану у Абулхаира свое мнение: «Брат мой Шамяки-хан в. и. в. противится и с Средней ордой соединился, а я его в состоянии привести не могу, о чем вам известно, всепокорно прошу на меня в том не гневаться» (Эпистолярное наследие. Кн. 1, 2014: 111), то есть следует предположить, что вопрос о подчинении всей Казахской степи, с легкой подачи Абулхаира, не стоял на повестке дня.

Одной из важнейших причин обращения Абулхаира к протекторату России может быть постройка города в качестве опорной базы или столицы. Так, издавна обладание городом было своего рода маркером значимости для кочевых правителей. Например, казахские ханы издавна пытались установить контроль над городами Туркестана. Тауекель пытался даже распространить свою власть на Бухару и Самарканд, выйдя за пределы традиционного для кочевников домена. Сюда же можно отнести попытку Касым-хана перенести столицу, а следовательно, и центр власти в Сарайчик. Известно, что Абулхаир несколько раз обращался с просьбой о постройке города и даже попросил после возведения Орской крепости, ставшей форпостом для военного продвижения Российской империи на юг, выбрать место для постройки города на реке Сырдарье: он должен был стать оплотом его власти и символом его могущества. Абулхаир понимал, что город станет не только административным, торговым и экономическим центром, но и, надо полагать, даст возможность будущему оседанию кочевников. Однако ему было отказано в этом из-за проблем с логистикой.

Исходя из этого, первоочередной задачей в союзе России с Казахской степью, по мнению Анны Иоанновны было обеспечение безопасности при передвижении торговых караванов, представителей русской администрации через казахские земли, что обязались выполнять казахи: «п. 4. Когда российским подданным с купеческим караваном из Астрахани и из прочих мест чрез нас (т.е. Казахские степи. – Авт.) случится им куда ехать или к нам, кайсакам, с караваном же придут, то нам худо б им не чинить, и от худых людей их защищать, и в надлежащих местах нам их препровождать» (Эпистолярное наследие. Кн. 1, 2014: 108).

Постоянное обращение и апелляции к хану Младшего жуза можно считать свидетельством того, что Абулхаир имел значительное влияние в Степи. Его имя ассоциировалось в геополитическом пространстве с титулом старшего хана, наличие которого у Абулхаира предполагает К.Ш. Хафизова, впрочем, этот титул выражал лишь уважение к самому авторитетному хану Казахской степи. Авторитет старшего хана давал большие возможности в первую очередь в решении внешнеполитических вопросов, а также был символом единой казахской государственности. К сожалению, в казахском обществе после смерти Абулхаир-хана в 1748 году статус старшего хана перестал существовать.

Преемник Абулхаира, Нуралы, по воле российской короны стал именоваться ханом «Киргиз-кайсацкой орды». В одной из последних крупных работ исследователя И.В. Ерофеевой запечатлено: «После трагической гибели Абулхаира Нуралы 2 октября 1748 г. был провозглашен ханом небольшой группой казахских биев и батыров, и три дня спустя после того его мать ханша Бопай, 28 старшин Младшего жуза и 5 старшин Среднего жуза по совету оренбургского губернатора И.И. Неплюева официально обратились к императрице Елизавете Петровне с просьбой утвердить за ним титул старшего, или главного, хана (улкен хан). Но поскольку царское правительство не было заинтересовано в укреплении центральной власти в казахских жузах и легитимации института старшего хана, то русская императрица своей грамотой от 26 февраля 1749 г. пожаловала Нуралы лишь неопределенный титул «киргиз-кайсацкого (т.е. казахского. – Авт.) хана» ([Эпистолярное наследие. Кн. 2, 2014: 7](#)).

Интерпретируя роль Абулхаира в истории казахско-русских отношений XVIII века, надо адекватно воспринимать его зависимость от сложившихся внешнеполитических обстоятельств. Помыслы хана описываются в различных источниках по-разному. К примеру, один из российских исследователей пишет: «Абулхаир-хан не был «рыцарем без страха и упрека», и стремление перейти в подданство Российской империи было продиктовано его прагматизмом политика – воспользоваться военной мощью России против джунгар, особенно терзавших казахов с 1720-х гг., и персидского шаха Надира, захватившего Хивинское ханство, на трон которого претендовал Нуралы – сын Абулхаир-хана. С помощью России он хотел укрепить свою ханскую власть во всей Казахской Степи. Но политика российской правящей элиты была противоречива. Царский двор верил все полномочия по этому вопросу оренбургским властям. Алексей Тевкелев... посол российской государыни к Абулхаир-хану, с именем которого связан успех российской дипломатии в феврале 1731 г., поддерживал последнего в попытках упрочения ханской власти в степи. А Неплюев считал, что сильная ханская власть, да еще в лице такого волевого правителя, не способного быть марионеткой, не отвечает государственным интересам России» ([Кадырбаев, 2016: 7](#)).

Надо отметить, что в те годы мнение и влияние Ханского совета были довольно объяснимыми. Многие султаны и знать настойчиво предлагали молодому хану наладить контакты с Российской империей. Поэтому в 1730 году Абулхаир отправил своих представителей в Москву, чтобы попросить у императрицы защиты от постоянных нападений джунгар. Взамен казахи предлагали военный союз. Императрица согласилась при условии, что Младший жуз войдет в Империю как протекторат. Абулхаир принял это условие, так как считал данный выход из сложившейся ситуации приемлемым и уже видел дальнейшую выгоду. Но спустя годы, распылав истинные цели империи, Абулхаир делает попытки восстановить былое величие казахского государства. В последние годы своей жизни он пытался бороться против усиления присутствия Российской империи на территории своих владений. Особенно это стало заметно с момента прихода к власти в регионе оренбургского генерал-губернатора И.И. Неплюева.

Абулхаир был истинным потомком великой династии чингизидов, хранителем тюркского духа. Храбрость, дипломатию, тактику и стратегию мы наблюдаем в его действиях и переговорах с внешними государствами. Например, несмотря на тесный контакт с Россией, Абулхаир снова становится заметной фигурой в разрешении восстания в Башкирии. Однако при этом он преследовал и свои стратегические интересы, что вполне объяснимо для истинного правителя. Говоря о ситуации в отношении траектории «Россия–Казахская степь–Башкирия», можно упомянуть отрывок из работы Р.Ю. Почекаева: «Во время восстания 1735–1739 гг. в Башкирии вновь оказался казахский хан Абу-л-Хайр, правитель Младшего жуза. Уже около пяти лет считавшийся подданным российских императоров, он появился в Башкирии в 1736 г. под предлогом оказания помощи русским в подавлении волнений. Однако хан намеревался сделать башкирским ханом своего сына Ходжа-Ахмада. Учитывая его статус российского подданного (причем крайне ненадежного!), имперские власти не сочли возможным воздействовать на него силой оружия, и поэтому начальнику оренбургской пограничной комиссии В.Н. Татищеву пришлось применить все свои дипломатические способности, чтобы убедить хана вернуться в Казахстан» ([Почекаев, 2016: 122](#)). История повторилась в 1738 году. Абулхаир-хан и Ходжа-Ахмет снова оказались в Башкирии, что крайне беспокоило российскую корону. По мнению И.В. Ерофеевой, действия Абулхаира начали очень сильно тревожить Российскую империю. Была опасность того, что хану удастся укрепить связи и с Поволжьем, что не допускалось в политике России: «Несомненно, за этим решением стояло опасение властей, что укрепление связей Абу-л-Хайра и Ходжа-Ахмада с Поволжьем путем породнения с местной знатью позволит им и далее претендовать на башкирский трон» ([Ерофеева, 2007: 305](#)).

5. Заключение

В целом на сегодня можно утверждать, что обращение к российскому протекторату было вынужденным шагом, поскольку та геополитическая ситуация, которая сложилась в 30-х гг. XVIII века не позволяла казахам сконцентрироваться против главной угрозы – Джунгарского ханства. Исключение из врагов подвластных российской короне калмыков, башкир и уральского казачества позволяло сберечь людские и иные ресурсы, ведь недаром позднее с полуострова Мангыстау были

вытеснены туркмены, что стало возможным с гибелью Джунгарского ханства и побегом калмыков на свою историческую родину. Взамен же Абулхаир, по сути, принимал определенные обязательства в виде помощи в возврате пленных или охране караванов, сохраняя при этом известную независимость во внешней политике. По сути, установление протектората вовсе не предполагало потерю независимости, даже приняв подданство, Абулхаир-хан являлся активным участником всех главных политических событий.

Всемирный исторический процесс неминуемо должен был привести к краху кочевого строя, и Казахское ханство, представляя собой последнее государство кочевников, было обречено на падение. Абулхаир-хан, по сути, своими действиями способствовал более мягким условиям вхождения Казахской степи в состав Российской империи.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, проект «Политические портреты лидеров Младшего жуза в XVIII – I половине XIX веков в отечественной и зарубежной историографии». ИРН проекта: АР08855800.

Литература

- Абдиров, 2000 – Абдиров М.Ж. Завоевание Казахстана царской Россией. Научное издание. Астана: Жалын, 2000. 171 с.
- Абильдаулы, 2002 – Абильдаулы Б. По велению хана Абылая // *Казахстанская правда*. 2002. № 4. Июнь. С. 6.
- Аллаева, 2021 – Аллаева Н.А. Дипломатия Хивинского ханства и торговые связи (XVI–XIX вв.)». Ташкент, 2021. 358 с.
- Ахмедов, 1985 – Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент, 1985. 262 с.
- Басин, 1971 – Басин В.Я. Казахстан в системе внешней политики российской империи / Ин-т истории, археологии и этнографии. Алма-Ата: Наука, 1971. 275 с.
- Басин, 1971 – Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1971. 274 с.
- Васильев, 2015 – Васильев Д.В. Ханская власть в Казахской степи в контексте региональной политики Российской империи // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал*. № 3. (Том 4), 2015, История. С. 7-15.
- Васильева, 2019 – Васильева Н.Е. Известия губернатора оренбургской губернии Г.С. Волконского об инаугурации казахского хана младшего Жуза Жанторе. Новые материалы // *История*. Т. 10, Выпуск №1(75).
- Вяткин, 1940 – Вяткин М.П. Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV. Изд.: АН СССР. М.-Л., 1940. 543 с.
- Галузо, 1965 – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 344 с.
- ГАРТ, 1891 – Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ).
- Грамота императрицы..., 1899 – Грамота императрицы Анны Иоанновны хану Малой орды Абулхаиру // Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края / Сост. Добросмыслов А.И. *Тургайская газета*. 13 августа. 1899. Л. 5-6.
- Дробышев, 2006 – Дробышев Ю.И. Обычное право казахов: экологический комментарий // *Тюркологический сборник*. 2005. СПб., 2006. С. 159-188.
- Ерофеева, 2007 – Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. 3-е изд., испр. и доп. Алматы, 2007. 496 с.
- Ерофеева, 2014 – Ерофеева И.В. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты / Сборник исторических документов в 2 томах. Т. 1: Письма казахских правителей (1675–1780 гг.). Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. 696 с.
- Ерофеева, 2014а – Ерофеева И.В. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты / Сборник исторических документов в 2 томах. Т. 2: Письма казахских правителей (1738–1821 гг.). Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. 1032 с.
- Есмагамбетов, 1992 – Есмагамбетов К.Л. Что писали о нас на Западе. А.: Қазақ университеті, 1992. 152 с.: 16 л. ил.
- Журналы и служебные..., 2005 – Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.) // *История Казахстана в русских источниках*. Т. 3. Алматы, 2005. 484 с.
- Игнатъев, 2011 – Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Составитель М.И. Роднов. Т. III: 1869–1872 годы. Уфа, 2011. 302 с.
- Избасарова, 2017 – Избасарова Г.Б. Аманат в традиционном казахском обществе и российской политике XVIII в. // *Российская история*. 2017. № 1. С. 103-112.

[Избасарова, 2018](#) – *Избасарова Г.Б.* Государственная деятельность А.И. Тевкелева по реализации юго-восточной политики российской империи в XVIII в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 430. С. 68-76.

[История Казахстана..., 2010](#) – История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 3. Алматы: Атамұра, 2010. 768 с. илл., карты.

[Казахско-русские отношения, 1964](#) – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. Сб. документов (документы: 1–88). Алма-Ата, 1964. 575 с.

[Касымбаев, 1997](#) – *Касымбаев Ж.* Политика Абулхайр хана в принятии Младшим Жужом российского подданства в 30-х годах XVIII века // *Изденис/Поиск*. 1997. № 5. С. 62-71.

[Киргизская степь..., 1877](#) – Киргизская степь Оренбургского ведомства // *Оренбургский листок*. 1877 г. № 20. Л. 7.

[Крадин, 2020](#) – *Крадин Н.Н.* Кочевники и всемирная история // СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2020. 416 с.

[Лысенко, 2019](#) – *Лысенко Ю.А.* Механизмы воздействия Российской империи с казахской элитой Младшего и Среднего жузов (XVIII–XIX вв.) // *История*. 2019. Т. 10. Выпуск 8 (82).

[Почекаев, 2014](#) – *Почекаев Р.Ю.* Казахские ханы XVIII в. в борьбе за власть над Башкирией: золотоордынское наследие в новых политико-правовых реалиях // *Средневековые тюрко-татарские государства*. № 6. 2014. С. 111-118.

[Почекаев, 2017](#) – *Почекаев Р.Ю.* Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии. Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в.: Высшая школа экономики. М., 2017. 226 с.

[Почекаев, 2017](#) – *Почекаев Р.Ю.* Узурпаторы и самозванцы «степных империй». История тюрко-монгольских государств в переворотах, мятежах и иностранных завоеваниях. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2016. 378 с.

[Рычков, 1762](#) – *Рычков П.* Описание Оренбургской губернии // Сочинение. Типография оренбургская. СПб., 1762. 262 с.

[Сужиков, 2005](#) – *Сужикова Б.М.* История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. 7. Алматы: Санат, 2005. 275 с.

[Сулейменов, Басин, 1981](#) – *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981. 243 с.

[Суни, 2004](#) – *Суни Р.* Диалектика империи: Россия и Советский Союз. Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И.В. Герасимова и др. Казань: Центр исследования национализма и империи, 2004. С. 163-196.

[Таймасов, 2009](#) – *Таймасов С.У.* Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М.: Наука, 2009. 344 с.

[Трепавлов, 2007](#) – *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVI вв. М., 2007. 255 с.

[Халфин, Рассадина, 1977](#) – *Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф.* Ханыков Н.В. – востоковед и дипломат // *Русские путешественники и востоковеды* / Сост. Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 278 с.

[Хафизова, 2019](#) – *Хафизова К.Ш.* Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 480 с.

[Цинская империя, 2020](#) – *Цинская империя* и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX вв. / Сост. Хафизова К.Ш., [Моисеев В.А.] / Второе издание (исправлено и дополнено). Отв. ред. Хафизова К.Ш. Нур-Султан, 2020. 344 с.

[Campbell, 2006](#) – *Campbell I.W.* Knowledge and the ends of empire: Kazak intermediaries and Russian rule on the Steppe, 1731–1917. Ithaca: Cornell univ. press, 2017. XIV. 273 p.

[Grews, 2006](#) – *Grews R.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA, London, 2006. 480 p.

[Journal von AO, 1784](#) – *Journal von der ao. 1736 aus Orenburg zu dem Abul Geier chander Kirgis-Caysack tartarischen Horda, aus freyem Willen und blos zu dem bessten des Russischen Reiches unternommenen hochst nothigen und zwar gefahrlichen doch glucklich vollbrachten Reise. Materialien zu der Russischen Geschichte zeit Tode Kaisers Peter des Grossen Zweter Teil.* 1730–1741. Riga, 1784.

[Kendirbai, 2020](#) – *Kendirbai G.T.* Russian Practices of Governance in Eurasia. Frontier Power Dynamics, Sixteenth Century to Nineteenth Century. N-Y: Routledge, 2020. 246 p.

[Morrison, 2020](#) – *Morrison A.* *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814-1914* (Cambridge University Press, 2020). 640 p.

References

[Abdirrov, 2000](#) – *Abdirrov, M.Zh.* (2000) Zavoyevaniye Kazakhstana tsarskoy Rossiye [The conquest of Kazakhstan by Tsarist Russia]. Nauchnoye izdaniye. Astana: Zhalyyn. 171 p. [in Russian]

[Abil'dauly, 2002](#) – *Abil'dauly, B.* (2002). Po veleniyu khana Abylaya [At the behest of Khan Abylay]. *Kazakhstanskaya pravda*. 4: 6. [in Russian]

- Akhmedov, 1985** – *Akhmedov, B.A.* (1985). Istoriko-geograficheskaya literatura Sredney Azii XVI-XVIII vv. (pis'mennyye pamyatniki) [Historical and geographical literature of Central Asia in the 16th–18th centuries. (written records)]. Tashkent. 262 p. [in Russian]
- Allayeva, 2021** – *Allayeva, N.A.* (2021). Diplomatiya Khivinskogo khanstva i torgovyye svyazi (XVI – XIX vv.)» [Diplomacy of the Khiva Khanate and trade relations (XVI – XIX centuries)]. Tashkent, 358 p. [in Russian]
- Basin, 1971** – *Basin, V.Ya.* (1971). Kazakhstan v sisteme vneshney politiki rossiyskoy imperii [Kazakhstan in the system of foreign policy of the Russian Empire]. In: *Istorii, arkheologii i etnografii*. Alma-Ata: Nauka. 275 p. [in Russian]
- Basin, 1971** – *Basin, V.Ya.* (1971). Rossiya i Kazakhskiy khanstva v XVI-XVIII vv. [Russia and the Kazakh khanates in the 16th–18th centuries]. Alma-Ata: Nauka. 274 p. [in Russian]
- Campbell, 2006** – *Campbell, I.W.* (2017). Knowledge and the ends of empire: Kazakh intermediaries and Russian rule on the Steppe, 1731–1917. Ithaca: Cornell Univ. press. XIV. 273 p.
- Drobyshev, 2006** – *Drobyshev, Yu.I.* (2006). Obychnoye pravo kazakhov: ekologicheskiy kommentariy [Customary law of the Kazakhs: ecological commentary]. Tyurkologicheskiy sbornik. Sankt-Peterburg. Pp. 159-188. [in Russian]
- Erofeeva, 2007** – *Erofeeva, I.V.* (2007). Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. 3-ye izd., ispr. i dop. Almaty. 496 p. [in Russian]
- Erofeeva, 2014** – *Erofeeva, I.V.* (2014). Epistol'yarnoye naslediyе kazakhskoy pravyyashchey elity [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite]. *Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh*. T. 1: Pis'ma kazakhskikh praviteley (1675–1780 gg). Almaty: AO «ABDI Kompani». 696 p. [in Russian]
- Erofeeva, 2014a** – *Erofeeva, I.V.* (2014). Epistol'yarnoye naslediyе kazakhskoy pravyyashchey elity [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite]. *Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh*. T. 2: Pis'ma kazakhskikh praviteley (1738–1821 gg). Almaty: AO «ABDI Kompani». 1032 p. [in Russian]
- Esmagambetov, 1992** – *Esmagambetov, K.L.* (1992). Chto pisali o nas na Zapade [What they wrote about us in the West]. A.: Kazakh universiteti. 152 p.: 16 l. il. [in Russian]
- Galuzo, 1965** – *Galuzo P.G.* Agrarnyye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867–1914 gg. [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867–1914]. Pod red. S. M. Dubrovskogo. Alma-Ata: Nauka, 344 p. [in Russian]
- GART, 1891** – Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [State Archive of the Republic of Tatarstan].
- Grews, 2006** – *Grews, R.* (2006). For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA, London. 480 p.
- Ignat'yev, 2011** – *Ignat'yev, R.G.* (2011). Sobraniye sochineniy (ufimskiy i orenburgskiy period) [Collected works (Ufa and Orenburg period)]. Sostavitel' M.I. Rodnov. T. III: 1869–1872 gody. Ufa, 302 p. [in Russian]
- Istoriya Kazakhstana..., 2010** – *Istoriya Kazakhstana (s drevneyshikh vremen do nashikh dney)*. V pyati tomakh. T. 3. Almaty: Atamyrta, 2010. 768 p. ill., karty. [in Russian]
- Izbassarova, 2017** – *Izbassarova, G.B.* (2017). Amanat v traditsionnom kazakhskom obshchestve i rossiyskoy politike XVIII [Amanat in traditional Kazakh society and Russian politics of the 18th century]. *Rossiyskaya istoriya*. 1: 103-112. [in Russian]
- Izbassarova, 2018** – *Izbassarova, G.B.* (2018) Gosudarstvennaya deyatel'nost' A.I. Tevkeleva po realizatsii yugo-vostochnoy politiki rossiyskoy imperii v XVIII v. [State activity of A.I. Tevkelev on the implementation of the southeastern policy of the Russian Empire in the XVIII century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 430: 68-76. [in Russian]
- Journal von AO, 1784** – *Journal von der ao. 1736 aus Orenburg zu dem Abul Geier chander Kirgis-Caysack tartarischen Horda, aus freyem Willen und blos zu dem bessten des Russischen Reiches unternommenen hochst nothigen und zwar gefahrlichen doch glucklich vollbrachten Reise* [Journal of the ao. 1736 from Orenburg to the Abul Geier chander Kirgiz-Caysack Tartaric Horda, out of free will and only for the best of the Russian Empire, undertaken a highly necessary and indeed dangerous but happily accomplished journey]. *Materialen zu der Russischen Geschichte zeit Tode Kaisers Peter des Grossen Zweter Teil*. 1730–1741. Riga, 1784. [in German]
- Kasymbayev, 1997** – *Kasymbayev, Zh.* (1997). Politika Abulkhayr khana v prinyatii Mladshim Zhuzom rossiyskogo poddanstva v 30-kh godakh XVIII veka [Abulkhair Khan's policy in accepting Russian citizenship by the Younger Zhuz in the 30s of the XVIII century]. *Izdenis/Poisk*. 5: 62-71. [in Russian]
- Kazakhsko-russkiye otnosheniya, 1964** – *Kazakhsko-russkiye otnosheniya (1964) v XVIII-XIX vv.* [Kazakh-Russian relations in the XVIII – XIX centuries]. Sb. dokumentov (dokumenty: 1–88). Alma-Ata. 575 p. [in Russian]
- Kendirbai, 2020** – *Kendirbai, G.T.* (2020). Russian Practices of Governance in Eurasia. Frontier Power Dynamics, Sixteenth Century to Nineteenth Century. N-Y: Routledge. 246 p.
- Khafizova, 2019** – *Khafizova, K.Sh.* (2019) Stepnyye vlastiteli i ikh diplomatiya v XVIII–XIX vekakh [Steppe Rulers and Their Diplomacy in the 18th – 19th centuries]. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK. 480 p. [in Russian]

- Khalfin, Rassadina, 1977** – *Khalfin, N.A., Rassadina, Ye.F.* (1977). Khanykov N.V. – vostokoved i diplomat [Khanykov N.V. – orientalist and diplomat]. *Russkiye puteshestvenniki i vostokovedy*. Sostaviteli: Khalfin N.A., Rassadina Ye.F. Moskva: Nauka, GRVL. 278 p. [in Russian]
- Kirgizskaya step', 1877** – Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva [The Kirghiz steppe of the Orenburg department]. *Orenburgskiy listok*. 1877. №20. L. 7. [in Russian]
- Kradin, 2020** – *Kradin, N.N.* (2020). *Kochevniki i vseмирnaya istoriya* [Nomads and World History]. SPb: Izd-vo Olega Abyshko. 416 p. [in Russian]
- Lysenko, 2019** – *Lysenko, Yu.A.* (2019). Mekhanizmy vozdeystviya Rossiyskoy imperii s kazakhskoy elitoy Mladshogo i Srednego zhuzov (XVIII – XIX vv.). *Istoriya*. T. 10. 8 (82). [in Russian]
- Morrison, 2020** – *Morrison, A.* (2020). *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914*. Cambridge University Press. 640 p.
- Pochekayev, 2014** – *Pochekayev, R.Yu.* (2014). Kazakhskiy khany XVIII v. v bor'be za vlast' nad Bashkiriye: zolotoordynskoye naslediyе v novykh politiko-pravovykh realiyakh [Kazakh khans of the 18th century in the struggle for power over Bashkiria: the Golden Horde heritage in the new political and legal realities]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva*. 6: 111-118. [in Russian]
- Pochekayev, 2017** – *Pochekayev, R.Yu.* (2016). Uzurpatory i samozvantsy «stepnykh imperiy». Istoriya tyurko-mongol'skikh gosudarstv v perevorotakh, myatezhakh i inostrannykh zavoyevaniyakh [Usurpers and impostors of “steppe empires”. The history of the Turko-Mongolian states in coups, rebellions and foreign conquests]. Sankt-Peterburg: YEVRAZIYA. 378 p. [in Russian]
- Pochekayev, 2017** – *Pochekayev, R.Yu.* (2017). Legitimatsiya vlasti, uzurpatorstvo i samozvanstvo v gosudarstvakh Yevrazii. Tyurko-mongol'skiy mir XIII – nachala XX v. [Legitimation of power, usurpation and imposture in the states of Eurasia. Turko-Mongolian world of the XIII – early XX centuries]: Vysshaya shkola ekonomiki. Moskva. 226 p. [in Russian]
- Rychkov, 1762** – *Rychkov, P.* (1762). *Opisaniye Orenburgskoy gubernii* [Description of the Orenburg]. Sochineniye. Tipografiya orenburgskaya. Sankt-Peterburg. 262 p. [in Russian]
- Suleymenov, Basin, 1981** – *Suleymenov, B.S., Basin, V.Ya.* (1981). Kazakhstan v sostave Rossii v XVIII – nachale XX veka [Kazakhstan as part of Russia in the 18th - early 20th centuries]. Alma-Ata: Nauka. 243 p. [in Russian]
- Suni, 2004** – *Suni, R.* (2004). Dialektika imperii: Rossiya i Sovetskiy Soyuz. Novaya imperskaya istoriya postsovet'skogo prostranstva [Dialectics of Empire: Russia and the Soviet Union. New Imperial History of the Post-Soviet Space]. Pod red. I.V. Gerasimova i dr. Kazan': Tsentр issledovaniya natsionalizma i imperii. Pp. 163-196. [in Russian]
- Suzhikov, 2005** – *Suzhikov, B.M.* (2005). Istoriya Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh XII-XX vv. [History of Kazakhstan in Western sources of the XII–XX centuries]. T. 7. Almaty: Sanat. 275 p. [in Russian]
- Taymasov, 2009** – *Taymasov, S.U.* (2009). Bashkirsko-kazakhskiyе otnosheniya v XVIII veke [Bashkir-Kazakh relations in the XVIII century]. Moskva: Nauka. 344 p. [in Russian]
- Trepavlov, 2007** – *Trepavlov, V.V.* (2007). «Belyy tsar'». Obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV – XVI vv. [“White King”. The image of the monarch and ideas about citizenship among the peoples of Russia in the XV-XVI centuries.]. Moskva. 255 p. [in Russian]
- Tsinskaya imperiya, 2020** – Tsinskaya imperiya i kazakhskiyе khanstva. Vtoraya polovina XVIII-pervaya tret' XIX vv. [King Empire and Kazakh Khanates. Second half of the 18th – first third of the 19th centuries]. Sostaviteli Khafizova K.Sh., [Moiseyev V.A.]. Vtoroye izdaniye (ispravleno i dopolneno). Otv. red. Khafizova K.Sh. Nur-Sultan. 344 p. [in Russian]
- Gramota imperatritsy..., 1899** – Gramota imperatritsy Anny Ioannovny khanu Maloy ordy Abulkhairu [Diploma of Empress Anna Ioannovna to the Khan of the Small Horde Abulkhair]. Sbornik ukazov i drugikh dokumentov, kasayushchikhsya upravleniya i ustroystva Orenburgskogo kraya. Sost.: Dobrosmyslov A.I. Turgayskaya gazeta. 13 avgusta. 1899. L. 5-6. [in Russian]
- Vasil'yev, 2015** – *Vasil'yev, D.V.* (2015). Khanskaya vlast' v Kazakhskoy stepi v kontekste regional'noy politiki Rossiyskoy imperii [Khan power in the Kazakh steppe in the context of the regional policy of the Russian Empire]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Nauchnyy zhurnal. T. 4. Istoriya. 3: 7-15. [in Russian]
- Vasil'yeva, 2019** – *Vasilyeva, N.E.* (2019). Izvestiya gubernatora orenburgskoy gubernii G.S. Volkonskogo ob inauguratsii kazakhskogo khana mladshogo Zhuza Zhantore. Novyye materialy [News of the governor of the Orenburg province G.S. Volkonsky about the inauguration of the Kazakh Khan, the younger Zhuz Zhantore. New materials]. *Istoriya*. T. 10. 1(75). [in Russian]
- Vyatkin, 1940** – *Vyatkin, M.P.* (1940). Materialy po istorii Kazakhskoy SSR (1785–1828 gg.) [Materials on the history of the Kazakh SSR (1785–1828)]. T. IV. Izd.: ANSSSR. Moskva-Leningrad. 543 p. [in Russian]
- Zhurnaly i sluzhebnyye..., 2005** – Zhurnaly i sluzhebnyye zapiski diplomata A.I. Tevkeleva po istorii i etnografii Kazakhstana (1731–1759 gg.). [Journals and memos of the diplomat A.I. Tevkelev on the history and ethnography of Kazakhstan (1731–1759)]. Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh. T. 3. Almaty. 484 p. [in Russian]

**Степная элита казахов Младшего жуза в период вассалитета:
новые подходы и проблемы переосмысления**

Галия Айтжановна Шотанова ^{a, *}, Ернар Маратович Ужкенов ^b, Куляш Валитхановна Джумагалиева ^c

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Общественный фонд «Институт национальной истории», Алматы, Республика Казахстан

^c Казахский агротехнический университет им. Сакена Сейфуллина, Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается роль и значение степной знати Младшего жуза, которая сыграла значительную роль в процессе установления казахско-российских отношений XVIII – начала XIX вв. В контексте управления своими владениями представители степной элиты ориентировались на составленные еще Тауке-ханом нормы «обычного права» свода законов, который был известен под названием «Жеты жаргы» и имел определенное влияние на решение не только внутренних, но и внешних проблем функционирования казахской государственности. Присутствие старейшин, влиятельных султанов, биев и батыров во время важных переговоров объяснялось тем, что каждый управитель был заинтересован в безопасности тех родовых групп, которые составляли его окружение и представляли его надел, ведь от решения стратегических вопросов зависело благосостояние Степи в целом. Этот же случай запечатлен в письменных источниках, когда решалась судьба отечества после кончины Тауке-хана. Тогда ключевую позицию в Казахской степи занял Абулхаир-хан. Это была личность, которая по достоинству воспринималась старшим ханом внешними правителями. Роль хана Младшего жуза Абулхаира в жизни как самих казахов, так и во взаимоотношениях его с башкирами, калмыками, русскими, хивинцами и т.д. весьма содержательно раскрывается в трудах представителей перечисленных народов.

В данной работе авторы попытались восстановить картину тех сложившихся обстоятельств, которые впоследствии коренным образом изменили социально-политическое устройство Степи, а также дать оценку некоторым историческим личностям, сыгравшим важную роль в решении стратегических задач Казахской степи.

Ключевые слова: степная элита, Российская империя, Кирилловская экспедиция, стратегический партнер, Абулхаир-хан, Младший жуз, Оренбург.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: galia8.09@mail.ru (Г.А. Шотанова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 604-620
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.604

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Problems of Kazakh Horse Breeding in the Works of Researchers of the Russian Empire

Akhmet U. Toktabay ^a, Aigerim S. Nugumarova ^{b,*}

^a Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch.Valikhanov, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the problems of Kazakh horse breeding in the works of researchers and scientists of the Russian Empire. As you know, the Russian people from Ancient Russia to the Russian Empire have been interested in horse trading with the Kazakh Khanate for a long time. Due to the small number of horses in the Russian army and the general population, the Russian Empire provided its army and people with horses from neighboring Kazakhstan.

Most of the works devoted to horse breeding in the late XIX - early XX centuries are limited only to the description. Since the materials were collected haphazardly, many issues of this topic were investigated in them differently. Many of the works about horses are written superficially, dictated by curiosity and surprise caused by the original horse breeding of the nomadic people. In such works, for the most part we are talking about grazing, keeping horses, and only occasionally about breeds. Analyzing the literature of the Soviet era, we can say that with all the variety of materials collected about the Kazakh horse, it is still not brought into a single system. Horse breeding in those years was studied from the point of view of agricultural sciences, so its historical and ethnographic side remained poorly studied.

Keywords: Russian Empire, horse bazaars, Military collection, Kazakh horse, horse breeds, shoal, Russian-Turkish war, herd horse breeding, Cossacks, baiga, holy places.

1. Введение

Русский народ, начиная еще с Древней Руси и во время Российской империи, в течение долгого времени был заинтересован в ведении торговли лошадьми с Казахским ханством. В грамоте, выданной купцам братьям Строгановым, царь Иван Грозный поручает вести беспощинную торговлю лошадьми с Казахской ордой (Пржевальский, 1883: 47-167). Не имея у себя табунного коневодства, русское государство не могло обеспечить армию лошадьми, а хозяйства – тягловой силой. Поэтому ему приходилось постоянно покупать коней у соседей, и в первую очередь у Казахского ханства, обладавшего десятками миллионов лошадей. По мнению историка Соловьева, нехватка лошадей была такой острой, что во время похода Петра на Азов против турок его воины вынуждены были тащить на себе орудия, пушки, припасы из-за недостатка сильных упряжных лошадей (Кулешов, 1925).

В 30-х годах XVIII века сотруднику Департамента внешних дел России Кириллову было поручено в свободное от основной работы время, пользуясь любыми подручными средствами, купить для русской кавалерии казахских лошадей (Левшин, 1996). Их продажа табунами начала расти с тех пор, как в 1745 году в Оренбурге, в 1750-м – в Троицке начали работать меновые дворы. Позже конские базары открылись в Коянды, Акмоле, Атбасаре, Иргизе, Тургае, Кызылжаре, Семипалатинске и Усть-Каменогорске.

Почти все кавалерии астраханских, оренбургских, сибирских казаков пользовались для верховой езды казахскими скакунами. Количественное преимущество лошадей в армии уральских

* Corresponding author

E-mail addresses: nugumarova.aigerim@gmail.com (A.S. Nugumarova)

казаков по сравнению с казачествами других регионов, скорее всего, объясняется тем, что они сами выращивали казахских лошадей и занимались табунным коневодством. В 1864 году только в ведении сибирского казачества было 3 178 жеребцов и 22 826 кобыл казахской породы (Краснов, 1897).

Вот что пишет шталмейстер (главный конюший) Российского императорского двора генерал К.К. Мердер о природных качествах скакунов: «Крепость, легкость, быстрота – неотъемлемые качества лошадей казахских, они могут оставаться несколько суток без корма и легко пробегают от 70 до 100 верст и более.

О достоинствах казахской лошади в исторической литературе достаточно восторженных высказываний. «Наши соседи: оренбургские, уральские, сибирские казаки давным-давно оценили преобладающую силу и крепость казской лошади. Все они ездят только на казахских лошадях. Все наши (российские. – Авт.) походы в Среднюю Азию осуществились лишь благодаря этим лошадям. Особенно ясно стала видна неприхотливость и выносливость казахской лошади в 1873 году в степном хивинском походе. По сравнению с другими, по казахским лошадям степень потерь была самой малой» (Джанбалиев, 1953: 12).

2. Материалы и методы

Необходимо было провести обзор иппологической литературы Российской империи от Петра I до 1917 г. и советского времени по зарождению и развитию коневодства и истории русской кавалерии. Большая часть этой литературы собрана в Сельскохозяйственных библиотеках (ЦНСХБ) в Москве и Санкт-Петербурге. Публикации, связанные с коневодством и коневодческой культурой России, по количеству и качеству включаются в фонд литературы, связанной с коневодческой культурой во всем мире.

Только один пример: «Журнал коннозаводства» выходил томами с 1842 по 1917 годы. Радует, что во многих его выпусках публикуются статьи, начиная с небольшой информации, связанной с казахским конем, кончая отдельными объемными статьями. В отличие от лошадей Украины, Кавказа, Сибири и др. стран, вошедших в Российскую империю, материалы о казахской лошади отличаются большим количеством. Поэтому для углубления нашего исследования пришлось обратить внимание на русско-казахские отношения, начавшиеся со времен Ивана Грозного. При рассмотрении многих фактов главной причиной казахско-русских связей является торговля лошадьми между двумя странами. В 1832 году, по словам русского дипломата, первого автора по истории Казахстана А.И. Левшина, ежегодно из казахских степей в Россию попадают десятки тысяч лошадей.

В ходе исследования мы посетили город Рыбное Рязанской области, библиотеку и архивы Российского института коневодства, сравнили архивные данные с письменными. Также беседовали с учеными-коневодами Ю.Н. Барминцевым, Е.В. Кожевниковым, В.В. Калашниковым, Д.Я. Гуревичем и прислушались к их советам.

О степных лошадях имеется много архивных и письменных данных.

Материалы, собранные ветеринарами Тургайской области в период с 1880 по 1895 годы, ценны не только сведениями о болезнях лошадей, но и подробными описаниями особенностей коневодства, и в том числе табунного. В частности, ветеринарный врач Преображенский заявил, что «большая часть лексики, связанной с мастью казахской лошади, настолько велика, что невозможно перевести ее на русский и на европейские языки», чем продемонстрировал хорошее знание казахского языка.

Помимо отдельных статей о казахском коне, русская литература XVIII века, изучавшая казахскую землю, содержит данные о «коне», поэтому можно сказать, что в русской историографии казахская лошадь имеет двухвековую историю.

«Одна картинка заменяет сто слов», – гласит китайская пословица. В литературе о Казахстане начала XIX – XX веков встречаются изображения казахских лошадей. Музей этнографии России (Санкт-Петербург), Музей коневодства (в составе Тимирязевской академии) (Москва), архивы Российского института коневодства (г. Рязань) имеют в общей сложности более пятисот разных изображений и пород казахских лошадей.

Добавление иконографического материала к письменным данным повышает результаты исследования.

3. Обсуждение

Особое упоминание о казахском коне встречается в работе средневекового историка М.Х. Дулати Тарихи-Рашиди, где он описывает встречу в 1511 году хана Касыма с Султаном Саидханом: « Мы – жители степи; у нас нет... ни дорогих вещей, главное наше богатство состоит в лошадях, мясо и кожа их служит нам лучшей пищей и одеждой, а приятнейший напиток для нас молоко..., в земле нашей нет ни садов, ни зданий; место наших развлечений – пастбища скота и табуны коней» (МИКХ).

Историк А.И. Левшин, которого Ч.Ч. Валиханов прозвал «Геродотом казахской истории», в своей работе, написанной в 1832 году, отмечает, что у отдельных казахов были тысячи и десятки тысяч лошадей.

Знаменитая книга русского князя С.П. Урусова, до сих пор не потерявшая своего значения, первый том четырехтомника о лошадях под редакцией Буденного, многочисленные статьи В.И. Коптева, рассказы писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка из жизни казахов («Ак-Бозат», «Лечение кумысом») помогли вникнуть в тему и всесторонне ее исследовать.

Особо следует подчеркнуть труды проф. В.О. Витт, посвященные конским породам Средней Азии и Алтая, так как эти породы оказывали исключительно большое влияние на коневодство Казахстана в течение многих веков, а также работы В. Громовой по эволюции лошадей. Важным источником сведений о животноводстве в кочевом хозяйстве казахов являются «Материалы по киргизскому землепользованию», собранные экспедициями Переселенческого управления в конце XIX и начале XX вв.

В вопросах коневодства кочевого населения использованы серия статей в дореволюционном ежемесячнике «Журнал коннозаводства» и специальные монографии на эту тему, составленные А.И. Добромысловым, а также специальные исследования Академии наук СССР и Среднеазиатского государственного университета. Из новых и новейших материалов по коневодству Казахстана особую ценность представляют труды Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства, других научных учреждений, опубликованные как в специальных изданиях, так и в журнале «Коневодство».

Центральное место в нашем исследовании занимают экспериментальные материалы, собранные автором в течение двадцатилетней работы в области коневодства Казахстана. Среди них есть результаты экспедиционных изучений коневодства, итоги специальных опытов, поставленных с целью исследования межпородных скрещиваний и оценки рабочих качеств лошадей разных типов, опытов по изучению экологии табунных лошадей, по акклиматизации поголовья завозных пород, а также экспериментов по выращиванию конского молодняка в разных условиях кормления и содержания.

4. Результаты

Известный русский лексикограф В.И. Даль приводит доказательство того, что слово «лошадь» происходит изначально от словосочетания «алаштың аттары» («лошади алаша»). В сокращении получалось «алашат», и далее образовалось слово «лошадь» (Даль, 1863: 8; Будагов, 1871: 416). Алаш – древнее название казахского народа, известное с начала нашей эры. В исторических сведениях показано, что нуждавшиеся в лошадях русские князья в VIII–IX вв. во множестве скупали коней у печенегов и кипчаков. Отсюда напрашивается вывод, что слово «лошадь» возникло в те времена.

Лошадь была основным богатством кочевого народа, а потому в обязательном порядке в записях побывавших на казахской земле дореволюционных путешественников и ученых, послов и исследователей встречаются сведения о ней. Если не брать в расчет сводки и короткие отрывочные сведения в больших и малых работах по истории, географии, этнографии казахского народа, целой горой высится специальная литература, посвященная непосредственно казахскому коню, а также статьи в периодической печати (Иванова, 1927: 142-154, 158-165, 199-200). Однако следует сказать, что лишь часть этой литературы имеет научное значение.

Остановимся на основных трудах, изданных до Октябрьского переворота. Первый казахский ученый, офицер российской армии Чокан Валиханов написал ряд статей и записок, в которых уделил большое внимание коневодству. В статье «О кочевках киргиз» вскрыты причины падения коневодства в Баян-Аульском округе Семипалатинской области (Валиханов, 1904: 321-328). В работе «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи» Ч.Ч. Валиханов дал подробное описание казахского седла, сбруи коня, одежды всадников (Валиханов, 1904: 37-40).

Н. Бахметьев в своей статье, вышедшей в 1880 г., несмотря на название – «Сведения о коннозаводстве Туркестанского края» – часто останавливается на казахской лошади. Автор рассказывает о том, что лошади выпасаются и выращиваются в степи, на лоне природы, и только ценных быстроногих скакунов владельцы содержат отдельно, обеспечивая им особый уход; что степной конь используется для всадничества и ездовым конь становится уже в возрасте трех лет. Приводя эти и другие факты, автор знакомит читателей с казахским коневодством. Он пишет, что основной корм лошади – дикий овес, пырей, люцерна, ковыль или типчак. В связи с высоким поголовьем, указывает Бахметьев, с 1 октября по 15 мая казахи, внося оплату, выпасают лошадей табунами на уральских и оренбургских землях; автор также предоставляет численность поголовья по годам. Он дает определение породе аргмак. О появлении широко распространенной в Средней Азии породы карабайыр исследователь пишет, что первый приплод от производителя аргмака и кобылы казахской породы – копия аргмака, а из третьего приплода получается знаменитый карабайыр. Статья Н. Бахметьева – один из первых обширных трудов о казахском коне (Бахметьев, 1870: 1-16, 35-42).

Делая обзор коневодства всей Средней Азии, А. Вилькинс проводит исследование, сравнивая туркменского коня с казахским. Он делает следующий вывод: первый вырос в Туркмении, издревле считавшейся родиной культурного коневодства, а степной конь сформировался в результате

естественного отбора на протяжении веков, т.е. он – детище природы. «Туркмены и киргизы»¹ (казахи. – Авт.) устраивают скачки на большие расстояния, обыкновенно скачут верст от 25 до 40 по степи, в особенно торжественных случаях расстояния увеличиваются... Аулие-атинские казахи устроили состязание по 100 верст; скачка была окончена, т.е. пришли последние отсталые лошади в 4 1/2 часа. Выигравшая лошадь пришла шагом; к сожалению, не знаю, во сколько времени прошла она дистанцию... (Вилькинс, 1875: 103–65). Автор указывает на то, что конные скачки на дальние расстояния проводились только у этих двух народов. Исследователь не оставляет без внимания и то, какому аллюру отдает предпочтение местный народ. Для степи самым лучшим считается аллюр под названием «ход» (по-казахски этот ход называется «жорға»). По А. Вилькинсу, Европа еще не знает такого аллюра, поскольку он искусственный. Коня с малого возраста приучают к такому виду ходьбы и оценивают его по мере усвоения им этого аллюра. Европейцы любят рысь и галоп, а ход – нечто среднее между этими двумя, рассуждает автор. В статье значительное место отводится искусству тренинга коня. Опираясь на сходство искусства тренинга коня туркмен и казахов с тренингом европейцев, автор приходит к мысли, что это знание могло прийти в Европу с Востока (Вилькинс, 1875: 103–65, Вилькинс, 1885: 1–5).

А. Гардер в 1870 году верхом на коне выезжает из Саратова и, путешествуя в верховьях Орала, Ойыла, Кыла, Эмбы, в Мугалжарских горах, песках Малых и Больших Барсуков, окрестностях Казалы, видит табуны лошадей. Потом он, не меняя своего коня (кстати, под его седлом была казахская лошадь), тысячи верст проходит вдоль правого побережья Амударьи и, достигнув Бухары, путешествует по Средней Азии. На своем опыте оценив казахскую породу лошади как особо выносливую, автор считает ее пригодной для кавалерии и артиллерии. Способ пастьбы табунных лошадей косяками во главе с жеребцами с целью сохранения их поголовья А. Гардер называет прекрасным, присущим кочевникам приемом выпаса многотысячных конских табунов. Поэтому, отмечает он, казахи своих жеребцов никогда не продают. Если приучение к езде стригунков, трехлеток, наблюдаемое у казахов, многие исследователи считают сдерживающим их рост фактором, то А. Гардер, напротив, склоняется к мнению, что такое раннее обучение езде закаливает их и указывает на выносливость казахских лошадей. Также он отмечает, что казахи пастища делят на два вида в зависимости от преобладающих окрасок их травостоя: с травостоем светлых окрасок («ак от») и с травостоем темных окрасок («кара от») (Гардер, 1875: 324–374, 212–244).

Статья С. Вогака изобилует сведениями о лошадях казахов Тургайского, Оренбургского, Уральского, Мангыстауского регионов: пастищах, уходе и присмотре за ними, их стойкости, численности поголовья, конных скачках, скачках иноходцев. В ней автор, бывший начальник Иргизского уезда, с почтением вспоминает своего сослуживца: «...Стрелковому полку мой помощник Есет бий Котибаров дал лошадей...». Говоря о том, что казахские лошади в названных регионах делятся на четыре вида, он делает первые шаги в классификации их пород. Так, он пишет, что в междуречье рек Тургай и Тобыл обитают лошади аргынов, на Мангыстау – лошади рода адай, в Больших Барсуках и Мугалжарских горах – лошади рода шекты, на северо-западе – жетысуские (семиреченские) лошади. Это свидетельствует о различии им пород казахских лошадей. Также он сообщает, что содержание иноходцев имеет широкое распространение не только в Средней Азии и Казахской степи, но и у народов Прибайкалья – якутов и бурят (Вогак, 1873: 87–100).

Неизвестный автор об экстерьере казахской лошади пишет: «...Богатство ее мускулатуры так велико, что можно смело сказать, что ни в какой другой породе, обладающей одинаковой с ней легкостью движений, нельзя найти такого же количества плотных лошадей. Это обстоятельство делает казахского коня в высшей степени пригодным для всевозможных назначений...» (Аноним о киргизской лошади: 54–81).

Казачьи полки атамана яицких казаков генерала В. Дандевилля, принимавшие участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., отличались от других русских конных войск своей выносливостью, несмотря на трудные условия. Если гусарские, уланские и драгунские полки, прибывшие из внутренней России, при вступлении в бой состояли из 16 рядов, то после перехода через Дунай они уже насчитывали только 7 рядов, так как многие кони пали, а иные вышли из строя. Казахские

¹ * Термин «казах» известен с IX века, в письменных сведениях XV–XVI вв. сформировалось как название наро- да и ханства (МИКХ, 226; Бартольд Т. П. Ч. 1, 270; Т. V, 170, 184, 212, 535 и др.) и употребляется по сегодняшний день. Первые связи Московского государства с Казахским ханством установлены в 1481 г. По мнению русского историка А. Чулошникова, с этого времени в русских документах Казахское ханство называется Казачья орда, Казацкая земля, люди казацкие, казачьи люди. В 1574 г. в дипломатических переговорах с Казахским ханством Иван Грозный обозначает его как Казацкую Орду. Чтобы отличать от русских казаков, начиная с середины XVIII в. русская администрация и русская официальная историография переименовали казахов в киргизов (Левшин, 1827; 1832 и др.). В 1925 г. историческое название «казахи» было снова восстановлено (Н.Е. Масанов). А настоящих киргизов стали называть «каракиргизами». В отличие от России, Китай, Индия, Персия, ханства Средней Азии и другие народы, начиная со Средневековья, называют своих соседей казахами. В дальнейшем слово «киргиз» повсеместно заменяется на «казах».

лошади яицких казаков, ехавших впереди всего войска, не потеряли ни одного своего ряда и, проявив выдержку даже во время переправы через Дунай, не лишились бодрости. Командующий австрийскими конными войсками, полковник Ленеизен, воевавший на стороне России, после окончания русско-турецкой войны в течение нескольких лет приезжал в Оренбургскую степь. Целью его была ежегодная покупка казахских лошадей для потребностей своей армии. В результате В. Дандевиль написал объемную статью под названием «О выносливости нашей конницы» (Дандевиль, 22-40, 10-39). Уроки русско-турецкой войны больше прежнего усилили интерес военных ведомств к казахской лошади, возросло исследование степных пород военными специалистами. В эти же годы в журнале, специализирующемся на коневодстве, было опубликовано несколько статей о степной лошади, написанных с описательной позиции. В своем отчете об оснащении русской армии казахскими лошадьми С. Вогак сказал: «...Снабдить хотя одну драгунскую дивизию казахскими лошадьми, уничтожив только для них мундштук..., что касается артиллерии, то Оренбургская конно-казачья батарея давно уже определила годность казахских лошадей для артиллерийской запряжки...» (Вогак, 1873: 87-100).

В 1871 году сразу в двух журналах увидел свет пространный труд М. Бабажанова «Лошади и их испытание по внутренней Казахской Орде». М. Бабажанов (1832–1898) в 1851 году оканчивает азиатское отделение Оренбургского кадетского корпуса и, прослужив в пограничной комиссии одиннадцать лет, в 1862 году выходит в отставку. Установив связь с Русским географическим обществом, с конца 1850 года он посылает им свои статьи, сообщения, которые имели отношение к археологии, этнографии Букеевской орды. М. Бабажанов был одним из первых казахов, который за свои научные труды получил официальные награды. Преимущество научного труда М. Бабажанова над другими исследованиями заключается в том, что он достоверно описывает не замеченные русскими учеными качества, этнографические факты о лошадях, жизненный опыт своего народа. Он приводит ценные сведения о происхождении древних пород лошади – аргамака, казаната, саураната, народной классификации пород лошади, об искусстве оценки коня, тренинге коня и т.д. Труд о казахской лошади, написанный этим исследователем, с научной точки зрения еще в свое время обратил на себя внимание специалистов (Бабаджанов, 1871: 5-7, 11-12; Ивлев, Масанов, 1948: 8-13, 481; Измаиловский, 1872: 1-16).

В работах Н. Бахметьева (1870), М. Бабажанова (1871), П. Великосельцева (1871), В. Дандевилья (1881) высказываются конкретные мнения об экстерьере, выносливости, пастьбе казахских лошадей. После публикации этих трудов к «степному коневодству» как неиссякаемому источнику удовлетворения потребностей государства в лошадях привлекается внимание России. К тому же в Придонье, бывшем для русской кавалерии основной базой поставляемых лошадей, пастбищных угодий не оставалось, так как в связи с усиленным развитием земледелия со второй половины XIX в. началась распашка всех земель. Хозяйства, выращивавшие табунных лошадей в Донском регионе, приступили к поиску пригодных для пастбищ земель. Чтобы освоить многомиллионные поголовья лошадей в Казахской степи – новый источник конного обеспечения армии, нужно было от слов перейти к делу. В 1884 году по приказу начальника Управления государственными конными заводами графа И.И. Воронцова-Дашкова посылают специалистов в Тургайскую, Уральскую области, Букеевскую орду, позднее – в другие регионы Казахстана (Мерлер, 1897; Дубенский, 1896: 306). В результате в Тургайской области были открыты три конных завода, в Аулие-Ате (ныне Тараз) и Алматы – два рассадника по улучшению пород лошадей. Задачей конных заводов было обеспечение армии пригодными для кавалерии породами лошадей высокого качества, полученными в результате скрещивания казахских пород с культурными. В конце XIX века в государственных проектах, планах и печати много говорилось о земле казахов как о новой базе для выращивания армейских лошадей. О том, насколько для России важно было коневодство Тургайской области, мы узнаем из следующих фактов: изображение коня в эмблеме «Тургайской газеты» и головы казахской лошади – в гербе Тургайской области (Гербы городов, 1991; Демидов, 1977: 126-130).

В 80–90-е годы XIX века материалов о лошадях стало еще больше, и на страницах периодики о них начали печатать объемные статьи и специальные сведения (Военный сборник, 1878; Гардер, 1875: 212-244).

В 1883 году султан Ахмет Джантюрин по просьбе Главного управления государственных конных заводов России публикует обширный очерк. В нем он охватывает такие вопросы, как климатические условия казахской земли, уход и присмотр за лошадьми, их пастбищные угодья, удельный вес по сравнению с другими видами животных, численность поголовья в процентном отношении по сравнению с этим показателем в европейских странах и т.п. «В казахском хозяйстве коневодству принадлежит самое почетное место, как по количеству его и ценности, так и по служебному назначению. Казахи без лошади немислимы. Само народное воззрение на богатство имеет исходную точкою лошадей. Как бы много ни было других родов скота, но если нет лошадей, то такой человек не считается богатым и не пользуется почетом в народе», – отмечает автор. Им, специалистом в области экономики, указываются выгоды высокого удельного веса этого вида животных и глобальная польза в животноводстве. Если в Оренбургской области по переписи 1879 года насчитывалось 1,8 млн лошадей, то, по его предположению, численность их поголовья на всей территории казахской земли

должна была превысить 4 млн. Опираясь на статьи, написанные более 20 исследователями, об особой выдержке и выносливости казахской лошади, А. Джантюрин доказывает необходимость сохранения ее как породы, предназначенной для верховой езды. С целью устранения таких недостатков, как низкорослость, неказистость, им предлагается скрещивание ее с чистокровными рысаками, представителями таких пород, как кавказская, туркменская, арабская. В 1879–1880 годах, в год Зайца (Қоян жылы), в Тургайской и Уральской областях от джута погибло 6 млн голов из всего поголовья четырех видов домашнего скота, ущерб составил 70 млн рублей. Автор неоднократно говорит о том, что единственным спасением от такого бедствия является стабильная заготовка на зиму корма для скота. Своим исследованием он доказывает, что коневодство нигде напрямую так не зависит от природных условий, как на казахской земле. Труд А. Джантюрина, следующего после М. Бабажанова исследователя-кочевника, отличается глубоким знанием местных условий, обилием сведений, своевременной постановкой назревших проблем (Джантюрин, 1883: 11, 1-24, 1-43).

Говоря о казахской лошади в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство», агроном И. Шумков рассматривает развитие коневодства в связи с климатическими, природными условиями. Он отмечает, что широко распространенное в литературе мнение – «казахи лошадей пасут таким образом, чтобы получить от них жирное мясо» – происходит от незнания природы казахской лошади. Автор указывает, что казахская лошадь имеет склонность к быстрому нагулу жира и что такое ее упитанное состояние казахи стараются как можно дольше поддерживать. Но это он объясняет не чрезмерной любовью к конине, а их веками выработанным способом выживания в суровых природных условиях. В своем труде агроном неоднократно упоминает о предрасположенности казахской породы к запряжке в телегу, особенно – к сельскохозяйственным работам. И. Шумков делит породы казахских лошадей на три большие группы: 1) лошади Тургайской области, конкретным представителем которых является лошадь рода шекты; 2) сибирские, казахские горбоносые лошади; 3) адайская порода казахских лошадей, полученная путем скрещивания казахской породы с аргамаком. Такой классификацией пород казахских лошадей он доказывает ошибочность мнения академика А.Ф. Миддендорфа: породы лошадей во всех частях казахской территории относятся к одному виду (Шумков, 1892: 317-345, 1-23).

Образцом историко-иппологического исследования пород лошадей в Средней Азии и Казахстане можно назвать научную работу В. Фирсова. Используя работы А. Шамова, П. Медведского, С. Белинского, М. Бабажанова, он делает вывод, что порода казахской лошади сформировалась еще в древнюю эпоху. Вторая часть труда полностью посвящена этнографии казахского народа, его обычаям. Достоверно и красочно им описаны праздники, проводимые с участием лошадей, их главные составляющие – виды национальных игр: байга, кокпар, состязания, а также народные поверья. Темы своих работ В. Фирсов излагает не только с хозяйственной точки зрения, как это делается в других источниках, но и в их всесторонней связи с историей народа (Фирсов, 1895: 1-100, 1-41, 1-66).

До Октябрьского переворота казахское животноводство с этнографической точки зрения исследовалось В.В. Радловым. Им указаны место лошади, которое она занимает среди четырех видов скота, конская упряжь, увязывание лошади с казахскими обычаями, виды продукции коневодства. Даны казахские названия мастей лошадей, их аналоги в русском языке. Достоверно описаны поверья и обычаи: продажа лошади приносит казаху несчастье; в случае смерти человека в пути его коня седлают задом наперед и возвращают обратно домой; богатство народа определяется численностью поголовья лошадей и обилием кумыса (Радлов, 1989: 273-284).

Следует заметить, что статьи Я.Я. Полферова, исследовавшего происхождение прежних пород и видов казахской лошади, пути их смешения с другими породами, по сей день не потеряли своего значения. Он писал: «Одной из самых распространенных старинных и лучших пород, произошедших путем указанного скрещивания, является порода «карабаир». Карабаир – продукт скрещивания туркменской лошади и казахской породы, это ведет свое начало со времен первых сношений казахов с бухарцами и хивинцами, когда они путем меновой торговли приобретали у последних туркменских жеребцов» (Полферов, 1998: 128). Беря за основу описание прежних пород казахской лошади, таких как адай, карабаир, аргамак, автор с научной точки зрения той эпохи пишет содержательные статьи, посвященные каждой породе в отдельности. Предлагая для улучшения породы казахской лошади названные им культурные породы, Я.Я. Полферов далее доказывает их соответствие намеченной цели (Плещеев, 1904: 56-74; Полферов, 1898: 125-135; Полферов, 1898: 135-145; Полферов, 1899: 15-22; Полферов, 1890: 733-734, 747-748).

Статья офицера кавалерии А. Каллера, написанная со слов Шокая Шонкаева, бывшего в течение 33 лет специалистом по тренингу коней (атбеги) у Жангир хана в Букеевской орде, является единственной работой в области народного искусства тренинга коней. Как указывает автор, тренинг коней, продолжающийся с начала мая в течение двух с половиной месяцев, состоит из трех этапов: 1 – кормление; 2 – доведение тренинга до кондиции путем обучения коней разным видам аллюра (шаг, рысь, галоп и др.); 3 – с целью избавления от жира и лишнего веса вынуждать коней покрываться потом посредством продолжительного испытания. Исследователь в своей работе доступно и последовательно объясняет проведение вышеперечисленных этапов: состояние формы

коней, необходимое во время тренинга, методы кормления, лишение корма, обучение видам аллюра (Каллер, 1885: 56-64).

В основу многих статей и книг члена Оренбургского отделения Русского географического общества А.И. Добросмыслова (1854–1915), работавшего в 1888–1901 годах ветеринаром в Тургайской области, легли культура и быт, животноводство, в частности коневодство казахского народа, опыт работы в аулах. Своей связью с жизнью народа, этнографическими материалами любой из трудов этого автора превосходит другие научные работы, посвященные лошади. В них в логической связи друг с другом рассматриваются такие вопросы, как значение лошадей в казахском хозяйстве, их численность, породы, масти, уход и пастьба лошадей соответственно временам года, выбор жеребца, метка лошадей тамгой, стрижка грив и хвостов, холощение жеребца, верховая езда, доение кобылиц, приготовление кумыса, ковка лошади, заклание лошади, виды продукции, получаемые от лошади, годовой прирост поголовья, заболевания лошадей и методы народного лечения, конокрадство и многое другое. В книге приведена таблица меток (танба) лошадей родов Младшего и Среднего жузов с пояснениями (Добросмыслов, 1894: 345-383; Добросмыслов, 1894: 62; Добросмыслов, 1902).

Работая в 1893–1903 годах в журнале «Коннозаводство» корреспондентом по Тургайской области, И. Хантинский написал цикл статей в виде ежегодных сообщений и известий из области (Хантинский, 1897: 59-61; Хантинский, 1895: 45-69). К ряду таких статей и путевых записей относятся труды князя В.А. Кудашева (Кудашев, 1898: 1-51), военнотружущаго Н. Медведского (Медведский, 1885: 63-115), коневода Эверсмана (Эверсман, 1873: 45-56). К концу XIX в некоторые предприимчивые русские, научившись у казахских баев, успешно занимались табунным коневодством. Об этом пишет Н. Медведский: «Все коневодство Овчинникова с сыновьями до 2500 голов (не считая сосунков), в числе которых до 1000 голов маток, распределенных в 90 косяков. Все это весьма большое коневодство делится на 6 больших табунов около 400 голов каждый, из коих 5 подобраны по мастям, именно рыжий (жирен), гнедой (торы), вороной (кара), бурый (бурыл), серый (көк)» (Медведский, 1885: 88). По сравнению с работами этих исследователей статьи В. Рожкова (Рожков, 325-332), И. Левашова (Левашов, 1899: 3-26), Н. Ревякина (Ревякин, 1898: 62-20), Н.А. Обручева (Обручев, 1903: 106-123) заслуживающих внимания открытий не содержат. С. Белинский (Белинский, 1886: 1-18; Белинский, 1886: 270-277), исследовавший табуны лошадей Акмолинской, Жетысуской областей, пишет, что на казахское коневодство с завистью должны смотреть все государства Европы. Поскольку ни одно из них так, как наша необъятная страна, природными условиями для выращивания армейских лошадей не обладает. После всесторонней проверки коневодства Акмолинской области В.А. Кудашев (Кудашев, 1898: 1-51) пытается доказать, что, начиная с 52° северной широты, лошади в зависимости от их роста делятся на две большие группы (высокие, низкие). А.И. Касаткин (Касаткин, 1904: 1094-11-4, 1149-1154) считает, что для кавалерии казахская лошадь вполне пригодна и что для этого никакого улучшения ее породы не требуется. Многие авторы, описывая жетысуских лошадей, сходятся во мнении о том, что они смешались со среднеазиатскими культурными породами еще в давние времена и по сравнению с лошадьми других регионов Казахстана кажутся выше ростом. Их они делят на два вида: горные и равнинные. В своих статьях Н. Захаров (Захаров, 1898), С.Е. Дмитриев (Дмитриев, 1902: 709-711; Дмитриев, 1907: 725-726), В. Базилевский (Базилевский, 1909: 28-40), П. Канавин (Канавин, 1916: 205-211), В. Пяновский (Пяновский, 1914; Пяновский, 1913) требуют от местных властей применения конкретных мер, чтобы незамедлительно приступить к работам по улучшению пород жетысуских лошадей. Для специального исследования этих пород в 1914 году Земельный департамент организовал научную экспедицию. Выводы, сделанные ею, Л.Ф. Безвуглый положил в основу своего объемного исследования. Его книга, ценная обилием статистических материалов, богатым в этнографическом плане описанием, охватывает одновременно коневодство казахов и кыргызов в окрестностях Алматы, Пишпека, Токмака (Безвуглый, 1916: 221). В своих трудах, посвященных лошадям Туркестанского края в целом, А.И. Шахназаров (Шахназаров, 1898: 152), А. Головин (Головин, 1909: 524-527, 541-543), Н. Шавров (Шавров, 1914: 2510-2516, 2568-2571, 2615-2618), С.С. Здзеницкий (Здзеницкий, 1915: 567-577), А. Коробов (Коробов, 1897), П. Краснов (Краснов, № 3: 574-576), Кучуков (Кучуков, 1917), К. Тимаев (Тимаев, 1916) приводят кое-какие сведения, которые имеют отношение к коневодству на юге казахских земель.

В книге В.П. Колосовского (Колосовский, 1910: 51) под названием «Лошади Туркестана», которая в 1910 году была издана в Ташкенте, казахской лошади отводится видное место. Если бы не было статей Левицкого и Плещеева, то можно было бы считать, что породы лошадей Семипалатинской области весьма мало исследовались (Левицкий, 1883: 122-127; Плещеев, 1904: 56-74).

Вопросы, связанные с народной ветеринарией и народными методами лечения лошадей, обнаруживались в отдельных статьях и литературе о лошади в целом, среди которых имели место также статьи, посвященные некоторым отдельным заболеваниям лошадей (Баштаев, 1911: 549-552, 640-642; Бабалькылы, 1986: 239; Сейдалин, 1906: 195-196; Новотный, 1899: 249-251; Бенькевич, 1901: 826-827; Ибрагимов, 1890; Полферов, 1896: 219-226; Элжанов, 1895; Ушумухаметов, 1913: 425-27).

Одна из больших групп статей посвящена конным скачкам и видам конного спорта, имевшим место в Казахской степи во время проведения годовых поминок (ас) (Байга, 1913; Байга, 1911; Байга, 1898; Ивановский, 1888: 515-17).

Статьи о кумысе и лечении кумысом, хотя и повторяли друг друга, но все же соответствовали требованию той эпохи и с пропагандистской точки зрения сыграли большую роль (Варадинов, 1859; Добросмыслов, 1910: 149-154; Даль, 1843: 139-44).

В XIX веке широкое распространение среди казахов имели барымта и конокрадство. Значительная часть авторов барымту и конокрадство друг от друга не отличают, но отдельное рассмотрение барымты в источниках все-таки встречается (Головачев, 1902; Попов, 1917: 140; Даулетова, 1989: 85-2).

Виды продукции, получаемые от лошади, и их использование являются одной из тех проблем, которым посвящена лишь незначительная часть литературы (Р-В Кожевенное производство у степных жителей, 1862; Добросмыслов, 1899: 1-10; Простейший способ выделки кож, 1894). К ряду некоторых исследований, написанных о животноводстве (разведении лошадей) чисто с этнографической точки зрения, относятся статьи А. Диваева (Диваев, 1901: 66-75; Диваев, 1911).

В литературе, посвященной культуре, быту, хозяйствам казахов, можно встретить фрагментарные данные об обычаях и верованиях, которые так или иначе связаны с лошадей. Так, описание их мы видим у следующих авторов: обычаи казахов и монголов, связанные с животными, – у Г.Н. Потанина (Потанин, 1885: 40-56); украшение скакуна амулетом и перьями филина во избежание сглаза – у И. Ибрагимова (Ибрагимов, 1872: 120-152); соблюдение традиций, выполняемых перед отправкой в путь верхом на коне, принесение в жертву белого коня – у Владимира фон Герна (Герн, 1899: 1-33); лечение заболеваний животных религиозными методами, предсказание шаманами (баксы) исхода болезни человека конским волосом – у О. Альжанова (Альжанов, 1895); ритуал поедания барымтачом конского сухожилия перед барымтой – у П. Александрова (Александров, 1896); обнюхивание лошадей женщины, измученной родовыми схватками (Шапошников, 1896); кымызмурындык – праздник вкушения первого в году кумыса – у Шапошникова; лошадь, чьим покровителем является Хызыр, придание коню траурного вида, «дульдуй – священный конь» – у Ф. Пояркова (Поярков, 1891: 21-43) и др. Для исследования обычаев казахов, связанных с лошадей, поисков происхождения их духовной культуры эти сведения в целом имеют особое значение. Куфтин в работе, посвященной казахскому календарю, удачно решает этимологию названия месяца – кантар «кан(г) тар (выстойка лошади на привязе) 27–28 дней до января середина зимы надо беречь корм, и скотину не выпускают наедаться вволю, привязывают (кантар)» (Куфтин, 1916: 136).

В научной литературе, изданной до Октябрьского переворота, наблюдаются сбор и анализ фактов о казахской лошади. Взяв за основу экстерьер лошадей, Ю. Кологривов делит их на три вида: первый – семипалатинские, акмолинские, тургайские, уральские, мангыстауские лошади. Лошади второго вида, по сравнению с лошадьми Сырдарьинской области, обладают высоким ростом, длинным туловищем, в некоторой степени другой формой головы. Третий вид – семиреченские лошади. Они, наподобие моста, связывают две вышеописанные группы лошадей. В связи с благоприятствованием территории Казахстана коневодству В. Благовещенский делит ее на два района: для сельскохозяйственных и табунных лошадей. К первому он относит северные области Казахстана, регионы Урала, Тургая, а также уезды на севере Акмолинской и Семипалатинской областей, ко второму – остальные регионы республики. Конечно, такая классификация лошадей в зависимости от их экстерьера и мест разведения происходила от незнания авторами жизни, истории народа.

Изъяв у казахов 44 миллиона десятин лучших пастбищ и земель, царское правительство оттеснило основные массы казахов на худшие пустынные и неплодородные земли. Упадок коневодства края известный специалист по коневодству Средней Азии А. Добрынин объясняет тем, что колонизаторская политика правительства старого режима затуманивала всякое понимание государственных и народных нужд. В результате этого туркестанское коневодство, некогда процветавшее, вместо того чтобы даже при незначительных затратах и заботах расширяться, улучшаться и разумно использоваться, брошенное на произвол судьбы, постепенно угасало и понижалось качество (Добрынин, 1920: 192-202).

Множество ценных сведений о том, какое место занимает скотоводство в кочевом хозяйстве, можно узнать в материалах Управления по землепользованию конца XIX и начала XX веков (Материалы..., 1908: 639; Материалы..., 1913: 208).

Материалы и отчеты о казахской лошади, собранные ветеринарами Тургайской области, хранятся в 25-м фонде Тургайского областного управления Центрального государственного архива Республики Казахстан. Ежегодные отчеты ветеринаров центру содержат сведения о заболеваниях лошадей, методах их лечения и этнографические материалы. Русские ветеринары правильно отмечают влияние окружающего климата на местное коневодство.

Вместе с тем «...их отношению к животному миру климат представляет громадные преимущества, благодаря которым развитие животного организма идет здесь более интенсивно, чем в других местах России. Видимо, громадное количество солнечной энергии, беспрепятственно

посылаемой солнцем, редко закрываемой облаками, благотворно действует на животный организм, содействуя более быстрому темпу его развития, «размножения»...» (ЦГАРК. Ф. 25. ОП. 31. Д. 4199. Л. 141-142). Наряду с вышеперечисленными данными, среди них встречаются и такие сведения, как заклятие лошади, расчленение ее туши по суставам, названия видов продукции, получаемой от лошади, масти лошадей, приучение коня к седлу, породы лошадей, названия растений, употребляемых лошадью в пищу, и т.д.

Скульптурные произведения Е.А. Лансере, хранящиеся в фонде музея коневодства Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева в России, являются особо ценными редкими экспонатами. Скульптуры Е.А. Лансере «Казах с беркутом» (инв. № 113), «Казахский косяк на отдыхе» (инв. № 19), «Казах на коне ловит дичка» (инв. № 20), А.Е. Обера «Казах на лошади» (инв. № 104), созданные в конце XIX века, помимо высокой художественности, отличаются достоверностью, этнографической точностью. Несомненно, эти скульптуры, хранящиеся в музейной коллекции, станут в будущем объектом историко-искусствоведческого исследования.

Генерал российской армии И.О. Бабков дает казахам правдивую оценку: казахи по сравнению с казаками – прекрасные наездники, им только оружия не достает, чтобы стать хорошими воинами. Если бы у них было оружие, не мы, а они повелевали бы нами (Бабков, 1869). В конце XIX века атаман Зайсанского казачества Н. Рябушкин говорил: «Казахи – народ коннорожденный. Если казах сядет на коня и начнет выкликать клич, то не усташит никого и ничего и бога своего забудет. Убегает на коне – спасется, преследует на коне – догонит, но вы посмотрите на него потом, когда он сойдет с коня – нет человека более тихого, более покорного, чем он» (LXXVII). Этим словам вторит и китайская пословица: «Казах на коне – тигр, а сойдет с коня – заяц».

5. Заключение

Мы видим, что в конце XVII – XIX столетий о казахской лошади на русском языке скопилась масса литературы и фактов. Русские ученые, в том числе иппологи провели исследования коневодческих хозяйств всех народов, входящих в состав России. Все материалы, начиная с коротких заметок о казахских лошадях в XVIII веке и до специальных статей, отдельных исследований, статистических сведений, написанных до начала XX века, выделяются, во-первых, многочисленностью, во-вторых, – занимательностью. В придачу к этому в рассказах и повестях русской литературы, посвященных казахской теме, непременно говорится о лошадях.

Почему русские исследователи уделяют особое внимание казахской лошади? Прежде всего, у народа, населяющего огромную территорию между Алтаем и Волгой, Сибирью и Ташкентом, имелось 7–8 миллионов лошадей. Исследователи (Вилькинс, Бахметьев) писали, что ни одно из государств Европы, да и всего мира не может сравниться по конному поголовью с нашей страной.

В 60–70 годах XIX века в связи с усиленным развитием земледелия и постоянным вспахиванием земель на Дону и Кубани, являвшихся базой кавалерии России, численность поголовья коней значительно уменьшилась. Поскольку главной силой российской армии была конница, специалисты по кавалерии начали уделять внимание миллионам неосвоенных степных лошадей и провели массу исследований.

В 1877–1878 гг. кавалерия уральских казаков верхом на казахских лошадях отличилась выносливостью и стойкостью. Об этом генерал австрийской армии Ленеизен сказал: «Вот лошади, лучше которых нечего и желать для кавалерии: широкие, плотные и имеет с тем быстрые, легкие и поворотливые». Начиная с этого времени, внимание исследователей Европы переключилось на казахскую лошадь.

И по сегодняшний день труды русских исследователей не потеряли своего значения. В работе «История казахской лошади» нами было использовано более ста статей и книг. Наряду с этим, в настоящее время в суверенном Казахстане в связи с вопросами увеличения поголовья лошадей, улучшения их пород, ведения хозяйства, развития конного спорта данные работы постоянно используются. Следовательно, практическое значение этих бесценных трудов исследователей России изо дня в день возрастает.

Литература

- Александров, 1896 – Александров П. Конокрадство среди киргизов // ТВ. 1896. № 10.
 Альжанов, 1895 – Альжанов О. О суевных порядках у киргизов во время эпизоотии // КСГ. 1895. № 48.
 Аноним... – Аноним о киргизской лошади // ЖК. № 1. С. 54-81.
 Бабаджанов, 1871 – Бабаджанов М. Лошади и их испытание по внут. Кирг. орде // ЖК. 1871. № 5–7. ЖО. 1871. № 6. С. 11-12.
 Бабалықұлы, 1986 – Бабалықұлы Ж. Мал ауруларының казакша атаулары. Алматы: Қайнар, 1986. 239-б.
 Бабков, 1869 – Бабков И.О. Воспоминания о моей службе в Сибири 1859–1875 гг. Разграничение с Западным Китаем. Кн. 1. СПб., 1869.

- Базилевский, 1909 – Базилевский В. Коневодство в Семиречинской области и меры по развитию и улучшению его // *ЖК*. 1909. № 8. С. 28-40.
- Байга, 1898 – Байга // *Русский Туркестан*. 1898. № 18.
- Байга, 1911 – Байга // *КСГ*. 1913. № 28. // *ТВ*. 1911. № 281.
- Бахметьев, 1870 – Бахметьев Н. Сведения о коннозаводстве Туркестанского края // *ЖК*. 1870. № 1. С. 1-16. № 11. С. 35-42.
- Баштаев, 1911 – Баштаев А.С. Название болезней домашних животных у киргиз и их лечебные средства // *ВОВ*. 1911. № 10. С. 549-552, № 12. С. 640-642.
- Безвуглый, 1916 – Безвуглый Л.Ф. Отчет по произведенному в 1914 г. обследованию животноводства в Пишпекском уезде Семиреченской области. Петроград, 1916. 221 с.
- Белинский, 1886 – Белинский С. Киргизское коневодство в Семиреченской области // *ЖК*. 1886. № 5. С. 1-18.
- Белинский, 1886 – Белинский С. Об исследовании коневодства Семиреченской области и степени пригодности для нашей кавалерии киргизской лошади // *ВС*. 1886. № 12. С. 270-277.
- Бенькевич, 1901 – Бенькевич В. Борьба с сапом в киргизских степях // *ВОВ*. 1901. № 20. С. 826-827.
- Будагов, 1871 – Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 2. СПб., 1871. С. 416.
- Валиханов, 1904 – Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. Тип. Главного управления уделов, 1904. 37-40 с.
- Валиханов, 1904 – Валиханов Ч.Ч. О кочевках киргиз. Тип. Главного управления уделов, 1904. 321-328 с.
- Варадинов, 1859 – Варадинов А. Лечение кумысом // *Библиотека медицинских наук*. СПб., 1859. № 32-33.
- Вилькинс, 1875 – Вилькинс А.И. Записки о лошадях Туркестана // *ЖК*. 1875. № 4. С. 103-65.
- Вилькинс, 1885 – Вилькинс А.И. К вопросу об улучшении лошадей Туркестана // *ЖК*. 1885. № 10. С. 1-5.
- Вогак, 1873 – Вогак С. Киргизская лошадь // *ВС*. 1873. № 9. С. 87-100.
- Военный сборник, 1878 – *Военный сборник*. 1878. № 12.
- Гардер, 1875 – Гардер А. Киргизские лошади и их пригодность для кавалерии и артиллерии // *ВС*. 1875. № 10. С. 324-374. № 11. С. 212-244.
- Гербы..., 1991 – Гербы городов, губер, обл. и посадов Российской империи. М.: Планета, 1991.
- Герн, 1899 – Герн Вл. фон. Характер и нравы киргиз-казахов. Скотоводство у киргизов. Из записной книжки // *ПКСО*. 1899. С. 1-33.
- Головачев, 1902 – Головачев А. Конокрадство у киргиз // *ТГ*. 1902. № 41, 48, 54, 61.
- Головин, 1909 – Головин А. Коневодство в Туркестане // *ВВ*. 1909. № 33. С. 524-527, № 34. С. 541-543; то же // *Турк. Курьер*. 1909. № 36-38, 40-41.
- Даль, 1843 – Даль В.И. Нечто о кумысе // *ЖМВД*. 1843. № 3. С. 139-44.
- Даль, 1863 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Издательство: Тип. А. Семена. М., 1863. 8 с.
- Дандевиль – Дандевиль В. О выносливости нашей конницы // *ЖК*. № 3. С. 22-40. № 4. С. 10-39.
- Даулетова, 1989 – Даулетова С. Барымта и ее ликвидация в первые годы Советской власти в Казахстане // *Проблемы казахского обычного права*. А, 1989. С. 85-2.
- Демидов, 1977 – Демидов С.М. Пережитки доисламских верований среди туркмен // *Религиозные пережитки и пути их преодоления в Туркменистане*. Ашхабад, 1977. С. 126-130.
- Джанбалиев, 1953 – Джанбалиев К. Скотоводческие термины в казахском языке: Афтореф. ... канд. фил. наук. Алма-Ата, 1953. 12 с.
- Джантюрин, 1883 – Джантюрин С. Очерки киргизского коневодства // *ЖК*. 1883. № 7. С. 1-43. № 8. С. 1-24.
- Диваев, 1901 – Диваев А. Случка домашних животных в киргизском хозяйстве // *Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области*. Вып. IX. Ташкент, 1901. С. 66-75.
- Диваев, 1911 – Диваев А. Из области киргизского скотоводческого хозяйства // *ТВ*. 1911. № 102.
- Дмитриев, 1902 – Дмитриев С.Е. Аулиеатинская заводская конюшня в Семиречье // *ВВ*. 1902. № 45. С. 709-711.
- Дмитриев, 1907 – Дмитриев С.Е. Земская случная конюшня в г. Верном // *ВВ*. 1907. № 46. С. 725-726. *ТВ*. 1907. № 188.
- Добросмыслов, 1894 – Добросмыслов А.И. Коневодство и его значение для киргизского населения Тургайской области. Оренбург, 1894. 62 с.
- Добросмыслов, 1894 – Добросмыслов А.И. Верблюдоводство в Тургайской области // *СХ и Л*. 1894. № 12. С. 345-383.
- Добросмыслов, 1899 – Добросмыслов А.И. Киргизские изделия из шерсти и волоса // *ПТКО*. 1899. С. 1-10.

- Добросмыслов, 1902** – *Добросмыслов А.И.* Тургайская обл. Исторический очерк // *Известия Оренбургского отд. ИРГО*. Вып. 7. Тверь, 1902.
- Добросмыслов, 1910** – *Добросмыслов А.И.* Кумыс / Средняя Азия. Кн. 5. Ташкент, 1910. С. 149-154.
- Добрынин, 1920** – *Добрынин А.* Туркестанское коннозаводство и коневодство. Кн. 1. М.: Военная мысль, 1920. С. 192-202.
- Дубенский, 1896** – *Дубенский Д.* Конские заводы Европейской России, Кавказа и Тургайской области и исторический очерк их развития, с картой распределения пород, заводов и табунов. СПб., 1896. С. 306.
- Элжанов, 1895** – *Элжанов О.* Мал дертінің уақытында казактардың нанғыштығы // *ДУГ*. 1895. № 48.
- Захаров, 1898** – *Захаров Н.* Киргизская семиреченская лошадь // *ЗГ*. 1898. № 38.
- Здзеницкий, 1915** – *Здзеницкий С.С.* Животноводство в Сырдарьинской области // *ТСХ*. 1915. № 6. С. 567-77.
- Ибрагимов, 1872** – *Ибрагимов И.* Этнографический очерк киргизского народа // *Русский Туркестан*. Вып. 11. СПб., 1872. С. 120-152.
- Ибрагимов, 1890** – *Ибрагимов М.* Делбе болған атқа ем // *ДУГ*. 1890. № 51.
- Ивановский, 1888** – *Ивановский А.* Киргизская байга // *РВ*. 1888. № 33. С. 515-17.
- Ивлев, Масанов, 1948** – *Ивлев Н.А., Масанов Н.И.* Казахский ученый С. Бабаджанов // *Известия АН КазССР*. 1948. № 11. С. 13-8, 481.
- Измаиловский, 1872** – *Измаиловский М.* По поводу статьи Ходжа-Салих Бабаджанова – Лошади и их испытания во внутренней киргизской орде // *ЖК*. 1872. № 6. С. 1-16.
- Каллер, 1885** – *Каллер А.* Киргизский способ приготовления лошадей к скачкам во Внутренней Киргизской Букеевской орде // *ЖК*. 1885. № 3. С. 56-64.
- Канавин, 1916** – *Канавин П.* Случный пункт при Алтын-Эмельском опытном поле // «Семиречье». *Верный*. 1916. № 8. С. 209-211.
- Касаткин, 1904** – *Касаткин А.И.* Киргизское коневодство // *ВОВ*. 1904. № 21. С. 1097-1104. № 22. С. 1149-1154. № 23. С. 1201-1207.
- Колосовский, 1910** – *Колосовский В.П.* Лошади Туркестана. Ташкент, 1910. 151 с.
- Коробов, 1897** – *Коробов А.* Коневодство в Туркестанском крае // *Новое время*. 1897.
- Краснов** – *Краснов Н.* Коневодство в Туркестане // *ВВ*. № 36. С. 574-576.
- Краснов, 1897** – *Краснов Н.* Настоящее положение коневодства у казачьих войсках (военно-статистический очерк) // *ВС*. Т. СХІV. СПб., 1897.
- Кудашев, 1898** – *Кудашев В.Ж.* Очерк состояния животноводства вообще и коневодства в частности за 1897 г. в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях и ведомость домашним животным, осмотренным в 1897 г. в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях // *ЖК*. 1898. № 4. С. 1-51.
- Кулешов, 1925** – *Кулешов П.Н.* Коневодство. М.: «Новая деревня». 1925.
- Куфтин, 1916** – *Куфтин Б.А.* Календарь и первобытная астрономия киргиз-казацкого народа // *Этнографическое обозрение*. 1916. № 3-4. С. 136.
- Кучуков, 1917** – *Кучуков.* Коневодство Туркестана // *Туркестанский голос*. 1917. № 13.
- Левашов, 1899** – *Левашов И.* Современное состояние степного коневодства в Тургайской области // *ЖК*. 1899. № 6. С. 73-104. №7. С. 3-26.
- Левицкий, 1883** – *Левицкий.* Об улучшении местной породы лошадей в Семипалатинской области // *ЖК*. 1883. № 5. С. 122-127.
- Левшин, 1996** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алма-Ата, «Санат», 1996.
- Материалы..., 1908** – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Сырдарьинской статистической партией. Чимкентский уезд. Т. I. Ташкент, 1908. 639 с.
- Материалы..., 1913** – Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области. Усть-Каменогорский уезд Т. II. СПб., 1913. 208 с.
- Медведский, 1885** – *Медведский П.* Отчет по командировке в 1884 году с целью исследования коневодства киргизов Тургайской и Уральской областей, Внутренней Киргизской Орды и Астраханских калмыков // *ЖК*. 1885. № 3. С. 63-115.
- Медведский, 1885** – *Медведский П.* Отчет по командировке в 1884 году с целью исследования коневодства киргизов Тургайской и Уральской областей, Внутренней Киргизской Орды и Астраханских калмыков // *ЖК*. 1885. № 3. С. 88.
- Мердер, 1897** – *Мердер И.К.* Исторический очерк русского коневодства и коннозаводства. СПб., 1897.
- МИКХ** – Материалы истории Казахского ханства.
- Новотный, 1899** – *Новотный А.* Возможно ли лечение больного скота у Киргиз // *ВОВ*. 1899. № 6. С. 249-251.
- Обручев, 1903** – *Обручев Н.А.* Коневодство в Тургайской области // *ВС*. 1903. № 3. С. 106-123.

- Плещеев, 1904 – Плещеев П. Киргизское степное коневодство в Семипалатинской области // ЖК. 1904. № 1. С. 56-74.
- Плещеев, 1904 – Плещеев П. Киргизское степное коневодство в Семипалатинской области // ЖК. 1904. № 1 С. 56-74.
- Полферов, 1890 – Полферов Я.Я. Скачки у киргиз в Тургайской области // ЖК. 1890. № 46. С. 733-734. № 47. С. 747-748.
- Полферов, 1896 – Полферов Я.Я. Вет-Сан. состояние Тург. Обл. в течение 1895 года // АВН. 1896. Кн. 12. СПб., 1896. С. 219-226.
- Полферов, 1898 – Полферов Я.Я. Какая кровь нужна верховой киргизской лошади // ЖК. 1898. № 3. С. 127-135.
- Полферов, 1898 – Полферов Я.Я. Лучшие породы киргизской лошади – аргымак // ЖК. 1898. № 12. С. 135-145.
- Полферов, 1899 – Полферов Я.Я. Лучшие породы киргизской лошади – адай // ЖК. 1899. № 1. С. 15-22.
- Попов, 1917 – Попов В. О барымте // ОПОУАК. 1914–1915 гг. Приложение 1-е. Оренбург, 1917. 140 с.
- Потанин, 1885 – Потанин Г.Н. Поминки по Чингисхану // ИРГО. 1885. Т. 21. С. 40-56.
- Полярков, 1891 – Полярков Ф. Из области киргизских верований // ЭО. 1891. № 4. С. 21-43.
- Пржевальский, 1883 – Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки: 3-е путешествие в Центр. Азии / [Соч.] Н.М. Пржевальского. СПб.: Рус. геогр. о-во, 1883. [6], II, IV, 476 с., 110 л. ил., карт.: ил.; 30. 1871. Вып. С. 47-167.
- Простейший..., 1894 – Простейший способ выделки кож // ТОВ. 1894. № 10, 12.
- Пянковский, 1913 – Пянковский В. 50-верстная скачка киргизских лошадей с английскими в Семиречье // ТВ. 1913. № 270-275.
- Пяновский, 1914 – Пяновский В. Коневые силы Туркестана как резерв государственного коннозаводства // ТВ. 1914. № 84.
- Радлов, 1989 – Радлов В.В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 273-84.
- Р-В Кожевенное производство..., 1862 – Р-В Кожевенное производство у степных жителей // ТВ. 1862. № 10.
- Ревякин, 1898 – Ревякин Н. Степное коневодство Тургайской области и меры к его улучшению // ЖК. 1898. № 3. С. 62-20.
- Рожков – Рожков В. Заметка к вопросу о киргизском коневодстве в степях Тургайской области // Уч. Зап. Казан Ветер. Инист. Вып. 4. Казан. С. 325-332.
- Сейдалин, 1906 – Сейдалин С. Ветеринария у киргизов // ВОВ. 1906. № 4. С. 195-196.
- Тимаев, 1916 – Тимаев К. Туркестанское коневодство // Туркестанский курьер. 1916. № 85.
- Указатель литературы по животному миру Туркестана, 1927 – Указатель литературы по животному миру Туркестана / Составила М.М. Иванова Берг. Л.: 1927. С. 142-154, 158-165, 199-200.
- Ушумухаметов, 1913 – Ушумухаметов Армия. Қазақтың мал емдеуі // Айқап 1913. № 20. 425-276.
- Фирсов, 1895 – Фирсов В. Туркестан и туркестанские породы лошадей. Опыт историко-типологического исследования // ЖК. 1895. № 4. С. 1-100. № 5. С. 1-41. № 6. С. 1-66. № 7. С. 1-7.
- Хантинский, 1895 – Хантинский И. Статистическая ведомость численного и экономического состояния коневодства в Тургайской области в 1893 году // ЖК. 1895. № 12. С. 45-69.
- Хантинский, 1897 – Хантинский И. Ведомость о деятельности в Тургайской области заводских конюшен: Оренбургской, Тургайской и Кустанайской в период времени 1886–1896 гг. // ЖК. 1897. № 6. С. 59-61.
- ЦГАРК – Центральный государственный архив республики Казахстан. Ф. 25. ОП. 31. Д. 4199. Л. 141-142.
- Шавров, 1914 – Шавров Н. Среднеазиатские породы лошадей // СХ. 1914. № 47. С. 2510-2516. № 48. С. 2568-2571. № 49. С. 2615-2618.
- Шапошников, 1896 – Шапошников. Прodelки киргизских даргеро-баксы // ТГ. 1896. № 84.
- Шахназаров, 1898 – Шахназаров А.И. Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. СПб., 1898. С. 152.
- Шумков, 1892 – Шумков И.В. Очерки киргизского коневодства Тургайской области // СХИЛ. 1892. № 4. С. 317-345. № 5. С. 1-23. № 7. С. 283-310.
- Эверсман, 1873 – Эверсман. Донесение управляющего Оренбургским конским рассадником по осмотру им жеребцов во внутренней киргизской орде // ЖК. 1873. № 9. С. 49-56.

References

- Aleksandrov, 1896 – Aleksandrov, P. (1896). Konokradstvo sredi kirgizov [Horse stealing among the Kyrgyz]. TV. 10. [in Russian]
- Alzhanov, 1895 – Alzhanov, O. (1895). Mal dertinin uaktynda kazaktardyn nangyshtygy [Kazakh faith in animal diseases]. DUG. 48. [in Kazakh]

- Al'zhanov, 1895** – *Al'zhanov, O.* (1895). O suevernykh poryadkakh u kirgizov vo vremya epizotii [About the superstitious orders of the Kyrgyz during the epizootic]. *KSG*. 48. [in Russian]
- Anonim...** – Anonim o kirgizskoi loshadi [Anonymous about the Kyrgyz horse]. *ZhK*. 1: 54-81. P. 80. [in Russian]
- Babadzhanov, 1871** – *Babadzhanov, M.* (1871). Loshadi i ikh ispytanie po vnut. Kirg. Orde [Horses and their trial in the inner Kyrgyz Horde]. *ZhK*. 5-7. *ZhO*. 6: Pp. 11-12. [in Russian]
- Babalykuly, 1986** – *Babalykuly, Zh.* (1986). Mal aurularynyn kazaksha ataulary [Kazakh names of animal diseases]. Almaty: Kainar, 1986. 239 p. [in Kazakh]
- Babkov, 1869** – *Babkov, I.O.* (1869). Vospominaniya o moei sluzhbe v Sibiri 1859–1875 gg. Razgranichenie s Zapadnym Kitaem [Memories of my service in Siberia 1859–1875. Delineation with Western China]. Kn. 1. SPb. [in Russian]
- Baiga, 1898** – Baiga. Russkii Turkestan [Russian Turkestan]. 1898. 18. [in Russian]
- Baiga, 1911**– Baiga. *KSG* 1913. 28. Baiga. *TV*. 1911. 281. [in Russian]
- Bakhmet'ev, 1870** – *Bakhmet'ev, N.* (1870). Svedeniya o konnozavodstve Turkestanskogo kraya [Information about horse breeding in the Turkestan region]. *ZhK*. 1: 1-16. 11: 35-42. [in Russian]
- Bashtaev, 1911** – *Bashtaev, A.S.* (1911). Nazvanie boleznei domashnikh zivotnykh u kirgiz i ikh lechebnye sredstva [The name of diseases of domestic animals in the Kyrgyz and their remedies]. *VOV*. 10: 549-552. 12: 640-642. [in Russian]
- Bazilevskii, 1909** – *Bazilevskii, V.* (1909). Konevodstvo v Semirechinskoi oblasti i mery po razvitiyu i uluchsheniyu ego [Horse breeding in the Semirechensk region and measures to develop and improve it]. *ZhK*. 8: 28-40. [in Russian]
- Belinskii, 1886** – *Belinskii, S.* (1886). Kirgizskoe konevodstvo v Semirechenskoi oblasti [Kyrgyz horse breeding in the Semirechensk region]. *ZhK*. 5: 1-18. [in Russian]
- Belinskii, 1886** – *Belinskii, S.* (1886). Ob issledovanii konevodstva v Semirechenskoi oblasti i stepeni prigodnosti dlya nashei kavalerii kirgizskoi loshadi [About the study of horse breeding in the Semirechensk region and the degree of suitability of the Kyrgyz horse for our cavalry]. *VS*. 12: 270-277. [in Russian]
- Ben'kevich, 1901** – *Ben'kevich, V.* (1901). Bor'ba s sapom v kirgizskikh stepyakh [Fighting sap in the Kyrgyz steppes]. *VOV*. 20: 826-827. [in Russian]
- Bezvuglyi, 1916** – *Bezvuglyi, L.F.* (1916). Otchet po proizvedennomu v 1914 g. obsledovaniyu zivotnovodstva v Pishpekskom uезде Semirechenskoi oblasti [Report on the survey of animal husbandry carried out in 1914 in the Pishpeksky district of the Semirechensk region]. Petrograd. 221 p. [in Russian]
- Dal', 1843** – *Dal', V.I.* (1843). Nechto o kumyse [Something about koumiss]. *ZhMVD*. 3: 139-44. [in Russian]
- Dandevil'** – *Dandevil', V.* O vynoslivosti nashei konnitsy [About the endurance of our cavalry]. *ZhK*. 3: 22-40. 4: 10-39. [in Russian]
- Dauletova, 1989** – *Dauletova, S.* (1989). Barymta i ee likvidatsiya v pervye gody Sovetskoj vlasti v Kazakhstane [Barymta and its liquidation in the first years of Soviet power in Kazakhstan]. *Problemy kazakhskogo obychnogo prava*. A. Pp. 85-2. [in Russian]
- Demidov, 1977** – *Demidov, S.M.* (1977). Perezhitki doislamskikh verovaniy sredi turkmen [Remnants of pre-Islamic beliefs among Turkmen]. *Religioznye perezhitki i puti ikh preodoleniya v Turkmenistane*. Ashkhabad. Pp. 126-130. [in Russian]
- Divae, 1901** – *Divae, A.* (1901). Sluchka domashnikh zivotnykh v kirgizskom khozyaistve [Mating of domestic animals in the Kyrgyz economy]. *Sbornik materialov dlya statistiki Syrdar'inskoi oblasti*. Vyp. IX. Tashkent. Pp. 66-75. [in Russian]
- Divae, 1911** – *Divae, A.* (1911). Iz oblasti kirgizskogo skotovodcheskogo khozyaistva [From the Kyrgyz cattle breeding area]. *TV*. 102. [in Russian]
- Dmitriev, 1902** – *Dmitriev, S.E.* (1902). Aulieatinskaya zavodskaya konyushnya v Semirech'e [Aulieatinsky factory stable in Semirechye]. *VV*. 45: 709-711. [in Russian]
- Dmitriev, 1907** – *Dmitriev, S.E.* (1907). Zemskaya sluchnaya konyushnya v g. Vernom [Zemstvo horse stable in Verny]. *VV*. 46: 725-726. *TV*. 188. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1894** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1894). Konevodstvo i ego znachenie dlya kirgizskogo naseleniya Turgaiskoi oblasti [Horse breeding and its significance for the Kyrgyz population of Turgay region]. Orenburg. 62 p. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1894** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1894). Verblyudovodstvo v Turgaiskoi oblasti [Camel breeding in Turgay region]. *SKh i L*. 12: 345-383. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1899** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1899). Kirgizskie izdeliya iz shersti i volosa [Kyrgyz wool and hair products]. *PTKO*. Pp. 1-10. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1902** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1902). Turgaiskaya obl. Istoricheskii ocherk [Turgay region. Historical essay]. *Izvestiya Orenburgskogo otd. IRGO*. Vyp. 7. Tver'. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1910** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1910). Kumys [Koumiss]. *Srednyaya Aziya*. Kn. 5. Tashkent. Pp. 149-154. [in Russian]
- Dobrynin, 1920** – *Dobrynin, A.* (1920). Turkestanskoe konnozavodstvo i konevodstvo [Turkestan horse breeding and horse breeding]. Kn. 1. M.: Voennaya mysl'. Pp. 192-202. [in Russian]

- Dubenskii, 1896** – *Dubenskii, D.* (1896). Konskie zavody Evropeiskoi Rossii, Kavkaza i Turgaiskoi oblasti i istoricheskii ocherk ikh razvitiya, s kartoi raspredeleniya porod, zavodov i tabunov [Horse factories of European Russia, the Caucasus and the Turgai region and a historical sketch of their development, with a map of the distribution of breeds, plants and herds]. SPb. P. 306. [in Russian]
- Dzhanbaliev, 1953** – *Dzhanbaliev, K.* (1953). Skotovodcheskie terminy v kazakhskom yazyke [Cattle breeding terms in the Kazakh language]. Aftoref. kand. fil. nauk. Alma-Ata. 12 p. [in Russian]
- Dzhantyurin, 1883** – *Dzhantyurin, S.* (1883). Ocherki kirgizskogo konevodstva [Essays on Kyrgyz horse breeding]. *ZhK.* 7: 1-43. 8: 1-24. [in Russian]
- Eversman, 1873** – *Eversman* (1873). Donesenie upravlyayushchego Orenburgskim konskim rassadnikom po osmotru im zherebtsov vo vnutrennei kirgizskoi orde [Report of the manager of the Orenburg Horse breeding ground on his inspection of stallions in the inner Kyrgyz Horde]. *ZhK.* 9: 49-56. [in Russian]
- Firsov, 1895** – *Firsov, V.* (1895). Turkestan i turkestanskije porody loshadei. Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya [Turkestan and Turkestan horse breeds. The experience of historical and typological research]. *ZhK.* 4: 1-100. 5: 1-41. 6: 1-66. 7: 1-7. [in Russian]
- Garder, 1875** – *Garder, A.* (1875). Kirgizskie loshadi i ikh prigodnost' dlya kavalerii i artilerii [Kyrgyz horses and their suitability for cavalry and artillery]. *VS.* 10: 324-374, 11: 212-244. [in Russian]
- Gerby..., 1991** – Gerby Gorodov, guber. obl. i posadov Rossiiskoi imperii [Coats of arms of Cities, provinces and townships of the Russian Empire]. M.: Planeta, 1991. [in Russian]
- Gern, 1899** – Gern VI. Fon Kharakter i nruvy kirgiz-kazakhov. Skotovodstvo u kirgizov [The character and morals of the Kyrgyz-Kazakhs. Cattle breeding among the Kyrgyz]. *Iz zapisnoi knizhki.* PKSO. 1899. Pp. 1-33. [in Russian]
- Golovachev, 1902** – *Golovachev, A.* (1902). Konokradstvo u kirgiz [Horse stealing from the Kyrgyz]. *TG:* 41, 48, 54, 61. [in Russian]
- Golovin, 1909** – *Golovin, A.* (1909). Konevodstvo v Turkestane [Horse breeding in Turkestan]. *VV.* 33: 524-527. 34: 541-543. *Turk. kur'er.* 36, 37, 38, 40, 41. [in Russian]
- Ibragimov, 1872** – *Ibragimov, I.* (1872). Etnograficheskii ocherk kirgizskogo naroda [Ethnographic essay of the Kyrgyz people]. *Russkii Turkestan.* Vyp. 11. SPb. Pp. 120-152. [in Russian]
- Ibragimov, 1890** – *Ibragimov, M.* (1890). Delbe bolgan atka em [Reins for the treatment of horses]. *DUG.* 51. [in Kazakh]
- Ivanovskii, 1888** – *Ivanovskii, A.* (1888). Kirgizskaya baiga. *RV.* 33: 515-17. [in Russian]
- Ivlev, Masanov, 1948** – *Ivlev, N.A., Masanov, N.I.* (1948). Kazakhskii uchenyi S. Babadzhanov [Kazakh scientist S. Babajanov]. *Izvestiya AN KazSSR.* 11: 13-8, 481. [in Russian]
- Izmailovskii, 1872** – *Izmailovskii, M.* (1872). Po povodu stat'i Khodzha-Salikh Babadzhanova – Loshadi i ikh ispytaniya vo vnutrennei kirgizskoi orde [Horses and their trials in the Inner Kyrgyz Horde]. *ZhK.* 6: 1-16. [in Russian]
- Kaller, 1885** – *Kaller, A.* (1885). Kirgizskii sposob prigotovleniya loshadei k skachkam vo Vnutrennei Kirgizskoi Bukeevskoi orde [The Kyrgyz way of preparing horses for racing in the Inner Kyrgyz Bukeyev Horde]. *ZhK.* 3: 56-64. [in Russian]
- Kanavin, 1916** – *Kanavin, P.* (1916). Sluchnyi punkt pri Altyn-Emel'skom opytnom pole [The control point at the Altyn-Emelsky experimental field]. «*Semirech'e*» *Vernyi.* 8: 209-211. [in Russian]
- Kasatkin, 1904** – *Kasatkin, A.I.* (1904). Kirgizskoe konevodstvo [Kyrgyz horse breeding]. *VOV.* 21: 1097-1104. 22: 1149-1154. 23: 1201-1207.
- Khantinskii, 1895** – *Khantinskii, I.* (1895). Statisticheskaya vedomost' chislennogo i ekonomicheskogo sostoyaniya konevodstva v Turgaiskoi oblasti v 1893 godu [Statistical statement of the numerical and economic state of horse breeding in the Turgay region in 1893]. *ZhK.* 12: 45-69. [in Russian]
- Khantinskii, 1897** – *Khantinskii, I.* (1897). Vedomost' o deyatel'nosti v Turgaiskoi oblasti zavodskikh konyushen: Orenburgskoi, Turgaiskoi i Kustanaiskoi v period vremeni 1886–1896 gg [Statement on the activities of factory stables in the Turgay region: Orenburg, Turgay and Kustanay in the time period 1886–1896.v]. *ZhK.* 6: 59-61. [in Russian]
- Kolosovskii, 1910** – *Kolosovskii, V.P.* (1910). Loshadi Turkestana [Horses of Turkestan]. Tashkent, 151 p. [in Russian]
- Korobov, 1897** – *Korobov, A.* (1897). Konevodstvo v Turkestanskom krae [Horse breeding in the Turkestan region]. *Novaya Vremya.* [in Russian]
- Krasnov** – *Krasnov, N.* Konevodstvo v Turkestane [Horse breeding in Turkestan]. *VV.* 36: 574-576. [in Russian]
- Krasnov, 1897** – *Krasnov, N.* (1897). Nastoyashchee polozhenie konevodstva u kazach'ikh voiskakh (voenno-statisticheskii ocherk). *VS.* T. SXIV. SPb. [in Russian]
- Kuchukov, 1917** – *Kuchukov* (1917). Konevodstvo Turkestana [Horse breeding of Turkestan]. *Turkestanskii golos.* 13. [in Russian]
- Kudashev, 1898** – *Kudashev, V.Zh.* (1898). Ocherk sostoyaniya zhivotnovodstva voobshche i konevodstva v chastnosti za 1897 g. v Akmolinskoi, Semipalatinskoi i Semirechenskoi oblastiakh i vedomost' domashnim zhivotnym, osmotrennym v 1897 g. v Akmolinskoi, Semipalatinskoi i Semirechenskoi oblastiakh

[An outline of the state of animal husbandry and horse breeding in particular for 1897 in Akmola, Semipalatinsk and Semirechensk regions and a list of pets examined in 1897 in Akmola, Semipalatinsk and Semirechensk regions]. *ZhK.* 4: 1-51. [in Russian]

Kuftin, 1916 – *Kuftin, B.A.* (1916). Kalendar' i pervobytnaya astronomiya kirgiz-kazatskogo naroda [Calendar and primitive astronomy of the Kirghiz-Cossack people]. *Etnograficheskoe obozrenie.* 3-4: 136. [in Russian]

Kuleshov, 1925 – *Kuleshov, P.N.* (1925). Konevodstvo [Horse breeding]. M. «Novaya drevnya». [in Russian]

Levashov, 1899 – *Levashov, I.* (1899). Sovremennoe sostoyanie stepnogo konevodstva v Turgaiskoi oblasti [The current state of steppe horse breeding in Turgay region]. *ZhK.* 6: 73-104. 7: 3-26. [in Russian]

Levitskii, 1883 – *Levitskii.* Ob uluchshenii mestnoi porody loshadei v Semipalatinskoi oblasti [About the improvement of the local horse breed in the Semipalatinsk region]. *ZhK.* 5: 122-127. [in Russian]

Levshin, 1996 – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaysak hordes and steppes]. Alma-Ata, «Sanat». [in Russian]

Materialy..., 1908 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannyye i razrabotannyye Syrdar'inskoi statisticheskoi partiei. Chimkent'skii uezd [Materials on Kyrgyz land use collected and developed by the Syrdarya Statistical Party. Shymkent county]. T. 1. Tashkent, 1908. 639 p. [in Russian]

Materialy..., 1913 – Materialy po obsledovaniyu khozyaistva i zemlepol'zovaniya kirgiz Semipalatinskoi oblasti. Ust'-Kamenogorskii uezd [Materials on the survey of the economy and land use of the Kyrgyz Semipalatinsk region. Ust-Kamenogorsk county]. T. 11. SPb., 1913. 208 p. [in Russian]

Medvedskii, 1885 – *Medvedskii, P.* (1885). Otchet po komandirovke v 1884 godu s tsel'yu issledovaniya konevodstva kirgizov Turgaiskoi i Ural'skoi oblastei, Vnutrennei Kirgizskoi Ordy i Astrakhanskikh kalmykov [Report on a business trip in 1884 to study the horse breeding of the Kyrgyz of the Turgai and Ural regions, the Inner Kyrgyz Horde and the Astrakhan Kalmyks]. *ZhK.* 3: 63-115. [in Russian]

Medvedskii, 1885 – *Medvedskii, P.* (1885). Otchet po komandirovke v 1884 godu s tsel'yu issledovaniya konevodstva kirgizov Turgaiskoi i Ural'skoi oblastei, Vnutrennei Kirgizskoi Ordy i Astrakhanskikh kalmykov [Report on a business trip in 1884 to study the horse breeding of the Kyrgyz of the Turgai and Ural regions, the Inner Kyrgyz Horde and the Astrakhan Kalmyks]. *ZhK.* 3: 88. [in Russian]

Merder, 1897 – *Merder, I.K.* (1897). Istoricheskie ocherk russkogo konevodstva i konnozavodstva [Historical sketch of Russian horse breeding and horse breeding]. SPb. [in Russian]

MIKKH – Materialy istorii Kazakhskogo khanstva [Materials of the history of the Kazakh Khanate].

Novotnyi, 1899 – *Novotnyi, A.* (1899). Vozmozhno li lechenie bol'nogo skota u Kirgiz [Is it possible to treat sick cattle in the Kyrgyz]. *VOV.* 6: 249-251. [in Russian]

Obruchev, 1903 – *Obruchev, N.A.* (1903). Konevodstvo v Turgaiskoi oblasti [Horse breeding in Turgay region]. *VS.* 3: 106-123. [in Russian]

Pleshcheev, 1904 – *Pleshcheev, P.* (1904). Kirgizskoe stepnoe konevodstvo v Semipalatinskoi oblasti [Kyrgyz steppe horse breeding in Semipalatinsk region]. *ZhK.* 1: 56-74. [in Russian]

Pleshcheev, 1904 – *Pleshcheev, P.* (1904). Kirgizskoe stepnoe konevodstvo v Semipalatinskoi oblasti [Kyrgyz steppe horse breeding in Semipalatinsk region]. *ZhK.* 1: 56-74. [in Russian]

Polferov, 1890 – *Polferov, Ya.Ya.* (1890). Skachki u kirgiz v Turgaiskoi oblasti [Horse racing at the Kirghiz in the Turgay region]. *ZhK.* 46: 733-734. 47: 747-748. [in Russian]

Polferov, 1896 – *Polferov, Ya.Ya.* (1896). Vet-San. sostoyanie Turg. obl v techenie 1895 goda [Veterinary and sanitary condition of the Turg. region during 1895]. *AVN.* Kn. 12 SPb. Pp. 219-226. [in Russian]

Polferov, 1898 – *Polferov, Ya.Ya.* (1898). Kakaya krov' nuzhna verkhovoi kirgizskoi loshadi [What kind of blood does a riding Kyrgyz horse need]. *ZhK.* 3: 127-135. [in Russian]

Polferov, 1898 – *Polferov, Ya.Ya.* (1898). Luchshie porody kirgizskoi loshadi – argymak [The best breeds of Kyrgyz horse – argymak]. *ZhK.* 12: 135-145. [in Russian]

Polferov, 1899 – *Polferov, Ya.Ya.* (1899). Luchshie porody kirgizskoi loshadi – adai [The best breeds of Kyrgyz horse – adai]. *ZhK.* 1: 15-22. [in Russian]

Popov, 1917 – *Popov, V.* (1917). O barymte [About barymta]. *OPOUAK.* 1914–1915 gg. Prilozhenie 1-e. Orenburg. 140 p. [in Russian]

Potantin, 1885 – *Potantin, G.N.* (1885). Pominki po Chingiskhanu [Commemoration of Genghis Khan]. *IRGO.* 21: 40-56. [in Russian]

Poyarkov, 1891 – *Poyarkov, F.* (1891). Iz oblasti kirgizskikh verovanii [From the field of Kyrgyz belief]. *EO.* 4: 21-43. [in Russian]

Prosteishii..., 1894 – Prosteishii sposob vydelki kozh [The simplest way to make leather]. *TOV.* 10, 12. [in Russian]

Przheval'skii, 1883 – *Przheval'skii, N.M.* (1883). Iz Zaisana cherez Khami v Tibet i na verkhov'ya Zheltoi reki: 3-e puteshestvie v Tsentr. Azii [From Zaisan via Hami to Tibet and the upper reaches of the Yellow River: 3rd trip to Central Asia]. [Soch.] N.M. Przheval'skogo. – Sankt-Peterburg : Rus. geogr. o-vo, 1883. [6], II, IV, 476 s., 110 l. il., kart.: il.; 30. 1871. Vyp. Pp. 47-167. [in Russian]

- [Pyankovskii, 1913](#) – *Pyankovskii, V.* (1913). 50-ti verstnaya skachka kirgizskikh loshadei s angliiskimi v Semirech'e [50-mile race of Kyrgyz horses with English in Semirechye]. *TV*. 270, 271, 272, 273, 274, 275. [in Russian]
- [Pyanovskii, 1914](#) – *Pyanovskii, V.* (1914). Konevye sily Turkestana kak rezerv gosudarstvennogo konnozavodstva [Horse forces of Turkestan as a reserve of the state horse breeding]. *TV*. 84. [in Russian]
- [Radlov, 1989](#) – *Radlov, V.V.* (1989). Iz Sibiri [From Siberia]. M.: Nauka. Pp. 273-84. [in Russian]
- [Revyakin, 1898](#) – *Revyakin, N.* (1898). Stepnoe konevodstvo Turgaiskoi oblasti i mery k ego uluchsheniyu [Steppe horse breeding of Turgay region and measures to improve it]. *ZhK*. 3: 62-20. [in Russian]
- [Rozhkov](#) – *Rozhkov, V.* Zametka k voprosu o kirgizskom konevodstve v stepyakh Turgaiskoi oblasti [A note on the issue of Kyrgyz horse breeding in the steppes of the Turgay region]. *UCh. Zap. Kazan Veter. Inist.* Vyp. 4. Kazan. Pp. 325-332. [in Russian]
- [R-V Kozhevennoe proizvodstvo..., 1862](#) – R-V Kozhevennoe proizvodstvo u stepnykh zhitelei [Leather production among steppe inhabitants]. *TV*. 1862. 10. [in Russian]
- [Seidalin, 1906](#) – *Seidalin, S.* (1906). Veterinariya u kirgizov [Veterinary medicine in Kyrgyzstan]. // *VOV*. 4: 195-196. [in Russian]
- [Shakhnazarov, 1898](#) – *Shakhnazarov, A.I.* (1898). Ocherk sel'skogo khozyaistva Turkestanskogo kraya [An essay on agriculture of the Turkestan region]. SPb. P. 152. [in Russian]
- [Shaposhnikov, 1896](#) – *Shaposhnikov* (1896). Prodelki kirgizskikh dargerov-baksy [Tricks of the Kyrgyz Darger-shaman]. *TG*. 84. [in Russian]
- [Shavrov, 1914](#) – *Shavrov, N.* (1914). Sredneaziatskie porody loshadei [Central Asian horse breeds]. *SKh*. 47: 2510-2516. 48: 2568-2571. 49: 2615-2618. [in Russian]
- [Shumkov, 1892](#) – *Shumkov, I.V.* (1892). Ocherki kirgizskogo konevodstva Turgaiskoi oblasti [Essays on Kyrgyz horse breeding in Turgay region]. *SKhL*. 4: 317-345. 5: 1-23. 7: 283-310. [in Russian]
- [Timaev, 1916](#) – *Timaev, K.* (1916). Turkestanskoe konevodstvo [Turkestan horse breeding]. *Turkestanskii kur'er*. 85. [in Russian]
- [TsGARK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F. 25. OP. 31. D. 4199. L. 141-142.
- [Ukazatel' literatury po zhitovnomu miru Turkestana, 1927](#) – Ukazatel' literatury po zhitovnomu miru Turkestana [Index of literature on the animal world of Turkestan]. Sostavila M.M. Ivanova Berg. L.:1927. Pp. 142-154, 158-165, 199-200. [in Russian]
- [Ushumukhametov, 1913](#) – *Ushumukhametov, A.* (1913). Қазақтың мал емдеуі [Kazakh cattle treatment]. *Айқар*. 20. 425-27b. [in Kazakh]
- [Valikhanov, 1904](#) – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1904). O kochevkakh kirgiz [About the Kirghiz nomads]. Tip. Glavnogo Upravleniya Udelov. Pp. 321-328. [in Russian]
- [Valikhanov, 1904](#) – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1904). Vooruzhenie kirgiz v drevnie vremena i ikh voennye dospekhi [Kirghiz armament in ancient times and their military armor]. Tip. Glavnogo Upravleniya Udelov. Pp. 37-40. [in Russian]
- [Varadinov, 1859](#) – *Varadinov, A.* (1859). Lechenie kumysom [Treatment with koumiss]. *Biblioteka meditsinskikh nauk*. SPb, 1859. № 32-33. [in Russian]
- [Vil'kins, 1875](#) – *Vil'kins, A.I.* (1875). Zapiski o lohad'yakh Turkestana [Notes about the horses of Turkestan]. *ZhK*. 4: 103-65. [in Russian]
- [Vil'kins, 1885](#) – *Vil'kins, A.I.* (1885). K voprosu ob uluchshenii loshadei Turkestana [On the issue of improving the horses of Turkestan]. *ZhK*. 10: 1-5. [in Russian]
- [Voennyi sbornik, 1878](#) – *Voennyi sbornik* [Military collection]. 1878. 12. [in Russian]
- [Vogak, 1873](#) – *Vogak, S.* (1873). Kirgizskaya lohad' [Kyrgyz horse]. *VS*. 9: 87-100. [in Russian]
- [Zakharov, 1898](#) – *Zakharov, N.* (1898). Kirgizskaya Semirechenskaya lohad' [Kyrgyz Semirechye horse]. *ZG*. 38. [in Russian]
- [Zdzenitskii, 1915](#) – *Zdzenitskii, S.S.* (1915). Zhitovnovodstvo v Syrdarinskoi oblasti [Animal husbandry in the Syrdarya region]. *TSKh*. 6: 567-77. [in Russian]

Проблемы казахского коневодства в трудах исследователей Российской империи

Ахмет Уалханович Токтабай ^a, Айгерим Саятбековна Нугумарова ^{b, *}

^a Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nugumarova.aigerim@gmail.com (А.С. Нугумарова)

Аннотация. Статья посвящена проблемам казахского коневодства в трудах исследователей Российской империи. Как известно, русский народ от Древней Руси до Российской империи на протяжении долгого времени интересовался торговлей лошадьми с Казахским ханством. Из-за малочисленности лошадей в русской армии и в целом населении Российская империя обеспечивала свою армию и народ лошадьми из соседнего Казахстана.

Большинство работ, посвященных коневодству конца XIX – начала XX вв., ограничивается только описанием. Так как материалы были собраны бессистемно, то и многие вопросы этой темы исследовались в них неодинаково. Многие из работ о лошадях написаны поверхностно, продиктованы любопытством и удивлением, вызванным самобытным коневодством кочевого народа. В таких работах большей частью речь идет о выпасе, содержании лошадей, и только изредка – о породах. Анализируя литературу советской эпохи, мы можем сказать, что при всем разнообразии материалов, собранных о казахской лошади, она по сей день не приведена в единую систему. Коневодство в те годы исследовалось с точки зрения сельскохозяйственных наук, поэтому его историко-этнографическая сторона осталась малоизученной.

Ключевые слова: Российская империя, конские базары, Военный сборник, казахская лошадь, конские породы, косяк, русско-турецкая война, табунное коневодство, казаки, байга, святые места.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 621-630
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.621

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Organization of the Space of the First Maternity Clinics in Russia (XVIII – beginning of the XX centuries)

Natalia A. Mitsyuk ^{a, *}, Natalia L. Pushkareva ^b, Anna V. Belova ^{b, c}

^a Smolensk State Medical University, Russian Federation

^b N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology & Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^c Tver State University, Department of World History, the Head of the Department, Russian Federation

Abstract

The article reveals the process of formation of maternity clinic space in pre-revolutionary Russia. The research is based on the medical literature of the 18th–early 20th centuries, archival materials, ego-documents. The main approaches were the social history of medicine, gender history and the concept of medicalization. The article shows that clinical obstetric care acquired legitimacy exclusively in large cities and was perceived by the population as a pathological place for childbirth. Clinical obstetrics destroyed the traditional culture of childbirth, based on the free behavior of the woman in labor, the preservation of the female space of childbirth, the use of religious rites, traditional medicine. The approved biomedical model of childbirth reduced the level of maternal and infant mortality, provided surgical care and anesthesia. But on the other hand, patients were isolated, rigid ideas about norm and pathology were introduced, the number of surgical interventions increased; patients became an object for medical actions, losing their individuality and initiative, and a single maternity pose was fixed. The space of the maternity clinic reflected primarily the interests of physicians, aimed at maximizing the efficiency of their obstetrical manipulations of the laboring women.

Keywords: childbirth, history of birth culture, obstetrics, technocratic model of childbirth, medicalization of childbirth, clinical obstetrics.

1. Введение

В современных государствах продолжается поиск оптимальной модели родовспоможения, при которой будет соблюден баланс между безопасностью, комфортом, правами и интересами врачей и пациентов. Для российского общества этот вопрос особенно важен, так как он затрагивает проблемы, связанные с демографической ситуацией, выстраиванием принципов семейной политики и отвечает за здоровьесбережение нации, что отражено в ведущих стратегических документах РФ (Указ Президента..., 2019; Национальный проект..., 2019; Концепция..., 2014).

Исследователи культуры деторождения, среди которых историки, социологи, антропологи, выделяют три основные модели деторождения, существовавшие в различные исторические периоды: естественная, биомедицинская (технократическая) и холистическая. По мнению историков, смена естественной модели родов технократической, основанной прежде всего на научных медицинских знаниях, активной роли врачебного сообщества и превращении женщины в объект для медицинских действий, связана с переходом от аграрных к индустриальным обществам (Gelis, 1991). В результате развития научной медицины, акушерской теории и практики, роста числа родильных стационаров

* Corresponding author

E-mail addresses: nmitsyuk@gmail.com (N.A. Mitsyuk), pushkarev@mail.ru (N.L. Pushkareva), anna.belova@iea.ras.ru (A.V. Belova)

формировалась система клинического родовспоможения. Новая модель существенным образом меняла семейную повседневность, так как происходил перенос важнейшего семейного события – рождения детей – из домашнего пространства в клиническое. В различных странах и регионах формирование стационарного акушерства проходило неравномерно. Клиническое родовспоможение в России утверждалось на протяжении второй половины XVIII – начала XX вв. (Leavitt, 1986). Как формировалось пространство родильной клиники в России? Каким образом происходил поиск оптимальной модели родовспоможения? Как происходил перенос родов из дома в клинику? Получить ответы на эти вопросы, обойденные вниманием российских социальных историков и историков медицины, сфокусированных преимущественно на институциональной истории развития акушерства (появление родильных стационаров и прогресс медицинской науки), ориентировано представленное исследование. Используя российский кейс, мы нацелены раскрыть специфику формирования пространства родильной клиники в XVIII – начале XX вв. Нам важно определить, каким образом утверждалась биомедицинская модель родов в России, что при этом приобретали и что теряли женщины.

2. Материалы и методы

В исследовании были использованы четыре группы источников.

1. Медицинская литература XIX – начала XX вв. (отчеты родильных клиник, описания родовспомогательных стационаров, учебники по гинекологии, акушерству), хранящиеся в фондах Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки.

2. Регистрационные карточки пациенток, родильные журналы, хранящиеся в фондах медицинских учреждений российских архивов (Российский государственный исторический архив, Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга, Государственный архив Смоленской области) (Мицок и др., 2021).

3. Визуальные источники (фотоматериалы, музейные артефакты, иллюстративный материал).

4. Автодокументальная литература. Описание родов в стационаре удалось обнаружить в литературных воспоминаниях Т. Фохт-Ларионовой, Л.Д. Менделеевой-Блок, Н.А. Миротворской, дневниках А.А. Алексеевского, Ф.Ф. Фидлера (РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 40. Л. 220б-2; Блок, 1979; Две тетради..., 2010; Фохт-Ларионова, 2001; Фидлер, 2008).

В исследовании были использованы классические методы исторического исследования (историко-критический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический). Для анализа разнородного по характеру источникового материала проведено комплексное кабинетное исследование. При работе с эго-документами для поиска соответствующих контекстов использовался нарративный анализ текстов, основанный на пробной версии программы LIWC 2015. При работе с фотоматериалами и иллюстрациями был применен метод интерпретативного анализа. Ключевыми научными подходами для нас явились подход социальной истории медицины (Loudon, 1997; Porter, 2007), теории медиализации (Conrad, 2007; Foucault, 2008). Нам важно установить, как родильная клиника трансформировала культуру родовспоможения и семейную повседневность горожан, каким образом медицинское знание меняло представления о нормах и патологиях не только в самом акте родоразрешения, но и в поведении роженицы, членов ее семьи, врачей и акушерок.

3. Обсуждение

Зарубежные социальные историки медицины, гендерные историки, социальные и культурные антропологи обращаются к изучению различных сторон медиализации деторождения, в особенности в контексте исследования технократической модели родов. По их мнению, технократическая модель родов – продукт легитимации именно клинического родовспоможения (Leavitt, 1986; Davis-Floyd, 1994; Minghui, 2019). Дж. Левитт связывала историю медиализации родовспоможения, утверждение технократической модели родов не столько с прогрессом науки и технологий, сколько с господствовавшей патриархатной системой, которая не только не думала сдавать позиции, но и вытесняла женский опыт и знания из сферы наблюдения за женским репродуктивным здоровьем. Часть исследований посвящено проблеме проникновения врачей-мужчин в область родовспоможения и занятие акушерками подчиненного положения (Green, 2008). Важным направлением исследовательского интереса стал историко-сравнительный анализ материнской смерти в условиях домашнего и клинического родовспоможения (Loudon, 1991). Вызывали интерес отдельные стороны медиализации родовспоможения, в частности внедрение в клиническое родовспоможение обезболивания (Wolf, 2011).

В российской исторической литературе существует ограниченное число работ по истории родовспоможения (Mitsyuk, Pushkareva, 2019), что связано с устоявшимися междисциплинарными рамками и игнорированием использования современных релевантных концептуальных исследовательских подходов. Родильная культура нередко становилась предметом исследования для этнографов. Однако их интерес ограничен исключительно традиционными практиками родовспоможения в крестьянской среде. Историки медицины фокусируются на институциональной истории родовспомогательных учреждений и истории научного знания в сфере акушерства.

Исключение составляют историки повседневности и гендерные историки, которые поднимают новые сюжеты в исследовании историко-антропологической культуры родовспоможения (Веременко, 2011; Мицюк, Пушкарева 2017; Мицюк, Пушкарева, 2021), а также социологи, которые затрагивают проблемы советского родовспоможения (Leykin, Rivkin-Fish, 2021).

4. Результаты

Первые родильные клиники в России появились в конце XVIII в. при медицинских учебных заведениях и воспитательных домах в Москве и Санкт-Петербурге, а также в крупнейших городах, в которых были открыты университеты. Главная задача родильных домов состояла не столько в заботе о здоровье женщин, сколько в возможности развивать практические навыки у врачей. В условиях домашних родов было невозможно заставить женщин обращаться за помощью к врачам-мужчинам. Стационарное акушерство в регионах, лишенных университетов, стало развиваться с 1860–1870-х гг., в связи с буржуазным развитием и реформами местного самоуправления. К началу XX в. клиническое родовспоможение утвердилось в столице и крупнейших промышленно развитых городах. В регионах России, в уездных городах и сельской местности устойчивость сохраняло народное акушерство. Стационарные роды приобретали легитимность исключительно среди горожанок.

Клиническое родовспоможение в России в XIX в. характеризовалось разнообразием форм родильных стационаров: самостоятельные родильные отделения (приюты), акушерские клиники при медицинских учреждениях, родильные приюты, принадлежавшие городским или земским органам власти и частные родильные приюты. Образцом для многих заведений считался родильный госпиталь Императорского Клинического повивально-гинекологического института. Родильные дома, в отличие от приютов, убежищ и родильных отделений больниц, являлись массивными зданиями, включавшими значительное число палат, оснащенных операционными, смотровыми, дезинфекционными, дежурными комнатами, с многочисленными дополнительными постройками. Планировка основного здания имела традиционные черты, характеризовавшие больничное пространство: широкий длинный коридор с палатами на две стороны. К организации клинического пространства крупнейших госпиталей подходили с особым вниманием, о чем свидетельствует участие в разработке архитектурных планов врачей и ведущих архитекторов. К примеру, в проектировании нового здания Императорского Клинического повивально-гинекологического института в начале XX в. принимал участие титулованный профессор Д.О. Отт, его идеи воплощал профессор архитектуры Л.Н. Бенуа (Акушерско-гинекологические..., 1910: 90). Акушерская клиника при Императорской Военно-медицинской академии была построена по проекту академика Г.Е. Рейна.

Важными принципами клинического пространства являлись изоляция и сегрегация пациенток. Первоначально существовало разделение на «секретных» (незамужние женщины, чья беременность относилась к разряду «незаконной») и «законных» (состоявших в браке). Их палаты располагались в различных концах здания. С внедрением правил асептики и антисептики появились отдельные помещения для здоровых и инфицированных («септическое», «изоляционное», «лазарет», «для инфицированных», «заразное», «сомнительное»). Принцип изоляции пациенток стал выражаться в запрете родственникам посещать палату родильного отделения. В дальнейшем этот принцип распространится на все отделения родильной клиники.

С развитием акушерской науки, применением все большего числа хирургических операций важным преимуществом клинического родовспоможения стали широкие возможности использования оперативного вмешательства в случае возникновения патологии. К началу XX в. операционные стали ключевым преимуществом клинического родовспоможения и символом авторитета врача перед домашними повивальницами. Родовой акт патологизировался, операционная становилась аксиологическим центром родильной клиники.

В крупных родильных клиниках, как правило, располагалось две операционные – большая и малая. В университетских родильных клиниках к операционным предъявлялся особый подход, так как они занимали важное место в практическом образовании будущих врачей (Отт, 1914: 63-119). Оперлируемая рассматривалась в этом случае в качестве особого объекта, над которым не только совершались определенные действия: ее тело становилось предметом для обучения, своеобразным «живым фантомом». В связи с этим конструкции операционных при университетских клиниках были однотипными, напоминавшими амфитеатр со специальными местами для зрителей-слушателей (Акушерско-гинекологические..., 1910: 120). В центре круглой операционной акушерской клиники Императорской Военно-медицинской академии и родильного госпиталя Повивального института в Санкт-Петербурге находился стеклянный павильон. На уровне второго этажа размещалось несколько ярусов для зрителей, рассчитанные на 60 человек. Приходившие студенты превращались в зрителей, которым выдавали бинокли. Оперлируемая находилась в экстремальном положении. За производимыми над ней манипуляциями могли наблюдать до 100 человек, включая врачебный персонал. Для лучшего освещения профессор Отт разработал специальный шлем с лампочкой для врача, получивший название «лобная лампа» (Отт, 1914: 70). Поведение врачей на операциях не всегда соответствовало современным стандартам. К примеру, врач вполне мог оперировать «с сигарой в руках» (Груздев, 1898: 50).

Центральное место в операционной занимал родильный стол или вариации родильного кресла. Акушеры и гинекологи «соревновались» в изобретении оптимального операционного кресла (кровати), а также средств, фиксирующих положение тела роженицы для максимально удобной работы врача. Распространение получили приспособления профессора акушерства и гинекологии Д.О. Отта. Вместо металлических операционных кроватей он сконструировал более дешевый деревянный вариант операционного гинекологического кресла, который оценивался в 30 руб. (Бубличенко, 1915: 6-7). Он был устроен таким образом, что пациентку можно было фиксировать в различном положении (даже вниз головой) и проводить над ней всевозможные медицинские манипуляции. Для удобной фиксации ног пациенток врач предлагал специальные приспособления, которые получили название «ногoderжатели Отта».

В небольших родильных приютах с ограниченным финансированием операционные могли вовсе отсутствовать. При необходимости проведения оперативных вмешательств в операционную превращалась палата роженицы.

В начале XX в. в столичных родильных клиниках стали появляться рентгеновские кабинеты и диагностические лаборатории. Рентгеновские снимки становились важным средством при назначении операций и корректировке методов акушерской помощи.

Первоначально родильные дома, предназначенные для бедных рожениц, содержали большие палаты (дородовые и послеродовые), рассчитанные на 6–12 пациенток. С последней трети XIX в. услугами родильных домов стали пользоваться обеспеченные клиентки, что обусловило появление одиночных палат, за размещение в которых необходимо было вносить повышенную плату. В ряде палат было предусмотрена дополнительная кровать для родственников женского пола, которые могли находиться вместе с роженицей или родильницей. Если в условиях домашних родов муж оказывал поддержку роженице и повитухе, то в условиях клиники доступ к роженице был запрещен.

С развитием учения в области гигиены в родовспомогательных заведениях стали появляться ванне комнаты. Дезинфекции рожениц начали уделять особое внимание. Палаты родильной клиники непременно были снабжены умывальниками с холодной и горячей водой. В благоустроенных родильных домах в каждой палате за специальной драпировкой размещалось биде. В начале XX в. все родильные клиники были снабжены помещениями для стерилизации инструментов, использовался автоклав.

Традиционную обстановку родильных палат составляли письменный стол, стулья, шкаф, иногда кресло и кушетка. На окнах могли висеть занавески, это придавало палате ощущение домашнего уюта. В больших родильных домах на дверях палат размещались рамочки, куда помещались фамилии пациенток. В правом верхнем углу, по аналогии с «красным углом» в крестьянских избах, размещалась икона, как правило, с изображением Богородицы.

Послеродовые палаты располагались в особом отделении. Они могли быть общими (вмещали до 10–12 кроватей) и одиночными. В первой половине XIX в. новорожденные размещались в отдельном помещении – «детской», в которых часто использовались красные занавески. Считалось, что занавески именно этого цвета имели благоприятное действие на кожу новорожденных (Отчет..., 1988: 88). К началу XX в. с развитием идеалов материнской заботы новорожденные стали содержаться в отдельной кроватке рядом с матерью (Мицюк, Белова, 2021). Для удобства идентификации новорожденных стали использовать детские браслеты, которые соответствовали идентификационному листку матери. Они крепились на ручку ребенка вскоре после рождения. На браслетах, как правило, указывался номер ребенка, такой же номер располагался на кровати матери новорожденного. В некоторых отделениях использовались медальоны, которые крепились к кроваткам новорожденных.

Ориентация родильных домов на образовательную цель (обучение будущих врачей) оказывала влияние на организацию пространства. При крупных родильных домах располагались ассистентские, кабинет профессора, квартиры для медицинского персонала. Многие родильные дома имели учебные классы, где обучали студентов медицинских факультетов и повивальных бабок. Частым явлением было проектирование при родильных домах и отделениях квартир врачей, акушерок, обслуживающего персонала, что было связано с необходимостью их экстренного присутствия на родах.

В ряде родильных клиник были устроены специальные крестильные комнаты («крещальни») для младенцев, где могли присутствовать приглашенные на крестины гости. В крупных стационарах могли находиться курительные комнаты, оборудованные креслами, классными досками и даже фантомами. Предполагалось, что именно там между медицинским персоналом обсуждались наиболее интересные врачебные случаи («эта комната представляется излюбленным местом, где зачастую обсуждаются наблюдавшиеся интересные случаи» (Акушерско-гинекологические..., 1910: 121).

Родильные госпитали, имевшие несколько этажей, стали оснащаться лифтами («подъемные машины»/«подъемные платформы») (Груздев, 1898: 167), которые решали проблему транспортировки пациенток из одного отделения в другое.

Провинциальные родильные отделения, если таковые вообще были, разительно отличались от столичных больниц, что было связано с ограниченностью средств у городских и земских властей.

С 1870-х гг. в связи с распространением случаев инфицирования в крупных родильных домах стали появляться небольшие родильные приюты. Они не имели собственного помещения, размещаясь на каком-либо этаже (или части этажа) больницы или даже на съемной квартире, были рассчитаны на 2–5 кроватей (Городские..., 1882: 2).

С конца XIX в. начали исчезать отделения, предназначенные для «секретных» рожениц. Это было связано с тем, что количество замужних пациенток стало превышать число незамужних. Кроме этого, в обществе наблюдалось более терпимое отношение к внебрачным беременностям.

С развитием стационарного акушерства повышались требования к организации родильных приютов. К 1910-м гг. оформились первые стандарты относительно таких учреждений. Согласно предписаниям, любой, даже самый небольшой родильный приют на несколько коек, должен был иметь следующие отделения: «смотровую и ванную», родильную палату, операционную, палаты для послеродовых, палату для изоляции, служебные помещения (Бубличенко, 1915: 4). Палаты должны были выходить на солнечную сторону, операционная – на северо-восток. Символом родильных отделений стал зеленый фонарь. Именно он размещался над входом с той целью, чтобы в ночное время роженицы могли без труда обнаружить его местоположение (Городские..., 1882: 6).

В рамках клинического родовспоможения, в особенности с развитием научного акушерства, стал заметен процесс медиализации деторождения. Главная черта технократической модели – восприятие женского тела как несовершенной машины, которая без помощи профессионалов не в состоянии произвести ребенка (Davis-Floyd, 1996). Женщины, поступавшие в родильные отделения, стали оцениваться не просто как «пациентки», но как «больные». По образцу других отделений врачи стали собирать анамнез и составлять «истории болезней» рожениц. Даже если роды у женщины протекали без осложнений, в больничных документах история родов стала называться «история болезни» (История болезней..., 1899). Если в первой половине XIX в. в журналах родильных стационаров размещались минимальные сведения о пациентах (ЦГИА. СПб. Ф. 145. Оп. 1. Д. 1–4, 7), то к концу XIX в. врачи собирали внушительный анамнез (ЦГИА. СПб. Ф. 145. Оп. 1. Д. 75; Ф. 366. Оп. 1. Д. 1, 35; Ф. 432. Оп. 1. Д. 7). Медицинская терминология, описывающая родовой акт, превращалась в описание врачебной истории болезни.

Первые стандарты в течении родового процесса были связаны с установлением норм в отношении временного течения родового акта. Отклонение от установленной средней величины могло стать критерием для необходимости оперативного вмешательства. Средний период родового процесса для первородящих считался 18 ч. 45 мин., у многородящих – 10 ч. 68 мин. Средняя продолжительность родов – 13 ч. 34 мин. (Вофф, 1891: 18). Несмотря на это, в отчетах родильных клиник продолжали встречаться весьма продолжительные роды, которые заканчивались благополучно. Согласно отчетам Санкт-петербургских клиник, 20–30 ч. длились роды более чем у 20 % первородящих; 30–50 ч. у 10 % первородящих, наконец, более 50 ч. – у 5 % таковых (Михайлов, 1895: 113). В первой половине XIX в. нередко в отчетах родильных отделений продолжительность родов могла быть до 100 часов (Сто лет..., 1898: 30), во второй половине XIX в. подобных цифр уже не встречалось. Все случаи, превышавшие закрепленные стандарты, квалифицировались в качестве патологии и требовали оперативного вмешательства.

Понятие «медицинская норма» стало ключевым в определении способности женщины к самостоятельным родам. Наиболее частым признаком, свидетельствовавшим о возможных нарушениях родовой деятельности, в больничном пространстве становилось «сужение таза». В 1910-х гг. в родильных приютах Москвы до 20 % беременных имели подобный диагноз (Отчеты..., 1916: 16), следствием которого было оперативное вмешательство.

Профессиональное акушерство унифицировало не только место для родов, но и родильные позы. Если в народной традиции использовались различные родильные позы (в положении стоя, «на корточках», сидя, на коленях, в висячем положении), то положение «лежа на спине» становилось единственным легитимным с позиции научного акушерства. Все иные позы оценивались врачами как «первобытные» (Рейн, 1906: 25). Женское тело воспринималось как объект для врачебных манипуляций, движения и позы роженицы должны были быть ограничены для максимального удобства работы профессионалов.

К началу XX в. в родильных клиниках неизменными атрибутами стали специальные средства и инструменты для осмотра пациенток. Акушерские и гинекологические осмотры, регулярные анализы оказались чрезвычайно важны при работе профессионалов. Авторы учебников, доктора медицины словно соревновались в поиске способов оптимального гинекологического осмотра. Доктор медицины Д.О. Отт разработал около 20 различных поз для внешнего и внутреннего осмотра пациенток, среди которых такие экстремальные, как положение головой вниз с разведенными, обездвиженными при помощи «ногдержателя», связанными ногами (Отт, 1914: 90). На картинках учебников по гинекологии и акушерству, начиная с последней трети XIX в., детально изображались различные позы оперируемых и осматриваемых пациенток, во многом напоминающие тела на средневековых конструкциях для пыток (Отт, 1914: 70, 76).

Акушерские клиники превращались в особое пространство для родов, наполненное новыми материальными артефактами. Врач в акушерской клинике обладал значительным количеством

инструментов, которые символизировали его профессионализм и превосходство над повивальными бабками, призываемыми на домашние роды. Большинство инструментов было заимствовано из хирургии. Впоследствии на основе хирургических разрабатывались специфические акушерские инструменты (акушерские ложки, зеркала, расширители, ножницы, иглодержатели, различные скальпели, пинцеты, зонды, зажимы, всевозможные щипцы, различные вариации ножниц и др.).

Непосредственно в родильной комнате, операционных появляются различные акушерские (родильные) кресла и столы. До последней трети XIX в. родильные кресла мало чем отличались от образцов, которые могли использоваться при домашних родах. В столичных родильных домах использовались дорогие зарубежные родильные кровати, имевшие сложную конструкцию. Поскольку стандарты только зарождались, многие врачи конца XIX – начала XX вв. могли экспериментировать. Акушеры-гинекологи К.А. Раухфус, Д.О. Отт разработали новые кресла-кровати, которые позволяли лучше фиксировать положение роженицы с помощью специальных колец и ремней. Классическим на века стало родильное кресло, разработанное в начале XIX в. акушером-гинекологом А.Н. Рахмановым, получившее наименование «рахмановское кресло».

Статистические данные акушерских отделений свидетельствуют о стремительном росте оперативных вмешательств с 1860-х гг. Анализ отчетов родильного госпиталя при Императорском Клиническом повивальном институте в Санкт-Петербурге показал, что до середины XIX в. операционных вмешательств было не более 7 % (Сто лет..., 1898: 9-11, 15). К концу XIX в. оперативные вмешательства достигали 20 % родов (Сто лет..., 1898: 539). В 1910-е гг. в родильных отделениях Москвы количество операций доходило до 30 % от принятых родов (Отчеты..., 1916: 17). Среди оперативных вмешательств были распространены искусственное вскрытие плодного пузыря, различные внутренние повороты («поворот на ножку»), с конца XIX в. в практику клинического родовспоможения входили операции кесарева сечения, краниотомия, операция Ротто (абдоминальное кесарево сечение с ампутацией матки), выжимание плода, «прободение головки» и др. (Потеенко, 1911). При крайнем затруднении прохода плода через родовые пути использовались техники наложения щипцов, формы которых в условиях стационара были многообразными. Наиболее частыми в использовании были щипцы Лазаревича, Симпсона, Левре, Брауна, Буша, Зейферта.

В женской автодокументалистике XIX в. крайне редко описывался опыт деторождения в акушерских клиниках. Самые сильные страхи женщин были связаны с применением хирургических инструментов (Две тетради..., 2010). Тяжелую картину родового процесса описывала Л.Д. Менделеева-Блок: «Четверо суток длилась пытка. Хлороформ, щипцы, температура сорок, почти никакой надежды, что бедный мальчик выживет... Я лежала: передо мной была белая равнина больничного одеяла, больничной стены. Я была одна в своей палате и думала: «Если это смерть, как она проста...». Но умер сын, а я нет» (Блок, 1979: 67). Безусловно, возможность проведения оперативных вмешательств могла спасти жизнь женщин при трудных родах, облегчала их страдания. Однако хирургические вмешательства нередко отражали интересы врачей, так как позволяли демонстрировать превосходство стационарного акушерства и усиливать авторитет врачей перед лицом повивальных бабок.

Медиализация деторождения выражалась в стремительном проникновении в родильную клинику средств обезболивания. Оперативное акушерство утверждалось благодаря появлению анестезии. Впервые наркоз при родах применил шотландский акушер Д.Я. Симпсон в 1847 г. (Фицхаррис, 2018). В середине XIX в. в России во врачебном сообществе встречалось применение народных средств, снимающих боли. В частности, использовалась «спорынья внутрь» (Груздев, 1898: 137), хотя к концу XIX в. употребление подобного средства уже не встречалось. Не было жестких стандартов относительно средств обезболивания. К концу XIX в. для обезболивания в условиях стационаров применялся чаще всего хлороформный наркоз, а также эфир, морфий, опиум (Вофф, 1891: 56). Обезболивание, приводившее пациенток в бессознательное состояние, несомненно, имело преимущество в части избавления женщин от страданий. Наркоз превращал роженицу в «идеальную пациентку». Хлороформирование позволяло врачам проводить комплекс медицинских манипуляций, лишая женщину активной роли в родах.

Не было жестких стандартов в отношении применяемых методов акушерской помощи. Для врачей сохранялось поле для экспериментов. Использовались свето- и водолечение, радиотерапия, электролечебницы, газолечение и проч. (Акушерско-гинекологические..., 1910: 98, 206). При Императорском Клиническом повивальном институте проводилось изучение влияния звуковых волн на родовую деятельность, в связи с чем кровати пациенток были снабжены специальными микрофонами для прослушивания музыки (Акушерско-гинекологические..., 1910: 107). В начале XX в. появился экспериментальный метод лечения и даже стимуляции родовой деятельности – при помощи электричества и электромагнита. Эксперименты с применением электрического тока в акушерстве и гинекологии вызывали особый врачебный интерес.

5. Заключение

К началу XX в. клиническое родовспоможение утвердилось в крупнейших городах. Оно разрушало традиционную культуру родов, основанную на свободном поведении роженицы,

сохранении женского пространства родов, использовании религиозных обрядов, средств народной медицины. В рамках клинического родовспоможения формировалась технократическая (биомедицинская) модель родовспоможения. С одной стороны, новая модель родов создавала преимущества: снижение материнской и младенческой смертности, предоставление оперативной помощи в случае затруднения родового процесса, обезболивание родовой деятельности, профессиональный уход, новые медицинские технологии и инструменты. Но она имела свои издержки. Важными принципами клинического пространства родов являлась изоляция и сегрегация пациенток, введение жестких представлений о норме и патологии. Важнейшими признаками клинического родовспоможения являлись патологизация родового процесса; рост оперативного вмешательства; пациентки лишались индивидуальности, они должны были полностью подчиняться правилам и режиму родильной клиники, превращаясь в объект врачебных действий; рост формального контроля над пациентками (строгость в режиме, требования к одежде, запреты на посещения); стандартизация действий, осуществляемых над роженицами (дезинфекция при поступлении, анатомио-физиологические измерения, акушерско-гинекологические осмотры, зачастую публичные); легитимация единственной родильной позы.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00625, Родительство в контексте семейной и репродуктивной политики в новейшей истории России: социально-исторический, медико-антропологический анализ и поддержано Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-910).

Литература

- Акушерско-гинекологические...**, 2010 – Акушерско-гинекологические учреждения России. СПб., 1910. 328 с.
- Блок, 1979** – Блок Л.Д. И был, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен, 1979. 103 с.
- Бубличенко, 1915** – Бубличенко Л.И. Практические указания для устройства родильного приюта и приютов для беременных и родильниц. Петроград, 1915. 26 с.
- Веремченко, 2011** – Веремченко В.А. Организация акушерской помощи дворянкам в России во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2011. Т. 4. № 3. С. 138-144.
- Вовф, 1891** – Вовф И. (1891) Медицинский отчет акушерского отделения клиники акушерства и женских болезней при Императорской Военно-медицинской академии, 1884–1891 гг. СПб. 122 с.
- Городские...**, 1897 – Городские родильные приюты в С.-Петербурге в 1868–1885 гг. СПб., 1887. 95 с.
- Груздев, 1898** – Груздев С.А. Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней Императорской военно-медицинской академии. СПб., 1898. С. 5-76.
- Две тетради, 2010** – Две тетради. Дневник Н.А. Миротворской. М., 2010. 296 с.
- Истории болезней, 1899** – Истории болезней // *Журнал акушерства и женских болезней*. 1899. Т. XIII. С. 336-403.
- Концепция...**, 2014 – Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 года №1618-р. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html> (дата обращения: 29.12.2021 г.).
- Михайлов, 1895** – Михайлов В. Средние русские акушерские итоги за 50 лет (1840–1890). Новгород, 1895. 448 с.
- Мицюк, Белова, 2021** – Мицюк Н.А., Белова А.В. Акушерский труд как первая официальная профессия женщин в России в XVIII – начале XX в. // *Вестник РУДН. Серия «История России»*. 2021. Т. 20. № 2. С. 270-286.
- Мицюк и др., 2021** – Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л., Белова А.В. Источниковедческий потенциал фондов родильных домов и отделений в дореволюционной России. Вторая половина XVIII – начало XIX в. // *Вестник архивиста*. 2021. № 4. С. 1009-1022.
- Мицюк, Пушкарева, 2017** – Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л. У истоков медиализации: основы российской социальной политики в сфере репродуктивного здоровья (1760–1860 гг.) // *Журнал исследований социальной политики*. 2017. № 4. С. 515-530.
- Мицюк, Пушкарева, 2021** – Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л. Зарождение биополитической модели рождаемости в XIX – начале XX в. // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. № 3. С. 421-436.
- Национальный проект...**, 2019 – Национальный проект «Здоровье и демография» 2019–2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2018/7/25/1532512237.26174-1-15781.pdf>. (дата обращения: 29.12.2021 г.).
- Отт, 1914** – Отт Д. Оперативная гинекология. СПб., 1914. 603 с.
- Отчет...**, 1909 – Отчет о деятельности городского родильного дома им. А.А. Абрикосовой (с 3 июня 1906 г. по 1 января 1908 г.). М., 1909. 26 с.

- Отчеты...**, 1916 – Отчеты родовспомогательных учреждений, находящихся в ведении Московского городского общественного управления за 1914 г. М., 1916. 253 с.
- Потеенко, 1911** – Потеенко В.В. 159 случаев чревосечений // *Журнал акушерства и женских болезней*. 1911. № 11. С. 1521-1553.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Рейн, 1906** – Рейн Г.Е. Родовспоможение в России. Сборник докладов на IX Пироговском съезде. СПб., 1906. 144 с.
- Сто лет..., 1898** – Сто лет деятельности Императорского клинического повивального института (1797–1897 гг.). СПб., 1898. 1281 с.
- Указ Президента..., 2019** – Указ Президента РФ от 6 июня 2019 г. N 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 г.» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326419/ (дата обращения: 29.12.2021 г.).
- Фидлер, 2008** – Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. М., 2008. 861 с.
- Фицхаррис, 2018** – Фицхаррис Л. Ужасная медицина. Как всего один хирург Викторианской эпохи кардинально изменил медицину и спас множество жизней. М., 2018. 301 с.
- Фохт-Ларионова, 2001** – Фохт-Ларионова Т. Воспоминания. М., 2001. 661 с.
- ЦГИА СПб** – Центральный исторический архив С.-Петербурга.
- Conrad, 2007** – Conrad P. The Medicalization of Society. Baltimore. 2007. 204 p.
- Davis-Floyd, 1994** – Davis-Floyd R.E. The Technocratic Body: American Childbirth as Cultural Expression // *Social Science and Medicine*. 1994. Vol. 38. № 8. Pp. 1125-1140.
- Davis-Floyd, 1996** – Davis-Floyd R. The Technocratic Body and the Organic Body: Hegemony and Heresy in Women's Birth Choices. New Jersey: 1996, pp. 123-166.
- Foucault, 2008** – Foucault M. The birth of biopolitics: lectures at the College de France, 1978–1979. Basingstoke. 2008. 346 p.
- Gelis, 1991** – Gelis J. History of Childbirth: Fertility, Pregnancy and Birth in Early Modern Europe. Boston, 1991. 326 p.
- Green, 2008** – Green M.H. Making Women's Medicine Masculine: The Rise of Male Authority in Pre-Modern Gynecology. Oxford, 2008. 409 p.
- Leavitt, 1986** – Leavitt J.W. Brought to Bed. Childbearing in America 1750–1950. Oxford, 1986. 284 p.
- Leykin, Rivkin-Fish, 2021** – Leykin I., Rivkin-Fish M. Politicized Demography and Biomedical Authority in post-Soviet Russia // *Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness*. 2021. 41 (9). Pp. 857-869.
- Loudon, 1991** – Loudon I. On maternal and infant mortality, 1900–1960 // *Social History of Medicine*. 1991. №4. Pp. 29-73.
- Loudon, 1997** – Loudon I. (Ed.) Western Medicine: An Illustrated History. Oxford, 1997. 347 p.
- Minghui, 2020** – Minghui Li Childbirth transformation and new style midwifery in Beijing, 1926–1937 // *The History of the Family*. 2020. Vol. 25. № 3. Pp. 406-431.
- Mitsyuk et al., 2019** – Mitsyuk N.A., Pushkareva N.L., Belova A.V. The history of childbirth as the subject of social and humanitarian studies in Russia // *History of Medicine*. 2019. Vol. 6(3). Pp. 153-157.
- Porter, 2006** – Porter R. (Ed.). Cambridge History of Medicine. Cambridge, 2006. 400 p.
- Wolf, 2011** – Wolf J.H. Deliver Me from Pain: Anesthesia and Birth in America. Baltimore, 2011. 367 p.

References

- Akushersko-ginekologicheskie..., 2010** – Akushersko-ginekologicheskie uchrezhdenija Rossii [Obstetric and gynecological institutions of Russia]. СПб., 1910. 328 p. [in Russian]
- Blok, 1979** – Blok, L.D. (1979). I byl', i nebylicy o Bloke i o sebe [And the past, and tall tales about the Block and about yourself]. Bremen, 103 p. [in Russian]
- Bublichenko, 1915** – Bublichenko, L.I. (1915). Prakticheskie ukazaniya dlja ustrojstva rodil'nogo prijutaja i prijutov dlja beremennyh i rodil'nic [Practical instructions for setting up a maternity shelter and shelters for pregnant women and maternity hospitals]. Petrograd, 26 p. [in Russian]
- CGIA SPb** – Central'nyj istoricheskij arhiv S-Peterburga [Central Historical Archive of St. Petersburg].
- Conrad, 2007** – Conrad, P. (2007). The Medicalization of Society. Baltimore, 204 p.
- Davis-Floyd, 1994** – Davis-Floyd, R.E. (1994). The Technocratic Body: American Childbirth as Cultural Expression. *Social Science and Medicine*. 38 (8): 1125-1140.
- Davis-Floyd, 1996** – Davis-Floyd, R. (1996). The Technocratic Body and the Organic Body: Hegemony and Heresy in Women's Birth Choices. New Jersey, pp. 123-166.
- Dve tetradi, 2010** – Dve tetradi. Dnevnik N.A. Mirotvorskoy [Two notebooks. Diary of N.A. Mirotvorskoy]. М., 2010. 296 p. [in Russian]
- Ficharris, 2018** – Ficharris, L. (2018). Uzhasnaja medicina. Kak vsego odin hirurg Viktorianskoj jepohi kardinal'no izmenil medicinu i spas mnozhestvo zhiznej [Terrible medicine. How Just One Victorian-era Surgeon Radically Changed Medicine and Saved Many Lives]. М., 301 p. [in Russian]
- Fidler, 2008** – Fidler, F.F. (2008). Iz mira literatorov: haraktery i suzhdenija [From the world of writers: characters and judgments]. М., 861 p. [in Russian]

- Foht-Larionova, 2001** – *Foht-Larionova, T.* (2001). *Vospominanija [Memories]*. M., 661 p. [in Russian]
- Foucault, 2008** – *Foucault, M.* (2008). *The birth of biopolitics: lectures at the College de France, 1978–1979*. Basingstoke. 346 p.
- Gelis, 1991** – *Gelis, J.* (1991). *History of Childbirth: Fertility, Pregnancy and Birth in Early Modern Europe*. Boston. 326 p.
- Gorodskie..., 1897** – *Gorodskie rodil'nye prijuty v S-Peterburge v 1868–1885 [City maternity shelters in St. Petersburg in 1868–1885]*. SPb., 1897. 95 p. [in Russian]
- Green, 2008** – *Green, M.H.* (2008). *Making Women's Medicine Masculine: The Rise of Male Authority in Pre-Modern Gynecology*. Oxford. 409 p.
- Gruzdev, 1898** – *Gruzdev, S.A.* (1898). *Istoricheskij ocherk kafedry akusherstva i zhenskih boleznj Imperatorskoj voenno-medicinskoj akademii [Historical essay of the Department of Obstetrics and Women's Diseases of the Imperial Military Medical Academy]*. SPb. Pp. 5-76. [in Russian]
- Istorii boleznj, 1899** – *Istorii boleznj [Histories of Diseases]* (1899). *Zhurnal akusherstva i zhenskih boleznj [Journal of Obstetrics and Women's Diseases]*. XIII. Pp. 336-403. [in Russian]
- Koncepcija..., 2014** – *Koncepcija gosudarstvennoj semejnoj politiki v Rossijskoj Federacii do 2025 goda. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 25 avgusta 2014 g. №1618-r [The Concept of state family policy in the Russian Federation until 2025. Decree of the Government of the Russian Federation]*. [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html>. (date of access: 29.12.2021).
- Leavitt, 1986** – *Leavitt, J.W.* (1986). *Brought to Bed. Childbearing in America 1750–1950*. Oxford. 284 p.
- Leykin, Rivkin-Fish, 2021** – *Leykin, I., Rivkin-Fish, M.* (2021). *Politicized Demography and Biomedical Authority in post-Soviet Russia. Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness*. 41 (9): 857-869.
- Loudon, 1991** – *Loudon, I.* (1991). *On maternal and infant mortality, 1900–1960. Social History of Medicine*. 4: 29-73.
- Loudon, 1997** – *Loudon, I.* (Ed.) (1997). *Western Medicine: An Illustrated History*. Oxford: Oxford University Press. 347 p.
- Mikhailov, 1895** – *Mikhailov, V.* (1895). *Srednie russkie akusherskie itogi za 50 let (1840–1890) [Average Russian obstetric results for 50 years (1840–1890)]*. Novgorod, 448 p. [in Russian]
- Minghui, 2020** – *Minghui, L.* (2020). *Childbirth transformation and new style midwifery in Beijing, 1926–1937. The History of the Family*. 25 (3): 406-431.
- Mitsyuk, Belova, 2021** – *Mitsyuk, N.A., Belova, A.V.* (2021). *Akusherskij trud kak pervaja oficial'naja professija zhenshhin v Rossii v XVIII – nachale XX v. [Midwifery as the first official profession of women in Russia, 18th to early 20th centuries]*. *Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii»*. 20(2): 270-285. [in Russian]
- Mitsyuk, Pushkareva, 2017** – *Mitsyuk, N.A., Pushkareva, N.L.* (2017). *U istokov medikalizacii: osnovy rossijskoj social'noj politiki v sfere reproduktivnogo zdorov'ja (1760–1860 gg.) [The Origins of Medicalization: The Basis of Russian Social Policy in the Field of Reproductive Health (1760–1860)]*. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. 15(4): 515-530. [in Russian]
- Mitsyuk, Pushkareva, 2021** – *Mitsyuk, N.A., Pushkareva, N.L.* (2021). *Zarozhdenie biopoliticheskoj modeli rozhdacnosti v XIX – nachale XX v. [The origin of the biopolitical model of birth control in the 19th – beginning of 20th centuries Russia]*. *Zhurnal issledovanij sotsial'noi politiki*. 19(3): 421-436. [in Russian]
- Mitsyuk et al., 2019** – *Mitsyuk, N.A., Pushkareva, N.L., Belova, A.V.* (2019). *The history of childbirth as the subject of social and humanitarian studies in Russia. History of Medicine*. 6(3): 153-157.
- Mitsyuk i dr., 2021** – *Mitsyuk, N.A., Pushkareva, N.L., Belova, A.V.* (2021). *Istochnikovedcheskij potencial fondov rodil'nyh domov i otdelenij v dorevoljucionnoj Rossii. Vtoraja polovina XVIII – nachalo XIX v. [Source Potential of the Fonds of Maternity Hospitals and Wards in Pre-Revolutionary Russia: Second Half of the 18th – Early 20th Century]*. *Vestnik arkhivista*. 4: 1009-1022. [in Russian]
- Nacional'nyj proekt..., 2019** – *Nacional'nyj proekt Zdorov'e i demografija 2019–2024 [National Project Health and Demography]*. [Electronic resource]. URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2018/7/25/1532512237.26174-1-15781.pdf>. (date of access: 29.12.2021).
- Otchet..., 1909** – *Otchet o dejatel'nosti gorodskogo rodil'nogo doma im. A.A. Abrikosovoj [Report on the activities of the city maternity hospital of A.A. Abrikosovoj]*. M., 1909. 26 p. [in Russian]
- Otchety..., 1916** – *Otchety rodovspomogatel'nyh uchrezhdenij, nahodjashhihsja v vedenii Moskovskogo gorodskogo obshhestvennogo upravlenija za 1914 g. [Reports of maternity institutions under the jurisdiction of the Moscow City Public Administration for 1914]*. M., 1916. 253 p. [in Russian]
- Ott, 1914** – *Ott, D.* (1914). *Operativnaja ginekologija [Operative gynecology]*. SPb., 603 p. [in Russian]
- Porter, 2006** – *Porter, R.* (Ed.). (2006). *Cambridge History of Medicine*. Cambridge. 400 p.
- Poteenko, 1911** – *Poteenko, V.V.* (1911). *159 sluchaev chrevosechenij [159 cases of cesarean section]*. *Zhurnal akusherstva i zhenskih boleznj*. 11: 1521-1553. [in Russian]
- Rejn, 1906** – *Rejn, G.E.* (1906). *Rodovspomozhenie v Rossii. Sbornik dokladov na IX Pirogovskom sezde [Obstetrics in Russia. Collection of reports at the IX Pirogov Congress]*. SPb., 144 p. [in Russian]
- RGIA** – *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]*.

Sto let..., 1898 – Sto let dejatel'nosti Imperatorskogo klinicheskogo povival'nogo instituta (1797–897 gg.) [One hundred years of activity of the Imperial Clinical Midwifery Institute]. SPb., 1898. 1281 p. [in Russian]

Ukaz..., 2019 – Ukaz Prezidenta RF ot 6 ijunja 2019 g. N 254 O Strategii razvitija zdavoohranenija v Rossijskoj Federacii na period do 2025 g. [Decree of the President of the Russian Federation No. 254 of June 6, 2019 On the Strategy for the Development of Healthcare in the Russian Federation for the period up to 2025]. [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326419/ (date of access: 29.12.2021).

Veremenko, 2011 – Veremenko, V.A. (2011). Organizacija akusherskoj pomoshhi dvorjankam v Rossii vo vtoroj polovine XIX–nachale XX v. [Organization of obstetric care for noblewomen in Russia in the second half of the XIX-early XX century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 4(3): 138-144. [in Russian]

Voff, 1891 – Voff, I. (1891) Medicinskij otchet akusherskogo otdelenija kliniki akusherstva i zhenskikh boleznej pri Imperatorskoj Voenno-medicinskoj akademii, 1884–1891 [Medical report of the Obstetric department of the Clinic of Obstetrics and Women's Diseases at the Imperial Military Medical Academy, 1884–1891]. SPb., 122 p. [in Russian]

Wolf, 2011 – Wolf, J.H. (2011). Deliver Me from Pain: Anesthesia and Birth in America. Baltimore. 367 p.

Организация пространства первых родильных клиник в России (XIX – начало XX вв.)

Наталья Александровна Мицюк ^{a, *}, Наталья Львовна Пушкарева ^b, Анна Валерьевна Белова ^{b, c}

^a Смоленский государственный медицинский университет, Российская Федерация

^b Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Российская Федерация

^c Тверской государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. На основании медицинской литературы XIX – начала XX вв., архивных материалов, эго-документов раскрыто своеобразие формирования пространства родильной клиники в дореволюционной России. Ключевыми научными подходами стали подход социальной истории медицины, гендерной истории и концепции медиализации. В статье показано, что клиническое родовспоможение приобретало легитимность исключительно в крупных городах и воспринималось населением как патологическое место для родов. Клиническое родовспоможение разрушало традиционную культуру родов, основанную на свободном поведении роженицы, сохранении женского пространства родов, использовании религиозных обрядов, средств народной медицины. Утверждавшаяся биомедицинская модель родов, с одной стороны, снижала уровень материнской и младенческой смертности, предоставляла оперативную помощь и обезболивание. Но с другой – происходила изоляция и сегрегация пациенток, вводились жесткие представления о норме и патологии, росло не всегда обоснованное число оперативных вмешательств; пациентки становились объектом для врачебных действий, лишаясь индивидуальности и инициативы, происходило закрепление единственной родильной позы. Пространство родильной клиники отражало прежде всего интересы врачей, было направлено на максимальную эффективность производства ими акушерских манипуляций над роженицами.

Ключевые слова: деторождение, история родильной культуры, акушерство, технократическая модель родов, медиализация деторождения, клиническое родовспоможение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nmitsyuk@gmail.com (Н.А. Мицюк), pushkarev@mail.ru (Н.Л. Пушкарева), anna.belova@iea.ras.ru (А.В. Белова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 631-639
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.631

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Material Support of Medical Personnel in Pre-Revolutionary Russia in the 18th – 19th centuries

Anna A. Bakulina ^{a,*}, Marina A. Fedotova ^b, Taisia Krishtaleva ^b, Vasily V. Igonin ^b

^a Department of Public Administration MGIMO UNIVERSITY, Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The study examines the issue of the influence of the system of material support for physicians in Russia in the XVIII–XIX centuries on the general state of health. During the preparation of the article, unpublished documents of the Russian State Historical Archive from the funds of the Medical Council under the Ministry of Internal Affairs and the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs, legislative acts, sources of personal origin and numerous reference materials were used. The methodology of the work is based on the complex application of comparative and system analysis. Based on the results of the conducted research, it was concluded that up to the period of 1870–1880s the system of material support for medical personnel functioned generally unsatisfactorily. The latter was determined by objective factors: the limited resources of the treasury against the backdrop of frequent military conflicts did not allow providing doctors properly. To a large extent, they were forced to support themselves through free practice. The great reforms of Alexander II and the successful industrial policy of his heir formed the economic basis for a significant increase in the scale of material support for physicians by the state. The success of the zemstvo reform also played an important role in increasing the welfare of doctors. However, by the end of the XIX century the general state of the material support of medical personnel can be characterized rather as satisfactory. Despite the tangible successes of the state and zemstvos in this area, most doctors continued to experience financial difficulties. Even the expansion of the scope of private practice could not compensate for the insufficiency of salaries due to low effective demand among the bulk of the population and, in part, regulatory restrictions on the amount of remuneration. A natural consequence of problems in the field of wages was a high "staff turnover", overtime and the inevitable decline in the quality of service. The prestige of the medical profession was also undermined and the influx of promising personnel into the industry was blocked, at least in the system of state and zemstvo health care.

Keywords: doctors, medical personnel, salary, salary, financial support, pre-revolutionary Russia.

1. Введение

История медицины в дореволюционной России на сегодняшний день небезосновательно рассматривается в научном сообществе как достаточно хорошо изученный предмет. Однако такого рода оценки чаще всего выстраиваются на основании изучения историографического пласта, напрямую посвященного изучению медицинской практики. Упускается из внимания тот факт, что на состояние системы здравоохранения оказывали значительное влияние многие факторы социально-экономического и политического характера. Хотя именно их воздействие зачастую определяло ключевые тенденции в развитии системы здравоохранения, в том числе это касается и материального обеспечения кадров. Уровень их мотивации, степень концентрации на выполнении основных обязанностей, масштабы нагрузки, потенциал к повышению квалификации, устойчивость рабочих

* Corresponding author

E-mail addresses: anbakdoc@mail.ru (A.A. Bakulina)

коллективов и обеспеченность кадрами конкретных территорий – все эти качественные признаки медицинской системы напрямую определяются уровнем материального обеспечения врачей и младшего медицинского персонала.

В качестве цели нашей статьи выступает оценка влияния системы материального обеспечения медиков в России XVIII–XIX вв. на общее состояние здравоохранения.

2. Материалы и методы

В ходе подготовки исследования широко использовались неопубликованные документы Российского государственного исторического архива (далее – РГИА) из фондов Медицинского совета при Министерстве внутренних дел и Медицинского департамента МВД, законодательные акты (ПСЗРИ, 1884; *Собрание Российских законов...*, 1828) и источники личного происхождения (Вересаев, 1987; Денисов (Добровольский), 1997), а также многочисленные справочные материалы (*О состоянии...*, 1856; *Отчет о состоянии...*, 1905; *Отчет о состоянии...*, 1857; *Отчет о состоянии...*, 1859; *Оценка лекарствуам*, 1789).

Методология работы основана на комплексном применении сравнительного и системного анализа. Первый – позволил сопоставить между собой механизмы материального обеспечения медиков в различные периоды, положение разных групп персонала, а также соотнести ожидаемые результаты проводимых властями преобразований с итогами реформ, зафиксированными на практике. Второй – дал возможность исследовать политику властей в отношении материального обеспечения медиков в контексте общей конъюнктуры внутренней и внешней политики Российской империи.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии данная тема почти не получила освещения в качестве самостоятельного предмета изучения. Ее исследовали в контексте истории земств и профильных органов МВД (Верекундов, 1899; Веселовский, 1909), а также общего положения медицинских учреждений и системы здравоохранения (Гребенщикова, 1892а; Загоскин, 1891). Число работ, в рамках которых материальное обеспечение медицинских служащих получило достаточно подробное освещение, было крайне невелико (Гребенщикова, 1892б; Гуревич, 1896). При этом их авторы ограничивались освещением достаточно ограниченных периодов, обращаясь к краткосрочной ретроспективе.

В публикациях советского периода (Гуткина, 1927; Заблудовский, 1956; Зархин, 1956) материальному обеспечению медиков уделялось большое внимание. Был освоен богатый источниковый материал региональных архивов. Однако в своих оценках исследователи были обязаны следовать предписаниям, выработанным на основе официальной идеологии.

В постсоветский период (Волков, 2012; Егорышева, 2003; Егорышева, Данилишина, 2001; Жукова, 1998; Зимин, 2003) тема исследовалась преимущественно в рамках краткосрочных периодов либо в разрезе ситуации в конкретных регионах империи. В силу данных обстоятельств на степень изученности темы оказало влияние отсутствие комплексных оценок, позволяющих охарактеризовать развитие ситуации в долгосрочной перспективе.

4. Результаты

В XVIII в. большинство российских медиков относились к категории врачей гражданского ведомства, т.е. являлись государственными служащими. Действующее законодательство предполагало регулярную выплату жалованья находившимся на госслужбе врачам. Однако ее размер существенным образом отличался от оклада коллег, служивших в военном ведомстве. Для сравнения, в 1762 г. жалованье городских лекарей за 12 месяцев составляло от 150 до 200 рублей, в то время как армейским и флотским лекарям полагалось от 180 до 300 рублей. Штаб-лекари (т.е. старшие полковые врачи) получали от 400 до 600 рублей (ПСЗРИ, 1884. Т. XLIV. Книга штатов, ч. 2. № 11455).

Жалованье выплачивалось медикам три раза в год – в январе, мае и сентябре. Однако этот порядок периодически нарушался из-за частых задержек, по причине чего гражданские врачи были вынуждены либо заниматься частной практикой (в XVIII в. ее масштабы были относительно невелики из-за низкого платежеспособного спроса), либо искать иные источники заработка, что негативно отражалось на их квалификации (Верекундов, 1899: 32).

Гражданским медикам было также положено выделение жилья от города, однако на практике это условие не всегда выполнялось. В некоторых случаях отсутствие казенного жилья компенсировалось выплатой «квартирных денег» (от 80 до 100 рублей на 1756 г.) (РГИА. Ф. 1294. Оп. 3 (св. 1). Д. 3. Л. 27).

К концу столетия уровень материального обеспечения медиков несколько вырос. На 1797 г. должностной оклад хирурга и акушера составлял 500 рублей, уездного лекаря – 300 рублей. Также врачам начали выплачивать «прогонные деньги» на оплату транспортных расходов (Полное собрание законов Российской империи, 1884. Т. XLIV. Книга штатов, № 17743). Впрочем, следует отметить, что в значительной степени жалованье врачей росло лишь в номинальном выражении:

инфляция существенно нивелировала его реальное увеличение. Отдельно необходимо отметить крайне низкий уровень оплаты труда лекарских учеников: старшие получали 60 рублей в год, младшие – всего 45 рублей (РГИА. Ф. 1294. Оп. 3 (св. 1). Д. 5. Л. 9).

Действующее законодательство не предусматривало обязательного назначения пенсии врачам, находящимся на госслужбе. Соответствующие вопросы решались в частном порядке (в отношении конкретных лиц) представителями высшего руководства при условии, что срок выслуги просителя составлял не менее 35 лет, а сам он утратил трудоспособность. При этом пенсия составляла не более половины от размера жалования (Собрание Российских законов..., 1828: 22).

Важно отметить и то обстоятельство, что жалование военных врачей увеличивалось гораздо чаще, чем в случае их гражданских коллег. Так, произведенное в 1805 г. повышение окладов полковых врачей не сопровождалось увеличением окладов уездных врачей (ПСЗРИ. 1884. Т. XVI. № 11788, 12175).

Данные обстоятельства способствовали возникновению перманентного дефицита медицинских кадров за пределами Москвы и Санкт-Петербурга (в гражданском сегменте государственной системы здравоохранения). Врачи предпочитали либо переходить на военную службу, либо увольняться и заниматься вольной практикой (последнему способствовал рост благосостояния купечества и дворянства). Оставшиеся на службе уездные врачи зачастую не могли позволить себе даже приобретение профильной литературы и специальных инструментов. При этом гражданскую службу покидали в первую очередь молодые специалисты, обладавшие карьерными перспективами в армии, флоте или в вольной практике. В отдельных случаях под воздействием материальных трудностей медицинские кадры деградировали настолько, что могли заниматься исключительно вскрытием трупов и оспопрививанием (РГИА. Ф. 1294. Оп. 3 (св. 1). Д. 8. Л. 5; РГИА. Ф. 1297. Оп. 5 (кн. 16). Д. 12. Л. 248).

Чтобы исправить ситуацию, центральное руководство пошло в октябре 1817 г. на пересмотр тарифной сетки: жалование хирурга и акушера поднялось до 700 рублей, уездного врача – до 500 рублей в год. Были повышены оклады лекарским ученикам (старшему – 200 рублей, младшему – 150 рублей) (Собрание Российских..., 1828: 31).

Однако следующее повышение жалования гражданским медикам произошло лишь в 1835 году. При этом большая часть дополнительных средств была выделена относительно немногочисленному корпусу узких специалистов: жалование хирургов и акушеров увеличили до 1200 рублей, уездных и городских – лишь до 700 рублей (ПСЗРИ, 1884. Т. XLIV: Книга штатов, ч. 2. № 30516. Таблица VIII).

При этом финансовая нагрузка, которую бюджету пришлось нести в связи с затратами на ведение Кавказской войны, уже к концу 1830-х гг. лишила правительство возможности индексировать оклады медиков хотя бы с ощутимой периодичностью. Свою роль играл и рост инфляции, ставший особенно ощутимым в период Крымской войны и первые годы после завершения конфликта (Мушинский, 1862: 17; О состоянии..., 1856: 10; Отчет о состоянии..., 1857: 8; Отчет о состоянии общественного здоровья, 1859: 15).

В 1820–1830-х гг. произошло упорядочение законодательства относительно пенсионного обеспечения медиков, находившихся на гражданской службе. В 1827 г. был утвержден Общий Устав о пенсиях, а в 1833 г. принято конкретизировавшее его «Положение о пенсиях и единовременных пособиях Медицинским, Ветеринарным и Фармацевтическим чиновникам и нижним чинам, их вдовам и детям». Согласно новым правилам, медики, «беспорочно прослужившие» в течение не менее 20 лет, могли претендовать на пенсию в размере половины оклада, врачи со стажем в 25 лет – на две трети жалования. «Полный пенсион» полагался врачам, прослужившим не менее 30 лет. Пенсионный фонд медиков формировался за счет отчислений с жалования: с окладов в размере до 500 рублей полагалось удерживать 1 %, с жалования большего размера – 2 % (Веселовский, 1910: 2).

В конце 1850-х – начале 1860-х гг. инспекторы врачебных управ большинства губерний регулярно докладывали в Петербург о том, что уездные врачи вынуждены отвлекаться от основной работы и заниматься обслуживанием местных помещиков, поскольку размер их окладов не позволяет оплатить даже наем и отопление квартиры. Руководство МВД соглашалось с обоснованностью этих жалоб, однако рассматривало увеличение окладов медикам как непосильное бремя для казны. В качестве альтернативы был разработан комплекс предложений относительно создания источников получения дополнительных доходов. В соответствии с ним была повышена стоимость проведения врачами судебно-химических исследований, выписки свидетельств, штемпельной бумаги для оформления документов. Полученные за счет этого средства использовались для начисления прибавки к жалованию городским и уездным врачам (в зависимости от губернии ее размер мог колебаться в пределах от 130 до 200 рублей в год) (Мушинский, 1862: 21-27; О состоянии общественного здоровья и деятельности больниц, 1856: 25; Отчет о состоянии..., 1857: 14; Отчет о состоянии..., 1859: 17).

Власти приступили к повышению окладов медиков, находящихся на гражданской службе, лишь после завершения великих реформ Александра II. Соответствующие преобразования были поэтапно осуществлены в течение 1876–1880 гг. В рамках новой системы оплаты труда жалование выдавалось медикам ежемесячно. Также им полагались столовые (или кормовые) деньги, средства на найм

жилья (квартирные деньги) либо оплачиваемая за счет казны квартира. При этом размер выплат зависел от конкретного региона. В среднем за год уездный врач получал 460 рублей в качестве жалованья, еще 460 рублей столовых денег и 230 рублей на съём жилья (если оно не предоставлялось бесплатно). Одновременно было увеличено зафиксированное на уровне 1817 г. жалование представителям младшего медицинского персонала. Фельдшерам, старшим лекарским ученикам и старшим повивальным бабкам, работающим в губерниях центральной России, отныне полагался оклад в размере 180 рублей в год, младшим лекарским ученикам и младшим повивальным бабкам – жалование в 150 рублей. Для их коллег, работавших на окраинах империи, устанавливались стимулирующие надбавки, размер которых зависел от конкретной территории (ПСЗРИ, 1884. Т. XXXII, ч. 1. № 32278; Т. XXXVII, ч.1. № 37943).

В следующий раз индексация содержания уездных медиков, находящихся на гражданской государственной службе, была произведена в 1913 г. Жалование уездных врачей в среднем увеличили до 600 рублей, столовые – до 600 рублей, размер квартирных денег – до 300 рублей (Заблудовский, 1956: 55).

В рамках системы земской медицины оплата труда врачей включала в себя собственно жалование, премиальные выплаты, квартирные деньги или жилье от местного самоуправления (впрочем, в некоторых случаях все ограничивалось окладом и стимулирующими выплатами). Как правило, земства пытались привлечь квалифицированные кадры за счет большего размера материального вознаграждения. Выпускникам земских фельдшерских и акушерских школ также бесплатно предоставляли набор инструментов и комплект актуальных учебников. Жалование также индексировалось с высокой периодичностью (Зимин, 2003: 50).

Размер оплаты труда земских медиков колебался в весьма широких пределах. Так, по данным на 1890 г., земские врачи могли получать от 400 до 3600 рублей в год в зависимости от территории, пола и специализации. Наибольшим был размер жалованья у врачей-психиатров. Средний оклад врача-мужчины составлял 1315 рублей в год, женщины – 944 рублей. Средний размер жалованья земского фельдшера колебался в пределах 240–300 рублей в год, акушерки – 180–200 рублей в год (Гребенщикова, 1892а: 40–41; Жбанков, 1903: 34).

Относительно решения жилищного вопроса необходимо отметить, что изначально медиков располагали в арендованных крестьянских избах. Но после завершения строительства земской больницы врач, как правило, получал отдельное благоустроенное жилье при ее здании. Также необходимо подчеркнуть, что, по данным на 1890 г., земские врачи, как правило, тратили в среднем 500–700 рублей в год (в зависимости от конкретной территории) на оплату услуг дворника, горничной, кухарки и нужды коммунального характера (Гребенщикова, 1892а: 41).

Фельдшерам и акушеркам земство, как правило, снимало комнаты в крестьянских домах или предоставляло квартиры при врачебных пунктах, либо предоставляло квартирные деньги (по данным на 1890 г., их размер менялся в пределах от 30 до 150 рублей). Однако в некоторых случаях младшему медицинскому персоналу не полагалось ни жилья, ни средств на компенсацию соответствующих расходов. В этих случаях фельдшеры и акушерки либо снимали жилье за свой счет, либо размещались в приемных покоях (Вигдорчик, 1907: 12; Гуревич, 1896: 7).

В большинстве случаев медики обеспечивались лошадьми и прогонными деньгами в размере от 200 до 540 рублей в год. Однако в случае нехватки средств у земства врач также мог сам оплачивать дорожные расходы (Денисов (Добровольский), 1997: 69; РГИА. Ф. 1287. Оп. 35. Д. 97. Л. 29).

В случае городских (или думских) врачей размер их оклада определялся городской думой. В подавляющем большинстве случаев жалование городских врачей было меньше, чем у их земских коллег. Если в 1890 г. оклад земского врача-мужчины составлял в среднем 1315 рублей в год, то думский врач того же пола получал 1038 рублей (РГИА. Ф. 1287. Оп. 35. Д. 112. Л. 31).

Размер жалованья подталкивал медиков к регулярной работе по совместительству. Во второй половине XIX в. широкие возможности в этом плане перед медиками открыло появление фабричных больниц. Работавшие на промышленных предприятиях медики получали от 220 до 5000 рублей в год в зависимости от должности и объема работы (РГИА. Ф. 1287. Оп. 35. Д. 112. Л. 44).

Городским врачам не были положены государственные пенсии. Земская служба также не предполагала пенсионного обеспечения за счет казны. Как следствие, медики и прочие служащие земств создавали эмеритальные кассы. Их капитал формировался за счет отчислений земств и обязательных вычетов из жалованья служащих. Размер ежегодных взносов в кассу составлял 3 % от жалованья. Размер пенсии, таким образом, определялся сроком участия в кассе (минимальный период составлял 12 лет), стажем службы и размером жалованья. Право присоединиться к участникам кассы наделялись служащие, чье жалование не превышало 300 рублей год. До 1880 г. им обладали исключительно фельдшеры и акушерки, но затем его предоставили и врачам. Право на получение полной пенсии имели служащие, работавшие в земстве 25 лет. Имевшим стаж 15 и 20 лет полагалось 50 и 80 % от полного размера пенсии соответственно. Пенсия врача составляла в среднем 600 рублей, провизора – 300 рублей (Веселовский, 1910: 3–5).

В 1900 г. император утвердил «Положение о пенсионных кассах служащих в земских учреждениях». Оно наделило губернские земские собрания правом создавать пенсионные кассы

регионального уровня. Все земские служащие губернии в обязательном порядке должны были стать их участниками. Работа кассы выстраивалась по страховому принципу: из жалования каждого участника вычитались 6 %, которые вместе с доплатой субсидирующего учреждения переводились на личный счет служащего. При этом за земствами закреплялось право выбирать тип кассы и определять условия, дающие право на получение пенсии. Возможность участвовать в работе касс была предоставлена и представителям городского самоуправления (Веселовский, 1910: 7).

В случае тяжелой болезни или потери трудоспособности медики некоторых губерний также могли рассчитывать на выплату единовременного пособия из касс взаимопомоществования, создаваемых коллегами на добровольных началах. Средства указанных касс накапливались за счет вступительных (не менее 50 копеек) и ежемесячных членских взносов (не менее 25 копеек). Размер пособия в итоге был равен сумме внесенных в кассу средств (РГИА. Ф. 1287. Оп. 36. Д. 299. Л. 1-18).

Выше неоднократно отмечалось, что многие гражданские медики на госслужбе и земские врачи были вынуждены работать по совместительству либо сочетать свою основную работу с частной практикой.

При оценке влияния данного фактора на материальное положение медиков следует отдельно выделить несколько аспектов.

Во-первых, при совмещении двух должностей на территории одного уезда врач мог рассчитывать лишь на половину второго оклада. При этом данное правило охватывало в том числе работу в качестве медика при учебных заведениях, тюрьмах и т.д. (Канель, 1910: 159).

Во-вторых, широкие масштабы распространения частной практики (к 1890 г. ее имели почти 50 % врачей) и высокий уровень оплаты услуг наиболее востребованных узких специалистов (дантистов, психиатров и т.д.) формировали у руководителей органов власти и руководства земств ложные представления об уровне достатка медиков, стимулируя их к отказу от повышения жалования (Гуревич, 1896: 21).

В-третьих, частная практика была доступна в первую очередь городским врачам. Медики, работающие в сельской местности, редко были вольнопрактикующими: сказывались как низкая платежеспособность основной массы населения, так и падение благосостояния большинства помещиков. В «земских» губерниях к концу XIX в. количество вольнопрактикующих медиков было в три раза меньше численности врачей-служащих. В административных центрах уездов и сельской местности это соотношение составляли 1 к 6 (Гребенщикова, 1892б: 4; Денисов (Добровольский), 1997: 65; Отчет о состоянии..., 1905: 41).

Наконец, оплата услуг в порядке частной практики строго регламентировалась государством. Еще в XVIII в. в «Устав всем ведомствам Государственной Медицинской Коллегии, Докторам, Лекарям и повивальным бабкам» были включены положения, запрещающие врачам-служащим принимать оплату от лиц, которых они должны были лечить бесплатно в соответствии с должностными обязанностями. Устанавливался и фиксированный размер оплаты соответствующих услуг. Например, помощь при родах и последующий уход за матерью оценивался в 1 рубль 50 копеек, удаление зуба – 15 копеек (Оценка лекарствам. При том: Устав аптекарский. Устав повивальным бабкам. Устав о должной плате медицинским чинам).

Впоследствии указанные нормы были в почти неизменном виде перенесены в Устав Врачебный 1857 г. Их коррекция и актуализация была осуществлена лишь в 1892 г. (Верекундов, 1899: 29).

Незаконное требование платы с пациента влекло за собой первоначально строгий выговор, а в случае рецидива – увольнение (Канель, 1910: 171).

Средний размер гонорара врача за визит к пациенту в конце XIX в. колебался в пределах 1–3 руб. за визит. В 1893 г. Медицинским департаментом Министерства внутренних дел была разработана система тарифов на медицинские услуги, основанная на принципе установления размера вознаграждения в зависимости от благосостояния пациента. Оплату в максимальном размере (5 рублей за визит к больному и 3 руб. в случае обращения пациента в приемную врача) можно было получить от чиновников первых шести классов в «Табели о рангах», купцов первой гильдии, промышленников и крупных землевладельцев. Минимальное вознаграждение в размере 30 копеек взималось с представителей низших сословий. На размер оплаты влияла также сложность оказываемых услуг (больше всего оплачивались хирургические и акушерские операции) (Отчет о состоянии..., 1905: 35).

По данным В.И. Гребенщикова на начало 1890-х гг., в рамках частной практики гражданские врачи (помимо земских медиков) получали в среднем 1200 рублей в год. Доход вольнопрактикующих земских врачей составлял в среднем 490 рублей в год. Приблизительно у 15 % медиков, имеющих статус врача, доходы от частной практики за год менялись в пределах от 1 до 100 рублей. Почти у 80 % врачей доходы от частной практики фиксировались на уровне не более 1000 рублей в год (Гребенщиков, 1892а: 23).

Проблемы с материальным обеспечением медиков закономерно порождали высокую периодичность обновления кадров. Так, в 1890-х гг. средняя продолжительность службы врачей-земцев в губерниях Верхнего Поволжья составляла от 4 до 6 лет (Жбанков, 1903: 10).

5. Заключение

Подводя итоги исследования, мы приходим к выводу, что вплоть до периода 1870–1880-х гг. система материального обеспечения медицинского персонала функционировала в целом неудовлетворительно. Последнее обуславливалось объективными факторами: ограниченность ресурсов казны на фоне частых военных конфликтов не позволяла обеспечивать медиков должным образом. В значительной степени они были вынуждены содержать себя за счет вольной практики. Великие реформы Александра II и успешная промышленная политика его наследника сформировали экономическую основу для существенного увеличения масштабов материальной поддержки медиков государством. Большую роль в увеличении благосостояния врачей также сыграл успех земской реформы. Однако к концу XIX в. общее состояние материального обеспечения медицинских кадров можно охарактеризовать скорее как удовлетворительное. Несмотря на ощутимые успехи государства и земств на данном направлении, большинство врачей продолжали испытывать материальные трудности. Даже расширение масштабов частной практики не могло компенсировать недостаточность жалования по причине низкого платежеспособного спроса среди основной массы населения и отчасти – нормативных ограничений размера вознаграждения. Естественным следствием проблем в сфере оплаты труда оставались высокая «текучка кадров», переработки и неизбежное падение качества обслуживания. Также подрывался престиж профессии медика и блокировался приток перспективных кадров в отрасль, по крайней мере – в системе государственного и земского здравоохранения.

Литература

- Верекундов, 1899** – *Верекундов С.П.* Министерство народного здравия. К истории вопроса. СПб., 1899.
- Вересаев, 1987** – *Вересаев В.В.* Записки врача. Тула, 1987.
- Веселовский, 1909** – *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. В 4-х тт. СПб., 1909. Т. 1.
- Веселовский, 1910** – *Веселовский Б.Б.* К вопросу о земских пенсионных и эмеритальных кассах. Пенза, 1910.
- Вигдорчик, 1907** – *Вигдорчик Н.А.* Расслоение фельдшерского сословия // *Журнал Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова.* 1907. № 1. С. 5-19.
- Волков, 2012** – *Волков Т.И.* Российское земство и социокультурная модернизация страны в начале XX века (по материалам губерний Центральной России). Ярославль, 2012.
- Гребенщиков, 1892a** – *Гребенщиков В.И.* Больницы гражданского ведомства в Российской империи. СПб., 1892.
- Гребенщиков, 1892b** – *Гребенщиков В.И.* К вопросу о смертности русских врачей // *Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины.* 1892. Т. XVI. Кн. 1. Отд. IX. С. 1-6.
- Гуревич, 1896** – *Гуревич А.Б.* Незавидное положение современного врача в материальном и социальном отношениях (Доклад на VI съезде русских врачей в память Н.И. Пирогова). Киев, 1896.
- Гуткина, 1927** – *Гуткина А.Я.* Организация здравоохранения в России от Аптекарского приказа до наших дней // *Врачебное дело.* 1927. № 20. С. 1455-1460.
- Денисов (Добровольский), 1997** – *Денисов И. (И.И. Добровольский).* На земской службе // *Наше наследие.* 1997. № 42. С. 60-73.
- Егорышева, 2003** – *Егорышева И.В.* Управление здравоохранением в России в первой половине XIX века // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины.* 2003. № 6. С. 46-49.
- Егорышева, Данилишина, 2001** – *Егорышева И.В., Данилишина Е.И.* Губернские и уездные правительственные органы охранения народного здравия в России (XIX – начало XX в.) // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины.* 2001. № 1. С. 53-55.
- Жбанков, 1903** – *Жбанков Д.Н.* О врачах. М., 1903.
- Жукова, 1998** – *Жукова Л.А.* Земское самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество. 1864–1917 гг. М., 1998.
- Заблудовский, 1956** – *Заблудовский П.Е.* Медицина в России в период капитализма. Развитие гигиены, вопросы общественной медицины. М., 1956.
- Загоскин, 1891** – *Загоскин Н.П.* Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань, 1891.
- Зархин, 1956** – *Зархин И.Б.* Очерки из истории отечественной фармации XVIII и первой половины XIX века. М., 1956. 127 с.
- Зимин, 2003** – *Зимин И.В.* Медицинская интеллигенция в сословной структуре Российской империи XIX века // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины.* 2003. № 6. С. 49-51.
- Канель, 1910** – *Канель В.Я.* Общественная медицина в связи с условиями жизни народа // *История России в XIX веке.* В 12 т. СПб., 1910. Т. VIII. С. 156-262.
- Мушинский, 1862** – *Мушинский К.А.* Устройство общественного призрения в России. СПб., 1862. 64 с.
- О состоянии..., 1856** – О состоянии общественного здравия и деятельности больниц гражданского ведомства в империи в 1855 году. СПб., 1856. 271 с.

Отчет о состоянии народного здоровья, 1905 – Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. СПб., 1905.

Отчет о состоянии общественного здоровья, 1857 – Отчет о состоянии общественного здоровья и деятельности больниц гражданского ведомства в империи за 1856 год. СПб., 1857.

Отчет о состоянии общественного здоровья, 1859 – Отчет о состоянии общественного здоровья и деятельности больниц гражданского ведомства в империи за 1859 год. СПб., 1861.

Оценка лекарств, 1789 – Оценка лекарств. При том: Устав аптекарский. Устав повивальным бабкам. Устав о должной плате медицинским чинам. СПб., 1789.

ПСЗРИ, 1884 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881). СПб., 1830–1884.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Собрание Российских законов..., 1828 – Собрание Российских законов о Медицинском управлении с присовокуплением постановлений Правительства по предмету наук: Медицинской, Фармацевтической, Ветеринарной и принадлежащих к ним Судной Медицины и Полиции Медицинской. С 1640 по 1826 г. включительно. Ч. 3. СПб., 1828.

References

Denisov (Dobrovolskii), 1997 – Denisov, I. (*Dobrovolskii I.I.*) (1997). Na zemskoi sluzhbe [Zemstvo service]. *Nashe nasledie*. 42: 60-73. [in Russian]

Egorysheva, 2003 – Egorysheva, I.V. (2003). Upravlenie zdravookhraneniem v Rossii v pervoi polovine XIX veka. [Health care management in Russia in the first half of the 19th century]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 6: 46-49. [in Russian]

Egorysheva, Danilishina, 2001 – Egorysheva, I.V., Danilishina, E.I. (2001). Gubernskie i uездnye pravitel'stvennye organy okhraneniya narodnogo zdравиya v Rossii (XIX – nachalo XX v.) [Provincial and county government bodies for the protection of public health in Russia (XIX – early XX century)]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 1: 53-55. [in Russian]

Grebenshchikova, 1892a – Grebenshchikov, V.I. (1892). Bol'nitsy grazhdanskogo vedomstva v Rossiiskoi imperii [Civil department hospitals in the Russian Empire]. SPb.. [in Russian]

Grebenshchikova, 1892b – Grebenshchikov, V.I. (1892). K voprosu o smertnosti russkikh vrachei [On the question of the mortality of Russian doctors]. *Vestnik obshchestvennoi gigieny, sudebnoi i prakticheskoi meditsiny*. Vol. XVI. Kn. 1. Otd. IX. Pp. 1-6. [in Russian]

Gurevich, 1896 – Gurevich, A.B. (1896). Nezavidnoe polozhenie sovremennogo vracha v material'nom i sotsial'nom otnosheniyakh. (Doklad na VI s'ezde russkikh vrachei v pamyat' N.I. Pirogova) [The unenviable position of the modern doctor in material and social relations. (Report at the VI Congress of Russian doctors in memory of N.I. Pirogov)]. Kiev. [in Russian]

Gutkina, 1927 – Gutkina, A.Ya. (1927). Organizatsiya zdravookhraneniya v Rossii ot Aptekarskogo prikaza do nashikh dnei [Organization of health care in Russia from the Pharmaceutical order to the present day]. *Vrachebnoe delo*. 20: 1455-1460. [in Russian]

Kanel', 1910 – Kanel', V.Ya. (1910). Obshchestvennaya meditsina v svyazi s usloviyami zhizni naroda [Public medicine in connection with the living conditions of the people]. *Istoriya Rossii v XIX veke*. V 12 t. SPb. Vol. VIII. Pp. 156-262. [in Russian]

Mushinskii, 1862 – Mushinskii, K.A. (1862). Ustroistvo obshchestvennogo prizreniya v Rossii [The device of public charity in Russia]. SPb. [in Russian]

O sostoyanii..., 1856 – O sostoyanii obshchestvennogo zdравиya i deyatel'nosti bol'nits grazhdanskogo vedomstva v imperii v 1855 godu [On the state of public health and the activity of hospitals of the civil department in the empire in 1855]. 1856. SPb. [in Russian]

Отчет о состоянии народного здоровья, 1905 – Отчет о состоянии народного здоровья и организационной врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1896]. 1905. SPb. [in Russian]

Отчет о состоянии общественного здоровья, 1857 – Отчет о состоянии общественного здоровья и деятельности больниц гражданского ведомства в империи за 1856 год [Report on the state of public health and the activities of civil department hospitals in the empire for 1856]. 1857. SPb. [in Russian]

Отчет о состоянии общественного здоровья, 1859 – Отчет о состоянии общественного здоровья и деятельности больниц гражданского ведомства в империи за 1859 год [Report on the state of public health and the activities of civil department hospitals in the empire for 1859]. 1861. SPb. [in Russian]

Otsenka lekarstv, 1789 – Otsenka lekarstv. Pri tom: Ustav aptekarskii. Ustav povival'nym babkam. Ustav o dolzhnoi plate meditsinskim chinam (1789) [Evaluation of Medicines. At the same time: Pharmaceutical Charter. Charter for midwives. The charter on due payment to medical ranks]. SPb. [in Russian]

ПСЗРИ, 1884 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe (1825–1881) [Complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection (1825–1881)]. 1884. SPb. [in Russian]

РГИА – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

[Sobranie Rossiiskikh zakonov o Meditsinskom upravlenii, 1828](#) – Sobranie Rossiiskikh zakonov o Meditsinskom upravlenii s prisovokupleniem postanovlenii Pravitel'stva po predmetu nauk: Meditsinskoi, Farmatsevticheskoi, Veterinarnoi i prinadlezhashchikh k nim Sudnoi Meditsiny i Politsii Meditsinskoi. S 1640 po 1826 g. vkladytel'no [Collection of Russian Laws on Medical Administration with the addition of Government Decrees on the subject of sciences: Medical, Pharmaceutical, Veterinary and related Judicial Medicine and the Medical Police. From 1640 to 1826 inclusive]. 1828. P. 3. SPb. [in Russian]

[Verekundov, 1899](#) – *Verekundov, S.P.* (1899). Ministerstvo narodnogo zdравиya. K istorii voprosa [Ministry of Public Health. To the history of the issue]. SPb. [in Russian]

[Veresaev, 1987](#) – *Veresaev, V.V.* (1987). Zapiski vracha [Doctor's notes]. Tula. [in Russian]

[Veselovskii, 1909](#) – *Veselovskii, B.B.* (1909). Istoriya zemstva za sorok let [The history of the Zemstvo for forty years]. V 4-kh tt. SPb. Vol. 1. [in Russian]

[Veselovskii, 1910](#) – *Veselovskii, B.B.* (1910). K voprosu o zemskikh pensionnykh i emerital'nykh kassakh [On the issue of zemstvo pension and emerital funds]. Penza. [in Russian]

[Vigdorchik, 1907](#) – *Vigdorchik, N.A.* (1907). Rassloenie fel'dsherskogo sosloviya [Stratification of the paramedic class]. *Zhurnal Obshchestva russkikh vrachei v pamyat' N.I. Pirogova*. 1: 5-19. [in Russian]

[Volkov, 2012](#) – *Volkova, T.I.* (2012). Rossiiskoe zemstvo i sotsiokul'turnaya modernizatsiya strany v nachale XX veka (po materialam gubernii Tsentral'noi Rossii) [Russian zemstvo and socio-cultural modernization of the country at the beginning of the 20th century (based on materials from the provinces of Central Russia)]. Yaroslavl'. [in Russian]

[Zabludovskii, 1956](#) – *Zabludovskii, P.E.* (1956). Meditsina v Rossii v period kapitalizma. Razvitie gigieny, voprosy obshchestvennoi meditsin [Medicine in Russia in the period of capitalism. The development of hygiene, issues of public medicine]. M. [in Russian]

[Zagoskin, 1891](#) – *Zagoskin, N.P.* (1891). Vrachy i vrachebnoe delo v starinnoi Rossii [Doctors and medical practice in ancient Russia]. Kazan'.

[Zarkhin, 1956](#) – *Zarkhin, I.B.* (1956). Ocherki iz istorii otechestvennoi farmatsii XVIII i pervoi poloviny XIX veka [Essays on the history of domestic pharmacy in the 18th and first half of the 19th century]. M. [in Russian]

[Zhbankov, 1903](#) – *Zhbankov, D.N.* (1903). O vrachakh [About doctors]. M.

[Zhukova, 1998](#) – *Zhukova, L.A.* (1998). Zemskoe samoupravlenie i byurokratiya v Rossii: konflikty i sotrudnichestvo. 1864–1917 gg. [Zemstvo self-government and bureaucracy in Russia: conflicts and cooperation]. M. [in Russian]

[Zimin, 2003](#) – *Zimin, I.V.* (2003). Meditsinskaya intelligentsiya v soslovnoi strukture Rossiiskoi imperii XIX veka [Medical intelligentsia in the class structure of the Russian Empire of the 19th century]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 6: 49-51. [in Russian]

Материальное обеспечение медицинского персонала в дореволюционной России XVIII – XIX вв.

Анна Александровна Бакулина ^{a,*}, Марина Алексеевна Федотова ^b, Василий Витальевич Игонин ^b, Таисия Кришталева ^b

^a МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В рамках исследования рассматривается вопрос о влиянии системы материального обеспечения медиков в России XVIII–XIX вв. на общее состояние здравоохранения. В ходе подготовки статьи были использованы неопубликованные документы Российского государственного исторического архива из фондов Медицинского совета при Министерстве внутренних дел и Медицинского департамента МВД, законодательные акты, источники личного происхождения и многочисленные справочные материалы. Методология работы основывается на комплексном применении сравнительного и системного анализа. На основании результатов проведенных изысканий сделан вывод о том, что вплоть до периода 1870–1880-х гг. система материального обеспечения медицинского персонала функционировала в целом неудовлетворительно. Последнее обуславливалось объективными факторами: ограниченность ресурсов казны на фоне частых военных конфликтов не позволяла обеспечивать медиков должным образом. В значительной степени они были вынуждены содержать себя за счет вольной практики. Великие реформы Александра II и успешная промышленная политика его наследника сформировали экономическую основу для существенного увеличения масштабов материальной поддержки медиков государством. Большую роль в увеличении благосостояния врачей также сыграл успех земской

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anbakdoc@mail.ru (А.А. Бакулина)

реформы. Однако к концу XIX в. общее состояние материального обеспечения медицинских кадров можно охарактеризовать скорее как удовлетворительное. Несмотря на ощутимые успехи государства и земств на данном направлении, большинство врачей продолжали испытывать материальные трудности. Даже расширение масштабов частной практики не могло компенсировать недостаточность жалованья по причине низкого платежеспособного спроса среди основной массы населения и отчасти – нормативных ограничений размера вознаграждения. Естественным следствием проблем в сфере оплаты труда оставались высокая «текучка кадров», переработки и неизбежное падение качества обслуживания. Также подрывался престиж профессии медика и блокировался приток перспективных кадров в отрасль, по крайней мере – в системе государственного и земского здравоохранения.

Ключевые слова: врачи, медицинский персонал, жалованье, оклад, материальное обеспечение, дореволюционная Россия.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 640-648
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.640

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Image of Kazakh Society in the Studies of Russian Ethnographers during the Russian Empire: on the Example of Material Culture

Mehmet Oguzkhan Aksoy ^a, Serik M. Dzhunusbayev ^{b, *}, Kazbek D. Raisov ^c, Timur A. Apendiyev ^d

^a Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Republic of Kazakhstan

^b M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^c Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^d Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

Despite the fact that aspects of the spiritual and cultural structure of Kazakh society were considered in medieval historical works, it was not of a scientific systemic nature. The process of the Kazakh society's entry into the Russian Empire opened a comprehensive path to the recognition of its cultural potential. Outstanding pre-revolutionary progressive Russian researchers have made an invaluable contribution to the development of ethnography and ethnology of the peoples of Siberia and Central Asia. The bulk of Russian scientists were advanced people who sincerely believed in the future of the indigenous inhabitants of these lands.

Many of them were fluent in the languages of the Turkic peoples, so they found an opportunity to successfully explore new regions. Russian scientists lived in yurts for several years in order to thoroughly familiarize themselves with the structure of the lifestyle of Kazakh villages and thereby brought their fundamental works to science. When studying the internal cultural and economic system of Western Siberia and Central Asia, the tsarist administration paid great attention to the education of scientific personalities and representatives of indigenous peoples. At the same time, one can cite as an example the names of such Kazakh scientists as Sh.Sh. Valikhanov, A. Dzhanurin, H.K. Babajanov et al. That is, an effective dialogue was established between the power and the local population. Undoubtedly, the established historiography about the peoples of Central Asia during the period of tsarist Russia contributed to the emergence of the Orientalist trend in science. This scientific step influenced the creation of a basis in the study of the history and culture of the peoples of the East as a whole. And also, as one of the main values of the complex of works of this historical period, it should be noted that it was outside certain political and ideological principles.

Keywords: Kazakh society, material culture, ethnography, Russian scientists, nomads, Western Siberia, Central Asia.

1. Введение

Процесс вхождения казахов Младшего и Среднего жуза в состав Российской империи способствовал активизации работы по изучению общественных элементов кочевников. Русские ученые, исследовавшие казахское общество периода Российской империи XVIII – начала XX веков, ввели в научный оборот большой объем работ по обычаям и материальной культуре кочевников. Присоединение казахов Старшего жуза к империи в 1860-х годах еще более усилило интерес русских востоковедов к этому направлению. В первых рядах тех, кто проводил комплексные исследования по определенной проблеме, преобладали представители русской интеллигенции. Кроме того, свою лепту внесли российские военные и люди, прибывшие в служебную командировку, а также лица, находившиеся в ссылке. Актуальными темами их исследований были обычаи, религия, язык и

* Corresponding author

E-mail addresses: Serik_1971_10@mail.ru (S.M. Dzhunusbayev), Rusbek_1492@mail.ru (M.O. Aksoy)

материальный образ жизни кочевников. Во второй половине XIX века на территории Западно-Сибирского, Туркестанского и Оренбургского краев были созданы различные филиалы и научные организации российских научных сообществ, занимавшихся изучением образа жизни казахов. На их базе появились целые сборники научно-аналитических материалов.

2. Материалы и методы

Учитывая характер темы исследования, виды материалов и источников, их можно разделить на две группы: архивные документы и сборники сведений.

Базу материалов первой группы составляют документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК, г. Алматы, Казахстан) и городского архива Караганды (ГАГК, г. Караганды, Казахстан). В вышеуказанных архивных фондах собраны документы, связанные с приказами, решениями и статистическими сборниками администраций Западно-Сибирского (Степного) края и Туркестанского генерал-губернаторства. Основу второй группы составляют записки, сборники материалов и публикации русских ученых и путешественников, проводивших исследования среди казахского кочевого общества в XIX и начале XX веков. Среди них особый интерес представляют записки капитана Н.П. Рычкова (Рычков, 1772), генерал-майора С.Б. Броневского (Броневский, 1830) и др. Исследовательские работы, опубликованные в газетах «Сибирские ведомости», «Акжол», «Туркестан», также играют важную роль.

При анализе сведений, содержащихся в архивных и полевых исследовательских сборниках, в зависимости от особенностей и периода использовался проблемно-хронологический метод. Очевидно, что после вхождения казахского общества в состав Российской империи произошли определенные изменения в сферах бытовой и материальной культурной жизни. А также применялся сравнительно-исторический метод с целью выявления сходства развития бытовых элементов прошлого и того времени в ходе одного исторического процесса. Кроме того, был задействован структурный метод в определении уровня внутренних связей, обеспечивающих сохранение основных свойств материальной культуры казахского общества.

3. Обсуждение

Историографическую основу исследования составляют труды ученых периода царской России. В качестве комплекса дополнительных исследований можно назвать советскую и современную историографию. Научные работы последних исторических периодов отличаются оценкой, переосмыслением, анализом историографии имперской эпохи и дополнениями к ней.

История изучения кочевого казахского общества русскими исследователями берет свое начало с XVI века. В 1573 году Казахскую степь посетил посол русского государства Т. Чебуков (Мухамадеев, 2010: 38). В его труде содержатся важные сведения о нравах и материальных ценностях казахского общества. Многие русские послы дополнительно работали географами-путешественниками и занимали важное место в русской науке. Об этом писал русский востоковед Н.И. Веселовский: «Миссия глубокого понимания Азии была возложена, прежде всего, на русских послов с задачей дать подробный отчет о состоянии стран, которые они посетили. Кроме того, перед отправкой в другую страну посол был широко ознакомлен с информацией о достигнутых успехах предыдущих послов и ее недостатках» (Веселовский, 1884: 72). Процесс систематического изучения духовно-культурных слоев кочевого казахского общества сложился во второй половине XVIII века. Во главе его стояли представители русской военной службы. В этот период были осуществлены предпосылки вхождения казахов Младшего и Старшего жузов в состав России.

Знание обычаев, языка и религии жителей новых краев, вошедших в состав империи, имело стратегическое значение для царской власти. В рамках этой миссии увеличилась работа русских военнослужащих по накоплению историко-географических и этнографических исследований в Казахской степи. В 1770–1780-х годах было создано 5 исследовательских отрядов для изучения жизни населения Западной Сибири и Оренбургского края. Три экспедиции во главе с П.С. Палласом, И.И. Лепехиным и И.П. Фальком были направлены в Оренбургскую губернию, группы во главе с С. Гмелиным и И.А. Гильденштедтом – в Астраханскую губернию. Все руководители имели научных помощников. Среди них В.Ф. Зуев, Н.П. Соколов, Н.П. Рычков (в экспедиции Палласа), И.Я. Озерецковский (в экспедиции Лепехина), И.Г. Георги, Х. Барданес (в экспедиции Фалька) и другие видные ученые (Бейсенова, 1979: 14-15).

В результате работы этих экспедиционных отрядов был издан ряд сборников сведений. Необходимо отметить научную ценность труда П.С. Палласа (Паллас, 2007). В исследовании ученого освещены актуальные вопросы этнографии и хозяйственной жизни казахов, населявших Оренбургский край. Автор оставил важные сведения о жилищах кочевников (юрта), кумысе и охотничьих традициях (Паллас, 2007: 63).

Также среди исследований в этом направлении можно выделить записки Н.П. Рычкова (Рычков, 1772). С этнотерриториальной точки зрения объектом изучения Н. Рычкова стала жизнь казахов Среднего жуза, населявших территорию Западной Сибири. Русский офицер в годы своего

пробывания в казахском обществе уделял большое внимание элементам духовной и материальной культуры, в том числе фольклору, хозяйству и верованиям кочевников, которые играли важную роль.

К концу XVIII века была опубликована исследовательская работа И.Г. Андреева, посвященная жизни казахов Среднего жуза (Андреев, 1998). В ней ученый уделил особое внимание особенностям внутриплеменных отношений казахов Среднего жуза. Кроме того, он вел типологическую работу по религиозным верованиям казахов и собрал ценные сведения о традициях ремесла, погребения покойного, свадьбы, обрезания ребенка в обществе кочевников (Андреев, 1998: 49-62).

В XIX веке на новую ступень поднялись научные изыскания по изучению образа жизни казахского общества в составе России. В этом контексте значительный интерес вызывают направления исследований подразделений Русского географического общества. В рамках данной организации начали работать культурно-просветительские учреждения и статкомитеты. В результате этого были открыты краеведческие музеи, изучены древние памятники, устное народное творчество, созданы русско-казахские школы и библиотеки. Большинство исследователей кочевого общества сосредоточилось в Ташкенте, Оренбурге, Омске, которые являлись административными центрами. Необходимо отметить, что финансово-материальную помощь им оказывали канцелярии генерал-губернаторов (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 28. Л. 11-12).

С начала XIX века этнография казахов стала актуальным сюжетом не только для российской науки, но и для публицистики. Одним из ученых, который издал ряд работ в этом направлении, оставивших свое место в истории, является Г.И. Спасский. В 1818 году он начал издавать журнал «Сибирский вестник», посвященный истории и культуре народов Сибири (Бегалиева, Косанбаев, 2019: 18). В нем, наряду с материалами о народах Сибири, были опубликованы сведения о духовно-культурном наследии сопредельных казахских племен, как, например, эпоса «Идиге». Этот средневековый эпос был записан Г.И. Спасским из уст казахского аксакала в 1810-е годы (Бегалиева, Косанбаев, 2019: 18-19). В 1820 году было опубликовано монографическое исследование автора (Спасский, 1820), который охватил широкий круг вопросов, касающихся быта и хозяйственной системы кочевых казахов. Его научная работа отличается богатством полевых материалов и рядом важных выводов. Особое внимание исследователь обратил на культурные элементы казахского домостроения, текстиля, орнамента.

Среди русских ученых, добившихся больших успехов в изучении истории, культурных аспектов и географических описаний населения Степного края, был А.И. Левшин. Он более двух лет жил в казахских аулах и собирал важные материалы, касающиеся их культуры. При этом были записаны обширные сведения о ремеслах, традициях верховой езды и видах скота кочевников. Труд А.И. Левшина (Левшин, 2018) послужил путеводителем для последующих русских исследователей. Есть основания полагать, что первый шаг в изучении казахского общества они начали с ознакомления с его трудом.

В изучении элементов обычаев и материальной культуры кочевников велика заслуга В.В. Григорьева. Труды ученого, направленные на изучение образа жизни казахского общества в Туркестанском крае, были опубликованы в 1860–1870-е годы (Григорьев, 1861; Григорьев, 1875).

Н.Д. Зеланд в своей статье (Зеланд, 1885) основное внимание уделял этнографическим особенностям казахов. Автор, называя главным жизненным средством кочевников скотоводство, упоминает также ремесла, охоту, земледелие в качестве основного занятия казахов. В исследованиях Л.Ф. Мейера (Мейер, 1865), А.Н. Краснова (Краснов, 1879), Н.И. Гродекова (Гродеков, 1889) подробно описана жизнь казахов Уральской, Семиреченской, Сырдарьинской областей. В этих работах собраны интересные сведения о казахских музыкальных инструментах, также дана оценка значимости исполнителей айтысского искусства в обществе.

Роль Н.А. Аристова (Аристов, 1895; Аристов, 2003) в сравнительном изучении этнического состава казахов и различий культуры по географическому положению имеет существенное значение. Ученый проанализировал взаимосвязь и особенности духовной и материальной культуры кочевников по территориальному расположению. По его мнению, территориальный разрыв не оказывает существенного влияния на углубление духовно-материальных различий казахов. Для этих целей автором приведены сравнительные примеры по культуре оседлых народов Центральной Азии (Аристов, 2003: 35-36).

В многотомном труде А.И. Добросмыслова были описаны аспекты быта и культуры казахов Тургайской области (Добросмыслов, 1902). Кроме того, этнографически ценными являются записи о коневодстве и его кочевых подходах.

В работе В.П. Наливкина (Наливкин, 2012) дана комплексная оценка различий духовной и материальной жизни населения Туркестанского края, ведущего оседлый и кочевой образ жизни. Данный исследователь выразил свою точку зрения на культурные ценности казахов: питье кумыса, ношение традиционной одежды, уважение старших, воспитание детей и др. (Наливкин, 2012: 51-56).

В целом в работах дореволюционных русских исследователей были подробно рассмотрены вопросы быта и культуры казахов. Их можно отнести в основном к полевым исследовательским группам. Необходимо отметить, что подавляющее большинство русских ученых писали свои труды непосредственно в среде кочевого общества.

4. Результаты

Изучение этнографических аспектов казахского общества в составе России с учетом территориальных и этнических особенностей можно разделить на 3 направления:

1. Младший жуз.
2. Средний жуз.
3. Старший жуз.

Дело в том, что степень изучения общественной жизни названных административно-этнических образований сравнительно отличается друг от друга. Вхождение казахов в состав России осуществлялось в силу географического положения жузов (Омарбаев..., 2021: 136). А работа по изучению внутренних общественных элементов жузов, безусловно, относилась к политическому фактору. В этом вопросе важно учитывать тот факт, что Младший жуз первым присоединился к России. В связи с этим особенности культуры и быта казахов Младшего жуза первыми стали основным объектом исследования русских ученых.

Первые шаги в изучении культуры и образа жизни казахов Младшего жуза неразрывно связаны с работами экспедиции П.С. Палласа 1768–1774 годов. Однако комплексное научное направление исследования определяется именем П.И. Рычкова. Своими многочисленными и фундаментальными трудами, касающимися культуры, истории и природных богатств казахов Младшего жуза, он заслужил славу «Колумба Оренбургского края» (Камиева, 2010: 24). По сравнению с экспедицией П.С. Палласа, исследования отца и сына П.И. Рычкова и Н.П. Рычкова носят индивидуальный характер. Дело в том, что П.И. Рычков не только организовывал путешествия по изучению общества казахов Младшего жуза, но и давал заказы на приобретение книг, связанных с историей и фольклором хивинских, каракалпакских, аральских казахов (Аполлова, 1948: 115-118).

Автор посвятил труд «Топография Оренбургской губернии» истории и культуре казахов Младшего жуза в составе Оренбургской губернии (Рычков, 1762). Кроме того, он уделял большое внимание этническим разделением в обществе казахов Туркестана. Особенно высоко он оценил деятельность ходжей, пользовавшихся большим духовным авторитетом в среде кочевников. Кроме того, в его исследованиях отведено место домбре, главному музыкальному инструменту казахов, и его культурной роли. П.И. Рычков не скрывал своего восхищения искусством исполнителей домбры (Рычков, 1762: 105). Ученый также оставил важные данные о создании юрты и ее видах. Анализ его записей показывает, что у казахов было 3 вида юрт: торжественные, обычные и кладовки, в которых хранили бытовые вещи (Рычков, 1762: 108). По мнению Н.П. Рычкова, в культуре кочевых народов, таких как казахи, каракалпаки и башкиры, существует множество схожих между собой элементов (Рычков, 1772: 57).

Одним из русских ученых, оставивших ценные сведения об этнографических особенностях казахов Младшего жуза, является Е.К. Мейндорф (Мейндорф, 2007). В своем дневнике он описал обычаи и традиции казахов, их повседневную жизнь, еду и методы приготовления пищи, а также способы охоты на сайгаков и кабанов. В трудах автора отмечается, что материальные изделия казахов были тесно связаны с их бытовыми условиями. Элементы хозяйственного уклада кочевников нашли свое отражение во всех сферах быта. Например, верхнюю одежду изготавливали из овечьей, верблюжьей шерсти, брюки шили из замши и украшали вышивкой (Мейндорф, 2007: 83). В его дневнике также было написано, что мужчины в летнее время ходили в рубашках (жейде), брюках (шалбар) и халатах (шапан), в ботинках с загнутыми носками (одна така), галошах (кебис). У представителей богатых семей обувь отличалась элегантностью, а сапоги украшались орнаментом и покрывались серебром (Мейндорф, 2007: 88-89).

Среди работ, характеризующих жизнь казахов Оренбургской губернии XIX века, немалую ценность представляет труд Л. Мейера (Мейер, 2007), который охватывает хозяйство, социальную структуру, частную и общественную жизнь казахов Урала, Тургайской области, географическое положение, климат и др. Одним словом, работа имеет энциклопедическое значение. Автор подробно описал виды материальной культуры казахов, в частности, мастерство изготовления и использования средств военного искусства (Мейер, 2007: 123-124).

Виды и названия боевого оружия кочевников, проанализированные в труде, представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Виды и названия военного оружия казахов в XIX в.

№	Наименование оружия	Казахское наименование
1	копье	найза
2	большой топор	айбалта
3	пашки	кылыч
4	ружья	мылтык
5	большая дубинка	сойыл-шокпар
6	кнут	камшы
7	кинжал	канжар

Исследователь отметил, что большинство видов оружия, указанных в таблице, вышли из употребления (Мейер, 2007: 125). Например, по словам автора, молодые джигиты забыли о том, как владеть луком, мечом, копьем. Л. Мейер указывает, что в межплеменных конфликтах преобладающим видом оружия казахов является сойыл (Мейер, 2007: 125).

Кроме того, автором собраны ценные сведения о видах подарков, которые давались на свадебных церемониях казахов. В целом сборник материалов Л. Мейера относится к числу актуальных работ середины XIX века, содержащих данные о культурных ценностях казахов Младшего жуза.

С именем В.В. Радлова тесно связано комплексное научное изучение элементов фольклора, религиозных верований и материальной культуры казахов Среднего жуза (Радлов, 1989). В 1860–1870-е годы экспедиция ученого в Южную и Западную Сибирь достигла масштабных результатов. В ходе экспедиции были собраны ценные материалы, касающиеся языка, обычаев и материальной культуры казахов, населявших Алтайский, Западно-Сибирский регионы, которые были опубликованы в научных изданиях (Радлов, 1989: 249-285). В 1870 году он записал произведение казахского фольклора «Акбала» и включил его в свой сборник материалов (Радлов, 1989: 261). В нем описана история любви между девушкой и джигитом. Изучая эпос казахского народа, ученый отметил, что он является продуктом определенной эпохи и стадии развития культуры человеческого общества (Радлов, 1989: 254). Автор подчеркнул, что «эпос – это поэтическое выражение всей жизни и совокупность всех устремлений народа, состоящих из отдельных событий» (Радлов, 1989: 255). Труды В.В. Радлова не ограничиваются изучением этнографии одного этноса, они приобретают научное значение при сопоставлении культур родственных народов. Так, обобщая данные, он приходит к выводу о сходстве языка и культуры казахов и киргизов. С его точки зрения, их образ жизни и социально-хозяйственные структуры имеют глубокие корни (Радлов, 1989: 279).

Так был заложен первый фундамент тюркологической науки. Одной из особенностей исследований В.В. Радлова является сравнительный анализ материалов археологических раскопок и письменности. Ученый проанализировал культурно-хозяйственную сущность археологических находок, обнаруженных в раннесредневековых курганах, и обратил внимание на их использование современными кочевниками (Радлов, 1989: 442-449). Интерес ученого привлекли технологии изготовления материальных изделий средневековых казахов и их культурно-бытовое значение (Радлов, 1989: 504). В.В. Радлов собрал ценные данные по истории становления письменной культуры казахов и провел их этнолингвистический анализ. В целом результаты его научной деятельности позволили признать вклад духовно-материальной культуры кочевников в мировую цивилизацию.

Одним из русских ученых, проводивших во второй половине XIX века углубленные исследования этнокультурного характера обычаев и материальных ценностей казахов, населявших регионы Западной Сибири и Семиречья, является Г.Н. Потанин. В 1870–1890-е годы он совершил ряд путешествий по малоизученным краям Сибири и Туркестана и собрал значительный объем материалов о культуре, хозяйстве, географии, ботанических видах казахского и киргизского народов (Казахский фольклор..., 1972; Потанин, 2007). Его путешествия по казахским аулам Каркаралинского региона Западно-Сибирского края и записи об их культуре гостеприимства внесли значительный вклад в развитие этнографии кочевников (Казахский фольклор..., 1972: 136).

Г.Н. Потанин относится к одному из тех ученых, которые профессионально изучали специфику этномызыкальной культуры казахов и ее инструментальный состав. В своем исследовании он представляет научный подход к роли Коркыт Ата – основателя поэтического искусства кочевников (Потанин, 2007: 82). Г.Н. Потанин придавал важное значение духовной силе кобыза – главного инструмента Коркыт Ата и кюи как его творческому плоду (Потанин, 2007: 82-83).

Автор высоко оценил жизнь в юрте, игру на домбре и уникальные способы приручения лошадей как важные качества, присущие кочевникам (Потанин, 2007: 84). Во время своего путешествия по реке Токрау он побывал в казахских аулах, где изучал их орнаментальное искусство. С его точки зрения, орнамент и юрта считаются совокупностью ценностей, естественно сочетающихся друг с другом (Казахский фольклор..., 1972: 143).

Г.Н. Потанин совершил путешествие по святым пещерам, расположенным на территории Семипалатинской и Семиреченской областей, где провел опрос о причинах их религиозно-духовных сил (Потанин, 2007: 154). Имеются данные о том, что он просил предоставить в этих целях специальных помощников из местной администрации Семипалатинской области (ГАГК. Ф. 4. Оп. 2. Д. 5. Л. 14). В целом материалы, собранные Г.Н. Потаниным по этническому составу, видам материальной культуры и хозяйственным приемам казахов занимают особое место в области востоковедения периода Российской империи.

Особое значение в изучении этнографических аспектов и этнического состава казахов Старшего жуза, населявших территорию Туркестанского края в начале XX века, имеет работа В.П. Наливкина. В его докладе в филиале Русского географического общества в Туркестанском крае говорится: «Примитивные потребности и вся необходимая продукция в повседневной жизни кочевых казахов в основном удовлетворяются доходами от скотоводства» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 17. Л. 8). Кроме того, привлекли внимание ученого традиции сезонной перекочевки казахов и виды оборудования в ней.

Особенно высоко была оценена роль верблюда как средства передвижения и его хозяйственные способности (Наливкин, 2012: 97).

Известно, что после 1910 года под влиянием капиталистического развития произошел ряд изменений в культуре и хозяйственном характере казахского общества, населявшего Западную Сибирь и Туркестан. Автором сравнительно-аналитического труда об этих процессах является Н.С. Лыкошин (Лыкошин, 1916). Изучая быт казахов Сырдарьинской области, он пишет, что старые предметы повседневного пользования заменились новыми предметами быта (Лыкошин, 1916: 11). Так, он отметил увеличение объемов использования русского самовара в бытовых условиях. Ученый дал высокую оценку видам ремесленных изделий, продаваемых на рынках Туркестана, и уровню их спроса на рынке (Лыкошин, 1916: 12). Также ученый проанализировал духовно-культурные аспекты средневековых исторических памятников и сакральных мест Туркестана и Отрарского оазиса. Он вступал в тесный контакт с местными жителями с целью проведения этнографических исследований в окрестностях города Отрар, где родились такие великие ученые, как Абу Наср Аль-Фараби, Аббас Жаухари (Лыкошин, 1916: 119).

В целом в рамках научной деятельности русских исследователей конца XVIII – начала XX веков были всесторонне рассмотрены элементы духовной и материальной культуры казахов. Есть основание полагать, что сформировалось специальное направление изучения этнографической структуры кочевников.

5. Заключение

Труды русских ученых, занимавшихся изучением образа жизни казахского и тюркского народов Сибири и Туркестана в рассматриваемый нами исторический период, способствовали формированию целостных отраслей науки – востоковедения и номадологии. В их трудах главным объектом стало изучение материальных и духовных культурных ценностей казахов и других кочевых обществ. Эта научная тенденция развития позволила определить, что цивилизация кочевников приобрела разносторонний характер. При этом следует отметить, что историография времен царской России, в отличие от историографии более поздних исторических периодов, не подвергалась теоретическим и методологическим искажениям. В этом направлении ее исследовательское значение и уровень объективности не подчинялись никаким явлениям.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН АР08052271 «Новые рассекреченные российские архивы о неизвестных страницах жизни и деятельности казахских ханов, султанов, батыров (XVIII – первая половина XIX вв.» при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Литература

- Андреев, 1998 – Андреев И.Г. Описание средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998. 278 с.
- Аполлова, 1948 – Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948.
- Аристов, 1894 – Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов, на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. СПб.: Тип. С.Н. Худекова, 1895.
- Аристов, 2003 – Аристов Н.А. Труды по истории и этническому составу тюркских племен. Бишкек: Илим, 2003. 458 с.
- Бейсенова, 1979 – Бейсенова А.С. Исследования природы Казахстана. Алма-Ата: Казахстан, 1979.
- Броневский, 1830 – Броневский С.Б. Записки генерал-майора Броневского. О Киргиз-Кайсаках средней Орды // *Отечественные записки*. 1830. Ч. XLII. С. 1-167.
- Веселовский, 1884 – Веселовский Н.И. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях // *Журнал министерства народного просвещения*. Ч. ССXXXIV. 1884. № 7. С. 29-57.
- ГАГК – Государственный архив города Караганды.
- Григорьев, 1861 – Григорьев В.В. Россия и Азия // Сборник исследований и статей по истории, этнографии, написанных в разное время. СПб., 1861. С. 1-583.
- Григорьев, 1875 – Григорьев В.В. Об отношении между кочевыми народами. СПб., 1875.
- Гродеков, 1889 – Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. Ташкент, 1889.
- Добросмыслов, 1902 – Добросмыслов А.И. Исторический очерк. Тверь: Типография Н.М. Родионова, 1902.
- Зеланд, 1885 – Зеланд Н.Д. Киргизы: этнологический очерк. СПб., 1885.
- Казахский фольклор..., 1972 – Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина (Архивные материалы и публикации). Алма-Ата: Наука, 1972. 382 с.

- [Камиева, 2010](#) – Камиева Г.Б. Из истории исследования Казахской этнографии (XVIII–XIX вв.): Пособие к изучению. Актау: Каспи, 2010.
- [Краснов, 1879](#) – Краснов А.Н. Очерки быта семиреченских киргиз // *Туркестанский сборник*. 1879. Том 258.
- [Левшин, 2018](#) – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. М.: В. Секачев, 2018.
- [Лыкошин, 1916](#) – Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Петроград: Склад Т-ва В.А. Березовский, 1916.
- [Мейендорф, 2007](#) – Мейендорф Е.К. Этнография казахов в записках путешественников в начале XIX века. Второе дополненное издание. Астана: Алтын Кытап, 2007.
- [Мейер, 1865](#) – Мейер Л.Ф. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865.
- [Мейер, 2007](#) – Мейер Л.Ф. Оренбургский отдел Казахской степи. 2-ое дополненное издание. Том 17. Астана: Алтын Кытап, 2007. 193 с.
- [Мухаммадиев, 2010](#) – Мухаммадиев Т.М. Военная стратегия России в Центральной Азии в XVI–XIX веках // *Вестник КарГУ*. 2010. № 2. С. 37-45.
- [Наливкин, 2012](#) – Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Этнографические очерки о тюрко-монгольском населении Туркестанского края. М.: Либроком, 2012 г.
- [Омарбаев и др., 2021](#) – Омарбаев Ы.К., Таракчи В.Т., Базарбаев К.К., Кумганбаев Ж.Ж. Подданные Австро-Венгрии в Западной Сибири и Туркестане в начале XX в. (1900–1917 гг.) // *Русин*. 2021. № 64. С. 135-153.
- [Паллас, 2007](#) – Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук: 1773–1778 гг. Репринтное издание. СПб.: Альфарет, 2007.
- [Потанин, 2007](#) – Потанин Г.Н. Труды по этнографии и фольклору. Астана: Изд-во Павлодар. гос. ун-та, 2007. 248 с.
- [Радлов, 1989](#) – Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989.
- [Рычков, 1762](#) – Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Ч. 1–2. СПб., 1762.
- [Рычков, 1772](#) – Рычков Н.П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772.
- [Спасский, 1820](#) – Спасский Г.И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // *Сибирский вестник*. 1820. Ч. IX–XI. С. 1-118.
- [ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

- [Andreev, 1998](#) – Andreev, I.G. (1998). Opisanie srednej ordy kirgiz – kaisakov [Description of the middle horde of Kirghiz – Kaysaks]. Almaty: Gylym, 278 p. [in Russian]
- [Apollova, 1948](#) – Apollova, N.G. (1948). Prisoedinenie Kazahstana k Rossii [Accession of Kazakhstan to Russia]. Alma-Ata. [in Russian]
- [Aristov, 1894](#) – Aristov, N.A. (1895). Opyt vyясneniya etnicheskogo sostava kirgiz-kazakov Bol'shoj ordy i karakirgizov, na osnovanii rodoslovnnyh skazaniy i svedeniy o sushchestvuyushchih rodovyh deleniyah i o rodovyh tamgah, a takzhe istoricheskikh dannyh i nachinayushchihsya antropologicheskikh issledovaniy [The experience of finding out the ethnic composition of the Kirghiz-Cossacks of the Great Horde and the Karakirgiz, based on ancestral legends and information about existing tribal divisions and tribal tamgas, as well as historical data and incipient anthropological research]. SPb.: tip. S.N. Hudekova. [in Russian]
- [Aristov, 2003](#) – Aristov, N.A. (2003). Trudy po istorii i etnicheskomu sostavu tyurkskikh plemen [Works on the history and ethnic composition of the Turkic tribes]. Bishkek: Ilim. 458 p. [in Russian]
- [Beisenova, 1979](#) – Beisenova, A.S. (1979). Isledovaniya prirody Kazahstana [Nature studies of Kazakhstan]. Alma-Ata: Kazahstan». [in Russian]
- [Bronevskij, 1830](#) – Bronevskij, S.B. (1830). Zapiski General-Majora Bronevskogo. O Kirgiz-Kajsakah srednej Ordy [Notes of Major General Bronevsky. About the Kirghiz-Kaysaks of the Middle Horde]. *Otechestvennyye zapiski*. Vol. XLII: 1-167. [in Russian]
- [CGA RK](#) – Centralny gosudarstvennyy arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Dobrosmyslov, 1902](#) – Dobrosmyslov, A.I. (1902). Istoricheskij ocherk [Historical essay]. Tver': Tipografiya N.M. Rodionova. [in Russian]
- [GAGK](#) – Gosudarstvennyj arhiv goroda Karagandy [The State Archive of the city of Karaganda].
- [Grigor'ev, 1861](#) – Grigor'ev, V.V. (1861). Rossiya i Aziya [Russia and Asia]. Sbornik issledovaniy i statej po istorii, etnografii, napisannoe v raznoe vremya [Collection of studies and articles on history, ethnography, written at different times]. SPb. P. 1-583. [in Russian]
- [Grigor'ev, 1875](#) – Grigor'ev, V.V. (1875). Ob otnoshenii mezhdru kochevymi narodami [About the relationship between nomadic peoples]. SPb. [in Russian]

- Kamieva, 2010** – *Kamieva, G.B.* (2010). Iz istorii issledovaniya Kazahskoj etnografii (XVIII-XIX vv.): Posobie k izucheniyu [From the history of the study of Kazakh ethnography (XVIII-XIX centuries): A guide to the study]. Aktau: Kaspi. [in Russian]
- Kazahskij fol'klor..., 1972** – Kazahskij fol'klor v sobranii G.N. Potanina (Arhivnye materialy i publikacii) [Kazakh folklore in the collection of G.N. Potanin (Archival materials and publications)]. (1972). Alma-Ata: Nauka. 382 p. [in Russian]
- Krasnov, 1879** – *Krasnov, A.N.* (1879). Ocherki byta semirechenskih kirgiz [Essays on the life of the Semirechensk Kirghiz]. *Turkestanskij sbornik*. 258. [in Russian]
- Grodekov, 1889** – *Grodekov, N.I.* (1889). Kirgizy i karakirgizy Syrdar'inskoj oblasti [Kyrgyz and Karakirgiz of Syrdarya region]. Tashkent. [in Russian]
- Levshin, 2018** – *Levshin, A.I.* (2018). Opisanie kirgiz-kazach'ih ili kirgiz-kajsackih ord i stepej [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaysak hordes and steppes]. M.: V. Sekachev. [in Russian]
- Lykoshin, 1916** – *Lykoshin, N.S.* (1916). Polzhizni v Turkestane. Ocherki byta tuzemnogo naseleniya [Half my life in Turkestan. Essays on the life of the native population]. Petrograd: Sklad T-va V.A. Berezovskii. [in Russian]
- Nalivkin, 2012** – *Nalivkin, V.P.* (2012). Tuzemcy ran'she i teper'. Etnograficheskie ocherki o tyurko-mongol'skom naselenii Turkestanskogo kraya [Natives before and now. Ethnographic essays on the Turkic-Mongolian population of the Turkestan region]. Moskva: Librokom. [in Russian]
- Meiendorf, 2007** – *Meiendorf, E.K.* (2007). Etnografiya kazahov v zapiskah puteshestvennikov v nachale XIX veka [Ethnography of Kazakhs in the notes of travelers at the beginning of the XIX century]. Vtoroe dopolnennoe izdanie. Astana: Altyn Kytap. [in Russian]
- Meier, 1865** – *Meier, L.F.* (1865). Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva [Kirghiz Steppe of the Orenburg Department]. SPb. [in Russian]
- Meier, 2007** – *Meier, L.F.* (2007). Orenburgskij otdel Kazahskoj stepi [Orenburg Department of the Kazakh Steppe]. 2-oe dopolnennoe izdanie. Vol. 17. Astana: Altyn Kytap. 193 p. [in Russian]
- Muhamadeev, 2010** – *Muhamadeev, T.M.* (2010). Voennaya strategiya Rossii v Central'noj Azii v XVI-XIX vekah [Russia's Military Strategy in Central Asia in the XVI-XIX centuries]. *Vestnik KarGU*. 2: 37-45. [in Russian]
- Omarbayev i dr., 2021** – *Omarbayev Y.K., Tarakchi V.T., Bazarbaev K.K., Kumganbaev Zh.Zh.* (2021). Poddannye Avstro-Vengrii v Zapadnoj Sibiri i Turkestane v nachale XX v. (1900-1917 gg.) [Subjects of Austria-Hungary in Western Siberia and Turkestan in the early twentieth century (1900-1917)]. *Rusin*. № 64: 135-153. [in Russian]
- Pallas, 2007** – *Pallas, P.S.* (2007). Puteshestvie po raznym mestam Rossijskogo gosudarstva po poveleniyu Sankt-Peterburgskoj imperatorskoj akademii nauk: 1773–1778 gg. [Travel to different places of the Russian state at the behest of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences: 1773–1778.]. Reprintnoe izdanie. SPb.: Al'faret. [in Russian]
- Potanin, 2007** – *Potanin, G.N.* (2007). Trudy po etnografii i fol'kloru [Works on ethnography and folklore]. Astana: Izd-vo Pavlodar. gos. un-ta. 248 p. [in Russian]
- Radlov, 1989** – *Radlov, V.V.* (1989). Iz Sibiri. Stranicy dnevnika [From Siberia. Diary Pages]. M.: Nauka. [in Russian]
- Rychkov, 1762** – *Rychkov, P.I.* (1762). Topografiya Orenburgskoj gubernii [Topography of Orenburg province]. Vol. 1-2. SPb. [in Russian]
- Rychkov, 1772** – *Rychkov, N.P.* (1772). Dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Nikolaya Rychkova v kirgiz-kajsackoj stepi v 1771 godu [Day notes of the voyage of Captain Nikolai Rychkov in the Kirghis-Kaisat steppe in 1771]. SPb. [in Russian]
- Spasskij, 1820** – *Spasskii, G.I.* (1820). Kirgiz-kajsaki Bol'shoj, Srednej i Maloj ordy [Kirghiz-kaysaks of the Large, Medium and Small Horde]. *Sibirskij vestnik*. Vol. IX-XI: 1-118. [in Russian]
- Veselovskij, 1884** – *Veselovskii, N.I.* (1884). Priyom v Rossii i otpusk sredneaziatskih poslov v XVII i XVIII stoletiyah [Reception in Russia and vacation of Central Asian ambassadors in the XVII and XVIII centuries]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Vol. CCXXXIV. №7: 29-57. [in Russian]
- Zeland, 1885** – *Zeland, N.D.* (1885). Kirgizy: etnologicheskij ocherk [Kyrgyz: an ethnological essay]. SPb. [in Russian]

Образ казахского общества в исследованиях русских этнографов в период Российской империи: на примере материальной культуры

Мехмет Огузхан Аксой ^a, Серик Мутанович Джунусбаев ^{b, *}, Казбек Дайырбекович Раисов ^c, Тимур Акимханович Апендиев ^d

^a Международный Казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави, Туркестан, Республика Казахстан

^b Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, Шымкент, Республика Казахстан

^c Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^d Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Несмотря на то, что аспекты духовно-культурной структуры казахского общества рассматривались в средневековых исторических трудах, они не носили научного системного характера. Процесс вхождения казахского общества в состав Российской империи открыл всесторонний путь к признанию его культурного потенциала. Выдающиеся дореволюционные прогрессивные российские исследователи внесли неопределимый вклад в развитие этнографии и этнологии народов Сибири и Центральной Азии. Основной массой русских ученых были передовые люди, которые искренне верили в будущее коренных жителей этих краев.

Многие из них в совершенстве владели языками тюркских народов, поэтому нашли возможность для успешного изучения новых регионов. Русские ученые несколько лет жили в юртах с целью тщательного ознакомления со структурой образа жизни казахских аулов, в результате чего их фундаментальные труды явились ценным вкладом в науку. При изучении внутренней культурно-хозяйственной системы Западной Сибири, Центральной Азии царская администрация уделяла большое внимание воспитанию научных кадров и из числа представителей коренных народов, например, можно назвать имена таких казахских ученых, как Ш.Ш. Валиханов, А. Джантюрин, Х.К. Бабаджанов и др.: то есть между властью и местным народом установился эффективный диалог. Несомненно, сложившаяся историография о народах Центральной Азии в период царской России способствовала зарождению востоковедного направления в науке. Этот научный шаг повлиял на создание базиса в изучении истории и культуры народов Востока в целом. А также в качестве одной из главных ценностей комплекса трудов этого исторического периода следует отметить, что он находился вне определенных политико-идеологических принципов.

Ключевые слова: казахское общество, материальная культура, этнография, русские ученые, кочевники, Западная Сибирь, Центральная Азия.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Serik_1971_10@mail.ru (С.М. Джунусбаев), Rusbek_1492@mail.ru (О.М. Аксой)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 649-656
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.649

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Legal Regime of Aquatic Biological Resources in the 18th century in the Positive and Customary Law of the Permian Peoples

Olga A. Plotskaya ^{a,*}, Djamilya A. Ospanova ^b, Gulnara A. Stamkulova ^b,
 Nurmukhamed D. Myrzatayev ^b

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

^b Turan University, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article discusses the features of the legal regime of aquatic biological resources in the 18th century, enshrined in the positive and customary law of the Permian peoples. Considerable attention is paid to commenting and analyzing archival and historical-legal documents that are narrative carriers of information, as well as sources of law systematized in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ). The paper analyzes the features of regulation by the legislator of the legal regime of aquatic biological resources. The options for the use of aquatic biological resources, sanctioned by the customary law of the Permian peoples, are considered. The purpose of the undertaken study is to study the peculiarities of the legal regime of aquatic biological resources in the 18th century, regulated by the norms of positive and customary law of the Permian peoples. The authors came to the conclusion that the customary law of the Permian peoples did not contradict, but rather supplemented the norms of positive law, expanding the possibilities of using water natural resources. If in positive law throughout the 18th century the legislator provided the opportunity to widely use aquatic bioresources, then the customary law of the Permian peoples regulated in detail those areas of activity of the population that were not affected by positive law or were poorly regulated. The authors formulate the conclusion that an important historical feature of nature management among the Komi was the presence of communal natural objects that could be used by all members of the community, as well as individualized objects that were in the peasant use of the one who owned the nearby hayfields and maintained these water bodies in a suitable for operation condition. Among the Udmurt peasants, the customary legal practice of leasing was widespread, which made it possible to use aquatic biological resources.

Keywords: legal regime, aquatic bioresources, positive law, customary law, permian peoples.

1. Введение

Обычно-правовые императивы, сложившиеся и длительно применявшиеся в традиционном природопользовании у пермских народов, сегодня, в условиях глобализации, не потеряли своей актуальности. А. Разин, говоря об удмуртах, обозначил принципы взаимодействия человека с природой: «разрушение природы... равносильно собственному уничтожению» (Разин, 1994: 102), так как он осознает себя частью природы.

Данное историко-правовое исследование предоставляет возможность выявить как общие закономерности развития правового режима водных биоресурсов в XVIII веке, так и его особенности, отраженные не только в нормах позитивного права, но и в широко распространенном в рассматриваемый период обычном праве пермских народов.

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya), azizkhan_0606@mail.ru (D.A. Ospanova), stamkulovaga@mail.ru (G.A. Stamkulova), muxametnur@mail.ru (N.D. Myrzatayev)

Правовой режим водных биоресурсов как части природных богатств, представляющих собой совокупность правовых средств и мер регулирования соответствующих общественных отношений, характеризуется наличием как общих требований к их использованию и охране, так и закреплением определенных правовых мер (Бесланеева, 2021: 8). Безусловно, данное М.С. Бесланеевой определение отражает правовую сущность современного понятия правового режима, существующего в отношении природных объектов. Однако, если осуществить сравнительно-правовое исследование, касающееся историко-правовых аспектов, то необходимо отметить, что в XVIII веке важно сравнивать не общие и специфические меры, а применять дифференцированный подход к правовому регулированию природопользования, важно выявить соотношение норм позитивного и широко распространенного в данный исторический период норм обычного права у пермских народов. В данной работе авторы фокусируют внимание на обычном праве пермских (коми (зыряне), удмурты (вотяки), близкородственных народов, входящих в состав восточной ветви финно-угорской группы, объединенных историко-культурной, языковой общностью.

2. Материалы и методы

Источниковой базой данного исследования являются архивные материалы в виде различных документов, включающих ведомости местных наместников, крепостные книги, книги записных купчих крепостей, содержащихся и хранящихся в фондах Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), Национального архива Республики Коми (Сыктывкар, Российская Федерация). Эти документы отражают особенности обычно-правовых отношений, существовавших у восточных финно-угорских народов в XVIII веке в сфере природопользования. Данные исторические документы, являясь ценными источниками исторической, этнографической, этноправовой информации, представляют собой свидетельства ведения официального делопроизводства. Значимыми и исторически важными источниками в процессе исследования правового режима водных биоресурсов у пермских народов, регулируемого как нормами этнического обычного, так и позитивного права, являются сборники различных научных трудов, авторы которых, рассматривая этнографические аспекты, также описывали правовые обычаи аборигенного населения (например, «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства» (Лепехин, 1772).

Значительные выводы в данном исследовании были получены в результате изучения форм права дореволюционного российского государства, систематизированных в «Полном собрании законов Российской империи» (далее – ПСЗ).

Важные историко-этнографические данные, касающиеся обычно-правовых воззрений у коми и удмуртов в отношении использования водных биоресурсов, представлены в систематизированных сборниках, содержащих архивные документы (например, Коми край в XVIII веке, Историко-филологический сборник, Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков, Материалы по истории Башкирской АССР).

В качестве методологической основы данного исследования используется комплекс научных принципов, подходов и методов. Системный подход позволяет рассматривать правовой режим водных биоресурсов «как сложную систему» (Кудж, Цветков, 2019: 153), санкционируемую не только нормами позитивного, но и обычного права. Благодаря применению методов анализа и синтеза, исследованы не только исторические, но и историко-правовые источники, выявлены особенности и закономерности в правовом режиме водных биоресурсов на протяжении XVIII века, которые регулировались позитивным и обычным правом пермских народов. Использование историко-правового метода позволяет изучить объект исследования, учитывая исторические события и факты, происходившие в XVIII веке как на территории всего российского государства, так и в локализованных районах проживания пермских народов. Системный метод позволяет систематизировать и интегрировать все полученные результаты путем выделения общих тенденций в развитии природоохранных отношений. Часто применяемый в правовой доктрине герменевтический метод предоставил возможность осуществить толкование не только исторических нормативных правовых актов, но и исторических источников, привлеченных в качестве источниковой основы в данном исследовании.

3. Обсуждение

Среди дореволюционных работ первыми общеознакомительными упоминаниями являлись путевые заметки знаменитых путешественников, которые писали об обычаях, обрядах, традициях, хозяйственно-экономических отношениях, в том числе и у пермских народов. Такими путешественниками являлись И.Г. Георги, И.И. Лепехин, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, Н.П. Рычков (Георги, 1795; Лепехин, 1772; Миллер, 1791; Паллас, 1788; Рычков, 1770). Значительный вклад в описание способов природопользования у рассматриваемых народов в XVIII веке внес знаменитый исследователь и путешественник И.И. Лепехин, знакомивший своих читателей с чертами и характерными особенностями крестьянского этномира.

Сегодня обычно-правовой мир различных народов, включая обычное право и его частичное взаимодействие с позитивным правом, исследуется учеными в рамках гуманитарных наук. Поэтому важно выделить таких исследователей, как М.Б. Аверин, Н.С. Авдонина, Д.Г. Алексеева, Н.А. Алимбай, С.В. Березницкий, И.И. Галечко, К.С. Зайков, Е.Н. Калиакперова, П.В. Никитина, О.А. Плоцкая, А.В. Попова, С.А. Правкин, П.В. Примак, Б.К. Смагулов, В.В. Смирнова, Л.В. Сокольская, В.В. Титов, Р.В. Шагиева, М.А. Хватова и др. (Аверин и др., 2020; Алимбай, Смагулов, 2021; Березницкий, 2020; Зайков, Авдонина, 2019; Плоцкая и др., 2021; Правкин и др., 2021; Титов, 2021).

В данных работах исследуются историко-этнографические, культурологические, общетеоретические аспекты обычно-правовых отношений, но фактически отсутствует анализ особенностей правового режима водных биоресурсов в XVIII веке.

Среди современных ученых, труды которых касаются некоторых аспектов обозначенной проблемы, необходимо выделить следующих: А.К. Гагиева, В.А. Зибарев, Н.Д. Конаков и др. (Гагиева, 2012; Зибарев, 1990; Конаков, 2004). Однако, несмотря на попытки исследования ряда этноправовых отношений у рассматриваемых народов полученные данные не касались особенностей правового режима водных природных ресурсов в XVIII веке на территории традиционного проживания пермских народов.

Исходя из этого, целью предпринятого исследования является изучение особенностей правового режима водных биоресурсов в XVIII веке, регулируемого нормами позитивного и обычного права пермских народов.

4. Результаты

Важной исторической составляющей природопользования у коми и удмуртов, сохранявшейся на протяжении исследуемого хронологического периода, являлось наличие общинных природных объектов (земли, лесные и водные угодья), которыми крестьяне могли пользоваться. Часто в архивных источниках они назывались «дедины и отчины» (или «вековечные дедовские») (Рапорт в..., 2012: 68), как территории, традиционно принадлежавшие их предкам. Неприкосновенность таких участков защищалась российскими государями, начиная с XV века (Жалованная грамота..., 1958: 247). Так, российский законодатель запрещал различным чиновникам вторгаться в эти территории: «...А в иных реках и озерах и угодьях волостных князьям не быти...» (Жалованная грамота..., 1958: 247), «...и велеть... угодьями владеть... отяком по старине по прежнему...» (Мировая запись..., 1958: 68); «и велено... владеть... отяком, по старине по прежнему...» (Челобитная выборных..., 1958: 81).

Кроме того, в позитивном праве на протяжении XVIII века законодатель предоставлял возможность широко использовать водные биоресурсы. Позволялась передача рыбных ловель на оброк: «...ведать и отдавать... откупщикам на оброк...» (Об отдаче...). В случаях, когда не было желающих взять на оброк водные промысловые угодья, то «в тех рыбных ловлях рыбу ловить по прежнему тем же промышленникам и работным людям, которые у тех ловель были...» (Статьи об...). Разрешалась и «переобработка» рыбных промысловых территорий: «...и те рыбные ловли отдавать на оброк из наддачи» (Статьи об...). Причем законодатель предоставлял предыдущим природопользователям возможность первыми воспользоваться правом пользования рассматриваемыми территориями: «...для того, чтобы старые откупщики и владельцы при переобработке тех рыбных ловель... ведали» (Статьи об...). Законодательно также санкционировался торг на право пользования водными природными ресурсами: «...о всех вышеозначенных рыбных ловлях, с охочими людьми съ Дворцовыми крестьяны дать торг с запискою» (О доставлении...). После проведения торга промысловые территории передавались дворцовым крестьянам «...отдавать на оброк, ...по усмотрению впредь года на два или на три, кто оброку даст больше» (О доставлении...).

Государь также разрешал сдавать в наем водные природные объекты, но обязал вести строгий учет: «И буде в наем где какая рыбная ловли отдаются..., и почему с какого невода или с иной какой снасти ... найму емлется...» (Объ отдаче...).

За ведение рыболовного промысла устанавливались налоги и сборы, которые были обязательны для всех пользователей водными природными объектами: «рыбные ловли всего Государства оброком и денежным доходом ведать» (О ведении...). За использование водных природных объектов законопослушные крестьяне (коми) платили оброк: «...выслать за рыбные ловли оброчных денег з Жешарта 7 рублев...» (Приставу Яренской..., 2012: 14).

Чиновники обязаны были вести учет по количеству используемых промысловых рыболовных территорий и внесенным сборам, а также своевременно представлять соответствующие ведомости: «...и для того сбора окладные книги и всякие о техъ рыбных ловлях откупные и оброчные ведомости прислать...» (О ловлении...). Рыбный промысел запрещался в случае не уплаты оброка: «...а без прибавочного оброка, ловить тем обротчикам самоловами не велено» (О ловлении...).

Исследование правового режима водных биоресурсов в XVIII веке у пермских народов предопределяет необходимость рассмотрения их как объектов пользования, а также объектов охраны, на которые распространялись прежде всего локальные нормы традиционного обычного права.

Пермские народы хорошо осознавали значительную роль, которую имели водные природные объекты в их жизни, так как они позволяли не только прокормиться, но и платить налоги. Поэтому бережное отношение к водным биоресурсам объективировалось в императивных нормах обычного права и транслировалось последующим поколениям. Это был результат определенного многовекового поведения человека в природе.

В соответствии с обычно-правовыми императивами у коми маленькие речки, озера находились в крестьянском пользовании того, кто владел близлежащими сенокосными угодьями (Балуева, 1960: 176-177). Крестьяне свободно распоряжались водными территориями (угодьями), так как последние часто принадлежали определенным «членам общины (мира)» (Балуева, 1960: 177). Также необходимо отметить, что в XVIII веке на территории проживания коми крестьян существовали и так называемые общине промысловые территории (угодья), к которым относились в том числе реки, запруды, озера, находившиеся в общем общинном пользовании (Мальцева, 1983: 43).

В XVIII веке в Коми крае интенсивно развивалось рыболовство, о чем свидетельствуют архивные документы: «...нес комиссару в почесть рыбы...» (Тетрадь расхода..., 2012: 36); «...делал невод для рыбной ловли по найму...» (Яренская воеводская..., 2012: 40); «...рыбной ловлей во всем...» (Рапорт в..., 2012: 70); «для ловления рыбы» (Из рапорта..., 2012: 71); «прошлого 1777 г. ...крестьяне ...пошли вниз по Печоре реке... для ловли рыбы...» (Исковое челобитье..., 2012: 71); «...жителями... ловится рыба щука...» (НА РК. Ф. 292. Оп. 1. Д. 3. Л. 3) и др.

Рыбалка на мелких рыболовных угодьях была свободной (Зибарев, 1990: 177). Но практически у каждой семьи были собственные традиционные территории (Зибарев, 1990: 177) для рыбной ловли. Действовал обычай: «где остановился, там и добывай» (Зибарев, 1990: 177). В случае, если индивид расчищал и постоянно следил за состоянием рыболовного места, то он получал своеобразное право на владение им. Такое право, согласно нормам обычного права, передавалось по наследству.

В обычно-правовой культуре зырян царил императив: «земля, леса и воды считались “божьем творением” и не принадлежали никому, пока в них не был вложен труд по их освоению» (Электронная...). Поэтому в обычно-правовом понимании труд, который был затрачен на содержание промыслового водного объекта, «как бы давал производителю работ право собственности на данную территорию...» (Электронная...), иными словами говоря, этот человек получал статус совладельца, регулируемого нормами обычного права. Вторым владельцем, по представлениям зырян, являлся дух-хозяин природного объекта, с которым обязательно нужно договариваться. Для приобретения и закрепления подобного права, по общему правилу, необходимо было нанести затесы на ближайших деревьях с изображением меток или родовых знаков (архетипов) собственности («пасов» по-коми, «пусов» – по-удмуртски). На этой промысловой территории ловлей рыбных ресурсов в водоемах могли заниматься не только глава семьи, но и члены его семьи как носители родового знака.

Важно отметить, что община играла не последнюю роль в распределении природных ресурсов между ее членами. Несмотря на то, что начинали проявляться индивидуалистические элементы при обособлении земли, выделении лесных территорий, водных пространств для отдельных семей, пользование этими объектами основывалось на постоянном личном труде не только отца семейства, но и его членов. Так, в зырянском обычно-правовом обороте признавалось право любого желающего начать разработку и эксплуатацию не занятых постоянным трудом другого семейства территорий. Важно понимать, что труд семьи на такой территории не предоставлял возможности получения права собственности на них. Община признавала, что по нормам обычного права возникало только право владения, как правило, ограниченное сроком, в течение которого данная территория содержалась в удовлетворительном состоянии, позволяющем ее эксплуатировать.

Подобное право владения водными объектами у коми рыбаков, хотя и существовало, но часто не встречалось. В небольших водных угодьях свободно ловили рыбу. В общинном пользовании находились крупные водные объекты.

С одной стороны, на практике нормы позитивного права давали возможность в любое время признать так называемую «промысловую собственность», не принадлежащей рыбаку и членам его семьи. Но, с другой – нормы обычного права закрепляли права промысловика на владение подобным водным объектом. Казалось бы, противоречие норм позитивного и обычного права. Однако в правоприменительной практике из-за отсутствия детализированного регулирования нормами позитивного права до пореформенного периода XIX века не возникало никакого противоречия. Обычное право, дополняя нормы писаного права, детально регулировало те сферы деятельности населения, которые не были затронуты последним, либо регулировались лишь частично.

Любые возникавшие вопросы в отношении объектов природопользования крестьяне в общине старались разрешить мирным, договорным путем, используя механизмы медиации: «собравшись... между собою согласия полюбовно...» (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. II. Д. 6172. Л. 5); «...1761 февраля “13” дня мезенского уезда... крестьянин... между собой полюбовно...» (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. II. Д. 6172. Л. 110б.).

Все природные объекты защищались обычно-правовыми табуированными нормами, так как считались «праматерью народа», к которой необходимо бережно относиться. От этого зависело благополучие общины. Не удивительно, что обычное право содержало нормы, не допускавшие

разграбления, уничтожения природных ресурсов и одновременно защищавшие право каждого члена общины на свободное использование этих объектов.

Особенность правового статуса водных ресурсов и рыбных угодий у удмуртов состояла в том, что большая часть принадлежала монастырям или находилась на оброке у купцов (Гришкина, 1977: 68). Ввиду нехватки у южных удмуртов (относившихся к ясачным крестьянам) природных ресурсов для свободного пользования (Гришкина, 1977: 117) и отсутствия возможности беспрепятственно ими распоряжаться крестьяне, руководствуясь обычно-правовой практикой, брали их в аренду. Арендные правоотношения возникали не только из-за возможности пользоваться «бортные ухужи и всякие зверяные ловли» (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. II. Д. 12441. Л. 190б.), но и в отношении водных ресурсов. Предметом договора аренды являлись озера, заливы: «озеро Чекаево... и с мелкими озерки и с вешными заливы...» (Запись башкир, 1949: 68); родовые озера, передававшиеся по наследству: «...отчинное свое озеро Локуды... за рыбные ловли оброку...» (Отпись башкир: 102); «отчинное свое озеро Чекаево и з задним Ямалским озером и с озером...» (Запись башкир, 1949: 70); мелкие озерки: «...отдали мы, ... отчинное свое угодые Семестровскую курью сыстоки и с суходолы, и с мелкими озерки и с вешными заливы...» (Запись башкир, 1949: 71).

Договоры аренды были детально проработаны. В них указывались не только предмет договора, права и обязанности сторон, срок («а владеть им... озера и истоки... впредь год» (Запись башкир, 1949: 62), арендная плата («за те свои озера и сыстоки на год 20 руб.» (Запись башкир, 1949: 62), но и неустойка в случае неисполнения одной из сторон обязательств (взять ему... за неустойку 30 руб. денег (Запись башкир, 1949: 62).

Рыболовство у удмуртов было достаточно развитым. Чаще всего несколько предприимчивых крестьян объединялись для аренды рыбных ловель: «... старшина Бекбатырь Исаев... с товарищи со общего мирского совету дали на себя запись села Каракулина... и рыбные ловли и всякие угоды на год по 50 коп...» (Запись башкир, 1949: 59).

Водные природные объекты сдавались в аренду также с целью совместного извлечения прибыли как со стороны арендатора, так и арендодателя (Запись башкир, 1949: 82).

В XVIII веке обычно-правовые нормы у коми и удмуртов, регулировавшие правовой режим, в том числе и водных природных объектов, играли значительную роль.

5. Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что правовой режим водных биоресурсов в рассматриваемый период регулировался не только нормами позитивного, но и обычного права пермских народов. Причем последнее не противоречило, а, наоборот, дополняло нормы позитивного права, расширяя возможности использования водных природных ресурсов. Если в позитивном праве на протяжении XVIII века законодатель предоставлял возможность широко использовать водные биоресурсы вплоть до сдачи в наем с ведением строгого учета, а также санкционировал возможность предыдущим природопользователям первыми воспользоваться правом пользования рассматриваемыми водными территориями, то обычное право пермских народов детально регулировало те сферы деятельности населения, которые не были затронуты позитивным правом или регулировались частично.

Важной исторической особенностью природопользования у коми, сохранявшейся на протяжении исследуемого хронологического периода, являлось наличие общинных природных объектов, которыми могли пользоваться все члены общины, а также индивидуализированных, находившихся в крестьянском пользовании того, кто владел близлежащими сенокосными угодьями и поддерживал эти водные объекты в пригодном для эксплуатации состоянии. У удмуртских крестьян широко распространялась арендная обычно-правовая практика, позволявшая использовать водные биоресурсы.

Литература

Балуева, 1960 – Балуева Д.Д. Земельные отношения и положение крестьян Коми края в XVIII веке. Сыктывкар: Акад. наук СССР. Ин-т истории, 1960. 298 с.

Бесланеева, 2021 – Бесланеева М.С. Понятие и дифференциация правового режима в сфере недропользования // Экологическое право. 2021. № 3. С. 8-11.

Георги, 1795 – Георги И.Г. Описание обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. I: О народах финского племени. СПб.: Императорская Академия Наук, 1795. 76 с.

Гришкина, 1977 – Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск: Удмуртия. 1977. 188 с.

Документы..., 1958 – Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков: Сб. документов / Сост. П.Н. Лупшов. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1958. 422 с.

Зибарев, 1990 – Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. 208 с.

Историко-филологический..., 1958 – Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1958. 272 с.

- Коми край...**, 2012 – Коми край в XVIII веке / Сб. документов / Под общ. ред. А.К. Гагиевой. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. 115 с.
- Кудж, Цветков, 2019** – Кудж С.А., Цветков В.Я. Тринитарные системы // *Российский технологический журнал*. 2019. № 7 (6). С. 51-167.
- Лепехин, 1772** – Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1772. Т. IV. 464 с.
- Мальцева, 1983** – Мальцева А.К. Роль общины крестьян Коми края XVIII века в вопросах землевладения и землепользования // *Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма*. Сыктывкар: Труды ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. Вып. 29. С. 39-54.
- Материалы...**, 1949 – Материалы по истории Башкирской АССР // Сб. документов / Под ред. Н.В. Устюгова. М.; Л.: Башкирский НИИ ЯЛИ им. М. Гафури, 1949. Т. 3. 705 с.
- Миллер, 1791** – Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков: Монография. СПб.: Имп. Акад. наук, 1791. 126 с.
- НА РК** – Национальный архив Республики Коми.
- Паллас, 1788** – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: Императорская Академия Наук, 1788. Ч. 3. Половина 2. 481 с.
- ПСЗ РИ – IV** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IV. СПб., 1830. № 1956. С. 232-240.
- ПСЗ РИ – IV** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IV. СПб., 1830. № 1958. С. 240.
- ПСЗ РИ – IV** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IV. СПб., 1830. № 2007. С. 276-278.
- ПСЗ РИ – IV** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IV. СПб., 1830. № 2079. С. 326.
- ПСЗ РИ – IV** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IV. СПб., 1830. № 2086. С. 334-335.
- Разин, 1994** – Разин А. Удмуртский этнос: проблема формирования патриотизма и интернационализма // *Финно-угорские народы и Россия: Сб. материалов международных конференций 1992–1993 гг.* Таллинн: Институт Яана Тыниссона, 1994. С. 98-104.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Рычков, 1770** – Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1770. 189 с.
- Электронная...** – Электронная библиотека «Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми» / ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komi.com/folk/myth/31.htm> (дата обращения: 08.05.2014).
- Alimbay, Smagulov, 2021** – Alimbay N.A., Smagulov B.K. Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 85-96.
- Averin et al., 2020** – Averin M.B., Nikitin P.V., Popova A.V. The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century – 1914) // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 162-172.
- Bereznitsky et al., 2020** – Bereznitsky S.V., Galechko I.I., Primak P.V. Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 31-39.
- Plotskaya et al., 2021** – Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.
- Pravkin et al., 2020** – Pravkin, S.A., Smirnova, V.V., Shagieva, R.V., Khvatova, M.A. Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 620-628.
- Titov, 2021** – Titov, V.V. Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 138-145.
- Zaikov, Avdonina 2019** – Zaikov K.S., Avdonina N.S. Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 29-40.

References

- Alimbay, Smagulov, 2021** – Alimbay, N.A., Smagulov, B.K. (2021). Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 85-96.
- Averin et al., 2020** – Averin, M.B., Nikitin, P.V., Popova, A.V. (2020). The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century – 1914). *Bylye Gody*. 55(1): 162-172.

- Balueva, 1960** – *Balueva, D.D.* (1960). Zemel'nye otnosheniya i polozhenie krest'yan Komi kraja v XVIII veke [Land relations and the position of the peasants of the Komi region in the XVIII century]. Syktyvkar. [in Russian]
- Bereznitsky et al., 2020** – *Bereznitsky, S.V., Galechko, I.I., Primak, P.V.* (2020). Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia. *Bylye Gody*. 55(1): 31-39.
- Beslaneeva, 2021** – *Beslaneeva, M.S.* (2021). Ponyatie i differenciaciya pravovogo rezhima v sfere nedropol'zovaniya [The concept and differentiation of the legal regime in the field of subsoil use]. *Ekologicheskoe parvo*. 3: 8-11. [in Russian]
- Dokumenty..., 1958** – Dokumenty po istorii Udmurtii XV–XVII vek [Documents on the history of Udmurtia in the 15th–17th centuries]. Izheksk. [in Russian]
- Elektronnaya...** – Elektronnaya biblioteka «Enciklopediya ural'skih mifologij. Mifologiya komi» [Electronic library "Encyclopedia of Ural mythologies. Komi Mythology". IYALI Komi NC UrO RAS]. [Electronic resource]. URL: <http://www.komi.com/folk/myth/31.htm> (date of access: 08.05.2014).
- Georgi, 1795** – *Georgi, I.G.* (1795). Opisanie obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov, takzhe ih zhitejskih obryadov, ver, obyknovenij, zhilishch, odezhd i prochih dostopamyatnostej. O narodah finnskago plemeni [Opisanie obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov, takzhe ih zhitejskih obryadov, ver, obyknovenij, zhilishch, odezhd i prochih dostopamyatnostej. Ch. I: O narodah finnskago plemeni]. SPb. [in Russian]
- Grishkina, 1977** – *Grishkina, M.V.* (1977). Krest'yanstvo Udmurtii v XVIII veke [Peasantry of Udmurtia in the 18th century]. Izheksk. [in Russian]
- Istoriko-filologicheskij..., 1958** - Istoriko-filologicheskij sbornik (1958). [Historical and philological collection]. Syktyvkar. [in Russian]
- Komi Krai..., 2012** – Komi Krai in the XVIII century: collection of documents [Komi Krai in the XVIII century: collection of documents]. Syktyvkar, 2012. [in Russian]
- Kudzh, Tsvetkov, 2019** – *Kudzh, S.A., Tsvetkov, V.Y.* (2019). Trinitarnye sistemy [Trinitarian Systems]. *Rossijskij tekhnologicheskij zhurnal*. 7(6): 51-167. [in Russian]
- Lepekhin, 1772** – *Lepekhin, I.I.* (1772). Dnevnye zapiski puteshestviya po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva [Daily notes of travel in different provinces of the Russian state]. SPb. [in Russian]
- Mal'ceva, 1983** – *Mal'ceva, A.K.* (1983). Rol' obshchiny krest'yan Komi kraja XVIII veka v voprosah zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya [The role of the community of peasants of the Komi region of the XVIII century in matters of land ownership and land use]. *Komi krest'yanstvo v epohu feodalizma i kapitalizma*. 29: 39-54. [in Russian]
- Materialy..., 1949** – Materialy po istorii Bashkirskoj ASSR [Materials on the history of the Bashkir ASSR]. M., L., 1949. [in Russian]
- Miller, 1791** – *Miller, G.F.* (1791). Opisanie zhivushchih v Kazanskoj gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov [Description of the pagan peoples living in the Kazan province, like Cheremis, Chuvash and Votyaks]. SPb. [in Russian]
- ON the RK** – Nacional'nyj arhiv Respubliki Komi [The National Archive of the Komi Republic].
- Pallas, 1788** – *Pallas, P.S.* (1791). Puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva [Journey through different provinces of the Russian state]. SPb. [in Russian]
- Plotskaya et al., 2021** – *Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva, D.G.* (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.
- Polnoe sobranie..., 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. IV., SPb. Pp. 232-240. [in Russian]
- Polnoe sobranie..., 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. IV., SPb. P. 240. [in Russian]
- Polnoe sobranie..., 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. IV., SPb. Pp. 276-278. [in Russian]
- Polnoe sobranie..., 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. IV., SPb. P. 326. [in Russian]
- Polnoe sobranie..., 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. IV., SPb. Pp. 334-335. [in Russian]
- Pravkin et al., 2020** – *Pravkin, S.A., Smirnova, V.V., Shagieva, R.V., Khvatova, M.A.* (2020). Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography. *Bylye Gody*. 16(2): 620-628.
- Razin, 1994** – *Razin, A.* (1994). Udmurtskij etnos: problema formirovaniya patriotizma i internacionalizma [Udmurt ethnos: the problem of the formation of patriotism and internationalism]. Finnougrskie narody i Rossiya: 98-104. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Rychkov, 1770** – *Rychkov, N.P.* (1770). Zhurnal ili dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Rychkova po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva v 1769 i 1770 godu [Journal or daily notes of Captain Rychkov's journey through various provinces of the Russian state in 1769 and 1770]. SPb. [in Russian]

Titov, 2021 – Titov, V.V. (2021). Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints. *Bylye Gody*. 16(1): 138-145.

Zaikov, Avdonina 2019 – Zaikov, K.S., Avdonina, N.S. (2019). Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century. *Bylye Gody*. 51(1): 29-40.

Zibarev, 1990 – Zibarev, V.A. (1990). Yusticiya u malyh narodov Severa (XVII-XIX vv.). [Justice among the small peoples of the North (XVII-XIX centuries)]. Tomsk. [in Russian]

Правовой режим водных биоресурсов в XVIII веке в позитивном и обычном праве пермских народов

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, *}, Джамиля Азизхановна Оспанова ^b,
Гульнара Абдезовна Стамкулова ^b, Нурмухамед Даулеткельдиевич Мырзатаев ^b

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^b Университет «Туран», Республика Казахстан

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены особенности правового режима водных биоресурсов в XVIII веке, закрепленные в позитивном и обычном праве пермских народов. Значительное внимание уделяется комментированию и анализу архивных и историко-правовых документов, являющихся нарративными носителями информации, а также источников права, систематизированных в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗ). В работе анализируются особенности регламентации законодателем правового режима водных биоресурсов. Рассмотрены варианты использования водных биоресурсов, санкционированные обычным правом пермских народов. Целью предпринятого исследования является изучение особенностей правового режима водных биоресурсов в XVIII веке, регулируемого нормами позитивного и обычного права пермских народов. Авторы пришли к выводу, что обычное право пермских народов не противоречило, а, наоборот, дополняло нормы позитивного права, расширяя возможности использования водных природных ресурсов. Если в позитивном праве на протяжении XVIII века законодатель предоставлял возможность широко использовать водные биоресурсы, то обычное право пермских народов детально регулировало те сферы деятельности населения, которые не были затронуты позитивным правом или были слабо регламентированы. Авторы формулируют вывод о том, что важной исторической особенностью природопользования у коми, являлось наличие общинных природных объектов, которыми могли пользоваться все члены общины, а также индивидуализированных объектов, находившихся в крестьянском пользовании того, кто владел близлежащими сенокосными угодьями и поддерживал эти водные объекты в пригодном для эксплуатации состоянии. У удмуртских крестьян широко распространялась арендная обычное-правовая практика, позволявшая использовать водные биоресурсы.

Ключевые слова: правовой режим, водные биоресурсы, позитивное право, обычное право, пермские народы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая),
azizkhan_0606@mail.ru (Д.А. Оспанова), stamkulovaga@mail.ru (Г.А. Стамкулова),
muxametnur@mail.ru (Н.Д. Мырзатаев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 657-665
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.657

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Road to the Fair: Trade as a Factor in the Formation of Regional Identity (based on Materials from the Penza Region)

Ol'ga A. Sukhova ^{a, *}, Ivan N. Inozemtsev ^a

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

The problem of evolution of fairs in the Penza region as a socio-cultural phenomenon and a significant part of organizational culture, as a way of forming a regional identity in the imperial period, is considered in the article. The purpose of fair trading in the culture of everyday life of a provincial society was established on the basis of an analysis of documents from the office of the governor and sources of the epistolary genre. Throughout the 19th century fairs not only acted as a form of organization of import trade and satisfied the needs of the population in manufacturing and colonial goods, but also provided the processes of social interaction, cultural diffusion, translation and assimilation of images of imperial identity through communication, transmission of verbal meanings and visual images in the mass consciousness of the provincial society. During the period under study the general trend in the development of fairs in the Penza province was the processes of decentralization, the development of a network of rural fairs, and, consequently, the democratization of the forms and means of organizational culture, penetrating to a new level of social interaction.

Keywords: Penza region, XIX century, fairs, bazaar trade, transport infrastructure, everyday culture, regional identity.

1. Введение

Рост внимания исследователей к проблемам формирования региональной идентичности, явно обозначившийся в последнее десятилетие, свидетельствует о появлении тренда на изучение «нового регионализма», или процесса глокализации (укрепление адаптационных ресурсов региональных сообществ, самопознание локального сообщества, его социокультурных скреп и исторической памяти). В этом отношении структура предметной области объединит следующие элементы: факторы, средства, формы, периоды политической, социально-экономической, социокультурной интеграции и консолидации, транспортную освоенность территории, движение населения, содержание социальных представлений, поведенческие стратегии.

Процесс формирования региональной идентичности может быть представлен в виде хронологической последовательности сменяющих друг друга коммуникационных систем, характер которых определялся задачами социокультурного развития территорий. Так, первоначальное предназначение центров, организующих пространство Дикого поля, было связано с возведением системы оборонительных укреплений по линии путей сообщения. Этим и объясняется привязка к переправам, старым и новым дорогам. Символическое значение имела пространственная ориентация главного въезда в остроги и крепости. Например, первый русский город на территории современной Пензенской области, Верхний Ломов (основан в 1635 г.), возведенный в продолжение Украинско-Волжской оборонительной линии, был обращен фасадом к Тамбову, тогда как крепость Нижнего Ломова центральной своей стороной уже была развернута к Пензе (Нижний Ломов был основан как

* Corresponding author

E-mail addresses: savtemp@yandex.ru (O.A. Sukhova), kerskij@mail.ru (I.N. Inozemtsev)

острог в составе Темниковского уезда в начале 1636 г.) (Полубояров, 2016: 574, 584).

В дальнейшем по мере хозяйственного и податного освоения территории военно-административную систему коммуникативных связей сменила социально-экономическая, сформировавшая новые оси интеграции, принципы тяготения и концентрации населения. Особое значение в этом отношении приобретает торговая деятельность, закрепившаяся в этот период в форме ярмарочного, а затем и базарного торгова. Наличие ярмарки могло решительно переписать судьбу поселения. Такова история Нижнего Ломова. Первоначально на роль уездного центра претендовал Верхний Ломов, однако с начала 1650-х гг. этот статус переходит к Нижнему Ломову (Полубояров, 2016: 574). Основным фактором изменения статуса становится формирование новой торговой оси консолидации локального сообщества, связанной с появлением и развитием монастырского хозяйства. На начальном этапе колонизации крупнейшими субъектами экономической деятельности выступали именно монастыри. Старейшим в истории Пензенской губернии является Нижнеломовский Казанский мужской монастырь, основанный в 1647–1648 гг. (Пензенская энциклопедия, 2019: 804). Впоследствии это послужило одним из факторов развития в городе ярмарочной торговли. Здесь на пути следования торговых караванов на Макарьевскую ярмарку с середины XVIII в. тоже стала проводиться ярмарка. По данным М.С. Полубоярова, в 1767 г. на ярмарке действовало до 300 лавок (Полубояров, 2016: 579). Регулярное перемещение населения, торговцев и товаров заложило основы уникального феномена провинциальной повседневности, одновременно ориентированного на саморепрезентацию и освоение системы общеимперской идентичности, осуществлявшего культурную диффузию предметов и смыслов. Ярмарочный торг превращался в пространство единой в своих параметрах праздничной публично-зрелищной культуры, отменявшей на время сословно-корпоративные рубежи и барьеры.

2. Материалы и методы

Изучение социокультурного предназначения и семантики ярмарочного торгова предполагает опору на широкий междисциплинарный дискурс и привлечение методов исторической географии, культурологии и филологии. Связующим фреймом здесь выступает система коммуникаций, социального взаимодействия, формирующая условия для обмена информацией, трансляции смыслов и ценностных ориентаций. В наибольшей степени решению этих задач соответствует методологическая оснастка новой локальной истории, истории, культурологии повседневности и истории памяти. При этом сравнительному анализу подвергается содержание первичных универсальных символических сюжетов и этических оснований социально-политической картины мира локального сообщества; стратегии и практики социального поведения; механизмы и формы организации социальной памяти и трансформации идентичности, в т.ч. политики идентичности; категории длительности периодов и избирательности смыслов в рамках процесса формирования исторической памяти.

Источниковая база исследования представлена делопроизводственной документацией местных органов имперской власти, периодической печатью, а также источниками личного происхождения. В первом случае речь идет об ответах на запросы канцелярии пензенского губернатора и материалах Всеподданнейшего отчета главы административной власти в регионе. «Ярмарочный» раздел был одним из обязательных атрибутов отчета о результатах развития губернии и содержал информацию о наименованиях, количестве и торговых оборотах ярмарок. Помимо того, здесь приведены сведения о состоянии транспортной освоенности территории (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2911 и др.).

Материалы эпистолярного наследия свидетельствуют о фиксации личных впечатлений в исторической ретроспективе. В частности, обширный пласт описания повседневных практик пензенского дворянства, праздничной культуры ярмарочного торгова первой половины XIX в. представлен в «Записках» Ф.Ф. Вигеля, сына пензенского губернатора и уроженца с. Симбухина (Симбухово) Пензенской губернии (Вигель, 2003).

Описание районов, определенных для предстоящей реформы административно-территориального деления Пензенской губернии в начале 1920-х гг., помимо прочего, содержит статистические сведения по истории территории и населения Российской империи (Проект..., 1924). Уникальным источником, аккумулировавшим историко-топографическую, социально-демографическую, политико-экономическую и социокультурную информацию обо всех населенных пунктах Пензенской области в ее административных границах 2015 г., результатом многолетней поисковой деятельности является массив данных, обобщенный в исследовании М.С. Полубоярова (Полубояров, 2016). Наиболее важные документальные свидетельства, повествующие о начальном этапе русской колонизации края, автор публикует практически в полном объеме (Полубояров, 2016: 574-575).

3. Обсуждение

Огромный пласт научной литературы о ярмарочной торговле, уходящий своим основанием в начало прошлого века, отражает потребность в научном осмыслении ее исторического предназначения. Обобщение результатов устоявшейся историографической традиции позволяет выделить две стратегии изучения ярмарочной торговли. Первая из них связана с рассмотрением

процесса хозяйственной интеграции регионов Российской империи и относится к обширной области экономической истории (Денисов, 1911; Рожкова, 1955; Миронов, 1981 и др.). Вторая стратегия зародилась в русле историко-культурно-антропологического поворота в отечественной историографии и развивается в новой культурной или новой социальной истории, а также истории и культурологии повседневности. Так, в известной работе Б.Н. Миронова социальная история России, помимо прочего, включает ракурс информационного и культурного пространства ярмарочной торговли, особо значимого для городских низов и крестьян (Миронов, 2000: 243). В современных исследованиях ярмарочная культура, представленная посредством категорий «площадной праздничности» и «публичной зрелищности», рассматривается как институциональная, формирующая посредством социально-организационной деятельности систему ценностей и поведенческих стратегий локального социума (Лэндри, 2006; Трубина, 2011; Лавринова, 2020: 176).

Процесс изучения ярмарки как социокультурного феномена наиболее динамично прирастает региональными исследованиями, разворачивая широкую палитру социальных ликов торгового не только в экономическом, но и в коммуникационном аспектах. Специфика организации и функционал ярмарочной торговли на примере Европейского Севера России в конце XVIII – начале XX вв. детально проанализирована в монографии И.И. Лейман. Автор констатирует сохранение значения обширных «ярмарочных цепей» как двигателя внутренней торговли и формирования единого информационно-культурного пространства для окраинных районов Российской империи вплоть до начала XX в. (Лейман, 2019: 177-179). Источниковедческие аспекты проблемы (на материалах газеты «Казанские губернские ведомости») рассмотрены в статье А.Г. Гущиной, Т.А. Титовой, А.И. Хайруллиной, Е.В. Фроловой (Гущина и др., 2021: 1454-1462).

Ярмарки и базары оказались в центре предметной области исследований Т.М. Гусевой, разрабатывающей тему социокультурной коммуникации в городах Среднего Поволжья в XIX столетии. По мнению автора, для локальных сообществ ярмарка играла исключительную роль информационного и культурного насыщения и обмена, ломая при этом сословные барьеры и уравнивая все категории населения на пространстве празднично-балаганной культуры (Гусева, 2015: 303). Развитие товарооборота ярмарочных торгов в уездных городах Пензенской, Самарской и Симбирской губерний Т.М. Гусева рассматривает в контексте сравнительной характеристики экономического развития Среднего Поволжья во второй половине XIX в. (Гусева, 2010: 75-82).

В работах пензенских исследователей тема ярмарки представлена эпизодически, главным образом в работах экономического характера. Так, Т.А. Евневич анализирует процессы развития оборотов и товарной структуры ярмарок г. Пензы в конце XVIII – начале XX вв. Применительно ко второй половине XIX – началу XX века автор отмечает отчетливую тенденцию сокращения товарооборотов ярмарок. В начале XX в. по этому показателю регион устойчиво занимал последнее место среди губерний земледельческого района. Изменился и состав предлагаемых к продаже товаров: более 50 % товарооборота приходилось на торговлю лошадьми и скотом (Евневич, 2013: 32-34). Тем не менее и в региональной историографии отмечается некоторый поворот к изучению ярмарок в контексте истории и культуры повседневности (Пензенский край, 2014: 154-160).

4. Результаты

Временем расцвета ярмарочной торговли в Пензенском крае стала первая половина XIX в. К моменту образования губернии (1801 г.) в городе Пензе действовало две ярмарки (или ярмонки, как значится в документах того времени): первая и самая значительная по оборотам – Петропавловская, открывавшаяся для посетителей в день Святых Петра и Павла (24-26 июня) и завершавшая свою работу 3-4 июля, и Семиковская, проходившая в течение двух дней на седьмой неделе после Пасхи (апрель-май). Весной-летом 1804 г. в связи «с утеснением народным и с опасностью на случай пожара», а также из-за ветхости строений местные власти принимают решение о переносе Петровского ярмарочного торгового двора на новое место за городской чертой, «не доезжая Московской заставы». Помимо корпуса Гостиного двора, городские власти возводили временные мелочные помещения, лавочки и балаганы (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 79. Л. 1-3; 210б.). Основу торгового ассортимента составляли шелковые, бумажные, шерстяные и льняные ткани, металлические изделия, овощной и москательный товар, хлеб, кожа и скот (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 283б. Л. 5).

В середине XIX в. ярмарки проходили во всех уездных центрах губернии: самая значительная по срокам и оборотам – в Саранске (Александровская), в Инсаре (в 1848 г. здесь было проведено четыре ярмарки продолжительностью один-два дня: в конце мая (Девятая, на девятой неделе после Пасхи), начале июня (Десятая), начале июля (Казанская) и четырехдневная Покровская в конце сентября), в Краснослободске (Архангельская – с 13 по 17 июля), в Нижнем Ломове (Казанская – с 6 по 11 июля), в Чембаре (Десятая – проходила на десятой неделе после Пасхи в течение двух дней), в Мокшане (Казанская – с 7 по 9 июля и Ильинская – с 19 по 21 июля), в Городищах (Успенская – с 15 августа и трехдневная Покровская – в начале октября), в Наровчате (Петровская – в течение трех дней), в Керенске (Тихвинская – с 1 по 15 июля) (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 283б. Л. 7-29).

Кроме того, ярмарочный торговый оборот открывался и за пределами городов – в сельской местности. Этот уровень локализации ярмарочной сети региона отличался малыми сроками проведения

(как правило, в течение одного, реже двух дней) и незначительным товарооборотом. Так, в 1848 г. в Пензенском уезде однодневные ярмарки проходили в с. Бессоновке (Ильинская), в с. Бекетовке (Троицкая), в с. Каменке (Девятая); в Саранском уезде в с. Большом Вьясе (Владимирская, 23-24 июня) и в с. Воеводском (26-27 июня); в Инсарском уезде – в заштатном городе Шишкеево (Духовенская, в течение одного дня), в с. Пушкине (Владимирская, 23 июня), в с. Новодивеево Ивановка тож (Казанская, 8 июня), в с. Шувары (Воздвиженская – 14 сентября), в с. Иссе (три ярмарки: Семиковская – в мае, Десятая – в июне и Спасская – 3 августа), в с. Силеевской Пятине (Никольская – 9 мая), в с. Потижском остроге (Предтеченская – 29 августа); в Чембарском уезде в с. Поиме (три ярмарки: Девятая, Одиннадцатая и Сергиевская, 13 октября); в Керенском уезде в с. Александровском Черкасском тож (Александровская – на седьмой неделе после Пасхи в течение одного дня) и в с. Большая Ижмора (Троицкая – в июне продолжительностью в один день); в Городищенском уезде в с. Базарной Кеньше (Владимирская – 23 июня) (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2836. Л. 55-75). В 1850 г. в общей сложности, как следует из отчета губернатора, в регионе действовало 36 ярмарок, на которых из общего оборота в 1 013 912 руб. было реализовано товаров на сумму 326 704 рубля (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2911. Л. 55-75). Торговые помещения ярмарок в уездных городах именовались в большинстве случаев «балаганами», наспех сколоченными из досок или даже из плетня, а также представляли собой просто навесы из хвороста, полотна и досок, на сельских же ярмарках большинство торговцев продавали свои товары непосредственно с возов.

Помимо прочего, ярмарочная торговля отражает специфику интеграции региона в общее пространство всероссийского рынка. Так, в 1839 г. товарная структура саранской Спасской ярмарки была представлена продукцией текстильной промышленности (шерстяные и хлопчатобумажные ткани), также были льняные и шелковые изделия, мягкая рухлядь (меха), кожи и кожаные изделия, металл и металлические изделия, фарфор, хрусталь, стекло, зеркала, сахар, бумага, табак, крестьянские товары – шерстяные кушаки, перчатки, шляпы и шапки – и далеко не в самом начале этого списка по объемам продаж хлеб – основной продукт экономики региона (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2444. Л. 2-20б.). И если привозная торговля формировала ярмарочную сеть, замкнутую на Макарьевской (Нижегородской) ярмарке, то вывозная (главным образом, хлеб в зерне) определяла тяготение Пензенской губернии к волжскому водному пути и концентрировалась на пристанях в Моршанске, Самаре, Симбирске и т.д.

В 1862 г. в г. Пензе открывает торговые ряды еще одна ярмарка – Никольская, проходившая с 1 по 15 декабря, завершавшая ярмарочный календарь и поэтому имевшая крайне незначительные обороты. В общей сложности в начале 1860-х гг. в Пензенской губернии действовало 45 ярмарок, из них общегубернское значение сохранили: Петропавловская – в Пензе, Александровская – в Саранске, и Казанская – в Нижнем Ломове (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4062. Л. 50-51об.).

Одним из ключевых факторов, определявших развитие торговой деятельности, выступала транспортная освоенность территории. Так, в Пензенском уезде к началу XIX в. были обустроены четыре столбовые и большие почтовые дороги, протянувшиеся от Пензы по Московскому тракту до границы Мокшанского уезда, по Мокшанскому тракту до того же уезда, по Тамбовскому тракту до Нижнеломовского уезда и по Саратовскому тракту до Петровского уезда. Все дороги в уезде имели грунтовое покрытие и пролегали по местам, «большой частью гористым твердого грунта». При описании других уездов чаще встречаем указание на глину и чернозем. Дополняет характеристику транспортной доступности перечень материалов, употребляемых на строительство и починку мостов и дорог: разного рода лес, хворост, колья, солома, навоз и земля. Несложно представить себе состояние пензенских дорог в ненастье: «такая грязь, что в иных местах езда в тяжелых экипажах становится невозможной, особенно, где рытвины на проселочных дорогах заровнены навозом»; «большие дороги, весьма широкие, изрыты по всем направлениям глубокими колеями, зимой – тяжело нагруженные обозы выбивают ухабы...» (Материалы для географии и статистики России, 1867: 76-77). Обязанность поддерживать дороги в исправном состоянии лежала на обывателях окрестных селений – государственных и помещичьих крестьянах (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 377. Л. 13, 17, 19).

К моменту образования губернии некоторые уездные города имели прямое сообщение с Пензой и были объединены в общую транспортную сеть посредством Пензенского тракта. Скажем, по территории Чембарского уезда проходила единственная столбовая большая дорога по Пензенскому тракту до границы Кирсановского уезда Тамбовской губернии. В то время из Наровчата можно было отправиться в путь по Нижнеломовскому, Керенскому, Краснослободскому, Спасскому, Инсарскому, Темниковскому трактам (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 377. Л. 39, 45-46об.).

В первой половине XIX в. проблему пензенского бездорожья решало сплавное судоходство. Каждой весной с открытием «полой воды» по рекам Суре и Мокше отправлялись к Волге барки, груженные товарами местного производства (главным образом, спиртом и хлебом, а также писчей бумагой, маслом, салом, поташом, железом). Так, в 1863 г. на пензенских пристанях (семь – на Суре: Пензенская, Бессоновская, Вазерская, Проказнинская, Кутлинская, Александровская и Чирковская; и четыре – на Мокше: Троицкая, Русскопшадская, Пурдошенская и Кочелаевская) было сформировано 154 лесных плота и нагружено 47 барок общей ценностью грузов в 854 742 руб. (ГАПО.

Ф. 5. Оп. 1. Д. 4062. Л. 7-7 об., 49). Данные губернаторских отчетов свидетельствуют о неуклонном падении значения судоходства на реках региона. Так, за 1850-е гг. количество лесных плотов, формируемых на пензенских пристанях, сократилось в шесть раз (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2911. Л. 115). И к 1870-м гг. из-за уменьшения глубины фарватера внутренних рек губернии судоходство по ним полностью прекратилось. Вплоть до конца 1890-х гг. все, что продавала губерния, вывозилось на подводах до железнодорожных станций в г. Моршанске и Нижегородской губернии и к волжским пристаням. Кардинальная трансформация транспортной инфраструктуры в Пензенской губернии относится к середине 1870-х годов (с момента завершения строительства Моршанско-Сызранской железной дороги) и по преимуществу к концу 90-х годов XIX в. (строительство железнодорожных линий Пенза–Рузаевка в 1895 г., Пенза–Сердобск в 1896 г., Инза–Симбирск в 1898 г.).

Пространство ярмарочного торгового, помимо прочего, может быть прочитано как элемент структуры социально-политического ландшафта, место репрезентации имперской идеи, государства, власти. Трансляция смыслов имперской идентичности происходила опосредованно через организацию досуга господствующего сословия, демонстрацию принадлежности к высшему социальному слою и стремления к общности, что проявлялось в процессе коммуникаций. Так, в воспоминаниях Ф.Ю. Зодена, офицера вюртембергской службы армии Наполеона, оказавшегося в 1813 г. в России в статусе военнопленного, описывается саранская Спасская ярмарка: основным действующим персонажем выступает не торговец, а дворянин, а социокультурное пространство описано через категории празднества, а не экономических реалий. Обер-лейтенант неосознанно передает образ границы имперского присутствия, возводя лексический барьер между роскошью костюмов приезжих дворянок и их участием по отношению к военнопленным и описанием обращения «длиннобородых купцов и пьяных священников»: «шельма-француз» (Цит. по: Белоусов, 2015: 285). Коммуникативной функцией ярмарок объясняется назначение места встречи даже для решения вопросов общегосударственного значения. В частности, С.В. Белоусов в своей статье приводит данные об обсуждении вопросов, связанных с формированием Пензенского ополчения в 1812 г., во время проведения Спасской ярмарки в г. Саранске в ходе запланированной встречи пензенского губернатора князя Г.С. Голицына и начальника ополчения III округа графа П.А. Толстого (Белоусов, 2015: 285).

На восемь дней в конце июня – начале июля в неспешный ритм городской повседневности вторгалась Пензенская Петропавловская ярмарка, наполняя людьми, смыслом и жизнью пространство городских улиц и ярмарочных рядов. По словам Ф.Ф. Вигеля, впервые посетившего пензенскую ярмарку в 1803 г., первоначально торжище сформировалось вокруг церкви апостолов Петра и Павла, а затем по мере роста оборотов и населения захватило изрядную площадь свободной от строений территории: «Тут стояли ряды, сколоченные из досок и крытые лубками; между ними была также лубками крытая дорога для проходящих. Везде сквозило, отовсюду могли проникать солнце, дождь и пыль» (Вигель, 2003: 277). Мемуарист тонко и точно определил роль и значение этого действия в жизни провинциального общества: «это только одна в году эпоха, в которую можно было запастись всем привозным», но «покупать можно было только поутру, и то довольно рано: остальное время для ряды делались местом всеобщего свидания». Его удивляла иррациональность и нарочитая демонстративность поведения местных помещиков и их семейств, съезжавшихся со всей губернии и предпочитавших «грязь, пыль и духоту ярмарочную» более приятным для досуга местам (Вигель, 2003: 277-278). Примечателен и факт «чрезвычайного умножения» съезда участников Петровской ярмарки в 1808 г., что объяснялось отнюдь не ростом торговой активности, а присутствием в Пензе сенатора с особыми полномочиями, отправленного из столицы для проведения ревизии и, соответственно, «прибытием саратовских жителей и помещиков, приехавших на поклонение сенатору благодетелю» (Вигель, 2003: 465).

Следует обратить внимание и на наличие неформальных осей интеграции, не совпадавших с административным подчинением уездных и губернских центров, формировавшихся годичным календарным циклом перемещения имперского ярмарочного центра по городам и весям всей России. Подтверждением этих слов служит описание Спасской ярмарки в Саранске, на тот период уездном городе Пензенской губернии, ежегодно проходившей в августе после окончания Макарьевской и имевшей своей целью торговлю не распроданными на последней товарами. Условия торгового остатка товара обеспечивали значительное снижение цены, что и привлекало в Саранск большее количество покупателей, чем в губернский центр. И здесь из оценочных суждений и реплик выстраивается образ ярмарки как пространства коммуникаций: «в уездных городах, на небольшом пространстве, в хорошее время года, ярмарки всегда бывают живее, кипучее, чем в губернских городах; на них что-то похожее на лагерное житье или на ту беззаботную, бесцеремонную жизнь, которую ведут на минеральных водах» (Вигель, 2003: 299-300). К моменту визита Ф.Ф. Вигеля Спасская ярмарка также поменяла место своего проведения по причине территориальной стесненности (располагалась «в месте крайне неудобном, окруженном домами и всякими обывательскими строениями», вытянувшись вдоль улиц «версты на две») (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 79. Л. 9-9об.).

Необходимость согласования сроков проведения Спасской ярмарки объясняет обращение иногородних купцов к местным властям в 1818 г. по поводу переноса начала ее проведения с 12 на

20 августа (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 79. Л. 55-56об.). С другой стороны, проблема совпадения сроков православного праздника (в честь особо чтимой в Саранске иконы Спаса Нерукотворного) и ярмарки отражает социокультурное значение съезда торговцев. Праздничный, публично-зрелищный функционал ярмарки был призван обеспечить консолидацию локального сообщества на основе православной культуры, что определяло привязку наименования и сроков проведения ярмарки к церковному календарю. Первоначально дилемма выбора между чествованием образа Спаса Нерукотворного и коммерческими интересами была разрешена путем продления сроков ярмарочного торга до 26 августа (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 79. Л. 133об.). Но в дальнейшем из-за переноса Макарьевской ярмарки в Нижний Новгород и смещения на более поздний срок сроков торга обороты Спасской ярмарки вновь начинают сокращаться. Так, в 1820 г. поступления в городскую казну в виде дохода от ярмарочной торговли составили 14 715 р. 85 к., в 1823 г. – 7 224 р. 85 к., в 1824 г. – всего 3 906 р. Это вызвало необходимость регламентации движения ярмарочного календаря и перенос в 1840 г. даты открытия ярмарки в Саранске на 30 августа. Продолжительность торга составила 11 дней. Изменение сроков повлияло и на название ярмарки, утратившей связь с прежним религиозным праздником. С этого же года, по решению Городской думы, ярмарка получила новое название – Александровская ярмарка в Саранске (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2444. Л. 6). Перенос сроков проведения оказал влияние и на структуру ярмарочного торга. В 1840 г. против прежнего на ярмарке были широко представлены иностранные товары (шелковые изделия, кофе, чай, вино и пр.) (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2444. Л. 18-18об.).

Значимость ярмарок как формы организационной культуры локального сообщества можно измерить количеством участников социокультурного взаимодействия. Так, в 1839 г. саранскую Спасскую ярмарку посетило около 9 000 человек, приобретено было российских товаров на сумму 72 182 рубля (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2444. Л. 2-2об.). В 1848 г. число участников ярмарки достигает 45 тыс. человек, а сумма проданных товаров – 52 190 руб. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2836. Л. 7). Здесь происходил обмен как предметными знаками культуры (товарами), так и зрительными образами и вербализованными смыслами, что позволяет рассматривать поездку на ярмарку как проявление потребности сообщества в информационно-культурном обмене. Это в равной части относилось ко всем слоям общества. Так, на первый взгляд, иррациональную тягу крестьян к поездкам на все базары и ярмарки описал в своем очерке «Мордва» в середине XIX в. И.В. Селиванов (бывший предводителем дворянства в Пензенской губернии): «Ни метель, ни вьюги, ни грязь по колено..., ни отсутствие всякой дороги – ничто не могло остановить этой базаромании..., на базар ездили не по надобности, но чтоб с приятностью убить время...» (Цит по: Гусева, 2015: 303). Базарная торговля была прочно вписана в хронометраж сельской повседневноности и обеспечивала ритмичность сочетания будней и выходных дней в рамках одной недели, в то время как ярмарка отвечала за деление годового цикла на будние и праздничные дни.

Вместе с тем следует отметить факторы, оказывавшие негативное влияние на интенсивность коммуникационной активности и снижавшие значение социально-культурной диффузии. К вызовам экстремального порядка следует отнести войны, пожары и эпидемии. Так, согласно рапорту Городищенского Городнического правления, в 1848 г. на ярмарке указано участие 180 купцов и 45 человек из числа окрестных жителей – государственных и помещичьих крестьян, бывших большей частью с лесными изделиями. Стечение народа на ярмарке было самое незначительное «по случаю бывшей здесь в городе тогда эпидемической болезни холеры и бывших как в городе, так и в окрестности одного частых пожаров» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2836. Л. 77). Падение ярмарочных оборотов происходило и в период военных конфликтов. По данным Т.А. Евневич, значительное уменьшение продаж всего ассортимента на пензенских ярмарках произошло в 1904 г. с началом войны с Японией (Евневич, 2013: 34).

Во второй половине XIX большинство уездных городов Пензенской губернии растеряли прежние обороты, в то время как число ярмарок выросло с 16 до 19. По данным Г.М. Гусевой, из девяти уездных центров позитивную динамику и многократный рост стоимости проданных товаров продемонстрировали только Саранск, где продажи выросли с 29 тысяч рублей в 1860 г. до 350 тыс. в 1904 г., и Наровчат (7 670 и 190 000 рублей соответственно) (Гусева, 2010: 78).

Таким образом, в первой половине XIX века пути и средства формирования региональной идентичности были опосредованы, с одной стороны, общим трендом на консолидацию всероссийской ярмарочной сети, но, с другой – демократизацией данной формы социально-организационной культуры и распространением ярмарок по территории губернии. Пореформенный период характеризуется ростом числа ярмарочной сети при постепенном сокращении оборотов. Существенно изменилась и товарная структура торговли, в которой центральные позиции заняли лошади и скот.

5. Заключение

Эволюция ярмарочной торговли в Пензенской губернии в позднеимперский период отмечена процессами децентрализации и количественного роста числа установленных торгов, с одной стороны, а с другой – снижением общего объема продаж и переносом эпицентра ярмарочной торговли из города в сельскую местность, где преимущество последней ощущалось и в начале XX века (Пензенский край, 2014: 156). Неоспоримым фактом при этом остается сохранение и воспроизводство

на локальном уровне коммуникационной, информационной и досуговой функции ярмарок. Социокультурное пространство ярмарочного торгового пространства оставалось и местом трансляции уже частично адаптированного к массовой народной культуре общего контента имперской идентичности.

Опосредованно эти тенденции были учтены (и поэтому доступны для анализа) при разработке регионального проекта административно-экономического районирования Пензенской губернии в начале 1920-х гг. Показательно, что результатом анализа трех подворных переписей, проходивших на территории региона (1910–1911 гг., 1917 и 1920 гг.), стал вывод об определяющем, почти исключительном значении фактора формирования локальных сообществ – фактора тяготения поселений к торговому центру или базару как месту сосредоточения торговой деятельности «в сравнительно немногих и относительно крупных населенных местах, разбросанных по всей губернии» (Проект..., 1924: VIII). К сожалению, рекомендации, основанные на принципе сохранения исторической преемственности, учтены не были, и в 1928 г. Пензенская губерния как самостоятельная административная единица была ликвидирована, ее территория разделена между отдельными округами, а процесс формирования региональной идентичности остановлен.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015. <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>. Russian Science Foundation, сокращенное наименование – RSF. Ссылка на информацию о проекте: <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015/>.

Литература

ГАПО – Государственный архив Пензенской области.

Гусева, 2010 – Гусева Т.М. Ярмарочные торги в уездных городах Среднего Поволжья во второй половине XIX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 1(13). С. 75-82.

Гусева, 2015 – Гусева Т.М. Трансформация основных средств социокультурной коммуникации в уездных городах Среднего Поволжья в XIX в. / Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации. Материалы III Международной научно-практической конференции / Под редакцией С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара: Самарский гос. институт культуры, 2015. С. 301-307.

Белусов, 2015 – Белусов С.В. Саранская Спасская ярмарка в начале XIX в. // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история. Сб. науч. статей II Международной научно-практической конференции / Под ред. Т.В. Стрыгиной. Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. С. 283-287.

Вигель, 2003 – Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 1. 608 с.

Денисов, 1911 – Денисов В.И. Ярмарки. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума (отд-ние), 1911. 139 с.

Евневич, 2013 – Евневич Т.А. Торговые обороты ярмарок г. Пензы конца XVIII–XX в. (по документам ГБУ «Государственный архив Пензенской области») // Городское пространство в исторической ретроспективе: Сб. науч. ст. Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 350-летию основания г. Пензы / Под общей ред. О.А. Суховой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2013. С. 32-34.

Лавринова, 2020 – Лавринова Н.Н. Социальные аспекты ярмарки в пространстве городской культуры // Нефилология. 2020. Т. 6. № 21. С. 176-182.

Лейман, 2019 – Лейман И.И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX века. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2019. 232 с.

Лэндри, 2006 – Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика-XXI: Ин-т культурной политики, 2006. 399 с.

Материалы для географии..., 1867 – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пензенская губерния. Ч. I. СПб.: Гл. упр. Генер. штаба, 1867. 568 с.

Миронов, 1981 – Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. 259 с.

Миронов, 2000 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. 2 изд., испр. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 547 с.

Пензенская энциклопедия – Пензенская энциклопедия. 2-е изд-е. В 2 т. Т. 1. А–М. Пенза, 2019. 836 с.

Пензенский край..., 2014 – Пензенский край в истории и культуре России / Под ред. О.А. Суховой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. 526 с.

Полубояров, 2016 – Полубояров М.С. Весь Пензенский край: Историко-топографическое описание Пензенской области. М.: ООО «Сам полиграфист», 2016. 816 с.

Проект..., 1924 – Проект административно-экономического районирования Пензенской губернии. Описание районов. Пенза: Типолит. им. т. Воровского, 1924. 134 с.

Рожкова, 1955 – Рожкова М.К. К вопросу о значении ярмарок во внутренней торговле дореформенной России (первая половина XIX в.) // Исторические записки. Вып. 54. М., 1955. С. 298-319.

Трубина, 2011 – Трубина Е.Г. Город в теории: опыт осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.

Gushchina et al., 2021 – Gushchina E.G., Titova T.A., Khairullina A.I., Frolova E.V. Fairs and Bazaars in the Kazan Province // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1454-1462.

References

Belousov, 2015 – Belousov, S.V. (2015). Saranskaya Spasskaya yarmarka v nachale XIX v. [Saransk Spassky Fair at the beginning of the 19th century]. *Problemy gumanitarnogo obrazovaniya: filologiya, zhurnalistika, istoriya. Sb. nauch. statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pod red. T.V. Stryginoi. Penza: Izd-vo PGU, pp. 283-287. [in Russian].

Denisov, 1911 – Denisov, V.I. (1911) Yarmarki [Fairs]. SPb.: Tip. V.F. Kirshbauma (otd-nie), 139 p. [in Russian]

Evnevich, 2013 – Evnevich, T.A. (2013) Torgovye oboroty yarmarok g. Penzy kontsa XVIII – XX v. (po dokumentam GBU "Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti") [Trade turnover of the fairs in Penza at the end of the 18th – 20th centuries. (according to the documents of the State Budgetary Institution "State Archive of the Penza Region")]. *Gorodskoe prostranstvo v istoricheskoi retrospektive: sb. nauch. st. Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 350-letiyu osnovaniya g. Penzy /pod obshchei red. O.A. Sukhvoi*. Penza: Publishing house PenzSU, pp. 32-34. [in Russian]

GAPO – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [State Archive of the Penza Region].

Guseva, 2010 – Guseva, T.M. (2010) Yarmarochnye torgi v uездnykh gorodakh Srednego Povolzh'ya vo vtoroi polovine XIX v. [Fair sales in county towns of the Middle Volga region in the second half of the 19th century]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 1(13): 75-82. [in Russian]

Guseva, 2015 – Guseva, T.M. (2015). Transformatsiya osnovnykh sredstv sotsiokul'turnoi kommunikatsii v uездnykh gorodakh Srednego Povolzh'ya v XIX v. [Transformation of the main means of socio-cultural communication in the county towns of the Middle Volga region in the 19th century]. *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pod redaktsiei S.V. Solov'evoi, V.I. Ionesova, L.M. Artamonovoi*. Samara: Samarskii gos. institut kul'tury, pp. 301-307. [in Russian]

Gushchina et al., 2021 – Gushchina, E.G., Titova, T.A., Khairullina, A.I., Frolova, E.V. (2021). Fairs and Bazaars in the Kazan Province. *Bylye Gody*. 16(3): 1454-1462.

Lavrinova, 2020 – Lavrinova, N.N. (2020) Sotsial'nye aspekty yarmarki v prostranstve gorodskoi kul'tury [Social aspects of the fair in the space of urban culture]. *Neofilologiya*. 6(21): 176-182. [in Russian]

Leiman, 2019 – Leiman, I.I. (2019). Yarmarki na Evropeiskom Severe Rossii v XIX – nachale XX veka. [Fairs in the European North of Russia in the 19th – early 20th centuries]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN, 232 p. [in Russian]

Lendri, 2006 – Lendri, Ch. (2006) Kreativnyi gorod [Creative city]. Moscow: Klassika-XXI: In-t kul'turnoi politiki, 397 p. [in Russian]

Materialy..., 1567 – Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Penzenskaya guberniya [Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Penza region]. V. I. St. Petersburg: Main Directorate of the General Staff, 1867. 568 p. [in Russian]

Mironov, 1981 – Mironov, B.N. (1981). Vnutrennii rynek Rossii vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX v. [The national market of Russia in the second half of the 18th – the first half of the 19th centuries]. L.: Nauka: Leningr. otd-nie, 259 p. [in Russian]

Mironov, 2000 – Mironov, B.N. (2000). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX century): Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]: V 2-kh t. 2 izd., ispr. V. 1. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 547 p. [in Russian]

Penzenskaya entsiklopediya – Penzenskaya entsiklopediya [Penza encyclopedia]. 2-e izd-e.: v 2-kh t. T. 1. A-M. Penza, 2019. 836 p. [in Russian]

Penzenskii krai, 2014 – Penzenskii krai v istorii i kul'ture Rossii / Ed. O.A. Sukhova [Penza region in the history and culture of Russia]. Penza: Publishing house PenzSU, 2014. 526 p. [in Russian].

Poluboyarov, 2016 – Poluboyarov, M.S. (2016). Ves' Penzenskii krai: Istoriko-topograficheskoe opisanie Penzenskoi oblasti [The entire Penza region: Historical and topographical description of the Penza region]. Moscow: OOO «Sam poligrafist», 816 p. [in Russian]

Proekt..., 1914 – Proekt administrativno-ekonomicheskogo raionirovaniya Penzenskoi gubernii. Opisanie raionov [The project of administrative and economic zoning of the Penza province. Description of the districts]. Penza: Tipo-lit. im. t. Vorovskogo, 1914. 134 p. [in Russian]

Rozhkova, 1955 – Rozhkova, M.K. (1955). K voprosu o znachenii yarmarok vo vnutrennei torgovle doreformennoi Rossii (pervaya polovina XIX v.) [On the question of the importance of fairs in the domestic trade of pre-reform Russia (the first half of the 19th century)]. *Istoricheskie zapiski*. Is. 54. Moscow: Nauka, pp. 298-319. [in Russian]

Trubina, 2011 – Trubina, E.G. (2011). Gorod v teorii: opyt osmysleniya prostranstva [City in theory: the experience of understanding space]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 520 p. [in Russian]

Vigel', 2003 – Vigel', F.F. (2003). Zapiski [Notes]: V 2 kn. Moscow: Zakharov, Kn. 1. 608 p. [in Russian]

Дорога на ярмарку: торговля как фактор формирования региональной идентичности (по материалам Пензенской губернии)

Ольга Александровна Сухова^{а, *}, Иван Николаевич Иноземцев^а

^а Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема эволюции ярмарок в Пензенской губернии как социокультурного феномена и значимой части организационной культуры, как способа формирования региональной идентичности в имперский период. На основе анализа документов канцелярии губернатора и источников эпистолярного жанра установлено предназначение ярмарочного торгового процесса в культуре повседневности провинциального общества. На протяжении XIX в. ярмарки не только выступали формой организации ввозной торговли и удовлетворяли потребности населения в мануфактурных и колониальных товарах, но и обеспечивали процессы социального взаимодействия, культурной диффузии, трансляции и усвоения образов имперской идентичности посредством коммуникации, передачи вербальных смыслов и визуальных образов в массовом сознании провинциального социума. В изучаемый период общей тенденцией развития ярмарок в Пензенской губернии стали процессы децентрализации, развития сети сельских ярмарок, а, следовательно, демократизации форм и средств организационной культуры, проникающей на новый уровень социального взаимодействия.

Ключевые слова: Пензенская губерния, XIX век, ярмарки, базарная торговля, транспортная инфраструктура, культура повседневности, региональная идентичность.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: savtemp@yandex.ru (О.А. Сухова), kerskij@mail.ru (И.Н. Иноземцев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 666-676
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.666

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Kokand Khanate as an Object of Russia's Geopolitical Interests in the Representation of Travelogues of Imperial Experts in the first half of the 19th century

Bakyt S. Tokmurzayev ^{a, *}, Sarsenbek K. Yelshibayev ^a, Sabira N. Apasheva ^a

^a «Sirdariya» University, Zhetysai, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the article, based on the materials of travelogues of Russian travelers F.M. Nazarova and N.I. Potanin to the Kokand Khanate, the representations of the region as an object of geopolitical interests of the Russian Empire in the first half of the 19th century are revealed. The methodological basis of the study is the approaches of the “new cultural-intellectual” and “new imperial” history, and the reliability and validity of the conclusions is ensured by the involvement in the work of a wide range of additional materials: reports of travelers who visited the states of Central Asia during this period with diplomatic visits.

It has been established that when organizing the expedition, not only current goals related to escorting foreign embassies to their homeland were taken into account, but also promising ones, involving the examination of lands included in the orbit of Russia's geopolitical interests. The heads of such embassies, as a rule, were appointed persons of the Cossack rank, who had an average educational qualification, but at the same time knew oriental languages and/or the skills of route shooting and mapping. In the course of the study, it was proved that the range of problems faced by travelers was determined by the foreign policy situation in the eastern periphery and the place of Russia in this disposition, which to a certain extent provided them with relative freedom of action in making decisions. The result of the imperial expertise of the Kokand Khanate was the preparation and publication of detailed reports on the progress of the expedition, the territory of its movement, population, administrative structure, which was accompanied not only by textual material, but also by route maps. All this together constructed a plausible picture of the world of the inhabitants of the east, made it possible to form ideas of the military and the administration about the possibilities of moving to the east not only by means of diplomacy.

Keywords: Kokand Khanate, Russian Empire, geopolitics, colonization, imperial experts, travelogues, socio-political discourse, representations, foreign policy, Cossacks.

1. Введение

На рубеже XVIII–XIX столетия Российская империя активно включается в большую «политическую игру» за доминирование в Центральной Азии, регионе, через который, по справедливому замечанию Н.Е. Бекмахановой, пролегали пути из Западной Европы в Казахстан, Среднюю Азию, Китай, Персию (Бекмаханова, 2015: 11), возросший интерес к которым свидетельствовал о серьезной эволюции имперской политики России, «дрейфующей» от защиты степного фронта от эпизодических вторжений кочевников-номадов к территориальной экспансии и экономической и социокультурной инкорпорации обширного региона, являвшегося объектом международной конкуренции.

Знаковым сюжетом этого противостояния может рассматриваться система политических и культурно-экономических связей и дипломатических отношений России с Кокандским ханством, образованным в первой половине XVIII в. и к началу XIX в. включавшим в свой состав обширные

* Corresponding author

E-mail addresses: b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev)

территории южного Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Восточного Туркестана до побережья Аральского моря и долины Сары-коля.

Новые вызовы и геополитические реальности, вставшие в этот период перед Российской империей, довольно слабо соотносились с возможностями по реализации имперских планов в рамках восточного направления внешней политики: отсутствие в России специального учреждения – Министерства колоний (давно учрежденных в европейских государствах) – значительно тормозило и придавало фрагментарный характер экспертизе пространств, постепенно вводимых в круг геополитических интересов государства. Созданный в 1819 г. Азиатский департамент при Министерстве иностранных дел до 1847 г. был сосредоточен лишь на российско-китайских контактах на дальневосточной периферии империи, что существенным образом препятствовало формированию концепции центральноазиатского вектора внешней политики России и, что не менее существенно, сбору и концентрации сведений об административно-политическом устройстве азиатских ханств, составе населения, его этноконфессиональной принадлежности, стереотипах хозяйственного поведения, обычаях, нравах и структурах повседневной жизни.

До некоторой степени сложившийся дефицит информации восполнялся сведениями, собранными российскими путешественниками, участниками экспедиций в Центральную Азию, в том числе и Кокандское ханство, в первой половине XIX в., шедших в регион с целью установления или подтверждения дипломатической лояльности, с одной стороны, и выполнения разведывательных поручений в отношении восточных конкурентов – с другой.

Среди «площадок» репрезентаций восточных деспотий Центральной Азии и разработки политических практик Российской империи на восточной периферии в исследуемый период можно выделить отчеты и записки служащих Сибирского казачьего войска, возглавлявших отряды военных экспедиций в степные области, в форме травелогов (литература путешествий). По убеждению ученых, именно в XVIII – начале XIX вв. – эпоху научных экспедиций, государственных и частных путешествий – появляется большое количество травелогов, побуждающих к сравнению цивилизаций и даже оказывающих влияние на философские идеи (Майра, 2014: 255). Характерно, что специфика жанра травелога предполагает не только фиксацию внешних событий и явлений, но и авторское объяснение и отношение к увиденному, что само по себе наполняет авторский текст дополнительными смыслами, перемещает его в плоскость общественно-политического дискурса.

В этой связи обращение к травелогам переводчика Ф.М. Назарова и казачьего хорунжего Н.И. Потанина, возглавлявших посольства в Кокандское ханство, соответственно в 1813–1814 и 1829–1830 гг., является актуальным, поскольку в их трудах в центре внимания оказались не только сюжеты, включавшие описание природных особенностей и населения региона путешествия, но и представления власти и общества Российской империи о перспективах, формах и методах государственной фронтальной политики.

2. Материалы и методы

Решение исследовательских задач, связанных с выявлением содержания репрезентаций Кокандского ханства как объекта геополитических интересов в текстах имперских экспертов первой половины XIX в., направило, прежде всего, к привлечению отчетов путешественников (Ф.М. Назаров, Н.И. Потанин) о совершенных ими поездках в киргизские степи и Кокандское ханство (Назаров, 1891; Потанин, 1909а).

Однако в процессе исследования учитывалось, что для реконструкции дискурса деловых путешествий первой половины XIX в. необходимо обращение к отчетам других участников экспедиций, совершивших походы в Центральную Азию в этот период. В результате к исследованию в той или иной мере привлекались соображения и выводы, представленные в путевых записках лекаря Зибберштейна (1824 г.) и показаниях сибирского казака Максимова о Кокандском владении (1840-е гг.), что в значительной степени способствовало репрезентации выводов настоящей статьи (Вяткин, 1936; Потанин, 2006b).

В методологическом отношении постановка проблемы и выводы статьи располагаются в предметном поле «новой культурно-интеллектуальной истории», что ориентирует на выяснение происхождения идей и их дальнейшей трансляции (Репина, 2007: 89). Литература путешествий в данном плане выполняла функцию дискурсивной практики, соединяющий текст с социокультурным контекстом эпохи, его породившей. Свидетельства участников экспедиций в значительной степени представляют собой единое коммуникативное пространство, в рамках которого складывались и репрезентировались представления российского общества о Востоке и сценариях взаимоотношения с ним.

Метод деконструкции дискурса, избранный в качестве основного инструмента исследования, позволил выявить основных акторов, транслирующих широкую гамму вопросов коммуникации с властью и населением степной периферии, понимание перспектив восточной политики империи, а также вариантов культурных взаимоотношений в геополитических обстоятельствах первой половины XIX в.

3. Обсуждение

Проблема репрезентаций Кокандского ханства первой половины XIX в. как объекта геополитических интересов Российской империи в текстах имперских экспертов вошла в сферу исследовательского интереса историков сравнительно недавно, что явилось прямым следствием антропологического поворота в гуманитарном знании и переосмысления специалистами статуса источников личного происхождения, выполнявших ранее, в рамках позитивистской традиции историописания, в основном иллюстративные функции. Недоверие и периферийный статус эго-текстов, отражающих не столько событийную канву, сколько состояния – внутренние переживания и рефлексию их авторов – сводило к минимуму оперирование историками личными текстами в осмыслении тех или иных сюжетов исторической реальности.

Тем не менее у части российских интеллектуалов XIX века понимание значимости подобного рода материалов все-таки было. Так, известный историк казачества Г.Е. Катанаев с горечью признавал, что исследованиями, отчетами и записками путешественников (как отечественных, так и иностранных) ученые пользовались мало. Катанаев заверял, что, несмотря на непритязательность изложения, эти тексты могут стать драгоценным материалом «для общих выводов заправских ученых» (Катанаев, 1909: 200). Данный подход к аккомодации личных свидетельств в досоветский период разделяли многие исследователи, посвятившие свои публикации истории и дипломатическим отношениям Кокандского ханства, что во многом происходило благодаря возникновению и институционализации отечественного востоковедения (Вельяминов-Зернов, 1856; Петровский, 1873; Наливкин, 1885). В советской историографической традиции изучение Коканда в контексте исследований прошлого Центральной Азии основывалось преимущественно на разработке делопроизводственных и законодательных материалов с очевидным акцентом на обсуждении вопросов национально-освободительного движения (Халфин, 1974; Плоских, 1977; Хасанов, 1977; Гуревич, 1983).

На современном этапе, во многом благодаря восстановлению традиций российского востоковедения, а также возросшему интересу к имперским исследованиям, выстраиванию продуктивных научных коммуникаций между отечественными и зарубежными историками, происходит постепенный разворот к более «тонким» подходам к истории взаимоотношений России с государствами Центральной Азии, что обеспечивает стабильный интерес к эго-материалам, в том числе и литературе путешествий (Моисеев, 2003; Брежнева, 2018; Чуркин, 2021).

4. Результаты

Историк М. Ходарковский, размышляя о технологиях и социокультурном контексте создания колониальных империй, особенно в части организации таковых на фронтальных степных рубежах России, где наиболее рельефно прослеживались культурные различия оседлых и кочевых народов, подчеркивает, что подобные несходства, «укоренившись в социальном, экономическом, политическом и религиозном устройстве обществ по обе стороны от границы приводили к постоянным конфликтам» (Ходарковский, 2019: 17-18).

Следует подчеркнуть, что в XVIII–XIX вв. в российском властном и общественно-политическом дискурсе постепенно выработывались стандартные оправдания колониальной политики как инструмента империостроительства. И в этом дискурсе, во-первых, выкристаллизовывалось понятие «собственный Восток России» (Тольц, 2013), во-вторых, – культурные различия трактовались как в эмоциональном (экзотизация Востока), так и рациональном (политическое завоевание) ключе.

В данном отношении деятельность России в Центральной Азии может рассматриваться и как часть колониальных притязаний империи, и как важный элемент внешней политики государства. По справедливому утверждению Н.Е. Бекмахановой, Российскую империю в этот период начинают привлекать рынки Китая, Ирана, Афганистана, Индии, что неизбежно влекло за собой столкновение интересов России и Англии (Бекмаханова, 2015: 10).

Особая роль в этой экономической и политической «игре» принадлежала Кокандскому ханству, вышедшему из-под контроля бухарских эмиров и проводившему с начала XIX в. самостоятельную политическую линию в регионе, для которой было характерно стремление к территориальной экспансии и установлению контроля над казахскими, киргизскими и узбекскими племенами, а также распространению в их среде мусульманского вероучения.

Во многом дипломатические и военные усилия России в Центральной Азии, в сферу которых активно втягивалось Кокандское ханство, были обусловлены и смещением в регион центра тяжести российско-китайских отношений: статус Китая в собственных северо-западных провинциях во многом определялся позицией кокандских ханов; Россия же пришла в политическое столкновение с Кокандом в вопросе о влиянии в Южном Казахстане и Киргизии.

Таким образом, геополитическая ситуация, сформировавшаяся к началу XIX в. в Центральной Азии, ориентировала российские имперские власти на тщательную проработку «кокандского вопроса» в решении колониальных и внешнеполитических задач, что предполагало проведение имперской экспертизы территорий, входивших в круг территориальных интересов России. Экспертиза предусматривала достаточно широкий круг действий: сбор сведений о климатических условиях края и

его природных ресурсах, этнографическом составе населения, хозяйственных занятиях, культурных свойствах народов, что в ближайшей или отдаленной перспективе становилось своеобразным руководством к принятию практических решений: разработке «сценариев и механизмов хозяйственной и социокультурной интеграции присоединенных земель» (Суворова, 2015: 175).

До учреждения Русского Императорского географического общества и его отделов в Тифлисе, Иркутске и Омске, взявших на себя дело профессиональной организации экспедиций, исследовательские функции возлагались на экспедиционеров, как правило, не имевших специальной подготовки, но обладавших навыком наблюдения и фиксации происходивших событий. Г.Е. Катанаев в предисловии к описанию Кокандского ханства хорунжим Н.И. Потаниным отмечал, что, начиная с XVII столетия, сибирские землепроходцы, «...проезжая новые земли..., оставили в назидание потомству не мало полных интереса «доезжих записей», «статейных списков», «сказок», рисующих положение тогдашних дел и природу пройденных ими земель» (Катанаев, 1909: 196). Относительно периода первой половины XIX в. Г.Е. Катанаев выделяет несколько экспедиций, среди которых поездка в Ташкент и Бухару унтер-шихмейстера Т. Бурнашева и М. Поспелова в 1800 г.; в Кульджу – А.Т. Путинцева в 1811 г.; непосредственно в Коканд в 1813–1814 гг. переводчика Ф. Назарова; в 1829–1830 гг. – хорунжего Н.И. Потанина; а также свидетельства сибирского казака Максимова, проведшего 11 лет в Кокандском плену (1840-е – 1850-е гг.) (Катанаев, 1909: 192-203). Названные лица выполняли не только военные, но и экспертные задачи, составляя описание маршрутов, рельефа местности, климата, образа жизни, нравов и быта коренного населения, что предметно фиксировалось в их отчетах и путевых дневниках, написанных в формате травелогов, предполагавших коммуникацию автора и читателя.

Необходимо отметить, что общий уровень подготовки экспертов к решению сложных имперских задач, на первый, весьма беглый взгляд, оставлял желать лучшего, что неоднократно отмечали современники событий. Так, исполняющий дела начальника Омской области полковник С.Б. Броневский с некоторой долей иронии писал о составе участников экспедиции в Большую орду: «В этом нелегком пути, помимо казаков, нас сопровождали князь Дадиян, “премилый молодой человек и наездник, как природный мингрелец”. Гражданские чиновники: Сушин, “нюхавший весь поход табак”, Налабардин, “бывший семинарист, от которого пахло до сих пор ладаном”. Чиновник Горский – “довольно ученый, довольно горбатый”. Лекарь Зибберштейн – “авантюрист, охотник пускать шутки, и злословие подсказывало, будто он происходил из странствующего иудейского племени”» (Усманова, 2009). Упомянутый выше Г.Е. Катанаев оценивал экспедиционный опыт Н.И. Потанина скромно, но при этом указывал и на неоспоримые достоинства путешественника: «Несмотря на малую подготовленность к выполнению столь серьезной задачи и знакомство с русской грамматикой лишь до сопряжения глаголов, даровитый офицер выполнил возложенное на него важное поручение блестяще» (Катанаев, 1909: 193). Наконец, многие современники путешествий, а также позднейшие их исследователи писали о добротной готовности некоторых экспедиционеров к специфической работе в Центральной Азии. Так, например, большинство авторов в оценке качества репрезентаций Кокандского ханства в отчете Ф. Назарова обращали внимание на знание путешественником азиатских языков, что во многом объяснялось его специальным образованием (окончил Азиатскую школу толмачей в г. Омске) (Катанаев, 1909: 197; Брежнева, 2018: 77).

Переходя непосредственно к характеристике наиболее интересных и содержательных травелогов русских путешественников в Коканд, отметим, что время их составления, начало и первые десятилетия XIX в., стали периодом оживления контактов Российской империи в лице региональной администрации Западной Сибири с ханствами Центральной Азии. Практически все XVIII столетие представляло собой своеобразное «стояние» на границе Сибири со степной периферией, и только в начале XIX в. стало вызревать решение о присоединении этого региона к России. Данный вывод повлек за собой важные изменения практического свойства: активизировалось движение среднеазиатских торговых караванов в направлении Семипалатинска и Петропавловска, что в свою очередь актуализировало разведывательную деятельность о «заграничных обстоятельствах» как со стороны русских, так и степных ханств (Катанаев, 1909: 197). Главными акторами этой деятельности становились конвоиры – представители Сибирского казачьего войска, выполнявшие функции сопровождения ханских послов, доходивших иногда до Петербурга отнюдь не только с познавательными целями.

Одна из наиболее ярких и многогранных репрезентаций Кокандского ханства как объекта геополитических интересов Российской империи представлена в отчете русского дипломата, переводчика Отдельного сибирского корпуса Ф.М. Назарова, возглавлявшего в 1813–1814 гг. посольство в Коканд. Результатом его дипломатической миссии стал хронологический отчет о пути в Коканд, пребывании там и обратном возвращении, опубликованный в 1821 г. на средства графа П.П. Румянцова отдельной книжкой, изданной Императорской академией наук.

Уже в преамбуле отчета Ф. Назарова содержатся косвенные указания о государственной значимости предстоящей экспедиции и реализации имперских задач на востоке, формат решения которых предполагал в этот период выстраивание дипломатических отношений с потенциальным противником. Подобная стратегия была неразрывно связана с новым статусом г. Ташкента, который в

начале XIX в. территориально входил в границы Кокандского ханства, находясь одновременно в эпицентре торговых отношений России с государствами и племенами Центральной Азии.

Повествуя об обстоятельствах организации похода, Ф. Назаров упоминает о серии инцидентов, произошедших с кокандскими посланниками, остановившимися в Петропавловске по возвращению в 1812 г. из Петербурга от высочайшего двора Его Императорского Величества: «Один из них (посланников) умер от болезни; а развратная жизнь другого среди распутных женщин завела его в сообщество сосланного на поселение солдата, который, заманив его в баню, убил в надежде воспользоваться его деньгами и кинул в реку...» (Назаров, 1891: 2). Во многом поэтому было принято решение о конвоировании оставшихся посланников обратно в Коканд, в «отвращение различных толков, могущих дойти до Кокандского владения» (Назаров, 1891: 2).

Симптоматично, что имперский акцент предприятия по конвоированию ханских посланников обуславливался и видной ролью в подготовке похода и инструктировании экспедиционеров крупным российским чиновником и военным деятелем Г.И. Глазенапом, занимавшим в 1807–1815 гг. должность начальника Сибирской линии. Именно от него Ф. Назаров получил четкое предписание о порядке действий при конвоировании ханских посланников: сохранить подарки в целостности, обходиться с посланниками со всевозможной ласковостью, соблюдая... крайнюю осторожность, дабы они не могли тайно скрыться, и не подавая им никакого подозрения... На Кокандских границах отпустить отряд, а с посланниками и купеческим караваном следовать в сам Коканд... Вручить подарки... и испросить ответные письма к ЕИВ и Государственному Канцлеру...» (Назаров, 1891: 3).

Филипп Назаров продел путь от Омска к Петропавловской крепости, откуда вместе с купеческим караваном и посланниками через киргиз-кайсацкую степь добрался до г. Сузак, а затем, посетив последовательно Чимкент и Ташкент, прибыл в Коканд. Обратим внимание, что путешествие Ф. Назарова оказалось достаточно долгим, поскольку ему пришлось около двух лет оставаться в Ферганской долине, перемещаясь по различным городам, что в значительной степени способствовало более глубокому пониманию и осознанию восточной культуры, системы управления и образа жизни населения.

При этом следует отметить, что восприятие раскрывшегося перед Ф. Назаровым восточного мира Кокандского ханства и прилегающих к нему пространств отражало достаточно типичные для XIX в. ориенталистские представления, репрезентируемые при помощи характерной цивилизаторской риторики, используемой при повествовании автора о степных племенах, которые «законов никаких не имеют и утверждаются на одном Алкоране либо на естественном праве» (Назаров, 1891: 8). В отношении коренных жителей – киргизов, имперский эксперт использует и соответствующие маркеры: «беззаботные обитатели», «веселые и беспечные жители» (Назаров, 1891: 10). Вместе с тем проникновение отряда в глубь территории и более предметное знакомство с автохтонами способствовали значительному снижению градуса «экзотизации дикарей» и рефлексии автором спектра опасностей, исходящих от «хищных киргизов» (Назаров, 1891: 22, 25). К числу таковых Ф. Назаров причислял частые беспокойства малым торговым караванам, исходящие от киргизов-охотников, грабежам на дорогах, которые устраивали киргизы, «скрывающиеся в окружности лесов» (Назаров, 1891: 15). По описанию Назарова, попытки совершения грабежей кочевниками были пресечены «поймкой и сечением розгами двух покушавшихся» (Назаров, 1891: 16).

Весьма ценными в контексте имперской экспертизы сведениями, представленными в отчете Ф. Назарова, являются сообщения, касавшиеся Туркестана. Здесь, автор, во-первых, говорит о благоприятных для развития земледелия территориях, оценивая их именно в колонизационном ключе (Назаров, 1891: 30). Более того, дальнейшие описания, относившиеся к г. Сузаку, также наполнены сообщениями о пашенном хозяйстве (Назаров, 1891: 32-33, 43).

Исследователь констатирует факт наличия хорошо организованной системы управления, основу которой составляют «законы, совершенно представленные в руки духовенства», подразумевая под этим рельефно выраженное влияние мусульманского права (Назаров, 1891: 30). Назаров заключает: «туркестанца видишь уже не таким свободным, вскормленным природой среди степей человеком, каков киргиз; он сжат, скрытен, надменен и уже знает различные ухищрения и обманы, к несчастью, столь тесно соединенные с гражданской жизнью» (Назаров, 1891: 30).

Обращает на себя внимание характерная, видимо, свойственная военному человеку (разведчику) манера скрупулезного описания не только общего маршрута путешествия, но и многих частных деталей: въезда в город (Ташкент), окружной рекогносцировки крепости, рвов, валов, а также топографии местности в крепостной черте (Назаров, 1891: 35).

Еще одной специфической чертой травелога Ф. Назарова является постоянное желание автора сопровождать фрагменты описания городов и их населения историческими экскурсами. Так, за сообщением о прибытии отряда в Коканд следуют пространные рассуждения Назарова об обстоятельствах далекого и относительно близкого прошлого территорий Кокандского ханства, от которых он переходит к подробной характеристике природно-климатических условий земель, знаменательных явлений, достопримечательностей и нравов людей. Относительно последнего обстоятельства, мимо опытного взгляда эксперта не прошли некоторые эпизоды, свидетельствующие о специфических правовых практиках, распространенных в Коканде, что свидетельствовало о силе и одновременно слабости вероятного противника. Первоначально попав под обаяние местной экзотики

(«жители совершенно ни в чем не нуждаются и ведут жизнь, можно сказать, щастливую, имея у себя большие фруктовые сады и пашни» (Назаров, 1891: 60), он вскоре обратил внимание на произвол властей: «...чиновники бьют людей нещадно плетью по головам и давят лошадыми», а также культурные различия между автохтонами и путешественниками: «народ, когда замечал, что мы без тамошних чиновников, то бежал за нами толпами, кидал в нас камнями и кричал: Кафар! Кафар! т.е. – безбожники» (Назаров, 1891: 65).

Характерным является и то, что Ф. Назаров в своем отчете, адресованном власти, недвусмысленно указывает на понимание стратегической миссии отряда, четко разграничивая информацию для «своих» и «чужих». Так, на вопрос кокандского высшего чиновника о целях приезда Ф. Назаров говорит о мирных инициативах по установлению торговых связей, однако сам факт вступления отряда в Коканд обставлен был несколько иначе: «у заставы города Коканда мы одели казаков в полную амуницию...» (Назаров, 1891: 46), что вызвало ответную реакцию местной администрации: «...к нам приставили караул из 15 человек... и не позволяли выходить вон из сада; лошади целые сутки не имели корма» (Назаров, 1891: 46).

Ф. Назаров, как имперский эксперт, с явным интересом рассказывает о реакции местного населения на воинские навыки и боевую организацию казачества: «народ с утра до ночи толпился в саду, смотреть на нас как на чудо; рассматривали нашу амуницию, красные казацкие шапки, сабли...» (Назаров, 1891: 49). При этом Назаров довольно подробно останавливается на важном, с его точки зрения, сюжете «демонстрации силы», когда после урегулирования всех неопределенностей казакам было предложено предъявить свою воинскую выучку: «казачий офицер выбрал лучших казаков, маршировал, палил плутонгами, делал атаку и сими маневрами совершенно изумил кокандцев» (Назаров, 1891: 49).

В целом, опираясь на материалы отчета Ф. Назарова, можно говорить о том, что дипломатическая миссия его отряда, несмотря на многочисленные трудности, была реализована. Посольству в конечном счете удалось настроить высшую администрацию Кокандского ханства на «дружественную волну», что не только укрепило и стабилизировало позиции России в Центральной Азии, но и расширило возможности имперской экспертизы степной периферии.

В этом благоприятном «шлейфе» состоялось и следующее крупное путешествие в Кокандское ханство, инициированное имперскими властями и осуществленное казачьим хорунжим Н.И. Потаниным, спустя 16 лет после поездки Ф. Назарова, в 1829–1830 гг., итоги которого были запечатлены в записке о путешествии в Коканд, представленной в 1830 г. Примечательно, что функции отряда, возглавляемого Н.И. Потаниным, во многом совпадали с задачами, которые решали экспедиционеры во главе с Ф. Назаровым: сопровождение кокандских послов, возвращавшихся из Петербурга через киргизские степи в свои пределы. Наряду с тем, что многие сюжеты внутренней жизни Кокандского ханства: бытовые аспекты жизни кочевого и оседлого населения степных пространств, нравы, обычаи, образ правления, природно-климатические зарисовки – в травелог Н.И. Потанина во многом дублируют впечатления предшественника; невозможно не обратить внимание на определенное смещение акцентов в экспертизе подведомственных кокандской администрации территорий, что было связано как минимум с двумя факторами.

Во-первых, в 1820-х гг. российская дипломатия стремилась к расширению торговых операций в Центральной Азии, что сопровождалось усиленным поиском союзников. В данном плане укрепление дипломатических и торговых связей с Кокандом рассматривалось властью Российской империи и как средство оказания политического давления на Хиву и Бухару, что располагало не только к продолжению контактов, но и порождало желание иметь больше информации. Вместе с тем отношение к централизованным и независимым ханствам Центральной Азии в представлениях российской имперской власти в исследуемый период существенно корректировалось. По показаниям Г.Е. Катанаева, путешествие Н.И. Потанина пришлось на время начала волнений киргизских кочевников политического характера после введения в степных областях «Устава о сибирских киргизах» 1922 г. – с упразднением ханской власти, ограничением полномочий султанов и организацией в регионе русских поселений (Катанаев, 1909: 201), что усиливало имперские мотивы экспедиции.

Во-вторых, для осуществления эффективной экспертизы территорий, входивших в орбиту геополитических и колонизационных интересов Российской империи, в этот период появились дополнительные технические навыки и средства, которыми экспедиционеры Ф. Назарова еще в полной мере не располагали. В 1813 г. в Омске начало функционировать Войсковое казачье училище (кадетский корпус), при котором было открыто отделение для подготовки военных топографов. По констатации исследователей, первый значительный выпуск, в котором состоял и Н.И. Потанин, училище дало только в 1816–1817 гг. (ГИАОО. Л. 670б.-68). Среди дисциплин, освоенных Потаниным за время обучения, помимо уже упомянутой выше грамматики, числились русская история и география, арифметика, алгебра, военная топография и фортификационное, артиллерийское и архитектурное черчение пером и кистью (Катанаев, 1909: 192). В данной связи симптоматично, что, кроме наблюдений во время следования посольства от линии русских поселений до Коканда, Н.И. Потанину было поручено представить по возвращении из командировки маршрутную съемку с

описанием пройденного пути (Катанаев, 1909: 193), техникой которой он, по всей видимости, владел в совершенстве (Потанин, 1909а: 203).

В завуалированном виде командир отряда хорунжий Н.И. Потанин озвучил программу экспедиции уже в вводной части своих записок. Подготавливая читателя к восприятию информации долгим и детальным описанием природного фона своего путешествия, автор травелога сообщает: «Не доходя до Голодной степи, почти в 600 верстах от Семипалатинска, встретили мы... киргизов Конгратовской волости, которые бежали с реки Чуй от тягостных, по их словам, податей, взимаемых с них Кокандским владетелем, и шли к Каркаралинскому уезду, желая отдаться под покровительство России» (Потанин, 1909а: 205). Тем самым в понимании Н.И. Потанина рельефно обозначалась демаркация между первоочередными и второстепенными задачами, которые предстояло решать в регионе. Описание Туркестана, Сузака, Чимкента, входивших в орбиту политического доминирования Кокандского ханства, в интерпретации путешественника выглядят уже как территории, достойные имперского приращения: «Взорам путешественника представляются в странах этих уже не дикие, бесплодные пустыни, не народы, переходящие с подвижными жилищами и многочисленными стадами с одного места на другое, не имеющие понятия о выгодах благоустроенных обществ...; здесь он видит повсюду поля..., обширные города и многие селения, видит народ, соединенный в политическое тело, достигший некоторой степени гражданской образованности...» (Потанин, 1909а: 210). Подтверждением потенциальных имперских амбиций России на Востоке можно считать описание автором не только ситуации вступления русского посольства в город (Ташкент) при полной амуниции и вооружении, но и реакции чиновников на этот демарш, что, безусловно, не могло пройти мимо пристального взора Н.И. Потанина: «Нас встретил токсаба, с 50-ю человеками, вооруженными копьями, саблями и стрелами. Причину такого вооружения можно отнести к желанию показать нам, что и у них находится войско, готовое защищать отечество свое от нападения неприятеля» (Потанин, 1909а: 213).

Детально описывая движение отряда в направлении к г. Коканду, подробно перечисляя селения, комментируя топографию местности, сообщая сведения о численности населения городов и сельских пунктов, Н.И. Потанин обращает внимание на постоянное присутствие стражи и ограничение в передвижении членов экспедиции. Между тем путешественник признается, что, даже находясь в ситуации условного «заточения», он продолжал заниматься «составлением начерно путевого маршрута и по мере возможности старался получить сведения о Коканде от чиновника, находившегося при страже, и других приезжающих» (Потанин, 1909а: 222). При этом Потанин признается читателю в том, что его намерения имеют противозаконный характер, о чем он был предупрежден еще в Ташкенте знакомым татаринном из Петропавловска (Потанин, 1909а: 222).

Тенденциозность наблюдений Н.И. Потанина, запечатленных в записках, выразилась и в акцентированном внимании к сфере управления и военной организации Кокандского ханства. Общим местом текста являются беглые, фрагментарные, часто повторяемые за предшественниками сообщения об окружающих природных явлениях, с резким переходом к оценке хозяйственных возможностей посещаемых местностей, системы податного обложения и военной сферы. Так, фрагментарно осветив особенности климата и рельефа Коканда, Потанин предметно описывает род занятий местных жителей, постепенно смещаясь к главному – военной организации, характеристика которой обширна и детализирована (Потанин, 1909а: 222-223). В спектре авторского интереса оказываются такие вопросы, как порядок поступления на службу лиц мужского пола Кокандского ханства, функционирование войска в мирное и военное время, рода войск и воинский строй, структура отдельных подразделений, принципы материального стимулирования ратников (Потанин, 1909а: 222-223).

Не меньший интерес исследователя вызвала и система административного управления ханством, связанная с порядком наследования и обеспечивавшая, с точки зрения Н.И. Потанина, правовой порядок, устойчивость государственного управления и эффективность вооруженных сил. Путешественник констатирует отсутствие писаного права у кокандцев, суровость судопроизводства, сосредоточенного в руках духовных феодалов, что подкрепляет самовластие хана и гарантирует его наследникам или, при отсутствии таковых, видным чиновникам преемственность власти (Потанин, 1909а: 223-224).

В отличие от побывавшего в Кокандском ханстве в 1813–1814 гг. Ф. Назарова, который, по большому счету, ограничился простым описанием картины мира восточного общества, Н.И. Потанин оказался более склонен к оценочным суждениям и выводам, критике потенциального противника с цивилизаторских и имперских позиций. И здесь показательными можно считать два эпизода, венчавших экспедицию, в достаточной мере иллюстрирующих мышление «человека-цивилизованного» и «человека-имперского». В первом случае Н.И. Потанин, рассказывая в записках о казни женщины, изменившей мужу, выразил негодование не только по поводу самого факта жестокого наказания, но, прежде всего, вероломства, заложенного в ментальности кокандского социума и султанов. В комментарии к сюжету он написал: «Замечательно, что столь строгое отношение к целомудрию обоих полов населения ханства не помешало самому хану Муххамед-Али прославиться своим распутством и впоследствии даже жениться на своей мачехе, что по шариаду

составляет величайшее преступление» (Потанин, 1909а: 233). Второй случай касался уже много раз озвученной военной темы и представлял собой довольно ироничное описание казацким хорунжим, привыкшим к определенному порядку и однообразию кокандского войска, воины которого были собраны из окрестных городов и селений, двигались хаотично, без всякого порядка, а люди были вооружены крайне разнообразно: одни – саблями и ружьями, другие – ружьями и пиками, третьи – саблями и стрелами. По свидетельству Потанина, «одежда их состояла в разноцветных халатах, а на головах одни имели чалмы различного цвета, а остальные – небольшие круглые шапочки» (Потанин, 1909а: 234).

Помимо сказанного, результаты имперской экспертизы, проведенной Н.И. Потаниным и участниками похода, ориентированные на обоснование в недалеком будущем колонизаторских планов, распространялись на достаточно широкую сферу. Были собраны максимально точные на текущий момент сведения о Кокандском ханстве, уточнены картографические данные по Средней Азии и Казахстану, создан фундамент для продолжения исследований степных областей, в том числе и с разведывательными целями.

5. Заключение

Таким образом, ставшее в первой половине XIX в. объектом геополитических интересов Российской империи Кокандское ханство активно включалось в орбиту экспедиционной деятельности, основным актором которой выступали посольства, выполнявшие сопроводительные, исследовательские и разведывательные функции. Изменение диспозиции сил империй в системе международных связей и отношений (Россия, Англия, Китай) диктовало новые задачи, нашедшие отражение в восточной политике мировых держав. Для России «восточное поле» являлось одним из главных векторов внешней политики, тесно связанной с политикой внутренней – колонизацией восточных окраин и программой действий в степных областях. Обеспечение безопасности границ, пористых и подвижных на востоке империи, актуальность выполнения обязательств по отношению к племенным группам степной периферии, не имевшим государственности, но являвшимся подданными Российской империи, требовало от государственной власти активных действий – дипломатических и военных. Инструментом реализации данных задач становилась имперская экспертиза неподконтрольных России территорий, входивших в круг ее интересов в относительно близкой перспективе, что способствовало активизации экспедиционной деятельности. В процессе походов в Центральную Азию, в том числе в Кокандское ханство, руководителям отрядов вменялись в обязанность сбор и систематизация материалов о природно-климатических и геолого-географических характеристиках новых земель, этническом и конфессиональном составе населения, организации управления, нравах, обычаях местных жителей. Экспедиции, возглавляемые Ф.М. Назаровым (1813–1814 гг.) и Н.И. Потаниным (1829–1830 гг.), выполнили поставленные перед ними задачи, предоставив в виде отчетов не только калькированное изображение внешних явлений, встреченных в дороге и местах стоянок. Результаты их деятельности заключались и в формировании общественного мнения о широком спектре социально-экономических, политических, культурных интересов России в Центральной Азии, перспективах колонизационного процесса.

Литература

- Бекмаханова, 2015 – Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. М.-СПб.: 2015. 240 с.
- Брежнева, 2018 – Брежнева С.Н. Повседневная жизнь населения Кокандского ханства в описании русского посла (по книге и рукописи Ф.М. Назарова) // *Научный журнал*. 2018. № 2 (7). С. 72-89.
- Вельяминов-Зернов, 1856 – Вельяминов-Зернов В.В. Исторические сведения о Кокандском ханстве от Мухаммед-Али до Худояр хана // *Тр. Вост. отд. Русск. археол. общ.* Ч. 2. 1856. С. 329-370.
- Вяткин, 1936 – Вяткин М.П. Путевые записки лекаря Зибберштейна. М.-Л., 1936. Вып. 1. С. 223-258.
- ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области.
- Гуревич, 1983 – Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии. XVII – первая половина XX в. М., 1983. 311 с.
- Катанаев, 1909 – Катанаев Г.Е. Н.И. Потанин и его предшественники по разведкам в киргизских степях и Средней Азии // *Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия по описанию хорунжего Н.И. Потанина*. СПб., 1909. С. 192-203.
- Майга, 2014 – Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // *Филология и культура*. 2014. № 3 (37). С. 254-259.
- Моисеев, 2003 – Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003. 345 с.
- Назаров, 1891 – Назаров Ф.М. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика. СПб., 1891. 98 с.
- Наливкин, 1885 – Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1885. 215 с.

- Петровский, 1873** – *Петровский Н.Ф.* Очерки Кокандского ханства // *Туркестанский сборник*. Т. 76. 1873. С. 722-757.
- Плоских, 1977** – *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977. 368 с.
- Потанин, 1909а** – *Потанин Н.И.* Записки о Кокандском ханстве хорунжего Н.И. Потанина // *Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия по описанию хорунжего Н.И. Потанина*. СПб., 1909. С. 203-258.
- Потанин, 2006b** – *Потанин Г.Н.* Показания сибирского казака Максимова о Кокандском владении // *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков*. Т. VII. Исследования и материалы. Алматы, 2006. С. 292-303.
- Репина, 2007** – *Репина Л.П.* Интеллектуальные сообщества как объект и предмет сравнительно-исторического исследования: проблемы методологии // *Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительно-исторической перспективе*. М., 2007. С. 89-92.
- Суворова, Кадилов, 2015** – *Суворова Н.Г., Кадилов Э.Р.* Колонизационные тексты имперских экспертов (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2015. № 4 (8). С. 174-193.
- Тольц, 2013** – *Тольц В.* «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013. 336 с.
- Усманова, 2009** – *Усманова Э.* Письмо генерал-майору С.Б. Броневскому, или Тени забытых зимовок. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://zonakz.net/2009/12/08> (дата обращения: 11.03.2022).
- Халфин, 1974** – *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. 406 с.
- Хасанов, 1977** – *Хасанов А.Х.* Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977. 95 с.
- Ходарковский, 2019** – *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. 352 с.
- Чуркин, 2021** – *Чуркин М.К.* Степной край в системе российского имперского управления второй половины XIX в. в репрезентации эго-текстов колониальных экспертов // *Вопросы истории Сибири / Сборник научных статей IV Международной научной конференции, Омск, 11–12 ноября 2021 года*. С. 156-164.

References

- Bekmakhanova, 2015** – *Bekmakhanova, N.E.* (2015). Prisoedinenie Tsentral'noi Azii k Rossiiskoi imperii v XVIII – XIX vv. [Accession of Central Asia to the Russian Empire in the XVIII – XIX centuries]. М.: SPb.: 2015. 240 p. [in Russian]
- Brezhneva, 2018** – *Brezhneva, S.N.* (2018). Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Kokandskogo khanstva v opisaniy russkogo posla (po knige i rukopisi F. M. Nazarova) [Daily life of the population of the Kokand Khanate in the description of the Russian ambassador (according to the book and manuscript of F.M. Nazarov)]. *Nauchnyi zhurnal*. 2(7): 72-89. [in Russian]
- Churkin, 2021** – *Churkin, M.K.* (2021). Stepnoi kraj v sisteme rossiiskogo imperskogo upravleniya vtoroi poloviny XIX v. v reprezentatsii ego-tekstov kolonial'nykh ekspertov [The Steppe Region in the system of Russian Imperial administration in the second half of the XIX century as represented by the ego-texts of colonial experts]. *Voprosy istorii Sibiri. Sbornik nauchnykh statei IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Omsk, 11–12 noyabrya 2021 goda*. Pp. 156-164. [in Russian]
- GIAOO** – Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [State Historical Archive of the Omsk Region].
- Gurevich, 1983** – *Gurevich, B.P.* (1983). Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noi Azii. XVII – pervaya polovina XX v. [International Relations in Central Asia. XVII – first half of XX century]. М., 311 p. [in Russian]
- Katanaev, 1909** – *Katanaev, G.E.* (1909). N.I. Potanin i ego predshestvenniki po razvedkam v kirgizskikh stepyakh i Srednei Azii [N.I. Potanin and his predecessors in intelligence in the Kyrgyz steppes and Central Asia]. *Kirgizskie stepi i Kokandskoe khanstvo v nachale KhIKh stoletiya po opisaniyu khorunzhego N.I. Potanina*. SPb. Pp. 192-203. [in Russian]
- Khalfin, 1974** – *Khalfin, N.A.* (1974). Rossiya i khanstva Srednei Azii (pervaya polovina XIX v.) [Russia and the Khanates of Central Asia (the first half of the XIX century)]. М., 406 p. [in Russian]
- Khasanov, 1977** – *Khasanov, A.Kh.* (1977). Narodnye dvizheniya v Kirgizii v period Kokandskogo khanstva [Popular movements in Kyrgyzstan during the period of the Kokand Khanate]. М., 95 p. [in Russian]
- Khodarkovskii, 2019** – *Khodarkovskii, M.* (2019). Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800 [Steppe frontiers of Russia: how the colonial empire was created. 1500–1800]. М., 352 p. [in Russian]
- Maiga, 2014** – *Maiga, A.A.* (2014). Literaturnyi travelog: spetsifika zhanra [Literary travelogue: the specifics of the genre]. *Filologiya i kul'tura*. 3(37): 254-259. [in Russian]

Moiseev, 2003 – Moiseev, V.A. (2003). Rossiya i Kitai v Tsentral'noi Azii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.). [Russia and China in Central Asia (second half of the 19th century – 1917)] Barnaul, 345 p. [in Russian]

Nalivkin, 1885 – Nalivkin, V. (1885). Kratkaya istoriya Kokandskogo khanstva [Brief history of the Kokand Khanate]. Kazan', 215 p. [in Russian]

Nazarov, 1891 – Nazarov, F.M. (1891). Zapiski o nekotorykh narodakh i zemlyakh srednei chasti Azii Filippa Nazarova, otdel'nogo Sibirskogo korpusa perevodchika [Notes on some peoples and lands of the middle part of Asia by Philip Nazarov, a separate Siberian translator's corps]. SPb., 98 p. [in Russian]

Petrovskii, 1873 – Petrovskii, N.F. (1873). Ocherki Kokandskogo khanstva [Essays on the Kokand Khanate]. *Turkestanskii sbornik*. T. 76. Pp. 722-757. [in Russian]

Ploskikh, 1977 – Ploskikh, V.M. (1977). Kirgizy i Kokandskoe khanstvo [Kirghiz and Kokand Khanate]. Frunze, 368 p. [in Russian]

Potantin, 1909a – Potantin, N.I. (1909). Zapiski o Kokandskom khanstve khorunzhego N.I. Potanina [Notes on the Kokand Khanate by the cornet N.I. Potanin]. *Kirgizskie stepi i Kokandskoe khanstvo v nachale XIX stoletiya po opisaniyu khorunzhego N.I. Potanina*. SPb. Pp. 203-258. [in Russian]

Potantin, 2006b – Potantin, G.N. (2006). Pokazaniya sibirskogo kazaka Maksimova o Kokandskom vladenii [Estimony of the siberian cossack Maksimov about the Kokand possession]. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* T. VII. Issledovaniya i materialy. Almaty. Pp. 292-303. [in Russian]

Repina, 2007 – Repina, L.P. (2007). Intel'ktual'nye soobshchestva kak ob'ekt i predmet sravnitel'no-istoricheskogo issledovaniya: problemy metodologii [Intellectual communities as object and subject comparative-historical research: problems methodology]. *Politicheskie i intel'ktual'nye soobshchestva v sravnitel'no-istoricheskoi perspektive*. M. Pp. 89-92. [in Russian]

Suvorova, Kadikov, 2015 – Suvorova, N.G., Kadikov, E.R. (2015). Kolonizatsionnye teksty imper'skikh ekspertov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Colonization texts of imperial experts (second half of the XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 4(8): 174-193. [in Russian]

Tol'ts, 2013 – Tol'ts, V. (2013). «Sobstvennyi Vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperijskii i rannesovetskii period ["Russia's Own East": Identity politics and oriental studies in the late imperial and early soviet periods]. M., 336 p. [in Russian]

Usmanova, 2009 – Usmanova, E. (2009). Pis'mo general-maioru S.B. Bronevskomu, ili Teni zabytykh zimovok [Letter to Major General S.B. Bronevsky or Shadows of Forgotten Wintering.]. Ch. 1. [Electronic resource]. URL: <https://zonakz.net/2009/12/08> (date of access: 11.03.2022). [in Russian]

Vel'yaminov-Zernov, 1856 – Vel'yaminov-Zernov, V.V. (1856). Istoricheskie svedeniya o Kokandskom khanstve ot Mukhammed-Ali do Khudoyar khana [Historical information about the Kokand Khanate from Muhammad Ali to Khudoyar Khan]. *Tr. Vost. otd. Russk. arkheol. obshch.* Ch. 2. 1856. Pp. 329-370. [in Russian]

Vyatkin, 1936 – Vyatkin, M.P. (1936). Putevye zapiski lekarya Zibbershteina [Travel notes of the doctor Zibberstein]. M.-L., Vyp. 1. Pp. 223-258. [in Russian]

Кокандское ханство как объект геополитических интересов России в репрезентации травелогов имперских экспертов первой половины XIX в.

Бакыт Салманович Токмурзаев^{a, *}, Сарсенбек Кулишович Елшибаев^a,
Сабира Нурбаевна Апашева^a

^a Университет «Сырдария», Жетысай, Республика Казахстан

Аннотация. В статье на материалах травелогов российских путешественников Ф.М. Назарова и Н.И. Потанина в Кокандское ханство раскрываются репрезентации региона как объекта геополитических интересов Российской империи в первой половине XIX в. Методологическим основанием исследования являются подходы «новой культурно-интеллектуальной» и «новой имперской» истории, а достоверность и обоснованность выводов обеспечивается привлечением к работе широкого круга дополнительных материалов: отчетов путешественников, посетивших в указанный период государства Центральной Азии с дипломатическими визитами.

Установлено, что при организации экспедиции учитывались не только текущие цели, связанные с сопровождением иностранных посольств на родину, но и перспективные, предполагающие проведение экспертизы земель, входящих в орбиту геополитических интересов России. Руководителями таких посольств, как правило, назначали лиц казачьего звания, обладавших средним образовательным цензом, но при этом владеющих восточными языками и/или навыками

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев)

маршрутной съемки и картографирования. В процессе исследования доказано, что круг проблем, стоявший перед путешественниками, определялся внешнеполитической обстановкой на восточной периферии и местом России в данной диспозиции, что в определенной степени предоставляло им относительную свободу действий в принятии решений. Результатом имперской экспертизы Кокандского ханства стала подготовка и публикация подробных отчетов о ходе экспедиции, территории ее движения, населении, административном устройстве, что сопровождалось не только текстовым материалом, но и маршрутными картами. Все это в совокупности конструировало правдоподобную картину мира жителей востока, позволяло составить представления военных и администрации о возможностях продвижения на восток не только средствами дипломатии.

Ключевые слова: Кокандское ханство, Российская империя, геополитика, колонизация, имперские эксперты, травелог, общественно-политический дискурс, репрезентации, внешняя политика, казачество.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 677-694
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.677

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russia and Jigetiya: to the Issue of Relations in 1837–1854

Konstantin V. Taran ^{a,*}, Sergey D. Ludwig ^b, Andrey A. Baibarin ^c, Nina M. Pestereva ^{d,e}

^a Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^d Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

^e Harbin International Sports Cooperation and Exchange Association, Harbin, China

Abstract

The article examines the Russian-Jigeti relations in the Caucasus in the middle of the XIX century.

The source base of the research consists of archival materials of the State Archive of the Krasnodar Krai (Krasnodar, Russian Federation), collections of documents, materials of personal origin and pre-revolutionary periodicals.

In solving research problems, the authors applied the principle of historicism, which made it possible to make a comprehensive analysis of pre-revolutionary, Soviet and modern sources and historiography related to Russian-Jigeti relations.

In conclusion, the authors state that Russian-Jigeti relations developed in a difficult military-political situation. After the construction of the fortification of the Holy Spirit at the mouth of the Mzymta River in 1837, the jigets, despite the influence of a stronger and more numerous tribe of Ubykhs, systematically contacted the Russian command. The Jigeti princes regarded the Russians as a new military and political force on the eastern shore of the Black Sea, capable of preventing attacks on the small tribe of Jigets by the Ubykhs and other powerful tribes of the Caucasus. The acceptance of Russian citizenship by the Jigets had a positive impact on the political stability in Jigeti and contributed to the establishment of peaceful relations between the Jigets and Russians.

Russian-Jigeti relations began to deteriorate in the early 1850s, after a joint attempt by Jigets and Ubykhs to invade Abkhazia for plunder. The Jigets were deprived of their privileges. The anti-Russian activities of Naib Mahomet-Amin among the Ubykhs also negatively affected the military-political situation in Jigeti, since the Jigeti societies partially joined Mahomet-Amin. As a result of the outbreak of the Crimean War in March 1854, the garrison of the fortification of the Holy Spirit was evacuated, and the Jigeti police station also ceased to exist.

Keywords: Russian Empire, Jigetiya, Abkhazia, North Caucasus, Black Sea coastline, jigeti, Jigeti bailiff, ubykh, dialogue of cultures, 1837–1854.

1. Введение

В период становления российского присутствия на восточном берегу Черного моря в 1830-х годах довольно сложно складывались взаимоотношения русского командования с кавказскими племенами, которые не признавали над собой власти царского правительства. Исключением стали переговоры князей малочисленного племени джигетов о принятии присяги русскому царю.

* Corresponding author

E-mail addresses: taran.constantin@yandex.ru (K.V. Taran), pnm_06@mail.ru (N.M. Pestereva)

В данной работе рассматривается процесс российско-джигетских взаимоотношений, вследствие которых все общества племени джигетов приняли российское подданство. Также исследованы взаимоотношения русского командования и джигетов, причины ухудшения отношений, а также ликвидация Джигетского приставства.

2. Материалы и методы

В качестве материалов применялся целый комплекс разнообразных источников:

1) архивные источники – Государственный архив Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация);

2) сборники архивных документов и материалов – четыре тома сборников документов «Акты Кавказской археографической комиссии» (АКАК, 1866–1904; АКАК, 1885; АКАК, 1888; АКАК, 1904) и другие (Абаза..., 2020; Материалы..., 2011; Документы..., 2016; Джигетский сборник, 2012; Полное собрание..., 1838; Полное собрание..., 1841);

3) источники личного происхождения – воспоминания участников событий (Званба, 1982; Рукевич, 1914; Филипсон, 1883; Филипсон, 1884);

4) дореволюционная периодическая печать – российская газета «Кавказ» и дореволюционные журналы «Военный сборник», «Русская старина», «Кавказский сборник», «Кубанский сборник», «Русский вестник», «Исторический вестник» и «Русский архив».

В решении исследовательских задач нами применялся принцип историзма, который позволил сделать комплексный анализ дореволюционных, советских и современных источников и историографии, относящихся к российско-джигетским взаимоотношениям.

3. Обсуждение

Историографию по теме исследования российско-джигетских взаимоотношений следует разделить на три хронологических периода: дореволюционный, советский и современный.

Сведения о взаимоотношениях России и племени джигетов в дореволюционный период были опубликованы в исследованиях, рассматривающих военные действия русских войск на Черноморском побережье северо-западного Кавказа (Васильев, 1874; Воспоминание..., 1847; Головин, 1847; Дроздов, 1887; Дьячков-Тарасов, 1904; К. Обзор событий..., 1899; Карлгоф, 1855; Н.В., 1889; Очерк положения, 1877; Ржевуский, 1883; Рукевич, 1914; Тенгинский полк..., 1900; Утверждение наше в Абхазии, 1889; Федоров, 1879). Кроме этого, следует отметить монографии дореволюционных авторов, освещающих боевые действия русских войск в период Кавказской и Крымской войн (Богданович, 1876; Дубровин, 1871; Ковалевский, 1911; Потто, 1889; Эсадзе, 1914).

Сведения о Джигетии представлены в трудах дореволюционных исследователей, рассматривавших кавказские племена и территории их проживания (Анучин, 1860; Берже, 1992; Берже, 2011; Бларамберг, 1999; Дьячков-Тарасов, 1903; Дьячков-Тарасов, 1909–1910; Дьячков-Тарасов, 1902; Званба, 1852; Званба, 1982; Карлгоф, 1860; Люлье, 1927; Нордман, 1838; Сафонов, 1837; Сталь, 1900; Торнау, 1864). Также необходимо указать исследования английских агентов, которые в первой половине XIX находились среди кавказских племен (Белл, 2007а; Белл, 2007b; Спенсер, 1993; Спенсер, 2008).

В трудах советских историков события на Северном Кавказе освещались как народно-освободительная борьба кавказских племен с царскими войсками (Фадеев, 1935; Фадеев, 1960; Лавров, 2009; Дзидзария, 1940; Дзидзария, 1958; Покровский, 1989).

В современный период опубликовано исследование этнической истории и этнокультурных контактов садзо-джигетов историком Ш.Д. Инал-Ипа (Инал-Ипа, 1995).

В исследованиях современных авторов рассматривались деятельность укреплений Черноморской береговой линии в период становления российского присутствия на Северном Кавказе, в том числе Святого Духа и Навагинского (Каратаев, Черкасов, 2007; Каратаев, Черкасов, 2009). Также следует отметить совместные труды ученых, которые освещали джигетское общество и его контакты с Россией и Абхазией (Cherkasov et al., 2015; Cherkasov et al., 2016; Cherkasov et al., 2016a). В 2016 г. историк Т.А. Магсумов опубликовал рецензию на сборник документов о Джигетии, подготовленный исследователем А.А. Черкасовым (Магсумов, 2016). Проблеме работорговли кавказских племен с Турцией, в которой участвовали и джигеты, посвящены работы К.В. Тарана и А.А. Черкасова (Cherkasov, 2020; Taran, 2020).

4. Результаты

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. завершилась победой России, и в соответствии с мирным Адрианопольским договором территории Закубанья и восточного берега Черного моря вошли в состав Российской империи. Кавказские племена, проживавшие на вновь приобретенных территориях, отказывались признавать над собой власть русского царя, за исключением Абхазского княжества, которое с 1810 г. находилось под покровительством Российской империи (Ачугба, 2011: 54).

Малочисленное племя джигетов, проживавшее на Черноморском побережье северо-западнее Абхазии между р. Агурой и укреплением Гагра, в 1830-х гг. имело постоянные сношения с русским

военным командованием. Первые диалоги и попытки сближения русского командования и джигетов нами описаны (Taran et al., 2022: 157-167).

Рис. 1. Карта восточного берега Черного моря // описи капитан-лейтенанта Е. Манганари, 1834 г. (гравировано в Санкт-Петербурге в 1840 г.)

Джигетские князья и их подвластные были против возведения русскими укрепления Святого Духа в устье р. Мзымта. В боевых действиях с русскими войсками принимали участие соседние с джигетами племена. Например, когда в 1837 г. русские заняли мыс Адлер, убыхи и джигеты прекратили между собой вражду и объединились взаимной присягой, которая ежегодно возобновлялась. В случае нарушения присяги с лиц, уличенных в контактах с русскими, взимались штрафы, при этом постоянно происходили тайные сношения джигетов и русских (Званба, 1982: 8).

Несомненно, малочисленное племя джигетов находилось под влиянием более сильного племени убыхов. Джигетам приходилось участвовать во всех военных предприятиях, организованных убыхами, но после постройки укрепления Святого Духа, гарнизон которого состоял из одного батальона, политическая ситуация в регионе изменилась (Филипсон, 1883: 304).

21 сентября 1837 г. император Николай I назначил начальником 1 отделения Черноморской прибрежной линии генерал-майора Н.Н. Раевского, которому подчинялись все укрепления от Анапы до Гагры, а также все войска, расположенные на этой линии, и Геленджикский отряд военных судов, крейсирующих вдоль побережья (Полное собрание..., 1838: 10577).

Деятельность укреплений Черноморской прибрежной линии была направлена на прекращение контрабанды и торговли невольниками, производимой турками с жителями восточного берега Черного моря. Племя джигетов также являлось активным участником торговли рабами и контрабандными товарами с турками (Taran, 2020: 74-86).

Кавказские племена противились строительству укреплений на их территории. Когда русские войска производили десант в устье р. Сочи в апреле 1838 г. на территории общества Саше, джигеты вместе с убыхами и другими кавказскими племенами пытались безуспешно предотвратить высадку

русского десанта. Потери кавказцев были значительными, у русских было убито 31 человек и 133 ранено (Черкасов, 2005: 14-16).

Командир русского десанта генерал-майор А.М. Симборский в воззвании к кавказским племенам от 17 апреля 1838 г. обещал от имени императора Николая I, что горские племена у себя будут управлять по собственным правам и обычаям, а религиозные верования «останутся неприкосновенной святыней для всех Русских властей». Кавказцы ответили категорическим отказом и не признали над собой власти русского царя (АКАК, 1866–1904: 455).

В 1838 г. командир отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенант Е.А. Головин при посещении укрепления Святого Духа в Джигетии обратил внимание на отсутствие порядка внутри укрепления и распорядился назначить начальником гарнизона надежного штаб-офицера, которым стал командир Черноморского линейного № 6 батальона майор Посыпкин. В апреле 1839 г. генерал-лейтенант Раевский, находясь в укреплении Святого Духа, отметил, что в укреплении все убрано и чисто, гарнизон хорошо обмундирован и выучен, а нижние чины имеют вид здоровый и веселый. Кроме этого, местные джигеты тайно посещали укрепление Святого Духа для продажи своих товаров, а князь Куаташ Мамсыр Поэ часто приезжал к русским за лекарствами (Архив Раевских, 1910: 94).

Решением императора Николая I в апреле 1839 г. 1 отделение Черноморской прибрежной линии было преобразовано в Черноморскую береговую линию, начальником которой был назначен генерал-лейтенант Н.Н. Раевский. Береговая линия была разделена на 2 отделения и простиралась от устья р. Кубань до Мингрелии. Раевскому подчинялись также Абхазия и Цебельда с войсками, там расположенными. Территория 1 отделения занимала пространство от устья р. Кубань до форта Александрия. Начальником 1 отделения, а также укрепления Новороссийск и строящегося там порта был назначен контр-адмирал Л.М. Серебряков. Черноморское побережье от форта Александрия до границы Мингрелии входило в состав 2 отделения, которое возглавил генерал-майор М.М. Ольшевский. Начальнику 2 отделения присваивалась власть командующего войсками в Абхазии. Во время пребывания генерал-лейтенанта Раевского в Керчи в зимний период, с 1 ноября по 1 марта, начальник 2 отделения находился в прямом подчинении командира отдельного Кавказского корпуса. Соответственно укрепление Святого Духа было в составе 2 отделения (АКАК, 1866–1904: 460-461).

По предложению генерал-лейтенанта Раевского граница между 1 и 2 отделением была определена по р. Субаши, т.е. укрепления Головинское и Навагинское (Александрия), расположенные на территории убыхов, находились в ведении начальника 2 отделения (АКАК, 1866–1904: 461).

В 1839 г. по инициативе начальника Черноморской береговой линии генерал-лейтенанта Раевского во всех укреплениях на восточном берегу, кроме Тенгинского, Головинского и Навагинского, начались мирные сношения с местными жителями и была организована мена солью. В своей записке «О политическом состоянии Восточного берега» (конец февраля 1840 г.) Н.Н. Раевский указывал об улучшении добрососедских взаимоотношений русских военных с кавказскими племенами, чему способствовала торговля и мена солью (Архив Раевских, 1910: 338-350).

В феврале 1840 г. император Николай I полагал, что необходимо употреблять силу оружия против агрессивных действий кавказских племен, но при этом обязательно пытаться склонять их к мирным взаимоотношениям, указывая на выгоды от сношения с русскими. Укрепления Черноморской береговой линии Николай I рассматривал как временные военные учреждения для утверждения русской государственности на Черноморском побережье северо-западного Кавказа (АКАК, 1866–1904: 466).

В то же время, в феврале и марте 1840 г., обострилась ситуация на Черноморской береговой линии. После неурожая 1839 г. среди племен северо-западного Кавказа ощущался недостаток продовольствия, вследствие которого беднейшие продавали своих детей зажиточным соплеменникам по низким ценам и брали плату большей частью продовольственными припасами. Кроме этого, имел место дефицит холста, сафьяна, турецких шелковых и бумажных тканей. Кавказцы дорого платили за изношенные рубашки русских солдат. Например, убыхи не торговали с русскими и, рискуя жизнью, ночью подкрадывались к укреплениям и выкапывали тела солдат с целью снять с них саван и рубашки. В свою очередь старейшины предупреждали своих соплеменников не предпринимать враждебных действий против русских. Неурожай и отсутствие необходимых товаров стали следствием нападения племен северо-западного Кавказа, среди которых были и джигеты, на русские укрепления Черноморской береговой линии (АКАК, 1866–1904: 489, 498, 500).

Кавказские племена 7 и 29 февраля 1840 г. атаковали и овладели соответственно фортом Лазарева и укреплением Веляминовским, а в ночь с 21 на 22 марта кавказцы захватили укрепление Михайловское (Берже, 1877: 277).

Несмотря на усиление антирусских настроений, чему способствовало взятие трех укреплений Черноморской береговой линии, при посредничестве владетеля Абхазии князя М. Шервашидзе российское подданство приняли и выдали аманатов джигетские князья Состан-Газ, Кван, Лаз, Сосран, Хаджала, Шахиль, Решит-пана, Халил, Соломон и Шорахмед – все из фамилии Анчабадзе. Джигетские князья являлись представителями общества Хышха, которое располагалось в верховьях

р. Хошупсе и имело 200 дворов. Также представители фамилии Анчабадзе проживали в нескольких прибрежных населенных пунктах в Цандрипше (Документы..., 2016: 48, 57).

Следует отметить, что князья Анчабадзе из общества Хышха в 1830 г. приняли присягу русскому императору, но без выдачи аманатов (Taran et al., 2022: 159).

Князь М. Шервашидзе также пытался склонить убыхских князей Хаджи и Генартука Берзеков принять присягу русскому царю. До 9-летнего возраста М. Шервашидзе воспитывался в доме Хаджи Берзека и пользовался определенным авторитетом и влиянием среди убыхов. Берзеки отказались от российского подданства, но приложили усилия и уговорили убыхов не разорять джигетское общество Хышха, представители которого приняли присягу (Материалы..., 2011: 125-126, 147).

Генерал-лейтенант Раевский ошибочно полагал, что устройство в Джигетии еще одного укрепления на р. Хошупсе предотвратит торговлю рабами и контрабандными товарами джигетов с турками, т.к. между укреплениями Навагинское и Головинское в устьях рек имелись не контролируемые русскими стоянки турецких кочерм. Поэтому в марте 1840 г. император Николай I послал строительное укрепление на р. Хошупсе преждевременным, при этом было запланировано возобновление разрушенных укрепления Вельяминовского и форта Лазарева (АКАК, 1866–1904: 486).

10 и 22 мая 1840 г. русские десанты высадились соответственно в районе рек Туапсе и Псеуапсе для восстановления укреплений Вельяминовского и Лазаревского (М.П. Лазарев, 1955: 595-596). В долине р. Псеуапсе русские войска сожгли 13 шапсугских аулов и уничтожили все насаждения в ответ за участие шапсугов в разорении русских укреплений (Фадеев, 1935: 150).

Помимо шапсугских аулов, русское командование планировало провести военные экспедиции против убыхов, которые были во главе объединенных кавказских племен, захвативших три укрепления на Черноморской береговой линии, но планы были изменены. По распоряжению генерал-лейтенанта Раевского было решено по берегу Черного моря от укрепления Гагры до укрепления Святого Духа провести русские войска через территорию джигетов, которые частично изъявили готовность принять русское подданство. Военная экспедиция против убыхов в 1840 г. не состоялась из-за убития войск 5 пехотного корпуса из Черноморской береговой линии, а остальных военных сил было недостаточно (АКАК, 1866–1904: 494).

Поручик Навагинского пехотного полка Худобашев попал в плен после взятия Вельяминовского укрепления и находился среди убыхов в обществе Вардане. Худобашев обратил внимание на то, что простые убыхи не были против подданства России, но их князья, наоборот, заставляли своих подвластных принять антирусскую присягу. Английские и турецкие агенты запугивали убыхских князей, что в случае принятия русского подданства они лишатся своих подданных и будут служить солдатами в русской армии (Н.В., 1889: 361-362).

11 сентября 1840 г. произошла очередная реорганизация Черноморской береговой линии, вследствие которой 1 отделение было разделено на два самостоятельных отделения, т.е. на 1 и 2, а бывшее 2 отделение переименовано в 3 отделение. Как и прежде, 1 отделение возглавлял контр-адмирал Л.М. Серебряков, начальником 2 отделения был назначен генерал-майор граф К.И. Опперман, а 3 отделением командовал полковник М.М. Муравьев (Полное собрание..., 1841: 13785).

Как и прежде, начальником Черноморской береговой линии являлся генерал-лейтенант Н.Н. Раевский, возглавляли Черноморскую береговую линию с 1841 по 1843 годы генерал-адъютант И.Р. Анреп, с 1843 по 1851 годы генерал-адъютант А.И. Будберг и с 1851 года и до упразднения линии вице-адмирал Л.М. Серебряков (Герасименко, Санеев, 1998: 38, 51, 59).

Укрепления 3 отделения были расположены на территории убыхов, общества Саше, Джигетии и Абхазии. Помимо укрепления Святого Духа, в состав 3 отделения входили следующие укрепления: Головинское, Навагинское, Гагра, Бомборы, Пицунда, Сухум-Кале; форты: Марамбо, Дранды и Илори. Командование 3 отделения дислоцировалось в Сухум-Кале (Основные..., 1986: 18).

Осенью 1840 г. общество Хышха и несколько населенных пунктов в Цандрипше, принявших русское подданство, были ограблены убыхами во главе с Хаджи Берзеком, который взял с них штраф и присягу не входить в сношения с русским командованием (Документы..., 2016: 57).

Несмотря на агрессивные действия убыхов, джигетские общества продолжили контакты с русскими и абхазским князем Шервашидзе. В течение 1840 г. владетель Абхазии князь Шервашидзе и Кацо Маргани склоняли джигетов, подвластных князьям Арид, Геч и Цан, общее количество которых достигало 10 тыс. человек, принять русское подданство. Джигетские общества, решившие принять присягу русскому царю, проживали на территории от долины Лиешь (район Константиновского Адлерского мыса), где в устье р. Мзымта находилось укрепление Святого Духа, до общества Цандрипш. Посредническая деятельность Шервашидзе дала свои результаты, и в конце 1840 г. в укреплении Святого Духа начальник Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Раевский встретился с джигетскими князьями для принятия присяги (АКАК, 1866–1904: 296; Филипсон, 1883: 353).

Русское командование полагало, что джигеты являются сторонниками ислама и для проведения присяги необходим был том корана, но среди жителей долины Лиешь его не оказалось, что ставит под сомнение популяризацию мусульманского учения среди джигетских обществ.

У русского офицера оказалось в наличие компактное издание басен И.А. Крылова, которое вложили в чехол из зеленого сафьяна, и джигеты, дотрагиваясь до мнимого корана, произносили слова присяги (Филипсон, 1883: 354).

Благодаря добровольному принятию российского подданства джигетскими обществами, подвластными князьям Арид, Геч и Цан, территория севернее укрепления Гагра и до бассейна р. Кудепста оказалась под контролем командования Черноморской береговой линией. В то же время штаб-офицер полковник Г.И. Филипсон, который исполнял обязанности начальника штаба и осуществлял общее руководство войсками Черноморской береговой линии, скептически относился к принятию присяги джигетскими обществами. По мнению Филипсона, более воинственные общества медовеев (ахчипсоу, цвиджа и айбга), среди которых имели авторитет князья Маршани, а также убыхи постоянно оказывали давление на джигетов, поддерживая антирусские настроения (Филипсон, 1883: 353).

В противовес Филипсону джигеты своим отношением к русским доказывали иное. Например, в 1839 г., т.е. до принятия присяги, джигетский дворянин Душнаух Аридбаев вернул русским два фальконета, изъятых у убыхов, которые украли эти фальконеты в укреплении Бомборы. В 1840 г. Д. Аридбаев вывел из строя два орудия, из которых убыхи вели огонь по Навагинскому укреплению. Исправляющий должность начальника 3 отделения полковник Н.Н. Муравьев ходатайствовал о награждении Аридбаева золотой медалью (Н.В., 1889: 366).

Начальник Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Раевский большое внимание уделял торговым отношениям с кавказскими племенами. В феврале 1841 г. Раевский отмечал, что налаживание добрососедских отношений с кавказцами через торговлю будет способствовать политической стабильности на северо-западном Кавказе. С русскими укреплениями торговали натухайцы и джигеты с общего разрешения всех закубанских и прибрежных племен. Натухайцы и джигеты сами снабжали товарами остальные кавказские племена и получали от этого значительную выгоду. Раевский надеялся, что и другие племена осознают пользу от выгодной торговли с русскими. Из всех укреплений Черноморской береговой линии только в пяти (Тенгинское, Вельяминовское, Лазарева, Головинское, Навагинское) отсутствовала торговля с кавказскими племенами (АКАК, 1866–1904: 505, 508).

В начале 1841 г. вместо ушедшего в отставку генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского был назначен исправляющим должность начальника Черноморской береговой линии генерал-майор И.Р. Анреп (Н.В., 1889: 381).

При посредничестве владетеля Абхазии генерал-майора князя М. Шервашидзе 25 апреля 1841 г. джигетские князья Зураб Хамыш и Хасан Гечабая, а также дворяне и крестьяне обществ Хамыш и Геч дали клятвенное обещание о верности императору Николаю I. Джигетское общество Хамыш проживало на южных скатах г. Ахун севернее от р. Хоста вдоль Черноморского побережья до р. Агура. Общество Геч было расселено в бассейне р. Псоу (Материалы..., 2011: 144-145).

Во время переговоров о принятии российского подданства князь Шервашидзе обращал внимание джигетов на благосостояние Абхазии, которое было достигнуто под покровительством России, при этом права и обычаи абхазов были сохранены. Поэтому джигетские и убыхские общества выразили желание провести переговоры в районе укрепления Святого Духа с исправляющим должность начальника Черноморской береговой линии генерал-майором И.Р. Анрепом. В укрепление Святого Духа генерал-майор Анреп, полковник Муравьев, князь М. Шервашидзе и подполковник Кацо Маргани прибыли 9 мая 1841 г. На следующий день, 10 мая, в долину Лиешь прибыли джигетские и убыхские князья, а князь Шервашидзе на расстоянии картечного выстрела вел с ними переговоры. Убыхи из общества Вардане, проживавшие в окрестностях Головинского укрепления, категорически были против миролюбивых взаимоотношений с русскими, на чем они настаивали, и их мнение отразилось на убыхских князьях. В течение двух дней длились переговоры. В итоге джигетские общества Цандриш, Геч и Арета, а также князь общества Саше Аубла Ахмет, влияние которого простиралось от р. Псахе до р. Мацеста, решили принять российское подданство. Джигетские князья и Аубла Ахмет обязались защищать друг друга в случае нападения убыхов. Первым на коране близ укрепления Святого Духа 12 мая принял присягу русскому царю Аубла Ахмет, а следом за ним – джигеты. Каждое общество выдало русскому командованию аманатов (Документы..., 2016: 59).

Генерал-майор Анреп назначил джигетским приставом поручика Виртембергского полка князя Александра Шервашидзе, брата владетеля Абхазии князя Михаила Шервашидзе. Из казенных сумм Черноморского линейного № 8 батальона генерал-майор Анреп раздал в знак благодарности принявшим присягу князьям и влиятельным лицам 39 червонцев и 2 311 рублей серебром. Анреп ходатайствовал о награждении М. Шервашидзе орденом Святой Анны I степени и производстве подполковника Кацо Маргани в следующий чин. Также был отмечен полковник Муравьев. Император Николай I собственноручно начертил резолюцию: «*Слава Богу! Преважное дело и лучше всякой победы оружием. На все просимое согласен; ген. Анрепу объявить рескриптом совершенное удовольствие за благоразумные действия, а полк. Муравьева в ген.-майоры*» (Документы..., 2016: 60-61).

Во второй декаде мая убыхи заключили под стражу князей Аубла Ахмета и Зураба Хамыша, а также их подданных, участвовавших в принятии присяги, которые были освобождены после отказа от русского подданства. Кроме этого, были лишены свободы убыхские князья Мурад, Герендук и Хаджи Берзеки, но исправляющий должность начальника 3 отделения Черноморской береговой линии полковник Н.Н. Муравьев считал арест убыхов неким притворством, т.к. они были сразу освобождены. Хаджи Берзек распорядился собирать убыхов для вторжения в земли джигетов, принявших присягу. Для предотвращения нападения убыхов на джигетские селения полковник Муравьев 22 мая выдвинул из укрепления Гагра в укрепление Святого Духа два батальона Тенгинского пехотного полка, 2 роты гагринского гарнизона, команду саперов в количестве 25 человек, 50 пластунов из черноморских казачьих пеших полков, усиленных двумя горными орудиями. В укреплении Святого Духа гагринский отряд был усилен двумя ротами Мингрельского егерского полка и двумя горными единорогами. Также Муравьев дал распоряжение джигетам собраться для защиты своих жилищ ([Материалы..., 2011: 154](#)).

Во время следования гагринского отряда по земле джигетов местное население с благодарностью встречало русские войска, а цандрипшские князья, которые на тот момент не приняли российского подданства, объявили о желании принять присягу русскому царю. Следом за гагринским отрядом в укрепление Святого Духа на 11 галерах прибыло 500 человек абхазской милиции во главе с владельцем князем Шервашидзе, а на адлерском рейде собралась значительная эскадра. Ввиду готовившейся экспедиции против убыхов последние отправили свои семьи в горную местность и предложили джигетам провести переговоры. В начале июня Н.Н. Муравьев, уже в чине генерал-майора, разрешил трем джигетским князьям в сопровождении русского офицера и переводчика провести переговоры с джигетами вблизи Навагинского укрепления, где джигеты и убыхи договорились через трое суток встретиться между укреплениями Навагинским и Святого Духа. На встречу джигетов и убыхов, которая состоялась в назначенном месте 4 июня, прибыл генерал-майор Муравьев с двумя офицерами и шестью донскими казаками ([АКАК, 1866–1904: 506, 508](#)).

Генерал-майор Муравьев предъявил убыхам ряд требований и обязательств, которые были приняты и утверждены убыхами по народному обычаю принятием присяги. Убыхи обязывались в течение трех месяцев принять решение о российском подданстве, не нападать на джигетов и абхазов, а также возвратить джигетам аманатов, у них находящихся. Джигеты также были обязаны не нападать на убыхов. После этого к Муравьеву прибыли хамышские князья и заявили, что хотя с них убыхами был взят штраф за принятие присяги российскому правительству, но они этой присяге не изменят ([Материалы..., 2011: 154](#)).

Практически все джигетские общества приняли российское подданство. В знак изъявления покорности джигетами русскому царю император Николай I пожаловал этому народу знамя. Были отмечены князья и дворяне всех джигетских обществ. В прапорщики был произведен дворянин Дишануха Аридба, в подпоручики – Зураб Хамыш, Пата Аридба, Ислам Аридба, Алтхуа Асланбей Геч, Эдырбей Геч, Гасан Геч, Батыршах Цан, Якуба Цан, Мисоуст Учан-Ипа, Беслан Учан-Ипа, Состангаз Анчибадзе и Лаз Анчибадзе. Князь общества Саше Аубла Ахмет был произведен в капитаны ([Документы..., 2016: 64–66](#)).

22 июля 1841 г. генерал-майору Муравьеву от джигетских князей стало известно о сборе убыхов и представителей других племен в количестве около 16 тыс. человек для нападения на укрепление Навагинское. При этом данное укрепление систематически обстреливалось из четырех орудий, установленных на господствующей высоте. Также от джигетов стало известно, что убыхи, шапсуги и абадзехи планируют в ночь с 30 на 31 июля штурмовать укрепление Навагинское, поэтому генерал-майор Муравьев из укрепления Святого Духа доставил на судах 1 тыс. человек подкрепления. Джигетские князья Созрон Аридбаев, Асланбей Геч, Мисоуст Учан-Ипа и их подвластные охраняли берег моря и горные тропы, ведущие в Джигетию и укрепление Святого Духа. В связи с усилением гарнизона укрепления Навагиноного штурма не последовало, убыхи из орудий перестали обстреливать это укрепление, а кавказцы разошлись по своим селениям. В эти дни, несмотря на большое скопление убыхов, шапсугов и абадзехов, джигетские общества Сумхарипш, Банчерипш и Хохрухты, расположенные между прибрежными джигетами и горными медовеевскими обществами, приняли российское подданство ([АКАК, 1866–1904: 511–513](#)).

В течение трех месяцев убыхи не тревожили джигетов, но и не было ответа убыхов по поводу принятия присяги русскому царю, который в июне утвердил решение о проведении в августе военной экспедиции против убыхов. В августе 1841 г. в Гурии началось восстание, которое отразилось на настроениях кавказских племен, проживавших на восточном берегу Черного моря, а экспедиция в земли убыхов была перенесена на октябрь, после завершения в сентябре восстания в Гурии ([Альхов, 2016: 95](#)).

В августе и сентябре джигеты постоянно подвергались давлению со стороны убыхов, которые объявили, что разорят лояльные русским джигетские общества. Генерал-майор Анреп в октябре 1841 г. сконцентрировал в укреплении Святого Духа регулярные войска, морские суда и кавказские милиции для проведения военной экспедиции против убыхов, всего около 8 тыс. человек ([М.П. Лазарев, 1955: 602](#)).

Анреп полагал, что «отложить экспедицию до следующего года – значило бы потерять невозвратно Джигетов, отодвинуться за р. Бзыбь, уверить всех в нашем бессилии и поднять все племена к восточному берегу Черного моря». Предполагалось провести русские войска от укрепления Святого Духа до укрепления Навагинского по берегу моря. Убыхский князь Хаджи Берзек возбуждал кавказские племена против русских и заявил, что «сбреет бороду и наденет женское платье, если пропустит хотя одного Русского в свою землю» (АКАК, 1866–1904: 514).

Путь от укрепления Святого Духа до укрепления Навагинского по берегу моря приблизительно составляет 25 км. При этом необходимо форсировать следующие реки: Кудепста, Хоста, Агура, Мацеста и Бзугу, а также несколько небольших ручьев. Движение русского отряда началось 8 октября по земле джигетов, где боевых столкновений не было. Боевые действия с убыхами имели место при устьях рек Агура, Мацеста и Бзугу, и 10 октября русский отряд прибыл в укрепление Навагинское. Хаджи Берзек после боя в районе р. Мацеста покинул отряд кавказских племен со словами: «Теперь дерись, кто хочет, а я еду домой». Потери русских составили 555 человек, из них убито 129 и ранено 426 человек. Невозможно определить потери убыхов и их союзников. Известно, что среди Берзеков убито 11 человек, в числе тяжело раненных сын Хаджи. Фамилия семьи Дзиащ потеряла убитыми 7 человек, и был тяжело ранен непримиримый враг России Состангул, имевший после Хаджи Берзека наибольшее влияние и авторитет. О больших потерях кавказцев говорит тот факт, что они не старались забирать с поля боя тела своих убитых. Боевой дух убыхов значительно был понижен, и они вступили в переговоры с генерал-майором Анрепом. Следует отметить, что в ходе боевых действий отрядом Анрепа не было уничтожено ни одного аула (АКАК, 1866–1904: 513–519).

В начале ноября 1841 г., в период проведения переговоров, убыхи в районе укрепления Навагинского боевых действий не предпринимали, безоружные жители общества Саше без опасения пасли свой скот в пределах действий артиллерии новой башни, возведенной на господствующей высоте. В то же время 7 ноября группа горных убыхов в количестве не более 100 человек напала в районе укрепления Святого Духа на команду из 108 человек, рубивших лес. Потери русских составили убитыми 21 человек, 9 ранено и 14 рядовых пропали без вести. Убыхи также имели значительные потери, но их количество неизвестно. Следует отметить, что со времени покорения джигетов в укреплении Святого Духа все было спокойно. Русские имели потери вследствие потери бдительности, и поэтому генерал-майор Анреп предписал генерал-майору Муравьеву произвести расследование этого дела (АКАК, 1866–1904: 521, 525).

Переговоры с убыхами происходили при посредничестве владетеля Абхазии князя М. Шервашидзе. От убыхов в переговорах участвовали доверенные лица, среди которых был Хаджи Берзек. Убыхи желали в течение года решить вопрос о принятии российского подданства, не хотели выдавать аманатов, т.к. они не могли поручиться друг за друга, и в течение года обещали ближе познакомиться с русскими, с которыми до этого времени не имели сношений. Кроме этого, убыхи обещали не предпринимать враждебных действий против русских и джигетов. Со своей стороны генерал-майор Анреп обещал не предпринимать боевых действий против убыхов. После окончания переговоров 8 ноября отряд Анрепа из укрепления Навагинского убыл в пункты постоянного сосредоточения морским путем (АКАК, 1866–1904: 520–521, 523).

Командир отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Армении и Кавказской области генерал от инфантерии Е.А. Головин одобрял постройку оборонительной башни на господствующей высоте перед укреплением Навагинским. Головин считал, что при проведении экспедиция по берегу моря русские имели большие людские потери и материальные расходы, поэтому целесообразно было провести высадку русского десанта. В то же время Головин отмечал, что после экспедиции Анрепа на Черноморской береговой линии установилось относительное военно-политическое спокойствие (Очерк положения, 1877: 49, 51, 69).

В начале 1842 г. продолжились сношения убыхов и русского командования, и вследствие этого генерал-майор Анреп 27 февраля 1842 г. вблизи укрепления Головинского в присутствии местных жителей принял присягу русскому царю от убыхов в лице четырех субашинских князей из фамилии Берзеков. Хаджи Берзек также искал встречи с генерал-майором Анрепом по поводу принятия присяги (Фадеев, 1935: 161–162).

В мае 1842 г. в Санкт-Петербург отправилась депутация князей и дворян Джигетского (Садзского) приставства для представления императору Николаю I. Из числа депутации в пути умерло три человека. Сопровождал депутацию С.Т. Званба, который в июне 1842 г. получил звание майора, а 12 ноября 1843 г. был назначен исправляющим должность джигетского пристава. Кроме этого, майор Званба 11 июня 1845 г. был назначен командиром Черноморского линейного № 8 батальона, дислоцированного в укреплении Святого Духа, где Званба принимал и вел диалог с джигетскими старейшинами. В 1847 г. Джигетское приставство было введено в расписание приставских управлений на Кавказе (Званба, 1982: 49–50).

Следует отметить, что джигеты фактически являлись аристократической республикой и управлялись русским военным приставом по народным обычаям. По свойству народных учреждений

пристав не являлся правителем Джигетии, а был в большей степени посредником между правительством и джигетами и их аристократическими фамилиями (АКАК, 1904: 240).

Русское командование оберегало джигетов от вмешательства со стороны других племен, в особенности убыхов, которые весной 1843 г. под предводительством наиба Хаджи-Магомета, сподвижника имама Шамиля, вторглись в Джигетию. Начальник Черноморской береговой линии генерал-майор А.И. Будберг подкрепил джигетов двумя ротами, и этот небольшой отряд не пустил Хаджи-Магомета и его сторонников далее в Джигетию (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1202. Св. 151. Л. 10-11).

В 1844 г. во всех укреплениях Черноморской береговой линии распространилась меновая торговля с местным населением, что способствовало прекращению контрабандной торговли с турками. В обмене товарами участвовали также и русские предприниматели, которые вывозили в порты Черного и Азовского морей следующие товары: скот, домашнюю птицу, лес, хлеб, кожу, воск, мед, пивок и т.д. Годовой товарооборот в семи укреплениях (Ново-Троицкое, Тенгинское, Вельяминовское, Лазаревское, Головинское, Навагинское, Святого Духа) составлял 100 тыс. рублей серебром, что способствовало удовлетворению нужд кавказских племен, проживавших на восточном берегу Черного моря (Ржевуский, 1883: 472; Документы..., 2016: 118).

В 1844 г. случился очередной неурожайный год, от которого страдали в особенности джигеты и убыхи. Джигеты обменивали скот и оружие за бесценок на муку и гоми, за неимением ценных вещей предлагали рабов и собственных детей в обмен на самое незначительное количество муки, а также искали помощь в соседней Абхазии. Убыхи находились еще в более отчаянном положении, т.к. многие из них существовали только подаванием русских солдат. Лидеры убыхов неоднократно обращались к русскому командованию с просьбами о принятии присяги императору в надежде получить помощь и материальную поддержку (Ржевуский, 1883: 444, 453).

В мае 1845 г. в укреплении Святого Духа начальник 3 отделения Черноморской береговой линии генерал-майора Врангель в присутствии значительных лиц джигетов и убыхов объявил Керендуху Берзеку о пожалованном ему императором пенсионе. В этом же году, благодаря деятельности генерал-майора Врангеля и владетеля Абхазии генерал-лейтенанта князя Шервашидзе, дальские и цебельдинские общества 1 июня 1845 г. принесли присягу на верноподданство русскому императору. Шервашидзе также участвовал в переговорах с представителями медовеевского общества Ахчипсхоу, которые изъявили покорность и приняли русское подданство. Указанные события благоприятно отразились на военно-политической обстановке в Абхазии и Джигетии (Документы..., 2016: 77-78; АКАК, 1885: 416).

В 1845 г. в укреплении Святого Духа состоялись переговоры джигетов с русским командованием, касающиеся условий, на которых они приняли российское подданство. Для переговоров от джигетов был избран Аслан-бей Геч. До возведения укрепления Святого Духа джигетские князья имели несколько видов доходов, которые Геч просил восстановить. Так, джигетские князья получали от турецких торговцев плату за стоянку судов, поэтому Геч просил восстановить этот вид дохода для джигетов. Кроме этого, Геч просил разрешить турецким судам приставать к различным берегам Джигетии, а не только к укреплению Святого Духа. Другой источник доходов, которого лишились джигеты и который они просили восстановить, заключался в предоставлении им на откуп продажи винограда и орехов, и они просили воспретить меновую торговлю этими продуктами всем, кроме откупщиков. Геч также просили о возобновлении торговли невольниками, основанной на понятиях исламизма, т.к. эта торговля не считалась у джигетов унижительной. Отцы продавали своих детей, а женщины были не против своей продажи в Турцию, рассматривая это как выгодное замужество, и таким образом поддерживались родственные связи между джигетами и турками. И последнее, Геч от имени джигетов просил разрешение продавать им соль за деньги вместо обмена на скот и другие товары, т.к. считал этот обмен унижительным для дворянского достоинства. Все указанные просьбы джигетов начальником береговой линии были отклонены, при этом всем значительным лицам Джигетии были обещаны подарки, чины и другие награды, и отказ русского командования джигетские князья приняли без каких-либо претензий (Ржевуский, 1883: 461-463).

Кроме этого, в 1845 г. в обустройстве укреплений Черноморской береговой линии принимали участие местные жители, в том числе и джигеты. В 1844 г. из-за смены русла р. Мзымта укрепление Святого Духа было частично разрушено и требовалось проводить ремонтные работы. Смена русла реки происходила из-за сильных морских штормов, т.к. волны щебнем закрывали устье, и река, выступая из берегов, прокладывала к морю новое русло. Например, воздействию р. Шахе подверглось в 1846 г. укрепление Головинское, поэтому ремонтные работы происходили систематически, но уже при новом начальнике 3 отделения Черноморской береговой линии генерал-майоре К.К. Гогенбахе (Карлгоф, 1855: 5-6; АКАК, 1885: 418; Дьячков-Тарасов, 1909-1910: 654).

Во второй половине 1840-х годов русское командование предоставило джигетам исключительные привилегии по сравнению с другими кавказскими племенами. Важнейшие из джигетских князей имели воинские чины и получали пенсии, но главным преимуществом джигетов являлось получение заграничных паспортов и разных облегчений при осуществлении заграничной торговли. Под предлогом поездки в Мекку с семьями джигеты вывозили женщин и детей на

продажу в Турцию. На вырученные за рабов средства джигеты приобретали товары, за которые они были освобождены от уплаты пошлин, не превышающих 300 рублей по каждому особому заграничному паспорту, а вместо них вносились пошлины в таможенную от казны из особых сумм. Джигеты также просили русское командование предоставить им заграничные паспорта под своим именем для убыхов или брали у них невольников для вывоза и торговли ими в Турции. В свою очередь более многочисленное племя убыхов, которым джигеты платили дань, перестали нападать на джигетов и оберегали их от нападения других племен. В сложившейся военно-политической обстановке, при поддержке русского командования и добрососедских отношениях с убыхами, малочисленное племя джигетов значительно улучшило свое благосостояние и пользовалось определенным влиянием среди кавказских племен (АКАК, 1904: 505).

Командование Черноморской береговой линии не препятствовало вывозу невольников джигетами, и, возможно, поэтому в течение шести лет, с осени 1846 г. по осень 1852 г., практически прекратился приход турецких контрабандных судов к восточному берегу Черного моря (АКАК, 1904: 804).

Взаимоотношения русского командования и джигетов стали ухудшаться весной 1850 г., когда убыхи вместе с джигетами предприняли экспедицию для грабежа в Абхазии, но начальник 3 отделения Черноморской береговой линии полковник Н.П. Колюбакин совместно с абхазской милицией под командой генерал-майора Кацо Маргани предотвратили это вторжение. Во время возвращения через заснеженный горный хребет, а также из-за недостатка продовольствия убыхи и джигеты потеряли много из храбрейших своих людей (АКАК, 1885: 902).

Весной 1850 г. на южный склон Главного Кавказского хребта к убыхам прибыл наиб Магомет-Амин с целью распространения шариата и управления убыхами в военных действиях против русских (Панеш, 2006: 74, 82)

Магомет-Амин привел к присяге убыхов, что он также намеревался проделать в отношении джигетов. Убыхи воспротивились против намерения Магомет-Амина подчинить себе джигетов, т.к. потеря торгового пункта в укреплении Святого Духа не входила в планы убыхов. Джигеты опасались Магомет-Амина и его сторонников. Верные присяге российскому правительству джигеты отправили свои семьи и имущество в горы, а сами собрались под защитой укрепления Святого Духа. Сильнейшие фамилии джигетов не были сплоченными, т.к. между ними имели место раздоры и кровная месть. Начальник Черноморской береговой линии генерал-адъютант А.И. Будберг в течение трех лет пытался безуспешно примирить лидеров джигетов (Материалы..., 2011: 199, 210).

Русские власти пересмотрели свое отношение к джигетам и убыхам. Наместник на Кавказе М.С. Воронцов запретил продажу соли убыхам и ограничил ее отпуск джигетам. Кроме этого, Воронцов усилил надзор за джигетами для прекращения торговли невольниками и оказания ими содействия убыхам в этой торговле. Преимущества джигетов перед другими племенами были уничтожены, и убыхи, более не нуждаясь в джигетах, предложили наibu Магомет-Амину покорить джигетов и прекратить их взаимоотношения с русскими. В самой Джигетии, помимо междоусобных распрей, ушли из жизни лидеры обществ, например капитан Асланбей Геч и др., сотрудничавшие с русским командованием. Уход с политической арены Джигетии князей, принявших русское подданство и выступавших за дружеские взаимоотношения с Россией, ослабили джигетов и, напротив, усилили позиции убыхов, противостоящих русским властям (АКАК, 1904: 505; Материалы..., 2011: 209-210).

В апреле 1852 г. начальник 3 отделения Черноморской береговой линии полковник Н.П. Колюбакин в укреплении Святого Духа в очередной раз предпринял попытку примирения джигетских князей, чтобы они могли совместно противостоять более многочисленному племени убыхов. Для этого Колюбакин требовал от джигетов, чтобы они выдали русскому командованию аманатов, избрали старшин, обеспечивающих внутренний порядок, назначили суды и избрали их состав. Джигеты согласились с предъявленными требованиями и просили русское командование увеличить количество выдаваемой соли, позволить джигетским купцам торговать привезенными из Турции товарами в аулах, а также привлечь джигетов к царской службе. В итоге только князь Анчабадзе выдал аманата. Князья Геч, Цамбаевы и Аридбаевы требовали от русских свободной торговли невольниками и предоставления им соли в неограниченном количестве (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1415. Л. 1-5, 9-90б.).

18 августа 1852 г. в укрепление Святого Духа прибыл начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Л.М. Серебряков, который отмечал, что после прибытия к убыхам Магомет-Амина под властью наива оказались убыхи, медовеевцы и джигетские общества Хамыш и Аредба, проживающие на правом берегу р. Мзымта. Серебряков также указывал, что джигеты живут одиночными домами, а не селениями, и что раздоры между фамилиями не способствуют объединению племени против внешних угроз. По совету Серебрякова князь Рашид Геч поселился вблизи укрепления Святого Духа, для которого было предоставлено два духана, ранее принадлежавших турку князьям Аридбаевым (Материалы..., 2011: 212-215).

В 1852 г. наиб Магомет-Амин распространил свое влияние среди убыхов и шапсугов до форта Лазарева и планировал склонить на свою сторону всех джигетов. В стане наива Магомет-Амина, находящегося среди убыхов, появились два европейских эмиссара – поляк Млодецкий и итальянец

Пичиники, которые поддерживали антирусские настроения, что отразилось на военно-политическом состоянии джигетских обществ. В сентябре 1853 г. Магомет-Амин во главе большого отряда направился в Джигетию. В свою очередь начальник Черноморской береговой линии Серебряков сконцентрировал в укреплении Святого Духа более полутора тысяч человек, 5 горных орудий и 9 сентября отправился с отрядом по долине р. Мзымта, где остановился на левом берегу реки в 18 км от укрепления. Все горные проходы на левый берег были прикрыты джигетами. Магомет-Амин прибыл с убыхами на правый берег р. Мзымта и переправил большую партию своих сторонников на левый берег реки, чтобы отрезать путь к отступлению отряда Серебрякова. Вследствие движения этой партии убыхов на левый берег Мзымты, джигеты оставили свои позиции, а князь Сосран Геч был изрублен на глазах бежавших его подвластных (Дроздов, 1887: 467-468; АКАК, 1885: 693).

Серебряков отправил 5 рот пехоты во главе с майором Бибиковым для ликвидации убыхов в своем тылу. Отряд Бибикова 11 сентября опрокинул убыхов, и они бежали на правый берег р. Мзымта. В этом бою убыхи потеряли несколько десятков убитых и раненых, русские потери составили 4 убитых и ранеными 21 человек. После этого наиб Магомет-Амин со своими сторонниками ушел из Джигетии, а русский отряд вернулся 13 сентября в укрепление Святого Духа (Дроздов, 1887: 467-468).

Магомет-Амин не оставил намерений покорить джигетов и 3 октября 1853 г. в очередной раз вторгся в Джигетию с отрядом в количестве до 2 тыс. человек. Начальник Черноморской береговой линии Серебряков, узнав об этом, прибыл с резервом в укрепление Святого Духа и 4 октября выслал вверх по р. Мзымта отряд под командой майора Бибикова в количестве 742 человек с двумя орудиями. В 5 км от укрепления Святого Духа 5 октября отряд Бибикова вступил в бой с убыхами под командой Магомет-Амина. В течение трех часов русский отряд отбил все атаки убыхов, которые потеряли более 20 человек убитыми и ранеными, а на следующий день разошлись по своим домам. Русские в этом бою потеряли убитым одного унтер-офицера и ранеными 19 нижних чинов. Командовавший отрядом майор Бибиков был контужен (АКАК, 1885: 626).

В первой половине октября 1853 г. Турция объявила войну Российской империи, а весной 1854 г. к Османской империи присоединились Франция и Англия. Наместник на Кавказе М.С. Воронцов полагал, что гарнизоны укреплений Черноморской береговой линии не имеют путей к отступлению (АКАК, 1885: 341).

Начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Серебряков также полагал, что в случае боевых действий на Кавказе укрепления на восточном берегу Черного моря будут отрезаны от основных баз снабжения и они останутся без подвоза боеприпасов и продовольствия. Поэтому императором было принято решение об эвакуации гарнизонов, в том числе и из укрепления Святого Духа (Богданович, 1876: 143-145).

Соответственно после эвакуации гарнизона Святого Духа 9 марта 1854 г. было ликвидировано Джигетское приставство. Наиб Магомет-Амин сразу воспользовался уходом русских войск и прибыл со своими сторонниками в окрестности снятого укрепления Святого Духа. Магомет-Амин взял штрафы со всех джигетов, сотрудничавших с русским командованием. Кроме этого, наиб собрал с джигетов, убыхов, абадзехов и шапсугов 1000 лошадей и 2000 пар волов для ожидаемых из Турции десантных войск (Фадеев, 2007: 515; ГАКК. Ф. 260. Оп.1. Д. 1415. Л. 19).

5. Заключение

Таким образом, российско-джигетские отношения складывались в сложной военно-политической обстановке. После постройки укрепления Святого Духа в устье р. Мзымта в 1837 г. джигеты, несмотря на воздействие более сильного и многочисленного племени убыхов, систематически контактировали с русским командованием. Джигетские князья рассматривали русских как новую военно-политическую силу на восточном берегу Черного моря, способную предотвратить нападки на малочисленное племя джигетов со стороны убыхов и других могущественных племен Кавказа. Принятие российского подданства джигетами положительно отразилось на политической стабильности в Джигетии и способствовало установлению миролюбивых взаимоотношений джигетов с русскими. Командование Черноморской береговой линии оберегало джигетов от внешних влияний, а в более критические моменты военной силой предотвращало нападения на джигетов со стороны убыхов и других кавказских племен и обществ. Укрепление Святого Духа с 1841 г. становится региональным центром Джигетского приставства, в котором население продолжало жить по своим народным обычаям, а пристав являлся посредником между джигетами и русским командованием.

Джигеты, по сравнению с другими кавказскими племенами, со второй половины 1840-х годов пользуются различными привилегиями, предоставленными им русскими властями. Князья джигетов имели воинские чины, получали пенсии и заграничные паспорта, а также облегчения при осуществлении заграничной торговли. Якобы при совершении хаджа в Мекку джигеты вывозили в Турцию невольников, где приобретали товары для реализации их среди джигетов и других племен. Джигеты, кроме своих невольников, доставляли в Турцию рабов, предоставленных им убыхами. Были случаи, когда джигеты выпрашивали у русского командования заграничные паспорта, а под именем

джигетов в Турцию выезжали убыхи, которые также вывозили для торговли женщин и детей. Благодаря вышеуказанным причинам, малочисленное племя джигетов значительно улучшило свое благосостояние и пользовалось определенным влиянием среди кавказских племен.

Российско-джигетские взаимоотношения стали ухудшаться в начале 1850-х годов, после совместной попытки джигетов и убыхов вторгнуться в Абхазию для грабежа. Джигеты были лишены своих привилегий. Антирусская деятельность наиба Магомет-Амина среди убыхов также негативно отразилась на военно-политической ситуации в Джигетии, т.к. джигетские общества частично примкнули к Магомет-Амину. Вследствие начавшейся Крымской войны в марте 1854 г. гарнизон укрепления Святого Духа был эвакуирован, а также прекратило свое существование Джигетское приставство.

Литература

- Абаза...**, 2020 – Абаза на Северном Кавказе (исследования и источники): 1648–2020 гг. // Сост. Р.К. Кармов. Нальчик, 2020.
- Абхазия...**, 2008 – Абхазия и абхазы в российской периодике XIX – нач. XX вв. // Сост. Р.Х. Агуажба, Т.А. Ачугба. Кн. II. Сухум, 2008.
- Адыги...**, 1974 – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. // Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974.
- АКАК, 1866–1904** – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 9. Тифлис, 1866–1904.
- АКАК, 1885** – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 10. Тифлис, 1885.
- АКАК, 1888** – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 11. Тифлис, 1888.
- АКАК, 1904** – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 12. Тифлис, 1904.
- Альхаов, 2016** – Альхаов А.А. Экспедиция против убыхов генерала И.Р. Анрепа в октябре–ноябре 1841 г.: цели, подготовка, ход и результаты // *Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева*. № 9. Майкоп, 2016.
- Анучин, 1860** – Анучин Д.Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // *Военный сборник*. № 1. 1860.
- Архив Раевских, 1910** – Архив Раевских. Т. III. СПб., 1910.
- Ачугба, 2011** – Ачугба Т.А. История Абхазии в датах. Справочник. Сухум, 2011.
- Белл, 2007а** – Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Т. 1. Нальчик, 2007.
- Белл, 2007б** – Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Т. 2. Нальчик, 2007.
- Берже, 1877** – Берже А.П. Защита Михайловского укрепления // *Русская старина*. № 6. 1877.
- Берже, 1992** – Берже А.П. Краткий обзор горских племен Кавказа. Нальчик, 1992.
- Берже, 2011** – Берже А.П. Кавказская старина // Сост. Н.В. Маркелов. Пятигорск, 2011.
- Бларамберг, 1999** – Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое и этнографическое описание Кавказа. Нальчик, 1999.
- Богданович, 1876** – Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов. Т. 2. СПб., 1876.
- Васильев, 1874** – Васильев Е. Черноморская береговая линия 1834–1855 гг. // *Военный сборник*. Т. 98. № 9. 1874.
- Военный энциклопедический...**, 1853 – Военный энциклопедический лексикон. Издание второе. Т. IV. СПб., 1853.
- Воспоминание...**, 1847 – Воспоминание о Кавказе 1837 года // *Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений*. Т. 67. № 265. 1847.
- ГАКК** – Государственный архив Краснодарского края.
- Герасименко, Санеев, 1998** – Герасименко А.Б., Санеев С.А. Новороссийск – от укрепления к губернскому городу. Краснодар, 1998.
- Головин, 1847** – Головин Е.А. Очерк положения военных дел на Кавказе, с начала 1838 по конец 1842 года. Рига, 1847.
- Джигетский сборник, 2012** – Джигетский сборник. Вопросы этно-культурной истории Западной Абхазии или Джигетии // Под общ. ред. Чачхалиа Д.К. Вып. 1. М., 2012.
- Дзидзария, 1940** – Дзидзария Г.А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX в. Сухуми, 1940.
- Дзидзария, 1958** – Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958
- Дзидзария, 1976** – Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976.
- Дзидзария, 2017** – Дзидзария Г.А. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 2017.
- Документы...**, 2016 – Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.) // Сборник документальных материалов под редакцией А.А. Черкасова. Сочи, 2016.
- Дроздов, 1887** – Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848-го по 1856-й год // *Кавказский сборник*. Т. 11. Тифлис, 1887.

- Дубровин, 1871** – Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Книга I. СПб., 1871.
- Дьячков-Тарасов, 1902** – Дьячков-Тарасов Н.А. Абадзехи. Историко-этнографический очерк // *Записки Кавказского отдела Русского географического общества*. Кн. 22. Вып. 4. 1902.
- Дьячков-Тарасов, 1903** – Дьячков-Тарасов А.Н. Гагры и их окрестности // *Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества*. Кн. XXIV. Вып. I. Тифлис, 1903.
- Дьячков-Тарасов, 1904** – Дьячков-Тарасов Н.А. Черноморская кордонная, Черноморская береговая линии и правый фланг Кавказа перед Восточною войною в 1853 г. // *Кубанский сборник*. Т. 10. 1904.
- Дьячков-Тарасов, 1909-1910** – Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии // *Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества*. Кн. XX, выпуск II. Тифлис, 1909–1910.
- Званба, 1852** – Званба С.Т. Зимние походы убыхов на Абхазию // *Кавказ*. № 33. Тифлис, 1852.
- Званба, 1982** – Званба С.Т. Абхазские этнографические этюды. Сухум, 1982.
- Инал-Ипа, 1995** – Инал-Ипа Ш.Д. Садзы. Историко-этнографические очерки. М., 1995.
- Инал-Ипа, 2014** – Инал-Ипа Ш.Д. Садзы. Историко-этнографические очерки. Сухум, 2014.
- К. Обзор событий..., 1899** – К. Обзор событий на Кавказе в 1851 году // *Кавказский сборник*. Т. 20. Тифлис, 1899.
- Каратаев, Черкасов, 2007** – Каратаев В.В., Черкасов А.А. К 170-летию Адлера: создание укрепления Св. Духа // *Былые годы*. № 3 (5). Сочи, 2007.
- Каратаев, Черкасов, 2009** – Каратаев В.В., Черкасов А.А. Становление русского военного присутствия на Черноморье в 1837–1840 гг. (на примере территории Большого Сочи): Материалы исследования. Соч. гос. ун-т туризма и курорт. дела. Сочи: РИО СГУТиКД, 2009.
- Карлгоф, 1855** – Карлгоф Н.И. Военно-статистическое обозрение восточного берега Черного моря // *Военно-статистическое обозрение Российской империи*. Т. XVI. Ч. 10. СПб., 1855.
- Карлгоф, 1860** – Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // *Русский вестник*. № 8. 1860.
- Ковалевский, 1911** – Ковалевский П.И. Завоевание Кавказа Россией. СПб., 1911.
- Лавров, 2009** – Лавров Л.И. Убыхи. Историко-этнографическая монография. СПб., 2009.
- Люлье, 1927** – Люлье Л.Я. Черкессия: Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927.
- Магсумов, 2016** – Магсумов Т.А. Джигеты: большая история маленького народа // *Русин*. 2016. № 3(45). С. 247-253.
- Материалы..., 2011** – Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011.
- М.П. Лазарев, 1955** – «М.П. Лазарев». Документы. Русские флотоводцы. Материалы по истории Русского флота // Под ред. полковника А.А. Самарова. Т. II. М., 1955.
- Н.В., 1889** – Н.В. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // *Кавказский сборник*. Т. 13. 1889.
- Нордман, 1838** – Нордман А.Д. Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю // *Журнал министерства народного просвещения*. Т. 20. 1838.
- Осада Кавказа, 2000** – Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века / Сост. и подгот. Я.А. Гордин. СПб., 2000.
- Основные..., 1986** – Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) // Сост. А.С. Азаренков, И.Ю. Бондарь, Н.С. Вертышева. Краснодар, 1986.
- Очерк положения, 1877** – Очерк положения военных дел на Кавказе, с начала 1838 по конец 1842 года // *Кавказский сборник*. Т. 2. Тифлис, 1877.
- Панеш, 2006** – Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп, 2006.
- Покровский, 1989** – Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989.
- Полное собрание..., 1838** – Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 12 (1837). СПб., 1838.
- Полное собрание..., 1841** – Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 15 (1840). СПб., 1841.
- Потто, 1889** – Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5 т. Т. 5. Тифлис, 1889.
- Ржевуский, 1883** – Ржевуский А. 1845 год на Кавказе // *Кавказский сборник*. Т. 7. Тифлис, 1883.
- Рукевич, 1914** – Рукевич А.Ф. Из воспоминаний старого эриванца (1832–1839 гг.) // *Исторический вестник*. № 11. 1914.
- Сафонов, 1837** – Сафонов С.В. Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете «Ифигения». Одесса, 1837.
- Спенсер, 1993** – Спенсер Э. Путешествие в Черкессию. Майкоп, 1993.

- Спенсер, 2008** – Спенсер Э. Описание поездок по западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Селезию и Моравию, в 1836 году Эдмундом Спенсером, эсквайром, автором «Описания поездок в Черкесию». Нальчик, 2008.
- Сталь, 1900** – Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // *Кавказский сборник*. Т. 21. 1900.
- Таран, 2020** – Таран К.В. Адрианопольский мирный договор и строительство Черноморской береговой линии // *Сочинский краевед*. 2020. Вып. 18.
- Тенгинский полк..., 1900** – Тенгинский полк на Кавказе (1819–1846 гг.) // Сост. Ракович Д.В. Тифлис, 1900.
- Торнау, 1864** – Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864.
- Торнау, 2008** – Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Майкоп, 2008.
- Утверждение наше в Абхазии, 1889** – Утверждение наше в Абхазии // *Кавказский сборник*. Т. 13. 1889.
- Фадеев, 1935** – Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // *Исторический сборник*. № 4. 1935.
- Фадеев, 1960** – Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.
- Фадеев, 2007** – Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны. Письма с Кавказа. Записки о кавказских делах. М., 2007.
- Фадеев, 2010** – Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010.
- Федоров, 1879** – Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // *Кавказский сборник*. Т. 3. Тифлис, 1879.
- Филипсон, 1883** – Филипсон Г.И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // *Русский архив*, № 5–6. 1883.
- Филипсон, 1884** – Филипсон Г.И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // *Русский архив*, № 1–2. 1884.
- Ханыков, 1850** – Ханыков Н.В. Очерк служебной деятельности генерала Альбранда. Тифлис, 1850.
- Черкасов, 2005** – Черкасов А.А. Очерки истории первого русского укрепления на реке Соча-Пста (1838–1854 гг.). Краснодар-Сочи, 2005.
- Эсадзе, 1914** – Эсадзе С.С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914.
- Cherkasov et al., 2015** – Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S. Jikis and Jiketi in conditions of war and peace (1840-1860 years) // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 888–893.
- Cherkasov et al., 2016** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 382–391.
- Cherkasov et al., 2016a** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. Demographic characteristics of the aristocratic Abkhazia in 1800-1860 years // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 53–66.
- Cherkasov, 2020** – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415–2266.
- Taran, 2020** – Taran K.V. The Fight against the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the first half of the XIX century // *Slavery: Theory and Practice*. 2020. 5(1): 74–86.
- Taran et al., 2022** – Taran K.V., Korolev A.A., Ludwig S.D., Pestereva N.M. Russia and Jigetiya: on the Issue of Relations in 1829–1837 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 157–167.

References

- Abaza..., 2020** – Abaza na Severnom Kavkaze (issledovaniya i istochniki): 1648–2020 gg. [Abaza in the North Caucasus (research and sources): 1648–2020]. Sost. R.K. Karmov. Nal'chik. [in Russian]
- Abkhaziya..., 2008** – Abkhaziya i abkhazy v rossiiskoi periodike XIX – nach. XX vv. [Abkhazia and Abkhazians in Russian periodicals XIX – early. XX centuries]. Sost. R.Kh. Aguazhba, T.A. Achugba. Kn. II. Sukhum, 2008. [in Russian]
- Achugba, 2011** – Achugba, T.A. (2011). Istoriya Abkhazii v datakh [History of Abkhazia in dates]. Spravochnik. Sukhum. [in Russian]
- Adygi..., 1974** – Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 13th–19th centuries]. Sost. V.K. Gardanov. Nal'chik, 1974. [in Russian]
- АКАК, 1866–1904** – Akty Kavkazskoi arkhеograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Т. 9. Tiflis, 1866–1904. [in Russian]
- АКАК, 1885** – Akty Kavkazskoi arkhеograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Т. 10. Tiflis, 1885. [in Russian]
- АКАК, 1888** – Akty Kavkazskoi arkhеograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Т. 11. Tiflis, 1888. [in Russian]

- [AKAK, 1904](#) – Akty Kavkazskoi arkhograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. T. 12. Tiflis, 1904. [in Russian]
- [Al'khaov, 2016](#) – *Al'khaov, A.A.* (2016). Ekspeditsiya protiv ubykhov generala I.R. Anrepa v oktyabre–noyabre 1841 g.: tseli, podgotovka, khod i rezul'taty [Expedition against the Ubykhs of General I.R. Anrep in October–November 1841: goals, preparation, course and results]. *Vestnik nauki Adygeiskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy im. T.M. Kerasheva*. 9. Maikop. [in Russian]
- [Anuchin, 1860](#) – *Anuchin, D.G.* (1860). Ocherk gorskikh narodov pravogo kryla Kavkazskoi linii [Essay on the mountain peoples of the right wing of the Caucasian line]. *Voennyi sbornik*. [in Russian]
- [Arkhiv Raevskikh, 1910](#) – Arkhiv Raevskikh [Raevsky archive]. T. III. SPb., 1910. [in Russian]
- [Bell, 2007a](#) – *Bell, D.* (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837–1839 godov [Diary of stay in Circassia during 1837–1839]. T. 1. Nal'chik. [in Russian]
- [Bell, 2007b](#) – *Bell, D.* (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837–1839 godov [Diary of stay in Circassia during 1837–1839]. T. 2. Nal'chik. [in Russian]
- [Berzhe, 1877](#) – *Berzhe, A.P.* (1877). Zashchita Mikhailovskogo ukrepleniya [Protection of the Mikhailovsky fortification]. *Russkaya starina*. 6. [in Russian]
- [Berzhe, 1992](#) – *Berzhe, A.P.* (1992). Kratkii obzor gorskikh plemen Kavkaza [A brief overview of the mountain tribes of the Caucasus]. Nal'chik. [in Russian]
- [Berzhe, 2011](#) – *Berzhe, A.P.* (2011). Kavkazskaya starina [Caucasian antiquity]. Sost. N.V. Markelov. Pyatigorsk. [in Russian]
- [Blaramberg, 1999](#) – *Blaramberg, I.* (1999). Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe i etnograficheskoe opisanie Kavkaza [Historical, topographical, statistical and ethnographic description of the Caucasus]. Nal'chik. [in Russian]
- [Bogdanovich, 1876](#) – Bogdanovich, M.I. (1876). Vostochnaya voyna 1853–1856 godov [Eastern War 1853–1856]. T. 2. SPb. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov, A.A., Shmigel, M., Bratanovskii, S.N., Molchanova, V.S.* (2015). Jikis and Jiketi in conditions of war and peace (1840–1860 years). *Bylye Gody*. 38(4): 888–893.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S.* (2016). The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2): 382–391.
- [Cherkasov et al., 2016a](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Shmigel, M., Molchanova, V.S.* (2016). Demographic characteristics of the aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody*. 39(1): 53–66.
- [Cherkasov, 2005](#) – *Cherkasov, A.A.* (2005). Ocherki istorii pervogo russkogo ukrepleniya na reke Socha-Psta (1838–1854 gg.) [Essays on the history of the first Russian fortification on the Socha-Psta River (1838–1854)]. Krasnodar-Sochi. [in Russian]
- [Cherkasov, 2020](#) – *Cherkasov, A.A.* (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415–2266.
- [Dokumenty..., 2016](#) – Dokumenty i materialy po istorii Dzhigetii (1750–1868 gg.) [Documents and materials on the history of Jigetiya (1750–1868)]. Sbornik dokumental'nykh materialov pod redaktsiei A.A. Cherkasova. Sochi, 2016. [in Russian]
- [Drozdov, 1887](#) – *Drozdov, I.* (1887). Obzor voennykh deistvii na Zapadnom Kavkaze s 1848-go po 1856-i god [Overview of military operations in the Western Caucasus from 1848 to 1856]. *Kavkazskii sbornik*. T. 11. Tiflis. [in Russian]
- [Dubrovin, 1871](#) – *Dubrovin, N.F.* (1871). Istoriya voiny i vladychestva russkikh na Kavkaze [History of war and domination of Russians in the Caucasus]. T. I. Kniga I. SPb. [in Russian]
- [D'yachkov-Tarasov, 1902](#) – *D'yachkov-Tarasov, N.A.* (1902). Abadzekhi. Istoriko-etnograficheskii ocherk [Abadzekhi. Historical and ethnographic essay]. Zapiski Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. 22. Vyp. 4. [in Russian]
- [D'yachkov-Tarasov, 1903](#) – *D'yachkov-Tarasov, A.N.* (1903). Gagry i ikh okrestnosti [Gagra and their environs]. Zapiski Kavkazskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. XXIV. Vyp. I. Tiflis. [in Russian]
- [D'yachkov-Tarasov, 1904](#) – *D'yachkov-Tarasov, N.A.* (1904). Chernomorskaya kordonnaya, Chernomorskaya beregovaya linii i pravyyi flang Kavkaza pered Vostochnoyu voinoyu v 1853 g. [Black Sea cordon, Black Sea coastline and the right flank of the Caucasus before the Eastern War in 1853]. *Kubanskii sbornik*. T. 10. [in Russian]
- [D'yachkov-Tarasov, 1909–1910](#) – *D'yachkov-Tarasov, A.N.* (1909–1910). Abkhaziya i Sukhum v XIX stoletii [Abkhazia and Sukhum in the 19th century]. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Kn. XX, vypusk II. Tiflis. [in Russian]
- [Dzhigetskii sbornik, 2012](#) – Dzhigetskii sbornik. Voprosy etno-kul'turnoi istorii Zapadnoi Abkhazii ili Dzhigetii [Dzhigetsky collection. Questions of the ethno-cultural history of Western Abkhazia or Djigetiya]. Pod obshch. red. Chachkhaliya D.K. Vyp. 1. M., 2012. [in Russian]
- [Dzidzariya, 1940](#) – *Dzidzariya, G.A.* (1940). Bor'ba za Abkhaziyu v pervom desyatiletii XIX v. [Struggle for Abkhazia in the first decade of the 19th century]. Sukhumi. [in Russian]

- Dzidzariya, 1958** – *Dzidzariya, G.A.* (1958). Narodnoe khozyaistvo i sotsial'nye otnosheniya v Abkhazii v XIX veke [National economy and social relations in Abkhazia in the 19th century]. Sukhumi. [in Russian]
- Dzidzariya, 1976** – *Dzidzariya, G.A.* (1976). F.F. Tornau i ego kavkazskie materialy XIX veka [F.F. Tornau and his Caucasian materials of the 19th century]. M. [in Russian]
- Dzidzariya, 2017** – *Dzidzariya, G.A.* (2017). Trudy. IV tom. Makhadzhirovstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya [Proceedings. IV vol. Makhadzhirovstvo and problems of the history of Abkhazia in the 19th century]. Sukhum. [in Russian]
- Esadze, 1914** – *Esadee, S.S.* (1914). Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoi voyny [Conquest of the Western Caucasus and the end of the Caucasian War]. Tiflis. [in Russian]
- Fadeev, 1935** – *Fadeev, A.* (1935). Ubykhi v osvoboditel'nom dvizhenii na Zapadnom Kavkaze [Ubykhs in the liberation movement in the Western Caucasus]. *Istoricheskii sbornik*. 4. [in Russian]
- Fadeev, 1960** – *Fadeev, A.V.* (1960). Rossiya i Kavkaz v pervoi treti XIX v. [Russia and the Caucasus in the first third of the 19th century]. M. [in Russian]
- Fadeev, 2007** – *Fadeev, R.A.* (2007). 60 let Kavkazskoi voyny. Pis'ma s Kavkaza. Zapiski o kavkazskikh delakh [60 years of the Caucasian war. Letters from the Caucasus. Notes on Caucasian Affairs]. M. [in Russian]
- Fadeev, 2010** – *Fadeev, R.A.* (2010). Gosudarstvennyi poryadok. Rossiya i Kavkaz [State order. Russia and the Caucasus]. M. [in Russian]
- Fedorov, 1879** – *Fedorov, M.F.* (1879). Pokhodnye zapiski na Kavkaze s 1835 po 1842 god [Travel notes in the Caucasus from 1835 to 1842]. *Kavkazskii sbornik*. T. 3. Tiflis. [in Russian]
- Filipson, 1883** – *Filipson, G.I.* (1883). Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona [Memoirs of Grigory Ivanovich Philipson]. *Russkii arkhiv*. 5–6. [in Russian]
- Filipson, 1884** – *Filipson, G.I.* (1884). Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona [Memoirs of Grigory Ivanovich Philipson]. *Russkii arkhiv*. 1–2. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State Archive of the Krasnodar Krai].
- Gerasimenko, Saneev, 1998** – *Gerasimenko, A.B., Saneev, S.A.* (1998). Novorossiisk – ot ukrepleniya k gubernskomu gorodu [Novorossiysk – from a fortification to a provincial city]. Krasnodar. [in Russian]
- Golovin, 1847** – *Golovin, E.A.* (1847). Ocherk polozheniya voennykh del na Kavkaze, s nachala 1838 po konets 1842 goda [Essay on the state of military affairs in the Caucasus, from the beginning of 1838 to the end of 1842]. Riga. [in Russian]
- Inal-Ipa, 1995** – *Inal-Ipa, Sh.D.* (1995). Sadzy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Sadzy. Historical and ethnographic essays]. M. [in Russian]
- Inal-Ipa, 2014** – *Inal-Ipa, Sh.D.* (2014). Sadzy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Sadzy. Historical and ethnographic essays]. Sukhum. [in Russian]
- K. Obzor sobytii..., 1899** – K. Obzor sobytii na Kavkaze v 1851 godu [K. Review of events in the Caucasus in 1851]. *Kavkazskii sbornik*. T. 20. Tiflis, 1899. [in Russian]
- Karataev, Cherkasov, 2007** – *Karataev, V.V., Cherkasov, A.A.* (2007). K 170-letiyu Adlera: sozdanie ukrepleniya Sv. Dukha [On the occasion of the 170th anniversary of Adler: the creation of the fortification of the Holy Spirit]. *Bylye gody*. 3(5). Sochi. [in Russian]
- Karataev, Cherkasov, 2009** – *Karataev, V.V., Cherkasov, A.A.* (2009). Stanovlenie russkogo voennogo prisutstviya na Chernomor'e v 1837–1840 gg. (na primere territorii Bol'shogo Sochi): Materialy issledovaniya [Formation of the Russian military presence on the Black Sea coast in 1837–1840 (on the example of the territory of Greater Sochi): Research materials]. Soch. gos. un-t turizma i kurort. dela. Sochi: RIO SGUTiKD. [in Russian]
- Karlhof, 1855** – *Karlhof, N.I.* (1855). Voенно-statisticheskoe obozrenie vostochnogo berega Chernogo morya [Military Statistical Review of the Eastern Coast of the Black Sea]. Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii. T. XVI. Ch. 10. SPb. [in Russian]
- Karlhof, 1860** – *Karlhof, N.I.* (1860). O politicheskom ustroistve cherkesskikh plemen, naselyayushchikh severo-vostochnyi bereg Chernogo morya [On the political structure of the Circassian tribes inhabiting the northeastern coast of the Black Sea]. *Russkii vestnik*. 8. [in Russian]
- Khanykov, 1850** – *Khanykov, N.V.* (1850). Ocherk sluzhebnoi deyatelnosti generala Al'branda [Essay on the performance of General Albrand]. Tiflis. [in Russian]
- Kovalevskii, 1911** – *Kovalevskii, P.I.* (1911). Zavoevanie Kavkaza Rossiei [The conquest of the Caucasus by Russia]. SPb. [in Russian]
- Lavrov, 2009** – *Lavrov, L.I.* (2009). Ubykhi. Istoriko-etnograficheskaya monografiya [Ubykhs. Historical and ethnographic monograph]. SPb. [in Russian]
- Lyul'e, 1927** – *Lyul'e, L.Ya.* (1857). Cherkessiya: Istoriko-etnograficheskie stat'i [Cherkessia: Historical and ethnographic articles]. Krasnodar. [in Russian]
- M.P. Lazarev, 1955** – M.P. Lazarev». Dokumenty. Russkie flotovodtsy. Materialy po istorii Russkogo flota [M.P. Lazarev. The documents. Russian naval commanders. Materials on the history of the Russian fleet]. Pod red. polkovnika A.A. Samarova. T. II. M., 1955. [in Russian]
- Magsumov, 2016** – Magsumov, T.A. (2016). Dzhigety: bol'shaya istoriya malen'kogo naroda [Jihigety: a big story of a small people]. Rusin. 2016. № 3(45). S. 247-253. [in Russian]

- Materialy..., 2011** – Materialy po istorii Abkhazii XVIII–XIX veka (1762–1859) [Materials on the history of Abkhazia in the 18th–19th centuries (1762–1859)]. Sbornik dokumental'nykh materialov. T. 2. Sukhum, 2011. [in Russian]
- N.V., 1889** – N.V. 1840, 1841 i 1842 gody na Kavkaze [1840, 1841 and 1842 in the Caucasus]. *Kavkazskii sbornik*. T. 13. 1889. [in Russian]
- Nordman, 1838** – Nordman, A.D. (1838). Puteshestvie professora Nordmana po Zakavkazskomu krayu [Journey of Professor Nordman in the Transcaucasian Territory]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. T. 20. [in Russian]
- Ocherk polozheniya, 1877** – Ocherk polozheniya voennykh del na Kavkaze, s nachala 1838 po konets 1842 goda [Outline of the state of military affairs in the Caucasus, from the beginning of 1838 to the end of 1842]. *Kavkazskii sbornik*. T. 2. Tiflis, 1877. [in Russian]
- Osada Kavkaza, 2000** – Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voiny XIX veka [Siege of the Caucasus. Memoirs of participants in the Caucasian war of the XIX century]. Sost. i podgot. Ya.A. Gordin. SPb., 2000. [in Russian]
- Osnovnye..., 1986** – Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Kubani (1793–1985 gg.) [The main administrative-territorial transformations in the Kuban (1793–1985)]. Sost. A.S. Azarenkov, I.Yu. Bondar', N.S. Vertysheva. Krasnodar, 1986. [in Russian]
- Panesh, 2006** – Panesh, A.D. (2006). Myuridizm i bor'ba adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza za nezavisimost' (1829–1864 gg.) [Muridism and the struggle of the Circassians of the North-Western Caucasus for independence (1829–1864)]. Maikop. [in Russian]
- Pokrovskii, 1989** – Pokrovskii, M.V. (1989). Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [From the history of the Circassians at the end of the 18th – the first half of the 19th century. Socio-economic essays]. Sotsial'no-ekonomicheskie ocherki. Krasnodar. [in Russian]
- Polnoe sobranie..., 1838** – Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. 12 (1837). SPb., 1838. [in Russian]
- Polnoe sobranie..., 1841** – Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. 15 (1840). SPb., 1841. [in Russian]
- Potto, 1889** – Potto, V.A. (1889). Kavkazskaya voina v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh [Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies]. V 5 t. T. 5. Tiflis. [in Russian]
- Rukevich, 1914** – Rukevich, A.F. (1914). Iz vospominanii starogo erivantsa (1832–1839 gg.) [From the memoirs of an old Erivanian (1832–1839)]. *Istoricheskii vestnik*. 11. [in Russian]
- Rzhevuskii, 1883** – Rzhevuskii, A. (1883). 1845 god na Kavkaze [1845 in the Caucasus]. *Kavkazskii sbornik*. T. 7. Tiflis. [in Russian]
- Safonov, 1837** – Safonov, S.V. (1837). Poezdka k vostochnym beregam Chernogo morya na korvete «Ifigeniya» [A trip to the eastern shores of the Black Sea on the Iphigenia corvette]. Odessa. [in Russian]
- Spenser, 1993** – Spenser, E. (1993). Puteshestvie v Cherkesiyu [Journey to Circassia]. Maikop. [in Russian]
- Spenser, 2008** – Spenser, E. (2008). Opisanie poezdok po zapadnomu Kavkazu, vklyuchaya puteshestvie cherez Imeretiyu, Mingreliyu, Turtsiyu, Moldaviyu, Galitsiyu, Seleziyu i Moraviyu, v 1836 godu Edmundom Spenserom, eskvairrom, avtorom «Opisaniya poezdok v Cherkesiyu» [Description of travels in the western Caucasus, including travel through Imeretia, Mingrelia, Turkey, Moldavia, Galicia, Silesia and Moravia, in 1836 by Edmund Spenser, Esq., author of Description of Travels to Circassia]. Nal'chik. [in Russian]
- Stal', 1900** – Stal', K.F. (1900). Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda [Ethnographic essay of the Circassian people]. *Kavkazskii sbornik*. T. 21. [in Russian]
- Taran et al., 2022** – Taran, K.V., Korolev, A.A., Ludwig, S.D., Pestereva, N.M. (2022). Russia and Jigetiya: on the Issue of Relations in 1829–1837. *Bylye Gody*. 17(1): 157-167.
- Taran, 2020** – Taran, K.V. (2020). Adrianopol'skii mirnyi dogovor i stroitel'stvo Chernomorskoii beregovoi linii [Adrianople peace treaty and the construction of the Black Sea coastline]. *Sochinskii kraeved*. Vyp. 18. [in Russian]
- Taran, 2020** – Taran, K.V. (2020). The Fight against the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the first half of the XIX century. *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 74-86.
- Tenginskii polk..., 1900** – Tenginskii polk na Kavkaze (1819–1846 gg.) [Tenginsky regiment in the Caucasus (1819–1846)]. Sost. Rakovich D.V. Tiflis, 1900. [in Russian]
- Tornau, 1864** – Tornau, F.F. (1864). Vospominaniya kavkazskogo ofitsera. M. [in Russian]
- Tornau, 2008** – Tornau, F.F. (2008). Vospominaniya kavkazskogo ofitsera [Memoirs of a Caucasian officer]. Maikop. [in Russian]
- Utverzhenie nashe v Abkhazii, 1889** – Utverzhenie nashe v Abkhazii [Our assertion in Abkhazia]. *Kavkazskii sbornik*. T. 13. 1889. [in Russian]
- Vasil'ev, 1874** – Vasil'ev, E. (1874). Chernomorskaya beregovaya liniya 1834–1855 gg. [Black Sea coastline 1834–1855]. *Voennyi sbornik*. T. 98. 9. [in Russian]

- Voennyi entsiklopedicheski..., 1853** – Voennyi entsiklopedicheski leksikon. Izdanie vtoroe [Military encyclopedic lexicon. Second edition]. T. IV. SPb., 1853. [in Russian]
- Vospominanie..., 1847** – Vospominanie o Kavkaze 1837 goda [Recollection of the Caucasus in 1837]. Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnykh zavedenii. T. 67. № 265. 1847. [in Russian]
- Zvanba, 1852** – *Zvanba, S.T.* (1852). Zimnie pokhody ubykhov na Abkhaziyu [Winter campaigns of the Ubykhs against Abkhazia]. *Kavkaz*. 33. Tiflis. [in Russian]
- Zvanba, 1982** – *Zvanba, S.T.* (1982). Abkhazskie etnograficheskie etyudy [Abkhazian ethnographic studies]. Sukhum. [in Russian]

Россия и Джигетия: к вопросу о взаимоотношениях в 1837–1854 гг.

Константин Викторович Таран ^{a,*}, Сергей Давыдович Людвиг ^b, Андрей Андреевич Байбарин ^c,
Нина Михайловна Пестерева ^{d,e}

^a Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^d Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация

^e Харбинская ассоциация международного спортивного сотрудничества и обменов, Китай

Аннотация. В статье рассматриваются российско-джигетские взаимоотношения на Кавказе в середине XIX века.

Источниковая база исследования состоит из архивных материалов Государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), сборников документов, материалов личного происхождения и дореволюционной периодического печати.

В решении исследовательских задач авторами применялся принцип историзма, который позволил сделать комплексный анализ дореволюционных, советских и современных источников и историографии, относящихся к российско-джигетским взаимоотношениям.

В заключении авторы отмечают, что российско-джигетские отношения складывались в сложной военно-политической обстановке. После постройки укрепления Святого Духа в устье р. Мзымта в 1837 г. джигеты, несмотря на воздействие более сильного и многочисленного племени убыхов, систематически контактировали с русским командованием. Джигетские князья рассматривали русских как новую военно-политическую силу на восточном берегу Черного моря, способную предотвратить нападки на малочисленное племя джигетов со стороны убыхов и других могущественных племен Кавказа. Принятие российского подданства джигетами положительно отразилось на политической стабильности в Джигетии и способствовало установлению миролюбивых взаимоотношений джигетов и русских.

Российско-джигетские взаимоотношения стали ухудшаться в начале 1850-х годов, после совместной попытки джигетов и убыхов вторгнуться в Абхазию для грабежа. Джигеты были лишены своих привилегий. Антирусская деятельность наиба Магомет-Амина среди убыхов также негативно отразилась на военно-политической ситуации в Джигетии, т.к. джигетские общества частично примкнули к Магомет-Амину. Вследствие начавшейся Крымской войны в марте 1854 г. гарнизон укрепления Святого Духа был эвакуирован, а также прекратило свое существование Джигетское приставство.

Ключевые слова: Российская империя, Джигетия, Абхазия, Северный Кавказ, Черноморская береговая линия, джигеты, Джигетское приставство, убыхы, диалог культур, 1837–1854 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: taran.constantin@yandex.ru (К.В. Таран),
pnm_06@mail.ru (Н.М. Пестерева)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 695-702
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.695

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Establishment and Activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society: Some Cultural, Organizational and Geopolitical Aspects

Lyudmila V. Shkvaryaya ^{a, *}, Irina Akhmed Zein Aidrus ^a, Ravil' R. Asmyatullin ^a, Sof'ya G. Glavina ^a

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines the process of the establishment and activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society in the XIX century. The authors pay attention to some cultural, organizational, as well as geopolitical issues.

As sources there were used the official documents of the Imperial Orthodox Palestine Society (for example, the Charter), as well as materials of the pre-revolutionary periodical press, such as the official organ of the society – the newspaper “Russkii palomnik”, which was published since 1885.

In conclusion, the authors state that by the middle of the XIX century, a difficult situation was developing for Orthodoxy and Orthodox in the Middle East, which was explained by the creation of the Latin Patriarchate of Jerusalem in the region and the opening of a significant number of Catholic schools. At the same time, the number of Orthodox pilgrims from Russia to the Holy Land sharply increased, who faced a large number of organizational difficulties in traveling through the Holy Land. To ease the fate of the pilgrims and the local Orthodox population, two spiritual missions were sent there, and in 1858 a Palestinian Committee has been established. The Committee managed to solve the pressing problems of pilgrims by acquiring special farmsteads, nevertheless, very soon the number of pilgrims increased even more, and the Russian government established the Imperial Orthodox Palestine Society in 1882. Relying on state support and donations from Russian benefactors, a significant number of institutions of the society were opened in the Holy Land, including farmsteads, schools and medical outpatient clinics. All this in general allowed not only to preserve Orthodoxy in the Middle East in the pre-revolutionary period, but also to strengthen the influence of the Russian Empire on the entire Middle East region.

Keywords: Imperial Orthodox Palestinian society, creation, prerequisites, geopolitics.

1. Введение

Как известно, Русь приняла христианство в X в. и с тех пор колыбель христианства – Святая Земля – стала привлекать российских паломников на эту территорию. Пока существовал Царьград, то есть до XV в., на нем лежала защита православия и православных на территории Святой Земли. От единоверцев – православных греков – российские паломники могли получать как моральную, так и материальную поддержку. Однако после падения Византии ситуация изменилась: русские паломники уже не могли рассчитывать на помощь восточных христиан, так как в регионе начались гонения христиан. Трудности паломничества на Святую Землю крайне усилились, и паломничество ко Гробу Господнему действительно сделалось подвигом, сопряженным с бедствиями, лишениями и страданиями.

Ввиду этого бедственное положение русских паломников не могло остаться незамеченным как русским правительством, так и обществом, особенно когда число паломников стало увеличиваться. Такое увеличение стало особенно заметно с 1840-х гг. К примеру, в конце XVIII в. число русских паломников не превышало несколько десятков в год, а к 1840-м гг. достигло 400 человек в год ([Обзор](#)

* Corresponding author

E-mail addresses: dastard@rambler.ru (L.V. Shkvaryaya)

мер, 1886: 382). По мере роста количества паломников в Палестину начинают предприниматься значительные шаги по усилению русского влияния в регионе. Отчасти это было вызвано и изменением обстановки в нем. Так, в 1846 г. была восстановлена деятельность латинского иерусалимского патриархата (Павинский, 2012: 23). Такое влияние в конечном итоге привело к созданию и деятельности Императорского православного палестинского общества – об этом наша статья. Хронологические рамки исследования охватывают период XIX в.

2. Материалы и методы

В качестве материалов нами были использованы официальные документы Императорского православного палестинского общества (например, Устав (Устав, 1882), а также материалы дореволюционной периодической печати, такие как официальный орган общества – газета «Русский паломник», которая издавалась с 1885 г.

Методологически работа построена с использованием сравнительно-исторического метода. Благодаря этому, нам удалось провести анализ материалов и в сравнительно-историческом контексте рассмотреть процесс создания и деятельность Императорского православного палестинского общества.

Традиционно в такого рода работах привлекался и метод историзма, который позволил рассмотреть явления в их историческом развитии с учетом соседствующих событий.

3. Обсуждение

Историография темы нашего исследования обширна, она начала складываться еще в конце XIX века, но и сегодня активно изучается. В связи с этим мы решили обратить внимание лишь на некоторые обобщающие работы по теме этого исследования.

В дореволюционный период среди таких работ были труды Н. Городкова «Императорское Палестинское Православное общество» (Городков, 1897) и М. Соловьева «Святая Земля и Православное Императорское Палестинское общество» (Соловьев, 1891). В 1886 г. в двух номерах газеты «Русский паломник» публиковались обзоры мер для улучшения быта русских паломников в Палестине (Обзор мер, 1886; Обзор мер, 1886а), а в 1907 г. к 25-летию деятельности Палестинского общества вышла фундаментальная работа, составленная профессором А.А. Дмитриевским «Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907 гг.)» (Императорское православное..., 1907).

Однако наибольшее изучение эта тема получила в 2010-х гг., когда в связи с юбилейными мероприятиями интерес к Палестинскому обществу резко возрос. В это время появились работы по истории общества за весь период, вплоть до начала XXI века, в числе которых нужно отметить труд Н.Н. Лисовой (Лисовой, 2007).

Проблемам взаимоотношений Русской духовной миссии в Иерусалиме и Императорского православного палестинского общества уделила внимание К.В. Бирюкова (Бирюкова, 2017). К предпосылкам и целям создания общества обращался В.С. Павинский (Павинский, 2012), а его численность и состав в конце XIX – начале XX вв. рассматривала М.Ю. Нечаева (Нечаева, 2013).

Важным просветительским аспектом работы общества была школьная и медицинская деятельность. Теме школы и образовательной деятельности Императорского православного палестинского общества уделил внимание А.Г. Грушевой (Грушевой, 2015). В то же время Д.А. Балалыкин и Л.Е. Горелова обратились к изучению медицинской деятельности общества на Ближнем Востоке (Балалыкин, Горелова, 2012).

Как известно, Императорское православное палестинское общество функционировало на благотворительные пожертвования частных лиц. Данной теме на примере благотворителей Западной Сибири уделили внимание В.В. Цысь и О.П. Цысь (Цысь В.В., Цысь О.П., 2015). Непосредственно же паломническую тему рассматривали К.Е. Балдин в работе «Русские православные паломники и греческая церковь в Палестине во второй половине XIX – начале XX вв.» (Балдин, 2015) и С.В. Кулик в труде «Организация паломничества в Палестину в России и реформы Александра II» (Кулик, 2013).

4. Результаты

Одно из первых мероприятий русского правительства в Палестине было направлено на облегчение духовных нужд паломников, которые были лишены возможности слушать проповедь в Палестине на русском языке. Для исправления этой ситуации в Святую Землю была отправлена духовная миссия во главе с архимандритом Порфирием (Успенский) (Императорское православное..., 1907: 3). Он открыл греческую богословскую школу в Иерусалиме, в которую сразу же были зачислены 12 молодых туземцев для подготовки из их числа сельских пастырей. В этой школе преподавались катехизис и арабская словесность на арабском языке приглашенным из Бейрута арабом о. Спиридонию (Императорское православное..., 1907: 5). Помимо этого, вне Иерусалима были открыты школы в Лидде, Рамле и Яффе и школа для девочек-арабов в Иерусалиме. В это же время рассматривался вопрос об открытии русской больницы. Эта миссия, несмотря на серьезные затруднения в финансовых средствах, вполне выполнила свою задачу, но просуществовала недолго, так как в период Крымской войны была отозвана в Россию.

Тем не менее война способствовала сильному возбуждению в народе религиозных чувств, и после ее окончания поток паломников в Святую Землю резко увеличился. В 1857 г. их число возросло до 800, а в 1858 г. – до 950 человек ([Обзор мер, 1886: 382](#)).

В этот период дело помощи русским паломникам в Палестине возглавила императрица Мария Александровна (жена императора Александра II). Благодаря ее заботам, в 1858 г. в Иерусалим вновь была отправлена духовная миссия, на этот раз в увеличенном составе и с епископом (преосвященным Кириллом¹) во главе. Санционируя отправку второй миссии в Палестину, чиновники Министерства иностранных дел в докладе русскому императору отмечали, что «роль смиренных наблюдателей ныне уже невозможна для нашей миссии. Нам необходима представительность на Востоке, разумеется, не политическая, а церковная, в которой нам не могут отказать ни турки, ни франки, имеющие своих патриархов и епископов в Святом Граде. Пока наше влияние было сильно, мы еще могли таить его, чтобы не возбудить зависти, а теперь, когда оно ослабло на Востоке, мы, напротив того, должны стараться хотя наружно выказывать его, чтобы не упасть во мнении православного населения, которое еще верит нам по старой памяти. Министерство находит необходимым поставить во главе иерусалимской миссии епископа вместо архимандрита. Это, по мнению министерства, произвело бы сильное благодетельное впечатление не только в Иерусалиме, но и в Царьграде, потому что там еще никогда не видели архиерея русского, ни великолепных обрядов нашего богослужения» ([Императорское православное..., 1907: 8](#)).

Епископ Кирилл важнейшими своими задачами видел открытие в Иерусалиме странноприимного дома и госпиталя, устройство русских консульств на Востоке с православным персоналом, а также открытие хотя бы неофициального училища ([Императорское православное..., 1907: 13](#)).

Помимо этого, в Палестину был отправлен чиновник, статс-секретарь Б.П. Мансуров для всестороннего изучения проблем паломников в Святой Земле, который в нескольких донесениях выявил главные проблемы. Он отмечал, что в Палестине целесообразно иметь такие русские учреждения, в которых паломники чувствовали бы себя как дома, не опасаясь ежеминутно сделаться жертвой нахальства или хитрости со стороны всякого проходимца ([Обзор мер, 1886: 382](#)). Важно отметить, что вскоре положения из отчета были развернуты Мансуровым в книгу под названием «Православные паломники в Палестине», которая впоследствии стала настоящим путеводителем для русских, посещающих Палестину ([Императорское православное..., 1907: 19](#)).

Как и предполагалось, на донесения Мансурова было обращено пристальное внимание августейшей покровительницы русских паломников, а также великого князя Константина Николаевича. В результате в 1858 г. был учрежден Палестинский комитет для улучшения быта русских паломников в Святой Земле. Первая и главная его задача заключалась в поиске новых финансовых источников, которые могли быть обращены на улучшение русского материального положения на Востоке. Таким средством могли быть призывы, обращенные церковью к народу.

Важно понимать, что новообразованный комитет не располагал, как, например, Синайский монастырь, многовековой историей и обширными владениями на Ближнем Востоке ([Goncharenko, 2021: 37](#)), в результате деятельность Палестинского комитета началась со сбора пожертвований. Всероссийский сбор в короткое время позволил собрать около 500 тыс. руб., помимо этого, русское правительство из казны выделило еще 500 тыс. руб. на нужды комитета ([Обзор мер, 1886: 382](#)). На эти средства предполагалось реализовать три группы задач: во-первых, приобрести в Иерусалиме землю, достаточную для постройки на ней странноприимных заведений; во-вторых, в Иерусалиме, Рамлэ, Яффе, Назарете и Кайфе устроить временные странноприимные заведения; в-третьих, составить планы и проекты зданий для странноприимных организаций.

В декабре 1859 г., благодаря стараниям статс-секретаря Мансурова и русского иерусалимского консула В.И. Дорогобужина, земля в Иерусалиме была куплена. Всего было приобретено пять участков земли: один в непосредственной близости от Гроба Господня, второй и третий – около Яффских ворот, а четвертый и пятый – близ Дамасских ворот. Одновременно с этим решалась и вторая задача – касательно временного приюта для паломников. В Иерусалиме, Рамлэ, Яффе, Кайфе и Назарете были частью куплены, а частью наняты помещения для паломников. Они были снабжены мебелью и другими необходимыми принадлежностями ([Обзор мер, 1886: 382](#)).

Благотворная по своим результатам для русских паломников деятельность Палестинского комитета продолжалась до 1864 г. В этом году августейший председатель комитета, великий князь Константин Николаевич, был назначен царем на пост наместника Царства Польского, ввиду чего должен был прекратить непосредственное участие в работе комитета. Кроме того, прекратил свою работу и сам комитет, так как его задача к этому времени считалась уже выполненной. Вместо Палестинского комитета была учреждена особая Палестинская комиссия при Министерстве иностранных дел, которая состояла из трех членов под председательством великого князя Сергея Александровича. На комиссию возлагалась ответственность поддерживать уже созданные

¹ Инспектор Петербургской духовной академии, доктор богословия Кирилл Наумов.

странноприимные учреждения, а также продолжать заботы о житейских нуждах паломников ([Обзор мер, 1886а: 393](#)).

Благодаря деятельности сначала Палестинского комитета, а затем Палестинской комиссии, положение русских паломников в Иерусалиме было улучшено. Русские учреждения были созданы лишь в Иерусалиме, отчасти приют паломнику мог быть обеспечен в Яффе, Кайфе и Рамле, однако в Хевроне, Иерихоне, на берегах Иордана и в других священных местах Палестины русский паломник по-прежнему оставался незащищенным. За устранение отмеченных недостатков взялся настоятель русской духовной миссии в Иерусалиме – архимандрит Антонин. Благодаря работе этого пастыря на Святой Земле, было построено несколько православных храмов, а именно в Иерусалиме, в Горнем Граде Иудовом и на горе Елеонской. Во многих местах были созданы приемные пункты для паломников, и ситуация с их приютом нормализовалась ([Обзор мер, 1886а: 394](#)).

Казалось, что вопрос с приютом русских паломников окончательно разрешен, но на самом деле обстановка была иной. В конце 1870-х гг. интерес паломников к Святой Земле еще более возрос. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. число паломников достигло сначала 2 тысяч человек в год, а затем превысило 3 тысячи ([Обзор мер, 1886а: 394](#)). Очевидно, что иерусалимские постройки, рассчитанные на 800 человек, перестали вмещать такую массу паломников. Большой проблемой было и то, что в приютах не было бани, воды для чая и пр., а также усилившаяся в Святой Земле иноверная пропаганда, которая «грозила потушить светоч православия, исконно горевший у Гроба Господня» ([Обзор мер, 1886а: 394](#)).

В этих условиях в 1881 г. Палестину посетил великий князь Сергей Александрович вместе с великими князьями Павлом Александровичем и Константином Константиновичем. Сергей Александрович, увидев в каком положении находится православная вера в регионе, в последующем всю жизнь посвятил оказанию помощи русским паломникам. 8 мая 1882 г. под председательством великого князя Сергея Александровича было учреждено Императорское православное палестинское общество. Уже 21 мая оно приступило к своей работе.

Несколько слов необходимо сказать о целях этого общества, устройстве и средствах. Православное палестинское общество, согласно уставу, было создано для научно-благотворительных целей¹. Отсюда главными задачами общества были поддержание православия на Святой Земле и оказание помощи русским паломникам. Для реализации первой задачи общество предполагало поддерживать на Святой Земле православные церкви и духовенство, создавать там школы и оказывать местному населению медицинскую помощь. Что касается второй задачи, то общество планировало создать для паломников сеть странноприимных домов, больниц, особых паломнических караванов, путеводителей, то есть ряд мер по удешевлению путевых расходов. Помимо этого, общество предпринимало усилия для осуществления заботы о духовных потребностях паломников. Предполагалось, что все действия общества должны согласовываться с действиями Палестинской комиссии и советов Русской духовной миссии в Иерусалиме, а также Русского консульства в Палестине.

Организационно члены общества разделялись на почетных, действительных и членов-сотрудников. В число почетных членов общество избирало особ, известных учеными трудами по Святым местам Востока, особо сочувствующих целям общества или принесшим в дар обществу не менее 5 тыс. руб. Действительные члены набирались по рекомендации двух или более действительных членов, они должны были присутствовать на всех собраниях общества с правом голоса и имели доступ ко всем должностям общества. Они должны были вносить не менее 25 руб. ежегодно в качестве членских взносов, но ежегодный взнос мог быть заменен единовременным в 500 руб. Наконец, члены-сотрудники должны были ежегодно вносить в кассу не менее 10 руб. или единовременный взнос в размере 200 руб., они в собраниях имели лишь совещательный голос. Уставом 1882 г. количество почетных членов ограничивалось числом в 50 человек, а действительных – 200 человек, в то время как количество членов-сотрудников было не ограничено. Однако в уставе была приписка о том, что в будущем первые две категории могли быть увеличены ([Устав, 1882: 3](#)). Уже в 1897 г. в обществе насчитывалось 125 почетных членов и 800 действительных ([Городков, 1897: 3](#)). Всего с учетом членов-сотрудников в 1897 г. в обществе состояло более 3,3 тыс. человек, а приход от членских взносов достигал 600 тыс. руб. ([Городков, 1897: 5](#)). Однако нужно понимать, что почти все эти средства тратились ежегодно на содержание подворьев в Иерусалиме, которыми паломники пользовались за символическую плату. Так, за 1896 г. содержание подворьев обошлось Палестинскому обществу в 532 тыс. руб. при доходе общества в 594 тыс. ([Городков, 1897: 11](#)). Для лучшей иллюстрации нужно пояснить, что в 1896 г. каждый паломник, посетивший Иерусалим, обходился обществу в 19 руб. 73 коп., а от каждого паломника было получено только 4 руб. 60 коп. Общее же число паломников в 1896 г. достигло 6 532 человек ([Городков, 1897: 11](#)).

Помимо двух приютов в Иерусалиме, общество имело приют в Назарете. Во всех из них были бани, прачечные, больницы. В больницах заболевшие паломники лечились бесплатно.

¹ Научные цели организации были прописаны не случайно. Так, еще в 1865 г. было создано Английское общество исследования Палестины, а в 1878 г. – Германское палестинское общество ([Павинский, 2012: 23](#)).

Бедность палестинского православного населения способствовала католической пропаганде. Как отмечал Н. Городков, «отсутствие своих школ и больниц по необходимости заставляет отдавать своих детей в католические школы и обращаться за медицинской помощью в католические больницы. Каждый больной прежде, чем получит совет врача, должен выслушать миссионерскую проповедь... В силу всего этого успех католичества в Палестине поразителен. Число совращенных из православия в католичество превышает половину всего православного населения» (Городков, 1897: 14). Более того, В.Н. Хитрово утверждал, что если бы не созданное Палестинское общество, то уже через полвека в Святой Земле остались бы православными только монахи Святоградского Братства (Городков, 1897: 14). Приведем на этот счет некоторую статистику: «в 1840 г. православные составляли более 90 % христиан Палестины, а в 1880 г. – лишь 67 %, причем на 26 тыс. православных патриархат имел лишь две народные школы в Иерусалиме» (Павинский, 2012: 23).

Как только в 1882 г. было создано Православное палестинское общество, от местных жителей Палестины начали поступать многочисленные просьбы об открытии школ: «Об нас не заботьтесь, – говорили они, – но не дайте погибнуть детям нашим» (Городков, 1897: 14). В ответ на эти пожелания общество открыло несколько начальных школ. Тем не менее первые опыты были неудачны, так как сказалась нехватка учителей, знакомых с арабским языком и местными традициями. В результате общество открыло два пансиона для подготовки учителей из числа местного населения (мужской – в Назарете и женский – в селении Бейджале). Они являлись закрытыми учебными заведениями, в них принимались дети от 11 до 13 лет на полное казенное содержание. Обучение составляло 4 года. Помимо пансионов, обществом были открыты несколько мужских и женских начальных школ как в Палестине, так и в Сирии (Городков, 1897: 14-15).

Всего, по данным на 1896 г., в Сирии и Палестине насчитывалось около 50 учебных заведений с 4 тыс. православных учеников (Городков, 1897: 16).

Значительное внимание уделялось и популяризации общества. С 1883 г. его председатель через обер-прокурора Святейшего синода обращался к царю за разрешением печатать в наиболее известных российских газетах («Свет», «Голос», «Новое время», «Московские ведомости», «Саратовский дневник», «Церковный вестник» и календарь «Нового времени») сведения об обществе и списки пожертвований (Императорское православное..., 1907: 202). В 1885 г. был открыт и собственный печатный орган – газета «Русский паломник» (Рисунок 1).

Рис. 1. Газета «Русский паломник»

Стремясь усилить финансовые средства общества, в январе 1883 г. в Санкт-Петербурге создали особую комиссию по кружечному сбору при 10 столичных церквях. Аналогичные кружки были поставлены в Оренбурге, Киеве, Москве, Риге и других городах Российской империи. Помимо этого,

проводились тарелочные сборы, благотворительные вечера и другие мероприятия, направленные на увеличение средств Императорского православного палестинского общества.

5. Заключение

Таким образом, мы должны отметить, что к середине XIX века на Ближнем Востоке для православия и православных складывалась сложная ситуация, которая объяснялась созданием латинского иерусалимского патриархата в регионе и открытием значительного количества католических школ. В это же время из России в Святую Землю резко возросло число православных паломников, которые столкнулись с большим количеством организационных трудностей в странствиях по Святой Земле. Для облегчения участи паломников и местного православного населения в Святую Землю были отправлены две духовные миссии, а в 1858 г. учрежден Палестинский комитет. Ему удалось решить насущные проблемы паломников путем приобретения специальных подворий, тем не менее очень скоро количество паломников возросло еще более, и русское правительство учредило в 1882 г. Императорское православное палестинское общество. Опираясь на государственную поддержку и пожертвования российских благотворителей, в Святой Земле было открыто значительное количество учреждений общества, включая подворья, школы и медицинские амбулатории. Все это в целом позволило не только сохранить православие на Ближнем Востоке в дореволюционный период, но и усилить влияние Российской империи на весь Ближневосточный регион.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках НИР №203367-0-000 «Глобальная трансформация мировых финансов».

Литература

Балалыкин, Горелова, 2012 – Балалыкин Д.А., Горелова Л.Е. Медицинская деятельность Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) на Ближнем Востоке (к 130-летию создания) // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2012. № 3–1 (23). С. 039-045.

Балдин, 2015 – Балдин К.Е. Русские православные паломники и греческая церковь в Палестине во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2015. № 4 (15). С. 29-42.

Бирюкова, 2017 – Бирюкова К.В. Российская духовная миссия в Иерусалиме и Императорское Православное Палестинское общество // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2017. № 2(75). С. 11-17.

Городков, 1897 – Городков Н. Императорское Палестинское Православное общество. Тобольск, 1897.

Грушевой, 2015 – Грушевой А.Г. Школы и школьная деятельность Императорского Православного Палестинского общества // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 2015. № 33. С. 57-118.

Императорское православное..., 1907 – Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907 гг.) / Сост. проф. А.А. Дмитриевским. СПб., 1907.

Кулик, 2013 – Кулик С.В. Организация паломничества в Палестину в России и реформы Александра II // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2013. № 72. С. 12-15.

Лисовой, 2007 – Лисовой Н.Н. Императорское православное Палестинское общество: XIX – XX – XXI века // *Отечественная история*. 2007. № 1. С. 3-22.

Нечаева, 2013 – Нечаева М.Ю. Императорское Православное Палестинское общество: численность и состав членов в конце XIX – начале XX вв. // *Историко-педагогические чтения*. 2013. № 17. С. 484-500.

Обзор мер..., 1886 – Обзор мер для улучшения быта русских паломников в Палестине // *Русский паломник*. 1886. № 37. С. 381-382.

Обзор мер..., 1886а – Обзор мер для улучшения быта русских паломников в Палестине // *Русский паломник*. 1886. № 38. С. 393-397.

Павинский, 2012 – Павинский В.С. Православное Палестинское общество: предпосылки и цели создания // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2012. № 150. С. 22-25.

Соловьев, 1891 – Соловьев М. Святая Земля и Православное Императорское Палестинское общество. М., 1891.

Устав, 1882 – Устав Императорского православного Палестинского общества. Тверь, 1894. 12 с.

Цысь, Цысь, 2015 – Цысь В.В., Цысь О.П. Сборы пожертвований на нужды Святой Земли в Западной Сибири в XIX – начале XX вв. // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. № 2. С. 131-144.

[Goncharenko, 2021](#) – *Goncharenko A.V.* Slavery in the Ottoman Empire (the first half of the XIX century): on the Status of Monastic Slaves // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1): 35-41.

References

[Balalykin, Gorelova, 2012](#) – Balalykin, D.A., Gorelova, L.E. (2012). Meditsinskaya deyatel'nost' Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva (IPPO) na Blizhnem Vostoke (k 130-letiyu sozdaniya) [Medical activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society (IOPS) in the Middle East (to the 130th anniversary of its creation)]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3–1(23): 039-045. [in Russian]

[Baldin, 2015](#) – *Baldin, K.E.* (2015). Russkie pravoslavnye palomniki i grecheskaya tserkov' v Palestine vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Russian Orthodox pilgrims and the Greek Church in Palestine in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 4(15): 29-42. [in Russian]

[Biryukova, 2017](#) – Biryukova, K.V. (2017). Rossiiskaya dukhovnaya missiya v Ierusalime i Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe obshchestvo [Russian Spiritual Mission in Jerusalem and the Imperial Orthodox Palestinian Society]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(75): 11-17. [in Russian]

[Goncharenko, 2021](#) – *Goncharenko, A.V.* (2021). Slavery in the Ottoman Empire (the first half of the XIX century): on the Status of Monastic Slaves. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 35-41.

[Gorodkov, 1897](#) – *Gorodkov, N.* (1897). Imperatorskoe Palestinskoe Pravoslavnoe obshchestvo [Imperial Palestine Orthodox Society]. Tobol'sk. [in Russian]

[Grushevoi, 2015](#) – *Grushevoi, A.G.* (2015). Shkoly i shkol'naya deyatel'nost' Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva [Schools and school activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. 33: 57-118. [in Russian]

[Imperatorskoe pravoslavnoe..., 1907](#) – Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe obshchestvo i ego deyatel'nost' za istekshuyu chetvert' veka (1882–1907 gg.) [The Imperial Orthodox Palestinian Society and its activities over the past quarter of a century (1882-1907)]. Sost. prof. A.A. Dmitrievskim. SPb., 1907. [in Russian]

[Kulik, 2013](#) – *Kulik, S.V.* (2013). Organizatsiya palomnichestva v Palestinu v Rossii i reformy Aleksandra II [Organization of the pilgrimage to Palestine in Russia and the reforms of Alexander II]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 72: 12-15. [in Russian]

[Lisovoi, 2007](#) – *Lisovoi, N.N.* (2007). Imperatorskoe pravoslavnoe Palestinskoe obshchestvo: XIX – XX – XXI veka [Imperial Orthodox Palestinian Society: XIX – XX – XXI centuries]. *Otechestvennaya istoriya*. 1: 3-22. [in Russian]

[Nechaeva, 2013](#) – *Nechaeva, M.Yu.* (2013). Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe obshchestvo: chislennost' i sostav chlenov v kontse XIX – nachale XX vv. [Imperial Orthodox Palestinian Society: the number and composition of members in the late XIX – early XX centuries]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*. 17: 484-500. [in Russian]

[Obzor mer..., 1886](#) – Obzor mer dlya uluchsheniya byta russkikh palomnikov v Palestine [Review of measures to improve the life of Russian pilgrims in Palestine]. *Russkii palomnik*. 1886. 37: 381-382. [in Russian]

[Obzor mer..., 1886a](#) – Obzor mer dlya uluchsheniya byta russkikh palomnikov v Palestine [Review of measures to improve the life of Russian pilgrims in Palestine]. *Russkii palomnik*. 1886. 38: 393-397. [in Russian]

[Pavinskii, 2012](#) – Pavinskii, V.S. (2012). Pravoslavnoe Palestinskoe obshchestvo: predposylki i tseli sozdaniya [Orthodox Palestinian Society: prerequisites and goals of creation]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 150: 22-25. [in Russian]

[Solov'ev, 1891](#) – *Solov'ev, M.* (1891). Svyataya Zemlya i Pravoslavnoe Imperatorskoe Palestinskoe obshchestvo [The Holy Land and the Orthodox Imperial Palestinian Society]. M. [in Russian]

[Tsyes', Tsyes', 2015](#) – *Tsyes', V.V., Tsyes', O.P.* (2015). Sbory pozhertvovaniy na nuzhdy Svyatoi Zemli v Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX vv. [Collection of donations for the needs of the Holy Land in Western Siberia in the XIX – early XX centuries]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2: 131-144. [in Russian]

[Ustav, 1882](#) – Ustav Imperatorskogo pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva [Charter of the Imperial Orthodox Palestine Society]. Tver', 1894. 12 p. [in Russian]

К вопросу о создании и деятельности Императорского православного палестинского общества: некоторые культурные, организационные и геополитические аспекты

Людмила Васильевна Шкваря^а, Ирина Ахмед Зейн Айдрус^{а,*}, Равиль Рамильевич Асмятуллин^а, Софья Григорьевна Главина^а

^а Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается процесс создания и деятельности Императорского православного палестинского общества в XIX веке. Авторами уделено внимание некоторым культурным, организационным, а также геополитическим вопросам.

В качестве источников были привлечены официальные документы Императорского православного палестинского общества (например, Устав), а также материалы дореволюционной периодической печати, такие как официальный орган общества – газета «Русский паломник», которая издавалась с 1885 г.

В заключении авторы отмечают, что к середине XIX века на Ближнем Востоке для православия и православных складывалась сложная ситуация, которая объяснялась созданием латинского иерусалимского патриархата в регионе и открытием значительного количества католических школ. В это же время из России в Святую Землю резко возросло число православных паломников, которые столкнулись с большим количеством организационных трудностей в странствиях по Святой Земле. Для облегчения участи паломников и местного православного населения туда были отправлены две духовные миссии, а в 1858 г. учрежден Палестинский комитет. Комитету удалось решить насущные проблемы паломников путем приобретения специальных подворий, тем не менее очень скоро количество паломников возросло еще более, и русское правительство учредило в 1882 г. Императорское православное палестинское общество. Опираясь на государственную поддержку и на пожертвования от российских благотворителей в Святой Земле было открыто значительное количество учреждений общества, включая подворья, школы и медицинские амбулатории. Все это в целом позволило не только сохранить православие на Ближнем Востоке в дореволюционный период, но и усилить влияние Российской империи на весь Ближневосточный регион.

Ключевые слова: Императорское православное палестинское общество, создание, предпосылки, геополитика.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dastard@rambler.ru (Л.В. Шкваря)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 703-713
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.703

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Analysis of the Personnel Policy of the Imperial Authorities in Relation to the Atamans of the Don Cossacks (1848–1917)

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the personnel policy of the imperial authorities in relation to the atamans of the Don Host of non-Cossack origin. From 1848 to 1917 the post of Don ataman was occupied exclusively by generals of the regular army. Although in recent decades their figures have begun to attract the attention of researchers, the personnel policy of the imperial government in relation to them has not yet been analyzed.

The article shows that usually lieutenant generals aged 48 to 56 years were appointed Don atamans (11 cases out of 13). At the same time, their previous activities could be completely different: among the atamans there are both cavalymen and infantrymen, both people with administrative experience, and people who are completely deprived of it. The author comes to the conclusion that the personnel policy of the imperial government gradually degraded. Initially, only cavalymen with administrative experience, either already serving in the region or being popular figures of the imperial scale, were appointed as Don atamans. However, then, from the turn of 1860-1870, the position of the Don ataman began to be interpreted as an ordinary lieutenant general vacancy, and any lieutenant general was appointed to it, up to an infantryman without administrative experience. In addition, if for the XIX century long atamanships were characteristic, allowing the ataman to engage in long-term projects, then in the XX century the imperial authorities begin to constantly change atamans, preventing them from incorporating into the local elite or showing themselves, with the exception of one case.

Keywords: Don Cossacks, Don atamans, atamans of non-Cossack origin, personnel policy, Russian Empire.

1. Введение

Одной из интереснейших, но далеко недостаточно изученных проблем истории Российской империи является кадровая политика центральной власти. Некоторые сюжеты, связанные с этой темой, вызывают стойкий интерес историков: например, в полном соответствии с современными тенденциями развития историографии целый ряд текстов повествует о допуске женщин к службе в государственных учреждениях имперской России (Гарбуз, 2009; Жаров, 2015; Veremenko, 2020). В то же время обобщающих работ, посвященных логике и обоснованиям имперской кадровой политики в целом, до настоящего времени не существует, и многие значимые сюжеты не только не изучены, но и даже не воспринимаются научным сообществом как важные.

Одним из таких сюжетов является назначение правителей регионов Российской империи, губернаторов, генерал-губернаторов, казачьих атаманов, наместников и т.д. В советский период эта тема по понятным причинам глубоко не разрабатывалась: царские чиновники и по идеологическим, и по методологическим соображениям плохо подходили на роль главных героев исторических

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

исследований, посвященных преимущественно прогрессивным классам и массам. В 1990–2010 гг. вышло множество качественных исследований о региональных чиновниках совершенно различного уровня, однако в них чаще всего рассматривается жизнь и деятельность отдельных персоналий. Исключение составляют работы справочно-энциклопедического характера, описывающие всех правителей определенного края (Алексушкин, 1996; Семенов, Семенова, 1999). Однако в подобных работах именно имперская кадровая политика, системная логика назначения губернаторов обычно не рассматривается.

В данной статье предпринята попытка проанализировать логику назначений донских атаманов с 1848 г., когда на эту должность стали назначаться офицеры регулярной армии (т.е. не казаки) до 1917 г., когда погибла Российская империя. Как нам представляется, именно донских атаманов этого периода следует рассматривать отдельно, не объединяя ни с атаманами прочих казачьих войск, ни с российскими генерал-губернаторами. Дело в том, что в общую систему имперских должностей должность донского атамана была окончательно вписана только в 1868 г., причем донской атаман получил по гражданской части права генерал-губернатора, а по военной – командующего войсками в военном округе (Волвенко, 2017: 173). Это поставило его значительно выше атаманов прочих казачьих войск, не имевших статуса ни генерал-губернаторов, ни командующих военным округом. Так, например, Кубанское казачье войско с момента своего создания в 1860 г. было только частью Кавказского военного округа, которым руководил наместник/главноначальствующий на Кавказе, а Оренбургское казачье войско с 1865 г. вообще было введено в состав Оренбургской губернии, губернатор которой с этого времени по совместительству был и оренбургским атаманом. Таким образом, если в других казачьих войсках во второй половине XIX в. атаманы фактически имели статус губернаторов Российской империи, а в военном отношении подчинялись командирам военных округов, то донской атаман был генерал-губернатором, а Войско Донское (напомним, что оно было старейшим и крупнейшим из казачьих войск, что логично объясняет подобный статус его руководителя) технически представляло собой отдельный военный округ. Таким образом, должность донского атамана была уникальна для Российской империи и ее следует рассматривать отдельно от менее статусных должностей атаманов других казачьих войск.

Кем же были донские атаманы 1848–1917 гг.? Что известно о логике и принципах их назначения? Насколько вообще имперская кадровая политика в данном случае была логична и оправдана? На эти вопросы мы и постараемся ответить ниже.

2. Материалы и методы

Первые тексты о донских атаманах неказачьего происхождения были написаны еще в XIX в. Особое значение имела статья известного краеведа и либерального журналиста А.А. Карасева, который попытался дать объективную характеристику всем атаманам за 50 лет, с 1848 по 1898 гг. (Карасев, 1899). Тем не менее атаманы-неказаки донских авторов интересовали мало, и, помимо текста А.А. Карасева, они сколько-либо подробно описывались всего в одной обзорной работе, причем носящей публицистический характер: в «Описи войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738–1916 гг.)» депутата Государственной Думы А.И. Петровского (Петровский, 1916). Тем более не было значимых исследований, посвященных отдельным атаманам (один из известнейших донских историков-любителей, Х.И. Попов, написал статью о покровительствовавшем ему атамане Н.И. Святополк-Мирском, но она так и не была опубликована) (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1452. Л. 1-8). О кадровой политике Российской империи, о причинах назначения тех или иных атаманов на Дон в донской дореволюционной историографии специально не писали (за исключением приведения непроверяемых слухов в некоторых публицистических текстах). Сведения на этот счет так и остались разбросанными в различных текстах мемуарного и дневникового характера, а также в архивах.

В советский период донские атаманы неказачьего происхождения, подобно большинству чиновников Российской империи, внимания исследователей не привлекали. Только в 1998 г. вышла статья Р.Г. Тикиджьяна о Н.И. Святополк-Мирском, однако она не оказала серьезного влияния на донскую историографию в целом (Тикиджьян, 1998). И только в 2010 гг. о донских атаманах неказачьего происхождения начали активно писать А.А. Волвенко и А.Ю. Перетясько, в том числе и в специально посвященных им статьях (Перетясько, 2017; Volvenko, 2017). Кроме того, статью об атамане Ф.Ф. Таубе опубликовал специалист по истории казачьего национализма Б.С. Корниенко (Корниенко, 2009).

Таким образом, к настоящему времени накоплено достаточно информации и для того, чтобы с помощью контент-анализа выявить характерные для донских атаманов формальные и легко поддающиеся учету черты, и для того, чтобы с помощью сравнительного метода проследить за логикой их назначения на должность. Само развитие донской историографии подталкивает к тому, чтобы проанализировать не отдельные фигуры донских атаманов, а всю их совокупность, выделяя общие и частные черты.

3. Обсуждение и результаты

Войско Донское, в отличие от большинства имперских территорий, в 1848–1917 гг. находилось в ведении не Министерства внутренних дел, а Военного министерства. Интересно отметить, что, когда первоначально, в 1830 гг., выстраивалась юридически закреплённая четкая система подчинения донских войсковых органов имперским институтам, предполагалось применять к ним обычный порядок подчинения различным профильным министерствам, однако в 1837 г. последовал указ передать в ведение Военного министерства все вопросы строительства, капитальных расходов, а также прочие гражданские вопросы, связанные с военной службой Войска Донского (т.е. с учетом милитаризации края фактически все вопросы вообще) (Столетие..., 1902: 270). Поэтому в конечном счете войсковая администрация, в отличие от администраций прочих генерал-губернаторств, оказалась формально подчинена специальному органу при Военном министерстве, через который велась переписка всех казачьих войск с остальными имперскими институциями (название и структура этого органа неоднократно менялась, от Департамента военных поселений к Управлению/Главному управлению иррегулярных/казачьих войск, а затем к казачьему отделу Главного штаба). На практике, однако, атаманы казачьих войск, особенно Донского, тяготились опекой даже не собственно военного министра, а второстепенного подразделения Военного министерства. Нужно помнить еще и о том, что эти атаманы, по крайней мере эпизодически, получали личный доступ к императору. И вышесказанное создавало предпосылки для ситуации, которую военный министр А.Ф. Редигер описывал так: «Наказные атаманы, являясь государю, постоянно жаловались, что такие-то ходатайства их по годам не получают разрешения в Главном Управлении» (Редигер, 1999: 120). Таким образом, с одной стороны, донской атаман, как и все генерал-губернаторы, был номенклатурой лично императора, но при этом де-юре он подчинялся Военному министерству, структуры которого, как мы увидим ниже, тоже влияли на выбор атамана. Мы увидим и то, что другие имперские министерства могли влиять на назначение атамана, по каким-либо ситуационным причинам продвигая свою креатуру.

Не удивительно, что в рамках подобной сложной и непрозрачной системы часто не ясно, кто стоял за назначением того или иного генерала донским атаманом. При этом отсутствовала и практика обоснования назначений, даже секретного и внутреннего, и поэтому мы можем либо довериться неофициальным и непроверяемым высказываниям современников о причинах назначения того или иного генерала донским атаманом, либо вообще предложить собственные реконструкции. И все же определенные закономерности назначения на атаманскую должность, свидетельствующие о нарастающем управленческом кризисе в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., совершенно очевидны.

Типичный донской атаман

Нам кажется уместным привести две таблицы, в которых были бы систематизированы данные о донских атаманах неказачьего происхождения на момент их назначения. Мы решили сделать две таблицы потому, что за правление Николая II было назначено больше атаманов, чем за предшествовавшие полвека, а последний атаман предшествующего периода, Н.И. Святополк-Мирский, был снят после ходатайства донских дворян, что неизбежно должно было вызвать изменения кадровой политики правительства (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 2-60б.). Результаты наших трудов выглядят так:

Таблица 1. Данные о донских атаманах неказачьего происхождения на момент их назначения

	Год назначения	Возраст	Военный чин	Опыт
М.Г. Хомутов	1848	53	Генерал-лейтенант	Кавалерист ¹ , администратор (казачьи войска)
П.Х. Граббе	1862	73	Генерал кавалерии от	Выдающийся полководец (с опытом службы во всех родах войск и администрирования)
А.Л. Потапов	1866	48	Генерал-лейтенант	Кавалерист, администратор (вне казачьих войск)
М.И. Чертков	1868	39	Генерал-лейтенант	Кавалерист, администратор (вне казачьих войск)
Н.А. Краснокутский	1874	56	Генерал-лейтенант	Кавалерист без административного опыта
Н.И. Святополк-Мирский	1881	48	Генерал-лейтенант	Пехотинец без административного опыта

¹ Под «кавалеристами» мы подразумеваем военных, имевших серьезный опыт службы в кавалерийских частях, в том числе и тех, которые служили также и в пехоте/артиллерии.

К.К. Максимович	1899	50	Генерал-лейтенант	Кавалерист, администратор (казачьи войска)
Н.Н. Одоевский-Маслов	1905	56	Генерал-лейтенант	Кавалерист без административного опыта
А.В. Самсонов	1907	48	Генерал-лейтенант	Кавалерист без административного опыта
Ф.Ф. Таубе	1909	52	Генерал-лейтенант	Пехотинец, администратор (казачьи войска)
П.И. Мищенко	1911	58	Генерал от артиллерии	Кавалерист, администратор (казачьи войска)
В.И. Покотило	1912	56	Генерал-лейтенант	Пехотинец, администратор (казачьи войска)
М.Н. Граббе	1916	48	Генерал-лейтенант	Кавалерист без административного опыта

Таким образом, мы совершенно четко видим, что донскими атаманами назначались генерал-лейтенанты регулярной армии (11 из 13) в возрасте от 48 до 56 лет (11 из 13). А вот что касается их опыта на момент назначения на должность, то тут ситуация была куда более разнообразной. В целом можно считать, что чаще всего донскими атаманами становились кавалеристы с административным опытом (6 из 13, считая и П.Х. Граббе), несколько реже кавалеристы без административного опыта (4 из 13, считая и А.В. Самсонова), еще реже пехотинцы с административным опытом (2 из 13) и всего в одном случае был назначен пехотинец без административного опыта. На первый взгляд подобный подход демонстрирует системную правительственную политику в выборе кандидатов на должность донского атамана и может даже показаться, что приоритет при назначении на эту должность сознательно отдавался кавалеристам с административным опытом. Однако в действительности 4 из 6 кавалеристов-администраторов шли подряд друг после друга в начале интересующего нас периода. В 1874–1917 гг., напротив, только два донских атамана были кавалеристами-администраторами, причем суммарное время их правления составляет всего около 7 лет! Поэтому нам кажется более перспективным предельно кратко пройти по списку донских атаманов, уточняя причины их назначения на должность и выявляя закономерности.

Долгие атаманства (1848–1899)

Прежде всего, оговорим, что для этого периода длительные сроки атаманств характерны не случайно. Как правило, назначение на атаманскую должность служило высшей точкой и завершением карьеры, и с нее уходили в полную отставку или на почетную, но малозначащую должность члена Государственного Совета. Исключение составили только самые молодые атаманы, М.И. Чертков (позднее Киевский и Варшавский генерал-губернатор) и А.Л. Потапов (Виленский генерал-губернатор и начальник Третьего отделения). Кстати, третий сравнительно молодой атаман, Н.И. Святополк-Мирский, пробыл в должности рекордный срок, почти два десятилетия. Таким образом, обычно (в 4 случаях из 6) назначение на пост донского атамана означало своеобразный «тупик» в дальнейшем продвижении по службе: с одной стороны, генерал становился правителем обширного степного края, но, с другой, если его возраст на момент назначения превышал 50 лет, он мог быть уверен, что уйти с должности он сможет только де-факто или де-юре на пенсию. Это тоже представляется нам логичным: Донское войско было крупнейшим казачьим войском, и собственно по линии администрирования казачьих территорий дальнейшее продвижение по служебной лестнице с должности донского атамана было уже невозможно. И логично, что большинство атаманов в этих условиях, с учетом солидного возраста назначения, удерживались в должности до окончания активной карьеры. И все же внутри этого периода четко выделяются четыре этапа, демонстрирующие сперва девальвацию атаманской должности, а затем управленческий кризис в Российской империи.

А) Атаманы из начальников штаба Войска Донского (1848–1862)

Строго говоря, единственным донским атаманом неказачьего происхождения, занимавшим до назначения вторую по статусу должность в войске – начальника войскового штаба – был М.Г. Хомутов. Интересно, что он же, по мнению младших современников, был лучшим администратором в ряду атаманов неказачьего происхождения. Вот что писал на этот счет донской земец и краевед А.А. Карасев: «Это был «маленький» Петр Великий для донской земли, где до сих пор еще не стертые резкие следы его разнообразной и кипучей деятельности. <...>. Преемники Хомутова, как практические деятели, отстают от него на далекое пространство» (Карасев, 1899: 107–108). А.А. Петровский, либеральный депутат Государственной Думы начала XX в., обвиняя М.Г. Хомутова в самодурстве и коррупции, в то же время признавал, что последний «администратор и хозяин был отменный» (Петровский, 1916: 15–16). Хотя прямых доказательств этого нет, судя по всему, уже назначение М.Г. Хомутова на должность начальника штаба при старом М.Г. Власове, последнем в имперской России донском атамане-казаке, делалось с перспективой его дальнейшего продвижения на атаманскую должность. Во всяком случае, в окружении Николая I имели

распространение идеи о необходимости отмены прежней практики назначения атаманов-казаков. Наставник цесаревича, будущего императора Александра II, В.А. Жуковский во время посещения царской семьей Новочеркасска даже записал в дневнике: «Власов с предрассудками и упрямством. Хорошо дать атамана русского» (Жуковский, 2013: 82). И реализация подобных идей прошла вполне успешно: к моменту смерти М.Г. Власова М.Г. Хомутов укоренился в среде донской элиты, стал для нее «своим», вследствие чего процесс трансфера атаманской власти от казаков к офицерам регулярной армии пошел почти незаметно и без серьезного недовольства снизу.

Более того, имперские власти и для замены самого состарившегося М.Г. Хомутова изначально планировали использовать аналогичную практику. В 1859 г. на Дон был переведен генерал-майор А.М. Дондуков-Корсаков, вскоре получивший чин генерал-лейтенанта и должность начальника войскового штаба. Сразу же по прибытии в Новочеркасск многие начали рассматривать его в качестве преемника М.Г. Хомутова (Карасев, 1908: 18). Однако А.М. Дондуков-Корсаков, сам уверенный в будущем назначении атаманом, заигрывал с местной элитой и встал в открытую оппозицию к Военному министерству (рукописи его критической записки, адресованной имперским властям, распространялись по Новочеркасску) (Volvenko, 2015: 22-33). В итоге его кандидатура на атаманскую должность стала неприемлемой, и имперские власти оказались поставлены перед необходимостью срочно искать нового атамана за пределами Войска Донского, в котором возобладала оппозиция по отношению к имперским властям.

Б) Атаманы из имперской элиты (1862–1868)

В этих условиях лично Александр II неожиданно предложил на пост донского атамана престарелого П.Х. Граббе (Volvenko, 2017: 36). Как видно из опубликованных выше таблиц, этот генерал в наибольшей степени выделялся из ряда донских атаманов неказачьего происхождения как возрастом (73 года), так и высоким чином (генерал от кавалерии). Что еще важнее, он уже мог считаться живой легендой: участник войны 1812 г., руководитель штурма неприступного прежде аула Ахульго в ходе Кавказской войны, он, бесспорно, был единственным выдающимся полководцем из рассматриваемых нами донских атаманов (в некотором роде ему могли составить конкуренцию атаманы начала XX в., А.В. Самсонов и П.И. Мищенко, но эти боевые генералы, командовавшие армиями и корпусами на поле боя, вошли в историю не победами, а поражениями: армия первого была разгромлена в Восточной Пруссии в 1914 г., а второй руководил неудачным набегом на Инкоу в 1904–1905 гг.). Поэтому кажется обоснованным мнение А.А. Волвенко, согласно которому имперские власти, удаляя с Дона популярного А.М. Дондукова-Корсакова, рассматривавшегося местной элитой в качестве следующего атамана, осознанно заменяли его максимально авторитетной фигурой «престарелого, умудренного жизнью и опытом, покрытого славой Кавказской войны и широко известного казакам генерал-адъютанта П.Х. Граббе» (Волвенко, 2014: 16).

Однако П.Х. Граббе продолжил начатый А.М. Дондуковым-Корсаковым компромисс местной администрации с местной элитой, даже допустив выборных представителей от станиц до разработки казачьего законодательства (Volvenko, 2017: 36). В итоге сложилась крайне сложная ситуация: с одной стороны, П.Х. Граббе в качестве донского атамана быстро перестал устраивать имперские власти, но, с другой – его замена в сложившихся условиях могла вызвать новый всплеск недовольства в казачьей среде. Не удивительно, что в качестве его преемников изначально рассматривались не менее знаковые в русской истории фигуры: так, в 1864 г. от предложения стать донским атаманом отказался Н.Н. Муравьев-Амурский (Volvenko, 2017: 36).

В итоге, однако, найти на замену П.Х. Граббе столь же знакового и популярного деятеля не удалось, и трансфер власти от ставшего неудобным атамана был осуществлен уникальным способом, никогда больше в донской истории не практиковавшимся. На какое-то время атаманская должность была разделена: П.Х. Граббе в 1865 г. был дарован статус войскового атамана с правами генерал-губернатора, а осуществляющим непосредственное управление краем наказным атаманом был назначен чиновник имперского масштаба, но отнюдь не пользующийся популярностью, бывший начальник штаба корпуса жандармов А.Л. Потапов (Волвенко, 2017: 113). Очевидно, последний сразу рассматривался в качестве следующего полноценного донского атамана, т.е. произошел возврат к практике предварительного назначения будущего атамана на Дон, чтобы он подготовил местные элиты к своему назначению. Однако если М.Г. Хомутов и А.М. Дондуков-Корсаков искали компромисс с казаками и в итоге стали «своими» для новочеркасского общества, то А.Л. Потапов, напротив, использовал силовые методы, быстро подавив возможную оппозицию своему назначению. Характерно, что А.А. Карасев описывал его как человека «не выносившего противных мнений» и запомнившегося уничтожением выборности донских чиновников, после чего власть донского атамана стала единоличной (Карасев, 1899: 110). Всего за год новый наказной атаман достаточно сломил донскую оппозицию, чтобы почетная должность войскового атамана была упразднена, П.Х. Граббе отправлен в отставку, а права генерал-губернатора на донской земле получил А.Л. Потапов лично (т. е. изначально они были даны донскому атаману только до тех пор, пока на этой должности находится А.Л. Потапов) (Волвенко, 2017: 113-114).

В) Атаманы-ординарные кавалерийские генералы (1868–1881)

К 1868 г. ситуация на Дону сильно успокоилась. А.Л. Потапов, по свидетельству современников, вообще отзывался о Новочеркасске как о «земном рае» (Валуев, 1961: 248). Между тем освободилась должность виленского генерал-губернатора, на которую рассматривалась кандидатура М.И. Черткова, бывшего кавалерийского и пехотного офицера, затем губернатора и помощника виленского генерал-губернатора (Валуев, 1961: 248). Но и начальник Третьего отделения П.А. Шувалов, и министр внутренних дел П.А. Валуев выступили резко против, очевидно, считая М.И. Черткова не соответствующим этой должности (Валуев, 1961: 248) (П.А. Валуев и прежде отзывался о М.И. Черткове как о человеке, не обремененном особыми талантами (Валуев, 1961: 179). В итоге была осуществлена своеобразная рокировка: виленским генерал-губернатором назначили А.Л. Потапова, а в «земной рай» Новочеркасска был направлен М.И. Чертков, получивший уже не лично, а по должности права генерал-губернатора.

Собственно говоря, с этого момента и представляется возможным говорить о девальвации должности донского атамана. Как мы видели выше, первые три донских атамана неказачьего происхождения уже на момент назначения имели в среде местной элиты влияние и авторитет (М.Г. Хомутов и А.Л. Потапов заработали это влияние на других должностях в войсковом правлении, а П.Х. Граббе пользовался высоким авторитетом среди всего русского офицерства, включая казацье). Кроме того, М.Г. Хомутов к моменту своего назначения много лет прослужил на Дону, став не просто региональным, но донским чиновником, а П.Х. Граббе и А.Л. Потапов вообще относились к чиновникам не регионального, а имперского уровня. Назначение же М.И. Черткова, к тому же сразу оказавшегося неприемлемым для донской элиты из-за еврейки-жены (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1-5), наглядно показало, что теперь имперские власти считают возможным ставить на атаманскую должность не имеющих никакого влияния на казаков ординарных генералов, никогда на Дону не служивших и ничем не проявивших себя на имперском уровне.

Тем не менее, по мнению А.А. Карасева, М.И. Чертков оказался очень неплохим атаманом на фоне многих своих предшественников и преемников и даже мог бы в других условиях стать «выдающимся руководителем», благодаря «опыту губернаторской деятельности», «свежему уму» и «хорошей памяти» (Карасев, 1899: 110-111). Хотя А.А. Карасев и обвинял атамана в коррупции, он признавал, что М.И. Чертков много сделал для донского края, и подчеркивал, что Александр II в высочайшем рескрипте признал деятельность этого атамана «выдающейся» (Карасев, 1899: 111).

Однако как раз наметившаяся при назначении М.И. Черткова девальвация атаманской должности сыграла затем крайне негативную роль в истории донского казачества. Когда М.И. Чертков, уставший от сплетен и анонимок в адрес своей семьи (одна из этих анонимок даже сохранилась в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1-5), по собственному желанию ушел с атаманской должности, его преемником стал Н.А. Краснокутский. К сожалению, деятельность этого атамана почти не изучена. И абсолютно не ясно, по каким причинам на атаманскую должность впервые был назначен кавалерийский генерал вовсе без административного опыта. Современники даже шутили, будто бы он «взял был прямо с коня» (Карасев, 1899: 112). Поэтому не удивительно, что при нем реальная власть в регионе перешла к помощнику атамана по гражданским делам, генерал-майору Н.А. Маслаковцу (Петровский, 1916: 20). В отличие от ситуаций с М.Г. Хомутовым, А.М. Дондуковым-Корсаковым и А.Л. Потаповым, когда власть переходила от действующего атамана его будущему преемнику, подготавливаемому к этой должности по воле имперских властей, в данном случае реальное управление краем ситуационно оказалось в руках человека, занимающего относительно незначительную административную должность, в качестве будущего атамана никем не рассматриваемого, но просто оказавшегося способным управлять Донским войском при некомпетентном атамане. И с этого момента до самого конца периода долгих атаманств (т.е., в 1874–1899 гг.) будет сохраняться ситуация, когда донским краем фактически правил тандем из неопытного в административных делах атамана и его помощника по гражданской части. Если в случае с Н.А. Краснокутским и Н.А. Маслаковцем подобный тандем работал относительно неплохо, то в дальнейшем эта система привела к катастрофе, и в этом нет ничего удивительного: сама ситуация, когда править огромным и крайне специфичным краем назначался априори не способный к этому строевой генерал, а реальные бразды правления оказывались в руках другого чиновника, который, однако, де-юре ответственности за происходящее в Донском войске не нес, была крайне нездоровой.

Г) Атаманы-ординарные пехотные генералы (1881–1899)

Этот период включает правление всего одного человека, князя Н.И. Святополк-Мирского, составившее, однако, целую эпоху на Дону. Назначение Н.И. Святополк-Мирского было, на наш взгляд, абсурдным и продемонстрировало полную деградацию кадровой политики имперских властей: во главе Донского войска оказался поставлен пехотный строевой генерал, не имевший ни минимального административного опыта, ни знания особенностей российской кавалерии. Кроме того, он словно доводил до предела негативные качества своих предшественников. Н.И. Святополк-Мирский был настолько равнодушен к делу управления краем, что добился специального закона,

по которому председательство в гражданских учреждениях области Войска Донского осуществлялось не атаманом, а его помощником по гражданской части (Карасев, 1899: 113). Зато коррупция при нем достигла огромных масштабов, которые маскировались самым наивным образом: например, «добровольные подношения» делались не атаману, а его жене (Усова). Наконец, в последние годы правления атаман вообще откровенно проявлял больший интерес к купленному им Мирскому замку, чем к управлению донским краем (Скорик, 2015: 78).

Современные историки склонны объяснять назначение Н.И. Святополк-Мирского его близостью к царской семье и преданностью престолу (Волвенко, 2017: 119). Однако Е.П. Савельев в стихотворном памфлете «Волк на воеводстве», где под образом Волка подразумевался донской атаман, доказывал, будто бы последний получил под управление богатый край лестью и угодничеством (Донской..., 1910: 92-93). В любом случае правление Н.И. Святополк-Мирского закончилось полной катастрофой. Если в 1880 г., пока его помощниками по гражданской части были высоко оценивавшиеся современниками Н.А. Маслаковец (Григорович, 1911: 262-266) и А.Ф. Поляков (Донцы..., 2003: 386-387), ситуация оставалась относительно стабильной, то в 1890 г. началось стремительное обеднение донского казачества. Так, с 1894 по 1899 г. доля казаков-призывников, имеющих право на льготу (преимущественно по бедности), выросла с 5 до 26 % (Маслаковец, 1899: 11). Быстро росли и долги казаков в станичные суммы, превысившие к 1898 г. 1 000 000 руб., при том, что эти долги выбивались крайне жестко, даже посредством продажи имущества с молотка и долгосрочной принудительной сдачи в аренду казачьих паев (Маслаковец, 1899: 43). Однако перед вышестоящим начальством Н.И. Святополк-Мирский старался создать радужную картину своей деятельности, и в 1898 г. прямо отказался передавать императору ходатайство донских дворян о необходимости создания специальной комиссии для уяснения причин обеднения казаков (Донцы..., 2003: 302-303). Тогда предводитель донского дворянства М.С. Марков в частном порядке добился аудиенции у военного министра А.Н. Куропаткина и передал ему дворянское ходатайство, после чего Н.И. Святополк-Мирский был срочно снят с должности и назначен членом Государственного совета (Донцы..., 2003: 302-303).

Короткие атаманства (1899–1917)

В годы правления Николая II меняется само отношение к должности войскового атамана. Если за предыдущие 51 год сменилось 6 атаманов (средний срок правления атамана 8,5 лет), то теперь за 18 лет сменяется 7 атаманов (средний срок правления атамана 2,6 лет). И почти все они продолжают свою карьеру после ухода с атаманской должности (за исключением умершего на атаманском посту Ф.Ф. Таубе и сметенного революцией М.Н. Граббе). Таким образом, из вершины и завершения карьерного пути должность донского атамана превращается в ординарную должность для генерал-лейтенантов регулярной армии. Говорить о какой-то логике и последовательности назначений в этот период уже не приходится вовсе. Правда, А.А. Волвенко утверждает, будто бы, начиная с К.К. Максимовича (бывшего уральского атамана), все донские атаманы, кроме Н.Н. Одоевского-Маслова, имели опыт управления другими казачьими войсками (Волвенко, 2017: 120). Однако на самом деле А.В. Самсонов был назначен Туркестанским генерал-губернатором и атаманом Семиреченского казачьего войска уже после своего донского периода службы. Не имел опыта управления казачьими войсками и последний назначенный имперскими властями донской атаман, М.Н. Граббе. Таким образом, выходит, что после явно вышедшей из-под контроля ситуации с Н.И. Святополк-Мирским имперские власти сперва назначили атамана с опытом управления казачьим войском, затем двух атаманов без подобного опыта, потом снова трех с опытом и затем последнего без опыта.

Из всех донских атаманов этого периода на настоящий момент выявлены только обстоятельства назначения Ф.Ф. Таубе. Этот генерал (бывший оренбургский атаман) в 1909 г. занимал должность командира Корпуса жандармов, которая подлежала объединению с должностью товарища министра внутренних дел (Корниенко, 2013: 75). Лично П.А. Столыпин пытался убедить Военное министерство дать Ф.Ф. Таубе соответствующую его чину должность, но в этом первоначально было отказано из-за отсутствия у последнего строевого опыта на уровне выше командира полка (Корниенко, 2013: 76). Однако как раз в этот момент освободилась должность донского атамана, и подчиненная военному ведомству, и не требовавшая строевой подготовки (Корниенко, 2013: 77). Таким образом, Ф.Ф. Таубе стал донским атаманом не из-за наличия опыта управления Оренбургским казачьим войском, а из-за отсутствия в Военном министерстве других вакансий, соответствующих его чину и опыту. Поскольку в других случаях на эту должность назначались и строевые генералы, можно предположить, что в 1899–1917 гг. руководителями Войска Донского механически ставились офицеры, свободные на момент освобождения этой должности и подходящие для занятия генерал-лейтенантской вакансии. Но теперь ситуация ухудшалась еще и из-за того, что срок пребывания донских атаманов в должности был уменьшен, и только наиболее талантливые и яркие люди (едва ли не один Ф.Ф. Таубе) успевали за это время проявить себя. Остальные же просто занимали атаманскую должность, не вызывая особого интереса у современников или потомков, и поэтому даже обстоятельства их назначений остаются до сих пор не изучены.

5. Заключение

Итак, типичный донской атаман неказачьего происхождения на момент назначения был достаточно возрастным (от 48 до 56 лет) генерал-лейтенантом с опытом службы в кавалерийских частях. При этом опыт административной деятельности для него был совершенно не обязателен. Вообще, складывается впечатление, что если изначально, в 1840–1860 гг., к подбору кандидатур на атаманскую должность в правительстве Российской империи подходили достаточно серьезно, то в дальнейшем эта должность начала рассматриваться как обычная генерал-лейтенантская вакансия, на которую мог быть назначен любой отвечающий формальным признакам офицер (самым вопиющим было назначение Н.И. Святополк-Мирского, строевого пехотного генерала без административного опыта).

Серьезный подход к назначениям на атаманскую должность первоначально объяснялся еще и тем, что в XIX в. эта должность служила завершением карьеры и после нее бывший атаман или уходил в отставку, или становился членом Государственного совета (исключение могли составить самые молодые атаманы, которым еще не было на момент назначения 50 лет). В итоге атаманскую должность в XIX в. занимали очень долго: с 1848 по 1899 гг. только 2 атамана из 6 пробывали в должности менее 5 лет, зато столько же, 2 атамана из 6, пробывали в должности более 10 лет. При подобном долгом пребывании атамана в должности была оправдана неоднократно применявшаяся в 1840–1860 гг. практика назначения потенциального следующего донского атамана на должность в войсковой администрации, чтобы он ознакомился с краем и завоевал авторитет у казаков путем компромиссов с казаками или давления на местную элиту. Дополнительным плюсом этой практики было то, что не оправдавший правительственных надежд чиновник мог просто удалиться с Дона, не получив атаманскую должность. Единственным полноправным донским атаманом до 1868 г., не прослужившим предварительно в местной администрации под началом другого правителя края, стал П.Х. Граббе, выделяющийся из ряда донских атаманов и возрастом (старше 70 лет) и чином (генерал от кавалерии). Но его назначение носило экстремальный характер как раз потому, что готовившийся к должности следующего атамана на посту начальника войскового штаба А.М. Дондуков-Корсаков вступил в конфликт с Военным министерством, и остро встала необходимость срочно найти иного кандидата на атаманскую должность, уже достаточно авторитетного для казаков без предварительной службы в регионе.

Однако с конца 1860 гг. имперские власти начинают куда менее взвешенно относиться к назначению донских атаманов. Фактически, начиная с М.И. Черткова, назначенного в 1868 г., какая-либо системность в кадровой политике правительства перестает просматриваться. Уже следующий атаман, Н.И. Краснокутский (назначен в 1874 г.), становится первым донским атаманом из неказачьих, не имевшим никакого административного опыта на момент назначения. В итоге в 1870 гг. в Донском войске складывается порочная система управления, когда при откровенно некомпетентном атамане фактическое руководство войском возлагается на его помощника по гражданской части, не несущего, однако, персональной ответственности за ситуацию в регионе. В сочетании с длительностью правления атаманов эта система имела самые тяжелые последствия: как раз не имевший ни административного, ни кавалерийского опыта Н.И. Святополк-Мирский правил Войском Донским почти 20 лет, в итоге, после ухода компетентных помощников по гражданской части, нарушив экономический баланс края и доведя множество казаков до физического разорения.

Снятие Н.И. Святополк-Мирского с должности оказалось очень громким, но, как показывает позднейшая статистика донских атаманов, власти не сделали из произошедшего верных выводов. И после 1899 г. продолжают бессистемные назначения на атаманскую должность генералов, лишенных какого-либо административного опыта. Зато срок деятельности атаманов резко сокращается, и атаманская должность перестает быть завершающей в карьере. С 1899 по 1917 гг. из 7 атаманов 6 пробывали в должности менее 5 лет! В итоге атаманам, за единственным исключением, просто не удавалось раскрыть себя и начать проводить собственную сколько-либо осознанную политику.

Как мы видим, из анализа назначений на должность донского атамана в 1848–1917 гг. следует, что имперская кадровая политика, по крайней мере в казачьих войсках, в этот период не только не развивалась, но и деградировала. Если в 1840–1860 гг. кандидатура каждого нового донского атамана была логична и объяснима, а имперские власти осознанно готовили атаманов к их должности, то в дальнейшем ситуация быстро ухудшалась. С конца 1860 гг. донскими атаманами начали назначаться достаточно случайные, а с середины 1870 гг. и заведомо некомпетентные, лишенные какого-либо административного опыта люди. А в XX в. донские атаманы еще и занимали должность такой краткий срок, что не успевали даже проявить себя. Чтобы понять, затронул ли кадровый кризис только казачьи войска, Военное министерство или всю администрацию Российской империи, нужны дополнительные исследования, но пока мы можем констатировать: на самую главную должность в региональном управлении казачьими войсками, должность донского атамана, в 1848–1917 гг. назначали все более бессистемно, дойдя до абсурдной ситуации, когда назначенный атаман часто не

имел административного опыта и всегда не имел достаточного времени для реализации долгосрочных проектов, пребывая в должности 1–2 года.

Литература

- Алексушкин, 1996 – Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996. 316 с.
- Валуев, 1961 – Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. II. 1865–1876 гг. М., 1961. 592 с.
- Волвенко, 2014 – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.) // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. Т. 16. № 3. 2014. С. 12–20.
- Волвенко, 2017 – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.
- Гарбуз, 2009 – Гарбуз Г.В. Женщины на государственной службе в России в начале XX в. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2009. № 2 (10). С. 22–28.
- ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
- Григорович, 1911 – Григорович Н.С. Памяти Н.А. Маслаковца // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 262–266.
- Донской..., 1910 – Донской литературный сборник. Вып. II. Новочеркасск, 1910. 272 с.
- Донцы..., 2003 – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Жаров, 2015 – Жаров С.Н. Особенности кадровой политики правительства Российской империи в конце XIX – начале XX веков // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2015. № 3(6). С. 83–86.
- Жуковский, 2013 – Жуковский В.А. Дневники. Записные книжки (1834–1847). М., 2013. 323 с.
- Карасев, 1899 – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // *Русский архив*. 1899. Кн. 2. С. 106–116.
- Карасев, 1908 – Карасев А.А. Донские картинки. Вып. 4. Новочеркасск, 1908. 21 с.
- Корниенко, 2009 – Корниенко Б.С. Донской атаман Ф.Ф. Таубе: превращение имперского чиновника в икону казачьего национализма // *Ab Imperio*. 2009. № 1. С. 227–257.
- Корниенко, 2013 – Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
- Маслаковец, 1899 – Маслаковец Н.А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.
- Перетяцько, 2017 – Перетяцько А.Ю. «Мы ненавидим всюю силою нашего сердца рабский произвол, который царствовал во всех частях Вашего управления»: о причинах непопулярности атамана М.И. Черткова на Дону // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 48. С. 118–127.
- Петровский, 1916 – Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738–1916 гг.). Новочеркасск: 1916. 40 с.
- Редигер, 1999 – Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. II. М., 1999. 574 с.
- Семенов, Семенова, 1999 – Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. 397 с.
- Скорик, 2015 – Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. 1184 с.
- Столетие..., 1902 – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1902. 973 с.
- Тикиджьян, 1998 – Тикиджьян Р.Г. Войсковой наказной атаман, князь Н.И. Святополк-Мирский (1881–1898) // *Донской временник*. 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=97 (дата обращения: 11.04.2022).
- Усова – Усова Н.М. Наказной атаман Войска Донского князь Николай Святополк-Мирский – первый владелец Мира из рода Святополк-Мирских. Материалы к биографии // [Электронный ресурс]. URL: https://mir-nesvizh.com/wp-content/uploads/2016/01/usova_nakaznoj.pdf (дата обращения: 11.04.2022).
- Veremenko, 2020 – Veremenko V.A. Women in the Service of Russian Ministry of Internal Affairs (second half of the XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1202–1217.
- Volvenko, 2015 – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // *Russkaya Starina*. 2015. 13(1): 19–37.
- Volvenko, 2017 – Volvenko A.A. Don Atamans of the Age of "Great Reforms" (the 1860s - 1870s) // *Russkaya Starina*. 2017. 8(1): 34–54.

References

- Aleksushkin, 1996** – *Aleksushin, G.V.* (1996). Samarskie gubernatory [Samara Governors]. Samara. P. 316. [in Russian]
- Doncy, 2003** – Doncy XIX veka [Don Cossack of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599. [in Russian]
- Donskoi..., 1910** – Donskoi literaturnyi sbornik [Don literary collection]. Vol. II. Novocherkassk, 1910. P. 272. [in Russian]
- Garbuz, 2009** – *Garbuz, G.V.* (2009). Zhenshchiny na gosudarstvennoi sluzhbe v Rossii v nachale XX v. [Women in the public service in Russia at the beginning of the 20th century]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki.* 2(10): 22-28. [in Russian]
- GARO** – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].
- Grigorovich, 1911** – *Grigorovich, N.S.* (1911). Pamyati N.A. Maslakovtsa [In memory of N.A. Maslakovets]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Orenburg. 23: 262-266. [in Russian]
- Karasev, 1899** – *Karasev, A.A.* (1899). Donskie atamani za poslednie polveka [Don ataman over the past half-century]. *Russkii arkhiv.* 5: 106-116. [in Russian]
- Karasev, 1908** – *Karasev, A.A.* (1908). Donskie kartinki [Don pictures]. Vol. 4. Novocherkassk. P. 21. [in Russian]
- Kornienko, 2009** – *Kornienko, B.S.* (2009). Donskoi ataman F.F. Taube: prevrashchenie imperskogo chinovnika v ikonu kazach'ego natsionalizma [Don ataman F.F. Taube: the transformation of an imperial official into an icon of Cossack nationalism]. *Ab Imperio.* 1: 227-257. [in Russian]
- Kornienko, 2013** – *Kornienko, B.S.* (2013). Pravyj Don: kazaki i ideologiya nacionalizma (1909–1914). [Right Don: Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. SPb. P. 232. [in Russian]
- Maslakovets, 1899** – *Maslakovets, N.A.* (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti voiska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtsa 23 avg. 1899 g. [About the activity of the Commission in Don Cossack Hosts which was supreme approved on June 16 1898 and about its results: Report of the Lieutenant-General of the General Staff Maslakovets, which is the order of the War Minister. Aug. 23 1899]. SPb. P. 123. [in Russian]
- Peretyat'ko, 2017** – *Peretyatko, A.Yu.* (2017). «My nenavidim vseyu siloyu nashego serdtsa rabskii proizvod, kotoryi tsarstvoval vo vsekh chastyakh Vashego upravleniya»: o prichinakh nepopulyarnosti atamana M.I. Chertkova na Donu [«We hate with the all force of our hearts slave tyranny, which reigned in every part of your governance»: about the reasons for the unpopularity of the ataman M.I. Chertkov on the Don]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* 48: 118-127. [in Russian]
- Petrovskij, 1916** – *Petrovskij, A.I.* (1916). Opis' vojskovym, nakaznym i vojskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremya v goroda Cherkassk, a zatem Novocherkassk dlja upravleniya Oblast'ju vojska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlennym. (1738–1916 gg.). [Inventory of the vojskovye, nakaznye i vojskovye nakaznye atamans at different times in the city of Cherkassk and then Novocherkassk to management of the Don Host from higher authorities delivered. (1738–1916 gg.)]. Novocherkassk. P. 40. [in Russian]
- Rediger, 1999** – *Rediger, A.F.* (1999). Istoriya moei zhizni. Vospominaniya voennogo ministra. Vol. II. M. P. 574. [in Russian]
- Semenov, Semenova, 1999** – *Semenov, V.G., Semenova, V.P.* (1999). Gubernatory Orenburgskogo kraja [Governors of the Orenburg Territory]. Orenburg. P. 397. [in Russian]
- Skorik, 2015** – *Skorik, A.P.* (2015). Milyutinskii kazachii yurt: opyt istoricheskoi rekonstruktsii [Milyutinsky Cossack yurt: the experience of historical reconstruction]. Novocherkassk. P. 1184. [in Russian]
- Stoletie..., 1902** – Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802–1902]. T. 11. Ch. 1. SPb. P. 973. [in Russian]
- Tikidzh'jan, 1998** – *Tikidzh'jan, R.G.* (1998). Vojskovoj nakaznoj ataman, knjaz' N.I. Svyatopolk–Mirskij (1881–1898) [Voyskovoy ataman Prince N.I. Svyatopolk–Mirsky (1881–1898)]. *Don vremennik.* 1998. [Electronic resource]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=97 (date of access: 11.04.2022). [in Russian]
- Usova** – *Usova, N.M.* Nakaznoi ataman Voiska Donskogo knyaz' Nikolai Svyatopolk–Mirskii – pervyi vladelets Mira iz roda Svyatopolk–Mirskikh. Materialy k biografii [Prince Nikolai Svyatopolk–Mirsky, chief ataman of the Don Cossacks, was the first owner of the World from the Svyatopolk–Mirsky family. Materials for the biography]. [Electronic resource]. URL: https://mir-nesvizh.com/wp-content/uploads/2016/01/usova_nakaznoj.pdf (date of access: 11.04.2022). [in Russian]
- Valuev, 1961** – *Valuev, P.A.* (1961). Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennih del. [Diary of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs]. Vol. II. 1865–1876. M. P. 592. [in Russian]
- Veremenko, 2020** – *Veremenko, V.A.* (2020). Women in the Service of Russian Ministry of Internal Affairs (second half of the XIX – early XX centuries). *Bylye Gody.* 57(3): 1202-1217.
- Volvenko, 2014a** – *Volvenko, A.A.* (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'svennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860–1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great

reforms" (1860–1870s)]. *Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences*. 16(3): 12-20. [in Russian]

Volvenko, 2015 – Volvenko, A.A. (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya Starina*. 13(1): 19-37. [in Russian]

Volvenko, 2017 – Volvenko, A.A. (2017). Don Atamans of the Age of "Great Reforms" (the 1860s – 1870s). *Russkaya Starina*. 8(1): 34-54. [in Russian]

Volvenko, 2017 – Volvenko, A.A. (2017). Oчерки po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskij period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half XIX – beginning of XX centuries)]. Rostov-on-Don. Pp. 226. [in Russian]

Zharov, 2015 – Zharov, S.N. (2015). Osobennosti kadrovoy politiki pravitel'stva Rossiiskoi imperii v kontse XIX – nachale XX vekov [Specific features of personnel policy of the Russian empire government in the late XIX – early XX centuries]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 3(6): 83-86. [in Russian]

Zhukovskii, 2013 – Zhukovskii, V.A. (2013). Dnevnik. Zapisnye knizhki (1834–1847) [Diaries. Notebooks (1834–1847)]. M. P. 323. [in Russian]

Анализ кадровой политики имперской власти в отношении атаманов Войска Донского (1848–1917 гг.)

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу кадровой политики имперской власти в отношении атаманов Войска Донского неказачьего происхождения. С 1848 по 1917 гг. должность донского атамана занимали исключительно генералы регулярной армии. Хотя в последние десятилетия их фигуры начали привлекать внимание исследователей, кадровая политика имперской власти в их отношении до настоящего времени не анализировалась.

В статье показано, что донскими атаманами назначались обычно генерал-лейтенанты в возрасте от 48 до 56 лет (11 случаев из 13). При этом их предыдущая деятельность могла быть совершенно различной: в числе атаманов есть как кавалеристы, так и пехотинцы, как люди с административным опытом, так и люди, его вовсе лишенные. Автор приходит к выводу, что кадровая политика имперской власти постепенно деградировала. Первоначально донскими атаманами назначались исключительно кавалеристы с административным опытом, либо уже служившие в регионе, либо являющиеся популярными фигурами имперского масштаба. Однако затем, с рубежа 1860–1870 гг., должность донского атамана начинает трактоваться как рядовая генерал-лейтенантская вакансия, и на нее назначают любых генерал-лейтенантов, вплоть до пехотинца без административного опыта. Кроме того, если для XIX в. были характерны долгие атаманства, позволяющие атаману заниматься долгосрочными проектами, то в XX в. имперские власти начинают постоянно менять атаманов, не давая им ни инкорпорироваться в местную элиту, ни проявить себя, за исключением одного случая.

Ключевые слова: донское казачество, донские атаманы, атаманы неказачьего происхождения, кадровая политика, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 714-728
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.714

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 3

Anvar M. Mamadaliev ^{a, *}, Varvara V. Bogdan ^b, Natalia V. Svechnikova ^c, Natal'ya V. Miku ^d

^a Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^b Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

Abstract

This article is the third part and completes a series of works devoted to the study of the public education system in 1849–1917 in the Erivan province of the Russian Empire and explores the period 1908–1917. The educational institutions of secondary, lower and primary levels of education are analyzed. The features of the development of librarianship in secondary educational institutions are also considered as an indirect criterion of the quality of education at the beginning and end of the chronological period under consideration. Traditionally, the ratio of the number of students according to confessional, ethnic and class criteria is also analyzed.

Based on the statistical analysis of the data, the authors conclude that the development of the education system, which (with the exception of primary education) should be recognized as very weak in comparison with other regions of Transcaucasia. The demand for secondary education has remained stable for many years (the number of secondary educational institutions has not changed), and the number of female students prevailed over male students, which is completely uncharacteristic for the regions of the Caucasus and Transcaucasia; the number of students increased 1.25 times over the period 1908–1914. The lower education has not changed quantitatively (the number of institutions has practically remained the same), but it has improved significantly qualitatively, since two- and three-grade city schools were transformed into four-grade higher primary schools with a more in-depth program; the number of students increased 1.5 times over the period 1908–1914. The primary education was successfully developed largely thanks to the law of May 3, 1908 and in terms of development rates was in no way inferior to other regions of the Caucasian School District; the number of students increased almost 1.7 times over the period 1908–1914. At the same time, in the first military year of 1914, the number of students falls significantly, especially sharply (almost twice) – in lower educational institutions.

Keywords: system of public education, Erivan province, Caucasian educational district, 1849–1917, 1908–1917.

1. Введение

Как известно, «процесс развития и интеграции системы образования Кавказа в общеимперское российское образовательное пространство протекал достаточно сложно» (более подробно см., напр., Cherkasov, 2011; Shevchenko et al., 2016).

Непростым для образовательной администрации был и закон от 3 мая 1908 года, де факто обязывающий ее сделать общедоступным начальное образование, то есть обязывал развивать начальное образование вширь.

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

Специфика Эриванской губернии, география которой характеризовалась гористой местностью и неразвитой дорожной инфраструктурой, создавала для губернских и окружных чиновников от образования дополнительные сложности.

Данная статья является заключительной частью в серии статей, посвященных анализу развития системы народного образования в Эриванской губернии, и охватывает период с 1908 по 1914 (включительно) годы.

2. Материалы и методы

Основным источником данной статьи стали отчеты попечителя Кавказского учебного округа за 1908–1914 годы, в которых содержится исчерпывающая информация о количественном и качественном развитии всех учебных учреждений Эриванской губернии. Также в сфере внимания оказались нормативные акты анализируемой нами эпохи, регулирующие сферу образовательной деятельности. Помимо источников, мы опирались на доступные нам труды как дореволюционной и советской, так и современной историографии по предмету исследования, включая позднейшие работы, опубликованные в отечественных и зарубежных журналах (2020–2022 годов).

Методология исследования опирается на комплекс исторических и общенаучных методов исследования.

Из традиционных научных исторических методов были применены: историко-системный (изучение развития образовательной системы региона в неразрывной связи с социальной, экономической, политической ситуацией); историко-сравнительный (сравнение проводилось как в хронологическом аспекте, т.е. сравнение системы образования в нижней и верхней хронологической границе, так и в территориальном, а именно – сравнение системы образования Эриванской губернии с другими регионами Кавказа и Закавказья); историко-типологический (классификация учебных учреждений губернии по типам); историко-генетический (выявление причинно-следственных связей в развитии и упадке системы образования Эриванской губернии, а также выявление причин имеющихся тенденций).

Из нетрадиционных научных исторических методов исследования использовался историко-статистический, который применялся для анализа библиотечного дела и распределения учащихся по этническому, конфессиональному и сословному критериям в средних учебных заведениях губернии, а также для количественного анализа учебных заведений и учащихся в них.

Из общенаучных методов мы использовали синтетический анализ (синтез), библиографический анализ (анализ научной литературы и источников), системный анализ, математические методы и пр.

Использование указанных методов в комплексе позволило данному исследованию, на наш взгляд, соответствовать принципам объективности, всесторонности, системности, конкретности, историзма, опоры на исторические источники.

3. Обсуждение

Как было отмечено в предыдущих частях данной серии статей, глубоких исследований системы образования в Эриванской губернии не проводилось, что, собственно, и составляет научную новизну нашего исследования.

Как известно, в последние несколько лет появился ряд работ, весьма глубоко исследующий отдельные регионы Кавказского учебного округа: Тифлисской губернии (см, напр., Mamadaliev et al., 2020a; Mamadaliev et al., 2020b; Mamadaliev et al., 2020c; Mamadaliev et al., 2020d и др.), Кутаисской губернии (см, напр., Mamadaliev et al., 2021e; Mamadaliev et al., 2021f; Mamadaliev et al., 2021g и др.), территории Кубанского казачьего войска (см., напр., Molchanova et al., 2019; Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2020 и др.), Ставропольской губернии (см., напр., Natolochnaya et al., 2020; Natolochnaya et al., 2020a; Natolochnaya et al., 2020b и др.), Черноморской губернии (см., напр., Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a и др.), Карской области (см., напр., Magsumov et al., 2020; Magsumov et al., 2020a и др.), Терской области (см., напр., Cherkasov et al., 2020b и др.). В данных работах деятельность системы образования Эриванской губернии затрагивается лишь косвенно. Период с 1849 по 1907 годы был освещен в наших предыдущих частях серии (см. Mamadaliev et al., 2021h; Mamadaliev et al., 2022).

Среди дореволюционных трудов представляют интерес работы А.А. Богоявленского, посвященные библиотечному делу на Кавказе (Богоявленский, 1911; Богоявленский, 1912a; Богоявленский, 1912b), П. Зажаева (Зажаев, 1909), Л. Модзалевского (Модзалевский, 1880) об особенностях развития образования на Кавказе в XIX – начале XX веков и др. Из советских трудов нам оказались полезны сборники источников (см., напр., Материалы по истории, 1942) и статей (см., напр., Народное образование, 1980) по интересующей нас проблематике. Особый интерес представляет и ранний постсоветский фундаментальный труд Л.С. Гатаговой, посвященный комплексному исследованию дореволюционной (XIX век) системы образования на Кавказе (Гатагова, 1993).

Данная работа является третьей и заключительной частью серии статей, которая исследует процесс развития учебных заведений среднего уровня (гимназии и прогимназии, реальные училища и семинарии), низшего уровня (городские, ремесленные (промышленные) училища, ремесленные школы, высшие начальные училища и Мариинские училища) и начального уровня (начальные училища) с 1908 по 1915 годы. 1916-й и 1917-й годы остались за рамками анализа, так как отчетов попечителей – основного нашего источника – у нас в распоряжении не оказалось.

4. Результаты

Географическими рамками статьи является Эриванская губерния (1849–1917), хронологическими – 1908–1917 годы. Анализ частных учебных заведений, как и в предыдущих частях серии статей, не является предметом исследования.

К началу 1908 года в Эриванской губернии имелось:

1. Средние учебные заведения:

- Эриванская мужская 8-классная гимназия;
- Эриванская женская 7-классная гимназия;
- Александропольская женская 6-классная гимназия;
- Эриванская женская прогимназия.

2. Низшие учебные заведения:

- Александропольское городское училище;
- Ново-Баязетское городское училище;
- Нахичеванское городское училище;
- Ордубатское городское училище;
- Эриванское городское училище;
- Игдырское городское училище;
- Аштаракское городское училище.

3. Начальные учебные заведения включали в себя 122 начальных училища, расположенных в различных населенных пунктах.

К концу анализируемого периода (нам были доступны отчеты попечителя Кавказского учебного округа лишь до 1914 года), т.е. к 1 января 1915, в Эриванской губернии насчитывалось:

1. Средние учебные заведения:

- Эриванская мужская 8-классная гимназия;
- Эриванская 1-я женская 7-классная гимназия имени Святой Рипсиме (основана 2 января 1850 г.);
- Эриванская 2-я женская 7-классная гимназия (открыта в 1906 году как прогимназия, преобразована в 6-классную гимназию 1 сентября 1912 г., позднее став 7-классной);
- Александропольская женская 8-классная гимназия (основана в 1879 г.; преобразована в 8-классную гимназию 1 сентября 1913 г.).

2. Низшие учебные заведения: 8 четырехклассных высших начальных училищ с количеством учащихся 758 чел.

3. Начальные учебные заведения: 187 одноклассных и двухклассных городских и сельских начальных училищ с количеством учащихся 12 786 чел.

Приведем статистический анализ указанных заведений по различным критериям.

I. Среднее образование

К началу 1915 года в губернии насчитывались одна мужская и три женских гимназий, а также одна учительская семинария.

Традиционно сделаем анализ библиотечного дела, а также состава учащихся по конфессиональному, этническому и сословному критериям в средних учебных заведениях по состоянию на начало исследуемого периода (1908 год) и в его конце (по состоянию на начало 1915 года).

К 31 декабря 1908 года в Эриванской 8-классной мужской гимназии насчитывалось 568 учащихся, среди которых армяно-григорианского вероисповедания было 303 чел., православного – 125, магометанского (мусульман. – Авт.) – 121; представителей других конфессий было незначительное количество (римско-католического вероисповедания – 10 чел., иудейского – 7, иных христианских – 1) (Отчет..., 1908: 240).

По сословиям основную массу учащихся составляли сыновья мещан и цеховых (рабочих – Авт.) (190 чел.), а также личных дворян и чиновников (179 чел.), на третьем месте были дети крестьян (93 чел.); детей почетных граждан насчитывалось 52 чел., прочих сословий – 33 чел., потомственных дворян – 17 чел., духовного звания – 12 чел., казаков и иностранных граждан – по 1 чел. (Отчет..., 1908: 240).

По этническому составу распределение было традиционным в сравнении с прошлым периодом: 2/3 учащихся составляли армяне (304 чел.), «татар» (азербайджанцев – Авт.) было 118 чел., русских – 103, грузин – 8, горцев – 2, прочих национальностей – 33 чел. (Отчет..., 1908: 291).

В Эриванской женской гимназии на 31 декабря 1908 года обучались 445 девочек, из которых 259 были армянками, 137 чел. – русскими, 27 – грузинками, 5 – «татарками», 2 – горских

народностей, 15 – не указанных выше национальностей (Отчет..., 1908: 415). По конфессиональному критерию большинство учащихся составляли представительницы армяно-григорианского христианства – 259 чел., 165 – православного, 14 – римско-католического, по одной – иных христианских вероисповеданий и иудаизма, 5 чел. – магометанского вероисповедания (Отчет..., 1908: 415). По сословному критерию большинство было за дочерьми личных дворян и чиновников – 189 чел., дочерей почетных граждан и купцов – 135, дочерей мещан и цеховых – 67, крестьянок – 17, потомственных дворян – 16, дочерей казаков – 4, прочих – 7 (Отчет..., 1908: 415).

Эриванская женская прогимназия обучала 164 ученицы, из которых подавляющее большинство были представительницами армянского этноса – 152 чел.; остальные национальности представлены по сути символично: русские – 8, грузинки – 2, другие национальности – 2 (Отчет..., 1908: 415). Из общего числа учениц к армяно-григорианскому христианству принадлежали 152 чел., к православному и католическому – 10 и 2 чел., соответственно. Согласно сословному критерию, абсолютное большинство (119 чел.) – составляли представительницы мещан и цеховых рабочих, дочерей личных дворян и чиновников – 26 чел., дочерей почетных граждан и купцов – 14, из духовного звания – 7, крестьянского сословия – 2 (Отчет..., 1908: 415).

Александропольская женская гимназия к 31 декабря 1908 года приняла в ряды своего учреждения 372 ученицы, среди которых 233 были армянской национальности, 121 чел. – русскими, 8 – грузинками и 10 – прочих национальностей (Отчет..., 1908: 415). Среди них 230 чел. исповедовали армяно-григорианское христианство, 127 – православное христианство, 13 – римско-католическое христианство, по одной ученице – иного христианского верования и иудейского вероисповедания, соответственно (Отчет..., 1908: 415). Из общего состава учащихся к сословиям мещан и купцов принадлежали 98 учениц, сословиям личных дворян и чиновников – 83 чел., дочерей почетных граждан и купцов – 76, духовного сословия – 20, крестьянского сословия – 12, потомственных дворянок – 5, прочих сословий – 78 (Отчет..., 1908: 415).

Учительская 4-классная семинария в г. Эривань к 31 декабря 1908 года обучала 85 учеников, среди которых больше всего было армян (24 чел.) и русских (23 чел.), на третьем месте с небольшим отрывом располагались татары (19 чел.); представителей других этносов было 15 чел., горцев – 3 чел., грузин – 1 чел. (Отчет..., 1908: 458). По конфессиональному критерию распределение было следующим: больше всего было православных христиан (38 чел.), на втором месте располагались представители армяно-григорианского христианства (24 чел.), на третьем – мусульмане (20 чел.); представители иных христианских и нехристианских религий было немного (2 и 1 чел., соответственно) (Отчет..., 1908: 436). Среди учащихся преобладали крестьяне (54 чел.); с большим отрывом на втором и третьем местах были, соответственно, казаки (13 чел.), сыновья мещан и цеховых рабочих (11 чел.) и совсем немного – представителей потомственных дворян (4 чел.) и духовенства (3 чел.) (Отчет..., 1908: 436).

Что касается ситуации по этническому, конфессиональному и сословному распределению учащихся в средних учебных заведениях Эриванской губернии в верхней хронологической границе, то к 1 января 1915 года она была следующей.

В Эриванской мужской гимназии насчитывалось 684 ученика, из которых большинство (причем в равных долях) было сыновей личных дворян и чиновников (189 чел.), а также мещан и цеховых (188 чел.); на третьем месте оказались дети крестьян (150 чел.). К сословию потомственных дворян принадлежало 48 чел., детей почетных граждан и купцов было 61 чел., духовного звания – 26, казаков – 1, прочих сословий – 21 (Отчет..., 1914: 13). По конфессиональному критерию абсолютное большинство оставалось за представителями армяно-григорианского христианства (403 чел.), второе место делили между собой мусульмане (133 чел.) и православные христиане (130 чел.), остальные конфессии были представлены совершенно незначительно (католики – 13 чел., иудеи – 5 чел.) (Отчет..., 1914: 12). По этническому критерию с огромным отрывом преобладали армяне (404 чел.), на втором месте были азербейджанские татары (131 чел.), на третьем – русские (94 чел.); из других этносов незначительно представлены грузины (24 чел.) и другие национальности (31 чел.), среди которых горцев не было (Отчет..., 1914: 92).

В учительской семинарии г. Эривань к началу 1915 года учились 120 учеников, их которых русскими по национальности было 38 чел., армянами – 36, грузинами – 4, горцами – 3; представителей других этносов – 17 чел. (Отчет..., 1914: 248). Среди учащихся более всего было православных христиан (53 чел.), на втором месте – армяно-григорианцы (35 чел.), на третьем – мусульмане (25 чел.), на четвертом – представители иных христианских конфессий (7 чел.) (Отчет..., 1914: 214). К большому сожалению, статистика по распределению учащихся по сословиям отсутствует, так как в источнике – Отчете попечителя Кавказского учебного округа за 1914 год – вырваны страницы с 214 по 219...

Что касается женских учебных заведений, то в крупнейшем в губернии учебном заведении среднего уровня – Александропольской женской гимназии из 553 учениц к армяно-григорианскому вероисповеданию относились 308 чел., на втором месте были последователи православного вероучения – 220 чел.; представительство других конфессий было незначительным: католичек – 14, иных христианских вероучений – 6, иудеек – 2, магометан – 3 (Отчет..., 1914: 262). Представительниц

армянского этноса было большинство – 318 чел., русских – 150, грузинок – 40, других национальностей – 45 (Отчет..., 1914: 386).

По сословному распределению больше всего среди учащихся было представлено сословие мещан и цеховых – 211 чел.; дочерей личных дворян и чиновников было 109, почетных граждан и купцов – 96, крестьян – 77, потомственных дворян – 30, духовенства – 28, казаков – 2 (Отчет..., 1914: 263).

В Эриванской 1-й женской гимназии имени Святой Рипсима из 379 учениц армяно-григорианской христианской религии было 232 чел., православного христианства – 128, ислама – 12, католицизма – 6, иудаизма – 3 (Отчет..., 1914: 262). По этническому распределению абсолютное большинство оставалось за армянками – 249 чел., количество представительниц других этносов в процентном соотношении было небольшим: русских – 25 чел., грузинок – 10, татарок – 5, других национальностей – 3 (Отчет..., 1914: 386). Самым сильным было сословное представительство личных дворян и чиновников – 148 чел.; дочерей мещан и цеховых рабочих было 78 чел., почетных граждан и купцов – 66, крестьянок – 43, духовенства – 16, потомственных дворян – 10, дочерей казаков – 2 (Отчет..., 1914: 263).

В Эриванской 2-й женской гимназии к началу 1915 года из 292 учениц армяно-григорианскую веру исповедовали 249, православную – 35, католицизм – 3, ислам – 5 (Отчет..., 1914: 262). Среди национального состава гимназии преобладал армянский этнос – 233 чел., на втором месте с большим отрывом – русский, 106 чел.; грузинский – 12., татарский – 12, горский – 2, другие национальности – 14 чел. (Отчет..., 1914: 386). По сословному критерию ситуация выглядела следующим образом: подавляющее большинство было за представительницами мещан и цеховых рабочих – 177 чел., с большим отрывом от них шли дочери личных дворян и чиновников – 48, а также почетных граждан и купцов – 40; представительниц остальных сословий было немного: духовенства – 15 чел., крестьянства – 10, потомственных дворян – 2 (Отчет..., 1914: 263).

Анализ распределения учащихся средних учебных заведений Эриванской губернии по конфессиональному, сословному и этническому признакам выявляет следующие тенденции, отличающие особенность анализируемого региона:

1. В мужской гимназии практически отсутствуют иностранные граждане, что мы наблюдали и на других территориях Кавказского учебного округа (см., напр., Cherkasov et al., 2020b; Mamadaliev et al., 2020d; Molchanova et al., 2019a и др.). Вероятно, такая тенденция связана с центральным положением губернии на территории Закавказья и отсутствием выхода к морю. Также это может быть объяснено невысокой торговой активностью (в отличие от Тифлисской, Кутаисской или Черноморской губерний), так как иностранные граждане/подданные, постоянно проживающие в стране были, как правило, торговцами.

2. В губернии отсутствовали технические и реальные училища. Это вновь может косвенно подтвердить преобладание традиционных сельскохозяйственных промыслов и слабое развитие торговли. Учреждения с технической направленностью возникают, как правило, в промышленно и торгово развитых областях (напр., Тифлисская губерния), так как есть необходимость в соответствующих специалистах. В Эриванской губернии, надо полагать, такой необходимости не было, в противном случае учреждения технической направленности непременно были бы основаны – если не государственные, то частные.

3. В учительской семинарии преобладали ученики русского этноса, что также было нехарактерно для учебных заведений Закавказья.

4. Среди учащихся средних учебных заведений было сильным представительство крестьянского сословия, которое в некоторые годы и в отдельных учреждениях доходило до 40 % от общего количества учащихся, составляя конкуренцию детям мещан, цеховых рабочих, чиновников и личных дворян. Это, по-видимому, связано с преобладанием сельского хозяйства в экономико-хозяйственной структуре Эриванской губернии и, соответственно, большим количеством крестьян по отношению к общему числу населения.

5. В отличие от «грузинских» губерний – Тифлисской и Кутаисской – представительство потомственных дворян было невелико, особенно среди учащихся женского пола.

По состоянию на 31 декабря 1908 года библиотечное дело в средних учебных заведениях обстояло следующим образом.

В Эриванской мужской гимназии фундаментальная библиотека насчитывала 12 096 томов при 6 602 названий и стоимости в 23 469 руб., увеличившись в стоимости по сравнению с предыдущим отчетным годом на 449 руб. Ученическая библиотека включала в себя 2 998 томов с 2 019 названиями и стоимостью в 3 525 руб., «подорожав» за прошедший год на 93 руб. Пансионная библиотека «стоила» 1 010 руб., имела 624 названия при 775 томах (Отчет..., 1908: 261).

Эриванская женская гимназия имела 1 722 тома при 800 названиях и стоимостью в 2 618 руб., «подорожав» на внушительные 833 руб. в 1908-м отчетном году (Отчет..., 1908: 387). Данные по фундаментальной и пансионной библиотекам в отчете попечителя за 1908 год отсутствуют.

Эриванская женская прогимназия обладала фундаментальной библиотекой стоимостью в 102 руб. («подорожав» в отчетном году более чем наполовину – на 68 руб.) при 99 томах с 50 названиями. Ученическая библиотека имела 44 тома с 14 названиями и стоимостью в 53 руб., большая часть из которых пришлась на отчетный год (51 руб.) (Отчет..., 1908: 387).

Александропольская женская гимназия располагала фундаментальной библиотекой в 1 624 тома с 546 названиями и 2 361 руб. стоимости, «подорожав» в отчетном году на 82 руб. Ученическая библиотека этой гимназии имела в своем составе 1 796 томов с 850 названиями и 1 206 руб. стоимости, став дороже за отчетный год на 107 руб. (Отчет..., 1908: 387).

Фундаментальная библиотека Эриванской учительской семинарии состояла из 5 810 томов с 3 216 названиями и стоимостью в 8 380 руб., стала «дороже» за отчетный год на 151 руб. Ученическая библиотека насчитывала 3 626 томов при 2 486 названиях и стоила 3 198 руб.; финансирование ученической библиотеки в отчетном году увеличилось на 105 руб. (Отчет..., 1908: 444).

К окончанию исследуемого в данной статье хронологического периода, то есть к 1 января 1915 года, библиотечный фонд средних учебных заведений в Эриванской губернии был следующего характера.

В Эриванской мужской гимназии в фундаментальной библиотеке находилось 14 044 тома при 7 810 названиях и стоимости в 26 611 руб., подорожав за отчетный год на 120 руб. Ученическая библиотека имела 4 990 томов с 3 102 названиями и стоимостью в 4 975 руб., стала дороже за отчетный год на 117 руб. Пансионная библиотека стоила 1 488 руб. (за отчетный год вложения в библиотеку не указаны) и включала в себя 1 210 томов с 831 названием (Отчет..., 1914: 44).

В фундаментальной библиотеке Эриванской учительской семинарии к 1915 году насчитывалось 6 776 томов с 3 816 названиями и стоимостью в 9 564 руб., подорожав за отчетный год на 392 руб. Ученическая библиотека имела 5 325 томов с 3 167 названиями и 4 106 руб. стоимости, став дороже на 200 руб. (Отчет..., 1914: 226).

В женских гимназиях Эриванской губернии ситуация к началу 1915 года складывалась следующим образом.

В наиболее крупной гимназии – Эриванской 1-й женской гимназии имени Святой Рипсиме – данные о фундаментальной библиотеке отсутствуют; ученическая имела 3 077 томов с 1 683 названиями и стоимостью в 3 730 руб., подорожав за отчетный год на 36 руб. (Отчет..., 1914: 314).

Фундаментальная библиотека Эриванской 2-й женской гимназии имела 519 томов при 340 названиях и 778 руб. стоимости, став дороже за отчетный год на 122 руб. Ученическая библиотека имела 1 049 томов с 566 названиями и 653 руб. стоимости, подорожав на 166 руб. (Отчет..., 1914: 314).

Александропольская женская гимназия имела в фундаментальной библиотеке 2 003 тома с 700 названиями и стоимостью в 3 078 руб., подорожав за отчетный год на 168 руб.; в ученической библиотеке имелось 2 129 томов с 1 098 названиями и стоимостью в 1 764 руб. (+ 36 руб. в сравнении с прошлым годом) (Отчет..., 1914: 314).

Как видим, библиотечное дело в средних учебных заведениях Эриванской губернии развивалось вполне сообразно с другими территориями Кавказского учебного округа (см., напр., Magsumov et al., 2020a; Natolochnaaya et al., 2020b и др.). Величина библиотечного фонда вполне соответствовала количеству учащихся и «возрасту» учреждения (чем старше учебное заведение, тем более крупная библиотека у него имелась).

Таблица 1. Количество средних учебных заведений на территории Эриванской губернии Кавказского учебного округа с 1908 по 1914 годы (по состоянию на 31 декабря отчетного года)¹ (Отчет..., 1908: 357, 415-416, 436; Отчет..., 1909: 243, 368-369, 440; Отчет..., 1910: 254, 404-405, 438-439; Отчет..., 1911: 241, 396-397, 472; Отчет..., 1912: 3, 148-149, 209; Отчет..., 1913: 3, 149, 173-174; Отчет..., 1914: 2, 212, 256).

Годы	Тип учебных заведений				Учащиеся		
	Гимназии	Прогимназии	Реальные училища	Учительские семинарии	Мальчики	Девочки	Общее количество

¹ В данной таблице и таблицах ниже в перечне учебных заведений указаны все типы учреждений, имевшиеся в Кавказском учебном округе, за исключением учительских институтов.

	Мужские	Женские	Мужские	Женские					
1908	1	2	0	1	0	1	653	981	1 634
1909	1	2	0	1	0	1	641	1 005	1 646
1910	1	2	0	1	0	1	694	1 098	1 792
1911	1	2	0	1	0	1	752	1 153	1 905
1912	1	3	0	0	0	1	794	1 189	1 983
1913	1	3	0	0	0	1	838	1 295	2 133
1914	1	3	0	0	0	1	804	1 224	2 028

При анализе данных таблицы 1 сразу бросается в глаза нехарактерная для Кавказского учебного округа тенденция – превалирование учащихся-девочек над учащимися мальчиками. Как указывалось в предыдущих частях нашей работы, это, вероятно, было связано со статусными особенностями: условно можно говорить о своего рода моде, которой, однако, не наблюдалось в других регионах. Соотношение мальчик/девочка 1 к 1,5 (практически ровно) не поменялось за весь исследуемый период, т.е. с конца 1907 до начала 1915 года (т.е. на протяжении семи лет) – следовательно, можно говорить об устойчивой тенденции. И такая сильно отличает средние образовательные учреждения Эриванской губернии от других регионов Кавказа (см., в частности, [Molchanova et al., 2019a](#); [Cherkasov et al., 2020b](#) и др.).

II. Низшее образование

Как было указано выше, к концу 1907 года образовательную деятельность в губернии осуществляли семь городских двух- и трехклассных училищ.

Таблица 2. Количество и перечень низших учебных заведений на территории Эриванской губернии с 1908 по 1914 годы и количество учащихся в них (по состоянию на 31 декабря отчетного года) ([Отчет..., 1908: 507](#); [Отчет..., 1909: 532](#); [Отчет..., 1910: 539](#); [Отчет..., 1911: 531](#); [Отчет..., 1912: 253](#); [Отчет..., 1913: 309](#); [Отчет..., 1914: 488-489](#)).

Годы	Городские училища / высшие начальные училища	Ремесленные (промышленные) училища, ремесленные школы	Мариинские училища	Итого	Количество учащихся
1908	7	0	0	7	888
1909	7	0	0	7	984
1910	7	0	0	7	1 071
1911	7	0	0	7	1 126
1912	7	0	0	7	1 191
1913	7	0	0	7	1 310
1914	8	0	0	8	758

К началу 1915 года в губернии действовала сеть из восьми 4-классных низших учебных заведений, которая включала в себя следующие учреждения (все они к 1915 году из городских перешли в разряд высших начальных училищ) ([Отчет..., 1914: 522-525](#)):

- 1) Александропольское 4-классное высшее начальное училище (г. Александрополь, основано 1 июля 1881 г.; преобразовано в 4-классное 1 сентября 1914 г.);
- 2) Аштаракское 4-классное высшее начальное училище (г. Аштарак, основано 1 июля 1903 г., преобразовано в 4-классное 1 сентября 1911 г.);

- 3) Игдырское 4-классное высшее начальное училище (г. Игдыр, основано 1 июля 1902 г.; преобразовано в 4-классное 1 сентября 1914 г.);
- 4) Кагызманское 4-классное высшее начальное училище (г. Кагызман, преобразовано в 4-классное 1 января 1914 г.);
- 5) Нахичеванское 4-классное городское училище (г. Нахичевань, основано 1 июля 1879 г.; преобразовано в 4-классное 1 сентября 1914 г.);
- 6) Ново-Баязетовское 4-классное городское училище (г. Ново-Баязет, преобразовано в 4-классное училище 1 сентября 1911 г.);
- 7) Ордубатское 4-классное городское училище (г. Ордубат, основано 1 июля 1897 г., преобразовано в 4-классное 1 сентября 1908 г.);
- 8) Эриванское 4-классное городское училище (г. Эривань, основано 14 августа 1899 г.; преобразовано в 4-классное 1 января 1914 г.).

Как видим, сеть низших учреждений мало изменилась количественно, зато значительно изменилась качественно: на смену 2-х и 3-классным городским училищам пришли 4-классные высшие начальные училища с углубленным курсом и расширенным перечнем дисциплин, которые были созданы на базе уже существующих.

Как видно из данных **Таблицы 2**, до 1913 года шло постепенное увеличение количества учащихся при сохранении количества учебных заведений. С учетом того, что городские 2-классные и 3-классные городские училища были преобразованы в 4-классные высшие начальные училища, можно говорить о значительном качественном улучшении низших учебных заведений.

Однако, в 1914 году происходит необъяснимое падение количества учащихся почти в два раза, при незначительном увеличении количества учреждений – открылось Кагызманское училище. Возможно, это как-то связано с началом Первой мировой войны 28 июля 1914 года и вступлением Российской империи в эту войну 1 августа 1914 года в рамках союзнического обязательства по военно-политическому блоку стран Антанты; других объективных причин для столь значительного падения численности учащихся в столь короткие сроки мы не видим.

III. Начальное образование

К началу исследуемого нами хронологического периода, то есть к 1 января 1908 года, количество городских и сельских одноклассных и двухклассных начальных училищ составило 122 шт.

К началу 1915 года количество их увеличилось до 187 шт., среди которых было (**Отчет..., 1914: 668-669**):

- 1) городских 2-классных начальных училищ – 6 шт.;
- 2) городских одноклассных начальных училищ – 13 шт.;
- 3) сельских 2-классных начальных училищ – 65 шт.;
- 4) сельских одноклассных начальных училищ – 103 шт.

В указанной сети образовательных учреждений обучалось 127 86 учеников обоего пола.

Анализируя статистические данные **Таблицы 3**, можно отметить следующие характерные тенденции.

Таблица 3. Количество начальных училищ Эриванской губернии и учащихся в них в 1908 Авт.1914 гг. (по состоянию на 31 декабря отчетного года) (**Отчет..., 1908: 624, 626; Отчет..., 1909: 630, 632; Отчет..., 1910: 636, 638; Отчет..., 1911: 686, 688; Отчет..., 1912: 335-336; Отчет..., 1913: 427-428; Отчет..., 1914: 668-669**).

Годы	Количество училищ	Количество учащихся			Количество учащихся на одну школу (в среднем) ¹
		Мальчики	Девочки	Итого	
1908	123	7 162	1 155	8 317	68
1909	135	8 183	1 409	9 592	71
1910	151	9 649	1 743	11 392	75
1911	158	9 561	1 855	11 416	72
1912	181	10 695	2 195	12 890	71
1913	191	11 458	2 513	13 971	73

¹ Округлено до целого.

1914	187	10 503	2 283	12 786	68
------	-----	--------	-------	--------	----

Во-первых, начиная с 1908 года, видим перманентный рост количества как учебных заведений, так и учащихся в них. В период 1908–1913 гг. количество начальных училищ возросло в 1,5 раза, а учащихся в них – в 1,67 раза; показатель весьма достойный. Безусловно, это связано с принятием 3 мая 1908 года Закона «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования», который (с известными оговорками) считается началом всеобщего общедоступного образования в Российской империи (см., напр., [Cherkasov, 2011](#) и др.).

Во-вторых, наблюдаем схожую с низшим образованием тенденцию уменьшения количества учебных заведений и учащихся в 1914 году, хотя и не такого резкого. Вновь возьмем на себя смелость предположить, что связано это с началом Первой мировой войны, так как в других регионах Кавказского учебного округа такая тенденция тоже прослеживается, хотя и не столь выражено (см., напр., [Molchanova et al., 2020](#); [Magsumov et al., 2020a](#) и др.). Необъяснимым остается факт количественного уменьшения учащихся-девочек в Эриванской губернии, что с войной никак не связано и в других регионах не наблюдалось (количество учениц росло и в военный 1914 год). Особо отметим, что проведенный нами статистический анализ не учитывает печально известный 1915-й год, когда произошла трагедия армянского народа, затронувшая, в числе прочих, и территории Эриванской губернии...

5. Заключение

Подытоживая сказанное, отметим ключевые моменты, обозначенные выше:

1. Среднее образование.

а) в губернии действовало 5 средних учебных заведений, среди которых одна мужская гимназия, один учительский институт и три женские гимназии. В количественном выражении развития не произошло; в качественном – практически тоже (одна женская прогимназия была преобразована в гимназию). Можно предположить, что средние учебные заведения на протяжении многих лет вполне удовлетворяли имеющийся спрос, который оставался перманентным в течение не одного десятка лет; соответственно, необходимости в создании новых учебных заведений не было;

б) количество учащихся возросло в 1,25 раза: учащихся женского пола в 1,3 раза, учащихся мужского пола – в 1,2 раза¹;

в) учащиеся женского пола значительно превалировали над учащимися мужского пола, что, вероятно, мотивировалось в глазах родителей получением определенного статуса.

2. Низшее образование.

а) количество учебных заведений и учащихся в них возросло в 1,5 раза;

б) городские двухклассные и трехклассные училища были повсеместно преобразованы в четырехклассные высшие начальные училища; то есть, помимо количественного роста, наблюдается еще и значительный качественный рост;

в) в первый военный 1914-й год количество заведений, и в особенности учащихся (практически в два раза), резко падает, что, вероятно, каким-то образом связано с началом Первой мировой войны.

3. Начальное образование.

а) до 1913 года наблюдается поступательный рост как учебных заведений, так и учащихся в 1,5 и 1,67 раз, соответственно. Такой существенный рост, по нашему мнению, связан с принятием закона от 3 мая 1908 года, сделавший начальное образование фактически общедоступным;

б) в 1914 году происходит падение количества начальных учебных заведений и учащихся в них – не такой резкий, как в низших учебных заведениях, но все же весьма ощутимый.

4. Весьма активно развивалось женское образование, особенно в учреждениях среднего звена: соотношение учащихся мужского и женского пола было в пользу девочек 1 к 1,5, что совершенно нехарактерно для регионов Закавказья.

5. Общее развитие системы образования губернии в сравнении не только с другими регионами Закавказья (Бакинской, Тифлисской, Кутаисской и Черноморской губерниями), но и с другими районами Кавказского учебного округа (Ставропольской губернией, Северным Кавказом и др.) следует признать весьма слабым, за исключением начального образования, темпы развития которого не уступали другим регионам учебного округа. Вероятно, это связано с устоявшимся спросом на низшее и среднее образование. Также в средних учебных заведениях (в отличие от других регионов Кавказа) было сильно представительство крестьянского сословия, что связано с преобладанием сельского хозяйства в экономической структуре Эриванской губернии и, соответственно, значительным количеством крестьян в демографической структуре населения.

Литература

АКАК – Акты, собранные Кавказской комиссией. Т. 8. Тифлис, 1881.

¹ Округлено до одной десятой.

- [Богоявленский, 1911](#) – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1911. № 6.
- [Богоявленский, 1912a](#) – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 5.
- [Богоявленский, 1912b](#) – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа (продолжение) (Черноморская губерния в т.ч.) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 6.
- [Брокгауз-Ефрон, 1904](#) – Эриванская губерния / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. ХLI (81). СПб., 1904.
- [Воронов, 1857](#) – Воронов Н.И. Черноморские письма // *Русский вестник*. 1857. № 1, 3.
- [Всеобщая перепись населения, 1897](#) – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Том LXXI. Эриванская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905.
- [Гатагова, 1993](#) – Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993.
- [Зажаев, 1909](#) – Зажаев П. Городские училища по положению 1872 года в России и на Кавказе // *На Кавказе*. 1909. № 4.
- [Зейдлиц, 1894](#) – Зейдлиц Н.К. Свод статистических данных о населении Закавказья, с полным алфавитным указателем городов и деревень края. Тифлис, 1894.
- [Исторический обзор, 1902](#) – Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С.В. Рождественский. СПб., 1902.
- [Кобахидзе, 2015](#) – Кобахидзе Е.И. Законодательство 1840–1870-х гг. в области образования как фактор интеграции кавказской школы в российскую систему народного просвещения // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10. Ч. 3. С. 87–90.
- [Материалы по истории, 1942](#) – Материалы по истории осетинского народа // Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом / Сост. В.С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942. Т. II.
- [Модзалевский, 1880](#) – Модзалевский Л. Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880.
- [Народное образование, 1980](#) – Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники) // *Сб. научных трудов* / Под ред. Э.Д. Днепров. М., 1980.
- [Отчет..., 1907](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1907 г. Тифлис, 1908.
- [Отчет..., 1908](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1908 г. Тифлис, 1909.
- [Отчет..., 1909](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1909 г. Тифлис, 1910.
- [Отчет..., 1910](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1910 г. Тифлис, 1911.
- [Отчет..., 1911](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1911 г. Тифлис, 1912.
- [Отчет..., 1912](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1912 г. Тифлис, 1913.
- [Отчет..., 1913](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1913 г. Тифлис, 1914.
- [Отчет..., 1914](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1914 г. Тифлис, 1915.
- [Положение от 29.10.1853](#) – Положение «О Кавказском учебном округе и учебных заведениях» от 29 октября 1853 года // *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб., 1853. № 80.
- [ПСЗРИ, 1881](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXIV. СПб., 1881.
- [ПСЗРИ, 1911](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Том XXVIII. 1908. СПб., 1911.
- [Сборник сведений о Кавказе, 1871–1885](#) – Сборник сведений о Кавказе / Под ред. Н.К. Зейдлица. Т. 1–9. Тифлис, 1871–1885.
- [Сборник статистических сведений, 1869](#) – Сборник статистических сведений о Кавказе / Сост. Н.И. Воронов. Ч. 1. Тифлис, 1869.
- [Статистическое описание, 1835](#) – Статистическое описание Закавказского края / Сост. О. Евецкий. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1835.
- [Штат КУО](#) – «Штат Кавказского учебного округа», утв. Повелением ЕВ от 29 октября 1853 года // *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб., 1853. № 80.

- [Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65 (3): 750-770.
- [Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65 (4): 1067-1084.
- [Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 963-970.
- [Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history*. 2011. № 2 (10). Pp. 138-149.
- [Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V. Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 598-607.
- [Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 221-234.
- [Magsumov et al., 2020a](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 459-472.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020d](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2409-2426.
- [Mamadaliev et al., 2021e](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Koroleva L.A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 169-181.
- [Mamadaliev et al., 2021f](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Koroleva L.A. System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 699-716.
- [Mamadaliev et al., 2021g](#) – Mamadaliev A.M., Novitskaya L.Yu., Svechnikova N.V., Koroleva L.A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1191-1202.
- [Mamadaliev et al., 2021h](#) – Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Volkov A.N. The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1800-1813.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Miku N.V. The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 386-402.
- [Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(2): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88-104.
- [Natolochnaya et al., 2016](#) – Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I. The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 222-228.
- [Natolochnaya et al., 2018](#) – Natolochnaya O.V., Miku N.V., Zulfugarzade T.E., Médico A. Highland schools in the Caucasus: Historical background // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 608-614.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya O.V., Zimovets L.G., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 473-480.

[Natolochnaya et al., 2020a](#) – *Natolochnaya O.V., Makarov Y.N., Allalyev R.M., Svechnikov V.A.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 679-688.

[Natolochnaya et al., 2020b](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 984-992.

[Shevchenko et al., 2016](#) – *Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V.* The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2016. 40(2). 363-372.

References

[AKAK](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Commission]. T. 8. Tiflis, 1881. [in Russian]

[Bogoyavlenskii, 1911](#) – *Bogoyavlenskii, A.A.* (1911). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in elementary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6. [in Russian]

[Bogoyavlenskii, 1912a](#) – *Bogoyavlenskii, A.A.* Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in elementary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 5. [in Russian]

[Bogoyavlenskii, 1912b](#) – *Bogoyavlenskii, A.A.* (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga (prodolzhenie) (Chernomorskaya guberniya v t.ch.) [Librarianship in elementary schools of the Caucasian educational district (continued) (Chernomorsk province including)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6. [in Russian]

[Brokgauz-Efron, 1904](#) – Erivanskaya guberniya [Erivan province]. Entsiklopedicheski slovar' Brokgauza i Efrona. T. XLI (81). SPb., 1904. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2020](#) – *Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N.* (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (3): 750-770.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – *Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N.* (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (4): 1067–1084.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G.* (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.

[Cherkasov, 2011](#) – *Cherkasov, A.A.* (2011). All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & history*. 2(10): 138-149.

[Gatagova, 1993](#) – *Gatagova, L.S.* (1993). Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. [Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century]. M. [in Russian]

[Istoricheskii obzor..., 1902](#) – Istoricheskii obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902 [Historical review of the activities of the Ministry of Public Education. 1802–1902]. Sost. S.V. Rozhdestvenskii. SPb., 1902. [in Russian]

[Kobakhidze, 2015](#) – *Kobakhidze, E.I.* (2015). Zakonodatel'stvo 1840–1870-kh gg. v oblasti obrazovaniya kak faktor integratsii kavkazskoi shkoly v rossiiskuyu sistemu narodnogo prosveshcheniya [Legislation 1840s–1870s in the field of education as a factor in the integration of the Caucasian school into the Russian system of public education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10. Ch. 3. Pp. 87-90. [in Russian]

[Magsumov et al., 2018](#) – *Magsumov, T.A., Artemova, S.F., Ustinova, O.V., Vidishcheva, E.V.* (2018). Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 598-607.

[Magsumov et al., 2020](#) – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.

[Magsumov et al., 2020a](#) – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.

[Mamadaliyev et al., 2020a](#) – *Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.

[Mamadaliyev et al., 2020b](#) – *Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.

- Mamadaliev et al., 2020c – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.
- Mamadaliev et al., 2020d – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.
- Mamadaliev et al., 2021e – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 169-181.
- Mamadaliev et al., 2021f – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A. (2021). System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 699-716.
- Mamadaliev et al., 2021g – Mamadaliev, A.M., Novitskaya, L.Yu., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 16(3): 1191-1202.
- Mamadaliev et al., 2021h – Mamadaliev, A.M., Bogdan, V.V., Svechnikova, N.V., Volkov, A.N. (2021). The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(4): 1800-1813.
- Mamadaliev et al., 2022 – Mamadaliev, A.M., Bogdan, V.V., Svechnikova, N.V., Miku, N.V. (2022). The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 386-402.
- Materialy po istorii, 1942 – Materialy po istorii osetinskogo naroda [Materials on the history of the Ossetian people]. *Sbornik dokumentov po istorii zavoevaniya osetin russkim tsarizmom*. Sost. V.S. Gal'tsev. Ordzhonikidze, 1942. T. II. [in Russian]
- Modzalevskii, 1880 – Modzalevskii, L. (1880). Khod uchebnogo dela v Kavkazskom krae s 1802 po 1880 god [The course of education in the Caucasus region from 1802 to 1880]. Pamyatnaya knizhka Kavkazskogo uchebnogo okruga na 1880 god. Tiflis. [in Russian]
- Molchanova et al., 2019 – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.
- Molchanova et al., 2019a – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(2): 1524-1536.
- Molchanova et al., 2020 – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.
- Narodnoe obrazovanie, 1980 – Narodnoe obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' Rossii kanuna i nachala imperializma (Maloissledovannyye problemy i istochniki) [Public Education and Pedagogical Thought in Russia on the Eve and the Beginning of Imperialism (Little-Investigated Problems and Sources)]. *Sb. nauchnykh trudov*. Pod red. E.D. Dneprova. M., 1980. [in Russian]
- Natolochnaya et al., 2016 – Natolochnaya, O.V., Kryukova, N.I., Buslaev, S.I. (2016). The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years). *Bylye Gody*. 39(1): 222-228.
- Natolochnaya et al., 2018 – Natolochnaya, O.V., Miku, N.V., Zulfugarzade, T.E., Médico, A. (2018). Highland schools in the Caucasus: Historical background. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 608-614.
- Natolochnaya et al., 2020 – Natolochnaya, O.V., Zimovets, L.G., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473-480.
- Natolochnaya et al., 2020a – Natolochnaya, O.V., Makarov Y.N., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679-688.
- Natolochnaya et al., 2020b – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984-992.
- Otchet., 1907 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1907 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1907]. Tiflis, 1908. [in Russian]
- Otchet., 1908 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1908 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1908]. Tiflis, 1909. [in Russian]
- Otchet., 1909 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1909 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1909]. Tiflis, 1910. [in Russian]
- Otchet., 1910 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1910 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1910]. Tiflis, 1911. [in Russian]
- Otchet., 1911 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh

- zavedenii» za 1911 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1911]. Tiflis, 1912. [in Russian]
- [Otchet..., 1912](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1912 g. Tiflis, 1913. [in Russian]
- [Otchet..., 1913](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1913 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1913]. Tiflis, 1914. [in Russian]
- [Otchet..., 1914](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1914 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1914]. Tiflis, 1915. [in Russian]
- [Polozhenie ot 29.10.1853](#) – Polozhenie «O Kavkazskom uchebnom okruge i uchebnykh zavedeniyakh» ot 29 oktyabrya 1853 goda [Regulation "On the Caucasian educational district and educational institutions" of October 29, 1853]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. SPb., 1853. № 80. [in Russian]
- [PSZRI, 1881](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 2-e. T. XXIV. SPb., 1881. [in Russian]
- [PSZRI, 1911](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 3-e. Tom XXVIII. 1908. SPb., 1911. [in Russian]
- [Sbornik statisticheskikh svedenii, 1869](#) – Sbornik statisticheskikh svedenii o Kavkaze [Collection of statistical information about the Caucasus]. Sost. N.I. Voronov. Ch. 1. Tiflis, 1869. [in Russian]
- [Sbornik svedenii o Kavkaze, 1871–1885](#) – Sbornik svedenii o Kavkaze [Collection of information about the Caucasus]. Pod red. N.K. Zeidlitsa. T. 1–9. Tiflis, 1871–1885. [in Russian]
- [Shevchenko et al., 2016](#) – *Shevchenko, N.A., Vidishcheva, E.V., Emelyanova, O.V.* (2016). The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features. *Bylye Gody*. 40(2). 363-372.
- [Shtat KUO](#) – «Shtat Kavkazskogo uchebnogo okruga», utv. Povelением EV ot 29 oktyabrya 1853 goda ["State of the Caucasian educational district", approved. By the decree of the EB of October 29, 1853]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. SPb., 1853. № 80. [in Russian]
- [Statisticheskoe opisanie, 1835](#) – Statisticheskoe opisanie Zakavkazskogo kraja [Statistical description of the Transcaucasian region]. Sost. O. Evetskii. V 2 ch. Ch. 1. SPb., 1835. [in Russian]
- [Voronov, 1857](#) – *Voronov, N.I.* (1857). Chernomorskie pis'ma [Black Sea Letters]. *Russkii vestnik*. 1, 3. [in Russian]
- [Vseobshchaya perepis' naseleniya, 1897](#) – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The first General population census of the Russian Empire in 1897]. Tom LXXI. Erivanskaya guberniya. Pod red. N.A. Troinitskogo. SPb., 1905. [in Russian]
- [Zazhaev, 1909](#) – *Zazhaev, P.* (1909). Gorodskie uchilishcha po polozheniyu 1872 goda v Rossii i na Kavkaze [City schools according to the situation of 1872 in Russia and the Caucasus]. *Na Kavkaze*. 4. [in Russian]
- [Zeidlits, 1894](#) – *Zeidlits, N.K.* (1894). Svod statisticheskikh dannykh o naselenii Zakavkaz'ya, s polnym alfavitnym ukazatelem gorodov i dereven' kraja [A set of statistical data on the population of Transcaucasia, with a complete alphabetical index of cities and villages of the region]. Tiflis. [in Russian]

Система народного образования в Эриванской губернии 1849–1917 гг. Часть 3

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, *}, Варвара Владимировна Богдан ^b,
Наталья Викторовна Свечникова ^c, Наталья Валентиновна Мику ^d

^a Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^b Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

Аннотация. Статья является третьей частью и завершает серию работ, посвященных исследованию системы народного образования в 1849–1917 годах в Эриванской губернии Российской империи и исследует период 1908–1917 годов. Анализируются учебные заведения среднего, низшего и начального уровней образования. Также рассматриваются особенности развития библиотечного дела в средних учебных учреждениях в качестве косвенного критерия качества образования в начале и конце рассматриваемого хронологического периода. Традиционно анализируется и соотношение количества учащихся по конфессиональному, этническому и сословному критериям.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

На основании статистического анализа данных делаются выводы о развитии системы образования, которую (за исключением начального образования) следует признать весьма слабой в сравнении с другими регионами Закавказья. Спрос на среднее образование многие годы оставался стабильным (количество учебных учреждений среднего звена не изменилось), причем количество учащихся женского пола превалировало над учащимися мужского пола, что совершенно нехарактерно для регионов Кавказа и Закавказья; количество учащихся за период 1908–1914 годов увеличилось в 1,25 раза. Низшее образование не изменилось количественно (число заведений практически осталось прежним), зато значительно улучшилось качественно, так как двух- и трехклассные городские училища были преобразованы в четырехклассные высшие начальные училища с более углубленной программой; количество учащихся за период 1908–1914 годов увеличилось в 1,5 раза. Начальное образование успешно развивалось во многом благодаря закону от 3 мая 1908 года и по темпам развития ни в чем не уступало другим регионам Кавказского учебного округа; количество учащихся за период 1908–1914 годов увеличилось почти в 1,7 раза. Вместе с тем в первый военный 1914 год количество обучающихся значительно падает, особенно резко (практически в два раза) – в низших учебных заведениях.

Ключевые слова: система народного образования, Эриванская губерния, Кавказский учебный округ, 1849–1917 гг., 1908–1917 гг.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 729-738
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.729

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Contacts of the Russian-Speaking Population of the Foothills of the Kuban with the Greek colonists in the second half of the 19th – early 20th centuries (according to Registers of Births)

Sergey L. Dudarev ^a, Nikolay S. Kovalenko ^{a, *}, Sergey N. Ktitorov ^a, Aleksei L. Pelikh ^a

^a Armavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article discusses certain aspects of the interethnic interaction of the East Slavic population of the foothill regions of the Kuban region with the Greeks in the second half of the 19th - early 20th centuries. The main sources for this are the parish registers of the church of St. Sergius of the village of Yaroslavskaya (for 1903 and 1912) that have survived to this day, the history of which quite fully reflects the processes that took place during the designated period on the territory of the entire Trans-Kuban region. The homeland of Greek immigrants (Asia Minor, Turkey) is established, the reasons for their resettlement to the Kuban are indicated, as well as the specifics of economic activity in the new place (the Greeks were mainly engaged in tobacco cultivation and grain trade). Based on the analysis of the information recorded in the parish registers, it is concluded that the communication of the Russian-speaking inhabitants of the Upper Laba basin and the Turkey subjects as a whole proceeded in line with mutual respect and good neighborliness. This is confirmed by numerous facts of the participation of colonists in the rites of baptism of Cossack and peasant children. Specific examples show that members of the Greek community were in contact not only with ordinary villagers, but also with representatives of the Cossack elite (in particular, atamans of the village of Yaroslavskaya P.A. Kireev and M.A. Tiskovsky were in artificial kinship with the Greeks). At the same time, the godparents of the children of Turkey subjects most often became their fellow tribesmen. The authors share some of their thoughts on the reasons for such selectivity. In conclusion, they outline the problematic issues in the history of the Greek community of the village of Yaroslavskaya, which historians will have to solve in the course of further research: the exact time of the emergence of the ethno-local group, the specifics of occupations and the number of its representatives on the eve of revolutionary upheavals.

Keywords: metric books, foothill Kuban, Maykop department, village Yaroslavskaya, Greek community, interethnic contacts, artificial kinship, Cossacks, non-residents.

1. Введение

Знакомство с историческими материалами демонстрирует нам яркую полиэтничную палитру населения предгорной Кубани в середине XIX – начале XX вв. Важно подчеркнуть, что, несмотря на существенные культурно-языковые и религиозные различия, жители субрегиона в обозначенный период придавали большое значение выстраиванию и поддержанию взаимоуважительных и добрососедских отношений. Это, в свою очередь, способствовало тому, что межэтническая коммуникация в Закубанье (в том числе в бассейне верхней Лабы) осуществлялась в целом в условиях благоприятного микроклимата, служившего прочной основой для стабильного развития кубанского в частности и российского в целом социумов.

Актуальность данной работы заключается в том значении, которое имеет для науки и общественной жизни анализ особенностей межкультурного и межэтнического взаимодействия в условиях полиэтничного региона. Взаимоотношения русскоязычного населения, составлявшего

* Corresponding author

E-mail addresses: kolya.kovalenko.99@list.ru (N.S. Kovalenko)

абсолютное большинство жителей предгорной зоны Кубани в анализируемый период, с греческими колонистами являются ярким примером взаимовыгодного содружества.

2. Материалы и методы

Важнейшим источником, позволяющим изучить дореволюционный состав населения бассейна верхней Лабы, являются сохранившиеся до наших дней церковные метрические книги. Рассмотрение всего их массива в перспективе могло бы составить содержание целой серии специальных исследований. Поэтому в рамках данной статьи мы решили обратиться к «метрикам» того населенного пункта, история которого в наибольшей степени отражает процессы, протекавшие во второй половине XIX – начале XX вв. на территории всего Закубанья. Таким поселением, на наш взгляд, является станица Ярославская, в которой в обозначенный период сформировалась греческая община, вплоть до настоящего времени не попадавшая в поле зрения кубанских историков.

Источниковой базой настоящей работы в основном являются впервые вводимые в научный оборот данные метрических книг, находящихся в фондах Архивного отдела администрации муниципального образования Мостовский район (АОАМР), а также опубликованные до революции 1917 года сведения различного характера – статистические ведомости, приказы и отчеты начальников Кубанской области, материалы периодической печати, научные исследования. Используются источники мемуарного жанра.

Методологической основой нашей работы послужили принципы историзма, объективности, системности. Принцип историзма позволил рассмотреть контакты русскоязычного населения предгорной Кубани с греческими колонистами в условиях конкретной исторической действительности. Использование принципа научной объективности нашло выражение в привлечении и комплексном анализе различных видов источников. Принцип системности воплотился в рассмотрении вопроса взаимоотношений греков с русскоязычным населением бассейна верхней Лабы в тесной взаимосвязи с историей всего Закубанья и, в частности, с экономическим развитием данной территории.

3. Обсуждение

До того, как предгорная Кубань окончательно закрепилась за Россией, на ее территории проживали, главным образом, адыги, абазины и ногайцы. На заключительном же этапе Кавказской войны, с конца 1850-х гг., этническая ситуация в субрегионе претерпела коренные изменения, которые были вызваны, с одной стороны, его активной военно-казацкой колонизацией и с другой – эмиграцией в Турцию значительной части местных горцев. Рассматриваемые процессы привели к тому, что в Закубанье заметно возросла численность титульного народа империи. Так, если в начале 1840-х гг. русские, по данным М.И. Венюкова, составляли здесь менее 2 % населения, то в первой половине 1863 г. на них приходилась уже треть всех жителей (Венюков, 1864: 3, 6-7). В дальнейшем за счет продолжавшегося оттока горцев и наплыва огромной массы иногородних из внутренних губерний России русские укрепили свои позиции в предгорной Кубани еще сильнее.

Иллюстрацией абсолютного преобладания великороссов в структуре населения бассейна верхней Лабы могут служить, в частности, сведения, собранные в 1882 г. кубанским историком и статистиком Е.Д. Фелицыным. В большинстве населенных пунктов проживало русское население. Согласно данным кубанского исследователя, в 1882 г. на территории современного Мостовского района Краснодарского края имелось только две станицы (Андрюковская и Переправная), жители которых в основном являлись малороссами, и еще одно место (станция Баракаевская) со смешанным (русско-украинским) составом населения (Фелицын, 1885).

Разумеется, из вышеописанной ситуации вовсе не следовало, что в субрегионе не встречалось представителей других этнических общностей. Во-первых, вплоть до конца 1880-х гг. в бассейне верхней Лабы существовали населенные адыгами Бенокский и Унароковский аулы (Азаренкова и др., 1985: 24-43). Во-вторых, миграционный поток в Закубанье не ограничивался восточными славянами. В пользу этого свидетельствуют, в том числе, путевые заметки неизвестного автора, которые были опубликованы в 73-м номере ставропольской газеты «Северный Кавказ» за 1888 г. Вот что в них говорилось о станице Псебайской: «Между прижившимся здесь народом встречаются разные национальности – русские, преимущественно, затем немцы, венгерцы, черкесы, греки, поляки и евреи» (Станицы Псебай и Андрюк..., 1888: 2). К сожалению, о том, как названные общности взаимодействовали между собой и с представителями войскового сословия, автор источника ничего не сообщал. При этом, однако, он обратил внимание на то, что население соседствовавшей с Псебайской станицы Андрюковской в этническом отношении было более однородным; в ней, по его словам, проживали исключительно казаки (Станицы Псебай и Андрюк..., 1888: 2). Между тем это серьезно противоречит материалам Е.Д. Фелицына, согласно которым уже в 1882 г. в рассматриваемом поселении коренные составляли только 67 % всех жителей.

Самое раннее упоминание о греках в станице Ярославской, которое мы обнаружили на данный момент, содержится в пространной корреспонденции, напечатанной в 23-м номере газеты «Северный Кавказ» за 1893 г. Ее автор, использовавший псевдоним «Обыватель», решил рассказать читающей

публике о том, как проходят дни его населенного пункта. Сообщив, что весеннее потепление позволило ярославским казакам приступить к полевым работам, он далее написал: «Хороший заработок дают им местные табачные плантаторы: на плантации требуется сухой навоз и солома, чего у станичников в изобилии. С открытием весны всякий домохозяин, имеющий пару быков или лошадь, зарабатывает ежедневно около рубля. Но в недалеком будущем этот видный заработок должен исчезнуть за отсутствием крепкой земли, так называемой целины, которая необходима для посева табака. Теперь уже греки-плантаторы нанимают под плантации огороды, и недавно один из них заарендовал огород в 2 десятины на один год за сто руб., с условием, что по истечении срока аренды все постройки, возведенные на плантации, останутся в пользу хозяина огорода. За исключением этих заработков других в нашей станице нет <...>» (Корреспонденция..., 1893: 4).

Главным из того, что содержит приведенный выше фрагмент, является следующее: в станице на Фарсе проживали греки, занимавшиеся разведением табака; с этой целью они арендовали землю и приобретали у местных казаков навоз и солому, давая им тем самым возможность заработать. К сожалению, время, когда в Ярославской появились первые плантаторы, в источнике не называется. Между тем оно, судя по всему, примерно совпадало с началом проникновения табачной культуры в Майкопский уезд, где по состоянию на 1883 г. ее посева уже имелись в станицах Вознесенской, Тульской, Ханской и Абадзехской, а также в Темиргоевском ауле (Щербина, 1891: 5).

Жизнь греческих общин, сформировавшихся в предгорной Кубани в конце XIX века, как и вопрос о взаимоотношениях в этом регионе греческих колонистов с русскоязычным населением вплоть до настоящего времени не являлись предметом специальных исследований.

4. Результаты

Как было уже показано историками, водворявшиеся в Закубанье греки в большинстве своем были родом из Анатолии, которую они покидали в поисках лучших, чем в Османской империи, условий для жизни и ведения хозяйства (Трехбратов, 1997: 450). «Некоторые из них, – писал В.А. Щербина, – приняли русское подданство и образовали отдельные населенные пункты (Витязевское, Мерчанское, Греческое селения, Фанагорийский поселок и проч.), а другие остаются и в настоящее время турецкоподданными, ничего общего, конечно, не имея со своим отечеством и не думая когда-либо возвращаться в него» (Щербина, 1891: 3).

Сам факт появления греков на Кубани не случаен. Территория ее левобережья, как и Северо-Восточного Причерноморья, сильно обезлюдешая после драмы мухаджирства, должна была «осваиваться» новыми поселенцами. Как отмечают исследователи-кавказоведы, необходимость русской колонизации, в которой видели средство для консолидации «обширной и разнородной империи», особенно с 1905 г., в связи с ростом социальной и этнополитической нестабильности признавалась властями все больше (Матвеев, 2021: 130). Однако с этим дело обстояло непросто. Недостаточно было переселить сюда, например, крестьян из внутренних губерний России или позволить им самостоятельно переместиться сюда даже при наличии незаселенных земель. Было очень важно, чтобы переселенцы могли легко адаптироваться к местным условиям, что как раз о выходцах из Центра России сказать было нельзя: в нашем случае, хозяйствование в условиях предгорий имело свои особенности, да и приспособленность к климату играла серьезную роль. Закубанье, например, было известно тем, что здесь имели место заболевания малярией, наносившие наиболее чувствительный урон тем группам населения, которые прибывали из других регионов. Невозможно не вспомнить такой яркий случай, как гибель от этой болезни в 1838 г., после экспедиции в Закубанье, командующего войсками Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова. Анатолийские греки были именно из числа народов (к которым следует отнести и армян, которые достаточно широко заселили Черноморскую губернию уже в самом конце XIX и начале XX вв. (Полякова, 2018), а также болгар, чехов и некоторые другие этносы), имевших нужный культурный и, видимо, природный «код» для того, чтобы жить и хозяйствовать в данных условиях.

Еще в 1860-х гг. греческие иммигранты положили начало развитию в Кубанской области табаководства и на протяжении всего дореволюционного периода составляли подавляющую часть занятых в нем людей. Казакам же для культивирования табака, по словам современников, недоставало предприимчивости, опыта, свободных оборотных капиталов и технических знаний (Извлечение из отчета..., 1904: 106; Македонов, 1908: 90).

Здесь видится еще одна сторона преимуществ греков перед другими группами населения, в том числе казаками и черкесами. Те и другие были привержены воинским занятиям и традициям, чему способствовала и напряженная обстановка в регионе в период «Кавказской войны», в рамках которой любая коммерция, накопительство и т.п. рассматривались как занятие, недостойное казака и джигита (Емельянова, Емельянов, 2014: 108), напротив, в почете была «рыцарская» щедрость (Панеш, 1995: 23). Понадобилось время, чтобы произошло приспособление и тех, и других к новым реалиям, прежде всего, в пореформенное время, ознаменовавшееся распространением рыночных отношений (Северный Кавказ в составе Российской империи, 2007: 232-249). Греки же, как и армяне, а также горские евреи и другие народы (История Северо-Осетинской АССР, 1987: 219; Гарунова, 2021: 147),

были этносами, издавна занимавшимися торгово-денежными операциями, местом которых в рассматриваемое время был Северный Кавказ.

К концу XIX в. табак сеялся практически на всей территории Кубанской области, однако наибольшее распространение он получил в левобережной части региона. В Прикубанье данную культуру разводили в меньших объемах и, главным образом, как следует из ежегодных отчетов начальника Кубанской области, для удовлетворения нужд овцеводства (вероятно, измельченный табак использовался для вытравливания из шерсти скота паразитов). Объяснялось это тем, что степные ландшафты не могли защитить эту культуру от вредного воздействия ветра ([Извлечение из отчета..., 1904: 106-107](#)). В данном отношении весьма выигрывали предгорья, где, несмотря на бурную деятельность человека, еще сохранялись обширные лесные массивы.

Необходимо отметить, что водворявшиеся в Кубанской области греки занимались не только разведением табака. В масштабах всего Северного Кавказа они, прежде всего, были известны в качестве торговцев зерном. Вот, что об этом писал в своем фундаментальном исследовании 1912 г. профессор П.И. Лященко, являвшийся видным специалистом в области экономики сельского хозяйства: «Почти вся хлебная торговля на местных рынках Кубанской обл. находится в руках греков, причем часто носит некрупный характер. Очень крупных ссыпщиков мало, в большинстве случаев ссыпщик работает на капитал от 1000 до 10000 рублей; немало и таких, которые работают исключительно в кредит на чужие деньги. Каждая станция, станица, поселок, имеют несколько ссыпок, из которых большинство принадлежат грекам, наплыв которых с каждым годом все более и более увеличивается. Из Греции прибывают они мальчиками и определяются к своим родным или знакомым, под руководством которых обучаются всем тонкостям хлебного дела; а спустя несколько лет, скопив из жалованья немного денег (от 300 до 1000 р.), открывают свою ссыпку при дальнейшей поддержке тех же родных и знакомых. Объятые жаждой самой скорой наживы и имея к тому же яркие примеры таковой, в лице некоторых своих соотечественников, большинство из них не брезгует никакими средствами для достижения цели... За истекшие десять лет и положение ссыпщиков значительно изменилось. Число их удвоилось и даже утроилось, что не могло не повести к конкуренции между ними» ([Лященко, 1912: 161](#)). Не исключено, что торговлю зерном вели и некоторые члены греческой общины станицы Ярославской, которая стала предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

В 1903 г. в Ярославской, согласно метрическим записям, родилось 627 детей, в том числе четверо в семьях греческих поселенцев. Так, например, 27 февраля на свет появился сын турецкоподданного города Трапезунда (ныне – Трабзон) Трифона Николаевича и Софии Харлампиевны Атамилисов, которого спустя десять дней окрестили в Сергиевской церкви и нарекли Харлампием ([АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 106. Л. 220б.](#)). Нетрудно заметить, что имя, полученное младенцем, было таким же, как у его деда по материнской линии. Подобное совпадение с большой долей вероятности может свидетельствовать о том, что в семье Атамилисов мальчик был уже вторым сыном ([Иванова, 1989: 102–103](#)). От купели Харлампия приняли Дмитрий Григорьевич Ченакилис и София Савельевна Иронимос (Иеронимос), которые, подобно его родителям, прибыли в Кубанскую область из Малой Азии ([АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 106. Л. 23](#)).

Другие гречанки, разрешившиеся от бремени в 1903 г., в отличие от С.Х. Атамилис, подарили своим мужьям наследниц. Источники показывают, что длина временного интервала между рождением и крещением каждой из этих девочек варьировалась. В дореволюционный период неоспоримым доводом в пользу скорейшего приобщения новорожденных к Богу служила высокая детская смертность. При этом родителями, судя по всему, двигал не столько страх потерять ребенка, сколько стремление не допустить его смерти некрещеным. Надо полагать, именно по этой причине Николай Константинович и Евгения Константиновна Конкалидисы свою дочь Керкиру, родившуюся 30 июля, принесли в церковь уже на следующий день, а Анастас Панайотович и Клио Федоровна Таксидовы, ставшие родителями 27 апреля, сделали это на третьи сутки ([АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 106. Л. 370б., 38, 530б., 54, 630б., 64](#)).

Следует отметить, что всех греческих детей, появившихся на свет в станице Ярославской в 1903 г., объединяло то, что их восприемниками становились исключительно соплеменники (то же самое, кстати говоря, имело место и в 1912 г.). Вряд ли отказ от русских крестных был средством сохранения национальной идентичности. Гораздо более вероятно, что из-за относительно недавнего водворения в станице на Фарсе греки просто не могли рассматривать никого из местных жителей в качестве потенциальных кумовьев. Впрочем, в нашем распоряжении на сегодняшний день имеется еще недостаточно репрезентативный комплекс источников для того, чтобы мы могли утверждать это окончательно.

Между тем в обособленности и замкнутости сформировавшейся в станице Ярославской греческой общины заставляет сомневаться участие ее отдельных представителей в крестинах казачьих детей. В метрической книге за 1903 г. было зафиксировано четыре таких случая. Первый из них имел место 7 января, когда турецкоподданные города Трапезунда Василий Иванович Христофоридис и ранее упоминавшаяся С.С. Иронимос приняли от купели младенца Иоанна, отцом которого был коренной житель Ярославской Павел Митрофанович Герасименко ([АОАМР. Ф. Р-123.](#)

Оп. 1. Д. 106. Л. 30б., 4). Данное событие можно назвать неординарным, поскольку в 1903 г. крещений казачат сразу двумя людьми греческого происхождения больше не было.

В целом мужчины греки встречаются в метрической книге за 1903 г. чаще, чем женщины. В связи с этим напрашивается вывод, что сильный пол взаимодействовал с коренным населением станицы более активно. Для иллюстрации данного заключения можно привести пример Ивана Константиновича Григориадиса, чье имя упоминается в метрической книге шесть раз. 29 апреля 1903 г. он стал приемником дочери ярославского казака Ивана Ивановича Емельянова. Интересно, что крестная мать девочки Анастасия Прокопьевна Мельникова тоже являлась иногородней (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 106. Л. 370б., 38).

Среди коренных жителей станицы Ярославской, состоявших в крепкой дружбе с И.К. Григориадисом, был также казак Георгий Терентьевич Киреев, сына которого этот грек вместе с казачкой Ефимией Петровной Бутенко принял от купели 6 сентября (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 106. Л. 760б., 77). В метрической книге за 1903 г. можно найти еще четырех русскоязычных кумовьев Ивана Константиновича, которые, однако, как и он сам, не принадлежали к войсковому сословию (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 106. Л. 680б., 69, 740б., 75, 750б., 76, 900б., 91).

Таблица 1. Крещение детей крестьян с участием И.К. Григориадиса в ст. Ярославской в 1903 г.

Месяц и день		Имена родившихся	Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания	Звание, имя, отчество и фамилия приемников
рождения	крещения			
Август		Иулиания	Воронежской губернии, Павловского уезда, села Казинки крестьянин Григорий Александрович Зинченко и законная жена его Александра Павловна; оба православные	Турецкоподданный города Трапезунда Иван Константинович Григориадис и крестьянка девица Параскева Ивановна Слюсарева
11	12			
Сентябрь		Петр	Воронежской губернии, Богучарского уезда, Кантемировской волости, хутора Гармашова крестьянин Трофим Тихонович Лысенко и законная жена его Надежда Митрофановна; оба православные	Турецкоподданный города Трапезунда Иван Константинович Григориадис и крестьянка Анна Ивановна Алямова
1	2			
		Петр	Харьковской губернии, Змиевского уезда, Балаклейской волости, села Вербовки крестьянин Яков Петрович Вербицкий и законная жена его София Лукьяновна; оба православные	Турецкоподданный города Трапезунда Иван Константинович Григориадис и казачка Вера Алексеевна Кузьмина
3	4			
Октябрь		Михаил	Воронежской губернии, Павловского уезда, села Воронцовки крестьянин Михаил Иванович Пересадин и законная жена его Мария Ивановна; оба православные	Турецкоподданный города Трапезунда Иван Константинович Григориадис и крестьянка девица Акилина Павловна Котова
16	19			

Приведенные выше примеры могут заставить думать, что с греческими поселенцами в Ярославской контактировали только рядовые станичники, ведь и П.М. Герасименко, и И.И. Емельянов, и Г.Т. Киреев имели чин (казак), занимавший низшее положение в системе званий представителей воинского сословия. Между тем ошибочность подобных представлений становится очевидной в свете других источников. В частности, в метрической книге за 1912 г. содержатся записи, свидетельствующие о том, что некоторые греки были вхожи и в семьи атаманов. В этой связи может быть показательной следующая история. 22 января 1912 г. в жизни урядника Петра Анисимовича Киреева, возглавлявшего в то время Ярославское станичное правление уже третий год, произошло весьма значимое событие: его жена Варвара Марковна родила дочь (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 137. Л. 50б.). Спустя сутки девочку, которую было решено назвать Анастасией, принесли в Сергиевскую

церковь, где священник и псаломщик совершили таинство крещения. От купели дочь атамана приняли казачка Матрена Титовна Токарева и упоминавшийся ранее малоазийский грек Н.К. Конкалидис (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 137. Л. 6).

В июле 1912 г. неизвестные нам «домашние обстоятельства» заставили П.А. Киреева сложить полномочия (Приказы по Кубанской области от 1 июля, 1912: 1). Спустя несколько месяцев в станице прошли выборы очередного атамана, завершившиеся победой вахмистра Матвея Андреевича Тисковского (ок. 1872–1918) (Ананьевская, 1957: 2; Ананьевская, 1961: 2; АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 102. Л. 307об.; Приказы по Кубанской области от 29 октября, 1912: 1). Подобно предшественнику, он в январе 1912 г. стал отцом; правда, в отличие от супруги Киреева, его жена родила мальчика (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 137. Л. 10б.). При выборе крестных родителей для детей предпочтения двух атаманов почти совпали: Матвей Андреевич тоже пригласил Н.К. Конкалидиса, но пару ему составила Евдокия Ивановна Бедная, состоявшая в браке с заведующим Ярославским двухклассным училищем (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 137., Л. 2; Кубанский календарь..., 1912: 239).

Следует пояснить, что допущение в свой ближний круг иногороднего жителя не было со стороны М.А. Тисковского экстраординарным поступком. Запечатленные в метриках эпизоды биографии вахмистра дают серьезное основание полагать, что Матвей Андреевич на собственном примере пытался показать станичникам, что с лицами невойскового сословия можно и нужно жить в мире. Исследователям еще предстоит выяснить, с чем было связано формирование у Тисковского подобных взглядов. Не исключено, что этому могло поспособствовать его общение с первым настоятелем Сергиевской церкви Александром Афанасьевичем Широгородовым (ок. 1840–1913), который в своей статье, помещенной в 23-м номере «Ставропольских епархиальных ведомостей» за 1887 г., писал следующее: «А теперь вопрос о лучших станицах рассмотрим с другой стороны. Что такое эти лучшие станицы? Какими путями они развились?» (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 138. Л. 176об., 177; Широгородов, 1887: 918). И далее сам же ответил на поставленные вопросы: «В большинстве случаев станицы Кубанского войска улучшились не столько от развития местной производительности по различным отраслям хозяйства, сколько от наплыва в эти станицы переселенцев из внутренних губерний России. По крайней мере, в утвердительном смысле можно сказать в этом случае о залабинских станицах, с которыми мы хорошо знакомы» (Широгородов, 1887: 918). Священник критиковал руководителей Кубанской области за то, что они с помощью репрессивных мер выживали с вверенной им территории иногородних. Положение последних Александр Афанасьевич сравнивал с положением древнеегипетских рабов и делал неутешительный прогноз на будущее: «все или, по крайней мере, большая часть крестьян принуждены будут окончательно оставить Кубанскую область». Результатом же исхода иногородних, по его мнению, должно было стать расстройство хозяйственной части в лучших залабинских станицах и, как следствие, сокращение доходов духовенства (Широгородов, 1887: 918).

Неизвестно, насколько вышесказанное соответствовало воззрениям самого М.А. Тисковского. Между тем 29 июля 1898 г. он связал свою судьбу с женщиной, которая не принадлежала к войсковому сословию (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 102. Л. 307об., 308). Наталья Илларионовна Шубина, происходившая из тамбовских крестьян, подарила Матвею Андреевичу, согласно сохранившимся метрическим записям, троих сыновей и двух дочек (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 104. Л. 270б.; АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 106. Л. 680б.; АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 108. Л. 1220б.; АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 135. Л. 230б.; АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 137. Л. 10б.). Интересно, что их крестные родители, за исключением урядника станицы Псебайской Василия Ивановича Герасименко, который в марте 1901 г. принял от купели Сергея Тисковского, не являлись казаками. Еще одним доказательством отказа вахмистра от каких-либо предрассудков в отношении иногородних следует считать его участие в судьбе крестьянки Марии Федуловны Балалаевой. 5 сентября 1910 г. эта тридцатилетняя кума Тисковских, никогда прежде не бывавшая замужем, обвенчалась в Сергиевской церкви с мещанином города Майкопа Николаем Ивановичем Суриным (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 135. Л. 3140б.). Матвей Андреевич, в свою очередь, оказал молодоженам честь, согласившись выступить поручителем со стороны жениха (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 135. Л. 315).

Имеющиеся в нашем распоряжении источники показывают, что веру вахмистра в возможность мирного сосуществования казаков и иногородних разделяли его младшие братья Алексей и Григорий. Первый был женат два раза, причем в обоих случаях – на дочерях обосновавшихся в станице Ярославской отставных солдат (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 102. Л. 1090б.; АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 107. Л. 1750б.). Что же касается Григория Андреевича, то у него 23 января 1912 г. родилась дочь Ксения, крестными родителями которой стали вахмистр М.А. Тисковский и турецкоподданная Аргеро Савельевна Йортанопуло (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 137. Л. 70б., 8). Имена прочих казаков и крестьян, пожелавших в 1912 г. видеть восприемниками своих детей греков, представлены в нижеследующей таблице.

Таблица 2. Участие греков в крещениях казачьих и крестьянских детей в ст. Ярославской в 1912 г.

Месяц и день		Имена родившихся	Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания	Звание, имя, отчество и фамилия восприемников
рождения	крещения			
Январь		Анастасия	Воронежской губернии, Павловского уезда, Нижне-Мамонской волости и села крестьянин Стефан Андреевич Колесников и законная жена его Мария Павловна; оба православные	Турецкоподданный Георгий Иванович Левитис и казачка Анастасия Евсеевна Чапцева
20	21			
Февраль		Евдокия	Казак Алексей Дмитриевич Барабашов и законная жена его Екатерина Савельевна; оба православные	Турецкоподданный Полигран Георгиевич Полигранициди и Ерморфин Дмитриевна Шестофориди
10	12			
	12	Антоний	Полтавской губернии, Кременчугского уезда, села Великого Узвоза крестьянин Пантелеймон Матвеевич Журба и законная его жена Марина Григорьевна; оба православные	Турецкоподданный Георгий Иванович Левитис и города Майкопа мещанка Евдокия Герасимовна Разумова
Август		Александр	Киевской губернии, Звенигородского уезда, Лысянской волости, местечка Лысянки крестьянин Михаил Васильевич Телиженко и законная жена его Иулиания Захаровна; оба православные	Турецкоподданный Антон Саввич Панайотов и казачка Марфа Георгиевна Джурилова
12	15			
Октябрь		Михаил	Казак Иван Васильевич Чапцев и законная жена его Пелагея Самуиловна; оба православные	Турецкоподданный Николай Константинович Конкалиди и казачка Евдокия Петровна Ромащенко
17	17			

Пополнений в семьях самих греческих поселенцев в метрической книге за 1912 г. зафиксировано всего два. Первое из них имело место 28 января и было связано с рождением у Клианфиса Алексеевича и Евдокии Георгиевны Телопулосов дочери Анны (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 137. Л. 120б.). Еще один греческий ребенок появился на свет в станице Ярославской 19 ноября. Им стал мальчик Савва, родителями которого были Адам Савельевич и Кириаки Константиновна Левитисы (до этого у них, вероятно, сыновей не было) (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 137. Л. 970б.). Следует отметить, что вышеназванные семьи поддерживали между собой теплые отношения. В пользу этого говорит то, что крестным отцом Анны Телопулос 13 февраля 1912 г. стал не кто иной, как А.С. Левитис (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 137. Л. 13).

Приведенные выше таблицы указывают на то, что процесс интеграции греков, как части иногороднего населения, в процессы сближения и с переселенцами-крестьянами, и с казаками, несомненно, имел положительную динамику.

5. Заключение

Таким образом, в станице Ярославской в конце XIX – начале XX в. существовала греческая община, состоявшая в основном из уроженцев северо-восточной Анатолии. Контакты ее представителей с другими иногородними и войсковым сословием в целом носили добрососедский характер, что подтверждается, в том числе, фиксацией в метрических книгах неоднократных случаев крещения «турецкоподданными» казачьих и крестьянских детей.

В предреволюционные десятилетия греки уверенно заняли свою нишу среди иногороднего населения Кубани. В целом общность людей, считавшихся пришлыми, но хорошо адаптировавшихся к местным условиям, уже к началу XX в. достигла в регионе 1,5 млн чел. (Матвеев, 2021: 130). Вместе с тем греческая община станицы Ярославской требует дальнейшего изучения. В частности, историкам еще предстоит выяснить ее точное время возникновения, специфику занятий и численность накануне революционных потрясений.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта «Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края» № ППН-21.1/26.

Литература

[Азаренкова и др., 1985](#) – Азаренкова А.С., Бондарь И.Ю., Вертышева Н.С. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар: Книжное издательство, 1985. 394 с.

[Ананьевская, 1957](#) – Ананьевская А.Г. Навстречу 40-летию Великого Октября. Становление советской власти на Кубани // *Путь к коммунизму* (Газета Ярославского райкома КПСС). 1957. 24 октября.

[Ананьевская, 1961](#) – Ананьевская А.Г. В те исторические дни... (из воспоминаний старой большевички) // *Путь к коммунизму* (Газета Ярославского райкома КПСС). 1961. 7 ноября.

[АОАМР](#) – Архивный отдел администрации муниципального образования Мостовский район.

[Венюков, 1864](#) – Венюков М.И. Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации русскими: в 1841, 1860 и 1863 годах (с 3 картами) // *Записки Императорского Русского географического общества*. Кн. 1. СПб.: Типография В. Безобразова и компании, 1864. Паг. 3. С. 1-8.

[Гарунова 2021](#) – Гарунова Н.Н. Россия и Дагестан в XVIII–XX вв.: эволюция взаимоотношений. Махачкала: АЛЕФ, 2021. 414 с.

[Емельянова, Емельянов, 2014](#) – Емельянова Л.А., Емельянов О.Б. Хозяйственное развитие волжских станиц Кавказского линейного казачьего войска в контексте военно-политических процессов (1840–1864 гг.). Георгиевск: ИП Банный, 2014. 186 с.

[Иванова, 1989](#) – Иванова Ю.В. Греки // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 101-106.

[Извлечение из отчета..., 1904](#) – Извлечение из отчета начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1903 год // *Кубанский календарь на 1905 год*. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1904. Паг. 2. С. 1-150.

[История Северо-Осетинской АССР, 1987](#) – История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. Изд. 2-е, перераб. и доп. Орджоникидзе: Ир, т. 1, 1987. 529 с.

[Корреспонденция..., 1893](#) – Корреспонденция из ст. Ярославской Кубанской области // *Северный Кавказ*. 1893. 21 марта.

[Кубанский календарь..., 1912](#) – Кубанский календарь на 1912 год. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1912. 604 с.

[Лященко, 1912](#) – Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках европейской России. Описательно-статистическое исследование. СПб.: Типография Редакции периодических изданий Министерства финансов, 1912. 656 с.

[Македонов, 1908](#) – Македонов Л.В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж: Типолитография «Товарищество Н. Кравцов и компания», 1908. Паг. 1. С. 1-248.

[Матвеев, 2021](#) – Матвеев В.А. Демографические аспекты российской политики на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. 2021. № 4. С. 125-135.

[Панеш, 1995](#) – Панеш Э.Х. Традиции в политической, культуре народов Северо-Западного Кавказа // *Этнические аспекты власти*. СПб., 1995. С. 13-35.

[Полякова, 2018](#) – Полякова Л.Г. Черноморская губерния в годы Первой мировой войны (на материалах периодической печати): Автореф. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2018. 25 с.

[Приказы по Кубанской области от 1 июля, 1912](#) – Приказы по Кубанской области от 1 июля 1912 г. № 316 // *Кубанские областные ведомости*. 1912. 8 июля.

[Приказы по Кубанской области от 29 октября, 1912](#) – Приказы по Кубанской области от 29 октября 1912 г. № 542 // *Кубанские областные ведомости*. 1912. 7 ноября.

[Северный Кавказ..., 2007](#) – Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение. 2007. 460 с.

[Станицы Псебай и Андрюк..., 1888](#) – Станицы Псебай и Андрюковская Кубанской области (путевые заметки) // *Северный Кавказ*. 1888. 11 сентября.

[Трехбратов, 1997](#) – Трехбратов Б.А. Табаководство // *Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года*. Краснодар: Эдви, 1997. С. 450-453.

[Фелицын, 1885](#) – Фелицын Е.Д. Списки населенных мест Кубанской области по сведениям 1882 года // *Сборник сведений о Кавказе*. Т. 8. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885. №№ 5092, 5104, 5111, 5112, 5116, 5127, 5128, 5129, 5131, 5160, 5175.

[Широгоров, 1887](#) – Широгоров А.А. Голос из-за Лабы // *Ставропольские епархиальные ведомости*. 1887. 1 декабря.

[Щербина, 1891](#) – Щербина В.А. Табаководство в Темрюкском и Закубанском уездах Кубанской области // *Кубанский сборник*. Т. 2. Екатеринодар: Типография А.П. Сташевского, 1891. Паг. 7. С. 1-21.

References

[Azarenkova i dr., 1985](#) – Azarenkova, A.S., Bondar', I.Yu., Vertysheva, N.S. (1985). Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Kubani (1793–1985 gg.). [The main administrative-territorial transformations in the Kuban (1793–1985)]. Krasnodar: Knizhnoe izdatel'stvo, 394 p. [in Russian]

[Anan'evskaya, 1957](#) – Anan'evskaya, A.G. (1957). Navstrechu 40-letiyu Velikogo Oktyabrya. Stanovlenie sovetskoi vlasti na Kubani [Towards the 40th anniversary of the Great October. The formation of Soviet power in the Kuban]. *Put' k kommunizmu* (Gazeta Yaroslavskego raikoma KPSS). 24 oktyabrya. [in Russian]

[Anan'evskaya, 1961](#) – Anan'evskaya, A.G. (1961). V te istoricheskie dni... (iz vospominanii staroi bol'shevichki) [In those historic days... (from the memoirs of an old Bolshevik)]. *Put' k kommunizmu* (Gazeta Yaroslavskego raikoma KPSS). 7 noyabrya. [in Russian]

[AOAMR](#) – Arkhivnyi otdel administratsii munitsipal'nogo obrazovaniya Mostovskii raion [Archive Department of the administration of the Mostovsky district municipality].

[Emelyanova, Emelyanov, 2014](#) – Emelyanova, L.A., Emelyanov, O.B. (2014). Hozyajstvennoe razvitie volgskikh stanic Kavkazskogo linejnogo kazach'ego vojska v kontekste voenno-politicheskikh processov (1840–1864 gg.). [Economic development of the Volga stanitsas (Cossacks villages) of the Caucasian linear Cossack army in the context of military-political processes (1840-1864)]. Georgievsk: IP Banny, 186 p. [in Russian]

[Felitsyn, 1885](#) – Felitsyn, E.D. (1885). Spiski naselennykh mest Kubanskoj oblasti po svedeniyam 1882 goda [Lists of settlements of the Kuban region according to the data of 1882]. *Sbornik svedenii o Kavkaze*. T. 8. Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Glavnachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1885. № 5092, 5104, 5111, 5112, 5116, 5127, 5128, 5129, 5131, 5160, 5175. [in Russian]

[Garunova, 2021](#) – Garunova, N.N. (2021). Rossiya i Dagestan v XVIII-XX vv.: evolyuciya vzaimootnoshenij [Russia and Dagestan in the XVIII-XX centuries: the evolution of relations]. Mahachkala: ALEF, 414 p. [in Russian]

[Ivanova, 1989](#) – Ivanova, Yu.V. (1989). Greki [Greeks]. *Sistemy lichnykh imen u narodov mira*. M.: Nauka, pp. 101-106. [in Russian]

[Istoriya Severo-Osetinskoj ASSR, 1987](#) – Istoriya Severo-Osetinskoj ASSR s drevnejshih vremen do nashih dnei [History of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day]. Izd. 2-e, pererab. i dop. Ordzhonikidze: Ir, t. 1, 1987. 529 p. [in Russian]

[Iz vlechenie iz otcheta..., 1904](#) – Iz vlechenie iz otcheta nachal'nika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazach'ego vojska o sostoyanii oblasti i vojska za 1903 god [Extract from the report of the head of the Kuban region and the ataman of the Kuban Cossack army on the state of the region and the army for 1903]. *Kubanskiy kalendar' na 1905 god*. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1904. Pp. 2: 1-150. [in Russian]

[Korrespondentsiya..., 1893](#) – Korrespondentsiya iz st. Yaroslavskego Kubanskoj oblasti [Correspondence from the village of Yaroslavl Kuban region]. *Severnyi Kavkaz*. 1893. 21 marta. [in Russian]

[Kubanskiy kalendar'..., 1912](#) – Kubanskiy kalendar' na 1912 god [The Kuban calendar for 1912]. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1912. 604 p. [in Russian]

[Lyashchenko, 1912](#) – Lyashchenko, P.I. (1912). Khlebnyaya trgovlya na vnutrennikh rynkakh evropejskoj Rossii. Opisatel'no-statisticheskoe issledovanie [Grain trade in the domestic markets of European Russia. Descriptive and statistical research]. SPb.: Tipografiya Redaktsii periodicheskikh izdaniy Ministerstva finansov, 656 p. [in Russian]

[Matveev 2021](#) – Matveev, V.A. (2021). Demograficheskie aspekty rossijskoj politiki na Severnom Kavkaze vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Demographic aspects of Russian policy in the North Caucasus in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4: 125-135. [in Russian]

[Makedonov, 1908](#) – Makedonov, L.V. (1908). V gorakh Kubanskogo kraja. Byt i khozyaistvo zhitelei nagornoj polosy Kubanskoj oblasti [In the mountains of the Kuban region. Life and economy of the inhabitants of the upland strip of the Kuban region]. Voronezh: Tipolitografiya «Tovarishchestvo N. Kravtsov i kompaniya». Pp. 1: 1-248. [in Russian]

[Panesh, 1995](#) – Panesh, E.H. (1995). Tradicii v politicheskoy. kul'ture narodov Severo-Zapadnogo Kavkaza [Traditions in politics. culture of the peoples of the North-Western Caucasus]. *Etnicheskie aspekty vlasti*. SPb., pp. 13-35. [in Russian]

[Polyakova, 2018](#) – Polyakova, L.G. (2018). Chernomorskaya guberniya v gody Pervoj mirovoj vojny (na materialah periodicheskoy pechati): avtoref. kand. ist. Nauk [The Black Sea province during the First World War (based on the materials of the periodical press)]: author. cand. ist. Sciences. Stavropol, 25 p. [in Russian]

[Prikazy po Kubanskoi oblasti ot 1 iyulya, 1912](#) – Prikazy po Kubanskoi oblasti ot 1 iyulya 1912 g. № 316 [Orders for the Kuban region dated July 1, 1912 No. 316]. *Kubanskie oblastnye vedomosti*. 1912. 8 iyulya. [in Russian]

[Prikazy po Kubanskoi oblasti ot 29 oktyabrya, 1912](#) – Prikazy po Kubanskoi oblasti ot 29 oktyabrya 1912 g. № 542 [Orders for the Kuban region dated October 29, 1912 No. 542]. *Kubanskie oblastnye vedomosti*. 1912. 7 noyabrya. [in Russian]

[Severnyj Kavkaz..., 2007](#) – Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii [North Caucasus as part of the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 460 p. [in Russian]

[Stanitsy Psebai i Andryuk..., 1888](#) – Stanitsy Psebai i Andryuk Kubanskoi oblasti (putevye zametki) [Psebai and Andriuki villages of the Kuban region (travel notes)]. *Severnyi Kavkaz*. 1888. 11 sentyabrya. [in Russian]

[Trekhratov, 1997](#) – *Trekhratov, B.A.* (1997). Tabakovodstvo [Tobacco farming]. Entsiklopedicheski slovar' po istorii Kubani s drevneishikh vremen do oktyabrya 1917 goda. Krasnodar: Edvi, 1997: 450-453. [in Russian]

[Shirogorov, 1887](#) – *Shirogorov, A.A.* (1887). Golos iz-za Laby [A voice from across the Laba River]. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1 dekabrya. [in Russian]

[Shcherbina, 1891](#) – *Shcherbina, V.A.* (1891). Tabakovodstvo v Temryukskom i Zakubanskom uездakh Kubanskoi oblasti [Tobacco cultivation in Temryuk and Zakubansky counties of the Kuban region]. *Kubanskii sbornik*. T. 2. Ekaterinodar: Tipografiya A.P. Stashevskogo, 1891. Pp. 7: 1-21. [in Russian]

[Venyukov, 1864](#) – *Venyukov, M.I.* (1864). Naselenie Severo-Zapadnogo Kavkaza v tri epokhi ego kolonizatsii russkimi: v 1841, 1860 i 1863 godakh (s 3 kartami) [The population of the North-Western Caucasus in three epochs of its colonization by the Russians: in 1841, 1860 and 1863 (with 3 maps)]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Kn. 1. SPb.: Tipografiya V. Bezobrazova i kompanii. Pp. 3: 1-8. [in Russian]

Контакты русскоязычного населения предгорной Кубани с греческими колонистами во второй половине XIX – начале XX вв. (по данным метрических книг)

Сергей Леонидович Дударев ^a, Николай Сергеевич Коваленко ^{a, *}, Сергей Николаевич Ктиторов ^a, Алексей Леонидович Пелих ^a

^a Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты межэтнического взаимодействия восточнославянского населения кубанских предгорий с греками во второй половине XIX – начале XX вв. Основными источниками при этом выступают сохранившиеся до наших дней метрические книги Сергиевской церкви станицы Ярославской (за 1903 и 1912 гг.), история которой достаточно полно отражает процессы, протекавшие в обозначенный период на территории всего Закубанья. Устанавливается родина греческих иммигрантов (Малая Азия, Турция), указываются причины их переселения на Кубань, а также специфика хозяйственной деятельности на новом месте (греки занимались в основном разведением табака и торговлей зерном). На основе анализа сведений, зафиксированных в метрических книгах, делается вывод о том, что коммуникация русскоязычных жителей бассейна верхней Лабы и «турецкоподданных» в целом протекала в русле взаимоуважения и добрососедства. Это подтверждается многочисленными фактами участия колонистов в крестинах казачьих и крестьянских детей. На конкретных примерах демонстрируется, что члены греческой общины контактировали не только с рядовыми станичниками, но и с представителями казачьей элиты (в искусственном родстве с греками состояли, в частности, атаманы станицы Ярославской П.А. Киреев и М.А. Тисковский). Вместе с тем крестными родителями детей «турецкоподданных» чаще всего становились их соплеменники. Авторы делятся некоторыми своими соображениями о причинах подобной избирательности. В заключении же ими обозначаются «белые пятна» истории греческой общины станицы Ярославской, которые историкам предстоит восполнить в ходе дальнейших исследований: точное время возникновения, специфика занятий членов и численность накануне революционных потрясений.

Ключевые слова: метрические книги, предгорная Кубань, Майкопский отдел, станица Ярославская, греческая община, межэтнические контакты, искусственное родство, казаки, иногородние.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kolya.kovalenko.99@list.ru (Н.С. Коваленко)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2022. 17(2): 739-748
DOI: 10.13187/bg.2022.2.739

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russian Alcohol on the Markets of Europe in 1863–1893

Natalia Ye. Goryushkina ^{a,*}

^a South-Western State University, Russian Federation

Abstract

The presented article aims to highlight the process of the release and consolidation of Russian alcohol in the European markets in the second half of the XIX century. The study of this topic is becoming particularly relevant and important at today's turning point in the history of international relations. The author draws attention to the fact that alcohol appeared late in the list of goods exported from Russia. Only under the influence of the rules introduced by the wine reform of 1863, alcohol production in Russia grew and came in discrepancy with the needs of the domestic market, significantly exceeding them. The Government has taken measures to promote Russian alcohol to the European market, exempting the percentage of alcohol exported from excise duty and reimbursing suppliers for travel costs. The main buyer of the Russian product was Germany, which willingly purchased cheap raw alcohol from Russia, cleaned it and sold it at a high price to Spain, France, Italy, where alcohol was used for fixing grape wines. Russian alcohol producers made attempts to independent foreign trade activities, but the low quality of the domestic product, the shortage of containers, the lack of convenient transport routes, ignorance of the market of the countries where alcohol supplies were planned, all this restrained the size of alcohol supplies abroad. The final consolidation of Russian alcohol on the European market was carried out in the late 1880s and early 1890s. Russia, despite the difficult competition, managed to improve the quality of alcohol and take one of the leading places among alcohol suppliers to Europe.

Keywords: wine reform, excise system, alcohol, foreign market, export operations, addition of excise duty, travel bonus, foreign trade operations.

1. Введение

Внешнеторговые операции с российским спиртом – продукт внутри- и внешнеэкономической реальности, сложившейся в результате осуществления винной реформы 1863 г., потому заявленная тема важна для понимания существа акцизной системы. Однако операции с российским спиртом на рынках Европы в акцизный период изучены недостаточно. Несмотря на имеющиеся данные о величине экспортных поставок, тенденциях внешнеторговых операций в пореформенный период, законодательных актах, призванных стимулировать экспорт спирта, многие важные аспекты остаются открытыми. До сих пор не выяснено, что препятствовало поставкам спирта за границу в доакцизный период, чем руководствовались «верхи» в отношении экспорта спирта после винной реформы 1863 г., как качественно и количественно менялся спиртовой экспорт в акцизный период?

Статья призвана показать место российского спирта на рынках Европы после винной реформы 1863 г. и ответить на обозначенные выше вопросы.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена с опорой на документы Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации. Особого упоминания заслуживает

* Corresponding author

E-mail addresses: goro46@yandex.ru (N.Ye. Goryushkina)

использованная в работе переписка (письма, отчеты, телеграммы, отчеты агентов) между Департаментом неокладных сборов Министерства финансов и экспортерами спирта за рубеж. Благодаря «живому диалогу» явственно проступили и успехи, и препятствия на пути российского спирта к европейским потребителям, место продукта из России на спиртовом рынке Европы. Важную роль в осмыслении государственной позиции относительно внешнеторговых операций со спиртом сыграли законодательные акты, которые были почерпнуты из Полного собрания законов Российской империи. Проиллюстрировать динамику экспорта спирта позволили ежегодные отчеты Департамента неокладных сборов. Ценность данного источника заключается в его верифицированности и однородности приведенных в нем сведений. Помимо указанных источников, к работе были привлечены материалы периодической печати пореформенной эпохи, в которых нашла отражение общественная реакция на экспорт спирта за границу.

Статья базируется на принципах историзма, научной объективности и системности. Принцип историзма предоставил возможность оценить экспорт российского спирта в контексте акцизной эпохи, начавшейся после осуществления винной реформы 1863 г.; принцип научной объективности открыл перспективы для непредвзятой оценки правительственных шагов по стимулированию зарубежных поставок и активности производителей спирта в деле освоения новых рынков сбыта; принцип научной объективности определил взаимосвязь и взаимообусловленность размеров экспортных операций и правительственных актов, регулирующих внешнюю торговлю спиртом.

Помимо того, в статье были использованы методы интерпретации, контент-анализа и статистики. Первый из названных методов позволил оперировать элементами принятых в развитие винной реформы 1863 г. законодательных актов, вычленив необходимую для отражения процесса завоевания российским спиртом европейского рынка информацию. Второй – был применен при изучении и интерпретации инвариантных по структуре и содержанию источников при определении моментов выхода российского спирта на рынки Европы. Третий метод дал основания судить о степени развития экспорта российского спирта, исходя из данных статистики.

3. Обсуждение

Надо признать, что внешнеторговые операции с российским спиртом в период их осуществления широко обсуждались в столичной ученой среде, но требуемой научной оценки не получили. Разнообразие суждений о позитивных и негативных последствиях поставок российского спирта на европейский рынок, о выборе между свободой и государственным вмешательством во внешнюю торговлю вытекало из политических воззрений авторов, хотя некоторые из сделанных заключений, как принято говорить, «не потеряли своего значения», звучат свежо и уместно.

Так, известный во второй половине XIX в. экономист И.Н. Щербаков, автор книги «Русский спирт как предмет вывоза», дал положительную оценку «движению российского спирта на Запад». Он обратил внимание на чрезмерную осторожность России при заключении международных трактатов, а также спорную, по его мнению, систему премирования, которая «премирует иностранное производство, русское же – отдается последнему в кабалу» (Щербаков, 1887: 2). Не столь критичным в оценке деятельности Министерства финансов по продвижению российского продукта на европейский рынок был С.И. Гулишамбаров, признанный в свое время специалист в вопросах внешней торговли. Он рекомендовал экспортерам спирта быть более целеустремленными, искать слабые места конкурентов и пользоваться ими (Гулишамбаров, 1898: 77). Ревизор Министерства финансов Н.С. Терский считал, что финансовое ведомство предприняло все возможное, чтобы стимулировать поставку российского спирта на рынки Европы. Он полагал, что заграничная торговля спиртом «искусственно поддерживается назначением высоких премий. При этом если подсчитать все расходы, во что обходится казне и населению вывоз от нас спирта, то получаются цифры очень внушительные» (Терский, 1889: 140).

В советской историографии проблемы, связанные с алкоголем в царской России, были оставлены без внимания. В постсоветский период появилось несколько работ о внешней торговле России в пореформенное время. Однако о выходе российского спирта на европейский рынок они сообщают попутно (Жамкочьян, 1998; Жолобова, 2005). Первая попытка анализа внешнеторговых операций с российским спиртом после винной реформы 1863 г. была сделана в статье Н.Е. Горюшкиной (Горюшкина, 2013).

4. Результаты

На протяжении XVIII – первой половины XIX вв. экспорт спирта из России был развит слабо. В 1807 г. за границу было отправлено около 59 тыс. ведер безводного спирта, в 1827 г. – 87,6 тыс. ведер, в 1837 – 71,6 тыс., в 1846 г. – 15,2 тыс. ведер, что не превышало 1 % от производимого в стране продукта (Неболсин, 1850: 281).

Причины слабого развития спиртового экспорта крылись в низком качестве российского продукта, в отсутствии тары для транспортировки, хороших дорог до портовых городов и в многочисленных препятствиях на границах откупов. Те небольшие объемы спирта, что отправлялась

из России за рубеж, поставляли приграничные остзейские винокуренные заводы (РГИА. Ф. 574. Оп. 9. Д. 44. Л. 20б.).

Высочайше утвержденное 4 июля 1861 г. «Положение о питейном сборе» оставило вопросы об экспорте спирта без внимания. Однако благодаря требованиям и поощрениям акцизной системы техника винокурения прогрессировала. Материалы для курения вина были в избытке. Небывалые по размерам хлебные запасы, сложенные в Рыбинске, Санкт-Петербурге, а также «разбросанные в разных местах по Волге», свидетельствовали о застое хлебной торговли. Предприимчивые сельские хозяева понимали, что потери могут обернуться прибылью, если хлеб будет «обращен» в спирт. Из пуда ржи выкуривалось ведро спирта, спирт было выгоднее транспортировать (провозная плата с пуда хлеба на расстояние в 300 верст составляла 9,3 коп., с ведра спирта – 5,48 коп.) (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 674. Л. 190б.).

Спиртовой рынок России оживился, предложение спирта на внутреннем рынке превысило спрос. Внешнюю торговлю был призван стимулировать Закон 5 мая 1865 г., слагавший 3 % акциза с посланного за границу спирта крепостью выше 90° по Траллесу. Для покрытия путевых трат со спирта всякой крепости, бывшего в пути от 1 до 10 дней, слагалось от 1 % до 10 % акциза в день, от 11 до 20 дней – $\frac{1}{10}$ % в день, от 21 до 50 дней – $\frac{1}{12}$ % в день, или в первый месяц пути – $3\frac{1}{2}$ %, во второй месяц – по $\frac{1}{15}$ % за каждый день, или 2 % в месяц, в третий месяц – по $\frac{1}{30}$ % за каждый день пути, или по 1 % в месяц, считая месяц по 30 дней (О мерах для поощрения вывоза..., 1867: 487). Министерство финансов оценило принятый в качестве эксперимента закон положительно и пролонгировало его на 1867/1868 гг. (О продолжении..., 1871: 329), на 1869/1870 гг. (О продолжении действия..., 1873: 329) и т.д.

При акцизной пошлине в 5 коп. за градус и незначительном перекуре (Н.Г. – произведенном сверх установленной нормы продукте) вывозная премия с ведра безводного спирта не превышала $23\frac{3}{4}$ коп, но с повышением акциза до 6 коп. вывозная премия поднялась до $28\frac{1}{2}$ коп. Все большее число заводчиков искало возможности поставки спирта за границу. В 1866 г. было вывезено 159 тыс. ведер спирта в 40°, в 1868 г. – 215 тыс. ведер, в 1870 г. – 2 023 тыс. ведер. Главными экспортерами в России были Бессарабская область, Херсонская, Таврическая, Петербургская губернии, а также губернии «западной полосы», близость которых к границе гарантировала успех в доставке продукта (РГИА. Ф. 574. Оп. 9. Д. 44. Л. 1 об.-3).

Покупателями спирта на европейских рынках были страны, развивавшие виноделие и нуждавшиеся в спирте для получения так называемого винажа (*vinage*), то есть для остановки брожения молодых вин. Прибавка к вину спирта предохраняла конечный продукт, во-первых, от закисания и, во-вторых, придавала ему необходимую крепость при перевозке.

Хорошую цену за спирт давала Турция. Спирт в 90–95° (очищенный) российские экспортеры продавали по цене от $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{8}$ коп. за градус, что втрое было выше средней цены спирта в России. Однако потребности Турции в спирте были незначительными.

Еще одним покупателем спирта в Европе выступала Италия. Однако внутреннее потребление вина в Италии было ограниченным, а за границу итальянцы вино почти не вывозили, поскольку итальянское вино не отличалось крепостью и не переносило дальних перевозок. В этой связи итальянцы закупали спирт в ограниченных количествах. Россия напрямую с Италией не торговала.

Франция, будучи страной, производившей вино и для внутреннего, и для внешнего потребителя, отказывалась от привозных операций спирта до тех пор, пока налог на фабрикуемый в стране спирт был сравнительно невысоким. Но с увеличением питейного налога до 156 франков 25 сантимов с гектолитра алкоголя и таможенной пошлины на ввозимый спирт до 30 франков с гектолитра французское виноделие стало испытывать нужду в спирте для вина. Виноделы не раз обращались к правительству с просьбой понизить тариф на продукт, идущий в примесь к виноградному вину, но их просьбы не нашли должного отклика. Потому нужный для виноделия спирт, которому был затруднен доступ извне, проникал во Францию контрабандным путем из Италии и Испании. Российский спирт на «большой» французский рынок не поступал.

Самым выгодным рынком для сбыта спирта в Европе считалась Испания. Эта страна не имела особых причин затруднять доступ к себе иностранного спирта, так как он не грозил вредом местным винокуренным заводам, немногочисленным и производящим спирт в большинстве своем из виноградных выжимов. Но таможенные пошлины в Испании были высокими: 17 франков 35 сантимов с гектолитра – для стран, имеющих с Испанией торговые договоры; 20 франков с гектолитра – для стран, не имеющих таких договоров. Сверх того, со всего привозного спирта взимался так называемый транзитный налог в 3 франка 75 сантимов с гектолитра. Но из-за того, что внутреннее потребление спирта в Испании для нужд местного виноделия было велико и постоянно росло, а также по причине растущего вывоза спирта из Испании во Францию испанский рынок спирта был привлекательным (Вывоз спирта, 1887: 404-405). Предприниматели России пытались установить прямые торговые контакты с испанцами, но все попытки заканчивались убытками ввиду незнания испанского рынка, потерь при транспортировке (российский спирт везли в дубовых бочках, тогда как германский спирт транспортировался в вагонах-цистернах) и множества сопутствующих трат. К тому же Россия не имела своего торгового флота, способного доставить спирт за границу. Всякому российскому

экспортёру приходилось озаботиться и стоимостью фрахта, и стоимостью страховки отправляемого за рубеж спирта, ввиду которых его доходы заметно снижались. При отсутствии устойчивых путей сообщения, дальности расстояний экспортёры из России были вынуждены противостоять конкурентам, которые в этом отношении имели безусловные преимущества.

Роль «центрального завода» по производству спирта для вина в XIX в. играла Германия. «Куда ни повернешься, везде мы встречаем прусский спирт, – писал Ф. Энгельс, – прусский спирт простирается несравненно дальше, чем рука германского имперского правительства» (Энгельс, 1961: 47). Примечательно, что именно Германия с охотой и в больших количествах приобретала российский спирт. С 1874 по 1881 гг. на спиртоочистительные заводы Гамбурга и Любека было направлено 77 % вывезенного из России спирта (РГИА. Ф. 574. Оп. 9. Д. 44. Л. 3). Отечественный продукт крепостью в 80–85° (неочищенный) поставлялся в Германию по 1½ коп. за градус. Гамбургские купцы покупали и спирт крепостью в 90–95° (очищенный), но платили за него немногим дороже – по 1¾ коп. за градус. Низкая цена объяснялась тем, что даже очищенный спирт из России требует повторной очистки. После ректификации в Германии российский спирт превращался в германский, повышался в стоимости и «растекался» по всей Европе. Германия поставляла спирт в Италию, Францию, Испанию, Грецию, Болгарию, Турцию и даже Египет.

В 1883 г. Германия и Испания заключили соглашение, представившее спирту «германского происхождения» льготы. Германо-испанская конвенция больно ударила по карману российских производителей. Германские ректификаторы снизили и без того низкие закупочные цены на спирт из России. Надо было адаптироваться к новой внешнеэкономической реальности.

Закон 27 декабря 1883 г. определил при вывозе за границу «любого» спирта путевую премию в 3 %, а «очищенного» – в 6 % (Об изменении..., 1894: 491). Рост вывозной премии при высоком акцизе (с 1 июля 1881 г. по 18 мая 1885 г. акцизная пошлина составляла 8 коп. с градуса) умножил выгоду от экспортных операций. За четыре года экспорт вырос до 21,8 % от общей выкурки в России (Фабрично-заводская промышленность..., 1893: 36).

На спиртовом рынке Европы тем временем произошел новый поворот. Испания и Германия вступили в конфликт по вопросу Каролинских островов, что едва не закончилось разрывом дипломатических отношений. Соединенное королевство Швеции и Норвегии воспользовалось охлаждением испано-германских отношений. Между Испанией, с одной стороны, Швецией и Норвегией – с другой, в 1885 г. был заключен торговый договор, позволявший скандинавам ввозить спирт на тех же льготных условиях, какими до этого пользовалась Германия (по тарифу 17,65 франков вместо 20 франков). «Для России, – писал известный экономист И.Н. Щербаков, – борьба Швеции и Германии на международных рынках представляет тем больший интерес, что соперники, так сказать, на наших глазах вырывают у друг друга нашу собственность, а мы, должны покорно ждать, кто из них возьмет верх, и надеяться, что новый властелин авось будет не скупее старого и, из получаемой им премии от русского казначейства, уделит и нам кое-какие крохи» (Щербаков, 1887: 26). Объемы поставок спирта в Испанию из Швеции стали расти, Германия с большой неохотой оставляла когда-то исключительно ей принадлежавший испанский рынок. Большая часть российского спирта двинулась к шведским берегам. Экспортёры из России надеялись, что «новый властелин будет не скупее старого» и что из получаемой премии от русского казначейства им перепадут какие-то крохи. Российский спирт направился к шведским берегам, круглосуточная его очистка «раскаленным древесным углем» развернулась на заводах Карлсгама, откуда в Испанию поставлялось не менее 250 тыс. ведер спирта в год (Щербаков, 1887: 29).

В 1880-е гг. доли губерний Европейской России в экспорте спирта имели следующий вид (Рисунок 1).

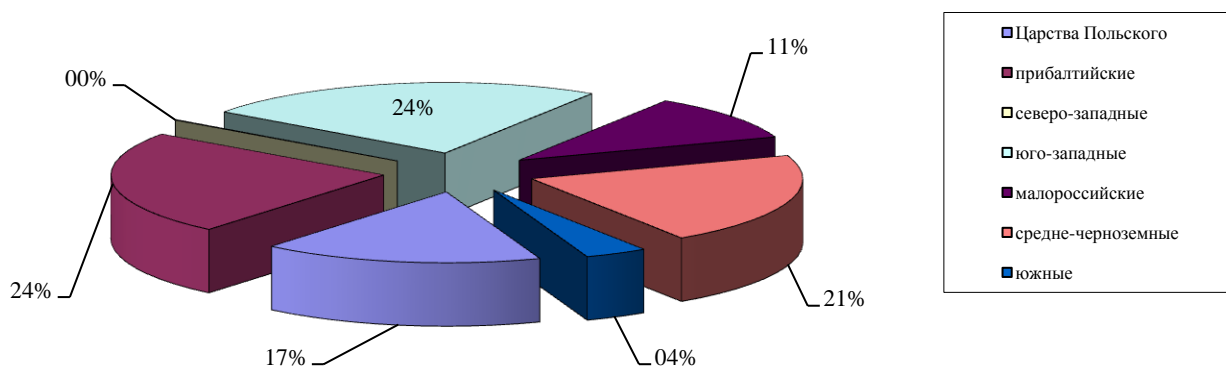

Рис. 1. Доли губерний Европейской России в экспорте спирта в 1880-е гг., %

Как видим, в 1880-е гг. 24,1 % от общего объема экспорта спирта обеспечивали юго-западные губернии. Хорошо устроенные спиртоочистительные заводы действовали в Подольской, Киевской и Волынской губерниях. Немногим меньше – 23,8 % – выглядела доля прибалтийских губерний, в

основном Эстляндской, Курляндской. Значительной – 21,1 % – была доля среднечерноземных губерний: Пензенской, Тамбовской, Курской. Более 16,6 % экспорта обеспечивали губернии Царства Польского и Малороссии: Харьковской и Полтавской губерний. Характер единичных опытов носила отправка спирта за границу из северо-западных губерний. Северные, восточные и среднепромышленные губернии отправки спирта не производили (Отчет ДНС за 1885 год, 1886: 39-40).

В 1890-е гг. доли губерний Европейской России в отношении экспорта спирта изменились (Рисунок 2).

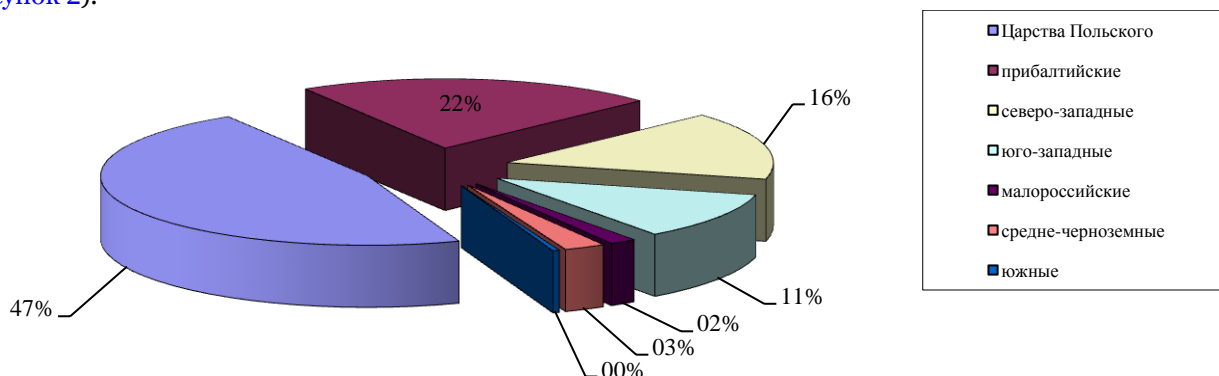

Рис. 2. Доли губерний Европейской России в экспорте спирта в 1890-е гг., %

Как следует из рисунка, 46,8 % от всего российского экспорта спирта в 1890-е приходилось на губернии Царства Польского. С 10,6 % до 21,8 % увеличилась доля в экспорте спирта прибалтийских губерний. Наибольший рост в поставках демонстрировали северо-западные губернии, доля которых выросла с 0,1 % до 15,8 %, сократилась с 24,1 % до 11,1 % доля в экспорте спирта юго-западных губерний и среднечерноземных губерний (с 21,1 % до 2,5 %). Доли южных и малороссийских губерний в экспорте были незначительными (ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 1723. Л. 18 об.-19).

Общие итоги вывоза спирта после винной реформы 1863 г. представляются в следующем виде (Рисунок 3).

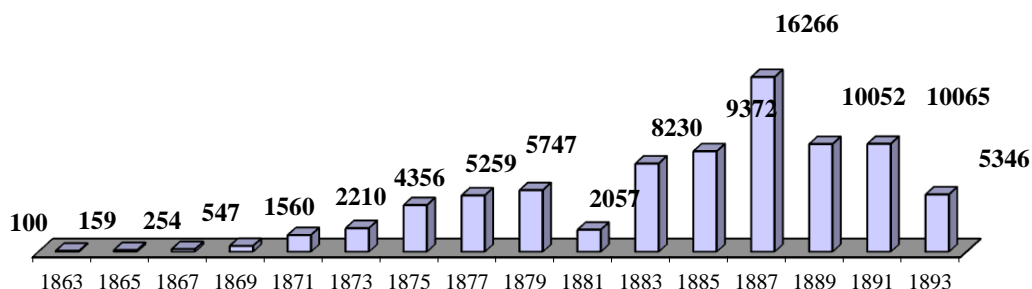

Рис. 3. Динамика экспорта спирта в 1863–1893 гг., тыс. ведер в 40°

Диаграмма показывает, что в 1863 г. вывоз спирта за границу не превышал 100 тыс. ведер в 40°. Оживление экспортных операций наметилось на рубеже 1860–1870-х гг. Размеры вывоза во многом зависели от цен на спирт в Европе. В 1870 г. экспорт спирта достиг показателя в 2 млн ведер в 40° и медленно поднимался. В 1874 г. Россия поставила на европейский рынок 5,7 млн ведер спирта в 40°, в 1876 г. – 4 млн ведер, в 1878 г. – 3,5 млн ведер, в 1880 г. – 4,6 млн, в 1883 г. – 8,2 млн ведер в 40°. Картофельное винокурение постепенно стало превосходить размеры производства спирта из хлеба, чему способствовали низкие нормы выхода спирта из пуда картофеля и технические усовершенствования, позволявшие получать из картофеля большие перекуры. Производство спирта в России в 1880-е гг. выросло. В 1885 г. за границу было поставлено 9,4 млн ведер спирта в 40°. В 1886 г. экспорт спирта достиг показателя в 15,4 млн ведер, а в 1887 г. – 16,2 млн ведер. С 1888 г. объемы поставок российского спирта на европейские рынки стали сокращаться. В 1888 г. экспортировано 13,3 млн ведер спирта в 40°, в 1889 г. – 10 млн, в 1890 г. – 10,6 млн (РГИА. Ф. 574. Оп. 9. Д. 44. Л. 40б.).

Приложив немалые усилия, Германия добилась возврата на испанский рынок. Испания де-юре оставила за собой право проверять происхождение ввозимого спирта, но де-факто не требовала документов о его производстве, довольствуясь тем, что спирт ввезен из Германии. Российские экспортеры стали возвращаться в Гамбург и Любек, где реализовывали спирт по цене в 38,46 марок за гектолитр. Цена германского спирта в Испании была вдвое выше. Получалось, что рост доходов гамбургских производителей оплачивался из средств российской казны, причем весьма расстроенных.

Такое положение дел Россию не устраивало. Она вступила в открытую борьбу за лидерские позиции на рынке спирта Европы. Законом 18 мая 1885 г. акциз с градуса спирта был повышен до

9 коп., были изменены нормы перекура: 7 % с первого миллиона градусов заводчики стали получать при высшей норме курения и 3-суточном брожении и 5 % – с остального количества спирта. Премия, на которую могли рассчитывать экспортеры спирта, поднялась до 105 $\frac{3}{4}$ коп. за спирт «высокой очистки» и 94 коп. за «сырой» спирт ([Статистика производств, 1900: 87](#)). Правительство стимулировало ректификационную отрасль. Численность заводов, производящих очистку спирта, за семь лет утроилась, количество отправленного на ректификацию спирта выросло в 5 раз. Экспорт очищенного спирта выражался следующими цифрами: в 1885 г. – 17,7 % к общему вывозу; в 1886 г. – 14 %; в 1887 г. – 13,6 %; в 1888 г. – 18,9 %; в 1889 г. – 21,8 %; в 1890 г. – 24,3 %; 1891 г. – 22,3 %; 1892 г. – 30,6 % ([Фабрично-заводская промышленность, 1896: 255](#)). Известность в Европе получили такие винокурные заводы из России, как завод И.А. Кошелева в г. Москве, завод князя А.Н. Лобанова-Ростовского в Тульской губернии, завод Н.А. Атрыганьева и завод А.Е. Воронцова-Вильямина в Тамбовской губернии ([Отчет ДНС за 1885 год, 1886: 37-38](#)). На названных предприятиях достигалась «наивысшая степень совершенства в искусстве дистилляции и ректификации» ([Шедль, 1888: 12](#)).

Законом 9 июня 1887 г. вывозная премия и процент отчислений на путевую трату стали выдаваться зачетными в уплату акциза квитанциями, считая по 8 коп. ([Н.Г. – действующей была акцизная пошлина 9 коп., а позже – 9 \$\frac{1}{4}\$ коп.\) за градус спирта, причитающегося отправителю безакцизно \(\[Об изменении некоторых условий..., 1889: 292-293\]\(#\)\). Дополнительным стимулом для экспортеров спирта стал Закон 24 октября 1887 г., позволивший владельцам винокурных и спиртоочистительных заводов осуществлять зарубежные поставки без предоставления особых залогов \(\[Об изменении некоторых правил..., 1889: 437\]\(#\)\).](#)

Правительства Германии и Австрии противодействовали росту поставок из России спирта-ректификата, призывая российских производителей поставлять спирт-сырец. Пошлина на ввоз ректифицированного спирта из России была увеличена на 40 %. Российское правительство, напротив, взялось за возмещение возможных потерь при очистке спирта перегонкой. Закон 2 июня 1888 г. слагал акциз в размере в 1 $\frac{1}{4}$ % на все продукты ректификации или 1 $\frac{1}{2}$ % на ректифицированный спирт, прошедший через контрольный снаряд. Отправитель спирта за границу получал премию в 5 $\frac{1}{2}$ % на спирт «всякой крепости» и дополнительно 1 $\frac{1}{2}$ % на «очищенный» спирт ([О мерах к развитию..., 1890: 306-308](#)).

Дальнейшие шаги по стимулированию очистки спирта и вывоза его за границу были обсуждены Особым совещанием при Департаменте неокладных сборов Министерства финансов, которое состоялось 21 июня 1888 г. Среди делегатов нашлись как сторонники, так и противники экспортных операций. Первые – предлагали повысить вывозные премии, вторые – требовали их отменить. Как показывали расчеты, поощрение вывозной торговли спиртом с 1865 г. по 1893 г. обошлось России примерно в 58,6 млн руб. ([Терский, 1887: 140](#)). Поведением поставщиков спирта возмущался либеральный публицист И.А. Войнович: при этом «одаряемые все-таки оказываются недовольственными настолько, чтобы проникнуться убеждением справедливости и в благодарности за оказываемые благодеяния воздержаться от искушения посягать на кассу своего дарителя» ([Войнович, 1876: 79](#)).

Ситуация на спиртовом рынке Европы между тем ухудшилась. В Испании, куда главным образом поставлялся российский спирт через Германию, был введен запрет на сдабривание виноградных вин спиртом. Под давлением критики и ввиду изменившихся обстоятельств Министерство финансов решилось на сокращение льгот в отношении экспортеров спирта. Закон 30 мая 1889 г. уменьшил вывозную премию до 5 % ([О размере премии..., 1891: 261-262](#)). Закон 29 мая 1890 г. снизил вывозную премию до 4 $\frac{1}{2}$ % ([О размере премии..., 1895: 389](#)). Законом 27 мая 1891 г. вывозная премия была понижена до 4 % ([О размере премии..., 1894: 302](#)). Законом 2 мая 1894 г. премия за экспорт спирта была установлена на отметке в 3 $\frac{1}{2}$ % ([О некоторых изменениях..., 1898: 219-220](#)). Сокращение размеров вывозных премий явилось невольным признанием их обременительности для казны.

Драматичным испытанием для винокурной промышленности России стал неурожай 1891 г. Выкурка спирта в Европейской России, где большая его часть производилась из хлебных материалов, резко упала. Закон 29 августа 1891 г. отменил безакцизное отчисление с поставляемого за рубеж продукта ([О прекращении безакцизного отчисления..., 1894: 552](#)). Привислинские и прибалтийские губернии, в которых было развито картофельное винокурение, вынуждены были работать на внутренний рынок. В 1892 г. экспорт спирта не превысил 2,4 млн ведер в 40°, или 3,2 % от всего произведенного в стране продукта. Ограничения были сняты Законом 4 июля 1892 г. ([О восстановлении безакцизного отчисления..., 1895: 516](#)). В 1893 г. на европейский рынок Россия направила 5,3 млн ведер в 40°. Среди покупателей российского продукта значились Германия (66 %), Великобритания (14,8 %), Турция (10,1 %), Дания (3,2 %), Болгария (2,4 %) и др. ([Фабрично-заводская промышленность, 1896: 255](#)).

Расширение отечественного винокурного производства, в том числе из картофеля и патоки, позволило российским экспортерам спирта и без казенных «пожертвований» занять достойное место на растущем европейском рынке. Год от года объемы прямых поставок спирта из России росли, тогда как объемы поставок через Германию и Швецию сокращались. Германские и шведские

промышленники, привыкшие к роли посредника между Россией и нуждающимися в спирте европейскими государствами, тяжело переживали происходящее. Винокуренные заводы этих стран были не в состоянии конкурировать с дешевым продуктом из России. Чем обширнее становился рынок Европы, тем большие перспективы открывались российскому спирту. Германия, долгие годы считавшаяся властителем спиртового рынка Европы, ослабляла свое влияние и уступала первенство России. Этот процесс не обошел своим вниманием Ф. Энгельс: «Благодаря русской конкуренции приближается тот день, когда падет священный Илион, когда славная прусская водочная промышленность исчезнет с мирового рынка...» (Энгельс, 1961: 54).

5. Заключение

Сделаем вывод. Спирт поздно появился в списке экспортируемых из России товаров. Правила, введенные в ходе винной реформы 1863 г., стимулировали производство спирта в России, в связи с чем его количество пришло в несоответствии с потребностями внутреннего рынка, значительно превысив их. Правительство предприняло меры к продвижению российского спирта на европейский рынок. Облегчить производителям сбыт излишков были призваны вывозные премии. При этом правительство придерживалось двух противоположенных по сути своей стратегий: с одной стороны, оно путем сложения части акциза за вывозимый спирт и возмещения путевых потерь побуждало предпринимателей к поставкам спирта за границу; с другой стороны, испытывало постоянный страх, что премиальные деньги уйдут за рубеж. Количественно размеры экспорта спирта за время действия акцизной системы кардинально изменились, качественные перемены были не столь заметными. Большая часть отечественного спиртового экспорта направлялась в Германию, которая по низкой цене приобретала сырой спирт российского производства, проводила его очистку и по возросшей цене реализовывала в Испанию, Францию, Италию, использовавшие спирт для крепления вин. Российские производители спирта делали попытки к самостоятельной внешнеторговой деятельности, но низкое качество отечественного продукта, нехватка тары, отсутствие удобных транспортных путей, незнание рынка стран, куда планировались поставки спирта, – все это сдерживало размеры заграничных поставок. Окончательное закрепление российского спирта на европейском рынке произошло в конце 1880-х – начале 1890-х гг. Россия, несмотря на тяжелую конкурентную борьбу, заняла одно из ведущих мест среди поставщиков спирта на рынки Европы.

6. Благодарности

НИР в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства (номер 0851-20200033).

Литература

- Войнович, 1876 – Войнович И.А. Питейный вопрос: исследование в экономическом и финансовом отношении. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1876. 164 с.
- Вывоз спирта, 1887 – Вывоз спирта из России за границу и значение его для развития винокурения // *Вестник финансов, промышленности и торговли*. 1887. Т. 2. № 19. С. 327-334; № 20. С. 404-410.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Горюшкина, 2020 – Горюшкина Н.Е. Спирт и его экспорт в 1860–1890-е годы // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право»*. 2020. Т. 10. № 1. С. 132-142.
- Гулишамбаров, 1898 – Гулишамбаров С.И. Всемирная торговля в XIX в. и участие в ней России. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1898. 230 с.
- Жамкочьян, 1998 – Жамкочьян С.С. Борьба с контрабандой спирта на Балтике во второй половине XIX века // *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*. 1998. № 2 (6). С. 42-47.
- Жолобова, 2005 – Жолобова Г.А. Правовое обеспечение российских внешнеторговых интересов на рубеже XIX–XX вв. // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2005. № 1 (258). С. 193-207.
- Неболсин, 1850 – Неболсин Г.П. Статистическое обозрение внешней торговли России. В 2 ч. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1850. Ч. 1. 409 с.
- О восстановлении безакцизного отчисления ..., 1895 – О восстановлении безакцизного отчисления за вывозимый за границу спирт. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. III. СПб., 1895. Т. XII. № 8839.
- О мерах для поощрения вывоза..., 1867 – О мерах для поощрения вывоза русского спирта за границу. ПСЗ РИ. Собр. II. СПб., 1867. Т. XL. Отд. 1. № 42061.
- О мерах к развитию..., 1890 – О мерах к развитию спиртоочистительной промышленности и некоторых изменениях и дополнениях действующих Правил о вывозе спирта за границу. ПСЗ РИ. Собр. III. СПб. 1890. Т. VIII. № 5287.
- О некоторых изменениях..., 1898 – О некоторых изменениях в правилах о вывозе за границу спирта и водочных изделий. ПСЗ РИ. Собр. III. СПб. 1898. Т. XIV. № 10562.

О прекращении безакцизного отчисления..., 1894 – О прекращении безакцизного отчисления с вывозимого за границу спирта. ПСЗ РИ. Собр. III. СПб. 1894. Т. XI. № 7953.

О продолжении действия..., 1873 – О продолжении действия правил для поощрения вывоза русского спирта за границу на 1869 год. ПСЗ РИ. Собр. II. СПб. 1873. Т. XLIV. Отд. 1. № 46982.

О продолжении..., 1871 – О продолжении на 1867 и 1868 годы действия правил, установленных с целью поощрения вывоза русского спирта за границу. ПСЗ РИ. Собр. II. СПб. 1871. Т. XLII. Отд. 1. № 44499.

О размере премии..., 1891 – О размере премии за спирт, вывозимый за границу. ПСЗ РИ. Собр. III. СПб. 1891. Т. IX. № 6054.

О размере премии..., 1894 – О размере премии за спирт, вывозимый за границу. ПСЗ РИ. Собр. III. СПб. 1894. Т. XI. № 7738.

О размере премии..., 1895 – О размере премии за спирт, вывозимый за границу. ПСЗ РИ. Собр. III. СПб. 1895. Т. X. Отд. 1. № 6858.

Об изменении некоторых правил..., 1889 – Об изменении некоторых правил о вывозе спирта за границу. ПСЗ РИ. Собр. III. СПб. 1889. Т. VII. № 4751.

Об изменении некоторых условий..., 1889 – Об изменении некоторых условий винокурения и вывоза спирта за границу. ПСЗ РИ. Собр. III. СПб. 1889. Т. VII. № 4548.

Об изменении..., 1894 – Об изменении и дополнении правил о мерах для поощрения вывоза русского спирта за границу. ПСЗ РИ. Собр. III. СПб. 1894. Т. III. № 1918.

Отчет ДНС за 1885 год, 1886 – Отчет Департамента неокладных сборов за 1885 год. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1886. 216 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Статистика производств, 1900 – Статистика производств, облагаемых акцизом за 1897–1898 гг. Пг.: Тип. Штаба Отд. погран. корпуса, неокладных сборов и казенной продажи питей по Статистическому отделению. 1900. 1039 с.

Терский, 1890 – *Терский Н.С.* Питейные сборы и акцизная система в России: Исторический очерк и настоящее положение: Опыт сравнительного исследования главнейших результатов акцизной системы и ее значения для государства, казны и населения. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1890. 252 с.

Фабрично-заводская промышленность..., 1893 – Фабрично-заводская промышленность и торговля России: с приложением общей карты фабрично-заводской промышленности Российской Империи. СПб.: Тип. В.С. Балашова и К°, 1893. 60, 334, 351 с.

Фабрично-заводская промышленность..., 1896 – Фабрично-заводская промышленность и торговля России: с приложением общей карты фабрично-заводской промышленности Российской Империи. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1896. 60, 636 с.

Шедль, 1888 – *Шедль К.* Замечания по вопросу о сложении акциза с сивушного масла, получаемого при ректификации спирта, как для внутреннего рынка, так и для экспорта. Ревель: Тип. насл. Линдфорса, 1888. 15 с.

Щербаков, 1887 – *Щербаков И.Н.* Русский спирт как предмет вывоза. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. 63 с.

Энгельс, 1961 – *Энгельс Ф.* Прусская водка в германском рейхстаге // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 19. С. 37-54.

References

Engel's, 1961 – *Engel's, F.* (1961). Prusskaya vodka v germanskom reikhstage [Prussian vodka in the German Reichstag]. Marks K., Engel's F. Sochineniya. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, T. 19. Pp. 37-54. [in Russian]

Fabrichno-zavodskaya promyshlennost', 1893 – Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya Rossii: s prilozheniem obshchei karty fabrichno-zavodskoi promyshlennosti Rossiiskoi Imperii [Factory industry and trade of Russia: with the application of the general map of factory industry of the Russian Empire]. SPb.: Tip. V.S. Balashova i K°, 1893. 60, 334, 351 p. [in Russian]

Fabrichno-zavodskaya promyshlennost', 1896 – Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya Rossii: s prilozheniem obshchei karty fabrichno-zavodskoi promyshlennosti Rossiiskoi Imperii [Factory industry and trade of Russia: with the application of the general map of factory industry of the Russian Empire]. SPb.: Tip. I. A. Efrona, 1896. 60, 636 p. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

Goryushkina, 2020 – *Goryushkina, N.E.* (2020). Spirt i ego export v 1860-1890-e gody [Alcohol and its export in the 1860s-1890s]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo.* 10(1): 132-142. [in Russian]

Gulishambarov, 1898 – *Gulishambarov, S.I.* (1898). Vsemirnaya trgovlya v XIX v. i uchastie v nei Rossii [World trade in the XIX century and Russia's participation in it]. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 230 p. [in Russian]

Nebolsin, 1850 – *Nebolsin, G.P.* (1850) Statisticheskoe obozrenie vneshnei trgovli Rossii [Statistical Review of Russia's Foreign Trade]. V 2-kh ch. SPb.: Tip. Departamenta vneshnei trgovli, Ch. 1. 409 p. [in Russian]

O merakh dlya pooshchreniya vyvoza..., 1867 – O merakh dlya pooshchreniya vyvoza russkogo spirta za granitsu. [On measures to encourage the export of Russian alcohol abroad]. PSZ RI. Sobr. II. SPb., 1867. T. XL. Otd. 1. № 42061. [in Russian]

O merakh k razvitiyu..., 1890 – O merakh k razvitiyu spirtoochistitel'noi promyshlennosti i nekotorykh izmeneniyakh i dopolneniyakh deistvuyushchikh Pravil o vyvoze spirta za granitsu. [On measures for the development of the alcohol cleaning industry and some amendments and additions to the current Rules on the export of alcohol abroad]. PSZ RI. Sobr. III. SPb., 1890. T. VIII. №5287. [in Russian]

O nekotorykh izmeneniyakh..., 1898 – O nekotorykh izmeneniyakh v pravilakh o vyvoze za granitsu spirta i vodochnykh izdelii. [About some changes in the rules on the export of alcohol and vodka products abroad]. PSZ RI. Sobr. III. SPb., 1898. T. XIV. № 10562. [in Russian]

O prekrashchenii bezaktsiznogo otchisleniya..., 1894 – O prekrashchenii bezaktsiznogo otchisleniya s vyvozimogo za granitsu spirta. [On the termination of exciseless deductions from alcohol exported abroad]. PSZ RI. Sobr. III. SPb., 1894. T. XI. №7953. [in Russian]

O prodolzhenii deistviya..., 1873 – O prodolzhenii deistviya pravil dlya pooshchreniya vyvoza Russkogo spirta za granitsu na 1869 god. [On the continuation of the rules for encouraging the export of Russian alcohol abroad for 1869]. PSZ RI. Sobr. II. SPb., 1873. T. XLIV. Otd. 1. № 46982. [in Russian]

O prodolzhenii..., 1871 – O prodolzhenii na 1867 i 1868 gody deistviya pravil, ustanovlennykh s tsel'yu pooshchreniya vyvoza Russkogo spirta za granitsu. [On the continuation for 1867 and 1868 of the rules established to encourage the export of Russian alcohol abroad]. PSZ RI. Sobr. II. T. XLII. Otd. 1. SPb., 1871. № 44499. [in Russian]

O razmere premii..., 1891 – O razmere premii za spirt, vyvozimyi za granitsu. [About the amount of the premium for alcohol exported abroad]. PSZ RI. Sobr. III SPb., 1891. T. IX. №6054. [in Russian]

O razmere premii..., 1894 – O razmere premii za spirt, vyvozimyi za granitsu. [About the amount of the premium for alcohol exported abroad]. PSZ RI. Sobr. III. SPb., 1894. T. XI. №7738 [in Russian]

O razmere premii..., 1895 – O razmere premii za spirt, vyvozimyi za granitsu. [About the amount of the premium for alcohol exported abroad]. PSZ RI. Sobr. III. SPb., 1895. T. X. Otd. 1. №6858 [in Russian]

O vosstanovlenii bezaktsiznogo otchisleniya..., 1895 – O vosstanovlenii bezaktsiznogo otchisleniya za vyvozimyi za granitsu spirt [On the restoration of exciseless deductions for alcohol exported abroad]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZ RI). Sobr. III. SPb., 1895. T. XII. №8839. [in Russian]

Ob izmenenii nekotorykh pravil..., 1889 – Ob izmenenii nekotorykh pravil o vyvoze spirta za granitsu. [About the change of some rules on the export of alcohol abroad] PSZ RI. Sobr. III. SPb. 1889. T. VII. №4751. [in Russian]

Ob izmenenii nekotorykh uslovii..., 1889 – Ob izmenenii nekotorykh uslovii vinokureniya i vyvoza spirta za granitsu. [About the change of some conditions of distilling and export of alcohol abroad]. PSZ RI. Sobr. III. SPb., 1889. T. VII. №4548. [in Russian]

Ob izmenenii..., 1894 – Ob izmenenii i dopolnenii pravil o merakh dlya pooshchreniya vyvoza russkogo spirta za granitsu. [On the amendment and addition of the rules on measures to encourage the export of Russian alcohol abroad]. PSZ RI. Sobr. III. SPb., 1894. T. III. №1918. [in Russian]

Otchet DNS za 1885 god, 1886 – Otchet Departamenta neokladnykh sborov za 1885 god. [Report of the Department of non-payment fees for 1885]. SPb.: Tip. V.F. Kirshbauma, 1886. 216 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. [in Russian]

Shcherbakov, 1887 – *Shcherbakov, I.N.* (1887). Russkii spirt kak predmet vyvoza [Russian alcohol as an export item]. SPb: Tip. M.M. Stasyulevicha, 63 p. [in Russian]

Shedl', 1888 – *Shedl', K.* (1888). Zamechaniya po voprosu o slozhenii aktsizy s sivushnogo masla, poluchaemogo pri rektifikatsii spirta, kak dlya vnutrennego rynka, tak i dlya eksporta [Remarks on the issue of adding excise duty from fuel oil obtained during the rectification of alcohol, both for the domestic market and for export]. Revel': Tip. nasl. Lindforsa, 15 p. [in Russian]

Statistika proizvodstv, 1900 – Statistika proizvodstv, oblagamykh aktsizom za 1897-1898 gg. [Statistics of productions subject to excise tax for 1897-1898]. Pg.: Tip. Shtaba otd. pogram. korpusa, neokladnykh sborov i kazennoi prodazhi pitei po Statisticheskomu otdeleniyu, 1900. 1039 p. [in Russian]

Terskii, 1890 – *Terskii, N.S.* (1890). Piteinye sbory i aktsiznaya sistema v Rossii: Istoricheskii ocherk i nastoyashchee polozhenie: Opyt sravnitel'nogo issledovaniya glavneishikh rezul'tatov aktsiznoi sistemy i ee znacheniya dlya gosudarstva, kazny i naseleniya [Drinking dues and the excise system in Russia: A historical sketch and the present situation: The experience of comparative research of the main results of the excise system and its significance for the state, treasury and population]. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 252 p. [in Russian]

Voinovich, 1876 – *Voinovich, I.A.* (1876). Piteinyi vopros: issledovanie v ekonomicheskom i finansovom otnoshenii [The drinking question: a study in economic and financial terms]. SPb.: Tip. M. Ettingera, 164 p. [in Russian]

Vyvoz spirta, 1887 – Vyvoz spirta iz Rossii za granitsu i znachenie ego dlya razvitiya vinokureniya [Export of alcohol from Russia abroad and its importance for the development of distillery]. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli.* 1887. T. 2. № 19. Pp. 327-334; № 20. Pp. 404-410. [in Russian]

Zhamkoch'yan, 1998 – *Zhamkoch'yan, S.S.* (1998). Bor'ba s kontrabandoi spirta na Baltike vo vtoroi polovine XIX veka [The fight against alcohol smuggling in the Baltic in the second half of the XIX century]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii.* 2(6): 42-47. [in Russian]

Zholobova, 2005 – *Zholobova, G.A.* (2005). Pravovoe obespechenie rossiiskikh vneshnetorgovykh interesov na rubezhe XIX-XX vv. [Legal support of Russian foreign trade interests at the turn of the XIX-XX centuries]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie.* 1(258): 193-207. [in Russian]

Российский спирт на рынках Европы в 1863–1893 гг.

Наталья Евгеньевна Горюшкина ^{a, *}

^a Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Представленная статья имеет целью осветить процесс выхода российского спирта на рынки Европы и закрепления на них во второй половине XIX века. Изучение данной темы приобретает особую актуальность и значимость в сегодняшний переломный момент истории международных отношений. Автор обращает внимание на то, что спирт поздно появился в списке экспортируемых из России товаров. Только под влиянием введенных винной реформой 1863 г. правил производство спирта в России выросло и пришло в несоответствии с потребностями внутреннего рынка, значительно превысив их. Правительство предприняло меры к продвижению российского спирта на европейский рынок, освобождая процент отправляемого на экспорт спирта от акциза и возмещая поставщикам путевые затраты. Основным покупателем российского продукта стала Германия, которая охотно приобретала дешевый сырой спирт из России, проводила его очистку и по высокой цене реализовывала его в Испанию, Францию, Италию, где спирт применялся для крепления виноградных вин. Российские производители спирта предпринимали попытки к самостоятельной внешнеторговой деятельности, но низкое качество отечественного продукта, нехватка тары, отсутствие удобных транспортных путей, незнание рынка стран, куда планировались поставки спирта, – все это сдерживало размеры поставок спирта за границу. Окончательное закрепление российского спирта на европейском рынке было осуществлено в конце 1880-х – начале 1890-х гг. России, несмотря на тяжелую конкурентную борьбу, удалось улучшить качество спирта и занять одно из ведущих мест среди поставщиков спирта в Европу.

Ключевые слова: винная реформа, акцизная система, спирт, внешний рынок, экспортные операции, сложение акциза, путевая премия, внешнеторговые операции.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: goro46@yandex.ru (Н.Е. Горюшкина)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 749-757
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.749

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Memoirs of A.N. Benois in the Context of Search for National Identity by the Intelligentsia of the Silver Age

Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a,*}, Denis N. Gergilev ^a, Anna P. Dvoretzskaya ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article analyzes the reflection of the ideological and aesthetic struggle and socio-cultural life of Russia at the turn of the XIX-XX centuries in the memoirs of A.N. Benois. The scope of traditional studies of memoirs of the Silver Age figures as sources of cultural achievements of the period has been expanded. The factors that influenced the development of Benois's worldview, his political beliefs, and played a significant role in determining his public stance in relation to certain phenomena of public life has been considered. First, such factors include the patriarchal way of life of the family distinguished by rich cultural traditions, the years of study at Karl May's School where he met his future friends in creative activity, meetings at lectures with Professor N. Korkunov, acquaintance with masterpieces of Russian art.

The evolution of the national identity of A. Benois developed from partial neglect through acquaintance with great creative achievements to admiration and glorification of Russian culture, in particular through the organization of the Ballets Russes in Paris. The analysis of the artist's creative activity makes it possible to identify his aesthetic views that predetermined his relationship with the aristocracy of talent and art patrons. The comparative study of Benois's memoirs with the works of professional historians and memoirists shows their objectivity and the author's proper understanding of the socio-political situation in the country.

Keywords: A.N. Benois, national identity, Silver Age, art, memories, creative intelligentsia.

1. Введение

Осмыслить и наиболее полно понять определенную историческую эпоху, кроме научных трудов, могут помочь воспоминания и мемуары. Воспоминания дают возможность автору, обращающемуся к прошлому, переосмыслить свой накопленный опыт, а читателю в свою очередь – соотнести свое понимание этого прошлого с предложенными автором версиями. Мемуарная литература предлагает не только анализ прошлого, но и дает возможность осмыслить настоящее и, исходя из пережитого опыта, сделать предположения относительно будущего.

Массовое обращение интеллигенции России к мемуарному жанру на рубеже XIX–XX вв. было связано как с осознанием собственной индивидуальности, так и с попыткой разобраться в сложностях исторического процесса, происходившего в стране. По мнению Д. Мережковского, современное ему искусство «находится в таком трудном и ответственном положении относительно будущего русской культуры, как, может быть, ни одно из поколений со времен Петра Великого» (Мережковский, 1900: 1). Поиск смысла бытия и истины, вера в то, что искусство способно преобразить мир, были характерны для интеллигенции. «Мечты о новой «органической эпохе» возникли на почве нового искусства. Человечество изверилось в познании мира при помощи науки и ищет ключи в искусстве» (Тастевен, 1907: 111). Художественная интеллигенция России своим

* Corresponding author

E-mail addresses: tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoretzskaya)

творчеством отстаивала право на определение дальнейших путей развития страны. В. Иванов утверждал, что «лучшие таланты России проявили себя преимущественно в деятельности художественной и – как художники – должны были быть освободителями, ставить вопросы раньше толпы, а подчас давать готовые ответы на еще не поставленные в общественном сознании вопросы» (Иванов, 1905: 50). Д. Философову основная миссия искусства виделась в отражении в нем русской духовности. В этом заключалась необходимость того, «чтобы выразить в образах свое русское отношение к Тайне, свое понимание Тайны» (Философов, 1901: 218). Под тайной он понимал воплощение национально-религиозного идеала.

Среди всей мемуарной литературы рассматриваемого периода воспоминания А.Н. Бенуа достойны особого внимания. Благодаря своему огромному авторитету и колоссальной по значимости творческой деятельности, А. Бенуа оказывал влияние на развитие эстетических вкусов целого поколения, определяя во многом пути дальнейшего развития искусства. Он писал о себе: «Я и художественный критик, я и журналист, я и «просто живописец», я и историк искусства, ...я был редактором двух весьма значительных художественных журналов, я был... чем-то вроде «содиректора» Московского Художественного театра, я был и полновластным постановщиком в Большом Драматическом театре в Петербурге, я был управляющим одним из самых значительных музеев мира – петербургским Эрмитажем» (Бенуа, 1993а: 174). И это еще далеко не весь перечень того, чем занимался Бенуа, вся деятельность которого, по его же определению, проходила под знаком служения Аполлону. Рассматривая свой труд в качестве памятника культурной эпохе, в которой он жил и творцом которой он себя осознавал, автор дал «читателю клятвенное обещание»: «по мере сил быть честно правдивым» «и по возможности точным» (Бенуа, 1993а: 183). Беря во внимание это заявление автора, исследователь в определенной степени может рассчитывать на объективный анализ явлений и событий, описываемых в первоисточнике. В научной литературе воспоминания Бенуа рассматриваются преимущественно в контексте его культурной деятельности. В связи с этим появляется необходимость расширить представление о Бенуа как личности исторической, показав его гражданскую позицию в отношении происходивших в стране процессов, проанализировав его взгляды на явления общественной жизни, не всегда напрямую связанных с вопросами культуры.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования являются воспоминания А.Н. Бенуа и его современников, документы Российского государственного архива литературы и искусства (Москва, Российская Федерация), Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация), Государственного архива Томской области (Томск, Российская Федерация).

В методологическую основу работы положены общенаучные методы, а также специальные исторические методы исследования. Историко-генетический метод представил возможность определить закономерности социально-культурной жизни России рубежа XIX–XX вв. С помощью проблемно-хронологического – были рассмотрены события и процессы эпохи Серебряного века в их последовательности и закономерностях. Идеографический метод позволил исследовать воспоминания А.Н. Бенуа, социокультурные аспекты его личности через призму исторических событий. Историко-генетический – дал возможность выявить детерминанты эволюции национальной идентичности автора мемуаров.

3. Обсуждение

В основе исследования данной темы в качестве первоисточника использованы, прежде всего, воспоминания самого Александра Бенуа (Бенуа, 1993а, 1993б). Понять настроения, царившие в среде интеллигенции рубежа веков, помогает обзор журналов того времени, в которых печатали свои статьи Мережковский (Мережковский, 1900), Философов (Философов, 1901), Тастевен (Тастевин, 1907), Иванов (Иванов, 1905). Воспоминания Нестерова (Нестеров, 1986), Шаляпина (Шаляпин, 1991), Степняка-Кравчинского (Степняк-Кравчинский, 1987), Милокова (Милоков, 1990) существенным образом дополняют сложившееся представление о культурной, общественно-политической обстановке в стране. О меценатах, принимавших активное участие в культурной жизни страны, рассказывает книга Е.М. Лопухиной «Самые знаменитые меценаты России» (Лопухина, 2003). Роли С. Мамонтова в развитии русского искусства посвящена монография М.И. Копшицера (Копшицер, 1972). С эстетическими воззрениями Бенуа знакомит его труд «История русской живописи в XIX веке» (Бенуа, 1998). Фундаментальным трудом по истории русской культуры являются очерки и исследования Г.Ю. Стернина (Стернин, 1984). Всесторонне охватывается развитие всех видов искусства в их взаимосвязи в коллективном труде «Русская художественная культура конца XIX – начала XX века» (РХК, 1980). Противоречивый характер культуры эпохи Серебряного века, связанный с поисками новых смыслов и идеалов, нашел свое отражение в коллективном труде «Время Дягилева. Универсалии серебряного века» (Время Дягилева, 1993). Разобраться в общественно-политической ситуации в стране, влиявшей на мировоззрение творческой интеллигенции, в том числе и А. Бенуа, помогают труды русских и зарубежных историков Корнилова (Корнилов, 2004), Ж. Соколоффа (Соколофф, 2008), Д. Хоскинга (Хоскинг, 2003). О неослабевающем

интересе к культуре рубежа веков свидетельствуют статьи Ж. Луцик (Луцик, 2012), А. Гальковой (Галькова, 2020), Н. Мельник (Мельник, 2021), опубликованные в последнее время в научных журналах. Отдавая должное роли, которую сыграли в культуре рубежа веков Мережковские, иностранные ученые посвятили их деятельности ряд своих исследований, которые опубликованы в сборнике «Зинаида Николаевна Гишпиус. Новые материалы. Исследования» (Гишпиус. Исследования, 2002). Вопросы взаимодействия интеллигенции Сибири и России, ее роли в идейных исканиях в России XIX века рассмотрены в ряде публикаций авторов данной статьи (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhina et al., 2017; Gryaznukhin et al., 2020; Gryaznukhina et al., 2021).

Пожалуй, ни одна культурно-историческая эпоха не вызывала такого большого интереса, как эпоха рубежа веков. Новые открытия, сделанные в ходе исследований, порождают новые вопросы. И поэтому несомненно, что противоречивая и сложная эпоха Серебряного века нуждается в дальнейшем исследовании и изучении.

4. Результаты

Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) прожил долгую и плодотворную жизнь. Расцвет его творческой деятельности выпал на эпоху, которую в истории русской культуры принято называть Серебряным веком. Свои воспоминания автор начал писать в парижской эмиграции в 1934 г. и продолжал трудиться над ними до конца жизни, придавая им исключительно важное значение. В России они были изданы только в 1990 г., что связано, скорее всего, с неприятием Бенуа советской властью и его эмиграцией из СССР в 1926 г.

Семья Бенуа ни по происхождению, ни по культуре не была типично русской. Стремясь определить свою культурную идентичность, автор воспоминаний анализирует свое отношение к России в целом, которая является для него «чем-то огромно-необъятным». Вся же любовь его была отдана Петербургу, который он считал своим городом и описанию которого посвящены многие страницы воспоминаний. Почти все в семье были «завзятыми западниками», русская культура по сути своей была чужда, относились к ней скорее терпимо, нежели любили и понимали ее (Бенуа, 1993а: 233).

Россия открывалась для Бенуа постепенно. В детстве во время поездок на пикники он видел крестьянских девушек, водивших хоромы, пшеницу, золотившуюся на фоне белоснежной церкви (Бенуа, 1993а: 272). С любовью он описывает балаганы, народные гуляния на Марсовом поле с Петрушками и Арлекинами, которые он успел еще захватить, будучи ребенком, и которые постепенно навсегда исчезли, лишая детей возможности «знакомства с Родиной, приобщаясь к этой форме народного веселья» (Бенуа, 1993а: 296). Детские воспоминания о народной культуре Бенуа воскресит позже в своих прославленных балетах. С болью он писал о разорении Кушелевки, имени графа Кушелева, на месте которого начал строиться Славянский завод. На его глазах «прекрасная старина» уступала «место новому... уродливому», которое распространялось подобно «гангрене» (Бенуа, 1993а: 315). В описании Бенуа слова «прекрасной старины» прослеживается явная аллюзия с «Вишневым садом» А. Чехова.

«Прелесть характерного русского быта» А. Бенуа находит в семействе Философовых, которое представляло именно тот слой, из которого «вышли герои и героини романов Пушкина, Лермонтова, Тургенева и Толстого». «Всякие тонкости русской психологии... созрели именно в этой среде». Благодаря им «стал лучше понимать и любить самую суть русской жизни», через них открыл «русскую душу» (Бенуа, 1993а: 505). «Нечто удивительно характерно русское» увидел он в абсолютно безграмотной, но добродушной Аннушке, которая в качестве няни должна была сопровождать семью за границей (Бенуа, 1993а: 106). Обращая внимание на то, как Аннушка реагирует на увиденное, Бенуа приходит к пониманию, что она олицетворяет собой народ, который не поддавался дубинке Петра I и муштре Аракчеева, с колыбели отрицавший все нерусское и не желавший ничему учиться, поскольку и без того все лучше знает. Бенуа признавался, что интерес к русской культуре в нем проснулся благодаря музыке Чайковского, благодаря которой он прошел путь от неведения, «какого-то даже презрения» к русской культуре до «восторженного поклонения» (Бенуа, 1993а: 600). Восторгаясь творчеством композитора, он неоднократно подчеркивал то колоссальное значение, которое Чайковский имел для русской культуры. Считая себя западником, Бенуа во всех явлениях жизни подмечал проявления чего-либо русского и прислушивался к тому, какие отзвуки это находит в его душе.

Годы обучения Бенуа в гимназии выпали на время господства образовательной системы, введенной графом Д. Толстым, министром народного просвещения. Преподавание было настолько скверным, что гимназисты дружно ненавидели графа (Бенуа, 1993а: 404). Родители вынуждены были перевести сына в гимназию Карла Мая, в которой «не было и тени «казенщины» и в стенах которой он познакомился со своими будущими друзьями (Бенуа, 1993а: 474). Согласно существовавшему обычаю, люди круга Бенуа должны были поступать на государственную службу, а значит получить высшее образование. По свидетельству самого Бенуа, поступление в университет дало ему возможность в большей степени заниматься самообразованием, от которого зачастую было больше толку, чем от лекций. Нравы, царившие в университете, являлись ярким проявлением губительности всей образовательной системы, проводимой Толстым. Степняк-Кравчинский отмечал, что профессора

в университете попадали «под строгий надзор деспотической власти», ректор, назначаемый министром, обладал чрезвычайными полномочиями (Степняк-Кравчинский, 1987: 231). Профессоров разделяли на ставленников правительства и тех, кто сумел отстоять свою независимость. Среди последних Бенуа выделял Н.М. Коркунова, профессора юридического факультета. Будучи убежденным монархистом, он не боялся высказывать свои взгляды перед революционно настроенным студенчеством, утверждая, что для России монархия является оптимальной формой правления. Благодаря талантливым лекциям профессора, взгляды Бенуа начинают складываться в стройную систему, и он осознает себя «консерватором с монархическим уклоном» (Бенуа, 1993а: 632). С этих позиций он рассматривает прошлое и оценивает настоящее. По-новому начинает относиться к политике Александра III: то, что раньше казалось ему возмутительным, теперь находило свое оправдание. Интересно отметить, что Степняк-Кравчинский, являясь революционером, и Бенуа, причисляющий себя к сторонникам монархии, давали одинаково негативную оценку сложившейся в России системе образования.

Патриархальная семья Бенуа отличалась лояльностью по отношению к режиму и ко всем революционным выступлениям «отношение было не только отрицательное, но даже полное известное омерзения» (Бенуа, 1993а: 377). Мать семейства опасалась студентов. Она «была уверена, что по карманам у них разложены бомбы» (Бенуа, 1993а: 378). Это настроение в общественной среде было широко распространено. Само «слово «студент» отождествлялось... с темной, опасной силой, враждебной законам» (Степняк-Кравчинский, 1987: 215).

Как и всю Россию, семью Бенуа потрясла серия террористических актов в конце царствования Александра II. Особа государя для юного Бенуа была священной. Его детское сознание было потрясено, «верхом безобразия» ему казалось то, что «человек, стоявший выше всех на свете, вынужден был удирать как заяц от выстрелов какого-то студенткишки» (Бенуа, 1993а: 378). Покушение Соловьева в 1879 г. оставило след в душе Бенуа на несколько лет. По сути дела, являясь еще ребенком, он испытал чувство унижения за государя и был оскорблен в своих национальных чувствах. Еще одним потрясением для всего российского общества стало убийство императора 1 марта 1881 г. В стране царил ужас после случившегося и «абсолютное осуждение преступников-террористов, тогда как до этого «нигилисты» были «почти в моде» (Бенуа, 1993а: 383). Усилившаяся реакция только усугубила положение. Сам Бенуа был полон сострадания к мукам царя и к невинно убиенным. Домочадцы и прислуга, считая своим долгом проститься с императором, пошли в Зимний дворец и целую ночь пробыли там. Так они выразили свое сочувственное отношение к судьбе императора.

Бенуа неоднократно подчеркивал свою аполитичность, замечая, что у его друзей по «Обществу самообразования» не было желания «вмешиваться в общественную и политическую жизнь». Этому способствовало их «отвращение от всего стадного, модного» и формировало их негативное отношение ко всякой революционности. Напротив, их привлекали некоторые идеи консервативного порядка, у них крепло «тяготение к самому принципу монархического правления» (Бенуа, 1993а: 489). Обращение к творчеству Ф. Достоевского, который становится его кумиром на многие годы, укрепило его веру в правильности своих воззрений. Революционную деятельность он считал преступной и губительной для страны. Придерживаясь монархических взглядов, Бенуа в то же время был далек от предвзятости и давал объективную оценку личности Александра III. Отмечая «ограниченность его интеллекта, примитивность, ...грубость его суждений», неумение подбирать сотрудников, «ограниченный национализм», Бенуа вместе с тем отмечал, что император имел свое мнение, его здравомыслие базировалось на любви к родине, «он был честен, прост и в то же время достаточно бдителен» в отношении интересов России (Бенуа, 1993а: 633). Художник неоднократно лично общался с императором во время его посещения акварельных выставок, отмечая его простоту, непринужденность, отсутствие «позы». По его мнению, это «царствование было чрезвычайно значительным и благотворным. Оно подготовило расцвет русской культуры» (Бенуа, 1993а: 633). Историк А. Корнилов, отмечая реакционный характер политики Александра III, говорит о его самостоятельности в вопросах внешней политики, в проведении которой он имел несомненные заслуги (Корнилов, 2004: 776). Французский историк Ж. Соколофф, характеризуя политику русского императора как консервативную, отмечал его прямолинейность в своих высказываниях, и что он, «обладающий посредственным умом», «обожает свою страну» и «не скрывает своей ненависти к иностранцам» (Соколофф, 2008: 136). Как видим, Бенуа дал достаточно грамотную и объективную оценку правления императора, которая фактически не расходится с мнениями профессиональных историков.

Гражданская позиция Бенуа в полной мере проявилась в его отношении к таким судьбоносным для России событиям, как война с Японией и революция 1905 года. Война для русского общества началась неожиданно. Первоначально все сочувствовали японцам, так как в победе России никто не сомневался. В круге Бенуа даже переживали, что если война перекинется на остров, то исчезнет прекрасное японское искусство, которым друзья тогда увлекались (Бенуа, 1993а: 396). Но по мере поражения русских войск в обществе росло разочарование, усилилось настроение общей тревоги, начали искать виновных в происшедшем, «всё это больно било по национальному самолюбию» (Милюков, 1990: 295). Чувство достоинства русского общества было оскорблено. Никто уже не верил в способность правительства каким-либо образом выправить ситуацию. Общим для всех было мнение,

что существующий строй никуда не годится и пора его менять. Одни считали, что надо сменить правительство при сохранении порядка, другие, что надо менять сам порядок (Бенуа, 1993а: 409). Бенуа признавался, что художники не были озабочены войной. Иногда читали телеграммы о военных действиях, а иногда и этого делать забывали. Кто был моложе, опасался, как бы не попасть на фронт.

Во время трагедии 9-го января 1905 г. Бенуа был в Петербурге. Услышав выстрелы и бросившись на улицу, чтобы выяснить, что происходит, он стал свидетелем событий, которые подробно описал в воспоминаниях. Полиция преследовала участников выступления, одного такого «крамольника», спасаемого от преследования, на квартиру Бенуа привел Е. Лансарэ (Бенуа, 1993а: 416). Этот факт говорит о том, что, не участвуя в выступлениях, интеллигенция сочувственно относилась к тем, кто преследовался властями. Это, однако, не помешало семье Бенуа, опасаясь всеобщей забастовки, спешно покинуть Россию. Главной заботой художника на тот момент являлась Таврическая выставка, на которой были представлены портреты всех российских императоров и их сподвижников. Инициатором и организатором выставки был А. Бенуа, и ему необходимо было успеть закончить ее подготовку до отъезда. В своих воспоминаниях Бенуа неоднократно подчеркивает свою аполитичность. Вопросы, связанные с искусством, всегда имели для него приоритетное значение. Но все же приходившие с родины вести волновали художника. Как и все русские, находившиеся в то время в Париже, он надеялся, что манифест 17 октября успокоит Россию и прекратит произвол со стороны властей. В. Поленов также сожалел, что эти реформы были проведены слишком поздно, что «всё это должно было совершиться 28 лет назад. Тогда удалось бы избежать, возможно, и убийства Александра II, бойни на Дальнем Востоке, теперешних диких погромов» (ГАТО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 41. Л. 15). Авантюрой, проявлением легкомыслия Бенуа считал выпады против правительства со стороны своих друзей Мережковских и Философова, которые, опубликовав памфлет против царя и испугавшись наказания, бежали в Париж, организовав там нечто вроде штаба революции (Бенуа, 1993а: 440).

Знакомство с четой Мережковских имело для Бенуа особое значение. Мережковский сразу пленил его своими знаниями, яркой красочной речью и между ними установились самые дружеские отношения. Знакомства эти происходили обыкновенно на вечерах, устраиваемых представителями интеллектуальной элиты. Рассказывая об этих вечерах, Бенуа раскрывает перед читателем характерные черты быта российской интеллигенции. Это был довольно суматошный образ жизни с постоянными зваными и незваными гостями, необходимостью самим кого-либо посещать три раза в неделю и за пустыми разговорами проводить время до глубокой ночи (Бенуа, 1993а: 155). На одном из таких вечеров у Мережковских читал свои стихи Ф. Сологуб и обсуждался труды Ницше, на другом – состоялась встреча с Блоком. Популярен был философ Розанов, который относился с недоверием к христианству, ответы на все вопросы искал в Ветхом Завете. Посещал Бенуа вечерние собрания у Репина, в лице которого находил всегда «самый пламенный отклик на многие тогдашние увлечения» (Бенуа, 1993а: 49). Княгиня М. Тенишева устраивала вечера у себя в «Эрмитаже», на которых Бенуа встречался с Репиным, профессором А. Праховым, К. Победоносцевым (Бенуа, 1993b: 195). В атмосфере неуверенности и тревоги среди интеллигенции все больше распространялись настроения мистицизма. Часто спиритические сеансы с 1884 г. проводились у жены старшего брата Бенуа Марии Карловны. Сам художник стал «верным участником этих радений», которыми заразился от друзей Сомовых. Но, если он со временем отошел от этого, то увлечение Н. Рериха переросло «в нечто как бы профессиональное» (Бенуа, 1993а: 473). По определению Бенуа, «культ всего порочного с примесью всякой мистики» стал характерной чертой конца века (Бенуа, 1993а: 48).

Необходимость содержать семью была для Бенуа одной из причин принять предложение княгини М. Тенишевой, которая обратилась к нему с предложением привести в порядок ее коллекцию акварелей и составить их опись. Для коллекции акварели покупались без какой-либо системы и находились поэтому в полном беспорядке. Княгиня предложила Бенуа средства для поездки в Париж с целью пополнения своей коллекции, выплачивала жалованье в размере 100 рублей в месяц (Бенуа, 1993а: 104). В ходе работы у художника появилась мечта основать в Петербурге музей общеевропейского значения, а «поверхностно образованную» княгиню превратить в серьезную меценатку, нечто вроде Третьякова, который пользовался у Бенуа огромным авторитетом (Бенуа, 1993а: 184). Художник был безмерно рад, когда на академической выставке меценат купил одну из его картин (Бенуа, 1993а: 77). Но мечтам не суждено было сбыться. Однако Бенуа полностью признавал заслуги Тенишевой в создании журнала «Мир искусства». Княгиню поддержал С. Мамонтов, взявший половину расходов по субсидированию журнала на себя. В 1898 г. М. Тенишева и С. Мамонтов получили свидетельство о праве издавать журнал (РГАЛИ. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1151. Л. 14).

Первый номер «Мира искусства» вышел в 1898 г. Просвещенное русское общество в это время было занято поисками смысла бытия и духовного обновления. Отвечая запросам времени, усилиями Д. Философова в журнале был создан религиозно-философский отдел, для работы в котором были привлечены Мережковские. Но из стремления художников сделать журнал популярным и серьезным ничего не вышло. За ним прочно укрепилась репутация рассадника декадентства. Дело в том, что журнал выступал как поборник «чистого искусства», против всякой идейности и «общественного служения», он не имел какого-либо определенного направления (Бенуа, 1993а: 181). Мирискусниками двигало и вдохновляло их на деятельность стремление послужить родине. Главным средством

осуществления этой задачи они считали объединение русского и общеевропейского искусства путем создания совместных выставок (Бенуа, 1993b: 186). Именно с этой целью в 1898 г. мирискусники организовали выставку русских и финляндских художников. Однако творчество художников, участвовавших в выставке, оказалось чуждым публике. На выставку ходили иногда только для того, чтобы посмеяться. Больше всего возмущал Врубель. Досталось и Дягилеву как организатору выставки. И. Репин, который раньше лояльно относился к молодым художникам, теперь критиковал отступление К. Сомова от реализма, что говорило, по мнению Бенуа, о непонимании им новых течений в искусстве и «отвержении всего нашего декадентства» (Бенуа, 1993a: 85). Не теории и принципы, а служение красоте объединяло художников вокруг «Мира искусства». Идея красоты для них была священна, и они беззаветно служили ей, несмотря на протесты публики. Влюбленные в красоту, они придавали ей какое-то мистическое значение. Красота для них являлась сутью искусства. По их убеждению, человек должен и имел право «жить в красоте». Веру в спасительную силу красоты разделяла и провинциальная интеллигенция. Сибирский историк А. Яворский, анализируя художественную жизнь Красноярска, писал: «Интеллигентская черта воздыханий о красоте была свойственна вообще началу века, но для Д. Каратанова и его компании она прошла белым по черному» (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 356. Л. 82). Идеей о красоте как спасительнице мира Каратанов проникся, вероятно, в Петербурге, когда работал над созданием задника для оперы А. Серова «Вражья сила», который одобрил В. Серов (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 112. Л. 1).

Среди русских художников мирискусники выделяли молодых передвижников, искусство которых было освобождено от «направленности», за которую так ратовал В.В. Стасов (Бенуа, 1993a: 87). С В. Серовым у Бенуа завязалась самая тесная дружба. М. Нестеров пленил его своей искренностью, Бенуа находил в нем созвучие с творчеством своего кумира, Ф. Достоевского (Бенуа, 1993a: 92), и поэтому защищал его от нападок публики. Нестеров в свою очередь писал, что Бенуа к его картинам подошел «умно, все до конца понял» (Нестеров, 1986: 447). Сложно складывались отношения Бенуа с В. Васнецовым, от которого его «отталкивало своей фальшью все то, что последний создал для церкви» (Бенуа, 1993a: 91). Признавая талант Васнецова, его церковное творчество художник считал напыщенным и неестественным. Бенуа отмечал «духовное оскудение, которым уже давно болеет не только Россия, но и весь мир». «Ложь убийственная и кошмарная всей нашей духовной культуры» усматривалась им в фальшивых росписях Владимирского собора. И это, по мнению Бенуа, не личная ложь В. Васнецова, это – отражение духа времени (Бенуа, 1993b: 273). Печальнее всего для Бенуа было то, что эти росписи вызвали всеобщее поклонение и почитание. Особенностью своего творчества Бенуа считал тягу к прошлому, к которому у него было «отношение более нежное, более любовное, нежели к настоящему» и которое сочеталось с определенным его влечением к реализму (Бенуа, 1993a: 182). Верность этого высказывания художника подтверждается и тематикой его картин.

Во всем, что касалось искусства, Бенуа не шел ни на какие компромиссы, руководствуясь при этом лишь своим пониманием и чувствами. Относясь с особым пиететом к творчеству Л.Н. Толстого, он, однако, не был согласен с воззрениями писателя в области искусства. Бенуа уклонился от встречи с Толстым, так как его озадачивал предстоящий разговор с писателем. Художник задавался вопросом: что, если «я вынужден буду выслушивать ту (с моей точки зрения) дикую ересь, которую он изложил в своей книге об искусстве?» (Бенуа, 1993a: 403). Спорить же с великим писателем ему не представлялось возможным, и беседа тогда вряд ли могла носить непринужденный характер.

После возвращения в мае 1907 г. из Парижа Бенуа полностью захватило театральное искусство, характерной чертой которого становился поиск новых форм художественной выразительности. Поиски эти были связаны, прежде всего, с В. Мейерхольдом, имя которого было очень популярно и постановки которого имели успех у публики. Однако его стремление создать условный театр не всегда находило сочувствие у профессионалов. Режиссер театра Корша А. Загаров считал, что театр должен показывать «не отражение жизни, а саму жизнь на сцене» (ЦГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 3457). С этим был согласен Бенуа. Его знакомство с Мейерхольдом не привело к каким-либо совместным творческим начинаниям. По мнению Бенуа, взывая о том, что необходимо родить нечто новое и тем самым поразить всех, Мейерхольд изменял гармонии и эстетике (Бенуа, 1993a: 475). И это привело драматический театр «к весьма печальному кризису», но художник верил в то, что эта «ересь как будто начинает себя изживать» (Бенуа, 1993a: 534). Он считал, что характер подлинности искусству придает искренность и тогда рождается красота, а когда это подменяется желанием поразить, то рождается подделка или уродство. Именно в этом выразилась суть художественного кредо Бенуа и его непримиримость к сценическим экспериментам Мейерхольда.

Поистине беспрецедентным явлением в культурной жизни как России, так и Европы стали «Русские сезоны» в Париже, заслуга в организации которых принадлежит, прежде всего, самому А. Бенуа и С. Дягилеву. Называя Сергея Дягилева своим другом, с которым у него складывались не всегда простые отношения, Бенуа признавал, что без кипучей деятельности Дягилева, его колоссальной энергии и организаторских способностей, идея сезонов вряд ли могла реализоваться. Сам Бенуа считал «Русские сезоны» в Париже результатом «страстной любви ко всему тому, в чем мы выросли и чем были напитаны», хотя патриотами себя не считали (Бенуа, 1993a: 448). Неоднократно подчеркивая, что он западник и что для него нет лучшего города, чем Париж, Бенуа не

без гордости писал о том, что «Русские сезоны» начали новую эру в западном театральном искусстве, что «русские варвары и скифы» привезли все самое лучшее, что было создано на данный момент в искусстве. Бенуа с сожалением пишет о том, что «понадобился опыт многих лет», чтобы понять, «до чего сердечно и душевно мы связаны с родиной и до чего трудно, а то и просто невозможно нам, русским, вполне приобщиться к жизни на чужбине» (Бенуа, 1993а: 105). Александр Бенуа, у которого меньше всего было именно русской крови и который первоначально даже гордился этим, теперь признавал себя русским и с воодушевлением пропагандировал русское искусство. Этот факт является еще одним свидетельством огромной духовной составляющей русской культуры, способной влиять на нравственно-интеллектуальное преобразование личности.

5. Заключение

Рубеж XIX–XX вв. в русской культуре характеризуется многими противоречивыми явлениями, понять и осмыслить которые возможно, только проанализировав социально-культурное развитие страны в целом. Предчувствие грядущих перемен, осознание необходимости ломки всего старого уклада толкало интеллигенцию на поиск новых жизненных смыслов. Ответы на поставленные жизнью вопросы, по ее мнению, могло и должно дать искусство. Воспоминания Александра Бенуа, рассмотренные в данном контексте, являются для исследователей эпохи бесценным первоисточником, дающим представление об идейно-эстетической борьбе и социальных конфликтах в России рассматриваемой эпохи.

Семейный уклад, носивший патриархальный характер, оказал влияние на формирование у будущего художника жизненных ценностей, предопределил его отношение к окружающей жизни. В семье, свободно говорившей на русском, немецком, французском языках, в отношении русской культуры просматривалась определенная доля пренебрежения. Этим, вероятно, и было вызвано со стороны Бенуа первоначальное непонимание и неприятие всего русского. Его отношение к России и ее культуре менялось постепенно. Определенную роль здесь сыграли его встречи с простым народом, которые хотя и не носили постоянного характера, но оставили значительный след в его сознании. Знакомство с творчеством деятелей русской культуры в области музыки, живописи, театра послужило признанием того огромного вклада, который они внесли в отечественную и мировую культуру. И это также способствовало тому, что Бенуа не только изменил свое отношение к русской культуре, но и признал себя ее неотъемлемой частью. Традиции семейного уклада, отдельные талантливые преподаватели способствовали формированию политической ориентации Бенуа, которая предопределила его гражданскую позицию. Неоднократно подчеркивая свою аполитичность, он, однако, заявлял о своей приверженности монархическим консервативным взглядам. Личное знакомство с императорской семьей не мешало ему быть непредвзятым и объективно оценивать как недостатки, так и достоинства правления Александра III. Истинность заявления Бенуа о том, что в своих воспоминаниях он постарается быть максимально правдивым, подтверждается сравнением их с мнением мемуаристов и профессиональных историков, которые в своей общей оценке совпадают. Характеристика быта интеллигенции рубежа веков, данная Бенуа, позволяет составить представление о том, чем жила интеллигенция, как проводила свой досуг, каким образом реагировала на те или иные общественные события и жизненные явления. Значимой вехой в творческой деятельности Бенуа стало создание им совместно с Дягилевым общества и журнала «Мир искусства» и организация «русских сезонов» в Париже. Освещая эти событийные моменты своей жизни, Бенуа обосновывал свои эстетические взгляды и убеждения, которыми он не поступался, невзирая ни на какие авторитеты.

Таким образом, воспоминания Александра Бенуа, творческая деятельность которого постоянно находилась в центре общественной жизни страны, определяя в значительной степени культурное развитие целой эпохи, могут рассматриваться как социокультурное явление, представляя для исследователей и читателей особый интерес.

Литература

- Бенуа, 1993а – Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 5 кн. Т. 1. М., 1993. 711 с.
 Бенуа, 1993б – Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 5 кн. Т. 2. М., 1993. 743 с.
 Бенуа, 1998 – Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX веке. М., 1998. 448 с.
 Время Дягилева, 1993 – Время Дягилева. Универсалии серебряного века / Третьи Дягилевские чтения. Мат.-лы. Вып. 1. Пермь, 1993. 262 с.
 ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
 Галькова, 2020 – Галькова А.В. Мистический Петербург в «Моих воспоминаниях» А.Н. Бенуа // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 5-13.
 ГАТО – Государственный архив Томской области.
 Гиппиус. Исследования, 2002 – Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М., 2002. 383 с.
 Иванов, 1905 – Иванов В. Пути и цели современного искусства // Золотое руно. 1905. № 5. С. 50.
 Копшицер, 1972 – Копшицер М.И. Савва Мамонов. М., 1972. 253 с.
 Корнилов, 2004 – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004. 862 с.

- Лопухина, 2003 – Лопухина Е.М. Самые знаменитые меценаты России. М., 2003. 384 с.
- Мельник, 2021 – Мельник Н.В. Журнал «Золотое руно» (1906–1909) как отражение художественной жизни России начала XX в. // *Вестник НГУ. Серия «История, филология»*. 2021. Т. 20. № 6. С. 62-73.
- Милюков, 1990 – Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. (1859–1917). М., 1990. 446 с.
- Нестеров, 1986 – Нестеров М.В. Давние дни. Уфа, 1986. 560 с.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
- РХК, 1980 – Русская художественная культура конца XIX – начала XX века (1908–1917). Кн. 4. М., 1980. 495 с.
- Соколофф, 2008 – Соколофф Ж. Бедная держава. История России с 1815 года до наших дней / Пер. с фр. 2-е изд. М., 2008. 882 с.
- Степняк-Кравчинский, 1987 – Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения. Т. 1. М., 1987. 575 с.
- Стернин, 1984 – Стернин Г.Ю. Русская художественная культура второй половины XIX – начала XX века. М., 1984. 296 с.
- Тастевен, 1907 – Тастевен Г.Э. Нищие и современный кризис // *Золотое руно*. 1907. № 7–9. С. 110-115.
- Философов, 1901 – Философов Д. Иванов и Васнецов в оценке Александра Бенуа // *Мир искусства*. 1901. № 10. С. 218.
- Хоскинг, 2003 – Хоскинг Д. Россия и русские. Кн. 1. М., 2003. 495 с.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Gaydin, S.T. et al. (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes // *Bylye Gody*. 45(3): 811-820.
- Gryaznukhin et al., 2020 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Belgorodskaya, L.V. et al. (2020). Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century // *Bylye Gody*. 57(3): 1132-1141.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F. et al. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.

References

- Benua, 1993a – Benua, A.N. (1993). Moi vospominaniya. V 5 kn. T. 1. [My memories. In 5 books. Vol. 1]. Moscow. 711 p. [in Russian]
- Benua, 1993b – Benua, A.N. (1993). Moi vospominaniya. V 5 kn. T. 2. [My memories. In 5 books. Vol. 2]. Moscow. 743 p. [in Russian]
- Benua, 1998 – Benua, A.N. (1998). Istoriya russkoj zhivopisi v XIX veke. [The history of Russian painting in the XIX century]. Moscow. 448 p. [in Russian]
- Filosofov, 1901 – Filosofov, D. (1901). Ivanov i Vasnetsov v ocenke Aleksandra Benua [Ivanov and Vasnetsov in the assessment of Alexander Benois]. *Mir iskusstva*. 10: 218. [in Russian]
- ГАКК – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja [The State Archive of the Krasnoyarsk Territory].
- Gal'kova, 2020 – Gal'kova, A.V. (2020). Misticheskij Peterburg v «Moih vospominaniyah» A.N. Benua [Mystical Petersburg in "My Memories" by A.N. Benois]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 45(2): 5-13. [in Russian]
- ГАТО – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State Archive of the Tomsk Region].
- Gippius. Issledovaniya, 2002 – Zinaida Nikolaevna Gippius. Novye materialy. Issledovaniya [Zinaida Nikolaevna Gippius. New materials. Researches]. Moscow. 2002. 383 p. [in Russian]
- Gryaznukhin et al., 2020 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Belgorodskaya, L.V. et al. (2020). Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century. *Bylye Gody*. 57(3): 1132-1141.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V. (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Gaydin, S.T. et al. (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes. *Bylye Gody*. 45(3): 811-820.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F., et al. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.
- Hosking, 2003 – Hosking, D. (2003). Rossiya i russkie. Kn. 1 [Russia and the Russians. Book 1]. Moscow. 495 p. [in Russian]
- Ivanov, 1905 – Ivanov, V. (1905). Puti i celi sovremennogo iskusstva [Ways and goals of contemporary art]. *Zolotoe Runo*. 5: 50. [in Russian]
- Kopshicer, 1972 – Kopshicer, M.I. (1972). Savva Mamontov [Savva Mamontov]. Moscow. 253 p. [in Russian]

- Kornilov, 2004** – Kornilov, A.A. (2004). Kurs istorii Rossii XIX veka [The course of the history of Russia of the XIX century]. Moscow. 862 p. [in Russian]
- Lopuhina, 2003** – Lopuhina, E.M. (2003). Samye znamenitye mecenyaty Rossii [The most famous patrons of Russia]. Moscow. 384 p. [in Russian]
- Mel'nik, 2021** – Mel'nik, N.V. (2021). Zhurnal «Zolotoe runo» (1906 – 1909) kak otrazhenie hudozhestvennoj zhizni Rossii nachala XX v. [The Golden Fleece magazine (1906 – 1909) as a reflection of the Artistic life of Russia at the beginning of the XX century]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya*. 20(6): 62-73. [in Russian]
- Milyukov, 1990** – Milyukov, P.N. (1990). Vospominaniya. T. 1. (1859–1917) [Memories. V. 1 (1859–1917)]. Moscow. 446 p. [in Russian]
- Nesterov, 1986** – Nesterov, M.V. (1986). Davnie dni [The old days]. Ufa. 560 p. [in Russian]
- RGALI** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art].
- RHK, 1980** – Russkaya hudozhestvennaya kul'tura konca XIX – nachala XX veka (1908 – 1917). Kn. 4 [Russian art culture of the late XIX – early XX century (1908 – 1917). Book 4]. Moscow. 1980. 495 p. [in Russian]
- Sokoloff, 2008** – Sokoloff, Zh. (2008). Bednaya derzhava. Istorija Rossii s 1815 goda do nashih dnei. Per. s fr. 2-e izd. [Poor power. The History of Russia from 1815 to the present day. Trans. from fr. 2nd ed.]. Moscow. 882 p. [in Russian]
- Stepnyak-Kravchinskij, 1987** – Stepnyak-Kravchinskij S.M. (1987). Sochineniya. T.1 [Essays. Vol. 1]. Moscow. 575 p. [in Russian]
- Sternin, 1984** – Sternin, G.Yu. (1984). Russkaya hudozhestvennaya kul'tura vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [Russian art culture of the second half of the XIX – early XX century]. Moscow. 296 p. [in Russian]
- Tasteven, 1907** – Tasteven, G.E. (1907). Nicshe i sovremennyj krizis [Nietzsche and the modern crisis]. *Zolotoe Runo*. 7-9: 110-115. [in Russian]
- Vremya Dyagileva, 1993** – Vremya Dyagileva. Universalii serebryanogo veka. Tret'i Dyagilevskie chteniya. Mat-ly. Vyp. 1 [Diaghilev's time. Universals of the Silver Age. The third Diaghilev readings. Materials. Issue 1]. Perm'. 1993. 262 p. [in Russian]

Воспоминания А.Н. Бенуа в контексте поиска национальной идентичности интеллигенцией Серебряного века

Татьяна Владимировна Грязнухина^а, Александр Григорьевич Грязнухин^{а, *},
Денис Николаевич Гергилев^а, Анна Павловна Дворецкая^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье анализируется отражение идейно-эстетической борьбы и социально-культурной жизни России рубежа XIX–XX вв. в воспоминаниях А.Н. Бенуа. Расширены рамки традиционных исследований мемуаров деятелей Серебряного века как источников о культурных достижениях эпохи. Рассмотрены факторы, оказавшие влияние на развитие мировоззренческой позиции Бенуа, его политические убеждения, сыгравшие значительную роль в определении его гражданской позиции по отношению к тем или иным явлениям общественной жизни. К таким факторам, прежде всего, можно отнести патриархальный уклад семьи, отличавшейся богатыми культурными традициями, годы учебы в гимназии Карла Мая, в которой он познакомился со своими будущими друзьями по творческой деятельности, встречи на лекциях с профессором Н. Коркуновым, знакомство с шедеврами русского искусства. Эволюция национальной идентичности А. Бенуа развивалась от частичного пренебрежения через знакомство с великими творческими достижениями к восхищению и прославлению русской культуры, в частности с помощью организации «Русских сезонов» в Париже. Анализ творческой деятельности художника дает возможность выявить его эстетические воззрения, которые предопределили его взаимоотношения с творческой элитой и меценатами. Проведенный сравнительный анализ воспоминаний Бенуа с трудами профессиональных историков и мемуаристов показывает их объективность и адекватное понимание автором сложившейся в стране общественно-политической ситуации.

Ключевые слова: А.Н. Бенуа, национальная идентичность, Серебряный век, искусство, воспоминания, творческая интеллигенция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), advoreckaya@mail.ru (А.П. Дворецкая)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 758-776
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.758

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Social Significance, Designing and Laying Highways in the Russian Empire in the 1870s (on the Example of the Construction of the Sumy Railway)

Andrii E. Lebid ^{a, b, *}, Dmytro V. Kudinov ^c

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, USA

^c Regional Institute of Postgraduate Studies, Sumy, Ukraine

Abstract

The publication reflects the main issues of design and construction of railways in Russia on the example of the Sumy line of the Kharkov-Nikolaev railway (Sumy railway). The next stages of its implementation have been highlighted: 1) setting of the objective by Sumy district zemstvo to build the road and the implementation of preliminary surveys in this respect; 2) promotion of the Zemstvo initiative on the agenda of the Committee of Ministers and the organization of planning and design work by the Ministry of Railways; 3) determination of the contractor and carrying out of the corresponding preparatory and construction work. It is indicated that the necessity to build Sumy railway was dictated, first of all, by the needs of the local sugar beet industry, which in the 1870s was under the threat of a crisis due to deforestation, rising prices for fuel and transportation of raw materials and products.

It is noted that at the same time, local authorities pursued other objectives in the implementation of the highway, corresponding to the expectation of a general economic recovery, as well as the improvement in passenger traffic. It has been defined that the route and the main technical documentation of the railway were developed by the engineer of the Ministry of Railways Rudnitsky. At the same time, its correction was allowed due to the request of the local authorities. Particular emphasis in the description of the railroad construction is put on Yevgeny Mikhailovich Dukhovskiy, the chief engineer appointed by the Society of the Kharkov-Nikolaev railway.

Not only his obvious organizational skills, which resulted in the fast completion of the road, have been noted, but also negative aspects associated with unscrupulous financial calculations, as well as neglect of the quality of track execution and the formation of rolling stock, which threatened to cause accidents and additional cash injections into correction of deficiencies during the operation of the road. Legal aspects of the road construction recorded in the charter of the Society of the Kharkov-Nikolaev railway construction have been analyzed.

The particular attention is paid to the issues related to construction – the alienation of private property, the description according to the government order of the economic potential of the territories located on both sides of the road, changes in postal routes and the formation of numerous access roads to the stations. The positive effect of Sumy railway functioning has been proved on the basis of data for the first decade of its existence.

Keywords: infrastructural development, resilient infrastructure, public infrastructures, Society of Kharkov-Nikolaev railway, the Ministry of railways, Sumy district zemstvo assembly.

1. Введение

Важной составляющей истории наземного транспорта является исследование проблем распространения железных дорог. При этом пристального внимания ученых требуют именно

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A. Lebid)

обстоятельства проектирования и прокладки отдельных магистралей. Ведь именно благодаря такой детализации воссоздается наиболее полное представление о реальных масштабах приложения человеческого гения и физического труда в усовершенствование пассажирского и грузового сообщения. К сожалению, процесс создания значительной части железнодорожных путей преимущественно представлен сухими статистическими данными о времени строительства, протяженности, пропускной способности, а также общими заключениями об их социальной, экономической, военной и политической значимости.

С одной стороны, такое представление дезавуирует комплекс технической, финансовой и социальной подготовки фундации дорог, как и сам процесс прокладки магистралей. С другой – при всей безусловно прогрессивной роли железной дороги в существовании человечества выявляет пробелы исторической науки в ее исследовании. Все это непреложно определяет для историка науки и техники задачи глубокого и всеохватывающего изучения прошлого железнодорожного транспорта. Поэтому в данном нарративе, преследуя оные, авторы руководствуются целью установить и раскрыть особенности проектирования и создания Сумской линии Харьково-Николаевской железной дороги (Сумской железной дороги).

2. Материалы и методы

Исследование основывается на научных принципах историзма, системности, объективности, всесторонности, комплексности. В качестве приоритетных подходов в работе использовались системный, а также принцип комплексного анализа источников, позволяющих системное исследование целого ряда разнообразных источников в зависимости от их происхождения (правительственные, частные, организационные, учредительные и проч.), места хранения (архивные, частные), жанровой специфики (научно-публицистические, научные).

Специальными методами исследования послужили нарративный, ретроспективный, историко-типологический, общенаучные методы. Ретроспективный метод нами был использован с целью воспроизведения реальной истории экономической политики Российской империи по проектированию и прокладыванию магистралей в XIX в. Использование данного метода обеспечивает последовательность раскрытия основных особенностей, функций и свойств изучаемого объекта, что сделало возможным воспроизведение закономерностей и причинно-следственных связей реализации политики государственной власти Российской империи в области развития транспортной инфраструктуры, а также определение влияния различных факторов на процессы регионального и общегосударственного экономического развития.

Использование историко-типологического метода на основе объединения, группировки разнообразных научных трудов, исторических источников и проч. позволяет более детально изучить приоритетные направления деятельности Министерства путей сообщения Российской империи в 70-х гг. XIX в. Кроме того, этот метод позволил выделить и определить цели, задачи, формы, методы деятельности государственных органов по развитию устойчивой общественной инфраструктуры в Российской империи в указанный период.

Общенаучные методы (индукция, дедукция, анализ, синтез, классификация и обобщение исторических данных) были всесторонне и комплексно использованы при исследовании рассматриваемой научной проблемы на всех этапах ее решения. В частности, использование этих методов позволило лучше понять как общие, так и региональные особенности и процессы, общественное значение проектирования и прокладывания магистралей в Российской империи в 1870-е годы.

3. Обсуждение

Вопросы проектирования и прокладывания магистралей в Российской империи в 1870-е годы нашли отражение в различных источниках, среди которых можно выделить следующие:

- 1) архивные документы;
- 2) материалы прессы;
- 3) журналы Сумского уездного земского собрания;
- 4) Полное собрание законов Российской империи;
- 5) материалы статистики;
- 6) научные публикации и др.

Среди архивных источников следует особо указать на два дела из фондов Государственного архива Сумской области, представляющих переписку по вопросам отчуждения земель под строительство железной дороги и освещающих различные этапы его подготовки:

- а) «Об отчуждении земли инженера г. Борисенко» (ДАСО, а);
- б) «Уведомление Харьковского вице-губернатора о строительстве Сумской железной дороги и переписка по этому вопросу» (ДАСО, б).

Оба этих источника впервые вводятся в научный оборот. Следует указать, что эти акты являются лишь незначительной частью бывшего профильного комплекса документов, ныне, к сожалению, не сохранившихся. В частности, удалось установить, что большая часть переписки по

вопросам проведения Сумской линии была повторно использована партийными и советскими органами в делопроизводстве. Фрагменты этих документов случайно выявлены на обратной стороне переписки 1920-х годов (ДАСО, с; ДАСО, д).

Важную роль в реконструкции процесса создания Сумской линии играют материалы «Харьковских губернских ведомостей» – единственной до 1877 года газеты региона. На ее страницах были обнародованы решения Сумской городской думы в деле осуществления мероприятий, связанных со строительством Сумской линии, а также обобщающие ее социально-экономическое значение материалы. Отдельное место в этой группе источников занимают публикации в прессе постсоветского периода. Их содержание направлено на освещение некоторых сторон создания и функционирования Сумской железной дороги (СЖД).

Журналы Сумского уездного земского собрания (СУЗС) содержат протоколы сессий, в которых между гласными дебатировались различные вопросы взаимодействия земства с Министерством путей сообщения, а также обеспечения устройства магистрали (Журналы СУЗС, 1878; Журналы СУЗС, 1879; Журналы СУЗС, 1880). В двух томах Полного собрания законов Российской империи представлены «Устав общества Харьково-Николаевской железной дороги», а также «Временный штат инспекции для надзора за сооружением Сумской железной дороги» – документы, уточняющие правовые основы регулирования процесса строительства и пользования СЖД (ПСЗРИ, 1878а; ПСЗРИ, 1878b). Данные статистики (сведения о состоянии народонаселения, оборотах торговли, количестве предприятий и объемах выпускаемой ими продукции), приводимые в публикации, использованы в качестве аргументов в пользу устройства СЖД (Географическо-статистический, 1873; Кульчицкий, 2005; Списки..., 1869; Экономическое..., 1863). Наконец, научные публикации представлены трудами, характеризующими как общее поступательное развитие железных дорог в России, так и публикациями, детализирующими технический прогресс в сфере железнодорожного строительства. Целая картина развития имперской сети железных дорог описана в работах известных исследователей развития наземного транспорта Н. Кислинского (Кислинский, 1902), А. Соловьевой (Соловьева, 1975), М. Воронина (История..., 1994).

К сожалению, при подготовке статьи оказались недоступными документы технического плана, хотя прежде таковые сохранялись в месте нахождения авторов данной публикации. Известно, что в 1878 г. инженер Карл Шульц пожертвовал Сумскому реальному училищу коллекцию планов, профилей и чертежей различных построек и продольных профилей Сумской железной дороги, стоимость которой оценивалась в 100 руб. (Циркуляр..., 1878: 70). Несмотря на это, авторы убеждены, что указанный комплекс источников обеспечит наиболее полное представление о процессе создания СЖД. Отметим, что данная публикация является первой научной работой, посвященной заявленной теме. В дальнейшем совершенствование ее содержания возможно за счет привлечения дополнительных данных из фондов центральных архивов Российской Федерации, а также материалов прессы Москвы и Санкт-Петербурга, посвященных проблемам строительства СЖД.

4. Результаты

Бурное развитие капитализма в России во второй половине XIX в. немыслимо без современной транспортной инфраструктуры, в которой ведущее значение отводилось железным дорогам. Магистрали ускорили промышленную революцию, способствовали мобилизации рабочей силы и капиталов, а также развитию коммерческой активности. Причем их значимость осознавалась российской общественностью задолго до возможности реализации коммуникационных проектов. В частности, еще в 1830 г. профессор Санкт-Петербургского университета Н.П. Щеглов акцентировал дороговизну и неудобство перевозок товаров существующими путями и рекомендовал выстроить целую сеть «металлических дорог» на конной тяге, способных значительно удешевить транспортировку грузов (Салов, 1899а: 224-225). Однако вскоре успехи британского и французского железнодорожного строительства убедили передовые умы России в необходимости следовать европейскому примеру.

В 1835 г. военный инженер и будущий первый министр путей сообщения П.П. Мельников пророчески указывал на способность железных дорог на паровой тяге, тогда еще только появившихся в Европе, стать «главнейшим источником той деятельности в промышленности и торговле, которая составляет отличительную черту нашего века». Среди аргументов в пользу нового вида транспорта специалист приводил «невероятную» скорость некоторых локомотивов (например, американских), способных преодолевать 26 км за 13 мин с «грузом целого транспорта» (Мельников, 1835: 1, 91). Позднее Мельников, опираясь на опыт бельгийского железнодорожного строительства, подтверждал выгоду от нового типа путей относительной дешевизной и регулярностью перевозок, незначительностью площадей, задействованных под строительство дорог, ускорением развития промышленности, торговли, просвещения, «упрочением спокойствия государства» и, наконец, увеличением государственных доходов (Салов, 1899а: 260-263).

Дальнейший успех железнодорожного строительства европейских стран и открытие первой полноценной линии между российскими столицами подвигло общество к обсуждению идеи развития самой широкой сети имперских магистралей. В 1852 г. группа сановников испрашивала у

правительства концессию на устройство дороги от Харькова к Северному Причерноморью (Салов, 1899b: 152). Этот проект особо отстаивал профессор Харьковского университета А. Рославский, предлагавший «могучими двигателями новейшей цивилизации» соединить Харьков (через Полтавскую и Екатеринославскую губернии) с Феодосией, что, по его мнению, максимально соответствовало бы интересам отечественного экспорта. Причем выбор Харькова в качестве отправной точки обуславливался, прежде всего, наметившимся в последние десятилетия прогрессом губернского города во внутренней торговле и необходимостью обеспечить более широкий обмен товарами между причерноморскими губерниями и внутренними регионами империи. Не менее важным аргументом служили потребности мобилизации рабочей силы, связанные с отходничеством «простого народа» в южные губернии (Рославский, 1852: 7-12, 21-32, 71).

Крымская война подтолкнула правительство задекларировать строительство сети железных дорог (в том числе от Москвы к Черному морю через Курск, Харьков, Кременчуг, Елизаветград, Александровск, Геничск) и дать согласие на образование Главного общества российских железных дорог с участием иностранного капитала, ограничившегося, впрочем, сооружением Нижегородской и Варшавской дорог. Правительственное участие в строительстве магистралей укрепилось вместе с появлением в 1865 г. Министерства путей сообщения (МПС). С этой поры на два десятилетия вперед развернулся настоящий бум российского железнодорожного строительства (Гулидова, 2011: 136-137; История..., 1994: 79-80; Салов, 1899b: 140; Соловьева, 1975: 63-80; Юго-Западная..., 1995: 4-5). Планы по охвату империи магистральями применимо к Харьковской губернии начали реализовываться уже в 1860-х годах. В 1868 г. северную часть Сумского уезда пересекла Курско-Киевская железная дорога (в пределах Харьковской губернии – две станции). В 1869 г. начато движение по Курско-Харьково-Азовской железной дороге. Еще через два года – по Харьковско-Кременчугской дороге, дав начало образованию Харьковского узла.

Вполне закономерным шагом дальнейшего развития сети железных дорог на территории Украины стало проектирование новых магистралей, долженствующих обеспечить потребности Юго-Западного промышленного района, основой которого являлось производство сахара. В данном ключе весомое значение придавалось северо-западным уездам Харьковской губернии, где за три–четыре предшествующих десятилетия сформировался целый кластер отрасли и связанных с ней предприятий и организаций. В частности, в Сумском уезде за период с 1837 г. и до 1875 г. появилось 12 сахарных заводов (к началу движения по СЖД 2 из них уже бездействовали), в Ахтырском – 5, в Лебединском – 3, в Богодуховском – 3 (Заводская..., 1875; Козлов, 1883: 35). В их числе – крупные сахарорафинадные заводы в пригороде Сум и в с. Великий Бобрик Ахтырского уезда. Но именно Сумы, этот «важный торговый пункт на Украине» (на Введенской ярмарке, проводимой во второй половине ноября – в начале декабря, привозилось товара на сумму в 3 млн руб.; одновременно городская лавочная торговля демонстрировала оборот более чем в 1 млн руб.), принадлежащий к «лучшим городам Харьковской губернии», превращались, по мнению современников, «в главный центр этой промышленности».

За 1869–1879 гг. как раз во многом благодаря сахарной промышленности сумма производства продукции в Сумском уезде возросла с 3 347 000 руб. до 7 666 700 руб. Однако бурное развитие сахарного производства (почти половина упомянутых заводов возникла после 1865 г.) шло вразрез со старыми транспортными реалиями, в результате чего обнажились кризисные явления, грозящие как упадком местной индустрии, так и экологическими проблемами. В первую очередь предприятия страдали от невозможности получить уголь, из-за чего «сахарозаводчики по-прежнему жгли дрова нещадно, истребляя вконец еще уцелевшие леса» (до 900 дес. в год).

В 1876 г. на сахарных заводах Харьковской губернии было употреблено 39 799 саж³ дров на сумму в 679303 руб., тогда как каменного угля – лишь на 38 304 руб., не взирая на ходатайства Сумской уездной земской управы о понижении тарифов на провоз антрацита (Географическо-статистический, 1873: 789; Заводская..., 1878; Систематический, 1895: 530; Харьковский календарь, 1876: 205-206; Экономическое..., 1863: 31-32) «Можно предугадать наверное, – указывали авторы «Записки» об устройстве СЖД, – что при таком положении дела Сумской и Ахтырский уезды скоро останутся совсем без леса и этому краю, ныне столь богатому и исполненному деятельности и жизни, придется пережить кризис самый опасный по своим последствиям» (Записка, 1871: 3). Некоторые его проявления уже можно было ощутить по цене дров, которая за 1856–1873 годы возросла с 3 до 20–25 руб. за сажень (соответственно, возросла и стоимость лесонасаждений: если в 1861 г. десятина смешанного леса стоила 200 руб., то в 1882 г. – 550–600 руб.), что сделало производство на нескольких предприятиях нерентабельным (Десять лет, 1881: 2; Ефименко, 1882: 108; Кислинский, 1902: 221).

«Частный» сумской железнодорожный вопрос в связи с возможными перспективами развития местной сахарной и винокурной промышленности в представлении исследователя отечественной экономики Ф.А. Лукашевича приобретал куда более глобальное значение – СЖД должна была удовлетворить не только нужды пищевой индустрии Сумского и Ахтырского уездов, но и служить главной ветвью в транспортировке топлива через станцию Ворожба к вообще порядка 300 сахарным заводам Левобережной Украины (Лукашевич, 1877: 65). Значительных расходов требовала и отправка

продукции. Стоимость услуг чумаков, среди которых выделялись крупные предприниматели, распоряжавшиеся десятками «паровиц», в три раза превышала расходы на железнодорожные перевозки. При этом их мажи не справлялись с объемами поставок, что приводило к уничтожению части уже произведенной продукции (Богатчук, 2017: 16; Слабеев, 1958: 156).

Немаловажное значение в перспективах железнодорожного строительства придавалось росту населения и новым задачам пассажирского сообщения. В 1870 г. численность жителей Харьковской губернии составляла 1 698 015 чел. (прирост за шесть лет составил 158 831 чел.). В 1876 г. здесь проживало уже 1 921 747 чел. После Великой реформы ускорился рост городского населения. Так, с 1862 г. до конца 1870-х годов численность жителей Ахтырки возросла с 15 694 до 17 820, Сум – с 11 313 до 14 126, Белополья – с 11 743 до 12 256 чел. Высокими темпами увеличивалось и сельское население, которое наряду с горожанами приобретало большую подвижность в связи с трудовой миграцией и экономической активностью. К примеру, за 1864–1870 гг. количество жителей сел Богодуховского уезда увеличилось на 7 670 чел., а Сумского – на 11 127 чел. (Народонаселение..., 1872; Памятная..., 1862: 21–22, 26; Списки..., 1869: XLI–XLII; Харьковский календарь, 1879: 102).

К середине 1870-х годов в отдельных местностях уже вполне проявились последствия проведения железной дороги или, наоборот, отстраненности от нее. Например, значительно выросли объемы производства сахарных заводов Подольской и Киевской губерний, чья продукция вывозилась Одесско-Балтской, Жмеринско-Одесской, Кременчугско-Одесской и некоторыми другими линиями, пересекающими Правобережную Украину (Богатчук, 2017: 17). Наличие новой транспортной инфраструктуры сразу же отразилось на ускорении развития Харькова. Если в 1864 г. в нем проживало немногим более 60 тыс. чел., то уже в 1873 г. – более 82 тыс. За 1856–1877 гг. втрое выросли доходы города. Стоимость продукции, производимой его предприятиями за 1861–1880 гг., увеличилась с 1 620 000 руб. до 6 200 000 руб. (на 283 %) (Географическо-статистический, 1885: 469–473; Списки..., 1869: XLI).

Стационарная торговля существенно потеснила ярмарочную. «В настоящее время сотни мануфактурных и модных магазинов, конкурируя между собой, имеют товар всегда свежий, удовлетворяющий вкусу самого взыскательного покупателя, причем цены почти одинаковы со столичными, так что в настоящее время в городе можно купить выгодно все и без ярмарки, тогда как еще недавно по миновании ярмарок харьковские жители не могли похвалиться дешевизною предметов», – заключал о произошедших за десятилетие после проведения дороги изменениях летописец Харькова К.П. Щелков (Щелков, 1880: 68). Вместе с тем увеличили оборот и харьковские ярмарки: если в 1869 г. на них реализовывалось продукции на 25 614 000 руб., то в 1879 г. уже на 44 900 000 руб. (Десять лет, 1881: 1). С другой стороны, современники отмечали наметившийся упадок мест, которым не посчастливилось оказаться подле «чугунки». В пример приводился г. Суджа, в котором с проведением линии Курск–Харьков наметился регресс в традиционном для города кузнечном ремесле (Географическо-статистический, 1873: 775).

Рассчитывая в деле железнодорожного строительства на привлечение частных капиталов, правительство дало «зеленый свет» образованию частных акционерных обществ для устройства магистралей под государственные гарантии извлечения известного процента дохода. Последние также щедро снабжались кредитами из образованного в 1868 г. Железнодорожного фонда. В результате только в 1861–1873 гг. в России возникло 53 акционерных общества, аккумулировавших более 65 % всего акционерского капитала империи. Большинство из них являлось довольно-таки фиктивными структурами, руководство которых фактически расхищало кредитные средства, подвергало рабочих нещадной эксплуатации, завышало стоимость работ и присваивало себе непомерно огромные суммы за их осуществление. Разумеется, все эти нарушения покрывались свыше коррумпированными чиновниками, как в МПС, так и при дворе (Гулидова, 2011: 139; История..., 1994: 80, 95–96; Стельмах, 2006: 59; Соловьева, 1975: 109–110; Юго-Западная..., 1995: 7).

Изначально инициатором проведения СЖД было сумское земство, заручившееся одобрением харьковского губернского земства и сумевшее оценить достоинства магистрали после проведения Курско-Киевской железной дороги (ККЖД) и шоссейных путей к ст. Ворожба. В 1869–1874 гг. СУЗС принимало решения относительно проведения почтовой дороги от Лебедина к Ворожбе, шоссирования участка Белополье–Ворожба, а также строительства Белопольской плотины, что, безусловно, благоприятствовало нуждам местной промышленности и коммерции (Систематический..., 1895: 376–379).

На сессии СУЗС 21 марта 1869 г. был поднят вопрос о строительстве «в высшей степени полезной» и «в близком будущем необходимой» линии Ворожба–Харьков через Сумы. Причем учредить концессию вызвался гласный В.Д. Кондратьев, не прибегая к земским суммам. Очевидно, он не нашел сочувствия влиятельных лиц в Петербурге или же не проявил должного рвения в этом вопросе, поскольку уже в следующем году СУЗС изменило подход в продвижении идеи СЖД и предложило конкретные меры к ее воплощению: 1) обязала управу произвести изыскания на предмет точного маршрута, ограничив траты в размере 3 тыс. руб.; 2) отрядила делегацию из трех гласных в столицу с целью убедить правительство в необходимости устройства железной дороги через Сумы «и о правительственной на линию гарантии в 5 % на $\frac{2}{3}$ ее стоимости»; 3) привлекала разных

влиятельных лиц для осуществления задуманного. В частности, уполномоченным земства по вопросу строительства дороги стал помещик и владелец Мезеновского сахарного завода из Ахтырского уезда Н.Н. Скворцов. В столице земцам содействовал министр финансов М.Х. Рейтерн. На этом поприще оба действовали довольно эффективно, о чем свидетельствует выраженная им благодарность со стороны сумских земцев в деле устройства СЖД (*Записка, 1871: 4; Кислинский, 1902: 142; Систематический..., 1895: 401-403, 503*). Одновременно, в 1871 г., сумское земство в качестве альтернативы прорабатывало и заведомо невыполнимое предложение председателя Екатеринославской казенной палаты А.К. Большана о проведении конно-железной дороги от Ворожбы к Сумам (*Систематический..., 1895: 407*).

Задание разработки маршрута СЖД было возложено на инженера Финна. При этом земство снабдило его инструкцией: проектируемая линия дороги должна была максимально приближенной к действующим сахарным заводам, обязательно пройти через Сумы и обойтись заказчику как можно дешевле. Первый проект предполагал строительство 200-верстовой линии Ворожба–Дергачи, которая должна была пролегать не только в пределах Харьковской губернии, но и заходить на территорию Курской губернии, в целом повторяя направление старой грунтовой дороги, используемой для перевозки товаров на местные ярмарки. Таким образом, половина предприятий сахарной отрасли района оказывалась бы на расстоянии всего в 1–8 верст от полотна. Земцами была посчитана и предполагаемая выгода от планируемой магистрали – 980 тыс. руб. в год. Ее стоимость не должна была превысить 53 тыс. руб. за версту (*Записка, 1871: 4-7*).

Инициатива сумских земцев была положительно встречена в МПС, однако оно возымело собственные виды на устройство СЖД и в 1872 г. уполномочило инженера Рудницкого, командированного в Харьковскую губернию, произвести новое изыскание маршрута магистрали, за что сумские земцы министру «почтительнейше выразили глубокую благодарность». Начертанная им линия, хотя и проходила через Сумы, значительно отходила от намеченного Финном направления. В частности, вместо Дергачей отправной точкой пути вблизи губернского центра была признана станция Мерефа с целью облегчить прямую передачу «сквозных грузов», следующих по Харьково–Азовской линии и избежать перегрузки Харьковского узла. Далее линия планируемой дороги протянулась в чертеже через Люботин, Белку, Нижнюю Сыроватку и Сумы.

Несмотря на наибольшую оптимальность предложенного маршрута в пределах именно Сумского уезда, со стороны сумских земцев, однако, возникли возражения насчет маршрута, который все же отставал от расположения ряда сахарных заводов. Потому они и обратились с соответствующим адресом на имя П.П. Мельникова с просьбой «войти в ближайшие соглашения с инженером Рудницким», находящимся в Сумах, с целью откорректировать направление дороги соответственно «важнейшему требованию местных интересов» (*ДАСО, б: 1; Кислинский, 1902: 145, 238; Систематический..., 1895: 402-403, 502*).

Интерес к «сумской дороге» проявили земцы Валковского уезда и гласные Валковской городской думы, обратившиеся с ходатайством об изменении маршрута СЖД с тем, чтобы она обязательно прошла через г. Валки. При этом органы самоуправления заверяли, что обеспечат безвозмездное отчуждение земли для этой цели. Однако Комитет министров его отклонил, ссылаясь на увеличение в таком случае стоимости проекта, а также на необходимость непосредственного сообщения между Харьковом и Сумами (*Кислинский, 1902: 238; Харьковский календарь, 1876: 144-145*). Разочарование новым направлением Сумской линии выражали грайворонские земцы, вдохновленные изначальным вариантом проведения линии, которая должна была пересечь их уезд. Но, в отличие от своих валковских коллег, председатель Грайворонского уездного земского собрания ограничился лишь публичным сожалением о том, «что Грайворон теперь лишен надежды приблизиться к сети железных дорог» (*Журналы ГУЗС, 1877: 26-27*).

Вряд ли препирательства земцев повлияли на вдруг возникшую паузу в вопросе строительства магистрали. Несмотря на то, что еще 13 мая 1873 г. император Александр II утвердил журнал Комитета железных дорог с намеченной Рудницким линией, 20 июня 1873 г. последовало «Высочайшее соизволение», а вслед за этим министром путей сообщения А.П. Бобринским в Кабинет министров уже было внесено «представление о способе осуществления» СЖД, неожиданно возник «конкуренстный» для Сумской линии проект продолжения Либаво–Роменской дороги на участке Ромны–Лозовая, который должен был поспособствовать торговому сообщению между Донбассом и прибалтийскими губерниями. Возникшие разногласия о приоритетности той или иной линии, безусловно, повлияли на пролонгацию начала строительства СЖД.

При этом Сумская линия Комитетом была включена в сеть разрешенных к постройке железных дорог, «как вызываемая крайнею необходимостью в облегчении подвоза минерального топлива к свеклосахарным и рафинадным заводам Харьковской губернии». Именно безотлагательным сооружением этой линии, по мнению большинства членов упомянутого органа, можно поддержать свеклосахарную промышленность в Сумском и смежных с ним уездах, находящуюся на грани краха из-за топливного кризиса. В этом мнении Кислинский просматривал явное лоббирование со стороны М.Х. Рейтерна, связанного с сумскими земцами и предпринимателями (*Кислинский, 1902: 221*). В феврале и сентябре 1874 г. Харьковское губернское земское собрание, в составе которого было

10 гласных от Сумского уезда, а затем и СУЗС вновь возбудили вопрос о скорейшей постройке СЖД (Отчет, 1874: 1; Харьковский календарь, 1875: 166-167; Харьковский календарь, 1876: 206). Наконец решение Комитета министров включить СЖД в список «неотложных дорог» было окончательно одобрено императором Александром II 22 апреля 1875 г. (Кислинский, 1902: 225; Постановления..., 1886: 426-427).

К этому времени сумское земство окончательно отказалось от планов возглавить концессию на строительство железнодорожной магистрали, реально оценивая собственные возможности. Планированием строительства СЖД занялось не менее заинтересованное в ней харьковское губернское земство (Сведения..., 1878а). Переговоры с предполагаемыми концессионерами остановились на соглашении с акционерным обществом Харьково-Николаевской железной дороги (учреждено в 1871 г.), проявившим живой интерес к проекту. Примечательно, что еще в 1873 г. Общество возлагало надежды на предоставление от правительства концессии на сооружение пути от Кременчуга в сторону сахарных заводов Киевской губернии, не предполагая еще подобную возможность относительно соединения предприятий сахарной отрасли в пределах Слобжанщины (Протокол..., 1873).

Обсуждение на правительственном уровне перспектив СЖД позволило дирекции Общества инициировать свое участие в проекте, закрепленное решением чрезвычайного общего собрания акционеров 5 февраля 1875 г. (Объявления, 1876). 26 марта 1876 г. император утвердил новый устав Общества Харьково-Николаевской железной дороги, в котором особо были прописаны условия сооружения «на свой счет и страх» сумского участка: 1) в течение восьми месяцев с момента учреждения устава предоставить МПС исполнительный технический проект дороги, сопутствующую техническую документацию и расценочную ведомость («всю нарицательную стоимость означенного участка»); 2) средства на строительство дороги выделялись правительством Обществу из облигационного капитала, которым правительством предоставлялась гарантия ежегодного дохода в «5 % интереса и $\frac{1}{10}$ % погашения со дня выпуска облигаций» (облигации оставались в ведении правительства); причем особо указывалось, что возможное превышение трат на дорогу ложится ответственностью на само Общество и не предполагает дополнительного финансового участия со стороны правительства; 3) те же суммы – «5 % интереса и $\frac{1}{10}$ % погашения» из «нарицательного облигационного капитала» (после начала эксплуатации дороги проценты начислялись из сумм доходности ХНЖД) – Общество обязывалось ежегодно выплачивать правительству; 4) к строительству дороги Обществу следовало приступить не позднее 30 дней с момента утверждения проекта и расценочной ведомости министром путей сообщения и окончить его за 2,5 года со дня утверждения устава (нарушение этого условия предполагало использование правительственных санкций вплоть до национализации всего имущества Общества); 5) начало эксплуатации дороги должно было производиться не иначе как после «освидетельствования произведенных работ и принадлежностей участка»; притом допускалось сдавать дорогу с недоделками, «не представляющими опасности или неудобства для движения»; 6) допускалось приобретение подвижного состава и оборудования депо за границей в количестве не более 50 % от общего объема; другая половина вместе с товарными, багажными, арестантскими вагонами, платформами, металлическими конструкциями мостов, рельсовыми креплениями и пр. номенклатурой должны были приобретаться Обществом у отечественных производителей при посредничестве правительства и «по ценам заготовления»; 7) Общество обязывалось по окончании работ предоставить в МПС детальную опись расходов; 8) в расценочной ведомости предполагались суммы для покрытия издержек правительственной инспекции и жандармского полицейского управления дороги; 9) все технические работы по сооружению СЖД находились в ведении главного инженера, назначаемого правлением Общества по согласованию с министром путей сообщений; он возлагал на себя ответственность «за прочность, правильность и целесообразность в техническом отношении всех работ», а вместе с тем приобретал обширные права в вопросах подбора кадров, определения ответственности служащих и рабочих; 10) с началом движения по СЖД Общество ХНЖД приобрело право владения ею в течение 81 года (ПСЗРИ, 1878а: 222-224, 227-230, 236, 240). Таким образом, для сооружения дороги была создана прочная юридическая основа.

Уже 10 мая 1876 г. акционеры на очередном собрании обсудили «способ выполнения обязательств, возлагаемых на общество уставом по сооружению Сумской линии» и заключили оптовый контракт на ее строительство с условием, «чтобы на общество ни в коем случае не падала уплата каких-либо сумм сверх получаемых обществом от правительства» (Извлечение..., 1876). Тогда же был заключен контракт с бывшим директором правления Общества инженером Евгением Михайловичем Духовским, кстати предложившим выгодные для Общества условия строительства.

Отметим, что Духовский уже имел опыт руководства сооружением железных дорог – в 1866–1867 гг. он являлся оптовым строителем-подрядчиком Рязско-Моршанской дороги. Впрочем, результат его администрирования оказался весьма сомнительным: при завышенной поверстной стоимости линия была сдана недостроенной, но при этом сам подрядчик необыкновенно обогатился на проекте (известно, что в 1871 г. он приобрел имение Старый Мерчик в Харьковской губернии, где завел конный и спиртовой заводы) (Соловьева, 1975: 106-107). Однако этот факт никого не смутил

и не воспрепятствовал занятию Евгением Михайловичем должности главного инженера («строителя дороги»). Государственный контроль за сооружением дороги осуществлялся особой инспекцией в составе одного инспектора и двух участковых инспекторов, а также набранных по найму канцеляристов и техников (ПСЗРИ, 1878b: 124).

При осуществлении профессиональных обязанностей Духовскому, помимо организаторских способностей и обширного знания дела, также потребовалось умение договариваться вместе с другими членами дирекции о стоимости дороги, которая была установлена в размере 34 750 руб. за версту вместо 36 519 руб., предложенных правительством, что позволило откорректировать общий бюджет строительства линии с 8 млн руб. до 7 740 000 млн руб. (хотя еще в 1873 г. правительственная оценка дороги была куда скромнее – 1 487 371,61 руб.).

Более того, Общество вынуждено было согласиться на пересмотр своего устава, уступив Комитету министров право понижения тарифов. Общая нарицательная (номинальная) стоимость дороги определялась уставом Общества ХНЖД в 8 631 750 руб. (Кислинский, 1902: 140, 239; ПСЗРИ, 1878a: 229). Основным бенефициаром строительства СЖД, по слухам, озвученным в прессе, оказывался Духовский, наживший на проекте 2 млн руб. (Сумасбродство..., 1878: 9). Если данное предположение верно, то в указанную цифру следует включать не только официальный оклад, но и суммы «откатов», взятки от сахарозаводчиков или органов местного самоуправления, экономию на производстве и материалах, что позволяло списывать часть неиспользованных ресурсов и пр.

Проект строительства предполагал возможность внесения незначительных корректив со стороны органов городской власти, если магистраль проходила через подконтрольную ей территорию. Например, данный вопрос вызвал дискуссию среди гласных Сумской городской думы на ее заседании 6 мая 1876 г., на котором было предложено рассмотреть три варианта прокладки через город V участка СЖД: «1) пересекая большую дорогу из Сум на Белополье близ хутора Анненского, линия идет на восток и, пересекая дорогу на Суджу, проходя дровяной склад г. Харитоненко, около 2-го кладбища, пересекая реку Псел на Луке, проходя около хутора Василевщины, выходит к большой дороге на г. Ахтырку. При этом направлении станцию Сумы предполагается поставить около дровяного склада г. Харитоненко; 2) проходя от пересечения белопольской дороги, близ хутора Анненского, проходит несколько севернее; перерезает дорогу на г. Суджу, пересекает р. Псел несколько выше винокуренного завода г-жи Линтваревой, проходит близ деревни Барановки между хут. Токари и дер. Василевщиною и выходит на ахтырскую дорогу. Станция при этом предполагается около суджанской дороги; 3) около хутора Анненского близ большой дороги на Белополье линия железной дороги поворачивает на юг, пересекает р. Сумку, дорогу на г. Ромны, р. Стрельню, проходит несколько ниже кладбища, пересекает лебединскую дорогу, переходит р. Псел около Басов и выходит на большую ахтырскую дорогу. При таком направлении линии станцию Сумы предполагается поставить в более выгодном месте между реками Сумой и Стрельной, близ дороги на Ромны или же около дороги на Лебедин, т.е. не далее 2 верст от окраин города». Поскольку первый вариант был признан большинством гласных как наиболее подходящий, его тут же утвердили, о чем и уведомили Общество ХНЖД (Журнал, 1876a). Соответственно, дума согласилась и с запланированным местоположением пассажирской и товарной станций (Журнал, 1876b; Журнал, 1876c).

Однако это решение выявило следующую проблему: для реализации принятого направления дороги необходимо было провести значительные земляные работы по устройству дамбы и вместе с тем изменить русло Псла в нескольких местах. Гласный думы Н. Ткаченко, прежде ратовавший за «южный вариант» проведения дороги (при пересечении роменской и лебединской трасс), резонно указал на то, что исправление естественного течения реки может повлиять на всю ее гидрографию в пределах города и даже привести к заболачиванию местности. Его поддержали некоторые коллеги, но все же Общество добилося изменения русла (Журнал, 1876c). Определенные последствия вмешательства в природу проявились весной 1877–1878 гг., когда во время весенних разливов по причине насыпи дамбы затопило значительную часть сл. Лука и дер. Барановка (Журналы СУЗС, 1879: 93–95). Уже в ноябре 1878 г. Сумская городская дума рассмотрела предложение МПС о сохранении прежнего русла Псла, измененного вследствие устройства «железнодорожных сооружений» (Журнал, 1878).

Свои интересы пытались отстаивать представители местной власти в тех местностях, где проведение СЖД оставляло в стороне наиболее крупные населенные пункты. «Города Харьковской губернии, лежащие на пути вновь проводимой Сумской железной дороги, хлопотали наперерыв друг перед другом об удобном расположении станций и платформ», – указывал обозреватель строительства линии (Харьковский календарь, 1878: 202). В частности, Ахтырская городская дума «покорнейше просила» о перенесении предполагаемой станции из Каменки, расположенной на противоположном берегу Ворсклы, из-за чего затруднялось бы сообщение города с дорогой в расположенную ближе Кириковку. Также она хлопотала об обязательном проведении шоссейных дорог от станции к уездному городу. Это ходатайство было уважено МВД в августе 1876 г. – новообразованная станция в Кириковке получила название «Ахтырка» (ДАСО, b: 3-7; Харьковский календарь, 1878: 202). В иных случаях городская власть финансово стимулировала Общество ХНЖД для положительного решения своих вопросов. Например, Белопольская городская дума обратилась к

правлению Общества с просьбой об устройстве возле города товарной станции и платформы, перечислив 300 руб. в пользу Общества и предлагая еще открыть депозит на имя организации в 3 тыс. руб. в Белопопольском общественном банке (*Харьковский календарь, 1878: 202-203*), т.е. городские власти фактически подкупали лояльность строителя дороги. При этом отцы города наотрез отказались устраивать вокзал в его пределах. В результате он был устроен в Ворожбе, но при этом в пяти верстах от станции Ворожба и в восьми верстах от Белополя, что сказало на неудобстве пассажирского сообщения и в дальнейшем вызвало вполне заслуженные нарекания белопопольцев («фанатикистарика» совершили «зло, причиненное своим потомкам») (*Заплатный г. Белополье, 1880*).

По завершении всех согласований с органами местной власти обнаружили окончательный маршрут и обустройство пути. В итоге общая длина линии составила более 227,25 верст. На ней были устроены 15 станций, 2 полустанка, 2 шестидесятисаженных моста через Ворсклу и Псел, 3 дамбы при переходе через реки Псел, Боромля и Ворскла. На станции Тростянец в 1877 г. было устроено паровозное депо, имевшее до 18 машин. Изначально оно являлось основным на линии, обеспечивая движение по двум тяговым плечам – Тростянец–Люботин и Тростянец–Ворожба. Всего над строительством СЖД трудилось до 7 тыс. чел. (*Артюшенко, 2010: 96; Безсмертный, 1997b; Сведения..., 1878a; Щелков, 1882: 295*).

Особые условия возникали вокруг строительства моста через р. Псел ввиду его песчаного дна и значительной глубины главного русла: а) основание быка пришлось углубить на 7 саж. ниже отметки дна; б) вокруг быка и устоев моста были сделаны каменные отсыпи; в) дно между пролетами зафиксировано фашинными туюфьяками с камнем; г) устроены струеотводные дамбы для отвода ливневых вод от насыпи; д) перепады высоты местности в долине Псла заставили строителей насыпать дамбу длиной 3,5 версты и высотой от 1 до 6 саж. (*Сведения..., 1878a*). Довольно объемные земельные работы предполагало устройство дороги и в пределах Ахтырского уезда, учитывая относительную сложность рельефа. Например, между станциями Скрыговка и Боромля проектировщикам пришлось допустить десятитысячный подъем (на 10 м). В долине же Ворсклы строители оказались вынуждены осушать грунт (*Безсмертный, 1997a; Безсмертный, 1997b*).

В целом работы 1876 года проходили довольно гладко, но уже в следующем году Духовскому пришлось преодолевать ряд возникших препятствий: 1) весенний паводок 1877 года размыл часть подготовленных насыпей; 2) начавшаяся война с Турцией привела к мобилизации части рабочих в армию; 3) передвижение военных грузов и войск затрудняло своевременную доставку строительных материалов (*Сведения..., 1878a*). Учитывая досрочное выполнение обязательств по строительству пути, можно предположить, что главный инженер справился с указанными вызовами, что лишний раз подтверждало его высокие качества менеджера.

Пожалуй, не меньшие сложности возникали в вопросе принудительного отчуждения земли у владельцев под прокладку рельсов. Для этой цели Общество сперва назначало агентов («поверенные правления») по отводу земель на участках СЖД. Например, на V участке в пределах Сумского уезда таковым являлся инженер А.Н. Борисяк. Для справедливой оценки недвижимости и разрешения конфликтных ситуаций под руководством вице-губернатора Харьковской губернии также была создана особая «Комиссия для оценки имуществ, подлежащих отчуждению под Сумской участок Харьково-Николаевской железной дороги» (*ДАСО, а: 1-2*). В целом для устройства линии было отведено 1 117 дес. 882 саж² земли. Более половины этой площади занимали крестьянские земли (общественные и частные). Впрочем, СЖД потеснила и помещиков, которым пришлось отказаться в ее пользу от более чем 450 дес. (*Сведения..., 1878a*). В частности, в Сумском уезде среди них оказались наследники жены майора Анны Климовой, имение которых располагалось в с. Нижняя Сыроватка, наследники Михаила Павловича и Ивана Михайловича Линтваревых в сл. Лука, Я.П. Гевлич, А.О. Куколь-Яснопольский и К.А. Рутковский, в Ахтырском – Л.Е. Кениг и т.д. (*Артюшенко, 2010: 96; ДАСО, а: 30, 50; ДАСО, с: 16-160б.; ДАСО, d: 15-150б.; Харьковский календарь, 1879: 376*).

Незначительные площади изымались в пределах городских поселений – например, в Сумах для дороги было отведено немногим более 19 дес. городской земли (*Журнал, 1876с*). Разумеется, Обществу приходилось выплачивать компенсацию владельцам за отрезанные участки, причем нередко выше их рыночной стоимости, особенно в черте города. Например, в Сумах дума постановила ее выкупать по 400 руб. за десятину без различия классов, «удобной» или «неудобной», что вызвало вполне разумный протест со стороны Общества. В конце концов стороны сошлись на сумме в 200 руб. (*Журнал, 1876с; Журнал, 1876d; Журнал, 1876е*). В отличие от городских властей, не всегда получалось полюбовно договориться с частными владельцами. Например, за участок пахотной земли в 1 дес. 21 саж², принадлежавший наследникам Климовой, Обществу пришлось заплатить 425 руб. (*ДАСО, d: 15-150б.*). Названные суммы в разы превышали нормальную стоимость земли в регионе. В частности, по состоянию на 1872 г. средняя цена десятины в Харьковской губернии составляла 30 руб. 71 коп., и лишь к концу 1870-х годов возросла до 54 руб. (*Теплицкий, 1959: 287; Яременко, 2002: 58*).

Нередко властям по наводке агентов по отчуждению приходилось прибегать к принуждению владельцев, не желавших добровольно уступать свои земли и соглашаться на компенсацию. При этом устанавливался всего лишь двухнедельный срок для описи имущества. О массовости таких явлений

указывает тот факт, что только в слободе Лука летом 1876 г. таковых оказалось десять владельцев из числа крестьян, мещан, купцов и дворян (семья Линтваревых), а летом 1877 г. – 11 жителей г. Белополье (ДАСО, а: 3-15, 30-45, 53). Наведывание полиции, как правило, пугало обывателей и заставляло их «добровольно» соглашаться на условия компенсации, предложенные агентом.

Поскольку стоимость выкупаемых у обывателей земель оказывалась завышенной, резонно предположить, что Общество могло в своих тратах выходить за пределы бюджета. Отсутствие достоверных данных о том, как поступало в этом случае его правление, породило городскую легенду о том, что финансовые обязательства на себя в таком случае брал сахарозаводчик И.Г. Харитоненко, влияя при этом на оптимальном для своих предприятий маршруте линии. Например, СЖД прошла буквально у стен его Павловского рафинадного завода в Сумах (Комаров, 1998; Комаров, 2003; Кудинов, 2009; Кудинов, 2011; Орлова, 2005). Не отрицая вероятность подобной инициативы предпринимателя, отметим, что достоверных указаний на это в документах пока что не обнаружено.

Строительство СЖД вызвало необходимость выравнивания существующих почтовых дорог, закрытия или открытия новых почтовых станций, устройства подъездных путей. Уже в 1876 г. сумское и лебединское земства выделили, соответственно, 6 и 2 тыс. руб. на работы по проведению дорог к станциям СЖД. К тому же сумское земство не только озаботилось проведением новых путей, но и расширило существующие до 10 саж., а также шоссировало некоторые из них, отремонтировало существующие или построило новые мосты. Некоторые проселочные дороги были повышены до статуса уездных с соответствующими преобразованиями. В этом смысле СУЗС в 1875 г. предложило реорганизовать дороги от станции Нижняя Сыроватка к Бобрику, от станции Головашевка в Кекино, Голую Долину, Подлесновку и Лебединский уезд, от станции Виры в Лебединский уезд. Одновременно сокращались земские пункты в селах Ильмы, Степановка, Виры и Великий Бобриск, прилегающих или расположенных вблизи к СЖД.

В 1877 г. губернское земство и Ахтырская уездная земская управа озаботились вопросом закрытия Тростянецкой почтовой станции и проведения шоссейной дороги от станции Боромля к Боромлянской почтовой станции. Подобные работы производились еще некоторое время и после открытия движения по СЖД. Впрочем, В. Козлов отмечал, что действующие на начало 1880-х годов подъездные пути еще «не вполне отвечают интересам заводов» (ДАСО, б: 10-13; Журналы СУЗС, 1878: 49-50, 55; Журналы СУЗС, 1879: 12-14, 90-91; Журналы СУЗС, 1880: 366-368; Козлов, 1883: 36; Сведения..., 1878б; Систематический..., 1895: 408-409; Харьковский календарь, 1877: 190-191; Харьковский календарь, 1878: 179-180; Харьковский календарь, 1879: 210-211).

Иной оборот принимало дело, когда проблема подъездных путей касалась интересов сахарозаводчиков. Например, Харитоненко и Кениг, имевшие некоторые из своих предприятий вблизи от СЖД, соединили их с основным полотном узкоколейными дорогами, выплачивая администрации ХНЖД, а затем ее преемнику – Управлению Южных железных дорог – фиксированную таксу за подачу вагонов прямо к заводу. Кениг дополнительно от Тростянецких сахарных заводов проложил мощенные шоссе к одноименной станции (Технические..., 1913: 14-16).

Хотя еще на стадии планирования строительства земцы подробно описали миссию дороги для развития хозяйства в регионе, уже в период ее строительства правительство вновь обратило внимание на исследование вопроса ее значения для развития промышленности, сельского хозяйства и торговли. С этой целью Комиссия для всестороннего исследования железнодорожного дела в России обратилась к харьковскому губернатору с просьбой предоставить ей статистические сведения, касающиеся ресурсов края. В частности, о площадях лесов в уездах, через которые проходят железные дороги, «с показанием количества производимых лесных продуктов» (ДАСО, б: 15-16). Например, было выяснено, что на расстоянии до 25 верст в обе стороны от магистрали простиралось лесов в Богодуховском уезде 41 096 дес., в Ахтырском – 51 189 дес., в Лебединском – 52 107 дес., а в Сумском – 38 167 дес. (Харьковский календарь, 1879: 406).

Для приемки дороги МПС назначило особую комиссию, которая в ноябре или декабре 1877 г. «признала все сооружения дороги оконченными и исполненными прочно и согласно чертежей, министерством учрежденных». Тем не менее сразу же движение не началось из-за противодействия со стороны правления ККЖД в спорном вопросе о пользовании общей станцией обеих линий – Ворожба. В частности, управление ККЖД, согласно корреспонденции журнала «Русское обозрение», якобы потребовало от Духовского единовременной выплаты 200 тыс. руб. компенсации за убытки, которые должна была понести ее компания из-за усиления товарооборота по СЖД, а также ежемесячного взноса в 5 тыс. руб. за право провозить грузы и пассажиров через станцию Ворожба далее по Курско-Киевской железной дороге.

Дело дошло до того, что следовавший по СЖД пассажирский поезд в начале января 1878 г. не смог прибыть на станцию Ворожба из-за установленных рабочими ККЖД заграждений на путях. В конфликт между обществами пришлось вмешаться МПС и принудить «киевлян» допустить движение с «сумской» стороны (Сведения..., 1878а; Сумасбродство..., 1878). Наконец, в декабре 1877 г. началось движение по СЖД товарных составов, а уже в начале следующего года – пассажирских. Считается, что в Сумы первый пассажирский состав прибыл 8 января 1878 г. «Протяжный гудок разорвал утреннюю тишину и далеким эхом отозвался за околицей города. На вокзале собралось

много людей. Наиболее смелые изъявили желание прокатиться на “чугунке”», – описывал данное событие очевидец (Сумское..., 1998: 1). Впрочем, указанная дата еще требует уточнения. Тем не менее точно установлено, что в начале 1878 г. в Сумы начали прибывать санитарные поезда, доставлявшие в местные лазареты и госпитали Красного Креста раненых и больных воинов с фронтов Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (Кудінов, 2017: 25; Отчет Сумского..., 1878).

Конфликт двух железнодорожных обществ с началом эксплуатации СЖД оказался не единственным событием, привлечшим внимание общественности. Как и в случае с Рязско-Моршанской дорогой, повторилась история сдачи Е. М. Духовским приемщику низкокачественной магистрали. Уже в начале января 1878 г., т.е. практически с момента пуска движения по СЖД, на линии состоялись две аварии: 1) 3 января на отрезке Ахтырка–Тростянец сошли с рельсов семь товарных вагонов (одна из возможных причин – отсутствие заградительных щитов от сильного ветра); 2) на том же участке 5 января от состава оторвался пассажирский вагон, получив при этом сильные повреждения (по чистой случайности никто из пассажиров серьезно не пострадал). При этом вагон не перевернулся благодаря некачественным креплениям: «К счастью, цепи и крюки в вагонах г. Духовского не очень крепкие, как и все вообще сооруженное им на этой злосчастной дороге, – отмечал анонимный автор разгромной статьи в «Русском обозрении». – Поэтому пассажиры, забывая на этот раз о грозившей им гибели, забывая о тех общественных бедствиях, которые сулит сумская дорога, шлют г. Духовскому свой привет за негодные крюки и цепи, случайно спасшие им жизнь...».

Тот же корреспондент отмечал, что «в настоящее время, когда не прошло и месяца со дня приема дороги, некоторые водоподъемные машины уже попортились; рельсы во многих местах разошлись, печи на станциях потрескались (кафли разъехались) и, вообще, вся постройка этой дороги на скорую руку, под шумок военного времени, начинает давать о себе знать» (Сумасбродство..., 1878: 9). Впрочем, отмеченные факты не отразились на положении Евгения Михайловича. Более того, он поощрялся властями за оказанные пожертвования, как, например, в пользу учащихся Кременчугского технического железнодорожного училища (Хроника, 1882).

Несмотря на возникшие проблемы в пользовании СЖД на начальном этапе ее существования, которые постепенно изживались, Сумская линия ХНЖД в целом оправдала ожидания, которые на нее возлагались. По мнению исследователя кустарных промыслов Сумского уезда П. Ефименко, регион оказался «совершенно обеспеченным рельсовыми путями сообщения» (Ефименко, 1882: 2). Уже в 1878 г. СУЗС отмечало положительные сдвиги в местной торговле пшеницей и спиртом, отправляемых благодаря доступной теперь сети железных дорог в Гамбург, Берлин и Кенигсберг (Журналы СУЗС, 1879: 215-216). Весной 1881 г. корреспондент «Южного края» из Белополья отмечал, что «здесь, несмотря на ежедневную отправку в разные места, всегда найдется хлеба на 60 вагонов» (Белополье, 1881). Единственное, магистраль так и не смогла оживить традиционный для региона винокурный промысел. Хотя земцы и питали надежду, что она поспособствует его сохранению (в 1879 г. насчитывалось 15 винокурных фабрик), однако в 1880–1890-е годы он сузился еще больше, постепенно уступив место немногим, но крупным по объемам производства водочным заводам (в 1865 г. действовало 22 винокурных завода, в 1883 г. их осталось 14, а в 1887 г. – 11).

Проведение железной дороги, безусловно, спасло сахароварение региона от гибели. Это отчетливо видно по стоимости доставляемого топлива. По ценам 1882 г. заводчикам приходилось в среднем платить за квадратную сажень дров 26,85 руб. (там, где предприятие еще не отказалось полностью от древесного топлива), а за пуд кокса – 32 коп. (Козлов, 1883: 55). Вообще, в развитии сахарного производства, в отличие от винокурения, наоборот, отмечался прогресс: если в 1879 г. только в Сумском уезде насчитывалось 10 рафинадных и песочных заводов, трудоустроивших немногим более 4 тыс. работников и производящих продукции в объеме 6 384 514 пуд., то уже в 1887 г. существующие здесь предприятия «сладкой» отрасли предоставляли около 5 тыс. рабочих мест и производили 1 697 800 пуд. сахара и рафинада.

Причем более половины этого количества изготавливалось на одном только Павловском рафинадном заводе в Сумах, находящемся у самого полотна железной дороги (Ефименко, 1882: 5; Козлов, 1883: 4; Указатель..., 1887: 550, 607-608, 612). Вдоль магистрали возводились и новые предприятия. Уже в 1880 г. Торговый дом «И.Г. Харитоненко с сыном» вблизи от станции Виры открыл Веринский сахарный завод, в 1883 г. недалеко от станции Водяная – Натальевский сахарный завод, а в 1898 г. при участии акционеров – Сумско-Степановский сахарный завод (Козлов, 1883: 35, 37; Яргоцкий 1914: 214). Наоборот, предприятия, оставшиеся далеко в стороне от СЖД, несли убытки и даже прекращали свое существование, как Могричанский сахарный завод.

Наличие СЖД положительно сказалось на местном развитии сельского хозяйства. По состоянию на начало 1880-х годов она обеспечивала транспортировку в Харьков 100 000 пуд. ржи и овса, отправляемых одними только белопольскими купцами. Уже из Харькова хлеб, отправленный по Сумской линии из северо-западных уездов Харьковской губернии, доставлялся в черноморские порты. Появление железной дороги естественным образом привело к сокращению ярмарочной торговли в Сумах и Белополье, уступившей место стационарной коммерции, поддерживаемой

стабильным притоком товара. Довольно быстро исчезло чумакование; отныне соль и рыба из Прикаспийской области и Приазовья доставлялись именно «чугункой».

Временно прекратился и отхожий промысел: оживление промышленности повлияло на обеспечение работой малоземельных крестьян, которые к тому же приноровились к извозному промыслу, доставляя на своих фурах грузы со станции и на станцию. Укрепили позиции и некоторые кустарные промыслы крестьян. Например, жители с. Тимофеевка Сумского уезда, а также приграничных с Харьковской губернией селений Суджанского уезда отправляли колеса и ободья посредством СЖД в Донскую область и Екатеринославскую губернию. Кустари-производители сундуков (скрын) сл. Котельва Ахтырского уезда торговали ими вдоль всей линии. Сапожники г. Мирополья Суджанского уезда сбывали свою продукцию через нее в Харьков, а оттуда и в южные губернии Европейской части России (Ефименко, 1882: 6-9, 30, 39).

СЖД возымела важное значение в транспортировке донецкого угля во внутренние области империи, что, безусловно, способствовало развитию угледобывающей промышленности Донбасса. Корреспондент «Южного края», освещавший экспонирование каменноугольной отрасли на Всероссийской промышленной выставке в Москве в 1882 г., особо отмечал, что рост добычи угля за последние 12 лет во многом обязан распространению дорог. Весомую роль в этом сыграли именно Сумская и Фастовская ветки, ставшие и сами крупными потребителями минерального топлива и открывшие для него путь в обширные районы сахарного производства (Каменноугольная..., 1882).

Проведение железной дороги в значительной степени изменило социальную жизнь городов, сблизив их с разными регионами империи. Магистраль значительно сократила время пассажирских перевозок. Вместо прежних двух дней пути от Харькова до Сум далеко не в самых комфортных условиях переезда железная дорога сократила путешествие от станции Ворожба в губернский город до 12 часов 30 минут (Савва, 1904: 759). Кумулятивный эффект СЖД, повлиявший на высокую динамику промышленного производства, концентрацию капитала и рабочей силы, сказался на быстром росте населения городов, расположенных вдоль линии. В частности, численность жителей Сум возросла с 13 803 в 1878 г. до 27 564 чел. в 1897 г., Белополя, за тот же период, – с 12 775 до 15 215 чел., Богодухова – с 9 828 до 11 752 чел. (Первая..., 1904: 1; Харьковский календарь, 1879: 56, 72).

5. Заключение

Создание СЖД осуществлялось в период так называемого железнодорожного бума в рамках реализации правительственной концепции развития железнодорожной сети, которая во времена Александра II предполагала ее устройство, прежде всего, усилиями частных компаний при субсидировании и контроле со стороны государства. В этом отношении устройство Сумской линии ничем не выделяется: 1) строительство делегировалось Обществу Харьково-Николаевской железной дороги; 2) обязанности и права Общества, в том числе в деле строительства СЖД, закреплялись в пунктах устава, фактически продиктованных правительством; 3) проект осуществлялся на основе облигационного капитала, преимущественно казенного происхождения; 4) устанавливался контроль за качеством исполнения и сроками строительства со стороны назначенной МПС инспекции.

Досрочное выполнение дороги (почти на год от предельно возможной даты окончания строительства) не было комплиментарным качеством ее выполнения, что может свидетельствовать о серых схемах освоения средств, коррупции и безнаказанности подрядчика. Вместе с тем следует отметить положительные характеристики менеджмента в лице главного инженера Е.М. Духовского, оказавшегося гибким в отношениях с органами местной власти, а также способным довести начатое до конца в условиях ведения страной военных действий, не прибегая к оправдательным в таком случае мерам, закрепленным в уставе Общества.

Важную роль в осуществлении СЖД сыграло сумское земство, преследовавшее интересы как местных заводчиков, заинтересованных в обеспечении своих предприятий топливом, сырьем и стабильной транспортировке продукции, так и общественные, нацеленные на использование благ технического прогресса. Невзирая на то, что изначально выяснилась невозможность финансовыми силами местных владельцев капиталов реализовать проект строительства, земство эффективно использовало иные подходы к осуществлению задуманного: заручилось поддержкой губернского земства; проанализировало риски отстраненности региона от имперской железнодорожной сети и выгоды от проведения дороги, что и было описано в записке на адрес правительства; установило контакт с министром финансов, ставшим лоббистом земских интересов; поощряло проведение технических изысканий.

При этом представители органов местной власти, держа в уме необходимость обеспечения прежде всего нужд сахарной промышленности, довольно активно влияли на проектирование дороги с целью расширить функционал магистральной. В конечном счете конфликт интересов вокруг маршрутизации магистральной так и не определил приоритет между превалированием пассажирского или грузового сообщения СЖД. С одной стороны, в непосредственной близости от железнодорожного полотна в пределах Сумского уезда был устроен Павловский рафинадный завод, в пределах Ахтырского – Тростянецкий и Янковский, Богодуховского – Гутянский. С другой стороны, выше этого значения оказались Кияницкий (24 в), Могрицкий (25 в) и Пархомовский (27 в) заводы. Среднее же

расстояние отстраненности магистрали от предприятий составляло 10–12 верст. Уездные города Сумы и Богодухов, а также заштатный город Белополье были соединены дорогой, что в дальнейшем благоприятно отразилось на их демографии и торгово-промышленном развитии. Вместе с тем вне полотна дороги оказались значительные населенные пункты. Например, Краснокутск отставал от Сумской линии ХНЖД на 18, Ахтырка – на 20, Большая Писаревка – на 30 верст.

Хотя Сумская линия и прошла в стороне от многих экономически активных зон Харьковской губернии, она, безусловно, возымела огромное значение в хозяйственной жизни региона. Была спасена от разорения отрасль сахарной промышленности. Более того, ей придавалась необходимая динамика, благодаря чему на десятилетия вперед определился индустриальный облик Сумского, Ахтырского и Богодуховского уездов как местностей преимущественно свеклосахарного производства. Усилилась товарность сельского хозяйства, продукция которого посредством железных дорог вывозилась далеко за пределы губернии. Укреплялась стационарная торговля. В целом СЖД обеспечила поступательное развитие экономики региона, вместе с тем и общий рост населения, а также урбанизационные процессы.

Литература

- [Артюшенко, 2010](#) – *Артюшенко А.А.* Нариси історії міста Тростянець. Суми: Вид-во СумДУ, 2010. 152.
- [Безсмертний, 1997a](#) – *Безсмертний В.* Рейки пройшли крізь Сорочий Бір. *Наш Тростянець*. 1997. 46: 3.
- [Безсмертний, 1997b](#) – *Безсмертний В.* Тривожні гудки. *Наш Тростянець*. 1997. 48: 3.
- [Белополье, 1881](#) – Белополье. *Южный край*. 1881. № 81: 2.
- [Богатчук, 2017](#) – *Богатчук С.С.* Економічний розвиток українських земель та поширення залізничної мережі в 60-70-х рр. XIX ст. *Гілея*. 2017. 120: 15-18.
- [ДАСО, а](#) – Державний архів Сумської області. Ф. 579. Оп. 1. Спр. 180: 54.
- [ДАСО, б](#) – Державний архів Сумської області. Ф. 759. Оп. 1. Спр. 198: 16.
- [ДАСО, с](#) – Державний архів Сумської області. Ф. П-63. Оп. 1. Спр. 3: 20.
- [ДАСО, d](#) – Державний архів Сумської області. Ф. П-63. Оп. 1. Спр. 4: 16.
- [Географическо-статистический, 1873](#) – Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. П. Семенов. Т. IV. СПб., 1873: 867.
- [Географическо-статистический, 1885](#) – Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. П. Семенов. Т. V. СПб., 1885: 1000.
- [Головачев, 1878](#) – *Головачев А.А.* История постройки дорог. *Сборник государственных знаний*. СПб., 1878. Т. V: 163–292.
- [Гулидова, 2011](#) – *Гулидова Ю.И.* Железнодорожная революция в России во второй половине XIX – начале XX в. *Экономический журнал*. 2011. 22: 135-142.
- [Десять лет, 1881](#) – Десять лет в жизни Харьковской губернии. 1869–1879. *Южный край*. 1881. 189: 1–2.
- [Ефименко, 1882](#) – *Ефименко П.* Кустарные, отхожие и некоторые сельские промыслы в Сумском уезде. *Труды комиссии по исследованию кустарных промыслов Харьковской губернии*. Харьков: Издание Харьковского губернского земства. Вып. 1. 1882: 111.
- [Журнал, 1876a](#) – Журнал Сумской городской думы. *Харьковские губернские ведомости*. 1876. 106: 1.
- [Журнал, 1876b](#) – Журнал Сумской городской думы. *Харьковские губернские ведомости*. 1876. 146: 1.
- [Журнал, 1876c](#) – Журнал Сумской городской думы. *Харьковские губернские ведомости*. 1876. 160: 1.
- [Журнал, 1876d](#) – Журнал Сумской городской думы. *Харьковские губернские ведомости*. 1876. 175: 1.
- [Журнал, 1876e](#) – Журнал Сумской городской думы. *Харьковские губернские ведомости*. 1876. 207: 1.
- [Журнал, 1878](#) – Журнал Сумской городской думы. *Харьковские губернские ведомости*. 1878, 24 ноября: 1.
- [Журналы ГУЗС, 1877](#) – Журналы XII очередного Грайворонского уездного земского собрания с 21-е по 27-е сентября 1876 года и экстренного 18 января 1877 года. Курск: Курская земск. тип., 1877. 196 с.
- [Журналы СУЗС, 1878](#) – Журналы очередного Сумского уездного земского собрания, бывшего 15, 16, 17, 18, 20, 21 и 22-го сентября 1877 года. Сумы: Тип. К.М. Пашкова, 1878. 302 с.
- [Журналы СУЗС, 1879](#) – Журналы очередного и чрезвычайных Сумских уездных земских собраний, бывших 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 16 сентября, 7, 8 и 9 октября 1878 года и 22 апреля 1879 года. Харьков: Тип. Харьк. окруж. штаба, 1879. 523 с.

- Журналы СУЗС, 1880** – Журналы очередного и чрезвычайных Сумских уездных земских собраний, бывших 20, 21, 22 сентября, 8 и 10 октября 1879 года с приложениями к ним. Сумы: Тип. К.М. Пашкова, 1880. 391 с.
- Заводская..., 1875** – Заводская и фабричная промышленность в Харьковской губернии. *Харьковские губернские ведомости*. 1875. 135
- Заводская..., 1878** – Заводская и фабричная промышленность в Харьковской губернии в 1877 году. *Харьковские губернские ведомости*. 1878, 16 июля.
- Записка..., 1871** – Записка о необходимости постройки железной дороги от станции Ворожба (на Курско-Киевской железной дороге) до станции Дергачи (на Курско-Харьковской железной дороге) чрез г. Сумы. СПб.: б. и., 1871: 13.
- Заштатный г. Белополье, 1880** – Заштатный г. Белополье. *Южный край*. 1880. 24: 3.
- Извлечение..., 1876** – Извлечение из протокола общего собрания г. акционеров общества Харьково-Николаевской железной дороги 10 мая 1876 года. *Харьковские губернские ведомости*. 1876. 114: 4
- История..., 1994** – История железнодорожного транспорта России. Т. I: 1836–1917 гг. СПб., 1994: 336 с.
- Каменноугольная..., 1882** – Каменноугольная промышленность на Всероссийской выставке. *Южный край*. 1882. 614: 1.
- Камінська, 2011** – Камінська О.А. Історія Харково-Миколаївської залізниці (друга половина XIX ст.). *Наукові праці історичного факультету ЗНУ*. 2011. XXXI: 88-92.
- Кислинский, 1902** – Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документам архива Кабинета министров. Т. 2. СПб., 1902. 324 с.
- Козлов, 1883** – Козлов В.С. Сумской уезд. Заводы сахарные и винокуренные. Сумы: Изд-во Сумского земства, 1883.
- Комаров, 1998** – Комаров В. «Всю обойдя платформу длинную...». *Ваш шанс*. 1998. 5: 6.
- Комаров, 2003** – Комаров В. Станция Сумы: 125 лет спустя. *Ваш шанс*. 2003. 27: 13А.
- Кудинов, 2009** – Кудинов Д. Как в Сумах появился первый паровоз. *Ваш шанс*. 2009. 44. С. 20А, 22А.
- Кудинов, 2011** – Кудинов Д. Как в Сумы первый поезд пришел. *Магистраль*. 2011. 19: 8.
- Кудінов, 2017** – Кудінов Д.В. Формування та діяльність Сумського осередку Російського товариства Червоного Хреста в період Російсько-турецької війни 1877-1878 рр. *Суспільно-політичні процеси на українських землях: історія, проблеми, перспективи*. Суми: Сумський державний університет, 2017. 1: 22-26.
- Кульчицкий, 2005** – Кульчицкий С.В. Железничное будівництво в Україні 19 – початку 20 століть. *Енциклопедія історії України*: Т. 3: Е-Й. Київ: Наукова думка, 2005
- Лашина, 2008** – Лашина Л.С. Деятельность акционерного общества по строительству Курско-Киевской железной дороги. *Научные ведомости БелГУ*. 2008. 6(2): 75–82.
- Лукашевич, 1877** – Лукашевич Ф.А. Очерки промышленности и торговли в России. Харьков: Тип. М. Зильберберга, 1877: 146, IV.
- Мельников, 1835** – Мельников П.П. О железных дорогах. СПб.: Тип. Гл. упр. путей сообщ. и публ. зданий, 1835: 98 с.
- Народонаселение..., 1872** – Народонаселение по губернии. *Харьковские губернские ведомости*. 1872. 21
- Объявления, 1876** – Объявления. *Харьковские губернские ведомости*. 1876. 76
- Орлова, 2005** – Орлова В. Прокатиться на «чугунке». *Данкор*. 2005. 31: А13.
- Отчет Сумского..., 1878** – Отчет Сумского отделения Общества попечения о раненых и больных воинах. *Харьковские губернские ведомости*. 1878, 18 сентября
- Отчет..., 1874** – Отчет Харьковской губернской земской управы за истекший 1873-1874 год. Харьков: Тип. К.П. Счасни, 1874: 147 с.
- Памятная..., 1862** – Памятная книжка Харьковской губернии / Сост. Я. Голяховским. Харьков: Университ. тип., 1862: 232 с.
- Первая..., 1904** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLVI: Харьковская губерния. СПб.: Тип. Э. Л. Пороховщиковой, 1904: XVII, 297 с.
- Постановления..., 1886** – Постановления XX очередной сессии Екатеринославского губернского земского собрания, 3-17 декабря 1885 года. Екатеринослав: Тип. Екатеринославского губ. правл., 1886: 425–430.
- Протокол..., 1873** – Протокол обыкновенного и чрезвычайного общего собрания гг. акционеров Общества Харьково-Николаевской железной дороги, 12 июня 1873 г. *Харьковские губернские ведомости*. 1873. 93: 1.
- ПСЗРИ, 1878a** – Полное собрание законов Российской империи: собрание второе. СПб., 1878. Т. LI: 1876: 222–243.
- ПСЗРИ, 1878b** – Полное собрание законов Российской империи: собрание второе. СПб., 1878. Т. LI: 1876. Приложения: 235.

- Рославский, 1852** – Рославский А. Мысли об устройстве железной дороги из Харькова к Черному морю. Харьков: Университ. Тип-я., 1852: 72 с.
- Савва, 1904** – Савва (Тихомиров). Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Сергиев Посад: 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1898-1911. Т. 5: (1874–1879 гг.). 1904: 942, XXVIII.
- Салов, 1899a** – Салов В.В. Начало железнодорожного дела в России, 1836–1855. *Вестник Европы*. 1899. Т 2: 221–268.
- Салов, 1899b** – Салов В.В. Начало железнодорожного дела в России, 1836–1855. *Вестник Европы*. 1899. Т 3: 117–163.
- Сведения..., 1878a** – Сведения об общественных и частных постройках в Харьковской губернии в 1877 г. *Харьковские губернские ведомости*. 1878, 17 августа: 2.
- Сведения..., 1878b** – Сведения об общественных и частных постройках в Харьковской губернии в 1877 г. *Харьковские губернские ведомости*. 1878, 19 августа: 2.
- Систематический..., 1895** – Систематический сборник постановлений Сумского уездного земского собрания с 1865 до 1895 г. Сумы: Тип. В. П. Радионова, 1895: 536 с.
- Слабеєв, 1958** – Слабеєв І.С. Чумацький промисел на Україні. *Наукові записки інституту історії*. 1958. 12: 131-164.
- Соловьева, 1975** – Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М.: Наука, 1975: 315 с.
- Соллогуб, 1874** – Соллогуб А.В. Сборник статистических сведений о железных дорогах в России по 1 января 1874 г. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1874. 144 с.
- Списки..., 1869** – Списки населенных мест Российской империи. Т. XLVI: Харьковская губерния. СПб., 1869.
- Сумасбродство..., 1878** – Сумасбродство железнодорожников. *Русское обозрение*. 1878. 5: 8–9.
- Сумское..., 1998** – Сумское региональное представительство Южной железной дороги – 120 лет / Авт. текста и фот. А. Бобылев. Сумы: Козацький вал, 1998: 14.
- Теплицький, 1959** – Теплицький В.П. Реформа 1861 року і аграрні відносини на Україні (60-90-ті роки XIX ст.). Київ: Вид-во АН УРСР, 1959: 308 с.
- Технические..., 1913** – Технические предприятия Тростянецкого имени фирмы Л.Е. Кениг – Н-ки / Под ред. Н. И. Кузнецова. Б. м.: б. и., 1913: 71 с.
- Указатель..., 1887** – Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб.: Тип. Р. Голины, 1887: 823 с.
- Харьковский календарь, 1875** – Харьковский календарь на 1875 год. Харьков: Изд. Харьк. губ. стат. ком., 1875.
- Харьковский календарь, 1876** – Харьковский календарь на 1876 год. Харьков: Изд. Харьк. губ. стат. ком., 1876.
- Харьковский календарь, 1877** – Харьковский календарь на 1877 год. Харьков: Изд. Харьк. губ. стат. ком., 1877.
- Харьковский календарь, 1878** – Харьковский календарь на 1878 год. Харьков: Изд. Харьк. губ. стат. ком., 1878.
- Харьковский календарь, 1879** – Харьковский календарь на 1879 год. Харьков: Изд. Харьк. губ. стат. ком., 1879.
- Хроника, 1882** – Хроника. *Харьковские губернские ведомости*. 1882. 174
- Циркуляр..., 1878** – Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1878. 11: 74 с.
- Щелков, 1882** – Щелков К.П. Историческая хронология Харьковской губернии. Харьков: Изд. ред. Харьк. епарх. вед., 1882: 366 с.
- Щелков, 1880** – Щелков К.П. Харьков: Ист.-стат. опыт К.П. Щелкова. Харьков: Тип. губ. правл., 1880: 72 с.
- Экономическое..., 1863** – Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. Ч. 2. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863.
- Юго-Западная..., 1995** – Юго-Западная железная дорога. Вчера. Сегодня. Завтра. 1870–1995 гг. Київ: Транспорт України, 1995: 243 с.
- Яргоцкий, 1914** – Яргоцкий Л.С. Дневник директора сахарного завода: Справ. книжка. Київ: Пол. тип., 1914: 222 с.
- Яременко, 2002** – Яременко М.Ф. Пореформенний розвиток Сумщини (1861–1916). Суми: Університетська книга, 2002: 366 с.

References

- Artyushenko, 2010** – Artyushenko, A.A. (2010). Narisi istoriï mista Trostyanec' [Drawings of the history of the city of Trostyanets]. Sumi: Vid-vo SumDU, 152. [in Ukrainian]
- Belopol'e, 1881** – Belopol'e [Bilopillja]. *Yuzhnyj kraj*. 1881. 81: 2. [in Russian]
- Bezsmertnij, 1997a** – Bezsmertnij, V. (1997). Rejki projshli kriz' Sorochij Bir [Railway passed through the Sorochij Bir]. *Nash Trostyanec'*. 46: 3. [in Ukrainian]

- Bezsmertnij, 1997b** – *Bezsmertnij, V.* (1997). Trivozhni gudki [Triggering beeps]. *Nash Trostyanec'*. 48: 3. [in Ukrainian]
- Bogatchuk, 2017** – *Bogatchuk, S.S.* (2017). Ekonomichnij rozvitok ukraïns'kih zemel' ta poshirennya zaliznichnoï merezhi v 60-70-h rr. XIX st. [Economic Development of Ukrainian Lands and the Expansion of the Railway Network in the 1860s and 1870s]. *Gileya*. 120: 15-18. [in Ukrainian]
- Tsirkulyar, 1878** – Tsirkulyar po Har'kovskomu uchebnomu okrugu [Circular for the Kharkov school district]. 1878. 11: 74 s. [in Russian]
- DASO, a** – Derzhavnij arhiv Sums'koï oblasti [State Archive of the Sumy Region]. F. 579. Op. 1. Spr. 180: 54. [in Ukrainian]
- DASO, b** – Derzhavnij arhiv Sums'koï oblasti [State Archive of the Sumy Region]. F. 759. Op. 1. Spr. 198: 16. [in Ukrainian]
- DASO, c** – Derzhavnij arhiv Sums'koï oblasti [State Archive of the Sumy Region]. F. P-63. Op. 1. Spr. 3: 20. [in Ukrainian]
- DASO, d** – Derzhavnij arhiv Sums'koï oblasti [State Archive of the Sumy Region]. F. P-63. Op. 1. Spr. 4: 16. [in Ukrainian]
- Desyat' let, 1881** – Desyat' let v zhizni Har'kovskoj gubernii. 1869–1879 [Ten Years in the Life of Kharkov Province. 1869-1879]. *Yuzhnyj kraj*. 1881. 189: 1–2. [in Russian]
- Efimenko, 1882** – *Efimenko, P.* (1882). Kustarnye, othozhie i nekotorye sel'skie promysly v Sumskom uezde [Artisanal, cottage industry and some rural trades in Sumy County]. *Trudy komissii po issledovaniyu kustarnyh promyslov Har'kovskoj gubernii*. Har'kov: Izdanie Har'kovskogo gubernskogo zemstva. Vyp. 1. 111 p. [in Russian]
- Ekonomicheskoe..., 1863** – Ekonomicheskoe sostoyanie gorodskih poselenij Evropejskoj Rossii v 1861–1862 gg. [The economic condition of urban settlements in European Russia in 1861-1862]. Ch. 2. SPb.: Tip. K. Vul'fa, 1863. [in Russian]
- Geograficheskostatisticheskij, 1873** – Geograficheskostatisticheskij slovar' Rossijskoj imperii [Geographical and Statistical Dictionary of the Russian Empire]. T. IV. SPb., 1873: 867 s. [in Russian]
- Geograficheskostatisticheskij, 1885** – Geograficheskostatisticheskij slovar' Rossijskoj imperii [Geographical and Statistical Dictionary of the Russian Empire]. T. V. SPb., 1885: 1000 s. [in Russian]
- Golovachev, 1878** – *Golovachev, A.A.* (1878). Istoriya postrojki dorog [History of road construction]. *Sbornik gosudarstvennyh znaniy*. SPb. T. V: 163-292. [in Russian]
- Gulidova, 2011** – *Gulidova, Yu.I.* (2011). Zheleznodorozhnaya revolyuciya v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [The railway revolution in Russia in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries.]. *Ekonomicheskij zhurnal*. 22: 135-142. [in Russian]
- Har'kovskij kalendar', 1875** – Har'kovskij kalendar' na 1875 god [Kharkov calendar for 1875]. Har'kov: Izd. Har'k. gub. stat. kom., 1875. [in Russian]
- Har'kovskij kalendar', 1876** – Har'kovskij kalendar' na 1876 god [Kharkov calendar for 1876]. Har'kov: Izd. Har'k. gub. stat. kom., 1876. [in Russian]
- Har'kovskij kalendar', 1877** – Har'kovskij kalendar' na 1877 god [Kharkov calendar for 1877]. Har'kov: Izd. Har'k. gub. stat. kom., 1877. [in Russian]
- Har'kovskij kalendar', 1878** – Har'kovskij kalendar' na 1878 god [Kharkov calendar for 1878]. Har'kov: Izd. Har'k. gub. stat. kom., 1878. [in Russian]
- Har'kovskij kalendar', 1879** – Har'kovskij kalendar' na 1879 god [Kharkov calendar for 1879]. Har'kov: Izd. Har'k. gub. stat. kom., 1879. [in Russian]
- Hronika, 1882** – Hronika [Chronicle]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1882. 174 [in Russian]
- Istoriya..., 1994** – Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii. T. I: 1836–1917 gg. [History of Russian railway transport]. SPb., 1994: 336 p. [in Russian]
- Iz vlechenie..., 1876** – Iz vlechenie iz protokola obshchego sobraniya g. akcionerov obshchestva Har'kovo-Nikolaevskoj zheleznoj dorogi 10 maya 1876 goda [Extract from the minutes of the general meeting of shareholders of the company Kharkovo-Nikolayevskaya railroad]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1876. 114: 4. [in Russian]
- Kamennougol'naya..., 1882** – Kamennougol'naya promyshlennost' na Vserossijskoj vystavke [The coal mining industry at the All-Russian exhibition]. *Yuzhnyj kraj*. 1882. 614: 1 [in Russian]
- Kamins'ka, 2011** – *Kamins'ka, O.A.* (2011). Istoriya Harkovo-Mikolaïvs'koï zaliznici (druga polovina XIX st.) [History of the Kharkov-Mykolaiv Railway (second half of the 19th century)]. *Naukovi praci istorichnogo fakul'tetu ZNU*. XXXI: 88-92. [in Ukrainian]
- Kislinskij, 1902** – *Kislinskij, N.A.* (1902). Nasha zheleznodorozhnaya politika po dokumentam arhiva Kabinetu ministrov [Our railway policy according to the documents of the Cabinet of Ministers archive]. T. 2. SPb., 324 p. [in Russian]
- Komarov, 1998** – *Komarov, V.* (1998). «Vsyu obojdy platformu dlinnuyu...» [All around the long platform]. *Vash shans*. 5: 6. [in Russian]
- Komarov, 2003** – *Komarov, V.* (2003). Stanciya Sumy: 125 let spustya [Sumy Station: 125 years later]. *Vash shans*. 27: 13A. [in Russian]

- Kozlov, 1883** – Kozlov, V.S. (1883). Sumskoj uezd. Zavody saharnye i vinokurennye [Sumy County. Sugar and distilleries plants]. Sumy: Izd-vo Sumskogo zemstva. [in Russian]
- Kudinov, 2009** – Kudinov, D. (2009). Kak v Sumah poyavilsya pervyj parovoz [How the first steam locomotive appeared in Sumy]. *Vash shans*. 44. Pp. 20A, 22A. [in Russian]
- Kudinov, 2011** – Kudinov, D. (2011). Kak v Sumy pervyj poezd prishel [How the first train arrived in Sumy]. *Magistral'*. 19: 8. [in Russian]
- Kudinov, 2017** – Kudinov, D.V. (2017). Formuvannya ta diyal'nist' Sums'kogo oseredku Rosijs'kogo tovaristva Chervonogo Hresta v period Rosijs'ko-turec'koï vijni 1877-1878 rr. [Formation and activity of the Sumy branch of the Russian Association of the Black Cross during the Russo-Turkish War of 1877-1878]. *Suspil'no-politichni procesi na ukraïns'kih zemlyah: istoriya, problemi, perspektivi*. Sumi: Sums'kij derzhavnij universitet, 1: 22-26. [in Ukrainian]
- Kul'chic'kij, 2005** – Kul'chic'kij, S.V. (2005). Zaliznichne budivnictvo v Ukraïni 19 – pochatku 20 stolit' [Railway construction in Ukraine in the 19th and early 20th centuries]. *Encyklopediya istorii Ukraïni*: T. 3: E-J. Kiiiv: Naukova dumka. [in Ukrainian]
- Lashina, 2008** – Lashina, L.S. (2008). Deyatel'nost' akcionernogo obshchestva po stroitel'stvu Kursko-Kievskoj zheleznoj dorogi [Activities of the joint-stock company for the construction of the Kursk-Kiev railroad]. *Nauchnye vedomosti BelGU*. 6(2): 75-82. [in Russian]
- Lukashevich, 1877** – Lukashevich, F.A. (1877). Ocherki promyshlennosti i trgovli v Rossii [Essays on Industry and Trade in Russia]. Harkov: Tip. M. Zil'berberga, 146, IV. [in Russian]
- Mel'nikov, 1835** – Mel'nikov, P.P. (1835). O zheleznyh dorogah [About the railroads]. SPb.: Tip. Gl. upr. putej soobshch. i publ. zdaniy, 98 p. [in Russian]
- Narodonaselenie..., 1872** – Narodonaselenie po gubernii [Population by province]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1872. 21. [in Russian]
- Ob'yavleniya, 1876** – Ob'yavleniya [Advertisements]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1876. 76. [in Russian]
- Orlova, 2005** – Orlova, V. (2005). Prokatit'sya na «chugunke» [A ride on a "cast-iron"]. *Dankor*. 31: A13. [in Russian]
- Otchet Sumskogo..., 1878** – Otchet Sumskogo otdeleniya Obshchestva popecheniya o ranenyyh i bol'nyh voïnah [Report of the Sumy branch of the Society for the Care of Wounded and Sick Soldiers]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1878, 18 sentyabrya. [in Russian]
- Otchet..., 1874** – Otchet Har'kovskoj gubernskoj zemskoj upravy za istekshij 1873-1874 god [Report of the Kharkov Provincial Zemstvo Board for the past 1873-1874]. Har'kov: Tip. K.P. Schasni, 1874: 147 p. [in Russian]
- Pamyatnaya..., 1862** – Pamyatnaya knizhka Har'kovskoj gubernii [Commemorative book of Kharkov Province]. Har'kov: Universit. tip., 1862: 232 p. [in Russian]
- Pervaya..., 1904** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g. XLVI: Har'kovskaya guberniya [First General Population Census of the Russian Empire]. SPb.: Tip. E.L. Porohovshchikovej, 1904: XVII, 297 p. [in Russian]
- Postanovleniya..., 1886** – Postanovleniya XX ocherednoj sessii Ekaterinoslavskogo gubernskogo zemskogo sobraniya, 3-17 dekabrya 1885 goda [Resolutions of the XX regular session of the Ekaterinoslav Governorate Zemstvo Assembly]. Ekaterinoslav: Tip. Ekaterinoslavskogo gubern. pravl., 1886: 425-430. [in Russian]
- Protokol..., 1873** – Protokol obyknovennogo i chrezvyčajnogo obshchego sobraniya gg. akcionerov Obshchestva Har'kovo-Nikolaevskoj zheleznoj dorogi, 12 iyunya 1873 g. [Minutes of the Ordinary and Extraordinary General Meeting of Shareholders of the Company of the Kharkovo-Nikolayevskaya Railway]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1873. 93: 1. [in Russian]
- PSZRI, 1878a** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: sobranie vtoroe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. SPb., 1878. T. LI: 1876: 222-243. [in Russian]
- PSZRI, 1878b** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: sobranie vtoroe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. SPb., 1878. T. LI: 1876. Prilozheniya: 235. [in Russian]
- Roslavskij, 1852** – Roslavskij, A. (1852). Mysli ob ustrojstve zheleznoj dorogi iz Har'kova k Chernomu moryu [Thoughts on building a railroad from Kharkov to the Black Sea]. Har'kov: Universit. Tip-ya., 72 p. [in Russian]
- Salov, 1899a** – Salov, V.V. (1899). Nachalo zheleznodorozhnogo dela v Rossii, 1836-1855 [The beginnings of railroading in Russia]. *Vestnik Evropy*. T. 2: 221-268. [in Russian]
- Salov, 1899b** – Salov, V.V. (1899). Nachalo zheleznodorozhnogo dela v Rossii, 1836-1855 [The beginnings of railroading in Russia]. *Vestnik Evropy*. T. 3: 117-163. [in Russian]
- Savva, 1904** – Savva (Tihomirov) (1904). Hronika moej zhizni: Avtobiograficheskie zapiski vysokopreosvyashchennogo Savvy, arhipiskopa Tverskogo i Kashinskogo [A Chronicle of My Life: Autobiographical Notes]. Sergiev Posad: 2-ya tip. A. I. Snegirevoj, 1898-1911. T. 5: (1874-1879 gg.). 942, XXVIII. [in Russian]
- Shchelkov, 1880** – Shchelkov, K.P. (1880). Har'kov: Ist.-stat. opyt K.P. Shchelkova [Historical and statistical experience]. Har'kov: tip. Gub. pravl., 72 p. [in Russian]

- Shchelkov, 1882** – *Shchelkov, K.P.* (1882). Istoricheskaya hronologiya Har'kovskoj gubernii [Historical chronology of Kharkov province]. Har'kov: Izd. red. Har'k. eparh. ved., 366 p. [in Russian]
- Sistematicheskij..., 1895** – Sistematicheskij sbornik postanovlenij Sumskogo uezdnogo zemskogo sobraniya s 1865 do 1895 g. [Systematic Collection of Resolutions of the Sumy County Zemstvo Assembly from 1865 to 1895]. Sumy: Tip. V. P. Radionova, 1895: 536 p. [in Russian]
- Slabeev, 1958** – *Slabeev, I.S.* (1958). Chumac'kij promisel na Ukraïni [The Chumatskiy Promisel in Ukraine]. *Naukovi zapiski institutu istorii*. 12: 131-164. [in Ukrainian]
- Sollogub, 1874** – *Sollogub, A.V.* (1874). Sbornik statisticheskikh svedenij o zheleznyh dorogah v Rossii po 1 yanvarya 1874 g. [Collection of statistical data on railroads in Russia up to January 1, 1874]. SPb.: Tipografiya Trenke i Fyusno, 144 p. [in Russian]
- Solov'eva, 1975** – *Solov'eva, A.M.* (1975). Zheleznodorozhnyj transport Rossii vo vtoroj polovine XIX v. [Russian railway transport in the second half of the 19th century]. M.: Nauka, 315 p. [in Russian]
- Spiski..., 1869** – Spiski naselennyh mest Rossijskoj imperii. T. XLVI: Har'kovskaya guberniya [Lists of inhabited localities of the Russian Empire]. SPb., 1869. [in Russian]
- Sumasbrodstvo..., 1878** – Sumasbrodstvo zheleznodorozhnikov [The folly of the railroaders]. *Russkoe obozrenie*. 1878. 5: 8–9. [in Russian]
- Sumskoe..., 1998** – Sumskoe regional'noe predstavitel'stvo Yuzhnoj zheleznoj dorogi – 120 let [Sumy Regional Office of the Southern Railway - 120 years old]. Sumy: Kozac'kij val, 1998: 14. [in Russian]
- Svedeniya..., 1878a** – Svedeniya ob obshchestvennyh i chastnyh postrojках v Har'kovskoj gubernii v 1877 g. [Information on public and private buildings in Kharkov province in 1877]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1878, 17 avgusta: 2. [in Russian]
- Svedeniya..., 1878b** – Svedeniya ob obshchestvennyh i chastnyh postrojках v Har'kovskoj gubernii v 1877 g. [Information on public and private buildings in Kharkov province in 1877]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1878, 19 avgusta: 2. [in Russian]
- Tekhnicheskie..., 1913** – Tekhnicheskie predpriyatiya Trostyaneckogo imeniya firmy L.E. Kenig – N-ki / Pod red. N. I. Kuznecova [Technical enterprises of the Trostyaneck estate of the firm L.E. Koenig]. B. m.: b. i., 1913: 71 s. [in Russian]
- Tepljckij, 1959** – *Tepljckij, V.P.* (1959). Reforma 1861 roku i agrarni vidnosini na Ukraïni (60-90-ti roki XIX st.) [The Reform of 1861 and Agrarian Relations in Ukraine (60-90s of the XIX century)]. Kii'v: Vid-vo AN URSSR, 308 p. [in Ukrainian]
- Ukazatel'..., 1887** – Ukazatel' fabrik i zavodov Evropejskoj Rossii i Carstva Pol'skogo [Index of Factories and Plants in European Russia and the Kingdom of Poland]. SPb.: Tip. R. Golini, 1887: 823 p. [in Russian]
- Yaremenko, 2002** – *Yaremenko, M.F.* (2002). Poreformenij rozvitok Sumshchini (1861–1916) [The Reforms of the Sumy region (1861–1916)]. Sumy: Universitets'ka kniga, 366 p. [in Ukrainian]
- Yargockij, 1914** – *Yargockij, L.S.* (1914). Dnevnik direktora saharnogo zavoda: Sprav. Knizhka [Diary of a Sugar Factory Director]. Kii'v: Pol. tip., 222 p. [in Russian]
- Yugo-Zapadnaya..., 1995** – Yugo-Zapadnaya zheleznyaya doroga. Vchera. Segodnya. Zavtra. 1870–1995 gg. [Southwestern Railway. Yesterday. Today. Tomorrow. 1870–1995]. Kii'v: Transport Ukraïni, 1995: 243 p. [in Russian]
- Zapiska..., 1871** – Zapiska o neobhodimosti postrojki zheleznoj dorogi ot stancii Vorozhba (na Kursko-Kievskoj zheleznoj doroge) do stancii Dergachi (na Kursko-Har'kovskoj zheleznoj doroge) chrez g. Sumy [Note on the need to build a railroad from Vorozhba station]. SPb., 1871: 13 s. [in Russian]
- Zashtatnyj gorod Belopol'e, 1880** – Zashtatnyj gorod Belopol'e [The backward town of Bilopillia]. *Yuzhnyj kraj*. 1880. 24: 3 [in Russian]
- Zavodskaya..., 1875** – Zavodskaya i fabrichnaya promyshlennost' v Har'kovskoj gubernii [Plant and factory industry in Kharkov province]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1875. 135 p. [in Russian]
- Zavodskaya..., 1878** – Zavodskaya i fabrichnaya promyshlennost' v Har'kovskoj gubernii v 1877 godu [Plant and factory industry in Kharkov province]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1878, 16 iyulya [in Russian]
- Zhurnal, 1876a** – *Zhurnal Sumskoj gorodskoj dumy* [Journal of the Sumy City Duma]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1876. 106: 1. [in Russian]
- Zhurnal, 1876b** – *Zhurnal Sumskoj gorodskoj dumy* [Journal of the Sumy City Duma]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1876. 146: 1. [in Russian]
- Zhurnal, 1876d** – *Zhurnal Sumskoj gorodskoj dumy* [Journal of the Sumy City Duma]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1876. 175: 1. [in Russian]
- Zhurnal, 1876e** – *Zhurnal Sumskoj gorodskoj dumy* [Journal of the Sumy City Duma]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1876. 207: 1. [in Russian]
- Zhurnal, 1876s** – *Zhurnal Sumskoj gorodskoj dumy* [Journal of the Sumy City Duma]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1876. 160: 1. [in Russian]
- Zhurnal, 1878** – *Zhurnal Sumskoj gorodskoj dumy* [Journal of the Sumy City Duma]. *Har'kovskie gubernskie vedomosti*. 1878, 24 noyabrya: 1. [in Russian]

Zhurnaly GUZS, 1877 – Zhurnaly XII ocherednogo Graivoronskogo uezdnoho zemskogo sobraniya s 21-e po 27-e sentyabrya 1876 goda i ekstrennogo 18 yanvarya 1877 goda [Journals of the XII Ordinary Zemstvo District Assembly of Graivoron]. Kursk: Kurskaya zemsk. tip., 1877: 196 p. [in Russian]

Zhurnaly SUZS, 1878 – Zhurnaly ocherednogo Sumskogo uezdnoho zemskogo sobraniya, byvshego 15, 16, 17, 18, 20, 21 i 22-go sentyabrya 1877 goda [Journals of the Ordinary Zemstvo District Assembly of Sumy]. Sumy: Tip. K. M. Pashkova, 1878: 302 p. [in Russian]

Zhurnaly SUZS, 1879 – Zhurnaly ocherednogo i chrezvyhajnyh Sumskih uezdnyh zemskih sobranij, byvshyh 10, 11, 12, 13, 14, 15 i 16 sentyabrya, 7, 8 i 9 oktyabrya 1878 goda i 22 aprelya 1879 goda [Journals of the Ordinary Zemstvo District Assembly of Sumy]. Har'kov: Tip. Har'k. okruzh. shtaba, 1879: 523 p. [in Russian]

Zhurnaly SUZS, 1880 – Zhurnaly ocherednogo i chrezvyhajnyh Sumskih uezdnyh zemskih sobranij, byvshyh 20, 21, 22 sentyabrya, 8 i 10 oktyabrya 1879 goda s prilozheniyami k nim [Journals of the Ordinary Zemstvo District Assembly of Sumy]. Sumy: Tip. K.M. Pashkova, 1880: 391 p. [in Russian]

Общественное значение, проектирование и прокладывание магистралей в Российской империи в 1870-е годы (на примере строительства Сумской железной дороги)

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Дмитрий Валерьевич Кудинов ^c

^a Сумской государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Сумской областной институт последипломного педагогического образования, Сумы, Украина

Аннотация. Публикация отражает основные вопросы проектирования и строительства железных дорог в Российской империи на примере Сумской линии Харьковско-Николаевской железной дороги (Сумской железной дороги). Выделены этапы ее осуществления: 1) постановка Сумским уездным земским собранием задачи строительства дороги и осуществление предварительных изысканий на этот счет; 2) продвижение инициативы земцев в повестку Комитета министров и организация Министерством путей сообщения плано-проектных работ; 3) определение подрядчика и проведение им необходимых подготовительных и строительных работ.

Указано, что необходимость создания Сумской железной дороги диктовалась, прежде всего, нуждами местной свеклосахарной промышленности, над которой в 1870-е годы нависла угроза кризиса из-за вырубке лесов, вздорожания цен на топливо, транспортировку сырья и продукции. Отмечается, что вместе с тем органы местной власти преследовали и иные задачи в реализации магистрали, соответствовавшие ожиданиям общего хозяйственного подъема, а также улучшения пассажирского сообщения. Установлено, что маршрут и основная техническая документация железной дороги разработаны инженером Министерства путей сообщения Рудницким.

Вместе с тем его коррекция оказалась допустимой по ходатайству органов местной власти. Особое значение в описании реализации строительства магистрали отведено назначенному Обществу Харьковско-Николаевской железной дороги (подрядчик) главному инженеру Евгению Михайловичу Духовскому. При этом отмечены не только очевидные его организаторские способности, отразившиеся на быстрых сроках окончания дороги, но и негативные стороны, связанные с нечистоплотными финансовыми расчетами, а также с пренебрежением к качеству исполнения путей и формирования подвижного состава, что грозило авариями и необходимостью дополнительных денежных вливаний на исправление недостатков уже во время эксплуатации дороги.

Проанализированы правовые аспекты осуществления строительства, закрепленные в уставе Общества Харьковско-Николаевской железной дороги. Уделено внимание сопутствующим строительству вопросам – отчуждению частных владений, описанию по правительственному распоряжению экономического потенциала территорий, расположенных по обеим сторонам от дороги, изменениям почтовых трактов и образованиям многочисленных подъездных к станциям путей. Доказан положительный эффект от функционирования Сумской железной дороги на основании данных за первое десятилетие ее существования.

Ключевые слова: развитие инфраструктуры, устойчивая инфраструктура, общественная инфраструктура, Общество Харьковско-Николаевской железной дороги, Министерство путей сообщения, Сумское уездное земское собрание.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А.Е. Лебедь)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 777-788
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.777

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The History of the Cattle Industry in the Steppe Region (late 19th – early 20th centuries)

Saule Mamytova ^{a, b, *}, Ziyabek Kabuldinov ^{b, c}, Nurbek Shayakhmet ^a

^a Astana IT University, Republic of Kazakhstan

^b Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan

^c Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the history of entrepreneurial activity in the livestock industry, specifically the origin and development of market relations in the late 19th to early 20th centuries in the Steppe region. Based on archival documents, statistical collections, and works of Russian pre-revolutionary researchers, the features of transformation and adaptation of farms of nomadic pastoralists to new commodity-money principles have been analyzed. Moreover, this article examines the basic directions of the livestock breeding business at different stages of the development of Kazakh society and their causality. The scientific novelty of the article lies in a comprehensive study of entrepreneurial activity in the sphere of commodity livestock breeding in a specific macro-region at the stage of its involvement in the all-Russian market. As a result of the study, it was concluded that the Kazakhs were at the origins of the livestock industry in the Steppe region, because of having a number of competitive advantages. First of all, it was their better knowledge of livestock breeding, as from ancient times it was their only occupation due to the arid natural conditions. An important factor of entrepreneurial activity was a sufficiently high adaptive potential of nomads, who quickly adapted their economy to the needs of the market.

One manifestation of this was a flexible reorientation of the livestock breeding business from sheep breeding to cattle breeding, which had greater market demand and sufficiently high profitability. In the process of analyzing the profitability of agricultural budget items at the end of the 19th century and the beginning of the 20th century, the features of the development of commercial pastoralism were identified in the following areas: sheep breeding, horse breeding, and cattle breeding. Finally, this research studies the specific mechanism of pricing policy in specific-historical conditions, the innovation potential of entrepreneurship, as well as the influence of state policy on the development of regional livestock breeding businesses.

Keywords: livestock industry, Steppe region, market relations, bai-entrepreneurs, marketable products, livestock, livestock raw materials, privately owned farms.

1. Введение

Весьма притягательным для бурно развивающегося бизнеса России в конце XIX – начале XX веков был Степной край. Административно он представлял собой Семипалатинскую и Акмолинскую области. Данная территория издавна привлекала внимание предпринимателей своими богатыми недрами, и особенно скотоводческим сырьем. Так, например, по официальным данным Тобольской губернии, во второй половине 50-х годов XIX века у казахов ежегодно закупалось до 450 тысяч баранов и до 100 тысяч голов рогатого скота. И «...ценность всего покупаемого в степи скота равнялась 2425 тысяч рублей серебром. Из означенного числа до 10 тысяч голов рогатого скота и незначительного количества баранов гнали в Пермскую и Оренбургскую губернию и часть рогатого скота доставляли даже в Петербург...» (Несколько слов..., 1857: 242). В дальнейшем скотоводческий бизнес получил

* Corresponding author

E-mail addresses: mamutova-pvl@mail.ru (S.N. Mamytova)

значительное развитие в Степном крае. В 1861 г. в общем торговом обороте Западной Сибири в 8,2 млн. рублей привоз скотоводческого сырья из Степи составлял 3,3 миллиона рублей. А в 1914 году он возрос почти вдвое и составил 5 569 920 рублей ([Обзор Акмолинской области, 1915: 40](#)).

В рассматриваемый период происходило укрепление и расширение рыночных отношений. Этот процесс особо прослеживался на таких тенденциях, как развитие товарного скотоводства, увеличение торговых операций, превращение зажиточной части скотоводов в скотопромышленников, возникновение и развитие промышленности по переработке скотоводческой продукции.

Быстрыми темпами формировался слой деловых скотопромышленников. Наряду с предприимчивыми казахами, которые действовали в тесной связи с рынком, в Степном крае в начале XX века доминирующее положение занимали переселенцы из Европейской России. Между ними сложились противоречивые конкурентные взаимоотношения.

Изучение развития предпринимательства в Степном крае позволяет показать специфику отраслевой специализации предпринимательства, определяемой исторически сложившимися традициями, природными и культурными особенностями региона.

2. Материалы и методы

При написании статьи были проанализированы документы из фондов Государственного архива Восточно-Казахстанской области (ГАВКО), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), а также Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА РФ). В рамках исследуемой проблемы наиболее репрезентативными, на наш взгляд, являются архивные документы ЦГА РК, Фонда 64 – Канцелярии Степного генерал-губернатора. Значительный корпус делопроизводственных документов составляют отчеты. Они содержат сведения о населении, количестве скота, численности фабрик и заводов и т.д. Наибольшую ценность в отчетах представляют «Обзоры», которые с 1870 г. периодически издавались статистическими комитетами. Они позволяют рассмотреть социально-экономические процессы в динамике, выявить особенности регионального развития предпринимательства.

По некоторым вопросам темы для подтверждения достоверности архивных источников было проведено сопоставление с изданными сборниками, такими как «Сборник статистических сведений о движении населения, скота и урожаях по КСР с 1880–1922 гг.» (1925), «Обзор состояния транспорта и рынков по данным периодической печати. Состояние мясного рынка за вторую половину 1916 г.» (1916). Вместе с тем была привлечена статистика, содержащаяся в «Материалах по обследованию хозяйства и землепользования киргиз...» по областям и уездам Степного края. Сведения, собранные в ходе статистических экспедиций, показывают проникновение в край товарно-денежных отношений, а также изменения в хозяйствах казахов под действием рынка.

Опубликованные сведения дополнены данными, полученными нами из справочных сборников: «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 18. Киргизский край» ([Россия. Полное географическое описание... Т. 18, 1903: 591](#)) и «Азиатская Россия» ([Т. 2. Земля и хозяйство, 1914: 638](#)). Наряду с географическими, картографическими материалами, в них содержатся статьи о предпринимательских хозяйствах, занимающихся товарным скотоводством.

В арсенале справочной литературы имеется также еще не введенный в должной мере в научный оборот сборник «Коневодство и скотоводство на казенных землях в Азиатской России», который отличается большей информативностью. В частности, в нем представлена подробная информация о количестве скота, улучшении их породы путем селекции, создании и развитии производства по переработке скотоводческой продукции. Анализ этих материалов позволяет оценить степень распространения интенсивных технологий и проследить динамику развития товарного скотоводства.

Сведения о частновладельческих хозяйствах Акмолинской и Семипалатинской областей содержатся в сборниках, составленных по запросу Управления землеустройства и земледелия Переселенческого управления ([Крупные частновладельческие..., 1914: 120](#); [Частновладельческие хозяйства в Семипалатинской области, 1912: 126](#)). В них содержатся наиболее полные описания частновладельческих хозяйств Степного края с 1900 по 1914 годы. Представленные материалы свидетельствуют о предпринимательском характере деятельности владельцев этих хозяйств, использовавших разные нововведения: более совершенную технику, новые породы скота и кормов.

Богатством статистических сведений отличаются труды дореволюционных исследователей, в которых содержатся материалы, раскрывающие предпосылки, факторы активизации деятельности предпринимателей в Степном крае.

Больше статического, нежели аналитического материала, содержится в трудах Ф. Усова ([Статистическое описание, 1879: 284](#)), Л.К. Чермака ([Чермак, 1908: 21-32](#)), Н. Коншина ([Коншин, 1900](#)) и др., что было связано со стремлением авторов на основе сравнительной фактологии обосновать свои выводы. Они собрали и обобщили сведения о социальном составе, форме и направлении деятельности предприимчивых сельских хозяев.

Особую ценность представляют труды представителей казахской интеллигенции, хорошо знавших специфику жизнедеятельности казахов-скотоводов. Так, например, лидер национально-освободительного движения Алаш А. Букейханов проанализировал большой объем материалов, собранных во время

экспедиций по степным областям в 1896–1903 годах во главе со статистиком Ф. Щербиной. Он дал критическую оценку появлению смешанных казахских скотоводческо-земледельческих хозяйств (Букейханов, 1900; Букейханов, 1902: 10). Аналогичное отношение выразил демократический деятель М. Сердалин (Сердалин, 1900; Сердалин, 1900: 7-12). Он предостерегал от безоглядной распашки больших площадей, которая может привести к опустыниванию степей. Не отрицая пользу земледелия, М. Сердалин выступал за сохранение и развитие в Степи скотоводческой культуры, ориентированной на потребности рынка.

Работа выполнена с применением методов дискурсивного анализа трудов дореволюционных исследователей Степного края, а также материалов статистики и периодики, сохранившихся в архивных фондах Казахстана и России. Применение историко-системного, сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов позволило выявить особенности развития скотопромышленности данного региона в дореволюционный период.

3. Обсуждение

В контексте предлагаемой темы интерес представляют советские и современные исследования. До 50-х годов прошлого столетия проходила острая дискуссия по вопросу перспектив развития хозяйства казахов-скотоводов. Группа ученых в составе А. Ермакова, М.Г. Сириуса, А.Н. Челинцева и других (Кондратьевщина, 1931: 143) выступала за признание кочевого скотоводческого хозяйства при существовавших условиях в степи наиболее продуктивным. Данная точка зрения была поддержана авторами коллективного труда «Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях» (Казахское хозяйство, 1926: 186). Они на широкой документальной основе показали процесс вовлечения кочевников-скотоводов в товарно-денежные отношения. Согласно одному из авторов, Т.И. Ануфриевой, «наиболее втянутыми в рыночные отношения были скотоводческие хозяйства Актюбинского, Акмолинского, Кустанайского, Петропавловского уездов, в которых «...больше трети продукции скотоводства претворяются в деньги» (Казахское хозяйство, 1926: 128). По мнению руководителя Казахской экспедиции, соавтора этой монографии С.П. Швецова, «...уничтожение кочевого быта в Казахстане ознаменовало бы собою не только гибель степного скотоводства и казахского хозяйства, но и превращение сухих степей в безлюдные пустыни» (Казахское хозяйство, 1926: 142-154). Аналогичную позицию занимает С.И. Руденко, который пишет: «Скотоводство никак не может рассматриваться как стадия хозяйства, стоящая ниже земледельческого. ...Временная нищета – ненадежный путь к прочной оседлости...» (Руденко, 1930: 1-72).

История скотопромышленности в Семипалатинской губернии обзорно рассматривается в небольшом очерке агрария А.Д. Куминова. Без указания источников, он дает подробную информацию об особенностях этой формы бизнеса местных предпринимателей. Проследившая ее эволюцию, он отмечает, что «...к 1900 году скотопромышленность приняла форму крупной торгово-промышленной сети с массой разветвлений, охватывавших все глухие углы губернии» (Куминов, 1926: 34). Он отмечает ряд преимуществ этого вида деятельности. Например, имеется большой спрос на скотоводческую продукцию, облегчена доставка на дальние расстояния, не требуется сложных орудий и дорогого инвентаря (Куминов, 1926: 5). Автор утверждает, что «...колоссальные излишки скота, которые население имело в Семипалатинской губернии, побудили многих предприимчивых людей заняться скупкой скота в степных районах губернии с тем, чтобы этот скот доставить на те рынки, где его нет и население в нем нуждается» (Куминов, 1926: 33). А.Д. Куминов также обращает внимание на формирование в течение длительного периода развития скотопромышленности в крае квалифицированных кадров, организаторов скотопромышленного дела, гуртовщиков, погонщиков, скупщиков. Он показывает план скотопромышленных работ, включающий приезд крупных скотопромышленников, скупку скота у местных скотопромышленников, скупку скота на ярмарках через доверенных лиц, нагульные операции, перегон скота к местам убоя (Куминов, 1926: 35). По мнению А.Д. Куминова, Первая мировая война, а затем революционные события 1917 г. окончательно нарушили планомерную работу скотопромышленности в крае. На основе анализа истории развития скотопромышленности, хорошего знания скотоводческого потенциала края автор дает рекомендации по развитию перспективных отраслей: мясо-шерстного овцеводства и молочного скотоводства.

В 1930-х годах выходят первые обобщающие труды, такие как Справочная книга «Весь Казахстан» (Весь Казахстан, 1931: 420) и «История Казахстана (с древнейших времен)» под редакцией С.Д. Асфендиярова. Анализируя сложную картину дифференциации социальной структуры казахского общества, он отмечает сильное влияние российского рынка, в результате которого формируются баи капиталистического, фермерско-кулацкого типа. Численность нового байства, по приводимым С.Д. Асфендияровым данным, составляла примерно 8–12 % от всего казахского населения (Асфендияров, 1935: 215).

Рост товарности казахского скотоводства в начале XX века также исследовал А.Н. Нусупбеков. Динамику этого процесса он проследивает по данным о количестве скота, поступавшего на Сибирскую железную дорогу для дальнейшего следования на рынки Западной Сибири и Европейской России «...в 1906 году – 25 тыс. голов казахского скота, в 1910 году – 106 тыс. голов, в 1912 году – 84 тыс. голов» (Нусупбеков, 1998: 170).

Некоторые изменения в историографии социально-экономической истории наметились во второй половине 50–60-х годов. К изучению социально-экономической структуры кочевого общества со всеми противоречиями, свойственными характеру производительных сил дореволюционного Казахстана, обращается экономист С.Е. Толыбеков (Толыбеков, 1957: 3-91). Он рассматривает кочевое скотоводство и оседлое земледелие как различные сферы материального производства. Скотоводческие хозяйства он делит на кочевые или чисто скотоводческие, а также полукочевые или скотоводческие с зачатками земледелия. В его типологии упущен важный момент, что в одних и тех же зонах края могли сосуществовать несколько разных видов хозяйств.

Ведущим исследователем по данной теме является талантливый советский историк Е.Б. Бекмаханов. Сбор большого количества нового фактического материала и его глубокий анализ позволили ему всесторонне рассмотреть проблему трансформации хозяйства казахов-кочевников под влиянием рынка (Бекмаханов, 1966: 191). Другой советский исследователь аграрного рынка П.Г. Галузо выдвинул новые идеи, сильно отличавшиеся от прежних стереотипов по отношению к кочевникам. Сравнивая данные за 1910 г. о переселенческих и местных казахских хозяйствах, он увидел, что «...переселенческое хозяйство было втянуто в товарные отношения даже несколько слабее, чем казахское» (Галузо, 1968: 57). Он пишет: «Переселенцы не обогнали местное крестьянство, в частности казахов, в части техники земледелия. Не обогнали они его в части развития капитализма, зарождения индустриальных форм капитала в сельском хозяйстве. ...В казахских аулах капитализм в сельском хозяйстве был более развит, чем в русских поселках» (Галузо, 1968: 147). П.Г. Галузо подчеркивает масштабность деятельности казахских баев-скотопромышленников, которые «...стремились как можно больше продать скота не только на местных рынках, но и вывезти его на рынки Европейской России и даже за границу» (Галузо, 1968: 40). О высоком уровне их бизнеса также свидетельствует, как указывает П.Г. Галузо, сочетание скотопромышленности с промышленной деятельностью. В качестве примера он называет ряд крупных скотопромышленников, которые активно проводили политику диверсификации капитала. Это – Искаков, Усланов, Мумьджанов, владевшие еще и салотопенными заводами, Кошаров, имевший кожевенный завод, Кикин, получавший прибыль за счет мукомольной мельницы. Кроме того, пишет он, «...многие бай-предприниматели были тесно связаны с крупными российскими фирмами и банками. Отдельные скотопромышленники, в том числе и бай, вели коммерческие операции и с некоторыми иностранными фирмами» (Галузо, 1968: 64). На основе анализа собранных дореволюционными статистами сведений в ходе обследования скотоводческих хозяйств казахов П.Г. Галузо утверждает, что «именно хозяйства, ставшие наиболее последовательно на капиталистический путь развития, отвоевали себе в казахском животноводстве все большее и большее место» (Галузо, 1968: 112).

Новый подъем исследовательской мысли происходит в конце 80-х годов. В это время выходит коллективный труд «Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков» (1988). В нем представлены разнообразные фактические сведения о взаимодействии и взаимозависимости скотоводства и земледелия в условиях товарно-денежных отношений.

Начиная с 90-х годов происходит постепенный отказ от советской тенденциозности, новое осмысление получает феномен предпринимательства в истории казахского общества в дореволюционный период. В современных трудах казахстанских ученых Х.М. Абжанова (Абжанов, 2003: 295), Ж.О. Артыкбаева (Артыкбаев, 1993: 329), К.Ж. Абилова (Абилов, 2006: 375) и др. затрагиваются отдельные аспекты развития рыночных отношений и предпринимательства в конце XIX – начале XX веков. На основе анализа комплекса источников исследователи подчеркивают относительно высокую способность казахов-кочевников к адаптации в процессе взаимодействия с новыми рыночными отношениями. Также они подтверждают, что приоритетной сферой получения прибыли в Степном крае было товарное скотоводство.

4. Результаты

Лидирующее положение в скотопромышленности Степного края в конце XIX века по-прежнему занимали казахские предприниматели. Они лучше знали скотоводческое дело, которое издревле было единственным занятием на этой территории. Природа определила целесообразность развития здесь скотоводства. Обширные степные и луговые пространства края как нельзя более благоприятствовали ведению скотоводческого хозяйства (Чермак, 1908: 239). В военно-топографическом и статистическом описании Казахской степи, также говорилось о благоприятных природных условиях для скотоводства: «Размножению скота весьма благоприятствуют привольные дуга, обильные травоя...» (РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 61. Л. 72). Многовековое занятие скотоводством выработало необходимые для этого навыки. Так, казахи мастерски справлялись с задачей водообеспечения, которое было очень важно для содержания многочисленного скота. На одном из совещаний Степного генерал-губернатора в 1908 году было отмечено конкурентное преимущество казахов в рытье колодцев, из которых «...можно напоить до 1000 лошадей и 1000 баранов, в то время как чиновники выроют таких, из которых не напоить и 20 лошадей» (Киргизы, 1908: 53).

Проведенные царским правительством аграрные реформы на национальных окраинах стимулировали переход хозяйств к товарно-денежным рыночным отношениям. Крупные перемены произошли в скотоводческих хозяйствах Степного края. По этому поводу дореволюционный исследователь Л.К. Чермак отмечал: «С переходом киргиз к более сложным формам хозяйства, при которых скот перестает удовлетворять почти все потребности киргиза, а делается продуктом обмена, влияние естественных условий отходит на второй план, и киргиз приспособливает свое хозяйство не к природе, а к рынку...» (Чермак, 1908: 30). Традиционное занятие казахов скотоводством постепенно принимало товарный характер и имело наибольшую доходность. По материалам обследования хозяйства казахов Семипалатинской области в начале XX века «...величина дохода составляла 70 %» (Материалы по обследованию хозяйства, 1913: 312). Торговля скотом, кожей, мясом стояла на первом месте в деятельности предпринимателей Степного края. А.К. Гейнс писал: «...К числу важных предметов, получаемых в России от киргиз, принадлежат лошади, бараны и козы, которые большими табунами отгонялись в Россию, постепенно переходя с ярмарки на ярмарку. Потом следовали сырые кожи, овечья и верблюжья шерсть, из которой приготавлились сукна на фабриках» (Гейнс, 1897: 173).

Важным предметом торговли и вывоза из степи было курдючное сало. Казахские овцы отличались «мясистостью и обилием сала, которое скопляется в задней части, образуя большой нарост, называемый курдюком» (Статистическое описание, 1879: 222). Хороший сальный мешок двух-трехлетнего казахского барана давал до пуда сала, а иногда – даже и более (Вл. фон Герн, 1899: 20). Возрастание спроса на баранье сало также было связано с производством свечей и мыла (Аполлова, 1976: 204). Кроме сала, курдючный баран давал 1,5 пуда мяса в туше и 3-4 фунта шерсти (Вл. фон Герн, 1899: 21). Особенно ценилось сочное мясо ягнят казахских овец. Их «ежегодно отправляли в Петербург для удовлетворения потребности придворного стола» (Аполлова, 1976: 204). Достаточно высокие качества казахской породы овец привлекали внимание предпринимателей-скотоводов не только в казахских станицах края, но и наблюдается разведение казахской породы овец в Поволжье (Аполлова, 1976: 204). Первым товаром в казахских торгах считалась «...волнистая казахская мерлушка, которая уступала по качеству лишь бухарской, но была дешевле ее, расходилась быстрее» (Аполлова, 1976: 204). Длительное время товарность мелкого скота в связи с рыночным спросом на мясо, на бараньи и козы кожи, шерсть и прочее была значительно выше, чем товарность других видов скота (Асфендияров, 1935: 115).

Начиная с конца XIX века произошло изменение в качественном содержании товарной скотоводческой продукции. Предпринимательский расчет побуждал казахов больше выращивать крупный рогатый скот, чем овец и лошадей. Преимущественно производством товарного рогатого скота занимались оседлые казахи. Количество такого скота у них «...доходило до 40-50 %, а лошадей насчитывалось лишь 30-40 %» (Азиатская Россия, 1914: 300). Особенно разведение крупного рогатого скота стало главным, выгодным промыслом казахов Прииртышья, которые мало кочевали и имели меньше овец и верблюдов. «...Рогатый скот составлял у прииртышских киргиз целую треть всего стада. Это объяснялось, с одной стороны, возможностью делать большие запасы сена, а с другой – требованиями рынка именно на крупный рогатый скот» (Материалы по обследованию хозяйства, 1912: 223).

Разведением этого вида скота в основном занимались казахские баи. В одном из областных обзоров было написано: «...У более богатых скотоводов ...вместо баранов, составлявших первую статью киргизского хозяйства, главное внимание обращалось на рогатый скот, табуны которого идут из Павлодарского и частью Семипалатинского уездов на продажу в Оренбург» (Обзор Семипалатинской области, 1886:11).

Разводимые казахами коровы пользовались большим спросом. Ф. Усов писал: «...Киргизский рогатый скот, хотя мал величиною, предпочитается крестьянскому, по лучшему вкусу мяса. Молока степная корова дает в один удой около половины ведра и доится круглый год» (Статистическое описание, 1879, 1879: 222). Из всех статей приходного сельскохозяйственного бюджета Степного края максимальный денежный доход давало молочное скотоводство (ГАВКО. Ф.631. Оп.1. Д. 81. Л. 41, 47). Развитие маслоделия стимулировало разведение крупного рогатого скота и улучшение его породности. В некоторых местах края, где маслоделие было значительно развито и приняло торговый характер, население приходило к заключению, что выгода кроется не в количестве, а в качестве скота, почему и озабочивалось его улучшением (Обзор Акмолинской области, 1914: 59). Предприимчивые казахи с целью улучшения крупного рогатого скота стали разводить в крае коров астраханской породы, называвшихся «сарану сиыр» (породистая корова). Стремление крестьян улучшить породность скота являлось показателем роста товарного скотоводства.

Новшеством для казахов-скотопромышленников стало строительство зимовок с загоном для скота. В архивном документе содержится следующее описание зимовки в Прииртышье: «...Для сохранения скота от суровых зим и буранов в северной и средней половине ее начали устраивать в течение последнего двадцатилетия сырцовые или же дерновые с плоскими крышами, а иногда даже и деревянными, зимовки. При зимовках устраивают крытые дворы для помещения скота и защиты его от стужи и сильного ветра зимою, но дворы эти недостаточно обширны для вмещения всего скота, принадлежащего владельцам этих зимовок...» (ЦГАРК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 471. Л. 7-10).

«...Обилие лугов при Иртыше, приносящих в самые неурожайные годы богатейшие запасы сена, давало возможность продовольствовать целую зиму пригоняемый сюда скот из степи... По Иртышским станицам число скотопромышленников было весьма значительно. Торговля рогатым скотом стала достаточно прибыльным делом для прииртышских казаков. Только казаки, как владельцы богатых и даже лучших пастбищ по лугам Иртыша и северных ковыльных степей, приближались по количеству имеющегося скота у них к киргизам...» (Россия, 1903: 244). В основном «казаки приобретали у казахов 2-летних коров и бычков, так называемых «таинчей», выменивая на товары или задавая вперед деньги от 2 до 4 рублей за штуку. По прошествии 2-3 лет, выкормив этих животных на своих сенокосных участках, казаки продавали их уже за 20 и 25 рублей заезжим на линию крупным скотопромышленникам, которые отправляли отсюда большие гурты в Россию или Енисейскую губернию на золотые промыслы. Зажиточные казаки перепродавали в год от 50 до 100 голов и даже более; обладающие небольшим достатком штук по 10-15...» (Статистическое описание, 1879: 223). А.К. Гейнс показал, как осуществлялась операция по торговле крупным рогатым скотом в Верхнем Прииртышье: «...Покупка гуртов рогатого скота производилась в Семипалатинске с половины сентября до осени. Купленные здесь гурты всю зиму кормились тут же, для чего снимались луга в 7-м полковом округе. Кормили сеном до 10 апреля. Вся эта операция производилась местным купечеством. В марте месяце сюда приезжали купцы для закупки скота на золотые прииски в Енисейской губернии, а также для отправки на линию. После совершения покупки скот гнали в Енисейскую губернию и степью в Троицы; при этом гурты шли на подножном корму...» (Гейнс, 1897: 337).

Что касается лошадей, то основными рынками сбыта выступали переселенческие деревни. Крестьяне рассматривали лошадей как ценную рабочую силу, пригодную для работы в поле. Также постоянными покупателями лошадей были городские жители. В начале XX века в Степном крае заметно стало развиваться коннозаводческое дело. Частные конные заводы, занятые разведением верховой лошади, находились преимущественно в Акмолинской области, на арендованных у казаков войсковых землях. «В 1914 году только лишь в Омском уезде было 8 конных заводов» (Обзор Акмолинской области, 1914: 21). Немного меньше коннозаводческое дело было развито в Семипалатинской области. Наряду с известными в Степном крае русскими коннозаводчиками Плещеевым и Сорокиным, имелись и казахские скотопромышленники, специализировавшиеся на этом бизнесе. Так, например, «в Акмолинской области были 2 конных завода местных киргизов...» (Азиатская Россия, 1914: 308). В целях повышения доходности своих хозяйств коннозаводчики организовывали «...специальные племенные рассадники и по советам ветеринарных врачей проводили случки...» (Турсунбаев, 1950: 83). К сожалению, таких предпринимателей-коневодов было мало. Об этом имеется свидетельство в одном из архивных документов из фонда Канцелярии Степного генерал-губернатора, в котором было записано, что «...они все были на пересчет в степи» (ЦГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 338. Л. 520б.). За успешное ведение коневодства, наряду с другими крупными скотопромышленниками, был награжден серебряной медалью один из крупных предпринимателей Павлодарского Прииртышья Садуакас Чорманов. Его табуны «состояли из 8 тысяч лошадей» (ЦГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 823. Л. 40б.). Состоятельные коневоды-казахи ежегодно продавали лошадей приезжающим для закупок в степь «...преимущественно в конце марта барышникам из Оренбурга, Самары и других, ближайших к степи, местностей Европейской России» (Вл. фон Герн, 1899: 29). Местные коневоды в основном обеспечивали в основном нужды рынка в рабочих лошадях. В Павлодарском уезде было одинаково распространено как размножение рогатого скота, так и коневодство, в Семипалатинском и Акмолинском уездах значительно преобладало количество лошадей. Ф. Усов писал: «...По развитию коневодства уезды следуют в таком порядке: Семипалатинский, Акмолинский, Павлодарский, Каркаралинский и Усть-Каменогорский: в них число лошадей соответствует численности населения» (Статистическое описание, 1879: 222).

Кроме овец, лошадей и крупного рогатого скота, предметом торговли казахов были «...избытки продуктов скотоводства, частью в сыром виде (кожи, шерсть), частью в обработанном (войлок, армячина, пр.)» (Коншин, 1896: 13). Большую прибыль давала продажа шерсти. «...48 % собранной шерсти отчуждалось на рынок, частью в натуральном виде, частью кошмой и шепкеном. В среднем 1 фунт всякого рода шерсти продавали по 13,3 копейки за фунт. Доход от продажи шерсти на хозяйство составлял 7 рублей 66 копеек...» (Материалы по обследованию..., 1913: 123). Особенно много было кошмы – войлочных ковров. Покупателей привлекали многочисленные достоинства кошмы: она хорошо держала тепло, благодаря своим специфическим свойствам, защищала жилище от всяких насекомых и даже от пожара. Чтобы придать кошме товарный вид, мастерицы красили ее в разные яркие цвета.

Еще одно скотоводческое сырье, которое активно реализовывалось на местных рынках, была кожа домашних животных. Например, «...по данным 1913 г., из 100 штук лошадиных кож немного больше 5 (5,4 %) шло на нужды хозяйства, а все остальное продавалось. В среднем лошадиная кожа, независимо от ее размеров продавалась за 3 рубля 64 копейки, коровья – за 3 рубля 93 копейки, овечья шкура – 64 копейки...» (Материалы по обследованию..., 1913: 124).

Важным продуктом в торговле казахов являлись армячина (ткань из верблюжьей шерсти), арканы (волосные веревки) и кошмы. Они пользовались большим спросом в Степном крае.

Хороший сбыт скотоводческих товаров был налажен в Прииртышье: от Павлодара до Омска. Армячину больше выделывали в Туртугальской волости Акмолинской области, где было много верблюдов (Гейнс, 1897: 338).

В числе торговцев сырьем были крупнейшие скупщики Сибири и России: Мусин (Семипалатинск), Эрман (Казань), братья Блюменталь (Петропавловск), Мусабаев (Джаркент) и др. (Лаптьев, 1907: 18). Крупные скотопромышленники «...составляли гурты скота, покупая его на местных ярмарках. Имея своих пастухов, или «чебашов», которые и направляли скот в течение летнего периода, во время перегонов, на сотни верст...» (Обзор состояния транспорта, 1916: 12).

Богатыми скотопромышленниками были братья Казангаповы, родовые кочевья которых находились в Павлодарском уезде, в местности Баянаул. «Они вели обширную торговлю скотом, который по преимуществу гнали на золотые прииски Восточной Сибири. Этой торговлей они составили миллионы» (Гейнс, 1897: 326). В Верхнем Прииртышье, на участке Бутакова, крупными арендаторами были скотопромышленники Галимжан Баймуратов, Хамидулла Абжедилев, Джарлгап Сатубалдин. Они «...покупали много скота (преимущественно КРС) на местных ярмарках, а затем пригоняли его для поправки на Бутаковский участок.... На участке для скота сделаны особые пригоны...» (Коншин, 1901: 69).

«...Гурты скота сосредотачивались около станицы Павлодар, Лебяжьей, Кривинской, Черноярской, Песчанской; общее число голов скота в этих гуртах простиралось до 15 тысяч, находящихся во владении 40 или 50 местных капиталистов, у которых скупали поставщики в Россию и Сибирь. Поставкой в Россию занимались человек 7 или 8 капиталистов, которые сбывали скот в Оренбургской и Московской губерниях и в Казани. С 1859 по 1863 годы было отправлено туда скота 26 000 голов, следовательно, в год сбывалось около 5 000. Продавали скот не числом голов, а на вес. Это делалось так: делали забойку 1/3 части всего гурта, взяв поровну лучших, средних и худших голов, определяли средний вес быка, помножив который на число быков, получали общий их вес и продавали пуд мяса по 2 руб. 80 коп., кожа шла за пуд, сало в счет не принималось. При таком способе продажи скота скотогоны получали возможность покрывать все свои расходы: по рассказам их самих, они имели от каждой 2 головы барыша от 2 до 4 руб. серебром, что при значительной величине оборота капитала, употребляемого ими в операцию, составлял хорошее вознаграждение...» (О киргиз-кайсаках вообще, Б.г.: 24).

В работе А. Смирнова «Куяндинская ярмарка» дается следующее описание торговли скотом в Павлодарском уезде: «...В записях по Аккелинской, Алексеевской и Баян-Аульской волостях, где существует крупное коневодство, отмечено, что мерные, крепкие матки и жеребцы закупаются в крупных хозяйствах приезжими из Саратовской губернии скупщиками, приказчиками или самими хозяевами. На место приезжают в март, апрель, покупка производится за наличный расчет. На месте дается только задаток, а остальная сумма уплачивается в Акмолинске, куда продавец обязан доставить скот. Следует заметить, что в районе этих же волостей крупные хозяева сбывают баранов и коз торговцам в Акмолинск, откуда скот направляется в Европейскую Россию. Как общее правило, сбыт скота и продуктов скотоводства крупные и зажиточные хозяйства ведут за деньги. Наоборот, мелкие и слабые хозяйства, вынужденные кредитоваться, расплачиваются скотом. На месте, в степи, скупщиками приобретаются лучшие, в качественном отношении, экземпляры, между тем как нередко бывает, на рынок скот вывозится на продажу вследствие нужды, и, конечно, при таких вынужденных продажах цены идут не вверх, а вниз. Однако отмеченное превышение местных цен наблюдается не всегда. Так, мерин, этот главный контингент рабочей лошади, на которых на рынке большой спрос со стороны крестьянских и киргизских хозяйств, расценивается на рынках дороже, чем на местах. На рынке сбываются и яловые кобылицы. Казалось бы, что рыночная цена, подобно цены на меринов, должна стоять выше местной. Однако, судя по годовым ценам в обеих частях уезда, только что сделанное предположение не оправдывается. Такое кажущееся противоречие объясняется тем, что на рынке сбываются худшие по качеству и более старые экземпляры. На месте же в сферу купли-продажи вводятся более молодые и способные к плодonoшению кобылицы... Высокий уровень осенних цен обуславливается распространенными в это время и в начале зимы ярмарками...» (Куяндинская ярмарка, 1924: 53).

Северная часть Павлодарского уезда тяготела к следующим торговым пунктам массового сбыта скота: «...к ст. Урлютюпской, с ее Рождественской ярмаркой, к пос. Пятoryжскому, с Николаевской ярмаркой, и к ст. Песчанской, с Иоанно-Златоустовской ярмаркой. Западные и юго-западные части уезда сбывали скот преимущественно на пользующейся широкой известностью Куяндино-Ботовской ярмарке в Каркаралинском уезде Семипалатинской области. Кроме этого, крупную роль играли Покровская ярмарка, в ст. Баянаульской и г. Акмолинск. Сбыт южной части тяготел к ст. Семиярской, Семипалатинского уезда, с ее Екатерининской ярмаркой, к пос. Чернавскому Семипалатинского же уезда, с Варваринской ярмаркой, затем к пос. Ключевскому, Барнаульского уезда, Томской губернии. Для населения средней части Павлодарского уезда главным рынком являлся г. Павлодар и ст. Песчанская...» (Куяндинская ярмарка, 1924: 54).

Скупке скота на убой в начале XX века способствовало развитие транспортных путей, особенно строительство Сибирской железной дороги.

Однако после 1911 года в Степном крае наблюдался резкий кризис казахского скотоводства. Депрессия в торговле скотом и продуктами скотоводства была напрямую связана с катастрофическим уменьшением поголовья скота в результате интенсивного изъятия земель у казахов. «...Если принять изъятия земель за 1906–1910 гг. за 100, то в 1911–1916 гг. они составили 189,7. Причем изъятия после 1910 г. были не только обширны, но они коснулись также самых жизненно необходимых для казахов земельных площадей...» (Галузо, 1968: 68).

Усиление притока европейских крестьян в ходе Столыпинской аграрной реформы, а также правительственное решение о создании крупных скотоводческих участков на арендной основе значительно повысило товарность переселенческих хозяйств Степного края. Скотопромышленный бизнес сосредоточился преимущественно в руках зажиточных казаков, а также крестьян – выходцев из Европейской России. Например, в Семипалатинской области среди 30 наиболее крупных частновладельческих хозяйств особо выделялось скотоводческое хозяйство купца Логина Сорокина. Благодаря внушительным размерам хозяйства и использованию широкой диверсификации капитала, скотопромышленник имел большие торговые обороты. По данным исследователей, в его хозяйстве было «...100 лошадей, 280 крупного рогатого скота, 400 штук мелкого рогатого скота, примерно 3000 овец...» (Земли для коневодства..., 1913: 154).

Кроме казаков, в Павлодарском уезде этим же бизнесом успешно занимались немецкие предприниматели. Один из них, Корнис, переселенец из Екатеринославской губернии, купил плодородные земельные участки по Иртышу, затем перепродал их своим землякам. Так, в Павлодарском уезде Семипалатинской области возникла немецкая колония из 45 семей, которые больше специализировались на скотоводческом бизнесе (Земли для коневодства и скотоводства..., 1913: 21). Исследователи отмечали, что «...в новых условиях сословные и национальные отпечатки на хозяйствах сглаживаются: определяющим фактором служит личная предприимчивость и капитал...» (Земли для коневодства и скотоводства..., 1913: 154).

Исследователи обращали внимание на инновационную направленность частновладельческих хозяйств. Они писали: «...Многие записи, которыми мы располагаем, свидетельствуют, что сибирские хозяева усиленно работают над выведением новых пород скота, обеспечением новейшим инвентарем...» (Земли для коневодства и скотоводства..., 1913: 18).

5. Заключение

Таким образом, в конце XIX – начале XX веков Степной край был активно вовлечен в рыночные отношения. Возрастание спроса на скотоводческую продукцию повлияло на рост скотопромышленности. Причем существенно изменилась структура скотоводства, от разведения овец и лошадей к разведению крупного рогатого скота, а также было положено начало сельскохозяйственным инновациям: развитию молочного скотоводства, сенокошению и кормопроизводству, племенной работе, строительству зимовок с загонами для скота.

До начала XX века лидерство в скотопромышленности устойчиво находилось в руках местных богачей – казахских баев. Особенно усилилась товарность скотоводства у зажиточных казахов, которые адаптировали свои хозяйства к потребностям рынка. Они предлагали потенциальным покупателям все виды скота и скотоводческой продукции. Многие из них арендовали земли и использовали наемный труд, то есть имели предпринимательские хозяйства.

Казахи Прииртышья, ведущие оседлый образ жизни, специализировались на разведении крупного рогатого скота, который приносил им больше дохода, чем лошади и овцы. Крупными центрами коневодства были Акмолинский и Семипалатинский уезды, где успешно действовали коннозаводские хозяйства.

Однако дальнейшему развитию местных скотоводов-предпринимателей мешала политика царизма, лоббировавшая интересы переселенцев из Европейской России. После утверждения царем 19 февраля 1913 г. Правил об аренде скотоводческих участков крупные арендаторы-переселенцы стали доминировать в скотоводческом бизнесе Степного края. Процесс взаимодействия казахских и российских скотопромышленников носил противоречивый и неравноправный характер.

Литература

- Абжанов, 2003 – Абжанов Х.М. Казахстан: история и судьба. Статьи. Алматы, 2003. 296 с.
 Абилов, 2006 – Абилов К.Ж. История становления и развития предпринимательства в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.). Караганда, 2006. 375 с.
 Азиатская Россия, 1914 – Азиатская Россия. Т. 2: Земля и хозяйство. СПб., 1914. 638 с.
 Ануфриева, 1926 – Ануфриева Т.И. Казахское хозяйство по районам / Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Алма-Ата, 1926. 186 с. С. 8-142.
 Артыкбаев, 1993 – Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. Караганда, 1993. 329 с.
 Асфендияров, 1935 – Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). Алма-Ата, 1935. 248 с.
 Бекмаханов, 1966 – Бекмаханов Е.Б. Очерки истории Казахстана. XIX век. Алма-Ата, 1966. 191 с.

- [Букейханов, 1900](#) – *Букейханов А.* Снятое молоко как средство против вымирания киргиз // *Киргизская степная газета.* 1900. № 14. С. 7-12.
- [Букейханов, 1902](#) – *Букейханов А.* Сведения о киргизском хозяйстве Степного края к 15 января 1902 г. Омск, 1902. 10 с.
- [Весь Казахстан, 1931](#) – *Весь Казахстан.* Справочная книга 1931 г. Ред. Вен. Ланько. Алма-Ата, 1931. 420 с.
- [Вл. фон Герн, 1899](#) – *Вл. фон Герн.* Этнографические заметки / *Сборник статей по Семипалатинской области.* Семипалатинск, 1899. С. 1-33.
- [Галузо, 1968](#) – *Галузо П.Г.* Социальные отношения в казахском ауле и переселенческой деревне Казахстана в начале XX века / *Казахстан в канун Октября.* Под ред. проф. П.Г. Галузо. Алма-Ата, 1968. 284 с. С. 25-148.
- [Гейнс, 1897](#) – Гейнс А.К. Киргизские очерки / *Собрание литературных трудов.* Т. 1. СПб., 1897. 589 с.
- [ГАВКО](#) – Государственный архив Восточно-Казахстанской области.
- [Земли для коневодства и скотоводства..., 1913](#) – *Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России:* Справочная книга. СПб., 1913. 459 с.
- [Казахское хозяйство, 1926](#) – *Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях.* Алма-Ата, 1926. 186 с.
- [Киргизы, 1908](#) – *Киргизы на совещании Степного генерал-губернатора.* Труды частного совещания, созванного 20 мая 1907 г. Степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргиз Степного края // *Сибирские вопросы.* 1908. № 21–22. С. 42–60.
- [Коншин, 1896](#) – *Коншин Н.* Краткий статистический очерк промышленности и торговли в Акмолинской области за 1880–1894 гг. Омск, 1896. 38 с.
- [Коншин, 1900](#) – *Коншин Н.* Материалы для истории Степного края / *Памятная книжка Семипалатинской области.* Семипалатинск, 1900. 54 с.
- [Коншин, 1901](#) – *Коншин Н.* Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области / *Памятная книжка Семипалатинской области.* 1901. 180 с.
- [Кондратьевщина, 1931](#) – *Кондратьевщина в Казахстане.* Алма-Ата, 1931. 143 с.
- [Крупные частновладельческие..., 1914](#) – *Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства в Акмолинской области* / Под ред. Н. Зефирова. Омск, 1914. 120 с.
- [Куминов, 1926](#) – *Куминов А.Д.* Скотоводство и скотопромышленность в Семипалатинской губернии. Семипалатинск, 1926. 46 с.
- [Куяндинская ярмарка, 1924](#) – *Куяндинская ярмарка* / Сост. А. Смирнов. Семипалатинск, 1924. 68 с.
- [Лаптьев, 1907](#) – *Лаптьев И.* Торгово-промышленные центры Западной Сибири // *Сибирские вопросы.* 1907. № 32. С. 16-20.
- [Материалы по обследованию хозяйства, 1912](#) – *Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргизов Семипалатинской области.* Т. 1. Павлодарский уезд. Семипалатинск, 1912. 753 с.
- [Материалы по обследованию хозяйства, 1913](#) – *Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области.* Т.: Павлодарский уезд. Вып. 2: Текст. Повторное обследование 1910 г. СПб., 1913. 418 с.
- [Несколько слов о скотопромышленности..., 1857](#) – *Несколько слов о скотопромышленности в Тобольской губернии* // *Тобольские губернские ведомости.* 1857. № 26. С. 242-243.
- [Нусупбеков, 1998](#) – *Нусупбеков А.Н.* Вопросы истории Казахстана: (Избранные труды) / Редколлегия: Т.Б. Балакаев (отв. ред.) и др. Алма-Ата, 1998. 343 с.
- [Обзор состояния транспорта, 1916](#) – *Обзор состояния транспорта и рынков по данным периодической печати.* Состояние мясного рынка. Выпуск 12. М., 1916. 14 с.
- [Обзор Акмолинской области, 1915](#) – *Обзор Акмолинской области за 1914 г.* Омск, 1915. 59 с.
- [Обзор Семипалатинской области, 1887](#) – *Обзор Семипалатинской области за 1886 г.* Семипалатинск, 1887. 50 с.
- [О киргиз-кайсаках вообще, Б.г.](#) – *О киргиз-кайсаках вообще.* Б.м. Б.г.
- [РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.
- [Россия, 1903](#) – *Россия.* Полное географическое описание нашего Отечества. Киргизский край. Т. 18. Отд. 2. СПб., 1903. 591 с.
- [Руденко, 1930](#) – *Руденко С.И.* Очерк быта северо-восточных казахов / *Казаки [казахи] – Сборник статей антропологического отряда казахстанской экспедиции АН СССР.* Л., 1930. 334 с. С. 1-72.
- [Сердалин, 1900](#) – *Сердалин М.* Аренда казахской земли. Омск, 1900. 12 с.
- [Сердалин, 1900](#) – *Сердалин М.* Об эксплуатации степей Западной Сибири путем скотоводческой культуры // *Общество для содействия русской промышленности и торговли.* СПб., 1900. Т. 25. С. 7-12.
- [Статистическое описание, 1879](#) – *Статистическое описание Сибирского казачьего войска.* Составитель Войсковой старшина О. Усов. Издание Главного Управления казачьих войск. СПб., 1879. 284 с.

[Турсунбаев, 1950](#) – *Турсунбаев А.Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950. 101 с.

[ЦГАРК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

[Частновладельческие хозяйства, 1912](#) – Частновладельческие хозяйства в Семипалатинской области. Редакция и предисловие П. Румянцева. СПб., 1912. 126 с.

[Чермак, 1908](#) – *Чермак Л.К.* Формы киргизского землепользования // *Сибирские вопросы*. 1908. № 23–24. С. 21–32.

[Швецов, 1926](#) – *Швецов С.П.* Переселенческая колонизация // *Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях*. Алма-Ата, 1926. 186 с. С. 142–154.

References

[Abzhanov, 2003](#) – *Abzhanov, Kh.M.* (2003). Kazakhstan: istoriya i sud'ba. Stat'i. [Kazakhstan: history and destiny. Articles]. Almaty. P. 296. [in Russian]

[Abilov, 2006](#) – *Abilov, K.Zh.* (2006). Istoriya stanovleniya i razvitiya predprinimatel'stva v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [The history of the formation and development of entrepreneurship in Kazakhstan (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Karaganda. P. 375. [in Russian]

[Aziatskaya Rossiya, 1914](#) – *Aziatskaya Rossiya. Zemlya i khozyaistvo* [Land and Households]. 1914. Vol. 2. SPb. P. 638. [in Russian]

[Anufrieva, 1926](#) – *Anufrieva, T.I.* (1926). Kazakhsкое khozyaistvo po raionam. Kazakhsкое khozyaistvo v ego estestvenno-istoricheskikh i bytovykh usloviyakh [Kazakh economy by regions. Kazakh economy in its natural-historical and living conditions]. Alma-Ata. P. 186. Pp. 8–142. [in Russian]

[Artykbaev, 1993](#) – *Artykbaev, Zh.O.* (1993). Kazakhsкое obshchestvo v XIX veke: traditsii i innovatsii [Kazakh society in the XIX century: traditions and innovations]. Karaganda. P. 329. [in Russian]

[Asfendiyarov, 1935](#) – *Asfendiyarov, S.D.* (1935). Istoriya Kazakhstana (s drevneishikh vremen) [History of Kazakhstan (since ancient times)]. Alma-Ata. P. 248. [in Russian]

[Bekmakhanov, 1966](#) – *Bekmakhanov, E.B.* (1966). Ocherki istorii Kazakhstana. XIX vek [Essays on the history of Kazakhstan. XIX century]. Alma-Ata. P. 191. [in Russian]

[Bukeikhanov, 1900](#) – *Bukeikhanov, A.* (1900). Snyatoye moloko kak sredstvo protiv vymiraniya kirgiz [Skimmed milk as a remedy against the extinction of the Kyrgyz]. *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. Omsk. 14. 7–12. [in Russian]

[Bukeikhanov, 1902](#) – *Bukeikhanov, A.* (1902). Svedeniya o kirgizskom khozyaistve Stepnogo kraya k 15 yanvarya 1902 g. [Information about the Kyrgyz economy of the Steppe region by January 15, 1902]. Omsk. P. 10. [in Russian]

[Ves' Kazakhstan, 1931](#) – *Ves' Kazakhstan. Spravochnaya kniga*. [All Kazakhstan. Reference book]. Red. Ven. Lan'ko. 1931. Alma-Ata. P. 420. [in Russian]

[Vl. fon Gern, 1899](#) – *Vl. fon Gern.* (1899). Etnograficheskie zametki [Ethnographic notes]. *Sbornik statei po Semipalatinskoi oblasti*. Semipalatinsk. Pp. 1–33. [in Russian]

[Galuzo, 1968](#) – *Galuzo, P.G.* (1968). Sotsial'nye otnosheniya v kazakhskom aule i pereselencheskoi derevne Kazakhstana v nachale XX veka [Social relations in the Kazakh aul and the resettlement village of Kazakhstan at the beginning of the XX century]. *Kazakhstan v kanun Oktyabrya*. Edited by prof. P.G. Galuzo. Alma-Ata. P. 284. Pp. 25–148. [in Russian]

[Geins, 1897](#) – *Geins, A.K.* (1897). Kirgizskie ocherki [Kyrgyz essays]. *Sobranie literaturnykh trudov*. Vol. 1. SPb. P. 589. [in Russian]

[GAVKO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti [State archive of the East Kazakhstan region].

[Zemli dlya konevodstva i skotovodstva..., 1913](#) – *Zemli dlya konevodstva i skotovodstva v Aziatskoi Rossii: spravochnaya kniga* [Lands for horse breeding and cattle breeding in Asiatic Russia: a reference book]. 1913. SPb. P. 459. [in Russian]

[Kazakhsкое khozyaistvo, 1926](#) – *Kazakhsкое khozyaistvo v ego estestvenno-istoricheskikh i bytovykh usloviyakh* [Kazakh economy in its natural-historical and living conditions]. Alma-Ata. 1926. P. 186. [in Russian]

[Kirgizy, 1908](#) – *Kirgizy na soveshchanii Stepnogo general-gubernatora. Trudy chastnogo soveshchaniya, sozvannogo 20 maya 1907. Stepnym general-gubernatorom po voprosam o nuzhdakh kirgiz Stepnogo kraya. Izdano po rasporyazheniyu gosp. Stepnogo generala-gubernatora*. [Kirghiz at a meeting of the Steppe Governor-General. Proceedings of a private meeting convened on May 20, 1907 by the Steppe Governor-General on the needs of the Kirghiz of the Steppe Territory]. *Sibirskie voprosy*. 21, 22: 42–60. [in Russian]

[Konshin, 1896](#) – *Konshin, N.* (1896). Kratkii statisticheskii ocherk promyshlennosti i torgovli v Akmolinskoi oblasti za 1880–1894. [Brief statistical outline of industry and trade in the Akmola region for 1880–1894]. Omsk. P. 38. [in Russian]

[Konshin, 1900](#) – *Konshin, N.* (1900). Materialy dlya istorii Stepnogo kraya [Materials for the history of the Steppe region]. *Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoi oblasti*. Semipalatinsk. P. 54. [in Russian]

- Konshin, 1901** – *Konshin, N.* (1901). Ocherki ekonomicheskogo byta kirgiz Semipalatinskoy oblasti [Essays on the economic life of the Kirghiz of the Semipalatinsk region]. *Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoy oblasti*. P. 180. [in Russian]
- Kondrat'evshchina, 1931** – Kondrat'evshchina v Kazakhstane [Kondratievshchina in Kazakhstan]. Alma-Ata. 1931. p. 143. [in Russian]
- Krupnye chastnovladel'cheskie..., 1914** – Krupnye chastnovladel'cheskie i arendatorskie khozyaistva v Akmolinskoi oblasti [Large privately owned and tenant farms in the Akmola region]. Edited by N. Zefirova. Omsk. 1914. P. 120. [in Russian]
- Kuminov, 1926** – *Kuminov, A.D.* (1926). Skotovodstvo i skotopromyshlennost' v Semipalatinskoi gubernii [Cattle breeding and cattle industry in the Semipalatinsk province]. Semipalatinsk. P. 46. [in Russian]
- Kuyandinskaya yarmarka, 1924** – Kuyandinskaya yarmarka [Kuyandinskaya Fair]. Compiled by Smirnov. Semipalatinsk. P. 68. [in Russian]
- Lapt'ev, 1907** – *Lapt'ev, I.* (1907). Torgovo-promyshlennyye tsentry Zapadnoi Sibiri [Commercial and industrial centers of Western Siberia]. *Sibirskie voprosy*. 32: 16-20. [in Russian]
- Materialy po obsledovaniyu khozyaistva, 1912** – (1912). Materialy po obsledovaniyu khozyaistva i zemlepol'zovaniya kirgizov Semipalatinskoi oblasti. [Materials on the survey of the economy and land use of the Kirghiz of the Semipalatinsk region]. Vol. 1. Pavlodarskii uezd. Semipalatinsk. p. 753. [in Russian]
- Materialy po obsledovaniyu khozyaistva, 1913** – Materialy po obsledovaniyu khozyaistva i zemlepol'zovaniya kirgiz Semipalatinskoi oblasti. [Materials on the survey of the economy and land use of the Kirghiz of the Semipalatinsk region]. 1913. Vol.: Pavlodarskii uezd. Is. 2: Tekst. Povtornoie obsledovanie 1910. Pereselencheskoe upravlenie zemleustroistva i zemledeliya. SPb. p. 418. [in Russian]
- Neskol'ko slov..., 1857** – Neskol'ko slov o skotopromyshlennosti v Tobol'skoi gubernii. [A few words about the cattle industry in the Tobolsk province]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. 1857. 26: 242-243. [in Russian]
- Nusupbekov, 1998** – *Nusupbekov, A.N.* (1998). Voprosy istorii Kazakhstana: (Izbrannyye trudy) [Issues of the history of Kazakhstan: (Selected works)]. Editorial board: T.B. Balakaev (managing editor). Alma-Ata. P. 343. [in Russian]
- Obzor sostoyaniya transporta, 1916** – Obzor sostoyaniya transporta i rynkov po dannym periodicheskoi pechati [Review of the state of transport and markets according to periodicals. State of the meat market]. 1916. Is. 12. 1916. P. 14. [in Russian]
- Obzor Akmolinskoi oblasti, 1915** – Obzor Akmolinskoi oblasti za 1914 [Overview of the Akmola region for 1914]. Omsk. 1915. P. 59. [in Russian]
- Obzor Semipalatinskoi oblasti, 1887** – Obzor Semipalatinskoi oblasti za 1886 [Overview of the Semipalatinsk region for 1886]. Semipalatinsk. P. 50. [in Russian]
- O kirgiz-kaisakakh voobshche, n.d.** – O kirgiz-kaisakakh voobshche [About the Kirghiz-Kaisaks in general]. n.p. [in Russian]
- RGVIA** - Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. [in Russian]
- Rossiya, 1903** – Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Kirgizskii krai [A complete geographical description of our Fatherland. Kyrgyz Territory]. Vol. 18. Section 2. SPb. P. 591. [in Russian]
- Rudenko, 1930** – *Rudenko, S.I.* (1930). Ocherk byta severo-vostochnykh kazakhov [Essay on the life of the northeastern Kazakhs]. *Kazaki [kazakhi] – Sbornik statei antropologicheskogo otryada kazakhstanskoi ekspeditsii ANSSSR*. L. P. 334. Pp. 1-72. [in Russian]
- Serdalin, 1900** – *Serdalin, M.* (1900). Arenda kazakhskoi zemli [Rent of Kazakh land]. Omsk. P. 12. [in Russian]
- Serdalin, 1900** – *Serdalin, M.* (1900). Ob ekspluatatsii stepei Zapadnoi Sibiri putem skotovodcheskoi kul'tury [On the exploitation of the steppes of Western Siberia through pastoral culture]. *Obshchestvo dlya sodeistviya russkoi promyshlennosti i trgovli*. SPb. Vol. 25. Pp. 7-12. [in Russian]
- Statisticheskoe opisanie, 1879** – Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego voiska. Sostavitel' Voiskovoi starshina O. Usov. Izdanie Glavnogo Upravleniya kazach'ikh voisk [Statistical description of the Siberian Cossack army. Compiled by the Army foreman O. Usov. Edition of the Main Directorate of the Cossack troops]. SPb., 1879. P. 284. [in Russian]
- Tursunbaev, 1950** – *Tursunbaev, A.B.* (1950). Iz istorii krest'yanskogo pereseleniya v Kazakhstan [From the history of peasant resettlement in Kazakhstan]. Alma-Ata. P. 101. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan. [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. [in Russian]
- Chastnovladel'cheskie khozyaistva, 1912** – Chastnovladel'cheskie khozyaistva v Semipalatinskoi oblasti. Redaktsiya i predislovie P. Rumyantseva. [Privately owned farms in the Semipalatinsk region. Edition and preface by P. Rumyantsev]. 1912. SPb. P. 126. [in Russian]
- Chermak, 1908** – *Chermak, L.K.* (1908). Formy kirgizskogo zemlepol'zovaniya [Forms of Kyrgyz land use]. *Sibirskie voprosy*. 23-24: 21-32. [in Russian]

Shvetsov, 1926 – Shvetsov, S.P. (1926). Pereselencheskaya kolonizatsiya [Resettlement colonization] *Kazakhskoe khozyaistvo v ego estestvenno-istoricheskikh i bytovykh usloviyakh*. Alma-Ata. P. 186. Pp. 142-154. [in Russian]

История скотопрмышленности в Степном крае (конец XIX – начало XX веков)

Сауле Мамытова ^{a, b, *}, Зиябек Кабульдинов ^{b, c}, Нурбек Шаяхметов ^a

^a Astana IT University, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Республика Казахстан

^c Казахский Национальный Университет им. Аль-Фараби, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается исторический опыт предпринимательской деятельности в скотопрмышленности в процессе зарождения и развития рыночных отношений в конце XIX – начале XX веков в Степном крае. На основе архивных документов, статистических сборников и трудов российских дореволюционных исследователей проанализированы особенности трансформации и адаптации хозяйств кочевников-скотоводов к новым товарно-денежным принципам, выявлены основные направления скотоводческого бизнеса на разных этапах развития казахского общества, показана их причинная обусловленность. Научная новизна заключается в комплексном изучении предпринимательской активности в сфере товарного скотоводства в специфическом макрорегионе на этапе его вовлечения в общероссийский рынок. В результате исследования авторы пришли к выводу, что у истоков скотопрмышленности в Степном крае стояли казахи, которые имели ряд конкурентных преимуществ: прежде всего, их лучшее знание скотоводческого дела, так как издревле оно было единственным их занятием, обусловленное аридными природными условиями. Немаловажным фактором предпринимательской активности был достаточно высокий адаптационный потенциал кочевников, которые быстро приспособили свое хозяйство к потребностям рынка. Одним из проявлений этого была гибкая переориентация скотоводческого бизнеса из овцеводства в разведение крупного рогатого скота, имевшего большой спрос на рынке и достаточно высокую прибыльность. В процессе анализа доходности статей сельскохозяйственного бюджета в конце XIX века и начале XX веков были выявлены особенности развития товарного скотоводства по направлениям: овцеводство, коневодство и разведение крупного рогатого скота. Изучен специфический механизм ценовой политики в конкретно-исторических условиях, инновационный потенциал предпринимательства, а также влияние государственной политики на развитие регионального скотоводческого бизнеса.

Ключевые слова: скотопрмышленность, Степной край, рыночные отношения, баи-предприниматели, товарная продукция, скот, скотоводческое сырье, частновладельческие хозяйства.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mamutova-pvl@mail.ru (С.Н. Мамытова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 789-799
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.789

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Sacred Geography of Central Asia in the Works of Joseph-Antoine Castagnier

Saule Uderbaeva ^{a,*}, Anuar Sagatov ^a, Erkin Kakimzhanov ^a

^aAl-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article presents an analysis of the scientific heritage of the French researcher of Central Asia, an active member of two pre-revolutionary scientific societies – of the Orenburg Scientific Archive Commission, the Turkestan circle of archeology amateurs. The amateur researcher has done an enormous amount of work to describe the objects of the sacred geography of Central Asia, archaeological sites, study of local lore of the Kazakh steppe, and ethnographic research. Scientific heritage of J.A. Castagnier is currently of undoubted interest for archaeologists, historians, ethnographers, geographers. At present, the results of Castagnier's research are of great scientific and practical importance. For a long time, the personality of Castagnier was a “default figure”, since he was considered a foreign agent and spy without good reason in previous historiography. The analysis of the content of the works of J.-A. Castagne, published in the in «Proceedings» of the Orenburg Scientific Archival Commission, made it possible to determine their high value. The works of Castagnier are distinguished by a wide source base, including the works of famous orientalist, rare manuscripts from the OUAC funds, saturation with author's photographs, engravings, drawings of the objects described, tables, an accurate topographic and cartographic description, indicating geographical coordinates, distances in sazhen and versts. Detailed geographic coordinates are very valuable for modern scientists, for example, for compiling digital maps of sacred objects. Of particular interest are legends, legends about ancient cities, burial places, detailed descriptions of shrines recorded by Castagne.

Keywords: Joseph Antoine Castagnier, sacred geography, Central Asia, local history societies, OUAC Orenburg Scientific Archival Commission, TKLA - Turkestan circle of archeology amateurs, GUAC – Provincial scientific archival commissions.

1. Введение

В имперский период на территории Центральной Азии осуществляли научную, краеведческую, археологическую деятельность научно-краеведческие общества, в числе которых были Оренбургская ученая архивная комиссия, Императорское Русское географическое общество, Туркестанский кружок любителей археологии.

Личность Жозефа-Антуана Кастанье долгое время в предшествующей историографии являлась фигурой умолчания, его научное наследие также оставалось вне внимания исследователей.

Отличительным аспектом развития исторической науки новейшего времени является большой интерес к Центрально-Азиатскому региону в рамках диалога культур Европы и Востока. Отечественные и зарубежные исследователи возвращаются к творческому наследию ученых-востоковедов, в годы искажения истории преданных забвению с прикреплением различных ярлыков.

Ярким доказательством этого процесса является возвращение в ряды выдающихся востоковедов французского исследователя, самого плодотворного деятеля и члена многих научных, краеведческих обществ, действовавших в Центральной Азии, – Жозефа-Антуана Кастанье.

* Corresponding author

E-mail addresses: saule-uderbaeva@mail.ru (С.К. Uderbaeva), aschwarzvonzeit@gmail.com (A. Sagatov), erkinkakimzhanov@gmail.com (Е.Н. Kakimjanov)

Объекты сакральной географии Центральной Азии как историко-культурное наследие тюркских народов в настоящее время способствуют формированию национальной идентичности. В Республике Казахстан с 2017 года реализуется специальный проект «Сакральная география Казахстана», создан «Реестр сакральных объектов». Изучение научного наследия исследователя, результатов его историко-географических изысканий имеет в настоящее время важное научно-практическое значение.

Можно сказать, что процесс изучения сакральной географии Центральной Азии начался в имперский период силами дореволюционных исследователей, в числе которых был Жозеф-Антуан Кастанье.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников привлечены труды Жозефа-Антуана Кастанье, а также научные публикации о его жизни и деятельности; методология исследования базируется на анализе исторических источников, архивных документов, трудов отечественных и зарубежных ученых.

2.2. Решение исследовательских задач основано на принципе историзма, общих и специальных принципах научного исследования. В процессе подготовки статьи были использованы методы анализа и синтеза, исторический, историко-сравнительный (компаративный), историко-пространственный, ретроспективный, конкретно-исторический, сравнительный методы. При формировании структуры статьи был использован проблемно-хронологический подход.

Данное исследование носит междисциплинарный характер – связано с исторической географией исследуемого региона; методы сравнительно-географический и пространственного анализа были полезны при изучении географических материалов.

3. Обсуждение

Источниковую базу исследования составляют следующие группы источников:

К первой основной группе источников относятся собственно «Труды» Оренбургской ученой архивной комиссии¹ (ОУАК), протоколы ее заседаний. С материалами «Трудов» ОУАК, ставшими основой данного исследования, можно познакомиться в отделе редких книг Национальной библиотеки Республики Казахстан, в библиотеке Государственного архива Оренбургской области, Оренбургской областной библиотеке.

Практически все научные труды Ж.-А. Кастанье, в настоящее время ставшие библиографической редкостью, после рекомендаций к публикации действительными членами ОУАК на заседаниях комиссии, были опубликованы в печатном органе Оренбургской ученой архивной комиссии – ее «Трудах». В 2007 году труд Кастанье – «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», впервые вышедший в свет в сборнике «Трудов» ОУАК в Оренбурге в 1910 году, был переиздан в серии «Казахстанские востоковедные исследования». В аннотации к переизданию этого труда он был оценен как «бесценное собрание и описание древностей» (Кастанье, 2007). В общей сложности в «Трудах» Оренбургской комиссии было опубликовано более двадцати научных статей (Кастанье, 1906; Кастанье, 1907) и два монографических труда «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» и «Надгробные сооружения Киргизских степей», опубликованные в отдельно изданных выпусках «Трудов» ОУАК в 1910 и 1911 годах (Кастанье, 1910; Кастанье, 1911).

В предшествующей историографии личность и научное наследие А.-Ж. Кастанье оставались вне научных исследований, более того, в советской историографии ряд советских историков относил его к агентам французского Второго разведывательного управления Генштаба сухопутных войск Франции – «Второе бюро» и английских разведывательных и контрразведывательных служб «Intelligence Service» – Интелледженс Сервис, называя исследователя «пособником буржуазного империализма». Так, узбекский историк А.Х. Бабоходжаев в своих работах называет Кастанье французским разведчиком, но вместе с этим не дает никаких доказательств о его причастности к разведывательной деятельности. Он лишь публикует отрывок из парижской статьи Кастанье о кокандском автономном правительстве (Бабоходжаев, 1962: 10). В другой своей книге А.Х. Бабоходжаев называет Ж.-А. Кастанье французским шпионом, имевшим контакты с английской разведкой, но, на наш взгляд, бездоказательно (Бабоходжаев, 1955: 42).

После распада СССР, с началом изменений историографических дискурсов началось изучение некогда запретных тем, «фигур умолчания», в том числе и Кастанье. Началом изучения его жизни и деятельности стали работы С. Маджи (Маджи, 1993) и Б.А. Литвинского (Литвинский, 1999).

Изучение жизни и научной деятельности Кастанье в ряду собственных исследований по зарубежной историографии Центральной Азии нового времени представлено в работах ученых Узбекистана В.А. Германова (Германов, 1999; Германов, 2002), С.М. Горшениной, которых по праву можно назвать в новейшей постсоветской историографии одними из первых биографов Ж.-А. Кастанье.

С.М. Горшенина в своих работах на основе большого круга документальных источников дала объективную оценку деятельности Кастанье, его научному наследию, ее труды послужили

¹ Далее ОУАК.

источником о жизни и деятельности незаурядного ученого Ж.-А. Кастанье в нашем исследовании (Горшенина, 1996; Горшенина, 1999а; Горшенина, 1999б).

Один из авторов данной статьи в своей диссертационной работе, ряде научных публикаций изучал биографию и научное наследие Ж.-А. Кастанье (Удербаета, 2010; Удербаета, 2010а; Удербаета, 2010б; Удербаета, 2013; Удербаета, 2017; Удербаета, 2019).

Высоко оценил результаты востоковедных, историко-этнографических, историко-географических, археологических, тюркологических изысканий Кастанье казахстанский ученый М.Т. Лаумулин. По его мнению, возвращение ученого на родину во Францию чрезвычайно обогатило французское востоковедение. Бурные события начала XX века, революции, гражданская война, свидетелем которых стал Кастанье, были описаны им в серии работ уже после возвращения во Францию.

Эти труды, по мнению М.Т. Лаумулина, значительно способствовали развитию в западной научной среде новой дисциплины – так называемой «советологии» (и в особенности ее раздела – «Среднеазиаведение»), сфокусированной именно на изучении Средней Азии (Лаумулин, 2015: 62).

Особо среди исследователей – выходцев из Европы – выделяет фигуру Кастанье историк Т.В. Котюкова, соглашаясь с высокой оценкой научной деятельности Кастанье академиком В.В. Бартольдом (Котюкова, 2010: 95).

В 2020 году вышла в свет книга оренбургских исследователей Г.П. Матвиевской и Г.А. Прокофьевой «Оренбургская ученая архивная комиссия, ее «Труды» и авторы», в которой они проанализировали основные направления деятельности ОУАК, научное наследие наиболее деятельных членов комиссии, в числе которых был и Ж.-А. Кастанье (Матвиевская, Прокофьева, 2020).

В казахстанской историографии в настоящее время активизировался интерес к научному наследию Ж.-А. Кастанье, его заслуги в изучении этнографии, археологии, истории казахского народа еще предстоит оценить, но показательным примером начала этого процесса стало переиздание его фундаментального труда «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» (Кастанье, 2007).

В целом большинство исследователей жизни и деятельности Жозефа-Антуана Кастанье высоко оценивают его научное наследие и вклад в изучение и описание древностей Центральной Азии.

4. Результаты

Жозеф-Антуан Кастанье (годы жизни 1875–1958) занимает особое место среди деятелей Оренбургской ученой архивной комиссии. В Оренбурге его на русский манер называли Иосифом Антоновичем, под этим именем он публиковал свои многочисленные труды. В имперской России он прожил более двадцати лет, очень подробно изучив Центрально-Азиатский регион.

Родным городом Жозефа Кастанье является французский городок Гайак, в Тулузе он закончил лицей, затем в течение семи лет слушал лекции высших курсов по французскому языку, по окончании которых получил диплом преподавателя в средних учебных заведениях (Горшенина, 1999а: 131).

В 1899 году Кастанье принимает судьбоносное решение и переезжает в Россию, первоначально на Кавказ, затем в Оренбург, где он был принят на работу преподавателем Оренбургского реального училища, Оренбургской мужской гимназии и Неплюевского кадетского корпуса (Горшенина, 1999а: 132).

По мнению С.М. Горшениной, именно в это время сформировались основные научные пристрастия Ж.-А. Кастанье. Наряду с педагогической деятельностью, занимаясь этнографическими исследованиями, он продолжает свои этнографические наблюдения и становится страстным собирателем и исследователем центральноазиатских древностей (Горшенина, 1996: 147).

Большое значение для исследовательской деятельности имело избрание Кастанье в 1902 году в ряды действительных членов Оренбургской ученой архивной комиссии. С этого момента он становится одним из самых деятельных членов общества. Следует отметить, что число действительных членов ОУАК доходило до 150 членов, не включая почетных.

Оренбургская ученая архивная комиссия три десятилетия объединяла и координировала научно-краеведческую деятельность местной демократической общественности, стала зачинателем архивного дела, археологических, источниковедческих изысканий. Результаты деятельности членов ОУАК были отражены в 35 томах ее «Трудов», в которых были опубликованы исторические монографии, документальные мемуарные, археологические источники, статьи и заметки историко-краеведческого характера (Зобов, 1988: 143).

Оренбургская ученая архивная комиссия по итогам и масштабам своей научной деятельности во многом опережала другие губернские ученые архивные комиссии России (Удербаета, 2013: 200).

Многоаспектная комплексная деятельность комиссии включала архивную, исследовательскую, просветительскую работу. Деятели ОУАК внесли большой вклад в становление и развитие архивного дела в Оренбургском крае и в Казахстане. «Труды» ОУАК как своеобразный исторический источник возникли именно в результате подвижнической научно-краеведческой деятельности членов Оренбургской ученой архивной комиссии (Удербаета, 2010б: 200).

С августа 1905 года Ж.-А. Кастанье вошел в состав комиссии по сохранению памятников древности, разрушаемых временем, природными стихиями и стихийными бедствиями. Комиссия составила «Основные положения об охране древностей», которые, по мнению С.М. Горшениной,

во многом превосхитили современные подходы к проблемам сохранения всемирного культурного наследия (Горшенина, 1999а: 137).

Как член ОУАК, Кастанье занимался составлением каталога предметов старины, собранных в музее комиссии, активно ездил в археологические экспедиции по Тургайской, Сырдарьинской, Уральской областям и Туркестану. Так, в 1907 году он выступил на заседании ОУАК с докладом «Развалины Болгасын и Челкарская степь», 7 ноября 1908 года – с докладом о своем труде «Древности Киргизской степи и Оренбургского края»; после обсуждения работы членами архивной комиссии было принято решение издать труд отдельным выпуском (Матвиевская, Прокофьева, 2020: 201-205).

В 1911 году исследование Ж.-А. Кастанье «Надгробные сооружения в Киргизской степи» было также опубликовано в отдельном выпуске «Трудов» ОУАК (Кастанье, 1911). Следует отметить, что отдельными изданиями «Трудов» комиссии публиковались только серьезные, обстоятельные исследования, решения о публикации принимались коллегиально членами ОУАК после детального обсуждения и рецензирования.

С сентября 1909 года вплоть до своего отъезда в 1912 году в Ташкент Кастанье являлся товарищем председателя ОУАК, составил коллекцию монет и медалей музея комиссии, члены комиссии выразили благодарность в адресе на имя Кастанье за его «многостороннюю и многополезную деятельность» (Матвиевская, Прокофьева, 2020: 208).

В фондах Государственного архива Оренбургской области сохранен документ, датированный 23 января 1914 г., который был направлен ОУАК в городскую думу Оренбурга. По просьбе Городской управы Оренбурга от 16 октября 1912 года ОУАК составила комитет для рассмотрения конкурсных работ и присуждения премии имени В.Н. Витевского. Свои сочинения предоставили действительные члены ОУАК Ж.-А. Кастанье – «Надгробные сооружения киргизской степи» и Г. Петухов – «Очерки по истории торговых сношений России со Средней Азией». Комитет имел три заседания. Сочинение Кастанье для рассмотрения отправили профессору Санкт-Петербургского археологического института Н.И. Покровскому, работу Г. Петухова – профессору Московского университета А.А. Мануйлову, которые прислали свои отзывы. 28 октября на заседании по присуждению премии Витевского после прений и обмена мнениями члены комитета оценили труды обоих авторов достойными и разделили предоставленную городом сумму в 300 рублей на две части: 200 рублей присудили Петухову, 100 рублей – Кастанье (ГАОО).

Карьера Кастанье в Оренбурге была успешной: в 1908 г. ему был пожалован орден Святого Станислава 3-й степени, в 1913 г. – императорский орден Святой Анны 3-й степени, которыми награждали чиновников за безупречную службу. В 1908 г. он был произведен в чин коллежского асессора, в 1909 году становится надворным советником. Уже через год французский исследователь производится в коллежского советника со старшинством. По «Табели о рангах» этот чин соответствовал воинскому званию капитана 1 ранга во флоте или же полковнику в армии, а также давал право личного дворянства Российской империи (Германов, 2002: 234).

По приезду в Ташкент Кастанье был принят в Ташкентское реальное училище преподавателем французского языка и классным наставником, также был принят в ряды Туркестанского кружка любителей археологии, затем Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества (Германов, 2002: 233).

Все кардинально изменилось в судьбе Кастанье в переломный 1917 год, год Октябрьской революции. В сентябре 1920 г. он вернулся на Родину, во Францию, служил переводчиком в службе изучения зарубежной прессы, редактором аналитического бюллетеня русской прессы, сотрудничая с МИД Франции. Начиная с 1921 года, исследователь становится корреспондентом Парижского антропологического общества. На родине в 1925 году заслуги Ж.-А. Кастанье высоко оцениваются и он удостоивается высшего знака отличия – звания кавалера Ордена почетного легиона. Скончался Кастанье в январе 1958 года в Монпелье (Горшенина, 1999а: 135).

Несомненным преимуществом современного дискурса является возможность анализа научного наследия французского исследователя без оглядки на идеологические запреты, ведь из-за ярлыка «шпиона» в советской историографии он был «фигурой умолчания», а его труды исключены на долгие годы из научного оборота. Жозеф-Антуан Кастанье был весьма неординарным человеком и исследователем, его жизнь и деятельность, научное наследие стали, на наш взгляд, предвестником, началом универсальных междисциплинарных исследований, не потерявших свое значение, а, напротив, ставших высоко актуальными для современных исследователей.

Отличительным признаком трудов Кастанье является скрупулезная, подробная описательность, за которую его критиковали современники и ученые советского периода, но именно эта детальная описательность в настоящее время увеличивает ценность трудов, тем более что многие описанные памятники древности Центральной Азии уже разрушены и их описание осталось лишь в книгах Кастанье.

Результатом поездки исследователя из Оренбурга в Туркестан в июне 1904 года стал его «Отчет о поездке в Туркестан», который был одобрен и рекомендован к публикации членами ОУАК и опубликован в XVI выпуске «Трудов» в 1906 г. (Кастанье, 1906). 26-страничный отчет снабжен десятком фотографий, предположительно авторства самого Жозефа Кастанье.

Практически со второго абзаца отчета он начинает описание памятников, изученных им в Казахской степи. Исследователя удивило разнообразие форм казахских могил. Между Акбулаком и Актюбинском он посетил около шести кладбищ; особо отметив, что захоронения почти всегда располагаются на возвышенности (Кастанье, 1906: 176).

В отчете Кастанье выделил три формы надгробных памятников:

1. Огромных круги из неотесанных каменных глыб, по форме напоминающие мегалитические памятники каменного века – кромлехи (каменные круги). Эти памятники наиболее часто встречаются в степи, отмечает Кастанье. На этих глыбах вырезаны знаки, служащие тамгами родов погребенных, как, например, в местности Чиили Актюбинской области. Некоторые из памятников, предполагает Кастанье, были установлены несколькими веками ранее.

2. Возле этих часто встречающихся надгробных сооружений находятся могилы, не имеющие никаких надгробий, кроме небольшой земляной насыпи. Изредка в головах положен камень, на котором вырезаны имя умершего и молитвы, как в Ак-мола, около Корсак-бас.

3. Третий вид – мавзолей, предназначенные для богатых, состоящие из четырех стен, служащих могильными оградами и напоминающие по форме мазарки Туркестана. Мавзолеи сооружены из местных материалов – глины, камня или песка (Кастанье, 1906: 177-178).

Далее автор описывает свой путь из Актюбинска в Уральск, Иргизский уезд Тургайской области, пески Больших и Малых Барсуков, Сырдарьинскую область, от Казалинска до Перовска. Подробно Кастанье описывает мазарки Баскара, Майлибаша и мазарки, расположенные около станции Семеновской.

«Мазарки Бескара расположены в расстоянии одной версты от почтовой станции на песчаном холме. Имеют разные формы – четырехугольные со стенами из глины и острыми конечностями на углах, цилиндрические с куполообразной крышей. Входом в мазарки служит маленькое стрельчатое (готическое) отверстие высотой 50–60 сантиметров, поэтому войти в мазарку можно только ползком (Кастанье, 1906: 183-184).

Описывая внутреннее расположение мазарок, Кастанье с большим знанием дает подробное описание особенностей «магометанского» погребального обряда. Кладбище Майлибаша на берегах Сырдарьи ученый описывает как внушительного вида, в особенности мазарки-крепости.

«Около станции Семеновской возвышается несколько мазарок грациозного вида и конической формы в их верхней части. Здесь видно также много могил без надгробных памятников, только окруженных оградой из колючих растений, камыша или высокой травы. Другие накрыты чем-то вроде полуцилиндрических сводов, около которых положены прямоугольные камни от 50 до 60 сантиметров длины и 10 сантиметров толщины; на этих камнях вырезаны эпитафии арабскими буквами», – пишет он далее (Кастанье, 1906: 186).

Многие страницы отчета впоследствии были воспроизведены в более поздних работах французского исследователя. Составляя отчет, Кастанье следовал принципу «что вижу, то пишу», «Отчет о поездке в Туркестан» скорее можно отнести к путевым заметкам, а не к строго научным исследованиям (Удербяева, 2010а: 292).

В настоящее время «Отчет о поездке в Туркестан» Ж.-А. Кастанье является своеобразным историческим источником, в котором получили отражение ценные топографические, этнографические, археологические материалы конца XIX – начала XX вв. Эти материалы и фотографии, представленные в отчете, могут стать источниками по повседневной истории казахского народа, исторической географии (Удербяева, 2010а: 292).

Следующий труд Жозефа-Антуана Кастанье «Надгробные сооружения Киргизских степей» был издан параллельно на русском и французском языках в типографии Тургайского областного правления (XVI выпуск «Трудов» архивной комиссии). Труд содержит 28 таблиц, 76 рисунков. В нем прослеживается присущее Кастанье стремление к синтезу научных дисциплин и междисциплинарности.

Во введении к своей работе исследователь отмечает: «Работа посвящена: 1) изучению этих типов надгробных сооружений киргизских степей, 2) одновременно ознакомление с похоронными обрядами кочевников. Жестокая рука человека еще более, чем всеокрушающее время коснулась многих из этих памятников, поэтому я не сомневаюсь, что эти заметки в недалеком будущем приобретут неоспоримую человеческую ценность» (Кастанье, 1911: 9-102).

Работу сопровождает указатель источников и трудов о похоронных традициях и обрядах киргизов¹, включающий 30 источников по проблеме исследования. В указатель, составленный автором, включены труды И. Алтынсарина, В.В. Бартольда, Н. Гродекова, Георги, А. Диваева, И. Ибрагимова, Н. Катанова, А.И. Левшина, Л. Мейера, Палласа, П. Рычкова, А. Харузина, Х. Кустанаева, Н. Остроумова и др. (Кастанье, 1911: 4).

¹ Под киргизами обозначены казахи, которых до 1925 г. называли киргизы, киргиз-кайсаки. На V съезде Советов Киргизской (Казахской) АССР 15–19 апреля 1925 года казахскому народу вернули исторически правильное название – «казак».

Во введении Ж.-А. Кастанье отмечает, что данная работа делится на периоды: «доисламский» и, начиная с VIII века, «исламский». Также во введении автор анализирует этимологию слова «курган».

Кастанье отмечает, что в зависимости от формы, цвета и назначения казахи называют надгробные сооружения по-разному. «Киргизская степь покрыта бесчисленным числом курганов. Киргизы называют курганы «оба» или «уба». Желая определить материал, форму, окраску памятника прибавляют определители: Тас-оба, Кара-оба, Кызыл-оба, Кишкене-оба, Сары-оба, Кос-оба и др.» (Кастанье, 1911: 6).

Кастанье выделяет три типа надгробных сооружений – погребальные курганы, сторожевые (путевые) и памятные, которые в свою очередь делятся на подтипы. В своем исследовании, отмечает Кастанье, он предпринял попытку проанализировать генезис мусульманских надгробных сооружений, реконструировать традиционный вид мусульманских могил, произвести их условную типологию. Кастанье подробно описывает погребальные памятники казахов; с большим знанием материала описывает похоронные обряды казахов с древнейших времен до наших дней. В частности, исследователь обоснованно отмечает, что «похоронные обряды киргиз похожи на обряды татар или сартов, их сородичей по исламу. Это объясняется тем, что киргизы, как и все тюркские племена, в очень отдаленное время от нас исповедовали шаманство. Впоследствии, принимая мусульманство, они не вполне могли отказаться от некоторых обрядов, присущих их прежней религии, эти обряды, как отголоски ее, еще сохранились до наших дней» (Кастанье, 1911: 69).

Следующий труд Жозефа Антуана Кастанье «Древности киргизской степи и Оренбургского края» можно назвать одним из самых фундаментальных его трудов (Кастанье, 1910).

Во введении к работе Кастанье указывает, что его исследование «охватывает бывшие области Оренбургских, Сибирских, Семипалатинских киргизов, из которых впоследствии по указу 1868 года образовались области Тургайская, Уральская, Акмолинская и Семипалатинская. Сюда же я присоединил территорию киргизов Букеевской орды в Астраханской губернии и значительную часть Сыр-Дарьинской области, в пределах по широте от Ташкента до устья реки Сыр-Дарья, с уездами Чимкентским, Аулиеатинским, Перовским и Казалинским; наконец Семиреченскую область и Оренбургскую губернию» (Кастанье, 2007: 8).

Затем Жозеф Кастанье представляет 5-страничный «Краткий исторический очерк Киргизского края», в содержательной части которого довольно вольно интерпретирует историю края, за что и подвергается критике современников в лице профессора А.И. Веселовского, впрочем, Кастанье сам отмечает, что лишь в общих чертах описывает «политическую историю кочевых народов киргизских степей с древнейших времен до наших дней» (Кастанье, 2007: 8).

Ценной особенностью работы является широкая источниковая база, в которую включены рукописи из фондов Оренбургской ученой архивной комиссии, изученные Кастанье, исследования известных востоковедов. Автор проиллюстрировал свой труд большим числом фотографий, гравюр, таблиц (21 таблица), рисунками курганов, могил, каменных балбалов, которые Кастанье обозначает «каменными бабами», надгробных сооружений в виде стел – «кулпытасов».

К исследованию Кастанье приложил карту под названием «Объяснительная карта к древностям Киргизских степей и Оренбургского края» (Удербаетова, 2019). Весьма ценны подробные описания святынь, легенды, предания о древних городах, захоронениях, записанные автором и включенные в книгу, зачастую в авторском переводе.

Особый интерес для исследователей имеет «Историко-сравнительный этюд о каменных бабах Киргизских степей и России вообще в связи с каменными изваяниями Франции, Германии и прочих стран (Разные виды воспроизведения черт лица умерших в связи с поклонением предкам)», состоящий из трех частей объемом в 29 страниц, также включенный Кастанье в книгу. Первую часть очерка Кастанье можно обозначить как историографический обзор о каменных балбалах и изваяниях, во второй – исследователь попытался провести сравнительный анализ увиденных и описанных им сакральных памятников Центральной Азии с памятниками России, Франции, Германии, так, например, оренбургскую каменную бабу он сравнивает с итальянскими стелами около Болоньи (Кастанье, 2007: 462), кулпытасы – лицевые надгробные стелы, по мнению Кастанье, имеют тесную связь с тукюэскими стелами Монголии (Кастанье, 2007: 462), каменные изваяния и статуи Франции, Германии имеют, по его мнению, определенную связь с памятниками России и Центральной Азии. В третьей части своего очерка Кастанье описывает обычай создания погребальных масок, в четвертой – описывает в целом историю обычая воспроизводства черт погребенных у разных народов мира.

В целом исследование Кастанье «Древности киргизской степи и Оренбургского края» является результатом его многолетней кропотливой, скрупулезной работы по изучению сакральной географии Центральной Азии. В конце своего очерка Ж.-А. Кастанье отмечает, что его целью не являлось углубление в подробности сложных и многочисленных обрядов, порожденных страхом живых перед загробной жизнью, а показать «лишний раз, насколько важны с догматической точки зрения эти обычаи», в которых отражается вера в бессмертие души, основанная на идее о загробном существовании, откуда и происходит культ предков. В почитании предков нужно искать происхождение лицевых стел и прочих аналогичных памятников (Кастанье, 2007: 478). Все народы в

равной степени были проникнуты уважением к мертвым, заключает Кастанье. На наш взгляд, в этой фразе есть объяснение научного интереса Кастанье как исследователя к сакральным объектам.

Описание всех памятников в труде дается очень подробно, с указанием географических координат, расстояний в саженях и верстах от населенных пунктов. На наш взгляд, это особенно ценно, так как многие погребения, курганы, мавзолеи в настоящее время сохранились лишь в описаниях дореволюционных исследователей, в том числе работе Кастанье. Подробные географические координаты весьма ценны для современных ученых, например для составления цифровых карт сакральных объектов.

Таблица 1. Описанные в работе Кастанье памятники древности (с сохранением правописания автора)

Губерния/ Область/регион	Уезды	Название описанных наиболее значимых памятников	Записанные легенды, предания
Оренбургская губерния	Оренбургский Верхнеуральский Орский Троицкий Челябинский	Памятник хана Абулхайра, Гора Верблюдов. Развалины Кисене. Могила Ляйли-Меджнун. Гора Аушкуль	Представлен общий обзор раскопок в Оренбургской губернии. Предание о горе Верблюдов. Легенда о Ляйли-Меджнун.
Тургайская область	Актюбинский Кустанайский Иргизский Тургайский	Захоронение Айтолкон-там. Кызыл-там. Развалины Болгасын. Гора Корсак-бас.	Представлен общий обзор раскопок в Тургайской области. Предание о Айтолкон. Легенда о Уйли и Зайсе.
Уральская область	Уральский Темирский Гурьевский и Усть- Урт	Байтак-там. Могила Хобланды. Могила Джирен батыра. Развалины Сарайчика.	Легенда о Байтаке. Историческая песня «Бозмнай». Киргизское предание о Хабардине и Токтамыш хане.
Астраханская губерния	Букеевская орда	Курганы тюркского периода. Каменные бабы.	
Акмолинская область		Развалины гор Белян-ана, Тагатай., Якши-кун, Джупан-ана. Мамай молла.	
Семипалатинская область	Семипалатинский Павлодарский Каркаралинский Устькаменогорский Зайсанский	Развалины Семи палат. Калбасунская башня. Развалины Аблайкитские.	
Сырдарьинская область	Ташкентский Чимкентский Казалинский Аулиеатинский	Бугор Тек-Турмас. Боролдайские письмена. Развалины Сют-кента. Развалины гор. Отрар. Могила Баб-ата. Развалины Кум-Кент, Суда-Кент, Сауран. Сауранская башня. Кок-кесене. Развалины Ашнас, Дженд, Шерик-Рабата. Развалины Саганак. Мазар Хорасан-ата. Могила святого Хорхут- ата. Башня Бегим-Мунара.	Предание о холме «Ак- типя». Предание о холме Караспан. Сведения о городе Сунаке. Легенды о Хорасан-ата. Легенда о Хорхуте. Легенда о Джанкенте. Легенда об Ак-Кесене. Киргизская легенда об Ак- Тюбе.

		Мазар Айша-биби. Акыр-таш.	
Семирченская область	Верненский Копальский Джаркентский Пржевальский Токмакский Лепсинский	Тамгалы-Тас. Христианско-несторические памятники. Могила Чокана Валиханова. Памятник Келинчек-Тас. Башня Бураны. Таш-Рабат. Ак-Там. Памятник Денгек. Памятник Козу-Корпеч.	Легенда об Ак-Там. Легенда о Баян-сулу и Козу-Корпече.
Иссык-куль		Древние мусульманские кладбища.	Предание об Иссык-куле.

В данной таблице для наглядности мы выделили лишь наиболее значимые из представленных в книге Кастанье памятников древности. Таблица демонстрирует насыщенность работы описанием сакральных объектов Центральной Азии, с обстоятельным справочным материалом, включающим подробное описание географического расположения, историю изучения, легендарное описание памятников. Все объекты древности, включенные в работу Кастанье, можно обозначить как сакральные памятники.

Совершенно верно отмечает С. Горшенина, что предпринятая французским ученым попытка систематизации уже известного науке исторического и археологического материала не имела до него precedентов (Горшенина 1999а: 138).

Академик Василий Бартольд отмечал строгий научный подход Кастанье к сбору и описанию археологического материала, не свойственного археологам-любителям того времени (Котюкова, 2010: 95). Бартольд считал, что своим трудом о древностях Киргизского края Кастанье в значительной мере подготовил составление археологической карты Туркестана.

Методологический принцип, которого неукоснительно придерживался Кастанье во всех своих работах – метод сравнительного анализа, на современном этапе – один из самых применяемых научных методов.

На наш взгляд, исследование Жозефа-Антуана Кастанье «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» по праву можно назвать своеобразной хрестоматией сакральных памятников Центральной Азии, так как ученый не ограничился описанием древностей современного Казахстана, но и Кыргызстана, Узбекистана.

В данное время исследование Ж.-А. Кастанье можно обозначить как уникальный исторический источник, в котором содержатся материалы по древнему зодчеству, сакральной географии и архитектуре, исторической географии, религии, этнографии, фольклору обширного Центрально-Азиатского региона, представляющий несомненный интерес для археологов, историков, географов, этнографов, антропологов, краеведов, архитекторов.

5. Заключение

В XIX веке с включением Казахской степи в орбиту Российской империи началось ее научное изучение, в числе которого были и древние памятники, уже в то время определявшиеся как сакральные объекты. Оренбургский этап, на наш взгляд, был наиболее плодотворным для Жозефа Кастанье: будучи членом ОУАК он подготовил и опубликовал свои самые значимые труды.

Как следует из проведенного выше анализа трудов французского исследователя, несомненный и неугасающий интерес представляли для Кастанье сакральные памятники Центральной Азии.

В настоящее время в Казахстане возрос интерес к сакральной географии, в 2017 году стартовал Национальный проект «Сакральная география Казахстана», целью которого являются популяризация, сохранение, реставрация историко-культурных памятников и сакральных мест, изданы три тома энциклопедии «Сакральный Казахстан».

Немалая часть объектов, включенных в энциклопедию, была описана в дореволюционный период самостоятельным исследователем из Франции Жозефом-Антуаном Кастанье. Ученый-энтузиаст руководствовался методом сравнительного изучения культуры, архитектуры и искусства, стремясь оценить значение культурного наследия народов Центральной Азии.

Труды Кастанье не потеряли актуальности, имеют высокое практическое значение и должны быть включены в широкий научный оборот в качестве исторических и историографических источников.

Литература

- Бабаходжаев, 1955** – Бабаходжаев А.Х. Провал агрессивной политики английского империализма в Средней Азии в 1917–1920 гг. Ташкент: Изд-во АН Узб. ССР. 1955. 168 с.
- Бабаходжаев, 1962** – Бабаходжаев А.Х. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке (1918–1924 гг.). М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1962. 168 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области // Переписка об избрании в члены ОУАК и другим вопросам // ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 93.
- Германов, 1999** – Германов В.А. Французы в Узбекистане // Библиотека центра экстремальной журналистики. [Электронный ресурс]. URL: www.library.cjes.ru. (дата обращения: 16.08.1999).
- Германов, 2002** – Германов В.А. Французы в Узбекистане // Сборник. Этнический атлас Узбекистана. Институт «Открытое Общество» – Фонд содействия – Узбекистан, 2002. 452 с. С. 233-234.
- Горшенина, 1999a** – Горшенина С.М. Центральная Азия в творчестве Жозефа-Антуана Кастанье // *Восток: Афро-азиатские общества: история и современность*. 1999. № 1. С. 130-147.
- Горшенина, 1996** – Горшенина С. Странный археолог Кастанье // *Звезда Востока*. Ташкент. 1996. № 3. С. 146-159.
- Горшенина, 1999b** – Горшенина С.М. Неапология Кастанье / *Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: Материалы международной научной конференции*. Актобе. 1999. С. 104-111.
- Зобов, 1988** – Зобов Ю.С. Оренбургская УАК (Из истории становления исторического краеведения на южном Урале) // *Восьмые Бирюковские чтения*. Челябинск, 1988. С. 143.
- Кастанье, 1906** – Кастанье И.А. Отчет о поездке в Туркестан // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. XVI. Оренбург, 1906. 178 с.
- Кастанье, 1907** – Кастанье И.А. Развалины Болгасын и Челкарская степь // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. XIX. Оренбург, 1907. 276 с.
- Кастанье, 1910** – Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края с рисунками И.А. Кастанье // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. XXII. Оренбург, 1910. 361 с.
- Кастанье, 1906** – Кастанье И.А. Надгробные сооружения Киргизских степей // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. XXVI. Оренбург, 1911. 176 с.
- Кастанье, 1906** – Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. 2-е издание. Алматы: Дайк-Пресс, 12007. 516 с.
- Котюкова, 2010** – Котюкова Т.В. О вкладе выходцев из стран Западной, Центральной и Северной Европы в научное изучение Русского Туркестана в конце XIX – начале XX вв. // *Известия Коми научного центра УРО РАН*. Вып. № 4(4). 2010. С. 94-97.
- Лаумулин, 2015** – История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства). Астана: КИСИ, 2015. 416 с.
- Литвинский, 1999** – Ж.-А. Кастанье – ученый исследователь или любитель-краевед? // *Восток: Афро-азиатские общества: история и современность*. 1999. № 1. С. 147-155.
- Маджи, 1999** – Маджи С. Ж.-А. Кастанье как историк Средней Азии // *Общественные науки в Узбекистане*. 1999. № 6. С. 14-19.
- Масанов, 1966** – Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука, 1966. 322 с.
- Матвиевская, Прокофьева, 2020** – Матвиевская Г.П., Прокофьева А.Г. Оренбургская ученая архивная комиссия, ее «Труды» и авторы. Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство им. Г.П. Донковцева». 2020. 384 с.
- Удербаета, 2010** – Удербаета С.К. «Отчет о поездке в Туркестан» Жозефа-Антуана Кастанье из «Трудов» Оренбургской ученой архивной комиссии как исторический источник / *Материалы международной научной конференции международных Бекмахановских чтений: «Проблемы современной исторической науки: новые направления и подходы»*. Алматы, 2010. С. 292-294.
- Удербаета, 2010a** – Удербаета С.К. «Труды» Оренбургской ученой архивной комиссии как источник по истории Казахстана (период деятельности 1887–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Алматы, 2010. 173 с.
- Удербаета, 2010b** – Удербаета С.К. Вклад Ж.-А. Кастанье в изучение истории и культуры казахского народа / *Материалы международной научно-теоретической конференции «Концептуальные проблемы истории Центральной Азии и Европы в свете интеграции и модернизации», посвященной году Германии в Казахстане*, Алматы, 2010. С. 270-275.
- Удербаета, 2013** – Удербаета С.К. Возникновение и формирование «Трудов» Оренбургской ученой архивной комиссии как исторического источника // *Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан*. № 2. 2013. С. 200-210.
- Удербаета, 2017** – Удербаета С.К. Востоковедческие исследования Ж. Кастанье // *Личность и время. Николай Остроумов: востоковед, просветитель, летописец эпохи / Материалы международной научной конференции, посвященной 170-летию со дня рождения русского ученого туркестановеда, исламоведа, деятеля народного образования в Средней Азии Николая Петровича Остроумова*. Ташкент: «Turon zamin ziyo». 2017. С. 136-145.

Удербаетва, 2019 – Удербаетва С.К. Археологическая деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии // *Научный вестник Крыма*. 2019. № 4 (22).

Gorshenina, 1999 – Gorshenina S. Central'naya Aziya v tvorchestve Josefa-Antuana Kastan'ye [Central Asia in the work of Joseph-Antoine Castagnier]. *Vostok-Oriens: istoriya i sovremennost' afro-aziatskix obshchestv*. 1: 130-147.

Uderbaeva, 2016 – Uderbaeva S.K. «Proceedings» of the Orenburg Scientific Archival Commission as a Historical Source. *Oriente Moderno*. 96(1): 76-98. Publisher: Brill

References

Babakhodzhayev, 1955 – Babakhodzhayev, A.Kh. (1955). Proval agressivnoy politiki angliyskogo imperializma v Sredney Azii v 1917–1920gg. [The failure of the aggressive policy of British imperialism in Central Asia in 1917–1920]. Tashkent: Izd-vo AN Uzb.SSR. 168 p. [in Russian]

Babakhodzhayev, 1962 – Babakhodzhayev, A.Kh. (1962). Proval angliyskoy politiki v Srednei Azii i na Srednem Vostoke (1918–1924 gg.). [The failure of British policy in Central Asia and the Middle East (1918–1924)]. M.: Izd-vo vostochn. lit-ry, 168 p. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti.

Germanov, 1999 – Germanov, V.A. (1999). Frantsuzy v Uzbekistane [French in Uzbekistan] Biblioteka tsentra ekstremal'noy zhurnalistiki. [Electronic resource]. URL: www.librari.ches.ru (date of access: 16.08.1999). [in Russian]

Germanov, 2002 – Germanov, V.A. (2002). Frantsuzy v Uzbekistane [French in Uzbekistan]. Sbornik. Etnicheskiy atlas Uzbekistana. Institut «Otkrytoye Obshchestvo» – Fond sodeystviya – Uzbekistan, 452 p. Pp. 233-234. [in Russian]

Gorshenina, 1996 – Gorshenina, S. (1996). Strannyy arkheolog Kastan'ye [The strange archaeologist Castagne]. *Zvezda Vostoka*. Tashkent. 3: 146-159. [in Russian]

Gorshenina, 1999 – Gorshenina, S. (1999). Central'naya Aziya v tvorchestve Josefa-Antuana Kastan'ye [Central Asia in the work of Joseph-Antoine Castagnier]. *Vostok-Oriens: istoriya i sovremennost' afro-aziatskix obshchestv*. 1: 130-147. [in Russian]

Gorshenina, 1999a – Gorshenina, S.M. (1999). Tsentral'naya Aziya v tvorchestve Zhozefa-Antuana Kastan'ye [Central Asia in the works of Joseph-Antoine Castagnier]. *Vostok: Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 1: 130-147. [in Russian]

Gorshenina, 1999b – Gorshenina, S.M. (1999). Neapologiya Kastan'ye [Neapologia Castagne]. *Aralo-Kaspiyskiy region v istorii i kul'ture Yevrazii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Aktobe. Pp. 104-111. [in Russian]

Kastan'ye, 1906 – Kastan'ye, I.A. (1906). Otchet o poyezdke v Turkestan [Report on a trip to Turkestan]. *Trudy Orenburgskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii*. Vyp. 16. Orenburg, 178 p. [in Russian]

Kastan'ye, 1907 – Kastan'ye, I.A. (1907). Razvaliny Bolgasyn i Chelkarskaya step'. [The ruins of Bolgasyn and the Chelkar steppe]. *Trudy Orenburgskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii*. Orenburg: parov. tipo-lit. «T-va Karimov, Khusainov i K». Vyp. XIX. 276 p. [in Russian]

Kastan'ye, 1910 – Kastan'ye, I.A. (1910). Drevnosti Kirgizskoy stepi i Orenburgskogo kraya [Antiquities of the Kirghiz steppe and the Orenburg region]. *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. Vyp. XXII. Orenburg, 361 p. [in Russian]

Kastan'ye, 1911 – Kastan'ye, I.A. (1911). Nadgrobnyye sooruzheniya Kirgizskikh stepey [Tomb structures of the Kirghiz steppes]. *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. Vyp. XXVI. Orenburg, 176 p. (na rus. i fr.azykakh). [in Russian]

Kastan'ye, 2007 – Kastan'ye, I.A. (2007). Drevnosti Kirgizskoy stepi i Orenburgskogo kraya [Antiquities of the Kirghiz steppe and the Orenburg region]. 2-ye izd. Almaty: Dayk-Press, 516 p. [in Russian]

Kotyukova, 2010 – Kotyukova, T.V. (2010). O vklade vykhodtsev iz stran Zapadnoy, Tsentral'noy i Severnoy Yevropy v nauchnoye izucheniye Russkogo Turkestana v kontse XIX nachale XX vv. [On the contribution of immigrants from the countries of Western, Central and Northern Europe to the scientific study of Russian Turkestan at the end of XIX at the beginning of the 20th century]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra URO RAN*. 4 (4): 94-97. [in Russian]

Laumulin, 2015 – Laumulin, M.T. (2015). Istoriya Kazakhstana i Tsentral'noy Azii v mirovoy oriyentalistike (k 550-letiyu Kazakhskogo khanstva). [History of Kazakhstan and Central Asia in world oriental studies (to the 550th anniversary of the Kazakh Khanate)]. Astana: KISI, 416 p. [in Russian]

Litvinskiy, 1999 – Litvinskiy, B.A. (1999). Zh.-A. Kastan'ye – uchenyy issledovatel' ili lyubitel' krayeved? [Castagne – a scientist researcher or an amateur local historian?]. *Vostok: Afroaziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 1: 147-155. [in Russian]

Madzhi, 1999 – Madzhi, S. (1999). Zh.A. Kastan'ye kak istorik Sredney Azii [Castagne as a historian of Central Asia]. *Obshchestvennyye nauki v Uzbekistane*. 6: 14-19. [in Russian]

Matviyevskaya, Prokof'yeva, 2020 – Matviyevskaya, G.P., Prokof'yeva, A.G. (2020). Orenburgskaya uchenaya arkhivnaya komissiya yeye «Trudy» i avtory. [Orenburg scientific archival commission of its "Proceedings" and authors]. Orenburg. OOO «Orenburgskoye knizhnoye izdatel'stvo im. G.P. Donkovtseva». 384 p. [in Russian]

Uderbaeva, 2016 – Uderbaeva, S.K. (2016). «Proceedings» of the Orenburg Scientific Archival Commission as a Historical Source. *Oriente Moderno*. 96(1): 76-98. Publisher: Brill.

Uderbayeva, 2010 – Uderbayeva, S.K. (2010). «Otchet o poyezdke v Turkestan» Zhozefa Antuana Kastan'ye iz «Trudov» Orenburgskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii kak istoricheskiy istochnik ["Report on a trip to Turkestan" by Joseph Antoine Castagnet from the "Proceedings" of the Orenburg Scientific Archival Commission as a historical source]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii mezhdunarodnykh Bekmakhanovskikh chteniy: «Problemy sovremennoy istoricheskoy nauki: novyye napravleniya i podkhody»*. Almaty. Pp. 292-294. [in Russian]

Uderbayeva, 2010a – Uderbayeva, S.K. (2010). «Trudy» Orenburgskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii kak istochnik po istorii Kazakhstana (period deyatelnosti 1887–1917 gg.) [«Proceedings» of the Orenburg Scientific Archival Commission as a Historical Source of Kazakhstan (period of activity 1887–1917)]: dis. kand. ist. nauk: 07.00.09. Almaty, 173 p. [in Russian]

Uderbayeva, 2010b – Uderbayeva, S.K. (2010). Vklad Zh.A. Kastan'ye v izucheniye istorii i kul'tury kazakhskogo naroda [The contribution of J. A. Castanier to the study of the history and culture of the Kazakh people]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii «Kontseptual'nyye problemy istorii Tsentral'noy Azii i Yevropy v svete integratsii i modernizatsii», posvyashchennoy godu Germanii v Kazakhstane*. Almaty. Pp. 270-275. [in Russian]

Uderbayeva, 2017 – Uderbayeva, S.K. (2017). Vostokovedcheskiye issledovaniya Zh. Kastan'ye [Oriental Studies J. Castagnet]. Lichnost' i vremya. Nikolay Ostroumov: vostokoved, prosvetitel', letopisets epokhi. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 170-letiyu so dnya rozhdeniya russkogo uchenogo-turkestanoveda, islamoveda, deyatelya narodnogo obrazovaniya v Sredney Azii Nikolaya Petrovicha Ostroumova*. Tashkent: "Turon zamin ziyu". Pp. 136-145. [in Russian]

Uderbayeva, 2019 – Uderbayeva, S.K. (2019). Arkheologicheskaya deyatelnost' Orenburgskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii [Archaeological activities of the Orenburg Scientific Archival Commission]. *Nauchnyy vestnik Kryma*. 4(22). [in Russian]

Zobov, 1988 – Zobov, Yu.S. (1988). Orenburgskaya OAK (Iz istorii stanovleniya istoricheskogo krayevedeniya na Yuzhnom Urale) [Orenburg UAK (From the history of the formation of historical local history in the southern Urals)]. *Vos'myye biryukovskiyechteniya*. Chelyabinsk. P. 143. [in Russian]

Сакральная география Центральной Азии в трудах Жозефа-Антуана Кастанье

Сауле Удербаева^{a,*}, Ануар Сагатов^a, Еркин Какимжанов^a

^a Казахский Национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье представлен анализ научного наследия французского исследователя Центральной Азии, действительного члена двух дореволюционных научных обществ – Оренбургской ученой архивной комиссии и Туркестанского кружка любителей археологии. Самодеятельный исследователь проделал огромную работу по описанию объектов сакральной географии Центральной Азии, археологических памятников, краеведческому изучению Казахской степи, этнографическим изысканиям. Научное наследие Ж.-А. Кастанье представляет в настоящее время несомненный интерес для археологов, историков, этнографов, географов. В трудах Ж.-А. Кастанье представлены результаты его исследований по истории, археологии, этнографии, сакральной географии, исторической географии. В настоящее время эти результаты имеют большое научно-практическое значение. Долгое время личность Кастанье являлась «фигурой умолчания», так как его без веских оснований в предшествующей историографии считали иностранным агентом и шпионом. Произведенный в данной статье анализ содержания трудов Ж.-А. Кастанье, которые были рекомендованы к публикации и опубликованы в «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии, позволил определить их высокую ценность. Отличительной особенностью исследований Кастанье является обширная источниковая база, в которую входят труды видных ученых-востоковедов, редкие, ценные рукописи, изученные им в фондах ОУАК, наполненность авторским фотоматериалом, авторскими рисунками описываемых объектов, таблицами, точное топографо-картографическое описание, с указанием географических координат, расстояний в сажнях и верстах. Подробные географические координаты весьма ценны для современных ученых, например для составления цифровых карт сакральных объектов. Особый интерес представляют легенды, предания о древних городах, захоронениях, подробные описания святынь, записанные Кастанье.

Ключевые слова: Жозеф-Антуан Кастанье, сакральная география, Центральная Азия, научно-краеведческие общества, ОУАК (Оренбургская ученой архивная комиссия), ТКЛА (Туркестанский кружок любителей археологии), ГУАК (губернские ученые архивные комиссии).

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: saule-uderbaeva@mail.ru (С. Удербаева), aschwarzvonzeit@gmail.com (А. Сагатов), Yerkin Kakimzhanov erkinkakimzhanov@gmail.com (Е. Какимжанов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 800-811
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.800

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russia's Attitude to the "Armenian Issue" in the Ottoman Empire in the last quarter of the 19th century

Karine R. Ambartsumyan ^a, Igor V. Kryuchkov ^{a, *}

^aNorth Caucasus Federal University, Russian Federation

Abstract

In article, the evolution of the "Armenian issue" in the Russian foreign policy agenda is analyzed. The authors has demonstrated how the problem of the Armenian population in the Ottoman Empire was evolving during the last quarter of the 19th century was transforming into a serious international agenda associated with the Eastern question. The necessity of reforming the Armenian vilayets administration was included in various geopolitical contexts of the Russian Empire foreign policy, such as the use of the Black Sea straits, ensuring the security of the Caucasian periphery, maintaining the integrity of the weakening Ottoman Empire.

Russian diplomacy came to the need to put pressure on the Sultan under the influence of two factors: on the one hand, the Armenian revolutionary movement intensified and the number of refugees from Turkish Armenia raised, which threatened to destabilize the Caucasus, on the other hand, the British became more active in the Ottoman Empire and the number of their consulates grew, which was also negatively perceived by the Russian side. In the article, a comparative study of the political approaches of Great Britain and Russia to the "Armenian issue" is carried out. For the British in the 1880s this question was not raised, for the Russian central and regional authorities it existed and was connected with the security of the Caucasus. Because of the complexity of the political situation in the Ottoman Empire Russia faced up with a dilemma. Turkey was needed weak, but preserved in its borders. The collapse of a huge and complex state at the very borders gave rise to enormous difficulties for Russia. At the same time, there were implicit talks about the possible connection of Western and Eastern Armenia at a distance future. A. Nelidov was an eager supporter of strengthening links between the two groups of the Armenians, including with the help of the spiritual center – Etchmiadzin. He proposed a whole range of measures, which in modern international relations are called "soft power": strengthening cultural, religious and educational ties.

Keywords: "Armenian issue", foreign policy of the Russian Empire, Western and Eastern Armenia, A. Nelidov, V. Lamzdorf.

1. Введение

В современных международных отношениях проблема положения этнических меньшинств является одной из наиболее болезненных. Понимание необходимости разработки специальных механизмов для защиты их прав появилось уже после Первой мировой войны в рамках деятельности Лиги Наций. После Второй мировой войны ООН выработала ряд новых норм, касающихся защиты жизней и прав меньшинств. Однако только в 1992 г. была принята «Декларация Организации Объединенных Наций о правах меньшинств». Как подчеркивают составители доклада «Права меньшинств: международные стандарты и руководство по их соблюдению», согласованного подхода к определению дефиниции «этнические меньшинства» не существует. Кроме того, дискуссионным считается вопрос о том, являются ли коренные народы этническими меньшинствами. Даже размытые

* Corresponding author

E-mail addresses: igory@yandex.ru (I.V. Kryuchkov), karina-best21@mail.ru (K.R. Ambartsumyan)

в международном праве понятия и подходы являются серьезным достижением человечества, наработавшего значительный опыт в данном вопросе. Положение армянского населения в пределах Османской империи является неотъемлемой частью этого сформированного историей багажа.

2. Материалы и методы

Исследование построено как на опубликованных, так и архивных источниках. Тема вписывается в историю международных отношений, в этой связи основными являются дипломатические документы, которые позволяют последовательно проследить эволюцию подхода России к «армянскому вопросу» и изменение взглядов на его решение. Более полное представление о трансформации «армянского вопроса» в международную проблему, которую каждая из держав трактовала по-своему, исходя из своих национальных интересов, помогли составить стенограммы заседаний палаты общин британского парламента. Таким образом, изучаемая тема вписывается в более широкий политический контекст и рассматривается с позиций оппонировавшей России Англии. В формировании источниковой базы мы следовали подходу итальянского исследователя Эннио ди Нольфо, который понимает историю международных отношений как многообразие проявлений человеческой деятельности (Ди Нольфо, 2003). В этой связи привлечены травелоги, например записки полковника Вильсона, а также источники личного происхождения, такие как воспоминания Г.И. Бобрикова или дневники В.Н. Ламздорфа.

Опираясь на традиционные методы исторического исследования, мы следовали при этом принципу междисциплинарности и привлекли теорию оборонительного реализма, которая объясняет международные отношения с позиции реализации государством своих национальных интересов. В данном направлении показано, какое место занимал «армянский вопрос» в системе национальных интересов Российской империи. В рамках имплементации данной теории к исследованию было проанализировано политическое поведение Англии и отношение к нему России. С точки зрения исторической имагологии исследовано понимание «своего–другого–чужого» российскими имперскими чиновниками, служившими консулами и послами в Османской империи и понимавшими «армянский вопрос» как продолжение не только проблемы проливов, но и трудностей кавказской политической жизни, частью которой было армянское население. Транслируемые ими взгляды свидетельствуют о выделении турецких армян в особую группу, которая неразрывно связана с российскими армянами.

3. Обсуждение

В историографии проблема геноцида 1915 г. и событий, предшествующих ему, представлена объемным комплексом литературы как российской, так и зарубежной. Достаточно обстоятельно авторы останавливаются на погромах армянского населения, которые в Османской империи случались и до 1915 г. В своих работах ученые в той или иной степени обращаются к влиянию ведущих государств на ситуацию в Западной Армении, например, ряд работ исследует роль Германии в судьбе армян (см. Anderson, 2007; Дамидов, 2016; Оганесян, 2014). Политика Великобритании в отношении армян Турции легла в основу монографии А.Дж. Киракосян (Киракосян, 1990). Имеется небольшое количество работ в современной историографии, которое напрямую посвящено российско-турецким отношениям, складывающимся именно вокруг армянского населения Турции, и влиянию сложившейся ситуации на Закавказье, где также проживали армяне (Шутова, 2006; Акопянц, 2017). В последние годы появились работы, которые помогают расширить представления об армянском вопросе в предложенной хронологии (Рукавишников, 2019; Крючков, 2021; Величко, 2021; Амбарцумян, 2021), однако эта тема нуждается в дальнейшей проработке и привлечении новых архивных источников.

Исходя из сложившейся ситуации, в историографии «армянского вопроса» целесообразным представляется более детальное изучение роли России в его развитии в последней четверти XIX в., начиная с момента подписания Сан-Стефанского договора.

4. Результаты

Положение армянского населения было прочно вписано в целый комплекс проблем российско-турецких отношений изучаемого периода. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. разведка стала уделять пристальное внимание Османской империи. С 80-х гг. XIX в. Россия предпринимает попытки более детального изучения Западной Армении. Для этого в регион направляется несколько экспедиций. Они должны были собрать данные об этническом составе населения, расстоянии между населенными пунктами, состоянии путей сообщения и экономическом потенциале региона. Такой интерес объяснялся не только научными соображениями. Данные сведения были прежде всего востребованы российскими дипломатами и военными. МИД требовало точных сведений о регионе в условиях непростых комбинаций политики европейских государств в «армянском вопросе», где Россия оказалась в непростой ситуации. Военное ведомство прорабатывало варианты возможного ведения боевых действий в Западной Армении. Союз империи и географии в XIX в. является важным условием имперской политики ведущих государств Европы, в том числе России.

В частности, 17 ноября 1883 г. экспедиция коллежского асессора Карцова, в которую еще входили бывший офицер Ш.К. Бургард и Г. Полуботко, выдвинулась из Эрзерума в сторону Мосула. Она постоянно встречала по пути следования армянские селения, где постоянно сталкивалась с жалобами местного населения на притеснения со стороны курдов и османской администрации (*Сборник географических..., 1885: 271–286*). Члены экспедиции отмечали высокий уровень культуры армян в сравнении с мусульманами региона. Они собирали подробную информацию о местности, по которой следовала экспедиция, и ее экономическом развитии.

Близость традиционного противника к кавказским пределам стала фактором расширения агентурной сети. Еще до войны стало привычной практикой назначение на консульские должности офицеров, которые выполняли функции негласных агентов, при этом они переводились из военного ведомства в структуру МИД и получали гражданские чины в соответствии с имеющимся военным званием. В 1879 г. по инициативе штаба Кавказского военного округа была расширена сеть военных агентов в Азиатской Турции, здесь же имеющиеся российские консульства были усилены назначением офицеров на должность секретарей Генштаба. Негласный военный агент был направлен в населенный преимущественно армянами город Ван. Согласно инструкции, военные агенты регулярно должны были сноситься с начальником штаба Кавказского военного округа и предоставлять все собранные на вверенной территории сведения. К 1880-му г. в Азиатской Турции было четыре негласных военных агента – в Эрзеруме, Ризе, Ване и Алеппо. Перед Первой мировой войной они располагались в Эрзеруме, Ризе, Мосуле и Хаме (*Армянский вопрос..., 2013*).

Важным элементом в проведении политики в «армянском вопросе» являлось наличие точных карт, отражающих этнический и религиозный состав населения в Западной Армении. Несмотря на злободневность данной проблемы, в конце XIX в. в Европе и России не было точных этнических карт региона. В 1890–1895 гг. известный французский востоковед и путешественник Виталь Куине издает 5 томов карт Малой Азии, где он отражает не только религиозный, но и этнический состав населения данного региона Османской империи (*Cuinet, 1890–1895*). Автор-составитель карт признавал всю сложность проведения статистических исследований в условиях анархии, царившей в Османской империи. Карта В. Куине становится эталоном в Европе, считалось, что она максимально приблизилась к отражению реального положения дел в Малой Азии, в том числе в Западной Армении.

Генерал-лейтенант А.С. Зеленый, находившийся с 1885 г. при штабе командующего войсками Кавказского военного округа, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и подполковник Генерального штаба Сысоев в 1895 г. попытались проанализировать данные, представленные В. Куине, и оценить реальное положение дел «Турецкой Армении и Курдистана». Карта В. Куине, по их мнению, страдала определенными неточностями, тем более автор использовал данные официальной турецкой статистики без указания года ее проведения (*Cuinet, 1890–1895: 1–42*).

Российские авторы проанализировали различные статистические данные (Армянской константинопольской патриархии, британского консула в Эрзеруме, В. Куине) о религиозном составе населения девяти вилайетов (Эрзерум, Ван, Битлис, Харпут, Диарбекир, Сивас, Трапезунд, Алеппо и Адана), формирующих территорию Западной Армении. По их сведениям, в данных вилайетах проживало около 4 млн 450 тыс. мусульман, 920 тыс. армян и 630 тыс. греков и других христиан. По их мнению, В. Куине точно определил численность мусульман, греков и христиан, только уменьшив почти на 76 тыс. чел. численность армян (*Cuinet, 1890–1895: 17*). Основная часть армянского населения – 633 тыс. чел. – проживала на территории бывшей «Великой Армении», то есть в пяти вилайетах (Эрзерум, Ван, Битлис, Харпут и Диарбекир), но численность мусульман все равно доминировала в этих вилайетах: 1,827 тыс. чел., и еще 180 тыс. составляли греки и другие христиане. В разбивке сведений по санджакам российские офицеры определяют зоны доминирования армянского населения в Западной Армении.

Воочию наблюдая реалии многонациональной Турции, российские представители сформировали собственное видение ситуации, и «армянский вопрос» был одним из самых болезненных, так как значительная часть армянского населения проживала в кавказском приграничье. Военный секретарь, подполковник Я.Ф. Лундеквист занимал должности консула в Эрзеруме, а затем вице-консула в Хаме, когда-то участвовал в подавлении восстания в Царстве Польском. В этой связи его взгляд на возможность образования христианского армянского государства коррелировался с этим опытом. Он разделял точку зрения консула в Алеппо Н.Г. Иванова о том, что независимая Армения у границ России приведет к аналогичной польской проблеме сепаратизма, только в Закавказье, где находился духовный центр армян – Эчмиадзин (*Армянский вопрос..., 2013: 313–314*). Таким образом, ставка на армянскую государственность противоречила российским интересам, так как под угрозой ставился Кавказ, и возникала опасность вмешательства европейских держав. Сам Н.Г. Иванов видел даже в автономии Турецкой Армении большой вред для внешней и внутренней политики России. С одной стороны, он опасался усиления позиций Англии, в интересах которой было ослабление Турции. С другой стороны, возможной была негативная реакция других народов Османской империи, в частности курдов и арабов, которые могут тоже потребовать автономии. Такой сценарий ставил под угрозу правящую династию в Турции и делал открытое вторжение Европы в пределы Османской империи реальностью. А далее, как следствие, западные державы будут угрожать российскому Кавказу.

В 1895 г. во время поездки по Западной Армении Д.В. Путята много общался с представителями местного армянского национального движения. Они заявляли, что армяне готовы к началу вооруженного восстания и не повторению печального опыта Самсунской резни. Армянские патриоты, правда, признавали, что оружия у них очень мало, но ссылались на то, что Армянский константинопольский патриарх его непременно пришлет. Они планировали начать восстание, которое, по их мнению, приведет к вторжению в Османскую империю вооруженных сил европейских стран и к освобождению Западной Армении. Общаясь с простыми жителями и представителями армянской элиты, Д.В. Путята попытался выяснить их идеал будущего устройства Западной Армении. Все они ратовали за создание «Армянского королевства» без особой разницы, кто его возглавит – представитель России, Франции, Великобритании или другого государства. Конечно, свой монарх был бы лучше, многие полагали, что во главе государства вполне мог стать Армянский константинопольский патриарх. Представители крестьянства и ремесленников не сомневались, что в этом королевстве будут отменены все подати и налоги. Д.В. Путяту настаивали на призывы некоторых представителей армянского национального движения к возможному присоединению к независимой Армении Ереванской и Карской губерний и даже Тифлиса ([Сборник географических..., 1896: 94](#)). Данное обстоятельство порождало серьезное недоверие российской элиты к армянскому национальному движению.

Одну из основных причин обострения ситуации в Малой Азии, в том числе в Западной Армении, российские эксперты видели в общем ухудшении экономической ситуации в регионе. Страшная засуха и голод 1879–1880 гг. сильно затронули зону компактного проживания армянского населения. Их последствия проявлялись на протяжении многих лет. Все это чередуется с неудачной денежной реформой, проводимой Портой, и общей деградацией системы гражданского управления и судебной власти в Анатолии. Парадокс заключался в том, что ослабление имперских структур вело к ухудшению положения широких слоев населения, в том числе христиан ([Сборник географических..., 1896: 9](#)). Поэтому они призывали не сводить все причины конфликта к деструктивности политики Порты и «кровожадности» мусульман, стремясь найти разумный компромисс с правительством султана без лишней шумихи.

Зейтуныские восстания 1877–1878 гг. на территории бывшей провинции Киликии давали повод для английского вмешательства. Британский посол и консул принудили Порту в 1879 г. провести следствие о зверствах в отношении христианского населения Зейтуна ([Положение армян..., 1896: 88](#)). По свидетельству Н.Г. Иванова, алеппский вали Кямил-паша жаловался на вмешательство Англии и особенно британского консула в Алеппо Андерсона, который поддерживал армянских повстанцев и призывал не сдаваться, пока не будет соответствующего приказа из Англии ([Армянский вопрос..., 2013: 324](#)). Консул Иванов полагал, что в событиях в Зейтуне Англия стала одной из заинтересованных сторон, наряду с константинопольскими армянами и Портой ([Армянский вопрос..., 2013: 328](#)).

Однако, если посмотреть на ситуацию с английской стороны, то надо отметить, что после Берлинского конгресса намечались только контуры «армянского вопроса» как направления внешней политики Англии. Политические круги Британской империи знакомились с состоянием дел и определялись в своем отношении к данной проблеме. Если в 1890-е г. в повестке заседания палаты общин английского парламента проблемы Армении формулировались как самостоятельные, то в 1878 г. они помещались в широкий контекст восточной политики. Накануне Берлинского конгресса в 1878 г. Великобритания и Турция подписали так называемую Кипрскую конвенцию, которая позволила англичанам оккупировать Кипр. Конвенция представляла собой что-то вроде оборонительного договора, по которому Англия брала на себя обязательство предоставить султану военную защиту, в том числе в случае войны с Россией, а тот в свою очередь обещал провести реформы в сфере управления христианским населением Порты ([Кенкишвили, 2004](#)).

Спорность и зыбкость британского интереса к «армянскому вопросу» в 1878 г. иллюстрирует высказывание политика и члена палаты общин Спенсера Кавендиша: «...Но я хочу знать, когда впервые обнаружилось, что жизненно важные интересы Британии связаны с Арменией и Малой Азией? Конечно, выяснилось это недавно. Этого не было сделано в мае прошлого года, когда лорд Солсбери¹ обнародовал знаменитую хартию политики. Не было этого сделано и несколько позже, когда этот благородный лорд обратился к «The Merchant Taylors»², когда он открыто высмеял мысль о том, что какие-либо жизненно важные британские интересы затрагиваются в Армении и Малой Азии. Конечно, в июне, когда российские условия были доведены до сведения правительства, этого сделано не было. Это также не было сделано, когда позднее полковник Уэлсли имел свидание с императором России, и когда царь заявил, что он видит необходимость требовать аннексии некоторых частей Армении, и когда правительство Ее Величества выразило свое удовлетворение тем, что требования

¹ Роберт Солсбери занимал в это время пост министра иностранных дел Великобритании и внес большой вклад в ход Берлинского конгресса.

² Старейшая английская торговая компания, кроме коммерции занимается образовательной и благотворительной деятельностью.

России были так скромны. Не было этого открытия и в ноябре прошлого года, когда правительство Ее Величества сообщило России, что мы будем сопротивляться дальнейшему продвижению ее армий в направлении Константинополя силой оружия; в то же время они беззаботно смотрели на взятие Карса русскими войсками» ([Eastern affairs. — resolution, 1878](#)).

Представитель палаты общин Чарльз Вентворт Дильк, который в 1880 г. вошел в качестве премьер-министра в кабинет премьера У. Гладстона, оспаривал необходимость глубокого вовлечения Англии в решение «армянского вопроса» в Турции. Он полагал, что контролировать исполнение Портой 61-й статьи Берлинского договора и проведение реформ в Армении реально могут только Россия и Англия, что возлагает на британскую сторону более тяжелую ответственность, чем кажется на первый взгляд. Германия, Австрия и Франция не имеют особенно серьезного интереса в Турецкой Армении. Он предупреждал, что Англия не сможет предотвратить набеги курдов на армян и потом окажется морально ответственной перед всей Европой ([Eastern affairs. — resolution, 1878](#)).

Таким образом, если для России в 1880-е гг. «армянский вопрос» подразумевал и безопасность Кавказа, то для Великобритании после русско-турецкой войны проблема имела размытые очертания, однако общественность, да и многие представители политики имели довольно смутные представления, о какой территории идет речь, в упомянутой палате общин можно было услышать следующее: «Вряд ли можно было бы использовать более расплывчатый термин, чем «Армения», или более неудовлетворительное географическое обозначение». И далее шло рассуждение спикера о том, относить или не относить порт Батум к «Армении» ([Question. Observations, 1878](#)).

Однако риторика дебатов в Лондоне не отменяет того факта, что интерес нарастал и присутствие Англии в Турции усиливалось. Российский генерал-майор Г.И. Бобриков, который был консультантом в Берлине на конгрессе, а потом принимал участие в организации военной агентуры, писал о необходимости расширять сеть консулов в связи с появлением английских консульств в центре Анатолии ([Бобриков, 1913](#)). Судя по опыту и описываемой ситуации, в своих рекомендациях он руководствовался фактором Англии и состоянием Турции и предлагал улучшить работу российской консульской сети. Для наблюдения положения дел в Армении, по его мнению, следовало учредить должность вице-консула в Муше, где сплошь армянское население, в не в Самсуне, который играл малозначительную роль как порт ([Бобриков, 1913: 258](#)).

Обосновавшись в Анатолии, англичане в течение 1880-х гг. накапливали сведения и присматривались к ситуации. Английское консульство так же, как и российские, были офицерами и собрали огромный массив данных, некоторые из которых были изданы затем в виде так называемых «синих книг»¹. В них дело шло об Армении, начиная с 1878 г. по 1881. Далее по 1889 г. не было сведений ни об армянах, ни о Малой Азии вообще, в 1889 г. вышел очередной том под заголовком «Переписка о положении населения азиатской Турции». Бельгийский юрист-международник Г. Ролен-Жэкман изучил ситуацию и пришел к довольно неутешительному выводу о том, что новое коллективное (очевидно, после Берлинского конгресса) вмешательство держав в дела Порты по вопросам положения армянского населения отложено на неопределенный срок: «Англия со своей стороны перестала отмечать каждый год в своих Синих книгах жестокое обращение с армянами, находящимися под покровительством ее и Европы» ([Положение армян..., 1896: 110](#)).

В России внимательно следили за деятельностью британских дипломатов в Малой Азии, в том числе консульства в Эрзеруме, созданного в 1879 г., которое возглавил полковник Вильсон ([Сборник географических..., 1884: 82-99](#)). Одним из российских специалистов по «армянскому вопросу» становится полковник Д.В. Путята, посещавший с экспедицией в 1895 г. Западную Армению. Его аналитические записки оказывали существенное влияние не только на командование Кавказского военного округа, но и на имперские структуры в Санкт-Петербурге, в том числе МИД. Он полагал, что Великобритания и ее дипломатические представители в Малой Азии сыграли большую роль в дестабилизации ситуации в регионе. Они, в частности, подогревали антиосманские настроения среди армянского населения Западной Армении ([Сборник географических, топографических и статических материалов по Азии, 1896: 2-154](#)). Формирующаяся армянская интеллигенция и духовенство оказались под сильным воздействием британской пропаганды. Она способствовала развитию национального движения у армян Османской империи и разрастанию конфликта между ними и Портой, с одной стороны, а с другой – с мусульманскими соседями. Поэтому большую ответственность за погромы в 1894–1896 гг. он возлагал именно на Лондон, который стремился, используя армян в своих интересах, утвердить свое влияние в Восточной Анатолии, в том числе в ущерб интересам России. Данная точка зрения отражала мнение большинства представителей российской правящей элиты и военных на причины обострения «армянского вопроса» в 80-е гг. XIX в.

Решая поставленные задачи, британские дипломаты, по мнению Д.В. Путяты, стремились настроить европейскую общественность против Порты, поднимая тему проявления зверств Порты и мусульман в Малой Азии по отношению к христианам, и прежде всего армянам. При этом дипломаты

¹ Речь идет о собрании дипломатических документов или материалов, которые издавались правительством для английского парламента. Название «синяя книга» является общепринятым, но неофициальным.

Великобритании часто использовали непроверенную информацию или сознательно ее искажали (*Сборник географических...*, 1896: 6-7).

Впервые необходимость реформ в сфере управления армянскими территориями была обозначена в Сан-Стефанском мирном договоре, в котором державы обязывали Порту провести преобразование управления данными областями. Это же обязательство дублировалось в Берлинском трактате, новшеством стала обязанность Турции отчитываться перед державами о предпринятых мерах. Порты должна была сообщать о проводимой в армянских вилайетах политике именно ведущим державам, что, казалось, лишало Россию монопольного участия в урегулировании «армянского вопроса» в Турции.

Однако обращение к источникам позволяет сделать вывод о естественном историческом и геополитическом преимуществе Российской империи в «армянском вопросе», которое осознавалось имперскими чиновниками и возлагало на них определенную ответственность. По мнению российского посла в Константинополе А.И. Нелидова, который был одним из составителей Сан-Стефанского договора, для Западной Европы положение христиан в Османской империи не имело никакого значения: «Смысл означенного параграфа заставляет думать, что он скорее создан для того, чтобы уничтожить между турецкими армянами чувства симпатии к России, – чувства которые, так сказать, врождены каждому армянину, вследствие общего тяготения их к патриаршему престолу Армянского Католикоса – к Эчмиадзину, в нашей Эриванской Губернии» (*ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 157. Л. 2об.-3*).

Цитируемое донесение было написано в 1882 г. на имя помощника министра иностранных дел Н.К. Гирса – В.Н. Ламздорфа, в этот момент А.И. Нелидов находился в статусе управляющего российским посольством в Константинополе и консула в Трапезунде, и события подписания Сан-Стефанского договора и проведения Берлинского конгресса были делом недавнего прошлого. Текст депеши является ценным источником, на основании которого можно представить положение дел в Западной Армении. Уже тогда было очевидно, что Россия не может и не должна уступать ведущей роли в урегулировании положения армянского населения в Османской империи. А.И. Нелидов в качестве аргумента приводил то, что Восточная Армения является неотъемлемой частью Российской империи, поэтому игнорирование дел в Западной Армении было непозволительной роскошью. А.И. Нелидов последовательно развивает мысль о том, что России необходимо поддерживать и укреплять связь между турецкими и русскими армянами. Тем более институциональные основания для этого были: в Эчмиадзине располагалась резиденция католикоса, а в Москве – Лазаревский институт (*ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 157. Л. 3*). Будучи погруженным в константинопольскую жизнь, А.И. Нелидов располагал не только официальной информацией о положении турецких дел, но и мог оценивать настроения и ожидания обывателей. По его словам, среди мусульманского и христианского населения активно распространялись слухи о скором занятии русскими Малой Азии. Также он отмечал, что подспудно связи русских и турецких армян имеют перспективой будущее соединение. Так, в школу Эчмиадзина было принято на обучение сорок мальчиков из Константинополя, или другой пример – тифлисский армянин, купец оплатил молодым людям из Эрзерума образование в Европе, которые после возвращения на деньги того же купца открыли школы (*ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 157. Л. 5-6*).

В свете вышесказанного главная рекомендация А.И. Нелидова сводилась к необходимости усиливать наметившиеся процессы сближения: «При таком положении дел, для Правительственных Агентов наших в Малой Азии не составляло бы особенного труда возрастить в Армянах уверенность в том, что они должны искать избавления от турецкого гнета лишь под кровом Русского Правительства. Очевидно, что о самостоятельной целостности Армении не должно существовать и мысли...» (*ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 157. Л. 6*). Пока речь шла об усилении ощущения единства. Большое значение придавалось фигуре католикоса и эчмиадзинскому престолу. По мнению А.И. Нелидова, глава Армяно-григорианской церкви должен усиливать популярность Эчмиадзина среди турецких армян, чтобы он стал для них таким же духовным центром, как Киев для православных. Все российские консулы в Малой Азии призывались к активизации контактов с католикосом, вплоть до совершения ежегодных визитов в Эчмиадзин. Армяно-григорианская церковь рассматривалась не только как духовная скрепа обеих Армений, но и как заслон для миссии католиков, которые активизировались в Малой Азии. В Трапезунде даже функционировали иезуитская и доминиканская школы, они лучше финансировались и были богаче, чем армяно-григорианские. Многие ученики предпочитали именно католические училища, несмотря на их дороговизну. Популярность католического образования тревожила российского чиновника, в том числе потому, что в Закавказье проживало около 12 тыс. сторонников армяно-католической церкви. В этой связи представлялось целесообразным поддержать, в том числе материально, армянские школы Трапезунда.

В 1895 г. турецкий султан Абдул Гамид под давлением России, Франции и Англии издал декрет о реформах, но фактически он реализован не был, оставшись мертвой буквой. В итоге разгорелись новые погромы, началась резня, которые с еще большей очевидностью показали то, что турецкое государство оказалось в туиковой ситуации и в своей национальной политике ничего, кроме силы,

предложить не может. С 1894 по 1896 гг. по стране прокатывались волны погромов, которые вошли в историю как «хамидовская резня» (Амбарцумян, 2021).

Дряхлеющая Османская империя все с большей очевидностью становилась объектом передела сферы влияния ведущих держав, поэтому «армянский вопрос» был сопряжен с геополитикой. Насущным был вопрос о проливах, которые каждый из участников событий боялся упустить в случае распада Турции. Дипломатические документы свидетельствуют о тревожных ожиданиях краха империи. До 1894–1896 гг. погромы армянского населения случались в отдаленных от столицы местностях. Когда резня происходила в Константинополе и очевидцами этих событий стал весь дипломатический корпус, это придавало событиям больший международный резонанс. Представители великих держав столкнулись с новой реальностью, которую предвидели, но ничего фактически не предпринимали.

Армяне Турции, в свою очередь, не имея реальной защиты от держав, начали искать иные пути для обеспечения безопасности, стали основывать нелегальные группы: в 1881 г. в Эрзеруме появилась группа «Защитники Отечества», в 1885 г. в Ване создана партия Арменакан. В Лондоне эмигранты создали Армянское патриотическое общество Европы. В 1887 г. в Женеве армяне-сторонники марксизма создали организацию «Гнчак», декларировавшую цель создания в Малой Азии единого армянского государства, что уже напрямую касалось интересов России, включавшей в свою территорию Восточную Армению. Неизбежно революционизировались и армяне на Кавказе. В 1890 г. в Тифлисе была создана партия Дашнакцутюн, в основе которой были идеи революционного национализма. Национально-освободительное движение стало нарастать. Естественным образом, вся эта цепь событий лишь усилила армянский протест в Турции, на который власти реагировали только силой. Для подавления протестов в восточных вилайетах султан создал хамидие – иррегулярную армию из курдов (Рукавишников, 2019: 4). Власти России с большим недоверием относились к армянским политическим партиям и группам, тем более проповедовавшим социалистические идеалы и тактику проведения террористических акций.

Порте пришлось в этих условиях пойти на утверждение проекта Конституции Кандии, то есть Крита. При этом проблема реформ в управлении армянскими территориями по-прежнему оставалась вне серьезной повестки международных отношений. Стали звучать сожаления по поводу судьбы Сан-Стефанского договора. Либеральный английский политик Сэмюэль Смит высказался следующим образом: «Если бы этот договор выполнялся, Россия могла бы навязать Турции подлинные реформы; она не эвакуировала бы Армению, пока не были даны гарантии, и не было бы этих ужасных погромов...» (Armenian Christians, 1896).

Порте давались советы, как вести реформы, выражались дипломатические протесты, которые дальше разговоров не шли. Уже в статусе посла в Константинополе А.И. Нелидов в 1896 г. полагал, что это только еще больше раздражает Порту и усугубляет положение: «Посягательства армян, речи английских государственных людей, громкие обвинения со стороны европейской печати, слухи о переговорах между Великими державами с целью совместного принудительного воздействия на Порту, появление в Оттоманских водах и близ берегов Турции угрожающих иностранным морским сил – все эти тревожные обстоятельства в высокой степени раздражают общественное мнение мусульман и возбуждают их против христиан, как местных, так и иностранных, однако достаточного страха, единственно способного при решительном действии извне, сдерживать дикие наклонности и отрезвлять чрезмерные фанатические стремления нехристианских подданных Падишаха» (ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159. Л. 64об.-65). Более того, по мнению русского дипломата, турецкий султан сознательно «потворствовал религиозным страстям», таким образом опираясь на фанатичные мусульманские низы в поисках защиты, так как в высших слоях его положение было шатким. Следует отметить, что первоначально в декабре 1894 г. А.И. Нелидов не придавал особого значения событиям, разворачивавшимся на востоке Османской империи. Самсунская резня являлась для него лишь эпизодом, очередной попыткой Великобритании втянуть Россию в конфликт между Портой и армянским населением (Ламздорф, 1991: 87). Однако уже с января 1895 г. он начинает докладывать обо всей серьезности конфликта, способного привести к новой войне.

Судя по донесениям тех сообщений, которые получал сотрудник российского МИД В.Н. Ламздорф от А.И. Нелидова, то, наблюдая события т.н. «хамидовской резни», все ждали первого шага со стороны России (ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159. Л. 66). Более того, А.И. Нелидов отмечал, что были даже турки, понимавшие губительность событий для их государства, ждали решительных шагов со стороны держав и обвиняли Россию в медлительности (ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159. Л. 66). Флотилии, которые курсировали вдалеке, только раздражали, остановить убийство христианского населения могли только решительные действия.

Слабость Османской империи вызывала опасения, однако, как свидетельствуют дипломатические документы, четко выработанного плана у держав не было. Россия столкнулась с притоком беженцев из Турецкой Армении, в том числе поэтому с определенного момента оказалась наиболее заинтересованной из всех держав в урегулировании. Другим фактором вовлеченности России в «армянский вопрос» была проблема черноморских проливов, которые могли попасть под контроль европейских держав в связи с эскалацией ситуации в Турции. Для российских

дипломатических представителей положение становилось тягостным, так как был очевиден развал Османской империи. А.И. Нелидов писал В.Н. Ламздорфу в сентябре 1986 г. о том, что дальнейшая поддержка целостности Турции уже бессмысленна, хотя для России было бы выгоднее «сколь можно дольше протянуть существование этого государственного организма» (ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159. Л. 30б.). Вызывала опасения перспектива, что погромы армянского населения могут спровоцировать английский флот подойти к Константинополю или даже привести к совместному вторжению держав в беспорядки в Константинополе, в том числе с использованием проливов. В этой связи совместное вмешательство держав в «армянский вопрос» виделось как нежелательная перспектива, это лишало бы Россию лидерства в определении статуса проливов, и восточный вопрос разрешался бы «в самом невыгодном для нас и уже непоправимом смысле» (ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159. Л. 70).

Рассуждая на тему возможного переворота, А.И. Нелидов указывал на бесперспективность смены власти в Константинополе, так как государственные основы распатаны, а власть ослаблена. Поэтому вопрос о проливах был злободневным и задача России была не отстать от держав, которые могли воспользоваться занятостью Порты армянским населением (ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159. Л. 10). У очевидцев складывалось ощущение, что империя сама рушит фундамент своего государства.

По свидетельству А.И. Нелидова, религиозные войны внутри империи разжигает сама Порта. В конце 1896 г. в Константинополе царила паника: многие, кто имел средства, старались покинуть Турцию. С одной стороны, были опасения новой активности армянских революционеров, на которые султан отвечал очередными погромами. С другой – состояние дел было настолько плохим, что многие не исключали возможность государственного переворота и свержения султана (ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159. Л. 107 об.-108). Политический паралич государственного аппарата Порты не был в состоянии совладать цивилизованными методами с армянским движением и провести обещанные реформы.

А.И. Нелидов видел выход во вмешательстве держав и принуждении султана и «поставить над Проливами вместо Турции Европу». Но для России такой исход был невыгоден, так как ставились под угрозу ее интересы, и безопасность в Черном море, и свободное сообщение со Средиземным морем. Поэтому обострение «армянского вопроса» становилось поводом, чтобы быстро успеть ввести российский флот из Севастополя и Одессы в Босфор, опередив при этом Европу.

В лице султана Абдул-Хамида II российская дипломатия видела государя, с которым Россия сможет иметь дело. Поэтому министр иностранных дел России А.Б. Лобанов-Ростовский прилагал максимум усилий, чтобы «армянский вопрос» не стал поводом для развала и раздела Османской империи. После проведения расследования резни в Сасуне, потом в разработке проекта реформ управления в Турции российская сторона отказывалась санкционировать любые действия, которые могли бы спровоцировать вмешательство Европы во внутреннюю политику Порты (Величко, 2021: 8).

Как выше отмечалось, для России большой проблемой стал наплыв беженцев из Турецкой Армении, которые оседали на Кавказе и расшатывали «национальный вопрос» изнутри империи (Величко, 2021: 10). Идея возрождения армянской государственности и создания Великой Армении, обсуждаемая дашнаками, воспринималась как угроза территориальной целостности. В этой связи акценты в отношении к «армянскому вопросу» расставляются теперь по-другому. С 1898 г. беженцы и армянские революционеры являются главной повесткой в российско-турецких дипломатических отношениях (Величко, 2021: 10). Посол России в Константинополе И.А. Зиновьев всячески старался убедить турецкого султана и его окружение принять беженцев обратно. Султан не желал этого делать, более того, в 1899 г. предложил выделить 100 тыс. турецких лир на расселение беженцев в пределах Российской империи (АВП РИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502б. Д. 2479. Л. 31).

В самой России трагические события в Западной Армении вызвали горячий отклик не только среди представителей армянской общины страны. Российские газеты сообщали о зверствах, направленных против армян Османской империи, вызывая негодование среди широких слоев населения. К сбору средств в пользу армянских беженцев присоединились и представители российской интеллигенции, включая Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, В.Г. Короленко, К. Бальмонта и др. Протоиерей Иоанн Кронштадский пожертвовал 200 тыс. руб. на помощь армянским беженцам (Братская помощь..., 1898).

По мере роста революционной напряженности внутри России, смещения интересов на Дальний Восток в сторону Японии актуальность черноморских проливов снижалась, а «армянский вопрос» рассматривался в плоскости внутренней политической нестабильности. Поэтому уже в начале XX в. активное участие в его урегулировании принимали не только внешнеполитические ведомства, но и кавказские власти: наместник и управляющей гражданской частью. Причем если в Россию бежали армяне, то в турецкие пределы стремились мусульмане, которых сманивали специально направляемые эмиссары. Российские власти таким гонцам отказывали в паспортах и визах, поэтому они пробирались тайно. Прибывавшее на Кавказ армянское население тоже совершало переходы тайно, но большими группами. Согласно консульским донесениям, турецкая пограничная стража эти процессы только поощряет, таким образом, способствует освобождению от армян восточных вилайетов (АВП РИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502б. Д. 2474. Л. 2-3). До 1908 г. вопрос находился в состоянии постоянных переговоров с турецкими властями и внутрироссийских споров, что делать с армянскими беженцами, которые усугубляют революционную ситуацию, что особенно было

актуально в свете первой российской революции. В 1908 г. к власти в Турции пришли младотурки, в этой связи начинается новый этап в развитии «армянского вопроса». Символичной стала замена посла в Константинополе: И.А. Зиновьев не принял младотурок, и его до 1912 г. на этом посту сменил Н.В. Чарыков.

5. Заключение

«Армянский вопрос» во внешней политике России в течение последней четверти XIX в. претерпел серьезную трансформацию, став значимой частью «восточного вопроса». После подписания Сан-Стефанского договора проблема армянского населения Турции оказалась в фокусе российского внимания по нескольким причинам. Во-первых, геополитическое соперничество с другими державами, главным образом с Великобританией, в том числе в отношении черноморских проливов. В этой связи детально изучалась Западная Армения, сюда отправляются целые экспедиции, а также расширяется сеть консульского представительства. Во-вторых, «армянский вопрос», его состояние и решение напрямую влияли на стабильность кавказского пограничья, где компактно проживало армянское население. С одной стороны, революционные организации влияли на российских подданных армян, с другой – хамидовские погромы привлекли к беспрецедентному бегству армян в Восточную Армению. Поэтому к концу XIX в. Россия оказалась наиболее настойчивой из всех держав и требовала проведения реформ в сфере управления армянскими вилайетами. В-третьих, для России проведение реформ означало сохранение хотя и слабой, но целой Османской империи. Ее распад гипотетически влек за собой раздел и конфликты, что было нежелательным исходом.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-59-05002 Арм_а.

The reported study was funded by RFBR and SC RA, project number 20-59-05002 Арм_а.

Литература

АВП РИ – Архив внешней политики Российской империи.

Акопьянц, 2017 – Акопьянц А.С. Русско-турецкие отношения (конец XIX – начало XX в.) и армянский вопрос // *Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения*. 2017. № 1. С. 23-28.

Амбарцумян, 2021 – Амбарцумян К.Р. Проблема реформирования армянских вилайетов Турции в политике великих держав в 1908–1914 гг. // *История: факты и символы*. 2021. № 4. С. 51-60.

Армянский вопрос..., 2013 – Армянский вопрос в Турции: в материалах русского Генерального штаба / Сост.: Михаил Басханов. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. X, 637 с.

Бобриков, 1913 – Бобриков Г.И. На Босфоре // *Русская старина*. 1913. Т. 154. С. 253-260.

Братская помощь..., 1898 – Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. 2-е издание. М.: Типография И.Н. Кушнарева. 1898. С. XIII. (174 с.)

Величко, 2021 – Величко Л.Н. «Армянский вопрос» в контексте восточной политики России в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник Калмыцкого университета*. 2021. № 4. С. 6-15.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Даминов, 2016 – Даминов И.Р. Германия и Геноцид армян: «свидетели или сообщники?» // 100-летие Геноцида армян в Османской империи: уроки истории. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции 20 апреля 2015 г. в Уральском федеральном университете, РФ. Ереван: Издательство ЕГУ, 2016. С. 43-47.

Ди Нольфо, 2003 – Ди Нольфо Эннио. История международных отношений: методологические проблемы // *Уральский вестник международных исследований*. 2003. Вып. 1. С. 9-34.

Кенкишвили, 2004 – Кенкишвили С.Н. К вопросу о взаимосвязи англо-турецкой конвенции и Берлинского конгресса 1878 г. // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2004. № 4. С. 42-49.

Киракосян, 1990 – Киракосян А.Дж. Великобритания и Армянский вопрос (90-е годы XIX века). Ереван: Айастан, 1990. 240 с.

Ламздорф, 1991 – Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896 гг. М.: Международные отношения, 1991. 456 с. С. 87.

Оганесян, 2014 – Оганесян Л.Г. Западная Армения в планах великих держав в годы Первой мировой войны // *Историческое пространство: проблемы истории стран СНГ*. М.: Наука, 2014. С. 91-114.

Положение армян..., 1896 – Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году: Речь Гладстона, ст.: Ролен-Жекмена, Мак-коля, Грина, Диллона, Диева и др.: С портр. В. Гладстона и католика Мкртчича I / Предисл. проф. Л.А. Камаровского. М.: Типолит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1896. XXVI, 443 с.

Рукавишников, 2019 – Рукавишников Е.Н. Армянская проблема в Османской империи и ее последствия в 90-х гг. XIX в. // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки»*. 2019. № 4. С. 61-72. С. 4.

- Сборник географических..., 1884** – Сборник географических, топографических и статических материалов по Азии. Вып. XL. СПб.: Военная типография, 1884. 504 с.
- Сборник географических..., 1885** – Сборник географических, топографических и статических материалов по Азии. Вып. XIX. СПб.: Военная типография, 1885. 284 с.
- Сборник географических..., 1895** – Сборник географических, топографических и статических материалов по Азии. Вып. LXII. СПб.: Военная типография, 1895. 305 с.
- Сборник географических..., 1896** – Сборник географических, топографических и статических материалов по Азии. Вып. LXVI. Записки о Малой Азии. Полковника Генерального штаба полковник Путья. СПб.: Военная типография, 1896. 164 с.
- Шутова, 2006** – Шутова Н.Е. Армянский вопрос в российско-турецких отношениях: 1911–1921 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2006. 197 с.
- Anderson, 2007** – Anderson M.L. «Down in Turkey, far away»: human rights, the Armenian massacres, and orientalism in Wilhelmine Germany, Armenian massacres, and orientalism in Wilhelmine Germany, 2007 – Armenian massacres, and orientalism in Wilhelmine Germany, Armenian massacres, and orientalism in Wilhelmine Germany // *J. of modern history*. Chicago. 2007. Vol. 79. No. 1. Pp. 80-111.
- Armenian Christians, 1896** – Armenian christians. 03 March 1896. Hansard. 1896. Vol. 38. Pp. 37-125. [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1896/mar/03/armenian-christians> (date of access: 21.01.2022).
- Cuinet, 1890–1895** – Cuinet V. La Turquie d'Asie: géographie administrative, statistique, descriptive et raisonnée de chaque province de l'Asie-Mineure. 4 vols. Paris: E. Leroux, 1890–1895.
- Eastern affairs. — resolution, 1878** – Eastern affairs. — resolution. 29 July 1878. Hansard. 1878. Vol. 242 Pp. 527-612. [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1878/jul/29/eastern-affairs-resolution> (date of access: 21.01.2022).
- Kryuchkov, 2021** – Kryuchkov I.V. Armenian Pogroms in the Ottoman Empire in 1894–1896 and Politics of Russia (based on the diaries of V.N. Lamzdorf) // *Bylye gody*. 2021. 3: 1421-1432.
- Question. Observations, 1878** – Question. Observations. 16 July 1878. Hansard. 1878. Vol. 241. Pp. 1572-1575. [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1878/jul/16/question-observations> (date of access: 21.01.2022).

References

- Akop'yants, 2017** – Akop'yants, A.S. (2017). Russko-turetskie otnosheniya (konets XIX – nachalo XX v.) i armjanskiy vopros [Russian and Turkish Relationship (the end of XIX – beginning of XX)]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya*. 1: 23-28. [in Russian]
- Ambartsumyan, 2021** – Ambartsumyan, K.R. (2021). Problema reformirovaniya armjanskikh vilayetov Turtsii v politike velikikh derzhav v 1908 – 1914 gg. [The Problem of Reforming the Armenian Districts of Turkey in the Great Powers Policy in 1908-1914]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 4: 51-60. [in Russian]
- Anderson, 2007** – Anderson, M.L. (2007). «Down in Turkey, far away»: human rights, the Armenian massacres, and orientalism in Wilhelmine Germany, Armenian massacres, and orientalism in Wilhelmine Germany, 2007 – Armenian massacres, and orientalism in Wilhelmine Germany, Armenian massacres, and orientalism in Wilhelmine Germany. *J. of modern history*. Chicago. 79(1): 80-111.
- Armenian Christians, 1896** – Armenian christians. 03 March 1896. Hansard. 1896. Vol. 38. Pp. 37-125. [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1896/mar/03/armenian-christians> (date of access: 21.01.2022).
- Armyanskiy vopros..., 2013** – Armyanskiy vopros v Turtsii: v materialakh russkogo General'nogo shtaba [The Armenian Question in Turkey: in the materials of the Russian General Staff]. Compiler: Mikhail Baskhanov. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. X, 637 p. [in Russian]
- AVP RI** – Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of foreign policy of Russian Empire].
- Bobrikov, 1913** – Bobrikov, G.I. (1913). Na Bosfore [On the Bosphorus]. *Russkaya starina*. 154: 253-260. [in Russian]
- Bratskaya pomoshch'..., 1898** – Bratskaya pomoshch', postradavshim v Turtsii armyanam. 2-e izdanie. Moscow: I.N. Kushnarev's printing house. 1898. C. XIII. 174 p. [in Russian]
- Cuinet, 1890–1895** – Cuinet, V. (1890–1895). La Turquie d'Asie: géographie administrative, statistique, descriptive et raisonnée de chaque province de l'Asie-Mineure [Asian Turkey: administrative, statistical, descriptive and reasoned geography of each province of Asia-Minor]. 4 vols. Paris: E. Leroux. [in French]
- Daminov, 2016** – Daminov, I.R. (2016). Germaniya i Genotsid armyan: «svideteli ili soobshchniki?» [Germany and Genocide of the Armenians: “witnesses or accomplices”]. 100-letie Genotsida armyan v Osmanskoy imperii: uroki istorii. Sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 20 aprelya 2015 g. v Ural'skom federal'nom universitete, RF. Erevan: ESU publ., Pp. 43-47. [in Russian]
- Di Nol'fo, 2003** – Di Nol'fo Ennio (2003). Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy: metodologicheskie problemy [History of International relations: methodological issues]. *Ural'skiy vestnik mezhdunarodnykh issledovaniy*. 1: 9-34. [in Russian]

Eastern affairs. — resolution, 1878 – Eastern affairs. — resolution. 29 July 1878. Hansard. 1878. Vol. 242. Pp. 527-612. [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1878/jul/29/eastern-affairs-resolution> (date of access: 21.01.2022).

GARF – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State archive of Russian Federation].

Kenkishvili, 2004 – *Kenkishvili, S.N.* (2004). K voprosu o vzaimosvyazi anglo-turetskoy konventsii i Berlinskogo kongressa 1878 g. [On the issue of the link between the Anglo-Turkish convention and the Berlin Congress of 1878]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki.* 4: 42-49. [in Russian]

Kirakosyan, 1990 – *Kirakosyan, A. Dzh.* (1990). Velikobritaniya i Armyanskiy vopros (90-e gody XIX veka) [Great Britain and “Armenian Issue (90-th of XIX)”]. Erevan: Ayastan, 240 p. [in Russian]

Kryuchkov, 2021 – *Kryuchkov, I.V.* (2021). Armenian Pogroms in the Ottoman Empire in 1894–1896 and Politics of Russia (based on the diaries of V.N. Lamzdorf). *Bylye gody.* 3: 1421-1432.

Lamzdorf, 1991 – *Lamzdorf, V.N.* (1991). Dnevnik 1894–1896 gg. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 456 p. [in Russian]

Oganesyan, 2014 – *Oganesyan, L.G.* (2014). Zapadnaya Armeniya v planakh velikikh derzhav v gody Pervoy mirovoy voyny [West Armenia according to the Great Powers plans in The First World War]. *Istoricheskoe prostranstvo: problemy istorii stran SNG.* Moscow: Nauka. Pp. 91–114. [in Russian]

Polozhenie arмян..., 1896 – Polozhenie arмян v Turtsii do vmeshatel'stva derzhav v 1895 godu: Rech' Gladstona, st.: Rolen-Zhekmena, Mak-kolya, Grina, Dillona, Dieva i dr. [The position of Armenians in Turkey before the intervention of the powers in 1895: Gladstone's speech and etc.]. Introduction by L.A. Kamarovskii. Moscow: I.N. Kushnerev and Co, 1896. XXVI, 443 p. [in Russian]

Question. Observations, 1878 – Question. Observations. 16 July 1878. Hansard. 1878. Vol. 241. Pp. 1572-1575. [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1878/jul/16/question-observations> (date of access: 21.01.2022).

Rukavishnikov, 2019 – *Rukavishnikov, E.N.* (2019). Armyanskaya problema v Osmanskoy imperii i ee posledstviya v 90-kh gg. XIX v. [Armenian Problem in Ottoman Empire and its consequences in 90th of XIX]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki.* 4: 61-72. [in Russian]

Sbornik geograficheskikh..., 1884 – Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i staticheskikh materialov po Azii [Collection of geographical, topographic and static materials on Asia]. Issue. XL. St. Petersburg: Voennaya tipografiya, 1884. 504 p. [in Russian]

Sbornik geograficheskikh..., 1885 – Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i staticheskikh materialov po Azii [Collection of geographical, topographic and static materials on Asia]. Issue. XIX. St. Petersburg: Voennaya tipografiya, 1885. 284 p. [in Russian]

Sbornik geograficheskikh..., 1895 – Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i staticheskikh materialov po Azii [Collection of geographical, topographic and static materials on Asia]. Issue. LXII. St. Petersburg: Voennaya tipografiya, 1895. 305 p. [in Russian]

Sbornik geograficheskikh..., 1896 – Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii [Collection of geographical, topographic and static materials on Asia]. Issue. LXVI. Zapiski o Maloy Azii. Polkovnika General'nogo shtaba polkovnik Putyata [Essays about Asia Minor. Colonel of the General Staff Colonel Putyata]. SPb.: Voennaya tipografiya, 1896. 164 p. [in Russian]

Shutova, 2006 – *Shutova, N.E.* (2006). Armyanskiy vopros v rossiysko-turetskikh otnosheniyakh: 1911–1921 gg. [The Armenian Question in Russian-Turkish Relations: 1911–1921]: thesis. Vladimir, 197 p. [in Russian]

Velichko, 2021 – *Velichko, L.N.* (2021). «Armyanskiy vopros» v kontekste vostochnoy politiki Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. [“Armenian issue”] in the context of the east Russian policy in the late XIX – early XX]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta.* 4: 6-15. [in Russian]

Позиция России по «армянскому вопросу» в Османской империи в последней четверти XIX в.

Каринэ Размиковна Амбарцумян ^a, Игорь Владимирович Крючков ^{a, *}

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. В представленном материале анализируется эволюция «армянского вопроса» в российской внешнеполитической повестке. Авторы показывают, как в последнюю четверть XIX века проблема армянского населения в Османской империи трансформировалась в серьезную международную повестку, сопряженную с восточным вопросом. Проблема реформирования

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: igory@yandex.ru (И.В. Крючков), karina-best21@mail.ru (К.Р. Амбарцумян)

управления армянскими вилайетами включалась в различные геополитические контексты, в которых существовала Российская империя, такие как использование черноморских проливов, обеспечение безопасности кавказской окраины, сохранение целостности слабеющей Османской империи. К необходимости оказания давления на султана российская дипломатия приходила под влиянием двух факторов: с одной стороны, усиливалось армянское революционное движение и росло количество беженцев из Турецкой Армении, что грозило дестабилизацией Кавказа, с другой – в Османской империи активизировались англичане и росло количество их консульств, что тоже негативно воспринималось российской стороной. В рамках статьи проводится сравнительное исследование политических подходов Великобритании и России к «армянскому вопросу», и если для англичан в 1880-е гг. он еще не оформился, то для российских центральных и региональных властей он был связан с безопасностью Кавказа. Сложность положения дел в Османской империи создавало дилемму, с которой сталкивались российские дипломаты. Турция была нужна слабой, но целой. Распад огромного и сложного государства у самых границ порождал для России огромные сложности. При этом подспудно шли разговоры о возможном соединении Западной и Восточной Армений в долгосрочной перспективе. А.И. Нелидов был горячим сторонником укрепления связей между двумя группами армянского населения, в том числе с помощью духовного центра – Эчмиадзина. Он предлагал целый комплекс мер, которые в современных международных отношениях называют «мягкой силой»: усиление культурных, религиозных и образовательных связей.

Ключевые слова: «армянский вопрос», внешняя политика Российской империи, Западная и Восточная Армения, А.И. Нелидов, В.Н. Ламздорф.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 812-823
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.812

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Pipeline Oil Supplies in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries: Historical Retrospective and Modern Assessments

Aleksandr A. Kartskhiya ^{a,*}, Mikhail G. Smirnov ^{a,b}, Sergey A. Tyrtychnyy ^a, Mariya G. Dolgikh ^a

^a Gubkin National University of Oil and Gas, Russian Federation

^b MIREA – Russian Technological University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the experience of transporting oil and petroleum products through pipelines in the Russian Empire, in the second half of the XIX century. A comprehensive analysis of the prerequisites for the construction of pipelines in Transcaucasia is carried out. A comparison is made with the American experience of oil transportation in the XIX century. For the first time in Russian historiography, the authors attempt to show a multifaceted integrated approach to the problems of transporting oil and petroleum products using pipeline transport in the Russian Empire. At the same time, the negative experience of competition with foreign companies in the markets of transportation of petroleum products in Transcaucasia is analyzed. The paper shows that in conditions of weak logistics and high length of routes, the Baku-Batum kerosene pipeline turned out to be the most effective means of transporting petroleum products, which predetermined the scientific and technical development and the formation of a new pipeline transport. At the same time, it is proved that with a consistent state policy regarding foreign-made products in the oil industry of the Russian Empire, national companies will be able to develop under the conditions of import substitution policy and the development of the domestic engineering school. The paper analyzes various examples of non-competitive struggle of foreign oil companies in the field of intellectual property.

The article studies the origin and subsequent development of pipeline transport in chronological order – from the first kerosene pipeline at the Balakhan fields, to the creation of the largest kerosene pipeline in Russia, Baku-Batum. For the first time in studies of the features of the construction of the oil pipeline of the XIX century, the authors studied the scientific, technical, economic, logistical and financial reasons for the development of oil pipeline transport in Russia in aggregate.

Keywords: oil, fuel oil, petroleum products, kerosene, pipeline, logistics, Standard Oil, oil transportation, competition, sales markets, patents, excise taxes, XIX century Russian Empire.

1. Введение

Отечественное трубопроводное строительство уже перешагнуло 140-летний рубеж в своей истории. Из самых ранних построек известен первый керосинопровод, который в Российской империи был построен на Бакинских месторождениях осенью 1878 года. Тогда небольшой трубопровод соединил месторождение братьев Нобелей на Апшеронском полуострове (Балаханский нефтепромысел) с нефтеперерабатывающим заводом в Черном городе. По сути, это была кустарная попытка ускорить постоянную транспортировку сырой нефти из специально вырытых ям к нефтеперегонным кубам. Гораздо более известным с технической точки зрения стал проект строительства магистрального керосинопровода.

Предпосылки для строительства нового нефтепровода (точнее – нефтепродуктопровода) были общими для всей нефтяной промышленности второй половины XIX века. Первым фактором была

* Corresponding author

E-mail addresses: arhz50@mail.ru (A.A. Kartskhiya)

отмена акциза на нефтепродукты, которая произошла, когда 6 июня 1877 года император Александр II высочайше утвердил решение Государственного совета о том, что с 1 сентября того же года нефть и нефтепродукты подлежат безакцизной продаже (Гефтер и др., 1961: 117). Акциз был отменен с 1 сентября 1873 года на десять лет (ПСЗ РИ. СВ, 1874). Это весьма усилило интерес крупных промышленников Российской империи к разработке нефтепромыслов и сказалось на статистике производства нефтепродуктов, преимущественно керосина: в 1865 году производство составляло 1 миллион 406 тысяч пудов, а в 1874 году – уже 7 миллионов 12 тысяч пудов (Першке, 1913: 29).

Вместе с тем вторым фактором, который усилил интерес к торговле нефтью и керосином, стал вопрос логистики. Поэтому фактически с начала разработки бакинских нефтепромыслов стали подниматься вопросы практической транспортировки нефти и нефтепродуктов. Это было необходимо еще и потому, что на мировых рынках Азии и Европы господствовали североамериканские продавцы керосина, поскольку и танкеры, и трубопроводы имелись у них в наличии и существенно снижали конечную цену продаваемых нефтепродуктов. Так, проблема логистики приводила к тому, что в 1897 году в Российской империи потребляли 714 тысяч тонн в год, что в пересчете на каждого жителя (142 миллиона) давало 5,6 килограмма (12,45 фунтов). В этот же период каждый немец в среднем потреблял 41,8 фунта, (18,9 килограммов) керосина (Озеров, 1905: 23). Вопросы химических технологий нефтяного крекинга также не были отработаны в тот период.

2. Материалы и методы

В работе проанализированы труды различных авторов, как современных, так и XIX века. Материалами выступают опубликованные сборники документов второй половины XIX века, прежде всего Полное собрание законов Российской империи, периодическая печать, которые дали ценный материал по состоянию практического использования судов для перевозки нефти и нефтепродуктов в России и мире.

При решении исследовательских задач применялись классические общенаучные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Дополнительно в работе использовался историко-ситуационный метод, предполагающий изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с сопутствующими событиями и фактами. Он позволил рассмотреть развитие судов для перевозки нефти в совокупности технологий, инженерной техники, экономики, логистики и финансов, а также тенденций развития промышленности в стране в целом.

3. Обсуждение

Исторические аспекты мирового развития нефти, нефтепереработки и транспортировки на высоком фактологическом уровне, с обширной статистикой раскрыл известный публицист Дэниел Ергин в работе «Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть» (Ергин, 2014). Из отечественных авторов весьма подробное изложение материалов по проблемам развития нефтяных месторождений и транспортировки дали известные исследователи М.Я. Гефтер в работе «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России 1883–1914» (Гефтер и др., 1961), С.О. Гулишамбаров (Гулишамбаров, 1890) очень подробно осветил современные ему проблемы добычи и транспортировки нефти и нефтепродуктов в работе «Обзор фабрик и заводов Бакинской губернии: Историко-статическое описание фабрично-заводской деятельности Бакинской губернии в связи с развитием в ней кустарных промыслов: с планом Балаханской площади». Вопросы транспортировки нефти, крекинга и строительства нефтехранилищ подробно изложены в трудах В.Г. Шухова «Механические сооружения нефтяной промышленности» (Шухов, 1883), «Нефтепроводы» (Шухов, 1884), «Трубопроводы и их применение в нефтяной промышленности» (Шухов, 1884), «Насосы прямого действия. Теоретические и практические данные для расчета» (Шухов, 1897). Также в работе использовались сравнительно-аналитические произведения ученых и инженеров об эпохе становления средств транспортировки нефти в Закавказье: Д.И. Менделеева (Менделеев, 1897), «Элементарная механика: Лекции» профессора Н.Л. Щукина (Щукин, 1883).

4. Результаты

Следует отметить, что в начальный период разработки Бакинских нефтяных месторождений торговля керосином была экономически неэффективной. При перегонке нефти в керосин терялся ряд тяжелых фракций, которые просто выливали на землю в отходы. Прежде всего, такая неэкономная перегонка нефти касалась мазута и подобных топливных фракций (Летний, 1875: 1-113). Необходимо отметить, что в дальнейшем известный российский изобретатель, инженер В.Г. Шухов доказал эффективность использования мазута и впоследствии создал специальную форсунку, которая была одним из первых изобретений талантливого студента МВТУ, которое он изготовил собственными руками в мастерских училища. Изобретение высоко охарактеризовал известный русский ученый Н.Е. Жуковский, наставник Шухова. В дальнейшем форсунка, «прибор, производящий разбрызгивание мазута в топках, используя упругость водяных паров», запатентованная Шуховым, стала главным преимуществом паровых котлов фирмы Александра Бари (Матвейчук, 2004: 41-42).

Создание форсунки помогало предотвратить и экологический ущерб, поскольку растущее количество фабрик и мануфактур требовало питания для паровых машин. В результате сжигали ценный лес, что приводило к обезлесиванию местностей и наносило ущерб экологии ряда регионов. Похожая проблема существовала и на железных дорогах, и с речными и морскими пароходами.

Строительство первого нефтепровода было, безусловно, кустарной попыткой испытать экономическую эффективность нового вида транспорта от Балаханских промыслов Апшеронского полуострова до нефтеперерабатывающего завода братьев Нобелей в Черном городе в пригороде Баку. Инженер В.Г. Шухов, известный изобретатель и новатор промышленности, к 1878 году спроектировал и построил первый в России нефтепровод «Балаханы–Черный город», длиной 8,5 верст (10 километров) и диаметром 3 дюйма (7,62 сантиметра) (Матвейчук, 2006: 112). Материалом труб была выбрана сталь, все соединения делались нарезными на муфтах. В декабре 1878 года трубопровод перекачал 841 150 пудов нефти (ЦИАМ. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9, 54). В последующие пять лет компания Нобелей под руководством инженера Шухова построила на Бакинских месторождениях дополнительно 5 нефтепроводов. Еще одним достижением Шухова были научные обоснования отечественной трубопроводной промышленности, которые стали основой для дальнейших промышленных изысканий. В 1884 году Шухов издал брошюру «Нефтепроводы» (Шухов, 1884: 1-18), а в 1894 году – фундаментальный труд «Трубопроводы и их применение в нефтяной промышленности» (Шухов, 1895: 1-37). Этот нефтепровод был построен при поддержке фирмы «Бари, Сытенко и К» (Рисунок 1). Первый российский нефтепровод, соединивший промысловую площадь в Балаханах с заводским районом Черного города, имел протяженность 8,5 верст (9 км) и диаметр 3 дюйма (7,62 см). Сделан он был из железных труб, соединенных с помощью муфт и нарезных концов. На следующий год был смонтирован второй трубопровод для «Бакинского нефтяного общества», а также пущена в эксплуатацию бакинская промысловая железная дорога.

Рис. 1. Балаханский нефтепровод. Не ранее 1900 г.

Все эти предварительные постройки показали тем не менее, что строительство постоянно действующего нефтепровода (или керосинопровода, как тогда называли этот тип построек) окупается быстро при условии постоянной перекачки нефти. Ни речной транспорт, ни железная дорога не давали такого экономического эффекта.

Еще одним важным фактором явилось то, что в 1883 году была введена в эксплуатацию Закавказская железная дорога, которая существенно повысила логистическую связность промышленных концессий Закавказского региона. Появился интерес у многих предпринимателей и промышленников. Статистика торговли подросла как в общем, так и по показателям экспорта нефтепродуктов: в 1882 году вывезли 14 тысяч тонн, а в 1891 году уже 853 тысячи тонн. Закавказская железная дорога в 1891 году дала 186 тысяч тонн перевозок. Более того, сама Закавказская железная дорога получила и солидную прибыль: продав на 15 миллионов рублей нефтепродуктов в Батум,

нефтепромышленники оставили себе всего 3,5 миллиона. Остальная сумма (11,2 миллиона) поступила на счета Закавказской железной дороги (Статобзор, 1893: 17-18).

В 1878 г. американский нефтепромышленник Герберт Тведдль организовал первый коммерческий проект, связанный со строительством нефтепровода из Баку до порта Батум. Американец планировал транспортировать по трубопроводам и вывозить морскими танкерами сырую нефть. Однако Министерство государственных имуществ этот проект не устраивал и поэтому просьба промышленника о предоставлении ему в аренду земельных участков от Баку до Батума на 40 лет встретила отказ.

С помощью проектируемого сооружения Герберт Тведдль намеревался вывозить из Батума сырую нефть за границу, что не отвечало экономическим интересам России, и со стороны российского правительства последовал решительных отказ.

Однако девять лет спустя ситуация изменилась. Горный инженер Иван Илимов добился от Министерства получения концессии на планирование и строительство нефтепровода из Баку в Батум, что давало возможность постройки в Батуме нефтеперерабатывающего завода и дальнейшую торговлю через порт с помощью танкеров. К тому времени вышел ряд работ выдающегося русского ученого Дмитрия Менделеева, который выступал за увеличение ассигнований на нефтяную промышленность (Менделеев, 1877: 1-320). Идея строительства нефтепровода была активно поддержана известным промышленником Михаилом Лазаревым, а также представителем Русского технического общества Евгением Андреевым. Идея переработки нефти в мазут, минеральные масла и керосин была всесторонне обоснована и выглядела коммерчески привлекательной.

В 1883 г. было учреждено Батумское нефтепромышленное и торговое общество (БНИТО) (ПКМ РИ, 1883: 265), ее учредителями становятся Сергей Палашковский и Андрей Бунге, руководители строительства железнодорожной магистрали Баку–Тифлис–Батум. Общество строит железные дороги от скважин до заводов и портов, вкладывается в создание парка вагонов-цистерн, что позволяет им контролировать значительную часть перевозки бакинской нефти в Батуме. Облигации были выпущены на иностранной бирже, ценные бумаги начинают скупаться домом Ротшильдов (Гулишамбаров, 1890: 91). Падение цен на нефть и керосин (в основном из-за монополю низкой цены «Standard Oil», а также из-за увеличения добычи нефти в Баку) спровоцировало появление значительных долговых обязательств у российских нефтепромышленников и снижение рентабельности нефтедобычи.

Проект имел и своих конкурентов: ряд нефтепромышленников в Баку уже успел вложить деньги в транспортировку нефти речным транспортом по Волге, кроме того, оставалось неясным, кто будет владеть трубопроводом до Батума. Частный проект нефтепровода был невыгоден правительству Российской империи, поскольку не давал гарантий антимонопольного регулирования. Поэтому предложение правительства было основано на идее владения трубопроводом Закавказской железной дорогой, которая технически была наиболее удобной для строительства на ее базе сооружений нефтепровода. Отсутствие нормальной логистики даже привело к образованию в Баку излишков нефти в 1893 году в размере 1,5 миллиона тонн.

Первым керосинопровод попробовало проложить на участке Закавказской железной дороги «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» в 1889 году. В зоне Сурамского перевала для ускорения транспортировки керосина прямо по поверхности был проложен керосинопровод длиной 62 километра от пункта Михайлово (Хашури) до поселка Квирилы. К 16 сентября 1890 года был дополнительно открыт Сурамский тоннель Закавказской железной дороги (Рисунок 1) (Матвейчук, 2004: 42).

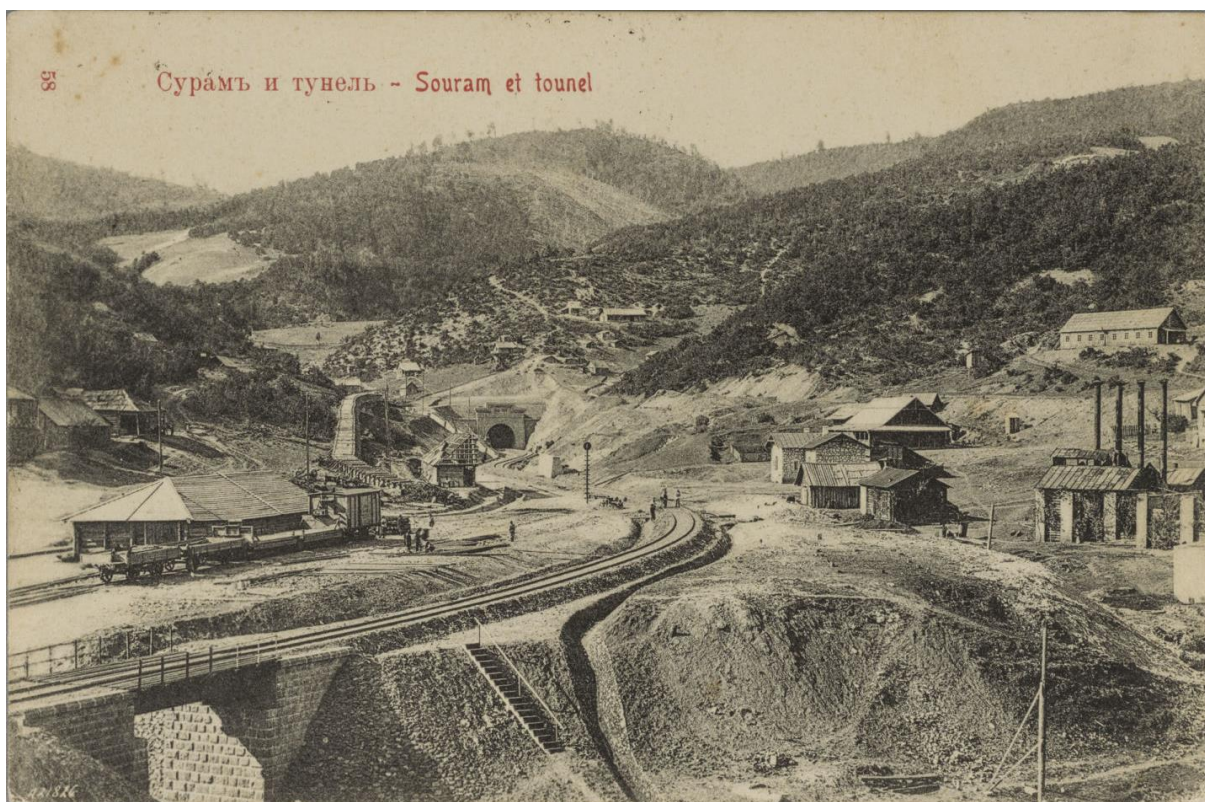
Однако в планы по созданию керосинопровода вмешалась природа. Осенью 1895 года, в октябре, в гористой местности, где протекала главная река Закавказья Кура, прошли сильные дожди. В результате река Кура быстро вышла из берегов и размыва как проходившие рядом дороги, так и керосинопровод. При этом пострадали несколько крупных мостов и железнодорожное полотно.

После чрезвычайного происшествия в дело вмешались власти свыше: уже в процессе ликвидации последствий стихии было принято решение построить не временный, а магистральный усиленный керосинопровод, который вместе с железнодорожным полотном, также отремонтированным, образовал бы единую конструкцию. Решение было принято на самом высоком уровне – 23 мая 1896 года Государственным советом Российской империи, что не давало никаких возможностей для импровизации и самостоятельного решения вопроса.

Поскольку вопрос был решен на самом верху, то и техническое сопровождение было также принято сделать максимальным. Из Санкт-Петербургского технологического института был приглашен известный профессор Н.Л. Шукин. В институте он был известен своими прикладными изысканиями в механике, паровозном деле и различными теоретическими и практическими исследованиями в инженерно-строительных проектах (Шукин, 1883: 27).

Официально ведение проекта было возложено на Инженерный совет Министерства путей сообщения.

Рис. 2. Сурамский тоннель ЗКЖД. Открытка, после 1900 г.

Приобрел профессор и весьма ценный опыт зарубежного сотрудничества как раз в сфере трубопроводного транспорта, в то время в России еще не освоенного. В 1896 году для наиболее качественного строительства Николай Шукин и инженер-технолог Лев Вартенбург были командированы в США по инициативе министра путей сообщений. Цель была самая логичная для будущих строителей нефтепроводов – изучение передового опыта инженеров фирмы «Standard Oil» в Филадельфии, в аналогичной сфере. Вместе с тем уже в конце XIX века в США активно шли патентные войны, поэтому русских инженеров постарались не допустить к изучению насосных станций и нефтеперекачивающих агрегатов под предлогом, что «это запрещено правилами фирмы». Можно предположить, что сама фирма «Standard Oil» хотела бы получить под свой контроль нефтяную транспортировку в Закавказье или, как в итоге и получилось, отказать потенциальным конкурентам в информации. Вместе с тем Шукину и Вартенбургу удалось изучить необходимые агрегаты в США у независимых фирм-конкурентов, так что устройство и функционирование насосных станций в целом было известно отечественным инженерам.

В экономическом плане следует констатировать, что при создании высокотехнологичных проектов применяются новейшие достижения и результаты опытно-конструкторских и научно-исследовательских работ в приоритетных сферах и отраслях экономики (Мандыч и др., 2022: 75-86). Данный подход был продемонстрирован в ходе подготовительных работ по созданию керосинопровода Баку–Батум.

По возвращении в Россию Шукин и Вартенбург, применяя полученный опыт, стали разрабатывать проект строительства магистрального керосинопровода от города Михайлов Тифлисской губернии (сейчас – Хашури) до порта Батум, наиболее близкого к Босфору и Дарданеллам. Здесь следует отметить логистическую целесообразность: порт Батум позволял обслуживать нефтеналивные суда всех типов, при этом технически ветка из Баку и в последующем времени являлась основным элементом транспортировки нефти и нефтепродуктов. По проекту керосинопровод позволял переправлять в год до 980 тысяч тонн нефтепродуктов, при этом расчеты показывали безопасный период работы в 800 суток, что во много раз превышало экономические показатели эффективности для речных судов волжского бассейна и железнодорожных перевозок по почти завершенной к тому моменту Закавказской железной дороге (АРАН. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 37). В плане эффективности первые расчеты для керосина и нефти были сделаны еще в 1885 году Д.И. Менделеевым, поэтому проект был необходим по всем критериям экономической целесообразности. Вместе с тем общая длина нефтепровода составляла более 900 километров, что существенно превосходило и показатели «Standard Oil», и в принципе любые мировые достижения. Керосинопровод получился самым длинным в мире. При расчетах были учтены и такие опасные параметры, как повышенная способность керосина к утечкам и испарению, возможность возгорания,

а также сложные технические устройства, такие как железнодорожные вагоны (цистерны и пассажирские), различные объекты инфраструктуры – мосты, тоннели, переезды (Рисунок 3).

Рис. 3. Мост с керосинопроводом в Батуме. Открытка, 1910 г.

Профессор Шукин провел расчеты гидравлической устойчивости керосинопровода, получив предполагаемую скорость течения керосина в 1,5 метра в секунду, при диаметре трубопровода в 204 миллиметра. За удельную плотность керосина был принят средний показатель для Бакинских месторождений в 320 кг/кубометр, что создавало рабочее давление на стенки трубопровода в 4,4–5,2 МПа. При этом при радикальных перегрузках, по плану Шукина, давление могло достигать до 74,5 МПа, исходя из толщины стенки трубопровода и свойства имевшегося в наличии металла (Матвейчук, 2004: 42).

При этом впервые в отечественной практике были использованы очень точные расчеты параметров труб для керосинопровода – наружный диаметр труб допускал всего лишь 1,5 % люфт, а внутренний и того меньше – 1 %. Овальность изготавливаемых труб не должна была превышать 2 миллиметров.

В связи с острой конкуренцией в сфере нефтедобычи и торговли было принято решение изготовление труб для керосинопровода поручить исключительно отечественным заводам – в Екатеринославе, Мариуполе и станции Сосновицы Варшавско-Венской железной дороги. Был установлен и первый стандарт длины труб – не менее 4,6 метров. На конце каждой трубы выполнялась специальная треугольная нарезка, с уклоном к концу трубы. Это был один из результатов поездки российских инженеров в США, когда на заводе в Питтсбурге был рассмотрен новый тогда тип соединения труб с целью повышения герметичности. Отдельным достижением отечественных инженеров было использование стальных фланцев для герметичного и прочного соединения труб.

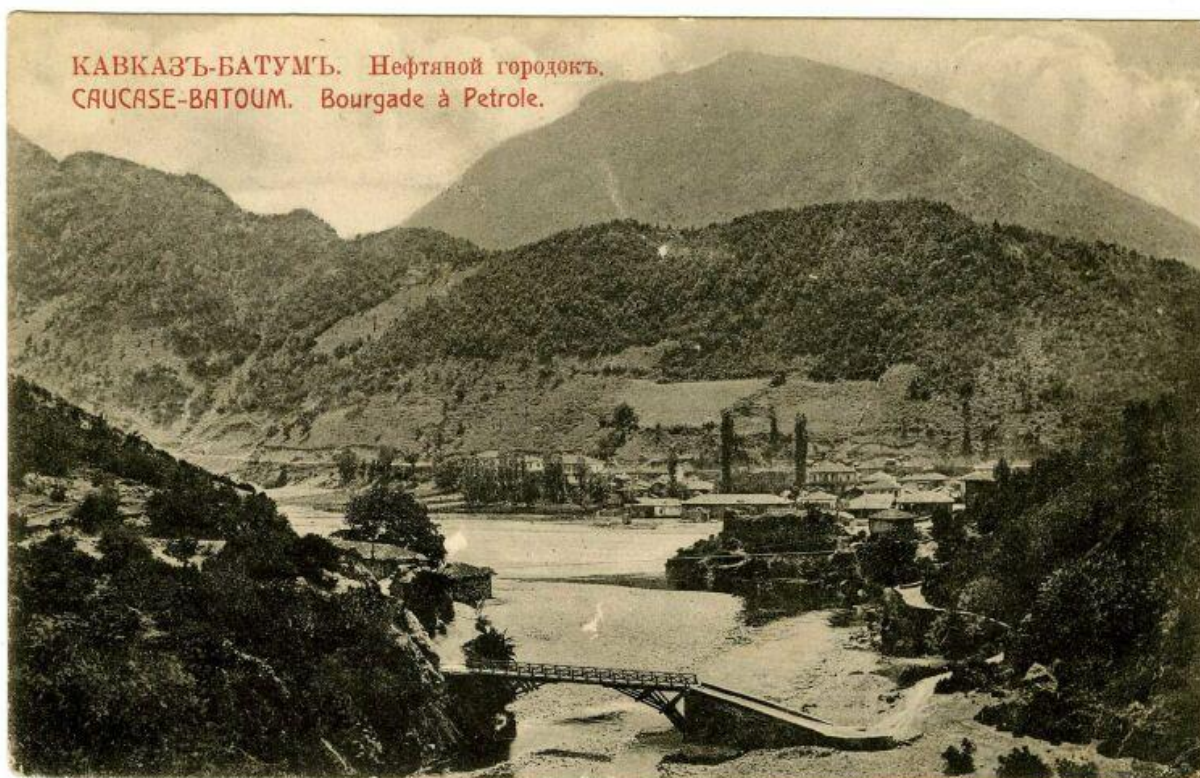
При анализе опыта проектирования первого керосинопровода нельзя обойти вниманием и многих других пионеров отечественной трубопроводной индустрии. Например, известный ученый Н.А. Сытенко, автор учебника по расчету на прочность мостов и виадуков; Г.К. Мерчинг, автор книги о закономерностях движения керосина и иных нефтепродуктов по трубам, с расчетами и первыми формулами: известный меценат и промышленник Михаил Лазарев, будучи представителем Санкт-Петербургского съезда нефтепромышленников, вместе с перечисленными учеными вошел в Инженерный совет, вследствие чего расчеты и теоретические обоснования вышли изначально самого высокого качества.

Первые чертежи и подготовка расчетов началась в сентябре 1896 года. Предполагалось полностью завершить строительство через 3–4 года, в зависимости от условий строительства. В чертежные работы входили расчеты путевого полотна, и расположение мостов, с точными местами укладки труб, и расположение насосных и котельных станций. Уже в 1898 году продукция

металлозаводов стала поступать в Закавказье. С сентября 1898 года началась укладка труб, которых уложили к 22 июня 1898 года уже 143 километра. Здесь следует отметить еще один революционный подход, который стал возможен по причине привлечения к проекту передовых научных кадров. На протяжении 51 километра трубы были заглублены в землю, что придавало конструкции керосинопровода дополнительную устойчивость. А 93 километра пути трубы, напротив, были расположены на поверхности и специальным образом свинчены, представляя гибкую конструкцию, также устойчивую к перегрузкам. В июле 1899 года были завершены и строительные работы по созданию обслуживающей инфраструктуры – котельных и насосных станций, а также жилого фонда (Трошин, 1959: 177-200).

Здесь снова можно упомянуть не прошедший даром американский опыт русских инженеров. Для насосов перекачивающих станций была привлечена американская компания «Вортингтон» из Бруклина, которая не пожелала поддерживать американскую «Standard Oil» в конкурентной борьбе и выбрала получение солидной прибыли. На начало XX века насосы были передовыми: двукратное паровое давление, поршневая система, паровая машина типа «компаунд», прямодействующая, с крановой системой распределения пара. Первым получил американскую систему из 12 агрегатов в 1898 году Евгений Цамутали, инженер-начальник участка тяги на станции Михайлово (Хашури).

Была использована следующая схема расположения насосных станций: на каждой станции керосинопровода устанавливали по два рабочих и одному запасному насосу, каждый мощностью по 110 кВт. На всем протяжении керосинопровода Михайлово–Батум использовались два участка с резервными резервуарами для керосина – это позволяло манипулировать подачей керосина при непредвиденных обстоятельствах. В городах Самтредиа и Кобулети установили по два танка, вмещающий 7 370 тонн керосина каждый. Соответственно, на конечных точках маршрута также были установлены резервуары – на 9 800 тонн в Михайлово (Хашури) и на 13 900 тонн в Батуме (Рисунок 4).

Рис. 4. Нефтяной городок Батум. Открытка, начало XX в.

Все резервуары изготавливались по патенту уже известного нам В. Шухова. В своих расчетах он доказал, что резервуары для хранения нефти (как и остальных жидкостей) не следует делать с неизменной толщиной – на дне наполненного резервуара давление на стенку выше, чем на высоте. Следовательно, можно вывести формулу необходимой толщины стенки, избежав как излишних расходов на строительство, так и опасности разрушения резервуара от давления (Шухов, 1883: 525-533). Кроме того, была выведена наилучшая форма резервуара – цилиндрическая, с равномерно распределяемым давлением. И, наконец, Шухов доказал испаряемость нефти из открытых резервуаров и рекомендовал конусовидные крышки, которые позволили беречь нефть от испарения и перегрева (Шухов, 1977: 193).

Для дополнительной защиты от утечек при авариях и повреждениях керосинопровода через каждый 2–4 километра устанавливались обратные клапаны, не позволявшие керосину вытекать обратно по трубе. В первом керосинопроводе использовались и датчики давления – автоматическое устройство, связанное с манометром механически, отключало насосы при падении давления на 15 % и выше.

Непосредственно на местности работами по созданию керосинопровода руководили выпускники Санкт-Петербургского технологического университета Лев Вартебург и Владимир Нечай, которые и контролировали исполнение всех строительных документов на местах, что дало, безусловно, положительный эффект. В итоге к 1 марта 1900 года 227,49 километровый участок керосинопровода был открыт. Всего строительство продолжалось 3 года и 4 месяца, на открытие были приглашены высокие особы – сенатор Григорий Голицын; генерал от инфантерии, главноначальствующий гражданской частью Кавказа Иван Свечин, полковник, губернатор Тифлиса, а также Людвиг Першке, начальник акцизного управления Закавказского края. Отдельно следует упомянуть инженера путей сообщения Евгения Веденева, который занимал должность начальника Закавказской железной дороги и непосредственного руководителя работ по строительству керосинопровода.

Е.Л. Веденев – еще одна знаковая фигура отечественного строительства Закавказского керосинопровода, на сей раз в сфере управления. С 1895 года он стал начальником Закавказской железной дороги и сразу отметил незначительные возможности железнодорожного транспорта для перевозки нефти и нефтепродуктов. Закавказская железная дорога еще только начинала свое развитие, а мировые рынки керосина и мазута требовали все больше соответствующих товаров. Именно поэтому Веденев решил использовать все возможности Закавказской железной дороги для ускорения создания керосинопровода, по причине чего и был назначен начальником работ по постройке трубопровода. Он решил не приглашать для выполнения работ иностранные кадры, удовлетворившись командированными в США русскими инженерами. Также он старался по возможности использовать продукцию отечественных производителей, поскольку понимал, что в конкурентной борьбе с американской «Standard Oil» будут использованы всевозможные методы выдавливания конкурента с рынка.

После запуска первой ветки керосинопровода Михайлово (Хашури) – Батум, 12 июня 1901 года император Николай II подписал «высочайше утвержденное» решение о необходимости завершения строительства керосинопровода по всей его длине от Батума до Баку.

Это решение во многом было обусловлено растущими потребностями мирового рынка в керосине, мазуте и сырой нефти. Одновременно началось интенсивное развитие образования, прежде всего технического в Закавказском регионе. Был открыт ряд начальных школ и ремесленных училищ ([Натолочная и др., 2022: 189-198](#)).

Во исполнение решения российского императора Министерство путей сообщения запланировало строительство второго участка трубопровода от местечка Аг-Таглия (21 километр по бакинской дороге из Тифлиса) до Михайлово (Хашури). Соответствующее постановление было принято 16 июня 1901 года, при этом по предварительным расчетам выходило приблизительно 140 километров труб, для чего из Санкт-Петербурга был выписан еще один инженер – А.А. Домбровский.

Далее к 1 июля 1906 года был построен еще один участок керосинопровода, на восток от Тифлиса. Поскольку технология уже была отработана, а поставки оборудования велись непрерывно, то из Аг-Таглия трубы укладывались непосредственно до месторождений Черного города в Баку. Совершенство технологического процесса позволило уложить 514 километров трубопровода всего за несколько лет. Впрочем, характер местности также способствовал быстрой прокладке керосинопровода, поскольку самым сложным были участки на запад от Тифлиса, с большими перепадами высот и риском чрезвычайных природных явлений. На завершающем этапе строительства керосинопровода был задействован еще один инженер из Санкт-Петербурга, также стажировавшийся в Америке, А.А. Павличинский, который и стал после запуска всего керосинопровода начальником службы. Керосинопровод Батум–Баку составлял в длину 882,5 километра и насчитывал 16 нефтенасосных станций. Полный запуск прокачки был произведен 21 июня 1907 года, и керосинопровод стал дополнительным подразделением Закавказской железной дороги с сохранением контроля со стороны губернатора ([Трошин, 1959: 177-200](#)). С 1912 года А. Павличинский являлся постоянным руководителем керосинопровода.

Следует отметить поэтапное импортозамещение, которое активно развилось при строительстве керосинопровода. На первых этапах строительства оборудование поставляли такие известные американские компании, как Wortington (насосы), Black & Cameron (резьбовые соединения и насосы) и Babcock Willcox (паровые машины). Их главным недостатком являлась импортозависимость, а с учетом негативного отношения к проекту компании «Standard Oil» вопрос закрытия контактов с американскими компаниями был лишь вопросом времени. Поэтому строительство труб было изначально поставлено на заводах Российской империи, а насосное оборудование стало изготавливаться на заводах Бромлея и Нобеля в России, а впоследствии – на Коломенском машиностроительном заводе. Паровые станки и водотрубные котлы были скопированы с технологий

фирм Babcock-Willcox, изготавливались на заводах Фицнера и Гампера, а оригинальные котлы инженера Шухова делались на фабрике Александра Бари в Москве и также Санкт-Петербургском заводе братьев Нобелей. Дизельные насосы устанавливались в безлюдной местности во избежание потерь при аварии. Их конструкции, основанные на новейшей схеме инженера Алоиса Ридлера, основывались не на паровой, а на дизельной схеме, что давало прирост КПД в 28 % (паровые не более 10 %). Мощность четырех двухцилиндровых дизельных двигателей достигала 110 кВт для каждого, что на момент пуска керосинопровода было избыточной цифрой.

Экономически керосинопровод Батум–Баку показал свою рентабельность и подтвердил экономические расчеты Менделеева, что трубопроводный транспорт при надлежащей загрузке обходит по показателям экономичности даже морской (Менделеев, 1950: 1-170). К началу 1912 года керосинопровод полностью окупил затраченный на проект 21 миллион рублей и начал давать прибыль. Первый год принес 6,5 миллионов рублей чистой прибыли, что можно считать вполне успешным показателем. В 1907 году цифры еще больше выросли: по керосинопроводу прокачали 1,06 миллионов тонн керосина, а технология изготовления оказалась безаварийной – утечки не превышали 0,2–0,6 % (Матвейчук, 2004: 46-47).

Следует отметить, что после керосинопровода оказался одним из самых долгосрочных проектов. В 1931 году он был переделан под транспортировку сырой нефти и в таком виде прослужил до 1999 года, когда его заменил новый нефтепровод Баку–Супса.

5. Заключение

Подводя итог исследованию, можно сделать вывод об уникальном пути становления и развития российского нефтепроводного транспорта, который был обусловлен следующими факторами.

Во-первых, в Российской империи развитие промышленности было тесно связано с государственным регулированием, что, с одной стороны, приводило к бюрократической волоките, с другой – при наличии административной воли давало быстрый результат.

Во-вторых, участие богатых промышленников в развитии Бакинских нефтяных месторождений давало возможность многовекторного развития нефтяной промышленности – одновременно, быстро и комплексно решались технологические задачи добычи, переработки, транспортировки и продажи нефти и нефтепродуктов.

В-третьих, создание и развитие первых нефте- и керосинопроводов позволило Российской империи сделать колоссальный научно-технический рывок, в том числе в прикладных направлениях исследований в сфере транспортировки, проектирования и строительства для нефти и нефтепродуктов. Результаты научных изысканий и создание практических технологий российскими учеными и инженерами (Д.И. Менделеев, В.Г. Шухов, Н.Л. Шукин и др.) до сих пор впечатляют исследователей и историков науки и техники. Создание отечественного уникального по своим техническим решениям керосинопровода Баку–Батум показало, что научный потенциал и промышленные возможности позволяют Российской империи выполнять строительные проекты любой сложности на мировом уровне.

В-четвертых, стратегия американских нефтяных компаний показывает, что российская промышленность в конце XIX века имела потребность в иностранных технологиях и политике импортозамещения. Запреты, установленные «Standard Oil», а впоследствии и другими компаниями, были поддержаны американским правительством, что создало ряд проблем для отечественных строителей и негативно повлияло на темпы индустриального развития нефтяной промышленности Российской империи начала XX века в целом.

Вместе с тем наличие сильной научно-технической базы и высококлассных ученых позволило в значительной степени минимизировать ущерб от конкурентной борьбы с иностранными компаниями и санкций со стороны иностранных государств.

Литература

АРАН – В.Г. Шухов, Проект нефтепровода Баку–Батум (техническая документация). Архив Российской академии наук.

Гефтер и др., 1961 – Монополистический капитал в нефтяной промышленности России 1883–1914. Документы и материалы / Под ред. Гефтера М.Я., Гулиева А.Н., Фурсенко А.А. Изд-во Академии наук СССР М.-Л., 1961. 795 с.

Гулишамбаров, 1890 – Обзор фабрик и заводов Бакинской губернии: Историко-статическое описание фабрично-заводской деятельности Бакинской губернии в связи с развитием в ней кустарных промыслов: с планом балаханской площади / Сост. С. Гулишамбаров. Тифлис, 1890.

Ергин, 2014 – *Ергин Д.* Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 2014.

Летний, 1875 – Сухая перегонка битуминозных ископаемых: Нефть, минеральные масла, парафин и асфальт / [Соч.] А.А. Летнего, ассист. при Хим. лаб. Технол. ин-та; [Предисл.: А. Крупский]. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашева, 1875. [2], VIII, 116 с., 4 л. цв. ил.; 24. (Технологические очерки фабричной промышленности; 3).

Мандыч и др., 2022 – Мандыч И.А., Быкова А.В., Гейман О.Б. Особенности оценки инвестиционной привлекательности высокотехнологичных проектов // *Russian Technological Journal*. 2022. 10(2): 75-86.

Матвейчук, 2004 – На нефтяных перекрестках: Сб. ист. очерков / [ред.-сост.: А.А. Матвейчук]. М.: Древлехранилище, 2004. 386, [1] с., [8] л. ил.; 22 см.

Матвейчук, 2006 – Матвейчук А.А. Сумма технологий Людвиг Нобеля // *Нефть России*. № 7.

Менделеев, 1877 – Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в североамериканском штате Пенсильвания и на Кавказе. СПб., 1877.

Менделеев, 1950 – Менделеев Д.И. Сочинения. Горная промышленность России. М., 1950.

Озеров, 1905 – Озеров И.Х. (1869–1942). Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века / Проф. И.Х. Озеров. М.: Д.С. Горшков, 1905. XII, 259 с.: диагр.; 23.

Першке, 1913 – Першке С. и Л. Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис, 1913.

ПКМ РИ, 1883 – Высочайше утвержденный Устав Батумского нефтепромышленного и торгового Общества. Положение Комитета Министров, Высочайше утвержденное 1 Июля 1883 года. Собр. Узак. 1883 г. Августа 2, ст. 675.

ПСЗ РИ. СВ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе // СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885.

РГИА – Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1894–1897.

Статобзор, 1893 – Статистический обзор железных дорог и внутренних водных путей России. СПб., 1893, С. 17-18.

Трошин, 1959 – Трошин А.К. Развитие строительства и техника нефтепроводов в дореволюционной России // Труды Института истории естествознания и техники. М., 1959. Т. 25. С. 177-200.

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы.

Шухов, 1883 – Шухов В.Г. Механические сооружения нефтяной промышленности, «Инженер», Т. 3. Кн. 13. № 1. Кн. 14. № 1. М., 1883.

Шухов, 1884 – Шухов В.Г. Нефтепроводы. М., 1884. 18 с.

Шухов, 1895 – Трубопроводы и их применение к нефтяной промышленности. М.: Изд. Политехнического общества, 1895. 37 с.

Шухов, 1977 – Шухов В.Г. Избранные труды. Строительная механика. М., 1977.

Щукин, 1883 – Щукин Н.Л. (1848–1924). Элементарная механика: Лекции, чит. в С.-Петерб. практ. технол. ин-те Н.Л. Щукиным. 1881/82 акад. г. Ч. 1–2. Санкт-Петербург: Лит. Технол. ин-та, [1881]–1883. 2 т.; 27.)

Natolochnaya et al., 2022 – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Dyuzhov A.V., Petrova S.V. To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 189-198.

References

ARAN – V.G. Shukhov, Proekt nefteprovoda Baku-Batum (tekhnicheskaya dokumentatsiya). Arkhiv Rossiiskoi Akademii Nauk [Russian academy of science archive].

Ergin, 2014 – Ergin, D. (2014). Dobycha. Vsemirnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast' [Digging. Universal history of the struggle for oil, money and power]. М. [in Russian]

Gefter i dr., 1961 – Monopolisticheskij kapital v neftyanoj promyshlennosti Rossii 1883–1914. Dokumenty i materialy [Monopoly capital in the oil industry of Russia 1883–1914. Documents and materials] Pod red. Gefter M.Ya., Guliev A.N, Fursenko A.A. Izd-vo akademii nauk SSSR Moskva-Leningrad. 795 p. [in Russian]

Gulishambarov, 1890 – Obzor fabrik i zavodov Bakinskij gubernii: Istoriko-stichesкое opisanie fabrichno-zavodskoj deyatel'nosti Bakinskoj gubernii v svyazi s razvitiem v nej kustarnyh promyslov: s planom balahanskoj ploschadi [Overview of factories and plants in the Baku province: Historical and static description of the factory activities of the Baku province in connection with the development of handicrafts in it: With a plan of Balakhany square]. Sost.: St. Gulishambarov Tiflis, 1890. 278 p. [in Russian]

Letnii, 1875 – Sukhaya peregonka bituminoznykh iskopaemykh : Neft', mineral'nye masla, parafin i asfal't [Dry distillation of bituminous minerals: Petroleum, mineral oils, paraffin and asphalt]. [Essays] A.A. Letnego, assist. of Khim. lab. Tekhnol. in-t; [foreword.: A. Krupskii]. Sankt-Peterburg : tip. V.S. Balasheva, 1875. [2], VIII, 116 p., 4 l. tsv. il.; 24. (Manufacturing Industry Technological Sketches; 3). [in Russian]

Mandych et al., 2022 – Mandych, I.A., Bykova, A.V., Gaiman, O.B. (2022). Features of assessing the investment attractiveness of high-tech projects. *Russian Technological Journal*. 10(2): 75-86.

Matveichuk, 2004 – Na neftyanykh perekrestkakh: sb. ist. Oчерков [At the oil crossroads collection of historical essays]. Rred.-sost.: A.A. Matveichuk. М.: Drevlekhranilishche, 2004. 386, [1] p., [8] l. il. [in Russian]

- Matveichuk, 2006** – *Matveichuk, A.A.* (2006). Summa tekhnologii Lyudviga Nobelya [The sum of Ludwig Nobel's technologies]. *Neft' Rossii*. 7, July. [in Russian]
- Mendelev, 1950** – *Mendelev, D.I.* (1950). Sochineniya. Gornaya promyshlennost' Rossii [Thesis. Mining industry of Russia]. M. [in Russian]
- Mendelev, 1877** – *Mendelev, D.I.* (1877). Neftyanaya promyshlennost' v Severo-Amerikanskom shtate Pensil'vaniya i na Kavkaze [Petroleum industry in the North American state Pennsylvania and in the Caucasus]. Sankt-Petersburg. [in Russian]
- Natolochnaya et al., 2022** – *Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Dyuzhov, A.V., Petrova, S.V.* (2022). To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 17(1): 189–198.
- Ozerov, 1905** – *Ozerov, I.Kh.* (1869–1942). Ekonomicheskaya Rossiya i ee finansovaya politika na iskhode XIX i v nachale XX veka [Economic Russia and its financial policy at the end of the 19th and the beginning of the 20th century]. Prof. I.Kh. Ozerov. M.: D.S. Gorshkov, XII, 259 p.: diagr.; 23. [in Russian]
- Pershke, 1913** – *Pershke, S. i L.* (1913). Russkaya neftyanaya promyshlennost' ee razvitie i sovremennoe polozhenie v statisticheskikh dannykh [The Russian oil industry, its development and the current situation in statistical data]. Tiflis. [in Russian]
- PKM RI, 1883** – Vysochajshe utverzhdenyj Ustav Batumskago neftepromyshlennogo i trgovogo Obshchestva [The highest approved Charter of the Batumi Oil Industrial and Trade Company]. Polozhenie Komiteta Ministrov, Vysochajshe utverzhdennoe 1 Iyulya 1883 goda. Sobr. Uzak. 1883 g. Avgusta 2, st. 675. [in Russian]
- PSZRI. SV** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobraniye vtoroe. [Complete code of laws of the Russian Empire. Second code]. SPb.: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830–1885. [in Russian]
- RGIA** – Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate. [Collection of laws and government orders issued under the Government Senate]. SPb., 1894–1897.
- TsIAM** – Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Moskvy, [Central Historical Archives of Moscow].
- Shukhov, 1895** – Truboprovody i ikh primenenie k neftyanoi promyshlennosti [Pipelines and their application to the oil industry]. Moscow: Polytechnic Society. Politekhnicheskogo obshchestva Edition, 1895. 37 p. [in Russian]
- Shukhov, 1977** – *Shukhov, V.G.* (1977). Izbrannye trudy. Stroitel'naya mekhanika [Selected Works. Structural mechanics]. *Edit.Science*. M. [in Russian]
- Shukhov, 1883** – *Shukhov, V.G.* (1883). Mekhanicheskie sooruzheniya neftyanoi promyshlennosti, «Inzhener» [Mechanical structures of the oil industry, "Engineer"]. Vol. 3, book 13, № 1, book 14, № 1, M. [in Russian]
- Shukhov, 1884** – *Shukhov, V.G.* (1884). Nefteprovody [Oil pipelines]. Tip. Kartseva Moscow. [in Russian]
- Shchukin, 1883** – *Shchukin, N.L.* (1848–1924). Elementarnaya mekhanika: Lektsii [Elementary Mechanics: lectures]. Chit. v S.-Peterb. prakt. tekhnol. in-te N.L. Shchukinyum. 1881/82 akad. g. Ch. 1-2. Sankt-Peterburg: lit. Tekhnol. in-ta, [1881]–1883. 2 t.; 27.). [in Russian]

Трубопроводные поставки нефти в России на рубеже XIX – XX веков: историческая ретроспектива и современные оценки

Александр Амиранович Карцхия ^{a, *}, Михаил Гурамович Смирнов ^{a, b},
Сергей Анатольевич Тыртычный ^a, Мария Геннадьевна Долгих ^a

^a РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Российская Федерация

^b МИРЭА Российский технологический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется опыт транспортировки нефти и нефтепродуктов по трубопроводам в Российской империи во второй половине XIX века. Проводятся комплексный анализ предпосылок постройки трубопроводов в Закавказье, а также сравнение с американским опытом перевозки нефти в XIX веке. Авторы впервые в отечественной историографии делают попытку показать многоплановый комплексный подход к проблемам транспортировки нефти и нефтепродуктов с помощью трубопроводного транспорта в Российской империи. При этом анализируется негативный опыт конкурентной борьбы с иностранными компаниями на рынках транспортировки нефтепродуктов в Закавказье. В работе показывается, что в условиях слабой логистики и высокой протяженности маршрутов самым эффективным средством транспортировки нефтепродуктов оказался керосинопровод Баку–Батум, что и предопределило научно-техническое

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: arhz50@mail.ru (А.А. Карцхия)

развитие и становление нового транспорта – трубопроводного. Одновременно доказывается, что при проведении последовательной государственной политики в отношении продукции иностранного производства в нефтяной промышленности Российской империи национальные компании смогут успешно развиваться в условиях политики импортозамещения и развития отечественной инженерной школы. В работе анализируются различные примеры неконкурентной борьбы иностранных нефтяных компаний, в том числе в сфере интеллектуальной собственности.

В статье исследуется процесс зарождения и последующего развития отечественного трубопроводного транспорта как отрасли экономики и предпринимательства в исторической хронологии, начиная с первого керосинопровода на Балаханских месторождениях (Каспий, Апшеронский полуостров) в Закавказье, до создания крупнейшего в России керосинопровода по трассе Баку–Батум. Впервые в российской историографии строительства нефтепровода XIX века авторы изучили научно-технические, экономические, логистические и финансовые причины развития нефтепроводного транспорта России в общем контексте.

Ключевые слова: нефть, мазут, нефтепродукты, керосин, трубопровод, логистика, Стандарт Ойл, транспортировка нефти, конкуренция, рынки сбыта, патенты, акцизы, XIX век, Российская империя.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 824-833
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.824

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Volunteering from Culture, or Education of Charity through Art among Muslim Students in Russian Turkestan, Turn of the 19th – 20th centuries

Gyulnar K. Mukanova ^{a, *}, Onal T. Abisheva ^b, Samat Zhumatay ^c, Zhazira A. Batyrkhanova ^a

^a Al-Farabi Kazakh National State University, the Republic of Kazakhstan

^b Abai Kazakh National Pedagogical University, the Republic of Kazakhstan

^c L.N. Gumilyov Eurasian National University, the Republic of Kazakhstan

Abstract

The practice of organizing and the effectiveness of public charitable forums by Russian Muslims in the Steppe region and Western Turkestan has not previously been specifically studied in historiography. The historical experience of nurturing the skills and traditions of philanthropy among the Muslim youth of the Russian Empire is relevant through the prism of dichotomy: both as adherence to general Muslim practice, and as a real model of socialization and expression of ethnicity through active secular positive behavior. The relevance of humanistic education in the modern globalizing world is beyond doubt; the argumentation in favor of the researched direction consists of authoritative opinions of scientists, psychologists and experts in the field of art history, sociology, cultural studies, history of pedagogy and ethnology. The article provides specific examples of patronage from written sources that have become rare, reflecting the realities of educational and educational practices on the outskirts of the state, in such remote regions as Central Asia, the Kazakh steppe, etc. The study examines the influence of the Turkic-language periodicals at the turn of the 19th – 20th centuries, on the readers' self-awareness as a formative tool for the actualization of identity and the institution of charity, in the relationship of historical, cultural, psychological and pedagogical aspects of the topic. Particular attention is paid to the analysis of such a sphere of charity as educational institutions. In addition, the Turkic-language press of the early 20th century, which took an active role in promoting the idea of benevolence, is considered. In Russian Turkestan, for the indicated period, there was a peak in the growth of charitable activities among Muslim student youth.

Keywords: charity, Western Turkestan, periodicals, Russian Empire, Islam, identity, Kazakhs, Art.

1. Введение

Историография темы в целом обращает, и справедливо, внимание на позитивную воспитательную роль меценатства в сфере образования и воспитания в различных религиозных практиках. История мусульманской благотворительности, насколько можно судить по доступным материалам, подается несколько узко – в контексте фискальной политики исламских государств, в которой обозначены преимущественно экономические стороны взаимоотношений институтов веры и сообщества. В лучшем случае авторы публикаций перечисляют ортодоксальные налоги (зьякет, ушур, вакуф и др.), не раскрывая меценатства в области просветительства и искусства. Такой подход камуфлирует реальные аспекты благотворительности в обществах, исповедующих ислам, в конкретных географических локациях (в нашем случае – Российской империи) и не позволяет выявить причинно-следственные связи и эволюцию благотворительности в хронологических пределах конца XIX – начала XX вв. – периоде «пробуждения Азии». Благотворительность через культуру и искусство, музыкальное и изобразительное, реконструируется на примерах из истории тюркоязычных народов Российской

* Corresponding author

E-mail addresses: Gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova)

империи. Умение облечь благие намерения на пользу страждущим, в форму меценатства через музыкальные и литературные вечера и концерты отличало систему воспитания и обучения на рубеже XX столетия. Традиции меценатства имели основания, разумеется, духовные, но также они заботливо возвращались у подростков под патронажем старшего поколения, посредством периодической печати и популяризации в целях пробуждения этничности и идентичности.

2. Материалы и методы

С целью изучения состояния и эволюции благотворительной деятельности сообществ Западного (Русского) Туркестана и казахского населения Акмолинской и Семипалатинской губерний были использованы архивные материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Государственного архива Северо-Казахстанской области (ГАСКО), а также Исторического архива Омской области (ИИОО РФ). Архивные фонды содержат материалы по просветительской деятельности казахского населения Западной Сибири, узбекского сообщества в Ташкенте, выписки из журналов жандармского наблюдения за подписчиками газет и журналов в Акмолинской и Семипалатинской областях в начале XX века. Кроме того, анализируются материалы периодической печати арабской вязью, отложившиеся в Редком фонде Национальной библиотеки имени Алишера Навои Республики Узбекистан (РФ НИЦ РУ). В письменных источниках содержатся программы деятельности в сфере благотворительности, информативные сведения о проведенных вечерах и концертах, размерах помощи нуждающимся и об адресатах материальной помощи. В качестве источников рассматривались мемуары казахских деятелей культуры. Исследование проведено на базе методологических принципов историзма и объективности, верификации источников, что позволило идентифицировать направляющую роль прессы в развитии института благотворительности среди тюркоязычной молодежи. При подготовке публикации применялись методы диалектического анализа и синтеза, компаративный и метод ретроспекции.

Применение комплекса научных методов позволяет раскрыть проблемные вопросы истории становления благотворительной деятельности мусульманского суннитского сообщества Западного Туркестана и казахского населения Степного края в контексте жизнедеятельности Российской империи. Системный анализ источников по теме исследования дал возможность определить предпосылки возникновения благотворительных организаций в мусульманской среде казахов, татар Западной Сибири, а также казахов и узбеков Русского Туркестана (на примере Ташкента) в конце XIX – начале XX вв.

3. Обсуждение

Мнения экспертов о роли меценатства в разных географических регионах разнятся относительно сфер применения благотворительных акций, однако едины в том, что подобные мероприятия способствуют воспитанию в их участниках таких гуманных качеств, как эмпатия, сопереживание, сознательное содействие менее обеспеченным категориям. Педагогические, просветительские цели благотворительных деяний лежат на поверхности, как утверждает Colum Leskey (2011). В своем монографическом англоязычном исследовании «Меценаты просвещения» С. Leskey воспроизводит историю основания просветительского общества в 1765 году в Российской империи под личным покровительством Екатерины Великой. Общество, по мнению С. Leskey, издавало «Труды Вольного экономического общества» и послужило образцом для общественной активности и инициативы в царской России. Сотни других организаций в XIX веке последовали его примеру (Leskey, 2011).

Сопоставительный контент-анализ опубликованных в «Трудах Вольного экономического общества» и других российских печатных изданиях своеобразных отчетов о благотворительных акциях позволили сделать вывод об общности их содержания. Для их составителей было важно не только зафиксировать факты, но и обозначить примеры для подражания, сделать их массовыми. Практиковались разные типы и формы благотворительных мероприятий публичного характера: лекторий, вечера, концерты, как детские и юношеские, так и для взрослого населения. В годы Первой мировой войны и других батальей проводились концерты для раненых солдат и офицеров, находившихся на излечении в госпиталях, силами местных учащихся. По отдельным регионам Российской империи архивные фонды позволяют обобщить материалы источников и реконструировать примеры из практики благотворительных начинаний в провинциальных городах Поволжья. Так, исследователь А. Прохорова приводит примеры благотворительных спектаклей, концертов, выставок в Симбирске в годы Первой мировой войны, отмечая бескорыстное участие жителей в их организации (Прохорова, 2011).

Историография темы благотворительности в дореволюционной России только складывается, как и понятийный аппарат; высказываются мнения о периодизации проблемы (Соколов, 2003). Актуальность темы не вызывает сомнений; вместе с тем молодежный и воспитательный аспекты проблемы до сих пор нуждаются в систематизации как наименее измеримые стандартными подходами. Ведь эффективность концертов, литературных вечеров и театральных постановок силами учащихся в моральном плане не сопоставима с финансовыми «вливаниями» меценатов.

Тема обоснования миссии благотворительных некоммерческих организаций является объектом изучения в Йельском университете США (DiMaggio, 1987). Авторы исследований показывают, как происходит благотворительное распространение искусства в Соединенных Штатах, сравнивая роль в этом процессе некоммерческих организаций, частных фирм и государственных учреждений. При этом американские ученые выявили некоторые противоречия, которые имеют место в управлении искусством, и возможные политические альтернативы.

Зарубежные исследователи темы уверены, что прикладной характер современной благотворительности, разумеется, имеет гораздо больший диапазон, нежели в XIX – начале XX столетий. С помощью компаративного анализа получены следующие результаты: здравоохранение ныне становится предпочтительным объектом благотворительности. Также делается вывод, что современные благотворительные акции относятся к типу венчурных, т.е. подвержены риску (Hanson et al., 2013).

Авторы книги Sarah Hanson, Lori Nadig, Bruce Altevogt (Hanson et al., 2013) считают, что все большее число зарубежных организаций рассматривает венчурную благотворительность как важный способ продвижения своих миссий, в частности в области здравоохранения. Экологические благотворительные акции проводились в разные исторические периоды, цель их прозрачна и обоснованна, в них активно участвовала учащаяся молодежь. К разряду исследований, посвященных методам привлечения молодежи к благотворительности и воспитания лидеров при организации экологических акций, относится книга Angelou Ezeilo (Ezeilo, 2019). Автор исследования сделал заключение о необходимости расширения прав и возможностей молодежи через экологические акции.

Как указано выше, исследователь истории благотворительности под патронажем монарших особ профессор Колум Леки (Colum Leckey) обратился к любопытной инициативе Екатерины Великой, в XVIII веке инициировавшей «Вольное экономическое общество» (Leckey, 2011: 5). Оно занималось благотворительностью, просвещением в части экономических знаний и, по-видимому, положило начало российскому информационному сопровождению меценатства.

Главной задачей Общества было просвещение провинций Российской империи путем распространения Евангелия и научного земледелия среди помещиков. Подражая патриотическим ассоциациям Западной и Центральной Европы, деятельность Общества должна была способствовать культурной вестернизации России, начатой царем Петром (Leckey, 2011). Сила печатного слова рационально была интегрирована с благотворным воздействием слова божьего и научными агротехническими рекомендациями. Однако географические пределы информирования подписчиков журнала ограничивались территорией обслуживания почты, иными словами, охватывались близлежащие к столице провинциальные области. Материальные затраты на издание в скором времени привели к его закрытию.

Мнение ряда российских историков по поводу взаимодействия попечительских советов учебных заведений XIX – начала XIX вв. со средствами массовой информации сводится к выводу: «Эта связь необходима, поскольку, судя по опыту конца XIX и начала XX веков, гласность способна играть роль действенного стимулятора. Нет иного способа оперативно и полно донести до общественности идеи благотворительности» (Гузенко, 2002: 16). Именно эту тенденцию, как нам удалось выяснить, отражали периодические издания Туркестана и Западной Сибири, в которых публиковались материалы о благотворительных мероприятиях в учебных заведениях, где обучались дети татар, казахов, узбеков. Другой вопрос – что эти сведения не были обобщены и потому не попали в научный оборот как проявление гуманистических традиций и идей справедливого отношения ко всем общественным сословиям.

Как видим, в приведенных выше изданиях в той или иной степени обозначены подходы к теме благотворительности, в общем охватывается круг методологических вопросов, однако такой крупный в территориальном и демографическом отношении регион империи, как среднеазиатский (туркестанский), где на рубеже XIX–XX столетий развивалась мусульманская благотворительность в сфере образования, до сих пор обделен вниманием исследователей.

4. Результаты

Если абстрагироваться от особенностей эпохи, что условно в историографии было принято идентифицировать как «дореволюционную», «предреволюционную» и «постреволюционную» (точкой отсчета считаются события октября 1917 года в России), то интерес представляет мало исследованное явление, а именно: процесс воспитания молодежного меценатства, или волонтерства, выражаясь современными терминами, через искусство.

Вышеприведенные тематические публикации раскрывают разные аспекты явления; между тем не охвачен большой регион Центральной Азии, соответственно, подавляющая часть опубликованных научных трудов освещает благотворительность на основе христианства, оставляя в тени мусульманские традиции.

Благотворительные мероприятия изучаемой поры можно отнести к своего рода поступкам, выражающим желание активно участвовать в социальной жизни, со стороны юношей и девушек. Последнее важно подчеркнуть: девушки в мусульманских семьях воспитывались довольно строго,

не каждая из них имела шанс получить хорошее образование, а о том, чтобы участвовать в театрализованной постановке и т.д., в ряде регионов осуждалось и встречало яростное сопротивление сородичей. И тем не менее факты говорят об исключении из общих правил, и эти данные проникали в печать, газеты, чтобы стать примером для подражания.

Газеты указанного исторического этапа на пространстве от Кавказа до Центральной Азии, издававшиеся на средства меценатов (редко – за счет казенных денег), были нацелены на пропаганду светского (джадидского) образа жизни, приучали к новым формам общения, и редакции печатали информации с мест, радуясь проявлениям социализации подростков. Следует отметить тот факт, что музыка в исламе (в суннизме, в частности) имеет некоторые ограничения, и проведение музыкальных концертов с участием молодежи было проявлением джадидизма, подражанием светскому образу жизни.

Лексический аспект вопроса интересует нас в плане отражения явления в разговорной речи. В тюркских языках, на которых общались жители Центральной Азии в исследуемый период, такие понятия, как «благотворительность», звучали в кораническом контексте. В корне слова обнаруживается «кайыр» (вариации – «хайыр», «каиір»), что в переводе с арабского означает «добрый» (ср. «делать доброе дело»). В казахском языке существует другой вариант «жардем» (татар. – «ярдем»), что означает традицию общественной помощи малоимущим сородичам или бедным (нуждающиеся «мухтаж» – арабизм), «жардем кылу» дословно переводится как «подсобить».

Присутствие в лексике народов Средней Азии и Казахстана понятия «мухтаж», слова арабского происхождения, отражает влияние исламского вероучения. Этим термином обозначают категорию нуждающихся сограждан. В нашем случае «мухтаж» рассматривался как объект благотворительности.

По-казахски кайырымдылык, жардем; по-узбекски - мухтожларга ёрдам, хайр-саховат, эхсон; по-татарски – матди ярдэм, иганэчелек; по-азербайджански - хеугиуэçilik, по крымскотатарски – хайриет, хайырсеверлик, хайырперверлик.

Эволюция благотворительности в исследуемом регионе отражалась в формах и видах вспомоществования: от натуральных продуктов до денежной ссуды, дарений разного рода и воспитания детей-сирот как родных, строительства мечетей и других общественных зданий (бани, школы), приглашения известных в крае певцов и исполнителей для публичных состязаний в музыкальном, певческом искусстве.

Депутат Государственной Думы России I и II созыва от казахов Кокчетавского уезда Акмолинской области Шаймерден Косшыгулов (1886–1932) (фамилия писалась и как Кошегулов) набрал голоса избирателей именно благодаря публичному отстаиванию прав местного населения на открытие школ с казахским языком обучения и внедрение прогрессивных методик в 1903–1904 годы. Это имело следствием беспрецедентно активную переписку потенциального народного избранника Косшыгулова с военным губернатором Акмолинской области Г.М. Гашниковым, степным генерал-губернатором и министром внутренних дел России (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 938. Л. 2, 5, 8-9).

В частности, суть прошений Косшыгулова Шаймердена и его сторонников заключалась в «...открытии медресе (школы), преподавании в ней закона Божия и освещая тему народа лучами науки и прогресса» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 938. Л. 7, 16) – фрагмент перевода на русский язык прошения министру внутренних дел от доверенных киргизов Кокчетавского уезда Кокчетавской, Зерендинской, Восточной, Джиландинской, Аиртавской и Мизгильской волостей) (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 938. Л. 12).

В начале XX века в казахском журнале «Айкап» (1911–1915), который редактировал публицист Мухамеджан Сералин, публиковались заметки корреспондентов с мест; тема образования, открытия школ джадидского направления, обучение девочек поднималась разными авторами в 1911–1915 годы. Например, в 1911 году М. Дулатов (под псевдонимом Азамат Алашулы) в статье «Казак халкынын бас азаматтарына» («Уважаемым лицам казахского народа») писал о важности просвещения и культурных преобразований (Айкап. 1911. № 7. С. 2-4). С ним соглашался М. Ахметов, чья заметка «Казак оқыгандарына!» («Образованным казахам!») увидела свет в № 10 за 1911 год (Айкап. 1911. № 10. С. 13). Детализация роли культурных мероприятий в воспитательном процессе раскрывается в материалах, автором которых был А. Алкин «Адебиет кеші» («Литературный вечер»), – о литературном благотворительном мероприятии, проведенном татарскими учащимися в городе Кустанай (Айкап. 1911. № 12. С. 17-18). Алкин опубликовал в следующем, 1912 году, еще одну заметку – «Замандастарыма бир-еки соз» («Пару слов современникам» – о значении обучения молодежи (Айкап. 1912. № 8. С. 9).

В журнале за 1912 год по данной теме опубликованы были также статьи следующих авторов: А. Байтурсынова «Аз уақытта көп билу жолынын басы» («Пути быстрого постижения многих знаний») о значении школьного обучения (Айкап. 1912. № 4. С. 82-83), И. Арабаева «Орынбордан – Ташкентке дейін» («Из Оренбурга до Ташкента») об открытии джадидских школ (Айкап. 1912. № 1. С. 16-18; № 2. С. 26-28), Ш. Кудайбердиева «Биздин муктаждарымыз» («Наши обязанности») о роли искусства и культуры в формировании личности (Айкап. 1912. № 3. С. 63).

Заголовки статей в казахском дореволюционном журнале весьма красноречиво свидетельствуют о понимании в сообществе значения образования и воспитательной силы искусства;

благотворительности также уделялось должное внимание: в 1912 году некто под псевдонимом «Казакбай» опубликовал информацию «Китаптар жайынан» («По поводу книг»), где сообщил, что в уфимском медресе «Галия» казахские шакирды (учащиеся) на собранные средства издали «Алиппе аки тоте оку» («Букварь и книгу для чтения») и что назначены общественные стипендии для казахских учащихся (Айкап. 1912. № 14. С. 307-308). Статьи М. Малдыбаева «Семейден», «Адеби кеш» посвящались литературным вечерам в Семипалатинске (Айкап. 1912. № 3. С. 65-67; 1914. № 4. С. 67-68).

География корреспондентов журнала охватывала как степные области, так и городское население Семиречья и Западного Туркестана. В журнале «Айкап» печатались информации из гг. Ташкент, Верный, Семипалатинск, Копал, Петропавловск, Зайсан, Аулие-Ата, Токмак и др. Так, в 1913 году А. Жанталин писал о значении просвещения и культурного прогресса из Петропавловска (Айкап. 1913. № 7. С. 145-148), М. Кашимов в статье «Аулиеата мен Токмак арасы» («Между Аулие-Ата и Токмаком») – о необходимости обучения девочек (Айкап. 1913. № 2. С. 26-29). Заметка Т. Киямбекова «Зайсаннан» («Из Зайсана») посвящалась теме женского обучения, по примеру татар и ногаев (Айкап. 1913. № 24; 1914. № 11. С. 183).

Эти и другие аспекты социальной жизни казахов отражены в монографических исследованиях по этнографии и нарративных произведениях (Жиенкулова, 1983; Абусейтова, 2006) Многие из деятелей культуры еще до революции получили образование в мусульманских медресе, участвовали в благотворительных концертах. Однако эти факты тщательно скрывались в их официальных биографиях во избежание гонений.

Дореволюционные и советские этнографы, такие как А.А. Диваев (См. Байтанаев, 2004), Ч.Ч. Валиханов (2007), А.Х. Маргулан (2008), Х.А. Аргынбаев (Материалы..., 2014), А. Сейдимбек (2012) и другие, описали казахские традиции и обычаи, вместе с тем в их трудах не было возможности в советское время отразить благотворительность «кайырымдылык» в полной мере. Отдельные фрагменты социального вспомоществования этнологам приходилось интерпретировать в узких рамках «классового» подхода. Таким образом, советский этап привнес негативные нюансы в этнографические обобщения, выбрасывая целые пласты прошлого из письменной истории народов.

Указанные аспекты региональной жизни освещались в прессе далеко за пределами Средней Азии. Например, в 1909 году газета «Таржиман» («Переводчик»), которую выпускал известный исследователь, этнограф, тюрколог Исмаил Гаспринский, сообщала, что «24 февраля 1909 года в Ташкенте впервые устроен Восточный вечер и сыгран национальный театр». Также в разделе Миллий ма'ишат ва фа'алият («Наша жизнь и деятельность») «Таржиман» напечатала информацию, что «...недавно в Ашхабаде впервые поставлен театр на местном языке» (РФ НЦ РУ. Таржиман, 1909. № 7, с. 5). Речь шла, конечно же, не о каком-нибудь строительстве здания для театра (до этого было еще далеко), скорее о постановках, инициированных местной талантливой молодежью. Поскольку «Таржиман» была популярной среди тюркоязычных народов России, имела много подписчиков, то приведенные новости, безусловно, вдохновляли и служили для других народов примером для подражания.

Надо заметить, что и в следующем, 1910 году, активность туркестанцев не уменьшилась в культурном плане. Это вновь находит отражение на страницах «Таржиман»: так, в приложении к номеру 28 этой газеты (оно называлось «'Алами Нисваи») 16 июля 1910 года сообщается о музыкальных мероприятиях туркестанских женщин, проведенных в Ташкенте, описываются музыкальные инструменты и даже напечатана фотография женского музыкального коллектива (РФ НЦ РУ, Таржиман. 1910 июля 16, с. 4). Это, безусловно, исключение из правил и характеризует мероприятие как явно джадидского направления, светского уровня. Да и сама газета И. Гаспринского «Таржиман» призывала к светскому образу жизни. Таким образом, читатели получали информацию о культурной жизни в отдаленных регионах не только текстовую, но и визуальную, посредством фотоснимков. В этом смысле пресса начала XX века исполняла миссию прогрессивную, интегрируя носителей этничности и идентичности разных уголков Евразии.

Компаративным методом возможно вычленив структурные звенья коллективных инструментов благотворительности, возникших по воле людей на разных участках земной поверхности. Считается, что первые благотворительные фонды возникли в начале XX века в США, благодаря усилиям успешного бизнесмена и одновременно филантропа Джона Рокфеллера. Именно Рокфеллер предложил создать «трест благотворительности». Первой организацией такого типа стал «Совет по всеобщему образованию» в 1902 году (Рокфеллер, 2017).

С этим мнением могут дискутировать авторы статьи «Благотворительные учреждения в европейских странах: исторический контекст» Джеймс Алэн Смит и Карстен Боргма (Charitable..., 2001: 120).

В лексиконе европейских народов присутствует целый ряд слов для обозначения частных организаций, которые используют доход во благо общества: foundation, endowment, trust, fundacion, fundacao, fonds, Stiftung, stichting, stiftelse, saatio и т.д. (Hands, 1968). Любопытно, что, изучив исторический опыт Франции и Великобритании, Германии, Дании и Швеции, Италии, еще в середине 1960 годов эксперты пришли к выводу, что благотворительность диверсифицируется в

процессе создания национальных государств, при том, что ученые делали ссылку на мнение эксперта Оуэна (Owen, 1964).

«Вопросы благотворительности были затронуты различными философами и экономистами на протяжении всей истории, начиная со времен Древнего Египта, Китая и Индии, большинство из которых считали, что добродетель – одна из необходимых составляющих существования общества», – полагает В. Брызгалова (Брызгалова, 2018: 16). Остается добавить к этому заключению, что индийский опыт филантропии изучается зарубежными аналитиками по настоящее время (Sayer, 2007). Если остановиться на практике государственного регулирования благотворительности в Китае, то это может стать темой отдельного исследования, т.к. в этой восточной стране филантропия возведена на очень большую высоту.

Культурные мероприятия тюркской интеллигенции в канун Первой мировой войны были однозначно нацелены на образование и воспитание. В рамках мероприятий непременно проводились акции благотворительного характера: так, собранные от концертов деньги передавались сиротам и школам. К примеру, в «Таржиман» в разделе «Оз матбу’атимиз» («Наша пресса») отмечен такой факт: «10 июня 1910 года ташкентская молодежь организовала театральный вечер, деньги от представления отданы школе, после представления был концерт, в нем участвовали мусульманки». Во-первых, обращает на себя оперативность предоставления информации в СМИ, а во-вторых, в тексте не случайно подчеркивается участие девушек и женщин в благотворительном концерте, что восточным обществам не всегда было свойственно (РФ ИЦ РУ. Таржиман. 1910. 10 июня, с. 2).

Пресса информировала об аналогичных вечерах и в Баку, и Казани, что наводит на мысль об общих чертах пробуждения Востока и национальной самобытности через благотворительные акции. Согласно Корану, люди должны проявлять чуткость и сострадание к нуждающимся, и обычно мероприятия организовывались в пользу сирот, погорельцев, для обустройства школ и т.д. В этих случаях не запрещалось участвовать и девушкам, т.к. таковые поступки поощрялись исламом как милосердие.

Представляется уместным привести мнение Т. Ларионовой, которая считает, что «исследование практики благотворительности в ее исторической ретроспективе, а также изучение теоретических аспектов зарождения, развития благотворительности» требует использования различных видов источников, в частности трактовок Корана (Ларионова, 2011: 150). Сура 2 Корана, переведенного Г.С. Саблуковым в 1878 г. и переизданного неоднократно, гласит: «Поклоняйтесь только Богу, делая добро родителям, родственникам, сиротам, бедным; говорите людям доброе, совершайте молитву, давайте очистительную милостыню...» (Густерин, 2014: 12, 39).

Что касается газеты «Таржиман» – первой ласточки среди тюркоязычных периодических светских изданий, то благодаря ее редакции определялись номинально те акценты, на которые стоило обращать внимание: газета воспитывала мораль и призывала к порядочности, при соблюдении национальных устоев. В ней печатались стихи и проза для детей, переводы классиков мировой литературы. Она сыграла значительную роль в ретрансляции светских знаний и открыла дорогу молодежи в университеты.

Казахская передовая интеллигенция через первую национальную газету «Казах» пропагандировала культурные просветительские мероприятия: например, состоявшийся в Семипалатинске вечер памяти поэта-мыслителя Абая, на котором выступили Н. Кульжанова и учащиеся. Этот факт в некоторой степени передает приверженность редакции традициям, заложенным газетой «Таржиман». Информации такого рода были полезны и вызвали желание подражать. Эмансипация восточных представительниц слабого пола на рубеже XX века была бы неполной без освещения деятельного их участия в получении профессионального образования. Лидеры казахской интеллигенции Алаш предвидели всплеск гендерной активности и еще до Первой мировой войны и с ее началом разъясняли важность медицинского образования для девушек. Наряду с врачебной и фельдшерской подготовкой, требовались профессиональные переводчики. Об этом в 1914 году на страницах газеты «Казах» писал лидер казахской передовой интеллигенции чингизид Алихан Букейханов (Букейхан, 2018: 34).

Выбор казахскими девушками медицинского направления в качестве будущей профессии объяснялся реальной потребностью в национальных кадрах. Для профориентации молодежи деятели Алаша печатали статьи в газетах. Редакция газеты «Казах» умело направляла благотворительность – посредством публикации кратких сведений о студентах, нуждающихся в поддержке, – и получала отклик: в виде переводов средств, которые затем передавала конкретному адресату-студенту. Так, к примеру, автор заметки в «Казахе» в 1915 году о казахских студентах в Киеве Смагул Садвокасов своей публикацией вызвал позитивный отклик от меценатов, поддержавших обучающихся за пределами казахских степей земляков.

Лидер казахской образованной интеллигенции, политический и общественный деятель, депутат Государственной Думы А.Н. Букейханов обращал серьезное внимание на подготовку национальных кадров. В 1914 году он опубликовал тематическую статью в газете «Казах». Среди казахских девушек, что также отражено в печати той поры, сильным было стремление учиться и, получив профессию, помогать землякам. В журнале «Айкап», о котором выше было сказано,

в 1913 году было помещено сообщение, что казашка-выпускница Оренбургской гимназии Аккагаз Дошанова поступила в Москве в высшее медицинское учебное заведение (Айкап. 1913. № 16. С. 359).

Теме обучения казахских девочек посвятили статьи С. Габбасов (Айкап. 1914. № 3. С. 50-51) и А. Жайшыбеков «Айелдер жайында» («В отношении женщин»), писавший о начальных шагах в обучении казахских девочек (Айкап. 1913. № 18. С. 390-393). Другая статья С. Габбасова «Капалдан» («Из Копала») повествует о практике сбора средств на обучение детей из бедных семей (Айкап. 1915. № 3. С. 44-45).

Благодаря прессе, таким изданиям, как журнал «Айкап», газеты «Серке» (ее издавал в Санкт-Петербурге в период депутатской миссии в Государственной Думе Ш. Косшыгулов), газете «Казах» и другим, сообщество знакомилось с передовыми идеями. В свой журнал редактор М. Сералин сумел привлечь девушек-корреспонденток, среди которых были публицисты Сакипжамал Тлеубайкызы, Кулайым Утегенова, будущий врач Магрипа Койбагарова и поэтесса Мариям Сейдалина. Эти девушки писали стихи, заметки, призывали современниц к просвещению, как и остальные корреспонденты, не получая гонорары и всячески содействуя организации подписки на журнал.

Подписчиками «Айкап» были и казахи-омичи. Город Омск в начале XX века являлся одним из культурных центров Западной Сибири. Здесь проходили благотворительные мероприятия, способствовавшие социализации учащейся молодежи. Деятельностный и эмоционально-чувственный факторы играли роль в нравственном воспитании. В действительности, природа благотворительности зиждется на эмпатии, сочувствии, желании помочь нуждающемуся словом и делом.

Благотворительность, как зеркало, отражает наличие в обществе острых социальных и экономических проблем, потому благотворительность (в том числе и волонтерство) обретает массовость в период особых испытаний (война, голодомор, обнищание населения вследствие техногенных катастроф и менее крупных потрясений). Например, казахи и татары Петропавловска, Семипалатинска занимались сбором пожертвований в пользу населения городов, испытавших сильные землетрясения (город Верный) (ГАСКО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 27).

Эмпатия, как правило, присуща работникам медицинской специализации. Именно медицинские сестры и врачи первыми спешат на помощь. Социальная активность медработников определяет психологическое состояние граждан и среднестатистический уровень их здоровья. Благотворительность духовного плана в восточных сообществах подкреплялась практикой врачевания. Мусульманские каноны не отрицали возможность безвозмездного лечения и обучения детей малоимущих. Любопытно, что в российских пределах в мусульманских медресе (средние учебные заведения) к началу XX века открывались классы для девочек, в них преподавали женщины-мусульманки. В татарской традиции учительниц звали «абыстай», которая учила девочек основам чтения и письма, вышиванию и этикету.

В казахской и узбекской среде мугалимы женского пола также получили признание в начале XX столетия. Это было связано с трудностями, случаи были единичные, женщины-учителя как раз и стали инициаторами первых благотворительных мероприятий с участием обучающихся. Большое распространение болезней (туберкулез, тиф, кожные заболевания, трахома, рахит и др.) среди учеников и их родителей способствовало тому, что многие мугалимы (абыстай) проводили беседы о гигиене по собственному порыву.

Постепенно такие беседы и рекомендации обрели характер систематических просветительских мероприятий, на основе благотворительности оказывалось содействие многодетным семьям. Встречи сопровождались раздачей книг.

Уровни организованности мероприятий могли дифференцироваться, однако встречное движение молодежи изучаемого периода – помочь обществу – имело место при хорошей организации со стороны старшего поколения и учителей. Взрослые гордились поступками молодежи и ставили в пример их порыв, призывая остальных следовать их полезным начинаниям.

В автобиографиях известных актрис, балерин, танцовщиц и художников-женщин советского Востока (из казашек – Майра Абусейтова, Шара Жиенкулова и др.) присутствуют воспоминания о благотворительных концертах в период праздников Наурыз-байрам, Курбан-Айт и других мероприятий в пользу бедных.

Глобализация привносит нюансы в осмысление сущности общечеловеческих ценностей, даже в условиях мега-рыночных отношений, подводит к переоценке заповедей как смысла гуманистического сосуществования. Исторический опыт регионов и разнообразие филантропических проявлений обогащает нравственно и побуждает практиковать эту безусловно необходимую сферу контактов.

5. Заключение

Таким образом, тема общественной благотворительности в пределах Западного (Российского) Туркестана обретает более полный охват при изучении исторических источников – прессы рубежа XIX–XX веков. Периодическая печать, будучи действенным инструментом социализации, широко использовалась для популяризации мероприятий благотворительности их инициаторами. События внешнего плана – военные действия и проч. – оказывали стимулирующее воздействие на активизацию местной уммы, привлекавшей к благотворительности учащуюся молодежь.

По исламским традициям благотворительные школьные мероприятия, как правило, приурочены были к праздникам (Наурыз, Рамазан, Курбан-Айт и др.). Филантропия в сфере просвещения поощрялась морально и считалась благим деянием. Это приучало гуманистически настроенную молодежь к оказанию посильной поддержки нуждающимся, сплачивало сообщество, одним из косвенных следствий был массовый приток мусульманских девушек в лазареты во время русско-турецкой и Первой мировой войн, а также на медицинские факультеты университетов.

Собственно, удалось, учитывая внешний и внутрорегиональный социальный фон благотворительных мероприятий в Русском Туркестане, выделить не только общие их черты, но и особенности. Изучив источники на арабской гарнитуре печати, в период пробуждения национально-культурного самосознания на рубеже XX века, а именно: газету «Таржиман» и следовавшие в ее фарватере схожие по стилю и подаче материала татарские, казахские газеты «Ульфат», «Вакт», «Казах», журнал «Айкап» и другие, приходим к заключению, что редакторы и корреспонденты стремились в разных регионах проживания тюркоязычного населения находить примеры эффективной работы с молодежью, получавшей светское (джадидское) образование, и содействовать ее просвещению и социализации. То есть типология мероприятий «кайырымдылык» среди суннитского мусульманского населения исследуемого периода в Ташкенте, а также Омске, Семипалатинске, Петропавловске отличается светским характером, массовостью, целевой аудиторией и обязательным освещением в средствах массовой информации. Публичность мероприятий становилась нормой. Часть участников благотворительных мероприятий в учебных заведениях рубежа XIX–XX веков впоследствии сумела выразить себя в изобразительном искусстве, киноиндустрии. Воспоминания участников мероприятий «кайырымдылык» составляют нарративную долю источников из недавнего прошлого и достойны систематизации и изучения.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК по проекту ИРН АР09261139 «Государственная, общественная и научно-педагогическая деятельность Смагула Садуакасулы» (на основе новых архивных и письменных источников).

Литература

- Абусейтова, 2006** – *Абусейтова М.Б.* Сокровенное. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 178 с.
- Айкап, 1911–1915** – *Айкап.* Первое периодическое издание на казахском языке, печатавшееся арабской гарнитурой в 1911–1915 годах в г. Троицке.
- Байтанаев, 2004** – *Байтанаев Б.А. А.А. Диваев* – очерк жизни и деятельности. Шымкент-Алматы, 2004. 260 с.
- Богданов, 2019** – *Богданов В.П.* История благотворительности в России. Москва и московская пресса конца XIX века. М.: Юрайт, 2019. 353 с.
- Брызгалова, 2018** – *Брызгалова В.А.* Мировой опыт функционирования благотворительных фондов и его использование в России. М., 2018. 224 с.
- Букейхан, 2018** – *Букейхан А.* Казактан доктор, фелшер хем пироудшик керек / Сочинения. 3-е изд. Том 9. Астана: ОФ «Алашорда», 2018. 447 с.
- Валиханов, 2007** – *Валиханов Ч.* Этнографическое наследие казахов // Библиотека казахской этнографии в 50 томах. Том 1. Астана, 2007.
- Гузенко, 2002** – *Гузенко Е.С.* Благотворительность в системе образования конца XIX – начала XX века: на материалах Казанской, Симбирской и Саратовской губерний. Саратов, 2002.
- Густерин, 2014** – *Густерин П.В.* Коран как объект изучения. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2014.
- Жиенкулова, 1983** – *Жиенкулова Ш.* Өмірім менің – өнерім. (Моя жизнь – искусство). Алматы: Жазушы, 1983, 216 с.
- ИИОО** – Исторический архив Омской области, РФ.
- Ларионова, 2011** – *Ларионова Т.П.* Благотворительность и милосердие в социальных учениях конфессиональных организаций в России (на примере Республики Татарстан) // *Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки».* 2011. № 5. С. 150-158.
- Маргулан, 2008** – *Маргулан А.Х.* Собрание сочинений в 14 томах. Алматы: Алатау, 2008.
- Материалы..., 2014** – Материалы международной научно-практической конференции «II Аргынбаевские чтения», к 90-летию Х.А. Аргынбаева. Алматы: Казак университети, 2014. 468 с.
- Прохорова, 2011** – *Прохорова А.Н.* Благотворительные мероприятия в культурной жизни Симбирска на начальном этапе Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* № 6 (12). 2011. Часть 2. С. 146-148.
- Рокфеллер, 2017** – *Рокфеллер Дж.* Мемуары. Репринтное издание. М.: Альпина Паблишер, 2017. 216 с.
- РФ НЦ РУ** – Редкий фонд Национальной библиотеки Республики Узбекистан.

- Сейдимбек, 2012** – Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление / Автор. перевод с казахского. Астана: Фолиант, 2012. 560 с.
- Соколов, 2003** – Соколов А.Р. Российская благотворительность в XVIII–XIX веках (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) // *Отечественная история*. 2003. № 6. С. 147-158.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Charitable..., 2001** – Charitable Institutions in European Countries: Historical Context // Schlüter, Andreas. Foundations in Europe. Society Management and Law. London: Bertelsmann Foundation, Directory of Social Change, 2001.
- DiMaggio, 1987** – DiMaggio P.J. Nonprofit Enterprise in the Arts: Studies in Mission and Constraint (Yale Studies on Non-Profit Organizations). Oxford University Press, 1987. 386 p.
- Ezeilo, 2019** – Ezeilo A. Engage, Connect, Protect: Empowering Diverse Youth as Environmental Leaders. New Society Publishers, 2019. 240 p.
- Hands, 1968** – Hands A.R. Charities and Social Aid in Greece and Rome, Ithaca, NY, Cornell University Press. P. 149.
- Hanson et al., 2013** – Hanson S., Nadig L., Altevogt B. Venture Philanthropy Strategies to Support Translational Research. Washington: National Academy of Sciences, 2013. 124 p.
- Leckey, 2011** – Leckey C. (2011). Patrons of Enlightenment: The Free Economic Society in Eighteenth-Century Russia. University of Delaware Press, 225 p.
- Owen, 1964** – Owen D. English Philanthropy, 1660–1960, Cambridge, MA, Harvard University Press. P. 3.
- Sayer, 2007** – Sayer K.A. Practical Guide to Financial Management for Charities and Voluntary Organizations. 3rd Edition. London: The Directory of Social Change, 2007. 204 p.

References

- Abusseitova, 2006** – Abusseitova, M.B. (2006) Sokrovennoe [Secret]. Almaty: Daik-Press, 178 p. [in Russian]
- Aikap, 1911–1915** – Aikap. Zhurnal v 1911–1915 godi v Troizk. [in Kazakh]
- Baitanaev, 2004** – Baitanaev, B.A. (2004). A.A. Divaev – ocherk zhizni i deiatelnosti [A.A. Divaev – essay on life and work]. Shimkent – Almaty, 260 p. [in Russian]
- Bogdanov, 2019** – Bogdanov, V.P. (2019). Istoria blagotvoritelnosti v Rossii. Moskva I moskovskaia pressa kontsa XIX veka [History of charity in Russia. Moscow and the Moscow press at the end of the 19th century]. M.: Urait, 353 p. [in Russian]
- Brizgalova, 2018** – Brizgalova, V.A. (2018). Mirovoi opit funktsionirovaniia blagotvoritelnykh fondov i ego ispolzovanie v Rossii [World experience in the functioning of charitable foundations and its use in Russia]. M., 224 p. [in Russian]
- Bukeihan, 2018** – Bukeihan, A. (2018). Kazaktan doctor, felsher ham perevodchik kerek [From Kazakhs Doctors, paramedics and translators are needed]. Bukeihan A. Sochinenia. Vol 9. Astana: Alashorda, 447 p. [in Kazakh]
- Charitable..., 2001** – Charitable Institutions in European Countries: Historical Context. Schlüter, Andreas. Foundations in Europe. Society Management and Law. London: Bertelsmann Foundation, Directory of Social Change, 2001.
- DiMaggio, 1987** – DiMaggio, P.J. (1987). Nonprofit Enterprise in the Arts: Studies in Mission and Constraint (Yale Studies on Non-Profit Organizations). Oxford University Press, 386 p.
- Ezeilo, 2019** – Ezeilo, A. (2019). Engage, Connect, Protect: Empowering Diverse Youth as Environmental Leaders. New Society Publishers, 2019. 240 p.
- Gusterin, 2014** – Gusterin, P.V. (2014). Koran kak ob'ekt izucheniia [The Qur'an as an object of study]. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing. [in Russian]
- Guzenko, 2002** – Guzenko, E.S. (2002). Blagotvoritelnost v sisteme obrazovaniia kontsa XIX – nachala XX veka: na materialakh Kazanskoi, Simbirskoi I Saratovskoi gubernij [Charity in the education system of the late 19th – early 20th century: on the materials of the Kazan, Simbirsk and Saratov provinces]. Saratov. [in Russian]
- Hands, 1968** – Hands, A.R. (1968). Charities and Social Aid in Greece and Rome, Ithaca, NY, Cornell University Press. P. 149.
- Hanson et al., 2013** – Hanson, S., Nadig, L., Altevogt, B. (2013). Venture Philanthropy Strategies to Support Translational Research. Washington: National Academy of Sciences, 2013. 124 p.
- ИОО** – Istoricheskii Archiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk region].
- Larionova, 2011** – Larionova, T.P. (2011). Blagotvoritelnost I miloserdie v sotsialnykh ucheniakh konfessionsnykh organizatsii v Rossii [Charity and Mercy in the Social Teachings of Confessional Organizations in Russia]. *Uchenie zapiski Kazanskogo universiteta. Seria Gumanitarnie nauki*. 5: 150-158. [in Russian]
- Leckey, 2011** – Leckey, C. (2011). Patrons of Enlightenment: The Free Economic Society in Eighteenth-Century Russia. University of Delaware Press, 225 p.
- Margulan, 2008** – Margulan, A.H. (2008). Sobranie sochinenii v 14 tomakh [Collected works in 14 volumes]. Almaty: Alatau. [in Russian]

Materialy..., 2014 – Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii “II Argynbaevskie chtenia” [Materials of the international scientific-practical conference "II Argynbaev readings"]. Almaty: Kazak Universiteti, 2014. 468 p. [in Russian]

Owen, 1964 – Owen, D. (1964). English Philanthropy, 1660-1960, Cambridge, MA, Harvard University Press. P. 3.

Prohorova, 2011 – Prohorova, A.N. (2011). Blagotvoritelnie meropriatia v kulturnoi zhizni Simbirsk ana nachalnom etape Pervoi mirovoi voyny [Charitable events in the cultural life of Simbirsk at the initial stage of the First World War (1914–1916)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kulturologia . iskusstvovedenie. Voprosy teorii . praktiki*. 6(12): 146-148. [in Russian]

RF NB RU – Redkii fond Natsionalnoi biblioteki Respubliki Uzbekistan [Rare collection of the National Library of the Republic of Uzbekistan].

Rokfeller, 2017 – Rokfeller, D. (2017). Memuary. Reprintnoe izdanie [Memoirs. Reprint edition]. M.: Alpina Publisher, 216 p. [in Russian]

Sayer, 2007 – Sayer, K.A. (2007). Practical Guide to Financial Management for Charities and Voluntary Organizations. 3rd Edition. London: The Directory of Social Change, 204 p.

Seidimbek, 2012 – Seidimbek, A. (2012). Mir kazakhov. Etnokulturologicheskoe pereosmislenie [Kazakh world. Ethnocultural rethinking]. Astana: Foliant, 560 p. [in Russian]

Sokolov, 2003 – Sokolov, A.R. (2003). Rossiyskaya blagotvoritelnost v XVIII-XIX vekah [Russian Philanthropy in the 18th – 19th Centuries (to the Question of Periodization and Conceptual Apparatus)]. *Otechestvennaya istoriya*. 6: 147-158. [in Russian]

TGA RK – Tsentral'nyy Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Valichanov, 2007 – Valichanov, Ch. (2007). Etnograficheskoe nasledie kazahov [Ethnographic heritage of the Kazakhs]. Biblioteka kazakhskoi etnografii v 50 tomah. Vol. 1. Astana. [in Russian]

Zhienkulova, 1983 – Zhienkulova, Sh. (1983). Omirim menin – onerim [My life is art]. Almaty: Zhazushi, 216 p. [in Kazakh]

Волонтерство от культуры, или воспитание благотворительности через искусство у учащейся мусульманской молодежи в Российском Туркестане, рубеж XIX–XX веков

Гюльнар Кайроллиновна Муканова ^{a, *}, Онал Токкуловна Абишева ^b,
Самат Жуматай ^c, Жазира Алимкуловна Батырханова ^a

^a Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

^b Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Республика Казахстан

^c Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

Аннотация. Практика организации российскими мусульманами Степного края и Западного Туркестана публичных благотворительных форумов и их эффективность ранее в историографии специально не исследовались. Исторический опыт воспитания навыков и традиций меценатства среди учащейся мусульманской молодежи Российской империи актуален через призму дихотомии: и как следование мусульманской практике, и как реальная модель социализации и выражения этничности через деятельное светское позитивное поведение. Актуальность гуманистического воспитания в современном глобализующемся мире не вызывает сомнений; аргументация в пользу исследуемого направления складывается из авторитетных мнений ученых, психологов и экспертов в области искусствоведения, социологии, культурологии, истории педагогики и этнологии. В статье приводятся конкретные примеры меценатства из ставших раритетными письменных источников, отражающих реалии воспитательной и образовательной практики на окраинах государства, в таких отдаленных регионах, как Средняя Азия, Казахская степь и др. В ходе исследования рассмотрено влияние тюркоязычной периодической печати рубежа XIX–XX вв. на самосознание читателей как формирующего инструмента актуализации идентичности и института благотворительности во взаимосвязи исторических, культурологических и психолого-педагогических аспектов темы. Особое внимание уделено анализу такой сферы благотворительности, как учреждения образования. Кроме того, рассматривается тюркоязычная пресса начала XX столетия, которая взяла на себя активную роль в продвижении идеи благотворительности. В Российском Туркестане на обозначенный период пришелся пик роста благотворительной деятельности среди мусульманской учащейся молодежи.

Ключевые слова: благотворительность, Туркестан, периодическая печать, мусульманские, идентичность, казахи, искусство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Gulnar_mukanova@mail.ru (Г.К. Муканова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 834-843
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.834

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The History of the Construction of Railways in Siberia and the Steppe (Kazakh) Region: the Contribution of the Merchants to the Development of the Railway Line in the late XIX – early XX centuries

Ainur Zh. Gabdulina ^{a, *}, Aigerim Zh. Turkhanova ^b, Lyazzat T. Kurmanbayeva ^c, Zhanat R. Abisheva ^a

^a Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

^c Academy of Logistics and Transport, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the second half of the XIXth century, the socio-economic, cultural processes reorganization Russian began but the war with Turkey suspended this modernization.

Transformations began to enter an active phase by the end of this century, when tsarist Russia began to actively work to overcome the socio-economic and technical backwardness of the country.

One of the key factors in the development of trade and industry was the construction of railways and the connection of the east of the country with the west, the southern territories with the northern part, that is, this involved the opening of peripheral regions through railways to the central part of the state.

The Russian Empire was considered an agrarian country, despite the increase in various types of transport, the expansion of territories it still remained a predominantly agrarian empire.

However, by the end of the XIXth century, the State Program was created, which contributed to the accelerated expansion of industrial development at the expense of territories with rich minerals including the territory of Kazakhstan. Such a political and economic course made it possible for Russia to free itself from dependence on industrial imports and at the same time gave impetus to the economic development of the country.

This research considers the history of the construction of railways in Siberia, Kazakhstan in which the industrial and merchant nobility of Siberia, Kazakh landsmainly played, using the example of public personalities Pleshcheevs, A. Moskvina and others.

Keywords: history, railway line, railroad, merchant class, industry, Kazakh region, outskirts of the Russian Empire.

1. Введение

Ключевые направления политики Российской империи в конце XIX – начале XX вв. были направлены на модернизацию трансформационных процессов, вызванных промышленным подъемом в мире. Железные дороги были основой освоения окраин Российской империи, в том числе среднеазиатских территорий.

С 1880 года вплоть до революции 1917 г. в России было проложено более 75 тыс. км железнодорожных путей, что дало возможность повысить уровень жизни населения. Помимо этого, перевозки продуктов обрабатывающей промышленности: нефти, руды, металла, хлеба, угля, леса и т.д. – способствовали расширению торгово-экономических связей, научно-технических открытий, культурному обмену, расширению идейно-политических взглядов, формированию интеллигенции на различных окраинах империи.

* Corresponding author

E-mail addresses: ainur2005@mail.ru (A.Zh. Gabdulina)

2. Материалы и методы

В исследовании были использованы разные источники, в том числе из Архива г. Алматы, Семей, также материалы историко-краеведческого музея Восточно-Казахстанской области, где содержится много документов Семипалатинского подотдела Русского географического общества, а также различные подведомственные отчеты, записки. Кроме того, были привлечены и материалы дореволюционной периодической печати («Семипалатинские областные ведомости», «Семипалатинский листок» и «Сибирская жизнь»).

Важное значение в работе принадлежит различным методам исследования – аналитическому, логическому, историко-ретроспективному, которые часто используются не только в исторической науке, но и являются междисциплинарными. В данном случае эти методы были применены в изучении причин необходимости развития железнодорожных путей в отдаленных регионах Российской империи и исторических событий, сыгравших важную роль в этом. Методы системно-структурного анализа и историко-сравнительный – дали возможность рассмотреть, как местное купечество смогло внести свой вклад в развитие зарождающейся системы железнодорожных путей и сыграть важную роль в исторических событиях Степного края и Сибири.

3. Обсуждение

История купечества Степного края и Сибири развивалась в процессе геополитического расширения Российской империи в начале XIX века и была связана с политикой активной колонизации Казахского ханства. Не секрет, что территория Степного края являлась не только связующим звеном, но и промежуточной территорией для решения вопросов развития экономических отношений. Так, Китай; активного использования и давления на военно-политические рычаги административно-территориального расширения в Средней Азии и т.д. Вместе с тем Россия находилась в активной стадии промышленной трансформации страны и превращения ее из аграрного государства в индустриальное общество, коим на тот период не являлась, но активно пыталась это положение изменить.

Купечество в данной связи, являясь, несомненно, активной движущей силой капиталистических отношений, в то же время имело немалое влияние на различные государственные, социальные, политические решения царской администрации.

История становления купечества и ее развитие не раз привлекала интерес со стороны ученых. Наиболее подробно эта проблема была изучена в трудах казахстанских исследователей, таких как Ж.К. Касымбаев (Касымбаев, 1990), Е.Б. Бекмаханов (Бекмаханов, 1957), Г.М. Ахметова (Ахметова, 2003), Т.Ж. Шоинбаев (Шоинбаев, 1982), В.Н. Кашляк (Кашляк, 2013), Ю.В. Кочерыжжина (Кочерыжжина, 2012), М.К. Каримов и др. (Каримов и др., 2016). Среди российских ученых наиболее известны А.В. Андриянов, являвшийся путешественником, этнографом (Андриянов, 1912); Т.К. Щеглова (Щеглова, 2002), освещавшая в своих работах развитие и виды ярмарочной торговли, с появлением которой начало формироваться буржуазное сословие. Кроме того, исторической науке известны исследования по купеческой деятельности в Сибири Ю.М. Гончарова (Гончаров, 1999), В.А. Скубневского (Скубневский и др., 2001), А.В. Старцева (Старцев, Гончаров, 1999), Г.Х. Рабиновича (Рабинович, 1975), изучавшего проблемы купеческой буржуазии в городах Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв.

4. Результаты

В архивных материалах о благотворительной деятельности купечества красной линией проходит тема проведения первой железной дороги в Сибири. Это стало исторически важным событием – строительство железнодорожной магистрали, проходившей впервые через Сибирь и территорию Казахстана.

В середине XIX в. граф Муравьев-Амурский, генерал-губернатор Восточной Сибири, предложил проект строительства железнодорожного пути от Дальнего Востока, между Амуром и заливом де-Кастри (с 1952 г. – залив Чихачева), к Сибири с соединением территории Степного края и выходом в Среднюю Азию, чтобы соединить дальние регионы Российской империи с центральной частью. Однако его и другие подобные предложения были отклонены. В силу сложной внешнеполитической ситуации в то время, да и остро социально-экономического, земельного вопроса такие предложения в большей части отклонялись. Несмотря на тяжелые социально-экономические условия жизни подавляющего большинства населения Российской империи, в конце XIX – начале XX века после проведенных финансово-денежных реформ на основе золотого стандарта Российская империя была на лидирующих позициях среди развитых стран, что связано было с выходом промышленной продукции на мировой рынок.

Во второй половине XIX века царское правительство периодически выдвигало различные идеи и предложения по продвижению железнодорожного транспорта в глубь окраин, кроме того, не оставалась в стороне промышленно-купеческая элита, для которой это было весьма важным шагом, обеспечивавшим расширение сфер торговли со всеми регионами государства. В связи с этим

одним из решений правительства было соединение Западной Сибири и Степного края с выходом к границам европейской части империи.

В 1850-х гг. условия экономической жизни Сибири еще не требовали железных дорог с настоятельной необходимостью, но постепенно назревали. После отклонения этого вопроса проблема сооружения рельсового пути через Сибирь, Степной край, Среднюю Азию и дальше на Восток встанет спустя 30 лет.

Из многих грандиозных идей прокладывания путей через всю Сибирь выиграл проект второй половины XIX века, который должен был соединить по плану европейскую часть Российской империи с Западной Сибирью и охватить Степной край, Среднюю Азию, став одной из крупнейших сетей железнодорожных магистралей России того времени.

Такое соединение выдвигалось не столько в интересах экономического развития Сибири, сколько для поднятия производительных сил районов европейской части России, главным образом Урала. К несчастью, возникшая в конце 1870-х гг. война с Турцией, потребовавшая крайнего напряжения и государственных финансов, задержала осуществление Уральской железной дороги.

Только в 1880-х гг. с некоторым улучшением финансового положения оказалось возможным приступить к сооружению линии Екатеринбург–Тюмень, которая связывала бассейны крупных рек европейской части – Камы и сибирской Оби. Дорога Екатеринбург–Тюмень, построенная на средства государственной казны в 1883 году и открытая для движения в декабре 1885 года, конечным своим участком вступила в пределы Тобольской губернии и явилась, таким образом, первым рельсовым путем в Сибири ([Азиатская Россия, 1914, 1914: 513](#)).

Практически одновременно с проведением Екатеринбург–Тюменской линии правительство, решив действовать уже полномасштабно, поставило вопрос о сибирской транзитной железной дороге. В 1885 году было принято решение о соединении путей будущей Сибирской магистрали с европейской железной сетью от Самары до Уфы, и в 1890 году она была проложена от Уфы до Златоуста.

Как раз в это время, когда по всей Сибири шло движение в поддержку строительства железных дорог в Сибири, 13 июля 1884 года Тобольская городская дума пригласила своих коллег из Семипалатинска для участия в общем ходатайстве о постройке линии через эти города ([ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 22. Л. 59](#)).

С окончанием постройки Западно-Сибирской железной дороги от Челябинска до Иркутска в 1898 году возник проект соединения среднеазиатских владений с Сибирской железной дорогой – от Ташкента, через Верный и Семипалатинск, с выходом на Сибирскую железную дорогу в г. Томске.

С этой целью началось массивное изучение Семипалатинского края. В марте 1898 года через Семипалатинск проехал инженер Михайловский, «...путешествующий по окраинам империи, он искал возможность проведения железных дорог между станцией Томской и Ташкентом. Линию эту, соединяющую Закаспийскую железную дорогу с Великим Сибирским рельсовым путем, предполагалось направить из Томска в Барнаул, Семипалатинск, Верный и Ташкент. Кроме того, существует проект постройки отдельной соединительной ветви Семипалатинск–Петропавловск или же Омск–Семипалатинск, причем в последнем случае железный путь пройдет параллельно линии р. Иртыш...» ([Семипалатинские областные..., 1898. № 19](#)).

11 июня того же года Семипалатинск специально посетила Особая комиссия, возглавляемая министром путей и сообщения князем М.И. Хилковым, который прибыл из Ташкента.

Встреча его была организована с большими почестями: «...Начальник области специально выезжал встречать Его Сиятельство на Аркатский Пикет по Семипалатинско-Сергиопольскому почтовому тракту. В Семипалатинской Заречной Слободке, куда господин Министр прибыл в 10 ч. утра, им была осмотрена киргизская миссия. Затем около 12 часов Его Сиятельство на пароходе «Зайсан» переправился через Иртыш и высадился на городской пристани. Министра сопровождали начальник области, вице-губернатор, представители Семипалатинской Казачьей станицы, также чиновник особых поручений 5-го класса М.А. Корольков, помощник управляющего Земским отделом Б.Е. Иваницкий, горный инженер Олсуфьев и состоящий при министре советник Г. Княжевич. Кроме того, на встречу с министром прибыли в Семипалатинск Управляющий округом путей и сообщения барон Аминов, начальник Коммерческого отдела Сибирской железной дороги Лазарев. Министр после встреч, сделав визиты в дом вице-губернатора и городскому Главе, отбыл из Семипалатинска на пароходе «Зайсан» по направлению в Тюмень...» ([Алтайская железная..., 1898. № 24](#)).

Основная цель визита заключалась в выяснении тех задач, «...которые предстоит решить в ближайшем будущем ведомству Путей и Сообщения в Азиатской России..., необходимость соединения Великой Сибирской дороги рельсовым путем с Средне-Азиатскою дорогой...» ([Семипалатинские областные..., 1898. № 22](#)).

Во время пребывания министра в Семипалатинске было обращено внимание также на развитие пароходства в верхней части Иртыша и необходимость проведения железной дороги через Семипалатинск от Ташкента до Томска. Местная администрация сумела убедить министра в необходимости воплощения этих идей в реальность.

15 июля 1898 г. во Всеподданейшем докладе царю министр путей и сообщения князь М.И. Хилков убежденно высказал свои соображения: «...Наиболее выгодным направлением проектируемой соединительной линии, признавалось впервые названное им «Алтайское направление»; от Ташкента на Верный, Семипалатинск, Барнаул к Томской ветви Великой Сибирской магистрали, или же от Семипалатинска на Бийск, Кузнецк до Мариинска, расположенного на Великой Сибирской магистрали...». После приезда министра и высказанных соображений в регион часто приезжали различные инженерные комиссии, геологические экспедиции, изучавшие целесообразность постройки проектированной дороги.

23 марта 1899 года в Семипалатинск прибывает инженер Л.И. Югович, который 26 марта в помещении городской Управы собрал местное купечество «...для выяснения вопроса, сколько груза может дать железной дороге Ташкент–Верный–Семипалатинск–Барнаул–Кривошеково...». На собрании присутствовал военный губернатор области Карпов и вице-губернатор. Дополнительно были приглашены специалисты Рутовский, начальник таможенного округа, Познер – лесной ревизор и др.

Кроме самой магистрали, был рассмотрен вопрос о месте строительства моста через Иртыш: «...Если дорога пойдет через Семипалатинск, то наиболее удобным местом, по осмотру Юговича, для проведения моста через Иртыш оказалась линия от пристани Злоказова в Заречной Слободе через Тихомировский и Водочный (Додочная станция) острова к местности, занятой лагерем. Вокзал тогда будет построен на городской земле, за ипподромом...» (Семипалатинские областные..., 1899. № 13-14).

С первых дней предложение проведения железнодорожного полотна поддержали купцы П.Ф. Плещеев, А. Москвин и другие: они начинают активно работать над созданием «Товарищества Верхне-Иртышского пароходства и торговли», чтобы соединить торговые пути между Европой, Азией и Китаем именно через Семипалатинск, Сибирь и дальше в Европу. Тем более что П.Ф. Плещеев в это время являлся гласным городской думы, а также председателем Совета учредителей (в современной трактовке – занимал должность председателя «Акционерного общества Семипалатинск-Томской ж/д»), проект Устава которого был выработан весной 1900 года в Петербурге.

«...По проекту Устава основной капитал акционерного общества образуется через выпуск негарантированных Правительством акций на 11 млн руб. и облигаций на сумму не свыше 22 млн руб. Общество должно открыть движение по дороге не позже 6 лет. Длина проектируемой дороги 750–800 верст...» (Семипалатинские областные..., 1900. № 17, 29 апреля).

Уже 21 августа 1900 года городскому главе было поручено обратиться с телеграммой к министру путей и сообщения с просьбой о проведении Ташкентской железной дороги через Семипалатинск (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 38. Л. 79).

В 1901 году инженер Югович отправил ходатайство о разрешении ему построить на частные средства железную дорогу от одной станции Сибирской железной дороги, в районе Кузнецкого округа через Барнаул–Семипалатинск–Верный до Ташкента (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 38. Л. 79). Далее, в 1904 году, Воскресенским горнопромышленным обществом было направлено ходатайство о предоставлении ему концессии на постройку железной дороги Омск–Семипалатинск (Сибирская..., 1904, № 52).

В краеведческом музее города Семей в вырезках газеты «Сибирская жизнь» за 1906 год сохранились сведения о том, что в Семипалатинске работала Комиссия министра путей и сообщения князя М.И. Хилкова для изыскания как технических, так и экономических условий по постройке железнодорожной линии Семипалатинск–Оренбург (Сибирская..., 1906, № 4).

В 1906–1907 гг. царским правительством были произведены технические и экономические обследования:

- от Ташкентской железной дороги в города Верный, Семипалатинск, Барнаул с выходом на Сибирскую ж/д на ст. Итат или Ново-Николаевка;
- от Барнаула на Юргу в Павлодар;
- от Уральска через Оренбург, Орск в Акмолинск и от Уральска в Илецк;
- от Актюбинска через Тургай и Акмолинск в Семипалатинск, от Верного в Семипалатинск.

В 1906 году Особая межведомственная комиссия обследовала в экономическом отношении район от ст. Поломошной Сибирской железной дороги через Семипалатинск, Верный до Ташкента, а инженерами Будаговым и Глезером были произведены поиски линий в районе Уральск–Актюбинск–Тургай–Акмолинск–Семипалатинск (Записка о Торгово-экономическом..., 1912).

В том же году Министерство путей и сообщения предложило Геологическому имперскому комитету организовать топографические исследования при рекогносцировке местности, по которой предположено соединение Сибирской железной дороги и Оренбург-Ташкентской, следуя от Ташкента через Верный в Семипалатинск–Барнаул и далее на ст. Поломошную и Итат на Сибирской железной дороге (Известия Геологического Комитета, 1907: 97). Для геологических и горнотехнических исследований строительства железных дорог Ташкент–Верный–Семипалатинск царским правительством было выделено 20 тыс. руб. (Краткий Отчет..., 1907: 38).

В это же время горный инженер Александр Карлович Мейстер в качестве геолога-сотрудника производил маршрутные топографические, геологические исследования в районе среднего участка

проектируемой Туркестано-Сибирской железнодорожной магистрали между Семипалатинском и Верным (*Известия Геологического..., 1907. № 1-2*).

Горный инженер А.Н. Рябинин производил исследования на пространстве между линией Сибирской железной дороги и Семипалатинском. Поиски велись по направлениям: 1. Барнаул–ст. Поломошная (Сибирская ж\д). 2. Барнаул–Итат (Сибирская ж\д). 3. Барнаул–Семипалатинск (*Известия Геологического..., 1907. № 1-2*).

В азиатской стороне империи за счет казны в 1906 году были предприняты обширные исследования возможных путей железнодорожных линий: 1. Семипалатинск–ст. Поломошная Сибирской ж\д. 2. Уральск–Оренбург–Орск–Атбасар–Акмолинск. 3. Актюбинск–Тургай–Акмолинск–Семипалатинск. 4. Ташкент–Верный–Семипалатинск (*Семипалатинский..., 1906. №62*).

Летом 14 июля 1906 года Павлодарскому 1-й гильдии купцу А.И. Дерову было разрешено произвести поиски ширококолейной железной дороги Павлодар–Семипалатинск по правому берегу р. Иртыш (*Семипалатинский..., 1906. № 66*). В это время в Семипалатинске находился инженер путей и сообщения, надворный советник Струве, прибывший из Санкт-Петербурга (*Семипалатинский..., 1906. № 78*). Уже в августе 1906 года начальником геологических исследований Актюбинско-Семипалатинской железной дороги инженером Глезером была одобрена техническая сторона экспедиции под руководством инженера Рыжова, переход через р. Иртыш у самого г. Семипалатинска, близ переправы. Тогда же городская дума собрала внеочередное собрание по вопросу об отчуждении городской земли под полотно и станцию железной дороги Актюбинск–Семипалатинск.

В газете «Семипалатинский листок» было отмечено положительное рассмотрение намеченного горным инженером Глезером пути этой дороги через Иртыш (*Семипалатинский..., 1906. № 63*).

Городская дума подписала все предложения Глезера со следующим содержанием: «...Городская Дума, находя крайне необходимым в интересах развития края проведение железной дороги именно через Семипалатинск, постановила:

1. «...Уступить бесплатно в черте города под проектируемое полотно железной дороги, на указанной в плане местности участок шириной в 8291 кв. саж. и на городском выгоне под полотно участок шириной 20 м., до вокзала и под станцию около ипподрома 50 дес.; на условии, что вокзал будет устроен на правом берегу р. Иртыш на отведенном городском месте и отчуждении частновладельческих усадеб, расположенных на линии ж\д...

2. Переход через р. Иртыш, указанного в генплане, Городская Дума, признавая вполне подходящим, выражает полное согласие на проектируемое по плану направление места и линии ж\д в черте города.

3. Намеченные три пути путепровода удобными, Городская Дума находит, однако, необходимым устроить еще два путепровода между кварталами за №№ 217, 218, 232, 233.

4. Расположение отдельной второстепенной станции на левом берегу р. Иртыш за Слободкой для надобности киргизской степи и товарной ветки до шерстомоек по тому же берегу признается вполне желательным и отвечающим интересам города и края.

5. Уполномочить Городского Главу и членов Управы подписать план и направление ж\д линии и перехода через р. Иртыш» (*Семипалатинский..., 1906. № 75*).

18 апреля 1906 г. Прокопий Плещеев избирается городским главой и вместе с купеческой знатью принимается отстаивать постройку железнодорожных линий, так как намеченный доклад межведомственной комиссии инженера Струве, исследовавшей местности между Туркестаном и Сибирской дорогой для проектирования пути, планировался на январь 1907 года в Петербурге. Именно благодаря купечеству Сибири и Степного края, которое направляло ходатайства в Петербург о необходимости проведения Туркестано-Сибирской железной дороги не через Усть-Каменогорск, а через Семипалатинск, было удовлетворено царским правительством.

Русское правительство выдвинуло вопрос для обсуждения среди купечества Сибири о плане железнодорожной магистрали через Сибирь в Семиречье и Среднюю Азию. Этот вопрос очень бурно обсуждался, и к 1909 г. более десяти различных организаций ходатайствовали об инвестировании прокладки дорог через территории Алтая, Семиречья, южной части Сибири, Уральска и до Семипалатинска.

Известен факт, что председатель Совета министров, статс-секретарь П.А. Столыпин лично отправился в рабочую поездку по Сибири и смог сам убедиться, что сеть новых магистралей в регионах решила бы важные задачи государства. Тем более что Россия в это время переживала промышленный кризис, часто состояла в военном положении, экономика была в зависимости от иностранного капитала и т.д. В связи с этим правительство приняло решение форсировать финансово-экономическое, а прежде всего промышленное развитие страны, от которого зависела не только военная оснащенность империи, но и в целом рынок экспорта и импорта... (*Кашляк, 2013: 215*). А для этого нужно было соединить окраины с центральными частями империи, что давало не только юридический, но уже фактический контроль всех отдаленных регионов империи. Подготовительные планы строительства дорог были завершены, быстрыми темпами был проработан

план железнодорожной сети на окраинах, приспособленный к окончательному пункту претворения полной колонизации азиатских территорий.

Так, в 1909 г. Межведомственная комиссия одобрила научную экспедицию для исследования новой железнодорожной линии по территории Степного края через Сибирь: Царицын–Орск–Атбасар–Акмолинск–Семипалатинск, протяженностью около 25 тыс. верст ([Сибирская..., 1909: 224](#)).

29–31 августа 1909 г. в Томске состоялось совещание по вопросам о железнодорожном строительстве в Томской области, на котором от Семипалатинска присутствовали купцы во главе с городским главой П. Плещеевым. Купцы были заинтересованы в проведении не только железнодорожных линий, но и транспортного сообщения по р. Иртыш.

В это время активно шла их работа по созданию «Русско-Китайского общества пароходства и торговли» для налаживания торговых отношений между Россией и Китаем, и они были непосредственно заинтересованы в улучшении судоходства по Иртышу. В результате была принята резолюция: «...Исходным пунктом главного участка Туркестанской железной дороги по всем наличным ходатайствам избирается г. Семипалатинск...» ([Сибирская..., 1909. № 189-194](#)).

И уже с 20 октября 1909 года в Санкт-Петербурге на Особой комиссии с участием представителей купечества Степного края совместно с сибирскими депутатами обсуждался вопрос о проведении новых железнодорожных линий в Южной, Юго-Западной Сибири и в Алтайском округе. На заседании Особой комиссии присутствовавшие глава города купец 2-й гильдии П. Плещеев, А. Москвин провели плодотворную работу среди московского и петербургского купечества и промышленников, где убеждали их в необходимости расширения путей в Китай и обратно через Семипалатинск в Сибирь и в центральные части империи.

Здесь так же, как и в Томске, большинство ораторов высказалось, «...непременно включить в рельсовый путь г. Семипалатинск как промышленный и стратегический центр...» ([Сибирские..., 1909. № 254](#)).

7 ноября 1909 г. спорный вопрос о строительстве Семипалатинско-Уральской железной дороги был рассмотрен у председателя Совета министров П.А. Столыпина ([Сибирская жизнь, 1909, № 254](#)).

В 1911 г. правительством окончательно был разрешен вопрос о сооружении на частные средства железнодорожной линии, прорезывающей Алтайский округ от Ново-Николаевска в Семипалатинск, затем последовало утверждение и в отношении других железных дорог в Сибири.

В это же время Совет министров принимает решение о сооружении Южно-Сибирской магистрали средствами казны в общем направлении от южной границы Алтайской области, Семипалатинска в обход Уральского хребта с юга, с примыканием ее к Великому Сибирскому пути и к западной части Ташкентской железной дороги в пунктах, которые определяются как наиболее выгодные в районах поисков природных ресурсов. При этом министру путей и сообщения было поручено произвести исследования, необходимые для составления окончательного проекта и определения строительной стоимости указанной дороги.

4 июня 1911 года постановления Совета министров были утверждены царским указом. В течение 1910–1912 гг. были разрешены к строительству три подъездных линии к Сибирской дороге в Алтае: 1. Ново-Николаевск–Барнаул–Семипалатинск с веткой в Бийск. 2. Юрга–Кольчугино. 3. Татарск–Славгород.

Первая дорога предполагалась в качестве головного участка Туркестано-Сибирской железной дороги еще в 1900-х гг. ([Азиатская Россия, 1914: 551-552, 554, 557](#)). 30 января 1912 г. при Семипалатинском биржевом комитете была образована Особая комиссия для обсуждения и проведения Южно-Сибирской и Алтайской железных дорог (Записка о торгово-экономическом..., 1912). А 28 мая того же года был принят указ «Об отчуждении земли для сооружения широколинейной железнодорожной линии общего пользования от станции Новониколаевск Сибирской железной дороги до г.Семипалатинск ([Семипалатинские областные..., 1912. № 30](#)).

1 июня 1913 г. была совершена торжественная закладка Алтайской железной дороги, по этому случаю Степной генерал-губернатор, генерал от кавалерии Шмидт направил Николаю II телеграмму: «Царское Село.

Его Императорскому Величеству Государю Императору!

Сегодня совершена торжественная закладка Алтайской железной дороги, долженствующей соединить пограничную Семипалатинскую область с Великим Сибирским путем... Степной генерал-губернатор, Генерал от Кавалерии – Шмидт». На следующей день Николай II горячо поблагодарил Степного генерал-губернатора ответной депешей ([Семипалатинские областные..., 1913, № 24](#)).

23 августа городская дума окончательно определила место под строительство вокзала ([ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 16](#)). Ровно через полгода было открыто «...товарное движение от Семипалатинска на 90 верст по Алтайской железной дороге, а губернатор области Александр Николаевич Тройницкий в этот же день рапортовал Николаю II: «...Сегодня благодаря энергичной работе строителей открыто товарное движение...» ([Семипалатинские областные..., 1913, № 47](#)).

Еще в начале строительства линии Новониколаевск–Семипалатинск уполномоченным в Санкт-Петербурге Дудин-Марцинкевичем было отправлено ходатайство перед концессионерами предполагаемой к сооружению Южно-Сибирской магистрали о приспособлении проектируемого

железнодорожного моста через р. Иртыш к гужевому и пешеходному движению (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 16. Л. 29).

Возведение постоянного моста через р. Иртыш было давней необходимостью, так как имеющаяся переправа посредством «парома-самолета» уже не устраивала жителей, а предлагаемые проекты устройства моста не утверждались Степным генерал-губернатором, поэтому купеческое сословие отправляло ходатайства П. Плещееву как городскому главе и в городскую думу о строительстве нового железнодорожного моста, который можно было использовать и по прямому назначению, и для проезда гужевого транспорта, и для пешеходного движения.

5 февраля 1914 г. городская дума отправила заявление Министерству путей и сообщения и Министерству финансов «О внесении в Устав Общества по постройке Южно-Сибирской магистрали обязательство для концессионеров о приспособлении железнодорожного моста к гужевому и пешеходному движению, как это сделали для Алтайской железной дороги в отношении моста через Обь» (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 54. Л. 29).

20 июля того же года устав Общества Южно-Сибирской железной дороги был утвержден, и оно приняло на себя обязательство приспособить этот мост «...для перехода и переезда по полотну дороги в свободное от железнодорожного движения время. При условии ассигнования Семипалатинской городской управой 200 тыс. руб. и предоставления Обществу безвозмездно под устройство железной дороги 50 десятин земли в черте города Общество принимает на себя обязательство соорудить отдельную для гужевого движения часть моста».

Для решения данного вопроса в конце 1914 года в Петербург был отправлен городской глава П. Плещеев. 3 декабря на экстренном заседании Думы было принято постановление: «...Ассигновать 200 тыс. руб. и предоставить безвозмездно 50 десятин городских земель. В случае, если в течение 8 лет Обществом Южно-Сибирской железной дороги не будет начата постройка моста с отдельной проезжей частью для гужевого движения, то принять на себя обязательство осуществить твердую переправу через р. Иртыш по выработанному городом проекту, на устройство которой уже разрешен заем в 236 тыс. руб., от реализации которого город временно воздержался лишь ввиду состоявшегося решения о постройке моста Южно-Сибирской железной дорогой» (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 16. Л. 390-391).

В 1914 г. была построена железная дорога до г. Семипалатинска и начал застраиваться район города «Привокзальные выселки».

К 1915 г. на участке Барнаул–Семипалатинск началось регулярное движение пассажирских и товарных поездов. К 1916 г. был проложен рельсовый путь Семипалатинск–Локоть. В это же время получена телеграмма из Петрограда о постройке железной дороги через г. Семипалатинск. «...В комиссии Борисова по постройке железной дороги подавляющим большинством голосов приняты следующие первоочередные постройки Южно-Сибирской магистрали: Акмолинск–Павлодар–Славгород и от Акмолинска–Семипалатинск, затем Славгород–Семипалатинск–Верный. Линия Семипалатинск–Буран признана второстепенной...» (Семипалатинский голос, 1916. № 10).

Годы революции, Гражданской войны несколько отодвинули сроки ввода данной железнодорожной магистрали и моста через реку Иртыш у города Семипалатинска, но заслуги купечества (особенно П. Плещеева, А. Москвина) в соединении города с водными и железнодорожными артериями Сибири и всей Российской империи останутся в истории как большой вклад в развитие Степного края и Сибири.

5. Заключение

Вторая половина XIX – начало XX вв. – это время, когда Россия начинает активные действия по углублению колонизации Степного края, перестройке и реконструкции окраин, в том числе Сибири. Европа и США разными путями, в том числе через средства информации, активно наблюдают за действиями русского правительства по переустройству границ империи.

Кроме того, это период внедрения переселенческой политики, развития промышленности, судоходства, поэтому железная дорога должна была расширять свои магистрали для превращения Сибири из отсталых краев в состав регионов, где будет выровнено социально-экономическое положение, а весь Степной край окажется под полным не только юридическим, но и геополитическим контролем Российской империи.

Началась активная подготовка преобразования окраин страны, однако царское правительство столкнулось с необходимостью научных исследований, прежде чем железнодорожная магистраль центральной России соединится со всей периферией. Кроме того, регионы столкнулись с трудностями финансирования края, так как разные ведомства по всему государству стремились вытянуть как можно больше средств себе, при этом царское правительство в 1894 году, ужесточив нормативы финансирования, давало средства только на самые необходимые нужды. Торговое, промышленное купечество вело переговоры и неустанно посылало в Петербург прошения для обустройства окраин, аргументируя это развитием промышленности, торговли, в том числе с Китаем, и в целом усилением процесса колонизации Азиатского края.

При утверждении денежных средств и сметы для строительства железных дорог отправлялись научные экспедиции в составе горных инженеров, топографов, гидрографов, которые исследовали и прокладывали чертежи для магистралей. Перед членами экспедиций была поставлена задача: найти возможность соединения линий и связи Сибири через Степной край в Среднюю Азию и Китай, а также открытия европейских регионов России для азиатской части империи.

Результатом осуществления данного проекта стала реализация прокладки железнодорожной магистрали не без помощи местных купцов-промышленников, которые не только добывались государственных ассигнований на строительство линий, но в то же время сами вкладывали собственные инвестиции. Хотя зачастую они были сами скованы бюрократическими запретами царского правительства, но в то же время именно они оставались опорой официального Петербурга, так как без помощи купцов царскому правительству руководить этим мероприятием было бы затруднительно.

Очевидно, что война с Турцией (1877–1878 гг.), Японией (1904–1905 гг.) и Первая русская революция задержали финансирование по освоению Сибири и Степного края. Однако даже в это время в переселенческих районах экспедиции продолжались и интенсивно продвигалась постройка железных дорог, соединяя Сибирь, Степной край с другой частью страны, благодаря русскому и татарскому купеческому сословию и, несомненно, казахским баям.

Историческое значение строительства Великого Сибирского пути заключается в том, что и Степной край сыграл важную роль в расширении железнодорожной магистрали империи. Царская власть (не без помощи ходатайств и поддержки купеческого сословия Сибири и Степного края), наконец, обратила внимание на периферию и начала активно ее обустривать, что впоследствии дало толчок для создания условий включения этих территорий в торгово-экономические связи со всеми регионами.

Литература

- [Азиатская Россия, 1914](#) – Азиатская Россия. Том 2. СПб., 1914. С. 513.
[Алтайская железная..., 1898. № 24](#) – *Алтайская железная дорога*. 1904. № 24.
[Андрянов, 1912](#) – *Андрянов А.В.* Томская старина // Город Томск. Томск, 1912.
[Ахметова, 2003](#) – *Ахметова Г.М.* Торговая буржуазия Северо-Восточного Казахстана в конце XIX – начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Усть-Каменогорск, 2003. 168 с.
[Бекмаханов, 1957](#) – *Бекмаханов Е.Б.* Присоединение Казахстана к России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 324 с.
[Гончаров, 1999](#) – *Гончаров Ю.М.* Купеческая семья второй половины XIX –начала XX в. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. 244 с.
[Записка о Торгово-экономическом..., 1912](#) – Записка о Торгово-экономическом положении приграничной к Китаю Семипалатинской области. Семипалатинск, 1912.
[Известия Геологического..., 1907](#) – Известия Геологического Комитета. СПб., 1907. С. 97-100.
[Касымбаев, 1990](#) – *Касымбаев Ж.К.* Города Восточного Казахстана в 1861–1917 гг. Алма-Ата: Фрнбрн, 1990. 184 с.
[Кашляк, 2013](#) – *Кашляк В.Н.* Семипалатинское купечество: Плещеевы. Семей, 2013. 288 с.
[Кочерыжкина, 2012](#) – *Кочерыжкина Ю.В.* История купечества Приишимья. Усть-Каменогорск, 2012. 220 с.
[Краткий Отчет..., 1907](#) – Краткий Отчет двадцатипятилетней деятельности Геологического Комитета и Отчет о состоянии и деятельности Геологического Комитета в 1906 году. СПб., 1907. С. 38.
[Рабинович, 1975](#) – *Рабинович Г.Х.* Источники формирования и состав городской буржуазии Тобольской губернии в конце XIX – начале XX века. Свердловск. 1975. С. 113-117.
[Семипалатинские областные..., 1898](#) – *Семипалатинские областные ведомости*. 1898. № 25.
[Семипалатинские областные..., 1899](#) – *Семипалатинские областные ведомости*. 1899. № 13–14.
[Семипалатинские областные..., 1900](#) – *Семипалатинские областные ведомости*. 1900. № 17. 29 апреля.
[Семипалатинские областные..., 1907](#) – *Семипалатинские областные ведомости*. 1907. № 10. 10 марта.
[Семипалатинские областные..., 1912](#) – *Семипалатинские областные ведомости*. 1912. № 30.
[Семипалатинские областные..., 1913](#) – *Семипалатинские областные ведомости*. 1913. № 24.
[Семипалатинские областные..., 1913](#) – *Семипалатинские областные ведомости*. 1913. № 47.
[Семипалатинский листок, 1906](#) – *Семипалатинский листок*. 1906. № 62. 9 августа.
[Семипалатинский листок, 1906](#) – *Семипалатинский листок*. 1906. № 66.
[Семипалатинский листок, 1906](#) – *Семипалатинский листок*. 1906. № 78. 29 августа.
[Семипалатинский листок, 1906](#) – *Семипалатинский листок*. 1906. № 63. 10 августа.
[Семипалатинский листок, 1906](#) – *Семипалатинский листок*. 1906. № 75. 25 августа.
[Семипалатинская жизнь, 1906](#) – *Семипалатинская жизнь*. 1906. № 2. 15 декабря.
[Сибирская жизнь, 1901](#) – *Сибирская жизнь*. 1901, № 19.
[Сибирская жизнь, 1904](#) – *Сибирская жизнь*. 1904, № 52.
[Сибирская жизнь, 1906](#) – *Сибирская жизнь*. 1906, № 4.
[Сибирская жизнь, 1909](#) – *Сибирская жизнь*. 1909, № 224.

- Сибирская жизнь, 1909 – *Сибирская жизнь*. 1909, № 189-194.
 Сибирская жизнь, 1909 – *Сибирская жизнь*. 1909, № 43.
 Сибирская жизнь, 1909 – *Сибирская жизнь*. 1909, № 254.
 Скубневский и др., 1999 – *Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М.* Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. 240 с.
 Старцев, Гончаров, 1999 – *Старцев А.В., Гончаров Ю.М.* История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 215 с.
 Шоинбаев, 1982 – *Шоинбаев Т.Ж.* Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата: Казахстан, 1982. 279 с.
 Щеглова, 2002 – *Щеглова Т.К.* Ярмарки Западной Сибири и степных областей во второй половине XIX века. Барнаул: Изд-во Барнаульского государственного педагогического университета, 2002. 236 с.
 ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

- Akhmetova, 2003 – *Akhmetova, G.M.* (2003). Torgovaya burzhuaziya Severo-Vostochnogo Kazakhstana v kontse XIX – nachale XX vv. [The merchant bourgeoisie of North-Eastern Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries]: Diss. ... kand. ist. nauk. Ust'-Kamenogorsk, 168 p. [in Russian]
 Altaiskaya zheleznaya..., 1898, № 24 – *Altaiskaya zheleznaya doroga*. 1904. № 24. [in Russian]
 Andriyanov, 1912 – *Andrianov, A.B.* (1912). Tomskaya starina [Tomsk antiquity]. Gorod Tomsk. Tomsk. [in Russian]
 Aziatskaya Rossiya, 1914 – *Aziatskaya Rossiya [Asian Russia]*. Т. 2. SPb., 1914. P. 513. [in Russian]
 Bekmakhanov, 1957 – *Bekmakhanov, E.B.* (1957). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii [Accession of Kazakhstan to Russia]. М.: Изд-во Академии наук СССР, 324 p. [in Russian]
 CSA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
 Goncharov, 1999 – *Goncharov, Yu.M.* (1999). Kupecheskaya sem'ya vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Merchant family of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN, 244 p. [in Russian]
 Izvestiya Geologicheskogo..., 1907 – *Izvestiya Geologicheskogo Komiteta*. SPb., 1907. Pp. 97-100. [in Russian]
 Kashlyak, 2013 – *Kashlyak, V.N.* (2013). Semipalatinskoe kupechestvo: Pleshcheevy [Semipalatinsk merchants: Pleshcheevs]. Semei, 288 p. [in Russian]
 Kasymbaev, 1990 – *Kasymbaev, Zh.K.* (1990). Goroda Vostochnogo Kazakhstana v 1861–1917 gg. [Cities of East Kazakhstan in 1861–1917]. Alma-Ata: Fbrnbnrn, 184 p. [in Russian]
 Kocheryzhkina, 2012 – *Kocheryzhkina, Yu.V.* (2012). Istoriya kupechestva Priishim'ya [The history of the merchants of Priishimye]. Ust'-Kamenogorsk, 220 p. [in Russian]
 Kratkii Otchet..., 1907 – *Kratkii Otchet dvadtsatipyatiletnei deyatelnosti Geologicheskogo Komiteta i Otchet o sostoyanii i deyatelnosti Geologicheskogo Komiteta v 1906 godu* [A Brief Report of the twenty-five years of the Geological Committee and a Report on the status and activities of the Geological Committee in 1906]. SPb., 1907. P. 38. [in Russian]
 Rabinovich, 1975 – *Rabinovich, G.Kh.* (1975). Istochniki formirovaniya i sostav gorodskoi burzhuazii Tobol'skoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Sources of formation and composition of the urban bourgeoisie of the Tobolsk province at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. Sverdlovsk. Pp. 113-117. [in Russian]
 Semipalatinskaya zhizn', 1906 – *Semipalatinskaya zhizn'*. 1906. No. 62. August 9th. [in Russian]
 Semipalatinskaya zhizn', 1906 – *Semipalatinskaya zhizn'*. 1906. No. 66. [in Russian]
 Semipalatinskaya zhizn', 1906 – *Semipalatinskaya zhizn'*. 1906. No. 78. August 29th. [in Russian]
 Semipalatinskaya zhizn', 1906 – *Semipalatinskaya zhizn'*. 1906. № 2. 15 dekabrya. [in Russian]
 Semipalatinskie oblastnye..., 1898 – *Semipalatinskie oblastnye vedomosti*. 1898. № 25. [in Russian]
 Semipalatinskie oblastnye..., 1899 – *Semipalatinskie oblastnye vedomosti*. 1899. № 13–14. [in Russian]
 Semipalatinskie oblastnye..., 1900 – *Semipalatinskie oblastnye vedomosti*. 1900. № 17. 29 aprelya. [in Russian]
 Semipalatinskie oblastnye..., 1907 – *Semipalatinskie oblastnye vedomosti*. 1907. № 10. 10 marta. [in Russian]
 Semipalatinskie oblastnye..., 1912 – *Semipalatinskie oblastnye vedomosti*. 1912. № 30. [in Russian]
 Semipalatinskie oblastnye..., 1913 – *Semipalatinskie oblastnye vedomosti*. 1913. № 24. [in Russian]
 Semipalatinskie oblastnye..., 1913 – *Semipalatinskie oblastnye vedomosti*. 1913. № 47. [in Russian]
 Semipalatinskii listok, 1906 – *Semipalatinskii listok*. 1906. № 62. 9 avgusta. [in Russian]
 Semipalatinskii listok, 1906 – *Semipalatinskii listok*. 1906. № 66. [in Russian]

[Shcheglova, 2002](#) – *Shcheglova, T.K.* (2002). Yarmarki Zapadnoi Sibiri i stepnykh oblastei vo vtoroi polovine XIX veka [Fairs of Western Siberia and the Steppe Regions in the second half of the 19th century]. Barnaul: Izd-vo Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 236 p. [in Russian]

[Shoinbaev, 1982](#) – *Shoinbaev, T.Zh.* (1982). Dobrovol'noe vkhozhdenie kazakhskikh zemel' v sostav Rossii [Voluntary entry of Kazakh lands into Russia]. Alma-Ata: Kazakhstan, 279 p. [in Russian]

[Sibirskaya zhizn', 1901](#) – *Sibirskaya zhizn'*. 1901. № 19. [in Russian]

[Sibirskaya zhizn', 1904](#) – *Sibirskaya zhizn'*. 1904. № 52. [in Russian]

[Sibirskaya zhizn', 1906](#) – *Sibirskaya zhizn'*. 1906. № 4. [in Russian]

[Sibirskaya zhizn', 1909](#) – *Sibirskaya zhizn'*. 1909. № 189-194. [in Russian]

[Sibirskaya zhizn', 1909](#) – *Sibirskaya zhizn'*. 1909. № 224. [in Russian]

[Sibirskaya zhizn', 1909](#) – *Sibirskaya zhizn'*. 1909. № 254. [in Russian]

[Sibirskaya zhizn', 1909](#) – *Sibirskaya zhizn'*. 1909. № 43. [in Russian]

[Skubnevskii i dr., 1999](#) – *Skubnevskii, V.A., Startsev, A.V., Goncharov, Yu.M.* (1999). Kupechestvo Altaya vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Merchants of Altai in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Barnaul: Izd-vo AGU, 240 p. [in Russian]

[Startsev, Goncharov, 1999](#) – *Startsev, A.V., Goncharov, Yu.M.* (1999). Istoriya predprinimatel'stva v Sibiri (XVII – nachalo XX v.) [History of entrepreneurship in Siberia (XVII – early XX century)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 215 p. [in Russian]

[Zapiska o Torgovo-ekonomicheskom..., 1912](#) – *Zapiska o Torgovo-ekonomicheskom polozhenii prigranichnoi k Kitayu Semipalatinskoi oblasti* [Note on the Trade and Economic Situation of the Semipalatinsk Region bordering China]. Semipalatinsk, 1912. [in Russian]

К вопросу о строительстве железных дорог в Сибири и Степном (Казахском) крае: вклад купечества в развитие железнодорожной магистрали в конце XIX – начале XX вв.

Айнур Жумагазыевна Габдулина ^{a, *}, Айгерим Жолтаевна Турханова ^b,
Ляззат Тулбаевна Курманбаева ^c, Жанат Рыспековна Абишева ^a

^a Казахский агротехнический университет им. Сакена Сейфуллина, Нур-Султан, Республика Казахстан

^b Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

^c Академия логистики и транспорта, Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. Во второй половине XIX века начались процессы социально-экономического, культурного переустройства Российской империи, но война с Турцией приостановила эту модернизацию. Преобразования начали входить в активную фазу к концу этого столетия, когда царская Россия стала активно работать над преодолением социально-экономической, технической отсталости страны.

Одним из ключевых факторов развития торговли и промышленности было строительство железных дорог и соединение востока страны с западом, южных территорий с северной частью, то есть это предполагало открытие периферийных регионов через железнодорожные магистрали к центральной части государства.

Российская империя считалась аграрной страной, несмотря на увеличение различного вида транспорта, расширение территорий.

Однако уже к концу XIX века была создана Государственная программа, которая способствовала ускоренному промышленному развитию за счет территорий с богатыми полезными ископаемыми, в том числе территории Казахстана. Такой политико-экономический курс давал возможность освободиться России от зависимости от промышленного импорта, в то же время давало толчок экономическому развитию страны.

В данном исследовании рассматривается история строительства железнодорожных дорог Сибири и Степного края, в которой важную роль сыграла промышленно-купеческая знать Сибири и Степного края, на примере общественно-государственных деятелей Плещеевых, А. Москвина и других.

Ключевые слова: история, железнодорожная магистраль, железная дорога, купечество, промышленность, регион, окраины Российской империи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ainur2005@mail.ru (А.Ж. Габдулина)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 844-852
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.844

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“The Temple of Sciences Has Been Erected”: on the History of the Creation of the Real School in the Nalchik District

Petr A. Kuzminov^{a, b, *}, Svetlana S. Apazheva^a, Anzhela A. Zhurtova^{a, b}

^a Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation

^b Scientific and innovative center «Natural scientific methods in archeology, anthropology and archeography» KBSC RAS, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of the process of formation and development of secular education in Kabarda and Balkaria. The transformation of primary education into secondary education in the Nalchik district of the Terek region has been studied. The reasons for the modification of education are substantiated, the main of which was the desire of the peoples of the region to increase their level of education. In 1880, the first petition was filed for the transformation of the Mountain School in Nalchik into a gymnasium or a real school, and it was implemented only in 1909. The committee built a building that became a hotbed of knowledge and science in the region.

The composition of the students of the Nalchik real school consisted of three categories: "state", received 50 established scholarships of 180 rubles a year. "Svoekoshtnye", who pay for accommodation and tuition at 150 rubles a year, and "coming ones", who lived in the settlement and pay tuition at 150 rubles a year. Pupils who did not have funds for their studies received a scholarship from the Kabardian Public Sum of 50, 75, 100 and 150 rubles. Later, they became "points of growth" in their villages, places of work. During the years of work of the Real School (1909–1920), hundreds of Kabardians, Balkars, Russians, Ossetians, Georgians received graduation diplomas.

In Soviet times, it housed the Leninsky educational campus, the Palace of Pioneers, the historical-philological and medical faculties of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. Today, within its walls, work is underway to create the Hermitage-Caucasus Museum.

Keywords: mountain school, secular education, Real school, Kabarda, Balkaria, construction, students, teachers.

1. Введение

Проблемы образования, воспитания, культуры – это проблемы прошлого, настоящего и будущего любого общества. Сегодня на всех уровнях управления образованием разворачиваются дискуссии о его недостаточном материально-техническом, кадровом, инновационном, методическом обеспечении, о необходимости «безоговорочного финансирования творческой деятельности учителя» и здесь, действительно, есть над чем работать. Вместе с тем такой подход однокбок, поскольку не позволяет рассматривать государство и общество в рамках единого образовательного процесса, в то время как все субъекты образовательной деятельности составляют звенья одной системы, а значит их надо рассматривать комплексно, во взаимодействии.

Определенное снижение культурного и образовательного уровня современных школьников и студентов ставит вопрос о качестве образования и путях его повышения. Исторический опыт становления

* Corresponding author

E-mail addresses: petrakis_hist@bk.ru (P.A. Kuzminov)

светского образования в горских обществах Центрального Кавказа в конце XIX – начале XX вв. позволяет выявить пути улучшения его качества за счет объединения усилий общества и государства.

Открытое в 1909 г. Кабардино-Горское реальное училище в слободе Нальчик стало передовым учебным заведением, воспитавшим плеяду выдающихся ученых и педагогов Кабарды и Балкарии. Построенное на средства общества, оно отразило реальную заинтересованность горцев в развитии образования, его готовность преодолевать многочисленные бюрократические и финансовые трудности. Дореволюционный опыт обучения дает возможность сочетать традиционные и современные институты в сфере образования, создать новую модель национальной системы образования в рамках Российской Федерации.

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили несколько групп документальных материалов. В первую – вошли выявленные документы из фондов государственных архивохранилищ России, Северного Кавказа, Грузии. В Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация) – это Ф. 1276. Оп. 19. Д. 886. В Центральном государственном архиве Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (Нальчик, Российская Федерация) – Ф. И-46. Оп. 1. Д. 4. В Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания (Владикавказ, Российская Федерация) – Ф. 11. Оп. 62. Д. 1209. В Национальном архиве Грузии (Тбилиси, Грузия) – Ф. 107. Оп. 1. Д. 3735 и др. Они дают возможность проанализировать направления государственной политики в области развития начального и среднего образования, его региональные особенности в Терской области.

Вторую – составили материалы, отражающие деятельность образовательных учреждений: условия приема учащихся в средние учебные заведения, обязанности и полномочия директора, смотрителя реального училища, учителей и др. ([Устав о горских школах, 1880](#) и др.).

Сборники статистических сведений по Терской области позволили раскрыть социально-экономический уровень жизни населения, проанализировать причины изменения численности, динамику образовательного процесса, социальный контингент учащихся, сумму финансирования, кадровые вопросы и др. ([Отчет, 1910](#) и др.).

Незаменимым подспорьем в изучении данной темы являются материалы периодической печати ([Народное образование, 1913](#) и др.), в которой детально освещались знаковые события в деятельности Кабардино-Горского реального училища. В частности, статья Мисоста Абаева ([Кабарда проснулась, 1911](#)), опубликованная в журнале «Мусульманин», дала возможность выявить причины, по которым кавказская администрация 29 лет отказывала кабардинскому народу в праве открыть реальное училище в слободе Нальчик.

В процессе исследования мы опирались на основополагающий принцип историзма, который позволил изучать события, связанные со строительством реального училища, в контексте взаимосвязи места и времени. Системный подход дал возможность выявить в анализируемом объекте ряд слагаемых элементов, позволивших определить роль реального училища в общественной жизни Кабарды и Балкарии. Принцип объективности открыл возможность реконструировать развитие системы образования на Кавказе, в Терской области, Нальчикском округе. Хронологический метод позволил построить хронологическую модель трансформации начальной Горской школы в среднее реальное училище. Традиционный сравнительно-исторический метод привел к выявлению общих и особенных черт в развитии образования в дореволюционной и советской системе просвещения.

3. Обсуждение

Вопрос об открытии реального училища в слободе Нальчик освещался дореволюционными, советскими и современными журналистами, краеведами, учеными. Наиболее ценными публикациями были статьи-отклики в местной периодике, подробно освещающие знаковые события в жизни реального училища в Нальчике ([Торжество закладки..., 1911](#); [Торжества по случаю..., 1913](#); [Торжество по случаю..., 1914](#) и др.).

В советской историографии акцентировалось внимание на сословном происхождении учеников, детей дворян и князей, имевших привилегии при поступлении в реальное училище ([Кумыков, 1965](#); [Саблиров, 1989](#)).

Проблемы развития народного образования на территории Кавказского учебного округа стали объектом исследования многих авторов ([Рудольф, 1914](#); [Кошев, 1991](#); [Гатагова, 1993](#); [Кузьминов, 2005](#) и др.).

В современном кавказоведении изучению Кабардино-Горского реального училища посвящены работы, подчеркивающие прогрессивный характер созданного на народные деньги среднего учебного заведения, имевшего прекрасное для своего времени материально-техническое и учебно-методическое обеспечение ([Саблиров, 2001](#); [Кумыков, 2002](#); [Кузьминов, 2018](#); [Прасолов, 2019](#)). Особо выделим монографическое исследование О.Л. Опрышко, в котором детально освещена судьба учеников и педагогов Нальчикского реального училища ([Опрышко, 2020](#)).

4. Результаты

История реального училища в слободе Нальчик – это история становления и развития светского образования. Внешние характеристики здания, красивый дизайн, интересные архитектурные решения совмещены с высокой функциональностью и социокультурной ролью, которую оно играло в жизни народов Кабарды и Балкарии. Его появление стало результатом многовекового общения народов Центрального Кавказа с Россией. Сложный и болезненный путь вхождения в состав России открыл дорогу к просвещению, модернизации горского социума, культуре, науке.

Открытие училища было обусловлено рядом факторов. Во-первых, тягой народов Кабарды и Балкарии к образованию. Во-вторых, серьезной материальной поддержкой общества. В-третьих, организационной, методической, кадровой и финансовой помощью государства. В-четвертых, наличием группы просветителей, понимающих значимость просвещения и работающих на его распространение. Сочетание многих слагаемых позволило взойти росткам европейской цивилизации на горской земле. Замечательно, что в одно историческое время и на одном пространстве они совпали. Была и негативная реакция на открытие первых школ в Кабарде, обусловленная низким профессиональным уровнем некоторых учителей, отсутствием или недостатком учебных пособий, неприятием русской культуры отдельными служителями ислама. Но это были трудности роста.

В 1859 г. главнокомандующий кавказской армией князь А.И. Барятинский узаконил Устав горских школ (Бледных, 2009: 33), на основании которого шел процесс становления светского образования в крае. Были открыты окружные школы во Владикавказе, Темир-Хан-Шуре и Нальчике. Их цель – распространение образования в среде мирных горцев (Устав о горских школах, 1880: 311).

На основании Устава в январе 1860 г. в слободе Нальчик была открыта окружная школа. Она соответствовала «степени уездных и первоначальных училищ» (Созаев, 2006: 248), но горские школы имели преимущества перед уездными училищами, т.к. зачисленные в пансион ученики содержались за счет военного ведомства Российского государства или «Кабардинской общественной суммы» (Опрышко, 2020: 4). Только в 1892 г. финансирование горских школ было переведено в Министерство народного просвещения.

Школа имела пансион на 25 учеников, из них 10 мест занимали дети кабардинских князей-пши, дворян-уорков, балкарских князей-таубиев и 15 русских детей. Все учащиеся были на полном содержании «Кабардинской общественной суммы», т.е. народа. Выпускники, закончившие школу с хорошим уровнем знаний, зачислялись в средние учебные заведения в 4 класс без экзаменов (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 795. Л. 230б.).

В конце XIX – начале XX вв. передовая часть знати Кабарды и Балкарии (генералы Т. Шипшев, Ж. Жамбеков, Т. Алтудоков, полковники К. Куденетов, А. Урусбиев и др.) поставили в печати вопрос о причинах тяжелой жизни горцев, низкой урожайности полей, неустроенности населенных пунктов. Ответ для них был очевиден: нужно улучшать систему светского образования, а для этого начальная Горская школа должна войти в группу средних учебных заведений.

Возможность реорганизации Нальчикской горской школы в реальное училище появилась в 1876 г., когда в стране было завершено преобразование гимназий в реальные училища в соответствии с новым уставом, утвержденным в 1872 г. (ПСЗРИ, 1872: 626). Закон преследовал благую цель – создать в России систему полноценного среднего образования европейского уровня по немецкому образцу. Но фактически выпускники реальных училищ теряли право без экзаменов поступать в университеты. Это положение коснулось и Кавказского учебного округа. Огромный регион, не имеющий ни одного высшего учебного заведения, теперь был лишен весомой льготы: права посылать своих выпускников учиться в университеты без экзаменов. 9-миллионное население Кавказа имело всего 16 реальных училищ (Гатагова, 1993: 97). А у народов Северного Кавказа в начале XX в. действовало 6 училищ (Кумыков, 2002: 380).

Во Владикавказе и Темир-Хан-Шуре окружные горские школы были превращены в реальные училища на основании устава 1872 г., что дало возможность и другим горским народам заявить о необходимости изменить систему образования в их округе. 31 декабря 1880 г. от имени «Съезда доверенных кабардинского народа и пяти горских обществ» было подано прошение начальнику Терской области о преобразовании горской школы в слободе Нальчик в среднее учебное заведение (Циркуляр, 1914: 25) и высказана просьба о передаче 5 десятин земли Горской школе «для проведения опытов садоводства и агрономии из общественного участка, близ слободы Нальчик, под названием Атажукинского сада» (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 7. Д. 62. Л. 1). В случае удовлетворения ходатайства Съезд «брал на себя одну треть всех расходов по содержанию и весь ремонт здания планируемого реального училища» (Терская область, 1881). Но прошение не было поддержано начальством.

Ситуация изменилась после публикации указа Александра III от 21 мая 1889 г. об изменении статуса «запасных земель», в соответствии с которым 315 383 десятин высокогорных пастбищ и лесов передавались в собственность кабардинского и балкарского народов, поскольку до аграрной реформы 1863–1869 гг. они принадлежали этим народам. «Съезд доверенных» принял решение о введении десятикопеечного сбора с десятины земли альпийских пастбищ при пастьбе скота, и, таким образом, появилась реальная возможность систематически пополнять средства «Кабардинской общественной суммы», в которой аккумулировались общественные деньги. В соответствии с постановлением

«Съезда» (24 июня 1889 г.) из общественной суммы отчислялось по 6 100 руб. ежегодно на сбор средств для открытия в слободе Нальчик среднего учебного заведения. Чтобы придать этому мероприятию политическую значимость, было решено будущее среднее учебное заведение посвятить императору Александру III ([Циркуляр, 1914: 25](#)).

Вопрос о преобразовании Горской школы в среднее учебное заведение чиновники обсуждали почти 29 лет (1880–1909), но он получил разрешение только в ходе революции 1905–1907 гг. ([Саблиров, 2001: 122](#)). Упорство просветителей было связано с тем, что жители округа нуждались в развитии массового образования, агрономии, медицины, техники. А для этого нужно было развивать среднее образование, которое готовило бы кадры учителей, управленцев, агрономов, ветеринаров и вместе с тем создавало условия в виде прочных знаний для поступления в высшие учебные заведения России ([ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 795. Л. 230б.](#)).

Причину бюрократической волокиты открытия училища известный балкарский просветитель Мисост Абаев объяснил следующим образом: «В 80-х годах XIX в. население округа возбудило ходатайство о преобразовании Горской школы в гимназию или реальное училище, обязываясь выстроить на свои средства здание и ежегодно отпускать известную сумму на ее содержание. Тогда же был выработан план здания, стоивший 500 рублей. Кавказская администрация (дирекция народных училищ Терской области. – Авт.) одобрила это прошение и представила в Министерство народного просвещения». В процессе обсуждения проблемы чиновники Министерства обратились к попечителю Кавказского учебного округа для получения заключения по этому вопросу. По-видимому, «последний (К.П. Яновский. – Авт.) счел для себя оскорблением представление, сделанное администрацией области, минуя его, и выступил с мнением, что будто бы кабардинцы не доросли до того, чтобы у них была гимназия и дети их получали такое образование...» ([Абаев, 2007: 139-140](#)). Негативная оценка попечителя Кавказского учебного округа, функциональные обязанности которого были связаны с развитием образования в регионе, стала причиной отказа в реализации прошения.

В начале июля 1905 г. «Съезд доверенных» в очередной раз подал прошение начальнику Терской области С.Е. Толстову о реорганизации горской школы в среднее учебное заведение. В октябре 1905 г. Терское областное правление после детального обсуждения вопроса «признало преобразование Нальчикской горской школы, как заведения устаревшего типа, в среднее учебное заведение не только возможным, но и желательным» ([НАГ ЦГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 3735. Л. 5](#)). Положительный отзыв на прошение дали попечитель Кавказского учебного округа М.Р. Завадовский и наместник Кавказа граф И.И. Воронцов-Дашков, который в феврале 1906 г. обратился в Комитет министров к Э.Ю. Нольде с просьбой преобразовать существующую в Нальчике Горскую школу в среднее учебное заведение, причем на его устройство и содержание «жители предлагают по 13 150 руб. в год и 75 000 руб. единовременно». И добавил, что «кабардинцы уже много лет просят о том, чтобы в Нальчике была средняя школа, где могли бы их дети получать нужное им общее образование. Нахожу ходатайство жителей заслуживающим уважения» ([ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 795. Л. 22](#)).

В 1908 г. было принято постановление правительства о преобразовании Нальчикской горской школы в реальное училище. Правительство выделило 4 000 руб. на приобретение учебного оборудования для училища ([Циркуляр, 1914: 25](#)). Коллежский советник Д.Д. Мучкапский, опытный педагог, был направлен из Тифлиса в Нальчик для организации училища ([Опрышко, 2020: 4](#)). Директор предложил закрыть Горскую школу и, опираясь на ее ресурсы, открыть два класса и приготовительный класс реального училища и ежегодно открывать следующий.

1 июля 1909 г. было опубликовано решение правительства о преобразовании Нальчикской горской школы в слободе Нальчик в реальное училище ([РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 886. Л. 2](#)) с пансионом на 50 юношей. Финансирование проекта предполагалось осуществлять в основном за счет отчислений из «Кабардинской общественной суммы». Ввиду того что представители кабардинского и балкарского народов заявили о самостоятельном строительстве нового здания училища, то правительство выделило 20 000 руб. (из них 4 000 руб. в 1908 г. и 16 000 руб. в 1909 г.) на учебный инвентарь училища, мебель, покупку оборудования для физического кабинета, учебники и др.

Расчеты показали, что на содержание реального училища с пансионом потребуется сумма в 37 688 руб. в год. Правительство на эти цели выделяло 8 016 руб. 95 коп., а «Кабардинская общественная сумма» – 13 150 руб., т.е. всего 21 166 руб. 95 коп. ([ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 795. Л. 25](#)). Поскольку этих средств на проведение учебного процесса будет мало, то «потребуется дополнительное ассигнование государства в размере 14 861 руб. ежегодно» ([ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 795. Л. 410б.](#)). Государство выделило эти средства.

При обсуждении сметы строительства здания стало ясно, что заявленной суммы в 90 444 руб. 29 коп. будет недостаточно для его постройки. Для контроля за ходом строительства училища был создан Строительный комитет, в который вошли представители от кабардинского народа, училища, администрации округа ([ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 62. Д. 1209. Л. 36-37](#)). Архитектурный проект инженера Н.Н. Семенова лег в основу строительства здания, но был скорректирован в соответствии с меняющимися условиями и суммой финансирования.

Несмотря на нехватку средств, Строительный комитет училища решил построить здание так, чтобы оно соответствовало высоким требованиям учебного процесса. Для пополнения бюджета

стройки члены комитета обратились к попечителю Кавказского учебного округа с просьбой «выделить в законодательном порядке сумму, необходимую для осуществления намеченной задачи» (Циркуляр, 1914: 26). Попечитель Н.Ф. Рудольф поддержал эту идею, но ответил, что поскольку бюджет Кавказского учебного округа на два года вперед уже утвержден, то деньги будут отправлены в Нальчик при положительном решении вопроса только через три года. Для снижения расходов он предложил сосредоточиться на возведении учебного корпуса, а строительство вспомогательных помещений отложить.

В этот критический для стройки момент председатель Строительного комитета Д.Д. Мучкапский обратился к «Уполномоченным» народов с просьбой о взносе 24 000 руб. Несмотря на отсутствие средств, «Съезд уполномоченных» постановил дать запрашиваемую сумму. Но и этих средств было мало, поэтому комитет решил отказаться от строительства мечети, бани и водопровода и сосредоточился на возведении главного корпуса. Общие затраты должны были составить 155 043 руб., но реальный расход к октябрю 1913 г. составил 153 048 руб. 27 коп. (Циркуляр, 1914: 29).

Закладка фундамента реального училища в Нальчике началась в апреле 1911 г. и в течение двух лет оно было построено. Контроль за качеством работ осуществляли составитель проекта инженер Н.Н. Семенов, гражданский инженер И.В. Рябкин и инженер-технолог Н.С. Говырин (Торжества по случаю..., 1913).

Архитектор к проекту подошел творчески. Он предлагал не просто общий план и чертежи учебного заведения, а своеобразный кампус с отдельной территорией и расположенными на ней вспомогательными зданиями и сооружениями. Конструируемое здание должно было отвечать общим правилам санитарной гигиены, с одной стороны, и специальным требованиям как заведения строго учебного типа – с другой, при этом учитывалась специфика горского населения, исповедующего ислам.

В основу строительства здания был положен ряд принципов. Во-первых, все помещения делились на публичные и частные. Во-вторых, актовый зал, деловые помещения, канцелярия, кабинет директора и приемная были помещениями общественными, поэтому они должны были располагаться ближе к выходам из училища. В-третьих, классы, ученические помещения, столовая, мастерская и пр. «ни под каким видом» не могли быть отведены «под какие бы то ни было помещения публичного характера» (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 62. Д. 1209. Л. 76).

Вестибюль был спроектирован таким образом, чтобы учащиеся при входе в здание сначала спускались в цокольный этаж, где были размещены «шинельные» (гардеробные. – Авт.) помещения, и по боковым лестницам поднимались в аудитории. Подобное решение было заимствовано архитектором Н.Н. Семеновым из западноевропейской практики.

Реальное училище официально начало работать 1 июля 1909 г., но занятия шли в старом здании. Часть учащихся старших классов Горской школы была переведена в первый и второй классы реального училища. На 1909–1910 учебный год в связи с открытием подготовительного класса количество казенных стипендий было увеличено до 70, чтобы малообеспеченные кабардинцы и балкарцы имели возможность учиться в училище (Саблиров, 2001: 123).

Профессиональный уровень преподавательского состава училища по меркам того времени был высоким. По данным 1910 г., из 11 преподавателей Нальчикского реального училища высшее образование имели 7. Жалованье учителя зависело от образовательного ценза, служебного стажа и классного чина и в целом было достаточным для жизни.

13 июля 1911 года в 12 часов при большом стечении жителей слободы состоялась торжественная закладка здания Нальчикского реального училища. На мероприятие прибыли высокие гости: попечитель Кавказского учебного округа Н.Ф. Рудольф, начальник Терской области генерал-лейтенант А.С. Михеев, директор народных училищ Терской области В.И. Девицкий, жители слободы и соседних аулов, педагогический персонал, учащиеся реального училища.

Законоучитель училища М. Жуков обратился к присутствующим с проникновенной речью: «Как в жизни каждого народа, каждой семьи, каждого человека бывают такие моменты, которые имеют значительное влияние на его судьбу, так и в жизни учреждения тоже бывают важные моменты, дающие ему толчок вперед. Таким моментом для реального училища является постройка нового здания, на закладке которого мы имеем честь присутствовать».

В здании самое главное – фундамент, потому и стараются всегда заложить его как можно основательнее. Что происходит при постройке здания, то же самое бывает и при возведении здания духовного в умах и сердцах юношей, и здесь самое главное – фундамент. Первые камни при постройке этого духовного здания закладываются в семье, школа же дает этим камням определенное место, сцепляет их цементом-знаниями в одну общую, неразрывную связь и продолжает дальнейшее возведение его» (Торжество закладки..., 1911). Пафос слов понятен. Отдав много лет воспитанию детей Нальчикского округа, он понимал значимость идеи перехода от образования начального к среднему. «Главными виновниками начала строительства этого грандиозного здания являются кабардинский и балкарский народы, которые отпустили такую почтенную сумму на его постройку. ...Очевидно, не одна интеллигенция этих народов шагнула много вперед по пути прогресса и культуры, а сделал такие шаги и сам народ, ибо без согласия на то народа не могла ничего сделать и интеллигенция» (ЦГА АС КБР. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 4. Л. 206.-3). Эти замечательные слова

стали лейтмотивом просвещения на многие десятилетия, но без упоминания в советское время автора этих важных слов.

Предложенный тип учебного заведения хорош еще и тем, подчеркивали другие ораторы, что ученики могут получать образование, не отрываясь от родной почвы, от родного народа. Эту мысль через сорок пять лет при обосновании необходимости преобразовать педагогический институт в университет в г. Нальчик повторил Х.М. Бербеков в беседе с руководителем СССР Н.С. Хрущевым (Кузьминов, 2018: 28).

Начальник Терской области заострил внимание присутствующих на том, что затраты на постройку училища оказались высокими, и для получения необходимого результата нужно, во-первых, чтобы этим учебным заведением интересовался весь кабардинский народ, а «не одни малочисленные верхи его»; и, во-вторых, чтобы у училища был устойчивый контингент учащихся. Самым простым и доступным средством для достижения этой цели является открытие возможно большего числа школ. «В каждом ауле должна быть по крайней мере одна школа. Я думаю, что вы приложите все свои старания для осуществления этого, а Его Превосходительство Г. Попечитель Кавказского учебного округа со своей стороны не остановится ни перед чем, чтобы помочь вам в этом деле» (ЦГА АС КБР. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 4. Л. 6об.).

Текст обращения к потомкам с перечислением членов Строительного комитета был прочитан эфенди Т. Шадовым на кабардинском языке, а затем закупорен в герметически закрывающуюся стеклянную банку и замурован в угол здания. Осознавая важность мероприятия, видимо, по решению начальника округа Султан-Бека Касаевича Клишбиева материалы этого праздника были опубликованы (Торжество закладки..., 1911).

Два года напряженной работы под руководством подрядчика инженера А.А. Давришева дали ощутимый результат. 20 октября 1913 г., в день годовщины смерти императора Александра III, состоялось торжественное открытие реального училища. Выступающие подчеркивали, что «кровные средства ваших народов, собиравшиеся в течение долгих лет на дело народного образования, не пропали даром. Это здание, *этот величественный храм науки – плод народных сбережений*. Пройдут года, десятки лет; многих из нас не будет в живых, а здание будет стоять и возвещать потомкам о благородном поступке их предков, не пожалевших средств для создания рассадника науки, так нужного народу именно теперь, когда он начинает приобщаться к семье культурных народов» (Циркуляр, 1914: 23).

Каждый кабардинского народа Алихан Шогенов на кабардинском языке обратился к ученикам: «Помните, дети, кому вы обязаны этим великолепным зданием, этим храмом науки, и дорожите им. Пользуйтесь всеми предоставленными вам удобствами и учитесь, набирайтесь знаний, памятуя, что *ученье – свет, а знание – сила*. ...Учитесь и растите на радость родным, стремясь быть полезными членами своего народа и всего великого государства Российского, *дорога перед вами широко открыта*» (Торжества по случаю..., 1913). С тех пор прошло более ста лет, но как злободневно и остро звучат эти слова сегодня!

В своем выступлении попечитель Кавказского учебного округа Н.Ф. Рудольф доложил высокому собранию, что «по личному докладу Его Сиятельства, Наместника Его Величества на Кавказе, графа И.И. Воронцова-Дашкова, Государь Император в 12-й день октября сего года Высочайше соизволил повелеть именовать реальное училище в слободе Нальчик так: «*Императора Александра III Кабардино-Горское реальное училище в слободе Нальчик*» (Торжества по случаю..., 1914: 24).

5. Заключение

Анализ документальных материалов о развитии просвещения у народов Центрального Кавказа свидетельствует о глубоком понимании горцами необходимости светского образования, причем не только начального, но и среднего. Отсутствие государственного финансирования, чиновничьи препоны не остановили энтузиазм просветителей народа. В 1905 г. было получено принципиальное одобрение проекта кавказской администрации, а с 1908 г. началась планомерная работа по реорганизации Горской школы в реальное училище. Несмотря на финансовые сложности, Строительный комитет училища построил здание в соответствии с высокими требованиями учебного процесса. «Съезд доверенных Кабарды и пяти горских обществ» выделил более 150 тыс. рублей на возведение реального училища в слободе Нальчик, которое служит делу просвещения по сей день.

6. Благодарности

Статья выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Номер гранта № 22-28-00787.

Литература

Абаев, 2007 – Абаев М. Кабарда проснулась // Этюды о Балкарии / Сост. Т.Ш. Биттирова. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 139-140.

Бледных, 2009 – *Бледных Е.В.* Из истории военного образования в Терской области (40–70-е годы XIX века) // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. СПб., 2009. № 119. С. 31-35.

Гатагова, 1993 – *Гатагова Л.С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: Россия молодая, 1993. 143 с.

Кошев, 1991 – *Кошев М.А.* Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 1991. 160 с.

Кузьминов, 2005 – *Кузьминов П.А.* Кавказский научно-исторический Олимп. КЛИО // *Литературная Кабардино-Балкария*. 2005. № 4. С. 127-145.

Кузьминов, 2018 – *Кузьминов П.А. Х.М. Бербеков и становление университетского образования на Северном Кавказе* // *Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии* / Отв. ред. М.Р. Нахаев. Грозный: ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». Махачкала: АЛЕФ, 2018. С. 24-30.

Кумыков, 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 420 с.

Кумыков, 2002 – *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002. 444 с.

НАГ ЦГИА – Национальный архив Грузии. Центральный государственный исторический архив. Ф. 107. Оп. 1. Д. 3735.

Народное образование, 1913 – Народное образование в Терской области // *Терек*. 1913. 6 февраля.

Опрышко, 2020 – *Опрышко О.Л.* Жизни и судьбы: Ученики Кабардино-Горского реального училища. 1909–1920. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2020. 344 с.

Отчет, 1910 – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1909 г. Тифлис, 1910. 197 с.

Прасолов, 2019 – *Прасолов Д.Н.* Просветительские практики и интеллектуальная культура коренного населения Северного Кавказа в условиях имперской модернизации (школьный вопрос на съездах доверенных Нальчикского округа в последней трети XIX – начале XX в.) // *Кавказология*. 2019. № 2. С. 37-54. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-37-54>

ПСЗРИ, 1872 – Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. XLVII. Отд. 1. 1872 г.

РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 886.

Рудольф, 1914 – *Рудольф Н.Ф.* Обзор деятельности Кавказского учебного округа (1908–1912 гг.). Тифлис, 1914. 195 с.

Саблиров, 1989 – *Саблиров М.З.* Первая русская революция и развитие культуры народов Северного Кавказа // *Вопросы истории и историографии Северного Кавказа*. Нальчик: КБГУ, 1989. С. 79-85.

Саблиров, 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. Нальчик: Адыгэ хэку, 2001. 232 с.

Созаев, 2006 – *Созаев А.Б.* Организационная структура по проекту устава горских школ 20 октября 1859 г. // *Литературная Кабардино-Балкария*. 2006. № 4. С. 248-251.

Терская область, 1881 – Терская область // *Кавказ*. 1881. 28 августа.

Торжества по случаю..., 1913 – Торжества по случаю освящения здания Реального училища // *Терские ведомости*. Владикавказ, 1913. 31 октября.

Торжество закладки..., 1911 – Торжество закладки здания для Нальчикского реального училища // *Терские ведомости*. 1911. 21 июля.

Торжество по случаю, 1914 – Торжество по случаю освящения здания Реального училища в слободе Нальчик, Терской области, состоявшееся 20 октября 1913 года // *Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом*. Тифлис, 1914. Год XLVI. № 509. С. 20-37.

Устав о горских школах, 1880 – Устав о горских школах, Высочайше утвержденный 20 октября 1859 г. // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 г. Тифлис, 1880. 474 с.

ЦГА АС КБР – Центральный государственный архив Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

References

Abaev, 2007 – *Abaev, M.* (2007). Kabarda prosnulas' [Kabarda woke up]. Etyudy o Balkarii. Sost. T.Sh. Bittirova. Nal'chik: El'brus. Pp. 139-140. [in Russian]

Blednykh, 2009 – *Blednykh, E.V.* (2009). Iz istorii voennogo obrazovaniya v Terskoi oblasti (40-70-e gody XIX veka) [From the history of military education in the Terek region (40-70s of the nineteenth century)]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. St. Petersburg. 119. Pp. 31-35. [in Russian]

- Gatagova, 1993** – *Gatagova, J.I.C.* (1993). Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. [Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century]. Moscow: Rossiya molodaya. 143 p. [in Russian]
- Koshev, 1991** – *Koshev, M.A.* (1991). Iz istorii prosveshcheniya gortsev Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX v. [From the history of enlightenment of the highlanders of the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries]. Nal'chik: El'brus. 160 p. [in Russian]
- Kuz'minov, 2005** – *Kuz'minov, P.A.* (2005). Kavkazskii nauchno-istoricheskii Olimp. KLIO [Caucasian Scientific and Historical Olympus. CLIO]. *Literaturnaya Kabardino-Balkariya*. 4. Pp. 127-145. [in Russian]
- Kuz'minov, 2018** – *Kuz'minov, P.A.* (2018). Kh.M. Berbekov i stanovlenie universitetskogo obrazovaniya na Severnom Kavkaze [Kh.M. Berbekov and the Formation of University Education in the North Caucasus]. *Kavkazskii mir: problemy obrazovaniya, yazyka, literatury, istorii i religii*. Otv. red. M.R. Nakhaev. Grozny: FGBOU VO «Chechenskii gosudarstvennyi universitet». Makhachkala: ALEF. Pp. 24-30. [in Russian]
- Kumykov, 1965** – *Kumykov, T.Kh.* (1965). Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX v. [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 420 p. [in Russian]
- Kumykov, 2002** – *Kumykov, T.Kh.* (2002). Obshchestvennaya mysl' i prosveshchenie adygov i balkaro-karachaevtsev v XIX – nachale XX v. [Social thought and enlightenment of the Circassians and Balkar-Karachays in the 19th – early 20th centuries]. Nal'chik: El'brus. 444 p. [in Russian]
- NAG TsGIA** – Natsional'nyi arkhiv Gruzii. Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [National Archive of Georgia. Central State Historical Archive]. [in Russian]
- Narodnoe obrazovanie, 1913** – Narodnoe obrazovanie v Terskoi oblasti [Public education in the Terek region]. *Terek*. 1913. 6 fevralya. [in Russian]
- Opryshko, 2020** – *Opryshko, O.L.* (2020). Zhizni i sud'by: Ucheniki Kabardino-Gorskogo real'nogo uchilishcha. 1909–1920. [Lives and Fates: Pupils of the Kabardino-Gorsk Real School. 1909–1920]. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh. 344 p. [in Russian]
- Otchet, 1910** – Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedenii Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1909 g. [Report on the state of educational institutions of the Caucasian educational district for 1909]. Tiflis, 1910. 197 p. [in Russian]
- Prasolov, 2019** – *Prasolov, D.N.* (2019). Prosvetitel'skie praktiki i intellektual'naya kul'tura korenno naseleniya Severnogo Kavkaza v usloviyakh imperskoi modernizatsii (shkol'nyi vopros na s'ezdakh doverennykh Nal'chikskogo okruga v poslednei treti XIX – nachale XX v.) [Enlightenment Practices and Intellectual Culture of the Indigenous Population of the North Caucasus in the Conditions of Imperial Modernization (School Issues at the Congresses of the Trustees of the Nalchik District in the last third of the 19th – early 20th centuries)]. *Kavkazologiya*. 2. Pp. 37-54. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-37-54>. [in Russian]
- PSZRI, 1872** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI) [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. XLVII. Otd. 1. 1872 g. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Rudol'f, 1914** – *Rudol'f, N.F.* (1914). Obzor deyatel'nosti Kavkazskogo uchebnogo okruga (1908–1912 gg.) [Review of the activities of the Caucasian educational district (1908–1912)]. Tiflis, 195 p. [in Russian]
- Sablirov, 1989** – *Sablirov, M.Z.* (1989). Pervaya russkaya revolyutsiya i razvitie kul'tury narodov Severnogo Kavkaza [The First Russian Revolution and the Development of the Culture of the Peoples of the North Caucasus]. *Voprosy istorii i istoriografii Severnogo Kavkaza*. Nal'chik: KBGU. Pp. 79-85. [in Russian]
- Sablirov, 2001** – *Sablirov, M.Z.* (2001). Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v kontse XIX – nachale XX v. [Culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late XIX – early XX century]. Nal'chik: Adyge kheku. 232 p. [in Russian]
- Sozaev, 2006** – *Sozaev, A.B.* (2006). Organizatsionnaya struktura po proektu ustava gorskikh shkol 20 oktyabrya 1859 g. [Organizational structure according to the draft charter of mountain schools on October 20, 1859]. *Literaturnaya Kabardino-Balkariya*. 4. Pp. 248-251. [in Russian]
- Terskaya oblast', 1881** – Terskaya oblast' [Terek region]. *Kavkaz*. 1881. 28 avgusta. [in Russian]
- Torzhestva po sluchayu..., 1913** – Torzhestva po sluchayu osvyashcheniya zdaniya Real'nogo uchilishcha [Celebrations on the occasion of the consecration of the building of the Real School]. *Terskie vedomosti*. Vladikavkaz, 1913. 31 oktyabrya. [in Russian]
- Torzhestvo zakladki..., 1911** – Torzhestvo zakladki zdaniya dlya Nal'chikskogo real'nogo uchilishcha [The celebration of laying the building for the Nalchik real school]. *Terskie vedomosti*. 1911. 21 iyulya. [in Russian]
- Torzhestvo po sluchayu..., 1914** – Torzhestvo po sluchayu osvyashcheniya zdaniya Real'nogo uchilishcha v slobode Nal'chik, Terskoi oblasti, sostoyavsheesya 20 oktyabrya 1913 goda [Celebration on the occasion of the consecration of the building of the Real School in the settlement of Nalchik, Terek region, held on October 20, 1913]. *Tsirkulyar po upravleniyu Kavkazskim uchebnym okrugom*. Tiflis, 1914. XLVI (509). Pp. 20-37. [in Russian]

Ustav o gorskikh shkolakh, 1880 – Ustav o gorskikh shkolakh, Vysochaishe utverzhdennyi 20 oktyabrya 1859 g. [Charter on mountain schools, approved by the Highest on October 20, 1859]. Pamyatnaya knizhka Kavkazskogo uchebnogo okruga na 1880 g. Tiflis, 1880. 474 p. [in Russian]

TsGA AS KBR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki) [Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic].

«Воздвигнут храм наук»: к истории создания реального училища в Нальчикском округе

Петр Абрамович Кузьминов ^{a, b, *}, Светлана Султановна Апажева ^a, Анжела Ариковна Журтова ^{a, b}

^a Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация

^b Научно-инновационный центр «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» КБНЦ РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется становление и развитие светского образования в Кабарде и Балкарии. Освещен процесс трансформации начального образования в среднее в Нальчикском округе Терской области. Обоснованы причины модификации образования, главная из которых заключалась в стремлении народов региона повысить свой уровень образования. В 1880 году было подано первое прошение о преобразовании Горской школы в Нальчике в гимназию или реальное училище, а реализовано оно было только в 1909 г. Для строительства реального училища «Съезд доверенных Кабарды и Балкарии» собрал свыше 150 тыс. рублей, и за два года Строительный комитет построил здание, ставшее очагом знаний и науки в регионе.

Состав учеников Нальчикского реального училища состоял из трех категорий: «казенных», получавших 50 установленных стипендий в 180 рублей в год; «своекоштных», оплачивавших проживание и обучение по 150 рублей в год; «приходящих», проживавших в слободе и оплачивавших обучение по 150 рублей в год. Ученики, не имевшие средств на учебу, получали стипендию от «Кабардинской общественной суммы» по 50, 75, 100 и 150 рублей. Позднее они стали «точками роста» в своих аулах, местах работы. За годы работы реального училища (1909–1920) дипломы об окончании получили сотни кабардинцев, балкарцев, русских, осетин, грузин.

В советское время в нем размещался Ленинский учебный городок, Дворец пионеров, историко-филологический и медицинский факультеты Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. Сегодня в его стенах идет работа по созданию музея «Эрмитаж-Кавказ».

Ключевые слова: горская школа, светское образование, реальное училище, Кабарда, Балкария, строительство, ученики, преподаватели.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: petrakis_hist@bk.ru (П.А. Кузьминов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 853-866
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.853

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Features of Educational Activity in the Journal “Niva” in 1882 (based on the Analysis of Illustrative Material)

Aleksandra A. Sitnikova ^{a,*}, Maria A. Kolesnik ^a, Natalia M. Leshchinskaia ^a, Ekaterina A. Sertakova ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The relevance of this study is related to the interest in the development of visual culture in the press of the Russian Empire in the second half of the 19th century, where there was a turn towards the synthesis of various means for creating images – author's illustrations, reproductions of famous paintings and sculptures, photographs, explanatory diagrams and drawings, and also to the study of the nature and tools of educational activities in Russia in different eras. The study was carried out on the material of the analysis of the 1882 archival filing of the “Niva” journal – one of the most popular illustrated magazines of the second half of the 19th – early 20th centuries. Attention to 1882 is associated with the holding of the Moscow Art and Industrial Exhibition, which expands the range of illustrative material to the level of all-Russian significance. The research methods were quantitative and qualitative content analysis. Based on the results of the study, some areas of educational activities of the “Niva” journal were identified.

Keywords: historical document, “Niva”, thin illustrated journal, culture, enlightenment.

1. Введение

Журнальная иллюстрация является одним из интереснейших феноменов культуры. К изучению иллюстрации XIX века обращаются исследователи из различных областей науки. Традиционно в поле зрения искусствоведов попадают высокохудожественные образцы мастеров, чьи имена являются достоянием мировой художественной культуры. Журналистов иллюстрации интересуют как информационный инструмент. В то же время иллюстрация является важнейшим историческим документом, который может быть интересен историкам, а также стать источником для культурологического исследования.

Целью данной статьи является анализ иллюстраций, представленных в периодическом издании «Нива», как своеобразной формы ведения просветительской деятельности.

В качестве материала для исследования выбраны журналы «Нива», вышедшие в свет в 1882 году. При анализе статей и иллюстраций, опубликованных в них, акцент был сделан на раскрытии особенностей использования иллюстраций как инструмента просветительской деятельности.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источника материалов для исследования была выбрана подшивка журнала «Нива» за 1882 год. Этот год примечателен для исследования тем, что: а) в современных многочисленных научных работах, посвященных деятельности журнала «Нива», он практически не рассматривается; б) в 1882 г. в Москве проводилась XV Всероссийская художественно-промышленная выставка, подробно освещавшаяся на страницах журнала.

* Corresponding author

E-mail addresses: sem_dobrianka@mail.ru (A.A. Sitnikova), masha_kolesnik@mail.ru (M.A. Kolesnik), trognonulia@gmail.com (N.M. Leshchinskaia), sertachok@mail.ru (E.A. Sertakova)

2.2. В качестве основного метода был применен количественный контент-анализ (Koptseva et al., 2016, Degtyarenko et al., 2019), который был необходим для выявления частотного распределения вопросов, поднимаемых на страницах издания «Нива», также в ходе исследования был проведен качественный контент-анализ иллюстративного и сопроводительного текстового материала из раздела «К рисункам» в журнале «Нива» 1882 года. Другими методами исследования выступили: 1) библиографический анализ для изучения иллюстративных техник в журнале, актуальной историко-культурной повестки за 1882 год, освещаемой в журнале, творческих биографий художников, сотрудничавших с журналом «Нива» в это время; 2) искусствоведческий анализ для оценки уровня художественной критики в журнале и художественных качеств иллюстративного материала.

3. Обсуждение

Журналы и газеты дореволюционной России («Север», «Природа и люди», «Научное обозрение», «Енисейские епархиальные ведомости» и т.д.) неоднократно рассматривались учеными как источники исторической информации по разным вопросам (Koptseva, Seredkina, 2021; Koptseva et al., 2021; Kolesnik et al., 2021; Koptseva, Avdeyeva, 2021).

Еженедельный журнал «Нива» пользовался особой популярностью среди читателей. Но и в XXI веке не перестает быть востребованным в качестве исторического документа. Многие отечественные исследователи обращаются к изучению данного издания.

Как часть истории русской журнальной иллюстрации XIX века иллюстрации в журнале «Нива» рассматривает А.Н. Каск (Каск, 2014). Е.Ю. Пушкарская (Пушкарская, 2010) предлагает классификацию иллюстраций журнала и анализирует их в контексте реализации культурно-просветительской функции. Образ художника-путешественника, сложившийся во второй половине XIX века, реконструирует Е.Р. Чуприкова-Крынская (2021), анализируя графические серии Николая Каразина к Амударьинской и Самарской экспедициям 1874 и 1879 годов, представленные в журнале «Нива».

Иллюстративные и текстовые материалы журнала представляют интерес для исследователей в области истории искусства (Лоцилов, 2015; Холодных, 2016; Доронина, 2019; Разумовская, 2021; Елепова, 2021).

Во многих исследованиях «Нива» рассматривается в качестве исторического документа (Пархоменко, 2013; Силакова, 2017; Кузьмина, 2017; Наумова, 2021; Брызгалова, Иванова, 2021). Например, ученые анализируют журнальные статьи в контексте осмысления особенностей русского быта различных сословий XIX века (Хван, 2016).

Также журнал «Нива» многими авторами изучается как памятник литературной истории (Симченко, Проскурнин 2017; Михайлова, 2017).

Как источник антропологических материалов журнал «Нива» представлен в статьях (Каменских, 2014). Автор, опираясь, в том числе и на статью «Корейцы в русской школе» из № 10 журнала «Нива» от 1905 года, исследует историю российских корейцев с момента переселения в Российскую империю. Образ китайцев и Китая по материалам журнала «Нива» анализируют Авдашкин, Раева, Сибиряков (Avdashkin et al., 2021).

Таким образом, можно заключить, что журнал «Нива» современными учеными изучается, во-первых, в целом как научно-просветительский журнал, рассчитанный на широкую публику; во-вторых, изучаются отдельные публикации – статьи в качестве источника исторически значимой информации; в-третьих, отдельного внимания и исследований удостоиваются иллюстрации журнала в содержательном плане (как фиксация определенных событий, знаний, как форма просветительской деятельности).

Актуальность настоящего исследования заключается в целостном анализе иллюстраций, опубликованных в журнале «Нива» 1882 года, с целью выявления специфики культурно-просветительской деятельности в Российской империи второй половины XIX века.

4. Результаты

Во второй половине XIX столетия в России возрос интерес к периодической печати. Журнал стал важным объектом информации: во-первых, в нем достаточно оперативно освещались события, во-вторых, информация подавалась более подробно и осмысленно, чем в газетных выпусках. Несмотря на ряд затруднений, с которыми сталкивалась частная издательская деятельность в России, появились популярные журналы, оказывающие существенное влияние на развитие социального и культурного просветительства в государстве. Тонкий иллюстрированный журнал «Нива» особенно полюбился подписчикам. Его формат еженедельного издания формировал устойчивую привычку чтения, а иллюстративный материал придавал легкость и образность в восприятии информации, значительно расширяя регулярно читающую аудиторию, следящую за повесткой в мире и стране.

Идеолог и основатель «Нивы» Адольф Федорович Маркс (1838–1904) еще до запуска журнала провел значительную работу по изучению читающей публики, его интересовали вкусы и запросы современников. Он выяснил, что особым спросом пользуются иллюстрированные журналы, материалы которых скрашивали досуг и расширяли кругозор читающего. Поэтому Маркс создавал журнал «вне политики и вне полемики», ориентируя его на формирование культурного,

образованного, добропорядочного члена общества. Его замысел удался: издание «Нивы», впервые вышедшее в тираж 18 декабря 1869 года в Петербурге, стало «просветителем русского народа», сформировав среднюю публику, столь важную для российской литературы. Даже несмотря на то, что издание было коммерческим, его репутация среди общественности была весьма высока.

Редакторами «Нивы» в разное время были В.П. Клошников, Ф.Н. Берг, М.Н. Волконский, Д.И. Стахеев, А.А. Тихонов, Р.И. Сементковский, В.Я. Светлов. Все они придерживались в работе ключевых принципов издания: научности, популярности, занимательности, доступности и разнообразия материалов. В соответствии с ними «Нива» имела ряд разделов: от литературных новинок и освещения выставок и театров до научных статей по географии, истории, этнографии и т.д.

Организация материалов в журнале «Нивы» была следующей: в начале публиковалась беллетристика, затем сообщения научно-популярного и познавательного толка, «смесь» предполагала развлекательное и познавательное содержание. Иллюстрации печатались в каждом номере как обязательный компонент. Они были важнейшим элементом структуры издания: располагаясь на одних и тех же страницах, они организовывали текст, формируя архитектурный остов «Нивы». Изначально это были репродукции картин западноевропейских художников, но вскоре появились отечественные работы. Данные иллюстрации были отпечатаны с помощью гравюры на дереве, чуть позже с помощью автотипии. К сотрудничеству привлекались талантливейшие художники. Фотографии использовались для более наглядного освещения событий и знакомства с известными современниками. Также в «Ниве» активно применялась техника политипажа. Репродукции шли также как «премии» к журналу. И для большинства подписчиков это давало возможность соприкоснуться с настоящим искусством, учиться рисунку, открывать новое, заниматься самообразованием в тех уголках страны, в которых не было возможности выписывать книги.

Содержание материалов на страницах журнала было энциклопедичным, разнохарактерным, но равнозначным. Оно было интересно разноплановой семейной аудитории – и по возрасту, и по социальному статусу, и по интересам. Даже логотип издания символически отражал задачи журнала – развитие семьи как части общества через просвещение и труд.

Верстка журнала была простой. Текст располагался в два столбца, иногда его перемежали иллюстрации, визуализирующие содержание. Рекламные объявления были представлены небольшими блоками на разных уровнях, чтобы не привлекать к себе слишком много внимания.

С 1891 года к журналу стали прилагаться бесплатные приложения: собрания книг, выкройки, художественные альбомы и т.д. Из-за этого даже появилась мысль, что скорее сама «Нива» стала приложением к книгам и прочим полезным материалам.

В целом журнал издавался 48 лет (1869–1918) по 52 выпуска в год, кроме 1918, где было издано только 36 номеров. Каждый год количество подписчиков увеличивалось, а огромные тиражи быстро распродавались. Тиражи «Нивы» доказали, что в России появляется книжный рынок и расширяется слой образованных и культурно-просвещенных граждан.

4.1. Контент-анализ иллюстраций журнала «Нива» за 1882 год

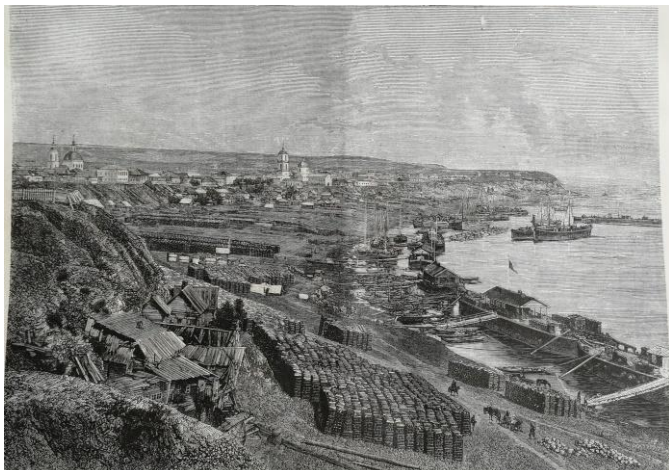
В результате изучения иллюстративного материала и сопроводительных текстов в разделе «К рисункам» подшивки журнала «Нива» за 1882 год (52 номера) были выявлены следующие направления просветительской деятельности, которая велась на страницах журнала:

Знаменитости. На обложках чаще всего представляли портреты с фотографий знаменитых людей России и мира. Так, в 1882 году 31 обложка из 52 знакомила читателей со знаменитыми личностями, из них на 19 обложках были представлены портреты отечественных выдающихся личностей, а на 12 – иностранных. Чаще всего (16 раз) на обложках «Нивы» за 1882 год появлялись портреты представителей культуры: художников, артистов драматических и оперных театров, пианистов, дирижеров, драматургов, поэтов, писателей и просветителей. Поводы для выбора личности, изображенной на обложке, могли быть разные – известие о смерти, зрительский успех на выставках и концертах, модные веяния (персона, произведения или выступления которого обсуждал весь Санкт-Петербург). Также публиковались портреты важных чиновников (на обложках 7 номеров), где читателей информировали об их назначении на пост и кратко характеризовали, позволяя понять, каких политических действий можно ожидать от руководства этой личности. Особое внимание на обложках журнала уделялось царствующим особам – русской императорской семье и зарубежным королевским семьям: так, в 1882 году Санкт-Петербург переживал за здоровье великой княгини Марии Павловны, обсуждал покушение на жизнь королевы Англии Виктории, отмечал визит в Санкт-Петербург князя Николая I Черногорского и праздновал 25-летие свадьбы князя Михаила Николаевича и княгини Ольги Федоровны. Персонами на обложке журнала также могли являться выдающиеся ученые (4 обложки): некролог Ч.Р. Дарвина и М.И. Богдановича, заслуги хирургов Н.В. Склифосовского и К.К. Рейера и возвращение в столицу путешественника Н.Н. Миклухо-Маклая.

Российские провинции. На страницах журнала можно было увидеть фотографии или рисунки с изображениями провинциальных российских городов (панорамы центральных площадей, соборов, общие виды), типичные пейзажи российских регионов и краткие очерки о них с характеристикой жизни в этих краях. Так, в 1882 читателей познакомили с видами Печорского края, Перми, Закаспийского края, Саратова, Астрахани, городов Вольска в Саратовской губернии, Троице-

Савска в Забайкальской области, Верхнеудинска в Восточной Сибири, Камышина на Волге; Черной могилой в Чернигове; достопримечательностями Казани, Пскова, Новгорода, Саратова; золотыми приисками в Сибири; транспортировкой преступников через р. Енисей. В дополнение к общим видам российских провинций часто появляются на страницах «Нивы» рисунки с изображениями крестьян и простого люда из разных регионов, существует раздел «Русские типы», где представляют охотников, торговцев, женщин с детьми. Очевидно, что издатели журнала были ориентированы на идеализированное изображение достоинств жизни простых людей в Российской империи.

Рис. 1. Вид города Камышина с Волги. С фотографии П. Пятницкого. Журнал «Нива», № 47, 1882 год, стр. 111б. Из личного архива авторов

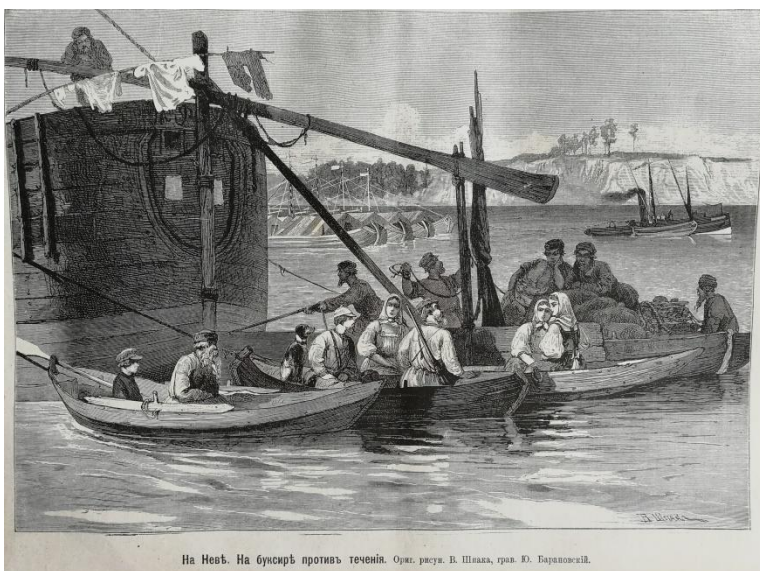
Зарубежные достопримечательности. Более интенсивно и часто «Нива» знакомит читателей с зарубежными видами и достопримечательностями, прежде всего с видами европейских городов, а также регионов Кавказа и Закавказья. В 1882 году на страницах журнала появились иллюстрации и фотографии путешественников, художников-этнографов: художник А.Д. Кившенко занимался творческой работой в Нормандии и присылал жанровые сцены из жизни нормандских рыбаков и рыбачек; вид горы Олимп в Греции с рассказом о современном отношении греков к священному месту; фотография восхождения на пирамиду в Египте; достопримечательности Бельгии. Художник-этнограф профессор Зверина представил в своих рисунках Албанию и Румынию. Ряд иллюстраций изображал уникальные греческие монастыри на скалах и в пещерах. Фотографии показывали бытовые сцены (приготовление пищи) у исландских гейзеров, виды города Вифании, Мекку во время хаджа, новый музей в Тифлисе, Парижскую ратушу, замки вдоль Рейна, старинную церковь в Норвегии, виды Константинополя, Хрустального дворца в Сиденгеме в Лондоне (перенесен с Международной промышленной выставки), фотографии города Баку и некоторые другие. Отметим, что в этом разделе чаще всего издатели пользовались фотографическими материалами и реже иллюстрациями специальных корреспондентов-путешественников. Так же, как и виды российских провинций, виды зарубежных городов и достопримечательностей соседствуют с жанровыми сценами из жизни крестьян и простых людей Нормандии, Исландии, Румынии, Албании и других стран.

Жизнь Санкт-Петербурга. Обязательно в номерах журнала отражались знаковые события из текущей жизни Санкт-Петербурга, которые особенно волновали местных читателей. В 1882 году жизнь города представлена такими иллюстрациями, как современные яхты в петербургском яхт-клубе (включая уникальные яхты для скольжения по льду), разнообразие зимних видов транспорта в Санкт-Петербурге; надгробия в Александро-Невской лавре; блистательная работа пожарной бригады города торжественно изображена на рисунке Н.Н. Каразина; новые городские скотобойни с высоты птичьего полета; общий вид города со стороны Морского канала с северной дамбы по специальному заказу Н.Н. Каразину; городской зоологический сад и новые животные в саду; столетие открытия памятника Петру I; пожар на Крестовском острове; вид Нового адмиралтейства с Невы; сентиментальный рисунок К.И. Голембиовского с изображением бездомных на берегу Невы и призыв к благотворителям помогать лишенным кровом детям. Также ряд иллюстраций посвящен изображению жизни простого народа – на Неве: рыбаков, людей в лодках на буксире – их создал художник В.С. Шпак. Большинство иллюстраций этого раздела было создано специальными художниками «Нивы» – Н.Н. Каразиным и П.П. Гнедичем.

Въ Румынской степи. Пастухи. Ориг. рис. для «Нивы» профессора Зверина, 1870. М. Румчовскій.

Рис. 2. В Румынской степи. Пастухи. Оригинальный рисунок для «Нивы» профессора Зверины. Журнал «Нива», № 28, 1882, стр. 661. Фотография из личного архива авторов

На Невѣ. На буксирѣ противъ теченія. Ориг. рисун. В. Шпака, грав. Ю. Барановскій.

Рис. 3. На Неве. На буксире против течения. Оригинальный рисунок В. Шпака. Журнал «Нива», № 42, 1882 год, стр. 997. Фотография из личного архива авторов

Актуальная общественно-политическая повестка. Обязательно на страницах журнала появлялись иллюстрации и фотографии событий, которые обсуждали весь мир или российское общество. Такими событиями были значимые политические и военные действия, катастрофы и ужасные происшествия. В 1882 году повесткой становились покушение на жизнь королевы Англии Виктории; убийства политиков в Ирландии (на фоне политических беспорядков в Ирландии появляется иллюстрация «Как ездят на бал» в № 30, где представлены девушки, соскучившиеся по балам и светским развлечениям, но вынужденные брать с собой вместе с веерами револьверы), бунты в Египте против английских «цивилизаторов», геологические изыскания для строительства тоннеля под Ла-Маншем, появление и развитие электрических железных дорог в мире, развитие технических изобретений того времени и перспективы их применения в России – закрепление телефонных проводов на крыше в Санкт-Петербурге (№ 20), строительство воздушного корабля «Россия» О.С. Костовича (№ 22). Одна из крупных катастроф 1882 году проиллюстрирована в 29 номере журнала Н. Каразиным по наброску участника трагедии – «Крушение поезда на Московско-Курской железной дороге 30 июня». Особенно пристально общество интересовалось северными морскими плаваниями, которые часто заканчивались страшными трагедиями экипажей: в 8 номере были помещены фотографии корабля «Жанета», Георга Мельвилля и лейтенанта де-Лонга с изображением «Жанеты», застрявшей во льдах и айсбергах на севере, и высадившихся в три лодки членов экипажа,

за поиском членов экспедиции еще долго следили журналисты всего мира (в 9 номере на обложке – «Возок корреспондента New York herald на розысках «Жанеты», рисунок Н. Каразина), а сама история тщательно освещалась на страницах журнала «Нива». В 20 номере была представлена фотография австрийских наблюдательных полярных станций, обозначивших новый вектор освоения Северного полюса через создание постоянных станций для метеорологических наблюдений вместо плаваний по открытию проходов для северных морских торговых путей. В № 46 представлена гравюра с картины Дж. Кольера «Последняя экспедиция Гудзона», где изображена высадка английского мореплавателя, открывателя одноименного пролива, в 1611 с корабля «Дискавери» взбунтовавшимися моряками на шлюпку. Комментарии к изображению дают понять, что интерес к подобным сюжетам также вызван вниманием общества к поискам команды корабля «Жанета».

Катастрофа в ночь на 30 июня на Московско-Курской железной дороге.
По наброску спасшегося пассажира г. Алексеева, рис. Н.Н. Каразин.

Рис. 4. Катастрофа в ночь 30 июня на Московско-Курской железной дороге. По наброску спасшегося пассажира г. Алексеева, рис. Н.Н. Каразин. Журнал «Нива», № 29, стр. 689. Фотография из личного архива авторов

Праздничные иллюстрации. Ряд иллюстраций посвящен ежегодным праздникам. В первом номере журнала иллюстрации представляют собой открытки к Новому году, визуализацию положительных ожиданий от наступающего Нового года. Номера 12 и 13 насыщены копиями картин на религиозную тему – «Снятие с креста», «Положение во гроб», «Воскресение Христово» и др., что приурочено к пасхальным празднованиям. Здесь появляются иллюстрации в специальном стиле от Н. Каразина, где в виде силуэтов изображены основные события, которые происходят в России на Пасху. В подобной технике художник исполнил рисунки к масленичным гуляниям (№ 6). Журнал № 52, последний в 1882 году, наполнен рождественскими иллюстрациями – в первую очередь об ожидании новогодней елки и подарков.

Литературный альбом. Поскольку основная просветительская деятельность журнала была связана с публикацией литературных произведений, то в нем также постоянно иллюстрировались литературные произведения. Иллюстрации к произведениям, чаще всего русских писателей и поэтов, появлялись в специальной рубрике «Литературный альбом», для которого создавали работы лучшие художники журнала «Нива».

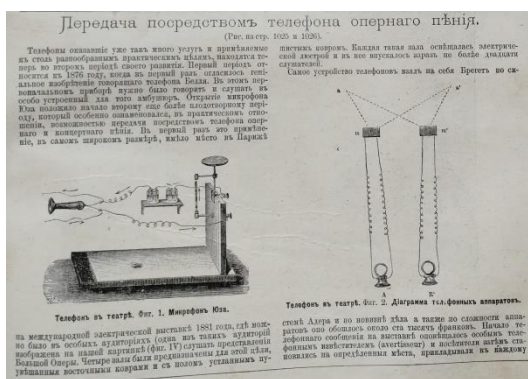
Сценки из жизни людей прошлых веков. Многие иллюстрации в журнале «Нива» показывали жизнь людей в далекие времена, например в эпохи Античности и Средневековья. Весьма популярными на страницах «Нивы» в 1882 году были иллюстрации на тему бытовой, повседневной жизни в Древней Греции: «Коттабость (игра)» (игра с переплескиваниями остатков вина) по картине Сципиона, «Гречанка, расписывающая вазу» (рис. Г. Амориса) и др. Журнал сотрудничал с ведущими мастерами Академии художеств, которые почитали античную традицию в искусстве: художественные сюжеты в «Ниве» сочетают внимание к античности как родине искусств и смещение акцента с мифологической и высокой истории Древней Греции на повседневную жизнь древних греков.

Рис. 5. Гречанка, расписывающая вазу. С картины Г. Амореса. Журнал «Нива», № 28, 1882 год, стр. 467. Фотография из личного архива авторов

Научные иллюстрации. Отдельно выделяются иллюстрации последних научных открытий, рисунки и инструкции по проведению простых научных опытов в домашних условиях. Зачастую авторство данных научных зарисовок не указывалось. В 1882 г. были представлены научные открытия в области усовершенствования фотографии (возможность делать качественные снимки при лунном освещении); опыт с поднятием графина, наполненного водой, с помощью соломинки; изобретение аудиофонов и различных устройств для проигрывания музыки; комнатная лампа Т. Эдисона и др.

Рис. 6. Передача посредством телефона оперного пения. Журнал «Нива», № 43, 1882 год, стр. 1025. Фотография из личного архива авторов

Московская промышленно-художественная выставка. Поскольку в 1882 году в Москве проводилась масштабная Всероссийская выставка – смотр достижений в художественном деле и промышленности Российской империи, где каждый промышленник и делец постарался представить свои товары, продукты, изобретения, произведения искусства и т.п. в искусно оформленных павильонах, то освещение этой выставки занимало значительную часть контента «Нивы». Первые новости о выставке появляются в журнале в № 21 и продолжают освещаться до № 43. Поначалу рисует общие виды и павильоны выставки специальный корреспондент «Нивы» Н.Н. Каразин, демонстрируя свою невероятную продуктивность и скорость работы, впоследствии к работе над освещением выставки присоединяются фотографы, работающие по заказу журнала, Шерер и Набголец, благодаря которым появились изображения военных и промышленных павильонов, снятые в сложных ракурсах, позволяющих внимательно изучить экспонаты в павильонах.

Рис. 7. Московская художественно-промышленная выставка. I группа. Художественный отдел. Фотография Шерера и Набгольца. Журнал «Нива», № 37, 1882, стр. 868. Фотография из личного архива авторов

4.2. Оценка художественных качеств иллюстраций и критики в журнале «Нива» за 1882 год

Иллюстративный материал, безусловно, был главным достоинством «Нивы», высокие художественные качества которого обеспечили успех журнала у читателей. Как уже было отмечено, он сотрудничал с мастерами Академии художеств, имел собственных художников-корреспондентов, создававших интересный визуальный контент для журнала. Возможность получать прекрасные иллюстрации были главным мотивом для подписчиков «Нивы»: журнал придумал для них ежегодную премию – вкладыш-приложение с цветной иллюстрацией.

Много работал с журналом художник Николай Николаевич Каразин, известный в то время иллюстратор, а также автор нескольких батальных произведений. Наиболее привлекала художника тематика, связанная с представлением быта и современных событий жителей Средней Азии, чему способствовало то, что он пребывал на военной службе в Туркестане, там же участвовал и в научных экспедициях. Особую ценность его работы представляют с точки зрения этнографической точности: детально переданы костюмы, прически, типы людей, род их занятий. Известен художник и как автор иллюстраций к произведениям выдающихся русских писателей, таких, например, как А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь.

Петр Петрович Гнедич публикует в журнале свои рассказы, создает иллюстрации для «Литературного альбома» и из жизни Санкт-Петербурга.

Ральф Федорович Штейн, помимо иллюстрирования произведений русских писателей, обращался и к русскому фольклору, создавая сказочные образы.

На страницах журнала появлялись и копии произведений русских художниц. Среди них можно отметить пейзажи Пелагеи Петровны Куриар, создавшей в Санкт-Петербурге «Первый дамский художественный кружок» («На взморье», № 42).

Особое внимание в журнале «Нива» уделяется русским картинам на историческую тему: печатаются картины, привлечшие внимание зрителей на выставках в Академии художеств, картины участников конкурсов Академии художеств: «Военный совет в Филях» А.Д. Кившенко (№ 1), «Святой Сергей благословляет князя Дмитрия Донского перед Куликовской битвой» А.Н. Новоскольцева (№ 4), «Юный Петр I у корабельного мастера» Н. Мясоедова (№ 10), «Великий князь Московский Симеон осматривает работы иконописцев» В.М. Васнецова (№ 11), «Петр I в Сорбонне перед памятником кардинала Ришелье (1717) в Париже» с Московской художественно-промышленной выставки Ю.С. Бонч-Томашевского (№ 22), «Свержение ига Татарского. Иоанн III и послы хана Ахмата (1480)» Ф.Ф. Бухгольца (№ 23), «Смерть Ивана Нарышкина» с Московской художественно-промышленной выставки А.И. Корзухина (№ 30) и др. При публикации произведений выбор редакции всегда останавливается на выдающихся произведениях, которые были высоко оценены критиками и зрителями, поэтому в комментариях преимущественно появляются хвалебные отзывы о работе художников, редко комментаторы картин оценивают работу с точки зрения композиции, пропорций и других исключительно художественных качеств, чаще картина становится предлогом для того, чтобы описать значимое событие из истории России и эмоциональные переживания участников события, изображенных на картине. Редко встречается легкая критика: например, на картину А.И. Корзухина в № 30 на стр. 716: «На московской выставке в художественном отделе обращают на себя внимание публики две картины талантливого художника А.И. Корзухина «В монастырской гостинице» ... и другая, историческая, «Смерть Ивана Нарышкина».

Мы указывали ... на мастерство Корзухина как художника-реалиста, на меткость его типов, чрезвычайную добросовестность работы, теплое отношение к предмету и тонкий душевный юмор его бытовых картин. Теперь, настоящей картиной А.И. Корзухин перешел в область исторической живописи и нельзя не сказать, что едва ли это его род. Для этого рода живописи нужно более, может быть, глубокое изучение, другой подъем мысли и воображения, более свободный и широкий или, лучше сказать, просто особого рода талант».

Рис. 8. Московская промышленно-художественная выставка. «Смерть Ивана Ныршкина». Картина А.И. Корзухина (из романа Вс.С. Соловьева «Царь-девица»). Журнал «Нива», № 30, стр. 700-701. Фотография из личного архива авторов

Часто в журнале печатаются работы выдающихся мастеров живописи. Так, помимо работ В. Васнецова, в 1882 году, как и в предыдущие годы, на страницах «Нивы» публиковались картины В. Верещагина, которые получили признание не только российской публики, но и европейской. Собственно, успех картин В. Верещагина на выставках за рубежом и становится причиной внимания к этим произведениям в журнале, хотя комментаторы картин вскользь дают неоднозначную оценку работ художника: сомнения вызывает стремление художника запечатлеть непарадную сторону войны. В 1882 году в «Ниве» были опубликованы следующие работы В. Верещагина: «Шпион» (№ 2), «Башибузуки» (№ 9), «Павшие на поле чести» (№ 19), «На Шипке» (№ 19). В № 19 на стр. 451 дан комментарий: *«Мы продолжаем помещать серию превосходных копий с картин нашего талантливого художника В.В. Верещагина, которые теперь на европейских выставках делают такой фурор. На этот раз мы даем две из его коллекции сцен последней русско-турецкой войны. Всем еще памятливы те споры, которые вызвали эти картины в среде нашего общества и печати, когда одни, преувеличенно восхваляя даровитого художника, ставили ему в особое достоинство не только реализм и правду его изображений, а именно такое отношение к нашей войне, за которое укоряла художника противная сторона, говоря, что ни в одной стране, ни один художник не позволил бы себе выставлять картины, где его соотечественники-герои представлены в такие моменты...».*

В целом копии с выдающихся картин, опубликованные в журнале «Нива», позволяют сегодня увидеть баланс между модными интересами публики конца XIX века, внимание которой зачастую было обращено к картинам интересным, но не вошедшим в коллекцию выдающихся картин в истории искусства, и произведениями искусства, сохранившимися в веках, не утратившими своего значения сегодня.

Помимо живописных произведений, на страницах журнала «Нива» в 1882 году публикуются репродукции произведений скульптуры: например, «Борьба со львом в римском цирке» – бронзовая группа немецкого скульптора Макса Клейна служит предметом для рассуждения о жестоких нравах римского цирка, где людей на потеху зрителям могли отдавать на растерзание диким животным, хотя современные информационные источники позволяют установить, что данная группа называется «Геракл и Немейский лев», то есть иллюстрирует другую, мифологическую, историю (надо отметить, что подобные неточности в наименованиях и интерпретациях иногда встречаются на страницах «Нивы»); «Диана», скульптура Г. Торнигрофта; «Классическая поэзия» скульптора Э. Гофмана; «Статуя Скобелева по модели Лансере» (с фотографии) и др. Особенно примечательной среди репродукций со скульптурами в 1882 году представляется копия с рельефа Антонио Фабреса

«XIX век» в № 40, где представлено символическое изображение текущего века, саморефлексия человека XIX века, комментарий на стр. 954 раскрывает его смысл: *«Художник задался трудною задачей – изобразить Гения нашего практического, делового века. Все прежние эмблемы и изображения к нему не подходят. Жизнь его не так романтична и картинна, как жизнь предыдущих, – это деловая, торопливая, лихорадочно-деятельная, нервная жизнь – это век великих изобретений и открытий, блестящих их практических применений, применений часто гигантских и поражающих своим значением. И вот талантливый художник изображает Гения нашего века с ужасающей быстротой, стремглав несущегося отважно «все вперед». Железнодорожное колесо, окутанное дымом паровоза и искрами, вертится безостановочно; рука Гения торжественно вздымается к небу, обернута телеграфной проволокой, и он как бы с гордостью показывает атрибуты таинственной, величайшей силы, подчиненной себе нашим веком, – электричества».*

XIX век. Рельеф Антонио Фабреса, из фотоп. грав. Савина.

Рис. 9. XIX век. Рельеф Антонио Фабреса. Журнал «Нива», № 40, 1882, стр. 940-941. Источник изображения: архив журнала на портале www.runivers.ru

Наконец, значимую часть иллюстраций в «Ниве» занимают бытовые сценки, сентиментальные сценки из семейной жизни, любовные истории: например, «Красавица» Ф. Лейтона (№ 3), «Маленькая шалунья» М. Мая (№ 5), «Бабушка и внучка» К. Трутовского (№ 7), «Брат и сестра» Цорна (№ 7), «Молитва матери» Т. Розенталя (№ 17), «Идет поздравить» К. Бекера (№ 21) и др. Комментарии к таким картинам далеки от искусствоведческих характеристик и оценок – это всегда вольное рассуждение автора комментария на представленную тему, автор художественно описывает эмоциональные переживания персонажей и додумывает сюжеты, которые совершенно не представлены на рисунках. Весьма показателен комментарий к репродукции с картины Л. Турнера «За кулисами цирка» в № 29 на стр. 693: *«Большая разница, как держат себя артисты на сцене и за кулисами в театре, перед полотном и за полотном в цирке... Тут же и мисс Адель, любимица публики, пьет чай, который ей приготовил ее муж, мистер Тотот, представляющий настоящего краснокожего. (...) Чтобы узнать артиста в действительности недостаточно бывать за кулисами. Только придя к себе домой, сняв слой белил и освободив уставшее тело от мишуры, домой, куда не проникает никто из посторонних, тут только он становится самим собою. (...) А краснокожий у себя на дому, пожалуй, и поьет свою жену – любимицу публики. При посторонних ему нужно быть с нею нежным, а то найдутся лица, которые, пожалуй, захотят избавить ее от такого мужа».*

Рис. 10. За кулисами цирка. По картине Л. Турнера. Журнал «Нива», № 29, 1882 г., стр. 684-685. Фотография из личного архива авторов

5. Заключение

В результате исследования иллюстративного материала и текстового сопровождения к нему в рубрике «К рисункам» журнала «Нива» за 1882 год было установлено следующее:

1. Журнал «Нива» представляет собой яркий пример становления визуальной культуры во второй половине XIX века, где новые технологии – фотография, гравировальные техники, печатные станки для тиражирования иллюстраций – позволяют значительно увеличить количество визуальной информации, запустить процесс превращения изображений в самодостаточный источник информации.

2. В журнале «Нива» выделены следующие виды иллюстраций: портреты знаменитых людей, преимущественно деятелей культуры и искусства; виды российских провинциальных городов и сценки из бытовой жизни людей регионов Российской империи; европейские достопримечательности; жизнь Санкт-Петербурга; актуальная общественно-политическая повестка; картины русских художников – победителей конкурсов Академии художеств, прославленных мастеров Академии художеств, художников, чьи картины пользовались успехом у критиков и зрителей на российских и зарубежных выставках. Издатели отдавали предпочтение картинам исторического жанра, жанровым и сентиментальным картинам русских и зарубежных художников; рисункам к праздникам; зарисовкам научных опытов и технических изобретений. Данные разделы отражают характер просветительской деятельности на страницах «Нивы».

3. В 1882 году в журнале освещалась Московская промышленно-художественная выставка как центральное событие в искусстве, торговле и производстве Российской империи. Павильоны выставки, зарисованные специальным корреспондентом «Нивы» Н. Каразиным и сфотографированные по заказу «Нивы» Шерером и Набгольцем позволяли познакомиться с продукцией, культурными, военными и техническими достижениями Российской империи этого времени.

4. Своеобразие текстовых комментариев (художественной критики) на страницах «Нивы» заключается в том, что редакция печатала в журнале только признанные критиками и зрителями произведения искусства, поэтому критическая оценка работ художников здесь практически отсутствует; художественные иллюстрации и комментарии лишь тематически связаны друг с другом: рисунки географических мест становятся поводом для рассказа о нравах и обычаях жизни в этих местах, сентиментальные картинки – поводом для написания коротких рассказов о возможных мыслях и чувствах персонажей и т.п.

Литература

Брызгалова, Иванова, 2021 – Брызгалова Е.Н., Иванова И.Е. Всемирная выставка в Париже (1900 г.) на страницах русской прессы // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»*. 2021. № 1. С. 151-159.

Доронина, 2019 – Доронина Т.В. К вопросу о прототипах и копиях-вариациях в малой пластике второй половины XIX века. Скульптор В.Я. Грачев // *Артикульт*. 2019. 4 (36). С. 57-73.

Елепова, 2021 – Елепова М.Ю. И.Э. Грабарь и С.П. Дягилев: творческий диалог «мирискусников» / К 150-летию со дня рождения Игоря Эммануиловича Грабаря (1871–1960). 2021. С. 31-38.

- Каменских, 2014 – Каменских М. Корейцы Прикамья: 110 лет на Пермской земле // *Родина*. 2014. № 3. С. 120-121.
- Каск, 2014 – Каск А.Н. Русская журнальная иллюстрация XIX века: методика систематизации // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2014. 4. С. 22-40.
- Кузьмина, 2017 – Кузьмина Е.В. Структурный анализ речей Николая II // *Язык и текст*. 2017. Т. 4. № 3. С. 35-52.
- Лоцилов, 2015 – Лоцилов И.Е. «Пляска свав» и открытки на смерть Льва Толстого. Две заметки // *Культура и текст*. 2015. № 1 (19). С. 85-99.
- Михайлова, 2017 – Михайлова С.В. Издания художественной литературы из фонда редких и ценных книг библиотеки ЧИ БГУ // *Научный вестник Байкальского государственного университета*. 2017. С. 89.
- Наумова, 2021 – Наумова Н.А. Персия в последней трети XIX – начале XX века: международные отношения с соседними государствами // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2021. Т. 10. № 3. С. 135-145.
- Пархоменко, 2013 – Пархоменко В. «Прощайте, дорогие родители, я еду оборонять Россию». Юные добровольцы на фронтах Первой мировой // *Родина*. 2013. № 8. С. 142-145.
- Пушкарская, 2010 – Пушкарская Е.Ю. Значение иллюстрации на страницах журнала «Нива» // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2010. № 3. С. 132-134.
- Разумовская, 2021 – Разумовская О.Н. Картины русских художников в журнале «Нива» // *История Петербурга*. 2021. № 2 (83). С. 89-97.
- Силакова, 2017 – Силакова Д.В. Трансформация образа монархической России и Николая Второго в журнальной периодике: от «Нивы» до «Красной нивы» // *Известия Регионального финансово-экономического института*. 2017. № 1. С. 10-10.
- Симченко, Проскурнин, 2017 – Симченко Л.М., Проскурнин Б.М. «Защитник человечности» в «Стране свободных институтов»: отклик русских журналов 1870-х гг. на смерть Чарльза Диккенса // *Филология и культура*. 2017. № 2 (48). С. 185-192.
- Хван, 2016 – Хван К.Е. Еженедельный журнал «Нива» о быте, нравах, интересах русского общества на рубеже XIX–XX вв. // *Символ науки*. 2016. 4-4. С. 77-85.
- Холодных, 2016 – Холодных Г.В. Иллюстрации М. Зичи к «Тарасу Бульбе» и дореволюционные народные издания повести Н.В. Гоголя // *Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития*. 2016. С. 173-179.
- Чуприкова-Крынская, 2021 – Чуприкова-Крынская Е.Р. Графические серии Николая Каразина к Амударьинской и Самарской экспедициям 1874 и 1879 годов // *Обсерватория культуры*. 2021. Т. 18. № 4. С. 378-389.
- Avdashkin at al., 2021 – Avdashkin A.A., Rayeva T.V., Sibiryakov I.V. The Image of China and the Chinese in Late Imperial Russia (based on Materials from the “Niva” Journal) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1898-1909.
- Degtyarenko et al., 2019 – Degtyarenko K.A., Metlyaeva S.V., Pchelkina D.S., Fil'ko A.I., Shpak A.A., Khrebtov M.Ya., Shimanskaya K.I. Overview of relevant regional culture studies (the Krasnoyarsk krai): challenges and approaches // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2019. 12(8): 1568-1588.
- Kolesnik at al., 2021 – Kolesnik M.A., Leshchinskaya N.M., Pchelkina D.S. “Yeniseyskiye Eparkhial'nyye Vedomosti” as a Source of History of the Peoples of the North of the Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 889-897.
- Koptseva, Avdeyeva, 2021 – Koptseva N.P., Avdeyeva Yu.N. On the History of Science in the Russian Empire (based on the Analysis of the Journal “Nauchnoe Obozrenie” for 1898) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1473-1481.
- Koptseva at al., 2021 – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Shpak A.A. The Journal «Nature and People» (1910) as a Source of the Peoples History in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 990-999.
- Koptseva et al., 2016 – Koptseva N.P., Luzan V.S., Razumovskaya V.A., Kirko V.I. The content analysis of the Russian federal and regional basic legislation on the cultural policy // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2016. 29 (2): 1-28.
- Koptseva, Serechkina, 2021 – Koptseva N.P., Serechkina N.N. The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 343-356.

References

- Avdashkin at al., 2021 – Avdashkin, A.A., Rayeva, T.V., Sibiryakov, I.V. (2021). The Image of China and the Chinese in Late Imperial Russia (based on Materials from the “Niva” Journal). *Bylye Gody*. 16(4): 1898-1909.
- Bryzgalova, Ivanova, 2021 – Bryzgalova, Ye.N., Ivanova, I.Ye. (2021). Vsemirnaya vystavka v Parizhe (1900 g.) na stranitsakh russkoy pressy [World Exhibition in Paris (1900) on the pages of the Russian press]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 1: 151-159. [in Russian]

Chuprikova-Krynskaya, 2021 – *Chuprikova-Krynskaya, Ye.R.* (2021). Graficheskiye serii Nikolaya Karazina k Amudar'inskoy i Samarskoy ekspeditsiyam 1874 i 1879 godov [Graphic series by Nikolai Karazin for the Amudarya and Samara expeditions of 1874 and 1879]. *Observatoriya kul'tury*. 18(4): 378-389. [in Russian]

Degtyarenko et al., 2019 – *Degtyarenko, K.A., Metlyaeva, S.V., Pchelkina, D.S., Fil'ko, A.I., Shpak, A.A., Khrebtov, M.Ya., Shimanskaya, K.I.* (2019). Overview of relevant regional culture studies (the Krasnoyarsk krai): challenges and approaches. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 12(8): 1568-1588.

Doronina, 2019 – *Doronina, T.V.* (2019). K voprosu o prototipakh i kopiyakh-variatsiyakh v maloy plastike vtoroy poloviny XIX veka. Skul'ptor V.YA. Grachev [On the issue of prototypes and copies-variations in small plastic art of the second half of the 20th century. Sculptor V.Ya. Grachev]. *Artikul't.* 4(36): 57-73. [in Russian]

Kamenskikh, 2014 – *Kamenskikh, M.* (2014). Koreytsy Prikam'ya: 110 let na Permskoy zemle [Koreans of the Kama region: 110 years on the Perm land]. *Rodina*. 3: 120-121. [in Russian]

Kask, 2014 – *Kask, A.N.* (2014). Russkaya zhurnal'naya illyustratsiya XIX veka: metodika sistematizatsii [Russian magazine illustration of the 20th century: method of systematization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 4: 22-40. [in Russian]

Kholodnykh, 2016 – *Kholodnykh, G.V.* (2016). Illyustratsii M. Zichi k "Tarasu Bul'be" i dorevolutsionnyye narodnyye izdaniya povesti NV Gogolya [Illustrations by M. Zichy for "Taras Bulba" and pre-revolutionary folk editions of the novel by NV Gogol]. *Sovremennyye problemy knizhnoy kul'tury: osnovnyye tendentsii i perspektivy razvitiya*. Pp. 173-179. [in Russian]

Khvan, 2016 – *Khvan, K.Ye.* (2016). Yezhenedel'nyy zhurnal «Niva» o byte, nravakh, interesakh russkogo obshchestva na rubezhe XIX-XX vv. [Weekly "Niva" journal about life, customs, interests of Russian society at the turn of the XX-XX centuries]. *Simvol nauki*. 4-4: 77-85. [in Russian]

Kolesnik et al., 2021 – *Kolesnik, M.A., Leshchinskaya, N.M., Pchelkina, D.S.* (2021). "Yeniseyskiye Eparkhial'nyye Vedomosti" as a Source of History of the Peoples of the North of the Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 16(2): 889-897.

Koptseva, Avdeyeva, 2021 – *Koptseva, N.P., Avdeyeva, Yu.N.* (2021). On the History of Science in the Russian Empire (based on the Analysis of the Journal "Nauchnoe Obozrenie" for 1898). *Bylye Gody*. 16(3): 1473-1481.

Koptseva et al., 2021 – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Shpak, A.A.* (2021). The Journal «Nature and People» (1910) as a Source of the Peoples History in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(2): 990-999.

Koptseva et al., 2016 – *Koptseva, N.P., Luzan, V.S., Razumovskaya, V.A., Kirko, V.I.* (2016). The content analysis of the Russian federal and regional basic legislation on the cultural policy. *International Journal for the Semiotics of Law*. 29(2): 1-28.

Koptseva, Serezhkina, 2021 – *Koptseva, N.P., Serezhkina, N.N.* (2021). The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(1): 343-356.

Kuz'mina, 2017 – *Kuz'mina, Ye.V.* (2017). Strukturnyy analiz rechey Nikolaya II [Structural analysis of the speeches of Nikolai II]. *Yazyk i tekst*. 4(3): 35-52. [in Russian]

Loshchilov, 2015 – *Loshchilov, I.Ye.* (2015). «Plyaska svakh» i otkrytki na smert' L'va Tolstogo. Dve zametki ["Dance of matchmakers" and postcards on the death of Leo Tolstoy. Two notes]. *Kul'tura i tekst*. 1 (19): 85-99. [in Russian]

Mikhaylova, 2017 – *Mikhaylova, S.V.* (2017). Izdaniya khudozhestvennoy literatury iz fonda redkikh i tsennykh knig biblioteki CHI BGU [Publications of fiction from the fund of rare and valuable books of the library of the CHI BSU]. *Nauchnyy vestnik Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. P. 89. [in Russian]

Naumova, 2021 – *Naumova, N.A.* (2021). Persiya v posledney treti XIX – nachale XX veka: mezhdunarodnyye otnosheniya s sosednimi gosudarstvami [Persia in the last third of the 20th – early 20th centuries: international relations with neighboring states]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 10(3): 135-145. [in Russian]

Parkhomenko, 2013 – *Parkhomenko, V.* (2013). "Proshchayte, dorogiye roditeli, ya yedu oboronyat' Rossiyu" Yunyye dobrovol'tsy na frontakh Pervoy mirovoy ["Farewell, dear parents, I'm going to defend Russia" Young volunteers on the fronts of the First World War]. *Rodina*. 8: 142-145. [in Russian]

Pushkarskaya, 2010 – *Pushkarskaya, Ye.Yu.* (2010). Znachenie illyustratsii na stranitsakh zhurnala "Niva" [The meaning of the illustration on the pages of the "Niva" journal]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 132-134. [in Russian]

Razumovskaya, 2021 – *Razumovskaya, O.N.* (2021). Kartiny russkikh khudozhenikov v zhurnale "Niva" [Pictures of Russian artists in the "Niva" journal]. *Istoriya Peterburga*. 2(83): 89-97. [in Russian]

Silakova, 2017 – *Silakova, D.V.* (2017). Transformatsiya obraza monarkhicheskoy Rossii i Nikolaya Vtorogo v zhurnal'noy periodike: ot "Nivy" do "Krasnoy nivы" [Transformation of the Image of Monarchist Russia and Nicholas II in Journal Periodicals: from "Niva" to "Krasnaya Niva"]. *Izvestiya Regional'nogo finansovo-ekonomicheskogo instituta*. 1: 10-10. [in Russian]

Simchenko, Proskurnin, 2017 – *Simchenko, L.M., Proskurnin, B.M.* (2017). «Zashchitnik chelovechnosti» v «Strane svobodnykh institutov»: otklik russkikh zhurnalov 1870-kh gg. Na smert' Charl'za

Dikkensa [“Defender of Humanity” in “The Land of Free Institutions”: A Response to Russian Journals of the 1870s. On the death of Charles Dickens]. *Filologiya i kul'tura*. 2(48): 185-192. [in Russian]

Yelepova, 2021 – Yelepova, M.Yu. (2021). I.E. Grabar' i S.P. Dyagilev: tvorcheskiy dialog «miriskusnikov» [I.E. Grabar and S.P. Diaghilev: creative dialogue of “World of Art”]. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya Igorya Emmanuilovicha Grabarya (1871–1960). Pp. 31-38. [in Russian]

Особенности просветительской деятельности журнала «Нива» в 1882 году (на основе анализа иллюстративного материала)

Александра Александровна Ситникова ^{a, *}, Мария Александровна Колесник ^a,
Наталья Михайловна Лещинская ^a, Екатерина Анатольевна Сертакова ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность настоящего исследования связана с интересом к развитию визуальной культуры в прессе Российской империи во второй половине XIX века, когда наметился поворот в сторону синтеза различных средств для создания изображений (специальные авторские иллюстрации, репродукции знаменитых картин и скульптур, фотографии, пояснительные схемы и чертежи), а также к исследованию характера и инструментов просветительской деятельности в России в разные эпохи. Исследование проведено на материале анализа архивной подшивки журнала «Нива» – одного из самых популярных иллюстрированных изданий второй половины XIX – начала XX веков – за 1882 год. Внимание к данному году связано с проведением Московской художественно-промышленной выставки, подробно освещенной на страницах журнала, что расширяет спектр иллюстративного материала до уровня всероссийской значимости. Методом исследования выступил количественный и качественный контент-анализ. По итогам исследования выявлены такие направления просветительской деятельности журнала «Нива», как знакомство читателей с выдающимися деятелями мировой культуры и искусства, знаковыми лицами политической жизни, учеными; знакомство с достопримечательностями Российской империи, Европы и Евразии; знакомство с картинами выдающихся мировых и российских художников, преимущественно на исторические темы, а также сентиментальной направленности (воспитание чувств): акцентировались описание и изображение быта и нравов простых людей; приобщение читателей к науке и техническим открытиям, в частности через иллюстрации доступных научных опытов.

Ключевые слова: исторический документ, «Нива», тонкий иллюстрированный журнал, культура, просвещение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sem_dobrianka@mail.ru (А.А. Ситникова),
masha_kolesnik@mail.ru (М.А. Колесник), trognonulia@gmail.com (Н.М. Лещинская),
sertachok@mail.ru (Е.А. Сертакова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 867-875
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.867

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century

Natalia P. Koptseva ^a, Ksenia A. Degtyarenko ^a, Daria S. Pchelkina ^{a,*}, Yulia N. Menzhurenko ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article provides a source analysis of the application of the weekly regional newspaper “Vostochnoe obozrenie” – “Sibirskii sbornik”. Like the newspaper, the supplement was published under the editorship of N.M. Yadrintsev. This periodical is considered as a source of historical information along with more traditional types of documents of a static, clerical, economic and other nature. Being an appendix of one of the most significant publications, the Sibirskii sbornik is nevertheless of interest as an independent basis for determining the actual socio-cultural context of life in the Russian Empire at the end of the XIX century. The purpose of this article is to identify the features of the information image of the northern territories of the state during this period. Regularly published publications of the Sibirskii sbornik allow us to form a circle of key concepts about the North as a unique region: qualitative content analysis has shown that the main characteristics of the North are related to its natural and climatic conditions, indigenous peoples whose traditional places of residence are the northern territories of Russia, the identity of life in the Far North. In this case, the local information publication served as a tool for the representation of regional identity.

Keywords: North, Sibirskii sbornik, regional press, Russian Empire, indigenous peoples, regional identity.

1. Введение

В периодических региональных изданиях XIX – первой трети XX вв. много внимания уделяется представлению специфики территории Севера, идет поиск уникальных особенностей этих территорий для формирования их устойчивого информационного образа. Представление Севера в этих исторических источниках создается через географические описания, поскольку географические параметры предопределяют образ жизни, виды хозяйственной и культурной деятельности, специфику мироощущения людей. В задачи исследования входит выявление и анализ информационных смысловых единиц, наполненных символическим значением, которые составляют образ северных территорий Российской империи в конце XIX века.

Именно периодика как исторический источник является носителем контекстуальной информации, благодаря чему она позволяет создать историческую картину эпохи на пересечении объективной информации и субъективного отношения к этой информации.

Особенностью периодики как исторического источника является полижанровость. Газеты, журналы Российской империи в конце XIX века печатают официальные документы, текущую ведомственную отчетность, рекламные проспекты, некрологи, объявления, публицистику, даже произведения художественной литературы, содержащиеся в существующих рубриках и заметках. Периодика в это историческое время служила зачастую единственным проводником в информационный мир, предоставляя читателям максимально всеохватный взгляд на события и проблемы. Полижанровость, в свою очередь, вовлекает в информационное пространство максимальное количество читателей и позволяет составить комплексное представление об

* Corresponding author

E-mail addresses: pchelkina.ml@mail.ru (D.S. Pchelkina)

описываемой реальности. Субъектность издания в лице редактора и редколлегии связана с осуществлением экспертной, посреднической, издательской, редакторской функций. Периодические издания Российской империи конца XIX века выступают как коммуникационная и организационная платформа; через транслируемое ими содержание издания создается и закрепляется определенный информационный образ реальности. Регулярность и оперативность предоставления информации заключается в том, что редактор или коллегия обозначают, акцентируют публикуемые события, процессы и явления как значимые, формируя редакционное отношение к ним и предоставляя возможность читателям выстроить собственное отношение к публикуемым материалам. Границы воздействия периодических изданий фиксируются пространством их распространения на территории Российской империи и/или за ее пределами, формируя и пределы формирования читательской аудитории этого исторического периода.

В совокупности эти черты делают издания периодической печати Российской империи конца XIX века разнородными и комплексными историческими источниками, поскольку они способны фиксировать релевантные времени и месту позиции тех или иных представителей российского общества к самой разной публикуемой информации (территориальные особенности, культурные события, экономические процессы, статистические данные, государственные документы и множество других). Тем не менее научные дискуссии относительно особенностей периодики как исторического источника не ослабевают.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковой базой исследования выступили выпуски издания «Сибирский сборник» за 1886, 1887, 1888 и 1892 годы. По характеру содержащейся информации сборник представляет собой научно-литературное издание. Были проанализированы 4 номера этого журнала. Предварительный анализ показал, что для темы исследования особое значение имеют выпуски «Сибирского сборника» за 1886 и 1887 годы.

2.2. Границы исследования определяются подходом, при котором издания периодической печати рассматриваются как исторические документы. Журналы, газеты и другие виды периодических изданий выступают как источники, обладающие необходимым уровнем содержательности и степенью историчности фиксируемых сведений (Данилевский и др., 2004).

Помимо источниковедческого анализа, в статье применены системный и качественный контент-анализы. Данные методы позволяют установить содержание, определяющее специфику Севера как уникальной местности на территории Российской империи конца XIX века, классифицировать элементы этого содержания и выявить различные аспекты концепта «Север» в региональной прессе этого времени. Поскольку периодическое издание в силу регулярности выхода выпусков и актуального содержания фиксирует контекст определенной исторической эпохи, для его понимания было необходимо применить интент-анализ. Мультидисциплинарный подход позволил изучить разные по содержанию аспекты «Сибирского сборника» как исторического источника и основы формирования информационного образа Севера в Российской империи конца XIX века.

3. Обсуждение

Ряд исследователей полагает, что локальные, географические представления формируются в историческом контексте и являются устойчивыми репрезентациями определенной местности, конструируя региональную идентичность (Аларушкина, 2019; Николайчук и др., 2020).

Концептуализация Севера связана с наполнением конкретным содержанием этого локального регионального образа в различных аспектах. Образ Севера Российской империи исследуется в среде филологов, лингвистов, литературоведов (Петров, 2013; Давыдова, 2016), искусствоведов и культурологов (Красовская, 2013; Новиков, 2012; Koptseva, Seredkina, 2021; Koptseva, Avdeeva, 2021), экономистов (Побережников, 2013) и других ученых.

Научные дискуссии о периодической печати как историческом источнике остаются актуальными. Исследователи отмечают, что содержательные особенности периодики, выбор и полнота раскрытия темы позволяют считать журналы, газеты и т.п. трансляторами истории повседневности, реконструировать исторические особенности миропонимания, зафиксировать состояние общественно-культурных процессов в тот или иной исторический период. Журнал как исторический источник способен отразить жизнь государства в целом, и регионов в частности, являясь одной из важнейших составляющих медиасистемы Российской империи в различные исторические эпохи (Нестерова, 2013; Костякова, 2020; Ерохина, Фурман, 2021; Свитич, Шульга, 2021; Koptseva et al., 2021). Применение контент-анализа для российских периодических изданий является одной из ведущих исследовательских практик в области региональных медийных исследований (Koptseva et al., 2017).

К первым исследованиям сибирской периодики относятся работы конца XIX – начала XX вв. (Дмитриев-Мамонов, 1891; Романов, 1916; Адрианов, 1918; Ядринцев, 1919), носящие критический характер, а также показывающие отношение современников к актуальному состоянию и уровню

развития издательской деятельности в Сибири, в том числе эти авторы делают критические обзоры и «Сибирского сборника».

В XX веке «Сибирский сборник» являлся предметом исследовательского интереса в аспекте историографии издательского дела и библиографии литературно-художественных журналов. Ряд ученых систематизировал массив данных о сибирской периодике конца XIX века (Гуревич, 1951; Богданова, 1958; Хейсин, 1959; Кондратьев, 1978; Кондратьев, 1985; Уразов, 1980; Якимов, 1982). Авторы отмечают самостоятельность издания, несмотря на то, что оно формально было приложением к газете «Восточное обозрение».

В современных исследованиях «Сибирский сборник» рассматривается комплексно: его называют изданием универсального типа, указывают на соответствие тематики и проблематики времени его издания и территории, на которой он распространялся (Макарова, 2013; Метельков, 2020). Отмечается значение издания как важного «моста» для диалога европейской части Российской империи и Сибири, культурного трансфера (Асоян, 2012; Макарова, 2014). Исследовательский потенциал «Сибирского сборника» включает в себя и этнографический аспект, когда его публикации выступают источниковой базой для определения медийного образа инородцев в российской прессе второй половины XIX – начала XX веков (Гимельштейн и др., 2007). Исследователи в целом признают историографическую значимость и потенциал «Сибирского сборника» для исследований Российской империи конца XIX века (Яранцев; 2018).

4. Результаты

4.1. Общая характеристика журнала

«Сибирский сборник» – это научно-литературное периодическое издание, приложение к частной газете «Восточное обозрение», которая с 1882 г. выпускалась в Санкт-Петербурге по инициативе и под редакцией исследователя Сибири и известного общественного деятеля Н.М. Ядринцева изначально под названием «Литературный сборник. Собрание научных и литературных статей о Сибири и азиатском Востоке». Спустя два года он начал печататься в Иркутске и в 1896 г. был переименован в «Сибирский сборник». Потребность в создании такого приложения возникла в связи с большим массивом текстов, не попадающих в основное содержание газеты. Сборник занимал одно из ведущих мест в провинциальном книгоиздании Российской империи 1880–1890-х гг.

Периодичность приложения варьировалась и не была постоянной (так, в 1894 г. было издано 7 выпусков). Первые 13 книг были выпущены под редакцией Н.М. Ядринцева, с 1891 г. редактором был В.А. Ошурков, а с 1895 г. постоянным редактором стал ссыльный народоволец И.И. Попов.

Содержание сборника включало в себя публицистические и научные статьи по истории Сибири, этнографии, экономике, положению рабочего класса, жизни крестьян в сибирских деревнях; авторы рассказывали о культурных памятниках и произведениях литературы, устного народного творчества, о нравах и быте инородцев, проблемах здравоохранения, каторги и ссылки. В иркутских изданиях сборника стали появляться материалы о народном образовании, музеях и библиотеках, статьи о старообрядцах и раскольниках, врачебном и ветеринарном деле, кустарной промышленности, заводах, просветительских обществах в Сибири; критические и библиографические работы, очерки, описания путешествий, воспоминания, беллетристика. Среди авторов можно назвать А.Н. Потанину и Г.Н. Потанина, Д.Н. Мамина-Сибиряка, П.П. Ершова, Н.Ф. Катанова, К.М. Станюковича, А.А. Обручева, В.С. Арефьева и многих других известных людей.

«Сборники» дополнили существующие сибирские еженедельные издания. Местная печать, начав дело с газет, требовала развития, поэтому был сделан первый шаг к включению в местные издания журнальных статей. Издатели сборника отмечали также, что польза таких изданий сама собой выяснится по мере сосредоточения в них ценного научного и литературного материала и тем самым докажет их право на существование. Внося большой вклад в литературу об отдаленных областях Российской империи, такие издания служат знанию и, в частности, помогут установить более правильные воззрения на жизнь имперских окраин.

Всего вышло 48 сборников в 46 книгах, их объем варьировался от 32 до 228 страниц. В 1905 г. с закрытием газеты «Восточное обозрение» прекратилось и издание сборников, выходящих в свет в течение 20 лет. «Сибирский сборник» оказал огромное влияние на развитие культурной, научной, литературной и общественной жизни сибирских территорий Российской империи конца XIX – начала XX веков.

4.2. Исторические материалы периодического издания «Сибирский сборник»

В выпусках периодического издания «Сибирский сборник» представлены публикации о территориях Сибири и Дальнего Востока в виде очерков, воспоминаний, рецензий на работы (или переводов на русский язык той или иной части произведения) ученых и путешественников.

Часть публикаций рассказывает о северных территориях Российской империи, а также народах, их населяющих. Так, П. Ряков в статье «Полярные страны Сибири (Заметки и наблюдения в Колымском округе)» раскрывает специфику территориально-административных границ, географии, климата, а также особенности биоразнообразия и народонаселения Колымского округа Якутской

области. Автор, оперируя живым, образным языком, погружает читателя в неизвестный доселе мир округа, площадь которого «равняется 670,306 квадратным верстам и в два раза слишком больше Пруссии» ([Сибирский сборник, 1887: 1](#)): «Вас окружает угрюмая, мрачная, безжизненная природа, не лишенная иногда своеобразных красот; чем дальше к северу, тем становится она еще печальнее и мертвеннее. <...> Здесь уже начинается однообразная без конца пустыня – тундра с ее снежной «пургой», полярными ночами, с ложными солнцами и лунами и с ее замершим туманом – «мороком», <...> тот предел, пред которым русский человек остановился и дальше которого редко шел. <...> Еще дальше расстилается одно из негостеприимнейших морей, поглотившее столько людских жизней, – жизней героев, отважившихся изведать его тайны. <...> Нигде, кажется, природа так скоро не пробуждается, как на крайнем севере: еще за неделю все было в полном оцепенении и вдруг, как бы по волшебству, проснулось под живительными лучами солнца» ([Сибирский сборник, 1887: 2](#)). «С половины ноября в течение двух или более недель... царствуют сумерки с бледной луной и северным сеянием. <...> Среди этих лесов, среди бесчисленных разветвленных гор, отрогов, перевалов, долин и ущелий, покрытых лесом или совершенно оголенных, <...> вы сознаете, что вполне находитесь во власти природы, подавляющей вас страшной грандиозностью пустыни» ([Сибирский сборник, 1887: 4](#)).

Автором подчеркивается удивительное биоразнообразие северной природы: «Едва сошел снег, чуть только оттаяла земля, как уже показалась зелень, зацвели цветы, лиственница оделась в светло-зеленую хвою, зазеленели тальники, потянуло запахом от ольхи, багульника, шиповник выбросил бутоны бледно-розовых цветов, <...> начинают наливать ягоды красной и черной смородины, морошки; каждая кочка лесных болот синее от «голубели» (голубики); каждый пригорок в лесу к солнцу покрыт красным ковром брусники. <...> Весной и осенью все озера кишат гусями, лебедями, разных пород утками, гагарами и прочей дичью» ([Сибирский сборник, 1887: 3](#)).

Север неразрывно связан с коренными народами, исконно проживающими на приполярных и заполярных территориях: «что бы с вами случилось, если бы вы лишились своего ямщика, якута или тунгуса, которым одним только известны эта тайга, эти горы и те, чуть не звериные, тропы, по которым он вас везет» ([Сибирский сборник, 1887: 4](#)).

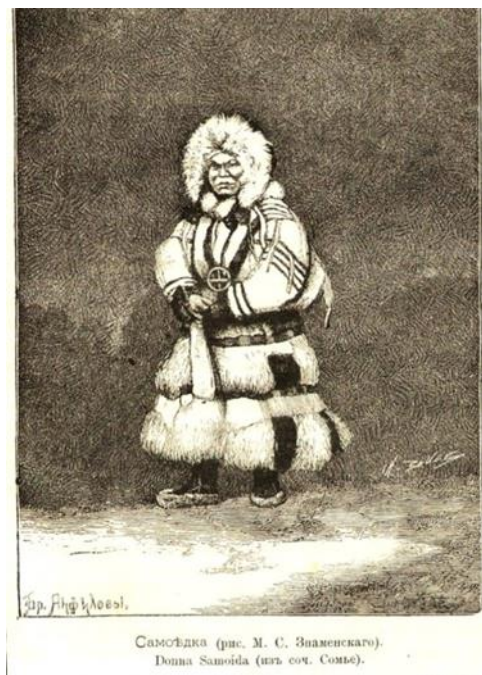
Вместе с тем автор статьи «Полярные страны Сибири (Заметки и наблюдения в Колымском округе)» уделяет внимание русским поселенцам и особенностям формирования населенных пунктов на северных территориях: «До сих пор русский человек на Колыме не закрепился, не уселся прочно на известных местах. Еще не раз ему придется их бросать и искать другие. В колымском округе можно много найти таких мест, где сравнительно недавно еще существовали целые поселки. Поселки эти уничтожились, народ разбрелся. Обыкновенно, покинутыми оказываются более южные широты в пользу более северных, у устьев рек, у Ледовитого океана» ([Сибирский сборник, 1887: 6](#)); «все стремятся к северу, в низовья Колымы», где занимаются рыболовством ([Сибирский сборник, 1887: 7](#)).

Отдельные упоминания о северных народах, их антропологических и этнокультурных особенностях присутствуют в опубликованной части книги Оскара Пешеля «Völkerkunde» 1885 года – «Сибирские инородцы»: «Пространство между Охотским заливом и европейской Лапландией населено, сверх русских переселенцев, народностями, живущими охотой, рыболовством и скотоводством» ([Сибирский сборник, 1887: 71](#)). В подразделе «Монголоподобные народы на севере старого света» освещены тунгусская, монгольская, тюркская, финская и самодийская ветви алтайской группы народов. Подраздел «Северные азиаты неопределенного этнографического характера» посвящен «трем разрозненным народностям», стоящим особняком от «какой-нибудь из больших групп» ([Сибирский сборник, 1887: 84](#)). К ним относятся «енисейские остяки, которые, кроме неудачно выбранного племенного названия, ничего общего не имеют с остяками приобскими, <...> обитают на пространстве от верховьев Енисея до впадения нижней Тунгуски – вначале только на левом, а ниже на обоих берегах» ([Сибирский сборник, 1887: 84](#)); юагиры, которые «живут ныне в тундрах при Ледовитом океане, на востоке от р. Яны» ([Сибирский сборник, 1887: 85](#)); голяки, которые «в числе 3,000 приблизительно человек живут по побережью северной половины Сахалина и вдоль реки Тими на том же острове, а в числе около 5,000 душ гиляки населяют соседние местности материка в окрестностях нижнего Амура» ([Сибирский сборник, 1887: 85](#)); а также айносы, живущие «на южной половине Сахалина приблизительно до 50-го параллельного круга, а также на Курильских островах» ([Сибирский сборник, 1887: 86](#)). В подразделе «Беринговы народности» дается краткое описание «некоторых североазиатских и американских племен, которые, по преимуществу, или живут на побережье Берингова моря, или же когда-то переселились оттуда дальше, как напр. эскимосы, добравшиеся до Гренландии» ([Сибирский сборник, 1887: 86](#)).

В «Сибирском сборнике» за 1886 год П. Головачев в статье «Путешествие итальянца Сомье по Сибири» знакомит читателей с содержанием книги «Un estate in Sibiria fra Ostiacchi, Samoiedie, Tatarì, Kiruisi et Baskiri» («Лето в Сибири между остяками, самоедами, татарами, киргизами и башкирами») 1885 года, в которой описывается путешествие ботаника Стефана Сомье (Стефано Соммье). Автор статьи отмечает большую долю ценных этнографических и антропологических сведений о народах Сибири, зафиксированных в данной работе. Так, С. Сомье дает антропологическое описание северных народов: ученым «измерены и собраны образчики волос 137 остяков, 102 самоедов», их костюмов и

причесок, а также рассмотрены особенности поселений, жилища и его внутреннего убранства, ритуалов, захоронений. На страницах «Сибирского сборника» за 1886 года приводится иллюстрация из работы С. Сомье (Рисунок 1).

Рис. 1. Иллюстрация «Самоедка» из работы Стефана Сомье (Сибирский сборник, 1886)

В «Сибирском сборнике» за 1887 год опубликован «Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVI века» авторства И. Тыжнова, в котором рассматриваются работы, где, в том числе, есть упоминания и о северных территориях и северных народах. Например, работа голландского дипломата, картографа Николая Витзена (Николааса Витсена) «Северная и Восточная Татария» – «громадное (около 200 листов) собрание географических, этнографических, лингвистических сведений; оно обнимает собой те страны, которые известны были в его время под общим термином Татарии, – сюда входили земли приблизительно от берегов Каспийского моря, Волги, Камы к востоку до берегов Тихого океана, включая сюда и острова» (Сибирский сборник, 1887: 132). Так, в вышеупомянутом произведении Н. Витзена есть этнографическое описание вогулов (совр. манси) – «жителей по обоим склонам Урала и около Верхотурья» (Сибирский сборник, 1887: 134). Автор «Обзора иностранных известий о Сибири 2-й половины XVI века» также отмечает следующее: «в то время, как русские люди пробавлялись разными допотопными рассказами о северных странах, "где живут люди, у коих и рты на темени, а не говорят; а образ в пошлину человек; а коли едят и они крошат мясо или рыбу, да кладут под колпак или под шапку; и как почнут ясти, и они плечима движут вверх и вниз" – в то же самое время иностранцы имели уже о тех же северных русских странах весьма точные научные сведения и даже образцы инородческих наречий!» (Сибирский сборник, 1887: 134).

Таким образом, информационный образ Севера выстраивается на основе природных и климатических особенностей, где суровость, однообразие, безжизненность пространства удивительным образом сосуществует с уникальными природными явлениями (северное сияние) и многочисленными видами растений, животных, рыб, птиц и т.д. Зачастую при описании Севера используются символические значения отдаленности, крайности – как места, где дальше только негостеприимный Ледовитый океан. Большую роль в рассмотрении информационного образа Севера играют коренные жители северных территорий: зачастую именно на основании знакомства с этнографическими сведениями о коренных народах в периодическом издании читатель выстраивает логические связи с географией их проживания и получает собирательный образ Севера. Территория Крайнего Севера представлена также как пространство промысловой деятельности: рыболовства и охоты.

5. Заключение

«Сибирский сборник» стал значительным информационным событием, всесторонне отражавшим культурно-исторический образ окраин Российской империи конца XIX века. Анализ конкретных выпусков позволил выявить региональную специфику образа Севера, раскрытую авторами публикаций в описаниях северных территорий и коренного населения, основанных на рассказах ученых-путешественников и различных географических, этнографических, антропологических и лингвистических сведениях. На страницах сборника опубликованы уникальные

очерки, отражающие особенности поселений, жилища и его внутреннего убранства, культуры, быта, языка, ритуалов и захоронений северных народов, а также биоразнообразие северной природы, а также всю сложность климата северных территорий. Историческая ценность «Сибирского сборника» состоит как в предоставлении ценных сведений, так и в достоверности исторических источников, подтвержденных научным и общественным авторитетом его авторов и издателей.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43014. The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43014.

Литература

- Адрианов, 1919** – Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. Томск, 1919. 32 с.
- Аларушкина и др., 2019** – Аларушкина С. Увидеть невидимое: в поисках локальной идентичности района Ясенево в Москве // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2019. Т. 11. № 20. С. 133-163.
- Асоян, 2012** – Асоян Ю.А. «Сочинитель самобытных культур» (идея культуры в Сибирском областничестве Н.М. Ядринцева) // *Культурология*. 2012. № 1 (60). С. 29-39.
- Богданова, 1958** – Богданова М. К истории создания «Енисейского альманаха на 1828 год» и «Красноярской литературной беседы» (По неопубликованным материалам) // *Енисей*. 1958. № 21. С. 239-247.
- Бурцева, 2020** – Бурцева Ж.В. Крайний Север как геоэтический образ в литературе малочисленных народов севера Якутии // *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*. 2020. № 30 (2). С. 337-342.
- Галимова, Лошаков, 2017** – Галимова Е.Ш., Лошаков А.Г. Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера. Архангельск, 2017. 410 с.
- Гимельштейн и др., 2007** – Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Сенина Е.А. Образ «инородцев» на страницах Сибирской периодической печати. Иркутск, 2007. 320 с.
- Гуревич, 1951** – Гуревич А. Первый сибирский альманах // *Енисей*. 1951. № 8. С. 157-164.
- Давыдова, 2016** – Давыдова А.В. Образ Севера в романе Н. Аурова «Под полуночным солнцем» // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*. 2016. № 2 (21). С. 107-114.
- Данилевский и др., 2004** – Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцова М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. М., 2004. 701 с.
- Дмитриев-Мамонов, 1891** – Дмитриев-Мамонов А.И. Начало печати в Сибири. Печать в тобольском наместничестве в конце XVIII столетия: Историко-библиографические исследования. Омск, 1891. 82 с.
- Ерохина, Фурман, 2021** – Ерохина О., Фурман Е. Периодическая печать как источник по истории немецких поселений Поволжья в 1920-е годы (по материалам газеты “Die Welt-Post”) // *Журнал фронтирных исследований*. 2021. № 4 (6). С. 28-50.
- Кондратьев, 1978** – Кондратьев Н.И. «Сибирский сборник»: К истории журнальной прессы в Восточной Сибири // *Сибирь*. 1978. № 4. С. 93-100.
- Кондратьев, 1985** – Кондратьев Н.И. Начало журнальной прессы в Восточной Сибири (1885–1905 гг.). Иркутск, 1985. 192 с.
- Костякова, 2020** – Костякова Ю.Б. Передовая статья vs политический комментарий: становление жанров в провинциальной прессе (по материалам газет города Минусинска за 1906–1917 гг.) // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2020. № 9 (2). С. 282-299.
- Красовская, 2013** – Красовская Т.М. Образ Русского Севера: особенности формирования в современной географии и искусстве // *Национальный психологический журнал*. 2013. № 3(11). С. 42-46.
- Макарова, 2013** – Макарова Е.А. «Сибирский сборник» Н.М. Ядринцева в аспекте развивающегося литературного и издательского дела Сибири рубежа XIX–XX веков // *Сибирский филологический журнал*. 2013. № 4. С. 66-73.
- Макарова, 2013** – Макарова Е.А. «Сибирский сборник» Н.М. Ядринцева в аспекте проблемы культурного трансфера // *Обсерватория культуры*. 2013. № 3. С. 119-123.
- Макарова, 2014** – Макарова Е.А. Специфика регионального литературно-художественного сборника в книжном пространстве Сибири XIX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 388. С. 10-16.
- Метельков, 2020** – Метельков А.С. Литературно-художественные журналы Сибири и Дальнего Востока в контексте развития книжной культуры России (конец XX – начало XXI в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 05.25.03. 2020. 23 с.
- Нестерова, 2013** – Нестерова В.Л. Отечественная женская периодическая печать XIX века как информационный источник по истории повседневности // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2013. № 4 (176). С. 34-38.

Николайчук и др., 2020 – Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С. Поиск новой российской идентичности: медиагеографические исследования ментального ландшафта // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2020. № 9 (4). С. 642-659.

Новиков, 2012 – Новиков А.В. "Нетрадиционное" искусство ханты и "Северный изобразительный стиль" // *Вестник урведения*. 2012. № 3 (10). С. 119-128.

Петров, 2013 – Петров А.В. «Севера светлое диво». Белые ночи в творчестве поэтов Русского Севера // *Русская речь*. 2013. № 3. С. 48-54.

Побережников, 2013 – Побережников И.В. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX – начала XX века // *Вестник Пермского университета. История*. 2013. № 3 (23). С. 44-52.

Романов, 1916 – Романов Н.С. Периодическая печать г. Иркутска // *Сибирская летопись*. 1916. № 9–10. С. 389-448.

Свитич, Шульга, 2021 – Свитич Л.Г., Шульга М.С. Контент-аналитическое исследование динамики издания «Культура» (1929–2019) // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2021. № 10 (4). С. 614-632.

Сибирский сборник, 1886 – Научно-литературная газета «Сибирский сборник» 1886 года издания.

Сибирский сборник, 1887 – Научно-литературная газета «Сибирский сборник» 1887 года издания.

Сибирский сборник, 1888 – Научно-литературная газета «Сибирский сборник» 1888 года издания.

Сибирский сборник, 1892 – Научно-литературная газета «Сибирский сборник» 1892 года издания.

Уразов, 1980 – Уразов И.В. «Енисею» – 40 лет // *Енисей*. 1980. № 6. С. 31-33.

Хейсин, 1959 – Хейсин И. Страницы прошлого. Воспоминания о литературной Сибири // *Ангара*. 1959. № 2. С. 112-121.

Ядринцев, 1919 – Ядринцев Н.М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов: из газет «Камско-Волжское Слово», «Сибирь» и «Восточное Обозрение» за 1873–1884 г. Красноярск, 1919. 223 с.

Якимов, 1982 – Якимов Л.П. Очерки русской литературы Сибири. Т. 2. Советский период. Новосибирск, 1982. 630 с.

Яранцев, 2018 – Яранцев В.Н. Литературные диалоги. Красноярск, 2018. 284 с.

Koptseva et al., 2017 – Koptseva N.P., Luzan V.S., Razumovskaya V.A., Kirko V.I. Content analysis of the Russian federal and regional basic legislation on the cultural policy // *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2017. № 30 (1). Pp. 23-50.

Koptseva, Avdeeva, 2021 – Koptseva N.P., Avdeeva Yu.N. On the History of Science in the Russian Empire (based on the Analysis of the Journal Nauchnoe Obozrenie for 1898) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1473-1481.

Koptseva et al., 2021 – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Shpak A.A. The journal "Nature and People" (1910) as a source of the peoples history in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 990-999.

Koptseva, Serechkina, 2021 – Koptseva N.P., Serechkina N.N. The Journal "North" (1903) as a Historical Source: The Issue of Education Reform in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16: 343-356.

References

Adrianov, 1919 – Adrianov, A.V. (1919). Periodicheskaya pechat' v Sibiri [Periodical printing in Siberia]. Tomsk, 32 p. [in Russian]

Alarushkina i dr., 2019 – Alarushkina, S. (2019). Uvidet' nevidimoe: v poiskakh lokal'noi identichnosti raiona Yasenevo v Moskve [To see the Invisible: in Search of the Local Identity of the Yasenevo district in Moscow]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*. 11(20): 133-163. [in Russian]

Asoyan, 2012 – Asoyan, Yu.A. (2012). «Sochinitel' samobytnykh kul'tur» (ideya kul'tury v Sibirskom oblastnichestve N.M. Yadrintseva) [“The writer of original cultures” (the idea of culture in the Siberian regionalism of N.M. Yadrintsev)]. *Kul'turologiya*. 1(60): 29-39. [in Russian]

Bogdanova, 1958 – Bogdanova, M. (1958). K istorii sozdaniya «Eniseiskogo al'manakha na 1828 god» i «Krasnoyarskoi literaturnoi besedy» (Po neopublikovannym materialam) [On the history of the creation of the «Yenisei Almanac for 1828» and «Krasnoyarsk Literary Conversation» (Based on unpublished materials)]. *Enisei*. 21: 239-247. [in Russian]

Burtseva, 2020 – Burtseva, Zh.V. (2020). Krainii Sever kak geopoeticheskii obraz v literature malochislennykh narodov severa Yakutii [The Far North as a geopoetic image in the literature of the small peoples of the North of Yakutia]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»*. 30(2): 337-342. [in Russian]

Danilevskii i dr., 2004 – Danilevskii, I.N., Kabanov, V.V., Medushevskaya, O.M., Rumyantseva, M.F. (2004). Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod [Source studies: Theory. History. Method]. M., 701 p. [in Russian]

Davydova, 2016 – Davydova, A.V. (2016). Obraz Severa v romane N. Aurova «Pod polnochnym solntsem» [The image of the North in N. Aurov's novel “Under the Midnight Sun”]. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya»*. 2(21): 107-114. [in Russian]

Dmitriev-Mamonov, 1891 – *Dmitriev-Mamonov, A.I.* (1891). Nachalo pechati v Sibiri. Pechat' v tobol'skom namestnichestve v konce XVIII stoletiya: Istoriko-bibliograficheskie issledovaniya [The beginning of printing in Siberia. Printing in the Tobolsk viceroyalty at the end of the XVIII century: Historical and bibliographic studies]. Omsk, 82 p. [in Russian]

Erokhina, Furman, 2021 – *Erokhina, O., Furman, E.* (2021). Periodicheskaya pechat' kak istochnik po istorii nemetskikh poselenii Povolzh'ya v 1920-e gody (po materialam gazety "Die Welt-Post") [Periodical Press as a Source on the History of German Settlements in the Volga Region in the 1920s (based on the Materials of the Newspaper "Die Welt-Post")]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 4(6): 28-50. [in Russian]

Galimova, Loshakov, 2017 – *Galimova, E.Sh., Loshakov, A.G.* (2017). Severnyi tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa [The Northern Text as the Logos form of being of the Russian North]. *Arkhangel'sk*, 410 p. [in Russian]

Gimel'shtein i dr., 2007 – *Gimel'shtein, A.V., Dameshek, L.M., Senina, E.A.* (2007). Obraz «inorodtsev» na stranitsakh Sibirskoi periodicheskoi pechati [The image of "foreigners" on the pages of the Siberian periodical press]. Irkutsk, 320 p. [in Russian]

Gurevich, 1951 – *Gurevich, A.* (1951). Pervyi sibirskii al'manakh [The First Siberian almanac]. *Enisei*. 8: 157-164. [in Russian]

Kheisin, 1959 – *Kheisin, I.* (1959). Stranitsy proshlogo. Vospominaniya o literaturnoi Sibiri [Pages of the past. Memories of literary Siberia]. *Angara*. 2: 112-121. [in Russian]

Kondrat'ev, 1978 – *Kondrat'ev, N.I.* (1978). «Sibirskii sbornik»: K istorii zhurnal'noi pressy v Vostochnoi Sibiri ["Siberian Collection": on the history of the magazine press in Eastern Siberia]. *Sibir'*. 4: 93-100. [in Russian]

Kondrat'ev, 1985 – *Kondrat'ev, N.I.* (1985). Nachalo zhurnal'noi pressy v Vostochnoi Sibiri (1885–1905 gg.) [The beginning of the magazine press in Eastern Siberia (1885–1905)]. Irkutsk, 192 p. [in Russian]

Koptseva et al., 2017 – *Koptseva, N.P., Luzan, V.S., Razumovskaya, V.A., Kirko, V.I.* (2017). Content analysis of the Russian federal and regional basic legislation on the cultural policy. *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique*. 30(1): 23-50.

Koptseva et al., 2021 – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Shpak, A.A.* (2021). The journal "Nature and People" (1910) as a source of the peoples history in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(2): 990-999.

Koptseva, Avdeeva, 2021 – *Koptseva, N.P., Avdeeva, Yu.N.* (2021). On the History of Science in the Russian Empire (based on the Analysis of the Journal *Nauchnoe Obozrenie* for 1898). *Bylye Gody*. 16(3): 1473-1481.

Koptseva, Sereidkina, 2021 – *Koptseva, N.P., Sereidkina, N.N.* (2021). The Journal "North" (1903) as a Historical Source: The Issue of Education Reform in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16: 343-356.

Kostyakova, 2020 – *Kostyakova, Yu.B.* (2020). Peredovaya stat'ya vs politicheskii kommentarii: stanovlenie zhanrov v provintsial'noi presse (po materialam gazet goroda Minusinska za 1906–1917 gg.) [Editorial vs political commentary: the formation of genres in the provincial press (based on the materials of the newspapers of the city of Minusinsk for 1906-1917)]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 9(2): 282-299. [in Russian]

Krasovskaya, 2013 – *Krasovskaya, T.M.* (2013). Obraz Russkogo Severa: osobennosti formirovaniya v sovremennoi geografii i iskusstve [The Image of the Russian North: features of formation in modern geography and art]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. 3(11): 42-46. [in Russian]

Makarova, 2013 – *Makarova, E.A.* (2013). «Sibirskii sbornik» N.M. Yadrintseva v aspekte razvivayushchegosya literaturnogo i izdatel'skogo dela Sibiri rubezha XIX–XX vekov ["Siberian Collection" by N.M. Yadrintsev in the aspect of the developing literary and publishing business of Siberia at the turn of the XIX-XX centuries]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 4: 66-73. [in Russian]

Makarova, 2013 – *Makarova, E.A.* (2013). «Sibirskii sbornik» N.M. Yadrintseva v aspekte problemy kul'turnogo transfera ["Siberian collection" by N.M. Yadrintsev in the aspect of the problem of cultural transfer]. *Observatoriya kul'tury*. 3: 119-123. [in Russian]

Makarova, 2014 – *Makarova, E.A.* (2014). Spetsifika regional'nogo literaturno-khudozhestvennogo sbornika v knizhnom prostranstve Sibiri XIX v. [Specificity of the regional literary and artistic collection in the book space of Siberia of the XIX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 388: 10-16. [in Russian]

Metel'kov, 2020 – *Metel'kov, A.S.* (2020). Literaturno-khudozhestvennyye zhurnaly Sibiri i Dal'nego Vostoka v kontekste razvitiya knizhnoi kul'tury Rossii (konets XX – nachalo XXI v.) [Literary and artistic journals of Siberia and the Far East in the context of the development of Russian book culture (late XX – early XXI century)]: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 05.25.03. 23 p. [in Russian]

Nesterova, 2013 – *Nesterova, V.L.* (2013). Otechestvennaya zhenskaya periodicheskaya pechat' XIX veka kak informatsionnyi istochnik po istorii povsednevnosti [The national women's periodical press of the XIX century as an information source on the history of everyday life]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 4(176): 34-38. [in Russian]

Nikolaichuk i dr., 2020 – *Nikolaichuk, I.A., Yanglyayeva, M.M., Yakova, T.S.* (2020). Poisk novoi rossiiskoi identichnosti: mediageograficheskie issledovaniya mental'nogo landshafta [The search for a new

Russian identity: mediageographic studies of the mental landscape]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 9(4): 642-659. [in Russian]

Novikov, 2012 – Novikov, A.V. (2012). "Netraditsionnoe" iskusstvo khanty i "Severnyi izobrazitel'nyi stil'" ["Non-traditional" art of Khanty and "Northern pictorial style"]. *Vestnik ugrovedeniya*. 3(10): 119-128. [in Russian]

Petrov, 2013 – Petrov, A.V. (2013). «Severa svetloe divo». Belye nochi v tvorchestve poetov Russkogo Severa ["The bright miracle of the North". White Nights in the works of the poets of the Russian North]. *Russkaya rech'*. 3: 48-54. [in Russian]

Poberezhnikov, 2013 – Poberezhnikov, I.V. (2013). Sever Zapadnoi Sibiri v kontekste rossiiskoi modernizatsii XIX – nachala XX veka [The North of Western Siberia in the context of Russian Modernization of the XIX – early XX century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 3(23): 44-52. [in Russian]

Romanov, 1916 – Romanov, N.S. (1916). Periodicheskaya pechat' g. Irkutsk [Periodical press of Irkutsk]. *Sibirskaya letopis'*. 9–10: 389-448. [in Russian]

Sibirskii sbornik, 1886 – Nauchno-literaturnaya gazeta «Sibirskii sbornik» 1886 goda izdaniya. [in Russian]

Sibirskii sbornik, 1887 – Nauchno-literaturnaya gazeta «Sibirskii sbornik» 1887 goda izdaniya. [in Russian]

Sibirskii sbornik, 1888 – Nauchno-literaturnaya gazeta «Sibirskii sbornik» 1888 goda izdaniya. [in Russian]

Sibirskii sbornik, 1892 – Nauchno-literaturnaya gazeta «Sibirskii sbornik» 1892 goda izdaniya. [in Russian]

Svitich, Shul'ga, 2021 – Svitich, L.G., Shul'ga, M.S. (2021). Kontent-analiticheskoe issledovanie dinamiki izdaniya «Kul'tura» (1929–2019) [Content-analytical study of the dynamics of the publication "Culture" (1929–2019)]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 10(4): 614-632. [in Russian]

Urazov, 1980 – Urazov, I.V. (1980). «Eniseyu» – 40 let [«Yenisei» is 40 years old]. *Enisei*. 6: 31-33. [in Russian]

Yadrintsev, 1919 – Yadrintsev, N.M. (1919). Sbornik izbrannykh statej, stihotvorenij i fel'etonov: iz gazet «Kamsko-Volzhsкое Slovo», «Sibir'» i «Vostochnoe Obozrenie» za 1873–1884 g. [Collection of selected articles, poems and feuilletons: from the newspapers «Kamsko-Volzhsкое Slovo», «Siberia» and «Eastern Review» for 1873–1884 g.]. Krasnoyarsk. 223 p. [in Russian]

Yakimov, 1982 – Yakimov, L.P. (1982). Ocherki russkoj literatury Sibiri [Essays of Russian literature of Siberia. Vol. 2. The Soviet period]. Novosibirsk, 630 p. [in Russian]

Yarantsev, 2018 – Yarantsev, V.N. (2018). Literaturnye dialogi [Literary dialogues]. Krasnoyarsk. [in Russian]

Образ Севера в периодических изданиях Российской империи конца XIX века

Наталья Петровна Копцева^a, Ксения Александровна Дегтяренко^a, Дарья Сергеевна Пчелкина^{a, *}, Юлия Николаевна Менжуренко^a

^a Сибирский Федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится источниковедческий анализ приложения еженедельной областной газеты «Восточное обозрение» – «Сибирский сборник». Как и газета, приложение выпускалось под редакцией Н.М. Ядринцева. Это периодическое издание рассматривается как источник исторической информации, наряду с более традиционными видами документов статического, делопроизводственного, экономического и прочего характера. Являясь приложением одного из самых значимых изданий, «Сибирский сборник» тем не менее представляет интерес и как самостоятельная база для определения актуального социокультурного контекста жизни в Российской империи конца XIX века. Цель данной статьи связана с выявлением особенностей информационного образа северных территорий государства в указанный период. Выходящие регулярно публикации «Сибирского сборника» позволяют сформировать круг ключевых концептов о Севере как уникальном регионе. Качественный контент-анализ показал, что основные характеристики Севера связаны с его природными и климатическими условиями, коренными народами, местами традиционного проживания которых являются северные территории России, самобытностью жизнедеятельности в условиях Крайнего Севера. В данном случае местное информационное издание служило инструментом репрезентации региональной идентичности.

Ключевые слова: Север, «Сибирский сборник», региональная пресса, Российская империя, коренные малочисленные народы, региональная идентичность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pchelkina.ml@mail.ru (Д.С. Пчелкина)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 876-889
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.876

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Escapes of Prisoners in the History of Russian Penitentiary Institutions of the late XIX – early XX centuries

Aleksander E. Epifanov ^{a, b, *}, Elena E. Krasnozhenova ^c, Sergey V. Kulik ^c

^a Moscow City University, Moscow, Russian Federation

^b Department for the Study of Historical Problems of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

^c Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The study reveals the history, conditions, statistics and characteristic features of escapes of prisoners of penitentiary institutions of Russia at the turn of the XIX-XX centuries from a historical and legal standpoint, and presents the practice of prison departments to combat them. The authors have established a direct dependence of escapes on the prevailing socio-political conditions in the Russian Empire, the development of the revolutionary situation in the country. The paper presents the influence of the revolutionary events of 1905–1907 on the activity of escapes from prison institutions. It is shown that the escapes of prisoners and their forced release have turned into one of the forms of revolutionary struggle. Therefore, despite the harsh punishments applied to fugitive prisoners, the flight from places of detention not only did not stop, but also had a steady tendency to expand. The article was prepared on the basis of extensive literature, as well as departmental regulations and archival materials, many of which were introduced into scientific circulation for the first time. The article uses both general scientific (historical, logical, dialectical methods, method of system-functional analysis and synthesis) and special historical (historical-comparative and statistical) methods of cognition. The study processed quantitative data available in various reports, references, correspondence and other documentary sources. Among them are data on losses among prisoners, on the number of escapes from places of deprivation of liberty, on cases of violence against guards and guards. The authors come to the conclusion about the significant scale and great public danger of escapes from Russian pre-revolutionary penitentiary institutions, the activity of which was directly related to the growth of the revolutionary movement, the state of places of detention and prison service.

Keywords: The Russian Empire, prisoners, convicts, convicts, exiles, the Main Prison Administration, escapes, prisons, prison administration, warders.

1. Введение

Одной из наиболее актуальных проблем российской пенитенциарной системы конца XIX – начала XX вв. являлись побег арестантов. Порядок приема и размещения арестантов, их содержание, трудоустройство, равно как и иные условия тюремного быта были регламентированы действующими в изучаемый период редакциями Устава о содержащихся под стражей (Свод, 1890). Циркулярные распоряжения Главного тюремного управления (ГТУ), тюремных инспекторов на местах также детально разъясняли чинам тюремной администрации и надзоростава пенитенциарных учреждений порядок применения на практике действующих нормативных актов,

* Corresponding author

E-mail addresses: mvd_djaty@mail.ru (A.E. Epifanov), eleena@inbox.ru (E.E. Krasnozhenova), kulik54@mail.ru (S.V. Kulik)

правила устройства мест заключения и управления ими. Причинами побегов арестантов становились нарушения требований закона относительно порядка содержания различных категорий арестантов, недостаточно ответственное исполнение служащими тюремного управления и надзора своих служебных обязанностей, отсутствие у многих из них надлежащей подготовки. Положение усугублялось неудовлетворительным состоянием мест заключения и недостаточным материально-техническим обеспечением тюремного надзора.

Во многих случаях администрация пенитенциарных учреждений не могла обеспечить в них необходимый порядок, не проявляла стремления к ознакомлению с характером и наклонностями арестантов. Чаще всего нужды узников тюремную администрацию не интересовали, и она никоим образом не стремилась приобрести их доверие. Зачастую тюремное руководство не уделяло достаточного внимания соблюдению служебных обязанностей надзорсоставом, в результате чего тот не обладал необходимыми навыками и не осознавал особых условий своей службы. Нередко служащие тюремных учреждений превращались в своего рода тюремную прислугу и утрачивали всякое уважение со стороны арестантов, особенно принадлежащих к привилегированным сословиям. Подобные послабления и небрежность в порядке содержания заключенных влекли за собой распушенность и неопределенность в порядке отбывания наказания, лишали места заключения их значения. В свою очередь, у арестантов, прежде всего политических, притуплялось осознание необходимости беспрекословно подчиняться режимным требованиям и установленным правилам отбывания наказания.

Несмотря на суровые меры наказания, применяемые к беглым арестантам, активную работу по их розыску и поимке, особенно усилившиеся еще в петровские времена, бегство из мест заключения не только не прекращалось, но и имело устойчивую тенденцию к расширению. По отзывам современников, «не бегали только те, которые были на то не согласны, т.е. одни лишь семейные ссыльные» (*Тюремный вестник*, 1893. 3: 98). Любые попытки властей к пресечению побегов в конечном счете признавались безуспешными.

Целью настоящей статьи является исследование характера и условий побегов арестантов системы пенитенциарных учреждений дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв. Побег арестантов являлись не только преступлением, но и одной из форм протеста, направленной против нечеловеческих условий отбывания наказания, нарушения прав арестантов в местах заключения. Изучение сложившихся в изучаемой сфере общественных отношений, организации и деятельности компетентных государственных органов позволит расширить наши представления об отечественной истории изучаемого периода. Систематизировать и обобщить данный опыт, сделать из него правильные выводы составляет важнейшую задачу нашего исследования. Логика его предполагает обобщение в части 1-й материалов, связанных с количественными и качественными характеристиками побегов, их причинами и условиями, в части 2-й – анализ мероприятий, направленных на противодействие им.

2. Материалы и методы

В качестве эмпирического материала авторами был использован широкий круг разнообразных источников, в том числе обширная литература, имеющаяся по теме, и ведомственные нормативные акты. Основное внимание при подготовке статьи было уделено архивным материалам, многие из которых были введены в научный оборот впервые. Из фондов Государственного архива Волгоградской области (ГАВО) № 290 Камышинской и № 161 Царицынской уездных тюрем (1867–1917 гг.) Саратовской губернии были использованы циркуляры, нормативные акты, переписка, отчетность, личные и розыскные дела арестантов, техническая документация тюремных сооружений, материалы дисциплинарных и уголовных производств, а также прочие служебные документы Главного тюремного управления, Саратовского и иных тюремных инспекторов.

Еще одной важной группой источников, позволивших раскрыть затронутую тему, явились опубликованные собрания документов, касающиеся организации и деятельности дореволюционных пенитенциарных учреждений. В частности, были использованы Свод законов Российской империи (Свод, 1890), Тюремные вестники (*Тюремный вестник*, 1893. № 3; *Тюремный вестник*, 1897. № 3; *Тюремный вестник*, 1897. № 3; *Тюремный вестник*, 1908. № 1, № 4, № 5, № 11; *Тюремный вестник*, 1909. № 12; *Тюремный вестник*, 1910. № 5).

В статье используются общенаучные и специально-исторические методы исследования. В числе первых – исторический, логический, диалектический методы, метод системно-функционального анализа и синтеза. К специально-историческим методам, используемым в настоящем исследовании, относятся историко-сравнительный и статистический. Исторический метод позволил обобщить исследуемый материал, сопоставить его с историей развития России в соответствующий период и на основе полученных новых данных сделать выводы, характеризующие побег заключенных российских пенитенциарных учреждений. Метод системно-функционального анализа обеспечил возможность выделить из общей структуры изучаемых государственно-правовых явлений отдельные существенные признаки и неповторимые особенности российского государства и его правовой системы. С помощью логического метода в исследовании сделаны выводы и обобщения. В работе

применяется общенаучный диалектический метод научного познания, позволивший рассматривать процессы реформирования пенитенциарной системы Российской империи в их единстве и противоречивости.

Историко-сравнительный метод исследования позволил выделить общее и повторяющееся, с одной стороны, и с другой – отличное в работе системы пенитенциарных учреждений России конца XIX – начала XX вв. При помощи статистического метода в исследовании были обработаны количественные данные, имеющиеся в различных отчетах, справках, переписке и других документальных источниках.

3. Обсуждение

Комплексное раскрытие аспектов, связанных со статистикой побегов арестантов в изучаемый период, их причинами, условиями и характерными чертами, равно как и освещение проблем истории российской тюремной системы в целом, отличаются существенной новизной. Несмотря на все многообразие отечественной литературы по тюремоведению, проблема побегов арестантов затрагивалась в ней в основном фрагментарно, в зависимости от отраслевой принадлежности соответствующих исследований. Что касается дореволюционного периода, то такие российские специалисты, как С.К. Гогель (Гогель, 1906), В.Н. Никитин (Никитин, 1880), С.В. Познышев (Познышев, 1915), Д.А. Линева (Линева, 1880), Н. Николаевский (Николаевский, 1898), А.П. Саломон (Саломон, 1898), А.И. Свирский (Свирский, 1899), Н.С. Таганцев (Таганцев, 1902) и И.Я. Фойницкий (Фойницкий, 1884), касались ее в историческом и уголовно-правовом аспектах.

Особенностью исследований советского периода являлась прежде всего их идеологизированность и тенденциозное изложение истории отечественной пенитенциарной системы. В работах С.К. Сизова (Сизов, 1928), С.А. Кудрявцева (Кудрявцев, 1936), Н.М. Гернета (Гернет, 1930), Г.М. Крамарова (Крамаров, 1936) и других режим отбывания наказания в царских тюрьмах однозначно оценивался как бесчеловечный и преступный, героизировалась борьба его узников за свои права и революционные идеалы.

Проведенные в доперестроечный период исследования В.Н. Дворянова (Дворянов, 1971), И.А. Сенченко (Сенченко, 1963), Р.С. Мулукаева (Мулукаев, 1964), Н.И. Биюшкина (Биюшкин, 1964), В.Г. Смольякова (Смольяков, 1979), З.В. Мошкиной (Мошкина, 1989), А.Д. Марголис (Марголис, 1995), А.С. Пругавина (Пругавин, 1909) и других в основном были посвящены организации и деятельности пенитенциарных учреждений дореволюционной России, истории политической каторги и ссылки. Крупнейшим произведением данного периода по проблемам организации и деятельности мест заключения Российской империи следует признать неоднократно переиздававшееся в 50–60-е гг. исследование «История царской тюрьмы» М.Н. Гернета (Гернет, 1961; Гернет, 1962; Гернет 1963), в котором нашли свое отражение многие аспекты истории дореволюционных российских тюрем.

Новейший период характеризуется отказом авторов от идеологической составляющей. Работы З.Т. Тагарова (Тагаров, 1991), М.Г. Деткова (Детков, 1994), Л.Ф. Пертли (Пертли, 2011), В.И. Алексева (Алексеев, 2004), А.Ю. Сибилевой (Сибилева, 2018) и других раскрыли многие важные аспекты отбывания наказания в дореволюционных местах заключения.

Наряду с изложенным, необходимо отметить работы, непосредственно посвященные побегам заключенных из российских пенитенциарных учреждений изучаемого периода. Ю.К. Шевелев (Шевелев, 1971), Э.Ш. Хазиахметов (Хазиахметов, 1978), Р.В. Андриянов (Андриянов, 2015), М.Е. Акболатова (Акболатова, 2018), О.Ю. Корюкова О.Ю. (Корюкова, 2018), О.В. Мазур (Мазур, 1996), О.В. Самойлова (Самойлова, 2004), О.Б. Березина (Березина, 2006), Н.И. Нарышкина (Нарышкина, 2007) в своих статьях затронули историко-правовые аспекты уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы дореволюционной России. Проблема правового положения заключенных пенитенциарных учреждений России на рубеже XIX–XX вв. стала объектом исследования Епифанова А.Е., Павленко Е.М. (Епифанов, Павленко, 2021).

Таким образом, в вышеуказанных работах вопросы, касающиеся побегов узников российских дореволюционных пенитенциарных учреждений, нашли отражение лишь фрагментарно, комплексного и систематического исследования они не получили.

4. Результаты

Стремительный рост политической и общеуголовной преступности в России в конце XIX – начале XX вв. вызвали волну сопротивления своей участи контингента российских тюрем. Одним из основных его проявлений явились побег их узников. В рамках настоящего исследования были установлены масштабы, причины и условия побегов, а также их характерные черты. Была установлена прямая зависимость побегов от сложившихся в Российской империи социально-политических условий, развития в стране революционной ситуации. Более того, побег арестантов и их насильственное освобождение превратились в одну из форм революционной борьбы.

Установленные тюремной администрацией быт заключенных, прежде всего относящихся к числу политических противников царского режима, система надзора за ними, условия их содержания

и обращения с ними на практике представляли собой средство физического подавления заключенных, зачастую приводя к непоправимому подрыву их здоровья и мучительной гибели в застенках. В свою очередь, перечисленные обстоятельства неизбежно толкали узников российских пенитенциарных учреждений на побег. Отечественная пенитенциарная система в сложившихся условиях оказалась не в состоянии обеспечить установленные требования по изоляции преступников, их исправлению и возвращению к нормальной жизни.

Реальные условия содержания заключенных, ветхость российских мест заключения, некомпетентность и безответственность служащих тюремной администрации, надзора и конвойных войск зачастую способствовали совершению побегов и их успешной реализации.

Анализ статистики и практики побегов заключенных российских пенитенциарных учреждений позволил выявить недостатки и уязвимые места их системы, характерные для всего карательного механизма Российской империи, способствовавшие в свою очередь ее краху в ходе Октябрьской революции 1917 г.

Под влиянием сложившихся социально-политических условий своеобразной жизненной установкой и практикой выживания многих беглых арестантов в изучаемый период становится скитальчество. Количество побегов и настойчивость к их совершению некоторых беглых арестантов впечатляют. Так, в июне 1892 г. Сенат обратился к императору с прошением о помиловании с дозволением избрания свободного места жительства ссыльнокаторжного Клычко, в возрасте 75 лет осужденного к бессрочной каторге и наказанию плетьюми (100 ударов). С 1858 по 1891 гг. он многократно за побег осуждался на длительные сроки к каторге, с которой неизбежно убегал вновь. Около 15 побегов из тюрьмы имел на своем счету беглый арестант Паклин. Пользуясь покровительством местного населения, с которым он щедро делился краденными у купцов товарами, ему длительное время удавалось скрываться от поимки. Ожесточившись после применения к нему строгих мер наказания и убив несколько человек, Паклин совершил побег уже с бессрочной каторги (*Тюремный вестник*. 1893. 3: 98).

Привыкнув к скитальческой жизни, подобные персонажи превращали ее в ремесло и поддавались задержанию лишь на зиму, с тем чтобы найти удобный приют в тюрьме. Весной же, нередко с опасностью для жизни, они вновь совершали побег. Отмечалось, что многие беглецы, ранее осужденные за тяжкие преступления, совершали побег не столько ради обретения свободы, сколько для расправы с обнаружившими, выдавшими или даже осудившими их лицами. Для сибирского населения даже такие беглые особой угрозой не представляли, поскольку путем самосуда оно было в состоянии нейтрализовать любые преступные проявления. В пределах же европейской России беглые арестанты порой наводили панический страх и ужас на целые селения и месяцами держали их «в осаде» (*Тюремный вестник*, 1893. 3: 97-106).

Динамика наполнения российских пенитенциарных учреждений конца XIX – начала XX вв. показывает, что вплоть до 1905 г. количество отбывавших в них наказание осужденных никогда не превышало 100 000 человек. В 1905 г. из-за стремительного роста преступности, а также в результате революционных событий оно резко возросло с 85 184 заключенных до 171 219 в 1908 г., т.е. практически вдвое. Внезапное увеличение численности арестантов, среди которых быстро распространялись революционные настроения, повлекло стремительный рост количества побегов, сопряженных к тому же с насилием и массовыми беспорядками в местах заключения. Согласно официальным данным Главного тюремного управления, статистика побегов заключенных в Российской империи за 1899–1908 гг. выглядела следующим образом (*Тюремный вестник*, 1910. 5: 687).

Таблица 1. Статистика побегов арестантов за 1899–1908 гг.

Годы	Бежало арестантов от тюремной стражи и воинского конвоя	Количество бежавших арестантов на 1000 заключенных	Количество покушений на побег
1899	428	5	Сведений нет
1900	612	7	
1901	705	8	
1902	650	7	
1903	1 235	13	103
1904	1 262	14	102
1905	1 951	23	51
1906	3 231	29	217
1907	2 730	20	287
1908	1 371	8	171

Очевидно, что колебания кривой побегов арестантов находились в прямой зависимости от развития в стране революционной ситуации. В годы революции среди арестантов укрепилась надежда на скорое освобождение и чувство полной безнаказанности. Уверенность в устойчивости сложившегося правопорядка сильно поколебалась и среди служащих системы тюремных учреждений. В условиях стремительного роста числа заключенных надзор за ними в значительной степени ослаб и оказался не в состоянии удержать их от самовольного освобождения.

С наступлением постреволюционной ремиссии 1907–1908 гг. надежды арестантов на всеобщее освобождение стали угасать, равно как и их чувство собственной безнаказанности. На быстром сокращении количества побегов сказалось и возросшее чувство долга и ответственности за исполнение своих обязанностей служащих тюремного ведомства.

Практика совершения побегов в исследуемый период свидетельствовала о том, что большинство из них (7 627) были совершены во время нахождения арестантов за пределами тюремной ограды либо из тюремных дворов. Таким образом бежали 14 176 арестантов (или 54 % от их общего числа). 6 549 побегов были совершены непосредственно из тюремных зданий. В изучаемый период особенно участились побег арестантов с внешних работ. В основном это было связано с тем, что многие начальники тюрем самоустранились от назначения арестантов на работы за пределами тюремной ограды, переложив эту обязанность на старших тюремных надзирателей. Последние же в нарушение установленного порядка зачастую отправляли на внешние работы тех арестантов, которым это было, безусловно, запрещено. Так, нередко в силу преступной халатности надзирателей для работы на тюремных огородах направлялись подследственные, бродяги, ссыльнокааторжные и иные предрасположенные к побегам арестанты (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 96).

В значительной степени побегам арестантов способствовали и другие нарушения, а также крайне небрежное исполнение своих служебных обязанностей местной тюремной администрацией и надзорсоставом. Наиболее распространенными среди них были квалифицируемые тюремным начальством как служебные преступления сон на посту, самовольные отлучки, занятие посторонними делами и т.п. (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 96).

Значительно участвовавшие побег арестантов из мест заключения отмечал в своем циркуляре 1 декабря 1906 г. саратовский губернский тюремный инспектор (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 34. Л. 236–239). По его наблюдениям, лишь в малой степени они объяснялись переполнением тюрем. Собранными вверенным ему Тюремным отделением данными было установлено, что в ряде случаев стража намеренно облегчала арестантам побег.

Весьма показательным в данном отношении является пример Царицынской тюрьмы (Саратовская губерния). В 1908 г. за пьянство в ней были уволены 25 надзирателей, за «упуск арестантов» – 1, за сношение с арестантами – 10, за самовольное оставление службы – 6, по неспособности – 6, за сон на посту, пронос водки и писем арестантам – 17 (ГАВО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 40. Л. 2). 50 надзирателей были подвергнуты штрафу за сон на посту и слабый надзор за арестантами. 32 надзирателя за подобное нарушение было арестовано на 7 суток. Начальник тюрьмы в годовом отчете отмечал сопряженные с тюремной службой особые риск и непомерные нагрузки, особенно возросшие после 1905 г. Дороговизна и политические беспорядки усугубляли и без того неблагоприятные условия осуществления службы вверенными ему служащими тюремных учреждений, денежное содержание которых не превышало 200 рублей, что явно не соответствовало прожиточному минимуму. Отмечалось, что «мало-мальски порядочные солдаты» неохотно шли на тюремную службу ввиду ее крайне скудной обеспеченности. От «общей небрежности службы тюремного надзора», возможности его подкупа арестантами, по мнению начальника Царицынской тюрьмы, ведомство вполне могло бы оградить хотя бы увеличением жалованья чинам надзорсостава (ГАВО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 40. Л. 2).

Крайне неблагоприятное положение с побегам заключенных сложилось при их этапировании, особенно железнодорожным транспортом. Например, 11 сентября 1906 г. во время перевозки по Сибирской железной дороге из вагона от омской конвойной команды сбежали сразу 6 арестантов, из-за халатности конвоя получившие от посторонних лиц значительные суммы денег и пилки, при помощи которых им удалось преодолеть решетки тюремного вагона. Служебное расследование показало, что в результате тяжких нарушений конвойной службой арестантам было позволено приобретать неразрешенные предметы, включая спиртные напитки, допускались беспрепятственный выход арестантов из вагонов, их общение с публикой, пение революционных песен и произнесение противоправительственных речей (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 34. Л. 29).

Несмотря на предпринимавшиеся меры, в исследуемый период получили большое распространение случаи самовольного освобождения арестантов со стороны воинских конвойных команд. Отмечались сопровождавшиеся побегам факты, когда начальники конвоев и караулов отпускали вверенных арестантов на полевые работы, к родственникам, на прогулки и даже отправлялись вместе с ними в публичные дома, за денежное вознаграждение устраивали половые сношения арестантов и т.п.

Как отмечалось в приказе по конвойным командам № 4 от 3 декабря 1909 г., в практике этапирования арестантов случаи их побегов, в том числе сопровождавшиеся нападением на конвой и даже полным его разоружением, редкостью не были. В процессе дознаний по подобным фактам были выявлены способствовавшие им многочисленные нарушения Устава конвойной службы. В их числе

были отмечены прием арестантов в местах заключения без обыска, разрешение арестантам иметь при себе деньги, посторонние разговоры арестантов с конвоирами, вывод арестантов в отхожие места не по одному и без сопровождения конвоя, оставление арестантов без присмотра, незаряженное оружие конвоиров, оставление ими оружия в небезопасных от возможности завладения им арестантами местах, неумение вовремя употребить оружие (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 19. Л. 52).

Зачастую конвоиры распускались настолько, что позволяли себе спать на посту, пьянствовать, совершать самовольные отлучки и даже опускаться до общения с арестантами. Чувство товарищества и взаимной поддержки среди конвойных нередко отсутствовало вовсе. Вышеназванным приказом отмечался случай, когда старший одного из конвоев проявил беспримерную трусость и бежал, бросив своих подчиненных на расправу арестантам, напавшим на конвой с целью завладения оружием и совершения побега (Тюремный вестник. 1909. 12: 1133-1134).

С 1905 г. начинают регистрироваться попытки освобождения арестантов посредством нападения на места заключения извне (Тюремный вестник. 1910. 5: 688).

Таблица 2. Количество попыток освобождения заключенных извне за 1905–1908 гг.

Годы	Количество нападений на места заключения извне	Количество арестантов, освобожденных нападавшими
1905	9	92
1906	3	9
1907	2	14
1908	1	18

Нередко побеги арестантов сопровождалась насилием против представителей тюремного надзора и конвойной стражи, взрывами, поджогами, подкопами и проломами. Так, 31 июля 1906 г. заключенные Камышинской уездной тюрьмы (Саратовская губерния), имитировав пожар, сломали запоры камер и в полном составе вырвались во двор. Одновременно снаружи тюрьмы собралась огромная толпа их сподвижников, которая принялась ломать ее ворота и требовать освобождения заключенных. Воспользовавшись прибытием пожарных, сообщники арестантов ворвались в пределы тюрьмы и сумели освободить 70 из 112 ее узников. Малочисленный надзорсостав никакого противодействия при этом не оказывал (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 38. Л. 14). 26 августа того же года сотни бунтовщиков на Базарной площади Камышина напали на конвой, сопровождавший 58 прибывших по железной дороге заключенных и силой освободили их. Одновременно были освобождены и все находившиеся в местной тюрьме арестанты, что в свою очередь послужило прологом к охватившему затем весь город вооруженному мятежу (100 лет, 2018: 31-32).

В 1906 г. был обнаружен ряд подкопов в Киевской тюрьме, благодаря чему удалось предотвратить массовые побеги заключенных, в том числе «серьезных» политических преступников. В 1907 г. при обыске в Екатеринославской тюрьме в откидных койках было обнаружено около 3 фунтов динамита, 8 капсюлей с гремучей ртутью, 4 куска бикфордова шнура, 10 стальных пилок и отточенный нож. В замаскированном отверстии печи был обнаружен револьвер (Тюремный вестник. 1907. 3: 184-185). 22 августа 1908 г. большой по размерам подкоп был обнаружен в Зерентуйской тюрьме. Судя по всему, его сооружение осуществлялось под руководством опытного инженера из числа узников, причем с ведома и участия практически их всех (Тюремный вестник. 1908. 11: 763-765). Неоднократные обнаружения подкопов и предотвращение побегов заключенных отмечались в Саратовской тюрьме (Тюремный вестник. 1907. 3: 184). В Кузнецком тюремном замке (Томская губерния) старший надзиратель Журавлев и младшие надзиратели Максимов и Короваев, обратив внимание на аномалии в поведении заключенных, предотвратили массовый побег уголовников, обнаружив уже практически завершенный подкоп. За разумное и ревностное отношение к исполнению служебных обязанностей по распоряжению губернатора им была выдана денежная награда в размере 10 и 5 рублей соответственно (Тюремный вестник. 1908. 1: 57-58). Награду в 5 рублей получил и надзиратель Каинской тюрьмы Попов, который обнаружил и предотвратил побег арестантов, проделавших при помощи коловорота и пилы отверстие в потолке и уже успевших выбраться на чердак (Тюремный вестник. 1908. 4: 343).

Нередко совершению побегов способствовали подкуп и иное содействие со стороны служащих и администрации тюремных учреждений. Подобные случаи отмечались Главным тюремным управлением в 1906–1908 гг. (Тюремный вестник. 1910. 5: 689).

Особую актуальность в изучаемый период приобрели вопросы обеспечения охраны заключенных и предотвращения их несанкционированного освобождения. Как оказалось, злоумышленники, прежде всего политические преступники, предпринимали настойчивые усилия к тому, чтобы отбывавшие наказание в тюрьмах их сподвижники до срока оказались на свободе. При этом участились случаи насильственного освобождения арестованных из мест заключения, выхода их на свободу и перевода из одного места заключения в другое на основании подложных бумаг и телеграмм, составленных от имени администрации и «правительственных мест». В ряде

случаев подобные фальшивки предъявлялись лицами, переодетыми в полицейскую форму (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 34. Л. 12). По сведениям Главного тюремного управления, радикально настроенные революционеры вынашивали планы организации в местах заключения массовых побегов политических арестантов. Коллективные попытки к самовольному освобождению отличались чрезвычайной дерзостью. При этом нередко заключенные оказывались вооружены кинжалами, ножами, револьверами и иными запрещенными к хранению предметами. Успешный исход некоторых подобных попыток свидетельствовал не только о неудовлетворительном состоянии устройства тюремных зданий, но и о недостаточно ответственном исполнении представителями тюремного управления своего служебного долга, отсутствии у некоторых из них надлежащей подготовки к исполнению должностных обязанностей (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 34. Л. 19).

Таблица 3. Количество преступных действий, сопровождавших побеги в 1906–1908 гг.

Годы	Количество случаев насилия против стражи и караула	Количество взрывов, подкопов и проломов	Количество случаев подкупа стражи и ее содействия побегам	Итого преступных действий, сопровождавших побеги
1906	264	480	51	795
1907	53	333	55	441
1908	2	62	7	71

Между тем, несмотря на предпринимаемые со стороны администрации и надзоростава пенитенциарных учреждений усилия, количество побегов заключенных не уменьшалось, более того, они приобретали все более изощренный и ожесточенный характер, все чаще влекли за собой человеческие жертвы. Так, 4 августа 1906 г. арестантами Хвальинской тюрьмы Саратовской губернии была предпринята попытка спровоцировать беспорядки и совершить благодаря этому побег. При этом им удалось отнять табельный револьвер у младшего надзирателя Аникина, из которого ему были нанесены ранения. Побег был предотвращен лишь благодаря решительным действиям другого надзирателя – Капелина, сумевшего своевременно поднять тревогу и предупредительными выстрелами разогнать заключенных по камерам (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 34. Л. 31). В ночь с 19 на 20 августа 1906 г. была совершена попытка побега четырех арестантов Саратовского исправительного арестантского отделения, которые при этом убили постового надзирателя Волкова. 25 сентября 1906 г. арестанты Кузнецкой тюрьмы Саратовской губернии с целью совершения побега во время вечерней поверки набросились на надзирателей, пытаясь их обезоружить и задушить. Катастрофа была предотвращена надзирателями Ермаковым и Жадновым, которые подоспели на помощь и открыли огонь по арестантам. За энергичную и самоотверженную службу упомянутые надзиратели были награждены саратовским губернским тюремным инспектором (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 34. Л. 31-32).

Приведенные факты наглядно показывают, что отношения между тюремным надзором и арестантами зачастую стали принимать характер вооруженных столкновений вследствие повышенного стремления последних к побегам. В исследуемый период Главным тюремным управлением были зарегистрированы следующие факты (Тюремный вестник. 1910. 5: 690):

Таблица 4. Количество человеческих жертв, вызванных побегам заключенных в 1899–1908 гг.

Годы	Убито	Ранено	Итого
1899	-	5	5
1900	2	5	7
1901	4	15	19
1902	8	20	28
1903	19	16	35
1904	22	26	48
1905	31	87	118
1906	95	140	235
1907	126	161	287
1908	71	51	122

Если конкретизировать приведенную статистику, то обращает на себя внимание значительно больший удельный вес потерь среди служащих тюремных учреждений по сравнению с числом погибших при рассматриваемых обстоятельствах арестантов. Особенно характерно это было для периода революционных событий ([Тюремный вестник. 1910. 5: 690](#)).

Таблица 5. Количество погибших в результате побегов заключенных и тюремных чинов в 1906–1908 гг.

Годы	Потери среди арестантов	Потери среди чинов надзорсостава и тюремной администрации
1906	21	72
1907	21	106
1908	7	23

Характерный в этой связи случай имел место 28 февраля 1908 г. в Орловской тюрьме, где пятеро осужденных к смертной казни арестантов во время вывода на прогулку с завернутыми в тряпки кирпичами напали на стражника и надзирателя и, оглушив, обезоружили их. Из отнятых револьвера и винтовки беглецы застрелили еще одного стражника, после чего, засев в дровах, открыли огонь по подоспевшим стражникам. После продолжительной перестрелки все бежавшие узники были убиты ([Тюремный вестник. 1908. 5: 424-425](#)). Побег, сопровождавшийся насилием и зачастую кровопролитием, позволили выработать ряд непреложных правил надзора за арестантами, направленных против завладения теми оружием. Так, внутренние надзиратели, занятые отпиранием и запираанием камер, при исполнении своих служебных обязанностей не вооружались. Исполнявшие постовые обязанности наружные и внутренние надзиратели, напротив, находились в полной боевой готовности с оружием в руках и в обязательном порядке соблюдали дистанцию до арестантов, ни в коем случае не подпуская их к себе.

При анализе статистики побегов, совершенных в исследуемый период, обращает на себя внимание большой удельный вес тех из них, которые закончились успехом, участники которых так и не были обнаружены ([Тюремный вестник, 1910. 5: 691](#)).

Таблица 6. Количество задержанных, возвратившихся и разысканных заключенных, совершивших побег за 1899–1908 гг.

Годы	Было задержано	Вернулось обратно	Осталось не разыскано
1899	232	1	195
1900	297	5	310
1901	367	16	322
1902	360	26	264
1903	559	23	653
1904	583	11	658
1905	863	40	1 048
1906	1 262	31	1 938
1907	1 019	21	1 690
1908	564	20	787

Можно заметить, что в 1906–1907 гг. число таких беглецов было преобладающим. Очевидно, что условия политических волнений способствовали не только росту числа самих побегов, но и благоприятствовали их успешной реализации, создавая для беглецов все возможности скрыться от преследования. Во многих случаях успеху побегов способствовала поддержка со стороны местного населения. Отмечались случаи открытого вооруженного нападения на места заключения извне, с тем чтобы силой освободить их узников.

Необходимо отметить, что пенитенциарные учреждения обширной Российской империи были подвержены побегам неравномерно. Приведенные ниже данные Главного тюремного управления свидетельствуют о наиболее неблагоприятных в данном отношении губерниях, где в 1904–1908 гг. на каждую тысячу арестантов в среднем приходилось свыше 30 побегов арестантов ([Тюремный вестник. 1910. 5: 692](#)).

Таблица 7. Сведения о количестве заключенных российских тюрем по регионам и распространении побегов среди них за 1904–1908 гг.

Названия губерний и областей	Среднее число арестантов за 1904–1908 гг.	Среднее ежегодное число побегов за 1904–1908 гг.	Количество побегов на 1000 арестантов
Закаспийская	145	11	76
Таврическая	1250	75	60
Самаркандская	406	19	47
Владимирская	1647	67	47
Амурская	263	12	46
Калужская	596	23	38
Костромская	888	32	36
Приморская	722	25	35
Томская	2 350	83	35
Астраханская	595	20	34
Черниговская	1 830	61	33
Саратовская	2 715	83	31
Ковенская	1 005	31	31
Среднее по Империи	119 605	2 109	18

Обращает на себя внимание преобладание числа побегов в азиатской части России по сравнению с европейской. Сравнительно реже побеги совершались из тюрем, расположенных в крупных городах, как, например, в Санкт-Петербурге. Очевидно, это было связано с прочностью и основательностью самих мест заключения в них, а также более бдительным и лучше организованным тюремным надзором. Благоприятствовали побегам проблемы с устройством тюремных зданий, порядком арестантских работ, условиями выпуска за пределы тюремной ограды, а также предрасположенность самих узников к побегу. Необходимо отметить, что в документах Главного тюремного управления отсутствует непосредственная связь побегов арестантов со служебной нагрузкой служащих тюремных учреждений (*Тюремный вестник. 1910. 5: 696-697*).

Несмотря на предпринимаемые меры, весьма распространенным явлением были побеги каторжников, причем даже на Сахалине. Так, летом 1895 г. в Приморье на 600 каторжников железнодорожных команд, занятых на постройке путей, приходилось 89 побегов. К концу лета 55 бежавших так и не были пойманы. Один беглый каторжник при задержании был убит, другой – ранен. В 1895 г. вследствие участвовавших побегов названных каторжников по соглашению с местной администрацией вдоль р. Амур для поимки беглых расположились сторожевые посты в составе представителей земской полиции и тюремного надзора. Это позволило заметно сократить количество побегов, так как, несмотря на высокую денежную премию за поимку бежавших, местные казаки задерживать их не осмеливались, потому что небезосновательно опасались мести и поджогов со стороны беглецов (*Тюремный вестник. 1897. 3: 129-130*).

Переход от ссылки каторжников в наиболее отдаленные местности Империи к их сосредоточению в специально выделенных тюрьмах, осуществленный в рамках тюремной реформы, не оказал должного влияния на интенсивность побегов арестантов. Напротив, в отличие от предшествующего периода, они приобрели организованный характер, изобретательность и кровопролитность. Так, 13 февраля 1907 г. из Батумской тюрьмы бежал каторжник Гагуа. Ему удалось скрыться при помощи других арестантов, которые спрятали его в мешке с остатками хлеба и погрузили на повозку обслуживавшей тюрьму молочницы (*Тюремный вестник. 1907. 3: 184-185*). 10 апреля 1908 г. из Александровской центральной каторжной тюрьмы через главный вход совершили побег 20 ссыльнокаторжных арестантов. Двое из них при побеге были убиты, еще двое умерли от ран. 10 арестантов задержать не удалось. При совершении побега были убиты трое надзирателей и двое ранены (*Тюремный вестник. 1908. 5: 420*).

5. Заключение

Организация и деятельность отечественной пенитенциарной системы на рубеже XIX–XX вв. в значительной степени была отягощена проблемой побегов арестантов, особенно возросшей в годы Первой русской революции (*Karabushenko et al., 2020*). Мероприятия, связанные с тюремной

реформой и последующими преобразованиями российских мест заключения, во многом были вызваны именно ростом числа побегов, многие из которых были успешными.

Росту числа побегов арестантов из тюремных учреждений способствовали такие обстоятельства, как переполнение российских тюрем и особенности их географического расположения, революционные настроения их контингента, ослабление тюремного надзора, оплошности и ошибки в обеспечении режима лишения свободы, организации работ и перемещении арестантов, нарушения служебной дисциплины и небрежное исполнение своих обязанностей представителями администрации, надзора и конвоя тюремных учреждений.

Характерной особенностью революционного периода явилось насильственное освобождение заключенных российских тюрем, рекрутирование из их числа участников массовых беспорядков и мятежей.

При совершении побегов служащие тюремной администрации, надзора и конвойной стражи нередко становились объектом насильственных действий со стороны арестантов, вплоть до их убийства, несли при этом значительные потери. Многие побеги были совершены благодаря подкупу надзирателей и тюремной администрации, а также содействию с их стороны. Документы архивов, впервые введенные в научный оборот в настоящем исследовании, служат значимым подтверждением обозначенных выше выводов.

Литература

- 100 лет, 2018 – 100 лет на страже закона и порядка. Волгоград, 2018. 183 с.
- Акболатова, 2018 – Акболатова М.Е. История становления законодательства об ответственности за побег из мест лишения свободы. Известия вузов Кыргызстана. 2018. № 3. С. 96-98.
- Алексеев, 2014 – Алексеев В.И. Тюремная реформа в России 1879 года. М., 2004. 554 с.
- Андрянов, 2015 – Андрянов Р.В. Уголовная ответственность за побег в дореволюционной России // *Вестник Кузбасского института*. 2015. № 4(25). С. 15-18.
- Березина, 2006 – Березина О.Б. Нерчинская каторга в системе пенитенциарных учреждений России в конце XVIII – начале XX в. // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2006. № 4(44). С. 14-18.
- Биюшкина, 2011 – Биюшкина Н.И. Правовое регулирование условий содержания политических преступников в Российской империи в период правления Александра III // *Вестник Владимирского юридического института*. 2011. № 2. С. 140-146.
- ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.
- Гернет, 1930 – Гернет М.Н. В тюрьме. Очерки тюремной психологии. 2-е издание, дополненное новыми очерками и иллюстрациями. Харьков, 1930. 263 с.
- Гернет, 1961 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1961. 430 с.
- Гернет, 1962 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 4. М., 1962. 302 с.
- Гернет, 1963 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 5. М., 1963. 340 с.
- Гогель, 1906 – Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения: собрание исследований. СПб, 1906. 654 с.
- Дворянов, 1971 – Дворянов В.Н. В Сибирской дальней стороне: (Очерки истории царской каторги и ссылки). Минск, 1971. 374 с.
- Детков, 1994 – Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994. 119 с.
- Корюкова, 2018 – Корюкова О.Ю. Уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы, уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы: исторический аспект // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2018. № 1(41). С. 30-36.
- Крамаров, 1922 – Крамаров Г.М. Нерчинская каторга (1907–1910) // *Каторга и ссылка*. 1922. № 3. С. 27-35.
- Кудрявцев, 1936 – Кудрявцев Ф.А. Александровский централ: из истории сибирской каторги. Иркутск, 1936. 97 с.
- Линев, 1880 – Линев Д.А. В пересыльной тюрьме. СПб, 1880. 350 с.
- Мазур, 1996 – Мазур О.В. Вопросы истории ответственности за побег из мест лишения свободы / *Нетрадиционные подходы к решению проблем борьбы с правонарушениями: Материалы науч.-практ. конф.* Омск, 1996. С. 16-21.
- Марголис, 1995 – Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки. М., 1995. 207 с.
- Мошкина, 1989 – Мошкина З.В. Положение политических заключенных и условия содержания их на Нерчинской каторге во второй половине XIX века // *Ссылные революционеры в Сибири (XIX век – февраль 1917 года)*. Вып. 11. Иркутск, 1989. С. 19-30.
- Мулукаев, 1964 – Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964. 28 с.
- Нарышкина, 2007 – Нарышкина Н.И. Организационно-правовые меры предупреждения побегов из тюрем в России: исторический аспект / *Преступность, криминология, криминологическая защита*. М., 2007. С. 281-286.

Никитин, 1880 – *Никитин В.Н.* Тюрма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из под стражи со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней. 1560–1880. СПб, 1880. 674 с.

Николаевский, 1898 – *Николаевский Н.* Тюрма и ссылка. Очерки политической и религиозной ссылки. М., 1898. 201 с.

Пертли, 2011 – *Пертли Л.Ф.* Организационно-правовые основы условий содержания заключенных в дореволюционной России / Под науч. ред. *С.И. Кузьмина*. М., 2011. 200 с.

Познышев, 1915 – *Познышев С.В.* Очерки тюремоведения. М., 1915. 295 с.

Пругавин, 1909 – *Пругавин А.С.* В казематах. Очерки и материалы по истории русских тюрем. СПб, 1909. 235 с.

Саломон, 1898 – *Саломон А.П.* Тюремное дело в России. СПб, 1898. 38 с.

Самойлова, 2004 – *Самойлова О.В.* Развитие уголовного законодательства об ответственности за побег из мест лишения свободы / *Пути повышения эффективности деятельности УИС Минюста России в современный период: Материалы междунаро. науч.-практ. конф. Владимир, 2004.* С. 328-331.

Свирский, 1899 – *Свирский А.И.* Казенный дом. Тюрьмы, надзиратели, арестанты. СПб., 1899. 230 с.

Свод..., 1890 – Свод законов Российской империи. Том четырнадцатый. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражей и о ссыльных. СПб., 1890.

Сенченко, 1963 – *Сенченко И.А.* Революционеры России на Сахалинской каторге. Южно-Сахалинск, 1963. 191 с.

Сибилева, 2018 – *Сибилева А.Ю.* Правовые основы деятельности тюрем в Таврической губернии (конец XVIII – начало XX вв.). Симферополь, 2018. 251 с.

Сизов, 1928 – *Сизов С.К.* Дореволюционная тюрьма и советский исправительно-трудовой дом. Армавир, 1928. 22 с.

Смольяков, 1979 – *Смольяков В.Г.* Тюремная система дореволюционной России, ее реакционная сущность. М., 1979. 23 с.

Таганцев, 1902 – *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть общая: лекции Н.С. Таганцева. 2-е издание, пересмотренное и дополненное. СПб., 1902. 256 с.

Тагаров, 1991 – *Тагаров З.Т.* Побег и подкобы политкаторжан Нерчинской каторги (1905–1914 гг.) // *Ссыльные революционеры в Сибири*. Вып. 12. Иркутск, 1991. С. 122-132.

Тюремный вестник, 1907 – *Тюремный вестник*. 1907. № 3. 249 с.

Тюремный вестник, 1908 – *Тюремный вестник*. 1908. № 11. 834 с.

Тюремный вестник, 1908 – *Тюремный вестник*. 1908. № 4. 368 с.

Тюремный вестник, 1908 – *Тюремный вестник*. 1908. № 5. 436 с.

Тюремный вестник, 1909 – *Тюремный вестник*. 1909. № 12. 1206 с.

Тюремный вестник, 1910 – *Тюремный вестник*. 1910. № 5. 810 с.

Тюремный вестник, 1893 – *Тюремный вестник*. 1893. № 3. 120 с.

Тюремный вестник, 1897 – *Тюремный вестник*. 1897. № 3. 132 с.

Тюремный вестник, 1908 – *Тюремный вестник*. 1908. № 1. 792 с.

Фойницкий, 1884 – *Фойницкий И.Я.* Курс русского уголовного судопроизводства, составленный по лекциям профессора С.-П. Бургского университета И.Я. Фойницкого и изданный в руководство слушателям 1883–1884 года: Т. 2. СПб., 1884. 664 с.

Хазиахметов, 1978 – *Хазиахметов Э.Ш.* Организация побегов политических ссыльных из Сибири в 1906–1917 гг. // *Ссылка и общественно-политическая жизнь Сибири*. Новосибирск, 1978. С. 54-91.

Шевелев, 1971 – *Шевелев Ю.К.* Развитие законодательства о борьбе с побегами осужденных к лишению свободы // *Труды Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР*. М., 1971. № 17. С. 137-140.

Epifanov, Pavlenko, 2021 – *Epifanov A.E., Pavlenko E.M.* From the History of Ensuring the Rights of Prisoners in Prisons of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries (based on materials from the Saratov Province) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1910-1921.

Karabushenko et al., 2020 – *Karabushenko P.L., Krasnozhenova E.E., Kulik S.V.* Eschatological Representations of the Tsarist Elite on the Eve of the Great Russian Revolution // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2742-2755.

References

100 let, 2018 – 100 let na strazhe zakona i poryadka [100 years on guard of law and order]. Volgograd. 2018. 183 p. [in Russian]

Akbolatova, 2018 – *Akbolatova, M.E.* (2018). Istoriya stanovleniya zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za pobeg iz mest lisheniya svobody [The history of the formation of legislation on liability for escape from places of deprivation of liberty]. *Izvestiya vuzov Kyrgyzstana*. 3: 96-98. [in Russian]

Alekseev, 2004 – *Alekseev, V.I.* (2004). Tyremnaya reforma v Rossii 1879 goda [Prison reform in Russia in 1879]. М. 554 p. [in Russian]

- Andriyanov, 2015** – *Andriyanov R.V.* (2015). Ugolovnaya otvetstvennost' za pobeg v dorevolucionnoy Rossii [Criminal responsibility for escape in prerevolutionary Russia]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 4(25): 15-18. [in Russian]
- Berezina, 2006** – *Berezina, O.B.* (2006). Nerchinskaya katorga v sisteme penitenciarney uchrezhdeniy Rossii v konce XVIII – nachale XX v. [Nerchinskaya penal servitude in the penitentiary system of Russia in the late XVIII – early XX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 4(44): 14-18. [in Russian]
- Biyushkina, 2011** – *Biyushkina, N.I.* (2011). Pravovoe regulirovanie usloviy soderganiya politicheskikh prestupnikov v Rossiyskoy imperii v period pravleniya Aleksandra III [Legal regulation of the conditions of detention of political criminals in the Russian Empire during the reign of Alexander III]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*. 2: 140-146. [in Russian]
- Detkov, 1994** – *Detkov, M.G.* (1994). Nakazanie v Carskoy Rossii. Sistema ego ispolneniya [Punishment in Tsarist Russia. The system of its execution]. M. 119 p. [in Russian]
- Dvoryanov, 1971** – *Dvoryanov, V.N.* (1971). V Sibirskoy dal'nej storone: (Ocherki istorii carskoj katorgi i ssylki) [In the Siberian Far Side: (Essays on the history of the tsarist penal servitude and exile)]. Minsk. 374 p. [in Russian]
- Epifanov, Pavlenko, 2021** – *Epifanov, A.E., Pavlenko, E.M.* (2021). From the History of Ensuring the Rights of Prisoners in Prisons of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries (based on materials from the Saratov Province). *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1910-1921.
- Foinickiy, 1884** – *Foinickiy, I.Ya.* (1884). Kurs russkogo ugolovnogo sudoproizvodstva, sostavlenniy po lekcijam professor S.P. Burgskogo universiteta I.Ya. Foinickogo i izdannyi v rukovodstvo slushatelyam 1883–1884 goda [A course on Russian criminal justice, based on the lectures of Professor S.-P. Burg University I. Ya. Foinitsky and published as a guide to listeners in 1883–1884]. T. 2. SPb. 664 p. [in Russian]
- GAVO** – Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti [State Archives of the Volgograd Region].
- Gernet, 1930** – *Gernet, M.N.* (1930). V tyr'me. Ocherki tyremnoy psihologii. 2-e izdanie, dopolnennoe novymi ocherkami i ilustracijami [In prison. Essays on Prison Psychology. 2nd edition, updated with new sketches and illustrations]. Char'kov. 263 p. [in Russian]
- Gernet, 1961** – *Gernet, M.N.* (1961). Istoriya carskoj tyur'my [The history of the tsarist prison]. T. 3. M. 430 p. [in Russian]
- Gernet, 1962** – *Gernet, M.N.* (1962). Istoriya carskoj tyur'my [The history of the tsarist prison]. T. 4. M. 302 p. [in Russian]
- Gernet, 1963** – *Gernet, M.N.* (1963). Istoriya carskoj tyur'my [The history of the tsarist prison]. T. 5. M. 340 p. [in Russian]
- Gogel', 1906** – *Gogel' S.K.* (1906). Voprosy ugolovnogo prava, processa i tyur'movedeniya: sobranie issledovaniy [Questions of criminal law, process and prison studies: a collection of studies]. SPb. 1906. 654 p. [in Russian]
- Haziahmetov, 1978** – *Haziahmetov, E.Sh.* (1978). Organizaciya pobegov politicheskikh ssyl'nyh iz Sibiri v 1906-1917 gg. [Organization of escapes of political exiles from Siberia in 1906-1917]. Ssylka i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri. Novosibirsk. Pp. 54-91. [in Russian]
- Karabushenko et al., 2020** – *Karabushenko, P.L., Krasnozhenova, E.E., Kulik, S.V.* (2020). Eschatological Representations of the Tsarist Elite on the Eve of the Great Russian Revolution. *Bylye Gody*. 58(4): 2742-2755.
- Koryukova, 2018** – *Koryukova, O.Yu.* (2018). Ugolovnaya otvetstvennost' za pobeg iz mest lisheniya svobody, ukлонenie ot otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody: istoricheskij aspekt [Criminal liability for escape from places of imprisonment, evasion from serving a sentence in the form of imprisonment: a historical aspect]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 1(41): 30-36. [in Russian]
- Kramarov, 1922** – *Kramarov, G.M.* (1922). Nerchinskaya katorga (1907–1910) [Nerchinskaya penal servitude (1907–1910)]. *Katorga i ssylka*. 3: 27-35. [in Russian]
- Kudryavcev, 1936** – *Kudryavcev, F.A.* (1936). Aleksandrovskiy central: iz istorii sibirskoy katorgi [Alexandrovsky Central: from the history of Siberian penal servitude]. Irkutsk. 97 p. [in Russian]
- Linev, 1900** – *Linev, D.A.* (1900). V peres'yl'noy tyur'me [In a transit prison]. SPb. 350 p. [in Russian]
- Margolis, 1995** – *Margolis, A.D.* (1995). Tyur'ma i ssylka v imperatorskoj Rossii. Issledovaniya i arhivnye nahodki [Prison and exile in Imperial Russia. Research and archival findings]. M. 207 p. [in Russian]
- Mazur, 1996** – *Mazur, O.V.* (1996). Voprosy istorii otvetstvennosti za pobeg iz mest lisheniya svobody [Questions of the history of responsibility for escape from prison]. *Netradicionnye podhody k resheniyu problem bor'by s pravonarusheniyami: materialy nauch. - prakt. konf.* Omsk. Pp. 16-21. [in Russian]
- Moshkina, 1989** – *Moshkina, Z.V.* (1989). Polozhenie politicheskikh zaklyuchennyh i usloviya sodержaniya ih na Nerchinskoy katorge vo vtoroj polovine XIX veka [The situation of political prisoners and their conditions of detention in the Nerchinsk penal servitude in the second half of the XIX century]. Ssyl'nye revolyucionery v Sibiri (XIX vek – fevral' 1917 goda). Irkutsk. Pp. 19-30. [in Russian]
- Mulukaev, 1964** – *Mulukaev, R.S.* (1964). Policiya I tyremnye uchrezhdeniya dorevoluzionnoy Rossii [Police and prisons of pre-revolutionary Russia]. M. 28 p. [in Russian]

[Naryshkina, 2007](#) – *Naryshkina, N.I.* (2007). Organizacionno-pravovye mery preduprezhdeniya pobegov iz tyurem v Rossii: istoricheskij aspect [Organizational and legal measures to prevent prison escapes in Russia: a historical aspect]. *Prestupnost', kriminologiya, kriminologicheskaya zashchita*. M. Pp. 281-286. [in Russian]

[Nikitin, 1880](#) – *Nikitin, V.N.* (1880). Tyr'ma i ss"ylka. Istoricheskoe, zakonodatel'noe, administrativnoe i bytovoe polozhenie zakluchennyh, peresylnykh, ih detey i osvobozhdennykh iz pod straghi, so vremeni vozniknoveniya russkoj tyr'my do nashih dney [Prison and exile. The historical, legislative, administrative and everyday situation of prisoners, transitory people, their children and those released from custody, from the time of the Russian prison to the present day]. 1560–1880. SPb. 674 p. [in Russian]

[Nikolaevskiy, 1898](#) – *Nikolaevskiy, N.* (1898). Tyr'ma i ss"lka. Ocherki politicheskoy i religioznoy ss"lki [Prison and exile. Essays on political and religious exile]. M. 201 p. [in Russian]

[Pertli, 2011](#) – *Pertli, L.F.* (2011). Organizacionno-pravovye osnovy usloviy sodержaniya zakluchennykh v dorevolucionnoy Rossii [Organizational and legal foundations of the conditions of detention of prisoners in pre-revolutionary Russia]. *Pod nauch. red. S.I. Kuz'mina*. M. 200 p. [in Russian]

[Poznyshev, 1915](#) – *Poznyshev, S.V.* (1915). Ocherki tyr'movedeniya [Essays on Prison Science]. M. 295 p. [in Russian]

[Prugavin, 1909](#) – *Prugavin, A.C.* (1909). V kazematah. Ocherki i materialy po istorii russkih tyurem [In the casemates. Essays and materials on the history of Russian prisons]. SPb. 235 p. [in Russian]

[Salomon, 1898](#) – *Salomon, A.P.* (1898). Tyuremnoe delo v Rossii [Prison case in Russia]. SPb. 38 p. [in Russian]

[Samojlova, 2004](#) – *Samojlova, O.V.* (2004). Razvitie ugolovnoy zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za pobeg iz mest lisheniya svobody [Development of criminal legislation on responsibility for escape from places of deprivation of liberty]. *Puti povysheniya effektivnosti deyatelnosti UIS Minyusta Rossii v sovremennyj period: materialy mezhdunarod. nauch.- prakt. konf. Vladimir*. Pp. 328-331. [in Russian]

[Senchenko, 1963](#) – *Senchenko, I.A.* (1963). Revolucionery Rossii na Sahalinskoj katorge [Revolutionaries of Russia in the Sakhalin penal servitude]. Yuzhno-Sahalinsk. 191 p. [in Russian]

[Shevelev, 1971](#) – *Shevelev, Yu.K.* (1971). Razvitie zakonodatel'stva o bor'be s pobegami osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Development of legislation on combating escapes of persons sentenced to imprisonment]. *Trudy Vsesoyuznogo nauchno-issledovatel'skogo instituta MVD SSSR*. M. 17: 137-140. [in Russian]

[Sibileva, 2018](#) – *Sibileva, A.Yu.* (2018). Pravovye osnovy deyatelnosti tyurem v Tavricheskoy gubernii (konec XVIII – nachalo XX vv.) [The legal basis for the activities of prisons in the Tauride province (late 18th – early 20th centuries)]. *Simferopol'*. 251 p. [in Russian]

[Sizov, 1928](#) – *Sizov, S.K.* (1928). Dorevolucionnaya tyr'ma i sovetskij ispravinel'no-trudovoy dom [Prerevolutionary prison and Soviet correctional labor house]. *Armavir*, 22 p. [in Russian]

[Smolyakov, 1979](#) – *Smolyakov, V.G.* (1979). Tyuremnaya Sistema dorevolucionnoy Rossii, ee reactionnaya sushnost' [The prison system of pre-revolutionary Russia, its reactionary nature]. M. 23 p. [in Russian]

[Svirskij, 1899](#) – *Svirskij, A.I.* (1899). Kazennyj dom. Tyur'my, nadzirately, arestanty [State House. Prisons, guards, prisoners State House. Prisons, guards, prisoners]. SPb. 230 p. [in Russian]

[Svod..., 1890](#) – *Svod zakonov Rossijskoj imperii*. Tom chetyrnadcatyj. Ustavy o pasportah, o preduprezhdenii prestuplenij, o cenzure, o sodержashchihsiya pod strazhej, i o ssyl'nykh [Code of laws of the Russian Empire. Volume fourteenth. Charters on passports, on crime prevention, on censorship, on detainees, and on exiles]. SPb., 1890. [in Russian]

[Tagancev, 1902](#) – *Tagancev, N.S.* (1902). Russke ugolovnoe parvo. Chast' obshaya: lekcii N.S. Taganceva. 2-e isd-e, peresmotrennoe i dopolnennoe [Russian criminal law. General part: lectures by N.S. Tagantseva. 2nd edition, revised and supplemented]. SPb. 256 p. [in Russian]

[Tagarov, 1991](#) – *Tagarov, Z.T.* (1991). Pobegi i podkopy politkatorzhan Nerchinskij katorgi (1905–1914 gg.) [Escapes and undermining of political prisoners of the Nerchinsk penal servitude (1905–1914)]. *Ssyl'nye revolyucionery v Sibiri*. Irkutsk. Pp. 122-132. [in Russian]

[Tyuremnyi vestnik, 1893](#) – *Tyuremnyj vestnik*. 1893. 3: 120. [in Russian]

[Tyuremnyi vestnik, 1897](#) – *Tyuremnyj vestnik*. 1897. 3: 132. [in Russian]

[Tyuremnyi vestnik, 1907](#) – *Tyuremnyj vestnik*. 1907. 3: 249. [in Russian]

[Tyuremnyi vestnik, 1908](#) – *Tyuremnyj vestnik*. 1908. 1: 792. [in Russian]

[Tyuremnyi vestnik, 1908](#) – *Tyuremnyj vestnik*. 1908. 11: 834. [in Russian]

[Tyuremnyi vestnik, 1908](#) – *Tyuremnyj vestnik*. 1908. 4: 368. [in Russian]

[Tyuremnyi vestnik, 1908](#) – *Tyuremnyj vestnik*. 1908. 5: 436. [in Russian]

[Tyuremnyi vestnik, 1909](#) – *Tyuremnyj vestnik*. 1909. 12: 1206. [in Russian]

[Tyuremnyi vestnik, 1910](#) – *Tyuremnyj vestnik*. 1910. 5: 810. [in Russian]

Побеги арестантов в истории российских пенитенциарных учреждений конца XIX – начала XX вв.

Александр Егорович Елифанов ^{a, b, *}, Елена Евгеньевна Красноженова ^c, Сергей Владимирович Кулик ^c

^a Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

^b Отдел по изучению проблем истории Министерства внутренних дел России Научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел России, Москва, Российская Федерация

^c Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В исследовании с историко-правовых позиций раскрыта история, условия, статистика и характерные черты побегов заключенных пенитенциарных учреждений России на рубеже XIX–XX вв., представлена практика тюремных ведомств по борьбе с ними. Авторами установлена прямая зависимость побегов от сложившихся в Российской империи социально-политических условий, развития в стране революционной ситуации. В работе представлено влияние революционных событий 1905–1907 гг. на активность побегов из тюремных учреждений. Показано, что побеги арестантов и их насильственное освобождение превратились в одну из форм революционной борьбы. Поэтому, несмотря на суровые меры наказания, применяемые к беглым арестантам, бегство из мест заключения не только не прекращалось, но и имело устойчивую тенденцию к расширению. Статья подготовлена на основе обширной литературы, а также ведомственных нормативных актов и архивных материалов, многие из которых введены в научный оборот впервые. В статье используются как общенаучные (исторический, логический, диалектический методы, метод системно-функционального анализа и синтеза), так и специально-исторические (историко-сравнительный и статистический) методы познания. В исследовании обработаны количественные данные, имеющиеся в различных отчетах, справках, переписке и других документальных источниках. В их числе – данные о потерях среди арестантов, о количестве побегов из мест лишения свободы, о случаях насилия против стражи и караула. Авторы приходят к выводу о значительных масштабах и большой общественной опасности побегов из российских дореволюционных пенитенциарных учреждений, активность которых была напрямую связана с ростом революционного движения, состоянием мест заключения и тюремной службы.

Ключевые слова: Российская империя, арестанты, каторжники, осужденные, ссыльные, Главное тюремное управление, побеги, тюрьмы, тюремная администрация, надзиратели.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mvd_djaty@mail.ru (А.Е. Елифанов), eleena@inbox.ru (Е.Е. Красноженова), kulik54@mail.ru (С.В. Кулик)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 890-901
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.890

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Path of the Teacher A. Baitursynov: from Bestamak to Karkaralinsk (1895–1910)

Almasbek A. Absadyk ^{a,*}, Otegen I. Issenov ^a, Kabibek Mukhitov ^b, Baktyly S. Boranbaeva ^c

^a A. Baitursynov Kostanay Regional University, Kostanay, Republic of Kazakhstan

^b Atyrau state University named after H. Dosmukhamedov, Republic of Kazakhstan

^c M. Utemisov West Kazakhstan University, Republic of Kazakhstan

Abstract

Pedagogical activity was an important period in the life of a prominent public and political figure A. Baitursynov. His activity as a teacher is about 15 years and has three time-geographical periods: Bistamak, Kustanai, Karkaraly. A certified graduate of the Orenburg teacher's school, Baitursynov, in 1895, after it, began to teach at the school of the Bistamak, Aktobe, Turgai regions. In the 19th – 20th centuries he taught in the village and volost schools of the Kustanai. He received the right to teach in the Kustanai pedagogical class, he also improving in the field of journalism. He publishes his articles of social and cultural significance. In the city of Kustanai, Baitursynov became close friends with Turkologist and teacher A. Alektorov. Alektorov served as director of public schools in the Turgai region. In 1902 he was transferred to the post of director of public schools in Akmola and Semipalatinsk. Baitursynov is appointed to the position of clerk of the director of public schools and moves to Omsk. Later he took place as the head of the Karkaraly district Russian-Kazakh school. He published in print a collection of translations of I. Krylov's "Forty fables", Baitursynov was engaged in educational, social and political activities.

Keywords: Alektorov, Baitursynov, Dulatov, Bukeikhanov, a teacher, a publicist, Turkologist, a school, an educator.

1. Введение

В современный период формирования передовой модели народного образования актуализируется проблема изучения исторического прошлого, а именно деятельность одного из выдающихся казахских интеллектуалов А. Байтурсынова. Педагогическое творчество ученого, просветителя, тюрколога, видного государственного деятеля А. Байтурсынова получило известность в обширном регионе Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Детальное изучение деятельности педагога позволяет оценить масштабы и историческую значимость его вклада в судьбы современников и грядущих поколений.

В XIX в. царское правительство инициировало проведение ряда административно-правовых реформ по управлению регионом. Такие реформы, как «Сибирский устав 1822 года», «Положение об управлении Оренбургскими Киргизами 1844 года», «Временное положение 1868 года», «Степное положение 1891 года», способствовали усилению и централизации имперской власти, административной системы, судопроизводства в Казахстане. В процессе организации административно-управленческих структур происходит складывание профессиональных групп служащих, которые специализировались в системе делопроизводства и социальной сферы. В результате строительства государственных школ с русским языком обучения акцентировалась задача подготовки квалифицированных школьных педагогов. Первые школы действовали в

* Corresponding author

E-mail addresses: absalmas@mail.ru (A.A. Absadyk), utegen59@mail.ru (O.I. Issenov), ocean_5@vmail.ru (K. Mukhitov), Bbaktyly@bk.ru (B.S. Boranbaeva)

пограничных укреплениях и в городах административного значения. Первоначально в школы привлекали в качестве учителей людей, получивших русское образование в различных учебных заведениях Российской империи. Затем стали готовить специалистов, прошедших подготовку в специальных учебных заведениях. Региональная система образования характеризовалась классификацией школ с их разделением на уездные, волостные и аульские с соответствующей специализацией. В частности, в аульских школах проходило обучение азбуке и чтению, волостные школы предоставляли начальное образование, а уездные – двухклассное образование. С периода 1892 года фиксируется динамика увеличения аульских школ, которые действовали в условиях кочевого образа жизни местного населения. Начиная педагогическую стезю в аульских школах Байтурсынов в дальнейшем трудился в волостных и уездных учебных заведениях.

2. Материалы и методы

С целью подготовки исследования авторами использовались ранее не изученные источниковые материалы фондов Центрального государственного архива РК (ЦГА РК), Российского государственного исторического архива (РГИА СПб), Томского государственного архива (ГАТО), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), а также официальные статические справочники, данные из раритетных книг, сведения из периодической печати периода царской России. Если архивные данные предоставляют возможность подробно изучить биографию и педагогическую деятельность А. Байтурсынова, то официальные статистические справочники и периодические издания помогают уточнить исторические факты и выявить реалии того времени, дать целостную характеристику эпохи. По материалам официальной статистики значительный объем сведений содержится в следующих справочниках: «Памятная книжка Тургайской области» и «Адрес-календарь Тургайской области». Эти сборники содержат информативную базу о социально-экономической ситуации, количественных и качественных параметрах служащих административных учреждений и социальной сферы, характерных особенностях инфраструктуры. В источниках детально освещаются профессиональная структура, квалификационный уровень, регионы проживания учителей, которые работали в сельских, волостных и уездных школах. Ценные факты изложены на страницах периодики, в частности – в областных печатных изданиях «Тургайские областные ведомости» и «Тургайская газета», которые регулярно публиковали востребованные статьи по проблемам образования.

В ходе исследования применялся диалектический принцип как методологическая основа. Автор использовал методы междисциплинарных связей и комплексного анализа взглядов и подходов ученых по истории образования в крае и творчестве Байтурсынова. На основе введенных в научный оборот ранее неизвестных фактов автор рассмотрел малоисследованные сюжеты жизнедеятельности Байтурсынова и его окружения, системно проанализировал истоки и процесс эволюции казахского учительства и его социальную значимость в регионе.

3. Обсуждение

В 20-е гг. XX в. современники Байтурсынова начали работу над первыми исследованиями по изучению его творчества в научно-культурной сфере. Вскоре подобные разработки были свернуты по политической мотивации недоверия советского режима к лидерам интеллигенции, в частности Байтурсынову. На рубеже 80–90 гг. XX в. продолжились научные изыскания по познанию неизвестных страниц биографии плеяды интеллигентов, в том числе Байтурсынова. Всесторонне была изучена и проанализирована его политическая и общественная деятельность, достижения в области языкознания и литературы, периодической печати. Однако вопросы полного освещения биографии и деятельности выдающегося деятеля нуждаются в более полном и системном изучении. Прежде всего, традиционно одним из проблемных моментов являлось освещение его учительской деятельности в хронологический период 1895–1910 в обширном крае. В течение длительного времени по идеологическим причинам негативного клише Байтурсынова ученые не имели возможности доступа к архивным данным и каким-либо разработкам. В последующий период исследователи акцентировали внимание на анализе его политической деятельности и познании научного наследия.

По итогам проведенной работы резюмируется утверждение численного преобладания сельских школ в системе регионального народного образования и их социальной значимости, наряду с другими образовательными учреждениями, в эволюции самосознания казахского народа. Очевидно, властные структуры признавали необходимость развития образовательной модели по имперским стандартам подготовки специалистов для административных и социальных структур.

4. Результаты

Педагогическая работа видного общественного и государственного деятеля Байтурсынова являлась важной страницей в его судьбе. Будучи немногочисленными, казахские интеллигенты стремились реализовать свой потенциал во всех сферах. Подавляющее большинство из них занимались просветительством. Байтурсынов в период с 1895 по 1909 гг. учительствовал в аульских школах Казахской степи. В 80-е гг. XIX в. в Оренбургском регионе функционировало специальное

учебное заведение по подготовке учителей. Киргизская (Казахская) учительская школа открылась в 1883 г. в Орске. Впоследствии, в 1889 г., она была переведена в Оренбург. Для поступления в нее казахские дети должны были иметь как минимум уровень образования шестилетней уездной школы. Биографический анализ состоявшихся казахских интеллигентов начала XX в. показывает их длительный период обучения по модели – от аульной школы и уездного училища к учебным заведениям городских административных центров.

А. Байтурсинов с детства проявлял стремление к учебе: в домашних условиях обучался казахской грамоте на основе арабского алфавита. Свои первые школьные годы он запечатлел следующим образом в работе «Жизнеописание»: «С 1882 года по 1884 год обучался казахской грамоте, то в доме у разных грамотных людей, то в аульных мектебах, случайно оказавшихся поблизости». В 1886 г. Байтурсинов поступил в двухклассную русско-казахскую уездную школу в Тургае. Незадолго до поступления в нее в семье Байтурсинова произошло несчастье. 12 октября 1885 года в 32 км от уездного города Тургай на переправе Жынгылды дорожного тракта Тургай–Иргиз (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2350. Л. 66) произошел инцидент с участием старших членов семьи Байтурсинова. Отец Ахмета Байтурсун Шошаков (Чучаков) –сардар (старшина) рода Умбетей – «отличился свободолюбием и никакой власти над собой не признавал» (Дулатов, 1922: 18), был человеком «сильным и энергичным от природы» (Дулатов, 1922: 18). Обладая таким характером и свободолюбивым мировоззрением, он с братом Актасом «вступает в борьбу с уездным начальником Яковлевым и влиятельным сардаром Беремжаном» (Дулатов, 1922: 18). В итоге конфликт завершился насилием. Сам Байтурсинов в «Жизнеописании» так охарактеризовал данную трагедию: «1885 г. семью нашу постигло несчастье: за нанесение побоя Тургайскому уездному начальнику полковнику Яковлеву отец был посажен в тюрьму и в 1886 г. приговорен к каторжным работам на 15 лет, а имущество конфисковано» (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1652. Л. 11). Другие участники конфликта также подверглись различным наказаниям. Решением выездной сессии Казанского военно-районного суда от 6 июня 1886 года 9 человек получили тюремные сроки (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2350. Л. 67-68). По решению суда Байтурсин Шошакулы и его младший брат Актас подверглись аресту и были сосланы в Сибирь, а несколько братьев осуждены на разные сроки (Дулатов, 1922: 18).

До сегодняшнего дня исследователи пытаются изучить проблему зачисления Байтурсинова, охарактеризованного по документам как сына «человека, не понравившегося властям», в школу. Уездная администрация и руководство русско-казахской уездной школы в период осуществления приема абитуриентов руководствовались «Положением о школах для киргизских детей при Оренбургской Пограничной Комиссии, Высочайше утвержденным 14 июня 1844 года», которое содержало соответствующий пункт: «Воспитанники принимаются в Школу исключительно из одних киргизов, и преимущественно из таких, коих родители оказали услуги правительству или же известны по своей особенной оному преданности» (Положение, 1844: 29). Согласно утвержденным в 1862 году оренбургским и самарским генерал-губернатором «Правилам школ по обучению русскому языку в крепостях Оренбург (Тургай), Иргиз (Урал), форте № 1, Перовске» имеются пункты следующего содержания: «Право помещения детей в школы предоставляется преимущественно ордынцам, состоящим на службе по степному управлению». В данном пункте прописано право привлечения детей из других семей вне зависимости от происхождения и социального положения в школы на 25 ученических вакансий по факту недобора (Васильев, 1896: 18).

Решение о приеме А. Байтурсинова в уездное училище, возможно, было связано с наличием вакансии в школе. Вероятно, сам Я.П. Яковлев предоставил подобное разрешение. Очевидно, данное утверждение близко к истине. Яковлев в течение 30 лет занимал должность коменданта крепости, с 1868 года работал начальником Тургайского уезда. По воспоминаниям современников, он был справедливым и добрым человеком, которому симпатизировало казахское население. Он поддерживал тесные связи с известным казахским просветителем И. Алтынсариним, который с особой теплотой отзывался о нем. По его инициативе открытое в 1882 году Тургайское реальное училище получило название «Яковлевское», о чем он сообщил в письме известному педагогу Н. Ильминскому: «В Тургае задумали мы устроить особую школу и наименовать ее в честь обожаемого дедушки нашего Яковлевской. На эту школу охотно жертвуют деньги богатые киргизы, и начальство соглашается на устройство ее. В марте будущего года будет пятидесятилетие Якова Петровича, и вот я намерен преподнести к этому дню ремесленную – то Яковлевскую школу» (Ильминский, 1891: 46).

Ученик И. Алтынсарина в Тургайской школе, учитель и инспектор Г. Балгимбаев, достойно оценил роль Яковлева как государственного служащего в своей рукописи «Воспоминания об И.А. Алтынсарине, первом инспекторе народных училищ Тургайской области»: «Обладая громадным запасом опытности, прекрасно зная все условия степной жизни, быт и нравы казахов, Яков Петрович представлял собой идеал уездного начальника. Добротой своего характера, простотой обхождения, разумными действиями и бескорыстным служением только он один-единственный сумел вселить в казахов представление о лучшей власти и тем приобрел к себе любовь всего города и уезда и вместе с тем был хорошим примером для многих служащих» (ФРКиР ЦНБ. Ф. 397-1. Л. 213-214).

Трагический период осуждения и высылки отца и братьев навсегда остался в памяти Байтурсынова. Тогда ему исполнилось 13 лет. Много позже во время заточения в Каркаралинской тюрьме в 1909 году он в своем известном стихотворении «Письмо матери» опишет этот злосчастный момент (Байтурсынов, 1991: 80). По окончании Тургайского уездного училища в 1891 году Байтурсынов решил поступить в Оренбургскую киргизскую (казахскую) учительскую школу. Юный Ахмет испытывал материальные трудности. Вместе со случайными попутчиками он прибыл в Оренбург для поступления в 4-годичную учительскую школу. В своих записках исследователь творчества Байтурсынова, его современник М. Дулатов отмечал финансовые сложности, с которыми столкнулся юноша в учебный период (Дулатов, 1922: 19). В 1895 г. Байтурсынов оказался в числе 14 выпускников учительской школы по специальности учителя. В обществе дипломированных выпускников учительских школ неофициально называли «народным учителем» (Тугай, 2018: 44). Педагоги получали фиксированную заработную плату в размере 180 рублей (Тугай, 2018: 64). Байтурсынов всегда подчеркивал свой статус выпускника учительской школы и именовал себя «народным учителем». В период посещения Ташкента в августе 1922 года его встретил теплый прием местной интеллигенции. В своем выступлении перед слушателями он отметил: «...Я народный учитель. У меня образования не много, а мало. Но правда, что я использовал свои знания во благо народа...» (Камзабекулы, 1997: 104).

В конце XIX – начале XX вв. в областях продолжался процесс открытия аульных школ. По Положению Российской империи об управлении степными областями от 25 марта 1891 года расходы на финансирование социальной сферы, в том числе народного образования, следовало осуществлять за счет налогов с местного населения. Местная администрация реализовывала проект открытия аульных школ, адаптированных под условия кочевой жизни и быта казахского населения. По данным А. Васильева, к 1 января 1896 года в Тургайской области было открыто 35 сельских школ (Васильев, 1896: 159-161). Чиновники системы образования решили направить молодого учителя в одну из таких недавно открытых сельских школ, а именно в «Арунгазыевскую школу», сформированную 13 февраля 1894 года в ауле № 2 Бестамакской волости Актюбинского уезда Тургайской области (Васильев, 1896: 160). С июня 1895 года началась его педагогическая деятельность в ней. Впоследствии он так описывал свой учительский путь: «Начиная с 1 июня 1895 года, служил учителем в разных местах Казахстана, в разных школах – сперва в аульных, потом в волостной и наконец, двухклассных» (Дом-музей Байтурсынова. Ф.1. Оп.1, Л.1). Вероятно, «Арунгазыевская школа» возникла под патронажем султана Арунгазыева, который в звании есаула работал младшим помощником Актюбинского уездного начальника (Aitmuhambetov et al., 2017: 98-99). По нашему мнению, есаул Арунгазыев являлся потомком знаменитого Арынгазы-хана, который решением царского правительства был сослан в Калугу (Пиралиев, 1862: 5-6).

В исследуемую эпоху доминировала традиция именования школ в честь меценатов, которые способствовали открытию данных учебных заведений и патронировали их. Притягательная особенность подобных наименований школ заключалась в закреплении в общественном сознании положительного образа жертвователей, которые своими действиями демонстрировали положительный пример для современников. При непосредственном участии неравнодушных меценатов в Тургайской области возникали школы, известные обществу под следующими названиями: «Яманшалов», «Косубаев», «Клычбаев», «Урумбаев».

Работая учителем в Арунгазыевской школе, Байтурсынов также проявляет талант публициста, размещая свои ранние статьи на актуальные вопросы общественно-культурной жизни на страницах периодических изданий. Так, в 1895 году в «Тургайской газете» была опубликована ранняя работа этнографического характера «Киргизские приметы и пословицы» (Байтурсынов, 1895. № 39). В этой же газете в 1896 году была издана его статья «Корреспонденция (от нашего корреспондента) по Бестамакской волости Актюбинского уезда». Она оказалась весьма востребованной для распространения достижений современной медицины среди местного населения. Подвергнув критике невежество баксы-дарегеров, которые лечили такие инфекционные заболевания, как оспа, используя методы шаманского обряда, автор приветствовал вакцинирование населения против оспы (Байтурсынов, 1896. № 60). Содержание статьи и адресат указывают, что Байтурсынов на момент ее написания работал учителем Арунгазыевской школы № 2 Бестамакской волости. Один из первых исследователей его жизни и творчества М. Дулатов отмечал, что Байтурсынов учительствовал в аульных школах Актюбинского, Кустанайского, Каркаралинского уездов (Дулатов, 1922: 20). Казахский писатель-ученый М. Ауэзов в статье «50-летний юбилей Байтурсынова» отметил следующий исторический факт: «Исходя из первоначальной цели по обучению казахских детей в народной среде работал учителем в аульной школе Ахметкерей Копсыбакова Батпактинской волости Актюбинского уезда» (Ауэзов, 1991: 18). Следует отметить, что в исследуемый период управителем Бестамакской волости состоял Ахметкерей Косваков (Памятная книжка, 1899: 40). В результате сопоставительного анализа исторических документов и фактов резюмируется, что под фамилиями Копсыбаков и Косваков упоминается один и тот же человек. Мы не располагаем полными сведениями о биографии и деятельности А. Косвакова. В целом сохранились некоторые исторические данные о людях с фамилией Косваков. Например, в документах Пограничной комиссии отмечается, что в

1850 году, когда была открыта Оренбургская школа для казахских детей, почитаемый среди племени Табын из рода Абыз некий Косвак Калмакбаев отдает в школу двух своих детей: 11-летнего Аймагамбета и 12-летнего Тухтамыша. Также сообщается, что в 1857 году Т. Косваков по окончании школы был приведен к присяге (Ильминский, 1892: 78-79, 86). В «Историческом очерке» А. Васильева упоминается, что Тухтамыш Косваков был одним из 20 выпускников Оренбургской школы 1857 года (Васильев, 1896: 50). По нашему предположению, управитель Бестамакской волости Ахметкерей Косваков был связан родственными узами с Косваковым и оба были в числе первых казахов, получивших русское образование.

Предположительно Байтурсынов проработал учителем в селе № 2 Бестамакской волости до 1897 г. или 1898 г. Согласно официальным данным статистического сборника «Памятная книжка Тургайской области» на 1899 год, он состоял в должности учителя волостной школы, которой заведовал Г.Е. Лапшин. Школа находилась в населенном пункте Аулиеколь Аманкарагайской волости Кустанайского уезда (Памятная книжка..., 1899: 52). Аулиекольская волостная школа была построена на средства местной общины. Открытие ее состоялось 27 сентября 1891 года в местности под названием «Урускуль» (Русское озеро) рядом с Аманкарагайским лесом. Обязанности руководителя только что открывшейся школы выполнял выпускник Оренбургской учительской школы И. Гречкин. В должности его помощника состоял Кушкумбаев, выпускник Оренбургской учительской школы 1892 года (Васильев, 1896: 97, 170). Система народного образования в области функционировала по стандарту: сельские и аульные школы – волостные – уездные. Выпускники аульных школ по факту завершения учебной программы имели право продолжить учебу в волостных, а впоследствии и в уездных школах. В сфере влияния Аулиекольской волостной школы в период с 1894 по 1895 годы стали действовать 4 новые аульные школы: Ханымжол, Коктал, Атакан, Байтума.

И. Гречкин осуществил первый выпуск учеников. В 1894 году он перевелся в Кустанай. В должность директора школы вступил Г. Лапшин. (Васильев, 1896: 170), который закончил Казанскую учительскую семинарию, работал учителем в одной из школ Актюбинского уезда. Его учителем в Тургайскую область направил директор Казанской учительской семинарии Н. Ильминский. Один из основоположников народного образования в Тургайской области И. Алтынсарин в 1888 году обратился к Н. Ильминскому с просьбой направить выпускников семинарии в Тургайскую область (Ильминский, 1891: 46). По причине некоторой путаницы в документах сложно определить, сколько времени А. Байтурсынов проработал а Аулиекольской школе. Исследователь жизнедеятельности Байтурсынова писатель М. Ауэзов утверждал следующее относительно переезда учителя в уездный город Кустанай: «Во второй раз был учителем в местности Аулиеколь Кустанайского уезда. Из Аулиеколя в третий раз был переведен в Кустанайскую школу...» (Ауэзов, 1991: 18). Таким образом, Байтурсынов действительно переехал в Кустанай, это было третий по счету перевод во время учительской деятельности, но сроки переезда требуют уточнения.

В исследованных архивных фондах за период с 1900 по 1902 гг. сохранились статистические материалы справочника «Адрес-календарь Тургайской области на 1902 год», который был составлен по итогам 1901 года. Из этого источника выяснилось, что Байтурсынов работал учителем в школе Урумбаева в ауле № 4 Мендыкаринской волости Кустанайского уезда, впоследствии – в Кустанайском педагогическом классе под руководством Греховодова (Адрес-календарь..., 1902: 76, 80). На основе проведенного анализа логичен вывод об его учительстве в Аулиекольской учительской школе примерно с 1898 по 1900 гг. Отсутствуют достоверные сведения об открытии «Урумбаевской» школы и личности самого Урумбаева. В изданной в 1896 году в Оренбурге под авторством А. Васильева книге «Исторический очерк русского образования в Тургайской области» представлена карта школ Тургайской области, на которой нет упоминания об «Урумбаевской» школе. Очевидно, она появилась после 1 января 1896 года. По другим статистическим материалам Тургайской области исследуемого периода информация об «Урумбаевской» школе впервые фиксируется в 1898 году. В эти годы в ней преподавал выпускник 1887 года Орской учительской школы Казыкерей Чутаев (Васильев, 1896: 123), который являлся внуком правителя-султана Восточной орды Бактыгеря Чутаева. В дальнейшем часть территории Орды административно вошла в состав Кустанайского уезда.

После отъезда Байтурсынов преподавал в Арунгазыевской школе Бестамакской волости Актюбинского уезда. В то время, когда А. Байтурсынов работал в Аулиекольской школе, К. Чутаев учительствовал в Урумбаевской школе. В настоящее время могила Казыкерей Чутаева находится в местности Уялысай в 7 км от аула Каратал Мендыкаринского района Костанайской области. На могиле установлена памятная надпись (Абсадык, 2021а). Близкий родственник К. Чутаева Ахметказы Казыкемелович Чутаев также был учителем, награжденным орденами Ленина и Трудового Красного Знамени в советский период, имел почетное звание «Заслуженный учитель Казахской ССР».

Закономерен вопрос, кто являлся основателем-меценатом Урумбаевской школы? Во второй половине XIX века, в период формирования системы русско-казахских школ, в штате казахских педагогов состояли два человека под фамилией Урумбаев (Урумбаев). Один из них, законоучитель Казыбай Урумбаев, состоял в сане муллы. Он преподавал предмет «Закон магометанский» в Троицкой русско-киргизской школе в 1861 году (Ильминский, 1891-Б: 157). Вторым был Бактыбай

Урунбаев (Урумбаев) (Васильев, 1896: 52-53). По утверждению инспектора А. Васильева, Б. Урунбаев (Урумбаев) после окончания Оренбургской русско-казахской школы работал в административном корпусе Оренбургской области. В 1866 году он получил воинское звание зауряд-хорунжего. В 1867–1868 гг. он преподавал дисциплину «Делопроизводство» в школе для казахских детей в Оренбурге, затем в 1870 году получил должность заведующего Троицкой русско-казахской школой (Васильев, 1896: 48, 71).

В период открытия новых школ чиновничий аппарат в образовательной системе и учительский штат формировались из выпускников официальных учебных заведений, которые знали официальное делопроизводство и русский язык. В 1894 году представители Тургайской областной администрации выдвинули предложение об открытии педагогического класса на основе двухгодичного срока (курса). На его открытие планировалось выделить 3 000 рублей из местных средств (Васильев, 1896: 157-158). Педагогический класс по своему содержанию представлял форму ускоренной подготовки учителей для сельских школ. Байтурсынов параллельно преподавал в Урумбаевской школе и в педагогическом классе, открытие которого состоялось в 1897 году при двухклассной русско-казахской школе в Кустанае. Редакция «Тургайской газеты» 1897 году в № 108 отметила передачу выделенных Оренбургской учительской школе 17 стипендий Кустанайскому педагогическому классу (Тургайская газета, 1897: № 108). В ряду известных выпускников Кустанайского педагогического класса следует назвать имена С. Кубеева и М. Дулатова. Карьера С. Кубеева по окончании Педагогического класса началась в 1901 году в сельской школе Толагай Иргизского уезда (Адрес-календарь..., 1903: 78). Позже по результатам многолетней педагогической деятельности в школах Кустанайского уезда он издал несколько трудов: учебное пособие для детей «Образцовый перевод» (Уфа, 1910 год), книги «Примерный ребенок» (Казань, 1912 год), «Калым» (Казань, 1913 год). В советское время С. Кубеев за свою педагогическую деятельность был удостоен высшей награды.

В Кустанайском периоде деятельности Байтурсынов приобрел друга и верного соратника в лице поэта, публициста М. Дулатова. Мыржакып Дулатов получил образование в Педагогическом классе. Он автор знаменитого сборника стихов «Проснись, казах» и романа «Несчастливая Жамал». Байтурсынов и Дулатов с другими интеллигентами и общественными деятелями стояли у истоков создания газеты «Казах», которая издавалась в Оренбурге с 1913 по 1918 годы. А. Байтурсынов, будучи редактором газеты, пригласил Дулатова на должность помощника, который с 1913 года работал в этой должности. В 1929 году он вместе с А. Байтурсыновым был арестован и сослан в Соловецкий лагерь, где умер в 1935 году.

В период работы Байтурсынова в Кустанайском педагогическом классе произошло преломное событие в его судьбе. Он сблизился с известным тюркологом, педагогом А. Алекторовым, который с 1894 по 1902 гг. состоял в должности инспектора народных школ Тургайской области. Учителя аульных школ в повседневной практике использовали учебники и словари под авторством Алекторова, в частности «К мудрости ступенька. Азбука для учеников начальных русско-киргизских школ» (Москва, 1891), «Киргизско-русский словарь» (Оренбург, 1897), «Киргизская хрестоматия» (Оренбург, 1898). Множество его статей по казахскому фольклору, этнографии и истории регулярно публиковались в таких периодических изданиях, как «Оренбургский листок», «Астраханский вестник», «Московские ведомости», «Тургайская газета» и других. По нашему мнению, знакомство Алекторова и Байтурсынова состоялось в период активной публикационной деятельности казахского учителя в периодических изданиях Тургайской области. Одно из ранних произведений, как сказано выше, А. Байтурсынова «Киргизские приметы и пословицы» было опубликовано на страницах «Тургайской газеты». В ней же на свет появилась статья «Курманбай» А. Алекторова (Алекторов, 1895. № 39), который проводил этнографические исследования. В 1899 году издательство Казанского университета опубликовало его научный труд «Из мира киргизских суеверий. Баксы». Автор на его страницах подробно описал свою встречу в ауле № 1 Каратагайской волости Тургайского уезда с известным казахским шаманом Суйенбаем, который демонстрировал методики лечения больных (Алекторов, 1899: 3-9).

В бытность работы в должности инспектора народных школ Тургайской области А. Алекторов, подобно своим предшественникам И. Алтынсарину и А. Васильеву, проживал в городе Кустанае (Абсадык, 2021b: www.abai.kz/post/137404). Решение о размещении инспекции народных школ в Кустанае носило обоснованный характер: в Кустанайский уезд шел активный поток переселенцев из других регионов империи (Русский Чикаго, 1890: № 1). Увеличивалось количество русских населенных пунктов, рос социальный спрос на открытие новых школ. С 1892 года постепенно увеличивалось количество школ в казахских аулах. Кустанай занимал выгодное положение в качестве уездного центра. Социально-экономические изменения в области стали объектом критики и споров представителей общественности и различных государственных ведомств. Следовало проанализировать и изучить опыт становления системы народного образования в условиях многообразия культур и менталитетов проживающих в регионе народов. Особый интерес вызывала проблема функционирования аульных школ, многие из которых адаптировались к особенностям коллективов, жизнедеятельность которых регулировалась условиями кочевого быта. Опыт работы аульных школ активно обсуждался на страницах периодических изданий. Помимо «Тургайских

областных ведомостей» и его воскресного приложения – «Тургайской газеты», о происходящих позитивных изменениях в сфере образования в Тургайском регионе также писала издававшаяся в Омске Акмолинская областная газета «Дала уалаяты». Например, в аналитической статье, размещенной в выпуске газеты «Дала уалаяты» за №2 от 1896 года описывается значимость и востребованность аульных школ для казахского населения. В статье отмечается следующее: «В прежнее время, когда дети киргизов Тургайской области, оторванные от семьи и аула, обучались только в интернатах оседлых пунктов области – пунктов же этих имеется только 3, а область равна пяти Франциям, киргизы враждебно смотрели на школу. ...Но когда, по желанию киргизов, были основаны 5 лет тому назад кочующие школы, обучение населения Тургайской области быстрыми шагами пошло вперед. Киргизские общества охотно обеспечивают и постройку, и содержание школ, а частные лица делают на них крупные пожертвования. Теперь в редком ауле нет кочевой школы (Дала уалаяты, 1994: 545).

Представители общественности неоднократно акцентировали внимание администрации на необходимости возведения новых школ и подготовки профессиональных специалистов. Степной губернатор запрашивал Министерство народного просвещения о выделении дополнительных штатов с целью формирования цельной системы сельских школ на территории Акмолинской и Семипалатинской областей. С некоторым запозданием Министерство поддержало просьбу губернатора. Департамент начальных школ Министерства народного просвещения 16 ноября 1901 года направил попечителю Западно-Сибирского учебного округа специальное письмо, в котором сообщалось о готовности Госсовета рассмотреть вопрос о выделении штатной должности директора народных школ для организации работы сельских школ в Акмолинской и Семипалатинской областях. Также в письме прописывалось предложение о выдвижении кандидатуры статс-советника инспектора народных школ Букеевской орды и Тургайской области А.А. Алекторова на новую должность (ГАТО. Ф.126. Оп. 4. Д. 168. Л. 9-90б.). В январе 1902 года общее собрание Государственного совета Департамента промышленности, науки и торговли одобрило предложение Министерства народного просвещения об утверждении должности директора народных школ Акмолинской и Семипалатинской областей и определило сметную стоимость расходов. Для содержания должности директора народных школ было принято решение выделять ежегодно из казны 3 400 рублей, для ведения делопроизводства – установить жалованье согласно указу, утвержденному 24 мая 1900 года (ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 168. Л. 31-310б.). 7 января 1902 года император утвердил решение Государственного совета. 23 января 1902 года вице-директор Департамента начального образования Министерства народного просвещения Н.Г. Дебольский направил попечителю Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьеву телеграмму с просьбой утвердить кандидатуру Алекторова. В ответном письме Л. Лаврентьев сообщил об отсутствии возражений и отметил необходимость принятия подобного решения (ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 168. Л. 35). 4 марта 1902 года А. Алекторов был назначен на новую должность, что зафиксировано в журнальной записи от 22 апреля, в которой обычно указывались распоряжения Западно-Сибирского учебного округа (ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 1588. Л. 219). Содержание приказа не сразу стало известно А. Алекторову. По факту получения известий он телеграфировал из Кустаная начальнику Западно-Сибирского учебного округа сообщение, в которой уведомил адресат о сообщении степного генерал-губернатора о назначении его на новую должность. Следует отметить, что на данный момент приказ о его назначении еще не поступил (ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 168. Л. 36). Лаврентьев в ответной телеграмме известил о наличии приказа, согласно которому Алекторову следовало немедленно прибыть на новое место назначения и приступить к обязанностям (ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 168. Л. 36). Алекторов в письме начальнику Западно-Сибирского учебного округа ходатайствовал о предоставлении ему 10 дней для оформления документации по прежней должности и прибытия на новое место работы (ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 168. Л. 37).

После назначения Алекторова на новую должность Байтурсынов 1 апреля 1902 года обратился с письменным заявлением на имя директора народных школ Акмолинской и Семипалатинской областей Алекторова относительно принятия на работу в качестве делопроизводителя директора. Учитель Урумбаевской школы, Кустанайского педагогического класса Байтурсынов обратился к директору с просьбой о рекомендации его персоны на должность делопроизводителя попечителю Западно-Сибирского учебного округа, а также предоставил сведения о своем образовательном статусе и указал 6-летний стаж преподавательской деятельности в Тургайской области. Документ подписан «Учитель Ахмет Байтурсынов» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 385. Л. 2).

Алекторов действительно обратился к попечителю Западно-Сибирского учебного округа рассмотреть кандидатуру Байтурсынова. Письмо датировано 17 апреля 1902 года, адресатом отправки письма указан город Кустанай. Алекторов в письме указал на отсутствие каких-либо препятствий для устройства Байтурсынова на новую должность в другую область. По его мнению, важным фактором продвижения Байтурсынова являлась безупречность его 6-летней службы: «К сему считаю долгом присовокупить, что обязательный срок на должности учителя им выслужен и препятствий к его перемещению не имеется» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 385. Л. 1).

2 мая 1902 года Алекторов прибыл в Омск. На телеграмму начальнику Западно-Сибирского учебного округа Л. Лаврентьеву об аудиенции он получил согласие (ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 168. Л. 40). В поездке для назначения на новую должность Алекторова сопровождал его друг-тамыр А. Байтурсинов. Слово «тамыр» в казахских представлениях означает «самый близкий друг». Факт принятия Байтурсинова на работу в другую область подтверждается содержанием его заявления от 1904 года в МВД об освобождении от налогов как жителя Тургайской области: «Распоряжением г. попечителя Западно-Сибирского учебного округа от 3 мая 1902 года за № 1674 я определен на государственную службу с 1-го того же мая» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 89. Л. 1). В Омске начался новый период в биографии Байтурсинова. Он жил там с 1 мая 1902 по осень 1904 гг., где сблизился с казахским интеллигентом, будущим лидером движения Алаш Алиханом Букейхановым. Он ознакомился с рукописями Абая Кунанбаева, которые планировались к изданию (Байтурсинов, 1991: 217). Букейханов был восхищен поэтическим талантом Байтурсинова. Его удивила способность Байтурсинова точно и изысканно переводить басни И.А. Крылова. Также он восхищался способностями Байтурсинова в искусстве рисования. Букейханов советовался с Н. Потаниным относительно оказания помощи Байтурсинову и его дальнейшего будущего (Аккулы, 2021). В 1909 году его переводы басен И. Крылова были изданы в г. Петербурге под названием «Сорок басен». В том же году впервые вышли в свет сборник стихов Абая Кунанбаева и книга М. Дулатова «Проснись, казах». Несомненно, что именно А. Букейханов являлся инициатором и вдохновителем осуществления этих добрых дел общественного просвещения.

9 сентября 1904 года приказом № 124 начальника Западно-Сибирского учебного округа А. Байтурсинов назначается учителем, а также заведующим Каркаралинской уездной школой. В каркаралинский период начинается активная общественная и политическая деятельность Байтурсинова. Император 17 октября 1905 года издал манифест, согласно которому в государстве объявлялось о создании парламента и праве граждан пользоваться политическими правами и свободами, в частности свободой слова, совести, организации и проведения собраний. Байтурсинов полностью окунулся в политическую жизнь. М. Дулатов так описывает его кипучую деятельность этого периода: «В начале XX века, живя в Каркаралах, А. Байтурсинов принимает участие в революционных движениях: работая в первое время нелегально, а затем после обнародования манифеста 17 октября 1905 года, являясь одним из видных и активных руководителей киргизских масс. Вскоре наступает реакция, революция уходит в подполье, а А. Байтурсинов продолжает работу в подпольных организациях. Однако подходит расплата: среди товарищей оказывается провокатор (Т. Чингисов), который и выдает А. Байтурсинова и других» (Дулатов, 1922: 20).

В Государственном центральном архиве Республики Казахстан сохранилось личное дело «провокатора Т. Чингизова», которого так назвал М. Дулатов. В нем обнаружен донос жителя Аксаринской волости Каркаралинского уезда Итаяка Саптыаякова на имя Семипалатинского губернатора от 20 октября 1911 года, в котором каркаралинский фельдшер Татимбет Чингисов обвиняется как неблагонадежная персона. В заявлении его называют аферистом, провокатором и антиправительственным деятелем, обвиняя его в устройстве на фельдшерскую службу при протекции Ж. Акбаева¹. Заявитель обвинил Чингисова в том, что он, будучи товарищем Байтурсинова, участвовал вместе с ним в сборе средств для проведения антиправительственной пропаганды и составлении петиции на имя министра Булыгина (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 3. Д. 410. Л. 1220б.) Учитывая имя заявителя, можно предположить, что донос был анонимным. В любом случае провокатор Т. Чингисов стал жертвой собственных злодеяний.

1 июля 1909 года А. Байтурсинов был заключен в Семипалатинскую тюрьму, в которой безвинно находился в заключении в течение девяти месяцев. Друзья, соратники, супруга А. Байтурсинова приложили множество усилий к его освобождению из заточения (Имаханбет, 2010: 41). Член партии кадетов, депутат I Думы А. Букейханов в № 318 от 19 ноября 1909 года Санкт-Петербургской газеты «Речь» организовал небольшую статью под названием «Киргизский народный поэт в тюрьме. Из Семипалатинска». Статья начинается со слов: «В здешней тюрьме томится 5-й месяц Ахмед Байтурсинов, талантливый киргизский поэт». В содержании статьи отмечается: «В 1909 году А. Байтурсинов издал книгу «Крык мысал – Сорок басен», переведя в стихах 40 басен Крылова». Несмотря на то, что он уже долго сидел в тюрьме, ему не было предъявлено обвинения. По словам семипалатинского губернатора Тройницкого, он был привлечен к ответственности за допущенные недостатки в работе школы, участие в петиции от 1905 года, а также близкое знакомство с депутатом I Думы А. Букейхановым и выборщиком Ж. Акбаевым (Киргизский народный..., 1909. № 318). Спустя три месяца после публикации статьи постановлением Министерства внутренних дел от 21 февраля 1910 года ему было вынесено административное наказание и он подвергся высылке из казахских степей сроком на 2 года. Накануне отъезда из Каркаралинска А. Байтурсинов в подражание известному стихотворению русского поэта Ю.М. Лермонтова «Прощай, немытая Россия» написал свое произведение под названием: «Прощай, немытый Каркаралы» (Байтурсинов, 1991: 71).

¹ Ж. Акбаев – один из организаторов Каркаралинской петиции.

Для отбывания вынесенной правительством административной ссылки 10 марта 1910 года А. Байтурсинов прибыл в город Оренбург (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 14. Л. 70-71об.). После ее отбывания Байтурсинов продолжил целенаправленно заниматься просветительской, общественной и политической деятельностью в г. Оренбурге.

5. Заключение

Педагогическая деятельность А. Байтурсинова в аульной школе является важным этапом в творческой биографии будущего ученого-просветителя. Ее хронологические рамки растягиваются на 15 лет, охватывая территорию бывших Тургайской и Акмолинской областей. За это время он прошел путь от простого учителя в аульной школе до уровня заведующего уездным училищем. В период своей педагогической деятельности Байтурсинов обогатил свои знания и опыт в решении актуальных вопросов методики обучения и алфавита казахского языка. Опубликовал в периодической печати статьи по казахскому фольклору и этнографии, а также социальным вопросам. Он перевел на казахский язык и опубликовал в виде сборника басни русского поэта И. Крылова. Приняв участие в общественно-политической борьбе, боролся за утверждение демократических ценностей в казахском обществе.

Таким образом, педагогическую деятельность А. Байтурсинова можно рассматривать как основу его будущей деятельности как ученого-просветителя и общественного деятеля.

6. Благодарности

Статья подготовлена на основе грантового проекта МОН РК на 2021 год АР 09561968 «Просветительская и общественная деятельность А. Байтурсинова в аульных школах (на основе новых архивных и краеведческих материалов, по неизвестным наследиям деятеля)».

Литература

- Абсадык, 2019** – Абсадык А.А. Находка из Оренбурга / Светлый путь Алаша в XXI веке / Сост. Амантай Шариц, Азамат Мауленович. Алматы: Изд-во АРНА-Б, 2019. 304 с. [на каз. языке]
- Абсадык, 2021a** – Абсадык А. Найдена рукопись Ахмета Байтурсинова, написанная в Костанай // Информационный портал Abai.kz 20.10.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://abai.kz/post/141284> (дата обращения: 08.03.2022). [на каз. языке]
- Абсадык, 2021b** – Абсадык А. Где сфотографировано семейное фото И. Алтынсарина? // Информационный портал Портал Abai.kz 06.08.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abai.kz/post/137404> (дата обращения: 08.03.2022). [на каз. языке]
- Адрес-календарь..., 1902** – Адрес-календарь Тургайской области. 1902 год. Издание Тургайского областного статистического комитета. Оренбург: Тургайская областная типолитография, 1902.
- Адрес-календарь..., 1903** – Адрес-календарь Тургайской области. 1902 год. Издание Тургайского областного статистического комитета. Оренбург: Тургайская областная типолитография, 1903.
- Аккулы, 2021** – Аккулы С. «Сорок басен». Тернистый путь сборника // Информационный портал Портал Abai.kz 07.05.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://abai.kz/post/132972> (дата обращения: 08.03.2022). [на каз. языке].
- Алекторов, 1895** – Алекторов А. Курманбай // *Тургайская газета*. 1895. 24 сентября. № 39.
- Алекторов, 1899** – Алекторов А.Е. Из мира киргизских суеверий. Баксы. Казань : Типолит. Имп. ун-та, 1899.
- Ауэзов, 1991** – Ауэзов М. «50-летний юбилей Байтурсинова» // Байтурсинов А. Ак жол: Стихи и переводы, публ. Статьи и литературоведческие исследования / Сост. Р. Нурғалиев. Алматы: Жалын, 1991. 464 с. [на каз. языке].
- Байтурсинов, 1895** – Байтурсинов А. Киргизские приметы и пословицы // *Тургайская газета*. 1895. 24 сентября. № 39.
- Байтурсинов, 1895** – Байтурсинов А. Корреспонденция (от нашего корреспондента). Бестамакская волость Актюбинского уезда // *Тургайская газета*. 1895. 21 февраля. № 60.
- Байтурсинов, 1991** – Байтурсинов А. Ак жол: Стихи и переводы, публ. Статьи и литературоведческие исследования / Сост. Р. Нурғалиев. Алматы: Жалын, 1991. 464 с.
- Васильев, 1896** – Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Издание Тургайского областного статистического комитета. Оренбург: Типолитография Н.Н. Жаринова, 1896.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- ГАТО** – Государственный архив Томской области.
- Дала уалаяты, 1994** – Газета степного края «Дала уалаяты Алматы». Наука, 1994. 816 с. [на каз. языке].
- Дом-музей Байтурсинова** – Дом-музей Байтурсинова. Ф. 1, Оп. 1, Л. 1.
- Дулатов, 1922** – Дулатов М. Ахмед Байтурсинович Байтурсинов (Биографический очерк) / Труды общества изучения Киргизского края. Вып. III. Оренбург, 1922.
- Ильминский, 1891** – Ильминский Н.Н. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань: Типолитография В.М. Ключникова, 1891.

- Имаханбет, 2010** – *Имаханбет Р.* Человек века: творческая биография Ахмета Байтурсынова (по архивным данным). Монография. Астана: «Педагогика-ПРЕСС», 2010. 304 с. [на каз. языке].
- Камзабекулы, 1997** – *Камзабекулы Д.* Духовность (Статьи и исследования). Алматы: «Билим», 1997. 272 с.
- Киргизский народный..., 1909** – Киргизский народный поэт в тюрьме. Из Семипалатинска // *Газета «Речь»*. 19 ноября 1909. № 318. С. 5.
- Памятная книжка..., 1899** – Памятная книжка Тургайской области. 1899 год. Оренбург: Типолитография Н.П. Жаринова, 1899.
- Пиралиев, 1862** – Султан Мендали Пиралиев. Из Зауральской степи // *Газета «День»*. 1862. № 28.
- Положение..., 1844** – Положение об управлении Оренбургскими киргизами. СПб.: Типография Journal de Saint-Peterbourg, 1844.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Русский Чикаго, 1890** – Русский Чикаго // *Газета «Оренбургский листок»*. 1890. № 1.
- Тугай, 2018** – *Тугай Т.* Оренбургский путь А. Байтурсунова. Оренбург: ООО ИПК Университет, 2018. 253 с. Издание 2-е доп.
- Тургайская газета, 1897** – *Тургайская газета*. 1897. № 108.
- ФРКИР ЦНБ** – Фонд редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки «Гылым Ордасы» Комитета науки МОН РК [на каз. языке].
- ЦГА РК** – Центальный государственный архив РК.
- Aitmuhambetov et al., 2017** – *Aitmuhambetov A.A., Bekmagambetov R.K., Bimoldanova A.A., Bekmagambetova M.G.* Formation of the Kazakh Employees in the Conditions of Russian Management Military-Administrative Model // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43. Is. 1. Pp. 94-102.

References

- Absadyk, 2019** – *Absadyk, A.A.* (2019). Nahodka iz Orenburga [A find from Orenburg]. Svetlyi put' Alasha v XXI veke. Sost. Amantai Sharip, Azamat Maulenovich. Almaty: Izd-vo ARNA-B, 304 p. [in Kazakh]
- Absadyk, 2021a** – *Absadyk, A.A.* (2021). Najdena rukopis' Ahmeta Bajtursynova, napisannaya v Kostanae [Manuscript of Akhmet Baitursynov, written in Kostanay, found]. Informational portal Abai.kz 20.10.2021. [Electronic resource]. URL: <https://abai.kz/post/141284> (date of access: 08.03.2022). [in Kazakh]
- Absadyk, 2021b** – *Absadyk, A.A.* (2021). Gde sfotografirovano semejnoe foto I.Altynsarina? [Where was the family photo of I. Altynsarin photographed?]. Informational portal Abai.kz 06.08.2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.abai.kz/post/137404> (date of access: 08.03.2022) [in Kazakh]
- Adres-kalendar'..., 1902** – Adres-kalendar' Turgajskoj oblasti 1902. Izdanie Turgajskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta [Address-calendar of the Turgai region, 1902]. Izdanie Turgajskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta. Orenburg: Turgajskaya oblastnaya tipolitografiya. [in Russian]
- Adres-kalendar'..., 1903** – Adres-kalendar' Turgajskoj oblasti 1902. Izdanie Turgajskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta [Address-calendar of the Turgai region, 1903]. Izdanie Turgajskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta. Orenburg: Turgajskaya oblastnaya tipolitografiya. [in Russian]
- Aitmuhambetov et al., 2017** – *Aitmuhambetov, A.A., Bekmagambetov, R.K., Bimoldanova, A.A., Bekmagambetova, M.G.* (2017). Formation of the Kazakh Employees in the Conditions of Russian Management Military-Administrative Model. *Bylye Gody*. 43(1): 94-102.
- Akkuly, 2021** – *Akkuly, S.* (2021). Sorok basen. Ternistaya put' sbornika [Forty Fables. The thorny path of the compilation]. Informatsionnyi portal Portal Abai.kz 07.05.2021. [Electronic resource]. URL: <https://abai.kz/post/132972> (date of access: 08.03.2022). [in Kazakh]
- Alektorov, 1895** – *Alektorov, A.E.* (1895). Kurmanbaj. *Turgajskaya gazeta*. 24 september. №39. [in Russian]
- Alektorov, 1899** – *Alektorov, A.E.* (1899). Iz mira kirgizskih sueverij. Baksy [From the world of Kyrgyz superstitions. Bucks.]. Kazan': Tipo-lit. Imp. un-ta. [in Russian]
- Auezov, 1991** – *Auezov, M.* (1991). 50-letnij yubilej Bajtursynova [Baitursynov's 50th Anniversar]. Baitursynov A. Ak Zhol: Poems and translations, publ. Articles and literary studies. Sost. R.Nurgaliev. Almaty: Zhalyln, 464 p. [in Kazakh]
- Bajtursynov, 1895** – *Bajtursynov, A.* (1895). Kirgizskie primety i posloviy [Kyrgyz signs and proverbs] *Turgajskaya gazeta*. 24 September. №39. [in Russian]
- Bajtursynov, 1895** – *Bajtursynov, A.* (1895). Korrespondenciya (ot nashego korrespondenta) Bistamaskaya volost', Aktyubinskogo uezda [Correspondence (from our correspondent) Bistamak volost, Aktobe district]. *Turgajskaya gazeta*. 21 february. №60. [in Russian]
- Bajtursynov, 1991** – *Bajtursynov, A.* (1991). Ak zhol: Stihi i perevody, publ. Stat'i i literaturovedcheskie issledovaniya [Akzhol: Poems and translations, publ. Articles and literary studies]. Sost. R. Nurgaliev. Almaty: Zhalyln, 464 p. [in Kazakh]
- CGA RK** – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv RK [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Dala ualayaty, 1994** – *Gazeta stepnogo kraja "Dala ualayaty Almaty"*. Almaty: Gylym, 816 p. [in Kazakh]

- [Dom-muzei Baitursynova](#) – Dom-muzei Baitursynova [House-Museum of Baitursynov]. F. 1, Op. 1, L. 1. [in Russian]
- [Dulatov, 1922](#) – *Dulatov, M.* (1922). Ahmed Bajtursunovich Bajtursunov (Biograficheskij ocherk). Trudy obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraja [Ahmed Baitursunovich Baitursunov (Biographical sketch)] Trudy obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraja. Vyp. III, Orenburg. [in Russian]
- [FRKiR CNB](#) – Fond redkih knig i rukopisej Central'noj nauchnoj biblioteki «Gylym Ordasy» Komiteta nauki MON RK [The Fund of Rare Books and Manuscripts of the Central Scientific Library "Gylym Ordasy" of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan]. [in Kazakh]
- [GAOO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State archive of the Orenburg region].
- [GATO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Tomskij oblasti [State Archive of the Tomsk Region].
- [Il'minskij, 1891](#) – *Il'minskij, N.N.* (1891). Vospominaniya ob I.A.Altynsarine [Memoirs about I.A.Altynsarine]. Kazan', Tipolitoografiya V.M. Klyuchnikova. [in Russian]
- [Imahanbet, 2010](#) – *Imahanbet, R.* (2010). Chelovek veka: tvorcheskaya biografiya Ahmeta Bajtursynova (po arhivnym dannym) [Man of the century: Akhmet Baitursynov's creative biography (according to archival data)]. Monografiya. Astana: «Pedagogika-PRESS», 304 p. [in Kazakh]
- [Kamzabekuly, 1997](#) – *Kamzabekuly, D.* (1997). Duhovnos (Stati i isledovania) [Spirituality (Articles and Studies)]. Almaty: «Bilim», 272 p. [in Kazakh]
- [Kirgizskij narodnyj poet..., 1909](#) – Kirgizskij narodnyj poet v tyur'me. Iz Semipalatinska [Kyrgyz folk poet in prison. From Semipalatinsk]. Gazeta «Rech». 19 november, №318, p. 5. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka..., 1899](#) – Pamyatnaya knizhka Turgajskoj oblasti. 1899 god [Commemorative book of the Turgai region. 1899]. Orenburg, Tipolitoografiya N. P. Zharinova. [in Russian]
- [Piraliev, 1862](#) – *Piraliev, S.M.* (1862). Sultan Mendali Piraliev. Iz Zauralskoi stepi [Sultan Mendali Piraliev. From the Trans-Ural steppe]. Gazeta «Den'». №28. [in Russian]
- [Polozhenie..., 1844](#) – Polozhenie ob upravlenii Orenburgskimi kirgizami (1844) [Regulations on the management of the Orenburg Kirghiz]. Sankt-Peterburg, Tipografiya Journal de Saint-Peterbourg. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheski arhiv [Russian State Historical Archive].
- [Russkij Chikago, 1890](#) – Russkij Chikago. 1890. Gazeta «Orenburgskii listok». № 1. [in Russian]
- [Tugaj, 2018](#) – *Tugaj, T.* (2018). Orenburgskij put' A. Bajtursynova [Orenburg way A. Baitursunov]. Orenburg, 253 p. Izdanie 2-e dop. [in Russian]
- [Turgajskaya gazeta, 1897](#) – *Turgajskaya gazeta.* 1897. №108. [in Russian]
- [Vasil'ev, 1896](#) – *Vasil'ev, A.V.* (1896). Istoricheskij ocherk russkogo obrazovaniya v Turgajskoj oblasti i sovremennoe ego sostoyanie. Izdanie Turgajskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta [Historical sketch of Russian education in the Turgai region and its current state]. Izdanie Turgajskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta. Orenburg: Tipolitoografiya N.N. Zharinova. [in Russian]

Путь учителя А. Байтурсынова: от Бестамака до Каркаралинска (1895–1910)

Алмасбек Ахметулы Абсадык ^{a, *}, Отеген Ихсанович Исенов ^a, Кабибек Мухитов ^b,
Бактылы Сансызбаевна Боранбаева ^c

^a Костанайский региональный университет им. Ахмет Байтурсынова, Костанай, Республика Казахстан

^b Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, Республика Казахстан

^c Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова, Республика Казахстан

Аннотация. Творческая работа на педагогическом поприще представляла важный период в судьбе видного общественного и политического деятеля А. Байтурсынова. Хронологически его деятельность в качестве учителя составляет около 15 лет и имеет три временно-географического периода: Бестамакский, Кустанайский, Каркаралинский. Последовательное и детальное изучение деятельности педагога позволяет оценить масштабы и историческую значимость его трудов в судьбах современников и последующих поколений. Дипломированный выпускник Оренбургской учительской школы Байтурсынов в 1895 году после ее окончания начал учительствовать в школе Бестамакской волости Актюбинского уезда Тургайской области. На рубеже XIX–XX вв. он преподавал в аульных и волостных школах Кустанайского уезда, в этот период получил право преподавания в Кустанайском педагогическом классе. Молодой специалист синхронно совершенствуется в сфере публицистики. Он печатает свои ранние статьи общественно-культурной значимости в периодической печати. В своих публикациях он актуализировал важные проблемы,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: absalmas@mail.ru (А.А. Абсадык), utegen59@mail.ru (О.И. Исенов), ocean_5@vail.ru (К. Мухитов), Bbaktyly@bk.ru (Б.С. Боранбаева)

которые вызвали интерес у властей и местной общественности. В г. Кустанае Байтурсынов сблизился с известным ученым-тюркологом и педагогом А. Алекторовым, который занимал должность директора народных училищ Тургайской области. В 1902 году Алекторов приказом Министерства просвещения был переведен на должность директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей. По протекции Алекторова Байтурсынов назначается на должность делопроизводителя директора народных школ и переезжает в Омск. В дальнейшем он состоялся в качестве заведующего Каркаралинской уездной русско-казахской школы. Он активно занимается общественно-просветительской деятельностью. Байтурсынов проявил литературно-поэтический талант, опубликовал сборник переводов басен И.А. Крылова «Сорок басен». Также он занимался просветительской и общественно-политической деятельностью.

Ключевые слова: Алекторов, Байтурсынов, Дулатов, Букейханов, учитель, публицист, тюрколог, школа, педагог, просветитель.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 902-921
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.902

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Children in the Composition of the Population of Orenburg according to the Data of the First General Census of the Russian Empire of 1897

Elena V. Burlutskaya ^{a, *}

^a Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The study of childhood is currently a relatively new area of scientific research. It is carried out within the framework of various approaches (legal, pedagogical, demographic, sociocultural, historical and sociological, etc.), and their main goal is to identify the legal status of the child, the “boundaries” of childhood, educational practices in relation to children, children's subculture, etc. In many modern studies, the child is viewed as an independent social subject who, like adults, is affected by various social events. These events determine the dynamics of the evolution of childhood, predetermine trends in the development of children in various spheres of their life.

For a comprehensive study of the position of the children in the general composition of society in relatively remote time periods it is necessary to use various types of sources. Statistical materials can be used as one of those types of sources, allowing, through sociographic analysis, to determine the main indicators of the social state of childhood. The materials of the First Russian Imperial Census of 1897 in this context make it possible not only to obtain basic demographic data regarding children as a special social group (its total size, percentage in the total population, etc.), but also to determine the level of children's literacy, to find out ethnic and confessional composition of children as a group. Comparison of similar indicators for different Russian regions leads the researcher to identification of the regional specifics of childhood.

The identified features of local children's worlds prove the thesis about the plurality of “childhoods” even in the conditions of one chronological stage and one region. Children from different class, ethnic and confessional groups lived in different conditions, led different lifestyles, had different quality of life.

Keywords: children, childhood, province, sociography, First General Census, Orenburg province.

1. Введение

Обращение к материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. (далее – ПВПН РИ) для изучения социографических характеристик ее жителей в настоящее время представляет собой довольно распространенное направление исторических исследований. Разнообразные статистические данные, представленные в этих материалах, дают возможность осуществлять комплексный анализ демографических, социально-экономических, этноконфессиональных процессов в России конца XIX века.

Как правило, использование указанного источника осуществляется в рамках обобщающих трудов, позволяя выделить особенности социумов различных российских регионов (Новосельский, 1916; Рашин, 1956; Вишнеvский, 2005). В качестве объекта исследования в этих работах выступают классы, сословия, поселенческие, этнические и конфессиональные сообщества. Гораздо реже материалы переписи используются в публикациях по гендерной истории (Бурлуцкая (Банникова), 2018). В работах же по истории детства использование указанных сведений практически отсутствует либо носит отрывочный, точечный характер. Дети, как особая поколенческая группа, практически никогда не

* Corresponding author

E-mail addresses: ida777@yandex.ru (E.V. Burlutskaya)

выступали самостоятельным объектом статистических исследований. Показатели, характеризующие социально-экономическое положение детей, представляли собой косвенные результаты различных наблюдений государственной или ведомственной статистики, основным объектом которой было население в целом или другие социальные группы.

В этой связи обобщение данных, касающихся именно социографических характеристик детского сообщества Оренбурга, по данным переписи 1897 г., представляется новым направлением научного поиска. Как отмечают современные исследователи, исторические представления, основанные на данных исторической демографии, «лишаются легендарности и мифологичности и становятся научными и надежными» (Миронов, 2006: 62). Возможность же получения новых объективных сведений о выделенной социальной группе, существенно расширяющих представления о провинциальной детской повседневности рубежа XIX–XX вв. даже в масштабах одного губернского города, подтверждает актуальность осуществленного исследования.

2. Материалы и методы

Основным источником, на который опирается данное исследование, являются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи, осуществленной в 1897 г. Данный свод статистических данных разнообразного характера позволяет с помощью использования статистических методов получить не только информацию количественного плана, но и путем сопоставления сведений по разным регионам выявить специфику тех или иных явлений или процессов, происходивших в детском сообществе Оренбурга и других городов Оренбургской губернии.

Для анализа были взяты данные переписи Оренбургской (ПВПН РИ, 1905), Самарской (ПВПН РИ, 1905) и Пермской (ПВПН РИ, 1904) губерний. Самарская губерния, расположенная к западу от Оренбургской, была исторически и территориально связана с Оренбургским краем, она тоже представляла собой регион, через который проходили широкие миграционные потоки, однако отличалась более однородным составом населения и преобладанием населения сельского. Губерния Пермская, как и Оренбургская, относящаяся к числу губерний Урала, напротив, обладала довольно стабильным составом населения и развитой промышленной базой.

В качестве источника, позволяющего с помощью сравнения проследить определенные тенденции в динамике демографических показателей детства, были использованы данные Однодневной переписи населения г. Оренбурга, произведенной 21 декабря 1875 г. (Однодневная перепись, 1878).

Для того чтобы определить особенности детского сообщества Оренбурга, выявить закономерности, в нем существующие, были выбраны методы статистического анализа. Ключевым стал метод группировки и обобщения материалов статистического наблюдения. Сведения, касающиеся тождественных показателей по разным городам Оренбургской губернии и соседних регионов, объединяются в рамках общей системы, позволяющей охарактеризовать группу, объект или явление в целом. Сравнение этих показателей между собой, а также их сопоставление со средними величинами (усредненными данными по Российской империи в целом) как раз и позволяет выйти на обобщающие показатели.

3. Обсуждение

Обращение современных авторов к проблемам демографической структуры российского общества рубежа XIX–XX вв. в основном было связано с исследованиями, посвященными модернизации имперского социума под влиянием Великих реформ (Миронов, 1999) и индустриализации страны (Погребинская, 2008). В этих трудах, как правило, не происходило акцентирования внимания на демографии детского населения, поскольку оно не рассматривалось как производительная сила или как актор социальных процессов.

В то же время, как отмечает Б.Н. Миронов, «историко-демографические исследования в последние 25 лет приобрели особую популярность в мировой историографии». Основную причину историк видит в том, что «демографические данные дают много ценной информации о жизни людей, их благосостоянии, менталитете, поведении, борьбе за выживание, о трудностях, с которыми они повседневно сталкиваются» (Миронов, 2006: 62).

В большинстве современных работ (Qvortrupye et al., 1991; Майорова-Щеглова, Колосова, 2018) детство рассматривается как специфическая социально-демографическая группа, занимающая особое место в социальной структуре общества. Описание и измерение конкретных проявлений социального существования детей стало осуществляться через социографию – эмпирическую социологию, нацеленную на сбор и анализ социальных данных с использованием методов, методик, техники социологического исследования. Анализ социографических характеристик детства позволяет создать социальный профиль выделенной социальной группы с опорой на статистику, измерить различные явления социальной жизни детей.

О социографии детства как о выделении системы социальных показателей, которые измеряются и анализируются, в своей статье рассуждала А.Г. Филипова (Филипова, 2010). Ею были определены (правда, в отношении современного детства) 6 групп интегральных показателей

социального состояния детства: 1) показатель демографии (доля детей в общей численности населения; численность детей, родившихся за год; численность детей в разных возрастных группах; данные о детской смертности и пр.); 2) показатель материального положения семьи; 3) показатель здоровья; 4) показатель образования и досуга; 5) показатель девиантности; 6) показатель социальной поддержки. По мнению автора, «региональная социография детства позволяет выявлять специфические проблемы детства в регионе, сопоставлять количественные характеристики детства разных регионов» (Филипова, 2010: 102).

Практики и методики, разработанные названными исследователями в отношении детей и детства, дают возможность применить их не только для изучения процессов, происходящих в современном детском социуме, но и распространить их на более ранние хронологические периоды. В рамках статьи часть показателей социального состояния детства будет исследована в отношении детей провинциального губернского города конца XIX века.

4. Результаты

Начиная разговор о детях в условиях губернского города конца XIX в., следует, в первую очередь, выявить размеры данной социальной группы и определить ее долю в общей численности городского населения.

Таблица 1. Дети в составе городского населения, по данным ПВПН РИ 1897 г. (ПВПН РИ, 1905: XIV, 1, 6; ПВПН РИ 1904: 1, 10; ПВПН РИ 1905а: 1, 6)

Город	Число детей до 1 года				Число детей от 1 года до 9 лет			
	душ мужского пола	в % от общего числа детей мужского пола этого возраста в городах губернии	душ женского пола	в % от общего числа детей женского пола этого возраста в городах губернии	душ мужского пола	в % от общего числа детей мужского пола этого возраста в городах губернии	душ женского пола	в % от общего числа детей женского пола этого возраста в городах губернии
Оренбург	1 316	47,63 %	1 259	45,13 %	6 194	44,54 %	6 522	43,99 %
Число детей обоюбого пола до 9 лет, душ обоюбого пола								
15 291								
В % от общего числа горожан								
21,11 % от 72 425								

Орск	273	9,98 %	273	9,78 %	1 439	10,35 %	1 614	10,89 %	3 599	25,68 % от 14 016
Челябинск	340	12,31 %	311	11,15 %	1 567	11,27 %	1 841	12,42 %	4 059	20,30 % от 19 998
Троицк	365	13,21 %	401	14,37 %	1 964	14,12 %	2 145	14,47 %	4 875	20,92 % от 23 299
Самара	1 456	53,04 %	1 509	53,4 %	6 834	50,79 %	6 979	51,57 %	16 778	18,64 % от 89 999
Пермь	562	25,08 %	543	25,02 %	3 350	24,9 %	3 486	25,03 %	7 941	17,57 % от 45 205

Во всех городах Оренбургской губернии, включая Илецкую Защиту и Верхнеуральск, по данным Переписи, проживали 16 669 душ мужского пола от 0 до 9 лет и 17 615 душ женского пола этого же возраста. Общее число горожан в губернии составляло 152 557 душ обоего пола (ПВПН РИ, 1905: XIV). Соответственно, дети от 0 до 9 лет (34 284 чел.) составляли среди городских жителей губернии 22,47 %.

Число детей в городах Самарской губернии составляло: до 1 года – 2 745 душ мужского пола и 2 826 душ женского пола. Детей от 1 года до 9 лет в городах губернии насчитывалось 13 456 мальчиков и 13 533 девочки (ПВПН РИ, 1905: 6). Общее число горожан в Самарской губернии составляло 158 842 души обоего пола (ПВПН РИ, 1905: 1). Значит, дети от 0 до 9 лет (32 560 чел.) в этом числе занимали 20,5 %.

В городах Пермской губернии детей до года насчитывалось 2 241 душа мужского пола и 2 170 душ женского пола. Детей от 1 года до 9 лет – 13 452 и 13 929 душ соответственно (ПВПН РИ, 1904: 10). Общее число горожан в Пермской губернии составляло 179 339 душ обоего пола (ПВПН РИ, 1904: 1). Следовательно, детей от 0 до 9 лет (31 792 чел.) насчитывалось 17,74 %.

Таким образом, Оренбургская губерния лидировала в этом контексте и по числу детей, и по процентному соотношению детей до 9 лет в общем числе горожан. Как следует из данных Таблицы 1, в Оренбургской губернии именно Оренбург был средоточием максимального числа детей до 9 лет как в числовом, так и в процентном соотношении. В сравнении с другими губернскими столицами, Оренбург немного уступал Самаре по числу детей этого возраста, но превосходил ее по доле детей 0-9 лет в общей численности городского населения. В отношении Перми Оренбург лидировал по обоим показателям.

В книге А.Г. Рашина «Население России за 100 лет (1813–1913)» были приведены данные по Европейской России, касающиеся распределения населения по полу и возрасту. Согласно этим сведениям, дети моложе 1 года в городах составляли 2,7 % населения, а дети от года до 9 лет – 17 % (Рашин, 1956: 265), то есть среди городского населения Европейской России детей до 9 лет насчитывалось в среднем 19,7 %. Исходя из этих показателей, можно констатировать, что в городах Оренбургской губернии детей указанного возраста насчитывалось в процентном отношении немного больше, чем в среднем по стране.

Дети до 1 года составляли в Оренбурге 3,6 % населения, а дети от 1 до 9 лет – 17,6 % (т.е. немного больший процент, чем в среднем по империи). Если сравнить эти данные со сведениями Однодневной переписи населения Оренбурга 1875 г. (Однодневная перепись, 1878: 8, Таб. 14), то окажется, что несмотря на то, что детей в возрасте 0–9 лет на тот момент в Оренбурге насчитывалось всего 8 347 (т.е. почти в два раза меньше, чем через 22 года), их доля в составе городских жителей была примерно такой же, как и в 1897 г., 22,5 % (против 21,2 %). Процент детей в составе городского населения составлял для детей до 1 года 3,8 % (1 415 из 36 992 д. об. п.), а для детей 1–9 лет – 18,7 % (6 932 из 36 992 д. об. п.). Увеличение абсолютного числа детского населения Оренбурга к 1897 г.

было связано с почти двукратным ростом общего числа горожан (от 36 992 до 72 425 д. об. п.), вызванным открытием железнодорожного сообщения с центральными районами империи.

По мнению отечественного демографа П.И. Куркина, уровень рождаемости, существующий на рубеже XIX–XX в., «чрезмерно далеко отстоит от той ее нормы, при которой наибольший прирост населения достигается с наименьшими потерями, неизбежными в деле производства потомства. Наоборот, потери так велики, что при самом широком производстве здесь получается совершенно малый прирост» (Курукин, 1902: 87). Таким образом, можно предположить, что большой процент детей в общем числе населения Оренбурга был вызван высоким уровнем рождаемости, обусловленным, в свою очередь, высоким уровнем смертности. Именно об этом говорил, например, А.Г. Вишнеvский, называвший высокую рождаемость «непременным условием выживания населения» (Вишнеvский, 1977: 106).

Авторы конца XIX в., анализирувавшие рождаемость в Оренбурге, обращали внимание именно на ее высокие показатели. Большой коэффициент рождаемости в губернской столице объяснялся ими, в первую очередь, высокой смертностью детей в первые месяцы жизни. Большая смертность детей раннего возраста сокращала период грудного вскармливания, что делало, по сути, только что родившую женщину способной к новому зачатию (Кенигсберг, 1886: 105).

Данные о распределении детей до 1 года по возрасту по месяцам (Таблица 2) дает исследователям интересный материал, позволяющий рассуждать о динамике детской смертности в первый год жизни. Так, например, если смотреть на соотношение мальчиков и девочек в каждой выделенной возрастной группе, то практически в каждом городе среди младенцев младше одного месяца наблюдалось преобладание мальчиков над девочками, что в целом соответствовало стандартной структуре рождаемости. Однако, например, в Самаре уже с возраста 1 месяца число девочек начинало превосходить число мальчиков. Это означало, что смертность среди младенцев мужского пола была выше. В Троицке преобладание числа младенцев мужского пола над числом младенцев женского пола сохранялось примерно до 4 месяцев. В Оренбурге и Орске не удалось выделить какого-то «переломного» в данном контексте возраста – соотношение мальчиков и девочек по месяцам жизни изменялось бессистемно. В Челябинске же практически в каждой возрастной группе, за исключением самой младшей, девочек было меньше, чем мальчиков. Преобладание мальчиков над девочками наблюдалось и в Перми.

Таблица 2. Дети моложе 1 года, по данным ПВПН РИ 1897 г. (ПВПН РИ, 1905: 16-17; ПВПН РИ 1904: 32-33; ПВПН РИ 1905а: 18-19)

		Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Самара	Пермь
Менее месяца	м	114	30	26	49	156	70
	д	110	18	38	42	141	68
1 месяц	м	135	39	41	59	125	60
	д	150	53	31	53	160	58
2 месяца	м	115	29	36	37	117	50
	д	92	24	30	46	135	41
3 месяца	м	130	22	46	39	140	52
	д	131	23	32	35	158	62
4 месяца	м	108	23	29	37	132	52
	д	92	18	28	34	142	43
5 месяцев	м	120	16	28	16	124	40
	д	99	13	19	28	125	42
6 месяцев	м	194	43	32	52	172	67
	д	166	52	41	55	162	56
7 месяцев	м	70	19	22	13	93	43
	д	89	18	18	24	114	46
8 месяцев	м	95	19	26	11	134	34
	д	86	17	21	26	114	33
9 месяцев	м	72	11	20	13	85	34
	д	81	13	23	24	90	30
10 месяцев	м	95	12	18	23	105	32
	д	103	14	19	11	98	30
11 месяцев	м	63	10	15	14	70	28
	д	57	10	11	20	70	34
Неизвестного возраста	м	5	-	1	2	3	-
	д	3	-	-	3	-	-

Число младенцев, судя по данным таблицы, иногда довольно резко снижалось к определенному возрасту. Так, например, в Оренбурге младенцев 6 месяцев обоего пола насчитывалось 360, а 7 месяцев – только 159 (т.е. почти в два раза меньше). В Орске наблюдалась та же картина: 6-месячных детей в городе было 95, а 7-месячных – только 37. В Челябинске эти показатели составили 73 и 40, а в Троицке – 107 и 37 соответственно. В Самаре наиболее серьезное изменение численности младенцев наблюдалось между 8 и 9 месяцами (248 и 175 младенцев), хотя оно и не носило такого ярко выраженного характера, как в городах Оренбургской губернии. А в Перми движение детского населения от месяца к месяцу было очень плавным, без резких перепадов.

Можно предположить, что в городах Оренбургской губернии после полугода матери решали отнимать детей от груди, чтобы быть более свободными в плане хозяйства, переводили младенцев на прикорм, что крайне негативно влияло на их здоровье и часто приводило к смерти. Об этих традициях писал в своем труде оренбургский врач М.М. Кенигсберг. Наибольшее влияние на детскую смертность оказывал, по его мнению, «способ питания и ухода за детьми»: искусственное кормление коровьим молоком и «суррогатами детской пищи» получило в Оренбургской губернии второй половины XIX столетия огромное развитие. «Детскую соску, жевку с их спутниками можно встретить сплошь и рядом и у зажиточных людей, несмотря даже на одновременное кормление, другой раз, и грудью. Трудность доставления здесь кормилиц, зависящая от относительной обеспеченности массы населения, заставляет еще чаще прибегать к искусственному вскармливанию, что при умственном убожестве родителей становится в их руках истым орудием смерти нежных детских организмов» (Кенигсберг, 1886: 149). В итоге в Оренбурге на первом году жизни из 100 родившихся умирали 36,69 детей (Кенигсберг, 1886: 141). Более подробные сведения о детской смертности в купеческих семьях Оренбурга второй половины XIX в. содержатся в одной из публикаций автора данной статьи (Бурлуцкая (Банникова), 2017).

Ситуация, которая была зафиксирована Переписью 1897 г., кстати, полностью соответствовала данным Однодневной переписи населения Оренбурга 1875 г. Согласно им, младенцев 6 месяцев в городе насчитывалось 157, а 7 месяцев – 71, т.е. более чем в два раза меньше (Однодневная перепись, 1878: Таб. 14). Этот факт может служить косвенным подтверждением нашего предположения о существующей в Оренбургской губернии практике перевода полугодовальных младенцев на прикорм и связанным с этой практикой ухудшением физического здоровья детей.

Показатели грамотности среди детей также представляют достаточно интересную картину. Согласно данным А.Г. Рашина, среди городского населения в возрасте менее 10 лет процент грамотных мальчиков составлял 11,2 %, девочек – 9 % (Рашин, 1956: 297). Для Оренбурга, в котором дети 0–9 лет составляли 15 291 человек (7 510 мальчиков и 7 781 девочка), а число грамотных детей этого возраста составило 724 мальчика и 660 девочек (ПВПН РИ, 1905: 10), уровень грамотности составил 9,64 % среди мальчиков и 8,48 % среди девочек. Это было чуть меньше, чем средние показатели по империи. В Самаре, где мальчиков 0–9 лет насчитывалось 8 290, а девочек – 8 488, грамотных же среди них было 679 (8,2 %) и 576 (6,8 %) (ПВПН РИ, 1905: 10), т.е. еще меньше. В Перми, где проживало 3 912 мальчиков и 4 029 девочек в возрасте от 0 до 9 лет, грамотными среди них были 493 мальчика (12,6 %) и 524 девочки (13 %) (ПВПН РИ, 1904: 14), что превышало среднероссийские показатели (особенно явно это превышение наблюдалось среди грамотных девочек).

Таблица 3. Детская грамотность, по данным ПВПН РИ 1897 г.

	5 лет		6 лет		7 лет		8 лет		9 лет		10 лет		11 лет		12 лет	
	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д
Города Оренбургской губернии (ПВПН РИ, 1905: 8)																
Всего городское население	1317	1377	1364	1476	1371	1491	1464	1621	1472	1562	1643	1499	1571	1511	2084	1866
В том числе грамотного	22 1,7 %	20 1,5 %	57 4,2 %	65 4,4 %	143 10,4 %	164 11 %	420 28,7 %	387 23,9 %	751 51 %	585 37,5 %	1068 65 %	707 47,2 %	1121 71,4 %	828 54,8 %	1544 74,1 %	994 53,3 %

Оренбург (ПВПН РИ, 1905: 10)	
Всего городского населения	543
В том числе грамотного	5 0,9%
Всего городского населения	591
В том числе грамотного	10 1,7%
Всего городского населения	559
В том числе грамотного	27 4,8%
Всего городского населения	621
В том числе грамотного	45 7,2%
Всего городского населения	589
В том числе грамотного	82 13,9%
Всего городского населения	616
В том числе грамотного	77 12,5%
Всего городского населения	668
В том числе грамотного	228 34,1%
Всего городского населения	709
В том числе грамотного	196 27,6%
Всего городского населения	646
В том числе грамотного	382 59,1%
Всего городского населения	742
В том числе грамотного	332 44,7%
Всего городского населения	733
В том числе грамотного	561 76,5%
Всего городского населения	695
В том числе грамотного	375 54%
Всего городского населения	736
В том числе грамотного	578 78,5%
Всего городского населения	733
В том числе грамотного	447 61%
Всего городского населения	972
В том числе грамотного	784 80,7%
Всего городского населения	837
В том числе грамотного	538 64,3%
Челябинск (ПВПН РИ, 1905: 14)	
Всего городского населения	178
В том числе грамотного	9 5,1%
Всего городского населения	205
В том числе грамотного	4 2%
Всего городского населения	147
В том числе грамотного	6 4,1%
Всего городского населения	195
В том числе грамотного	7 3,4%
Всего городского населения	150
В том числе грамотного	13 8,7%
Всего городского населения	183
В том числе грамотного	22 12%
Всего городского населения	175
В том числе грамотного	65 37,1%
Всего городского населения	212
В том числе грамотного	60 28,3%
Всего городского населения	179
В том числе грамотного	100 55,9%
Всего городского населения	184
В том числе грамотного	73 39,7%
Всего городского населения	223
В том числе грамотного	149 66,8%
Всего городского населения	187
В том числе грамотного	95 50,8%
Всего городского населения	185
В том числе грамотного	142 76,8%
Всего городского населения	173
В том числе грамотного	102 59%
Всего городского населения	217
В том числе грамотного	166 76,5%
Всего городского населения	194
В том числе грамотного	103 53,1%
Троицк (ПВПН РИ, 1905: 14)	
Всего городского населения	187
В том числе грамотного	7 3,9%
Всего городского населения	191
В том числе грамотного	2 1%
Всего городского населения	230
В том числе грамотного	11 4,8%
Всего городского населения	234
В том числе грамотного	11 4,7%
Всего городского населения	203
В том числе грамотного	30 14,8%
Всего городского населения	244
В том числе грамотного	30 12,3%
Всего городского населения	216
В том числе грамотного	62 28,7%
Всего городского населения	243
В том числе грамотного	66 27,2%
Всего городского населения	247
В том числе грамотного	132 53,4%
Всего городского населения	241
В том числе грамотного	87 36,1%
Всего городского населения	279
В том числе грамотного	176 63,1%
Всего городского населения	274
В том числе грамотного	133 48,5%
Всего городского населения	263
В том числе грамотного	199 75,7%
Всего городского населения	245
В том числе грамотного	139 56,7%
Всего городского населения	379
В том числе грамотного	266 70,2%
Всего городского населения	320
В том числе грамотного	163 50,9%
Самара (ПВПН РИ, 1905а: 10)	
Всего городского населения	588
В том числе грамотного	8 1,4%
Всего городского населения	605
В том числе грамотного	5 0,8%
Всего городского населения	592
В том числе грамотного	34 5,7%
Всего городского населения	674
В том числе грамотного	28 4,2%
Всего городского населения	708
В том числе грамотного	103 14,5%
Всего городского населения	715
В том числе грамотного	70 9,8%
Всего городского населения	775
В том числе грамотного	188 24,3%
Всего городского населения	771
В том числе грамотного	145 18,7%
Всего городского населения	691
В том числе грамотного	346 50%
Всего городского населения	761
В том числе грамотного	328 43,1%
Всего городского населения	751
В том числе грамотного	537 71,5%
Всего городского населения	789
В том числе грамотного	465 58,9%
Всего городского населения	800
В том числе грамотного	647 80,9%
Всего городского населения	794
В том числе грамотного	556 70%
Всего городского населения	912
В том числе грамотного	758 83,1%
Всего городского населения	994
В том числе грамотного	698 70,2%
Пермь (ПВПН РИ, 1904: 14)	
Всего городского населения	354
В том числе грамотного	0
Всего городского населения	366
В том числе грамотного	0
Всего городского населения	387
В том числе грамотного	53 13,7%
Всего городского населения	392
В том числе грамотного	56 14,3%
Всего городского населения	340
В том числе грамотного	67 19,7%
Всего городского населения	352
В том числе грамотного	76 21,6%
Всего городского населения	309
В том числе грамотного	147 47,6%
Всего городского населения	367
В том числе грамотного	186 50,7%
Всего городского населения	306
В том числе грамотного	226 73,9%
Всего городского населения	287
В том числе грамотного	206 71,7%
Всего городского населения	326
В том числе грамотного	283 86,8%
Всего городского населения	343
В том числе грамотного	284 82,8%
Всего городского населения	334
В том числе грамотного	307 91,9%
Всего городского населения	368
В том числе грамотного	308 83,7%
Всего городского населения	415
В том числе грамотного	391 94,2%
Всего городского населения	419
В том числе грамотного	351 83,8%

В целом по городам Оренбургской губернии в возрастной группе от 7 до 14 лет процент грамотных мальчиков составлял 58,72 %, девочек – 42,08 %. Это было примерно в 1,7 раза больше, чем процент грамотных мальчиков и в 2,5 раза больше, чем процент грамотных девочек вообще по губернии (ПВПН РИ, 1905: XVII).

В Оренбурге процент грамотных детей был несколько выше, чем тот же показатель в среднем по всем городам губернии (за исключением мальчиков 5 лет). Если в младшем возрасте (до 6 лет)

процент грамотных девочек немного превышал процент грамотных мальчиков, то, начиная с 7 лет наблюдалась обратная ситуация. Разница могла достигать от 1,4 % (для 7 лет) до 22,5 % (10 лет). Ситуация, по-видимому, объяснялась тем, что, начиная с 7–8 лет многие дети поступали в учебные заведения, которые преимущественно были предназначены для мальчиков. Интересно, что в материалах Однодневной переписи населения Оренбурга 1875 г. 7-летний возраст был обозначен в качестве «предела, определяющего возможность грамотности» (*Однодневная перепись, 1878: 44*).

В Челябинске, Троицке, как и в Самаре, впрочем, процент грамотных девочек практически в любом детском возрасте был несколько ниже, чем процент грамотных мальчиков. Возможно, Оренбург, как средоточие дворян и чиновников, таким образом демонстрировал возможности домашнего девичьего обучения. В дворянских семьях девочек, как быстрее развивающихся в младшем возрасте, начинали обучать грамоте раньше, чем мальчиков. В целом среди детей Оренбурга в возрасте от 6 до 12 лет грамотность была несколько выше, чем, например, в Челябинске или Троицке.

К 1897 г. в Оренбурге существовали пять приходских училищ для мальчиков и четыре приходских училища для девочек. К 1903 г. их число достигло 9 училищ для мальчиков и 6 – для девочек (*Столпянский, 1908: 319*). С 1886 по 1903 гг. через городские школы в Оренбурге прошло 16 383 мальчика и 9 807 девочек. За эти же 18 лет число учеников-мальчиков увеличилось вдвое, а учениц-девочек – в 3 ¼ раза (*Столпянский, 1908: 321*).

По сравнению с Самарой, в Оренбурге детская грамотность была немного выше среди девочек в возрасте от 5 до 9 лет. Разница составляла от 0,9 % (5 лет) до 8,9 % (8 лет). Затем ситуация менялась на противоположную. Для мальчиков ситуация в этих двух городах была примерно схожа. Только в восьми- и девятилетнем возрасте процент грамотных маленьких оренбуржцев оказался на 9–10 % больше, чем грамотных маленьких самарцев.

Преобладание грамотных девочек над грамотными мальчиками демонстрировала, согласно данным таблицы 3, и Пермь. Там приоритет девочек над мальчиками сохранялся вплоть до 8-летнего возраста. В целом процент грамотного детского населения в Перми был гораздо выше, чем в Самаре и в Оренбурге. Разница с Оренбургом могла достигать от 5,8 % (мальчики 7 лет) до 28,8 % (девочки 10 лет). Пермь была довольно старым купеческим городом, с развитой промышленностью, с устоявшимся городским сообществом, в среде которого ценность образования имела очень высокий статус. Система народного образования в Перми имела давнюю и вполне успешную историю. В Пермской губернии была развита система горнозаводских школ, ведущих свою историю еще с XVIII века.

Кроме того, в городе действовал ряд учебных заведений, предназначенных именно для девочек: с 1824 г. – начальная школа для воспитанниц Приказа общественного призрения («девичье училище» при Пермском воспитательном доме), несколько платных частных пансионов, с 1860 г. – женское училище 1-го разряда (Мариинская женская гимназия), с 1881 г. – Александровская прогимназия (*Нечаев, 2008*). С 8 лет примерно половина девочек и мальчиков, живущих в городе, начинали обучаться грамоте в учебных заведениях, вследствие чего к 12-летнему возрасту процент грамотных достигал среди мальчиков 94,2 %, а среди девочек – 83,8 %.

Распределение грамотных детей (до 10 лет, согласно имеющимся сведениям) по сословиям зафиксировано в [Таблице 4](#).

Таблица 4. Распределение детей до 10 лет по грамотности и по сословиям, по данным ПВПН РИ 1897 г.

	Всего детей		Из них неграмотные		Из них грамотные (чел./% от общего числа детей)		Обучаются в средних учебных заведениях (чел. / % от общего числа детей)		Обучаются в средних военных учебных заведениях
	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	

Оренбург (ПВПН РИ, 1905: 36-43)									
Дворяне, потомственные и личные, чиновники не из дворян	613	585	456	414	157 25,6 %	171 29,2 %	14 2,3 %	11 1,9 %	6
Лица духовного звания	66	63	55	51	11 16,7 %	12 19 %	0	0	0
Почетные граждане, купцы, мещане и другие городские сословия	4 598	4 915	4 222	4 569	376 8,2 %	346 7 %	21 0,5 %	17 0,3 %	3
Лица сельского состояния (крестьяне, казаки, иностранные поселенцы)	2 095	2 077	1 934	1 961	161 7,7 %	116 5,6 %	3 0,1 %	1 0,05 %	0
Иностранцы	16	12	16	12	0	0	0	0	0
Иные	62	73	54	65	8 12,9 %	8 11 %	1 1,6 %	0	0
Иностранные подданные	60	56	49	49	11 18,3 %	7 12,5 %	1 1,7 %	0	0
Всего	7 510	7 781	6 786	7 121	724 9,6 %	660 8,5 %	40 0,5 %	29 0,4 %	9
Самара (ПВПН РИ, 1905: 36-41)									
Дворяне, потомственные и личные, чиновники не из дворян	530	500	415	383	115 21,7 %	117 23,4 %	4 0,8 %	23 4,6 %	1
Лица духовного звания	73	61	53	44	20 27,4 %	17 27,9 %	2 2,7 %	1 1,6 %	0
Почетные граждане, купцы, мещане и другие городские сословия	4 211	4 295	3 863	3 982	348 8,3 %	313 7,3 %	3 0,07 %	24 0,6 %	0
Лица сельского состояния (крестьяне, казаки, иностранные поселенцы)	3 371	3 526	3 182	3 410	189 5,6 %	116 3,3 %	0	2 0,06 %	0

Инородцы	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Иные	78	85	74	75	4 5,1%	10 11,8%	0	0	0
Иностранные подданные	27	21	24	18	3 11,1%	3 14,3%	0	2 9,5%	0
Всего	8 290	8 488	7 611	7 912	679 8,2%	576 6,8%	9 0,1%	52 0,6%	1
Пермь (ПВПН РИ, 1904: 60-65)									
Дворяне, потомственные и личные, чиновники не из дворян	476	501	347	368	129 27,1%	133 36,1%	16 3,4%	28 7,6%	0
Лица духовного звания	48	51	36	38	12 25%	13 25,5%	1 2,1%	3 7,9%	0
Почетные граждане, купцы, мещане и другие городские сословия	1 500	1 533	1 293	1 314	207 13,8%	219 14,3%	16 1,1%	24 1,6%	0
Лица сельского состояния (крестьяне, казаки, иностранные поселенцы)	1 848	1 882	1 707	1 742	141 7,6%	140 7,4%	4 0,2%	2 0,1%	0
Инородцы	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Финляндские уроженцы	1	0	1	0	0	0	0	0	0
Иные	31	52	29	36	2 6,5%	16 30,8%	0	2 3,8%	0
Иностранные подданные	8	10	6	7	2 25%	3 30%	1 12,5%	2 20%	0

Всего	3 912	4 029	3 418	3 505	493 12,6 %	524 13 %	38 1 %	61 1,5 %	0
--------------	--------------	--------------	--------------	--------------	----------------------	--------------------	------------------	--------------------	----------

Среди грамотных детей до 10 лет в Оренбурге в дворянско-чиновничьей среде и в среде духовенства преобладали (примерно на 2,5 %) девочки. Это подтверждает версию о хорошем домашнем девичьем образовании в среде указанных сословий. В остальных сословиях было немного больше грамотных мальчиков. Среди обучающихся в средних учебных заведениях мальчиков также было несколько больше, хотя в целом процент обучающихся от общего числа детей и среди девочек, и среди мальчиков был примерно одинаковым. В Оренбурге, как важном военно-стратегическом центре, 9 мальчиков (6 дворян или чиновников и 3 горожан) обучались в военных учебных заведениях. С 1825 г. в городе действовало Неплюевское военное училище, преобразованное в 1844 г. в Неплюевский кадетский корпус. В 1887 г. в Оренбурге на базе школы военных кантонистов был открыт 2-й кадетский корпус для обучения детей офицеров и чиновников, служащих в Туркестанском военном округе и Закаспийской области.

Всего к 1890 г. в Оренбурге, согласно сведениям, содержащимся в работе В.С. Болодурина, насчитывалось 33 учебных заведения, в том числе 1 мужская и 1 женская гимназии, 2 кадетских корпуса, 1 женская прогимназия, 1 Николаевский женский институт (Болодурин, 2000: 25-26).

В Самаре, взятой для сравнения, в семьях дворян и чиновников грамотных девочек, так же, как и в Оренбурге, было немного больше, чем мальчиков. В семьях лиц духовного звания соотношение между мальчиками и девочками, владеющими грамотой, было одинаковым. В среде городских и сельских сословий по грамотности слегка лидировали мальчики. А вот среди иностранцев и лиц «иных» сословий вновь преобладали грамотные девочки, как и среди обучающихся в средних учебных заведениях (за исключением семей духовенства). В военном учебном заведении обучался только один мальчик из среды дворян и чиновников.

Очень интересная ситуация сложилась в Перми, где во всех сословиях, за исключением сельских, среди грамотных детей и детей, обучающихся в средних учебных заведениях, в возрасте до 10 лет преобладали девочки. Причем это преобладание было весьма существенным и достигало 5 % среди иностранных подданных, 9 % среди дворян и чиновников и 24,3 % среди «иных» сословий по грамотности и 0,5 % среди городских сословий, 4,2 % среди дворян, 3,8 % среди «иных» сословий, 5,8 % среди духовенства и 7,5 % среди иностранных подданных по обучающимся в средних учебных заведениях. Обучающихся в военных учебных заведениях среди детей Перми не наблюдалось. В целом в Уральском регионе Пермь являлась бесспорным лидером по уровню грамотности населения.

Распределение детей по родному языку демонстрирует Таблица 5.

Таблица 5. Распределение детей до 10 лет по родному языку в Оренбурге, по данным ПВПН РИ 1897 г. (ПВПН РИ, 1905: 84, 88)

Язык	Дети до 1 года		Дети 1–9 лет							
	м	д	Всего		Грамотных по-русски		Грамотных на других языках		Получивших образование выше начального	
			м	д	м	д	м	д	м	д
Русский, в т.ч.	1 031	983	4 834	5 220	519	509	2	1	47	28
великорусский	1 025	978	4 805	5 184	518	506	2	1	47	28
малорусский	5	5	26	36	1	3	0	0	0	0
белорусский	1	0	3	0	0	0	0	0	0	0
Польский	3	1	24	19	4	6	0	0	2	0
Остальные славянские	0	1	2	0	0	0	0	0	0	0

Литовско-латышские	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Немецкий	3	7	35	43	5	6	1	0	0	0
Остальные германские	0	0	3	0	1	0	0	0	0	0
Остальные индо-европейские	0	0	5	0	0	0	0	0	0	0
Еврейский	22	14	123	112	12	12	12	0	0	1
Финские, в т.ч.	12	11	72	64	3	1	0	0	0	0
мордовский	12	11	70	63	2	1	0	0	0	0
Турецко-татарские, в т.ч.	245	242	1 096	1 063	9	8	107	88	0	0
татарский	221	217	955	955	7	8	99	84	0	0
башкирский	21	23	110	90	2	0	5	4	0	0
тептярский	0	1	2	2	0	0	0	0	0	0
чувашский	0	0	2	1	0	0	0	0	0	0
киргизский	2	0	13	10	0	0	0	0	0	0
ВСЕГО	1 316	1 259	6 194	6 522	553	542	122	89	49	29

Данные [Таблицы 5](#) демонстрируют весьма пестрый этнический состав населения города с большим числом представителей этносов-носителей «турецко-татарских» языков. Для детей до 1 года родным скорее является тот, на котором говорили родители, поэтому подробно анализировать эту группу детского населения не станем. В составе детей 1-9 лет преобладали русскоязычные, составляющие 79,1 % от общего числа. Относительно большие группы составляли дети, для которых родными были татарский (15,02 %), башкирский (1,6 %), еврейский (1,8 %) и мордовский (1,05 %) языки. Русскоязычных детей, которые владели бы грамотой на других языках, было совсем мало, всего трое. Зато в среде иноязычного населения было довольно много билингов: среди 235 детей евреев 24 (10,2 %) были грамотны «по-русски» и 12 (5,1 %) – на других языках, а среди 1 910 детей татар – 15 (0,8 %) знали русскую грамоту и 183 (9,6 %) умели читать и писать на других языках. Всего в Оренбурге нерусских детей 1–9 лет, знающих русскую грамоту, насчитывалось 67 человек (0,5 %), а детей, владеющих чтением и письмом на других, в том числе и своих родных нерусских языках – 211 (1,7 %).

Таблица 6. Распределение детей до 10 лет по родному языку в Самаре, по данным ПВПН РИ 1897 г. ([ПВПН РИ, 1905: 96](#))

Язык	Дети до 1 года		Дети 1–9 лет							
	м	д	Всего		Грамотных по-русски		Грамотных на других языках		Получивших образование выше начального	
			м	д	м	д	м	д	м	д
Русский, в т.ч.	1 369	1 423	6 370	6 542	595	491	0	0	10	49
великорусский	1 367	1 416	6 358	6 522	593	489	0	0	10	49
малорусский	2	7	11	18	1	2	0	0	0	0
белорусский	0	0	1	2	1	0	0	0	0	0
Польский	7	5	49	56	10	5	1	0	0	1

Остальные славянские	0	0	5	2	0	0	0	0	0	0
Литовско-латышские	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Романские	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0
Немецкий	12	11	73	74	12	9	0	1	0	2
Остальные индо-европейские	0	0	2	4	0	0	0	0	0	0
Еврейский	13	15	115	108	27	13	4	0	0	0
Финские, в т.ч.	8	8	43	37	4	2	0	0	0	0
эстский	1	2	13	7	3	2	0	0	0	0
мордовский	7	6	29	30	1	0	0	0	0	0
Турецко-татарские, в т.ч.	47	47	174	153	6	1	10	2	0	0
татарский	46	45	168	149	6	1	10	2	0	0
башкирский	0	0	2	1	0	0	0	0	0	0
чувашский	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0
туркменский	1	2	4	1	0	0	0	0	0	0
Не указавшие языка	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0
Всего	1 456	1 509	6 834	6 979	654	521	15	3	10	52

Для сравнения была взята Самара (Таблица 6). По сравнению с Оренбургом, этнолингвистический состав населения города был более сбалансированным. В нем сосуществовали как носители европейских языков, так и те, кто говорил на языках стран Азии.

В составе детей 1–9 лет преобладали русскоязычные, составляющие 93,5 % от общего числа. Относительно большие группы составляли дети, для которых родными были татарский (2,3 %), еврейский (1,6 %), немецкий (1,1 %), польский (0,8 %) языки. Русскоязычных детей, которые владели бы грамотой на других языках, в городе не было. Среди 317 детей, для которых родным был татарский язык, семеро (2,2 %) знали русскую грамоту и 12 (3,8 %) умели читать и писать на других языках. Среди 223 детей-евреев с русской грамотой были знакомы 40 (17,9 %), а с грамотой других языков – четверо (1,8 %). Из 105 детей-поляков с русской грамотой были знакомы 15 (14,3 %), а на других языках умел читать и писать всего один.

Всего в Самаре нерусских детей 1-9 лет, знающих русскую грамоту, насчитывалось 89 человек (0,6 %), а детей, владеющих чтением и письмом на других, в том числе и своих родных нерусских языках, – 18 (0,1 %).

Сопоставить сведения о родном языке с данными о вероисповедании детей позволяет Таблица 7.

Согласно данным таблицы 7, в Оренбурге дети 0–9 лет православного и единоверческого вероисповеданий составили 11 860 чел. (77,56 % от общего числа детей этого возраста). Еще 344 ребенка (2,25 %) исповедовали старообрядчество или уклонялись от православия. При этом русскоязычные дети составили 12 068 детей (78,92 % от общего числа детей 0–9 лет).

Дети магометанского вероисповедания составили 2 655 человек (17,36 %), а дети, говорящие на «турецко-татарских» языках – 2 646 человек (17,30 %). Разница между этими группами составила всего 9 человек и пришлась на мальчиков 1–9 лет (т.е. кто-то из них, будучи мусульманином, считал родным какой-то другой язык).

Дети-иудеи составляли 283 человека (1,85 %), а дети-евреи – 271 человек (1,77 %). Т.е. кто-то из исповедующих иудаизм (12 человек) родным языком считал язык «не еврейский».

Не менее интересно проследить и семейное положение детей. Так, по сведениям Переписи по Оренбургской губернии, среди детей менее 10 лет насчитывалось состоящих в браке 22 мальчика и 44 девочки, вдовых – 3 мальчика и 10 девочек. В возрасте от 10 до 12 лет состоящих в браке было 14 мальчиков и 36 девочек, вдовых – 1 мальчик и 4 девочки.

Таблица 7. Распределение детей до 10 лет по вероисповеданию, по данным ПВПН РИ 1897 г. (ПВПН РИ, 1905: 170; ПВПН РИ 1904: 292; ПВПН РИ 1905а: 196)

	Оренбург				Самара				Пермь			
	Дети моложе 1 года		Дети от 1 до 9 лет		Дети моложе 1 года		Дети от 1 до 9 лет		Дети моложе 1 года		Дети от 1 до 9 лет	
	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д
Православные и единоверцы	1 007	972	4 760	5 121	1 313	1 352	6 061	6 257	525	504	3 032	3 209
Старообрядцы и уклоняющиеся от православия	32	21	141	150	59	72	320	293	2	3	19	12
Армяно- григориане	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Армяно-католики	0	0	0	0	8	9	70	75	0	0	0	0
Римско-католики	7	2	29	24	0	0	0	0	4	6	37	26
Лютеране	2	6	31	43	10	8	70	68	1	0	16	15
Реформаты	0	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0
Баптисты	0	0	0	0	0	0	1	2	0	0	0	0
Меннониты	0	0	0	0	1	0	1	1	0	0	0	0
Англикане	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
Лица остальных христианских вероисповеданий	0	0	0	0	0	2	5	3	0	0	0	0

Караимы	0	0	0	2	0	0	3	2	0	0	0	0
Иудеи	23	15	127	118	18	18	135	125	4	10	119	109
Магометане	245	242	1 105	1 063	47	48	167	151	26	20	127	115
Лица других нехристианских исповеданий	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Всего	1 316	1 259	6 194	6 522	1 456	1 509	6 834	6 979	562	543	3 350	3 486

В городах Оренбургской губернии из этого числа среди детей младше 10 лет, состоящих в браке, было двое – 1 мальчик и 1 девочка, вдовых в это возрасте зафиксировано не было. Среди 10–12-летних женат был 1 мальчик и вдовой была 1 девочка (ПВПН РИ, 1905: 16). Все они проживали в Оренбурге (ПВПН РИ, 1905: 18). Официальное брачное право Российской империи запрещало брачные союзы юношей до 18 и девушек до 16 лет. Однако в среде иноверцев и малых народов сохранялись собственные взгляды на заключение браков. Скорее всего, брачные союзы в таком возрасте заключались в мусульманских семьях, практикующих многоженство. Младшие жены в таких браках были, как правило, намного младше своих мужей и часто становились женами в совсем юном, практически детском возрасте. Женатые мальчики могли принадлежать к знатным мусульманским родам, в среде которых могли иметь распространение династические браки, в том числе и среди детей.

В Самарской губернии, где большинство населения было русскоязычным (и православным), среди горожан детей, которые состояли бы в браке или были вдовы, зафиксировано не было, хотя в целом по губернии 31 мальчик и 55 девочек младше 10 лет уже имели семьи, 1 мальчик и 10 девочек были вдовы. В возрасте 10–12 лет эти показатели по Самарской губернии составляли 15 мальчиков и 38 девочек, состоящих в браке, и 2 мальчика и 3 девочки овдовевших (ПВПН РИ, 1905: 20).

В Пермской губернии ни среди горожан, ни среди губернского населения в целом таких случаев зафиксировано не было (ПВПН РИ, 1904: 34). Поскольку в Перми мусульманского населения было примерно в 10 раз меньше, чем в Оренбурге, это косвенно подтверждает наши выводы о том, что чрезвычайно ранние браки были характерны именно для мусульманских семей.

Детское здоровье также было отражено в материалах Переписи (Таблица 8).

Таблица 8. Физические недостатки среди детей до 10 лет, по данным ПВПН РИ 1897 г. (ПВПН РИ, 1905: 99, 100; ПВПН РИ 1904: 160; ПВПН РИ 1905а: 107)

Всего детей		Слепых от рождения		Ослепших		Глухонемых		Немых		Всего детей с физическими недостатками	
м	д	м	д	м	д	м	д	м	д	м	д
В Оренбурге											
7 510	7 781	0	1	1	1	7	0	2	0	10	2
В Челябинске											
1 907	2 152	0	1	0	0	1	0	1	0	2	1
В Троицке											
2 329	2 546	1	0	1	3	1	0	0	0	3	3
В Самаре											
8 290	8 488	1	2	4	0	6	5	1	1	12 (+ 2)	8

										умалишенных)	
В Перми											
3 912	4 029	3	2	0	1	5	1	1	0	9	4

Опираясь на представленные данные, можно увидеть, что в Оренбурге на 15 291 ребенка приходилось 12 детей «с физическими недостатками» (0,08 %), в Челябинске на 4 059 детей – 3 ребенка (0,07 %), в Троицке на 4 875 детей – 6 (0,12 %).

Рождение детей с физическими недостатками вполне могло быть вызвано отвратительным состоянием медицинской службы в Оренбурге, особенно в той ее части, которая касалась родовспоможения. Пытаясь привлечь внимание к проблеме, в конце XIX века оренбургский журналист констатировал: «Одно из наших больших мест – недостаточность организации помощи роженицам бедного рабочего населения города, того бедного населения, в среде которого жёны вынуждены рожать в сырых полутёмных мазанках, подвалах, подчас без всякой помощи или при помощи невежественных повитух. В имеющихся двух гражданских больницах Оренбурга нет до сих пор специальных, обособленных от других отделений для рожениц. Мало того, упомянутые больницы по недостаточности в них числа кроватей постоянно переполнены и часто не только не могут принимать рожениц за неимением мест, но и вынуждены в силу этих же условий помещать рожениц поблизости с инфекционными, заразными больными. Причём один и тот же, ограниченный численностью, наличный персонал ухаживает нередко и за заразными, и за роженицами» (Цит. по: Судоргина, 2004).

В 1893 г. в Санкт-Петербурге состоялась первая Всероссийская гигиеническая выставка, организаторы которой утверждали: «Если здоровый дух может находиться только в здоровом теле, то здоровое тело – в здоровом жилище, а здоровое жилище – в здоровом городе» (Александрова, 2021). Оренбург же в конце XIX века не мог похвастаться ни здоровьем городского пространства, ни здоровьем большинства городских жилищ. Подробно об этом было сказано во многих публикациях автора статьи (Бурлуцкая (Банникова), 2021; Бурлуцкая, 2022).

В Самаре на 16 778 детей приходилось 22 ребенка «с физическими недостатками» (0,13 %), а в Перми – на 7 941 ребенка – 13 детей «с физическими недостатками» (0,16 %).

Поскольку в Троицке, Самаре и Перми показатели оказались примерно одинаковыми, вызывают интерес данные по Челябинску и Оренбургу. Вряд ли эти городские центры были настолько благополучны в медицинском и санитарно-гигиеническом планах, что детские заболевания в них встречались почти в два раза реже, чем в других городах. Можно предположить, что в Челябинске и Оренбурге семьи просто чаще избавлялись от младенцев, имеющих какие-либо физические недостатки.

5. Заключение

Анализ данных, собранных в ходе Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., касающихся детского населения страны, показал, что статистика конца XIX в. уделяла детям не слишком много внимания, рассматривая их как объекты воздействия взрослых в настоящем и потенциальных взрослых в будущем. Дети интересовали переписчиков, прежде всего, в плане сбора сведений о рождаемости, поскольку это напрямую было связано с общей численностью населения империи.

Кроме того, дети фигурировали в сводках, касающихся грамотности населения. В ситуации промышленной модернизации страны увеличение числа подданных, умеющих читать и писать, представляло необходимое условие для благополучной индустриализации. Составителей итогов Переписи также волновали вопросы распределения грамотных детей по сословиям и родному языку, поскольку были связаны с сословной и национальной политикой государства.

Вопросы вероисповедания детей, поднятые в материалах Переписи, помогли выявить тенденции рождаемости в различных конфессиональных сообществах, проживавших в России, и определить демографическую, а также конфессиональную политику властей. Анализ состояния детского здоровья (физические недостатки, выявленные у детей), скорее всего, давал возможность представителям власти определить потенциал будущих работников.

Кроме того, анализ указанных статистических данных дает основания для констатации существования различных вариантов «детств», зависящих от социального, поселенческого или этноконфессионального статуса ребенка. Жизнь детей ощутимо различалась в различных губерниях и даже в разных городах одного региона, а также в зависимости от сословной принадлежности юных жителей империи. Это было связано с тем, что условия детской повседневности (климат, уровень городского благоустройства, состав жителей и пр.) значительно различались от региона к региону, от города к городу, а в масштабах одного населенного пункта от сообщества к сообществу.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00763 «Дети и детство. Повседневная жизнь ребенка в условиях провинциального городского социума (на материалах Оренбурга пореформенной эпохи)».

Литература

- Александрова, 2021** – Александрова Л. Реклама и народное здравие // *Санкт-Петербургские ведомости*. 2021. № 95 (6933). 28 мая.
- Болодулин, 2000** – Болодулин В.С. История образования в Оренбуржье: Учебное пособие для студентов и слушателей образовательных учреждений. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2000. 228 с.
- Бурлуцкая (Банникова), 2021** – Бурлуцкая (Банникова) Е.В. «Лето Палермо и зима Архангельска». Климат как «вызов» // *«Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность / Материалы Междунар. науч. конф.* / Отв. ред. В.А. Веремченко. Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 77-83.
- Бурлуцкая (Банникова), 2017** – Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Детская смертность в купеческих семьях Оренбурга второй половины XIX века // *Клио*. 2017. № 7 (127). С. 80-85.
- Бурлуцкая, 2022** – Бурлуцкая Е.В. «Всё больше зависит от зубков». Дети в условиях губернского города во второй половине XIX – начале XX в. // *Домашняя повседневность населения России: история и современность / Материалы Междунар. науч. конф.* / Отв. ред. В.А. Веремченко. Т. 2. СПб.: Медианапир, 2022. С. 18-24.
- Бурлуцкая (Банникова), 2018** – Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Сословный состав городского населения Оренбургской губернии и социографические характеристики его женской составляющей, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. Электронный научный журнал. 2018. № 2 (26). С. 105-120.
- Вишневский, 1977** – Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в СССР / Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Под ред. Вишневского А.Г. М.: Статистика. 1977. С. 105-134.
- Вишневский, 2005** – Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. М.: Наука, 2005. 368 с.
- Кенигсберг, 1886** – Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга. С картой города, таблицами и диаграммами. Дис. ... д-ра мед. наук. СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1886. 202 с.
- Куркин, 1902** – Куркин П.И. Статистика движения населения в Московской губернии в 1883–1897 гг. М.: Моск. губ. земство, 1902. 562 с.
- Майорова-Щеглова, Колосова, 2018** – Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Дети и детство как объекты социологических исследований // *Социологические исследования*. 2018. № 3. С. 62-69.
- Миронов, 2006** – Миронов Б.Н. Новая историческая демография имперской России (Ч. I): аналитический обзор современной литературы // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. История. 2006. № 4. С. 62-90.
- Миронов, 1999** – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 548 с.
- Нечаев, 2008** – Нечаев М.Г. Пермская модель народного образования XVIII – начала XX вв. / *История и школа: традиция, открытая будущему: Материалы науч.-практ. конф.* Пермь: ОТиДО, 2008. С. 39-62.
- Новосельский, 1916** – Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград: Тип. М-ва вн. дел, 1916. 208 с.
- Однодневная перепись, 1878** – Однодневная перепись населения г. Оренбурга, произведенная 21 декабря 1875 г.: статистический очерк, составленный непрем. чл., и. д. секр. Оренбург. губ. стат. ком. П.Н. Распоповым. Оренбург: Типография А. Хохловой, 1878. 86 с.
- ПВПН РИ, 1904** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том XXXI: Пермская губерния. СПб.: Типография Соб. акц. общ. печ. и писчебум. дела в России, 1904. 301 с.
- ПВПН РИ, 1905** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том VIII: Оренбургская губерния. СПб.: Типография «Товарищества художественной печати», 1905. 198 с.
- ПВПН РИ, 1905а** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том VI: Самарская губерния. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1905. 220 с.
- Погребинская, 2008** – Погребинская В.А. Динамика и демографическая структура населения как фактор начала индустриализации России (последняя треть XIX – начало XX века) // *Российское предпринимательство*. 2008. № 10–1. С. 52-56.
- Рашин, 1956** – Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки / Под ред. акад. С.Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
- Столпянский, 1908** – Столпянский П.Н. Город Оренбург: Материалы к истории и топографии города. Оренбург: Изд-во Оренбургской губернской типографии, 1908. 372 с.

- Судоргина, 2004** – Судоргина Т.В. «Для рожениц из бедного населения» // *Вечерний Оренбург*. 2004. № 10. 3 марта.
- Филипова, 2010** – Филипова А.Г. От государственных докладов о положении детей к социографии детства // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. 2010. № 1–2 (1). С. 98–102.
- Qvortrup et al., 1991** – Qvortrup J. Childhood as a social phenomenon // *Eur. Centre for Social Welfare Policy and Res. Budapest*. Viena, 1991. 43 p.

References

- Aleksandrova, 2021** – Aleksandrova, L. (2021). Reklama i narodnoe zdravie [From State reports on the situation of children to the sociology of childhood]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 95 (6933). 28 maya. [in Russian]
- Bolodurin, 2000** – Bolodurin, V.S. (2000). Istoriya obrazovaniya v Orenburzh'e: Uchebnoe posobie dlya studentov i slushatelei obrazovatel'nykh uchrezhdenii [The history of education in Orenburg region: A textbook for students and students of educational institutions]. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU, 228 p. [in Russian]
- Burlutskaya (Bannikova), 2021** – Burlutskaya (Bannikova), E.V. (2021). «Leto Palermo i zima Arkhangel'ska». Klimat kak «vyzov» [«Summer of Palermo and winter of Arkhangel'sk». Climate as a «challenge»]. «Vyzov» v povesednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. *Materialy Mezhdunar. nauch. konf.* Otv. red. V.A. Veremenko. T. 2. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina. Pp. 77–83. [in Russian]
- Burlutskaya (Bannikova), 2017** – Burlutskaya (Bannikova), E.V. (2017). Detskaya smertnost' v kupecheskikh sem'yakh Orenburga vtoroi poloviny XIX veka [Infant mortality in merchant families of Orenburg in the second half of the XIX century]. *Klio*. 7(127): 80–85. [in Russian]
- Burlutskaya, 2022** – Burlutskaya, E.V. (2022). «Vse bol'she zavisit ot zubkov». Deti v usloviyakh gubernskogo goroda vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [«It depends more and more on the teeth». Children in the conditions of a provincial city in the second half of the XIX – early XX century]. *Domashnyaya povesednevnost' naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' / Materialy Mezhdunar. nauch. konf.* Otv. red. V.A. Veremenko. T. 2. SPb.: Mediapapir. Pp. 18–24. [in Russian]
- Burlutskaya (Bannikova), 2018** – Burlutskaya (Bannikova), E.V. (2018). Soslovnyi sostav gorodskogo naseleniya Orenburgskoi gubernii i sotsiograficheskie kharakteristiki ego zhenskoi sostavlyayushchei, po dannym Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The stratum composition of the urban population of the Orenburg Province and the sociographic characteristics of its female component according to the First General Population Census of the Russian Empire in 1897]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2(26): 105–120. [in Russian]
- Vishnevskii, 1977** – Vishnevskii, A.G. (1977). Rannie etapy stanovleniya novogo tipa rozhdaimosti v SSSR [Early stages of the formation of a new type of fertility in the USSR]. *Brachnost', rozhdaimost', smertnost' v Rossii i v SSSR*. Pod red. Vishnevskogo A.G. M.: Statistika. Pp. 105–134. [in Russian]
- Vishnevskii, 2005** – Vishnevskii, A.G. (2005). Izbrannye demograficheskie Trudy. T. 1: Demograficheskaya teoriya i demograficheskaya istoriya [Selected demographic works. Vol. 1: Demographic theory and demographic history]. M.: Nauka, 368 p. [in Russian]
- Kenigsberg, 1886** – Kenigsberg, M.M. (1886). Opyt mediko-topograficheskogo issledovaniya gor. Orenburga. S kartoi goroda, tablitsami i diagrammami [Experience of medical and topographic study of mountains. Orenburg. With a city map, tables and diagrams. Dissertation for the degree of Doctor of Medicine]. Dis. ... d-ra med. nauk. SPb.: Semenovskaya tipolitografiya (I.A. Efrona), 202 p. [in Russian]
- Kurkin, 1902** – Kurkin, P.I. (1902). Statistika dvizheniya naseleniya v Moskovskoi gubernii v 1883–1897 gg. [Statistics of population movement in the Moscow province in 1883–1897]. M.: Mosk. gub. zemstvo, 562 p. [in Russian]
- Maiorova-Shcheglova, Kolosova, 2018** – Maiorova-Shcheglova, S.N., Kolosova, E.A. (2018). Deti i detstvo kak ob"ekty sotsiologicheskikh issledovaniy [Children and childhood as objects of sociological research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 3: 62–69. [in Russian]
- Mironov, 2006** – Mironov, B.N. (2006). Novaya istoricheskaya demografiya imperskoi Rossii (Ch. I): analiticheskii obzor sovremennoi literatury [The New Historical Demography of Imperial Russia (Part I): an analytical review of modern literature]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 4: 62–90. [in Russian]
- Mironov, 1999** – Mironov, B.N. (1999). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticeskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia of the empire period. XVIII – early XX centuries: Genesis of personality, democratic family, civil society and the constitutional state]. V 2 t. T. 1. SPb.: Dmitrii Bulanin, 548 p. [in Russian]
- Nechaev, 2008** – Nechaev, M.G. (2008). Permskaya model' narodnogo obrazovaniya XVIII – nachala KhKh vv. [Perm model of public education of the XVIII – early XX centuries]. *Istoriya i shkola: traditsiya, otkrytaya budushchemu: Materialy nauch.-prakt. konf.* Perm': OTiDO. Pp. 39–62. [in Russian]

- Novosel'skii, 1916** – *Novosel'skii, S.A.* (1916). Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii [Mortality and life expectancy in Russia]. Petrograd: Tip. M-va vn. del, 208 p. [in Russian]
- Odnodnevnyaya perepis', 1878** – Odnodnevnyaya perepis' naseleniya g. Orenburga, proizvedennaya 21 dekabrya 1875 g.: statisticheskii ocherk [One-day population census of Orenburg, conducted on December 21, 1875: statistical essay]. Sostavlennyi neprem. chl., i. d. sekr. Orenburg. gub. stat. kom. P.N. Raspopovym. Orenburg: Tipografiya A. Khokhlovoi, 1878. 86 p. [in Russian]
- PVPN RI, 1904** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD pod red. N.A. Troinitskogo [The First Census of the Russian Empire. Volume XXXI: Perm Governorate]. Tom. XXXI: Permskaya guberniya. SPb.: Tipografiya Sob. akts. obshch. pech. i pischebum. dela v Rossii, 1904. 301 p. [in Russian]
- PVPN RI, 1905** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD pod red. N.A. Troinitskogo [The First Census of the Russian Empire. Volume XXVIII: Orenburg Governorate]. Tom VIII: Orenburgskaya guberniya. SPb.: Tipografiya «Tovarishchestva khudozhestvennoi pechati», 1905. 198 p. [in Russian]
- PVPN RI, 1905a** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD pod red. N.A. Troinitskogo [The First Census of the Russian Empire. Volume XXXVI: Samara Governorate]. Tom VI: Samarskaya guberniya. SPb.: Parovaya skoropechatnyya P.O. Yablonskogo, 1905. 220 p. [in Russian]
- Pogrebinskaya, 2008** – *Pogrebinskaya, V.A.* (2008). Dinamika i demograficheskaya struktura naseleniya kak faktor nachala industrializatsii Rossii (poslednyaya tret' XIX – nachalo XX veka) [Dynamics and demographic structure of the population as a factor of the beginning of industrialization of Russia (the last third of the XIX – early XX century)]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*. 10–1: 52–56. [in Russian]
- Rashin, 1956** – *Rashin, A.G.* (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.): Statisticheskie ocherki [The population of Russia for 100 years (1811–1913). Statistical essays]. Pod red. akad. S.G. Strumilina. M.: Gosstatizdat, 352 p. [in Russian]
- Stolpyanskii, 1908** – *Stolpyanskii, P.N.* (1908). Gorod Orenburg: Materialy k istorii i topografii goroda [The city of Orenburg: Materials for the history and topography of the city]. Orenburg: Izd-vo Orenburgskoi gubernskoi tipografii, 372 p. [in Russian]
- Sudorgina, 2004** – *Sudorgina, T.V.* (2004). «Dlya rozhenits iz bednogo naseleniya» [“For women in labor from the poor population”]. *Vechernii Orenburg*. 10. 3 marta. [in Russian]
- Filipova, 2010** – *Filipova, A.G.* (2010). Ot gosudarstvennykh dokladov o polozhenii detei k sotsiografii detstva [From State reports on the situation of children to the sociology of childhood]. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 1–2 (1): 98–102. [in Russian]
- Qvortrup et al., 1991** – *Qvortrup, J.* (1991). Childhood as a social phenomenon. *Eur. Centre for Social Welfare Policy and Res. Budapest*. Viena, 43 p.

Дети в составе населения Оренбурга, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Елена Вадимовна Бурлуцкая ^{a, *}

^a Оренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Изучение детства в настоящее время представляет собой сравнительно новое направление научных исследований. Оно осуществляется в рамках различных подходов (юридического, педагогического, демографического, социокультурного, историко-социологического и пр.), ставящих своей основной целью выявление правового статуса ребенка, «границ» детства, воспитательных практик в отношении детей, детской субкультуры и т.д.

Во многих современных исследованиях ребенок воспринимается в качестве самостоятельного социального субъекта, который, как и взрослые люди, испытывает на себе влияние различных социальных событий, которые обуславливают динамику эволюции детства, определяют тенденции в развитии детей в самых разных сферах их жизнедеятельности.

Комплексное исследование положения детского сообщества в общем составе социума применительно к достаточно удаленным от нас эпохам требует обращения к источникам самого разного плана. Одним из таких источников могут выступать материалы статистики, позволяющие через социографический анализ определить основные показатели социального состояния детства. Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в этом контексте дают возможность не только получить основные демографические данные, касающиеся детей как особой социальной группы (общая численность, доля в общем числе населения и пр.), но также определить

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ida777@yandex.ru (Е.В. Бурлуцкая)

уровень детской грамотности, выяснить этнический и конфессиональный состав детского сообщества. Сравнение аналогичных показателей по разным российским регионам приводит исследователя к выявлению региональной специфики детства.

Выявленные особенности локальных детских миров доказывают тезис о множественности «детств» даже в условиях одного хронологического этапа и одного региона. Дети, принадлежавшие к различным сословным, этническим и конфессиональным сообществам, находились в разных условиях, вели разный образ жизни, различались качеством жизни.

Ключевые слова: дети, детство, провинция, социография, Первая всеобщая перепись населения, Оренбургская губерния.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 922-933
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.922

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Role of the Tatars in the Socio-Political Life of Semirechye at the beginning of the XX century

Azat B. Kali ^{a,*}, Aitkul Sh. Makhayeva ^a, Ilyas Erpay ^b, Saulebek K. Rustemov ^c

^a Abai Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan

^b Siirt University, Turkey

^c Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the role of the Tatars in the social and political process of a single region within the Russian Empire. We are talking about one of the main geographical and historical places in Central Asia – Semirechye.

In particular, materials are collected and archival data on the activities of the Semirechye Tatars in the early XX century is given. The Russo-Japanese War and the “First Russian Revolution” that followed became a turning point in the empire. Moreover, this article provides some data regarding the role of the Tatars in this historical moment and their influence on the mood of the local population.

It is worth noting separately the contribution of the Tatars to local education and enlightenment. The well-known Tatar merchant and philanthropist Iskhak Gabdulvaliev plays a special role. He was one of the first to open a new-method (Jadid) school in Semirechye, which was nicknamed “Ishaki” by the people. Iskhak Gabdulvaliev and his relatives were not so far from the political life of the region and the empire, in particular. They were well aware of the latest developments due to good connections both in Russia itself and beyond its borders. In addition, this article reflects archival materials confirming such data.

It is worth noting that bookstores and libraries opened by the Tatars also played a huge role in the enlightenment of the people of Semirechye. In which various books, newspapers, and magazines from different parts of the empire were sold and discussed. However, after reading this article, you can understand that the censorship of the empire and endless checks have become a real obstacle to further development.

Keywords: Semirechye, Tatars, Turkestan Territory, Russian Empire, Verny, Gabdulvalievs, Kazakhs, Kyrgyz.

1. Введение

Семиречье – в истории Казахстана занимает особое место. Это колыбель зарождения Казахского ханства. Названный так в честь семи рек этот исторический регион находился на стратегически важном месте. На юге он граничил со среднеазиатскими ханствами, а на Востоке – с Китаем. Российская империя долго шла к колонизации этой местности. Для начавшейся еще во второй половине XVIII века колонизации Российской империей западных, северных и восточных территорий Казахстана до полного освоения данной территории понадобилось больше века времени.

После вхождения в состав Российской империи во второй половине XIX века этот регион был переименован в Семиреченскую область, в состав которой, кроме современной Алматинской области в Казахстане, входили Чуйская долина и горные регионы Тянь-Шаня. Административным центром стал город Верный.

* Corresponding author

E-mail addresses: kali_azat@mail.ru (A.B. Kali)

В новой для империи местности поселились в основном казаки, потом начался процесс переселения славян и татар.

Татары считаются одним из древних тюркских народов. Сохраняя собственную культурную самобытность, татары, жившие на стыке западной и восточной культур среди тюркоязычных народов, в начале XX века способствовали знакомству и интеграции современных достижений восточно-европейской культуры среди казахского, киргизского и других братских народов. Татары, впитавшие в себя русскую и европейскую культуру, тем не менее были не только приверженцами мусульманства, но и продолжателями общетюркских традиций.

Татары играли связующую роль в отношениях казахов и киргизов с царской Россией. Роль татарской интеллигенции в дипломатических отношениях царской России с казахско-киргизскими правителями, переводческие, секретарские услуги, их значение в развитии торговых отношений, преподавательская деятельность татарских мулл в мусульманских школах и медресе, а также их влияние на социальные-культурные процессы и т.д. показывают актуальность данных исследований.

Этнокультурные связи и взаимодействие между тюркскими народами Семиречья, а в особенности казахско-татарская связь, остаются за рамками специальных исследований.

2. Материалы и методы

В процессе написания статьи были использованы материалы и опубликованы документы из фондов рукописей Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан), Центрального государственного архива Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан), Центрального государственного архива Киргизской Республики (Бишкек, Киргизстан), Академии наук Киргизской Республики (Бишкек, Киргизстан).

В Центральном государственном архиве Республики Казахстан проведен источниковедческий анализ сведений фондов № 44 «Семиреченское областное право» (ЦГА РК), № 76 «Прокурор Верненского окружного округа» (ЦГА РК), № 77 «Верненский окружной суд» (ЦГА РК), а также № 461 «Туркестанское районное охранное отделение» (ЦГА РУ).

В качестве методологической основы исследовательской работы выбран принцип системности и, руководствуясь принципами историчности и объективности, подробно проанализированы особенности процесса влияния семиреченских татар на казахов и киргизов в Российской империи. Кроме этого, были использованы методы анализа, синтеза, ретроспективный и сравнительно-исторический.

3. Обсуждение

Хотя влияние татар на казахов и киргизов в эпоху Российской империи детально не изучалось, некоторые моменты нашли отражение в работах таких авторов, как П.П. Румянцев (Румянцев, 2000) и А.В. Васильев (Васильев, 1898), опубликованных в дореволюционный период. В своих работах эти исследователи дают краткий отчет о том, сколько приезжих татар из Российской империи проживали в Семиречье в начале XX века (Румянцев, 2000: 47, 67, 100), также они обращают внимание на связь татар с казахами (Васильев, 1898). Кроме того, в трудах К. Халида (Халид, 1992), изданных в начале XX века, автор подчеркивает, что татары имеют языковое и религиозное сходство с казахами. В то же время не вызывает сомнений, что мишари и казанские татары имеют одно и то же происхождение, но считается, что татары-мишари ближе к русским по одежде и языку, казанские же татары были ближе к казахам из-за своего простого уклада. Считается, что мишари начали сблизиться с русскими раньше. Некоторые историки опровергли утверждение о том, что мишари произошли от арабов, утверждая, что нет никаких доказательств того, что арабское племя произошло от тюрков (Халид, 1992: 79). К. Халид также отмечает, что, распространяя родословную казахов, все мы говорим, что мы – братья с девизом «Алаш» и все мы относимся к татарам как к сыновьям Узбек хана (Халид, 1992: 79). Еще одним интересным фактом является то, что татары и сарты были ассимилированы казахами, а их потомков стали признавать как «чала-казахи». Отсюда можно заметить, что татары, проживавшие среди казахов и впоследствии разбогатевшие, женились на казахках и торговали в Ташкенте и Туркестане. К примеру, казанский татарин по имени Масгит в поездке с казахскими аристократами в Петербург просил переписать национальность с «чала-казаха» на казаха, засвидетельствовав данный факт в личном документе (Халид, 1992: 81). Еще автор приводит версию, что одной из причин прихода татар на казахские земли было бегство от службы в армии.

В книге Ю. Скайлера «Туркестан» уделяется внимание даже численности населения городов Верный и Капал (Schayler, 1877). Он показывает, что в 70-х годах XIX века в Верном, наряду с казачьими станицами, существовала и татарская слобода. В то же время автор обращает внимание на недостатки перевода с местного языка на русский. Русские казаки и татарские переводчики иногда не могут правильно переводить, путая представителей колониальной администрации, из-за чего сильно страдает местное население (Schayler, 1877: 137, 140-141).

Ряд работ о взаимоотношениях татар с казахским народом был опубликован в советский период. Например, казахско-татарские литературные связи рассматриваются в работе Б. Искакова (Искаков, 1976). В творчестве татарского исследователя А. Каримуллина (Каримуллин, 1974), опубликованного в татарских издательствах, также отражены произведения казахских поэтов и

писателей. В опубликованной работе У. Субханбердиной описано влияние татар на развитие казахской журналистики (Субханбердина, 1963). Исследователь указывает, что в 1911–1914 годах казахоязычный журнал «Айкап» имел 7 рубрик (основная статья, зарубежные новости, вопросы мусульманской жизни, хроники, фельетоны и стихи, библиография и научные статьи, различные отчеты и письма в редакцию), как и в татарской периодике (Субханбердина, 1963: 282).

Очевидно, что духовное единство казахов и татар пропагандировалось в татарской и казахской прессе начала XX века. Журнал «Айкап» публиковал статьи о жизни и культуре татарского народа в рубрике «Проблемы жизни мусульман». В свою очередь татарская пресса, помимо произведений известных казахских поэтов и просветителей, представила татарам произведения талантливых молодых казахских поэтов Семиречья. Например, в журнале «Шуро» опубликовано стихотворение поэтессы из Семиречья Данагуль Тойшыбековой (Махаева, 2006: 188).

Казахская и татарская периодика начала XX века поднимала вопрос единства языка, религии, мысли и деяний, тем самым укрепляя связь между двумя народами. Киргизско-татарские литературные связи в последнее десятилетие XX века описаны в работе С.А. Мамытова (Мамытов, 1999). Исследователь считает, что киргизско-татарские литературные связи стали более интенсивными в начале XX века. Он приходит к выводу, что активная молодежь Киргизстана контактировала с ведущими татарскими и казахскими деятелями (Мамытов, 1999: 84).

Открытие тюркской библиотеки в начале XX века в городе Верный, в Семиречье, и ее деятельность рассмотрены в работе В.З. Галиева (Галиев, 2001), а деятельность татарских интеллигентов, возродивших библиотеку, описана на основе архивных данных. Нетрудно заметить, что тюркская библиотека была на самом деле татарской, так как татарская интеллигенция находилась в авангарде ее деятельности. Официальные документы того времени называли ее «мусульманской библиотекой». В своей работе В.З. Галиев, приводя конкретные архивные данные Мусульманской библиотеки, рассматривает историю взаимодействия татар с казахско-киргизской интеллигенцией, подчеркивая роль татар в этих отношениях. Поэтому В.З. Галиева можно считать ученым, положившим начало изучению истории татар Семиречья. Однако научные взгляды В.З. Галиева по этому вопросу еще нуждаются в изучении на основе новых данных.

4. Результаты

Постоянное заселение татар в район Семиречья произошло позже, чем в других регионах Казахстана. Первоначально они расселились в северных и западных областях Казахстана, граничащих с Российской империей.

В 40-х годах XVIII века пограничная администрация Российской империи начала предпринимать значительные шаги по отправке поволжских татар в Оренбуржье на работу. Это связано с тем, что был большой спрос на посредничество в торговле с азиатами на присоединенных территориях империи, шпионов, занимающихся расследованием, мониторингом и сообщением политической ситуации, переводчиков, способных переводить сообщения с тюркских языков на русский язык, и так далее.

Первая слобода татарских купцов в Оренбуржье называлась «Сейттик» (Сейитовская). Причиной возникновения так называемого торгового поселения (слобода) было то, что ее основателями были татары во главе с Сеитом Хаялиным, уроженцем Казанского уезда. Первоначально созданное с разрешения оренбургского губернатора И.И. Неплюева в 1744 г. поселение было около города Оренбурга. Оно состояло из небольшой группы татар, постепенно расширялось и к 1868 году превратилось в крупное поселение с населением 8 951 человек (Формирование..., 2000: 232). Основание и процветание татарской слободы в Оренбургской области также имело важное значение для казахского народа того времени. Татары подталкивали казахов к увеличению торговли с русскими, в казахские степи стали приходиться татарские муллы и переводчики. На территории Северного, Восточного и Западного Казахстана, в частности в Петропавловске, Акмолинске, Усть-Каменогорске, Семее и других районах, появились татарские торговые поселения.

Расселение татар в Казахстане, в том числе и в Семиречье, состояло из нескольких волн. Первые татарские поселения возглавляли купцы, верующие татары и просветители. Татарские торговцы имели возможность не только перевозить товары, но и обмениваться ими с местными жителями. Красивая природа Семиреченского края, реки и озера, богатые рыбой, долины, пригодные для охоты на животных и птиц, обилие лесов, необходимых для строительства, а также удобство торговли – все это привлекало татарских предпринимателей, торговцев, купцов и земледельцев, позволяло им твердо осесть в Семиречье.

Постепенно стали появляться татарские поселения в Семиречье. В конце XIX века близ Верного была основана татарская слобода. В это время в Верненском уезде Семиреченской области было 2,1 тыс. татар, в Лепсинском районе – 1,9 тыс. татар (Формирование..., 2000: 236).

Татарские купцы, продавая товары, также указывали, где селиться. Они стимулировали торговлю там, где жили. В местах появления татарских поселений в Семиречье открывались и процветали рынки и лавки.

Также татары строили по несколько магазинов рядом со своими домами. Например, в только что построенной Каракольской крепости рядом с 12 домами, населенными татарами, открылось около 50 лавок.

Накануне XX века количество татар в Казахстане увеличилось и стало одной из трех по величине диаспор после русских и украинцев. Татарская диаспора в Казахстане состояла из различных социальных групп, среди которых к буржуазии относилось 37,6 %, к крестьянам – 9,9 %, к купечеству – 2,4 % (Зобов, 1996: 8).

Таким образом, начавшееся со второй половины XIX века переселение татар в Семиречье в начале XX века уже имело немалую численность и принимало активное участие в истории края.

В особенности представители татарской диаспоры Семиречья не остались в стороне от социокультурных процессов начала XX века. Деятельность татарской интеллигенции с местным казахско-киргизским освободительным движением Семиречья приобрела общественный характер.

События начала XX века оказали значительное влияние на рост протестов казахов и киргизов Семиречья против колониальной политики царской России. К такому событию относится русско-японская война, начавшаяся в 1904 году. В то время не только казахи и киргизы в Семиречье, но и другие тюрко-мусульманские народы, в том числе татары в империи, сопротивлялись «государственному порядку». Согласно отчетам полиции того времени, в стране распространялся и японский лозунг «Азия для азиатов» (Махаева, 2007: 253).

Колониальные власти в районе Семиречья, особенно главы каждого уезда, усилили контроль за настроением местного населения и активно собирали сведения о том, как война с Японией отразилась на местном населении (Федоров, 1925: 15).

Перед тем как начать военные действия с царской Россией, Япония учитывала противостояние тюрко-мусульманских народов русскому господству и начала использовать его в своих интересах с 1902 года, установив контакты с рядом представителей татарской буржуазии, через которых они вели пропагандистскую работу среди угнетенных народов. Чтобы привлечь внимание мусульман, в Токио была построена мусульманская мечеть, о чем было сообщено через различные издания (Гайнетдинов, 1997: 44).

Во время русско-японской войны царское правительство принимало строгие меры против проникновения японских шпионов в район Семиречья и направило в краевое управление специальный указ от сентября 1904 года. В нем говорилось о необходимости выявления японских шпионских каналов и агентов, через которые поступает информация местному населению Семиречья о поражении русской армии на полях боя (Махаева, 2011: 190).

Во время русско-японской войны главы местных администраций, изображая из себя патриотов, собирали с местного населения деньги для помощи раненым на фронте, в связи с чем было вызвано общественное возмущение. Во время этой войны 1904–1905 годов с мусульман Семиреченской области также собирались средства в пользу Красного Креста (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2131. Л. 11). Главы Капальского, Пишпекского и Верненского районов направили в вышестоящие инстанции сведения о том, сколько денег было собрано (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2131. Л. 10, 13).

В 1904 году в пользу Красного Креста было собрано средств: от начальника Николаевской волости Пишпекского уезда Санджмур Люшанло 50 рублей, от купца 1-й гильдии Верненского уезда Исхака Габдулвалиева 500 рублей, от муллы Верненской мечети 95 рублей 15 копеек, от Большой Алмагинской мечети 95 рублей, от жителей Татарской слободы в Верном 24 рубля, от жителей Татарского Каменного района 172 рубля 4 копейки, от жителей Сартовского района 71 рубль 85 копеек (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2131. Л. 12-13).

Во время русско-японской войны население Семиречья не восстало, как того ожидали колониальные власти. Однако оно открыто выступало в поддержку поражения России в войне с Японией, а также за свержение царского правительства, что усиливало колониальную политику (Солтоноев, 1993: 87).

Насытившись политической русификации, казахи поняли, что, кроме ислама, нет ничего лучшего, и поверили в миф о том, что японцы – мусульмане, а казахи – родственный им народ (Бокейхан, 1995: 75).

Такого же вероисповедания было много среди семиреченских татар. И Исхак Габдулвалиев, пожилой купец и меценат из местных татар, и его сыновья Юсуф и Кудыс (Куддус) верили в утопическую идею объединения мусульман в одной стране. Они не учитывали того факта, что у мусульман разных стран, помимо общей религии, различные интересы (Воронов, 2009: 71).

Карьера купца И. Габдувалиева требовала от него регулярных поездок не только в Семиречье, но и в города тогдашней России. Он занимался оптовой и розничной торговлей галантерейными и промтоварами в Семиречье. С учетом того, что в там в то время было много дешевых овец, коз, верблюдов и так далее, он покупал меха животных и перепродавал их на нижегородской ярмарке как ценное сырье для легкой промышленности. Путешествуя и делая покупки во многих местах, семиреченские татарские купцы не только слышали о том, что происходит на земле, но и распространяли это по всей стране.

Габдувалиевы имели связи не только в Средней Азии, Нижнем и Среднем Поволжье, но и в Москве, Петербурге, Одессе, Киеве, Стамбуле. К примеру, старший сын Исхака Габдувалиева Юсуф подробно описывает, когда и с кем встречался во время паломничества в 1912 году: в Оренбурге –

с преподавателем медресе «Хусаиния» Вали, редактором газеты «Вақыт» Фатихом Каримом, крупными торговцами Ибрагимом Акчуриным, Камилем Карими, Насреддином Тынышовым. В Самаре он встретился с Фатихом Муртазиным, редактором газеты «Актасыр». В Нижнем Новгороде его племянник, проживавший на улице Напольно-Вокзальной, 11, останавливался у Абдуллы Сулейменова, имама нижегородской ярмарочной мечети. Здесь он встретился с Ахметжаном Хазратом, Хасаном Акчуриным, Темирчу Сейдуевым, в Одессе – с имамом городской мечети Сабиром Сафаровым. Приехав в Константинополь, он познакомился с авторитетнейшим турецким издателем Джалалом Нуребековым (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 611. Л. 39, 68, 86). Во время таких встреч и обменов татары больше понимали и узнавали, что происходит в мире.

Исходя из победы японцев и поражения русских вооруженных сил, что ударило по моральным и силовым качествам русских, турки поняли, что могут одержать верх в национально-политической борьбе (Исхаки, 1991: 43).

В связи с этим совместные усилия казахской, киргизской и татарской национально-политических элит Семиречья в национально-политической борьбе стали более активны во время и после Первой русской революции.

Татары в Семиречье прославились строительством торговых лавок, учебных заведений и библиотек. Среди них был и ранее упомянутый Исхак Габдулвалиев (также известный как Исхак Абдул Валиев). Он был одним из самых известных татарских купцов в Семиречье, который славился своей благотворительностью. И. Габдулвалиев родился в 1839 году в селе Маскара (Мечкаре) Малмыжского уезда Казанской губернии. В юном возрасте он часто испытывал житейские трудности (Таиров, 2003: 143-146). Окончив медресе, стал торговцем. Работал в торговых фирмах Оренбурга и Троицка, а позже на знаменитой ирбитской ярмарке, которая была популярным торговым местом в Российской империи. На ярмарку, расположенную на узловом месте, привозили товары торговцы из Китая, Средней Азии и России. И. Габдулвалиев, получивший большой доход от ирбитской ярмарки, впервые открыл свое дело в Семипалатинске. В конце XIX века (по некоторым данным в 1878 году) он приехал в Верный с женой Биби-Хадишой Мухаммад-Зарифовной. Торговля И. Габдулвалиева в Семиречье шла успешно. С начала 1878 г. он был включен в состав Верненской 2-й купеческой гильдии.

Их долгожданный первенец, мулла Мухаммад Юсуф Исхакович (известный в стране как Юсуф), родился в Верном (Воронов, 2009: 67). В семье Исхака – 4 дочери и 5 сыновей. Все его дочери были отданы замуж за известных купцов Семиречья – Рафикова, Габитова, Тазетдинова, Сулейманова. Галима Исхаковна, вышедшая замуж за Рафикова, жила в 1916 году в Караколе (ныне Пржевальск), Сагадат Исхаковна Габитова – в городе Верном. Там же жили Фатима Исхаковна Тазетдинова и Гульша Исхаковна Сулейманова. Все зятья Исхака занимались торговлей и были доверенными торговыми агентами купца Габдулвалиева (Воронов, 2009: 70).

К 1897 году Исхак Габдулвалиев владел несколькими особняками в Верном. У него не было системного образования. Его рукописи даже не могли быть прочитаны или переведены переводчиками. Однако это не мешало ему проводить успешные торговые операции и определять конъюнктуру рынка. Удачливый купец стал известной фигурой не только в Семиречье, но и среди российских тюрков-мусульман. В 1905–1907 годах на Всероссийском съезде мусульман он поддержал создание «Союза мусульман России» (Рүстемов, 2019: 583).

В 1883 году в Верном, центре Семиреченской области, было открыто медресе Исхака Габдулвалиева – медресе «Исхаки», которое, тепло встреченное всем тюрко-мусульманским населением Семиречья, предназначалось для воспитания мусульманских детей. К концу XIX века в медресе «Исхаки» был принят новый метод обучения. В газете «Тарджиман», издаваемой И. Гаспринским в Бахчисарае, был опубликован специальный отчет о медресе.

Медресе финансировалось торговым домом Габдулвалиева и его сподвижниками в Верном. Зайнетдин Тазетдинов специально занимался выделением средств для медресе. Он был уроженцем Шундинской волости Малмыжского уезда Вятской губернии. Занимался торговлей в Семиречье и имел большое влияние в торговом мире (ЦГА РУ. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1172. Л. 157). Руководителем медресе был Абдрахман Сагадиев из Троицка. Медресе предназначалось для обучения детей в течение шести лет. Первоначально в нем обучалось 130 учеников. Казахские, киргизские, уйгурские и татарские дети из Семиречья были основными учениками медресе. Классы были оснащены новыми наглядными пособиями того времени, в частности географическими картами, глобусами, фактурами, различными картинками и т.д., а также были созданы соответствующие условия.

В первый год студентов обучали грамматике, чтению вслух и чтению Корана. Такие предметы, как арифметика, естествознание, история, география, зоология, геометрия, анатомия, физика, были включены в учебную программу следующих учебных лет. Занятия велись главным образом на основе учебников, изданных татарскими издательствами в Уфе, Казани и Петербурге. Среди учебников были «Мугалим авал» и «Общетюркский язык» С. Максудова, изданные в Петербурге в 1904 году и «Кирагат тюрки» М. Файзи, изданный в октябре 1912 года в Казани. Также в этом городе по таким предметам, как арифметика, география, геометрия, издавались учебники «Арифметика», «Прикладная география», «Мухтасир-чиндаса». Каждый из них состоял из 3 томов. В серию учебников по истории входили книги «Тарихи анабия», «История Ислама». Они были опубликованы

издательством «Каримов» в Оренбурге. Ученикам медресе преподавали предметы в общей сложности по сорока девяти учебникам. Администрация медресе решила также давать знания по пользовавшейся большим спросом книге «Турецко-татарская история» Ахмета Заки Валиди, известного башкирского ученого и политического деятеля (Рүстемов, 2019: 583).

В 1912 году по приказу инспектора просвещения предмет «русский язык» был включен в учебную программу медресе Габдулвалиева. По поручению местной администрации русскоязычный преподаватель В.И. Шабельников работал над тем, чтобы образование в медресе не противоречило имперской политике.

Также ученики медресе носили специальную форму, которой были обеспечены торговым домом Габдулвалиева.

При активном участии татарской интеллигенции были открыты джадидские школы для девочек в Семиречье: Верном, Капале и Жаркенте. Наряду с состоятельными казахами и уйгурами региона, активное участие в их финансировании принимали татарские граждане. К примеру, И. Габдулвалиев спонсировал школу для девочек в Верном. Также многие учебные заведения Семиречья находились на содержании его торгового дома. В Семиречье И. Гаспринский предложил ввести новую методику преподавания «усул джадид» в области национального начального образования среди тюркоязычных мусульманских народов. По его инициативе татарская интеллигенция вела активную работу по освоению данной методики местным населением. Преподавать в медресе приглашали тех, кто учился в российских губерниях.

Торговый дом Габдулвалиева, спонсирующий многие мусульманские медресе, имеет свою историю. 12 июня 1908 г. нотариус П.А. Арфаницкий, Абдулхаким Ташбулатов из Тюмени, вернинские мещане В. Сушков и Абдулкадыр Дауранов, киргизский (казахский) мещанин Идрис Абдрашитов подписали договор о создании товарищества торговых домов «Исхак Габдулвалиев и его сыновья». Исхак Габдулвалиев решил создать этот дом с намерением развивать и усилить свою торгово-промышленную деятельность, а права партнеров были переданы его супруге Габдулвалиевой Биби-Хадише Мухамед Зарифовне и сыновьям – Юсуфу, Габдул-Куддусу, Габдул-Хаку, Габдрауфу Габдулвалиевым.

Торговый дом «Исхак Габдулвалиев и его сыновья» был учрежден 1 июля 1908 г. в городе Верном и действовал под именем фирмы торгового дома, имел печать с фирменным наименованием (ЦГА РК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1885. Л. 5-18).

Одной из последних задокументированных торговых сделок И. Габдулвалиева была покупка 575 усадеб с открытой торговлей 9 февраля 1910 года. Позже его сын Куддус пытался открыть здесь банк, но по каким-то причинам ему это не удалось. Куддус и Юсуф преследовались за то, что не служили в российской армии. Им пришлось скрываться в течение многих лет. Из-за их преследования Торговый дом возглавил сначала Тазетдинов, а затем, 5 сентября 1916 года, Хаким Бутбаев. После установления Советской власти в Верном декретом № 1 на Габдулвалиевых был наложен штраф в 1 млн рублей, который должен был быть внесен в один из банков Верного. Если семья не найдет эту сумму, их недвижимость подлежала конфискации.

Дальнейшая судьба Габдулвалиевых в документах отсутствует. Известно, что здание торгового дома в Алматы (Верный), служившее в советское время текстильным домом «Кызыл-Тан», было построено купцом И. Габдулвалиевым в начале XX века. Торговый дом основан в 1912 году под руководством архитектора А.П. Зенкова. Он был построен на собственные средства Габдулвалиева и находился под охраной государства как памятник архитектуры XX века.

И. Габдулвалиев, как и другие татарские семьи Семиречья, установил контакты с местной казахской и киргизской интеллигенцией и принимал активное участие в их деятельности против колониальной политики царского правительства.

Немалый вклад в распространение татарской печати и литературы в Семиречье внесли также татарские муллы, учителя школ и медресе. Татарские муллы помогли казахским детям научиться читать и писать, стать мусульманами. Через них студенты-казахи свободно владели татарским языком, читали и знакомились с материалами прессы на татарском языке. На это также повлияло родство татарского языка с казахским, а сходство религии способствовало тесному общению татар с казахами.

Известно, что во времена царского правления татары намного опережали тюрко-мусульманские народы в издании книг и периодической печати. Во второй половине XIX века количество книг, изданных татарами, превысило 3000 экземпляров и их тиражи выросли. В первой половине нового века в татарских издательствах было издано около 400 книг (Каримуллин, 1999: 5). Это означает, что накануне XX века активность татарских издательств значительно возросла.

В Семиречье город Верный давно известен как культурный центр и люди жаждали чтения. В 1895 году в Верном было 11 книжных магазинов. Большинство из них принадлежало татарам. Ахметкарим Зайнуллин, татарский купец, переехавший в Верный в 1890-х годах, одним из первых начал продавать книги в ответ на спрос населения Семиречья. Он был в тесном контакте с Исхаком Габдулвалиевым и обеспечивал жителей Семиречья книгами и периодическими изданиями, публикуемыми в городах Казани, Оренбурге, Уфе и др. (Галиев, 2001: 27-28).

Семиреченский книготорговец А. Зайнуллин передал в дар библиотеке, открытой в Верном, около 600 книг на татарском, арабском, казахском и уйгурском языках (Галиев, 2001: 29).

Открытие в городе Верном библиотеки на 190 мест укрепило казахско-татарские культурные связи. Ряд успешных татар помог открыть эту библиотеку и увеличить ее книжный фонд. Среди них были бизнесмен Зайнутдин Тазетдинов, Камалетдин Габитдинов, младший сын Исхака Габдулвалиева Куддус Габдулвалиев, купец Шаяхмет Абсаттаров и др. Куддус Габдулвалиев окончил всего два класса Верненской гимназии, но тем не менее его знание русского и арабского языков было на высоком уровне, и Куддус был постоянным читателем «Мусульманской библиотеки» в Верном.

Полиция была проинформирована о том, что в Верненской мусульманской библиотеке находится запрещенная литература, в связи с чем и был начат обыск. В книжном магазине А. Зайнуллина обыски проходили несколько раз. Попавший в поле зрения полиции А. Зайнуллин был арестован в 1907 г. и некоторое время находился в заключении.

В январе 1905 года, после «Кровавого воскресенья», столица России Санкт-Петербург, а также вся империя подверглись репрессиям. События «Кровавого воскресенья» не оставили равнодушными тюрко-мусульманские народы империи. Жестокое подавление мирного шествия царским правительством осуждалось тюрко-мусульманским народом и считалось непростительным грехом. Чтобы ослабить начавшуюся революцию, Николай II 18 февраля объявил об участии «избранных» лиц в разработке и обсуждении проекта законов, после чего подписал рескрипт, подготовленный министром внутренних дел А.Г. Булыгиным. Либеральные группы одобрили рескрипт, заявив, что у него «есть потенциал для светлого будущего». Вместе с ним родился документ, призывающий отдельных лиц и группы к повышению благосостояния населения. Затем 17 апреля был издан царский указ о свободе вероисповедания. Эти документы дали толчок к ревностному вовлечению тюрко-мусульманских народов в политическую жизнь (Исхаков, 2005: 233). Набирали обороты петиции (челобитные) по национально-политическим вопросам из окраин империи в центральные органы власти. Это нашло отражение в рамках освободительного движения угнетенных народов (Залевский, 1911: 233).

С 1905 по 1906 год в центральные органы власти было направлено более 500 петиций от имени тюрко-мусульманских народов Российской империи (Махаева, 2007: 256). Одно из таких прошений от имени казахов и киргизов Семиречья – обращение к председателю Комитета министров графу М.Ю. Витте. В организации петиции активно участвовал известный киргиз – Шабдан Жантаев. Именно поэтому она в научной литературе получила название «ходатайство Шабдана Жантаева». Успех данной петиции во многом был обусловлен вкладом татарской интеллигенции. Шабдан Жантаев встретился с известными жителями города Верного Куддусом Габдулвалиевым, Зайнетдином Тазетдиновым, Ахметкаримом Зайнуллиным и другими. Он был с ними в тесном контакте и принимал активное участие в общественной жизни.

Шабдан Жантаев (1839–1912) – киргизский манап, видная фигура в истории киргизского народа XIX–XX веков. В 1904 году он отправился в паломничество в составе 20 человек (оплатив их дорожные расходы), а при нахождении в Стамбуле выделил на строительство железной дороги в сторону Мекки-Медины средства в размере 2000 сомов, после чего получил золотую медаль, врученную турецким султаном (Махаева, 2007: 259).

В июне 1905 г. он написал петицию, причиной которой стали неоднократные обращения казахов, киргизов, татар и других жителей Семиречья. В своих объяснениях главе Пишпекского уезда Шабдан Жантаев говорил, что долгое время не мог прийти к единому соглашению касательно петиции с теми, кто его просил, и изначально пытался доказать, что такое действие является неразумным и нецелесообразным.

Мусульмане Верненского, Капальского, Жаркентского, Лепсинского, Пржевальского и Пишпекского уездов Семиречья подписали доверенность на Шабдана Жантаева о передаче своих прошений императору и другим чиновникам в Санкт-Петербурге.

Летом 1905 года народ собрался на летних пастбищах для обсуждения местных и общегосударственных вопросов, чтобы безотлагательно сообщить о горе и нужде народа. В том же году, как указывал А. Букейханов, выездные ярмарки стали арендой политических съездов для обсуждения и сбора подписей под текстами петиций (Букейхан, 1995: 75).

Прошение, текст которого был составлен грамотно и ясно, в июне 1905 г. было направлено председателю Комитета министров графу М.Ю. Витте. В этой петиции, подготовленной в Семиречье, вопрос религии был поставлен на первое место. Была причина, по которой религия вышла на первый план. Религиозные дела мусульман в Казахстане передавались не Духовному управлению, а колониальной администрации. Местное население было этим очень недоволено.

Первые 6 пунктов петиции, состоящей из 11 пунктов, были посвящены религии. Петиция призывала киргизов Туркестана и казахов Семиречья к созданию собственных религиозных отделений (муфтиев), избранию муфтиев и имамов мусульманами, урегулированию мусульманских браков и семей в регионе по законам шариата, передаче мусульманских школ и медресе в юрисдикцию муфтия, а вакуфные владения – муфтияту и финансировать их за счет земской подати.

Весной 1905 года специальной комиссией, созданной при Комитете министров, было поручено подготовить проект закона об образовании мусульманского духовенства и муфтията в Туркестанской области. Это, в свою очередь, усилило стремление казахов и киргизов региона к скорейшей разработке и принятию данного законопроекта.

Остальная часть петиции призывала разрешить Государственной Думе избирать своих представителей, издавать газеты и журналы, книги на казахском и киргизском языках, приобретать недвижимость и работать по избранной профессии, а также снять ограничения.

В пункте 10-м петиции содержался призыв к киргизской и казахской молодежи, учащейся в государственных школах, особенно в гимназиях, обучаться исламу вместо основ христианства.

В последнем 11-м пункте петиции поднимался земельный вопрос, в котором требовалось прекратить переселение русских крестьян (Махаева, 2011: 256).

Петиция, написанная от имени казахов и киргизов Семиречья, еще нуждается в уточнении о количестве подписей. Однако заявлением главы Капальского района было уточнено, что большинством голосов петиция была подписана на съезде в Верненском районе.

Татары из Семиречья, выросшие в таких городах, как Верный, Пишпек, Аулие-Ата, также принимали участие в мусульманских кружках под названием «Гап» или «Машраб». По донесению оперативников Туркестанского районного отдела охраны, «кружки «Гап» и «Машраб» действовали в Семиреченской, Ферганской и других областях. Таких клубов в Верном было более десятка.

В «Машрабе» было задействовано в среднем 17–20 человек в зависимости от национальности, возраста и профессии. Члены кружка вносили взнос в размере 20 копеек в неделю. Каждое воскресенье члены кружка собирались и обсуждали дальнейшую работу (ЦГА РУ. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1116. Л. 4).

Царское правительство использовало шпионов для наблюдения за мусульманскими группами, утверждая, что они распространяют среди местного населения антироссийскую пропаганду и разжигают волнения среди казахов и киргизов в регионе.

По агентурным данным, властям было известно, что на таких собраниях, особенно на собраниях кружка «Машраб» в Верном, куда входили Жабек Нигматуллин, Рахманкул Абдрахманов, Гаппаржан Максумов, обсуждалась политика царского правительства, особенно переселение русских крестьян в Семиречье. Часто обсуждался вопрос о конфискации земли у казахских и киргизских жителей в пользу русских крестьян, а также ход правительственных мероприятий в направлении русификации и крещения. В связи с этим руководитель кружка Ж. Нигматуллин был арестован и заключен в тюрьму местными властями по обвинению в действиях против властей (ЦГА РУ. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1116. Л. 3).

На пути объединения политических сил тюрко-мусульманских народов в Российской империи и во время создания политической партии «Союз Мусульман России», которые защищали их интересы, через кружок «Машраб» среди казахов, киргизов и татар широкое распространение получила деятельность таких людей, как редактор газеты «Тарджиман» И. Гаспринский, видные представители татарского народа Ю. Акчура, А. Ибрагимов и азербайджанского – А. Топчибашев. Получив такую информацию, жители края включились в общероссийское мусульманское движение. К примеру, представители казахов и киргизов Семиречья были направлены на III Всероссийский мусульманский съезд, проходивший с 16 по 21 августа 1906 года в Нижнем Новгороде с участием около 800 делегатов. В нем приняли участие два представителя казахов и киргизов Семиречья.

В «Союзе мусульман России» была утверждена программа и устав политической партии, избраны в состав Центрального комитета 15 человек, рассмотрены предложения об открытии отдельного муфтията мусульман в Туркестанской области и о невмешательстве правительственных органов в религиозные дела мусульман, после чего от имени казахов и киргизов Семиречья на Всероссийский мусульманский конгресс было направлено срочное письмо с предложением, чтобы от имени делегатов было подготовлено прошение министру народного просвещения об упорядочивании народного образования.

С проведением III Всероссийского мусульманского съезда активизировалась политическая жизнь тюрко-мусульманских народов. После этого случая правительственные органы стали опасаться связи укрепления отношений между тюрко-мусульманскими народами и участвовавшими совместными политическими мероприятиями мусульман. «Всероссийский мусульманский съезд, состоявшийся в Нижнем Новгороде в 1906 году, сыграл важную роль в просвещении российских мусульман. В результате этого съезда были открыты многие мусульманские образовательные организации, широкое распространение получил сбор средств на образование мусульман, получила распространение мусульманская пресса. Башкиры, татары, казахи-киргизы и другие национальности поняли, насколько эффективнее совместный труд» – именно такую оценку дал тогдашний начальник Туркестанского областного управления полиции (ЦГА РУ. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1260. Л. 6).

Царское правительство усилило запрет на активную деятельность тюрко-мусульманского народа Туркестанской области после царского указа от 3 июня 1907 года. Во время «Столыпинской реформы» татарская, казахская и киргизская общины, выступавшие против грабежей, подвергались

преследованиям. Чтение книг без цензуры было запрещено, а их распространители находились под наблюдением. Тем не менее антиколониальные сочинения получили широкое распространение.

Распространением брошюры Миржакыпа Дулатова «Пробудись, казах!» среди народов Семиречья занимались и татарские граждане. Это произведение, изданное в 1909 году, получило широкое распространение во всех областях Казахстана, в том числе и в Семиреченской области, а среди интеллигенции края – через книжный магазин в городе Верном тогдашнего татарского интеллигента Ахметкарима Зайнуллина. Общедемократические устремления данной книги служили толчком антиколониального политического климата среди местного населения. Поэтому царская администрация сочла книгу вредной для царского порядка и запретила ее (Нурпейсов, 1995: 45-50).

Произведение М. Дулатова «Пробудись, казах!», разоблачавшее и критиковавшее колониальную политику царского правительства, пользовалось популярностью среди жителей Семиречья. В целях недопущения распространения в Семиречье подобных книг колониальные власти приняли меры по их конфискации у представителей национальной политической элиты. С этой целью у Б. Сыртанова и Д. Сауранбаева, наряду с другими казахскими и киргизскими деятелями, были произведены обыски, в том числе и в домах татарской интеллигенции, но они не дали ожидаемых результатов.

Также были проведены обыски в лавках татарских интеллигентов А. Зайнуллина, К. Габдулвалиева и З. Тазетдинова. Полиция конфисковала у А. Зайнуллина в книжном магазине несколько экземпляров брошюры «Обиженный народ», а книги типа «Пробудись, казах!», запрещенные к продаже, были сданы на склад (Галиев, 2001: 76).

В 1911 г. было возбуждено дело против А. Койбагарова и Ю. Даулбаева, представлявших семиреченцев на III Всероссийском съезде мусульман (Рүсие, 1906: 11).

7 декабря 1911 года в доме Куддуса Габдулвалиева был произведен обыск, во время которого полиция изъяла множество рукописей на татарском, персидском, арабском и турецком языках. Наряду с этими книгами, в доме К. Габдулвалиева обнаружили много экземпляров периодических изданий – журнала «Шуро», газеты «Юлдуз», «Тарджиман» и «Вақыт». Изъятые книги и бумаги свидетельствовали о связях К. Габдулвалиева с тайной организацией «Машраб» (Галиев, 2001: 75).

Сотрудники Верненской мусульманской библиотеки находились под постоянным контролем представителей жандармерии. 9 июля 1912 года в доме Зайнетдина Тазетдинова, активного члена Библиотечного совета, был произведен обыск.

Книги на полках Верненской мусульманской библиотеки регулярно проверялись. Книги, прошедшие цензуру, разрешалось читать. Жандармерия также разыскивала посетителей библиотеки по подозрению в распространении запрещенных книг. И казахи, и киргизы контактировали с татарской интеллигенцией в библиотеке. Мусульмане Шабдан Жантаев, Мухамед Якуб Абдразаков, мулла татарской мечети в Пишпекке, 3 учителя новой школы (Салих Надыршин, Ахмед Мухавиров, Мухамеджан Ногайбеков) и Абдулахай Чималиев, Ахмед Абдулафигин, Султан Черкасов, Галий Рафиков были тесно связаны с сотрудниками Вернинской мусульманской библиотеки и активно участвовали в общественной жизни Семиречья.

Несмотря на усиление репрессий со стороны колониальных властей, татары не теряли связи с казахскими и киргизскими национальными политическими элитами и продолжали поддерживать тесные связи.

5. Заключение

Безусловно, популярными стали открытые татарами в Семиречье мечети, школы и медресе, книжные лавки, библиотеки, магазины, рынки. Среди татар я был такой. Они и известный в Семиречье меценат Исхак Габдулвалиев спонсировали учебные заведения. Татарская интеллигенция поддержала инициативу И. Гаспринского о новой системе обучения тюрко-мусульманских детей в Российской империи, которую он пытался распространять среди семиреченцев. Одним из них было медресе «Исхаки».

Кроме того, через книжные магазины, открытые такими прогрессивными татарскими гражданами, как А. Зайнуллин и З. Тазетдинов, а также через мусульманские библиотеки, распространялись труды татарских, казахско-киргизских просветителей, учебники и учебная литература на татарском и казахском языках в периодических изданиях «Тарджиман», «Шуро», «Вақыт», «Кояш», «Юлдуз», «Казах».

Важно отметить роль татар Семиречья в социокультурных процессах региона. Изучение их вклада в развитие казахско-киргизского общества в начале XX века позволяет понять динамику культурной и духовной интеграции, глубже осмыслить историю взаимодействия тюркских народов.

Литература

Бөкейхан, 1995 – Бөкейхан Ә. Тандамалы. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995.

Васильев, 1898 – Васильев А.В. Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргизов с предварительным очерком этих отношений. Оренбург: Типолит. П.Н. Жаринова, 1898.

- Воронов, 2009** – *Воронов А.Г.* Габдулвалиевтер // Алматы қаласының тарихы тұлғалар келбетінде. Алматы, 2009. 67-73-б.
- Гайнетдинов, 1997** – *Гайнетдинов Р.Б.* Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века – 30-е годы. Исторический очерк. Набережные Челны: Камский издательский дом, 1997.
- Галиев, 2001** – *Галиев В.З.* Тюркская библиотека в Верном. Алматы: Национальная библиотека РК, 2001.
- Залевский, 1911** – *Залевский К.* Национальные движения // Общественное движение в России в начале XX века. СПб.: Общественная польза, 1911.
- Зобов, 1996** – *Зобов Ю.С.* Начальный этап формирования татарского населения Оренбуржья (40–50-е гг. XVIII в.) // Татары в Оренбургском крае / *Тезисы докл. науч.-практ. конф.* Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1996. С. 9-11.
- Исхаки, 1991** – *Исхаки Г.* Идель-Урал. Казань: Татарское книжное издательство, 1991.
- Исхаков, 2005** – *Исхаков С.М.* Первая российская революция и мусульманское движение / *Отечественная история.* 2005. № 5. С. 65-67.
- Каримуллин, 1974** – *Каримуллин А.* Татарская книга начала XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 1974.
- Каримуллин, 1999** – *Каримуллин А.* Татарское государственное издательство и татарская книга России (1917–1932). Казань: Татар. кн. издательство, 1999.
- Мамытов, 1999** – *Мамытов С.А.* Кыргызско-татарские литературные связи второй половины XIX – начала XX веков. Бишкек: Мурас, 1999.
- Махаева, 2006** – *Махаева А.Ш.* Тойбышек би және оның заманы. Алматы: Баянжүрек, 2006.
- Махаева, 2007** – *Махаева А.Ш.* Қазақ-қырғыз саяси байланыстарының тарихы (XVIII ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың бас кезі). Алматы: Ценные бумаги, 2007.
- Махаева, 2011** – *Махаева А.Ш.* Казак-қыргыз тарыхынан (XVIII кылымдын экинчи жарымы – XX кылымдын башы). Бишкек: КР Улуттук Илимдер академиясы, 2011.
- Нұрпейісов, 1995** – *Нұрпейісов К.* Алаш һәм Алашорда. Алматы: Ататек, 1995.
- Румянцев, 2000** – *Румянцев П.П.* Уезды Жетысу. Алматы: ТОО Жалын, 2000.
- Русие, 1906** – Русие мөселманлари өченче надуеси. Казан: Матбуге Кариме, 1906.
- Рүстемов, 2019** – *Рүстемов С.К.* Габдулвалиев Исхак // *Қазақстан тарихы. Энциклопедия.* Алматы: Литер-М ЖШС, 2019.
- Солтоноев, 1993** – *Солтоноев Б.* Кызыл кыргыз тарыхы. Бишкек: Учкун, 1993. 2-кітап.
- Субханбердина, 1963** – *Субханбердина У.* Қазақтың революциядан бұрынғы мерзімді баспасөзіндегі материалдар. Алматы: КазССР ҒА баспасы, 1963.
- Таиров, 2003** – *Таиров Н.И.* Исхак Габдулвалиев: татарский купец и благотворитель // *Гасырлар авазы – Эхо веков. Казань.* № 1–2 за 2003 г. С. 143-146.
- Федоров, 1925** – *Федоров Е.* 1905 год и коренное население Туркестана // *Новый Восток.* 1925. № 10–11. С. 15-45.
- Формирование..., 2000** – *Формирование татарской, немецкой, польской и других диаспор // История Казахстана: народы и культуры.* Алматы: Дайк-Пресс, 2000.
- Халид, 1992** – *Халид Қ.* Тауарих хамса (бес тарих). Алматы: Қазақстан, 1992.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РУ** – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
- Ысқақов, 1976** – *Ысқақов Б.* Қазақ-татар әдеби байланысы. Алматы: Ғылым, 1976.
- Schayler, 1877** – *Schayler E.* Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Kokand, Bekhara and Kildja. – L.1877. – Vol II.

References

- Bukeikhan, 1995** – *Bukeikhan, A.* (1995). Tandamaly [Favorites].Almaty: Kazakh enchiklopediyasy. [in Kazakh]
- CGA RK** – Centralny gosudarstvennyy arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- CGA RU** – Centralny gosudarstvennyy arhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan].
- Fedorov, 1925** – *Fedorov, Ye.* (1925). 1905 god I korennoye naseleniye Turkestana [1905 and the indigenous population of Turkestan]. Novy Vostok. 10-11: 15-45. [in Russian]
- Formirovaniye..., 2000** – *Formirovaniye tataskoi, nemetskoi, pol'skoi I drugih diaspor [Formation of Tatar, German, Polish and other Diasporas]. History of Kazakhstan: peoples and cultures.* Almaty: Daik-Press. [in Russian]
- Gainetdinov, 1997** – *Gainetdinov, R.* (1997). Turko-tatarskaya politicheskaya emigratsiya: nachalo XX veka – 30-e gody [Turks and Tatars political emigration: the 30s of the early XX century]. Naberezhnye Chelny: Kama publishing house. [in Russian]
- Galiev, 2001** – *Galiev, V.* (2001). Turkskaya biblioteka v Vernom [Turkic Library in Verny]. Almaty: National Library of Republic of Kazakhstan. [in Russian]

- Iskhaki, 1991** – *Iskhaki, G.* (1991). Idel-Ural [Idel-Ural]. Kazan: Tatar book publishing house. [in Russian]
- Iskhakov, 2005** – *Iskhakov, S.* (2005). Pervaya rossiiskaya revolutsiya I musulmanskoie dvizhenie [The first Russian revolution and the Muslim movement]. *Otechestvennaya istoriya*. 5: 65-67. [in Russian]
- Karimullin, 1974** – *Karimullin, A.* (1974). Tataskaya kniga nachala XX veka [Tatar book of the early XX century]. Kazan: Tatar book publishing house. [in Russian]
- Karimullin, 1999** – *Karimullin, A.* (1999). Tatarskoye gosydarstvennoe izdatel'stvo i tatarskaya kniga Rossii (1917-1932) [Tatar State Publishing House and the Tatar Book of Russia (1917-1932)]. Kazan: Tatar book publishing house. [in Russian]
- Khalid, 1992** – *Khalid, Q.* (1992). Tauarikh khamsa. Almaty: Qazaqstan. [in Kazakh]
- Makhayeva, 2006** – *Makhayeva, A.* (2006). Toishibek bi zhane onyn zamany [Toishybek bi and his era]. Almaty: Bayanzhurek [in Kazakh]
- Makhayeva, 2007** – *Makhayeva, A.* (2007). Qazaq-qyrgyz sayasi bailanystarynyn tarihy (XVIII hasyrdyn ekinshi zhartysy – XX hasyrdyn bas kezi) [The history of the political connection between the Kazakhs and the Kyrgyz (second half of the XVIII century and the beginning of the XX century)]. Almaty: Tsenniye bumagi. [in Kazakh]
- Makhayeva, 2011** – *Makhayeva, A.* (2011). Qazaq-qyrgyz tarihinan (XVIII kylymdyn ekinchi zharymy – XX kylymdyn bashy) [From the history of Kazakhs and Kyrgyz (second half of the XVIII century and the beginning of the XX century)]. Bishkek: Academy of National sciences of the Republic of Kyrgyzstan. [in Kyrgyz]
- Mamytov, 1999** – *Mamytov, S.* (1999). Kyrgyzsko-tatarskiye literaturnyye svyazi vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov [Kyrgyz-Tatar Literary Relations of the second half of the XIX and early XX centuries]. Bishkek: Muras. [in Russian]
- Nurpeiisov, 1995** – *Nurpeiisov, K.* (1995). Alash ham Alashorda [Alash and Alashorda]. Almaty: Atatek. [in Kazakh]
- Rumyantsev, 2000** – *Rumyantsev, P.* (2000). Uezdy Zhetysu [Zhetysu's county]. Almaty: TOO Zhalyn. [in Russian]
- Rusiye..., 1906** – Rusiye musulmanlari ochenche naduyesi (1906). Kazan: Matbuge Karime. [in Tatar]
- Rustemov, 2019** – *Rustemov, S.* (2019). Gabdulvaliev Iskhak. History of Kazakhstan. Encyclopedia. Almaty: Liter-M ZhShS. [in Kazakh]
- Schayler, 1877** – *Schayler, E.* (1877). Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Kokand, Bekhara and Kildja. L.1877. Vol II.
- Soltonoyev, 1993** – *Soltonoyev, B.* (1993). Qyzyl qyrgyz tarihy [History of the red Kyrgyz]. Bishkek: Uchkun. Vol. 2. [in Kazakh]
- Subkhanberdina, 1963** – *Subkhanberdina, U.* (1963). Qazaqtyn revolutsiyadan burungy merzimdi baspasozindegi materialdar [Materials in the media before revolutionary Kazakhstan]. Almaty: Academy of Sciences of the Kazakh SSR. [in Kazakh]
- Tairov, 2003** – *Tairov, N.* (2003). Iskhak Gabdulvaliev: tatarski kupets I blagotvoritel [Iskhak Gabdulvaliev: Tatar merchant and philanthropist]. Gasyrlar avazy – Echo of the ages. Kazan. 1-2: 143-146. [in Russian]
- Vasilyev, 1898** – *Vasilyev, A.* (1898). Materialy k karakteristike vzaimnykh otnoshenii tatar I kirgizov s predstavitelnykh ocherkom etikh otnoshenii [Materials for the characterization of interchangeable relations between Tatars and Kyrgyz with a preliminary examination of these relations]. Orenburg: Tip. P.N. Zharinov. [in Russian]
- Voronov, 2009** – *Voronov, A.* (2009). Gabdulvalievter [Gabdulvalievs]. Almaty qalasynyn tarihi kelbetinde. Almaty: 67-73. [in Kazakh]
- Yskakov, 1976** – *Yskakov, B.* (1976). Qazaq-tatar adebi bailanysy [Kazakh-Tatar literary connection]. Almaty: Gylym. [in Kazakh]
- Zalevskii, 1911** – *Zalevskii, K.* (1911). Natsionalye dvizheniya [National movements]. St. Peterburg: Obshestvennaya pol'za. [in Russian]
- Zobov, 1996** – *Zobov, Yu.* (1996). Nachalniy etap formirovaniya tatarskogo naseleniya Orenburzh'ya (40-50-e gody XVIII v.) [The initial stage of the formation of the Tatar population of the Orenburg region (40-50s of the XVIII century)]. Tatory v Orenburgskom kraie: abstract report scientific-practical conferences. Orenburg: OGPU publishing house: 9-11. [in Russian]

Роль татар в общественно-политической жизни Семиречья в начале XX века

Азат Бакытулы Кали ^{a, *}, Айткуль Шайымкуловна Махаева ^a,
Иляс Эрпай ^b, Саулебек Керимбекович Рустемов ^c

^a Казахский Национальный педагогический университет им. Абая, Республика Казахстан

^b Университет Сиирт, Турция

^c Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье рассмотрена роль татар в социально-политическом процессе отдельно взятого региона в составе Российской империи. Речь идет об одном из главных географических и исторических мест Центральной Азии – Семиречье.

В частности, собраны материалы и приведены архивные данные о деятельности татар Семиречья в начале XX века. А если быть точнее, в контексте русско-японской войны и последовавшей за ней Первой русской революции, которые являются переломными моментами в истории империи. В этой статье приведены некоторые материалы, касающиеся роли татар в данном историческом периоде и их влияния на настроение местного населения.

Стоит отдельно отметить вклад татар в местное образование и просвещение, где особую роль занимает известный татарский купец и меценат Исхак Габдулвалиев. Он одним из первых открыл в Семиречье новометодную (джадидскую) школу, которую в народе прозвали «Исхаки». Исхак Габдулвалиев и его близкие также не были далеки от политической жизни и края, и империи в целом. Они были хорошо осведомлены о последних событиях, благодаря своим связям как в самой России, так и за ее пределами. И в этой статье нашли отражение архивные материалы, подтверждающие такие утверждения.

Стоит отметить, что огромную роль в просвещении народов Семиречья также сыграли и открытые татарами книжные магазины и библиотеки, в которых продавались и обсуждались различные книги, газеты и журналы из разных уголков империи, несмотря на то, что цензура империи и бесконечные проверки были настоящей преградой для дальнейшего развития.

Ключевые слова: Семиречье, татары, Туркестанский край, Российская империя, Верный, Габдулвалиевы, казахи, киргизы.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kali_azat@mail.ru (А.Б. Кали)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 934-942
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.934

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Russian-Japanese War in the Reflection of the “Yakutskie Eparkhial'nye Vedomosti”

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Mikhail B. Kolotkov ^e, Sergei B. Zinkovskii ^f

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

^f Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article discusses the Russian-Japanese War of 1904–1905 on the pages of the “Yakutskie Eparkhial'nye Vedomosti” newspaper. The source base of the research was the materials of the pre-revolutionary periodical press, namely the official body of the Yakut diocese – the newspaper “Yakutskie Eparkhial'nye Vedomosti”. Due to the fact that the source in the study is the filing of newspaper issues, in methodological terms, the authors widely used the method of content analysis, which allowed them to identify publications on the topic of the study from extensive material and analyze them. The traditional attention is paid to the use of the chronological method, thanks to which events are considered in their chronological sequence.

In conclusion, the authors state that throughout the Russian-Japanese War, the reflection of these events on the pages of the “Yakutskie Eparkhial'nye Vedomosti” had its own specifics: it was expressed in poor coverage of these events due to the remoteness from the capitals and from the combat zone, so all materials were received by the newspaper with a significant delay. Besides this, life in the Yakut diocese was different in another respect: there was practically no commercial and industrial elite, which often became a source of charitable donations for the needs of the army and navy. As a result, either employees and teachers of educational institutions of the Holy Synod or parishioners of churches became benefactors in the region.

Despite such peculiarities, government manifestos, appeals to parishioners and the population, letters from the front, lists of donors and other messages from the local chronicle were published on the pages of the “Yakutskie Eparkhial'nye Vedomosti” in 1904. Russian Russian-Japanese war was not often considered in 1905 in connection with the events of the First Russian Revolution, and in the last three months of the war, the editors did not address it at all.

Keywords: Russian-Japanese War, Yakut diocese, Yakutskie eparkhial'nye vedomosti, 1904–1905.

1. Введение

События военного времени в жизни отдаленных тыловых территорий традиционно привлекают внимание исследователей, не исключением является и тема жизни населения Якутии в период Русско-японской войны. Как правило, важным источником информации для таких исследований выступают материалы дореволюционной периодической печати. В данной работе мы хотели бы на материалах газеты «Якутские епархиальные ведомости» рассмотреть медийный фон Русско-японской войны на территории региона.

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования стали материалы дореволюционной периодической печати, а именно официальный орган Якутской епархии – газета «Якутские епархиальные ведомости». В период Русско-японской войны газета издавалась на 16 страницах два раза в месяц. Годовая подписка составляла 24 номера. Титульная страница газеты представлена на [Рисунке 1](#).

Рис. 1. Первая страница газеты «Якутские епархиальные ведомости»

Ввиду того, что источником в исследовании выступает подшивка номеров газеты, в методологическом плане мы широко применяли метод контент-анализа. Данный метод позволил нам выявить из обширного материала публикации по теме исследования и проанализировать их. Традиционное внимание уделено использованию хронологического метода, благодаря которому события рассмотрены в их хронологической последовательности.

3. Обсуждение

Газета «Епархиальные ведомости» разных регионов неоднократно становилась источником по изучению локальной истории. Так, на примере «Архангельских епархиальных ведомостей» рассматривались религиозные легенды русского севера ([Болгова, 2011](#)), организацию санитарного просвещения в Томской губернии на примере «Томских епархиальных ведомостей» исследовала К.А. Тартаковская ([Тартаковская, 2014](#)). Тема старообрядчества на Дону изучалась на материалах «Донских епархиальных ведомостей» ([Кротов, 2019](#)). К этой же теме на примере «Кишиневских епархиальных ведомостей» обращалась А.И. Федорова ([Федорова, 2015](#)). В то же время М.А. Колесник и другие рассматривали население Енисейской губернии на материалах «Енисейских епархиальных ведомостей» ([Kolesnik et al., 2021](#)).

Часто авторами привлекались «Епархиальные ведомости» для изучения церковной периодической печати во второй половине XIX – начале XX вв. Так, О.К. Кукушкина на основе «Владивостокских епархиальных ведомостей» изучала историю православных журналов в России в начале XX века ([Кукушкина, 2017](#)), Е.О. Подстрахова обращалась к этой же теме на примере «Воронежских епархиальных ведомостей», при этом автором использовалась расширенная периодизация, которая охватывала и вторую половину XIX века ([Подстрахова, 2015](#)). П.В. Шевкун рассматривал епархиальные ведомости Северо-Западного края как средство церковной коммуникации ([Шевкун, 2017](#)).

Обращались ученые и к изучению войн. Так, С.В. Архипов исследовал Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. на материалах «Московских епархиальных ведомостей» ([Архипов, 2015](#)), а С.Н. Подлесных рассматривал Первую мировую войну на материалах «Воронежских епархиальных ведомостей» ([Подлесных, 2014](#)).

В то же время для изучения разных социальных процессов использовались и «Якутские епархиальные ведомости». Так, Е.П. Гуляева обратилась к «Якутским епархиальным ведомостям» в контексте изучения переводов религиозных изданий на якутский язык ([Гуляева, 1994](#)), а А.А. Андреев на примере этой газеты рассматривал историю регионального православия ([Андреев, 2015](#)).

4. Результаты

Первая публикация по тематике Русско-японской войны на страницах «Якутских епархиальных ведомостей» была опубликована в 4-м номере за 14 февраля 1904 г. Этой публикацией стал

высочайший манифест императора Николая II ([Высочайший манифест, 1904: 49-50](#)). Нужно отметить, что это была единственная публикация в номере, посвященная данному событию. По всей вероятности, новости о Русско-японской войне поступали в регион не часто, поэтому в 5-м и 6-м номерах информации военного характера не публиковались. Более того и в самой Якутской епархии мероприятий в поддержку русского воинства или Красного Креста не проводилось. В это время официальный орган епархии продолжал публиковать путевые заметки миссионеров, отчеты школ и другие невоенные материалы.

Лишь 1 апреля (7-й номер газеты) в «Якутских епархиальных ведомостях» вновь появляется военная тематика, а именно публикуются «Определение Святейшего Синода» о перечислении средств для нужд Красного Креста ([Определение Святейшего Синода, 1904: 97-98](#)) и «Правительственное сообщение» о причинах военного конфликта ([Правительственное сообщение, 1904: 98-101](#)). В этом же номере к пастве в Якутской епархии впервые обратился архипастырь – епископ Никанор. В своем воззвании о начале войны он отмечал: «Как и всегда в былые времена, дрогнуло сердце России; как один богатырь, встала она на защиту заветного Достояния своего: Москва, Петроград, Ярославль и все грады и веси за ними и все сыны и дочери Российские, по мановению Монарха, понесли свои труды, имущество, свою и присных жизнь на Алтарь Отечества. Воспрянь и ты, далекая окраина, страна Якутская. Далек раскинулась ты от центра России; но и в тебе бьется тоже русское сердце... Пришла пора всесторонней помощи ближнему. Покажем, что мы ученики Христовы, что «любим» не словом только, но и делом. Война в пределах Сибири; вместе с войной множатся здесь раненые, больные, сирые и вдовы, оставленные ушедшими на войну, не могущие себя прокармливать... Придите к ним на помощь; соберитесь под знамя Креста дружнее, сердечнее» ([Послание Якутского архипастыря, 1904: 102-103](#)).

Призыв архипастыря не остался незамеченным, и уже в 8-м номере газеты от 16 апреля 1904 г. отмечалось, что воспитательница Якутского епархиального женского училища, движимая глубоким патриотическим чувством, по случаю начавшейся войны осуществила благотворительный сбор средств в женском училище. Сбор составил 17 руб. и был направлен на помощь больным и раненым русским воинам ([Известия и заметки, 1904: 126](#)).

В 10-м номере газеты за 16 мая 1904 г. были напечатаны циркуляры исполнительной комиссии Главного управления Российского Красного Креста по оказанию помощи больным и раненым на Дальнем Востоке ([Циркуляры..., 1904: 145-147](#)).

В 11-м номере от 1 июня 1904 г. под рубрикой «Пожертвование на нужды войны» было размещено сообщение о том, что корпорация начальствующих, преподавателей и служащих якутской духовной семинарии, а также духовного училища на заседании 7 мая постановила отчислять ежемесячно, вплоть до окончания войны, 1 % от жалованья, причем часть этих денег предназначалась семействам убитых воинов, а часть направлялась на усиление русского флота. К моменту публикации эти отчисления уже производились. Кроме того, предполагалось открыть подписку для денежных пожертвований в пользу Красного Креста ([Пожертвования на нужды войны, 1904: 176](#)).

В 18-м и 19-м номерах газеты за 16 сентября и 1 октября 1904 г. была опубликована статья под названием «Красный Крест», в которой описывалась история создания этой организации ([Красный Крест, 1904: 279-282](#); [Красный Крест, 1904а: 296-299](#)).

В 20-м номере газеты за 16 октября в заметке «Высочайшая благодарность» было написано: «30 июля товарищ министра Внутренних дел сенатор Дурново повергал на всемилостивейшее его императорского величества благовоззрение полученные заявления верноподданнических чувств по поводу событий на Дальнем Востоке, среди прочих, и от инородцев Олекминского, Якутской области, улуса, пожертвовавших 442 руб. На всемилостивейшем о сем докладе товарища министра Внутренних дел сенатора Дурново его императорское величество собственноручно начертать соизволил: «Искренно всех благодарю за выраженные чувства и за пожертвования» ([Высочайшая благодарность, 1904: 319](#)).

В 22-м номере газеты за 16 ноября 1904 г. было опубликовано письмо священника Леонида Мрамцова с зоны боевых действий, которое адресовалось якутскому архипастырю: «Ваше Преосвященство, дорогой архипастырь! Всегда помня счастливое время пребывания в Томской семинарии в Ваше ректорство, я возымел сильное желание написать Вам письмо, надеясь, что и Вы, Ваше Преосвященство, когда-либо удостоите меня ответом, который был бы для меня сокровищем, особенно в настоящие, трудные для меня дни пребывания на поле брани. Я состою с 5 февраля священником при 4-м Верхнеудинском сибирском пехотном полку. В сражении наш полк еще не был, хотя в Маньчжурии мы уже с апреля. 3 месяца были в Ляояне, из которого вышли за 3 дня до боя, войдя в состав Ляохейского отряда генерала Коссаговского, защищающего западную сторону от вторжения японцев, с целью обхода нашей армии. К военной жизни я уже привык; но поход уже надоедает, да и забота об оставленной в Томской епархии семье тяготит... А войне не видно еще конца!.. Сейчас мы в 40 верстах от Мукдена и со дня на день ждем боя. То и дело части нашего отряда вступают в стычки с шайками хунгузов. Ведем уже давно кочевую жизнь, исполненную опасений, двигаемся по разным направлениям, изредка останавливаясь дня на 2–3 или в Китайской деревне, или просто в поле, в палатках, бивуаком. Сроду не ездил я до войны верхом, а теперь привык и не

езжу иначе. Пожелав от души всякого Вам благополучия, жажду свидания и усердно прошу Ваших святых молитв. Любящий и благодарный ученик Ваш, ныне иерей, Леонид Мрамцев» ([С поля брани, 1905: 347-348](#)).

В 23-м номере за 1 декабря 1904 г. была опубликована заметка «Высочайшая отметка»: «По поводу совершающихся на Дальнем Востоке событий к обер-прокурору Святейшего Синода, в числе прочих заявлений с выражением верноподданнических чувств беспредельной любви, молитвенных пожеланий победы русскому воинству и готовности на всякие жертвы, поступило заявление и из Якутска от преосвященного якутского Никанора с сообщением: «а) о желании его, преосвященного, духовенства епархии, а также служащих в консистории, духовной семинарии и соединенном с ней училище, а также в епархиальном женском училище, ежемесячно отчислять из казенного жалования на нужды войны от 1 до 2 %, из которых половина предназначается в пользу пострадавших на войне и их семейств, а другая на усиление флота, при чем епархиальное училище, сверх того, на военные нужды пожертвовало 20 руб. и б) о сделанных членами причтов, не получающими казенного жалования, единовременных пожертвований на те же нужды войны, составивших сумму в 1 тыс. руб.». На всеподданнейшем докладе действительного тайного советника К. Победоносцева о таковых выражениях верноподданнических чувств его императорскому величеству, в 12-й день сентября сего 1904 года, благоугодно было собственноручно начертать: «Прочел с удовольствием. Искренно всех благодарю»» ([Высочайшая отметка, 1904: 353-354](#)). Этот пример иллюстрирует региональную специфику жизни в Якутии. 1 декабря было опубликовано сообщение, которое имело место 12-го сентября, таким образом можно предположить, что сама информация из Якутии была отправлена в Санкт-Петербург либо в конце весны, либо в начале лета.

В том же 23-м номере был опубликован рассказ участника Русско-японской войны иеромонаха Алексея Оконешникова «С театра войны на море»: «Многим здесь хорошо знакомый, иеромонах якутского Спасского монастыря, о. Алексей (из инородцев Колымы), поступивший с начала 1903 г. во флот священником на крейсер «Рюрик», сделался непосредственным участником страшной катастрофы, постигшей упомянутый корабль во время битвы Владивостокской эскадры с японской эскадрой 1 августа 1904 г. После славной гибели крейсера, в числе немногих спасенных, о. Алексей был взят в плен японцами, но скоро был один из всех отпущен на свободу и через города Нагасаки, Шанхай и Одессу прибыл 7 октября в Петербург. Вот нечто из его рассказов по газетным сообщениям.

Когда решено было наш крейсер затопить (чтоб не отдать его врагу) и приказано было выносить раненых и, привязав их к койкам, бросать за борт, тогда я пошел исповедовать умирающих. Среди массы трупов, среди оторванных частей человеческого тела, среди крови и стонов, я начал общую исповедь. Кто крестился, кто стонал, кто простирали руки, кто недвижно, с широко раскрытыми, полными слез глазами смотрел на меня... А крейсер погружался... Картина потрясающая!.. Выхожу на верх; многие уже плыли по воде. Лейтенант дал и мне спасательный круг, советуя скорее спастись. Подошел я еще раздеть тяжелораненого доктора, но умирающий просил не спасать его: «Все равно не буду человеком; пусть погибну здесь за отечество», – сказал он. Другому раненому, механику, я предложил спастись вместе со мной; тоже отказался, говоря: «Батюшка, плавать я не умею, лучше погибну здесь на своем посту». Бросился я в воду, круг мой перехватил тонувший матрос; я начал было опускаться, но вынырнул и, заметив вблизи плавающую койку, ухватился за нее; в ногах начинались судороги; плававшие около меня с доской матросы подали мне дощечку, подложив которую под себя, я стал двигать ногами; судороги прошли: я стал держаться против течения; до японских судов было еще не близко, а наш «Рюрик» на наших глазах стал исчезать в воде... Сердце сжималось от боли; слезы душили, но, пересилив себя, я закричал «Ура!», что подхватили и другие плававшие, оглашая русским победным: «Ура!» Скоро нас взяли на шлюпки, а потом и на судно японцы; пересчитали всех пленных (120 человек). Кое-как, по-английски, объяснил я, кто есмь; объясняя, коснулся до своих волос; они оказались опаленными; дали мне каюту, предложили ванну, пришел доктор, осмотрел и перевязал рану на ноге, остригли остатки волос, одели меня матросом и ввели в комнату командира... Вскоре пришлось хоронить несколько русских матросов. После отслуженной мной литии и залпов покойника спустили в море. Я благодарил за честь, покойникам нашим оказанную японцами и поучал своих живых. Вскоре меня под конвоем с запрещением прощальных бесед со своими, отвели на пароход для отплытия из Сасебо в Нагасаки. Грустно было ехать среди чужих, не разговаривавших по-английски, около 4-х гробов с останками русских матросов. Одет я был как японский офицер. В Нагасаки наших покойников хоронили в храме Шинто, в присутствии властей, японские жрецы, говорили речи. А я отпел на могиле, надев поверх японского костюма своего, епитрахиль и ризу, взятые из русской часовни.

Когда я поехал далее от Шанхая, к сожалению, многие принимали меня за пленного японца, чего не избег я даже и в пределах своей родной России» ([С театра войны на море, 1904: 362-364](#)).

В 24-м номере от 16 декабря сообщалось, что владыка 28 ноября отслужил молебен о даровании успехов русской армии в войне с Японией ([Хроника, 1904: 374](#)).

История с о. Алексеем с крейсера «Рюрик» имела свое продолжение. Так, в 1-м номере газеты за 1905 г. сообщалось, что «государь император, по всеподданнейшему докладу обер-прокурора Святейшего Синода, всемилостивейше соизволил, в 1 день минувшего ноября, на награждение

возвратившегося в Санкт-Петербург, взятого японцами в плен с погибшего крейсера 1-го ранга «Рюрик», иеромонаха якутского Спасского монастыря Алексея золотым наперстным крестом на Георгиевской ленте» ([Высочайшая награда, 1905: 1](#)). 1-го января к пастве в Якутии обратился и Владыко с новогодним посланием «Господи, благослови». В своем обращении епископ Никанор отмечал, что прошлый год с самого начала немало приносил нам бед и скорбей. Жестоко кровопролитная война России с Японией потребовала жертв и от нашей далекой окраины. Война эта до конца года велась почти без громких побед, о которых все мы мечтали прежде...» ([Епископ Никанор, 1905: 7](#)).

Во 2-м номере газеты от 16 января 1905 г. была опубликована выписка о поступлении средств от церквей и учреждений на нужды армии и флота с апреля по 13 декабря 1904 г. Среди жертвователей были:

1. Епископ Никанор – 100 руб.
2. Градо-Якутская Николаевская церковь – 234 руб.
3. Кафедральный собор – 72 руб.
4. Преображенская церковь – 55 руб.
5. Богородская церковь – 1 руб.
6. Семинарская церковь – 5 руб.
7. Окружные церкви – 2 239 руб.
8. Отчисления от окружных церквей капиталов – 1 тыс. руб.
9. Якутское Николаевское церковно-приходское попечительство – 100 руб.
10. Якутское епархиальное Иннокентиевское попечительство – 100 руб.
11. Служащие якутской духовной консистории (1 % ежемесячных отчислений) – 62 руб.
12. Служащие якутской духовной семинарии (2 % ежемесячных отчислений) – 129 руб.
13. Воспитанники семинарии и училища – 15 руб.
14. Служащие якутского епархиального женского училища (1 или 2 % ежемесячных отчислений) – 15 руб.

Всего было собрано 4 130 руб. ([Выписка..., 1905: 25-26](#)).

В 4-м номере газеты за 16 февраля 1905 г. было сообщено о перемещении епископа Никанора с 17-го января на кафедру епископа Пермского, а в Якутск же был назначен епископ Макарий из Томской епархии ([Перемещение, 1905: 49](#)).

В 10-м номере газеты за 16 мая 1905 г. было помещено сообщение правления общества для распространения Святого Писания в России. После объявления войны с Японией оно обратилось к российскому обществу с воззванием жертвовать средства на бесплатную раздачу Слова Божия больным и раненым воинам. В течение 1904 г. на эти нужды было собрано 708 руб., на которые были напечатаны книги и разосланы по разным городам от Москвы и до Маньчжурии ([От правления высочайше утвержденного общества, 1905: 145-147](#)).

После 10-го номера редакция к теме Русско-японской войны больше не возвращалась, что отчасти было связано с событиями Первой русской революции, отчасти с неудачами в войне, а отчасти с накопившимися проблемами на территории Якутской епархии.

5. Заключение

Подводя итоги, нужно отметить, что на протяжении всей Русско-японской войны отражение этих событий на страницах «Якутских епархиальных ведомостей» имело специфику, которая выражалась в слабом освещении этих событий в связи с удаленностью от столиц и от зоны боевых действий, поэтому все материалы в газету поступали со значительным опозданием. Помимо этого, жизнь в Якутской епархии была сложна и в другом аспекте: здесь практически отсутствовала торгово-промышленная элита, которая часто становилась источником благотворительных пожертвований на нужды армии и флота. В результате благотворителями в регионе становились либо служащие и преподаватели учебных заведений Святейшего Синода, либо прихожане церквей.

Несмотря на такие особенности, на страницах «Якутских епархиальных ведомостей» в 1904 г. публиковались правительственные манифесты, воззвания к прихожанам и населению, письма с фронта, списки жертвователей и другие сообщения из местной хроники. В 1905 г. в связи с событиями Первой русской революции тема Русско-японской войны рассматривалась не часто, а в последние три месяца войны к этой теме редакция вообще не обращалась.

Литература

[Андреев, 2015](#) – Андреев А.А. «Якутские епархиальные ведомости» – источник по истории православия в Якутии // *Сборник трудов Якутской духовной семинарии*. 2015. № 2. С. 124-126.

[Архипов, 2015](#) – Архипов С.В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в церковной периодической печати (по материалам газеты «Московские епархиальные ведомости») // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки»*. 2015. № 4. С. 86-94.

Болгова, 2011 – Болгова О.Н. Религиозные легенды на страницах журнала «Архангельские епархиальные ведомости» (1901–1917 гг.) // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2011. № 7–1 (120). С. 79–82.

Выписка..., 1905 – Выписка из приходо-расходных книг Консисории о поступлении от церквей и учреждений денег на нужды армии и флота во время войны с Японией с апреля по 13 декабря 1904 г. // *Якутские епархиальные ведомости*. 1905. № 2. С. 25–26.

Высочайшая благодарность, 1904 – Высочайшая благодарность // *Якутские епархиальные ведомости*. 1904. № 20. С. 319.

Высочайшая награда, 1905 – Высочайшая награда // *Якутские епархиальные ведомости*. 1905. № 1. С. 1.

Высочайшая отметка, 1904 – Высочайшая отметка // *Якутские епархиальные ведомости*. 1904. № 23. С. 353–354.

Высочайший манифест, 1904 – Высочайший манифест // *Якутские епархиальные ведомости*. 1904. № 4. С. 49–50.

Гуляева, 1994 – Гуляева Е.П. «Якутские епархиальные ведомости» о переводах религиозных изданий на якутский язык (1884–1910 гг.) // *Макушинские чтения*. 1994. № 3. С. 56–60.

Епископ Никанор, 1905 – Епископ Никанор. Господи, благослови // *Якутские епархиальные ведомости*. 1905. № 1. С. 7–8.

Известия и заметки, 1904 – Известия и заметки // *Якутские епархиальные ведомости*. 1904. № 8. С. 123.

Красный Крест, 1904 – Красный Крест // *Якутские епархиальные ведомости*. 1904. № 18. С. 279–282.

Красный Крест, 1904а – Красный Крест // *Якутские епархиальные ведомости*. 1904. № 18. С. 296–299.

Кротов, 2019 – Кротов О.С. Донские епархиальные ведомости как источники по истории старообрядчества на Дону в XVIII веке // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2019. № 2 (202). С. 88–93.

Кукушкина, 2017 – Кукушкина О.К. «Владивостокские епархиальные ведомости» из истории православных журналов в России в начале XX века // *Казачество*. 2017. № 28(4). С. 68–76.

Определение Святейшего Синода, 1904 – Определение Святейшего Синода // *Якутские епархиальные ведомости*. 1904. № 7. С. 97–98.

От правления высочайше утвержденного общества, 1905 – От правления высочайше утвержденного общества для распространения Святого Писания в России // *Якутские епархиальные ведомости*. 1905. № 10. С. 145–147.

Перемещение, 1905 – Перемещение // *Якутские епархиальные ведомости*. 1905. № 4. С. 49.

Подлесных, 2014 – Подлесных С.Н. Тема Первой мировой войны в «Воронежских епархиальных ведомостях» за 1915 г. // *Битюгъ*. 2014. № 3. С. 18–27.

Подстрахова, 2015 – Подстрахова Е.О. «Воронежские епархиальные ведомости» в контексте церковных изданий второй половины XIX – начала XX в. // *Труды Воронежской духовной семинарии*. 2015. № 7 (7). С. 134–140.

Пожертвования на нужды войны, 1904 – Пожертвования на нужды войны // *Якутские епархиальные ведомости*. 1904. № 11. С. 176.

Послание Якутского Архиепископа, 1904 – Послание Якутского Архиепископа // *Якутские епархиальные ведомости*. 1904. № 7. С. 102–103.

Правительственное сообщение, 1904 – Правительственное сообщение // *Якутские епархиальные ведомости*. 1904. № 7. С. 98–101.

С поля брани, 1905 – С поля брани // *Якутские епархиальные ведомости*. 1904. № 22. С. 347–348.

С театра войны на море, 1904 – С театра войны на море // *Якутские епархиальные ведомости*. 1904. № 23. С. 362–364.

Тартаковская, 2014 – Тартаковская К.А. «Томские епархиальные ведомости» об организации санитарного просвещения в Томской губернии в XIX – начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 386. С. 146–148.

Федорова, 2015 – Федорова А.И. «Кишиневские епархиальные ведомости» как источник для изучения истории старообрядцев в Южной Бессарабии // *Интеллигенция и власть*. 2015. № 33. С. 163–176.

Хроника, 1904 – Хроника // *Якутские епархиальные ведомости*. 1904. № 24. С. 374.

Циркуляры..., 1904 – Циркуляры исполнительной комиссии главного управления Российского Красного Креста по оказанию помощи больным и раненым на Дальнем Востоке // *Якутские епархиальные ведомости*. 1904. № 10. С. 145–147.

Шевкун, 2017 – Шевкун П.В. Епархиальные ведомости Северо-западного края как средство церковной коммуникации // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. «Гуманитарные науки»*. 2017. № 1. С. 30–35.

Kolesnik et al., 2021 – Kolesnik M.A., Leshchinskaia N.M., Pchelkina D.S. “Yeniseyskiye Eparkhial'nyye Vedomosti” as a Source of History of the Peoples of the North of the Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 889-897.

References

Andreev, 2015 – Andreev, A.A. (2015). «Yakutskie eparkhial'nye vedomosti» – istochnik po istorii pravoslaviya v Yakutii [“Yakutskie eparkhial'nye vedomosti” – a source on the history of Orthodoxy in Yakutia]. *Sbornik trudov Yakutskoi dukhovnoi seminarii*. 2: 124-126. [in Russian]

Arkipov, 2015 – Arkipov, S.V. (2015). Russko-turetskaya voyna 1877–1878 gg. v tserkovnoi periodicheskoi pechati (po materialam gazety «Moskovskie eparkhial'nye vedomosti») [Russo-Turkish War 1877–1878 in church periodicals (based on the materials of the “Moskovskie eparkhial'nye vedomosti” newspaper)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Istoriya i politicheskie nauki»*. 4: 86-94. [in Russian]

Bolgova, 2011 – Bolgova, O.N. (2011). Religioznye legendy na stranitsakh zhurnala «Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti» (1901–1917 gg.) [Religious legends on the pages of the journal "Arkhangelsk Diocesan Gazette" (1901–1917)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7–1: (120): 79-82. [in Russian]

Episkop Nikanor, 1905 – Episkop Nikanor. Gospodi, blagoslovi [Bishop Nikanor. Lord, bless]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1905. 1: 7-8. [in Russian]

Fedorova, 2015 – Fedorova, A.I. (2015). «Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti» kak istochnik dlya izucheniya istorii staroobryadtsev v Yuzhnoi Bessarabii [“Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti” as a source for studying the history of the Old Believers in South Bessarabia]. *Intelligentsiya i vlast'*. 33: 163-176. [in Russian]

Gulyaeva, 1994 – Gulyaeva, E.P. (1994). «Yakutskie eparkhial'nye vedomosti» o perevodakh religioznykh izdaniy na yakutskii yazyk (1884–1910 gg.) [“Yakutskie eparkhial'nye vedomosti” on the translation of religious publications into the Yakut language (1884–1910)]. *Makushinskie chteniya*. 3: 56-60. [in Russian]

Izvestiya i zametki, 1904 – Izvestiya i zametki [Izvestia and notes]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. 8: 123. [in Russian]

Khronika, 1904 – Khronika [Chronicle]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. 24: 374. [in Russian]

Kolesnik et al., 2021 – Kolesnik, M.A., Leshchinskaia, N.M., Pchelkina, D.S. (2021). “Yeniseyskiye Eparkhial'nyye Vedomosti” as a Source of History of the Peoples of the North of the Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 16(2): 889-897.

Krasnyi Krest, 1904 – Krasnyi Krest [Red Cross]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. 18: 279-282. [in Russian]

Krasnyi Krest, 1904a – Krasnyi Krest [Red Cross]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. 18: 296-299. [in Russian]

Krotov, 2019 – Krotov, O.S. (2019). Donskie eparkhial'nye vedomosti kak istochniki po istorii staroobryadchestva na Donu v XVIII veke [Don Diocesan Gazette as Sources on the History of the Old Believers on the Don in the 18th Century]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 2(202): 88-93. [in Russian]

Kukushkina, 2017 – Kukushkina, O.K. «Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti» iz istorii pravoslavnykh zhurnalov v Rossii v nachale XX veka // Kazachestvo. 2017. № 28(4). S. 68-76. [in Russian]

Opreделение Svyateishego Sinoda, 1904 – Opreделение Svyateishego Sinoda [Definition of the Holy Synod]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. 7: 97-98. [in Russian]

Ot pravleniya vysochaishe utverzhennogo obshchestva, 1905 – Ot pravleniya vysochaishe utverzhennogo obshchestva dlya rasprostraneniya Svyatogo Pisaniya v Rossii [From the Board of the Highest Approved Society for the Distribution of Holy Scripture in Russia]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1905. 10: 145-147. [in Russian]

Peremeshchenie, 1905 – Peremeshchenie [Relocation]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1905. 4: 49. [in Russian]

Podlesnykh, 2014 – Podlesnykh, S.N. (2014). Tema Pervoi mirovoi voyny v «Voronezhskikh eparkhial'nykh vedomostyakh» za 1915 g. [The theme of the First World War in the "Voronezh Diocesan Gazette" for 1915]. *Bityug*. 3: 18-27. [in Russian]

Podstrakhova, 2015 – Podstrakhova, E.O. (2015). «Voronezhskie eparkhial'nye vedomosti» v kontekste tserkovnykh izdaniy vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [“Voronezh Diocesan Gazette” in the context of church publications of the second half of the 19th – early 20th centuries “]. *Trudy Voronezhskoi dukhovnoi seminarii*. 7(7): 134-140. [in Russian]

Poslanie Yakutskogo Arkhipastyrya, 1904 – Poslanie Yakutskogo Arkhipastyrya [Message of the Yakut Archpastor]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. 7: 102-103. [in Russian]

Pozhertvovaniya na nuzhdy voyny, 1904 – Pozhertvovaniya na nuzhdy voyny [Donations for the needs of the war]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. 11: 176. [in Russian]

- Pravitel'stvennoe soobshchenie, 1904** – Pravitel'stvennoe soobshchenie [Government message]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. 7: 98-101. [in Russian]
- S polya brani, 1905** – S polya brani [From the battlefield]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. 22: 347-348. [in Russian]
- S teatra voyny na more, 1904** – S teatra voyny na more [From the theater of war at sea]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. 23: 362-364. [in Russian]
- Shevkun, 2017** – Shevkun, P.V. (2017). Eparkhial'nye vedomosti Severo-zapadnogo kraya kak sredstvo tserkovnoi kommunikatsii [Eparkhial'nye vedomosti of the North-Western Territory as a Means of Church Communication]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. «Gumanitarnye nauki»*. 1: 30-35. [in Russian]
- Tartakovskaya, 2014** – Tartakovskaya, K.A. (2014). «Tomskie eparkhial'nye vedomosti» ob organizatsii sanitarnogo prosveshcheniya v Tomskoi gubernii v XIX – nachale XX v. [“Tomskie eparkhial'nye vedomosti” on the organization of health education in the Tomsk province in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 386: 146-148. [in Russian]
- Tsirkulyary..., 1904** – Tsirkulyary ispolnitel'noi komissii glavnogo upravleniya Rossiiskogo Krasnogo Kresta po okazaniyu pomoshchi bol'nym i ranenym na Dal'nem Vostoke [Circulars of the Executive Commission of the Main Directorate of the Russian Red Cross for Assistance to the Sick and Wounded in the Far East]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. 10: 145-147. [in Russian]
- Vypiska..., 1905** – Vypiska iz prikhodo-raskhodnykh knig Konsistorii o postuplenii ot tserkvei i uchrezhdenii deneg na nuzhdy armii i flota vo vremya voyny s Yaponiei s aprelya po 13 dekabrya 1904 g. [Extract from the income and expenditure books of the Consistory on the receipt of money from churches and institutions for the needs of the army and navy during the war with Japan from April to December 13, 1904]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1905. 2: 25-26. [in Russian]
- Vysochaishaya blagodarnost', 1904** – Vysochaishaya blagodarnost' [Highest Gratitude]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. 20: 319. [in Russian]
- Vysochaishaya nagrada, 1905** – Vysochaishaya nagrada [The highest award]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1905. 1: 1. [in Russian]
- Vysochaishaya otmetka, 1904** – Vysochaishaya otmetka [The highest mark]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. 23: 353-354. [in Russian]
- Vysochaishii manifest, 1904** – Vysochaishii manifest [The Highest Manifesto]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. 4: 49-50. [in Russian]

Русско-японская война в отражении «Якутских епархиальных ведомостей»

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зульфугарзаде ^d
 Михаил Борисович Колотков ^e, Сергей Борисович Зинковский ^f

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^f Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается Русско-японская война 1904–1905 гг. на страницах газеты «Якутские епархиальные ведомости». Источниковой базой исследования стали материалы дореволюционной периодической печати, а именно официальный орган Якутской епархии – газета «Якутские епархиальные ведомости». Ввиду того, что источником в исследовании выступает подшивка номеров газеты, в методологическом плане авторы широко применяли метод контент-анализа, который позволил выявить из обширного материала публикации по теме исследования и проанализировать их. Традиционное внимание уделено использованию хронологического метода, благодаря которому события рассмотрены в их хронологической последовательности.

В заключении авторы отмечают, что на протяжении всей Русско-японской войны отражение этих событий на страницах «Якутских епархиальных ведомостей» имело свою специфику: она выражалась в слабом освещении этих событий в связи с удаленностью от столиц и от зоны боевых действий, поэтому все материалы в газету поступали со значительным опозданием. Кроме того, жизнь в Якутской епархии отличалась и в другом отношении: здесь практически отсутствовала

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

торгово-промышленная элита, которая часто становилась источником благотворительных пожертвований на нужды армии и флота. В результате благотворителями в регионе становились либо служащие и преподаватели учебных заведений Святейшего Синода, либо прихожане церквей.

Несмотря на такие особенности, на страницах «Якутских епархиальных ведомостей» в 1904 г. публиковались правительственные манифесты, воззвания к прихожанам и населению, письма с фронта, списки жертвователей и другие сообщения из местной хроники. В 1905 г. в связи с событиями Первой русской революции тема Русско-японской войны рассматривалась не часто, а в последние три месяца войны к ней редакция вообще не обращалась.

Ключевые слова: Русско-японская война, Якутская епархия, Якутские епархиальные ведомости, 1904–1905 гг.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 943-951
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.943

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Equipment and Uniforms of the Russian Imperial Army after the War with Japan: Problematic Aspects

Stanislav E. Prokofiev ^a, Pavel S. Seleznev ^{a,*}, Konstantin V. Simonov ^a, Daniel V. Petrosyants ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines the problematic aspects of providing the Russian army with uniforms and equipment, identified during the Russo-Japanese War of 1904–1905. The purpose of the work is to evaluate the effectiveness of transformations aimed at eliminating the relevant problems. The source base of the work includes unpublished documents of the Russian State Military Historical Archive, materials from the reports of the State Comptroller and all-subject reports on the actions of the War Ministry, official statistics and sources of personal origin. The research methodology is built through a combination of comparative, genetic and structural analysis. Based on the results of the research, it was concluded that the problematic aspects in the uniforms and equipment of the Russian troops, identified during the Russo-Japanese War, were well understood by representatives of both the military and political leadership of the empire. Large-scale measures have been taken to eliminate sources of risk. However, within the highest military bureaucracy there was no unity of views on a number of issues. The situation was hampered, on the one hand, by the limited budget of the military department and the presence of a number of priority funding areas (restoration of the fleet, development of artillery, etc.), and on the other hand, by the high degree of rigidity of the traditions of wearing uniforms inherited by the army corporation from the previous century. The uniform was largely endowed with a symbol, the demonstration of which emphasized the prestige of belonging to a professional corporation. Due to this circumstance, questions of aesthetics were given disproportionate importance. A significant factor that limited the potential to eliminate shortcomings in uniforms and equipment remained the relatively low degree of development of individual industries, combined with the high cost of raw materials and semi-finished products.

Keywords: uniforms, equipment, Russian army, Russo-Japanese war, World War I, problems.

1. Введение

Русско-японская война 1904–1905 гг. традиционно рассматривается в отечественной историографии как своеобразная «репетиция» Первой мировой. В ходе этого конфликта русская императорская армия впервые за долгое время столкнулась с вооруженными силами другого экономически и технологически развитого государства. Столкновение двух держав наглядно продемонстрировало последствия изменений в технологическом обеспечении действующей армии и стало источником бесценного опыта для всех великих держав.

Однако изучение того, как осмысление опыта войны с Японией повлияло на развитие российских вооруженных сил и армии иных государств, традиционно страдает от наличия существенных тематических «перекосов». Ключевое внимание традиционно уделяется вопросам использования новых видов вооружений, изменениям в тактике и приемах оперативного искусства, системе организации войсковой логистики и т.д. Вопросы влияния опыта «Мукдена и Цусимы» на

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), SEProkofev@fa.ru (S.E. Prokofiev), KVSimonov@fa.ru (K.V. Simonov), DVPetrosyants@fa.ru (D.V. Petrosyants)

обмундирование и снаряжение вооруженных сил чаще всего освещаются либо отрывочно, либо в описательном ключе. Авторы подробно освещают детали новой формы и снаряжения, но оставляют за пределами дискуссии вопрос о том, как принимались решения о соответствующих преобразованиях, имелись ли альтернативные точки зрения, встречали ли реформистские инициативы сопротивление со стороны политического и военного истеблишмента и т.д.

Ситуацию усугубляет влияние на изучение темы политической конъюнктуры. В советский период исследователи были вынуждены акцентировать внимание на негативных сюжетах, следуя положениям официальной идеологии. В дальнейшем соответствующие концепции подверглись ревизии, однако далеко не всегда она осуществлялась в объективистском ключе. Возрождение монархического движения в России закономерно способствовало появлению работ апологетического плана, в рамках которых состояние русской армии к началу 1914 г. оценивалось в исключительно позитивном ключе. Чаще всего такого рода оценки озвучивались в рамках исторической публицистики и работ научно-популярного плана, но с течением времени соответствующие концепции начали воздействовать и на сферу научных изысканий.

Цель этой работы определяется нами как оценка эффективности устранения проблемных аспектов в реформах обеспечения русской императорской армии обмундированием и снаряжением, проведенных на основании опыта Русско-японской войны 1904–1905 гг.

2. Материалы и методы

Комплекс использованных в процессе подготовки работы источников включает в себя неопубликованные документы Российского государственного военно-исторического архива (из фондов Канцелярии и Хозяйственного комитета Военного министерства, Секретарской части при военном министре и личного фонда А.Ф. Редигера), материалы отчетов государственного контролера за период 1909–1913 гг. и всеподданнейших отчетов о действиях Военного министерства за 1906–1909 гг. и Военно-статистического ежегодника армии за 1912 гг. Также нами были привлечены источники личного происхождения – мемуары А.А. Поливанова, В.А. Сухомлинова и С.Я. Гусева, а также переписка Е.С. Боткина с женой. Упомянутые источники использовались в рамках применения перекрестной и логической критики с учетом влияния обстоятельств происхождения.

Методология исследования выстроена авторами за счет синхронного применения сравнительного, генетического и структурного анализа. Первый позволил сопоставить негативный опыт Русско-японской войны и результаты попыток его преодоления, второй – проследить причинно-следственные связи в рамках изучаемых процессов, третий – систематизировать и кластеризировать элементы рассматриваемой проблематики.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии вопросы реформирования обмундирования и снаряжения войск обсуждались весьма активно. Однако по большей части тема освещалась в контексте дискуссий вокруг конкретных проектов. Кроме того, значительная часть публикации носила политизированный характер: их авторы зачастую выступали с позиции гиперкритики военного и политического руководства либо, напротив, играли роль их апологетов (Витте, 1909; Геруа, 1907; Редигер, 1913; Куропаткин, 1910).

В советской историографии тема получила развитие за счет активного освоения новых пластов источникового материала, в первую очередь – делопроизводственных документов. Однако в то же время исследователи были вынуждены в своих выводах следовать тезисам, изложенным в оценках В.И. Ленина и его соратников, фактически подгоняя свою позицию под заранее сформулированные положения (Аврех, 1956; Авдеев, 1982; Ахун, Петров, 1929; Вержховский, 1964; Зайончковский, 1926; Левицкий, 1938).

В постсоветский период интересующий нас вопрос получил широкое освещение в рамках изучения повседневной жизни солдат и офицеров российской армии. Однако при этом большинство исследователей начали ограничиваться описательным подходом к изложению фактов, слабо освещая причинно-следственные связи внутри процесса изменения обмундирования и снаряжения. В то же время эксперты, изучавшие состояние армии на уровне макрополитических процессов, затрагивали вопрос о преобразованиях в сфере обмундирования и снаряжения лишь по остаточному принципу (Авилов, 2016; Айрапетов, 2014; Волков, 1996; Кожевникова, 1998; Уткин, 2002; Шаццлло, 2000).

В итоге мы можем констатировать, что степень научной разработанности темы характеризуется как наличием пробелов, так и следов влияния социально-политической конъюнктуры.

4. Результаты

Русско-японская война закономерно способствовала выявлению целого ряда недостатков в обмундировании и снаряжении русской императорской армии. Отмечалось, что расцветка обмундирования не выполняет в достаточной мере маскировочную функцию, а материал и его покрой свидетельствуют о том, что разработчики принесли удобство в жертву эстетики (Авилов, 2016: 423; Боткин, 1908: 38; Гусев, 1905: 25).

Офицерская форма периода войны с Японией была выкрашена в «царский» (иссиня-черный цвет), обмундирование нижних чинов изготавливали, в целях экономии, напрямую из черного сукна. Элементы летней формы одежды (китель и фуражки у офицеров и гимнастерки у солдат) были белого цвета, что также способствовало демаскировке войск. Как показал опыт боев, форма стесняла движения солдата в районе груди и подмышек, а жесткий воротник затруднял дыхание. Четверной слой ткани мундира также делал его малоприспособленным для использования в условиях высокой температуры. Ситуацию усугубляло то, что после стирки он в большинстве случаев уменьшался в размере (Геруа, 1907: 23; Куропаткин, 1910: 17; Соловьев, 1905: 29-30).

Имевшееся обмундирование больше соответствовало престижным нуждам (демонстрации во время парадов), чем реальным потребностям военнослужащих. Последнее подтолкнуло руководство оборонного ведомства к обсуждению планов внедрения в войсках нескольких комплектов формы – парадной и полевой. Однако эта идея в итоге не получила развития (за исключением офицерского корпуса): восстановление и перевооружение армии и флота требовало слишком много ресурсов бюджета, и потому обеспечить средства сразу на несколько комплектов формы можно было лишь за счет сокращения иных статей расхода, обладавших априори большим приоритетом (затраты на строительство флота, обновление парка артиллерии и т.д.). Как альтернативу обсуждали возможность использования схемы, при которой солдату первоначально доставалась бы «красивая» полевая форма, заменяемая через год. В итоге первый комплект формы предлагали использовать уже в качестве парадной, а второй – в виде полевой. Ситуацию затруднял субъективный фактор: как сам император, так и руководители Военного министерства уделяли большое внимание эстетической составляющей в обмундировании, однако их взгляды по данному вопросу не совпадали. При этом лично монарху в плане эстетики больше всего нравился ранее утвержденный вариант обмундирования. В итоге возникла конфликтная ситуация: Николай II принципиально одобрил замену старого обмундирования, но оценки монарха и руководства Военного ведомства в отношении предложенных альтернатив существенным образом расходились (Айрапетов, 2014: 35; Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства, 1908: 81; Государственная Дума, 1908: 64, 89-90; Милютин, 1912: 838-839; Редигер, 1913: 45, 49).

Ситуацию усугубляло отсутствие консенсуса относительно сроков ношения формы. Ряд представителей оборонного ведомства отмечал, что нормативные сроки ношения обмундирования достаточно велики, причем оно рассматривается именно как казенное имущество, которое необходимо сдать по истечению заявленного периода. Последнее слабо мотивировало солдат к сохранению мундира в надлежащем состоянии. В качестве способа решения проблемы предлагалось выдавать солдатам обмундирование на короткий период, по завершению которого форма становилась бы их личной собственностью. Однако в итоге эти планы также были отвергнуты по причине нехватки финансов (Авдеев, 1982: 5; Аврех, 1956: 23; РГВИА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 189. Л. 28).

В итоге 29 июля 1907 г. новое обмундирование все же было утверждено приказом Военного министерства № 402. Форму полагалось выкрашивать в защитный – зеленовато-серый – цвет. Он наносился на офицерские фуражки и кителя, а также солдатские фуражки и гимнастерки. Несмотря на финансовые издержки, все же было решено ввести два типа обмундирования – предназначенный для мирного времени и походно-боевой (Бей, 2009: 27; Вержховский, 1964: 56; Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства, 1909: 74).

Важно отметить, что в данном отношении российская армия, наряду с сухопутными войсками Германии (также приступившей в 1907 г. к соответствующим реформам), выступила в роли пионера в рамках внедрения обмундирования защитного цвета в континентальной Европе. Для сравнения, пехотинцы французской армии вплоть до 1915 г. носили мундиры синего цвета и красные штаны (Ахун, Петров, 1929: 32, 34).

Однако на практике новое обмундирование не было по-настоящему однотипным, что объяснялось в первую очередь частыми переменами в нормативно-правовой базе. В период 1902–1907 гг. часть предметов обмундирования неоднократно внедрялась, а затем удалялась из армии, следствием чего стал организационный беспорядок (Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства, 1910: 47; Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства, 1911: 53; РГВИА. Ф. 280. Оп. 1. Д. 4. Л. 5-7).

Также почти сразу начал обсуждаться вопрос о возвращении к обмундированию одного вида, причиной чего стали затруднения в плане хранения двух видов формы. Как показала практика, хранение формы на складах зачастую приводит к ее преждевременному обветшанию. За счет этого формально новое обмундирование в ряде случаев являлось малоприспособленным для использования. Кроме того, стойкость используемой зеленовато-серой краски оставалась достаточно низкой, благодаря чему форма постепенно выцветала в ходе стирки до почти белого цвета (Меннинг, 2016: 41; Поливанов, 1924: 35; Сухомлинов, 2005: 93).

В данном случае необходимо признать, что в плане обеспечения солдат формой русская императорская армия объективно уступала основному потенциальному противнику. Для сравнения, германский пехотинец получал на один год пять комплектов формы: два – для ношения в

повседневных условиях, два – для парадов и иных торжеств и один (походный) в качестве резервного (Гогенцоллерн, 1912: 39).

Опыт войны с Японией также вынудил правительство выделить дополнительные ассигнования на приобретение теплых вещей (курток и полушубков) в дополнение к основному обмундированию, что в будущем заметно облегчило положение русской армии в ходе уже Первой мировой войны (РГВИА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 291. Л. 74).

Также в войска были внедрены фуражки нового типа (с дополнительной вентиляцией в зоне тульи, изготовленные из хлопчатобумажной ткани), призванные обеспечить сокращение числа солнечных и тепловых ударов (РГВИА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 197. Л. 71).

При этом в войсках сохранялся порядок специфической окраски элементов обмундирования, облегчавший для противника сбор информации о передвижениях частей русской армии. В частности, цвет погон был связан с номером конкретной дивизии внутри корпуса (красный – 1-я дивизия, синий – 2-я, белый – 3-я). Также в зависимости от цвета элементов обмундирования можно было различать конкретные рода войск. Например, в гренадерские части поступали погоны из желтого сукна. Бойцы стрелковых частей носили серо-зеленые шаровары, а солдаты конной артиллерии – сине-зеленые (Уткин, 2002: 22, 24; Никитин, 1949: 18).

Серьезной проблемой оставалось и качество солдатских сапог. На протяжении 1907–1913 гг. отмечалось, что поступающие на армейские склады сапоги отличаются излишним весом, низкой степенью удобства и коротким сроком износа. Важным недостатком армейских сапог было также несовершенство подошвы: она была непригодна для передвижения по скользким поверхностям и достаточно легко рвалась. Проблемой оставались и срок высушивания сапог, и их стоимость. При этом уровень развития кожевенной промышленности России на тот момент объективно не позволял обеспечить войска необходимым количеством сапог должного качества. В качестве альтернативы сапогам руководители Военного министерства рассматривали ботинки, опанки (кожаная обувь сербов и хорватов) и олочи (вид обуви дальневосточных охотников с кожаной основой и голенищами из грубой ткани). Однако в итоге оборонное ведомство отказалось от проектов обновления обуви по причине сопротивления ряда консервативно настроенных чиновников внутри министерства. Впоследствии, уже в период Первой мировой войны, проблему нехватки обуви пришлось решать за счет снижения требований к качеству сапог и внедрения обуви из брезента, а также ее этнических разновидностей (лапти, пастулы, ичиги, опанки и пр.) (Головин, 2001: 22–23; Орлов, 1904: 19; Павлов, 1907: 42; Поливанов, 1924: 28).

Русско-японская война также обнажила проблему отсутствия у военнослужащих (включая офицеров) достаточного количества удобной теплой обуви. Исходя из эстетических и престижных соображений, руководство оборонного ведомства запрещало офицерам носить валенки, однако личный состав войск, размещенных в Маньчжурии, фактически игнорировал это требование (Головин, 1927: 55; Теттау, 1907: 54; Hamilton, 1905: 87).

Отдельно следует отметить, что военные чиновники активно обсуждали и вопросы реформирования офицерского мундира. Последнее обуславливалось негативными последствиями акцентирования внимания на вопросах эстетики формы, призванной наглядно подчеркивать престижность принадлежности к офицерскому корпусу. С одной стороны, яркий и красивый мундир превращал офицера в оптимальную мишень для противника, с другой – его поддержание в должном виде превращалось в значимую статью расходов для военнослужащего. В данном случае важно подчеркнуть: офицеры в подавляющем большинстве случаев были вынуждены приобретать обмундирование и снаряжение за свой счет. Именно по этой причине в случае отправки в зону боевых действий им выдавали повышенный оклад (превышавший размер стандартного жалованья на 20–40 % в зависимости от конкретных условий) и еще ряд дополнительных выплат. Однако дискуссия по данной теме так и не вылилась в конкретные практические шаги (Военно-статистический ежегодник армии, 1914: 72–73; Ильин, 1997: 24; Отчет Государственного Контролера, 1910: 49; Отчет Государственного Контролера, 1914: 51).

Опыт Русско-японской войны также выявил, что вес снаряжения солдат и офицеров явно избыточен и потому их передвижение без использования вьючного скота чревато переутомлением. Ответом на это, как полагало руководство оборонного ведомства, должна стать как ревизия состава снаряжения военнослужащих, так и смена способов его ношения. В частности, начала обсуждаться возможность перехода к ранцевой, раздельной переноске элементов снаряжения. Некоторые из них признавались избыточными в силу низкой востребованности в реальных условиях, в силу чего снаряжение предлагалось ограничить необходимым минимумом. В него входили боеприпасы, саперная лопатка, мешок и шлем (т.е. фактически отсутствовавшая в войсках, помимо гвардейских частей, каска). При этом предложенные для оснащения войск модели шлемов подвергались острой критике в силу низкой эргономичности. Активно обсуждалась возможность заимствования формы и иных технологических характеристик касок у Германии или Австро-Венгрии. Однако в итоге эта инициатива не получила развития. Первые российские образцы касок (под влиянием высоких санитарных потерь от осколочных ранений) начали внедряться в войска лишь в 1917 г. Импортные образцы данного типа защитного вооружения (французские каски Адриана) начали поступать в

империю немногим раньше – только осенью 1916 г. (Колчин, Разин, 1939: 11; РГВИА. Ф. 336. Оп. 1. Д. 92. Л. 55; Сербин, 2009: 112).

В 1907 г. оборонным ведомством был объявлен конкурс на разработку проектов снаряжения солдат и офицеров (включавший в себя модели его размещения), проведение которого было доверено специальной комиссии при Главном интендантском управлении. Впрочем, данная инициатива не принесла каких-либо результатов: все поступавшие в распоряжение комиссии заявки отклонялись (РГВИА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 191. Л. 52).

В состав снаряжения пехотинцев в итоге включили набор из 14 предметов. В него входили вещевой мешок либо ранец (у гвардейских частей), поясной ремень, брючный ремень, ремень для скатки, две патронные сумки, запасная патронная сумка, фляга с чехлом, сумка для сухарей, котелок, нагрудный патронташ, часть походной палатки, полустойка для нее, саперная лопата в чехле и штык с кожаным подвесом (Искендеров, 1993: 95).

От снаряжения французского пехотинца этот набор отличало в первую очередь отсутствие средств личной гигиены (что увеличивало вероятность распространения эпидемиологических заболеваний), от оснащения солдат армии кайзера – отсутствие разнообразных шанцевых инструментов (немецкий солдат, помимо саперной лопатки, нес на себе малый топор и кирку-мотыгу) (Залесский, 2000: 29; Кряжев, 2000: 85).

К началу Первой мировой войны вес снаряжения солдата русской императорской армии составлял 27 килограммов против 29 – у французов и 32 – у британцев (Зайончковский, 1926: 42).

Внутри оборонного ведомства также развернулась дискуссия об оснащении войск средствами связи. Большинство лиц, принимающих решения, склонялись к мысли о необходимости более широкого внедрения телефонной и телеграфной (беспроволочной) связи в войсках. Однако имелась и оппозиция данной точке зрения: ее представители настаивали на том, что использование телефона в ходе реального боя может быть весьма затруднительно. В итоге возобладала первая точка зрения, однако нехватка финансов (связанная в первую очередь со значительными расходами на восстановление флота) вынудила руководство оборонного ведомства отложить начало массового внедрения новых средств связи до 1913 г. В итоге к началу Первой мировой войны армия была оснащена 10 тыс. относительно портативных телефонных аппаратов, использовавшихся для организации связи на уровне «батальон – дивизия» (Алкснис, 1927: 34).

5. Заключение

Таким образом, мы можем заключить, что проблемные аспекты в обмундировании и снаряжении русских войск, выявленные в ходе Русско-японской войны, хорошо осознавались представителями как военного, так и политического руководства империи. Были предприняты широкомасштабные меры для устранения источников риска. Однако внутри высшей военной бюрократии отсутствовало единство взглядов по целому ряду вопросов. Положение затрудняли, с одной стороны, ограниченность бюджета военного ведомства и наличие ряда приоритетных направлений финансирования (восстановление флота, развитие артиллерии и т.д.), а с другой – высокая степень ригидности традиций ношения формы, унаследованных армейской корпорацией от предшествующего столетия. Мундир наделялся во многом символом, демонстрация которого подчеркивала престижность принадлежности к профессиональной корпорации. В силу данного обстоятельства вопросам эстетики придавалось непропорционально большое значение. Значимым фактором, ограничивавшим потенциал устранения недостатков обмундирования и снаряжения, оставалась относительно невысокая степень развития отдельных отраслей промышленности, сочетающаяся с дороговизной сырья и полуфабрикатов.

В то же время необходимо подчеркнуть, что со сходными проблемами сталкивались и армии иных великих держав. Более того, в ряде случаев (характерным примером в данном отношении является Франция) опыт Русско-японской войны в плане путей усовершенствования обмундирования и снаряжения солдат и офицеров так и не был использован, что ощутимым образом отразилось на их боеспособности уже в период Первой мировой войны.

Литература

- Авдеев, 1982 – Авдеев В.А. После Мукдена и Цусимы // *Военно-исторический журнал*. 1982. № 8. С. 2-9.
- Авилов, 2016 – Авилов Р.С. Военные реформы в Приамурском военном округе накануне Первой мировой войны (1910 – лето 1914 гг.) // *Русский сборник*. 2016. № XIX. С. 416-477.
- Аврех, 1956 – Аврех А.Я. Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе // *Вопросы истории*. 1956. № 11. С. 17-33.
- Айрапетов, 2014 – Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1. 1914 год. Начало. М., 2014.
- Алкснис, 1927 – Алкснис Я.Я. Подготовка к войне и вопросы комплектования армии // *Война и революция*. М., 1927. № 6. С. 6-46.

- Ахун, Петров, 1929 – Ахун М., Петров В. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929.
- Бей, 2009 – Бей Е.В. Деятельность генерала В.А. Сухомлинова в проведении военных реформ 1905–1912 годов // *Вестник Екатеринбургского института*. 2009. № 3 (7). С. 37-40.
- Боткин, 1908 – Боткин Е.С. Свет и тени русско-японской войны 1904–1905 гг. (Из писем к жене). СПб., 1908.
- Вержховский, 1964 – Вержховский Д.В. Первая мировая война. М., 1964.
- Витте, 1909 – Витте С.Ю. Вынужденные разъяснения по поводу отчета генерал-адъютанта Куропаткина о войне с Японией. СПб., 1909.
- Военно-статистический ежегодник армии, 1914 – Военно-статистический ежегодник армии на 1914 г. СПб., 1914.
- Волков, 1996 – Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1996.
- Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства, 1908 – Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1906 г. СПб., 1908.
- Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства, 1909 – Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1907 г. СПб., 1909.
- Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства, 1910 – Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1908 г. СПб., 1912.
- Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства, 1911 – Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1909 г. СПб., 1913.
- Геруа, 1907 – Геруа А. К познанию армии. СПб., 1907.
- Гогенцоллерн, 1912 – Гогенцоллерн К. На театре русско-японской войны. Очерк принца Карла фон Гогенцоллерна // *Новое слово*. СПб., 1912. № 2. С. 37-45.
- Государственная Дума, 1908 – Государственная Дума. Созыв третий. Сессия I. Часть I. Стенографические отчеты. СПб., 1908.
- Головин, 2001 – Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001.
- Головин, 1927 – Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы. Белград, 1927.
- Гусев, 1905 – Гусев С.Я. Свежие раны. Воспоминания корпусного контролера о русско-японской войне. СПб., 1905.
- Зайончковский, 1926 – Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне. Планы войны. М., 1926.
- Залесский, 2000 – Залесский К.А. Первая мировая война. М., 2000.
- Ильин, 1997 – Ильин Ю.В. Опыт деятельности военного министерства по укреплению офицерского корпуса. М., 1997.
- Искендеров, 1993 – Искендеров А.А. Российская монархия, реформы и революция // *Вопросы истории*. 1993. № 3. С. 89-119.
- Кожевникова, 1998 – Кожевникова Г. Главное Управление Генерального штаба накануне Первой мировой войны. М., 1998.
- Колчин, Разин, 1939 – Колчин Б., Разин Е. Оборона Порт-Артура в русско-японской войне 1904–1905 гг. М., 1939.
- Кряжев, 2000 – Кряжев Ю.Н. Военно-политическая деятельность царя Николая II 1904–1914 гг. Курган, 2000.
- Куропаткин, 1910 – Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. Т. 3. СПб., 1910.
- Левицкий, 1938 – Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1938.
- Меннинг, 2016 – Меннинг Б.У. Пуля и штык. Армия Российской империи 1861–1914. М., 2016.
- Милютин, 1912 – Милютин Д.А. Старческие размышления о современном положении военного дела в России // *Известия Императорской Николаевской военной академии*. 1912. № 30. С. 833-858.
- Никитин, 1949 – Никитин Е.Ф. Русская армия накануне первой мировой империалистической войны. Л., 1949.
- Орлов, 1904 – Орлов Ф. Письма молодого солдата. СПб., 1904.
- Отчет Государственного Контролера, 1910 – Отчет Государственного Контролера за 1909 г. СПб., 1910.
- Отчет Государственного Контролера, 1914 – Отчет Государственного Контролера за 1913 г. СПб., 1914.
- Павлов, 1907 – Павлов Е. На Дальнем Востоке в 1905 году: из наблюдений во время войны с Японией. СПб., 1907.
- Паршин, 2020 – Паршин А.В. Правовое регулирование в русской армии в ходе военных реформ 1905–1912 гг. // *Вестник Екатеринбургского института*. 2020. № 4 (52). С. 87-96.
- Поливанов, 1924 – Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

- Редигер, 1913 – Редигер А.Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы: В 2 т. Т. 1. СПб., 1913.
- Сербин, 2009 – Сербин А.И. Первая мировая война. Россия накануне и в годы войны. Омск, 2009.
- Соловьев, 1905 – Соловьев Л.З. Указание опыта текущей войны на боевые действия пехоты; впечатления ротного командира. СПб., 1905.
- Сухомлинов, 2005 – Сухомлинов В.А. Воспоминания. Минск, 2005.
- Теттау, 1907 – Теттау Э. Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками. В 2 частях. Ч. 1. СПб., 1907.
- Уткин, 2002 – Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2002.
- Шаццлло, 2000 – Шаццлло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000.
- Hamilton, 1905 – Hamilton I.S.M. A staff officer's scrap-book during the Russo-Japanese War. London, 1905.

References

- Airapetov, 2014 – Airapetov, O.R. (2014). Uchastie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917). Vol. 1. 1914 god. Nachalo [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917). T. 1. 1914. Start]. M. [in Russian]
- Akhun, Petrov, 1929 – Akhun, M., Petrov, V. (1929). Tsarskaya armiya v gody imperialisticheskoi voiny [Tsarist army during the imperialist war]. M. [in Russian]
- Alksnis, 1927 – Alksnis, Ya.Ya. (1927). Podgotovka k voine i voprosy komplektovaniya armii [Preparation for war and questions of staffing the army]. *Voina i revolyutsiya*. 6: 6-46. [in Russian]
- Avdeev, 1982 – Avdeev, V.A. (1982). Posle Mukdena i Tsusimy [After Mukden and Tsushima]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 8: 2-9. [in Russian]
- Avilov, 2016 – Avilov, R.S. (2016). Voennye reformy v Priamurskom voennom okruge nakanune Pervoi mirovoi voiny (1910 – leto 1914 gg.) [Military reforms in the Amur Military District on the eve of the First World War (1910 – summer 1914)]. *Russkii sbornik*. XIX: 416-477. [in Russian]
- Avrekh, 1956 – Avrekh, A.Ya. (1956). Stolypinskii bonapartizm i voprosy voennoi politiki v III Dume [Stolypin Bonapartism and Questions of Military Policy in the Third Duma]. *Voprosy istorii*. 11: 17-33. [in Russian]
- Bei, 2009 – Bei, E.V. (2009). Deyatel'nost' generala V.A. Sukhomlinova v provedenii voennykh reform 1905–1912 godov [The activities of General V.A. Sukhomlinov in carrying out military reforms of 1905–1912]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*. 3(7): 37-40. [in Russian]
- Botkin, 1908 – Botkin, E.S. (1908). Svet i teni russko-yaponskoi voiny 1904–1905 gg. (Iz pisem k zhene) [Light and Shadows of the Russo-Japanese War of 1904–1905. (From letters to his wife)]. SPb. [in Russian]
- Gerua, 1907 – Gerua, A. (1907). K poznaniyu armii [To the knowledge of the army]. SPb. [in Russian]
- Gogentsollern, 1912 – Gogentsollern, K. (1912). Na teatre russko-yaponskoi voiny. Ocherk printsa Karla fon-Gogentsollerna [At the theater of the Russo-Japanese War. Essay on Prince Karl von Hohenzollern]. *Novoe slovo*. 2: 37-45. [in Russian]
- Golovin, 1927 – Golovin, N.N. (1927). Mysli ob ustroistve budushchei Rossiiskoi vooruzhennoi sily [Thoughts on the structure of the future Russian armed forces]. Belgrad. [in Russian]
- Golovin, 2001 – Golovin, N.N. (2001). Voennye usiliya Rossii v mirovoi voine [Military efforts of Russia in the world war]. M. [in Russian]
- Gosudarstvennaya Duma, 1908 – Gosudarstvennaya Duma. Sozyv tretii. Sessiya I. Chast' I. Stenograficheskie otchety [State Duma. Convocation third. Session I. Part I. Verbatim records]. SPb., 1908. [in Russian]
- Gusev, 1905 – Gusev, S.Ya. (1905). Svezhie rany. Vospominaniya korpusnogo kontrolera o russko-yaponskoi voine [Fresh wounds. Memoirs of the corps controller about the Russian-Japanese war]. SPb. [in Russian]
- Il'in, 1997 – Il'in, Yu.V. (1997). Opyt deyatelnosti voennogo ministerstva po ukrepleniyu ofiterskogo korpusa [Experience of the Ministry of War to strengthen the officer corps]. M. [in Russian]
- Iskenderov, 1993 – Iskenderov, A.A. (1993). Rossiiskaya monarkhiya, reformy i revolyutsiya [Russian Monarchy, Reforms and Revolution]. *Voprosy istorii*. 3: 89-119. [in Russian]
- Kolchin, Razin, 1939 – Kolchin, B., Razin, E. (1939). Oborona Port-Artura v russko-yaponskoi voine 1904–1905 gg. [Defense of Port Arthur in the Russo-Japanese War of 1904–1905]. M. [in Russian]
- Kozhevnikova, 1998 – Kozhevnikova, G. (1998). Glavnoe Upravlenie General'nogo shtaba nakanune Pervoi mirovoi voiny [Main Directorate of the General Staff on the eve of the First World War]. M. [in Russian]
- Kryazhev, 2000 – Kryazhev, Yu.N. (2000). Voенно-politicheskaya deyatelnost' tsarya Nikolaya II 1904–1914 gg. [Military and political activity of Tsar Nicholas II 1904–1914]. Kurgan. [in Russian]

- [Kuropatkin, 1910](#) – *Kuropatkin, A.N.* (1910). Zadachi russkoi armii. T. 3. [Tasks of the Russian army. Vol. 3]. SPb. [in Russian]
- [Levitskii, 1938](#) – *Levitskii, N.A.* (1938). Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. [Russo-Japanese War 1904–1905]. M. [in Russian]
- [Menning, 2016](#) – *Menning, B.U.* (2016). Pulya i shtyk. Armiya Rossiiskoi imperii 1861–1914 [Bullet and bayonet. Army of the Russian Empire 1861–1914]. M. [in Russian]
- [Milyutin, 1912](#) – *Milyutin, D.A.* (1912). Starcheskie razmyshleniya o sovremennom polozhenii voennogo dela v Rossii [Senile reflections on the current state of military affairs in Russia]. *Izvestiya Imperatorskoi Nikolaevskoi voennoi akademii*. 30: 833–858. [in Russian]
- [Nikitin, 1949](#) – *Nikitin, E.F.* (1949). Russkaya armiya nakanune pervoi mirovoi imperialisticheskoi voiny [The Russian army on the eve of the First World Imperialist War]. L. [in Russian]
- [Orlov, 1904](#) – *Orlov, F.* (1904). Pis'ma molodogo soldata [Letters from a young soldier]. SPb. [in Russian]
- [Otchet Gosudarstvennogo Kontrolera, 1910](#) – Otchet Gosudarstvennogo Kontrolera za 1909 g. [Report of the State Comptroller for 1909]. SPb., 1910. [in Russian]
- [Otchet Gosudarstvennogo Kontrolera, 1914](#) – Otchet Gosudarstvennogo Kontrolera za 1913 g. [Report of the State Comptroller for 1913]. SPb., 1914. [in Russian]
- [Parshin, 2020](#) – *Parshin, A.V.* (2020). Pravovoe regulirovanie v russkoi armii v khode voennykh reform 1905–1912 gg. [Legal regulation in the Russian army during the military reforms of 1905–1912]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*. 4(52): 87–96. [in Russian]
- [Pavlov, 1907](#) – *Pavlov, E.* (1907). Na Dal'nem Vostoke v 1905 godu: iz nablyudenii vo vremya voiny s Yaponiei. SPb. [in Russian]
- [Polivanov, 1924](#) – *Polivanov, A.A.* (1924). Iz dnevnikov i vospominanii po dolzhnosti voennogo ministra i ego pomoshchnika 1907–1916 gg. [From diaries and memoirs on the post of Minister of War and his assistant 1907–1916]. M. [in Russian]
- [Rediger, 1913](#) – *Rediger, A.F.* (1913). Komplektovanie i ustroistvo vooruzhennoi sily: v 2 t. [Manning and organization of the armed forces: in 2 volumes]. V. 1. SPb. [in Russian]
- [RGVIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- [Serbin, 2009](#) – *Serbin, A.I.* (2009). Pervaya mirovaya voina. Rossiya nakanune i v gody voiny [World War I. Russia before and during the war]. Omsk. [in Russian]
- [Shatsillo, 2000](#) – *Shatsillo, K.F.* (2000). Ot Portsmutskogo mira k Pervoi mirovoi voine. Generaly i politika [From the Peace of Portsmouth to the First World War. Generals and Politics]. M. [in Russian]
- [Solov'ev, 1905](#) – *Solov'ev, L.* (1905). Ukazanie opyta tekushchei voiny na boevye deistviya pekhoty; vpechatleniya rotnogo komandira [Indication of the experience of the current war on infantry combat operations; impressions of the company commander]. SPb. [in Russian]
- [Sukhomlinov, 2005](#) – *Smukhomlinov, V.A.* (2005). Vospominaniya [Memories]. Minsk. [in Russian]
- [Tettau, 1907](#) – *Tettau, E.* (1907). Vosemnadtsat' mesyatsev v Man'chzhurii s russkimi voiskami. V 2-kh chastyakh. Ch. 1. [Eighteen months in Manchuria with Russian troops. In 2 parts. Part 1]. SPb. [in Russian]
- [Utkin, 2002](#) – *Utkin, A.I.* (2002). Pervaya mirovaya voina [World War I]. M. [in Russian]
- [Verzhkhovskii, 1964](#) – *Verzhkhovskii, D.V.* (1964). Pervaya mirovaya voina [World War I]. M. [in Russian]
- [Vitte, 1909](#) – *Vitte, S.Yu.* (1909). Vynuzhdennye raz'yasneniya po povodu otcheta general–ad'yutanta Kuropatkina o voine s Yaponiei [Forced clarifications on the report of Adjutant General Kuropatkin on the war with Japan]. SPb. [in Russian]
- [Voенно–statisticheskii ezhegodnik armii, 1914](#) – Voенно–statisticheskii ezhegodnik armii na 1912 g. [Military Statistical Yearbook of the Army for 1912]. SPb., 1914. [in Russian]
- [Volkov, 1996](#) – *Volkov, S.V.* (1996). Russkii ofitserkii korpus [Russian officer corps]. M. [in Russian]
- [Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva, 1908](#) – Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1906 g. [The Most Sublime Report on the Actions of the Military Ministry for 1906] SPb, 1908. [in Russian]
- [Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva, 1909](#) – Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1907 g. [The Most Submissive Report on the Actions of the Military Ministry for 1907] SPb, 1909. [in Russian]
- [Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva, 1910](#) – Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1908 g. [The Most Submissive Report on the Actions of the Military Ministry for 1908]. SPb, 1912. [in Russian]
- [Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva, 1911](#) – Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1909 g. [The Most Submissive Report on the Actions of the Military Ministry for 1909]. SPb, 1913. [in Russian]
- [Zaionchkovskii, 1926](#) – *Zaionchkovskii, A.M.* (1926). Podgotovka Rossii k mirovoi voine. Plany voiny [Preparing Russia for World War. War plans]. M. [in Russian]
- [Zalesskii, 2000](#) – *Zalesskii, K.A.* (2000). Pervaya mirovaya voina [World War I]. M. [in Russian]

Снаряжение и обмундирование русской императорской армии после войны с Японией: проблемные аспекты

Станислав Евгеньевич Прокофьев ^а, Павел Сергеевич Селезнев ^{а,*}, Константин Васильевич Симонов ^а, Даниэл Викторович Петросянц ^а

^а Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется вопрос о проблемных аспектах обеспечения российской армии обмундированием и снаряжением, выявленных в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. Цель работы заключается в оценке эффективности преобразований, направленных на устранение соответствующих проблем. Источниковая база работы включает в себя неопубликованные документы Российского государственного военно-исторического архива, материалы отчетов государственного контролера и всеподданнейших отчетов о действиях Военного министерства, данные официальной статистики и источники личного происхождения. Методология исследования выстраивается за счет сочетания сравнительного, генетического и структурного анализа. По итогам изысканий сделан вывод о том, что проблемные аспекты в обмундировании и снаряжении русских войск, выявленные в ходе Русско-японской войны, хорошо осознавались представителями как военного, так и политического руководства империи. Были предприняты широкомасштабные меры для устранения источников риска. Однако внутри высшей военной бюрократии отсутствовало единство взглядов по целому ряду вопросов. Положение затрудняли, с одной стороны, ограниченность бюджета военного ведомства и наличие ряда приоритетных направлений финансирования (восстановление флота, развитие артиллерии и т.д.), а с другой – высокая степень ригидности традиций ношения формы, унаследованных армейской корпорацией от предшествующего столетия. Мундир наделялся во многом символом, демонстрация которого подчеркивала престижность принадлежности к профессиональной корпорации. В силу данного обстоятельства вопросам эстетики придавалось непропорционально большое значение. Значимым фактором, ограничивавшим потенциал устранения недостатков обмундирования и снаряжения, оставалась относительно невысокая степень развития отдельных отраслей промышленности, сочетавшаяся с дороговизной сырья и полуфабрикатов.

Ключевые слова: обмундирование, снаряжение, российская армия, Русско-японская война, Первая мировая война, проблемы.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), SEProkofev@fa.ru (С.Е. Прокофьев), KVSimonov@fa.ru (К.В. Симонов), DVPetrosyants@fa.ru (Д.В. Петросянц)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 952-962
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.952

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Activities of the Russian Red Cross Society in the Organization of Medical Institutions during the Russian-Japanese War of 1904–1905

Maria S. Sergeeva ^{a, *}, Igor V. Karpenko ^a, Ivan M. Chizh ^a, Sergey D. Batoev ^a

^a I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), Russian Federation

Abstract

During the years of the Russian-Japanese War, the Russian Red Cross Society (RRCS) for the first time acted as an independent organization, which, together with the military medical service, participated in providing medical care to the wounded and sick. The lack of a sufficient number of nursing communities in the Far East predetermined the priority of the tasks of mobilizing personnel from the European part of Russia for the RRCS and deploying their own medical institutions in the front and in the rear. Different ways of organizing and training medical personnel determined the kind of their activities (staffing the existing or opening new medical institutions) and their responsibilities (care and feeding, sanitization, dressings and medical assistance). The working conditions of medical institutions depended on their location: in the area of the active army or one of the rear districts, which had their own purpose in helping the wounded and sick during the war. An analysis of the activities of the RRCS during the war made it possible to identify ways to solve the set tasks and the problems that the RRCS encountered in the course of its mission.

Keywords: Russian-Japanese War, Red Cross, Far East, sisters of mercy, sanitary detachment, hospital detachment, infirmary.

1. Введение

В январе 1904 г., когда были окончательно разорваны дипломатические отношения между Японией и Россией, ознаменовавшие начало Русско-японской войны, стало очевидно, что российская армия не готова к войне: ни в плане кадрового состава, ни в плане вооружения, ни в плане медицинского обеспечения. Война на Дальнем Востоке казалась правительству и обществу чем-то «отдаленным» и «невозможным», в связи с чем разработка проектов организации военно-медицинской помощи на случай войны, начатая еще в 1900 гг., велась вяло и посредственно (Романова, 2016: 379).

В проектируемых схемах лечебно-эвакуационного обеспечения армии деятельность благотворительных и общественных организаций, объединенных под эгидой Российского общества Красного Креста (РОКК), должна была носить вспомогательный характер (История..., 1909: 1254). Однако утвержденный военным ведомством в начале войны план действий РОКК указывал на его основополагающую роль в организации медико-санитарной помощи в армии. Наряду с военно-медицинской службой, РОКК должно было обеспечивать персоналом и снабжать медицинским имуществом все лечебно-эвакуационные учреждения военного ведомства; формировать собственные летучие санитарные отряды, лазареты, поезда для работы на фронте и в тылу; открывать склады и этапно-питательные пункты для кормления больных и раненых на фронте и в тылу (Русско-японская

* Corresponding author

E-mail addresses: sergeeva_m_s@staff.sechenov.ru (M.S. Sergeeva),
karpenko_i_v@staff.sechenov.ru (I.V. Karpenko), chizh_i_m@staff.sechenov.ru (I.M. Chizh),
batoev_s_d@staff.sechenov.ru (S.D. Batoev)

война, 1910: 279-280). Таким образом, в ходе этой войны РОКК впервые выступило в качестве самостоятельной организации, совместно с военно-медицинским ведомством участвовавшей в эвакуации и оказании неотложной помощи раненым на линии фронта и фактически единолично руководившей лечебно-санитарным делом в тылу (Будко, 2008; Русско-японская война, 1910: 245). Главный уполномоченный РОКК П.М. фон Кауфман утверждал: «Никогда и нигде добровольная помощь Красного Креста не обслуживала так всесторонне и в столь крупных размерах больных и раненых воинов, как в эту кампанию» (Отчет..., 1911: 3).

В рамках данной статьи были изучены механизмы реализации возложенных на РОКК задач по мобилизации медицинского персонала и организации собственных лечебных учреждений во время Русско-японской войны, а также выявлены трудности, с которыми столкнулся РОКК в ходе выполнения данной миссии.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили архивные материалы Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА), позволяющие оценить вклад отдельных общин сестер милосердия (Иверской, Самарской, Пензенской, Забайкальской, Могилевской, Оренбургской и других) в дело организации медико-санитарной помощи во время Русско-японской войны (Ф. 12651. Оп. 3. Д. 126; Ф. 12651. Оп. 1. Д. 705; Ф. 12651. Оп. 1. Д. 689; Ф. 12651. Оп. 1. Д. 587; Ф. 12651. Оп. 1. Д. 566; Ф. 12651. Оп. 1. Д. 686; Ф. 12651. Оп. 1. Д. 684). Особенности комплектования штата и работы лечебных заведений РОКК на территории действующей армии позволяют оценить документы дела Мариинской больницы Порт-Артура (Ф. 12651. Оп. 12. Д. 100). Приоритетные задачи в деятельности местных общин ближайшего тыла армии в военное время отражают отчеты Забайкальской общины великой княжны Ксении Николаевны (Ф. 12651. Оп. 1. Д. 572).

Общие сведения о деятельности общественных организаций в Сибири и на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг. представлены в официальных изданиях по истории Русско-японской войны (История..., 1909; Русско-японская война, 1910) и отчетах о деятельности РОКК (Отчет..., 1911; Отчет, 1911а; Приложение № 23, 1910). Фактические данные об индивидуальных особенностях районов, в которых РОКК предстояло развертывать свои лечебные заведения, отражены в отчетах главных уполномоченных РОКК (Кауфман, 1909; Кауфман, 1909а; Приложение № 23, 1910). Списки учреждений и личного состава Красного Креста на Дальнем Востоке содержат статистические сведения о численности и специализации персонала, мобилизованного РОКК, месте его службы и характере деятельности (Личный состав..., 1905; Приложение № 25, 1910). Источники личного происхождения, дневники и воспоминания передают картины военных будней персонала Красного Креста глазами очевидцев описываемых событий (Боткин, 1908; Баумгартен, 1906; Демич, 1907).

Методологической основой исследования является системный анализ, позволяющий комплексно рассмотреть деятельность РОКК по организации работы лечебных учреждений на Дальнем Востоке в период Русско-японской войны. Использование принципов историзма и объективности дает возможность сопоставить релевантность задач, стоявших перед РОКК во время войны, с возможностями их практической реализации. Применение нарративного метода делает возможным сопоставление данных официальных документов с восприятием исследуемых событий их очевидцами и участниками (врачами, сестрами милосердия, пациентами).

3. Обсуждение

Деятельность РОКК в военных кампаниях второй половины XIX – начала XX вв. неоднократно являлась предметом научных исследований. Организация военной медицины данного периода освещена в трудах под руководством А.А. Будко (Будко, Селиванов, 2004; Будко и др., 2008), И.В. Карпенко (Карпенко, 2017), А.В. Пастернака (Пастернак, 2001). Достаточно подробно описан опыт работы в военных условиях сестринских общин Москвы и Санкт-Петербурга (Козловцева, 2010; Колесникова, Айдашева, 2011; Кункиет, 2005). При этом Русско-японская война остается одним из наименее изученных периодов в истории РОКК. Процесс формирования и функционирования местных отделений Красного Креста на территории Маньчжурии и Приамурья в конце XIX – начале XX вв. освещен в работах В.В. Романовой (Романова, 2015; Романова, 2016). Вклад московских общин РОКК в оказание лечебно-эвакуационной помощи больным и раненым в 1904–1905 гг. представлен в статье К.В. Зорина (Зорин, 2015). Проблемы эвакуационной деятельности РОКК в этот период рассмотрены в исследованиях С.А. Баубековой (Баубекова, 2017), Н.А. Рудой (Рудой, 2012), И.М. Чиж и соавторов (Чиж и др., 2021). Таким образом, в имеющейся историографии вопросы участия сестринских общин в оказании медико-санитарной помощи во время Русско-японской войны изучены фрагментарно, либо на примере деятельности отдельных общин, либо на примере определенного вида деятельности, например эвакуации раненых или работы санитарных поездов. При этом процессы формирования и развертывания лечебных учреждений РОКК в 1904–1905 гг., как и проблемы их комплектования сестринским персоналом, до сих пор не являлись предметом самостоятельного научного исследования.

4. Результаты

Несмотря на то, что к началу боевых действий РОКК включало 84 общины, его присутствие в восточной части империи было крайне ограничено. На Дальнем Востоке функционировало всего две общины сестер милосердия: Александро-Ксенинская в Хабаровске и Дамский местный комитет в Благовещенске, совокупный штат которых состоял из 24 сестер и 6 испытуемых. В ведении данных общин имелась больница на 8 кроватей, приют на 10 увечных воинов и амбулатория для приема больных (Отчет..., 1911: 4). В Маньчжурии РОКК имело свои отделения только в Порт-Артуре, где с 1900 г. существовали Квантунская Мариинская община на 18 сестер и 3 испытуемых и железнодорожный комитет Красного Креста (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 12. Д. 100). Кочный фонд в Порт-Артуре состоял из больницы на 50-60 мест и лечебницы на 250 больных и раненых военного ведомства (Романова, 2016: 377). Дополнительно со времен Японо-китайской войны в запасе хранилось оборудование для летучего лазарета на 15 и госпиталя на 300 кроватей. Также в запасе хранилось имущество РОКК для лазарета на 50 кроватей в Харбине (Романова, 2016: 379). Единственная в Забайкальском крае община с 4 сестрами милосердия располагалась в Чите. В ее ведении имелась только амбулатория для приема больных. По мере приближения к европейской части России количество общин и лечебниц при них в крупных городах увеличивалось. Отделения РОКК имелись в Иркутске, Красноярске, Томске, Барнауле, Омске, Тобольске и других городах (Отчет..., 1911: 4). Подобное распределение общин предопределило деление территорий Дальнего Востока и Сибири на четыре округа, каждый из которых имел собственное назначение в деле оказания помощи раненым и больным в годы войны: район действующей армии и тыловые округа – Забайкалье, Сибирский и Северо-Восточный (Кауфман, 1909: 2). К концу войны в них было сосредоточено 193 лечебных заведения РОКК на 35 814 кроватей: в районе действующей армии – 17 605 мест, в Северо-Восточном – 7 650, в Забайкалье – 5 318, в Сибирском – 5 241 (Приложение № 25, 1910).

Северо-Восточный район, расположенный от Никольск-Уссурийского до Владивостока, Хабаровска и Благовещенска, стал основным местом эвакуации раненых с фронта и сосредоточением большинства лечебных учреждений ближайшего тыла как военного ведомства, так и РОКК (Рудой, 2012: 59; Романова, 2015: 247). В июне 1905 г. здесь функционировало 24 лазарета РОКК для распределения раненых и больных, которые требовали сравнительно короткого лечения и через 4-6 недель могли быть возвращены на фронт или не были способны перенести длительную транспортировку (Демич, 1907: 538). Их обслуживало 113 врачей, 714 медицинских сестер и 418 санитаров (Личный состав..., 1905: 12). Узловым пунктом и сосредоточием всей военно-санитарной деятельности в Маньчжурии стал Харбин. Благодаря центральному положению на железнодорожном пути (узловая станция трех веток Восточно-Китайской железной дороги, расположенная на притоке Амура) и существованию большого числа построек (крупный торговый центр, имеющий много казенных зданий и казарм), он был ближайшим центром эвакуации раненых и больных (Отчет..., 1911: 3; Отчет..., 1911а: 112). К августу 1904 г. в Маньчжурии было сосредоточено до 37, к концу 1904 г. – до 158 лазаретов, 64 из которых находилось в районе боевых действий (Отчет..., 1911: 61). На линии фронта работало 5 летучих отрядов РОКК и 14 – особого комитета великой княгини Елисаветы Федоровны, обеспечивавших эвакуацию раненых во время сражений и оказание им неотложной помощи (История..., 1909: 1243). Кроме того, в районе действующей армии были развернуты подвижные госпитали, этапные лазареты и аррьергардные госпитали РОКК, в которых работало 175 врачей (из них 3 женщины), 585 сестер милосердия, 36 студентов Военно-медицинской академии и 790 санитаров (Личный состав..., 1905: 8-9).

Забайкальский округ, ближайший к району действующей армии, имел две транспортных системы: линию Восточно-Китайской железной дороги от станции Мысовая до станции Маньчжурия и водную – по рекам Шилке и Амур до Благовещенска (Кауфман, 1909а: 1). Сюда эвакуировали тяжело раненых, нуждавшихся в длительном госпитальном лечении и реабилитации. Близость этого района к месту боевых действий предполагала возможность вернуть выздоровевших больных на фронт. Хроников и инвалидов, уволенных от военной службы, следовало далее эвакуировать на долечивание в Сибирский, Западно-Сибирский и Европейский регионы России (Русско-японская война, 1910: 248). Основные задачи РОКК в Забайкалье были сосредоточены на создании этапных лазаретов на станциях железной дороги; снабжении санитарных поездов продовольствием, лекарствами и медицинскими принадлежностями; приеме на лечение тяжелых пациентов (Кауфман, 1909а: 37). В преддверии крупных сражений Забайкалье становилось центром эвакуации всех раненых и больных из медицинских учреждений действующей армии. По мере отступления армии от Мукдена сюда же эвакуировали лазареты и госпитали из прифронтовой зоны. После заключения мира лечебные заведения Забайкалья стали главным приемником раненых, эвакуированных из Маньчжурии. В мае 1904 г. здесь имелось всего 3 лазарета РОКК в Чите, Сретенске и Нерчинске. Через год удалось организовать работу 5 273 коек РОКК, что почти в два раза превышало возможности военного ведомства (Будко и др., 2008). Таким образом, Забайкалье стало главным центром эвакуации из района действующей армии, лазареты которого выполняли функцию сортировочных пунктов, следящих за распределением лиц, требующих, с одной стороны, эвакуации в

глубь России для длительного лечения, с другой – освидетельствования и возвращения в действующую армию (Кауфман, 1909а: 107).

Сибирский район, выступавший в процессе эвакуации в роли передаточного пункта между Дальним Востоком и европейской частью России, был разделен на два принципиально разных участка. Заведения РОКК вдоль Кругобайкальской железной дороги от станции Мысовая до Иркутска имели характер карантинных учреждений: здесь оставались все заразные и подозрительные больные, следовавшие санитарными поездами в центральную часть России. В октябре 1904 г. здесь были организованы лазареты РОКК на 575 коек (Кауфман, 1909: 46, 48). Действия двух дезинфекционных и бактериологического отрядов РОКК, развернутых в данном районе, позволили существенно сократить санитарные потери от брюшного и сыпного тифа, дизентерии, сибирской язвы и других заболеваний (Рудой, 2012: 60). Таким образом, озеро Байкал являлось естественной преградой на пути распространения эпидемий с Дальнего Востока в глубь империи. Иркутск стал исходным пунктом внутренней эвакуации. В планах Штаба армии и Главного управления РОКК расположенные здесь лазареты должны были функционировать как стационарные лечебные заведения, принимающие на лечение раненых из ближайшего тыла и организуемые их дальнейшую эвакуацию на запад. Однако в Сибири помощь раненым не вызвала широкого общественного интереса и частной инициативы. «Основные капиталы, – писал главный уполномоченный района П.М. фон Кауфман, – сосредоточены в руках преимущественно еврейских фирм, благотворительной деятельности в широких размахах не проявляющих» (Кауфман, 1909: 21). В ноябре 1904 г. здесь было открыто всего 790 коек РОКК, что не позволяло принимать раненых на лечение в большом количестве. Поэтому район от Иркутска до Самары представлял собой ряд этапных пунктов, необходимых для осуществления врачебного надзора и обеспечения горячей пищей больных, раненых и всех воинских чинов, следовавших как на восток, так и с востока. На лечение здесь оставались только больные, выявленные при мобилизации сибирских полков или в эшелонах, направляемых из европейской части России (История..., 1909: 1231). К концу войны в Сибирском районе было развернуто 58 лазаретов на 5 241 место, однако из-за увеличения числа раненых и проблем в организации их сортировки и эвакуации это не привело к качественным изменениям в их работе (Приложение № 25, 1910: 113; Чиж, 2021: 833).

В целом штат Красного Креста на театре военных действий летом 1905 г. состоял из 360 врачей (в том числе 11 женщин), 1 483 сестер милосердия, 44 студентов и около 2 000 санитаров (Личный состав..., 1905: 16). Однако имевшихся в начале войны в распоряжении РОКК на Дальнем Востоке сестер милосердия и медицинского имущества было недостаточно даже для организации медико-санитарной работы в местах их постоянного размещения. В начале войны по требованию военного ведомства сестры всех восточносибирских, приамурских и квантунских общин были отправлены в военно-лечебные лазареты действующей армии (Отчет..., 1911: 28), в связи с чем главными задачами РОКК стали мобилизация сестринского персонала из европейской части России и формирование собственных лечебных учреждений.

Разработка и реализация плана действий по организации помощи раненым и больным на фронте и в тылу была поручена Исполнительной комиссии РОКК. Для привлечения медицинского персонала региональные исполнительные комитеты публиковали в периодической печати объявления, адресованные частным лицам и действующим общинам Красного Креста. Собранный по частной инициативе персонал (врачи, фармацевты, сестры милосердия, санитары) направлялся в распоряжение главного уполномоченного РОКК для создания кадрового резерва, формирования сборных отрядов и пополнения штата уже существующих лечебно-эвакуационных учреждений военного ведомства и РОКК (Будко, Селиванов, 2004: 57). В апреле 1904 г. в резерве в районе действующей армии в Харбине было 35 врачей, 28 студентов-медиков, 157 санитаров и 253 сестры милосердия. К 1 мая 1904 г. прибыло еще 1 370 человек персонала РОКК из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Елисаветграда, Епифани и других городов (Отчет..., 1911: 114). Три резервные группы (96 сестер) были отправлены в Читу, Иркутск, Омск для пополнения проходящих мимо новых лазаретов военного ведомства. Сестры Забайкальской общины в Чите были командированы в 15-й и 2-й сводный военные госпитали (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 572. Л. 4). Сестры Свято-Троицкой общины работали в военных госпиталях и лазаретах РОКК, развернутых во время крупных сражений под Тюренченом, Вафангоу, Ляояном и Мукденом. Сестры Владимирской общины Святого Георгия были направлены в сводный госпиталь № 1 в Хабаровске и в полевой военный госпиталь № 16 в Николаевске Приамурской области (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 566. Л. 1-2). Сестры милосердия Пензенской общины были командированы для пополнения штата госпиталей в Харбине и полевых госпиталей 54 дивизии (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 689. Л. 4). Сборный санитарный отряд, состоявший из врача и 5 сестер милосердия Александровской, Иверской и Евгениевской общин, организовал деятельность лазарета на Сахалине, который с приближением противника был преобразован в передовой перевязочный пункт (Отчет..., 1911: 481, 505). Многие сестры милосердия после окончания войны продолжили работу в военных госпиталях, испытывавших нехватку опытного персонала.

Чаще всего общины отправляли на фронт большую часть своего персонала: Орловской и Благовещенской общинами на Дальний Восток было командировано 12 из 15 штатных сестер,

Оренбургской – 10 из 12 (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 684. Л. 1-2; РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 686. Л. 1-4). Оставшиеся в общинах сестры открывали лазареты, госпитали и приюты для эвакуированных с фронта раненых, инвалидов и сестер милосердия. Свято-Троицкая община развернула в Царском Селе приют для престарелых сестер милосердия разных общин, вернувшихся с Дальнего Востока после войны. В амбулатории Благовещенской общины вели бесплатный прием и выдавали лекарства больным и раненым (Романова, 2015: 246). Сестры милосердия Самарской общины имени Е.И.В. великой княжны Ольги Николаевны устроили два лазарета для лечения раненых, прибывавших с Дальнего Востока. За время войны здесь была выполнена 371 операция и вылечено 906 раненых (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 705. Л. 9).

В ведение РОКК направляли как отдельных сестер, так и целые санитарные отряды, включавшие врачей и вспомогательный персонал в соответствии со штатами лазаретов, утвержденными военным ведомством на 25, 50, 100 и 200 кроватей (Приложение № 23, 1910: 84). Отряд мог стать основой вновь формируемого запасного лазарета или распределялся между уже созданными учреждениями. Сестры Евгениевской общины до конца войны проработали в составе госпиталя Квантунской Мариинской общины Порт-Артура и на госпитальном судне «Казань» (РГВИА Ф. 12651. Оп. 12 Д. 100). Отряд общины Святого Георгия из 5 врачей, 15 сестер, 30 санитаров получил задание развернуть полевой лазарет в ближайшем тылу воюющей армии в Куаньчэндзи (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 566. Л. 3). Отряд Могилевской Александровской общины в составе 7 сестер и одного врача развернул в Иркутске лазарет на 80 коек (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 587). В то же время 11 сестер милосердия и 4 врача санитарного отряда Самарской общины были распределены в лазареты и госпитали Хабаровска и Никольск-Уссурийска (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 705. Л. 4).

Другим путем шло формирование госпитальных отрядов, полностью укомплектованных штатом, инвентарем, медикаментами и денежным довольствием, необходимыми для открытия собственных лечебных учреждений РОКК и других общественных и благотворительных организаций. В начале войны Исполнительная комиссия дала всем петербургским, московским и ряду провинциальных общин заказ на полное формирование лазаретов на 200 и 100 кроватей (Приложение № 23, 1910: 85). Кауфманской общиной было сформировано и отправлено на театр военных действий 5 отрядов, развернувших свои лазареты в прифронтовом и тыловых районах. В Иркутске 3-й и 5-й отряды Кауфманской общины организовали работу двух лазаретов на 200 мест каждый. На станциях Слюдянка и Куртуке Кругобайкальской железной дороги 4-й отряд Кауфманской общины содержал два лазарета на 100 и 120 коек (Кауфман, 1909: 48, 66). Собственные госпитали на театре военных действий были открыты Иверской и Елизаветинской общинами в Харбине; Георгиевской, Крестовоздвиженской и Владимирской – в Мукдене; Воронежской – в Тьелине; Саратовской, Волынской, Костромской, Тверской, Каменец-Подольской, Новгородской, Орловской, Витебской, Новочеркасской и другими общинами на основных станциях Восточно-Китайской железной дороги. Большинство этих учреждений обслуживало значительно большее количество раненых и больных, чем позволяла их коечная емкость. Например, в Харбине и Мукдене госпитали РОКК на 200 кроватей по факту принимали до 600 человек. В госпитале Иверской общины на лечении могло находиться до 700 тяжелораненых больных, всего здесь была оказана помощь 3,5 тысяч человек (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 126. Л. 9). Таким образом, формирование штата медицинского и санитарного персонала происходило путем направления общинами в распоряжение главного уполномоченного РОКК отдельных сестер милосердия, формирования собственных санитарных и госпитальных отрядов. Однако в целом мобилизация медицинского персонала РОКК носила стихийный характер. Отчеты главных уполномоченных указывают на отсутствие у Исполнительной комиссии руководящего плана действий. Ведущую роль в формировании и направлении на Дальний Восток персонала, санитарных и госпитальных отрядов имела собственная инициатива общин Красного Креста, общественных организаций и частных лиц (Кауфман, 1909: 17). Это определило случайный характер назначения места действия отрядов и лечебных учреждений, менявшийся по ходу их следования железнодорожным путем в расположение действующей армии. В результате отряды, подготовленные к хирургической практике, могли оказаться в глубоком тылу, а малые, слабо экипированные отряды – быть направлены в Харбин и на передовую.

Размещение лечебных учреждений на театре военных действий также входило в обязанности РОКК. Чаще всего для этого использовали «даровые» помещения – военные или переселенческие казармы, холерные бараки, предоставленные бесплатно монастырские или частные постройки; «нанятые» – арендованные в крупных частных домах, складах, общественных учреждениях (административные здания, училища, гимназии) или построенные силами РОКК временные бараки. Из 5 273 кроватей в Забайкалье было размещено бесплатно 2 585, арендованы помещения для 1 863 и специально построены для 825 коек (Кауфман, 1909: 28-29). В Сибирском районе под лазареты приспособляли казармы пограничных войск и переселенческих пунктов, расположенных на главных станциях Сибирской железной дороги от Пензы до Маньчжурии в 200–300 верстах друг от друга. Они имели собственный медицинский персонал и представляли готовые к немедленному приему больных лазареты на 382 кровати (Отчет..., 1911: 40, 42). Военные казармы в Чите занимал Ярославский лазарет. В переселенческих казармах Сретенска расположился Вятский лазарет.

Лазареты Евгениевского отряда в Иркутске размещались в помещениях Знаменского и Князе-Владимирского монастырей. Черниговский лазарет на станции Маньчжурия занимал дом железной дороги. Под лазареты Кауфманского отряда приспособили помещения бывших холерных барачных железной дороги и барачных подрядчиков Бонди и Мамонтова (Кауфман, 1909: 48, 66). Под лазареты Самарской общины были использованы здания, безвозмездно переданные в пользование РОКК купцом М.И. Плешановым и городским комитетом трезвости (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 705. Л. 6). В Забайкалье из-за отсутствия казарм под лазареты первоначально использовали наемные дома (Кауфман, 1909а: 4). Однако система расселения раненых в частных домах и небольших лазаретах, расположенных в ближайших к железнодорожным станциям селах, во время Русско-японской войны оказалась неэффективной. Отсутствие больших населенных пунктов, удаленность сел друг от друга и от железной дороги, плохая транспортная доступность и высокая стоимость аренды делали такой метод размещения подходящим только для выздоровевших и слабых больных, в связи с чем расположенные подобным образом лазареты не имели больных и вскоре были закрыты (Кауфман, 1909: 75). С другой стороны, чем больше помещений занимал лазарет, тем больше усилий требовалось для обеспечения его работы: были необходимы дополнительные кухни, сестринский и врачебный персонал. Это «неудобство и невыгода наемных частных домов» побудили РОКК, во-первых, размещать лазареты и госпитали вдоль железнодорожной линии, во-вторых, покупать или строить собственные бараки вблизи железнодорожных станций (Кауфман, 1909а: 16). В Кругобайкалье все помещения были куплены и построены РОКК совместно с руководством Забайкальской железной дороги. После окончания войны все постройки должны были перейти в собственность железной дороги. На станции Мысовой железнодорожное ведомство на время войны бесплатно передало в распоряжение РОКК участок земли для строительства барака на 100 мест. В мае 1905 г. здесь был развернут лазарет Черноморского отряда (Кауфман, 1909: 48, 66). В случае экстренного развертывания после крупных боев и при отсутствии подходящих помещений лазареты временно располагались в шатрах. Таким образом, несмотря на то, что устройство постоянных госпиталей не должно было входить в обязанности частных учреждений, РОКК регулярно сталкивалось с необходимостью строительства новых или ремонта выделенных помещений, что задерживало открытие лазаретов на неопределенный срок. Использование шатров в этих условиях позволяло не только ускорить размещение новых лечебных заведений, но и увеличить число мест для приема раненых в уже функционирующих учреждениях (Кауфман, 1909а: 17).

Другой проблемой формирования лечебных заведений было их оснащение, обеспечение и комплектование персоналом. Несмотря на то, что в самом начале войны Исполнительная комиссия РОКК заявила, что «весь персонал и материальные склады РОКК послужат в равной степени для пополнения лечебных заведений как Красного Креста, так и военного ведомства», содержание и оснащение частных и военных госпиталей сильно различалось (Будко и др., 2008: 88; История..., 1909: 1231). Располагая достаточными финансовыми средствами, РОКК содержало свои лечебные учреждения в образцовом порядке. В них не было недостатка ни в перевязочных средствах, ни в хирургических инструментах. Здесь работали самые известные врачи того времени: Е.С. Боткин, М.М. Дитерихс, Л.М. Пуссеп и другие. Описание госпиталя Георгиевской общины в Порт-Артуре, данное Е.С. Боткиным, хорошо отражает устройство заведений РОКК: «А как хорошо теперь стало в Георгиевском госпитале: все здания отремонтированы, офицерский флигель вышел отличный, впереди разведен милый садик, в большом саду поставлены шатры, с другой стороны – крытые железом асбестовые переносные бараки, выросшие как грибы; всем раненым, прибывавшим сразу по 150 человек, хватало и места, и белья» (Боткин, 1908: 222). В то же время снабжение медицинских учреждений военного ведомства осуществлялось по устаревшим табелям, без учета времени года и в недостаточном количестве. Летом 1904 г. халаты и одеяла выдавали только теплые, медикаментов, оборудования, перевязочного материала и антисептических средств не хватало (История..., 1909: 1230). По этой причине помощь РОКК в обеспечении военно-медицинских учреждений современным медицинским инвентарем и медикаментами была бесценна. С другой стороны, формирование собственных лазаретов, порученное Исполнительной комиссией центрального склада РОКК, происходило без консультаций с врачами, формирование санитарных отрядов – без учета места их дислокации и характера предстоящей работы на театре военных действий, в связи с чем лечебные учреждения оказывались недоукомплектованными необходимым оборудованием, перевязочными средствами и медикаментами. Предполагалось, что все недостающие предметы будут куплены на местах при открытии лечебных заведений, для чего их руководству выдавалось определенное денежное довольствие. Однако из-за отсутствия в ближайшем тылу и в районе действующей армии достаточного числа складов РОКК медицинские товары были в дефиците, и их стоимость могла в 10 раз превышать средства, выданные на эти нужды (Кауфман, 1909а: 66).

Трудности и недоразумения возникали и при формировании штата лечебных заведений (Кауфман, 1909а: 16). Главный контингент составляли общинные сестры милосердия, имевшие опыт работы в госпиталях, участия в хирургических операциях, выполнения перевязок и ухода за больными, а также сестры, недавно завершившие обучение в общинах и сдавшие экзамен. Создание «кадра образцовой сестры милосердия, которая была бы в случае войны способна облегчить

страдания раненых на поле битвы, а в мирное время противостояла бы бедствиям в виде жалких условий быта, ежедневных болезней и эпидемий» было исключительным правом РОКК (Кункиет, 2005: 32). Однако в военное время квалифицированного сестринского персонала не хватало. Особенно остро дефицит медицинских кадров ощущался в действующей армии в период сражений. В начале войны в госпитале Порт-Артура на 1 сестру приходилось 100 раненых. Поэтому с декабря 1904 г. по февраль 1905 г. из лазаретов ближайшего тыла хирургов и сестер милосердия регулярно отправляли в действующую армию. Взамен в тыл прибывал новый персонал из Западно-Сибирского и Европейского регионов (Кауфман, 1909а: 54). В условиях осады Порт-Артура персонал госпиталя Квантунской Мариинской общины, командированный в полевые госпитали военного ведомства, замещали слабосильные команды. «Много наших прежних служителей отправилось на позиции, – пишет в своем дневнике сестра милосердия О.А. Баумгартен, – их заменили убогими: кто не владеет правой рукой, кто левой; кто не сгибает колена, а кто ослеп на один глаз» (Баумгартен, 1906: 225). Контр-адмирал И.К. Григорович, командовавший русской эскадрой в Порт-Артуре, неоднократно направлял главному уполномоченному РОКК И.П. Балашеву письма с глубокой благодарностью врачам и сестрам общины за их самоотверженный труд (РГВИА Ф. 12651. Оп. 12 Д. 100 Л. 10).

Для пополнения дефицита сестринского персонала общины открывали ускоренные курсы сроком от 6 недель до 4 месяцев для подготовки волонтерок или добровольных сестер. Подготовка включала в себя теоретическое и практическое обучение, проходившее либо в лазаретах и амбулаториях общин, либо в городских больницах и военных госпиталях, но под контролем РОКК. В Пензе врачи местной сестринской общины Святой Ольги Фридлянд обучали сестер практическим навыкам ухода за больными. Пензенское общество врачей организовало для них бесплатный курс лекций, окончив который, слушательницы сдавали экзамен на звание сестер милосердия (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 689. Л. 12). Община фон Кауфмана летом 1904 г. организовала четырехмесячные курсы для подготовки 70 сестер милосердия, предусматривавшие обязательное проживание в общежитии общины и посещение практических занятий в Обуховской больнице. Петербургский дамский кружок организовал курсы на 200 слушательниц, лекции которым читали в Археологическом институте, а практические занятия проводили в Семеновском госпитале (Отчет..., 1911: 99). Трехмесячные курсы, открытые в 1904 г. на базе Благовещенской общины, окончили 11 слушательниц (Романова, 2015: 246). Выпускницы таких курсов получали временное удостоверение сестры милосердия сроком на 1 год или на время Русско-японской войны. Общеобразовательный уровень слушателей курсов был весьма неоднородным. Наряду с сестрами, получившими образование в европейских университетах, были и те, кто окончил церковно-приходскую школу. Кауфманская и Евгениевская общины присылали волонтерок из числа окончивших курс средних учебных заведений, поэтому их отряды считались наилучшими (Кауфман, 1909: 101). В то же время Баумгартен пишет, что во время осады Порт-Артура в качестве добровольных сестер в Красный Крест привлекали всех, «даже женщин легкого поведения» (Баумгартен, 1906: 168). Значительный объем работы сестринского персонала, как следует из отчета старшего врача госпиталя Мариинской общины Порт-Артура, составляла санитарная обработка раненых: удаление крови, грязи, «непрощенных гостей из волос и платья» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 12. Д. 100. Л. 10). В этих условиях многое зависело от отношения к своим обязанностям самих добровольных сестер: были среди них «старательные» и те, кто работал «без малейшей охоты» (Баумгартен, 1906: 168, 265). Таким образом, качество сестер милосердия зависело не только от длительности подготовки в общине, но и от уровня их общего развития и образования, что в идеале должно было определять спектр исполняемых обязанностей: уход за ранеными, кормление, раздача белья, замена фельдшеров и фармацевтов. Однако часто опытные сестры оказывались сиделками в санитарных поездах, в то время как слабо подготовленные волонтерки направлялись в полевые госпитали, что являлось поводом для нареканий со стороны военного руководства (Кауфман, 1909: 102).

На фоне дефицита квалифицированных сестер в военно-врачебных заведениях возникла конкуренция между РОКК и военным ведомством. Длительность ожидания среднего медицинского персонала из европейской части России вынудила военное руководство начать подготовку сестер в Сибирском округе. По распоряжению начальника санитарной части М.И. Хлыновского в Иркутске, Омске и Красноярске все желающие были допущены к обучению в военных госпиталях, где военные врачи читали лекции, обучали практическим навыкам и принимали экзамены (Отчет..., 1911: 101). Однако РОКК под предлогом того, что военное ведомство в обход интересов Красного Креста пытается получить руководство женским медицинским персоналом, отказалось признавать выпускниц военных курсов сестрами милосердия (Кауфман, 1909а: 71), вследствие чего они состояли в ведомстве санитарно-эвакуационной части армии и могли работать только в военно-врачебных заведениях. Это обстоятельство свидетельствовало о необходимости реформирования системы подчинения и управления сестринским персоналом и перевода его из сферы частной инициативы под государственный контроль. Таким образом, у военного ведомства появлялась возможность не только регулировать численность младшего медицинского персонала, но и контролировать качество его теоретической и практической подготовки.

5. Заключение

В ходе Русско-японской войны РОКК впервые выступало в качестве самостоятельной организации, на равных с военным ведомством правах занимавшейся организацией медицинской помощи раненым и больным. При этом одной из наиболее сложных проблем в реализации возложенных на РОКК задач стала несогласованность действий как между РОКК и военным ведомством, так и внутри структур РОКК. Организация лечебных заведений требовала комплексного решения вопросов мобилизации имеющегося и подготовки нового персонала; снабжения медицинским имуществом, медикаментами и перевязочными средствами; определения района назначения и обеспечения условий для размещения лазаретов и госпиталей на театре военных действий. Место дислокации лечебных заведений (в районах действующей армии или тыла) влияло на характер предстоящей деятельности и предъявляло определенные требования к их оснащению и квалификации персонала. Проведенное исследование позволяет констатировать отсутствие у РОКК в начале войны на Дальнем Востоке и в Сибири кадровых ресурсов и материально-технической базы, достаточных для обеспечения медицинской помощью раненых. Мобилизация медицинского персонала, как и порядок формирования лечебных заведений и определение сферы их деятельности в условиях войны носили стихийный характер, основанный, в первую очередь, на индивидуальной инициативе частных лиц, общественных и благотворительных организаций, отдельных общин Красного Креста. Это предопределило специфику работы РОКК, направленную на координацию общественной деятельности, позволившую оказать эффективную помощь военно-медицинскому ведомству в деле обеспечения медицинской помощью военнослужащих в годы Русско-японской войны.

Литература

- Баубекова, 2017** – Баубекова С.А. Из истории Общества Красного Креста в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам фонда редкой и ценной книги Научной библиотеки ДВФУ). [Электронный ресурс] URL: https://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books-/articles-almanac-17-2017/29_Baubekova.pdf. (дата обращения 25.04.2022)
- Баумгартен, 1906** – фон Баумгартен О.А. В осажденном Порт-Артуре. Дневник сестры милосердия. СПб., 1906.
- Боткин, 1908** – Боткин Е.С. Свет и тени русско-японской войны 1904–1905 гг. (из писем к жене). СПб., 1908.
- Будко и др., 2008** – Будко А.А., Быков И.Ю., Селиванов Е.Ф. и др. История военной медицины России. XIX – начало XX в. Т. 3. М., 2008.
- Будко, Селиванов, 2004** – Будко А.А., Селиванов Е.Ф. Военная медицина в войне с Японией в 1904–1905 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2004. 6. С. 57-62.
- Демич, 1907** – Демич В.Ф. Харбинский сводный № 4 госпиталь. Его жизнь и деятельность в Русско-японскую войну // *Военно-медицинский журнал*. 1907. 3. С. 528-541.
- Зорин, 2015** – Зорин К.В. Медицинская деятельность сотрудников московских общин сестер милосердия на Дальнем Востоке (1904–1905 гг.) // *Дальневосточный медицинский журнал*. 2015. 2. С. 122-126.
- История..., 1909** – История Русско-японской войны. В 6 т. / Под ред. М.Е. Бархатова, В.В. Функе. Т. V. СПб., 1909.
- Карпенко, 2017** – Карпенко И.В. Общины сестер милосердия России в войнах второй половины XIX – начала XX вв. (краткий исторический очерк) / Под общ. ред. Чижа И.М. М., 2017.
- Кауфман, 1909** – фон Кауфман П. Красный Крест в тылу армии в японскую кампанию 1904–1905 гг. Т. I. Ч. 1. Сибирский район. СПб., 1909.
- Кауфман, 1909а** – фон Кауфман П. Красный Крест в тылу армии в японскую кампанию 1904–1905 гг. Т. II. Ч. 1. Забайкальский район. СПб., 1909.
- Козловцева, 2010** – Козловцева Е.Н. Московские общины сестер милосердия в XIX – начале XX века. М., 2010.
- Колесникова, Айдашева 2011** – Колесникова Л.П., Айдашева Г.А. Из истории общины сестер милосердия «Утоли моя печали» // *Первый госпиталь и военная медицина России*. Т. 1. Кн. 2. М., 2011.
- Кункиет, 2005** – Кункиет М.И. Петербург – «разсадник» сестринского дела в России (к 135-летию со дня основания Общины сестер милосердия св. Георгия) // *История Петербурга*. СПб., 2005. 6. 32-35.
- Личный состав..., 1905** – Личный состав и список учреждений Красного Креста на Дальнем Востоке на 15 июля 1905 года. СПб., 1905.
- Отчет..., 1911** – Отчет о деятельности Российского общества Красного Креста во время русско-японской войны. Т. 1. СПб., 1911.
- Отчет..., 1911а** – Отчет о деятельности Российского общества Красного Креста во время русско-японской войны. Т. 2. СПб., 1911.
- Пастернак, 2001** – Пастернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001.

Приложение № 23, 1910 – Приложение № 23. Доклад исполнительной комиссии общему собранию членов общества 22 февраля 1904 года / Русско-японская война 1904–1905 гг. в 9 томах и с атласом. СПб., 1910. VII (1). С. 82-91.

Приложение № 25, 1910 – Приложение № 25. Список лечебных заведений Красного Креста // Русско-японская война 1904–1905 гг. в 9 томах и с атласом. СПб., 1910. VII (1). С. 105-113.

РГВИА – Российский государственный исторический архив.

Романова, 2015 – Романова В.В. Деятельность Красного Креста в Приамурском генерал-губернаторстве в конце XIX – начале XX в. // *История медицины*. 2015. 2 (2). С. 242-251.

Романова, 2016 – Романова В.В. Из истории деятельности местных отделений Российского общества Красного Креста на территории Маньчжурии // *История медицины*. 2016. 3 (4). С. 375-385.

Рудой, 2012 – Рудой Н.А. Деятельность Красного Креста во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2012. 6. С. 59-61.

Русско-японская война, 1910 – Русско-японская война 1904–1905 гг. в 9 томах и с атласом. Т. VII. Тыл действующей армии. Ч. 1. Организация и деятельность управлений действующей армии. СПб., 1910.

Chizh, 2021 – Chizh I.M., Sergeeva M.S., Shmatova M.B., Tokar' A.A. Ambulance trains – the main means of evacuation for the wounded in the military campaigns of the Russian Empire in 1877–1917 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 829-839.

References

Baubekova, 2017 – Baubekova, S.A. (2017). Iz istorii Obshchestva Krasnogo Kresta v period russko-yaponskoj vojny 1904–1905 gg. (po materialam fonda redkoj i cennoj knigi Nauchnoj biblioteki DVFU) [From the history of the Red Cross Society during the Russian-Japanese War of 1904-1905. (based on the materials of the collection of a rare and valuable book of the FEFU Scientific Library)]. [Electronic resource]. URL: https://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books-/articles-almanac-17-2017/29_Baubekova.pdf. (date of access: 25.04.2022). [in Russian]

Botkin, 1908 – Botkin, E.S. (1908). Svet i teni russko-yaponskoj vojny 1904–1905 gg. (iz pisem k zhene) [Light and Shadows of the Russo-Japanese War of 1904–1905 (from letters to his wife)]. SPb. [in Russian]

Budko i dr., 2008 – Budko, A.A., Bykov, I.Yu., Selivanov, E.F. i dr. (2008). Istoriya voennoj mediciny Rossii. XIX – nachalo XX v. [History of military medicine in Russia. 19th – early 20th centuries]. Т. 3. М. [in Russian]

Budko, Selivanov, 2004 – Budko, A.A., Selivanov, E.F. (2004). Voennaya meditsina v voine s Yaponiey v 1904–1905 gg. [Military medicine during the war with Japan in 1904–1905]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 6: 57-62. [in Russian]

Chizh, 2021 – Chizh, I.M., Sergeeva, M.S., Shmatova, M.B., Tokar', A.A. (2021). Ambulance trains – the main means of evacuation for the wounded in the military campaigns of the Russian Empire in 1877–1917. *Bylye Gody*. 16(2): 829-839.

Demich, 1907 – Demich, V.F. (1907). Harbinskij svodnyj № 4 gospital'. Ego zhizn' i deyatel'nost' v Russko-yaponskuyu vojnu [Harbin Consolidated No. 4 Hospital. Its life and work in the Russian-Japanese War]. *Voенно-meditsinskij zhurnal*. 3: 528-541. [in Russian]

Fon-Baumgarten, 1906 – Fon-Baumgarten, O.A. (1906). V osazhdennom Port-Arture. Dnevnik sestry miloserdija. [In the besieged Port Arthur. Diary of a Sister of Mercy]. SPb. [in Russian]

Fon-Kaufman, 1909 – Fon-Kaufman, P. (1909). Krasnyj Krest v tylu armii v yaponskuyu kampaniyu 1904–1905 gg. [Red Cross in the rear of the army in the Japanese campaign of 1904–1905]. Т. I. Ch. 1. Sibirskij rajon. SPb. [in Russian]

Fon-Kaufman, 1909a – Fon-Kaufman P. (1909). Krasnyj Krest v tylu armii v yaponskuyu kampaniyu 1904–1905 gg. [Red Cross in the rear of the army in the Japanese campaign of 1904–1905]. Т. II. Ch. 1. Zabajkal'skij rajon. SPb. [in Russian]

Istoriya..., 1909 – Istoriya Russko-yaponskoj vojny [History of the Russo-Japanese War]. V 6 t. Pod red. M.E. Barhatova, V.V. Funke. Т. V. SPb., 1909. [in Russian]

Karpenko, 2017 – Karpenko, I.V. (2017). Obshchiny sester miloserdija Rossii v vojnah vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. (kratkij istoricheskij ocherk) [Communities of sisters of mercy in Russia in the wars of the second half of the 19th – early 20th centuries (a brief historical overview)]. Pod red. Chizha I.M. М. [in Russian]

Kolesnikova, Ajdasheva 2011 – Kolesnikova, L.P., Ajdasheva, G.A. (2011). Iz istorii obshchiny sester miloserdija «Utoli moya pechali» [From the history of the community of sisters of mercy "Assuage my sorrows"]. Pervyj gospital' i voennaya medicina Rossii. Т. 1. Kn. 2. М. [in Russian]

Kozlovceva, 2010 – Kozlovceva, E.N. (2010). Moskovskie obshchiny sester miloserdija v XIX – nachale XX veka. [Moscow communities of sisters of mercy in the 19th – early 20th centuries]. М. [in Russian]

[Kunkiet, 2005](#) – *Kunkiet M.I.* (2005). Peterburg – «razsadnik» sestrinskogo dela v Rossii (k 135-letiyu so dnya osnovaniya Obshchiny sester miloserdiya sv. Georgiya) [Petersburg - a "hotbed" of nursing in Russia (on the occasion of the 135th anniversary of the founding of the Community of Sisters of Mercy of St. George)]. *Istoriya Peterburga*. 6: 32-35. [in Russian]

[Lichnyj sostav..., 1905](#) – Lichnyj sostav i spisok uchrezhdenij Krasnogo Kresta na Dal'nem Vostoke na 15 iyulya 1905 goda. [Personnel and list of institutions of the Red Cross in the Far East on July 15, 1905]. SPb., 1905. [in Russian]

[Otchet..., 1911](#) – Otchet o deyatel'nosti Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta vo vremya russko-yaponskoj vojny. [The Report about the Activity of the Russian Red Cross Society during the Russo-Japanese War]. T.1. SPb., 1911. [in Russian]

[Otchet..., 1911a](#) – Otchet o deyatel'nosti Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta vo vremya russko-yaponskoj vojny. [The Report about the Activity of the Russian Red Cross Society during the Russo-Japanese War]. T.2. SPb., 1911. [in Russian]

[Pasternak, 2001](#) – *Pasternak A.V.* (2001). Oчерки po istorii obshchin sestyor miloserdiya [Essays on the history of the communities of sisters of mercy]. M. [in Russian]

[Prilozhenie № 23, 1910](#) – Prilozhenie № 23. Doklad ispolnitel'noj komissii obshchemu sobraniyu chlenov obshchestva 22 fevralya 1904 goda [Annex No. 23. Report of the executive commission to the general meeting of members of the society on February 22, 1904]. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. v 9 tomah i s atlasom. SPb., 1910. VII (1): 82-91. [in Russian]

[Prilozhenie № 25, 1910](#) – Prilozhenie № 25. Spisok leчебnyh zavedenij Krasnogo Kresta [Annex No. 25. List of Red Cross medical institutions]. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. v 9 tomah i s atlasom. SPb., 1910. VII (1): 105-113. [in Russian]

[RGVIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arkhiv [Russian state military-historical archive].

[Romanova, 2015](#) – *Romanova V.V.* (2015). Deyatel'nost' Krasnogo Kresta v Priamurskom general-gubernatorstve v konce XIX – nachale XX v. *Istoriya meditsiny*. 2(2): 242-251. [in Russian]

[Romanova, 2016](#) – *Romanova, V.V.* (2016). Iz istorii deyatel'nosti mestnyh otdelenij Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta na territorii Man'chzhurii [The history of the work of the Russian Red Cross Society's local branches in Manchuria]. *Istoriya meditsiny*. 3(4): 375-385. [in Russian]

[Rudoj, 2012](#) – *Rudoj, N.A.* (2012). Deyatel'nost' Krasnogo Kresta vo vremya russko-yaponskoj vojny 1904–1905 gg. [The activities of the Red Cross Society during the Russia Japan war 1904-1905]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 6: 59-61. [in Russian]

[Russko-Yaponskaya vojna..., 1910](#) – Russko-Yaponskaya vojna 1904–1905 gg [Russo-Japanese War 1904-1905]. V 9 tomah i s atlasom. Tom VII. Chast' 1. Tyl dejstvuyushchej armii. Chast' pervaya. Organizaciya i deyatel'nost' upravlenij dejstvuyushchej armii. SPb., 1910. [in Russian]

[Zorin, 2015](#) – *Zorin, K.V.* (2015). Medicinskaya deyatel'nost' sotrudnikov moskovskih obshchin sester miloserdiya na Dal'nem Vostoke (1904–1905 gg.) [Medical activities of members of the Moscow communities of sisters of mercy in the Far East (1904-1905)]. *Dal'nevostochnyi meditsinskii zhurnal*. 2: 122-126. [in Russian]

Деятельность Российского общества Красного Креста по организации лечебных учреждений во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Мария Сергеевна Сергеева ^{a,*}, Игорь Владимирович Карпенко ^a, Иван Михайлович Чиж ^a, Сергей Дашидондович Батоев ^a

^a Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Российская Федерация

Аннотация. В годы Русско-японской войны Российское общество Красного Креста (РОКК) впервые выступало в качестве самостоятельной организации, совместно с военно-медицинской службой участвовавшей в обеспечении медицинской помощью раненых и больных. Отсутствие достаточного числа сестринских общин на Дальнем Востоке предопределило для РОКК первостепенность задач по мобилизации персонала из европейской части России и развертыванию собственных лечебных учреждений на фронте и в тылу. Разные способы организации и подготовки

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sergeeva_m_s@staff.sechenov.ru (М.С. Сергеева), karpenko_i_v@staff.sechenov.ru (И.В. Карпенко), chizh_i_m@staff.sechenov.ru (И.М. Чиж), batoev_s_d@staff.sechenov.ru (С.Д. Батоев)

медицинского персонала обусловили характер предстоящей им деятельности (пополнение штата действующих или открытие новых лечебных заведений) и возложенные на них обязанности (уход и кормление, санитарная обработка, выполнение перевязок и помощь врачам). Условия работы лечебных заведений зависели от места их дислокации: в районе действующей армии или одном из тыловых округов, имевших собственное назначение в деле оказания помощи раненым и больным в годы войны. Анализ деятельности РОКК в 1904–1905 гг. позволил выделить пути решения поставленных задач и проблем, с которыми столкнулся РОКК в ходе выполнения данной миссии.

Ключевые слова: Русско-японская война, Красный Крест, Дальний Восток, сестры милосердия, санитарный отряд, госпитальный отряд, лазарет.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 963-974
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.963

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Feat of the “Varyag” Cruiser in the Pre-Revolutionary, Soviet and Modern Russian Historiography: Comparative Characteristics

Dmitry S. Sknarev ^{a, *}, Zulfira S. Zyukina ^a, Yulia A. Voropaeva ^a, Nadezhda M. Suzdalova ^a

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

Abstract

The article is devoted to a comparative analysis of pre-revolutionary, soviet and modern Russian historiography about the naval battle of Chemulpo on January 27, 1904 between a Russian detachment consisting of the “Varyag” cruiser and the “Koreets” gunboat under the command of 1st rank captain V.F. Rudnev with a Japanese squadron consisting of nine ships under the command of Rear Admiral S. Uriu. The subject of the study is to identify differences in the description of the feat of the crews of Russian ships by the authors of different historical periods, not only from a military and diplomatic, but also from a propaganda point of view. To understand the scale of the feat, along the way, an analysis of the military-technical forces of the opposing sides and the diplomatic situation on the eve of the battle is made.

As a result of the analysis of historiography, it was concluded that the foundation for the heroization of the feat of the crews of the “Varyag” cruiser and the “Koreets” gunboat was laid by pre-revolutionary historians, who, however, evaded answers to contradictions in the documents.

The soviet historiography continued the trend of heroization with a certain degree of pathos, but due to the political correctness, it tried to shift responsibility for the vain death of a first-class ship to the naval leadership of the Russian Empire, as well as to the governor Alekseev. The soviet historians are introducing new sources into scientific circulation, so new names appear among the hitherto unknown heroes.

The modern historiography is very numerous, contradictory and multidirectional. The absolute majority of researchers deservedly recognize the fact of the existence of a feat in the actions of Russian sailors and personally the commander of the detachment of ships, the 1st rank captain V.F. Rudnev. Also, new sources are being introduced into scientific circulation, primarily Japanese. At the same time, the modern researchers are trying to find contradictions both in the sources (different assessment of combat effectiveness and materiel by Russian and Japanese sources, contradictions in information about ammunition consumption and cruiser speed, etc.) and in previously published works.

Keywords: navy, “Varyag” cruiser, feat of the “Varyag”, Russo-Japanese War, 1st Pacific Squadron, Russian fleet.

1. Введение

Подвиг крейсера «Варяг» является одной из славных страниц русской истории в целом и истории военно-морского флота в частности. Вынужденный сражаться без шанса на успех в условиях тотального превосходства противника, экипаж сделал свой выбор. В силу этого сражение при Чемульпо всегда использовалось и в пропагандистских целях, причем практически сразу после получения рапорта заместителем Е.И. Алексеевым о его результатах.

Подвиг экипажей «Варяга» и «Корейца» использовался для воодушевления моряков непосредственно и в Русско-японскую войну. По мнению некоторых авторов исторических романов (В.С. Пикуль «Крейсера» и А.Н. Степанов «Порт-Артур»), заместитель Е.И. Алексеев вдохновлял

* Corresponding author

E-mail addresses: sknar@list.ru (D.S. Sknarev)

командиров 1-й Тихоокеанской эскадры и лично контр-адмирала В.К. Витгефта подвигом крейсера. С учетом распространенности указанных романов данный художественный вымысел был крайне популяризован.

Вместе с тем подвиг «Варяга» активно использовался в целях пропаганды и в обе мировые войны, и в послевоенное время: почти сразу после окончания Второй мировой, в 1946 году, вышел фильм «Крейсер «Варяг». Помнят о сражении при Чемульпо как о подвиге и в нынешнее время.

Между тем оценки этого подвига весьма сильно разнятся в трудах авторов разных эпох; даже в современной истории существуют весьма противоречивые точки зрения, которые всегда апеллируют к результативности боя и рапорту о нем командира отряда – капитана 1 ранга Всеволода Федоровича Руднева.

В данной работе мы попробуем сравнить историографию разных периодов и найти в ней как общие черты, так и различия во взглядах историков.

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стала дореволюционная (Е. Мартынов, В. Белли, Н. Кладо, В. Семенов и др.), советская (Р. Мельников, С. Балакин, А. Александров, А. Степанов, А. Новиков-Прибой, В. Кофман, В. Пикуль и др.) и новейшая историография (В. Катаев, А. Полутов, В. Доценко, С. Сулига, А. Подшивалов, И. Подшивалов, А. Хазин, Л. Спиридонова, И. Кокцинский, А. Лактионов и др.). Среди мемуарных работ прямо или косвенно использовались труды В. Семенова, П. Худякова, М. Бубнова, В. Костенко и др.

В работе используются как традиционные методы исторического исследования, так и нетрадиционные и общенаучные методы.

Из традиционных методов нами применены:

- историко-сравнительный (сравниваются труды по проблеме исследования различных периодов Российской истории), который выступает основным в данном исследовании;
- историко-системный (работы анализируются в неразрывной связи с политической конъюнктурой, действовавшей на момент ее написания);
- историко-типологический (все работы классифицированы по хронологическому признаку), в этой связи был использован также метод исторической периодизации;
- ретроспективный (использовался для анализа военной и дипломатической ситуации, предшествовавшей бою в Чемульпо, так как каждый автор так или иначе обращается к анализу таковой).

Из нетрадиционных – применялись метод исторической семиотики (использование специальных исторических и военно-морских терминов), а также отчасти математические методы (подсчет военно-технического преимущества японской эскадры).

К общенаучным методам исследования, которые были применены в данной работе, следует отнести синтез, анализ литературы по проблеме исследования, аналогию и пр.

3. Обсуждение

Историографической базой для работы послужили труды авторитетных историков флота; публикации в популярных изданиях в сети Интернет, лишённые необходимой научной атрибутики (ссылки на источники и т.д.), нами не рассматривались.

В дореволюционную эпоху подвиг крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» прямо или косвенно рассматривали несколько авторов. Подробно и красноречиво тему затрагивает В. Семенов, обвиняя в трагедии русского флота в Русско-японской войне морских чиновников (Семенов, 1907; Семенов, 1910; Семенов, 1911). Упоминает об этом даже весьма «политкорректный» инженер М.В. Бубнов (Бубнов, 1907).

Подробнейший анализ боя дает Военно-историческая комиссия по описанию Русско-японской войны (со ссылками на соответствующие рапорты, приказы и пр.) в 6-томном труде «Русско-японская война 1904–1905 гг.». Описание боя «Варяга» и «Корейца» содержится в «Книге I. Действия флота на южном театре от начала войны до перерыва сообщений с Порт-Артуром» (РЯП, 1912).

Из советских и современных отечественных трудов прежде всего отметим работы двух признанных специалистов в области военно-морской истории (в том числе периода Русско-японской войны) – Рафаила Мельникова и Сергея Балакина.

Среди исследований Р.М. Мельникова, относящихся к Русско-японской войне, следует выделить такие монографии, как «Рюрик» был первым» (Мельников, 1989), «Первые русские миноносцы. Основоположники новой тактики» (Мельников, 2017а), «Эскадренный броненосец «Цесаревич», «Сквозь две войны и революцию» (Мельников, 2017б), «Броненосный крейсер «Баян» (1897–1904)» (Мельников, 2005а), «Крейсер I ранга «Россия» (Мельников, 2007), «Минные крейсера России. 1886–1917 гг.» (Мельников, 2005б), «Броненосцы типа «Бородино» (Мельников, 1996), «Эскадренный броненосец «Полтава» (Мельников, 2001), «Цесаревич». Часть I. Эскадренный броненосец. 1899–1906 гг.» (Мельников, 2000), «История отечественного судостроения. Паровое и металлическое судостроение во второй половине XIX в.» (Мельников, 1996) и др. В своих работах

автор на основе источников не только делает глубокий анализ боевых единиц флота, но и беспощадно критикует дореволюционный военно-морской чиновничий аппарат в лице сотрудников Главного морского штаба (ГМШ) и Морского технического комитета (МТК), прямо обвиняя их в поражении в Русско-японской войне.

Особо следует выделить монографию «Крейсер «Варяг» (Мельников, 1975), датированную 1975-м годом, в которой делается весьма беспристрастный (в известном смысле этого слова, с учетом того, что книга была издана в советскую эпоху) анализ подвига экипажа крейсера (глава 4 монографии), открываются неизвестные ранее имена новых героев сражения, подробно освещаются условия, в которые были поставлены экипажи находящихся в Чемульпо русских кораблей и пр. Исследование содержит богатые ссылки на неизвестные до этого широкой аудитории архивные материалы, которые были введены автором в научный оборот. Не будет преувеличением тезис о том, что именно благодаря данному исследованию Р.М. Мельников не только стал известен массовому читателю, но и его заслуги в исторической науке были по праву признаны в ученых кругах.

Второе издание данной монографии (Мельников, 1983) вышло в 1983 году; в нем были использованы новые источники, учтены пожелания читателей; можно сказать, что данное издание оказалось несвободным от известной доли пропаганды.

Сергей Балакин также является автором ряда трудов по военной и военно-технической тематике истории морского флота. Применительно к Русско-японской войне прежде всего следует отметить такие его работы, как «Морские сражения Русско-японской войны 1904–1905» (Балакин, 2004), «Эскадренный броненосец «Ретвизан» (Балакин, 2005), «Триумфаторы Цусимы. Броненосцы японского флота» (Балакин, 2017) и др.

Нельзя также не отметить и ряд книг, которые, хотя относятся к жанру научно-популярных работ, фактически являются весьма глубокими историческими исследованиями, так как авторы оперировали широким пластом архивных данных (хотя и без указания ссылок на них). К таковым следует отнести работы А.Н. Степанова «Порт-Артур» (Степанов, 1983), А.С. Новикова-Прибоя «Цусима» (Новиков-Прибой, 1977), В.С. Пикуля «Крейсера» (Пикуль, 1989). Как было указано выше, в каждой из них упоминается (а в работе А. Степанова – анализируется) бой у Чемульпо как безусловный подвиг. Степанов, говоря о боевых потерях японцев, всецело ссылается на рапорт командира «Варяга» Всеволода Руднева; также героизируются не только кадровые военные, но и вольнонаемные моряки. Не забывает Степанов и о «Корейце», чем грешат многие исследователи.

Из фундаментальных исследований Русско-японской войны и анализируемого нами сражения следует упомянуть труд А.И. Сорокина «Оборона Порт-Артура. 1904–1905 гг.» – весьма глубокий, хотя и не лишенный элементов пропаганды (Сорокин, 1952).

В целом можно отметить, что фактически во всех работах советского (и отчасти современного) периода нещадно критикуется руководство военно-морской отрасли (и даже лично император), с чем мы в полной мере согласиться не можем. Похожего мнения придерживаются и другие авторы (см., напр., Mamadaliyev, Venkov, Miku, Médico, 2019).

Точки зрения современных исследователей весьма противоречивы. Подвиг «Варяга» анализируют подробно П.Д. Быков в монографии «Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море» (Быков, 2003), И.М. Кокцинский в исследовании «Морские бои и сражения Русско-японской войны, или причина поражения: кризис управления» (Кокцинский, 2002) и А.В. Полутов в монографии «Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Ичхоне» (Полутов, 2009). Вкратце упоминают о подвиге под Чемульпо В.А. Золотарев, И.А. Козлов (Золотарев, Козлов, 2004) в монографии «Три столетия Российского флота, XIX – начало XX века, глава «Русско-японская война 1904–05 г.», П.В. Мультиатули, К.А. Залесский в работе «Русско-японская война 1904–1905 гг.» (Мультиатули, Залесский, 2015), а также А. Лактионов в исследовании «Русско-японская война. Осада и падение Порт-Артура» (Лактионов, 2004).

Канонерская лодка «Кореец», как уже говорилось, иногда незаслуженно остается в тени легендарного крейсера. Одну из многочисленных и весьма качественных попыток исправить этот пробел делает В.И. Катаев в монографии «Кореец» в лучах славы «Варяга». Всё о легендарной канонерской лодке», в которой делается подробный анализ как «жизненного пути» судна, так и весьма подробное исследование боя под Чемульпо (Катаев, 2013).

Также упоминается бой у Чемульпо в работах И.Л. Бунича, В.Ю. Грибовского, Г. Росинского, В.Л. Кофмана и др.

Безусловно, это далеко не полный перечень работ: тема Русско-японской войны вновь становится актуальной и каждый автор под особым углом освещает эту трагическую страницу русской истории.

4. Результаты

Итак, бой крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» у острова Йодольми (современное название – Пхамильдо) на выходе из гавани города Чемульпо (современное название – Инчхон, Южная Корея) всеми авторами без исключения признается как подвиг, так как шансов на победу

практически не было. Поэтому, говоря об «уровне» подвига, следует вкратце рассмотреть технические элементы противоборствующих сторон.

«Варяг» (1899 г.) американской постройки представлял собой новый крейсер первого ранга водоизмещением около 6 600 тонн и предназначенный в первую очередь для дальней разведки, во вторую – для рейдерских операций. Исходя из указанных задач, корабль имел ряд сильных сторон:

- выдающуюся для корабля такого водоизмещения скорость в 23,2 узла (достигнутую на испытаниях), которая позволяла без труда ретироваться от превосходящих сил противника;
- высокий борт и, соответственно, отличную мореходность, позволявшую держать хороший ход в свежем море, а высокое расположение орудий главного калибра – вести огонь при большой волне;
- очень мощное для легкого (по терминологии того времени – бронепалубного) крейсера вооружение из двенадцати 6-дюймовых и двенадцати 3-дюймовых орудий.

Огневая мощь и наличие бронепалубы позволяли не бояться легких крейсеров противника – основного корабля охраны конвоев, а преимущество в скорости над японскими бронепалубными крейсерами (а на момент постройки «Варяга» потенциальный противник был уже известен) и авизо¹ позволяли их догнать; к тому же у большинства японских легких крейсеров мореходность была весьма посредственной, что вкупе с невысоким расположением орудий относительно линии воды сильно затрудняли ведение огня при свежей погоде.

Крейсер не был рассчитан на плотный бой, поэтому противоосколочных щитов орудий не имел, что следует признать значительным конструкторским просчетом: японские легкие крейсера были лишены этого недостатка.

Канонерская лодка «Кореец» (1886) шведской постройки была типичным представителем корабля береговой обороны, вспомогательная функция которой – охрана конвоев, так как даже в спецификации лодки фигурировал признак «мореходная». Имея на борту два 8-дюймовых орудия (которые были мощнее любого из «варяговских») и одно 6-дюймовое и защищенные противоосколочными щитами орудия «Корейца», в силу их возраста имели один существенный недостаток – короткий (относительно более современных орудий) ствол в 35 калибров и, соответственно, весьма посредственную дальность стрельбы. Этот недостаток и не позволил лодке полноценно участвовать в бою. Как рудимент, у «Корейца» имелся полноценный набор парусного вооружения. Низкую скорость в 13,5 узла, которую к тому же в силу изношенности машин корабль скорее не мог выдать, вряд ли стоит считать недостатком применительно к задачам канонерской лодки.

Противостояла двум русским кораблям эскадры контр-адмирала Сотокити Уриу из четырнадцати судов, включавшая два броненосных² крейсера – «Асама» (1898) и «Чиода» (1890), четыре легких крейсера – «Нанива» (1885) (флагман), «Такачихо» (1885), «Нийтака» (1902) и «Акаси» (1897), а также 8 миноносцев, большую часть из которых (и три непосредственно участвовавших в бою) составлял тип «Хаябуса» (1900–1901).

Основной ударной силой эскадры Уриу был один из «карманных линкоров» японского флота – броненосный крейсер «Асама» британской постройки в 9 700 тонн водоизмещения с четырьмя 8-дюймовыми, четырнадцатью 6-дюймовыми, двенадцатью 3-дюймовыми орудиями³ и 178-мм бронепоясом из поверхностно закаленной гарвеевской стали, практически полностью защищавшим ватерлинию: он не пробивался 152-мм бронебойным русским снарядом даже с дистанции прямой наводки (таблицы с бронепробиваемостью японских и русских бронебойных снарядов приводит С.И. Титушкин; см. Титушкин, 1994: 27), то есть отправить на дно «Асаму» артиллерийским огнем у «Варяга» априори шансов не было. По скорости «Асама» сильно уступала «Варягу»⁴: «паспортные» 21,5 узла в реальной эксплуатации превращались в 16–18 узлов и сильно зависели от волнения, ибо «ходоки» из низкбортных японских броненосных крейсеров были весьма посредственные. Но узкий и вытянутый фарватер порта Чемульпо не позволял «Варягу» реализовать преимущество в скорости, так как русские корабли должны были прорываться через эскадру Уриу.

Остальные японские корабли, в сущности, выполняли роль статистов. Вместе с тем они в сумме имели двадцать шесть 6-дюймовых, шестнадцать 120-мм и десять 3-дюймовых орудий при скорости в 18–20 узлов. Все, кроме «Чиоды», не имели бортовой брони.

¹ Посыльное судно.

² Т.е. с вертикальной бортовой броней.

³ Мелкие 47-мм и 37-мм пушки на кораблях обеих сторон мы не учитываем ввиду их совершеннейшей бесполезности.

⁴ Есть основания предполагать, что «Варяг» не мог развивать ход более 20 узлов из-за капризной силовой установки. На испытаниях в Порт-Артуре осенью 1903 года в условиях, приближенных к боевым, крейсер развил 20,5 узлов – факт задокументирован флотской комиссией. Однако пробег на мерной миле вполне мог проводиться с полным запасом угля. Командир крейсера В.Ф. Руднев указывал, что корабль и вовсе не в состоянии развивать более 14 узлов (возможно имелся в виду длительный пробег), но к его рапортам приходится относиться с известной долей осторожности.

На случай удавшегося прорыва у японского адмирала было в распоряжении три миноносца (остальные пять грузились углем и в бою участия не принимали), развивавшие до 28–29 узлов и несшие на борту по три 457-мм торпедных аппарата.

Огневая подготовка экипажей сторон, вероятно, была на более или менее схожем уровне; некоторые авторы отдают предпочтение в этом вопросе японской стороне, так как эффективность огня по итогу боя была в пользу японских моряков. Артиллерийская материальная часть лучше была у японских кораблей: их орудия системы Армстронга комплектовались оптическими прицелами, а стволы орудий могли безболезненно подниматься на более высокий угол, что (в отличие от орудий системы Канэ на русских кораблях) позволяло вести огонь на дальние дистанции без рисков повреждения механизма вертикальной наводки. Дальнометы на кораблях обеих сторон были идентичны (британские, системы Барра и Струда).

Как видим, перевес в соотношении сил был подавляющим в пользу японцев, поэтому шансов на победу у русских кораблей не было даже в теории.

Нельзя не отметить и еще один момент. Учитывая отсутствие результативности огня русских комендоров (в отличие от «красивого» рапорта В.Ф. Руднева), некоторые исследователи (особенно разного рода блогеры в сети Интернет) совершенно незаслуженно умаляют подвиг экипажей «Варяга» и «Корейца», дескать, «гордиться-то нечем», припоминая при этом орден, преподнесенный японцами Рудневу. Мы категорически не согласны с таким подходом, так как обоснованные выше доводы о соотношении сил говорят о том, что русские моряки сознательно предпочли гибель в бою, чем сдачу, которую, к слову, японский адмирал им предлагал перед началом боя, но которую Руднев не принял ни при каких условиях. Такое поведение экипажей русских кораблей само по себе говорит о героизме и подвиге...

Итак, дореволюционные источники описывают бой «Варяга» и «Корейца» без лишнего пафоса.

В частности, в глубочайшем 25-томном труде «Русско-Японская война 1904–1905 гг.» приводятся результаты многолетней работы Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. В томе VIII «Оборона Квантуна и Порт-Артура. Часть первая. От начала войны до тесного обложения крепости (17 июля 1904 года)» про бой «Варяга» и «Корейца» сказано следующее:

«В то время, когда эскадра адмирала Того, 27 января, вела бой у Порта-Артура, эскадра адмирала Уриу напала на наши суда – крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец», стоявшие в Чемульпо.

Наши суда после боя с превосходными (грамматика источника сохранена. – Авт.) силами противника были затоплены, а экипаж их принят на иностранные суда, находившиеся в Чемульпо» (РЯП, 1910: 81).

Указанный источник в целом посвящен деятельности сухопутных сил, что может объяснять скудость описания боя.

Действия флота глубоко и подробно описываются в другом источнике, также изданным по результатам работы Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны – «Русско-Японская война 1904–1905 гг. Книга I. Действия флота на южном театре от начала войны до перерыва сообщений с Порт-Артуром» (РЯП, 1912). В данном труде бою у Чемульпо посвящено 37 страниц – анализу причин посылки в декабре 1903 «Варяга» в корейский порт и инструкций, данных заместителем Е.И. Алексеевым капитану В.Ф. Рудневу, донесений последнего из Чемульпо, приходу «Корейца» и слухам о разрыве дипломатических отношений с Японией, попытке прорыва канонерской лодки в Артур и торпедной атаке японских миноносцев, высадке японского десанта, поведению командиров иностранных стационаров, непосредственно бою, возвращению в Чемульпо, описанию повреждений и затоплению русских судов. Отдельно описывается торжественная встреча участников сражения на Родине и вручение наград.

Причины целенаправленного нахождения первоклассной боевой единицы в западне указанный источник не приводит. В исследовании отсутствует истинный план (с точки зрения формальной логики изначально такой должен был быть) вице-адмирала Старка и заместителя Алексеева (есть лишь инструкции), а именно – с какой целью (подготовка к рейдерским операциям, препятствование высадке/разгрому десанта в Чемульпо¹ или на южном побережье Кореи, разведка театра военных действий в корейских и японских водах, «приманка» для отвлечения японских сил и т.п.) они отправили первоклассный корабль в иностранный порт, а фактически – в ловушку. В источниках ответа на этот вопрос нет, и он вряд ли уже будет найден. Причины же, указанные в работе Военно-исторической комиссии, критики не выдерживают: «демонстрация флага» и налаживание коммуникаций между дипмиссией в Корее во главе с Павловым и заместителем Алексеевым (РЯП, 1912: 289) – предлог, разумеется, несерьезный и мог быть выполнен любым малым кораблем, той же канонерской лодкой или эсминцем. Инструкции, выданные Рудневу перед последним походом в Чемульпо 28 декабря 1903 года, иначе как странными не назовешь; возможно, было к ним и секретное приложение, которое не разглашали. Но п. 6: «Ни в коем случае не уходить из Чемульпо

¹ Хотя в п. 2 инструкции Рудневу прямо указывается: «Не препятствовать высадке японских войск, если таковая совершилась до объявления войны» (РЯП, 1912: 288).

без приказа, которое будет передано тем или иным способом» полностью оправдывает Руднева, который де-факто и де-юре был «связан по рукам и ногам» и не мог покинуть «ловушку» без приказа, которого, как известно, не поступило. На основании этого нападки некоторых современных авторов на командира русских судов, обвиняющих его в близорукости, считаем необоснованными.

Также в источниках нигде не упоминается письменное требование контр-адмирала Уриу о сдаче. Приводится его письмо, переданное Рудневу через командира английского стационара: «...Сэр. Ввиду существующих в настоящее время враждебных действий между правительством Японии и России я почтительно прошу Вас покинуть порт Чемульпо с силами, состоящими под Вашей командой, по полдня 27 января 1904. В противном случае я буду обязан открыть против Вас огонь в порту» (РЯП, 1912: 301).

Военно-историческая комиссия ставит в укор командирам иностранных военных судов недостаточность усилий по нейтрализации действий Уриу, который открыто нарушал международное право¹. Уриу на письмо-протест ответил лишь через три дня и назвал нападение на русские корабли «свершившимся фактом». Никаких юридических последствий в будущем за это преступление он не понес, так как Япония действовала под патронажем Англии – мирового лидера по военно-морской и экономической мощи. Таким образом, дореволюционные историки намекают на то, что Руднев оказался без помощи международного сообщества перед превосходящими силами противника.

В дореволюционных трудах активно прослеживается героизация командира «Варяга»²: «По окончании обеда, команда кр. «Варяг» была вызвана наверх, и кап. 1 р. Руднев обратился к ней **приблизительно**³ с такими словами: «Сегодня получил письмо японского адмирала о начале военных действий с предложением оставить рейд до полдня. Безусловно мы идем на прорыв и вступив в бой с эскадрой, как бы сильна она не была. Никаких вопросов о сдаче не может быть – мы не сдадим ни крейсера, ни самих себя и будем сражаться до последней капли крови...» (РЯП, 1912: 305). Происходит героизация не только личного состава, но и вольнонаемников: «На канон. л. «Кореец» командир ее, кап. 2 р. Беляев, поставил команду во фронт и поздравил с началом войны и предстоящим вступлением в первый бой, простив все штрафы. Восторженное «ура» гремело ему в ответ: радостное одушевление охватило всех до последнего матроса. Даже вольнонаемный повар Криштофенко, которому было предложено съехать на берег в консульство, отказался покинуть «Кореец», воскликнув: «Умирать, так уж всем вместе!» – и просил выдать ему ружье» (РЯП, 1912: 305).

Далее Военно-историческая комиссия описывает сам бой, причем освещая лишь повреждения крейсера и канонерской лодки, но совершенно обходя вниманием результативность стрельбы самого «Варяга». Вместе с тем это принципиально важный вопрос, не ответить на который было нельзя. В результате этому посвятили лишь один короткий абзац: «Что касается японской эскадры, то потери ее в точности установить не удалось, по донесениям многочисленных свидетелей боя – французских, английских и итальянских офицеров – нашими выстрелами был утоплен японский миноносец, затонувший во время боя, а на крейсере «Асама» в кормовой части произведен сильный взрыв (этот взрыв на «Асаме» был замечен во время боя с «Корейца»). Кроме того, «Асама» и «Чиода» вскоре после боя ходили в док. Число раненых на японской эскадре неизвестно, убитые же, в числе 30-ти человек, были свезены японцами в бухту А-сан». (В сноске. – Авт.): «По японским официальным источникам убитых у японцев не было, равно как и повреждений на судах» (РЯП, 1912: 315). Как видим, Военно-историческая комиссия опирается на рапорт Руднева, что вполне естественно: кому же верить, если не командиру русского отряда? Склонность противоборствующей стороны скрывать потери членам комиссии была хорошо известна, в том числе и в отношении японцев (в частности, в сокрытии потопления поврежденного на минах броненосца «Яшима»).

В заключении повествования о бое под Чемульпо содержится обширное описание награждений за бой, восторженной встречи и чествования команд (экипажей. – Авт.) «Варяга» и «Корейца» за границей по пути их следования, «особые знаки внимания оказал Турецкий Султан Абдул-Гамид, который не только прислал офицерам и команде подарки, но выразил неперемное желание, чтобы при остановке в Босфоре русские моряки были бы приветствованы раньше, чем кем нибудь иным, генерал-адъютантом Султана, который, действительно, прибыл первым и передал от имени Его Величества приветствие и подарки» (орфография и пунктуация оригинала сохранены –Авт.) (РЯП, 1912: 320).

Очень подробно описано приветствие и награждение на Родине, включая и цитату обращения императора Николай II. Далее указан список офицеров, медиков и инженер-механиков «Корейца» и «Варяга».

Таким образом, дореволюционная официальная и неофициальная историография приложила все усилия к тому, чтобы заслуженно героизировать участников сражения под Чемульпо.

¹ Корея накануне объявила нейтралитет, следовательно, порт был нейтральным и атаковать противника запрещено морским правом.

² Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

³ Выделено нами.

Советская историография в части героизации не могла выдумать ничего нового. Во-первых, не было новых источников, во-вторых – совершенно не было смысла: моряки – это не жандармы, а Руднев с Беляевым¹ – не адмиралы и генералы, на которых можно было «отыграть» недостатки «царской России». Поэтому (и вполне целесообразно) факт подвига оставили в неизменном виде.

Продолжилась тенденция ругать «трусливое» международное сообщество в лице командиров иностранных стационаров (меньше всего – капитана 2 ранга Риччи Бореа, командира итальянского крейсера «Эльба», офицеры которого наблюдали за боем и «подказали» Рудневу его итоги, отраженные последним в его рапорте), которые не взяли под защиту русские корабли; предполагалось, что между ними был сговор и иностранные командиры заставили Руднева выйти из порта (Сорокин, 1952). Заодно и вспомнили, что, по свидетельству Л. Бейли, командира британского стационара крейсера «Тэлбот», Руднев находился на грани психологического срыва (Мельников, 1975). Вместе с тем кропотливая работа над источниками привела к появлению новых героев битвы, так как были открыты новые свидетельства участников сражения и имена этих героев были вписаны в историю (Мельников, 1975; Мельников, 1983).

Однако, где проявилось поле для неумышленной (или сознательной) пропагандистской работы – это обструкция (причем порой – вполне справедливая!) в адрес морского чиновничества. Применительно к «Варягу» вспомнили о неудачной силовой установке и возможном подкупе Ч. Крампом, чей завод строил крейсер, чиновников из Морского министерства. Не забыли и про отсутствие противоосколочных щитов, которые, как мы уже отмечали выше, для дальнего разведчика и рейдера были, на первый взгляд, излишни (по крайней мере, так тогда думали – и это была общемировая практика; другое дело, что японцы оказались дальновиднее). И конечно же, о неудобных вопросах заместителю Алексееву о целях нахождения столь ценной боевой единицы в ловушке (Мельников, 1975; Мельников, 1983), которые дореволюционная историография (за исключением В.И. Семенова) всячески избегала.

Современная историография в вопросе трактовки сражения и подвига крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» является весьма противоречивой и разнонаправленной. Масштаб данной статьи не позволяет привести анализ всех работ по теме нашего исследования; более того, существует огромный пласт статей в сети Интернет, каковых даже больше, чем печатных трудов. Но в большинстве из них нет ссылок на исторические источники, поэтому признать их научными мы не можем. Следовательно, в данной работе будем оперировать только научными исследованиями.

Абсолютное большинство исследователей справедливо соглашается с наличием факта подвига экипажей русских кораблей. Критика переходит в другие плоскости, в частности, в область дипломатических сношений и недочетов русской стороны именно в этой сфере (Полутов, 2009). Например, указывается довоенная нерасторопность дипмиссии в Корею во главе с А.И. Павловым, которая имела огромное влияние на императора Коджона, но не смогла предотвратить корейский нейтралитет накануне войны (что опять же противоречило позиции не только министра иностранных дел А.П. Извольского, но и воле самого императора Николая II). А. Полутов предполагает, что, учитывая ценность Павлова, столь сильный боевой корабль был отправлен в первую очередь для охраны последнего, что вполне соотносится с инструкциями Рудневу, данными заместителем Алексеевым, с которым Павлов находился в хороших отношениях, ибо всячески продвигал его политику (а именно – политику «мягкой русификации» Кореи).

Другое достоинство монографии А. Полутова – широкое использование японских источников, которые советской и современной историографией считаются недостоверными.

В.И. Катаев и И.М. Кокцинский дискутируют на тему скорости «Варяга», как бы намекая на то, что Руднев в бой особо не рвался (Кокцинский, 2002); другое дело, что не имел выхода поступить по-иному. В.И. Катаев считает, что Руднев таким образом пытался не оставить в беде тихоходного «Корейца» (Катаев, 2013: 42).

Отдельным предметом исследования стал расход боеприпасов, который стал известен после того, как японцы подняли крейсер и сделали подробное описание его материальной части (Лактионов, 2004; Мультигули, Залесский, 2015; Полутов, 2009; Катаев, 2003 и др.): Руднева обвинили в «очковтирательстве», после чего боевые результаты огневого применения артиллерии «Варяга» были поставлены под сомнение. Такой подход также является отличительной чертой современных исследований, и он стал возможным с введением в научный оборот новых источников.

В целом, завершая анализ многочисленной современной историографии по проблеме боя «Варяга» и «Корейца», можно сделать вывод, что каждый историк оперирует определенным набором источников (зачастую новых, неопубликованных ранее); авторы более поздних исследований стараются находить неточности и противоречия в более ранних работах.

5. Заключение

Подытоживая сказанное, отметим ключевые моменты, обозначенные выше:

¹ Беляев Григорий Павлович, капитан 2 ранга, командир канонерской лодки «Кореец».

1. Историография всех анализируемых периодов признает наличие подвига в действиях экипажей «Варяга» и «Корейца», так как возможность сдачи значительно превосходящим силам¹ противника у офицеров русских кораблей имелась. Однако сдаче в плен они предпочли бой без шансов на успех.

2. Заслуженно героизировать действия экипажей русских кораблей начала еще официальная дореволюционная историография, которая опиралась в своих заключениях на отечественные источники, и прежде всего на рапорт командира «Варяга» Всеволода Федоровича Руднева. «Неудобные» вопросы об истинных целях пребывания крейсера в фактической ловушке, а также некоторые вопросы по материальной части крейсера историки предпочли оставить без ответа.

3. Советская историография весьма пафосно героизирует подвиг экипажей кораблей, открывает имена новых героев, опираясь на неизвестные ранее источники; однако в сложившейся ситуации прямо обвиняет военно-морское руководство Российской империи и лично заместника Алексеева, которые отправили крейсер и канонерскую лодку на верную гибель.

4. Современная историография весьма обширна, противоречива и разнонаправленна в оценках боя 27 января под Чемульпо. Более того, она не ограничивается печатными изданиями: огромное количество ценных работ содержится в сети Интернет, однако многие из них нельзя считать подлинно научными из-за отсутствия ссылок на источники. Авторы современных исследований в абсолютном большинстве признают наличие подвига, но на основании новых источников ищут противоречия в действиях, докладах и воспоминаниях капитана 1-го ранга Руднева, в имеющихся источниках, а также неточностях и ошибках ранее опубликованных работ. Предметами научной дискуссии становятся различные нюансы баталии: скорость, с какой шел крейсер в бой, неизрасходованный боезапас на борту крейсера и противоречие с официальными источниками, боевые потери японского флота и мн. др.

6. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Литература

Балакин, 2004 – Балакин С.А. Морские сражения Русско-японской войны 1904–1905 // Морская коллекция. Специальный выпуск. 2004. № 2.

Балакин, 2005 – Балакин С.А. Эскадренный броненосец «Ретвизан». М., 2005.

Балакин, 2017 – Балакин С.А. Триумфаторы Цусимы. Броненосцы японского флота. М.: Яуза, 2017.

Бережной, 2002 – Бережной С.С. Крейсера и миноносцы: Справочник. М.: Военное издательство, 2002.

Брокгауз, Ефрон, 1890–1907 – Японско-русская война 1904–05 г. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

Бубнов, 1907 – Бубнов М.В. Порт-Артур. Воспоминания о деятельности 1-й Тихоокеанской эскадры и морских команд на берегу во время осады Порт-Артура в 1904 г. СПб., 1907.

Бунич, 1999 – Бунич И.Л. Порт-артурская ловушка. СПб., 1999.

Быков, 2003 – Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. 2-е изд. М.: Эксмо, 2003.

Грибовский, 1997 – Грибовский В.Ю. Личный состав флота в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Синдром Цусимы. СПб., 1997.

Грибовский, Черников, 1986 – Грибовский В.Ю., Черников И.И. Броненосец «Адмирал Ушаков». Л., 1986.

Золотарев, Козлов, 2004 – Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота, XIX – начало XX века, глава «Русско-японская война 1904–05 г.». М.: АСТ, 2004.

Катаев, 2003 – Катаев В.И. Крейсер «Варяг» // Морская коллекция. 2003. № 3. М.: Моделист-конструктор.

Катаев, 2013 – Катаев В.И. «Кореец» в лучах славы «Варяга». Всё о легендарной канонерской лодке. М.: Яуза, ЭКСМО, 2013.

Кокцинский, 2002 – Кокцинский И.М. Морские бои и сражения Русско-японской войны, или причина поражения: кризис управления. 2-е изд. Фонд Андрея Первозванного, 2002.

Кофман, 1991 – Кофман В.Л. Цусима: анализ против мифов // *Наваль*. Вып. 1. М., 1991.

Лактионов, 2004 – Лактионов А. Русско-японская война. Осада и падение Порт-Артура. 2-е изд. М.: АСТ, 2004.

¹ Силы противника русским офицерам были известны, так как «Кореец» наткнулся на них при попытке вырваться из Чемульпо в ночь перед боем.

- Макаров, 1943** – Макаров С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики. М.: Военмориздат, 1943. С. 12. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/science/makarov_so01/index.html (дата обращения: 26.10.2018).
- Мельников, 1975** – Мельников Р.М. Крейсер «Варяг». Л.: Судостроение, 1975.
- Мельников, 1983** – Мельников Р.М. Крейсер «Варяг». Л.: Судостроение, 1983.
- Мельников, 1989** – Мельников Р.М. «Рюрик» был первым. Л.: Судостроение, 1989.
- Мельников, 1996** – Мельников Р.М. Броненосцы типа «Бородино». СПб., 1996.
- Мельников, 1996** – Мельников Р.М. История отечественного судостроения. Паровое и металлическое судостроение во второй половине XIX в. М., 1996.
- Мельников, 2000** – Мельников Р.М. «Цесаревич». Часть I. Эскадренный броненосец. 1899–1906 гг. М., 2000.
- Мельников, 2001** – Мельников Р.М. Эскадренный броненосец «Полтава». СПб., 2001.
- Мельников, 2005a** – Мельников Р.М. Броненосный крейсер «Баян» (1897–1904). М., 2005.
- Мельников, 2005b** – Мельников Р.М. Минные крейсера России. 1886–1917 гг. М., 2005.
- Мельников, 2007** – Мельников Р.М. Крейсер I ранга «Россия». 1895–1922 гг. М., 2007.
- Мельников, 2017a** – Мельников Р.М. Первые русские миноносцы. Основоположники новой тактики. М.: Яуза, 2017.
- Мельников, 2017b** – Мельников Р.М. Эскадренный броненосец «Цесаревич». Сквозь две войны и революцию. М.: Яуза, 2017.
- Мультиатули, Залесский, 2015** – Мультиатули П.В., Залесский К.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Российский институт стратегических исследований, 2015.
- Ненахов, 2006** – Ненахов Ю.Ю. Энциклопедия крейсеров 1860–1910. Минск: Харвест, 2006.
- Новиков-Прибой, 1977** – Новиков-Прибой А.С. Цусима. М.: «Просвещение», 1977.
- Пикуль, 1989** – Пикуль В.С. Крейсера. М.: «Просвещение», 1989.
- Полутов, 2009** – Полутов А.В. Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Ичхоне. Владивосток: Русский Остров, 2009.
- Росинский, 1995** – Росинский Г. Стратегия Японии // *Бриз*. № 3. 1995.
- РЯП, 1910** – Русско-японская война 1904–1905 гг. (работа Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны). В 25 томах. Т. VIII «Оборона Квантуна и Порт-Артура. Часть первая. От начала войны до тесного обложения крепости (17 Июля 1904 года)». СПб., 1910.
- РЯП, 1912** – Русско-японская война 1904–1905 гг. Книга I «Действия флота на южном театре от начала войны до перерыва сообщений с Порт-Артуром». СПб., 1912.
- Семенов, 1907** – Семенов В.И. Расплата. СПб.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1907.
- Семенов, 1910** – Семенов В.И. Цена крови. СПб.-М.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1910.
- Семенов, 1911** – Семенов В.И. Флот и Морское ведомство до Цусимы и после. М.-СПб., 1911.
- Советская историческая энциклопедия, 1962–1976** – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М.: «Советская энциклопедия», 1961–1976. Т. 1. С. 379.
- Сорокин, 1952** – Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. 1904–1905 гг. М., 1952.
- Степанов, 1983** – Степанов А.Н. Порт-Артур. М.: «Просвещение», 1983.
- Сулига, 1993** – Сулига С.В. Корабли Русско-японской войны. М.: Аскольдъ, 1993.
- Сулига, 2005** – Сулига С.В. Эскадренные броненосцы типа «Полтава». М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2005.
- Титушкин, 1994** – Титушкин С.И. Корабельная артиллерия в Русско-японской войне // *Гангут*. 1994. Вып. 7.
- Klado, 1905** – Klado N. The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell, 1905.
- Mamadaliyev, 2019** – Mamadaliyev A.M., Venkov A.V., Miku N.V., Médico A. On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Russian Battleships // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2: 848-872.

References

- Balakin, 2004** – Balakin, S.A. (2004). Morskie srazheniya Russko-yaponskoi voyny 1904–1905 [Naval battles of the Russo-Japanese War 1904–1905]. *Morskaya kolleksiya. Spetsial'nyi vypusk*. 2. [in Russian]
- Balakin, 2005** – Balakin, S.A. (2005). Eskadrennyi bronenosets «Retvizan» [“Retvizan” squadron battleship]. М. [in Russian]
- Balakin, 2017** – Balakin, S.A. (2017). Triumfatory Tsusimy. Bronenostsy yaponskogo flota [Triumphs of Tsushima. Battleships of the Japanese Navy]. М.: Yauza. [in Russian]
- Berezhnoi, 2002** – Berezhnoi, S.S. (2002). Kreisera i minonostsy: Spravochnik [Cruisers and destroyers: A Handbook]. М.: Voennoe izdatel'stvo. [in Russian]
- Brokgauz, Efron, 1890–1907** – Yaponsko-russkaya voyna 1904–05 g. [The Japanese-Russian War of 1904–05]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: V 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890–1907. [in Russian]
- Bubnov, 1907** – Bubnov, M.V. (1907). Port-Artur. Vospominaniya o deyatelnosti 1-i Tikhookeanskoi eskadry i morskikh komand na beregu vo vremya osady Port-Artura v 1904 g. [Port Arthur. Memories of the

- activities of the 1st Pacific squadron and naval teams on the coast during the siege of Port Arthur in 1904]. SPb. [in Russian]
- Bunich, 1999** – *Bunich, I.L.* (1999). Port-arturskaya lovushka [Port Arthur trap]. SPb. [in Russian]
- Bykov, 2003** – *Bykov, P.D.* (2003). Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. Deistviya na more [Russo-Japanese War 1904–1905 actions at sea]. 2-e izd. M.: Eksmo. [in Russian]
- Gribovskii, 1997** – *Gribovskii, V.Yu.* (1997). Lichniy sostav flota v Russko-yaponskoi voine 1904–1905 gg. [Naval personnel in the Russo-Japanese War 1904–1905]. Sindrom Tsusimy. SPb. [in Russian]
- Gribovskii, Chernikov, 1986** – *Gribovskii, V.Yu., Chernikov, I.I.* (1986). Bronenosets «Admiral Ushakov» [“Admiral Ushakov” battleship]. L. [in Russian]
- Kataev, 2003** – *Kataev, V.I.* (2003). Kreiser «Varyag» [“Varyag” cruiser]. *Morskaya kolleksiya*. 3. M.: Modelist-konstruktor. [in Russian]
- Kataev, 2013** – *Kataev, V.I.* (2013). «Koreets» v luchakh slavy «Varyaga». Vse o legendarnoi kanonerskoi lodke [“Korean” in the rays of glory “Varyag”. All about the legendary gunboat]. M.: Yauza, EKSMO. [in Russian]
- Klado, 1905** – *Klado, N.* (1905). The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell.
- Kofman, 1991** – *Kofman, V.L.* (1991). Tsusima: analiz protiv mifov [Tsushima: analysis against myths]. *Naval'*. 1. M. [in Russian]
- Koktsinskii, 2002** – *Koktsinskii, I.M.* (2002). Morskie boi i srazheniya Russko-yaponskoi voiny, ili prichina porazheniya: krizis upravleniya [Naval battles and battles of the Russo-Japanese War, or the reason for the defeat: the crisis of management]. 2-e izd. Fond Andreya Pervozvannogo. [in Russian]
- Laktionov, 2004** – *Laktionov, A.* (2004). Russko-yaponskaya voina. Osada i padenie Port-Artura [Russo-Japanese War. Siege and fall of Port Arthur]. 2-e izd. M.: AST. [in Russian]
- Makarov, 1943** – *Makarov, S.O.* (1943). Rassuzhdeniya po voprosam morskoi taktiki [Reflections on naval tactics]. M.: Voenmorizdat. P. 12. [Electronic resource]. URL: http://militera.lib.ru/science/makarov_s001/index.html (date of access: 26.10.2018). [in Russian]
- Mamadaliyev, 2019** – *Mamadaliyev, A.M., Venkov, A.V., Miku, N.V., Médico, A.* (2019). On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. *Russian Battleships*. *Bylye Gody*. 52(2): 848–872.
- Mel'nikov, 1975** – *Mel'nikov, R.M.* (1975). Kreiser «Varyag» [“Varyag” Cruiser]. L.: Sudostroenie. [in Russian]
- Mel'nikov, 1983** – *Mel'nikov, R.M.* (1983). Kreiser «Varyag» [“Varyag” Cruiser]. L.: Sudostroenie. [in Russian]
- Mel'nikov, 1989** – *Mel'nikov, R.M.* (1989). «Ryurik» byl pervym [“Rurik” was the first]. L.: Sudostroenie. [in Russian]
- Mel'nikov, 1996** – *Mel'nikov, R.M.* (1996). Bronenostsy tipa «Borodino» [Battleships of the “Borodino” type]. SPb. [in Russian]
- Mel'nikov, 1996** – *Mel'nikov, R.M.* (1996). Istoriya otechestvennogo sudostroeniya. Parovoe i metallichesкое sudostroenie vo vtoroi polovine XIX v. [History of domestic shipbuilding. Steam and metal shipbuilding in the second half of the 19th century]. M. [in Russian]
- Mel'nikov, 2000** – *Mel'nikov, R.M.* (2000). «Tsesarevich». Chast' I. Eskadrennyi bronenosets. 1899–1906 gg. [“Tsarevich”. Part I. Squadron battleship. 1899–1906]. M. [in Russian]
- Mel'nikov, 2001** – *Mel'nikov, R.M.* (2001). Eskadrennyi bronenosets «Poltava» [“Poltava” squadron battleship]. SPb. [in Russian]
- Mel'nikov, 2005a** – *Mel'nikov, R.M.* (2005). Bronenosnyi kreiser «Bayan» (1897–1904) [“Bayan” armored cruiser (1897–1904)]. M. [in Russian]
- Mel'nikov, 2005b** – *Mel'nikov, R.M.* (2005). Minnye kreisera Rossii. 1886–1917 gg. [Mine cruisers of Russia. 1886–1917]. M. [in Russian]
- Mel'nikov, 2007** – *Mel'nikov, R.M.* (2007). Kreiser I ranga «Rossiya». 1895–1922 gg. [Cruiser I rank “Russia”. 1895–1922]. M. [in Russian]
- Mel'nikov, 2017a** – *Mel'nikov, R.M.* (2017). Pervye russkie minonostsy. Osnovopolozhniki novoi taktiki [The first Russian destroyers. The founders of the new tactics]. M.: Yauza. [in Russian]
- Mel'nikov, 2017b** – *Mel'nikov, R.M.* (2017). Eskadrennyi bronenosets «Tsesarevich». Skvoz' dve voiny i revolyutsiyu [Squadron battleship “Tsarevich”. Through two wars and a revolution]. M.: Yauza. [in Russian]
- Mul'tatuli, Zalesskii, 2015** – *Mul'tatuli, P.V., Zalesskii, K.A.* (2015). Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. [Russo-Japanese War 1904–1905]. M.: Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy. [in Russian]
- Nenakhov, 2006** – *Nenakhov, Yu.Yu.* (2006). Entsiklopediya kreiserov 1860–1910 [Encyclopedia of Cruisers 1860–1910]. Minsk: Kharvest. [in Russian]
- Novikov-Priboi, 1977** – *Novikov-Priboi, A.S.* (1977). Tsusima [Tsushima]. M.: «Prosveshchenie». [in Russian]
- Pikul', 1989** – *Pikul', V.S.* (1989). Kreisera [Cruisers]. M.: «Prosveshchenie». [in Russian]

- Polutov, 2009** – *Polutov, A.V.* (2009). Desantnaya operatsiya yaponskoi armii i flota v fevrale 1904 g. v Ichkhone [Landing operation of the Japanese army and navy in February 1904 in Icheon.]. Vladivostok: Russkii Ostrov. [in Russian]
- Rosinskii, 1995** – *Rosinskii, G.* (1995). Strategiya Yaponii [Strategy of Japan]. *Briz*. 3. [in Russian]
- RYaP, 1910** – Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. (rabota Voенно-istoricheskoi komissii po opisaniyu Russko-yaponskoi voiny). V 25 tomakh. T. VIII «Oborona Kvantuna i Port-Artura. Chast' pervaya. Ot nachala voiny do tesnogo oblozheniya kreposti (17 Iyulya 1904 goda)» [Russo-Japanese War 1904–1905. (work of the Military Historical Commission on the description of the Russo-Japanese War). In 25 volumes. T. VIII "Defense of Kwantung and Port Arthur. Part one. From the beginning of the war to the close imposition of the fortress (July 17, 1904)]. SPb., 1910. [in Russian]
- RYaP, 1912** – Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. Kniga I «Deistviya flota na yuzhnom teatre ot nachala voiny do pereryva soobshchenii s Port-Arturom» [Russo-Japanese War 1904–1905. Book I "Actions of the Fleet in the Southern Theater from the Beginning of the War to the Interruption of Communications with Port Arthur".]. SPb., 1912. [in Russian]
- Semenov, 1907** – *Semenov, V.I.* (1907). Rasplata [Pay]. SPb.: Tip. T-va M.O. Vol'f. [in Russian]
- Semenov, 1910** – *Semenov, V.I.* (1910). Tsena krovi [The price of blood]. SPb.-M.: Tip. T-va M.O. Vol'f. [in Russian]
- Semenov, 1911** – *Semenov, V.I.* (1911). Flot i Morskoe vedomstvo do Tsusimy i posle [Fleet and Maritime Department before Tsushima and after]. M.-SPb. [in Russian]
- Sorokin, 1952** – *Sorokin, A.I.* (1952). Oborona Port-Artura. 1904–1905 gg. [Defense of Port Arthur. 1904–1905]. M. [in Russian]
- Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya, 1962–1976** – Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. M.: «Sovetskaya entsiklopediya», 1961–1976. T. 1. P. 379. [in Russian]
- Stepanov, 1983** – *Stepanov, A.N.* (1983). Port-Artur [Port Arthur]. M.: «Prosveshchenie». [in Russian]
- Suliga, 1993** – *Suliga, C.V.* (1993). Korabli Russko-yaponskoi voiny [Ships of the Russo-Japanese War]. M.: Askol'd". [in Russian]
- Suliga, 2005** – *Suliga, S.V.* (2005). Eskadrennye bronenostsy tipa «Poltava» [Squadron battleships of the "Poltava" type.]. M.: Kolektsiya, Yauza, Eksmo. [in Russian]
- Titushkin, 1994** – *Titushkin, S.I.* (1994). Korabel'naya artilleriya v Russko-yaponskoi voine [Naval artillery in the Russo-Japanese War]. *Gangut*. 7. [in Russian]
- Zolotarev, Kozlov, 2004** – *Zolotarev, V.A., Kozlov, I.A.* (2004). Tri stoletiya Rossiiskogo flota, XIX – nachalo XX veka, glava «Russko-yaponskaya voina 1904–05 g.» [Three centuries of the Russian fleet, XIX – early XX century, chapter "Russian-Japanese War 1904-05"]. M.: AST. [in Russian]

Подвиг крейсера «Варяг» в дореволюционной, советской и современной российской историографии: сравнительная характеристика

Дмитрий Сергеевич Скарнев ^{a, *}, Зульфира Салиховна Зюкина ^a, Юлия Александровна Воропаева ^a, Надежда Михайловна Суздalова ^a

^a Российский университет Дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу дореволюционной, советской и современной российской историографии о морском сражении под Чемульпо 27 января 1904 г. между русским отрядом в составе крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» под командованием капитана 1 ранга В.Ф. Руднева с японской эскадрой в составе девяти кораблей под командованием контр-адмирала С. Уриу. Предметом исследования является выявление отличий в описании подвига экипажей русских кораблей авторами разных исторических периодов, причем не только с военной и дипломатической, но и пропагандистской точек зрения. Для понимания масштабов подвига попутно делается анализ военно-технических сил противоборствующих сторон и дипломатической ситуации накануне сражения.

В результате анализа историографии были сделаны выводы о том, что фундамент для героизации подвига экипажей крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» заложили еще дореволюционные историки, которые, однако, уклонялись от ответов на противоречия в документах.

Советская историография продолжила тенденцию героизации с определенной долей пафоса, но в силу политкорректности старалась переложить ответственность за напрасную гибель первоклассного корабля на военно-морское руководство Российской империи, а также на заместника Алексеева. Советские историки вводят в научный оборот новые источники, поэтому в числе неизвестных до этой поры героев появляются новые имена.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: sknar@list.ru (Д.С. Скарнев)

Современная историография является весьма многочисленной, противоречивой и разнонаправленной. Абсолютное большинство исследователей заслуженно признают факт наличия подвига в действиях русских моряков и лично командира отряда судов капитана 1-го ранга В.Ф. Руднева. Также в научный оборот вводятся новые источники, прежде всего – японские. Вместе с тем современные исследователи стараются найти противоречия как в источниках (разная оценка боевой эффективности и материальной части русскими и японскими источниками, противоречия в сведениях о расходе боеприпасов и скорости крейсера и пр.), так и в ранее опубликованных работах.

Ключевые слова: военно-морской флот, крейсер «Варяг», подвиг «Варяга», Русско-японская война, 1-я Тихоокеанская эскадра, русский флот.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 975-985
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.975

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Confessional Dimension of the Resettlement Policy of the Autocracy in the Kazakh Region at the beginning of the 20th century: the Fight against Sectarian Proselytism

Galya A. Alpyspaeva ^{a, *}, Gulmira Sametova ^b, Lazzat T. Jumaliyeva ^a

^aSaken Seifullin Kazakh Agrotechnical University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

^bA. Baitursynov Kostanay Regional University, Kostanay, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article deals with insufficiently studied confessional aspect of the resettlement policy of the autocracy in the Kazakh region at the beginning of the 20th century - the fight against sectarian proselytism. The authors used the materials from the funds of the RGIA and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, reviews of the regions of the Kazakh Territory, periodicals of the Omsk and Turkestan Diocesan Committees, in which jurisdiction were the regions within the territory of modern Kazakhstan. Based on the results of the study, it was possible to determine that the poly-confessional composition of the population of the region, formed as a result of the peasant migration, included various ethnic groups, isolated on religious grounds. Interethnic contacts were not limited by the processes of economic interaction, but often acquired forms of religious acculturation. With the issuance of the Decree of April 17, 1905 "On strengthening the principles of religious tolerance", the religious movement in the region revived, there was an increase in sectarian proselytism against the backdrop of a weakening of the Orthodox religiosity of the settlers. In this situation, the clergy feared the conversion of the Orthodox to other faiths, the fall of the authority of the Russian Orthodox Church and autocracy. The unification of the efforts of the spiritual and secular authorities was an important condition for confronting the sectarians, who often used aggressive forms of propaganda of their dogma. With the support of secular authorities, the church used various methods to counter sectarian proselytism, including those borrowed from sectarians. They were not always effective due to the small number of anti-sectarian missionaries in the region and the lack of experience among the clergy in conducting anti-sectarian propaganda.

Keywords: confessions, sectarians, proselytism, clergy, religious composition, anti-sectarian mission, Russian Orthodox Church.

1. Введение

Обострение крестьянского вопроса в ходе русской революции 1905–1907 гг. обусловило начало нового этапа переселенческой политики самодержавия на земли за Уралом, в том числе на территорию современного Казахстана. Для правительства одной из важнейших задач переселения была не только земельная и хозяйственная обустроенность крестьян на новых землях, но и создание условий для удовлетворения духовных потребностей переселенцев, поскольку от ее решения зависела приживаемость переселенцев. Этим озабочена была и православная церковь, распространявшая свое влияние на присоединенных землях и позиционировавшая себя как выражение власти самодержавия на окраинах империи. С выходом Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» активизировалось сектантское движение на окраинах империи, что вызывало беспокойство светской власти и церковных деятелей. Борьба против сектантского прозелитизма в крае становится

* Corresponding author

E-mail addresses: galpyspaeva@mail.ru (G.A. Alpyspaeva), sametova_gulmira@mail.ru (G. Sametova), lazzat-69@mail.ru (L.T. Jumaliyeva)

важным направлением миссионерской деятельности Русской православной церкви. Задача данного исследования в рамках статьи – изучить особенности сектантского движения и показать сложности борьбы православной церкви с сектантским прозелитизмом в Казахском крае, что позволит приблизиться к пониманию того, каким образом выстраивались отношения официальной власти и православной церкви с инославными вероисповеданиями.

2. Материалы и методы

Работа выполнена на основе изучения комплекса источников, включающих архивные документы из фондов РГИА и Центрального государственного архива Республики Казахстан (далее – ЦГА РК), материалы обзоров областей Казахского края начала XX века, источники личного происхождения и тексты печатных изданий Епархиальных комитетов: Омских епархиальных ведомостей (ОЕВ) и Туркестанских епархиальных ведомостей (ТЕВ). Издания отличаются жанровым разнообразием и богатством фактологического материала, на их страницах публиковались правительственные распоряжения по духовному ведомству, резолюции, постановления и отчеты Епархиальных комитетов, обзорные и аналитические статьи священнослужителей, рапорты и отчеты миссионеров о проведенных беседах с верующими. Материалы изданий весьма информативны, позволяют выявить масштабы распространения сектантского прозелитизма и принимаемые меры противодействия ему, поскольку миссионеры хорошо знали проблему. Отдельные номера содержат статистические материалы учета населения по вероисповеданию, сведения о количестве храмов и молитвенных домов.

Наиболее систематизированными источниками по истории региона, потенциал которых в части изучения нашей проблемы еще не раскрыт, являются обзоры степных областей (Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской) и Туркестанского края (Сырдарьинской и Семиреченской). Кроме статистических данных по вероисповедному составу населения, они содержат материалы о характере и содержании миссионерской деятельности Православной церкви в регионах. Изучены источники личного происхождения, работы и дневники исследователей и путешественников, в которых затрагиваются религиозные аспекты переселенческой политики. В частности, работы статистика А.А. Кауфмана (Кауфман, 1905: 349; 1906: 37), путевые записки географа и путешественника В.П. Воцинина, автора трудов по вопросам переселения (Воцинин, 1914: 86).

Исследование проведено с опорой на теорию модернизации, применимую при изучении истории государственно-конфессиональных отношений. Данная парадигма позволяет осмыслить проблемы религиозной аккультурации в контексте эволюционных процессов в обществе. Применение принципов объективности, детерминизма, системности и историзма дало возможность осуществить критический анализ изучаемых процессов в динамике, целостности и во взаимосвязи. В работе с источниками и текстами использовались общенаучные методы исследования: анализ и синтез, обобщение. Специальные исторические методы – историко-системный и проблемно-хронологический – позволили сформулировать авторский взгляд на взаимоотношения светской власти и церковных деятелей с сектантскими общинами. Сравнительно-исторический метод применялся при сопоставлении общего и частного в конфессиональных процессах.

3. Обсуждение

В современном историографическом дискурсе конфессиональной составляющей переселенческой политики самодержавия следует отметить работу М.В. Стуровой, в которой проблема обсуждается в плоскости общих вопросов политики самодержавия на окраинах империи. Автор рассматривает конфессиональный аспект политики через призму стратегии интеграции и управления национальными окраинами Российской империи и приходит к выводу, что именно «с помощью конфессиональной доминанты образовательной интеграции осуществлялось воздействие на область национального ядра и восстанавливалась вероисповедная общность переселенцев с государствообразующим этносом Российской империи» (Стурова, 2014: 213). Региональный дискурс религиозной составляющей переселенческой политики государства на калмыцких землях рассматривает С.С. Белоусов, резюмируя, что главным было содействие государства Русской православной церкви в формировании церковно-приходской системы для обслуживания духовных потребностей крестьян-переселенцев (Белоусов, 2021: 50-62).

Непосредственно вопросам истории взаимоотношений Русской православной церкви со старообрядчеством и сектантством в Казахстане во второй половине XIX – начале XX вв. посвящено исследование Ю.А. Лысенко (Лысенко, 2010: 138-145). Характеризуя отношения как жесткие, автор считает, что церковь использовала весь доступный арсенал методов и средств борьбы со старообрядчеством и сектантством. Главным содержанием борьбы стала организация миссионерства среди раскольников и религиозно-нравственная пропаганда среди православных жителей с целью пресечения их переходов в раскол и сектантство. Исследователь И. Волков, анализируя этноконфессиональные отношения в дореволюционном Туркестане, отмечает дифференцированное отношение Русской православной церкви к сектантам: все зависело от того, занимались ли они прозелитизмом (Волков, 2016: 5-15). Вопросы и проблемы деятельности православных миссионеров

Туркестанской епархии среди старообрядческого и сектантского населения края в начале XX в. рассматривают казахстанские авторы (Алпыспаева и др., 2021: 59-62).

Вызывает интерес статья авторов А.Е. Лебеда и Н.А. Шевченко, в которой дан историографический обзор изучения проблемы раскольников и сектантства в Российской империи в дореволюционный период (Lebid, Shevchenko, 2021: 1211-1224). Представленная авторами классификация всех существовавших на территории Российского государства сект приближает нас к пониманию актуальности и остроты проблемы сектантского прозелитизма на окраинах империи, куда в ходе переселенческой политики самодержавия направлялись люди разных вероисповеданий.

4. Результаты

Следствием крестьянского переселения в Казахский край стал пестрый конфессиональный состав населения. «Кого только нет в здешних селениях: великороссы и мордва с Поволжья, малороссы из Воронежской, Харьковской и Полтавской губерний и Новороссии, сибиряки и всякий иной люд, сошедшиеся с разных концов России и только случайно здесь рядом осевшие», – писал В.П. Воцинин (Воцинин, 1914: 43). Изменилась конфессиональная структура населения региона: в начале XX в. число православных в крае увеличилось почти в три раза: с 641 632 чел. в 1897 г. до 1 865 968 чел. в 1911 году. Изменился удельный вес православных ко всему населению – с 8,3 % до 18,7 %. Наиболее заметное увеличение наблюдалось в степных областях Казахского края. В Акмолинской области в 1897 г. проживало 232 401 чел., или 34,1 % всего населения области, а в 1911 г. – 831 899 чел., или 57,6 %; православные из меньшинства превратились в большинство. В Тургайской области число православных увеличилось в 6 раз: в 1897 г. 37 193 чел., или 8,2 % всего населения области, в 1911 г. – 227 704 чел., или 32,0 %. В других областях произошло увеличение более чем в два раза: в Уральской области с 107 587 чел. в 1897 г. до 231 460 чел. в 1911 г., в Семипалатинской области с 67 620 чел. до 183 490 чел., в Семиреченской – с 96 741 до 199 455 человек. В Сырдарьинской области численность православных увеличилась в два раза, тем не менее они составляли всего 5,4 % населения области (Азиатская Россия, 1914: 235).

В конфессиональной структуре края произошло изменение численности и удельного веса мусульманского населения: в 1897 г. в Средней Азии и Казахстане проживало 6 996 654 мусульман, а к началу 1911 г. – 8 223 982 чел. Несмотря на абсолютный прирост, фиксируется уменьшение удельного веса мусульман с 90,3 % до 79,6 %, что стало следствием притока крестьян-переселенцев. Наиболее заметное уменьшение отмечено в Тургайской области – с 91,7 % до 65,8 %. В Акмолинской области с – 64,3 % до 38,1 %, в Семипалатинской – с 89,8 % до 80,8 %, в Семиреченской области – с 90,1 % до 83,3 % (Азиатская Россия, 1914: 235).

Кроме православных и мусульман, в крае проживали последователи римско-католического и евангелическо-лютеранского вероисповеданий. Наибольшее число их расселилось в Акмолинской области – 22 332 католика и 26 390 лютеран в лице латышей, эстонцев и немцев (Обзор Акмолинской области, 1917: 72). В Тургайской области проживали 9 313 католиков и 10 251 лютеранин. География их расселения ограничивалась г. Кустанаем, Кустанайским и Актюбинским уездами (Обзор Тургайской области, 1916: 9-10). В Семипалатинской области обосновались 897 католиков и 5981 протестант (Обзор Семипалатинской области, 1913: 139). В Сырдарьинской области в 1913 г. зафиксировано было 5 449 чел. римско-католического вероисповедания, 2 031 чел. протестантского (Обзор Сыр-Дарьинской области, 1916: 173). В Уральской области верующих римско-католического и евангелическо-лютеранского направления было немного (Обзор Уральской области, 1916: 119).

В казахских областях отмечены были все разновидности сектантства: «В киргизской степи, в которой живет сельское пришлое население края, богатая почва для процветания всевозможных сект» (ОЕВ, 1910: 9). Преобладали сектанты рационалистического направления и раскольники-старообрядцы. Переселяясь в отдаленные края, сектанты надеялись обустроиться на новых землях и получить определенную свободу вероисповедания вдали от центра.

Численность и расселение сектантов по областям края в период с 1913 по 1915 гг. представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Расселение сектантов в областях Казахстана (1913–1915 гг.)

Наименование области	Разновидности сектантства (чел.)						
	баптисты	адвентисты	меннониты	иеговисты жидовствующие	молокане	духоборы	раскольники-старообрядцы
Акмолинская	8 088	303	355	-	5 042	-	4 501

Семипалатинская	1 261	119	411	-	-	-	5 458
Сырдарьинская	415	160	1 037	20	582	-	2 543
Семиреченская	124	78	-	-	130	-	500
Тургайская	2 176	284	-	136	2 720		2 917
Уральская	-	-	-	-	698		82 853

Таблица составлена на основе источников: [Обзор Акмолинской области, 1917: 72](#); [Обзор Тургайской области 1916: 9-10](#); [Обзор Семипалатинской области, 1913: 139](#); [Обзор Уральской области, 1916: 119](#); [Туркестанские епархиальные ведомости, 1913а: 415](#).

По численности сектантов лидировала Акмолинская область. Разнообразием сектантских общин отличалась Сырдарьинская область; продвижению сектантов в регион способствовало наличие железной дороги. Незначительное число в Семиреченской области обусловлено удаленностью региона. Практически во всех казахских областях преобладали раскольники-старообрядцы, но больше всего их расселилось в Уральской области. Широко распространился баптизм, причем как в русских, так и казахских уездах. Баптистское движение в крае развивалось в связи с колонизацией региона немцами из Уфимской, Екатеринославской, Могилевской, Херсонской губерний и области Войска Донского ([ЦГА РК. Ф. 15. Оп.1. Д. 452. Л. 44, 61](#)).

Установить точное количество сектантов в крае не представляется возможным. По признанию миссионеров, «ежегодно переселенческий поток несет с собою все новые и новые массы штундо-баптистов». Численность сектантов росла и постоянно менялась еще и потому, что они часто вели пропаганду своего вероучения тайно, а «...сворачиваемые долгое время скрываются, пока в сектантство не перейдут несколько семейств... Нередко приходские настоятели не знают, что среди их прихожан появились сектанты» ([ОЕВ, 1910а: 12](#)). Сведения администрации края и православных миссионеров о переходах крестьян-переселенцев в сектантство существенно разнятся. По данным светских властей, переходов в сектантство было немного. «За последние пять лет было весьма ничтожное число случаев свращения православных в баптистов», – писали уездные чиновники в ноябре 1916 г. в рапорте губернатору Семипалатинской области ([ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 452. Л. 61](#)). В отчетах противосектантских миссионеров предстает обратная картина: «Массовых уклонений в штундо-баптизм было много, особенно в Тюкалинском уезде» ([ОЕВ, 1910а: 12](#)). О росте сектантства свидетельствует секретное циркулярное распоряжение МВД военному губернатору Семиреченской области от 3 ноября 1909 г., в котором центральные власти выражали беспокойство ростом старообрядчества и сектантства в крае, просили срочно собрать и доставить в Министерство сведения о характере сектантского движения ([ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3291. Л. 5](#)).

Местные светские власти относились к сектантам лояльно: их привлекала хозяйственная расчетливость и самостоятельность сектантов. В отличие от крестьян, полагавшихся на помощь правительства, сектанты относились к категории переселенцев, «которые надеялись только на Бога и самого себя» (Кауфман, 1906: 18). Селившись отдельными колониями, они создавали крепкие хозяйства, приспособленные к местным природно-экологическим условиям. К примеру, колонии меннонитов в Аулие-Атинском уезде внесли заметный вклад в модернизацию хозяйства уезда и региона в целом: усовершенствовали земледельческие орудия и способы обработки земли, с выгодой утилизировали плодородное земледелие, впервые культивировали в местных условиях красный картофель, вывели хороший приплод голландских бычков и телок. Религиозный консерватизм меннонитов не противоречил их стремлению к техническому прогрессу: «Все без исключения владеют прочными фургонами на железном ходу, с дышловою парной запряжкой, дающих экономную лошадиную силу, имеют ручные мукомольные мельницы, механические маслобойни». Правительство поощряло предприимчивость, к примеру, меннониты Аулие-Атинского уезда получили ссуду в 3 000 руб. на устройство школы и общественной мельницы ([Обзор Сыр-Дарьинской области, 1987: 70, 171](#)). Православные миссионеры писали, что сектанты в большинстве своем «люди все зажиточные, трезвого и честного поведения, в материальном отношении живут много лучше православных, среди них встречаются крупные богачи и капиталисты» ([ТЕВ, 1909а: 259](#)). Между сектантами существовало самое тесное и живое общение: богатые промышленники и предприниматели привлекали на службу «своих по вере», «бедных братьев поддерживали и деньгами, и хлебом» ([РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2287. Л. 270б.-300б.](#)). Старшие братья и рядовые проповедники посещали отдаленные поселки, сообщали новости сектантского мира. В крупных поселениях выписывали сектантские журналы: «Духовный христианин», «Христианин», «Баптист».

Однако чиновники считали, что «как колонизационный элемент на здешней окраине, они мало надежны», имея в виду лояльность сектантов царскому престолу. Власти рассчитывали в лице переселенцев видеть преданных отечеству жителей окраин империи, способных переносить и закреплять на осваиваемых землях русскую культуру и менталитет. Но не все сектанты отличались такими качествами. Подтверждением тому служит история миграций меннонитов. Как известно, они принадлежали к секте, основанной в XVI в. Менном в Нидерландах, в Россию мигрировали из Тироля и расселились в южных губерниях империи. Один из догматов их учения состоял в отрицании

войны. С введением в 1876 году в Российской империи общей воинской повинности они отказались подчиниться закону. Правительство предоставило им льготы, освободив от строевой службы и ношения оружия, но, несмотря на это, меннониты массами мигрировали в Америку. Климат и общественный строй в странах Нового Света не удовлетворял сектантов, и через год они вернулись в Россию, но лишились прежних льгот. В 1879 г. 500 семей меннонитов направились в Туркестанский край, рассчитывая воспользоваться льготами по воинской повинности, но, не получив их, направились в Бухару. Эмир Музаффар отказал в приеме, ссылаясь на отсутствие свободных земель и незнание меннонитами местного языка. Но главная причина отказа бухарцев состояла в религиозных воззрениях меннонитов – «женщины не прикрывают лица, и подадут в этом отношении дурной пример мусульманкам» (*Обзор Сыр-Дарьинской области, 1887: 81*). После неудачной попытки обосноваться в Бухарском ханстве меннониты с разрешения царского правительства «завели отношения с хивинским ханом», который принял их в свои владения. Часть сектантов поселилась близ Хивы, часть осталась в Аулие-Атинском уезде Сырдарьинской области. Так, в 1882 г. в уезде появилась первая колония-поселение меннонитов, состоявшая из 75 семей, владеющих 1 744 десятинами земли. Но уже к концу года в уезде в 4 колониях проживало 540 семей (*Обзор Сыр-Дарьинской области, 1887: 79*).

Задачами переселения было хозяйственное освоение региона и закрепление переселенцев на новых землях. В этом сектанты существенно превосходили православных крестьян, демонстрируя способность ужиться с инородческим населением, вживаться в малознакомую этноконфессиональную и социокультурную среду. Устойчивость к культурной ассимиляции в иной этнической среде отличала сектантов от православного крестьянства. В большей мере это характерно для духоборов и старообрядцев-раскольников, и в этом смысле они вселили надежду как «колониционный элемент».

Отношение местного мусульманского населения к сектантам можно характеризовать как нейтральное. Для мусульман прозелитизм сектантов не представлял угрозы по причине их подавляющего большинства. Имело место хозяйственное сотрудничество мусульман с сектантскими общинами баптистов, молокан, штундистов, «хлыстов», «шелопутов» (*Волков, 2016: 11*). В. Вощинин отмечал такую особенность взаимоотношений переселенцев с местным населением: «Эта этнографическая пестрота населения... вызывает известные трения; но, основанные обычно на разных привычках к хозяйствованию, эти трения здесь даже не бесполезны..., разность навыков мало-помалу сглаживается и, благодаря именно разностороннему коллективному опыту, скорее достигается усвоение местной культуры» (*Вощинин, 1914: 44*).

Православное переселенческое крестьянство относилось к сектантам настороженно. Отмечены случаи обращения переселенцев к местной администрации с просьбой оградить их от назойливых сектантов. Жители Тургайской области просили губернатора «не допускать переселяться молоканам между православными», называли их «неблагонадежным и вредным элементом» и опасались «дурного влияния на своих детей со стороны последних». Переселенцы Давыденковского и Александровского поселков просили «выдворить из среды молоканской секты обывателей, успевших получить душевой надел земли в поселках и распространяющих свое вредное сектантское учение» (*ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2761. Л. 17, 28*).

Православное духовенство рассматривало сектантство как фактор дестабилизирующий, подрывающий авторитет Церкви и колониальной администрации. Причина заключалась в том, что сектанты занимались прозелитизмом. «Поселившись целыми большими поселками, живя привольно и свободно, они открыто и умело повели свою пропаганду среди пришлого православного населения», – сообщали миссионеры (*ТЕВ, 1913: 441*). Влиянию штундо-баптистской пропаганды подвержены были главным образом переселенцы, особенно малороссы (*ОЕВ, 1910а: 13*). К примеру, в Акмолинской области заражены были сектантской пропагандой Омский и Петропавловский уезды, где больше всего обосновалось сектантов разных направлений (*Обзор Акмолинской области, 1917: 73*). Исследователи отмечали, что сектанты заметно превосходили господствующую веру на поприще прозелитизма, причем объектом их внимания были даже не мусульмане края, а православное население (*Волков, 2016: 12*).

С выходом Указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. проблема религиозного прозелитизма на окраинах империи стала еще актуальнее. Указ практически уравнивал конфессии в их правах, способствовал оживлению сектантского движения. «Неверие, иноверие, инославие и сектантство после объявления религиозной свободы настолько высоко подняли свои головы и так яростно ополчились на православную церковь..., что молчать не следует», – призывали православные миссионеры (*ТЕВ, 1908: 759*). Особой активностью пропаганды своего вероучения отличались баптисты и молокане. В отличие от них, меннониты «пропаганды среди православных не вели и призывных собраний не устраивали».

Штундо-баптисты применяли разные способы сектантской пропаганды. Их миссионеры по 2-3 раза объезжали зимой все поселки, где надеялись найти последователей, временно поселялись там. Во многих селениях баптисты построили молитвенные дома без разрешения местной администрации, вели агитацию, щедро раздавая брошюры с кратким изложением своего учения.

Катехизисы раздавали даже в церковно-приходских школах. Игнорируя постановление властей, штундо-баптисты устраивали собрания в местах массового проживания православного населения. В Омске и Петропавловске о торжественном собрании извещали население афишами и печатными приглашениями. О таких собраниях баптистов генерал-губернатору Степного края Н.Н. Сухотину сообщал в июле 1901 г. епископ Омский и Семипалатинский: «Особенно внимательное и ласковое отношение к православным посетителям собраний со стороны сектантов, чтение Св. писания на русском языке с кривотолкованиями в духе сектантства, «молитвы от сердца», сопровождаемые слезами, иногда даже истерическими рыданиями, умиляют сердца посетителей собраний и располагают в пользу сектантства» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 957. Л. 2). Если проповедь и различного рода демонстрации не производили должного впечатления, штундо-баптисты прибегали к подкупу, обещая материальную выгоду. Крестившимся сектанты давали больше ста рублей, на что соблазнялись бедные крестьяне (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2287. Л. 28). Баптисты устраивали детские молитвенные собрания, учили детей говорить проповеди и читать Библию.

Активность сектантского прозелитизма была высокой в регионах, где имелись железнодорожные линии и почтовые тракты. По сведениям миссионеров, сектантским брожением поражены были почти все железнодорожные центры (ТЕВ, 1909b: 530). В феврале 1901 г. пресвитер А.Л. Евстратенко с хором из 16 штундистов разъезжал по берегу р. Иртыш и по железной дороге в пределах Омской, Черлаковской и Николаевской станиц, проводил молитвенные собрания, на которых пел хор и читались проповеди (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 957. Л. 3). В г. Чимкенте и на станциях Чимкентского уезда вели пропаганду своего вероучения не только баптисты, но и молокане разных толков, предлагая дешевую сектантскую литературу пассажирам (ТЕВ, 1913: 44). Молокане держали почтовый тракт от ст. Кабул-Сай до г. Аулие-Ата; старосты и ямщики на станциях – сплошь молокане (Алпыспаева и др., 2021: 60).

Эффективным средством сектантского прозелитизма была пропаганда своих религиозных воззрений путем издания печатных листовок и брошюр. Штундо-баптисты и адвентисты имели печатные издания, и «сотни книгонош-сектантов ходили по деревням, продавая дешево печатную литературу» (ТЕВ, 1909c: 554). Печатное дело было так хорошо поставлено, что даже заявления православных о желании перейти в баптизм подавались на заготовленных печатных бланках, присылаемых из Санкт-Петербурга (ОЕВ, 1910: 9).

В своих наблюдениях миссионеры отмечали, что, получив вероисповедную свободу, штундо-баптисты в качестве особого вида пропаганды стали широко применять открытое глумление над святыми иконами, крестом и другими предметами религиозного почитания. В с. Михайловское Каинского уезда «предлагали православным выколоть глаза у иконы Св. Николая и на опыте убедиться, что иконы – богомерзкие идолы» (ОЕВ, 1910: 7). В деревне Оболаки сектанты на глазах православных крестьян брали иконы и топили ими печи, привязывали крест к хвосту лошади и кричали: «Если это настоящие боги, пусть сотворят чудо» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2287. Л. 29-30). Глумления над иконами и крестами оставались безнаказанными, что особенно смущало православных, а баптисты это истолковывали в свою пользу. Под воздействие агрессивной пропаганды православные целыми дворами уходили в штундо-баптизм. Епархиальный миссионер так описывает ситуацию в Марьинском хуторе: «...Баптизм проглотил хутор. Действительно, от чисто православного хутора осталось 3–4 семейства крепких православных» (Алпыспаева и др., 2021: 60).

Рост сектантского прозелитизма происходил на фоне ослабления православной религиозности среди переселенцев, и это не могло не вызывать обеспокоенность духовенства. В Постановлении I-го Туркестанского епархиального съезда главной причиной развития сектантства в православных приходах епархии назван «упадок веры и нравственности среди православного населения» (ТЕВ, 1909b: 124). О том, что в среде переселенцев «религиозный индифферентизм развивался с невероятной быстротой», сообщали духовному начальству священнослужители (Алпыспаева и др., 2021a: 22). Они приводили факты падения религиозной нравственности в переселенческих селах. Под влиянием сектантской пропаганды «на одном хуторе кощунственно выброшены св. иконы; в другом – сектанты на беседах дерзновенно хулили святейшие имена Спасителя, св. Девы Марии и многих угодников Божьих» (Алпыспаева и др., 2021: 61).

Снижение православной религиозности и духовенство, и светские власти объясняли ничтожным количеством церквей в крае. Чиновники отмечали, что особенно большой процент «уклоняющихся из православия в баптизм» замечается в тех переселенческих поселках, где нет священников и молитвенных домов (Обзор Акмолинской области, 1917: 74). «Многие переселенцы всем довольны, и землею, и урожаями, всеми угодами. Но бросают все и уходят обратно на родину только потому, что тоскуют без храмов и Божьей службы», – говорили священнослужители (ОЕВ, 1911: 34). В создавшейся ситуации власти большое значение придавали церковно-приходскому строительству в переселенческих поселках.

Расходы на церковное строительство в Сибири и Туркестане возрастали из года в год: в 1910 г. они составили около 400 000 руб., в 1911 – 525 000 руб., в 1912 г. – 1 125 000 руб., в 1913 г. – 1 100 000 руб. (Азиатская Россия, 1914: 239). В западных регионах Казахстана, где больше всего поселилось раскольников и старообрядцев, смета расходов на церковно-приходское строительство в Тургайско-

Уральском районе на 1917 г. составляла: в Кустанайском уезде – 14 000 руб. на церкви и 2 000 руб. на молитвенные дома; в Актюбинском уезде 7 000 руб. и 2 000 руб. соответственно (ЦГА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 518. Л. 3-4). Из средств Переселенческого управления было выделено на строительство церквей в Акмолинском уезде 5 000 руб., в Уральском – 6 000 руб. (ЦГА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 408. Л. 21). Для постройки церквей использовались средства Св. Синода и Переселенческого управления, а также частные благотворительные пожертвования из фонда императора Александра III.

По данным исследователей, с ростом крестьянского переселения Синод разрешил открывать приходы в азиатских епархиях без обязательного требования от прихожан исполнения всех установленных условий, что способствовало росту количества приходов в областях Казахского края. В Семиреченской области с 1907 по 1910 гг. было открыто 52 самостоятельных прихода, всего же с 1907 по 1912 гг. в Туркестанском крае их число возросло с 78 до 161. В 1908 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях открылись 92 самостоятельных прихода, а к 1914 г. их число увеличилось до 288 (Лысенко, 2017: 357).

Обустройству религиозного быта переселенцев правительство уделяло много внимания, решая попутно задачи по закреплению переселенцев. А.А. Кауфман писал: «Потребность переселенцев в школах и, особенно, в церквях – это ...одна из наиболее насущных потребностей, и своевременное удовлетворение ее является одним из существеннейших условий упрочения переселенцев на новых местах» (Кауфман, 1905: 111). Правительство было заинтересовано в снижении числа «обратных переселенцев», крестьян, возвращавшихся из мест переселения, не прожив там и года. Среди причин «обратного переселения», на которые указывали крестьяне, кроме типичных «непривычный климат» и «случайные причины», они нередко называли «бытовую и религиозную рознь» (Кауфман, 1905: 249).

Проблема сектантского прозелитизма в ряде областей Степного края была настолько остра, что для ее решения требовалось объединение усилий светских и духовных властей. Вопросы борьбы с сектантством обсуждались на межведомственном совещании генерал-губернатора Степного края Шмита в апреле 1910 года. В рапорте акмолинского губернатора о состоянии сектантства в Степном крае, подготовленном на основе данных омских епархиальных миссионеров, говорилось, что «баптистская секция насчитывает тысячи последователей в пределах Акмолинской области, число adeptов ежегодно возрастает с громадной прогрессией» (ОЕВ, 1910: 9). Среди причин быстрого распространения сектантства в первую очередь отмечена была хорошо организованная проповедническая деятельность и агрессивная пропаганда их вероучения. Недостаточное количество православных приходов в условиях территориальной разбросанности края, отсутствие храмов и школ способствовали тому, что духовный голод переселенцев удовлетворялся лжеучением сектантов. Кроме того, создаваемые переселенческие поселки с православным населением зачастую оказывались зажатými среди сектантских участков тесным кольцом.

Именно поэтому светские власти в качестве действенной меры по ограждению православных от сектантов считали запрет совместного заселения переселенческих участков крестьянами и сектантами с целью их территориального обособления. С таким предложением к министру МВД И.Г. Щегловитову обратился генерал-губернатор Степного края Е.О. Шмит. В пределах своих областей он распорядился об отводе в будущем сектантам отдельных районов Каркаралинского уезда Семипалатинской области. Генерал-губернатор считал возможным даже «принимать меры к принудительному их переводворению, хотя бы с выдачею им вторичных ссуд на переезд и устройство на новых местах» (РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1655. Л. 6-7). Предложение было поддержано МВД и перенаправлено Главному управлению землеустройства и земледелия. Министр считал предлагаемые губернатором меры об отводе в перспективе сектантам отдельных районов вполне законными и целесообразными. Однако принудительное переводворение сектантов, уже устроившихся на казенных либо купленных или арендованных у частных лиц землях, считал недопустимым, поскольку в Законе 1889 г. «О переселении сельских обывателей на казенные земли» отсутствовали указания о запрещении устройства в Степном крае сектантов.

Церковные деятели и миссионеры были единодушны во мнении, что распространение сектантства на новые земли вредило позициям официального православия, поскольку бороться с их воинствующим прозелитизмом было не просто. Если Церковь накопила определенный опыт противодействия исламу, то в отношении сектантов все было сложнее. Туркестанский епархиальный миссионер в отчете за 1911 г. писал о том, что «о противосектантской миссии не было никаких понятий даже для духовенства, хотя сектанты много уже лет прочно осели на местах постоянного жительства» (ТЕВ, 1913а: 441). Рост числа «уклоняющихся из православия в баптизм» он объяснял недостатком священников и неготовностью их к делу противосектантской миссии.

Для борьбы с сектантством при епархиях назначались миссионеры. В Омской епархии противосектантская миссия была учреждена в 1900 г., противораскольничья – в 1903 г. В Оренбургской епархии в 1908 г. была введена должность епархиального антисектантского миссионера. При епархии состояло два миссионера: первый – координировал борьбу со старообрядчеством, второй – с сектантством. 24 июня 1909 г. должность антираскольничьего и антисектантского миссионера была учреждена в Туркестанской епархии (Лысенко, 2010: 140).

К личности антисектантского миссионера предъявляли серьезные требования; для публичной беседы с сектантами и раскольниками необходимы были знания, опыт и дар слова, а потому не всякий священник способен был с пользой для дела вести публичные полемические беседы. Неподготовленность приходских священников к борьбе с сектантской пропагандой, отсутствие противосектантской литературы были настоящей проблемой (ТЕВ, 1909а: 260). Подготовка духовенства для приходов переселенческих селений, грамотных миссионеров была важной конфессиональной составляющей переселенческой политики: от нее зависело не только сохранение в Церкви преемственности духовного опыта, но и эффективность противодействия сектантству.

Характеризуя миссионерскую деятельность православной церкви в начале XX в. в областях, чиновники в обзорах отмечали, что она направлена главным образом против сектантов (Обзор Акмолинской области, 1917: 73). Священнослужители использовали разные меры «для вразумления заблудших и укрепления в истинах православной веры». Причты церковью устраивали общенародные песнопения, священники проводили многочасовые беседы. Для большего подъема религиозных чувств устраивались крестные ходы по селам. Миссионеры Омского епархиального братства распространяли книги религиозно-нравственного, патриотического и противополициального содержания, библии, иконы и предметы церковной утвари, а по воскресным дням в Братском храме вели беседы противосектантского характера. При Омском епархиальном братстве в 1914 г. было создано общество трезвости для борьбы с пьянством в переселенческих селах. В 1915 году в нем состояло более 500 чел. (Обзор Акмолинской области, 1917: 74). Борьбе с пьянством уделяли серьезное внимание. Священник М. Колобов на совещании Православного миссионерского общества в декабре 1908 г. отмечал, что вопрос падения православной религиозности «может быть успешно решен лишь при условии повышения нравственного и культурного уровня переселенческого христианского населения, отличавшегося низким уровнем грамотности и погрязшего в разгуле и пьянстве» (ТЕВ, 1909: 38).

Миссионеры размещали на страницах епархиальных изданий публицистические статьи, разоблачающие антихристианскую сущность баптизма (ОЕВ, 1913: 23-30). Духовные деятели печатали инструкции и давали советы вести борьбу с сектантской пропагандой «теми же мерами, и на эту борьбу скупиться в средствах не следует» (ТЕВ, 1909а: 260). Не имея достаточно средств и опыта борьбы с сектантством, православные миссионеры брали на вооружение приемы баптистских проповедников. Баптисты в проповедях избегали насмешек и оскорблений чувств верующих, «скорее проповедовали Христа, нежели избличали язычество» (Алпыспаева и др., 2021: 61). Следуя их примеру, служители православной веры старались разъяснять учение православной веры и заблуждения сектантов не только в приходах, но и в частной домашней беседе.

5. Заключение

Оживление сектантского движения и рост религиозного прозелитизма сектантов в начале XX в. вызывали обеспокоенность Православной церкви, опасавшейся, что в условиях новой социокультурной среды переселенцы могут легко поддаться чуждому влиянию и переходить в иные вероисповедания. В борьбе с сектантством Православная церковь применяла разные методы противодействия: от повседневных сельских религиозных практик до активной миссионерской деятельности. Создание церковно-приходской системы в районах переселения крестьян, территориальное обособление православных переселенцев и сектантов рассматривались светскими региональными властями как меры борьбы с сектантством и обеспечения устойчивости православия. Важным условием успешного противостояния сектантскому прозелитизму могло быть объединение усилий духовных и светских властей. Но, несмотря на принимаемые энергичные меры тех и других, сектантство распространялось практически во всех областях края. В немалой степени этому способствовала неустроенность духовной жизни переселенцев, оказавшихся в чуждой для них социокультурной среде. Малочисленность противосектантских миссий в условиях территориальной разбросанности Казахского края, отсутствие средств и опыта ведения антисектантской пропаганды священнослужителями осложняли борьбу с сектантским прозелитизмом.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, проект «Государственно-конфессиональные отношения в Казахстане: начало XX в. – конец 1930-х гг.» (ИРН проекта: АР0885487).

The research was carried out within the framework of the grant funding project of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (IRN of the project: АР0885487).

Литература

Азиатская Россия, 1914 – Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб.: Издание переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. 576 с.

Алпыспаева и др., 2021 – Алпыспаева Г.А., Саяхимова Ш.Н., Жуман Г. Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и деятельность противосектантской миссии Туркестанской епархии // *Империи в мировой истории: актуальные проблемы современных исследований / Сборник науч. трудов межд. научно-практич. конференции*. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2021. С. 59-62.

Алпыспаева и др., 2021a – Алпыспаева Г.А., Жуман Г., Джумалиева Л.Т., Саяхимова Ш.Н. Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и христианский прозелитизм в Казахстане в начале XX века // *Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия»*. 2021. 4 (104). С. 14-27.

Белоусов, 2021 – Белоусов С.С. Конфессиональный аспект в переселенческой политике на калмыцких землях (вторая пол. XIX в.) // *Вестник ПСТГУ. Серия II «История. История Русской Православной Церкви»*. 2021. Вып. 99. С. 50-62.

Волков, 2016 – Волков И.В. Система этноконфессиональных отношений в Русском Туркестане как основа межцивилизационного сотрудничества в Средней Азии // *Исламоведение*. 2016. № 2. С. 5-15.

Воцинин, 1914 – Воцинин В. Очерки нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб.: Типография товарищества «Наш век», 1914. 86 с.

Кауфман, 1905 – Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1905. 349 с.

Кауфман, 1906 – Кауфман А.А. Переселение. Мечты и действительность М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1906. 37 с.

Лысенко, 2010 – Лысенко Ю.А. Взаимоотношения Русской православной церкви со старообрядчеством и сектантством в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Известия АлтГУ*. 2010. № 4–3. С. 138-145.

Лысенко, 2017 – Лысенко Ю.А. Этапы и особенности институционального развития Русской Православной Церкви в религиозном пространстве Степного края. XVIII – начало XX вв. // *Мир Большого Алтая*. 2017. № 3 (3). С. 350-362.

Стурова, 2014 – Стурова М.В. Конфессиональная доминанта в интеграции славянского населения: церковно-школьное строительство в Степном крае (80-е гг. XIX – начало XX в.) // *Известия АлтГУ*. 2014. № 4 (84). С. 212-216.

Обзор Акмолинской..., 1917 – Обзор Акмолинской области за 1915 год. Издание Акмолинского областного статистического комитета. Омск: Электротип. Акмол. обл. правления. 1917. 87 с.

Обзор Семипалатинской..., 1912 – Обзор Семипалатинской области за 1910 г. Семипалатинск: Тип. Областного правления. 1912. 111 с.

Обзор Семипалатинской..., 1913 – Обзор Семипалатинской области за 1911 г. Семипалатинск: Тип. Областного правления. 1913. 110 с.

Обзор Сыр-Дарьинской..., 1987 – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1886 год. Ташкент: Типолитография С.И. Лахтина. 1887. 171 с.

Обзор Сыр-Дарьинской..., 1916 – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1913 год. Ташкент: Тип. Канцеляр. Туркестанского Генерал-губернатора, 1916. 162 с.

Обзор Тургайской..., 1916 – Обзор Тургайской области за 1915 год. Оренбург: Тип. Б. Бреслина. 1916. 175 с.

Обзор Уральской..., 1916 – Обзор Уральской области за 1915 год. Уральск, 1916. IV. 138 с.

ОЕВ, 1910 – Омские Епархиальные Ведомости (ОЕВ). 1910. № 12. 15 июня.

ОЕВ, 1910a – ОЕВ. 1910a. № 9. 1 мая.

ОЕВ, 1911 – ОЕВ. 1911. № 10. 15 мая.

ОЕВ, 1913 – ОЕВ. 1913. № 15. 1 августа.

РГИА – Российский Государственный исторический архив.

ТЕВ, 1908 – *Туркестанские епархиальные ведомости (ТЕВ)*. 1908. № 24. 15 декабря.

ТЕВ, 1909 – ТЕВ. 1909. № 2. 15 января.

ТЕВ, 1909a – ТЕВ. 1909a. № 4. 15 февраля.

ТЕВ, 1909b – ТЕВ. 1909b. № 21. 1 ноября.

ТЕВ, 1909c – ТЕВ. 1909в. № 22. 15 ноября.

ТЕВ, 1913 – ТЕВ. 1913. № 6. 15 марта.

ТЕВ, 1913a – ТЕВ. 1913a. № 19. 1 октября.

ЦГА – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.

Lebid, Shevchenko, 2021 – Lebid A.E., Shevchenko N.A. Review of Pre-Revolutionary Historiography of Schismatics, Heresies and Sectarianism in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 16(3): 1211-1224.

References

Aziatskaya Rossiya, 1914 – *Aziatskaya Rossiya*. Т. 1. Lyudi i poryadki za Uralom [Asian Russia. V. 1. People and orders beyond the Urals]. Sankt-Peterburg: izdanie pereselencheskogo upravleniya Glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya. 1914. 576 p. [in Russian]

- Alpyspaeva i dr., 2021** – *Alpyspaeva, G.A., Sayakhimova, Sh.N., Zhuman, G.* (2021). Ukaz ot 17 aprelya 1905 g. «Ob ukreplenii nachal veroterpimosti» i deyatel'nost' protivosektantskoi missii Turkestanskoi eparkhii [Decree of April 17, 1905 "On strengthening the beginnings of religious tolerance" and the activities of the anti-sectarian mission of the Turkestan eparchy]. *Imperii v mirovoi istorii: aktual'nye problemy sovremennykh issledovaniy: sbornik nauch. trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Sterlitamak: Sterlitamakskii filial BashGU, pp. 59-62. [in Russian]
- Alpyspaeva i dr., 2021a** – *Alpyspaeva, G.A., Zhuman, G., Jumaliyeva, L.T. Sayakhimova, Sh.N.* (2021). Ukaz ot 17 aprelya 1905 g. «Ob ukreplenii nachal veroterpimosti» i khristianskii prozelitizm v Kazakhstane v nachale XX veka [Decree of April 17, 1905 "On strengthening the principles of religious tolerance" and Christian proselytism in Kazakhstan at the beginning of the twentieth century]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Istoriya. Filosofiya»*. 4(104): 14-27. [in Russian]
- Belousov, 2021** – *Belousov, S.S.* (2021). Konfessional'nyi aspekt v pereselencheskoi politike na kalmytskikh zemlyakh (vtoraya polovina XIX v.) [Confessional aspect in the migration policy in the kalmyk lands in the second half of the 19th century]. *Vestnik PSTGU. Seriya II «Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi»*. 99: 50-62. [in Russian]
- Kaufman, 1905** – *Kaufman, A.A.* (1905). Pereselenie i kolonizatsiya [Resettlement and colonization]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 349 p. [in Russian]
- Kaufman, 1906** – *Kaufman, A.A.* (1906) Pereselenie. Mechty i deistvitel'nost' [Resettlement. Dreams and reality]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko. 37 p. [in Russian]
- Lebid, Shevchenko, 2021** – *Lebid, A.E., Shevchenko, N.A.* (2021). Review of Pre-Revolutionary Historiography of Schismatics, Heresies and Sectarianism in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(3): 1211-1224.
- Lysenko, 2010** – *Lysenko, Yu.A.* (2010). Vzaimootnosheniya Russkoi pravoslavnoi tserkvi so staroobryadchestvom i sektantstvom v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Relations between the Russian orthodox church and schism and sectarianism in Kazakhstan (the second half of the XIXth – the beginning of the XXth centuries)]. *Mir Bol'shogo Altaya*. 4-3: 138-145. [in Russian]
- Lysenko, 2017** – *Lysenko, Yu.A.* (2017). Etapy i osobennosti institutsional'nogo razvitiya Russkoi pravoslavnoi tserkvi v religioznom prostranstve Stepnogo kraja. XVIII - nachalo XX vv. [Institutional development of Russian Orthodox Church in religious space of Steppes (XVIII – the beginning of the 20th centuries)]. *Izvestiya AltGU*. 3(3): 350-362. [in Russian]
- Obzor..., 1917** – *Obzor Akmolinskoi oblasti za 1915 god* [Overview of the Akmolinsk region for 1915]. Izdanie Akmolinskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta. Omsk: Elektro-tip. Akml. Obl. Pravleniya, 1917. 87 p. [in Russian]
- Obzor..., 1912** – *Obzor Semipalatinskoi oblasti za 1910 g.* [Overview of the Semipalatinsk region for 1910]. Semipalatinsk: tip. Oblastnogo pravleniya, 1912. 125 p. [in Russian]
- Obzor..., 1913** – *Obzor Semipalatinskoi oblasti za 1911 g.* [Overview of the Semipalatinsk region for 1911]. Semipalatinsk: tip. Oblastnogo pravleniya, 1913. 139 p. [in Russian]
- Obzor..., 1887** – *Obzor Syr-Dar'inskoi oblasti za 1886 g. (1887)* [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1886]. Tashkent: tip. S.I. Lakhtina, 1887. 171 p. [in Russian]
- Obzor..., 1916** – *Obzor Syr-Dar'inskoi oblasti za 1913 g.* [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1913]. Tashkent: tip. Kantselyarii Turkestanskogo General-gubernatora, 1916. 173 p. [in Russian]
- Obzor..., 1916** – *Obzor Turgaiskoi oblasti za 1915 g.* [Overview of the Turgai region for 1915]. Orenburg, 1916. 175 p. [in Russian]
- Obzor..., 1915** – *Obzor Ural'skoi oblasti za 1914 g. (1915)* [Overview of the Ural'sk region for 1914]. Ural'sk, 119 p. [in Russian]
- OEV, 1910** – *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1910. 12, June 15. [in Russian]
- OEV, 1910a** – *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1910. 9, May 1. [in Russian]
- OEV, 1913** – *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1911. 10, May 15. [in Russian]
- OEV, 1913** – *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1913. 15, August 1. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Sturova, 2014** – *Sturova, M.V.* (2014). Konfessional'naya dominanta v integratsii slavyanskogo naseleniya: tserkovno-shkol'noe stroitel'stvo v Stepnom krae (80-e gg. XIX – nachalo XX vv.) [Confessional dominant in the integration of the slavic population: church-school building in the Steppe region (80-ies of the XIX – beginning of the XX centuries)]. *Izvestiya AltGU*. 4(84): 212-216. [in Russian]
- TGA RK** – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].
- TEV, 1908** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti (TEB)*. 1908. 24, December 15. [in Russian]
- TEV, 1909** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1909. 2, January 15. [in Russian]
- TEV, 1909a** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1909. 4, February 15. [in Russian]
- TEV, 1909b** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1909. 21, November 1. [in Russian]
- TEV, 1909c** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1909. 22, November 15. [in Russian]
- TEV, 1913** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1913. 6, March 15. [in Russian]
- TEV, 1913a** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1913. 19, October 1. [in Russian]

Volkov, 2017 – Volkov, I.V. (2017). Sistema etnokonfessional'nykh otnosheniy v Russkom Turkestane kak osnova mezhtsivilizatsionnogo sotrudnichestva v Sredney Azii [The system of ethno-confessional relations in Russian Turkestan as the basis of inter-civilizational cooperation in Central Asia]. *Islamovedenie*. 1 (295): 48-63. [in Russian]

Voshchinin, 1914 – Voshchinin, V. (1914). Ocherki novogo Turkestana. Svet i teni russkoi kolonizatsii [Essays on the new Turkestan. Light and shadows of Russian colonization]. Sankt-Peterburg: tipografiya t-va «Nash vek», 86 p. [in Russian]

Конфессиональное измерение переселенческой политики самодержавия в Казахском крае в начале XX века: борьба с сектантским прозелитизмом

Галья Айтпаевна Алпыспаева ^{a, *}, Гульмира Сейтбековна Саметова ^b,
Ляззат Торебековна Джумалиева ^a

^a Казахский агротехнический университет им. Сакена Сейфуллина, Нур-Султан, Республика Казахстан

^b Кустанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, Кустанай, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается малоизученный конфессиональный аспект переселенческой политики самодержавия в Казахском крае в начале XX века – борьба с сектантским прозелитизмом. Авторы используют материалы из фондов РГИА и Центрального государственного архива РК, обзоров областей Казахского края, периодических изданий Омского и Туркестанского епархиальных комитетов, в юрисдикции которых находились регионы в пределах территории современного Казахстана. По результатам исследования удалось установить, что сформировавшийся вследствие крестьянского переселения поликонфессиональный состав населения края включал различные этнические группы, обособленные по религиозным признакам. Межэтнические контакты не ограничивались процессами хозяйственного взаимодействия, а нередко приобретали формы религиозной аккультурации. С выходом Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» религиозное движение в крае оживилось, наблюдался рост сектантского прозелитизма на фоне ослабления православной религиозности переселенцев. В сложившейся ситуации духовенство опасалось переходов православных в иные вероисповедания, падения авторитета Русской православной церкви и самодержавия. Объединение усилий духовных и светских властей было важным условием противостояния сектантам, нередко применявшим агрессивные формы пропаганды своего вероучения. При поддержке светской администрации церковь использовала разные методы противодействия сектантскому прозелитизму, в том числе заимствованные у сектантов. Они не всегда были эффективны по причине малочисленности противосектантских миссионеров в крае и отсутствия у священнослужителей опыта ведения антисектантской пропаганды.

Ключевые слова: конфессии, сектанты, прозелитизм, духовенство, вероисповедный состав, противосектантская миссия, Русская православная церковь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: galpyspaeva@mail.ru (Г.А. Алпыспаева),
sametova_gulmira@mail.ru (Г.С. Саметова), lazzat-69@mail.ru (Л.Т. Джумалиева)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 986-993
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.986

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Moscow Security Department on Guard of the Security of the Russian Empire in 1905

Sergey V. Medvedev ^{a,*}, Egor E. Kochetkov ^a, Elena V. Bestaeva ^b, Olga V. Panina ^b

^a Russian University of transport (MIIT), Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

Based on archival materials from the State Archives of the Russian Federation, the article examines the activities of the Moscow Security Department aimed at preventing anti-government protests. Attention is paid to the reaction of Muscovites to the murder of Grand Duke Sergei Alexandrovich, swearing against Emperor Nicholas II. The formation of the trade union movement can be traced on the example of anti-government associations of bakers and printers. The authors of the article come to the conclusion about the insufficient resource base of the Moscow Security Department, which prevents the rapid suppression of revolutionary riots. Insufficient funding and, as a result, the lack of proper material supply and low wages demotivated employees and objectively deprived them of the opportunity to quickly respond to serious threats. At the same time, the Moscow security department did not have an effective system of communication and coordination of actions with similar territorial divisions of the Police Department in other provinces. The situation was aggravated both by the frequent change of leadership, which contributed to the disorganization of the work of the security department, and by the fact that it had clearly redundant functions. In the context of the growing revolutionary danger, the resources of the security department were diverted from the search for persons engaged in real extremist activities in order to bring to justice the inhabitants who publicly expressed disrespect or hostility to the authorities. At the same time, arrests for such statements only irritated the opposition-minded public even more, contributing to the growth of sympathy for the revolutionaries in the general population. The fact that criticism of the authorities in the conditions of everyday communication played the role of a resource for a relatively safe canalization of social discontent was ignored. It performed the function of ejecting negative emotions and getting rid of affective states. Which, it must be emphasized, facilitated the manipulation of human behavior by revolutionary activists.

Keywords: Moscow security department, police, revolution of 1905-1907, trade union movement, bailiffs.

1. Введение

Борьба властей с революционным движением в период 1905–1907 гг. получила широкое освещение в научной литературе. Однако степень научной разработанности данной темы по-прежнему характеризуют серьезные недостатки. С одной стороны, как в прошлом, так и настоящем на соответствующие исследования продолжает оказывать ощутимое влияние социально-политическая конъюнктура, с другой – наблюдается явная структурная диспропорция в освещении конкретных аспектов темы. Негативную роль играют и некоторые издержки антропологического поворота в гуманитарных науках. В частности, многие исследователи начинают абсолютизировать роль конкретной личности, игнорируя тот факт, что тот или иной исторический деятель входил в состав определенной группы интересов либо опирался в своих действиях на определенные государственные

* Corresponding author

E-mail addresses: speransky1809@yandex.ru (S.V. Medvedev),
kochetkov.work@gmail.com (E.E. Kochetkov), elvbستاeva@fa.ru (E.V. Bestaeva),
opanina@fa.ru (O.V. Panina)

или общественно-политические институты. Помимо того, деструктивную роль играет и распространение исторических мифов. Под этим термином подразумевается не просто недостоверная информация о событиях прошлого, но заведомо упрощенная и потому непротиворечивая модель истории, построенная на эмоционально насыщенных символах и призванная популяризировать внутри широких слоев населения некую систему политических и социальных ценностей.

Описанные выше проблемы ярче всего проявляются именно в рамках изучения истории противодействия правоохранительных органов Российской империи революционному движению. И в значительной степени они проявляются именно при реконструкции событий в Москве в 1905 г. Старая столица в начале первой русской революции превратилась в наиболее значимый центр революционного движения, что и сделало в итоге возможным переход местных политических радикалов к наиболее масштабной и сложной с точки зрения организации форме борьбы с действующей властью – вооруженному восстанию. Уникальность ситуации в Москве сформировала условия, в которых город превратился и для власти, и для ее противников в своеобразный «испытательный полигон» перед грядущим кризисом 1917 г. Опыт московских событий во многом стал основой для будущих успехов революционеров. И в то же время отказ от его полноценного использования для обеспечения внутривластной стабильности во многом обусловил падение монархии. За счет этого объективная и всесторонняя оценка работы московских правоохранителей превращается в важную предпосылку адекватной интерпретации не только событий 1905–1907 гг., но и революций 1917 г. Однако ее осуществление затрудняет множество факторов, в том числе лакуарность и фрагментарность введенных в научный оборот делопроизводственных источников, а также противоречия в изложении и истолковании событий в рамках мемуарного корпуса. В особенности это справедливо в отношении истории московского охранного отделения. В свет вышло немало работ, посвященных работе в старой столице структур корпуса жандармов и полиции в целом. Однако функционирование охранного отделения по большей части описывается в научной литературе отрывочным образом и преимущественно с позиций конкурирующих силовых структур, что лишает исследователей возможности полноценно реконструировать и достоверно оценить соответствующие события.

Цель данной работы – оценить готовность московского охранного отделения к борьбе с революционным движением в 1905 г.

2. Материалы и методы

Источниковая база этой статьи была сформирована за счет привлечения ранее не введенных в научный оборот материалов Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ). Были задействованы документы, отложившиеся в фондах Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве, Департамента полиции Министерства внутренних дел, а также агитационно-пропагандистские материалы из коллекции нелегальных изданий (листовок и брошюр), отложившихся в полицейских и судебных органах дореволюционной России.

При подготовке исследования нами использовался сравнительный анализ (с целью сопоставления ресурсов охранного отделения и его задач), структурный анализ (с целью концептуализации работы охранных структур, выявления ее основных элементов и связей между ними) и системный анализ (в рамках обобщения и упорядочивания данных о практиках борьбы с революционным движением).

3. Обсуждение

Данную работу подготовил коллектив авторов из Российского университета транспорта и Финансового университета при Правительстве РФ.

В дореволюционной историографии поднятая нами тема исследовалась отрывочно, преимущественно в контексте вопроса о борьбе охранного отделения с террористами (Берман, 1913; Гредескул, 1912).

В советской историографии имела место тенденция как к демонизации охранного отделения Москвы, так и ретушированию минусов в организации его работы в целях большей героизации революционеров (Ерошкин, 1952; Мицкевич, 1940; Панкратов, Поляков, 1965; Панкратова, 1951; Таратута, 1925; Чебарин, 1953; Черномордик, 1926).

Современную историографию темы отличает акцент на роли межличностных отношений между руководством силовых ведомств и в целом роли личности отдельных организаторов борьбы с революционным движением, по причине чего многие аспекты общего состояния охранного отделения остаются раскрытыми лишь частично (Брачев, 2002; Галкин, 1996; Гурьев, 2014).

Все это напрямую свидетельствует в пользу необходимости проведения дополнительных изысканий по заявленной теме.

4. Результаты

Период Первой революции в России – время особой работы охранных структур страны, что объяснялось безудержным количественным ростом участников противоправительственных партий и организаций. К примеру, «в период с 1905 по 1907 г. партия эсеров стала одним из самых

многочисленных политических объединений, насчитывавшим около 65 тысяч членов» (Прохорова, 2013: 26). Значительно увеличилось число крестьянских бунтов: «25 823 выступления, что в 22,6 раза больше, чем общее число крестьянских выступлений за период с 1890 по 1904 гг. (1 139), и в 228 раз больше, чем в 1904 году (113)» (Кондрашин, 2020: 198). Некоторые из революционно настроенных крестьян приезжали в Москву и попадали под надзор охранного отделения. Так, еще в октябре 1904 года командир 12-го Гренадерского Астраханского имени Александра III полка Г.А. Мин писал московскому обер-полицмейстеру Д.Ф. Трепову: «5-й роты Тихон Резкин и 12-й роты Каленик Романийко – фельдфебеля вверенного мне полка 13 октября с.г. проезжали на империале вагона по Сретенке. Когда один из пассажиров, прочитав вечернюю телеграмму, предложил ее Резкину, другой пассажир без всякого повода произнес: «все воры, от самого большого начальства до самого малого». На замечание Резкина, почему он позволяет себе так выражаться, неизвестный ответил: «Я не вас ругаю, а всех, так как в России беспорядок, – на Дальний Восток отправляют запасных умирать, а здесь остаются воровать те, кому бы следовало идти туда». По остановке вагона, Романийко попросил городского, чтобы неизвестный пассажир был отправлен в участок. В участке, по предъявлении паспорта околоточному надзирателю, неизвестный пассажир оказался крестьянином Владимирской губернии и уезда, Ставровской волости, Василием Васильевым Николаевым 41 года» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 236. Л. 2-3). В дальнейшем Г.А. Мин отличился в подавлении восстания революционеров в московском районе Пресня, удостоится похвалы Николая II, а в 1906 году будет убит эсеркой З.В. Коноплянниковой (Панченко, 2007: 99-117).

Инцидент с крестьянином Николаевым был достаточно типичным для московской повседневности 1904–1906 гг. После того как 4 февраля 1905 года великий князь Сергей Александрович был убит эсером И.П. Каляевым, приставы направили в Московское охранное отделение большое количество секретных донесений о радующихся этому факту крестьянах, рабочих и студентах. Уже 6 февраля 1905 года один из приставов писал в Московское охранное отделение: «При сем представляю копию протокола на задержанного по требованию публики неизвестного мужчину, назвавшегося крестьянином Владимирской губернии Покровского уезда Щербаковым, по обвинению в произнесении слов по адресу Государя Императора: «Не миновать Им такой дороги, какую получил Великий Князь Сергей Александрович» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 236. Л. 18). Невероятные по своей жестокости слова были сказаны одним из студентов Межевого института: «1905 года февраля 5 дня в 10 вечера пристав 1 участка Басманной капитан Львович составил протокол о нижеследующем: сего числа в Управление участка явился ночной сторож сего участка Григорий Максимов Шабанов, который доставил с собой неизвестного молодого человека в форме студента Межевого института и заявил, что он шел по Гороховскому переулку и навстречу ему шел доставленный им студент с какими-то дамами и когда он поравнялся с ним, то услышал, как этот студент разговаривал с дамами по поводу убийства Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича словами: «Жаль, что собрали его останки, а надо было бы разбросать их грязной лопатой по мостовой» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 236. Л. 71). Непосредственно в день теракта был задержан студент Московского университета Д.А. Казаков, который сразу после взрыва кареты великого князя бросился бежать и был схвачен в Александровском саду. Несмотря на то, что при обыске у Казакова обнаружили только два закладных листа Московского земельного банка на сумму 1 500 рублей, а в его квартире в Сергиеве Посаде ничего подозрительного не было, его поместили под арест. 14 февраля 1905 года помощник начальника Московского охранного отделения писал судебному следователю Московского окружного суда по особо важным делам: «Охранное отделение просит Ваше Высочество уведомить, встречается ли надобность в дальнейшем содержании под стражей студента Московского Университета Дмитрия Андреева Казакова, арестованного 4 февраля по подозрению в прикосновенности к делу о совершении убийства Великого Князя Сергея Александровича» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 236. Л. 20). 23 февраля 1905 года студент Казаков был отчислен из университета на основании Особых правил, утвержденных министром народного просвещения 14 мая 1882 года. В архиве хранится ходатайство ректора университета Л.К. Лахтина об «обратном приеме» Казакова «в вверенный ему университет» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 236. Л. 30). Дальнейшее развитие этой истории неизвестно.

Убийство великого князя Сергея Александровича было настолько резонансным событием, что некоторые предприимчивые граждане пытались на этом зарабатывать. Начальник Иркутского губернского жандармского управления сообщал московскому генерал-губернатору А.А. Козлову 15 июля 1905 года: «Препровождая при сем на основании 157 статьи Устава о цензуре и печати переписку об отобрании Приставом 3 части г. Иркутска у Мариинского мещанина Константина Пузырева картины «Убийство Великого князя Сергея Александровича», имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что публичное демонстрирование указанной картины, по моему мнению, не может быть допускаемо» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 65 (2 д-во). Л. 3). Не менее интересен ответ Константина Пузырева, который он направил на имя иркутского полицмейстера: «За картиной я имел честь обратиться к Вашему Высочеству о выдаче ее обратно, но Вы отказали мне в выдаче на том основании, что у меня нет цензурного разрешения. Такого ни у кого из демонстрантов; мы приобретаем в Москве от заграничных фирм через агентов Кеммлер, Грече, Якоб-Рихард и др.

Что же касается меня, то мною картины были приобретены лично в Париже и осмотрены 24 февраля 1905 года Варшавской таможенной по грузовой расписке... со взысканием пошлины 50 рублей 58 копеек» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 65. Л. 4). Годом позже астраханский полицмейстер направил в Московское охранное отделение сообщение о негативных пересудах местных жителей, касающихся покойного великого князя: «12 сего марта на бывшем в городском ночлежном доме предвыборном собрании внепартийных рабочих, один из ораторов, звание которого, по собранным сведениям, оказалось астраханский мещанин Василий Ефимов Иванов, проживающий во 2 участке по Католической улице, в речи своей, критикуя все русское правительство и обвиняя высших административных лиц в ограблении казенных денег, добытых трудом рабочих, между прочим, выразился, что Великий Князь Сергей Александрович украл несколько тысяч пожертвованных московскими рабочими одеял для Красного Креста» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 52. Л. 266).

Упоминания императора Николая II довольно часто встречались в отчетах приставов о неподобающем поведении москвичей. Так, 9 декабря 1905 года помощник пристава 3 участка Рогожской сообщал в Московское охранное отделение: «...В вагоне конки находился молодой человек, который позволил себе слишком резко выражаться по поводу Государя Императора, сказав так: «Нам Царя не надо, таких Николок сколько хочешь, меня помажь и я буду таким же Николкой» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 236. Л. 352). 16 ноября 1905 года мещанин Семеновской слободы Иван Иванов, 55 лет, проживающий в 1 участке Мещанской части на 4 Мещанской улице, находясь в трактире, заявил: «Нам Государя не надо, долой Его с престола, Государь незаконорожденный, Великий Князь Сергей Александрович обироча, грабитель и вообще Царский Дом не дом Романовых, а дом Хамовых» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 236. Л. 342). Интересно, что сюжеты о хитросплетениях родственных отношений внутри императорской фамилии – довольно распространенная тема разговоров обывателей в революционный и межреволюционный период. К примеру, ротмистр Сибирского районного охранного отделения сообщал в 1908 году: «Между станциями Бордзя и Оловянная идет пропаганда о том, что Наследник Цесаревич есть сын Вдовствующей Императрицы» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 3. ч. 8. Л. 15).

В октябре 1905 года Московское охранное отделение сообщало московскому градоначальнику Г.П. фон Медему: «...Среди рабочих одного из отделений булочной Филиппова возникло недовольство, что им, булочникам, приходится носить тяжелые мешки с мукой в мастерскую для изготовления хлебов. В обеденный перерыв 8 человек обратились с просьбой к управляющему фирмой Филиппова, не признает ли он возможным избавить их от обязанностей носить муку в мастерскую. Желание их было немедленно удовлетворено и обязанности эти возложены на крючкотворов и рабочие успокоились, но вечером рабочие того же отделения вновь просили управляющего о прибавке им жалования, что было также немедленно удовлетворено» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 355. Л. 293). Как вспоминал ученик Первой Тифлисской гимназии Н. Шаубатов, побывавший в булочной Филиппова в 1902 году, «длина магазина измеряется 18 окнами, едва ли не составляющими $\frac{3}{4}$ нашей Дворцовой улицы (в Тифлисе). Отделений магазин имеет в одной Москве более 70. Здесь и булочная, и кондитерская, и игрушки, и безделушки, и кофейная. Одних приказчиков и приказчиц до 50 человек» (Захарова, 2017: 18). Волнения на предприятии Филиппова обеспокоили московские власти. Московское охранное отделение начало сбор информации у околоточных надзирателей о причинах волнений булочников и повышения цен на хлеб. Первым прислал отчет надзиратель Евгеньев, написавший о том, что «по заявлениям булочников хлеб вздорожал не от забастовок и не от дороговизны топлива, а от вздорожания муки» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 355. Л. 315). Ему вторил полицейский надзиратель 1 участка Лефортовской части Вознин 10 октября 1905 года: «По собранным сведениям от содержателей булочных заведений, которые продают: кислый хлеб за 1 фунт – 2 $\frac{3}{4}$ коп., сладкий за 1 фунт – 3 коп. ввиду дороговизны покупки муки. Покупка муки: куль – от 9 р. 50 коп. В одном куле муки 9 пудов. Продавцы мук ссылаются на задержанный подвоз муки» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 355. Л. 316). Причинами повышения цен на муку называлось также подорожание дров и ржаной муки на 50 копеек, нефти с 20 копеек до 70–80 копеек за пуд из-за пожаров нефтяных источников на Кавказе (Степанов, 2020: 92-107). Положение осложнялось тем, что с 1904 года Московское охранное отделение осуществляло негласное наблюдение за членами Московского союза булочников, которые выпускали антиправительственные воззвания (ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 180. Л. 84). Союз требовал увеличения заработной платы: подручным – 15 рублей, мальчикам – 6–7 рублей, пекарям – 30 рублей; сокращения рабочего дня до 10–12 часов; двойной оплаты за работу в праздники; уничтожения подвальных квартир; вместо нар – койки с хорошим тюфяком и одеялом; на нанимать неопытных чернорабочих. Г.П. фон Медем в период волнений 1905 года вполне логично предполагал, что повышение цен на муку лишь повод для политических выступлений булочников. Одновременно с Союзом булочников действовал «Союз московских типографских рабочих для борьбы за улучшение труда». Печатники выпускали журнал «Вестник Союза типографских работников», в котором описывали состоявшиеся забастовки, печатали воззвания и публиковали карикатуры (в одной из них в виде охранника типографии, избивающего рабочего, изображен Николай II) (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 328. Л. 24). Интересно, что, несмотря на то, что в 1904 году Особый отдел Департамента полиции обращался в Московское охранное отделение с требованием ликвидировать Союз как имеющий революционный характер и

разделяющий программу Российской социал-демократической партии (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 328. Л. 48), в 1905 году типографские работники продолжили свою деятельность (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 411. Л. 55). В первый год революции в разных городах создавались профсоюзы, которые «были по большей части узкопрофессиональными, цеховыми организациями. Так, в металлообрабатывающей промышленности вначале создавались самостоятельные объединения водопроводчиков, слесарей, кузнецов и т.д.». 24 сентября – 7 октября 1905 года в Москве состоялась I Всероссийская конференция профессиональных союзов, образовавшая межсоюзную организацию профессиональных союзов – Московское центральное бюро профсоюзов – и по существу положившая начало организационному становлению и развитию профсоюзного движения в России (Скворцов, 2009: С. 64–65).

Студенческие волнения продолжались на протяжении всего 1905 года. Одним из антиправительственных мероприятий московского студенчества стали похороны ректора Московского университета князя С.Н. Трубецкого. Как сообщал пристав 1 участка Серпуховской части 3 октября, «сего числа, около 6 часов вечера, к Донскому монастырю прибыла процессия с телом покойного ректора Московского университета князя С.Н. Трубецкого, в сопровождении толпы учащейся молодежи и посторонней публики, в количестве приблизительно до 12–14 тысяч человек, с пением Марсельезы, «со святыми упокой» и «вечной памяти». Внутрь ограды монастыря публика пускалась по билетам» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 775. Л. 11). Во время революции публичные похороны нередко приобретали политический подтекст (Соколова, 2022: 84–96).

17 октября 1905 года был опубликован Высочайший манифест императора Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка». Через три дня, 20 октября 1905 года, Департамент полиции обратился с секретным отношением к губернаторам, обер-полицеймейстерам, градоначальникам, начальникам губернских жандармских управлений и жандармских полицейских управлений железных дорог. В нем подчеркивалось, что населению были дарованы основы гражданской свободы – свободы совести, слова, собраний и союзов. На практике это означало, что «лишение свободы по расследованиям в порядке Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия применялось исключительно к тем лицам, которые своей ясно проявленной деятельностью внушают основательное подозрение в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним и при том преступная деятельность которых в течение указанного в Положении об охране срока может быть доказана с положительностью и дело может быть направлена без продления срока ареста в формальном порядке, указанного ст. 1035 Уст. Угол. Судопр.» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 9. Л. 27–28). В течение октября 1905 года Московское охранное отделение прекратило розыск по целому ряду дел: «за нижепоименованными лицами розыск надлежит прекратить и красные розыскные листки по выставленным секретным прибавлениям уничтожить» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 9. Л. 47–52).

В 1905 году в московской полиции катастрофически не хватало сотрудников. Генерал А.А. Рейнбот, назначенный в 1906 году московским градоначальником, писал в декабре 1905 года: «Штат московской полиции был увеличен на 210 околоточных и 1560 городских; на это число потребовалось вооружение, а между тем даже и прежние городские не имели еще пригодного и необходимого оружия... Полиция, которая только что пережила борьбу с мятежниками, вооруженными револьверами самых последних образцов – маузерами, браунингами и т.п. на весь штат 4000 с лишним человек имела лишь 1332 старых револьверов системы Смит и Вессон, к тому же наполовину неисправных, и железные пашки» (Жукова, 2015: 342). В столичных охранных отделениях не хватало и агентов службы наружного наблюдения – филёров (ГАРФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 100. Д. 7. Л. 6). Между филёрами Петербургского и Московского охранных отделений наблюдались нездоровая конкуренция и нежелание сотрудничать. В Белостоке, Гродно и Ярославле филёры жаловались на «недостаток зимнего и летнего статского платья, которого в Управлении совсем нет» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 560. Л. 30). Уволенные по состоянию здоровья сотрудники охранных отделений получали пенсии, на которые они не могли содержать свои семьи (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 461. Л. 170).

Очевидно, Московское и Петербургское охранные отделения не справлялись с противодействием революционному движению в 1905 году. За первый революционный год сменилось два начальника отделения в Москве (В.В. Ратко, В.В. Тржецяк), один в Петербурге (Л.Н. Кременецкий), три директора Департамента полиции (А.А. Лопухин, С.Г. Коваленский, Н.П. Гарин). Важнейшие события революции, «Кровавое воскресенье» в Санкт-Петербурге и Декабрьское восстание в Москве (Декабрьское вооруженное восстание 1905 г.; Алмазов, 2019а; Алмазов, 2019б), продемонстрировали неготовность столичных «охранок» предотвращать и не допускать в дальнейшем массовые антиправительственные беспорядки. Александр Васильевич Герасимов, возглавивший Петербургское охранное отделение в 1905 году, писал в своих воспоминаниях: «Эти дефекты организации, эта перепутаница была карикатурой на политическую тайную полицию. Говорят: властители империи находятся под угрозой террористов, превосходно организованных, точно работающих, после тщательной подготовки молниеносно осуществляющих свои планы. Но аппарат, который должен их задержать, пересечь путь, выпытать планы и свести на нет, этот аппарат ведет призрачное существование, противоречащее всем требованиям момента и

лишенное всякой цели и смысла» (Герасимов, 2004: 145). Сказанное в той же мере можно отнести и к работе Московского охранного отделения.

5. Заключение

Таким образом, на период начала революционных событий ресурсная база Московского охранного отделения не была релевантна стоящим перед этой организацией задачам. Недостаточный уровень финансирования и, как следствие, отсутствие должного материального снабжения и низкий размер оплаты труда демотивировали сотрудников и объективно лишали их возможности оперативно реагировать на серьезные угрозы. Одновременно Московское охранное отделение не имело эффективной системы коммуникации и согласования действий с аналогичными территориальными подразделениями Департамента полиции в других губерниях. Ситуацию усугубляла как частая смена руководства, способствовавшая дезорганизации работы охранного отделения, так и наличие у него явно избыточных функций. В условиях роста революционной опасности ресурсы охранного отделения отвлекались от поиска лиц, занятых реальной экстремистской деятельностью, ради привлечения к ответственности обывателей, публично выражавших неуважение или враждебность к власти. При этом аресты за подобные высказывания лишь еще больше раздражали оппозиционно настроенную общественность, способствуя росту симпатии к революционерам в широких слоях населения. Игнорировалось то обстоятельство, что критика власти в условиях повседневного общения играла роль ресурса относительно безопасной канализации социального недовольства. Она выполняла функцию выброса негативных эмоций и избавления от аффективных состояний, которые, необходимо подчеркнуть, облегчали манипуляцию поведением человека со стороны революционных активистов.

Литература

- Алмазов, 2019а – Алмазов М.Г. Судьба воззваний генерал-губернатора Ф.В. Дубасова к московскому населению в период Декабрьского восстания 1905 г. // *Вестник Брянского государственного университета*. 2019. № 4. С. 9-17.
- Алмазов, 2019б – Алмазов М.Г. «С сегодняшнего дня ежедневные советы у меня»: к вопросу о роли военно-полицейских совещаний в период Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. // *Вестник Московского университета. Серия 8 «История»*. 2019. № 1. С. 75-84.
- Берман, 1913 – Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность // *Право*. 1913. № 33. С. 1912-1914.
- Брачев, 2002 – Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 2002.
- Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. – Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. глазами сотрудников московской полиции. Публикация И.В. Говорова // *Новейшая история России*. 2012. № 2. С. 182-190.
- Галкин, 1996 – Галкин В.В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880–1910 гг.). М., 1996.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Герасимов, 2004 – Герасимов А.В. На лезвии с террористами / «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 141-345.
- Гредескул, 1912 – Гредескул Н.А. Террор и охранка. СПб., 1912.
- Гурьев, 2014 – Гурьев В.И. Московская полиция 1881–1917 гг. СПб., 2014.
- Ерошкин, 1952 – Ерошкин Н.П. Административно-полицейский аппарат / История Москвы. Т. 5. Период империализма и буржуазно-демократических революций. М., 1952. С. 663-675.
- Жукова, 2015 – Жукова Л.А. Общественно-политическая и повседневная жизнь москвичей в 1905 году (к 110-летию Первой российской революции) // *Вестник университета*. 2015. № 6. С. 339-344.
- Захарова, 2017 – Захарова Е.А. Повседневные практики провинциальных туристов в Санкт-Петербурге и Москве на рубеже XIX–XX веков // *Исторический журнал: научные исследования*. 2017. № 3. С. 14-23.
- Кан, 2015 – Кан Г.С. Зинаида Конопляникова и убийство генерала Г.А. Мина // *Российская история*. 2015. № 5. С. 99-117.
- Кондрашин, 2020 – Кондрашин В.В. Крестьянское движение в России в годы Первой русской революции // *Северо-Запад в аграрной истории России*. 2020. № 26. С. 195-212.
- Мицкевич, 1940 – Мицкевич С.И. Революционная Москва. М., 1940.
- Панкратов, Поляков, 1965 – Панкратов Н.Р., Поляков И.М. Военно-боевая работа большевиков 1903–1917 гг. М., 1965.
- Панкратова, 1951 – Панкратова А.М. Первая русская революция. 2-е изд. М., 1951.
- Панченко, 2007 – Панченко А.М. Г.А. Мин: от библиотекаря до командира лейб-гвардии Семеновского полка // *Библиосфера*. 2007. № 2. С. 57-64.
- Прохорова, 2013 – Прохорова Е.С. Эсеры в период Первой русской революции: борьба за влияние на массы // *Вестник Московского университета. Серия 8 «История»*. 2013. № 4. С. 25-34.

Скворцов, 2009 – Скворцов С.С. Профсоюзы как институт социальной интеграции рабочего класса (на материалах становления профсоюзного движения в России) // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»*. 2009. № 2. С. 61-69.

Соколова, 2022 – Соколова А.Д. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М., 2022.

Степанов, 2020 – Степанов В.Л. Правительственные меры по возрождению бакинских нефтепромыслов в 1905–1907 гг. // *Российская история*. 2020. № 5. С. 92-107.

Таратута, 1925 – Таратута В.К. 1905 год и Московское восстание. М., 1925.

Чебарин, 1953 – Чебарин А.С. Москва в революции 1905–1907 гг. М., 1953.

Черномордик, 1926 – Черномордик С.И. Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. М.-Л., 1926.

References

Almazov, 2019a – Almazov, M.G. (2019). Sud'ba vozzvaniy general-gubernatora F.V. Dubasova k moskovskomu naseleniyu v period Dekabr'skogo vosstaniya 1905 g. [The fate of the appeals of the Governor-General F.V. Dubasov to the Moscow population during the December uprising of 1905]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4: 9-17. [in Russian]

Almazov, 2019b – Almazov, M.G. (2019). «S segodnyashnego dnya ezhdnevnye sovery u menya»: k voprosu o roli voenno-politseiskikh soveshchaniy v period Dekabr'skogo vooruzhennogo vosstaniya 1905 g. [“From today, I have daily advice”: on the role of military-police meetings during the December armed uprising of 1905]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 1: 75-84. [in Russian]

Berman, 1913 – Berman, Ya. (1913). Vliyanie sotsial'no-pravovogo i ekonomicheskogo faktora na gosudarstvennyuyu prestupnost' [Influence of the socio-legal and economic factor on state crime]. *Pravo*. 33: 1912-1914. [in Russian]

Brachev, 2002 – Brachev, V.S. (2002). Mastera politicheskogo syska dorevolyutsionnoi Rossii [Masters of political investigation of pre-revolutionary Russia]. SPb. [in Russian]

Chebarin, 1953 – Chebarin, A.S. (1953). Moskva v revolyutsii 1905–1907 gg. [Moscow in the revolution of 1905–1907]. М. [in Russian]

Chernomordik, 1926 – Chernomordik, S.I. (1926). Moskovskoe vooruzhennoe vosstanie v dekabre 1905 goda [Moscow armed uprising in December 1905]. М.; Л. [in Russian]

Dekabr'skoe vooruzhennoe vosstanie 1905 g. – Dekabr'skoe vooruzhennoe vosstanie 1905 g. glazami sotrudnikov moskovskoi politsii. Publikatsiya I.V. Govorova [The December armed uprising of 1905 through the eyes of the Moscow police. Publication by I.V. Govorova]. *Noveishaya istoriya Rossii*. 2012. 2: 182-190. [in Russian]

Eroshkin, 1952 – Eroshkin, N.P. (1952) Administrativno-politseiskii apparat [Administrative and police apparatus]. *Istoriya Moskvy*. V.5. Period imperializma i burzhuzno-demokraticheskikh revolyutsii. М. Pp. 663-675. [in Russian]

Galkin, 1996 – Galkin, V.V. (1996). Tsarskaya tainaya politsiya v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii (1880–1910 gg.) [Tsarist secret police in the fight against the revolutionary movement in Russia (1880–1910)]. М. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].

Gerasimov, 2004 – Gerasimov, A.V. (2004). Na lezviy s terroristami. «Okhranka»: Vospominaniya rukovoditelei okhrannykh otdelenii [On the edge with terrorists]. Т. 2. М.: 141-345. [in Russian]

Gredeskul, 1912 – Gredeskul, N.A. (1912). Terror i okhranka [Terror and secret police]. SPb. [in Russian]

Gur'ev, 2014 – Gur'ev, V.I. (2014). Moskovskaya politsiya 1881–1917 gg. [Moscow police 1881–1917]. SPb. [in Russian]

Kan, 2015 – Kan, G.S. (2015) Zinaida Konoplyannikova i ubiystvo generala G.A. Mina [Zinaida Konoplyannikova and the murder of General G.A. Mina]. *Rossiiskaya istoriya*. 5: 99-117. [in Russian]

Kondrashin, 2020 – Kondrashin, V.V. (2020). Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v gody Pervoi russkoi revolyutsii [Peasant movement in Russia during the First Russian Revolution]. *Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii*. 26: 195-212. [in Russian]

Mitskevich, 1940 – Mitskevich, S.I. (1940). Revolyutsionnaya Moskva [Revolutionary Moscow]. М. [in Russian]

Panchenko, 2007 – Panchenko, A.M. (2007). G.A. Min: ot bibliotekarya do komandira leib-gvardii Semenovskogo polka [Ming: from librarian to commander of the Semyonovsky Life Guards Regiment]. *Bibliosfera*. 2: 57-64. [in Russian]

Pankratov, Polyakov, 1965 – Pankratov, N.R., Polyakov, I.M. (1967). Voенно-boevaya rabotabol'shevikov 1903–1917 gg. [Military combat work of the Bolsheviks 1903–1917]. М. [in Russian]

Pankratova, 1951 – Pankratova, A.M. (1951) Pervaya russkaya revolyutsiya [The first Russian revolution]. 2-e izd. М. [in Russian]

Prokhorova, 2013 – Prokhorova, E.S. (2013). Esery v period Pervoi russkoi revolyutsii: bor'ba za vliyanie na massy [Socialist-Revolutionaries during the First Russian Revolution: the struggle for influence on the masses]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. 4: 25-34. [in Russian]

Skvortsov, 2009 – Skvortsov, S.S. (2009). Profsoyuzy kak institut sotsial'noi integratsii rabocheho klassa (na materialakh stanovleniya profsoyuznogo dvizheniya v Rossii) [Trade unions as an institution of social integration of the working class (on the materials of the formation of the trade union movement in Russia)]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. 2: 61-69. [in Russian]

Sokolova, 2022 – Sokolova, A.D. (2022). Novomu cheloveku – novaya smert' [A new man – a new death? Funeral culture of the early USSR]? Pokhoronnaya kul'tura rannego SSSR. M. [in Russian]

Stepanov, 2020 – Stepanov, V.L. (2020). Pravitel'stvennye mery po vrozhdneniyu bakinskikh neftepromyslov v 1905–1907 gg. [Government measures to revive the Baku oil fields in 1905–1907]. *Rossiiskaya istoriya*. 5: 92-107. [in Russian]

Taratuta, 1925 – Taratuta, V.K. (1925). 1905 god i Moskovskoe vosstanie [1905 and the Moscow uprising]. M. [in Russian]

Zakharova, 2017 – Zakharova, E.A. (2017). Povsednevnye praktiki provintsial'nykh turistov v Sankt-Peterburge i Moskve na rubezhe XIX-KhKh vekov [Daily practices of provincial tourists in St. Petersburg and Moscow at the turn of the 19th-20th centuries]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 3: 14-23. [in Russian]

Zhukova, 2015 – Zhukova, L.A. (2015). Obshchestvenno-politicheskaya i povsednevnyaya zhizn' moskvichei v 1905 godu (k 110-letiyu Pervoi rossiiskoi revolyutsii) [Socio-political and everyday life of Muscovites in 1905 (to the 110th anniversary of the First Russian Revolution)]. *Vestnik universiteta*. 6: 339-344. [in Russian]

Московское охранное отделение на страже безопасности Российской империи в 1905 году

Сергей Владимирович Медведев^{a, *}, Егор Евгеньевич Кочетков^a, Елена Викторовна Бестаева^b, Ольга Владимировна Панина^b

^a Российский университет транспорта, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных материалов Государственного архива Российской Федерации исследуется деятельность Московского охранного отделения, направленная на предотвращение антиправительственных выступлений. Уделяется внимание реакции москвичей на убийство великого князя Сергея Александровича, бранным высказываниям в адрес императора Николая II. Формирование профсоюзного движения прослеживается на примере антиправительственных объединений булочников и печатников. Авторы статьи приходят к выводу о недостаточной ресурсной базе Московского охранного отделения, препятствующей оперативному подавлению революционных бунтов. Недостаточный уровень финансирования и, как следствие, отсутствие должного материального снабжения и низкий размер оплаты труда демотивировали сотрудников и объективно лишали их возможности оперативно реагировать на серьезные угрозы. Одновременно московское охранное отделение не имело эффективной системы коммуникации и согласования действий с аналогичными территориальными подразделениями Департамента полиции в других губерниях. Ситуацию усугубляла как частая смена руководства, способствовавшая дезорганизации работы охранного отделения, так и наличие у него явно избыточных функций. В условиях роста революционной опасности ресурсы охранного отделения отвлекались от поиска лиц, занятых реальной экстремистской деятельностью, ради привлечения к ответственности обывателей, публично выражавших неуважение или враждебность к власти. При этом аресты за подобные высказывания лишь еще больше раздражали оппозиционно настроенную общественность, способствуя росту симпатии к революционерам в широких слоях населения. Игнорировалось то обстоятельство, что критика власти в условиях повседневного общения играла роль ресурса относительно безопасной канализации социального недовольства. Она выполняла функцию выброса негативных эмоций и избавления от аффективных состояний, которые, необходимо подчеркнуть, облегчали манипуляцию поведением человека со стороны революционных активистов.

Ключевые слова: Московское охранное отделение, полиция, революция 1905–1907 гг., профсоюзное движение, приставы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: speransky1809@yandex.ru (С.В. Медведев), kochetkov.work@gmail.com (Е.Е. Кочетков), elvbستاeva@fa.ru (Е.В. Бестаева), opanina@fa.ru (О.В. Панина)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 994-1001
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.994

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Duties, Professional Appearance and Personal Qualities of Provincial Officials of Excise Departments and Financial Chambers of Eastern Siberia at the beginning of the 20th century

Tatyana G. Karchaeva ^{a, *}, Mikhail D. Severyanov ^a, Anna S. Zhulaeva ^a, Nikolai R. Novosel'tsev ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article tested the facts of social and professional appearance of officials in Siberia. They served in the structure of local government under the Ministry of Finance. The object of the study is treasurers, senior accountants, clerks, clerks, controllers, assessors, auditors, technicians, secretaries, overseers, senior and junior assistants who served in the provincial, regional and district institutions of the Irkutsk province, the Yenisei province, the Trans-Baikal region and the Yakutsk region. The historical sources of the study were the "Lists of ranks in the Ministry of Finance" for 1907, 1909, 1910, 1911, 1914, which contain information about the name and rank, the ages, the presence of orders and medals, education (with the name of the educational institution), religion, stages of public service (years of entry into the civil service, department and current position). We analyzed and compared the data and established patterns in the professional appearance and personal qualities of officials who served in 1906–1917. We examined officials who worked in positions of the VI-VIII classes according to the "Table of Ranks" of Peter I. We discovered the following patterns. Firstly, the officials were younger in the Trans-Baikal and Yakut regions compared to the officials who served in the Irkutsk and Yenisei provinces. That is, younger officials went to more remote territories. In the Yakutsk region and the Trans-Baikal region, 54 % of officials were between 26 and 45 years old. In the Yenisei province and the Irkutsk province, officials aged 46 to 55 years old accounted for 46 %, and from 26 to 45 years old – 34 %. Secondly, 70 % of officials were Orthodox in Eastern Siberia, 20 % of officials were Catholics and Protestants. Thirdly, representatives of the local administration were traditionally awarded orders and medals for impeccable service. More than 60 % of officials were marked with orders of Saints Vladimir, Anna, Stanislav and medals.

Keywords: officials, civil servants, Treasury Chamber, Excise Department, Ministry of Finance, Irkutsk province, Yenisei province, Trans-Baikal region, Yakut region, Siberia.

1. Введение

Ни одно государственное учреждение не может существовать без руководства, осуществляющего организационно-распорядительную деятельность. В условиях позднего периода Российской империи, в начале XX в., темп принятия решений ускорился по сравнению с предшествовавшей эпохой, от местных чиновников требовалось своевременное и правильное решение стратегических и поставленных задач. На губернском и областном уровнях государственного управления в Сибири, как и во всей Российской империи, «первыми лицами» местной власти были губернаторы, вице-губернаторы, председатели казенной палаты, суда, акцизного управления, контрольной палаты, управления государственных имуществ, тюремные, врачебные инспекторы, неперменные члены по крестьянским делам, занимавшие должности IV–V классов. Однако, как и сегодня, 100 лет назад руководитель и руководство нуждались в помощниках, освобождавших их от нерациональной траты времени и позволявших сосредотачиваться на узловых проблемах. Такими

* Corresponding author

E-mail addresses: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (T.G. Karchaeva)

помощниками были чиновники, занимавшие должности VI–VIII классов в губернском и областном управлении. Например, по Министерству финансов – это казначеи, старшие бухгалтеры, столоначальники, делопроизводители, контролеры, ассессоры, ревизоры, техники, секретари, надзиратели, старшие и младшие их помощники. Их важнейшей задачей было разгрузить руководителя (руководство), помочь сберечь невосполнимый ресурс – время, которое нельзя вернуть или возместить, но «помощник» мог обеспечить его эффективное использование.

Цель статьи – установить место, значение, профессиональный облик и ряд личных качеств «помощников» руководства Иркутской и Енисейской губерний, Забайкальской и Якутской областей по Министерству финансов в структуре государственного управления Сибири в начале XX в.

Объект исследования в губерниях и областях разнится:

- Енисейская губерния – это чиновники в системе управления акцизными сборами (в губернском акцизном управлении), занимавшие должности младших ревизоров, секретарей, бухгалтеров; в окружных акцизных управлениях (по округам) – надзиратели, старшие и младшие помощники надзирателей; чиновники Казенной палаты (в городе Красноярске) – начальники отделений, секретари; податные инспекторы Красноярского, Ачинского, Енисейского, Канского, Минусинского уездов, казначеи в городах Красноярске, Ачинске, Енисейске, Канске, Минусинске;

- Забайкальская область – в системе управления акцизными сборами (в Областном акцизном управлении) – старшие ревизоры, младшие техники, секретари, бухгалтеры; по окружным акцизным управлениям – надзиратели, старшие помощники надзирателей; чиновники казенной палаты – начальники отделений, секретари; податные инспекторы Читинско-Акшпинского, Нерчинского и Нерчинскозаводского, Троицкосавского, Верхнеудинского, Читинского, Баргузинско-Селенгинского участков; казначеи читинский, кяхтинский в Троицкосавске, верхнеудинский, нерчинский, баргузинский, харбинский, стретенский;

- Иркутская губерния и Якутская область – в системе управления акцизными сборами Иркутской губернии и Якутской области (в губернском акцизном управлении) – старшие и младшие ревизоры, младшие техники, секретари, бухгалтеры, в окружных акцизных управлениях – надзиратели, старшие и младшие их помощники;

- Иркутская губерния – чиновники Казенной палаты (в городе Иркутске) – начальники отделений, секретари; податные инспекторы Иркутского городского участка, Иркутского, Нижнеудинского, Балаганского, Верхоленского уездных участков, Киренского, Бодайбинского участков, казначеи в городах Иркутске, Нижнеудинске, Балаганске, Верхоленске, Киренске.

Предмет исследования – функции, деловые (профессиональные) и личные качества названных чиновников.

Хронологические рамки исследования – 1906–1917 гг. – определяются временем существования Иркутского генерал-губернаторства в административно-территориальных границах Восточно-Сибирского генерал-губернаторства (без территорий Дальнего Востока) до 1887 г.

Территориальные границы исследования включают Енисейскую и Иркутскую губернии, Якутскую и Забайкальскую области, входившие в Иркутское генерал-губернаторство в рассматриваемый хронологический период.

2. Материалы и методы

Место, значение и облик чиновников Министерства финансов на должностях VI–VIII классов в структуре местной государственной власти на территории Иркутской и Енисейской губерний, Забайкальской и Якутской областей позволили установить «Списки личного состава Министерства финансов»:

- за 1907 г.: Енисейская губерния (столбцы 237-239, 552-553), Забайкальская область (столбцы 239-241, 553-554), Иркутская губерния (столбцы 244-246, 555-556) ([Список..., 1907](#));

- за 1909 г.: Енисейская губерния (столбцы 261-263, 574-576), Забайкальская область (столбцы 263-265, 576-577), Иркутская губерния и Якутская область (столбцы 268-270, 577-578) ([Список..., 1909](#));

- за 1910 г.: Енисейская губерния (столбцы 261-263, 574-576), Забайкальская область (столбцы 263-265, 576-577), Иркутская губерния и Якутская область (столбцы 268-270, 577-578) ([Список..., 1910](#));

- за 1911 г.: Енисейская губерния (столбцы 288-290, 616-617), Забайкальская область (столбцы 291-292, 617-618), Иркутская губерния и Якутская область (столбцы 296-298, 619-620) ([Список..., 1911](#));

- за 1914 г.: Енисейская губерния (столбцы 343-346, 696-697), Забайкальская область (столбцы 346-347, 697-699), Иркутская губерния и Якутская область (столбцы 352-355, 699-700) ([Список..., 1914](#)).

В названных списках по Министерству финансов содержатся сведения об имени и чине, возрасте каждого приведенного служащего, наличии орденов и медалей, образовании (с наименованием учебного заведения), вероисповедании, этапах прохождения государственной службы (годы поступления на гражданскую службу, в ведомство и настоящую должность).

Обработка списков чинов по Министерству финансов (1907, 1909, 1910, 1911, 1914 гг.) проведена на принципах историзма и объективизма, которые позволили с научной позиции рассмотреть служебные функции чиновников в процессе развития государственной гражданской службы. Используемые в работе с историческими источниками структурно-системный метод, анализ и сравнение сделали возможным реконструировать деловой (профессиональный) облик и личные качества чиновников позднего периода Российской империи в Иркутской и Енисейской губерниях, Забайкальской и Якутской областях, сопоставить их между собой. При этом статистические данные получены посредством случайной выборки по 50 чиновников для Иркутской и Енисейской губерний в совокупности за 1907–1917 гг. и таким же образом для Якутской и Забайкальской областей. Всего в данном исследовании рассмотрено 100 чиновников, как уже говорилось, посредством случайно выборки, что позволило обеспечить репрезентативность (представительность, объективность) полученных выводов, которые можно экстраполировать на должностных лиц VI–VIII классов в целом по Енисейской, Иркутской губерниям, Якутской и Забайкальской областям.

3. Обсуждение

История чиновничества – одно из популярных направлений в исторической науке последнего десятилетия в России и за рубежом (Плех, 2019; Чуб, 2018; Gentes, 2003; Bloch, 2005; Degtyarev et al., 2020; Dyatlov, Dyatlova, 2020: 624). Облик государственного гражданского служащего в исторических научных работах традиционно соотносится с его управленческой деятельностью (Гергилев, 2018: 42–44; Дамешек, Дамешек, 2019; Данюкина, Гергилев, 2022: 287–288; Друзьяка, 2016; Друзьяка, 2021; Gryaznukhin et al., 2021). При этом присутствуют исторические исследования, касающиеся Сибири, в которых приводятся сведения о социально-культурных, профессиональных качествах местных управленцев (Lyubichankovskiy, 2020: 728–230; Дамешек, Дамешек, 2020: 103–107; Матханова, 2020).

Так, более ранние научные работы показывают, что на губернском и областном уровнях государственного управления «первые лица» местной власти в Сибири (губернаторы, вице-губернаторы, председатели казенной палаты, суда, акцизного управления, контрольной палаты, управления государственных имуществ и пр.) были в основном приезжими из Центральной России, дворянами по происхождению, имевшими достойный уровень образования и многолетний опыт службы (Карчаева 2017: 54–92). В свою очередь, штат «нижнего» звена местной власти, то есть должности IX–XIV классов (канцелярские служители, писцы, протоколисты, регистраторы, помощники столоначальников, помощники регистраторов и пр.) были представлены местными по происхождению служащими, выходцами из Сибири, окончившими губернские гимназии, уездные училища, семинарии, происходившими по сословно-социальному статусу из семей чиновников второго-третьего поколений, а также мещан, духовенства, для которых названные должности в государственных местных учреждениях была первым опытом гражданской службы (Karchaeva et al., 2018; Karchaeva et al., 2019; Karchaeva et al., 2021; Karchaeva et al., 2022).

4. Результаты

4.1. Функции, место и значение чиновников VI–VIII классов

Губернские, областные, окружные акцизные управления, а также губернские и областные казенные палаты представляли собой местные государственные учреждения по Министерству финансов в Иркутской, Енисейской губерниях, Забайкальской области. Заметим, что в Якутской области казенной палаты не было вовсе, а все подведомственные данному учреждению вопросы решались в Иркутской казенной палате (Гергилев, 2018: 45). Названная структура местных органов государственного управления сформировалась в Сибири в 1902 г. с созданием системы управления акцизными сборами, при этом казенные палаты были организованы сразу с учреждением административно-территориальных единиц – в 1822 г. по губерниям, в 1851 г. – в Забайкальской области (Гергилев, 2018: 42–44).

Чиновники на должностях VI–VIII классов представляли собой «штаб-офицерский корпус» штатного состава местных государственных служащих губернской, областной, окружной администраций. Названные должности находились в середине чиновничьей иерархии, а лица на данных должностях представляли собой «доверенных» высшего звена управленцев (губернаторов, председателей и управляющих учреждениями и присутственными местами на уровне губернии и области) (Карчаева 2017: 94–96). В связи с этим функции чиновников на должностях VI–VIII классов были чрезвычайно широки. Сфера их деятельности и служебных обязанностей заключалась в контроле и надзоре за ведением делопроизводства, в организации работы учреждений, ведении деловой переписки с вышестоящими и нижестоящими органами местной власти, должностными лицами (Данюкина, Гергилев, 2022: 287–288).

Анализ штатных расписаний казенных палат, казначейств и акцизных управлений показал, что обязанности чиновников данного уровня можно было разделить условно на три части: 1) информационно-документационное обслуживание (работа с документами); 2) организация и обеспечение функционирования вверенных структурных подразделений (управлений, отделов,

«столов»); 3) контроль и надзор за нижестоящими по служебной иерархии чиновниками на должностях IX–XIV классов, канцелярскими служителями и писцами, включая их отбор и назначение в штатный и внештатный состав (Карчаева 2017: 166–187).

Указанные основные служебные функции чиновников на должностях VI–VIII классов в системе местного государственного управления в Сибири сохранялись до 1917 г. Обязанности младших ревизоров, секретарей, бухгалтеров, надзирателей, старших и младших их помощников, начальников отделений, секретарей, податных инспекторов были многопрофильны и требовали достаточно высокой общей культуры и образованности, специальных знаний и навыков.

4.2. Профессиональный облик и личные качества

Чиновники такого высокого уровня должны были быть профессионалами в своем деле, то есть в условиях начала XX в. при отсутствии общепринятых требований к квалификации иметь определенные знания в результате ранее приобретенного опыта.

Списки чинов по Министерству финансов (за 1907, 1909, 1910, 1911, 1914 гг.), а также коллективные и индивидуальные формулярных списки, личные дела служащих Иркутской, Енисейской губерний, Забайкальской и Якутской областей губернского, областного, окружного уровней управления позволили установить имена, года рождения, уровень образования, наличие орденов и медалей, вероисповедание, этапы прохождения государственной службы (Таблица 1).

Таблица 1. Профессиональный облик и личные качества чиновников Восточной Сибири на должностях VI–VIII классов в начале XX в.

Критерий/ территории	Возраст				
	от 16 до 25 лет	от 26 до 45 лет	от 46 до 55 лет	от 56 до 75 лет	
Иркутская и Енисейская губернии	3 чел. (6 %)	17 чел. (34 %)	23 чел. (46 %)	7 чел. (14 %)	
Забайкальская и Якутская области	4 чел. (8 %)	27 чел. (54 %)	11 чел. (22 %)	8 чел. (16 %)	
Критерий/ территории	Вероисповедание			Награды	
	православ- ные	католи-ки	протес- танты	ордена и/или медали	нет наград
Иркутская и Енисейская губернии	40 чел. (80 %)	6 чел. (12 %)	4 чел. (8 %)	34 чел. (68 %)	16 чел. (32 %)
Забайкальская и Якутская области	38 чел. (76 %)	6 чел. (12 %)	6 чел. (12 %)	32 чел. (64 %)	18 чел. (36 %)
Критерий/ территории	Уровень образования				
	высшее	среднее	начальное	экзамен на 1-й классный чин	
Иркутская и Енисейская губернии	28 чел. (56 %)	10 чел. (20 %)	6 чел. (12 %)	6 чел. (12 %)	
Забайкальская и Якутская области	24 чел. (48 %)	13 чел. (26 %)	8 чел. (16 %)	5 чел. (10 %)	
Критерий/ территории	Опыт государственной службы				
	до 4 лет	от 5 до 10 лет	от 11 до 20 лет	более 21 года	
Иркутская и Енисейская губернии	–	6 чел. (12 %)	32 чел. (64 %)	12 чел. (24 %)	
Забайкальская и Якутская области	–	10 чел. (20 %)	29 чел. (58 %)	11 чел. (22 %)	
Критерий/ территории	Опыт службы в ведомстве				
	до 2 лет	от 2 до 5 лет	от 5 до 15 лет	более 15 лет	
Иркутская и Енисейская губернии	2 чел. (4 %)	6 чел. (12 %)	28 чел. (56 %)	14 чел. (28 %)	
Забайкальская и	4 чел. (8 %)	12 чел. (24 %)	25 чел. (50 %)	9 чел. (18 %)	

Критерий/ территории	Опыт службы в должности			
	до 2 лет	от 2 до 5 лет	от 5 до 15 лет	более 15 лет
Иркутская и Енисейская губернии	5 чел. (10 %)	13 чел. (26 %)	18 чел. (36 %)	4 чел. (28 %)
Забайкальская и Якутская области	8 чел. (16 %)	15 чел. (30 %)	19 чел. (38 %)	8 чел. (16 %)

Сост. по: [Список, 1907: 237-239, 552-553, 239-241, 553-554, 244-246, 555-556](#); [Список, 1909: 261-263, 574-576, 263-265, 576-577, 268-270, 577-578](#); [Список, 1910: 263-265, 576-577, 268-270, 577-578](#); [Список, 1911: 291-292, 617-618, 296-298, 619-620](#); [Список, 1914: 343-346, 696-697, 346-347, 697-699, 352-355, 699-700](#).

Приведенные в [Таблице 1](#) статистические данные позволяют судить о профессиональном облике и личных качествах местных чиновников, занимавших должности младших ревизоров, секретарей, бухгалтеров, надзирателей, старших и младших их помощников, начальников отделений, секретарей, податных инспекторов в казенных палатах и акцизных управлениях на территории Восточной Сибири в начале XX в.

Во-первых, выявлена разница между губерниями и областями Восточной Сибири по возрастному составу служащих, суть которой заключается в назначении на должности VI–VIII классов лиц более молодого возраста (от 26 до 45 лет) в Забайкальскую и Якутскую области, чем Иркутскую и Енисейскую губернии, в которых данные должности преимущественно занимали чиновники 46–55 лет. При этом количество служащих в возрасте до 25 и от 56 лет и старше на данных территориях не отличалось: «молодых» было 6–8 %, «возрастных» – 14–16 %.

Примером чиновника старшего возраста может служить статский советник Михаил Андреевич Митропольский, 1837 года рождения, в 1907 г., а значит в 70 лет находившийся на должности начальника Второго отделения Иркутской казенной палаты. Он имел многолетний опыт гражданской службы, поступив на нее в 1861 г., при этом в ведомство Министерства финансов и на данную должность был зачислен в 1891 г., занимая пост в течении 16 лет ([Список..., 1907: 555](#)). В этом же году (в 1907 г.) его на данной должности сменил 39-летний надворный советник Николай Георгиевич Арзамасцев, 1868 года рождения, закончивший Императорский Московский университет, поступивший в 1894 г. на гражданскую службу сразу же по Министерству финансов ([Список, 1909: 577](#)).

Во-вторых, общим в процентном соотношении для губерний и областей Восточной Сибири было вероисповедание и количество официально награжденных орденами и медалями за службу чиновников. Ранее проведенные исследования одного из соавторов данной статьи свидетельствуют о некой стабильности в указанных вопросах на примере Енисейской губернии, начиная с 1822 и заканчивая 1917 г. ([Карчаева, 2017: 125-126, 149](#)). Как и в губерниях Центральной России, абсолютное большинство чиновников данного ранга имели официальную государственную религию – «православие» (76–80 %), выборка показала, что на территории Енисейской и Иркутской губерний католиков было 12 %, протестантов – 8–12 %.

Вклад чиновников в государственную службу подтверждался официальными наградами. Так, более 60 % служащих Восточной Сибири были награждены, преимущественно орденами Святых Анны, Станислава, Владимира II–IV степеней.

В качестве примера сибирского чиновника данного высокого ранга, лютеранина по вероисповеданию, награжденного за беспорочную службу орденом Святой Анны третьей степени «с мечом и бантом», приведен титулярный советник Эдгар Фридрихович Зандау, 1871 года рождения, поступивший на государственную гражданскую службу и ведомство Министерства финансов после окончания Императорского Юрьевского университета в 1894 г., на должность начальника Первого отделения Енисейской казенной палаты – в 1902 г. ([Список, 1907: 552](#)).

Анализ данных показал, что примером чиновника православного вероисповедания стоит указать Николая Устиновича Попова. Анализ этапов его служебной карьеры показал, что он был трудолюбив, но правительственных наград не имел, по сословно-социальному происхождению являлся сыном священника, учился в Пермской духовной семинарии, которую не окончил, в 1875–1883 гг. работал учителем в Ачинском приходском училище, затем в уездном Ачинском училище, Минусинском двухклассном училище, Усть-Абаканском приходском училище ([ТАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 963. Л. 1-3](#)). Н.У. Попов в 1884 г. поступил на государственную гражданскую службу в Енисейскую казенную палату, сначала занимал должность помощника столоначальника, в 1893 г. был назначен начальником Третьего отделения ([Список, 1907: 552](#)).

В-третьих, уровень образования чиновников в конце XIX – начале XX вв. различался. Примерно около 50 % закончили университеты, академии в Центральной и Западной частях России, среди которых наиболее распространенными были Императорские Московский, Казанский, Новороссийский, Юрьевский, Варшавский университеты, Духовная академия, Нежинский историко-философский институт; около 20 % чиновников имели дипломы среднего уровня образования –

духовной семинарии, городского училища, губернской гимназии и пр. При этом государство допускало на гражданскую службу лиц с домашним образованием, без аттестатов об образовании. В таких случаях чиновники проходили экзамен на первый классный чин, которые сдавала примерно 1/10 часть данного ранга чиновников.

В-четвертых, сроки государственной службы вообще в ведомстве и на данной должности свидетельствуют о политике государства по привлечению на значимые государственные посты опытных управленцев, имевших общий служебный стаж, преимущественно от 11 до 20 лет – таких было около 30 % чиновников, более 21 года – 11–12 %, а вот от 5 до 10 лет – 10–20 %. Заметим, что опыт службы в ведомстве и указанной должности у значительной части чиновников в основном совпадали, что говорит о том, что данная должность была первой по ведомству Министерства финансов.

5. Заключение

Выявленные факты свидетельствуют об определенных закономерностях в профессиональном облике и личных качествах чиновников начала XX в., служивших на должностях VI–VIII классов в Восточной Сибири. Списки чинов по ведомству Министерства финансов за 1907, 1909, 1910, 1911, 1914 г. позволили установить исторические факты и провести статистический анализ информации о кадровом составе казначеев, старших бухгалтеров, столоначальников, делопроизводителей, контролеров, ассессоров, ревизоров, техников, секретарей, надзирателей, старших и младших их помощников. Широкий круг обязанностей названных чиновников как первых «помощников» руководителей и руководства на территориальном уровне управления требовал от них знания вверенного им «государственного дела», умения принимать определенные решения, иметь определенный уровень квалификации и соответствовать своим обязанностям. Установленные на основании анализа данные о возрасте, вероисповедании, наличии орденов и медалей, образовании (с наименованием учебного заведения), этапах прохождения государственной службы позволили сделать вывод о профессиональной пригодности местных чиновников данного ранга.

Литература

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Гергилев, 2018 – Гергилев Д.Н. Исторические особенности административного управления восточной Сибирью (с 1822 г. до середины XIX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2018. № 2 (100). С. 41-45.

Дамешек, Дамешек, 2020 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Образы сибирских окраин империи как предмет зарубежной историографии XX–XXI вв. // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2020. № 1 (37). С. 84-96.

Данюкина, Гергилев, 2022 – Данюкина Д.В., Гергилев Д.Н. Органы управления по реализации социальной политики в сельской местности на примере Ужурского района в конце XX – начале XXI вв. // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. Т. 6. № 1. С. 287-294.

Друзьяка, 2016 – Друзьяка А.В. Русский нотариат в Харбине (1904–1930-е годы) // *Новый исторический вестник*. 2016. № 3 (49). С. 114-125.

Друзьяка, 2021 – Друзьяка А.В. Квантунская область и полоса отчуждения КВЖД: «Русские колонии» или «арендованные территории»? // *Россия и АТР*. 2021. № 3 (113). С. 94-105.

Карчаева, 2017 – Карчаева Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск: Изд-во СФУ, 2017. 252 с.

Матханова, 2020 – Матханова Н.П. Хабаровские съезды сведущих людей и приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф: поиски каналов коммуникации между властью и обществом в Имперской России // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2020. Т. 27 (3). С. 65-71.

Плех, 2019 – Плех О.А. Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. // *Вопросы истории*. 2019. № 11. С. 258-272.

Чуб, 2018 – Чуб Н.В. Кадровая деятельность губернских органов России XIX в. в фондах федерального и региональных архивов // *Вестник архивиста*. 2018. № 2. С. 343-351.

Bloch, 2005 – Bloch A. Longing for the kollektiv: Gender, power, and residential schools in central Siberia // *Cultural Anthropology*. 20 (4). pp. 534-569.

Dyatlov, Dyatlova, 2020 – Dyatlov V.I., Dyatlova E.V. From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(5): 623-638.

Gentes, 2003 – Gentes A. Licentious girls’ and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries // *Sibirica*. 2003. 3 (1). pp. 3-20.

Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Zhulaeva A.S. Conservatism as an alternative form of civilizational development of Russia after the great reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1299-1307.

Karchaeva et al., 2018 – Karchaeva T.G., Garin E.N., Sevryanov M. D. Who were the clerks in Siberia? Professional characteristics of Russian Empire local governmental officials from the 19th to the early 20ies century // *Bylye Gody*. 2018. 49(3): 1287-1295.

Karchaeva et al., 2019 – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Luschaeva G.M. Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province // *Bylye Gody*. 2019. 51 (1): 188-197.

Karchaeva et al., 2021 – Karchaeva T.G., Gryaznukhin A.G., Lushchayeva G.M., Alekseev O.G. Text Analysis of the Yenisei Provincial Administrations and the Yenisei Provincial Court documents about officials' abuse in Siberia in the second half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2021. 16 (4): 1849-1856.

Karchaeva et al., 2022 – Karchaeva T.G., Severyanov M.D., Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. «Where are you from?»: Staffing of the Public service in the Irkutsk and Yenisei provinces from XIX to early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 403-411.

Lyubichankovskiy, 2020 – Lyubichankovskiy S.V. Imperial Acculturation on Russian's Southeastern Frontier: An International Survey // *RUDN Journal of Russian History*. 2020. 19(3): 727-740.

References

Bloch, 2005 – Bloch, A. Longing for the kollektiv: Gender, power, and residential schools in central Siberia. *Cultural Anthropology*. 20(4): 534-569.

Chub, 2018 – Chub, N.V. (2018) Kadrovaja dejatel'nost' gubernskih organov Rossii XIX v. v fondah federal'nogo i regional'nyh arhivov [Human resource management in the Russian gubernia institutions of the 19th century in the fonds of federal and regional archives]. *Vestnik arhivista*. 2: 343-351. [in Russian]

Dameshek, Dameshek, 2020 – Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. (2020). Obrazy sibirskikh okrain imperii kak predmet zarubezhnoi istoriografii XX–XXI vv. [Images of the Siberian edge of the Empire as a subject of foreign historiography of the 20th – 21st centuries]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoi akademii nauk*. 37(1): 84-96. [in Russian]

Danyukina, Gergilev, 2022 – Danyukina, D.V., Gergilev, D.N. (2022). Organy upravleniya po realizatsii sotsial'noy politike v sel'skoy mestnosti na primere Uzhurskogo rayona v kontse XX – nachala XXI vv. [Management bodies for the implementation of social policy in rural areas on the example of the Uzhur district in the late XX – early XXI centuries]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 6 (1): 287-294. [in Russian]

Druzyaka, 2016 – Druzyaka, A.V. (2016). Russkiy notariat v Kharbine (1904–1930-ye gody) [Russian notarial services in Harbin (1904 – 1930s)]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 3(49): 114-125. [in Russian]

Druzyaka, 2021 – Druzyaka, A.V. (2021). Kvantunskaya oblast' i polosa otchuzhdeniya KVZHD: «Russkiye kolonii» ili «arendovannyye territorii»? [The Kwantung region and the Cer's right-of-way: “Russian colonies” or “Leased territories”?]. *Rossiya i ATR*. 3(113): 94-105. [in Russian]

Dyatlov, Dyatlova, 2020 – Dyatlov, V.I., Dyatlova, E.V. (2020). From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(5): 623-638.

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of the Krasnoyarsk Region].

Gentes, 2003 – Gentes, A. (2003). Licentious girls' and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries. *Sibirica*. 3 (1). pp. 3-20.

Gergilev, 2018 – Gergilev, D.N. (2018). Istoricheskiye osobennosti administrativnogo upravleniya vostochnoy Sibiri'yu (s 1822 g. do serediny XIX v.) [Historical features of the administrative management of Eastern Siberia (from 1822 to the middle of the 19th century)]. *Izvestiya Altayskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2(100): 41-45. [in Russian]

Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin, A. G., Gryaznukhina, T. V., Karchaeva, T.G., Zhulaeva, A.S. (2021). Conservatism as an alternative form of civilizational development of Russia after the great reforms. *Bylye Gody*. 16(3):1299-1307.

Karchaeva, 2017 – Karchaeva, T.G. (2017). Eniseiskaya gubernskaya administratsiya: chislennost' i sostav (1822–1917 gg.) [The Yenisei Provincial Administration: number: number and composition from 1822 to 1917]. Krasnoyarsk. [in Russian]

Karchaeva et al., 2018 – Karchaeva, T.G., Garin, E.N., Severyanov, M.D. (2018). Who were the clerks in Siberia? Professional characteristics of Russian Empire local governmental officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody*. 49(3): 1287-1295.

Karchaeva et al., 2019 – Karchaeva, T.G., Gergilev, D.N., Luschaeva, G.M. (2019). Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province. *Bylye Gody*. 51 (1): 188-197.

Karchaeva et al., 2021 – Karchaeva, T.G., Gryaznukhin, A.G., Lushchayeva, G.M., Alekseev, O.G. (2021). Text Analysis of the Yenisei Provincial Administrations and the Yenisei Provincial Court documents about officials' abuse in Siberia in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*. 16(4): 1849-1856.

Karchaeva et al., 2022 – Karchaeva, T. G., Severyanov, M.D., Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V. (2022). «Where are you from?»: Staffing of the Public service in the Irkutsk and Yenisei provinces from XIX to early XX centuries. *Bylye Gody*. 17 (1): 403-411.

Lyubichankovskiy, 2020 – Lyubichankovskiy, S.V. (2020). Imperial Acculturation on Russian's Southeastern Frontier: An International Survey. *RUDN Journal of Russian History*. 19 (3): 727-740.

Matkhanova, 2020 – Mathanova, N.P. (2020). Habarovskie s"ezdy "svedushchih lyudej" i priamurskij general-gubernator A.N. Korf: poiski kanalov kommunikacii mezhdru vlast'yu i obshchestvom v Imperskoj Rossii [Meetings of "Well-Informed People" in Khabarovsk and the Priamur Governor-General A.N. Korf: searching of communication channels between the authority and society in Imperial Russia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 27 (3): 65-71. [in Russian]

Plekh, 2019 – Plekh, O.A. (2019). Provintsial'noe chinovnichestvo Rossii v pervoi polovine XIX v.: otechestvennaya istoriografiya kontsa XX – nachala XXI v. [Provincial bureaucracy of Russia in the first half of the XIX century: domestic historiography of the end of the XX – early XXI century 2019]. *Voprosy istorii*. 11: 258-272. [in Russian]

Spisok..., 1907 – Spisok lichnogo sostava Ministerstva finansov na 1907 g. [List of personnel of the Ministry of Finance for 1907]. SPb.: izd-ye Redaktsii «Vestnik finansov», 1907. SPb.: izd-ye Redaktsii «Vestnik finansov». [in Russian]

Spisok..., 1909 – Spisok lichnogo sostava Ministerstva finansov na 1909 g. [List of personnel of the Ministry of Finance for 1909]. SPb.: izd-ye Redaktsii «Vestnik finansov». [in Russian]

Spisok..., 1910 – Spisok lichnogo sostava Ministerstva finansov na 1910 g. [List of personnel of the Ministry of Finance for 1910]. SPb.: izd-ye Redaktsii «Vestnik finansov». [in Russian]

Spisok..., 1911 – Spisok lichnogo sostava Ministerstva finansov na 1911 g. [List of personnel of the Ministry of Finance for 1911]. SPb.: izd-ye Redaktsii «Vestnik finansov», 1911. SPb.: izd-ye Redaktsii «Vestnik finansov». [in Russian]

Spisok, 1914 – Spisok lichnogo sostava Ministerstva finansov na 1914 g. [List of personnel of the Ministry of Finance for 1914]. SPb.: izd-ye Redaktsii «Vestnik finansov». [in Russian]

Обязанности, профессиональный облик и личные качества чиновников акцизных управлений и казенных палат в губерниях и областях Восточной Сибири начала XX в.

Татьяна Геннадьевна Карчаева ^{a, *}, Михаил Дмитриевич Северьянов ^a, Анна Сергеевна Жулаева ^a, Николай Рзавич Новосельцев ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос социального и профессионального облика чиновников Сибири по Министерству финансов и их значения в структуре местной власти. Объектом исследования выступили казначеи, старшие бухгалтеры, столоначальники, делопроизводители, контролеры, ассессоры, ревизоры, техники, секретари, надзиратели, старшие и младшие их помощники губернских, областных и окружных учреждений Иркутской и Енисейской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Историческими источниками исследования стали «Списки чинов по Министерству финансов» за 1907, 1909, 1910, 1911, 1914 гг., в которых содержатся сведения об имени и чине, возрасте каждого приведенного служащего, наличии орденов и медалей, образовании (с наименованием учебного заведения), вероисповедании, этапах прохождения государственной службы (годы поступления на гражданскую службу, в ведомство и настоящую должность). Анализ и сравнение выявленных данных позволили установить закономерности в профессиональном облике и личных качествах чиновников, служивших в 1906–1917 гг. на должностях VI–VIII классов. Во-первых, возрастной состав местных управленцев данного ранга был неодинаков среди административно-территориальных единиц Иркутского генерал-губернаторства. Так, в пограничных и отдаленных территориях служили более молодые по возрасту чиновники (54 % – от 26 до 45 лет), в губерниях же было больше чиновников в возрасте от 46 до 55 лет (46 %), а от 26 до 45 лет – 34 %. Во-вторых, при абсолютном большинстве православных чиновников (более 70 %), на отдаленных территориях Восточной Сибири традиционно служили католики и протестанты (совместно около 20 %). В-третьих, за беспорочную службу представители местной администрации традиционно награждались орденами и медалями. Отмеченных орденами Святых Владимира, Анны, Станислава и медалями было более 60 % чиновников.

Ключевые слова: чиновники, государственные служащие, казенная палата, акцизное управление, Министерство финансов, Иркутская губерния, Енисейская губерния, Забайкальская область, Якутская область, Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (Т.Г. Карчаева)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 1002-1009
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.1002

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Stolypin Migrant in the Caucasus (1908–1914): Some Features

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c, Aleksandr E. Epifanov ^{d, e}, Natal'ya V. Galitskaya ^f

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Moscow City University, Moscow, Russian Federation

^e Department for the Study of Historical Problems of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

^f Scientific Centre of Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines some features of Stolypin agrarian reform in the Caucasus (1908–1914 years). The attention is paid to the colonization of the Mugan steppe, the creation of Russian emigrant settlements, and the organization of medical care.

The published documents from the Complete Collection of laws of the Russian Empire (for example, the law of May 29, 1911 No. 35370 on land management), as well as materials of the periodical press – “Kavkazskii kalendar” and the publication “Voprosy kolonizatsii” were used as a source in the work. The work is based on general historical principles: historicism, consistency and objectivity. The chronological method is of great importance in the work, which allowed creating a general picture of the resettlement of Russian people to the Caucasus, identifying local problems of interaction with the outside world (epidemiological situation, problems of land use). The statistical method was also used, thanks to which the authors were able to summarize a significant statistical material and draw the reasoned conclusions.

In conclusion, the authors state that by the beginning of the Stolypin agrarian reform, there was practically no free land left in the Caucasus and the government followed the path of irrigation of the steppe territories at the disposal of the state treasury. Russian settlers were transported to the territory of the Mugan steppe in a short time, and by the end of the colonization of this part of the Caucasus, the Russian population was supposed to be up to 100 thousand people.

Along with the resettlement, the government took steps to financially support the displaced persons, which consisted in direct investments to acquire a farm, providing agronomic assistance, as well as organizing spiritual, moral and sanitary support. All this as a whole made it possible to lay a solid foundation for Russian influence in some regions of the Caucasus and partially alleviate the landless situation of the Russian peasants in the European part of the Russian Empire.

Keywords: Russian colonization, Stolypin agrarian reform, Caucasus, 1908–1914, Mugan steppe, Black Sea coast.

1. Введение

Как известно, первые попытки заселения Кавказа русскими людьми произошли еще в 1844–1854 гг., когда наместником царя на Кавказе был князь Воронцов. Однако целый ряд проблем

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

(определение наличия свободных земель, неразвитость землеустройства) практически остановил эту колонизацию. Лишь в самом конце XIX века, в 1898 г., когда начальником Кавказского края стал князь Голицын, местная администрация вновь обратилась к этой теме. Здесь нужно учитывать, что голицынские мероприятия не носили планомерного характера и базировались главным образом на выделении переселенцам незначительных свободных площадей в разных частях Кавказа. Как правило, такие свободные земли находились среди земель местного населения.

Справедливости ради нужно отметить, что голицынская администрация заложила важный камень в фундамент нового процесса – заселения северной части Муганской степи путем создания Голицынского оросительного канала. Благодаря орошению степных территорий, была вскоре создана пригодная для русских переселенцев свободная земля, что стало одной из причин возобновления колонизации Закавказья. В данной статье предпринята попытка рассмотреть особенности создания русских переселенческих поселков на территории Кавказа в период столыпинской аграрной реформы.

2. Материалы и методы

В качестве источника в работе были использованы опубликованные документы из Полного собрания законов Российской империи (например, закон от 29 мая 1911 г. № 35370 о землеустройстве (ПСЗРИ), а также материалы периодической печати – «Кавказский календарь» и издание «Вопросы колонизации».

Работа базируется на общеисторических принципах: историзма, системности и объективности. Важное значение в ней имеет хронологический метод, который позволил создать общую картину переселения русских людей на Кавказ, выявить локальные проблемы взаимодействия с окружающим миром (эпидемиологическая ситуация, проблемы землепользования). Также в работе использовался статистический метод, благодаря которому мы смогли обобщить значительный статистический материал и сделать аргументированные выводы.

3. Обсуждение

Тема данного исследования насчитывает значительное количество работ по истории аграрных преобразований на территории Кавказа. Так, например, О.В. Бершадская обращалась к особенностям осуществления столыпинской аграрной реформы на территории центральных и южных губерний Российской империи ([Бершадская, 2020](#)). Аналогичными процессами на территории Кубанской области занимались такие авторы, как Е.Е. Хейман ([Хейман, 2011](#)) и Л.В. Бурыкина ([Бурыкина, 2010](#)).

Аграрному вопросу на Северном Кавказе были посвящены работы В.А. Матвеева «Аграрный вопрос на Северном Кавказе и российская политика во второй половине XIX – начале XX в.» ([Матвеев, 2008](#)) и Е.И. Кобахидзе «К вопросу о роли колонизации в политике «русификации» Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX в.)» ([Кобахидзе, 2014](#)). Проблемами аграрной реформы на территории Северной Осетии занималась Р.А. Джюева ([Джюева, 2014](#)).

Помимо этого, исследователи изучали организацию процесса перевозки переселенцев – С.А. Сафронов ([Сафронов, 2011](#)); анализировали агрономическую помощь правительственных организаций крестьянским хозяйствам в период аграрной реформы П.А. Столыпина – О.В. Дауэнгауэр ([Дауэнгауэр, 2013](#)), а также рассматривали формирование законодательных основ деятельности местной администрации при осуществлении аграрной реформы – Г.В. Гарбуз и С.А. Уразова ([Гарбуз, Уразова, 2018](#)).

В то же время авторы исследовали сопредельные с Кавказом территории, например Калмыкию. Так, Н.М. Когаева изучала особенности столыпинского землеустройства в этом регионе ([Когаева, 2011](#)).

4. Результаты

С восстановлением в 1905 г. наместничества царя на Кавказе были приняты меры к приведению в порядок выделенных в предшествующие годы переселенческих участков, образованных без учета правовых и хозяйственных отношений в казенных землях местного туземного и русского старожилото населения. Тогда же было произведено обследование экономического положения русских поселков (81 поселок), основанных ранее в крае, и приняты меры по упрощению и улучшению их быта.

Наряду с этим, было начат процесс выяснения размеров свободного земельного фонда, который бы мог быть использован для целей колонизации без ущерба для насущных интересов местного населения.

Вместе с тем преобразовано было и заведование переселенческим делом: был создан единый центр, развивший через своих местных агентов деятельность во всех главных районах Кавказа.

Выработанные в 1907 г. по распоряжению наместника царя на Кавказе главные колонизационные мероприятия предусматривали:

1. Обязательное предварительное выяснение при образовании переселенческих участков правовых и хозяйственных отношений к земле местного населения и одновременное с образованием участков – землеустройство этого населения.

2. Выделение сплошных колонизационных площадей в пустынных степях Восточного Закавказья взамен практиковавшихся ранее земельных отводов, вкрапленных в земли местного населения.

3. Развитие дорожного строительства в Черноморской губернии для наиболее полного использования пустующих горно-лесных пространств под русские поселения.

4. Непосредственное содействие укреплению и хозяйственному развитию возникающих поселений путем правильной организации ссудной и агрономической помощи, церковно-школьного строительства и санитарных мероприятий.

Помимо землеотводных работ, Кавказской переселенческой организации поручено было также выполнение работ по внутринадельному разделению переселенческих общинных наделов на подворные и хуторские участки, преимущественно в Черноморской губернии. На эту же организацию, попутно с образованием переселенческих участков в Сухумском округе, был возложен и отвод земель не устроенному в земельном отношении пришлому населению Сухумского округа, образовавшему 38 поселков. Поземельное устройство этого населения было завершено к концу 1912 года.

В противоположность обширным свободным пространствам Сибири Кавказ располагал сравнительно скромным земельным запасом, тем не менее фонд этот представлялся в высокой степени ценным для колонизации.

В степях Восточного Закавказья, доступных для заселения лишь при условии их орошения, возможны были самые доходные промышленные культуры, в числе которых первое место принадлежало хлопководству. Заселение их, однако, было связано с предварительным поземельным устройством туземного полукошевого населения, в пользовании которого состояли расположенные здесь так называемые зимние пастбища. Общая площадь этих земель достигала 1,5 млн десятин (Записка..., 1914: 158).

Обследованные до начала Первой мировой войны Муганская и Мильская степи являлись колонизационным фондом первой очереди и заключали: Муганская степь – 324 тыс. десятин и Мильская – 318 тыс. десятин. Помимо этого, было свыше 800 тыс. десятин, обследование которых завершалось (Обзор..., 1915: 101) и которые составляли вторую очередь и находились на зимних пастбищах Ширванской, Сальянской, Геанской, Аджинаурской и других степей, расположенных в Бакинской, Елисаветпольской, Тифлисской и Эриванской губерний.

Заселение было начато с Муганской степи, в которой было орошено около 187 тыс. десятин земли, из них 45 тыс. – в северной Мугани и 142 тыс. – в центральной. Всего колонизационный фонд в Муганской степи превышал 300 тыс. десятин (Обзор переселенческого дела..., 1913: 3). Активность заселения Мугани была обусловлена успешным ходом оросительных работ. Не лишним будет рассказать предысторию орошения Муганской степи. В 1896 г. река Аракс в половодье прорвала берега близ с. Саатлы, недалеко от впадения в р. Куру, и затопила всю Муганскую степь. В первое время это событие считалось народным бедствием, но после спада воды на едва обсохших землях татарами окрестных селений были сделаны пробные посевы, давшие богатый урожай, и вопрос об орошении Мугани был предрешен (Записка..., 1914: 164).

В 1915 г. Муганская степь еще не была полностью использована ввиду неготовности оросительных систем Нижнего и Среднего Муганских каналов, окончание которых ожидалось в 1916 г. По Верхнему каналу, законченному в конце 1914 г., водворение переселенцев, начатое в 1-й части канала в 1913 г., продолжалось во 2-й части канала и в 1915 г.

Наряду со степными пространствами Восточного Закавказья, особый интерес в колонизационном отношении представляло собой Черноморское побережье, расположенное по государственной границе и частью находящееся в субтропическом климате. Заселение этого края началось еще в 1866 г., практически сразу после завершения Кавказской войны, но более широкие колонизационные мероприятия в этом регионе начались только в 1897 г., когда был издан закон о заселении Черноморской губернии.

Из общей площади Черноморской губернии в 743 тыс. десятин было выделено до 100 тыс. десятин и намечено под переселенческие участки свыше 50 тыс. десятин. За исключением различных категорий частных владений и земель крестьян-старожилов, туземцев и русских, в распоряжении казны в пределах Черноморской губернии оставалось еще до 350 тыс. десятин земли. Часть этой площади, с устройством дорог и с выделением лесных дач, составила колонизационный запас второй очереди.

До 1908 г. общая площадь отведенных земель на Кавказе составляла 258 тыс. десятин, или 30 тыс. душевых долей (на 30 тыс. человек). За период с 1908 по 1914 гг. включительно было отведено еще 285 тыс. десятин, или 50 тыс. душевых долей¹ (Обзор..., 1915: 101). Заготовленные 50 тыс. душевых долей распределялись по отдельным районам Кавказского края следующим образом:

- в Черноморской губернии – 4 тыс.;
- в Сухумском округе – 6 тыс.;

¹ Нужно понимать, что с течением времени количество земли на одного человека постоянно сокращалось, так как становилось очевидным, что средняя крестьянская семья была не в состоянии обрабатывать крупные наделы земли.

- в Тифлисской губернии – 3 тыс.;
- в Елисаветпольской губернии – 3 тыс.;
- в Бакинской губернии – 23 тыс.;
- в Кубанской области – 5 тыс.
- в Терской области – 2 тыс.

Были еще ряд других территорий, где число наделов было незначительным (Обзор..., 1915: 101-102). Всего, таким образом, к 1 января 1915 г. на Кавказе было отведено под переселенческие участки и земельное обеспечение русского старожилого населения и туземцев 543 тыс. десятин, или 80 тыс. душевых долей. Из указанного количества долей русскому старожилому населению было отведено до 1908 г. 1 836 десятин, или 405 долей, а с 1908 по 1914 гг. – около 18 тыс. десятин, или 1 754 душевые доли. Туземному населению до 1908 г. было отведено около 25 тыс. десятин, или 2 575 долей, а в период с 1908 до 1914 гг. еще 54 тыс. десятин, или более 11 тыс. долей. Всего же было отведено туземному населению 79 тыс. десятин земли, или более 13 тыс. душевых долей (Обзор..., 1915: 102).

Помимо этого, 8 719 десятин, или 1 846 долей, было выделено под церкви, школы, опытные поля, промышленные предприятия и другие общепользные надобности (Обзор..., 1915: 102). За исключением этих наделов, для устройства новых переселенцев было предназначено 63 997 долей, из них на 1 января 1915 г. было занято переселенцами 44 304 доли в составе 13 711 семей. Из числа 44 304 душевых долей, занятых водворенными переселенцами, до 1908 г. было разобрано всего 10 892 доли, на которых проживали 3 710 семей. Таким образом, за время столыпинских реформ в 1908–1914 гг. в Кавказском крае было расселено 10 011 семей в составе 33 412 человек мужского пола и свыше 66 тыс. обоюбого пола (Обзор..., 1915: 102).

Несколько слов необходимо сказать о работах по орошению Мугани. Они впервые были начаты в конце 1901 г.: построен Нижний Голицынский канал в северной Мугани, выведенный из реки Аракс у селения Петропавловка, основанного в 1887 г. (Записка..., 1914: 163). До начала этих работ в Северной Мугани было всего два поселка на берегу Нового Аракса – Николаевка и Александровка, не считая Петропавловки, основанной в 1883 г. С 1901 по 1906 гг., когда происходило постепенное развитие и улучшение Нижнего Голицынского канала, на вновь орошаемых землях были образованы три новых русских селения – Алексеевка, Покровка и Михайловка. Все орошаемые земли немедленно занимались переселенцами, которые уже сами проводили к себе мелкие распределительные каналы. К 1909 г. вся Северная Мугань была заселена (14 русских поселков с населением в 8,5 тыс. человек) (Записка..., 1914: 165). Нужно отметить, что появление в Муганской пустыне русских каналов и цветущих русских поселков, продающих на 1 млн руб. хлопка в год, произвело глубокое впечатление на все окрестное население Закавказья и приграничных областей Персии (Записка..., 1914: 165).

В 1907 г. ввиду усилившегося спроса на землю для переселенцев была начата постройка Верхнего Голицынского канала. Второй канал был выведен из Аракса у селения Саатлы и был спущен в Нижний Голицынский канал, постройка которого с головным шлюзом и ветвью была закончена в 1908 г. За время с 1909 по 1911 гг. на Голицынской оросительной системе образовалось еще 9 русских поселков и, таким образом, общее количество достигло 14 селений.

Нужно понимать, что орошение путем ответвления реки Аракс было не безграничным, русские ученые учитывали мощности этой реки и в перспективе предполагали создание целой сети водохранилищ, где можно было бы собирать зимние воды (Записка..., 1914: 158).

В центральной Мугани оросительные работы были начаты в 1909 г. постройкой Нижнего Воронцовского канала, выведенного также из реки Аракс. В районе орошенных этим каналом земель было устроено 19 переселенческих поселков. Работы по сооружению Среднего Воронцовского канала из реки Аракс начались в конце 1912 г.

Осенью 1909 г. в Южной Мугани началась постройка первой части Верхнего Воронцовского канала, рассчитанной на орошение 8 тыс. десятин, и начаты работы по сооружению второй части канала для орошения 21 тыс. десятин. Осенью 1911 г. в начале канала было основано 2 селения и в течение 1912 г. еще три. При этом площадь орошаемых земель не превышала 1,5 тыс. десятин. К 1915 г. на этой земле было развернуто 10 русских переселенческих поселков (Обзор..., 1915: 103).

В Мугани практически вся земля использовалась под выращивание хлопка. О росте здесь хлопководства можно судить по следующей статистике: в 1903 г. впервые были засеяны хлопком 2 десятины земли, в 1909 г. – 800 десятин, а в 1912 г. – уже 7 тыс. десятин и собрано 100 тыс. пудов чистого волокна (Записка..., 1914: 166). Согласно русским проектам, вся Мугань должна была быть орошена к 1 января 1916 г., что дало бы около 200 тыс. десятин удобной земли, из них до 50 тыс. десятин под хлопком, а русское население должно было составить до 100 тыс. человек (Записка..., 1914: 166). Однако Первая мировая война не позволила реализовать эти планы, и к 1917 г. на Мугани было образовано только 54 русских поселка, в которых насчитывалось 1 830 хозяйств русских переселенцев (Исмаилова, 2019: 31).

Как известно, столыпинская аграрная реформа предполагала, помимо наделения крестьян-переселенцев землей, выделение и подъемных средств на первичное обустройство хозяйства. Особо остро эти средства требовались на Кавказе. Так, земли Черноморского побережья требовали предварительной корчевки, так как целиком находились в лесной полосе. Однако и после подготовки

участков первый опыт хозяйствования в непривычных условиях климата, почвы и самого характера культур сопровождался неизбежными временными неудачами. Все это вызывало необходимость выделения подъемных средств, так как без подобной помощи переселенцы не могли бы выдержать такого тяжелого периода. Вместе с тем по необходимости применялась выдача безвозвратных пособий, взамен ссуд, в тех случаях, когда обременение новоселов ссудным долгом представлялось нежелательным отягощением.

На выдачу подъемных средств в период с 1908 по 1915 гг. на Кавказе было израсходовано 985 тыс. руб. По годам эти суммы распределялись следующим образом (Таблица 1).

Таблица 1. Распределение подъемных средств для переселенцев на Кавказе в 1908–1915 гг. (Обзор..., 1915: 105)

Годы	Количество средств/в руб.
1908	110 043
1909	89 194
1910	164 626
1911	119 205
1912	187 500
1913	155 000
1914	160 000

Кроме того, в это время выделялись ссуды и безвозвратные пособия на общепользные надобности. С 1908 по 1915 гг. на это было истрчено более 586 тыс. руб. Как правило, эти средства тратились на удовлетворение духовно-просветительских нужд переселенцев (более 50 % расходов – школы и церкви). Помимо того, эти средства шли на улучшение естественных качеств отведенных участков (водоснабжение, осушение, раскорчевка участков), мероприятия по оказанию агрономической помощи и т.д. (Обзор..., 1915: 105).

Важное внимание уделялось и врачебной помощи. Кавказская администрация понимала, что без нее, особенно в регионах, подверженных малярии, переселенцы не смогут обойтись. Поэтому на эти нужды постоянно увеличивались правительственные ассигнования. О масштабах финансирования врачебной помощи дает представление Таблица 2.

Таблица 2. Финансирование врачебной помощи на Кавказе в 1908–1914 гг. (Обзор..., 1915: 105)

Годы	Всего израсходовано/в руб.	В том числе на строительные работы	Число действовавших пунктов	
			Врачебных	Фельдшерских
1908	67 228	9 000	4	20
1909	90 000	22 000	4	34
1910	110 000	24 200	6	38
1911	147 765	33 900	7	43
1912	202 500	38 200	9	51
1913	219 000	49 325	11	64
1914	322 938	94 988	14	61
Итого	1 159 431	271 613		

Из Таблицы 2 можно увидеть, что количество врачебных пунктов в переселенческих зонах с 1908 по 1914 гг. возросло с 4 до 14, а фельдшерских – с 20 до 61. Рассмотрим также динамику посещений врачебных и фельдшерских пунктов переселенцами, в том числе заболевшими малярией (Таблица 3).

Таблица 3. Количество посещений врачебных и фельдшерских пунктов переселенцами, в том числе заболевшими малярией (Обзор..., 1915: 106)

Годы	Количество обратившихся за помощью	
	Всего	Из них заболевших малярией
1908	35 903	14 353
1909	107 730	41 535
1910	115 579	52 319
1911	84 575	32 942
1912	104 891	44 071
1913	119 260	45 274

1914	107 356	38 055
Всего	675 294	268 549

Из данных **Таблицы 3** видно, что в отдельные годы лица, заболевшие малярией, составляли до 50 % всех обратившихся за медицинской помощью. Всего же за 1908–1914 гг. заболевшие малярией составляли 39,7 % обратившихся за медицинской помощью. Долгое время малярия была причиной избыточной смертности на Кавказе. Русская администрация предпринимала разные усилия, чтобы искоренить это заболевание, например, на Черноморье смертность в первые годы колонизации от малярии в 2,5 раза превышала рождаемость (**Записка..., 1914: 170**). В 1912 г. по соглашению с Пироговской малярийной комиссией были организованы для обследования и изучения наиболее пораженных малярией местностей Кавказа – Мугани и Черноморского побережья – два малярийных отряда под руководством врачей. На эти отряды была возложена задача установления рациональных приемов и общего плана борьбы с малярией, а также ознакомления населения с предупредительными мерами.

На основании опыта этих малярийных экспедиций с 1913 г. введено было в программу врачебной помощи временное, в течение периода усиленных заболеваний малярией (с июля по октябрь), увеличение медицинского состава (врачи и студенты), которые командировались для помощи населению как на стационарных пунктах, так и при передвижении по переселенческим поселкам. Помимо практических указаний и выводов, полученных экспедициями, ими же был собран богатый научный материал, поступивший для обработки и детального изучения в созданную в 1912 г. лабораторию Кавказского переселенческого района.

Снабжение пунктов врачебной помощи медикаментами производилось местными складами подрайонов, получавшими все необходимые предметы и материалы в главном аптечном складе при районом управлении (**Обзор..., 1915: 106**).

Существенным недостатком врачебной организации являлось то, что медицинская помощь оказывалась преимущественно амбулаторным способом. Однако и эту проблему предполагалось разрешить при помощи плана больничного строительства, к которому власти приступили в 1914 г. Планировалось строительство отдельных зданий для амбулаторий, терапевтических больниц с родильными и хирургическими отделениями, инфекционных больниц, а также специальных помещений для врачей и остального больничного персонала.

5. Заключение

Подводя итоги, мы хотели бы сделать некоторые выводы:

Во-первых, к началу столыпинской аграрной реформы свободной земли на Кавказе практически не оставалось и правительство пошло по пути орошения находившихся в распоряжении государственной казны степных территорий.

Во-вторых, в короткое время на территорию Муганской степи было перевезено несколько десятков тысяч русских переселенцев, а к концу колонизации данной части Кавказа русское население должно было составлять до 100 тыс. человек.

В-третьих, наряду с переселением, правительство предпринимало шаги по финансовой поддержке переселенцев, которая заключалась в прямых инвестициях на обустройство хозяйства, оказание агрономической помощи, а также организацию духовно-нравственного и санитарного обеспечения.

Все это в целом позволило заложить прочный фундамент русского влияния в некоторых районах Кавказа и частично облегчить безземельное положение русских крестьян в европейской части Российской империи.

Литература

Бершадская, 2020 – Бершадская О.В. Особенности осуществления столыпинской аграрной реформы в центральных и южных губерниях Российской империи // *Северо-Запад в аграрной истории России*. 2020. № 26. С. 184-188.

Бурькина, 2010 – Бурькина Л.В. О принципах землевладения и землепользования Кубанского казачества в конце XVIII – начале XX вв. // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»*. 2010. № 1. С. 51-57.

Гарбуз, Уразова, 2018 – Гарбуз Г.В., Уразова С.А. Формирование законодательных основ деятельности местной администрации при осуществлении столыпинской аграрной реформы // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2018. № 1 (45). С. 48-57.

Дауэнгауэр, 2013 – Дауэнгауэр О.В. Правительственные организации и агрономическая помощь крестьянским хозяйствам в период аграрной реформы П.А. Столыпина (на материалах Тверской губернии) // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «История»*. 2013. № 3. С. 26-38.

Джиоева, 2014 – Джиоева Р.А. Аграрная реформа П.А. Столыпина в Северной Осетии // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова*. 2014. № 4. С. 71-75.

Записка..., 1914 – Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Муганскую степь в 1913 г. (Приложение к всеподданнейшему докладу) // *Вопросы колонизации*. 1914. № 14. С. 134-182.

Исмаилова, 2019 – Исмаилова А.М. Переселенческая политика царского правительства на Южном Кавказе в XIX – начале XX в. // *Проблемы востоковедения*. 2019. № 3 (85). С. 26-33.

Кобахидзе, 2014 – Кобахидзе Е.И. К вопросу о роли колонизации в политике «русификации» Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Известия СОИГСИ*. 2014. № 13 (52). С. 9-16.

Кобаева, 2011 – Кобаева Н.М. Столыпинское землеустройство в Калмыкии // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2011. № 9 (63). С. 77-80.

Матвеев, 2008 – Матвеев В.А. Аграрный вопрос на Северном Кавказе и российская политика во второй половине XIX – начале XX в. // *Голос минувшего*. 2008. № 3-4. С. 58-70.

Обзор переселенческого дела..., 1913 – Обзор переселенческого дела на Кавказе за пятилетие 1908–1912 гг. СПб., 1913.

Обзор..., 1915 – Обзор переселенческого дела на Кавказе // *Кавказский календарь на 1916 г.* Тифлис, 1915. С. 99-106.

ПСЗРИ – Полный свод законов Российской империи. Т. 31. № 35370.

Сафронов, 2011 – Сафронов С.А. Перевозка переселенцев в период столыпинской аграрной реформы // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2011. № 11(103). С. 309-315.

Хейман, 2011 – Хейман Е.Е. Обсуждение аграрных проблем казачьими станицами Кубани в начале XX века // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 8. С. 259-261.

References

Bershadskaya, 2020 – Bershadskaya, O.V. (2020). Osobennosti osushchestvleniya stolypinskoj agrarnoi reformy v tsentral'nykh i yuzhnykh guberniyakh Rossiiskoi imperii [Features of the implementation of the Stolypin agrarian reform in the central and southern provinces of the Russian Empire]. *Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii*. 26: 184-188. [in Russian]

Burykina, 2010 – Burykina, L.V. (2010). O printsipakh zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya Kubanskogo kazachestva v kontse XVIII – nachale XX vv. [On the principles of land ownership and land use of the Kuban Cossacks in the late 18th – early 20th centuries]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1 «Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya»*. 1: 51-57. [in Russian]

Dauengauer, 2013 – Dauengauer, O.V. (2013). Pravitel'stvennye organizatsii i agronomicheskaya pomoshch' krest'yanskim khozyaistvam v period agrarnoi reformy P.A. Stolypina (na materialakh Tverskoi gubernii) [Formation of the legislative framework for the activities of the local administration in the implementation of the Stolypin agrarian reform]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. 3: 26-38. [in Russian]

Dzhioeva, 2014 – Dzhioeva, R.A. (2014). Agrarnaya reforma P.A. Stolypina v Severnoi Osetii [Agrarian reform P.A. Stolypin in North Ossetia]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova*. 4: 71-75. [in Russian]

Garbuz, Urazova, 2018 – Garbuz, G.V., Urazova, S.A. (2018). Formirovanie zakonodatel'nykh osnov deyatel'nosti mestnoi administratsii pri osushchestvlenii stolypinskoj agrarnoi reformy [The formation of the legislative framework for the activities of the local administration in the implementation of the Stolypin agrarian reform]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 1(45): 48-57. [in Russian]

Ismailova, 2019 – Ismailova, A.M. (2019). Pereselencheskaya politika tsarskogo pravitel'stva na Yuzhnom Kavkaze v XIX – nachale XX v. [The resettlement policy of the tsarist government in the South Caucasus in the 19th – early 20th centuries]. *Problemy vostokovedeniya*. 3(85): 26-33. [in Russian]

Kheiman, 2011 – Kheiman, E.E. (2011). Obsuzhdenie agrarnykh problem kazach'imi stanitsami Kubani v nachale XX veka [Discussion of agrarian problems by the Cossack villages of the Kuban at the beginning of the 20th century]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 8: 259-261. [in Russian]

Kobakhidze, 2014 – Kobakhidze, E.I. (2014). K voprosu o roli kolonizatsii v politike «rusifikatsii» Severnogo Kavkaza (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [To the issue of the role of colonization in the policy of "Russification" of the North Caucasus (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Izvestiya SOIGSI*. 13(52): 9-16. [in Russian]

Kogaeva, 2011 – Kogaeva, N.M. (2011). Stolypinskoe zemleustroistvo v Kalmykii [Stolypin land management in Kalmykia]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 9(63): 77-80. [in Russian]

Matveev, 2008 – Matveev, V.A. (2008). Agrarnyi vopros na Severnom Kavkaze i rossiiskaya politika vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The agrarian issue in the North Caucasus and Russian policy in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Golos minuvshogo*. 3–4: 58–70. [in Russian]

Obzor pereselencheskogo dela..., 1913 – Obzor pereselencheskogo dela na Kavkaze za pyatiletie 1908–1912 gg. [Review of the resettlement business in the Caucasus for the five years of 1908–1912]. SPb., 1913. [in Russian]

Obzor..., 1915 – Obzor pereselencheskogo dela na Kavkaze [Review of the resettlement business in the Caucasus]. *Kavkazskii kalendar' na 1916 g.* Tiflis, 1915. Pp. 99–106. [in Russian]

PSZRI – Polnyi svod zakonov Rossiiskoi imperii [Complete set of laws of the Russian Empire]. T. 31. № 35370. [in Russian]

Safronov, 2011 – Safronov, S.A. (2011). Perevozka pereselentsev v period stolypinskoi agrarnoi reformy [Transportation of settlers during the period of the Stolypin agrarian reform]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 11(103): 309–315. [in Russian]

Zapiska..., 1914 – Zapiska glavnoupravlyayushchego zemleustroistvom i zemledeliem o poezdke v Muganskuyu step' v 1913 g. (Prilozhenie k vsepoddanneishemu dokladu) [Note of the chief administrator of land management and agriculture on a trip to the Mugan steppe in 1913 (Appendix to the most submissive report)]. *Voprosy kolonizatsii*. 1914. 14: 134–182. [in Russian]

Столыпинский переселенец на Кавказе (1908–1914 гг.): некоторые особенности

Горан Райович^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский^c, Александр Егорович Елифанов^{d, e}, Наталья Владимировна Галицкая^f

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

^e Отдел по изучению проблем истории Министерства внутренних дел России Научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел России, Москва, Российская Федерация

^f Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматриваются некоторые особенности столыпинской аграрной реформы на территории Кавказа (1908–1914 гг.). Уделено внимание колонизации Муганской степи, созданию русских переселенческих поселков, организации медицинской помощи.

В качестве источника в работе были использованы опубликованные документы из Полного собрания законов Российской империи (например, закон от 29 мая 1911 г. № 35370 о землеустройстве), а также материалы периодической печати – «Кавказский календарь» и издание «Вопросы колонизации». Работа базируется на общеисторических принципах: историзма, системности и объективности. Важное значение в работе имеет хронологический метод, который позволил создать общую картину переселения русских людей на Кавказ, выявить локальные проблемы взаимодействия с окружающим миром (эпидемиологическая ситуация, проблемы землепользования). Также в работе использовался статистический метод, благодаря которому авторы смогли обобщить значительный статистический материал и сделать аргументированные выводы.

В заключении авторы отмечают, что к началу столыпинской аграрной реформы свободной земли на Кавказе практически не оставалось и правительство пошло по пути орошения находившихся в распоряжении государственной казны степных территорий. В короткое время на территорию Муганской степи было перевезено несколько десятков тысяч русских переселенцев, а к концу колонизации данной части Кавказа русское население должно было составлять до 100 тыс. человек.

Наряду с переселением, правительство предпринимало шаги по финансовой поддержке переселенцев, заключающейся в прямых инвестициях на обустройство хозяйства, оказанию агрономической помощи, а также в организации духовно-нравственного и санитарного обеспечения. Все это в целом позволило заложить прочный фундамент русского влияния в некоторых районах Кавказа и частично облегчить безземельное положение русских крестьян в европейской части Российской империи.

Ключевые слова: русская колонизация, столыпинская аграрная реформа, Кавказ, 1908–1914 гг., Муганская степь, Черноморское побережье.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 1010-1021
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.1010

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Media Image of the Territories of the Russian Empire in “Priroda i Lyudi” (“Nature and People”) Journal (1913)

Julia S. Zamaraeva ^{a,*}, Natalya N. Seredkina ^b, Anna A. Shpak ^c, Natalya N. Pimenova ^d

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the image of the territories of the Russian Empire in a media source. We analysed the articles published in 1913 in the magazine Nature and People. The results of the study show that the image of Russian cities and territories is created mainly from urban and natural sub-images. The ethnographic image of the Russian Empire is represented by the study of Slavic peoples, which takes into account the diversity of the composition in the formation of the Slavs, strong cultural ties are noted, as well as the multidimensional process of the formation of the modern population. The Russian Empire as a territory of scientific and technical achievements is represented by the advanced formation of scientific knowledge and the creation of inventions that also change approaches to scientific research. The role of the Russian Empire in the development of the North is represented by the leading one. The expeditions of Russian scientists have made a great contribution to the development of the country, science, enlightenment, education. The media image of the territories of the Russian Empire is a rich and positively built image of the country and society.

Keywords: media image, Russian Empire, Nature and people, city, ethnography, image of peoples, scientific and technical achievements, development of the North.

1. Введение

Медийный образ территорий и государств – одно из наиболее актуальных исследовательских направлений в современной науке. Образ, создаваемый в медиа, оценивается как влиятельный инструмент создания территориального имиджа (Глушкова, Зайцева, 2017). Значимость медийного образа страны и ее территорий в масштабах империи в эпоху до широкого распространения доступа к информационным каналам не вызывает сомнений. О многих частях страны и народах, их населяющих, большей части граждан Российской империи было известно исключительно из периодических и энциклопедических изданий.

Современная наука признает статус печатных периодических изданий как важных исторических источников, поскольку в них активно проявлен актуально-исторический контекст, а материалы также являются яркими свидетельствами о специфике представлений (в т.ч. о стране и ее регионах и населении) людей конкретной эпохи, как авторов, так и читательской аудитории (Рынков, 2010: 47). Данная статья посвящена периодическому изданию «Природа и люди» и тому, как представлен в этом популярном в свое время источнике образ Российской империи.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами выступили публикации журнала «Природа и люди» – еженедельного периодического издания, выходившего в России в период с 1889 по 1918 годы. В ходе исследования

* Corresponding author

E-mail addresses: rybka08@bk.ru (Ju.S. Zamaraeva), nnevolko@sfu-kras.ru (N.N. Seredkina), annahey@gmail.com (A.A. Shpak), pimenovapluzhnik@mail.ru (N.N. Pimenova)

проведен общий анализ номеров журнала за 1913 год, для детального анализа выбраны публикации из следующих номеров журнала: 2, 3, 12, 15, 16, 17, 19, 23, 24, 25, 28.

2.2. Основным методом исследования стал источниковедческий анализ, предполагающий два этапа. На первом этапе номера журнала «Природа и люди» были изучены на предмет тематических направлений публикаций. Выделены характерные направления: города Российской империи, этнография страны, ее научно-технические достижения и роль России в освоении Севера. Материалы по этим темам структурированы, для дальнейшего анализа отобраны наиболее репрезентативные по каждой из тем. Вторым этапом проведен анализ выбранных публикаций по каждому из тематических направлений. Статьи изучены с позиции того, какой образ Российской империи и ее территорий представлен в исследуемом периодическом издании: образ России, демонстрируемый ее городами, ее этнический образ, образ страны как идущей по пути научно-технического прогресса и по пути освоения экстремальных территорий.

Теоретической платформой для исследования выступил подход, рассматривающий периодику как исторический источник, представляющий исследовательский интерес, наряду с законодательными и делопроизводственными документами, политико-публицистическими и литературными произведениями, а также научными трудами и источниками личного происхождения (Рынков, 2010; Никаев, 2013; Голиков, 2011; Артамонова, 2017; Каменская, 2017; Koptseva et al., 2021; Koptseva et al., 2017; Koptseva, Avdeeva, 2021; Koptseva, Seredkina, 2021).

3. Обсуждение

Изучение медийного образа в качестве средства коммуникации строится на представлении о нем как об отражении субъективного мировоззрения человека, транслируемого в рамках определенного издания, в данном случае периодического, что указывает на более широкий охват аудитории. Концепция медиаобразов в рамках определенной территории и конкурирующих на них сообществ рассматривается несколькими исследователями (Tosoni, Tarantino, 2013; Banini, Povan; 2021; Povan, Doroftei, 2017; Anderson, 2019; Lanen, 2017) в качестве элементов коммуникации, необходимых для работы с разными граничащими между собой территориями.

Медиаобраз в качестве современного культурного феномена рассматривается как совокупность представлений и оценочных суждений об объекте реальной действительности, что опирается на анализ медийной среды (Горбаль, 2020; Балалуева, 2014).

В историческом контексте медиаобраз территорий представляет собой (Guillaume, 2020; Ланцевская, 2015) формирование национальной идентичности и ее особенностей. Историческое наслаивание образов друг на друга через многоуровневую структуру групповой идентичности особенно необходимо для формирования исторической базы той или иной социальной группы.

С точки зрения лингвистического моделирования медийного образа территорий это происходит для ее популяризации и продвижения как в рамках государства, так и в глобальном общемировом пространстве (Глушкова, Зайцева, 2017; Ниязова, Шехи, 2021; Липатова, 2019; Кольшккина, Шустина, 2021; Сабаева, 2018).

Влияние идейного информационного наполнения текстов на восприятие образа России в основном исследуется через противоречия между представлениями конкретных личностей и целенаправленным конструированием государственных образов (Мельник, Свешникова, 2018; Литвинова, 2019).

При формировании медийного образа выбор периодических изданий необходим по причине наиболее разностороннего и полного представления о территориях Российской империи. Большой тираж и широкая распространенность указывает на высокую информативность издания, что является важным для получения общего медийного образа территорий Российской империи. В рамках изучения периодических источников в качестве социокультурной среды (Катцина, Пашина, 2019; Хотеев, 2019; Никонова, 2018) указывается и этнополитическое пространство в разные исторические периоды.

4. Результаты

4.1. Общая характеристика журнала «Природа и люди»

Иллюстрированный журнал науки, искусства и литературы «Природа и люди» издавался еженедельно в период с 1889 по 1918 гг. в типографии Петра Петровича Сойкина в Санкт-Петербурге, он был одним из инициаторов издания данного журнала. 5 октября 1889 года П.П. Сойкин получил официальное разрешение Главного управления по делам печати на издание журнала (URL: <http://nature-and-people.ru/istoriya-sozdaniya>). 10 октября того же года была утверждена программа журнала товарищем министра внутренних дел В.К. Плеве (URL: <http://nature-and-people.ru/programma-zhurnala>).

Журнал представляет собой сериальное издание, в котором каждый отдельный номер выступает частью единой широкой программы освещения различных тематических областей. Единству замысла программы журнала способствует не только сквозная нумерация всех выпусков, но и освещение совокупности различных тем от номера к номеру.

Программа журнала была ориентирована на широкий круг читателей, поэтому включала в себя различные по содержанию рубрики (URL: <http://nature-and-people.ru/programma-zhurnala>). Изначально в программе было обозначено 7 рубрик:

1. Биографии деятелей науки, знаменитых путешественников и изобретателей (с портретами).
2. Романы, повести и рассказы, посвященные быту разных народов, путешествиям, открытиям и природе вообще (а также иллюстрации к ним).
3. Популярны очерки и картины по географии и этнографии (с видами местностей, зданий, типами народов и рисунками, изображающими сцены из их жизни).
4. Статьи по всем отраслям естественной науки: зоологии, ботанике, минералогии, физике, химии, астрономии, геологии и космографии (с рисунками и чертежами).
5. Статьи по медицине и гигиене.
6. Летопись успехов естественной науки, открытий и изобретений.
7. Объявления.

Данная структура в своей основе была сохранена на протяжении всего периода издания журнала. Отдельные рубрики лишь дополнялись материалами новых отраслей знаний. Например, анализируемый нами журнал за 1913 год включает в себя материалы из области истории и археологии, географии и этнографии, физики, астрономии, зоологии, ботаники, медицины и физиологии, психологии и зоопсихологии, искусства, техники и воздухоплавания, спорта. Данные материалы публиковались в отдельных выпусках в течение всего 1913 года, формируя, таким образом, широкую содержательную программу журнала. Отдельным структурным элементом журнала были приложения, которые издавались ежемесячно и включали в себя собрание различных сочинений – исторических, либо художественных, либо научных.

По своей направленности журнал отличался своим научно-просветительским подходом. Не случайно он был рекомендован для чтения и поступления в библиотеки различных учебных заведений Российской империи.

4.2. Российская империя как открытая миру территория

Изучив содержание номеров журнала «Природа и люди» за 1913 год, стоит заметить, что медийный образ Российской империи в целом складывается из общей тематической направленности материалов журнала, содержание которых выстраивается преимущественно на основе историко-культурного подхода.

На страницах журнала широко освещаются исторические события разных стран, в том числе и история Древней Руси.

Большое место в журнале отводится описанию научных достижений, особенностей развития культуры и искусства той или иной страны, а также деятельность выдающихся людей всего мира, в частности представлены материалы о деятельности российского беллетриста, академика и переводчика мировых произведений иностранной литературы И.А. Бунина (*Природа и люди, 1913. № 2*), германского ориенталиста, профессора Гуго Винклера (*Природа и люди, 1913. № 28*). Наблюдения и достижения российских ученых освещаются наряду с достижениями, полученными зарубежными коллегами.

Подобная открытая для тем программа журнала конструирует и образ Российской империи как открытой миру территории, находящейся в общем контексте происходящих в мире событий. Российская империя предстает как одна из стран, являющаяся частью общемировых процессов, вовлеченная в общий поток развития науки, искусства, культуры и литературы.

Данный обобщенный образ Российской империи далее конкретизирован на основе анализа отдельных материалов журнала «Природа и люди» 1913 года издания, в которых освещаются темы, связанные непосредственно с Российской империей.

4.3. Города и территории Российской империи

В изданиях журнала «Природа и люди» 2013 г. присутствуют статьи, посвященные медийному образу городов Великого Устюга и Костромы, а также территорий Российской империи – Беловежской пуши и Южного Урала. При анализе изданий конструируется содержательный образ Российской империи, состоящий из урбанистического и природного суб-образов.

Урбанистический суб-образ раскрывается в очерках К. Ц-ва «Великий Устюг» (*Ц-ва, 1913*) и А. Игнатьева «Кострома и Ипатьевский монастырь» (*Игнатьев, 1913*). Оба очерка посвящены 700-летию со дня образования российских городов (губернской Костромы и уездного Великого Устюга) с краткой историей основания, описанием значимых событий и уникальных достопримечательностей, оценкой современного состояния.

История основания Великого Устюга Вологодской губернии связана с переселением с нач. XIII века устюжан с высокой горы Гleden, окруженной водами реки Сухоны, на «Черный Прилук» (излучина реки, сплошь покрытая дремучим густым лесом), впоследствии переименованный горожанами в «Усть-Юг» в память о первом поселении в устье реки. Образ «Великого» уездного города связан с тремя дискурсами, раскрывающими архитектурный, экономический и

образовательно-культурный облик. Архитектурный образ характеризуется описанием протяженного и кольцеобразного панорамного вида речного берега с белокаменной церковной архитектурой, внутри которой в прямолинейном расположении состоят кварталы и улицы, а их пересечение центрируется «открытыми большими площадями с величественными храмами». Экономический образ конструируется из истории Великого Устюга с XV века, «когда, сделавшись богатым после падения Новгорода, он остался единственным на севере России «великим» городом по торговле с Сибирью» (Ц-ва, 1913: 204). Автор упоминает ряд исторических событий об основателях города – выходцах из Новгорода, которые отбивали и откупали город от множественных разорительных нападений камских булгар, ушкуйников, вятчан, казанских татар, поляков; отстраивали «лучше прежнего» город после многочисленных пожаров; спасались от голода и великого мора. К 1913 г. экономическое состояние автор очерка оценивает крайне позитивно: как «первый по значению из уездных городов Вологодской губернии», приводя официальные данные (19 тыс. жителей, до 2 500 домов, 636 торговых и промышленных заведений). Образовательно-культурный облик формируется в дискурсе рассмотрения имеющихся учебных заведений («две гимназии, Епархиальное училище, Учительская женская семинария, духовное училище, ремесленная школа и 13 начальных училищ») и большой востребованности в появлении новых (школ и училищ) для жителей. Урбанистический суб-образ величественного города поддержан темой «выдающейся личности» – устюжанина Св. Стефана (Хабарова Ерофея Павловича), просветителя, первого завоевателя Амура, «северного пионера», проложившего в Сибирь путь для торговых отношений.

Очерк о Костроме формирует урбанистический суб-образ, синтезирующий ряд историко-событийных тем и современную оценку состояния, однако здесь образ губернского города подчеркнута раскрыт как древнее царское место и живой памятник церковной старины. История основания города связана с поиском спасения от нашествия татар и переселением с правого на левый берег реки Волги, постройкой мирянами города в 1213 г. и крещением его именем мирянского божества Костромы-Веснянки – Купалы. Город до 1796 г. не мог конкурировать с Владимиром, Москвой; был отнесен сначала к Галицкой чети, затем обрел самостоятельность, снова был разделен между тремя губерниями (Московской, Архангельской и Казанской), только в 1778 г. получил звание главного города Костромского наместничества (области) и чуть позднее статус губернского города. Оценка современного состояния города, с точки зрения автора очерка, имеет скорее отрицательную характеристику: «не приобрел внушительного облика старых русских городов», «захудалый провинциальный город, бедный и неблагоустроенный», «пыльные и неказисто обстроенные улицы» и пр. После краткого описания планировки города (форма звезды, построенной из центральной Сусанинской площади и лучеобразно расходящихся улиц) его образ преобразуется в место «царской святыни»: подробно описывается сохранившаяся церковная архитектура как свидетель и хранитель истории основания царствующей династии Российской империи. В главной городской святыне – кафедральном соборе во имя Успения Божьей Матери – хранится местная чудотворная икона, празднование которой связано с днем известия Московским посольством об избрании на царство Михаила Федоровича (до 14 марта 1613 г. состоящего митрополитом Ростовским). Важнейшей Костромской достопримечательностью назван Ипатьевский монастырь, построенный в 1330 г., но обретший свою всеобщую известность как место избрания на царство Михаила Федоровича – родоначальника династии Романовых («был торжественного провозглашен царем и Великим князем России»), место чудесного спасения императора от поляков, место «преименитой лавры» и почтенной памяти, о которой проявили заботу последующие преемники (Екатерина II, Александр I, Николай I).

Природный суб-образ территорий Российской империи раскрыт в очерках «Жемчужина Южного Урала (озеро Тургояк)» В. Сементовского, прив.-доц., лаборанта Географического кабинета Казанского университета (Сементовский, 1913), и «Беловежская пуца» Н. Смирнова (Смирнов, 2013). Описанию природных территорий уделено большое внимание (по 4–5 журнальных страниц), и в каждом очерке сформирован уникальный образ места единения человека с русской природой, величавого спокойствия и глубокого душевного покоя.

Жемчужиной Южного Урала названо озеро Тургояк, окруженное лесистыми горами, отвесными каменистыми береговыми обрывами («крутиками»), сосновым лесом, с множеством теплых заливов и бухт (купальни), мягким белым песком. Множество эпитетов дополняет описание территории озера как храма природы («незабываемая картина», «уютный уголок», «вековая сказка – шепот леса», «величавое озеро», «живые березы», «тихая мирная картина», «место слияния с матерью землей»). Другой тип красоты подчеркнут сравнением с альпийскими озерами и отличием уральской от природы Финляндии, Крыма, Кавказа, гор Сибири. Медийный образ дополнен описанием достопримечательных мест для путешественников: железной дороги, белой часовни над селом Тургояк, «стильных дач», Крестового полуострова, таинственного острова Веры (место уединения княгини Веры, теперь место служения староверов), Марусино залива. И как предупреждение дана критика «звериному бытию» отдыхающих в окрестностях озера, взятого под опеку комиссией Императорского Русского географического общества по охране памятников природы.

В первой части очерка о Беловежской пушце дано краткое описание географического месторасположения («находится в Пружанском и частью в Слонимском уездах Гродненской губернии»), именовании местности (в честь Сторожевой башни «Белая Каменецкая Вежа» XIII в.), удобства для туристических путешествий (ж/д станция с царским павильоном, идеальное состояние шоссе до заповедника) и богатства флоры и фауны. Беловежская пушца образ «всесветной известности» получила в связи с сохранением популяции дикого зубра («самое крупное млекопитающее Европы») как в самой природной среде («пугливы и осторожны летом, общительны и непугливые зимой»), так и в специально обустроенном зверинце (стадо зубров в 20–25 голов). Его образ дополнен словами Альфреда Эдмунда Брема: «Зубр представляется нам типом первобытной мощи и силы». Вторая часть очерка, размещенного в следующем номере журнала, посвящена описанию охоты русских императоров: процессу охоты, торжественному осмотру государем добытого при охоте и раздаче егерям части туш животных; осеннего отстрела оленей (для сохранения молодой поросли пушцы). Местом пребывания Высочайших особ во время охоты становится дворец с красивым парком и большими прудами, в которых плавают лебеди. Автор очерка раскрывает гармоничный образ единения природы и людей, которая случается в среде Беловежской пушцы – месте силы Российской империи.

Таким образом, медийный образ территорий Российской империи прежде всего формируется локальными историями о древних городах и панорамным описанием природы заповедных мест. Размещенные в разделе «География и этнография» очерки приобретают программный характер, раскрывающийся посредством ряда подтем: культурной памяти о царской династии, силы и мощи русских людей, богатого гостеприимства и великодушия, стремления сохранить прежнюю старину и открыть новые возможности к развитию (образование, просвещение, процветание).

4.4. Этнография Российской империи (образ славянских народов)

Медийный образ территорий Российской империи включает в себя образ славянских народов. Очерк профессора Л.А. Погодина «Откуда пошли славяне, и как они разделились» охватывает исторический образ российских территорий с VII века до н. э. Рассматривается в историческом контексте передвижение таких этносов, как скифы, греки, сарматы. Указывая на древние карты, особый интерес автор испытывает к северным территориям. В связи с этим упоминается имя Геродота, на основе исследований лингвистики и сравнения их с историческим источником статья позволяет узнать о расселении народностей в «Средней и Южной Руси» (Погодин, 1913: 183). Во фрагменте указывается обильное количество переселений по территории современной Европы и центральной части России. Образ территорий представляется в наиболее объективном ключе «современной» в 1913 году этнографии. Географически исторические события происходят в районах рек Днепр и Дунай и Азовского моря, а также на территориях Западной Двины, черноморских степей, Венгрии, Прикарпатья, Балканского полуострова, Аттики, Албании. Изучение медийного образа территорий происходит и с точки зрения лингвистических исследований схожести в этимологии некоторых слов.

В следующем очерке Я. Берлина «Былые владыки южнорусских степей» (Берлин, 1913: 250) в продолжение темы расселения славян присоединяются исследования скифской культуры. Использование в статье одновременно литературных источников и археологических находок говорит о междисциплинарном подходе к изучению этнографии. Всесторонний охват проблемы позволяет складывать наиболее полный образ возникновения и расселения славян, создаваемый в медиасреде Российской империи. Этнический образ славян в очерке предстает через призму искусства, заполняющего исторические пробелы. Как и в очерке Л.А. Погодина, сохраняются ссылки на Геродота как на обладающего точными сведениями. Образ южнорусских степей и расположенной на данной территории Древней Скифии складывается сквозь призму греческого восприятия. Удивительным для греков в отношении скифов является кочевой образ жизни, суровые климатические условия, особенности скотоводства и религиозных мировоззрений. Формируемый образ скифов как воинствующих кочевников предстает с учетом религиозных обрядов в качестве «варваров» (Берлин, 1913: 251), но в то же время идет параллельное сравнение обычаев у македонцев, лангобардов, франков и в качестве вывода дается сравнение древней воинственной свирепости и одновременно любви к роскоши и искусству. Выявленное противоречие в образах прослеживается и в анализе искусства, так как автор отмечает соединение греческих и скифских традиций, но одновременно с этим и сохранение главенства скифской культуры.

Сравнивая два очерка, связанных с этногенезом славян и их расселением с VII по IV века до н.э., стоит отметить следующие формируемые образы: разнообразие этнического состава при формировании славян и соответственно образ крепких культурных связей, «варварское» мировоззрение и искусство как позитивный образ, субъективная оценка некоторых общественных суждений от негативного к позитивному меняет образ, в данном случае древнего скифского народа, и указывает на его многоаспектность.

Формируемый медиаобраз Российской империи через призму изучения расселения славян в период с VII по IV века до н. э. многоаспектен, и основу этнической идентичности, по мнению авторов, составляет множество народов, что указывает на формирование личностного самоопределения в многоаспектном ключе. Индивидуальное пересечение множества социальных

групп в мировоззрении человека на основе представленного образа в медиасреде периодического издания имеет позитивный характер.

4.5. Российская империя как территория научно-технических достижений

Источниками конструирования образа Российской империи как территории научно-технических достижений являются отдельные статьи №№ 24, 25, 28 журнала «Природа и люди» 1913 г.

В № 24 опубликована заметка авиатора А.Е. Раевского «Новое средство передвижения», написанная по результатам прошедшего зимой 1913 года состязания машин, предназначенных для передвижения по снегу (Раевский, 1913: 382). Данное состязание было организовано Императорским Российским автомобильным обществом в Петербурге. В состязании приняли участие четыре изобретения как французских – Адольфа Кегресса и Фердинанда Лессепса, так и российских конструкторов – Игоря Ивановича Сикорского и императорского завода Дукс. Автором отмечается схожесть характеристик всех представленных на состязании саней. В частности, общей для всех изобретений является характеристика скоростного режима (до 60 верст в час). Сравнение грузоподъемности показало преимущество саней авиатора-конструктора И.И. Сикорского. Его сани могли вмещать в себя шесть человек, тогда как все остальные сани были двухместными. По техническим характеристикам отличились также азросани российского производства завода Дукс, кроме этого, они продемонстрировали мировой рекорд, пройдя 620 верст по дороге из Москвы в Петербург (Раевский, 1913: 383). Подобные технические достижения российских конструкторов позволили автору выразить уверенность в «блестящей будущности» данных изобретений.

В № 25 журнала «Природа и люди» опубликована научная беседа В.В. Рюмина-Старшего «Кинематограф в жизни и в школе», в которой обосновывается значимость использования кинематографа в сфере образования и науки (Рюмин-Старший, 1913: 389).

Прежде чем перейти собственно к обоснованию значимости кинематографа в сфере образования и науки, автор обращается к истории его появления и развития в Российской империи. Как он отмечает, в России кинематограф впервые был показан в 1887 году во время Нижегородской выставки, на которой данное «прекрасное изобретение» получило высокую оценку со стороны общества. С этого времени в разных городах начали появляться переносные кинематографические устройства, которые устанавливались путешествующими антрепренерами. Они возили с собой все необходимое, в том числе небольшое устройство для электрического освещения. Вскоре стали появляться постоянные установки, которые получили такие названия, как биоскоп, иллюзион, кинематограф. Необходимость создания картин повлекла за собой и возникновение специализированных фабрик, чьи сотрудники или агенты, согласно статье, должны были разъезжать по всему свету и делать «снимки разных местностей, новых празднеств, замечательных событий» (Рюмин-Старший, 1913: 389). Одной из таких была фирма Пате, занимающаяся созданием лент для кинематографов.

Помимо выездной практики, развитие получили и закрытого типа съемочные площадки. В специально оборудованных мастерских осуществлялись съемки: «...специальные артисты разыгрывают перед объективом кинематографической камеры различные короткие пьески» (Рюмин-Старший, 1913: 390). Декорациями могли служить улицы городов, а также искусственно разбитые виды за пределами мастерской. Все это способствовало развитию кинематографической промышленности, практики обмена лентами и вовлеченности в данный процесс других населенных пунктов Российской империи. Согласно В.В. Рюмину-Старшему, «биоскопы, иллюзионы, электро-театры выросли десятками в крупных городах и по несколько в небольших. Теперь нельзя указать ни одного населенного места, в котором не было бы электро-театра» (Рюмин-Старший, 1913: 390).

Роль кинематографа в сфере образования и науки оценивается автором статьи достаточно высоко: ему отводится роль неотъемлемого инструмента в научной деятельности любого ученого. Как отмечает автор, «почти нет науки, которой кинематограф не мог бы сослужить хорошей службы» (Рюмин-Старший, 1913: 390). Например, он мог выступать в качестве микроскопа или телескопа. С помощью данного инструмента ученые могли наблюдать в разных желаемых временных темпах те процессы, которые в жизни в своем естественном состоянии были сложно уловимы. Например, такое явление, как прорастание зерна, которое в природе происходит достаточно медленно, можно было ускорить и показать с помощью кинематографа. Или наоборот, те явления, которые происходят в природе быстро и глаз не успевает запечатлеть отдельные моменты, можно было растянуть во времени либо вовсе зафиксировать, продлить. Таким образом, например, была изучена форма падающей капли воды. В перспективе данный метод мог быть использован для изучения моментов разрыва металлов, раздробления камней и других материалов, испытываемых на прочность. Также и в астрономических наблюдениях кинематограф мог наглядно показать движение небесных светил, планет, метеоритов и комет, все то, что достаточно сложно показать на чертежах. В естественных науках кинематограф по большей части выполнял функцию микроскопа, с помощью которого ученые могли наблюдать и объяснять различные химические и физические явления и опыты.

Все эти возможности, предоставляемые кинематографом, в свою очередь рассматривались также как инструмент привлечения в науку большего числа заинтересованных лиц и тем самым развития научной составляющей Российской империи.

Большие возможности применения кинематографа прогнозировались автором и в образовательной деятельности. Само введение кинематографа в практику школьного образования рассматривалось как новый отдельный этап в развитии школьного дела. По мысли В.В. Рюмина-Старшего, «учить надо не только ухо, но и глаза» (Рюмин-Старший, 1913: 391). Особо значимым виделось использование кинематографа на уроках географии, «когда масса учеников, родившихся в городе, никогда не видела живой природы, почти не бывала в поле, в лесу, в степи, на просторе моря» (Рюмин-Старший, 1913: 391). Значительно облегчалось с помощью кинематографа и знакомство учеников с «чужими странами». Таким образом, кинематограф как изобретение открывал новые возможности для развития российского общества, в частности через использование его в сфере образования и науки.

В № 28 журнала «Природа и люди» продолжается тема технических разработок, которые также имеют место быть в жизни российских ученых. В заметке «Из жизни оленей» освещается, например, вопрос преимущества использования телеобъектива вместо традиционного объектива фотографической камеры в процессе наблюдений и изучения жизни животных.

Телеобъектив представлял собой объектив телескопа в виде зрительной трубы, с помощью которой «можно, стоя за версту, наблюдать самых осторожных животных, не тревожа их...» (Природа и люди, 1913: 444). Помимо наблюдения, телеобъектив можно было использовать и для фотосъемки животных, заменив им обычный объектив в фотографической камере. В отличие от традиционного объектива телеобъектив позволял фиксировать «самые разнообразные сцены из жизни живых существ» (Природа и люди, 1913: 444). Сам фотографирующий при этом оставался незамеченным для чутких по своей природе птиц и животных. Благодаря данной технической разработке, изменился подход к наблюдению за животными и ведению процесса документирования результатов наблюдений. Это, безусловно, имело большое значение для развития научного знания в области естественных наук. Особый интерес, в частности для исследователей, представляли северные олени, наблюдение за которыми осуществлялось с помощью подобного телеобъектива, и результаты этих наблюдений были опубликованы в журнале «Природа и люди». В частности, было замечено, что смена рогов у оленей никак не сказывается на привычном их образе жизни: «...олень не утрачивает своей жизнерадостности и не откладывает своих текущих дел впредь до нового вооружения» (Природа и люди, 1913: 444). Отсутствие рогов компенсируется у оленей, например, передними ногами, которые становятся для них главным «орудием» в борьбе с другими оленями.

4.6. Роль Российской империи в освоении Севера (северные экспедиции)

В выпусках № 19 и 20 от 1913 г. размещен большой очерк о научной экспедиции, посвященной всестороннему обследованию южной части Камчатки Федором Павловичем Рябушинским при содействии Императорского Русского географического общества (П. Ш., 1913). Идея комплексного обследования состояла в одновременной экспедиции по пяти отдельным направлениям (зоологическое, ботаническое, геологическое, этнологическое, метеорологическое) под управлением пятнадцати опытных исследователей-ученых. Период проведения экспедиционных работ длился три года, с 1908 по 1911-й. Итоги работы были представлены петербургской публике в трех залах здания Географического общества: огромные коллекции, схемы и карты, снимки и графики, рисунки к отдельным экспонатам. А в самих залах началась кропотливая научная работа по изучению и опубликованию результатов. В 1910 г. скорострительно умирает организатор экспедиции Ф.П. Рябушинский и его вдова Татьяна Константиновна принимает на себя расходы по обработке коллекций и изданию научных трудов. Автор очерка отмечает: «Когда все собранное этой у нас единственной в своем роде экспедиции будет обработано и опубликовано, природа Камчатки, происхождение и быт ее населения перестанут быть загадкой и – эта забытая страна будет, пожалуй, даже лучше известна, чем многие области Европейской России, ждущие еще научных исследователей» (П. Ш., 1913а: 292).

Наиболее длительной по времени была работа этнологического отдела экспедиции (под управлением этнографа В.И. Иохельсона) в связи с изучением Алеутских островов, соединяющих Камчатку с Аляской и сохранивших уникальную информацию о происхождении древних камчадалов и их связи с племенами коряков, чукчей, американских самоедов и индейцев. Участниками экспедиции были собраны предметы повседневного быта алеутов (утварь, костюмы, оружие), байдарки («сшитые из моржовых или сивучевых шкур») и снаряжение рыбаков (дротики для охоты на тюленей и моржей). Особый интерес вызвали костюм «камлейка» – дождевик (сшитый из «тюленьих кишок и котиковых горл, расшитый и украшенный перьями», в дождь швы намокают и не пропускают воду) и зимняя одежда, сшитая из оленьего меха. Изучение алеутского языка и фольклора привело В.И. Иохельсона к гипотезе о родстве с эскимосскими народами Северной Америки, но все же он является уникальным древнейшим алеутским диалектом. С целью фиксации антропологии алеутов учеными были сделаны фотоснимки и сняты гипсовые маски с лиц, слепки рук и ног, по которым уже в залах ИРГО сделаны манекены для выставки. Звучание голоса (песни, сказания) было записано на валики фонографа, а некоторые сцены из жизни алеутов «сняты кинематографическим аппаратом». Древние алеутские поселения были найдены на островах Атту, Атка, Умнак и Амакнак. Там ученые

собрали огромную коллекцию «каменных и костяных орудий, наконечников гарпунов, дротиков и стрел, ножей и скребков, ложек и украшений», светильников для тюленьего жира (каменных ламп), каменных плиток и терок для растирания нательных красок (охры). В нее также входили большая каменная плита-жаровня, каменные молотки, «костяные лампы из позвонков кита» и посуды. Ученые исследовали разрез кухонных остатков, внизу которого остались кости скелета древнего обитателя, лежащего в согнутом положении. Макет этого разреза был позже воспроизведен из натуральных (привезенных из экспедиции) материалов на выставке Рябушинского.

Раскопки на Камчатке были недолгими, однако ученые обнаружили там каменные, роговые, костяные орудия, остатки глиняной посуды, «существование которой прежними исследователями отрицалось. Были добыты замечательные глиняные сосуды – горшки с ушками внутри; за эти ушки они подвешивались, очевидно, к треножнику над огнем, чтобы веревка не перегорала». На севере Камчатки был собран фольклорный материал (песни и сказания камчадалов) с целью сохранить наследие древней этнокультурной группы для последующего изучения путей взаимовлияния древних культур и их взаимосвязи с современными культурами этнических групп северо-востока Азии.

Во второй части очерка приведены результаты научных исследований природы Камчатки. Под руководством прив.-доц. П.Ю. Шмидта ученые зоологического отдела изучали водную фауну, имеющую для всей страны особое значение. Река Камчатка охарактеризована как полноводная, с несметными стаями лососевой рыбы, которой питаются все жители полуострова (вялят в балаганах). Приведены названия наиболее ценных пород лососевой рыбы – чавыча, кета, кижуч, нерка, горбуша. В связи с богатством рек промышленное дело по добыче рыбы невероятно развито. Также ученые изучали домашних и диких животных (медведи, волки, лисы, росомахи). Наибольший интерес для исследователей представляли сивучи («огромные ушастые тюлени»). Из экспедиции были привезены фотографии их лежбища, шкуры и черепа. Учеными была исследована и мелкая фауна Камчатки, они собрали большие коллекции насекомых, пауков. Были совершены экскурсионные поездки к неизведанным путешественниками местам: Кроноцкому и Курильскому озерам, «на вершину действующей Авачинской сопки и на вершину вулкана Швелуча».

Работа ученых ботанического отдела была сосредоточена на изучении флоры Камчатки, немногочисленную представленную в условиях сурового климата. Экспедиционная работа метеорологического отдела состояла в наблюдении и фиксации климатических особенностей с помощью пяти станций. Ученые констатировали «полную невозможность земледелия», что, безусловно, отражалось на истощении промысловых видов (охота на соболя, рыбная ловля). Работа геологического отдела ученых под руководством горного инженера С.А. Конради была связана с поиском возможности разработки горной промышленности и добычи полезных ископаемых, однако вулканическое происхождение молодых горных пород свело к нулевой возможности вести разработку. Но ученые отметили, что действующие величественные вулканы всегда будут вызывать огромный научный интерес и призывать делать новые открытия.

Таким образом, роль Российской империи в освоении Севера является ведущей, поскольку ею были поддержаны и реализованы такие масштабные и комплексные северные полевые исследования, как экспедиция О.П. Рябушинского, внесшая бесценный вклад в развитие русской науки, в том числе и в дело просвещения и образования.

5. Заключение

Медийный образ территорий Российской империи сформирован сложным образом из тем, представляющих страну через ее города и природу, ее народы, научную жизнь и изобретения. Относительно регионов он создается локальными историями о древних городах и панорамным описанием природы заповедных мест. Каждый очерк приобретает программный характер, поскольку как в урбанистический, так и природный суб-образы включены дискурсы о сохранении культурной памяти о царской династии, силе и мощи русских людей, богатом гостеприимстве и великодушии, стремлении сохранить прежнюю старину и открыть новые возможности к развитию – образованию, просвещению, процветанию. Россия этническая представлена образом славянских народов, в котором учтено разнообразие этнического состава при формировании славян, акцентированы крепкие культурные связи, а также многоаспектность формирования современного населения. Формируемый в публикациях образ Российской империи как территории научно-технических достижений представляет страну в качестве передовой в научных исследованиях и открытиях, а также в их внедрении в область технических изобретений (аэросани, кинематограф, телеобъектив) и образования (кинематограф, фотография). В России отмечается активное развитие кинематографической промышленности, практики обмена кинолентами и вовлеченности все большего числа городов России в кинопрокат. Особое значение технических достижений фиксируется как средство развития исследований и научного знания в области естественных наук: описано преобразование процесса изучения природы, т.к. телеобъектив позволил развить и детализировать наблюдение и документирование его результатов, а также применение кинематографа в исследованиях для наблюдения химических и физических явлений (функция микроскопа) и в обучении. Роль Российской империи в освоении Севера является ведущей, поскольку

цель и задачи любой проводимой полевой экспедиции на севере требует немалых сил и вложений для получения значимого научного результата. При поддержке ИРГО северные экспедиции российских ученых, совершивших свои научные подвиги и открытия, стали бесценным вкладом в развитие русской науки, в том числе и в дело просвещения и образования. В целом медийный образ территорий Российской империи в журнале «Природа и люди» за 1913 год создает позитивный имидж страны и общества, опирающийся на ее многообразие и активное развитие.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 21-09-43014\21 «"Великое братство народов" (В.Н. Увачан): национальная политика СССР по отношению к коренным малочисленным народам Севера в Эвенкийском и Таймырском национальных (впоследствии – автономных) округах Красноярского края в 1920–1970-е гг.».

Литература

- Артамонова, 2017 – Артамонова Л.М. Самарские публикации В.Г. Варенцова в столичной и местной периодике 1860-х гг. как исторический источник // *Библиография. Археография. Источниковедение*. 2017. С. 61-70.
- Балалуева, 2014 – Балалуева И.А. Медиаобраз и социообраз: процессы взаимоправления в информационном обществе. М., 2014. С. 88.
- Берлин, 1913 – Берлин Я. Былые владыки южнорусских степей // *Природа и люди*. 1913. № 16. С. 250.
- Глушкова, Зайцева, 2017 – Глушкова Т.С., Зайцева О.А. Медиаобраз как инструмент создания территориального имиджа: когнитивный аспект // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2017. № 3 (29). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobraz-kak-instrument-sozdaniya-territorialnogo-imidzha-kognitivnyy-aspekt>
- Голиков, 2011 – Голиков А.Г. Архивоведение отечественной истории. М., 2011. 176 с.
- Горбаль, 2020 – Горбаль Д.Э. Современные подходы к феномену медиаобраза // *Наука и образование сегодня*. 2020. № 1 (58). С. 72-75.
- Игнатъев, 1913 – Игнатъев А. Кострома и Ипатьевский монастырь // *Природа и люди*. 1913. № 17. С. 269-272.
- Из жизни оленей, 1913 – Из жизни оленей // *Природа и люди*. № 28. С. 444.
- Каменская, 2017 – Каменская Е.В. Советские газеты как исторический источник: специфика и возможности использования // *Человек, общество, власть*. 2017. № 100. С. 37-44.
- Кольшклина, Шустина, 2021 – Кольшклина Т.Б., Шустина И.В. Модель анализа медиаобраза региона / *Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы*. Материалы VI Международного научного конгресса, Симферополь. Ариал, 2021. С. 200-203.
- Ланцевская, 2015 – Ланцевская Н.Ю. Медиаобраз территории как комплекс стереотипов брендинга места // *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2015. № 4 (28). С. 101-103.
- Липатова, 2019 – Липатова А.В. Влияние имиджевых характеристик регионального лидера на медиаобраз территории / *Современные масс-медиа в формировании экологической культуры и туристской привлекательности территории*. Материалы Международной конференции. Казань. 2019. С. 292-297.
- Литвинова, 2019 – Литвинова Т.Н. Проблема формирования позитивного имиджа Северного Кавказа внутри страны в контексте задач пространственного развития // *Социодинамика*. 2019. № 11. С. 89-104.
- Мельник, Свешникова, 2018 – Мельник Г.С., Свешникова Н.О. Медиаобраз российского города и его представленность в массовом сознании жителей регионов // *Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов*. 2018. № 3 (12). С. 81-93.
- Никаев, 2013 – Никаев Х.Р. Материалы периодической печати как исторический источник // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. № 9. С. 73-80.
- Никонова, 2018 – Никонова Н.Е. Польская литература на страницах периодики Сибири 1880–1910-х годов // *Сибирский филологический журнал*. 2018. № 1. С. 119-133.
- Ниязова, Шехи, 2021 – Ниязова Г.М., Шехи Э., Савчук И.П., Родь О.Я. Медиаобраз территории как реальный и мифологический информоним в дискурсе СМИ // *МНКО*. 2021. № 2 (87). С. 602-604.
- П. Ш., 1913 – П. Ш. Камчатская экспедиция О.П. Рябушинского // *Природа и люди*. 1913. № 20. С. 309-314.
- П. Ш., 1913 – П. Ш. Камчатская экспедиция О.П. Рябушинского // *Природа и люди*. 1913. № 19. С. 290-293.
- Погодин, 1913 – Погодин Л.А. Откуда пошли славяне и как они разделились // *Природа и люди*. 1913. № 12. С. 183.
- Раевский, 1913 – Раевский А. Новое средство передвижения // *Природа и люди*. 1913. № 24. С. 382-383.

- Рынков, 2010** – Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44-50.
- Рюмин-Старший, 1913** – Рюмин-Старший В.В. Кинематограф в жизни и в школе // *Природа и люди*. 1913. № 25. С. 389-391.
- Сабаева, 2018** – Сабаева Ю.С. Медиаобраз Сибири на региональном радио (на материале радиопроекта "Про Сибирь" радиостанции «Радио Сибирь» // *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*. 2018. № 7 (1). С. 64-69.
- Сементовский, 1913** – Сементовский В. Жемчужина Южного Урала // *Природа и люди*. 1913. № 15. С. 225-228.
- Смирнов, 1913b** – Смирнов Н. Беловежская пуца // *Природа и люди*. 1913. № 3. С. 42-43.
- Смирнов, 1913a** – Смирнов Н. Беловежская пуца // *Природа и люди*. 1913. № 2. С. 28-30.
- Хотеев, 2019** – Хотеев А.С. Методологические особенности изучения исторической периодики (на примере российских исторических журналов второй половины XIX – начала XX века) // *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. 2019. № 2 (54). С. 58-68.
- Ц-ва, 1913** – Ц-ва К. Великий Устюг // *Природа и люди*. 1913. № 13. С. 204-205.
- Anderson, 2019** – Anderson B. Cultural geography II: The force of representations // *Progress in Human Geography*. 2019. 43(6). Pp. 1120-1132.
- Banini, Ilovan, 2021** – Banini T., Ilovan O.-R. Representing Place and Territorial Identities in Europe Discourses, Images, and Practices. 2021.
- Guillaume, 2020** – Guillaume E. Territorial imagery and the creation of a Dutch identity, ArtHist.net, Paris. 2020.
- Ilovan, Doroftei, 2017** – Ilovan O.-R., Doroftei I. Qualitative research in regional geography: A methodological approach. Cluj-Napoca. 2017.
- Kattsina, Pashina, 2019** – Kattsina T.A., Pashina N.V., Mezit L.E., Potapova E.V. The Historical Experience of Educational Practices for Children of Refugees of the First World War (on the example of the Yenisei Province of the Russian Empire) // *Bylye Gody*. 53(3): 1394-1402.
- Koptseva et al., 2017** – Koptseva N., Luzan V., Razumovskaya V., Kirko V. The content analysis of the Russian federal and regional basic legislation on the cultural policy // *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2017. 30(1): 23-50.
- Koptseva et al., 2021** – Koptseva N., Degtyarenko K., Shpak A. The Journal "Nature and People"(1910) as a Source on the History of the Peoples of the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 990-999.
- Koptseva, Avdeeva, 2021** – Koptseva N., Avdeeva Y. On the History of Science in the Russian Empire (based on the Analysis of the Journal "Nauchnoe Obozrenie" for 1898) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1473-1481.
- Koptseva, Seredkina, 2021** – Koptseva N., Seredkina N. The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(1). Pp. 343-356.
- Lanen, 2017** – Lanen S. Living austerity urbanism: Space–time expansion and eepening socio-spatial inequalities for disadvantaged urban youth in Ireland // *Urban Geography*. 2017. 38(10): 1603-1613.
- Tosoni, Tarantino, 2013** – Tosoni S., Tarantino M. Media territories and urban conflict Exploring symbolic tactics and audience activities in the conflict over Paolo Sarpi, Milan // *The International Communication Gazette*. 2013. 75: 573-594.

References

- Anderson, 2019** – Anderson, B. (2019). Cultural geography II: The force of representations. *Progress in Human Geography*. 43(6): 1120-1132.
- Artamonova, 2017** – Artamonova, L.M. (2017). Samarskiye publikatsii V.G. Varentsova v stolichnoy i mestnoy periodike 1860-kh gg. kak istoricheskiy istochnik [Samara publications by V.G. Varentsov in the capital and local periodicals of the 1860s. as a historical source]. *Bibliografiya. Arkheografiya. Istochnikovovedenie*. Pp. 61-70. [in Russian]
- Balalueva, 2014** – Balalueva, I.A. (2014). Mediaobraz i socioobraz: processy vzaimoupravleniya v informacionnom obshhestve [Media image and social image: processes of mutual management in the information society]. Moskva, p. 88. [in Russian]
- Banini, Ilovan, 2021** – Banini, T., Ilovan, O.R. (2021). Representing Place and Territorial Identities in Europe Discourses, Images, and Practices.
- Berlin, 1913** – Berlin, J. (1913). Bylye vладыki juzhno-russkih stepей [Past owners of south Russian territories]. *Priroda i lyudi*. 16: 250. [in Russian]
- Glushkova, Zaitseva, 2017** – Glushkova, T.S., Zaitseva, O.A. (2017). Mediaobraz kak instrument sozdaniya territorial'nogo imidzha: kognitivnyy aspekt [Media Image as a Tool for Creating a Territorial Image: Cognitive Aspect]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. 3 (29). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobraz-kak-instrument-sozdaniya-territorialnogo-imidzha-kognitivnyy-aspekt> [in Russian]

- Golikov, 2011** – Golikov, A.G. (2011). Arkhivovedeniye otechestvennoy istorii [Archiving of national history]. Moskva, p. 127. [in Russian]
- Gorbal, 2020** – Gorbal, D.J. (2020). Sovremennye podhody k fenomenu mediaobraza [Modern approaches to the phenomenon of media image]. *Nauka i obrazovanie segodnja*. 1(58): 72-75. [in Russian]
- Guillaume, 2020** – Guillaume, E. (2020). Territorial imagery and the creation of a Dutch identity. *ArtHist.net*, Paris, pp. 1-2.
- Hoteev, 2019** – Hoteev, A.S. (2019). Metodologicheskie osobennosti izucheniya istoricheskoy periodiki (na primere rossijskih istoricheskikh zhurnalov vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka) [Methodological features of the study of historical periodicals (on the example of Russian historical journals of the second half of the XIX-beginning of the XX century)]. *Vesnik Magilyoŭskaya dzyarzhajŭnaga ŭniversiteta imya A.A. Kulyashova*. 2(54): 58-68. [in Russian]
- Ignatiev, 1913** – Ignatiev, A. (1913). Kostroma i Ipat'yevskiy monastyr' [Kostroma and Ipatievsky Monastery]. *Priroda i lyudi*. 17: 269-272. [in Russian]
- Ilovan, Doroftei, 2017** – Ilovan, O.-R., Doroftei, I. (2017). Qualitative research in regional geography: A methodological approach. Cluj-Napoca: Presa Universitară Clujeană.
- Iz zhizni oleney, 1913** – Iz zhizni oleney [From the life of deer]. *Priroda i lyudi*. 1913. 28, p. 444. [in Russian]
- Kamenskaya, 2017** – Kamenskaya, E.V. (2017). [Soviet newspapers as a historical source: specifics and possibilities of use]. *Chelovek, obshchestvo, vlast'*. 100: 37-44. [in Russian]
- Kattsina, Pashina, 2019** – Kattsina, T.A., Pashina, N.V., Mezit, L.E., Potapova, E.V. (2019). The historical experience of educational practices for children of refugees of the first world war (on the example of the Yenisei province of the Russian empire). *Bylye Gody*. 53(3): 1394-1402.
- Kolyshkina, Shustina, 2021** – Kolyshkina, T.B., Shustina, I. V. (2021). Model analiza mediaobraza regiona [Model of analysis of the media image of the region]. *Inostrannaja filologija. Social'naja i nacional'naja variativnost' jazyka i literatury: Materialy VI Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa, Simferopol*, pp. 200-203. [in Russian]
- Koptseva, Avdeeva, 2021** – Koptseva, N., Avdeeva, Y. (2021). On the History of Science in the Russian Empire (based on the Analysis of the Journal "Nauchnoe Obozrenie" for 1898). *Bylye Gody*. 16(3): 1473-1481.
- Koptseva et al., 2021** – Koptseva, N., Degtyarenko, K., Shpak, A. (2021). The Journal "Nature and People" (1910) as a Source on the History of the Peoples of the Russian Empire. *Bylye Gody*, 16(2): 990-999.
- Koptseva et al., 2017** – Koptseva, N., Luzan, V., Razumovskaya, V., Kirko, V. (2017). The content analysis of the Russian federal and regional basic legislation on the cultural policy. *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique*. 30(1): 23-50.
- Koptseva, Sereidkina, 2021** – Koptseva, N., Sereidkina, N. (2021). The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(1): 343-356.
- Lancevskaja, 2015** – Lancevskaja, N.Ju. (2015). Mediaobraz territorii kak kompleks stereotipov brendinga mesta [Media image of the territory as a set of stereotypes of place branding]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4(28): 101-103. [in Russian]
- Lanen, 2017** – Lanen, S. (2017). Living austerity urbanism: Space–time expansion and eepening socio-spatial inequalities for disadvantaged urban youth in Ireland. *Urban Geography*. 38(10): 1603-1613.
- Lipatova, 2019** – Lipatova, A.V. (2019). Vlijanie imidzhevnykh harakteristik regional'nogo lidera na mediaobraz territorii [The influence of image characteristics of a regional leader on the media image of the territory]. *Sovremennye mass-media v formirovanii jekologicheskoy kul'tury i turistskoj privlekatel'nosti territorii: Materialy Mezhdunarodnoj konferencii. Kazan': Universitet upravlenija «TISBI»*, pp. 292-297. [in Russian]
- Litvinova, 2019** – Litvinova, T.N. (2019). Problema formirovanija pozitivnogo imidzha Severnogo Kavkaza vnutri strany v kontekste zadach prostranstvennogo razvitija [The problem of forming a positive image of the North Caucasus within the country in the context of spatial development tasks]. *Sociodinamika*. 11: 89-104. [in Russian]
- Melnik, 2018** – Melnik, G.S. (2018). Mediaobraz rossijskogo goroda i ego predstavlenost' v massovom soznanii zhitelej regionov [The media image of the Russian city and its representation in the mass consciousness of the inhabitants of the regions]. *Sovremennaja periodicheskaja pechat' v kontekste kommunikativnykh processov*. 3 (12): 81-93. [in Russian]
- Nijazova, Shehi, 2021** – Nijazova, G.M., Shehi, Je., Savchuk, I.P., Rod', O.Ja. (2021) Mediaobraz territorii kak real'nyj i mifologicheskij informonim v diskurse SMI [The media image of the territory as a real and mythological informonym in the media discourse]. *MNKO*. 2(87): 602-604. [in Russian]
- Nikaev, 2013** – Nikaev, Kh.R. (2013). Materialy periodicheskoy pechati kak istoricheskij istochnik [Periodical press materials as a historical source]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 9: 73-80. [in Russian]
- Nikonova, 2018** – Nikonova, N.E. (2018). Polish literature in Siberian periodicals of the 1880–1910s. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 1: 119-133. [in Russian]
- P. Sh., 1913** – P. Sh. (1913). Kamchatskaya ekspeditsiya O.P. Ryabushinskogo [Kamchatka expedition of O. P. Ryabushinsky]. *Priroda i lyudi*. 20: 309-314. [in Russian]

- P. Sh., 1913 – P. Sh. (1913). Kamchatskaya ekspeditsiya O. P. Ryabushinskogo [Kamchatka expedition of O. P. Ryabushinsky]. *Priroda i lyudi*. 19: 290-293. [in Russian]
- Pogodin, 1913 – Pogodin, L.A. (1913). Otkuda poshli slavjane, i kak oni razdelilis [Where did the Slavs come from and how did they split]. *Priroda i lyudi*. 12: 183. [in Russian]
- Rayevskiy, 1913 – Rayevskiy, A. (1913). Novoye sredstvo peredvizheniya [A new vehicle]. *Priroda i lyudi*. 24: 382-383. [in Russian]
- Rynkov, 2010 – Rynkov V.M. (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodical press: a place in the system of historical sources]. *Otechestvennyye arkhivy*. 3: 44-50. [in Russian]
- Ryumin-Starshiy, 1913 – Ryumin-Starshiy, V.V. (1913). Kinematograf v zhizni i v shkole [Cinematography in life and at school]. *Priroda i lyudi*. 25: 389-391. [in Russian]
- Sabaeva, 2018 – Sabaeva, J.S. (2018). Mediaobraz Sibiri na regional'nom radio (na materiale radioproekta «Pro Sibir» radiostancii «Radio Sibir» [The media image of Siberia on regional radio (based on the material of the radio project «About Siberia» of the radio station «Radio Siberia»)]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*. 7(1): 64-69. [in Russian]
- Sementovskiy, 1913 – Sementovskiy, V. (1913). Zhemchuzhina Yuzhnogo Urala [Pearl of the Southern Urals]. *Priroda i lyudi*. 15: 225-228. [in Russian]
- Smirnov, 1913 – Smirnov, N. (1913). Belovezhskaya Pushcha [Belovezhskaya Pushcha]. *Priroda i lyudi*. 3: 42-43. [in Russian]
- Smirnov, 1913 – Smirnov, N. (1913). Belovezhskaya Pushcha [Belovezhskaya Pushcha]. *Priroda i lyudi*. 2: 28-30. [in Russian]
- Tosoni, Tarantino, 2013 – Tosoni, S., Tarantino, M. (2013). Media territories and urban conflict Exploring symbolic tactics and audience activities in the conflict over Paolo Sarpi, Milan. *The International Communication Gazette*. 75: 573-594.
- Ts-va, 1913 – Ts-va, K. (1913). Veliky Ustyug [Veliky Ustyug]. *Priroda i lyudi*. Pp. 204-205. [in Russian]

Медийный образ территорий Российской империи в журнале «Природа и люди» (1913 год издания)

Юлия Сергеевна Замараева^{a,*}, Наталья Николаевна Середкина^a, Анна Андреевна Шпак^a, Наталья Николаевна Пименова^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена образу территорий Российской империи в медиа-источниках, для исследования были проанализированы материалы журнала «Природа и люди» за 1913 г., посвященные этому медийному образу. Результаты проведенного исследования показывают, что имидж российских городов (Великий Устюг, Кострома) и территорий (Беловежская пуца, Южный Урал), характеризуется содержательным наполнением образа Российской империи, состоящего преимущественно из урбанистического и природного суб-образов. Этнографический образ Российской империи представлен исследованием славянских народов, в котором учтено разнообразие состава при формировании славян, отмечены крепкие культурные связи, а также многоаспектность процесса формирования современного населения. Российская империя как территория научно-технических достижений представлена в качестве передовой формирования научного знания и создания изобретений, меняющих также и подходы к научному исследованию. Подчеркивается значение технического прогресса не только для науки, но и для образования. О роли Российской империи в освоении Севера можно судить по материалам анализа журнальных очерков о проводимых российскими учеными экспедициях. В двух выпусках 1913 г. опубликованы результаты широкомасштабного и комплексного полевого исследования юга Камчатки и Алеутских островов группой ученых под руководством О.П. Рябушинского при поддержке Императорского Русского географического общества. Одной из целей трехлетней экспедиции стала научная попытка обоснования взаимовлияния и преемственности древних и современных этнокультурных групп северо-востока Азии. Медийный образ территорий Российской империи, согласно изучению публикаций, представляет собой богатый и позитивно выстроенный имидж страны и общества.

Ключевые слова: медийный образ, Российская империя, «Природа и люди», город, этнография, образ народов, научно-технические достижения, освоение Севера.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rybka08@bk.ru (Ю.С. Замараева), nnevolko@sfu-kras.ru (Н.Н. Середкина), annaheyu@gmail.com (А.А. Шпак), pimenovapluzhnik@mail.ru (Н.Н. Пименова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 1022-1032
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.1022

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Social and Public Life of Austro-Hungarian War Prisoners in Western Siberia and Turkestan (1914–1917)

Sholpan A. Zabikh ^b, Yusuf M. Jihangir ^{a,*}, Gulzhamal T. Zhoraeva ^a, Tengesh S. Kalenova ^c

^a Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Republic of Kazakhstan

^b Kazakh National University named after al-Farabi, Almaty, Republic of Kazakhstan

^c L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Abstract

First World War contributed to the formation of the destinies of Austro-Hungarian subjects in a new historical and geographical environment. In the West Siberian and Turkestan territories, which were considered distant provinces of the Russian Empire, their fate was checked as prisoners of war. The political-ideological and socio-legal aspects of prisoners of war in Western Siberia are among the historical issues widely discussed in historiography. Recently, researchers have been interested in the situation with the adaptation of prisoners of the First World War in the new regions where they were placed. And the issues of the national composition, socio-public and medical-sanitary situation of Austro-Hungarian prisoners of war placed in concentration camps and cities of Western Siberia and Central Asia (Turkestan) are becoming increasingly important in modern history. In Russian studies, one of the topics discussed at a high level is the aspects of ethnicity, labor conscription of prisoners of war in Turkestan and Western Siberia. But the social and everyday issues of the situation of refugees from the European part of Russia to Central Asia in 1915–1916, concerning prisoners of war, still require comprehensive consideration. Due to the arrival of refugees, the conditions of detention of prisoners of war in the camps and cities of Turkestan were complicated. In addition, scientific consideration of the socio-social status of prisoners of war in Turkestan is among the topical topics. This article examines the social and social levels of Austro-Hungarian prisoners of war in Western Siberia and Turkestan in 1914–1917 on the basis of archival data. Also, the research paper provides an objective assessment of the positions and views on the study of the history of prisoners of war.

Keywords: Austro-Hungarians, prisoners of war, Western Siberia, Turkestan, the First World War.

1. Введение

В последние годы со стороны российских и казахстанских историков увеличивается объем исследований, касающихся проблем военнопленных Первой мировой войны. Несомненно, одной из важнейших задач научных изысканий в этом направлении является изучение проблемы в рамках принципов объективности и всесторонности, опора на новые архивные источники.

Кроме того, к повышению актуальности темы исследования добавим и рост внимания чешских, австрийских историков, интересующихся судьбами австро-венгерских военнопленных в Сибири и Центральной Азии. Особенно доказывают эту мысль запросы чешских историков по архивным документам, относящимся к немецким и австро-венгерским военнопленным, которые были размещены в Туркестанском военном округе в 1914–1917 гг. Так, в период с 2015 по 2021 годы в Центральный государственный архив Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан) с помощью электронных ресурсов поступило 27 запросов от историков Чехии. Большая их часть была сделана с целью доступа к документам, связанным с жизнью австро-венгерских военнопленных, живших в Туркестане.

* Corresponding author

E-mail addresses: kaz-bo@mail.ru (Y.M. Jihangir)

Научная новизна работы характеризуется введением в научный оборот новых архивных документов по проблеме австро-венгерских военнопленных, размещенных в 1914–1917 годах в различных социально-бытовых условиях на территории Западно-Сибирского и Туркестанского регионов Российской империи.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследовательской работы составляют материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан) и Государственного архива г. Ташкента (г. Ташкент, Узбекистан). В данных архивах содержатся приказы, постановления администраций гражданско-военного управления царской России, направленные на реформирование социально-хозяйственной системы страны в период войны. В вышеперечисленных документах важное значение имеют приказы, доклады администрации Российской империи по переводу военнопленных из одного населенного пункта в другой, усилению документальных проверок в Туркестанском крае в отношении военнопленных. Кроме архивных документов, особо следует отметить сборник материалов «Особые журналы Совета министров Российской империи», составленный в 1915 году (*Особые журналы...*, 2008). Также в исследовательской работе были задействованы приказы и телеграммы местных органов власти по использованию силы военнопленных в сельском хозяйстве и промышленности.

Методологическую основу исследовательской работы составили методы историко-генетического, историко-систематического, сравнительного анализа, диахронического анализа, исторической периодизации. Так, историко-генетический метод помог раскрыть сущность причин различной степени социально-бытовых условий австро-венгров во времена Российской империи и Временного правительства. На основе диахронического анализа удалось определить положение австро-венгров в ходе одного исторического процесса в зависимости от времени. Метод сравнительного анализа использовался в исследовании при определении типов и сходств документов, относящихся к периодам царской России, Временного правительства. В понимании особенностей адаптации пленных, размещенных в городах и лагерях Туркестанского края, к географо-климатическим условиям Средней Азии, мы использовали ретроспективный метод, который позволил достичь оценки современных природно-климатических условий Центральной Азии и определить ее роль в исторических процессах.

3. Обсуждение

При анализе историографии, касающейся данной темы, периоды можно разделить на 3 этапа с учетом их хронологических и теоретико-методологических особенностей:

- 1) дореволюционный, или имперский;
- 2) советский;
- 3) современность.

Подданные Австро-Венгерской империи жили на территории Российской империи еще до Первой мировой войны. В городах Западно-Сибирского края австрийские предприниматели владели различными предприятиями. Историко-общественные аспекты их существования мало рассмотрены в имперской историографии, ее объем, посвященный изучению положения военнопленных в России в 1914–1917 гг., невелик. В имеющихся исследовательских трудах обсуждалось, что военнопленные были обеспечены в соответствии с международными нормами и имели ряд правовых преимуществ. К числу таких относится работа Г.П. Альбата (*Альбат, 1917*), в которой было уделено внимание социально-правовым аспектам военнопленных, попавших в плен в войнах, которые были в истории Российской империи, и их характеру в Первой мировой войне. В работе А.И. Белинского дана всесторонняя оценка состояния организационно-медицинского обеспечения военнопленных на ранних этапах Первой мировой войны (*Белинский, 1914*).

Историография имперского периода отличается научно-практическим анализом и объективностью, потому что в тот период в изучение науки не были внедрены политико-идеологические установки власти. По сравнению с эпохой Советского Союза, царская российская администрация стремилась занять нейтральную позицию в науке. При этом большинство авторов имперского периода выполняли не только роль исследователей, но и считались в числе исполнителей государственных политико-общественных и экономических проектов.

При рассмотрении теоретико-методологического содержания структуры историографии в советский период было много противоречий. Известно, что в советской идеологии Первая мировая война характеризовалась империалистической войной. Советские авторы придавали большое значение рассмотрению проблемы на фоне негативных последствий, полученных Россией в войне, и ее влияния на движение пролетариатского класса. Кроме того, в советской историографии важное значение придается вопросу репатриации военнопленных и позициям большевистской власти в процессе ее осуществления. Между тем количество исследований, касающихся судьбы австро-венгров и их различных ролей в социалистическом строительстве после образования Советского Союза, невелико.

Среди советских авторов одним из первых, кто провел исследование, касающееся жизни военнопленных Первой мировой войны, был Н.М. Жданов. В его труде (Жданов, 1920) дан сравнительный анализ положения военнопленных на противоположных сторонах. Исследователь сделал собственные выводы по уровню обеспеченности социально-медицинским оборудованием военнопленных Австро-Венгрии, Германии.

В работе И.В. Маевского (Маевский, 1957) проведен всесторонний анализ состояния российской экономики в ходе Первой мировой войны. Безусловно, автор уделял большое внимание факторам, связанным с падением развития экономики империи и его последствиями.

В 1960–1970-е годы в советской истории были изданы публикации, имеющие отношение к роли чехов, словаков, русинов в установлении социалистического строя в республиках Сибири и Центральной Азии. В этом контексте особую актуальность приобретает статья Г. Сенчека «От Кракова до Туркестана» (Сенчек, 1961). В ней опубликованы воспоминания чехов, словаков, русинов, участвовавших в Октябрьской революции и Гражданской войне в России. Кроме того, описаны их рассказы и приведены статистические данные о героических подвигах, проявленных в установлении социализма в Туркестанском регионе.

Ряд работ в этом направлении дополняет исследование Ш. Ганна (Ганн, 1961). В нем изучено вступление словаков в ряды Красной Армии и их вклад в установление социалистического строя в сибирских городах. Аналогичное исследование связано с именем А.М. Матвеева (Матвеев, 1977). Автором дана оценка социально-санитарного состояния иностранных военнопленных в концентрационных лагерях Средней Азии. Кроме того, проведен анализ их отношений на пути сотрудничества с большевиками и их совместных действий против контрреволюционных сил в странах Центральной Азии.

В монографии А.Х. Клеванского (Клеванский, 1965) проведен глубокий научный анализ исторической судьбы Чехословацкого корпуса, расположенного в сибирских городах России в 1914–1920 годах. Автор приводит сравнительные суждения о различии отношений царской российской власти и большевиков к представителям славянских национальностей, таких как чехи, словаки, русины, в среде австро-венгерских, германских военнопленных. Формулируя свою точку зрения, автор обосновывает, что с приходом к власти большевиков произошел выход России из несправедливой войны и после этого военнопленные Австро-Венгрии, Германии имели конкретную возможность вернуться на родину.

В публикации В.Н. Большакова (Большаков, 1980) проанализирована роль военнопленных в пополнении рабочей силы в Омске, Усть-Каменогорске, Петропавловске в годы Первой мировой войны и эффективность их труда.

Обобщая значение советской историографии в рамках темы, отметим, что она уделяла огромное внимание политико-идеологическим и социально-экономическим аспектам. Особенно следует отметить, что в советской литературе большое значение придавалось борьбе и дружбе австро-венгерских военнопленных на стороне большевиков в годы Октябрьской революции, Гражданской войны. Также к числу основных проблем относились недостатки царской российской администрации в социально-медицинском обеспечении военнопленных.

Постсоветская историография добилась значительных успехов в изучении темы. Увеличен объем исследований по теме и значительно усовершенствованы его теоретико-методологические позиции. Для историков открытие доступа к засекреченным архивным документам и снятие политико-идеологических ограничений привели к появлению новых выводов и суждений. В работах в этом направлении среди постсоветских стран хорошо видны результаты российских исследователей, которым удалось определить соответствующую объективную оценку социально-правового статуса и роли австро-венгерских военнопленных в политической и экономической сферах царской России и советского периода.

В этом контексте особое значение имеет публикация Н.В. Грекова (Греков, 1997), который придавал значение социальному положению и процессу адаптации австро-венгерских военнопленных, размещенных в Сибири в 1914–1917 годах.

В работе С.Н. Васильевой (Васильева, 1999) глубоко исследованы вопросы социального положения и санитарно-эпидемиологического контроля военнопленных Австро-Венгрии, Германии, России.

Актуальность публикации Ю.В. Киреевой (Киреева, 2006), рассмотревшей социально-психологические аспекты условий содержания австро-венгерских и немецких военнопленных, размещенных в концентрационных лагерях Туркестанского военного округа в 1914–1917 годах, является высокой.

В монографии Ф.М. Бейли (Бейли, 2013) проведены архивные исследования, касающиеся процесса адаптации австро-венгерских и немецких военнопленных, помещенных в лагеря на территории Семиреченской, Сырдарьинской областей Туркестанского военного округа, к новым географически-климатическим условиям. Также в ней приведены сведения, касающиеся фамилий лиц, относящихся к группе чешских, словацких, русинских этносов, воевавших на фронтах Гражданской войны в Средней Азии. В публикации Б.В. Колесникова (Колесников, 2018) дана

объективная оценка ситуации в России с военнопленными, состоящими из русинов и других славян в 1916–1917 годах.

Историческая судьба европейцев, живших в Российской империи и в советские времена на территориях современного Казахстана и центральноазиатских республик, становится одним из важных объектов исследования для историков этих стран. Например, в научной работе узбекских исследователей О. Ата-Мирзаева, В. Гентшке, Р. Мургазаевой ([Ата-Мирзаев и др., 2004](#)) собраны интересные факты об истории и дружеских отношениях представителей немецкой, чешской, словацкой, венгерской, русинской национальностей, проживавших в Ташкентском, Ферганском регионах в периоды Российской империи и Советского Союза с местными народами.

В исследованиях казахстанского ученого Л.А. Бургарта ([Бургарт, 2002](#); [Бургарт, 2003](#)) собраны личные и архивные материалы, касающиеся истории подданных Германии, Австро-Венгрии, проживавших в Алтайском крае в начале XX века.

В публикации Б.К. Дулатова ([Дулатов, 2019](#)) подробно проанализирована история репатриации граждан бывшей Австро-Венгерской империи из Западной Сибири в 1920-е годы. В ней описаны причины прибытия в Россию граждан бывшей Австро-Венгерской империи и важные данные, касающиеся видов деятельности и этнической принадлежности.

Обобщая уровень общей научной изученности темы, отметим большой объем исследований по проблемам военнопленных, Октябрьской революции, Гражданской войны и репатриации граждан бывшей Австро-Венгерской империи. Их основной источник данных составляют архивные документы и мемуары, воспоминания и др. Однако количество исследований по истории и социальному статусу граждан бывшей Австро-Венгрии, живших в условиях социалистического устройства в советское время, не имеет значительного объема, что подтверждает актуальность темы нашего исследования.

4. Результаты

Военнопленные из Австро-Венгрии в Западной Сибири: социально-медицинское положение и использование в качестве рабочей силы

По данным Генштаба русской армии на 1 сентября 1917 года, на территории России находилось 1,8 млн военнопленных ([Еремин, 2007: 259](#)). Несмотря на удаленность от поля фронта, значительная их часть располагалась в концентрационных лагерях Западной Сибири и Средней Азии (Туркестан). Ряд военных успехов русской армии на Австро-венгерском направлении в 1915 году привел к пленению нескольких сотен тысяч военнопленных ([Котлюкова, 2006: 49](#)). Летом 1915 года на территории Акмолинской, Тобольской, Семипалатинской, Томской областей Омского военного округа (Западная Сибирь) было размещено около 115 тысяч военнопленных ([Еремин, 2007: 259](#)). В «Положении о военнопленных», утвержденном Николаем II в октябре 1914 г., обосновывалось гуманное отношение к пленным в соответствии с правилами Гаагской конвенции 1907 г. ([Особые журналы, 2008: 74](#)). Условия содержания военнопленных требовали дополнительных работ для военно-административных структур Западной Сибири. Общежития, государственные учреждения в городах не соответствовали проживанию многих тысяч человек ([Греков, 1997: 161](#)).

В целях решения этой проблемы западносибирская администрация предусмотрела строительство концентрационных лагерей и рассчитала финансовые затраты на их строительство. В общей сложности затраты на строительство одного концлагеря составили 250 тыс. рублей. В одном лагере могло проживать до 10 тыс. человек, и соответственно учитывались санитарные требования ([Еремин, 2007: 259-260](#)).

Одной из проблем, решение которой было затруднено в условиях содержания военнопленных, являлось обеспечение медицинскими услугами. Из-за низкой материальной базы лечебных учреждений в городах Западной Сибири возникли препятствия в реализации этой задачи. Особое внимание было уделено мерам профилактики и ликвидации эпидемиологических заболеваний, в первую очередь борьбе с тифом, возникшим в 1914 году среди пленных в Новониколаевске ([Большаков, 1980: 155](#)). С помощью квалифицированных врачей из Томска и Екатеринбурга было предотвращено усиление данного эпидемиологического заболевания. С сентября 1914 г. по август 1915 г. в Новониколаевске тифом заболели 5 328 человек из 19 903 военнопленных. Из них 2 036 человек умерли, 3 012 – выздоровели. В целом смертность среди пленных Первой мировой войны, размещенных в России, составила 4 % от их общего числа ([Яковлев, 1993: 105](#)).

В целях недопущения новой партии больных пленных, прибывающих в города Западной Сибири из Европейской России, в Челябинске на железнодорожном узле был построен изоляционный лагерь. Он находился под надзором военно-санитарной инспекции. Пленные, которых привезли с фронта, при подозрении заболевания должны были пройти лечение в данном лагере ([Еремин, 2007: 260](#)).

Кроме того, для повышения доступности медицинских услуг военнопленным был разработан план строительства специальных военных лечебных учреждений, то есть власть стремилась не допустить посещения ими городских гражданских больниц. Новые инфекционные учреждения для военнопленных назывались «заразными больницами» ([Сибирская советская энциклопедия, 1929: 216](#)).

Нормальное самочувствие военнопленных существенно зависело от организации питания. В «Положениях о военнопленных», принятых в 1914 г., потребительское право военнопленных на питание было организовано в соответствии с нормами российской армии. Например, русским солдатам и военнопленным на один день выделялось 409 граммов хлеба. Однако из-за неудач на полях сражений и продовольственных трудностей в империи указанные нормы питания неоднократно корректировались (Еремин, 2007: 260).

Местные военные и гражданские властные структуры придавали большое значение механизмам эффективного использования труда пленных, четко учитывая пути их реализации в соответствии с международными правилами. Власти привлекали военнопленных к выполнению промышленных и сельскохозяйственных работ в определенной системе: например, если участие солдат в трудовой деятельности считалось обязательным, то офицеры освобождались от обязательного трудового использования (Бургарт, 2002: 533). Они жили в квартирах и свободных местах военных казарм группами, отделенными от солдат, спали в кроватях и имели чистое постельное белье. Кроме того, в начальные времена войны офицеры получали жалованье в размере от 50 до 120 рублей на личные нужды. Этими деньгами они оплачивали расходы на отправку писем на родину, покупку сигарет, пошив одежды, заказ напитков и т.д. (Бургарт, 2002: 534).

Так как Западно-Сибирский регион в основном отличался развитием сельского хозяйства, осуществлялось участие пленных солдат в сезонных трудовых кампаниях в этой сфере. Контролем и организацией их работы занимались специально созданные уездные комитеты (Сибирская советская энциклопедия, 1929: 41). Среди областей, входящих в Западную Сибирь, большое значение по производству сырья и сельскохозяйственной продукции имела Актмолинская область. По данным переписи, в феврале 1915 года на территории Актмолинской области находилось 57 632 военнопленных (ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 36). По этнической структуре 56 438 человек относились к славянской группе, остальные принадлежали к венгерской, немецкой, румынской национальностям. По данным на 1916 год, в сельскохозяйственной отрасли и на предприятиях Актмолинской области трудились 9 442 пленных (ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 37). Их разделение труда представлено в таблице (Таблица 1).

Таблица 1. Сферы занятости военнопленных в 1916 году в Актмолинской области (ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 36)

№	Сфера деятельности	Количество пленных
1	Сельское хозяйство	5 458
2	Торговая промышленность	2 862
3	Железная дорога	1 122

Анализ данных таблицы показывает, что большая часть военнопленных была занята в сельскохозяйственной отрасли.

По данным В.Н. Большакова, на 1 июля 1917 года в сельскохозяйственной отрасли Западной Сибири трудилось около 40 тыс. пленных (Большаков, 1980: 164). По сравнению с сельским хозяйством трудовой распорядок в сфере промышленности приобрел особый характер. В соответствии с «Положениями об отпуске военнопленных для работы на частных предприятиях», утвержденными Советом министров от 17 марта 1915 года предприятия были отнесены к важнейшему стратегическому объекту (Еремин, 2007: 261). В рамках данного положения количество военнопленных, работавших на заводах и фабриках, не должно было превышать 15 % от общей численности рабочих. Особенно это положение касалось предприятий, производящих военную оборонную продукцию (Еремин, 2007: 261).

Согласно пункту 9 «Положения» была установлена оплата труда военнопленных за выполненную работу. Для стимулирования добросовестного труда среди пленных, были назначены специальные надбавки и премии. По решению местных уездных спецкомитетов многие пленные получали надбавки (Бургарт, 2002: 535): например, некоторым из них, работавшим в цехе по производству шинелей в г. Атбасаре Актмолинской области (Таблица 2), решением специального комитета в августе 1915 года была назначена надбавка (ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 11).

По данным Д.М. Зольникова, число пленных, трудившихся в индустриальной сфере Сибирского региона в период Первой мировой войны, составило более 5 % (Зольников, 1982: 75).

В 1914–1916 годах австро-венгерские военнопленные участвовали в строительстве крупных строительных объектов. Одним из них стала дорога в Семипалатинской области, которая в народе называлась «Староавстройка» (Бургарт, 2003: 481). Дорогой планировалось соединить села Катон-Карагай на севере области и Алексеевку на юге. С учетом холодов Западной Сибири строительные работы проводились в весеннее и летнее время. На строительстве работала бригада из более 800 чешских, венгерских, галицийских, австрийских военнопленных (Историческая энциклопедия..., 2009: 582). Строительство было завершено в 1916 году и несколько способствовало улучшению системы коммуникации региона (Надь, 2017: 146). По данным Л.А. Бургарта, в ходе строительства

умерли около 30 человек от различных заболеваний, и они были похоронены на местном кладбище. Их могилы с готическим крестом можно увидеть до сих пор (Бургарт, 2003: 484).

Таблица 2. Сведения о пленных, получивших надбавку (ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 36)

№	ФИО	Национальность
1	С. Райхер	австриец
2	А.Н. Яворский	словак
3	С.М. Вухач	русин
4	Д. Агнеш	венгр
5	С. Хорак	чех
6	Я. Дуда	словак

По мнению историка И.А. Еремина, использование военнопленных в качестве рабочей силы для народного хозяйства края не достигло значительной эффективности. Одной из причин этого он называет отсутствие комплексной продуманной системы (Еремин, 2007: 261).

Военнопленные из Австро-Венгрии в Средней Азии (Туркестан): процесс адаптации и отношения с обществом

Условия содержания австро-венгерских пленнх в Средней Азии (Туркестан) требуют учета многих факторов. Во-первых, по сравнению с Западной Сибирью регион отличался жарким климатом и сложным географическим ландшафтом. Во-вторых, большая часть местного населения состояла из приверженцев мусульманской религии. В-третьих, материально-техническая база и уровень экономического развития региона были ниже, чем в Западной Сибири. В Туркестане было мало городов, где сосредоточились бы крупные предприятия, как в Омске, Тобольске, Кургане, Семипалатинске и Западной Сибири. Его главным городом считался Ташкент. В связи с этим было решено разместить первых военнопленных в казармах Туркестанского военного округа в Ташкенте.

Российская администрация старалась придерживаться национального принципа в размещении военнопленных. Однако это не оправдало себя на практике (Бейли, 2013: 92). Например, учитывая, что основная масса населения Туркестанского региона относилась к группе тюркских народов, не было допущено размещения военнопленных из Османской империи в Туркестане (Котюкова, 2017: 49). Кроме того, по сравнению с Западной Сибирью, в Среднюю Азию были отправлены пленнх, относящиеся к немецкой, венгерской, австрийской национальностям, отнесенным к группе малонадежных народов (Котюкова, 2017: 50). А в Сибири в подавляющем большинстве были сосредоточены пленнх, принадлежащие к славянской группе. Царские власти отказались из-за трудностей материально-технического обеспечения (хотя изначально планировали) содержать военнопленных славянских и других национальностей в отдельных лагерях. Тем не менее в Ташкенте пытались разместить в основном славян (хорватов, чехов, словенцев, словаков), а в Ходженте и Фергане – немцев, австрийцев, венгров (Ганн, 1961: 204).

По количеству военнопленных в Туркестане за 1915 год приводятся разные цифры. Например, если по официальным данным их было более 148 тысяч (ЦГА РУ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 47), то, по данным главы американской политической миссии Стерлинга, 82 425 пленнх были из Австро-Венгрии, 3 812 – из Германии. Среди них были молодые люди призывного возраста, привезенные с оккупированных территорий (Котюкова, 2017: 53).

С середины 1916 года военнопленных стали освобождать из-под стражи, но они находились под контролем полиции и обязались не покидать место жительства без разрешения. К концу 1916 года число заключенных в Туркестане достигло 200 тысяч (Ата-Мирзаев и др., 2004: 63). Количество военнопленных в таких городах, как Верный, Бишкек, Токмак, превысило население города. Эта ситуация вызвала беспокойство местных властей (Матвеев, 1977: 41).

Увеличение числа военнопленных в регионе создало угрозу жилищного и продовольственного кризиса. Более того, с июля 1915 года в Средней Азии разместилось около 70 тысяч беженцев из Прибалтики, Польши. Но к лету 1916 года царское правительство реэвакуировало их и сократило число до 15 тысяч (Чиркин, 2006: 114). Здесь возникает вопрос: что подтолкнуло правительство к размещению сотен тысяч военнопленных в малонаселенном Туркестанском регионе? Причины были следующие:

- удаленность региона от Европейской России (расстояние от Ташкента до Москвы составляет 3 300 км) и трудность побега;
- опора на продовольственный потенциал и дешевизну региона, где параллельно были развиты животноводство и земледелие, садоводство.

Обеспечение пленнх, привыкших к чистому пшеничному хлебу, необходимым продовольственным рационом требовало дополнительных затрат, так как хлеб из низкосортной пшеницы Средней Азии вызвал у пленнх желудочные заболевания и увеличил смертность (Котюкова,

2017: 55). Санитарно-медицинская система Туркестанского края оказалась бессильной в профилактике заболеваний и коренной ликвидации различных инфекционных болезней у многих тысяч пленных (Котюкова, 2017: 55). Медицинская отрасль региона нуждалась в квалифицированных врачах и медикаментах. Большинство пленных заболели, получив солнечный удар, лекарства против которого отправили даже из Копенгагена и Вены (Матвеев, 1977: 41). Правила содержания пленных офицеров в Западной Сибири действовали и в Туркестане. Например, отслеживалось их проживание в специальных казармах и квартирах. Они были освобождены от обязательных трудовых работ (Сенчек, 1961: 216), им были предусмотрены специальные выплаты для получения необходимых личных вещей. Австро-венгерским офицерам платили около 600 рублей в год, немецким офицерам – от 338 до 500 рублей в год (Котюкова, 2017: 57). Дифференцированный подход к офицерам обоих государств был обусловлен трудным положением русских пленных в лагерях Германии (Бейли, 2013: 86).

По прибытии в Туркестанский край военнопленных австро-венгерской армии поместили в военные казармы и училища в городах Ташкент, Наманган, Самарканд, Туркестан, Перовск, Верный, Казалинск, Коканд. В связи с этим курсантов училищ в городах Верный и Перовск пришлось отправить на ранний учебный отпуск (Котюкова, 2017: 57). При этом следует отметить, что военнопленные были перевезены в Среднюю Азию по железной дороге Оренбург–Ташкент (Этнический атлас, 2002: 74).

Военный губернатор Сырдарьинской области разрешил пленным строить или приобретать домики-особняки на собственные средства. В результате ряд офицерских групп из Австро-Венгрии в городах Казалы, Перовск на свои средства построили особняки (ГА ГТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8. Л. 31). Во дворе их располагались баня, беседка и др. Власти приложили немало усилий для решения проблемы обеспечения пленных чистой питьевой водой, что создало дополнительные трудности для региона с постоянно засушливым климатом. В каждой казарме были колодцы, или вода перевозилась из других мест на конных повозках. В казармы городов вдоль станции, таких как Казалы, Перовск, Черняев, вода по железной дороге перевозилась из Ташкента (ГА ГТ. 10. Оп. 1. Д. 8. Л. 36).

Несомненно, следующим важным вопросом для военнопленных являлось установление отношений с обществом и родиной. Новости о происходящих международных политических событиях можно было узнать из газет и журналов и писем с родины. Военнопленные имели возможность покупать иностранные газеты, журналы, книги только с разрешения руководителя казармы. Однако необходимо отметить, что ограничения доступа к российским СМИ не были установлены (Чиркин, 2006: 128). Был установлен порядок передачи писем пленных на родину: сначала они передавались руководству казармы, а затем – военно-цензурному комитету при Туркестанском военном округе. Например, в 1916 году от австро-венгерских пленных, размещенных в военной казарме города Аулиеата, на родину было направлено 132 письма. Всего в казарме находилось 542 пленных (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 17. Л. 53), то есть более четверти заключенных имели возможность отправлять письма домой. По данным архива, большинство писем было направлено в города Вена, Будапешт, Прага, Нитра, Краков, Львов (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 17. Л. 53).

Право на свободные связи с местным обществом больше имели австро-венгерские пленные славянского происхождения. Австрийцы, немцы, венгры должны были соблюдать ряд ограничений в данном вопросе. Встречались случаи, когда пленным, принадлежавшим к чешской, словацкой, русинской национальностям, разрешалось выезжать из мест проживания в другие города. Но они должны были быть зарегистрированы в специальной книге учета местного военкомата. В октябре 1916 года уроженцу Ужгорода пленнику Осипу Свитлику разрешили выехать из Бишкека в Верный. В его просьбе была указана причина увидеть двоюродного брата-беженца, проживавшего в городе Верный (Чиркин, 2006: 118). Исходя из этого, мы понимаем, что определенные категории военнопленных имели значительную свободу. Об этом в своем докладе отметил и представитель США, который в 1916 году приехал познакомиться с положением военнопленных в Туркестане (Котюкова, 2017: 58).

Посещение и проживание посторонних в лагерях и квартирах пленных были запрещены. Но при анализе ряда данных выявилось, что этот запрет фактически не соблюдался. Например, в Перовске местным властям было известно, что подданная Австро-Венгрии Мария Гороховская прожила почти год в квартире своего пленного мужа (Котюкова, 2017: 59). Органы власти были в курсе, что она приехала в Среднюю Азию с паспортом беженца. Аналогичные события происходили и в Ташкенте, Намангане, Черняевке (Котюкова, 2017: 59).

Еще один порядок для австро-венгерских и германских военнопленных был установлен в отношении стиля одежды: им запрещалось покупать и носить одежду местных народов (шапан, такия). Это был шаг, который был сделан, чтобы предотвратить их побег (Этнический атлас, 2002: 135). Нарушение установленных для пленных порядков приводило к ссылке в отдаленные лагеря края – Гульча (Ферганская область) и Форт-Александровск (полуостров Мангышлак), откуда устроить побег было невозможно (Бейли, 2013: 87). Но, поскольку социально-нравственные права и общественные статусы сохранялись на значительном уровне, количество организованных побегов из числа пленных было крайне незначительным по отношению к общей численности.

Таким образом, можно утверждать, что различные аспекты жизни австро-венгерских военнопленных в Западно-Сибирском и Туркестанском краях соблюдались в соответствии с международными нормами и в результате осуществлялся процесс их репатриации на родину.

5. Заключение

Подводя итоги исследовательской работы, мы убедились в том, что австро-венгерские военнопленные испытывали различные трудности в евразийских степях в 1910–1920 гг. Их политико-идеологические, социально-экономические, морально-правовые ценности и установки находились под давлением общественных систем двух эпох.

Адаптивная деятельность пленных в новой среде формировала их общественно-социальные ранги. Последствия их жизни в Туркестане и Западной Сибири имели культурно-гуманистический характер. Как представители европейцев, австро-венгры, несомненно, создали условия для дальнейшего развития историко-культурного представления о Средней Азии и Западной Сибири. Оставшиеся в Западной Сибири и Туркестане бывшие пленные дали значительный импульс научно-техническому и хозяйственному развитию регионов.

Литература

[Альбат, 1917](#) – *Альбат Г.П.* Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных. М., 1917.

[Ата-Мирзаев и др., 2004](#) – *Ата-Мирзаев О., Гентшике В., Муртазаева Р.* Межнациональная толерантность в Узбекистане: История и современность. Ташкент: Университет, 2004.

[Бейли, 2013](#) – *Бейли Ф.М.* Миссия в Ташкент. М.: Языки славянской культуры, 2013.

[Белинский, 1914](#) – *Белинский А.И.* С кем мы дружили: исторический очерк русско-немецких отношений. Могилев, 1914.

[Большаков, 1980](#) – *Большаков В.Н.* Источники пополнения рабочей силы в промышленности Сибири в годы первой мировой войны // *Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма.* Новосибирск, 1980. С. 151–172.

[Бургарт, 2002](#) – *Бургарт Л.А.* Материалы Земельных управлений по землеустройству в 1920-е годы как источник по истории немецких поселений в Казахстане / *Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941).* М.: МДЦ Холдинг, 2002. С. 528–545.

[Бургарт, 2003](#) – *Бургарт Л.А.* Сельское немецкое население Казахстана в XX веке: основные этнодемографические характеристики (по материалам всеобщих переписей населения) / *Ключевые проблемы истории российских немцев: Материалы X междунар. конференции.* Москва, 18–21 ноября 2003. С. 473–499.

[Васильева, 1999](#) – *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М.: Ред. изд. центр МГОПУ, 1999.

[ГА ГТ](#) – Государственный архив города Ташкента.

[Ганн, 1961](#) – *Ганн Ш.* Мы дрались за Ташкент // *Былые походы: Воспоминания словацких красноармейцев – участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в СССР.* М.: Воениздат, 1961. С. 201–207.

[Греков, 1997](#) – *Греков Н.В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) / *Немцы. Россия. Сибирь: Сб. статей.* Омск, 1997. С. 154–180.

[Дулатов, 2019](#) – *Дулатов Б.К.* Вопросы репатриации бывших граждан Австро-венгерской империи из Поволжья и Сибири в 1920-е годы // *Вестник ВолГУ.* 2019. № 5 (24). С. 148–161.

[Еремин, 2007](#) – *Еремин И.А.* Военнопленные первой мировой войны в Западной Сибири // *Известия Томского политехнического университета.* 2007. № 1 (310). С. 259–263.

[Жданов, 1920](#) – *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М.: Военная типография Всеросглавштаба, 1920.

[Зольников, 1982](#) – *Зольников Д.М.* Рабочие Сибири в годы первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск: Наука, СО, 1982.

[Историческая энциклопедия..., 2009](#) – *Историческая энциклопедия Сибири.* Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009.

[Киреева, 2006](#) – *Киреева Ю.В.* Условия содержания немецких и австро-венгерских военнопленных на территории Туркестанского военного округа (1914–1917 гг.) // *Военная история.* 2006. № 5 (23). С. 198–204.

[Клеванский, 1965](#) – *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М.: Наука, 1965.

[Колесников, 2018](#) – *Колесников Б.В.* Положение военнопленных русинов и других славян в 1916–1917 гг. (по материалам Камышинского казенного питомника) // *Русин.* 2018. Том 51. Вып. 1. С. 220–232.

Котюкова, 2017 – *Котюкова Т.В.* Туркестанский плен: немецкие и австро-венгерские военнопленные в русском Туркестане в годы первой мировой войны // *Россия и современный мир.* 2017. № 2. С. 47-64.

Маевский, 1957 – *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Госполитиздат, 1957.

Матвеев, 1977 – *Матвеев А.М.* Зарубежные выходцы в Туркестане на путях к Великому октябрю (1914 – октябрь 1917 г.). Ташкент: ФАН, 1977.

Надь, 2017 – *Надь З.* В поисках родных среди чужих // *Ежегодник финно-угорских исследований.* 2017. № 2. С. 139-148.

Особые журналы..., 2008 – *Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг.* М.: РОССПЭН, 2008.

Сибирская советская энциклопедия, 1929 – *Сибирская советская энциклопедия.* Новосибирск: Сибирское краевое изд-во, 1929.

Сенчек, 1961 – *Сенчек Г.* От Кракова до Туркестана // *Былые походы: Воспоминания словацких красноармейцев – участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в СССР.* М.: Воениздат, 1961. С. 208-235.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Чиркин, 2006 – *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на востоке: Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006.

Этнический атлас..., 2002 – *Этнический атлас Узбекистана.* Ташкент: ИООФС-Узбекистан, 2002.

Яковлев, 1993 – *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М.: Москвитянин, 1993.

References

Al'bat, 1917 – *Al'bat, G.P.* (1917). Sbornik mezhdunarodnyh konvencij i pravitel'stvennyh rasporyazhenij o voennoplennyh [Collection of international conventions and Government orders on prisoners of war]. Moskva. [in Russian]

Ata-Mirzaev i dr., 2004 – *Ata-Mirzaev, O., Gentshke, V., Murtazaeva, R.* (2004). Mezhnacional'naya tolerantnost' v Uzbekistane: Istoriya i sovremennost' [Interethnic tolerance in Uzbekistan: History and modernity]. Tashkent: Universitet. [in Russian]

Beili, 2013 – *Beili, F.M.* (2013). Missiya v Tashkent [Mission to Tashkent]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. [in Russian]

Belinskij, 1914 – *Belinskij, A.I.* (1914). S kem my družhili: istoricheskij ocherk rusko-nemeckih otnoshenij [Who we were friends with: a historical sketch of Russian-German relations]. Mogilev. [in Russian]

Bol'shakov, 1980 – *Bol'shakov, V.N.* (1980). Istochniki popolneniya rabochej sily v promyshlennosti Sibiri v gody pervoj mirovoj vojny [Sources of replenishment of the labor force in the industry of Siberia during the First World War]. Promyshlennost' i rabochie Sibiri v period kapitalizma. Novosibirsk. Pp. 151-172. [in Russian]

Burgart, 2002 – *Burgart, L.A.* (2002). Materialy Zemel'nyh upravlenij po zemleustrojstvu v 1920-e gody kak istochnik po istorii nemeckih poselenij v Kazahstane [Materials of the Land Administration for Land Management in the 1920s as a source on the history of German settlements in Kazakhstan]. Nemcy Rossii: social'no-ekonomicheskoe i duhovnoe razvitie (1871–1941) [The Germans of Russia: socio-economic and spiritual development (1871-1941)]. M.: MDC Holding. Pp. 528-545. [in Russian]

Burgart, 2003 – *Burgart, L.A.* (2003). Sel'skoe nemeckoe naselenie Kazahstana v XX veke: osnovnye etnodemograficheskie harakteristiki (po materialam vseobshchih perepisej naseleniya) [Rural German population of Kazakhstan in the XX century: the main ethnodemographic characteristics (based on the materials of the general population censuses)]. *Klyucheveye problemy istorii rossijskikh nemcev: Materialy X mezhdun. konferencii. Moskva, 18–21 noyabrya.* Pp. 473-499. [in Russian]

CGA RK – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Chirkin, 2006 – *Chirkin, S.V.* (2006). Dvadcat' let sluzhby na vostoке: Zapiski carskogo diplomata [Twenty years of service in the East: Notes of the tsarist diplomat]. M.: Russkij put. [in Russian]

Dulatov, 2019 – *Dulatov, B.K.* (2019). Voprosy repatriacii byvshih grazhdan Avstro-vengerskoj imperii iz Povolzh'ya i Sibiri v 1920-e gody [Issues of repatriation of former citizens of the Austro-Hungarian Empire from the Volga region and Siberia in the 1920s]. *Vestnik VolGU.* 5(24): 148-161. [in Russian]

Eryomin, 2007 – *Eryomin, I.A.* (2007). Voennoplennye pervoj mirovoj vojny v Zapadnoj Sibiri [Prisoners of war of the First World War in Western Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta.* 1(310): 259-263.

Etnicheskij atlas..., 2002 – *Etnicheskij atlas Uzbekistana (2002).* [Ethnic Atlas of Uzbekistan]. Tashkent: IOOFS-Uzbekistan.

Gann, 1961 – *Gann, Sh.* (1961). My dralis' za Tashkent [We fought for Tashkent]. Bylye pohody: Vospominaniya slovackih krasnoarmejcev–uchastnikov Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revoljucii

i Grazhdanskoj vojny v SSSR [Past campaigns: Memories of Slovak Red Army soldiers–participants of the Great October Socialist Revolution and the Civil War in the USSR]. M.: Voenizdat. Pp. 201-207. [in Russian]

[GA GT](#) – Gosudarstvennyj arhiv goroda Tashkenta [The State Archive of the city of Tashkent].

[Grekov, 1997](#) – *Grekov, N.V.* (1997). Germanskije i avstrijskije plennye v Sibiri (1914–1917) [German and Austrian prisoners of War in Siberia (1914-1917)]. Nemcy. Rossiya. Sibir': sb. Statej. Omsk. Pp. 154-180. [in Russian]

[Istoricheskaya enciklopediya..., 2009](#) – Istoricheskaya enciklopediya Sibiri [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri, 2009. [in Russian]

[Kireeva, 2006](#) – *Kireeva, Yu.V.* (2006). Usloviya sodержaniya nemeckih i avstro-vingerskih voennoplennyh na territorii Turkestanskogo voennogo okruga (1914–1917 gg.) [Conditions of detention of German and Austro-Hungarian prisoners of war on the territory of the Turkestan Military District (1914–1917)]. *Voennaya istoriya*. 5(23): 198-204. [in Russian]

[Klevanskij, 1965](#) – *Klevanskij, A.H.* (1965). Chekhoslovackie internacionalisty i prodannyj korpus: Chekhoslovackie politicheskie organizacii i voinskie formirovaniya v Rossii. 1914–1921 gg. [Czechoslovak Internationalists and the Sold Corps: Czechoslovak Political Organizations and Military Formations in Russia. 1914–1921]. M.: Nauka. [in Russian]

[Kolesnikov, 2018](#) – *Kolesnikov, B.V.* (2018). Polozhenie voennoplennyh rusinov i drugih slavjan v 1916-1917 gg. (po materialam Kamysinskogo kazennogo pitomnika) [The situation of prisoners of war of the Rusyns and other Slavs in 1916-1917 (based on the materials of the Kamysinsky state nursery)]. *Rusin*. 51(1): 220-232. [in Russian]

[Kotyukova, 2017](#) – *Kotyukova, T.V.* (2017). Turkestanskij plen: nemeckie i avstro-vingerskie voennoplennye v russkom Turkestane v gody pervoj mirovoj vojny [Turkestan captivity: German and Austro-Hungarian prisoners of war in Russian Turkestan during the First World War]. *Rossiia i sovremennij mir*. 2: 47-64. [in Russian]

[Maevskij, 1957](#) – *Maevskij, I.V.* (1957). Ekonomika russkoj promyshlennosti v usloviyah Pervoj mirovoj vojny [The economy of Russian industry in the conditions of the First World War]. M.: Gospolitizdat. [in Russian]

[Matveev, 1977](#) – *Matveev, A.M.* (1977). Zarubezhnye vyhodcy v Turkestane na putyah k Velikomuu oktyabryu (1914 – oktyabr' 1917 g.) [Foreign immigrants in Turkestan on the way to the Great October (1914 – October 1917)]. Tashkent: FAN. [in Russian]

[Nad', 2017](#) – *Nad, Z.* (2017). V poiskah rodnih sredi chuzhij [In search of relatives among strangers]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij*. 2: 139-148. [in Russian]

[Osobyje zhurnaly..., 2008](#) – Osobyje zhurnaly Soveta ministrov Rossijskoj imperii. 1909–1917 gg. (2008). [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909–1917]. M.: ROSSPEN. [in Russian]

[Senchek, 1961](#) – *Senchek, G.* (1961). Ot Krakova do Turkestana [From Krakow to Turkestan]. Bylye pohody: Vospominaniya slovackih krasnoarmejcjev–uchastnikov Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolucii i Grazhdanskoj vojny v SSSR [Past campaigns: Memories of Slovak Red Army soldiers–participants of the Great October Socialist Revolution and the Civil War in the USSR]. M.: Voenizdat. Pp. 208-235. [in Russian]

[Sibirskaya sovetskaya enciklopediya..., 1929](#) – Sibirskaya sovetskaya enciklopediya. (1929). [Siberian Soviet Encyclopedia]. Novosibirsk: Sibirskoe kraevoe izd-vo. [in Russian]

[Vasil'eva, 1999](#) – *Vasil'eva, S.N.* (1999). Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny [Prisoners of war of Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War]. M.: Red.izd. centr MGOPU. [in Russian]

[Yakovlev, 1993](#) – *Yakovlev, N.N.* (1993). 1 avgusta 1914 [August 1, 1914]. M.: Moskvityanin. [in Russian]

[Zhdanov, 1920](#) – *Zhdanov, N.M.* (1920). Russkie voennoplennye v mirovoj vojne 1914-1918 gg. [Russian prisoners of war in the World War 1914-1918]. Moskva: Voennaya tipografiya Vserosglavshtaba. [in Russian]

[Zol'nikov, 1982](#) – *Zol'nikov, D.M.* (1982). Rabochie Sibiri v gody pervoj mirovoj vojny i Fevral'skoj revolucii [Workers of Siberia during the First World War and the February Revolution]. Novosibirsk: Nauka, SO. [in Russian]

Социально-общественная жизнь австро-венгерских военнопленных в Западной Сибири и Туркестане (1914–1917 гг.)

Шолпан Арапбаевна Забих^b, Юсуф Мехмет Жихангир^{a,*}, Гулжамал Толегеновна Жораева^a,
Тенгеш Серикбаевна Каленова^c

^a Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави,
Туркестан, Республика Казахстан

^b Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^c Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. Первая мировая война способствовала формированию судеб австро-венгерских подданных в новой историко-географической среде: в Западно-Сибирском и Туркестанском краях, считавшихся дальними регионами Российской империи: им пришлось испытать на себе тяжелые условия жизни военнопленных. Политико-идеологические и социально-правовые аспекты военнопленных в Западной Сибири относятся к числу исторических вопросов, широко обсуждаемых в историографии. В последнее время интерес исследователей вызывает ситуация с адаптацией пленников Первой мировой войны в новых регионах, где они были размещены. А вопросы национального состава, социально-общественного и медико-санитарного положения австро-венгерских военнопленных, размещенных в концентрационных лагерях и городах Западной Сибири и Средней Азии (Туркестан), приобретают все большее значение в современной истории. В российских исследованиях интерес вызывают темы этнической принадлежности, трудовой повинности военнопленных в Туркестане и Западной Сибири. Также социально-бытовые вопросы положения беженцев из европейской части России в Среднюю Азию в 1915–1916 годах, касающиеся военнопленных, все же требуют комплексного рассмотрения, потому что с появлением беженцев условия содержания военнопленных в лагерях и городах Туркестана были усложнены.

Также вызывает научный интерес тема изучения общественно-социального статуса военнопленных в Туркестане. В данной статье рассматриваются социально-бытовые и общественные аспекты жизни австро-венгерских военнопленных в Западной Сибири и Туркестане в 1914–1917 гг. на основании архивных данных. Кроме того, дана объективная оценка позиций и взглядов на изучение истории военнопленных.

Ключевые слова: австро-венгры, военнопленные, Западная Сибирь, Туркестан, Первая мировая война.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kaz-bo@mail.ru (Ю.М. Жихангир)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 1033-1040
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.1033

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Issue of State Social Policy for the Disabled People During the First World War in Russian Historiography: Problems of Population and Identification

Alexander S. Kovalev ^{a,*}, Nikolai R. Novosel'tsev ^a, Dmitry V. Rakhinsky ^{a,b,c}, Nikita N. Ravochkin ^{d,e}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

^c Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

^d Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Russian Federation

^e Kuzbass State Agricultural Academy, Russian Federation

Abstract

The article deals with the problem of social assistance to war invalids in 1914–1917, presented in modern Russian historiography. Most researchers claim that during the First World War, a full-fledged state social policy was carried out in relation to the crippled and wounded soldiers from the lower ranks. Conversely, the question of what was the number of people who returned from the front completely disabled remains debatable. In addition, another scientific problem is formulated in the article: was the “war invalids” an independent category of people in need of assistance, or were they assisted under the unified approach to solving the life difficulties of sick and wounded military personnel. The answers to both of these questions help to say more precisely whether the practice of state social policy actually existed in Russia. If the number of military invalids was significant, then they could indeed become an object of special attention from both state and non-state actors of assistance. Meanwhile, the disabled of the First World War had to have a special status that distinguished them from other categories of the disabled population, distinguished them from people who occupied a similar social position.

The article presents different points of view regarding the number of war invalids, considers the problems of organizing the registration of war invalids during the First World War, analyzes the materials of the questionnaires developed by the Medical Statistical Bureau under the Main Committee of the Zemsky Union and compiled for a group of veterans from the Barnaul district who returned disabled. All of the foregoing made it possible to identify war invalids as a separate group.

Keywords: history of social aid, charity, World War I, state social policy, disability, war invalids, crippled and wounded soldiers, enlisted men.

1. Введение

Первая мировая война, безусловно, способствовала росту инвалидизации во всем мире. По сути, это был первый глобальный социальный вызов обществам, которые прежде не сталкивались с тем, что такое большое количество граждан, прежде бывших успешными работниками, заботливыми мужьями и хорошими отцами, вернувшись с фронта, в одночасье окажется маргинальной массой, не сумевшей адаптироваться к жизни с инвалидностью и выброшенной на обочину общественной жизни.

В Российской империи уже был опыт по призрению пострадавших на войне лиц, и государство, общественные структуры, частные лица всячески старались исполнить богоугодное дело и оказать получившим серьезное увечье посильную помощь. Несмотря на то, что военные конфликты

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), sirdar@mail.ru (D.V. Rakhinsky), nickravochkin@mail.ru (N.N. Ravochkin)

сопровождали российскую историю на протяжении всего столетия, численность инвалидов войны была незначительной, и, самое главное, способы социальной заботы о них не выходили за пределы благотворительной помощи. Однако Первая мировая война с самого начала обозначила проблему оказания достойной помощи инвалидам войны, которая бы не только обозначила некоторую степень участия общества в решении проблем, но и способствовала бы их адаптации к мирной жизни.

2. Материалы и методы

Исследование опирается на принципы историзма и объективности, представленные в научных публикациях отечественных историков, использует как опубликованные материалы, так и ранее не публиковавшиеся сведения, обнаруженные в фондах Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация).

Были использованы следующие методы исторической науки: 1) логический, направленный на обобщение исторического опыта государственной социальной политики в 1914–1917 гг. через понимание ее закономерностей; 2) ретроспективный, предполагающий глубокое, последовательное проникновение в прошлое с целью выявления сути явления военной инвалидности периода Первой мировой войны; 3) идиографический – описание социального положения инвалидов войны на основе объективных фактов; 4) историко-критический, способствующий получению достоверной информации на основе исторических фактов через: а) сопоставление сведений из разных публикаций; б) сравнение общеизвестных фактов и научное объяснение противоречий между ними, в) оценку точности отображения фактов в отечественной историографии Первой мировой войны.

3. Обсуждение

В отечественной историографии XXI века появилось достаточно много работ, которые так или иначе затрагивали вопросы социальной помощи инвалидам войны в период Первой мировой войны (Kovalev et al., 2018; Букалова, Щербинин, 2020; Еремин, 2006; Еремин, 2016; Ковалев, 2011; Merkulov et al., 2021; Нагорных, 2014; Тишкина, 2018; Шиловский, 2015; Щербинин, Букалова, 2019). Обычно в них описываются конкретные меры, которые предпринимали благотворительные общества разного уровня, они содержат много интересной и полезной эмпирической информации, свидетельствующей о том, что общество по мере своих сил старалось заботиться об инвалидах, вернувшихся с фронтов Первой мировой войны. Впрочем, как верно отмечают С.В. Букалова и П.П. Щербинин, характеризуя современное состояние историографии проблемы помощи инвалидам войны, что авторы публикаций основное внимание «уделяют помощи раненым и семьям призванных, ...минуя “инвалидную” тематику» (Букалова, Щербинин, 2020: 149). В целом для отечественной историографии характерно исключительно положительное восприятие мероприятий, связанных с социальной помощью в отношении инвалидов в этот период.

В то же время теоретические выводы, которые делают авторы этих статей, довольно спорны и вызывают много вопросов, в первую очередь о численности инвалидов Первой войны. Не менее важной представляется во многом не изученная проблема, можно ли считать помощь «увечным и раненым воинам» помощью инвалидам, являются ли эти категории синонимами. Третьим по значимости является вопрос о самой государственной социальной политике в отношении инвалидов в годы Первой мировой войны: насколько она была действительно государственной и защищала интересы такой значительной по численности и значимой по статусу группы населения, как инвалиды войны. Цель настоящей работы – проанализировать современные исследования, посвященные проблемам становления и развития социальной помощи инвалидам войны в 1914–1917 гг. и ответить на поставленные вопросы.

4. Результаты

Государственная социальная политика в отношении инвалидов войны, если она имеет место быть, должна основываться «на точном представлении о числе жертв войны», ибо главный недостаток сложившейся в России системы общественного призрения в том, что она «не знала ни количества нуждающихся, ни характера нужды» (Букалова, Щербинин, 2020: 154).

П.П. Щербинин и С.В. Букалова, говоря о численности инвалидов, определяют довольно широкие пределы – от 350 тысяч до 1 млн чел. (Щербинин, Букалова, 2019). Н.Н. Головин, ссылаясь на расчеты Ставки, указывает, что число инвалидов к октябрю 1917 г. равнялось 518 718 чел., но говорит о том, что это не могут быть полные сведения, и соглашается с Главным военно-санитарным инспектором Л.И. Сазоновым, который полагал, что число инвалидов не могло быть меньше 700 тыс. чел. (Головин, 2014: 203–204). 900 000 инвалидов насчитал Л.Л. Керсновский, а авторы историко-демографического исследования «Население России в XX вв.», опираясь на сведения, приведенные в советской и эмигрантской прессе, в качестве инвалидов империалистической войны указывают 890 тыс. чел. В то же время картотечный учет Военного министерства Российской империи за период с августа 1914 г. по декабрь 1916 г. показывает, что инвалидами стали 57 318 офицеров и 3 421 004 солдата, т.е. всего 3 478 322 чел. (Ковалев, 2018: 45).

П.А. Меркулов, С.В. Букалова и О.В. Леонова отмечают, что «необходимо было точно установить общее число инвалидов войны, численность различных категорий и их территориальное распределение. Перепись инвалидов войны давала ценную информацию, непосредственно связанную с последующим долговременным финансированием адресованных им мероприятий» (Merkulov et al., 2021: 396). Очевидно, что такую масштабную работу на территории всей страны должно выполнять государство, однако занимались этим вопросом благотворительные и земские организации: «расходы на проведение переписи приближались к полумиллиону рублей, и Ксенинская комиссия не спешила выделять эти деньги Союзам» (Merkulov et al., 2021: 396).

Как указывают С.В. Букалова и П.П. Щербинин (Букалова, Щербинин, 2020: 155), с середины 1915 г. Военное министерство предполагало начать скорейшее проведение переписи военных инвалидов, для чего требовалось определить общее количество инвалидов, установить численность различных категорий пострадавших, нуждавшихся в разных видах помощи, и их территориальное распределение. Эти сведения должны были лечь в основу разработки конкретных проектов создания организационной системы помощи военным инвалидам на местах.

Однако это было в большей степени намерение, а не реальные дела. Война шла уже почти год, а Военное ведомство только лишь «предполагало сосредоточить у себя регистрацию нуждающихся, а помощь им предоставлять через особые местные комитеты под председательством губернатора» (Букалова, Щербинин, 2020: 154), да и эта идея не была реализована, что во многом уже говорит об отсутствии «государственного начала» в социальной заботе об инвалидах в 1914–1917 гг.

С.В. Букалова и П.П. Щербинин в своей статье подробно описывают схему поуездной регистрации инвалидов войны, предложенную медико-статистическим бюро при Главном комитете Земского союза, которая включала: а) сведения о семейном и имущественном положении увечного воина, его занятиях и доходах; б) сведения о том, состоит ли инвалид в браке; в) информацию об иждивенцах и наличии других работников в семье инвалида; г) вопросы о видах необходимой помощи не только самому солдату, но и членам его семьи (присмотр за детьми, чтобы дать жене возможность заработка); д) указания, какие формы помощи желательны самому нижнему чину (Букалова, Щербинин, 2020: 155).

Безусловно, подобный подход к организации статистического учета был призван сыграть значительную роль в перестройке всего дела призрения инвалидов войны. Однако, если говорить о государственной социальной политике, не стоит придавать ему слишком большого значения, т.к. деятельность по учету, осуществляемая общественной организацией, вряд ли может считаться полноценным сбором сведений о нуждающихся по всей стране.

Только через два года после начала войны, в сентябре 1916 г., было объявлено о начале переписи инвалидов в уездах. При этом, как указывают С.В. Букалова и П.П. Щербинин, «неясным оставалось, кто будет проводить перепись и обрабатывать ее результаты... Главный комитет Земского союза по-прежнему не располагал средствами на ее проведение, и поэтому фактически никакой переписи и обработки результатов не было даже в «общественном» разрезе, не говоря уже о том, что государство самоустранилось от этого вопроса».

Тем не менее анализ нескольких сохранившихся анкет, разработанных медико-статистическим бюро, позволяет узнать много интересного о том образе жизни, который вели инвалиды, вернувшиеся с фронтов Первой мировой. Так, в соответствии с требованиями анкеты, 2 марта 1916 г. по Зятьковско-Реченской волости Барнаульского уезда был составлен список инвалидов, могущих при частичной утрате трудоспособности занять должность служащих при казенных учреждениях.

Всего в волости насчитывалось 22 «увечных воина», из которых 16 чел. были полными инвалидами, т.е. теми, «кто не подлежал переосвидетельствованию и был “уволен навсегда”» (Kogda..., 2014: 254-258).

Основная масса инвалидов была людьми в возрасте до 30 лет: 24 года – 1 чел., 25 лет – 2, 26 лет – 2, 27 лет – 2, 28 лет – 2, 29 лет – 1, 30 лет – 5, 41 год – 1 чел. (Kogda..., 2014: 254-258).

По уровню грамотности 11 из 16 чел. были неграмотными, 5 – малограмотными (Kogda..., 2014: 254-258).

Диагнозы, с которыми была связана инвалидность, были следующие: ранение пальцев руки – 7, ранение плеча/предплечья – 3, ампутация пальцев на руке – 2, многочисленные ранения – 2, ампутация нижней конечности – 1, «растяжение легких» (в современной медицине эмфизема. – Авт.), т.е. большая часть инвалидов была комиссована с ранениями пальцев рук, которые не позволяли им вернуться обратно в строй (Kogda..., 2014: 254-258).

На вопрос, желает ли кто-то из них «занять должность служащего или чем другим желает заняться при потере способности к хлебопашеству», 15 чел. заявили, что хотят работать дома и заниматься только сельскохозяйственным трудом, т.е. тем же хлебопашеством. Еще один инвалид заявил, что работать «по неграмотности и отсутствию ноги не желает» (Kogda..., 2014: 254-258).

В конце августа 1916 г. были получены сведения о нижних чинах, пострадавших на войне и нуждающихся в материальной помощи, проживающих в г. Томске. Всего была получена информация о 21 инвалиде, о которых известно следующее. Возраст: до 25 лет – 4 чел., от 25 до 30 лет – 14 чел., старше 30 лет – 3 чел. Социальное происхождение: 17 крестьян и 4 мещанина. Семейное положение:

холост – 12 чел., женат, с детьми – 6 чел., женат – 2 чел., живет с семьей отца – 1 чел. (Kogda..., 2014: 259-265).

Среди причин инвалидности были указаны: повреждение нижних конечностей – 7, повреждение верхних конечностей – 3, ампутация конечности – 3, контузия и повреждение слуха – 3, ревматизм – 2, воспаление спинного мозга (*в современной медицине – травматический миелит, возникающий при травмах позвоночника и означающий повреждение позвоночного столба и расстройство его функций в результате проникновения инфекции через открытую рану.* – Авт.) – 2, воспаление почек – 1 (Kogda..., 2014: 259-265).

О своем имущественном положении все сообщили, что оно отсутствует, а что касается материального обеспечения, то всего 6 чел. получали пенсию. Размер пенсии у трех инвалидов составлял 14 руб. в месяц, еще один получал 168 руб. в год (те же 14 руб. в месяц), еще два человека получали 108 руб. в год (т.е. 9 руб. в месяц) и 1 инвалид – 65,30 руб. в год (5,40 руб. в месяц). Источником пенсии в 4 случаях было Томское казначейство, 2 пенсии выплачивались за счет местного благотворительного общества, еще одного пенсионера обеспечивала Томская городская управа (Kogda..., 2014: 259-265).

Говоря о занятости инвалидов, можно отметить 3 инвалидов, которые полноценно трудились, один даже служил курьером в управлении водных путей сообщения и получал 35 руб. Большая часть инвалидов, перечисленных в списке, обучалась сапожному ремеслу – 9, еще один изучал переплетное мастерство. 3 инвалида не работали (не были способны к труду) по состоянию здоровья, хотя один из них хотел устроиться рассыльным (с его слов, это было бы вполне достаточно, после чего даже пенсия будет не нужна). 2 инвалида изъявили желание изучить новое ремесло и трудоустроиться, еще один сообщил, что «имеет наклонности к письмоводству», но учиться не желает, хотя и хочет занять должность конторщика. Наконец, один инвалид указал, что не трудится и поступить на службу или обучаться не желает (Kogda..., 2014: 259-265).

Среди пожеланий того, какую помощь они бы хотели еще получить, ответы распределились следующим образом: требование пенсии – 7, пособие для семьи – 3, единовременное пособие – 2, трудоустройство по новой профессии – 3. Еще два инвалида назвали себя «вполне обеспеченными», а 4 человека, хотя и не считают себя таковыми, но указали, что в пенсии/пособии не нуждаются (Kogda..., 2014: 259-265).

Итак, анализ анкет позволяет сказать, что «полными инвалидами» чаще всего признавались лица в возрасте до 30 лет, имевшие серьезные нарушения здоровья. Меньше трети получали хоть какое-то пособие от государства, которое они защищали, при том, что они и их семьи были неимущими и при наличии стойких повреждений организма могли рассчитывать только на постороннюю помощь. При этом большая часть инвалидов занимала явно выраженную иждивенческую позицию. Всего 3 чел. трудились, еще трое надеялись получить работу по новой профессии сапожника, больше половины так или иначе нуждались в материальном вспомоществовании, но государство было не способно реализовать политику всеобщего пенсионного обеспечения даже инвалидов войны, не переставая при этом убеждать своих граждан в необходимости ведения войны до победного конца.

Таким образом, очевидно, что точной численности инвалидов Первой мировой войны определено не было ни в ходе самого военного конфликта, ни толком после его окончания (что вполне объяснимо, если вспомнить, что большевики ее, мягко говоря, недолюбливали). Но даже отдельные сведения, представленные в анкетах медико-статистического бюро, показывают, что инвалиды войны были явно той самой социальной группой, которая нуждалась в повышенном внимании со стороны государства. Исходя из этого вывода, далее обратимся к вопросу о том, кем на самом деле были эти люди.

Общим для всех нижних чинов, вернувшихся с увечьем, справедливо утверждение П.А. Меркулова, С.В. Букаловой и О.В. Леоновой о том, что «средств к существованию и привычного места в социальной иерархии» они лишились «по вине государства» (Merkulov et al., 2021: 394), а это означает, что оно и было обязано о них позаботиться.

И.А. Еремин указывает, что в годы Первой мировой войны государством велась работа по трудоустройству «возвращающихся с фронта инвалидов, которых называли “увечными воинами”» (Еремин, 2006: 204). В.В. Нагорных говорит о том, что в Минусинске в 1916 г. в электротeatрах давались благотворительные сеансы в пользу «увечных воинов-инвалидов» (Нагорных, 2014: 160).

Вопрос о том, можно ли «увечных воинов» приравнивать к инвалидам войны, довольно сложный. Во-первых, «увечным воином» мог быть и раненый военнослужащий, и страдающий острым или хроническим заболеванием, ведь даже все благотворительные общества назывались обществами помощи «больным и раненым». «Увечье» совсем не обязательно означало «инвалидность».

Во-вторых, обозначение солдат, получивших травму, не совместимую с дальнейшей службой, именно как «инвалидов», характерно для семантики общественного призрения еще с начала XIX века. Именно увечье, полученное на воинской службе, делало увечного «инвалидом» и отличало от всех остальных категорий нетрудоспособных, которых обычно именовали «убогими».

В-третьих, когда в годы Первой мировой войны отдельные ведомства и министерства (например, Военное министерство, Министерство земледелия, РПЦ) пытаются принять участие в судьбе вернувшихся с фронта увечных солдат через поиск возможностей для их трудоустройства, они говорят не о «военно-увечных», а именно об инвалидах, особо выделяя эту категорию граждан (Ковалев, 2011; Kovalev et al., 2018).

Н.Н. Головин в своем известном труде «Россия в Первой мировой войне» под словом «инвалид» понимает «раненых и больных, которые после выздоровления признавались, согласно существовавшим у нас правилам, совершенно не годными к военной службе, а посему подлежащими увольнению от нее» (Головин, 2014: 203-204).

Также и М.В. Шиловский в монографии «Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь», говоря об общественном призрении, называет категорию лиц, потерявших здоровье и трудоспособность на фронте, именно инвалидами (Шиловский, 2015: 118, 153, 159, 211).

К.А. Тишкина отмечает, что в годы Первой мировой войны произошло появление «новых категорий социально не защищенных граждан», но несколько опрометчиво относит к ним и инвалидов войны (Тишкина, 2018: 5). Однако вряд ли уместно говорить о том, что это была «новая» категория, просто число нетрудоспособных лиц, вернувшихся с фронта, стало в разы больше.

В своем исследовании автор часто обращается к деятельности «Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам». С одной стороны, казалось бы, все просто: само название Общества говорит о том, кто был целевой группой для благотворителей. И ряд мер, о которых пишет К.А. Тишкина, подтверждает это: предоставление теплой одежды, бесплатный ночлег, перевязка ран, выдача обуви – все это говорит о том, что меры носили временный, не системный характер, а значит, были направлены именно на помощь раненым фронтовикам (Тишкина, 2018: 103-106, 109). Но с другой – часть прибывших увечных воинов направляли в приют, организовывали выплату пособий, проводили медицинский осмотр и выясняли физическое состояние бывших фронтовиков с целью найти рабочие места (Тишкина, 2018: 109,111,113). Это как раз и говорит о том, что среди всех «увечных и раненых» выделялась категория населения, требовавшая постоянного внимания – не просто «раненые воины», а самые настоящие инвалиды войны.

Очевидно, что все пострадавшие на фронте лица условно делились на тех, кому нужна срочная помощь, как, например, «устройство пострадавших воинов на лечение», «обучение увечного воина ремеслам», а кто-то получал содействие в снабжении протезами, помощь «воинам, нуждающимся в постоянном уходе» – в этом случае речь явно идет о тех, у кого временный статус «увечного, раненого воина» трансформировался в устойчивый статус инвалида (Тишкина, 2018: 158).

К.А. Тишкина подробно описывает деятельность Иркутского губернского союза организаций помощи больным и раненым воинам, инвалидам, их семьям и семьям убитых. И опять же само название благотворительной организации говорит о разнице между категориями вернувшихся с фронта увечных граждан. Целью союза была помощь «эвакуированным с фронта», причем предусматривалось «оказание всякой медицинской помощи, как... имеющим возвратиться при мобилизации больным и раненым воинам» и «оказание инвалидам просветительской и трудовой помощи, призрение совершенно нетрудоспособных и нуждающихся в постоянном уходе инвалидов» (Тишкина, 2018: 173-174).

Еще одним подтверждением того, что инвалиды войны были отдельной категорией нуждающихся в помощи, самостоятельной единицей для благотворителей, могут служить материалы обзора по вопросу организации в г. Красноярске временного приюта-убежища для калек-воинов (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 292. Л. 59), который подняли в 1915–1916 гг. представительницы местного Дамского комитета при Союзе городов. В этих материалах довольно ясно говорится о том, чем с началом войны занимался Дамский комитет: «заготавливал одежду для воинов и подарки к праздникам Рождество и Св. Пасхи». Но вскоре женщины увидели, что «с театра военных действий больные и раненые воины в подавляющем большинстве они нуждаются в материальной поддержке». Им выдавалось денежное пособие, и «для тех, кто сравнительно здоров и может работать», комитет подыскивал места в разных учреждениях.

Кроме этого, представительницы Дамского комитета поставили своей задачей устройство «убежища для раненых и больных воинов, вернувшихся с театра военных действий». Обсуждая перспективы его открытия, благотворители рассуждают о тех, кому требуется помощь в убежище. Получателями призрения в приюте они называют представителей вроде бы единой категории «несчастливых истомленных больных, не совсем оправившихся от тяжелых контузий и ранений». Но далее речь идет о том, что «то бывают большею частью солдаты, которых отпускают на разные небольшие сроки 2–3 месяца и устраиваться сколько-нибудь основательно им не приходится». Конечно, их положение тоже не является удовлетворительным: по словам женщин, такие «увечные» фронтовики «ютятся на постоянных дворах в ужасной обстановке без гроша в кармане, питаются кое-как и кое-чем». Но в первую очередь «убежище» должно обратить внимание на «полных инвалидов», которые «останутся в убежище до тех пор, пока не поправятся настолько, что смогут жить самостоятельно». А для этого необходимо научить ремеслу, которое «всегда найдет применение и в городе, и в деревне... [и] даст возможность увечным научиться зарабатывать свой хлеб и не быть в

тягость обществу». Причем устроительницы приюта озабочены не только тем, что организация в нем трудовой помощи через курсы портных и сапожников поможет только «людям с увечными ногами», но и говорят о том, что требуется «приспособить к делу и дать возможность прокормить себя тем, у кого повреждены руки», а это гораздо труднее, и что они могли бы овладеть какой-нибудь новой профессией, но «почти все они неграмотные, а неграмотные на такие работы не годятся. Ввиду этого обучение грамоте должно стоять у комитета наравне с обучением профессии» (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 292. Л. 590б.).

5. Заключение

Итак, в период Первой мировой войны ее инвалиды были в России отдельной категорией нуждающихся и требовали несколько иного, по сравнению с близкими по статусу больными, ранеными и увечными военнослужащими, отношения со стороны государства. Вообще, ответственность за социальную помощь инвалидам войны в период крупномасштабных конфликтов должно нести именно государство, поскольку, призывая в ряды армии представителей гражданского населения, оно тем самым фактически берет на себя риски утраты этими людьми жизни и здоровья. В связи с этим мысль о том, что в 1914–1917 гг. должна была реализовываться государственная социальная политика в отношении инвалидов войны, в целом правильная.

Однако у инвалидов войны, несмотря на наличие закона 1912 г., определившего их правовой статус, так и не появилось статуса социального. Это доказывает, что государство все еще рассматривало помощь инвалидам как милость от общества, а не как право и требование гарантии со стороны определенной социальной группы, а потому могло себе позволить проводить лишь фрагментарные мероприятия в отношении этой категории граждан.

Отношение населения к инвалидам войны отражается в выводе французского историка А. Зумпфа, которого цитируют С.В. Букалова и П.П. Щербинин: «их положение осложнялось тем, что в тылу, среди здоровых, они не могли предъявить какой-либо весомый личный военный подвиг, который мог бы оправдать то, что они перестали сражаться. Единственный их “подвиг” заключался в том, что они сумели выжить, но, на взгляд тылового общества, этого было недостаточно» (Букалова, Щербинин, 2020: 150).

Однако если верить подобной позиции, то и общество должно было самоустраниться от помощи своим родным, соседям, друзьям, и тогда бы государство осталось единственным субъектом, которому пришлось бы в силу необходимости проводить политику социальной помощи инвалидизированному на войне населению. Но вопрос о том, каким было соотношение реальной государственной, общественной и частной помощи в процессе реализации мер социальной заботы в отношении инвалидов войны, должен стать предметом отдельного исследования.

Литература

Букалова, Щербинин, 2020 – Букалова С.В., Щербинин П.П. «Хозяева увечного дела»: становление системы помощи военным инвалидам в Российской империи в годы Первой мировой войны // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2020. Т. 25. № 187. С. 148-159.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Головин, 2014 – Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2014. 544 с.

Еремин, 2006 – Еремин И.А. Забота о больных и раненых воинах в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // *Известия Томского политехнического университета*. 2006. Т. 309. № 6. С. 202-205.

Еремин, 2016 – Еремин И.А. Трудоустройство инвалидов Первой мировой войны в Западной Сибири // *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2016. № 1(6). С. 40-43

Ковалев, 2011 – Ковалев А.С. Профессиональная реабилитация инвалидов в Сибири в первой четверти XX века / Социальная реабилитация: социокультурные и психолого-педагогические ресурсы и практики. Красноярск, 2011. С. 281-293.

Ковалев, 2018 – Ковалев А.С. Между исключением и интеграцией: нетрудоспособное население Сибири в фокусе социальной политики Советского государства 1920–1930-х гг. Красноярск, 2018. 352 с.

Когда..., 2014 – Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны: Сб. документов и материалов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. Т. 1. 319 с.

Нагорных, 2014 – Нагорных В.В. Первая мировая война и минусинцы // *Сибирь в войнах начала XX века / Материалы Сибирского исторического форума*. Красноярск: Резонанс, 2014. С. 158-161.

Тишкина, 2018 – Тишкина К.А. Деятельность сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и гражданской войн. Барнаул, 2018. 296 с.

Шиловский, 2015 – Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

Щербинин, Букалова, 2019 – Щербинин П.П., Букалова С.В. Военные инвалиды в повседневной жизни провинциального социума в годы Первой мировой войны // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2019. № 2. С. 86-99.

[Kovalev et al., 2018](#) – *Kovalev A.S., Novosel'tsev N., Savin O.I.* The Role of the Russian Orthodox Church in the Vocational Rehabilitation of Disabled People during the First World War (Demonstrated by the Example of Tomsk Province) // *Bylye Gody*. 2018. 48(2): 828-838.

[Merkulov et al., 2021](#) – *Merkulov P.A., Bukalova S.V., Leonova O.V.* Development of the social assistance system in the Russian Empire during the World War I. // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 392-403.

References

[Bukalova, Shcherbinin, 2020](#) – *Bukalova, S.V., Shcherbinin, P.P.* (2020) «Hozyaeva uvech-nogo dela»: stanovlenie sistemy pomoshchi voennym invalidam v Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny ["The masters of the mutilated case": the formation of a system of assistance to military invalids in the Russian Empire during the World War I]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 25(187): 148-159. [in Russian]

[Eremin, 2006](#) – *Eremin, I.A.* (2006) Zabota o bol'nyh i ranenyyh voynah v Zapad-noj Sibiri v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1918 gg.) [Caring for sick and wounded soldiers in Western Siberia during the World War I (1914-1918)]. *Izvestiya Tomsko-go politekhnicheskogo universiteta*. 309(6): 202-205. [in Russian]

[Eremin, 2016](#) – *Eremin, I.A.* (2016). Trudoustrojstvo invalidov Pervoj mirovoj vojny v Zapadnoj Sibiri [Employment of disabled people of the World War I in Western Siberia]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 1(6): 40-43. [in Russian]

[GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of Krasnoyarsk Region].

[Golovin, 2014](#) – *Golovin, N.N.* (2014). Rossiya v Pervoj mirovoj vojne [Russia in the World War I]. Moscow, 544 p. [in Russian]

[Kogda..., 2014](#) – *Kogda rushilis' gosudarstva: sud'ba sibirskoj provincii v kontekste Pervoj mirovoj vojny: Sb. Dokumentov i materialov* [When states collapsed: the fate of the Siberian province in the context of the World War I: Collection of Documents and materials]. Tomsk, 2014. Vol. 1. 319 p. [in Russian]

[Kovalev et al., 2018](#) – *Kovalev, A.S., Novosel'tsev, N., Savin, O.I.* (2018). The Role of the Russian Orthodox Church in the Vocational Rehabilitation of Disabled People during the First World War (Demonstrated by the Example of Tomsk Province). *Bylye Gody*. 48(2): 828-838.

[Kovalev, 2011](#) – *Kovalev, A.S.* (2011). Professional'naya reabilitaciya invalidov v Sibiri v pervoj chetverti XX veka [Professional rehabilitation of disabled people in Siberia in the first quarter of the XX century]. *Social'naya reabilitaciya: sociokul'tur-nye i psihologo-pedagogicheskie resursy i praktiki*. Krasnoyarsk, pp. 281-293. [in Russian]

[Kovalev, 2018](#) – *Kovalev, A.S.* (2018). Mezhdru iskluyucheniem i integraciej: netrudo-sposobnoe naselenie Sibiri v fokuse social'noj politiki Sovetskogo gosudarstva 1920–1930-h gg. [Between exclusion and integration: the disabled population of Siberia in the focus of the Social policy of the Soviet State of the 1920s–1930s]. Krasnoyarsk, 352 p. [in Russian]

[Merkulov et al., 2021](#) – *Merkulov, P.A., Bukalova, S.V., Leonova, O.V.* (2021). Development of the social assistance system in the Russian Empire during the World War I. *Bylye Gody*. 16(1): 392-403.

[Nagornyyh, 2014](#) – *Nagornyyh, V.V.* (2014). Pervaya mirovaya vojna i minusincy [The First World War and the Minusintsy]. *Sibir' v voynah nachala XX veka. Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma*. Krasnoyarsk, pp. 158-161. [in Russian]

[Shcherbinin, Bukalova, 2019](#) – *Shcherbinin, P.P., Bukalova, S.V.* (2019) Voennye invalidy v povsednevnoj zhizni provincial'nogo sociuma v gody Pervoj mirovoj vojny [Military incidents in the daily life of provincial society during the World War I]. *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 2: 86-99. [in Russian]

[Shilovskij, 2015](#) – *Shilovskij, M.V.* (2015). Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 go-dov i Sibir' [The World War I of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk, 330 p. [in Russian]

[Tishkina, 2018](#) – *Tishkina, K.A.* (2018). Deyatel'nost' sibirskogo obshchestva podachi pomoshchi bol'nym i ranenym voynam v gody Pervoj mirovoj i grazhdanskoj vojn [Activities of the Siberian Society for providing assistance to sick and wounded soldiers during the World War I and the Civil War]. Barnaul, 296 p. [in Russian]

К вопросу о государственной социальной политике в отношении инвалидов в годы Первой мировой войны в российской историографии: проблемы численности и идентификации

Александр Сергеевич Ковалев ^{a,*}, Николай Рзавич Новосельцев ^a,
Дмитрий Владимирович Рахинский ^{a,b,c}, Никита Николаевич Равочкин ^{d,e}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация, Российская Федерация

^d Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Российская Федерация

^e Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема социальной помощи инвалидам войны в 1914–1917 гг., представленная в современной российской историографии. Большинство исследователей утверждают, что в период Первой мировой войны в отношении увечных и раненых воинов из числа нижних чинов проводилась полноценная государственная социальная политика. В то же время дискуссионным остается вопрос о том, какова была численность лиц, вернувшихся с фронта полностью нетрудоспособными. Дополнительно в статье сформулирована еще одна научная проблема: были ли «инвалиды войны» самостоятельной категорией нуждающихся в помощи или им оказывали содействие в рамках единого подхода к решению жизненных затруднений больных и раненых военнослужащих. Ответы на оба этих вопроса помогают более точно сказать, существовала ли на самом деле в России практика государственной социальной политики. Если численность военных инвалидов была значительной, то они действительно могли стать объектом особого внимания со стороны как государственных, так и негосударственных субъектов помощи. В то же время для этого они должны были обладать особым статусом, который отличает инвалидов Первой мировой войны от прочих категорий нетрудоспособного населения, выделяет их среди лиц, занимавших схожее социальное положение.

В статье представлены разные точки зрения, касающиеся численности инвалидов войны, рассматриваются проблемы организации учета инвалидов войны в годы Первой мировой, анализируются материалы анкет, разработанных медико-статистическим бюро при Главном комитете Земского союза и составленных на группу фронтовиков из Барнаульского уезда, вернувшихся нетрудоспособными. Это позволило идентифицировать инвалидов войны как отдельную группу нуждающихся.

Ключевые слова: история социальной помощи, благотворительность, Первая мировая война, государственная социальная политика, инвалидизация, инвалиды войны, увечные и раненые воины, нижние чины.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев),
NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.Р. Новосельцев), siridar@mail.ru (Д.В. Рахинский),
nickravochkin@mail.ru (Н.Н. Равочкин)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 1041-1049
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.1041

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Question of "Germanophobia" in the Autobiographical Story of the Russian Officer V.V. Korsak during the First World War

Pavel V. Ulyanov ^{a, *}

^aAltai State University, Russian Federation

Abstract

In connection with the publication and reprinting of memoirs, diaries and letters of war veterans in modern times, the study of the topic of prisoners of war is becoming relevant. Being in captivity of a separate category of persons who voluntarily surrendered or forcibly taken is of scientific interest in the possibility of referring to the experience of human survival in an extreme situation. Appeal of researchers to the theme of the stay of individuals or groups of individuals in inhuman conditions pushes to ask new questions and get answers to them. During the First World War, prisoners of war were in special camps, kept in various conditions, watched life in the rear of the country, with the soldiers of which they fought at the front. An interesting fact is that the theme of captivity was present in the propaganda of that time. The presence of a connection between the content of propaganda information and the perception of a particular person of the reality surrounding him prompts us to turn to the question of the development of signs of "xenophobia". This article is devoted to the study of the issue of "xenophobia" in the writings of the Russian prisoner of war V.V. Korsak (real name – Zavadsky), in order to determine the degree of "Germanophobia" reflected in them. When studying the historiographic side of the issue, the author notes the reflection by researchers of the problem of the manifestation of signs of "xenophobia" in the relationship between soldiers who fought on opposite sides of the trenches. Although, perhaps, "xenophobia" was due not so much to something general as to a particular case that occurred in individual episodes. As a result of the study, attention should be paid to the ambiguity of this issue. The view of a particular person, in our case, V.V. Korsak, is aimed at revealing the reality that the person himself has visited. He was a direct eyewitness and observed various aspects of life, and the question of "Germanophobia" is connected with his views on the image of war.

Keywords: xenophobia, "Germanophobia", "image of the enemy", military history, Russian prisoners of war, V.V. Korsak, Russia in World War I, World War I.

1. Введение

В вопросе изучения исторического опыта деятельности человека во время вооруженного конфликта могут быть обозначены различные проблемы. Среди множества исторических сюжетов тема военного плена и интернирования занимает особое место. Связано это с тем, что в ней зачастую делается акцент на военнослужащих. Отдельно взятые лица, состоявшие на военной службе в конкретном подразделении, в период временного прекращения военных (боевых) действий оказывались на территории государства-противника. Взятые во время боя или самовольно сдавшиеся в плен солдаты попадали под категорию «военнопленные», после чего дальнейшим их местом пребывания был специально отведенный лагерь.

Если обращаться к конкретно-историческому опыту пребывания солдат любой страны на территории государства-противника, а также особенностям их выживания в специальном лагере и взаимоотношений с сослуживцами, конвойными и даже местным населением, то нередко ставится

* Corresponding author

E-mail addresses: imperialnext@mail.ru (P.V. Ulyanov)

вопрос о восприятии «другого» в период пребывания в плену. На фронте, когда две враждебные друг другу стороны занимают противоположные позиции и ведут боевые действия, образ уже сформирован благодаря заранее проведенной в тылу военной пропаганде. Пропагандистская информация, передаваемая через СМИ, выполняет функцию ориентира. В ней отражен «образ врага» и указан этот «враг». Посредством информации субъекта побудили к борьбе с «внешней угрозой», и теперь на психофизиологическом уровне его поведение настроено на проявление агрессии. Когда солдаты попадают в плен в случае захвата или сдачи в зависимости от ситуации, то для недопущения участия этих лиц в войне против государства их отправляют в специальные лагеря, где в глубоком тылу они пребывают до окончания войны. В этом случае, наряду с сохранением в человеческом сознании представлений о «враге», происходит взаимодействие с ним. Попавшие в плен солдаты сталкиваются с проявлением уважения или применением грубой силы, демонстрацией превосходства со стороны «врага».

Последняя тенденция зачастую свидетельствует о развитии в отношениях между военнопленными и теми, кто их взял в плен, признаков ксенофобии. С одной стороны, солдаты воспринимают пленников как «чужаков» и считают их «неприятными» и «опасными»; с другой – нетерпимость к «чужому», «незнакомому», «непривычному», «другому» свойственна и военнопленным, судьба которых зависит от царящей во вражеском государстве ситуации. И вот как раз вторая тенденция побуждает обратиться к изучению исторического опыта пребывания в плену, причем на примере конкретного человека.

Первую мировую войну можно назвать ярким конкретно-историческим примером проявления указанных выше тенденций. Во многих странах Европы были специально отведенные территории не только для военнопленных, но и гражданских лиц. В Российской империи также осуществляли интернирование военнопленных немцев, австро-венгров и турок, в том числе на территорию Сибири, что оказало существенное влияние на общественно-политическое развитие уже Советской России в годы Гражданской войны. Во время Первой мировой войны во всех странах-участницах конфликта шли задержания подозрительных лиц, переселение или иное ограничение прав и свобод, устанавливался контроль над жизнедеятельностью граждан другой страны или национальности, перевозились военнопленные с фронта в тыл.

В этом случае появляется возможность обратиться к вопросу восприятия солдатами Российской империи своего опыта пребывания в немецком плену. Особенность вопроса заключена в стремлении автора обратить внимание на проявление пленными российскими солдатами признаков ксенофобии в форме «германофобии» как конкретно-исторического явления, чтобы определить степень ее развития.

Таким образом, настоящая статья посвящена проблеме проявления признаков «ксенофобии» в восприятии российскими военнослужащими немецкого плена периода Первой мировой войны. В качестве примера взяты автобиографические повести российского писателя, бывшего военнопленным в немецком лагере, офицера В.В. Корсака. Автор, рассматривая образ страны в контексте анализа дихотомии «свой» – «чужой», прослеживает развитие представлений о «другом» («чужом») в условиях экстремальной ситуации.

2. Материалы и методы

Исследование проблемы, а именно выявление признаков «ксенофобии» («германофобии») и определение степени проявления, требует применения традиционного анализа исторических источников. В качестве материала, на основании которого рассматривается поставленная в статье проблема, взяты две автобиографические повести российского писателя, военного офицера в звании поручика В.В. Корсака (настоящая фамилия – Завадский). Интересно то, что Вениамин Валерианович Завадский (1884–1944) принимал участие в Первой мировой войне в рядах 171-го пехотного Кобринского полка. В своем первом рассказе «Плен» он описывает, как был ранен и попал в плен в ноябре 1914 года (Корсак, 2011). Пребывал он в Мюнденском лагере для военнопленных офицеров около трех лет, после чего его перевозили в другие лагеря, что описывается во второй повести «Забытые» (Корсак, 2011). Помимо того, что тексты наполнены описанием жизни тыла, взаимоотношений людей и личностными оценками происходивших событий, так это еще и воспоминание, которое написано после произошедших событий, что оказывает влияние на степень достоверности.

Однако не следует уповать на один источник. В качестве дополнения к анализируемой информации автор статьи стремится провести перекрестную проверку с трудами других военнопленных. Так, в работе упоминается рассказ захваченного в плен во время Лодзинского сражения (октябрь–ноябрь 1914 года) российского солдата, рядового Ю. Кирша, получившего в плену № 4925 (Кирш, 2014). Кроме того, представлен сборник рассказов «В немецком плену...» (В немецком плену..., 2015), который вышел как раз в 1915 году. Его авторы, среди которых присутствуют известные личности, например историк Н. Кареев, театральные режиссеры К. Станиславский и другие, также считались «опасными» для немецкого общества в Германии, отчего авторы рассказов воспринимали все немецкое как «чужое» в качестве ответной реакции.

В дополнение следует обратиться к восприятию плена с другой стороны, то есть немецких солдат. В качестве примера взят дневник немецкого писателя Эдвина Э. Двингера, попавшего в плен в 1915 году в возрасте семнадцати лет (Двингер, 2004). В сибирском лагере для военнопленных юноша четыре года вел дневник. В нем отражены бытовые условия и повседневность немецких солдат в экстремальных условиях, а именно плена. Исторический источник, кстати, имеет высокую степень достоверности, так как видно по тексту, что автор фиксирует происходившие события и не оценивает их.

Общей особенностью представленных источников является то, что они относятся к материалам личного происхождения. Относящиеся к этой группе авторские произведения представляют собой личностный взгляд конкретного человека на произошедшие с ним события. Естественно, тексты наполнены субъективизмом и зачастую зависят от общественно-политических и идейных взглядов автора. Главным достоинством этих исторических источников является то, что очевидцы – это главные исторические деятели и активные субъекты действия. Еще необходимо отметить попытку фиксации наиболее значимых событий, имеющих место в трудах как Э. Двингера, так и В.В. Корсака.

В основе методологии исследования лежит принцип историзма, а вот наряду с методами традиционного анализа исторических источников и перекрестной проверки используется сравнительно-исторический метод. Все указанные способы познания позволят нам окунуться в те условия, в которых проживал субъект действия, в нашем случае В.В. Корсак, и попытаться выявить признаки «германофобии», параллельно обращаясь к работам других авторов, сравнивая и сопоставляя их взгляды, опыт участия в вооруженном конфликте и указанные ими события.

3. Обсуждение

В процессе анализа проблемы пребывания военнослужащих в плену и вопроса о восприятии ими «врага» в историографии можно обратить внимание на очень интересную двойственную тенденцию. С одной стороны, несмотря на множество различных подходов к изучению проблемы и авторских концепций, наблюдается традиция в изучении темы плена. Исследователи, опираясь на опыт историков-предшественников, ставят новые проблемы, оказывая влияние на ее актуализацию в современной науке благодаря обособлению от других аспектов. С другой стороны, авторы многочисленных трудов по истории Первой мировой войны не всегда прямо пишут по теме военнопленных, а предпочитают обращаться только в контексте общего вопроса. Такой подход не всегда предполагает выделение конкретной проблемы. Зачастую исследователи стараются рассмотреть отдельно взятые вопросы в совокупности, чтобы выявить особенности общей проблемы.

Последняя тенденция развивается в зарубежной историографии. Среди европейских и американских ученых-историков можно выделить труды Дж. Винтера (Winter, 1995), М. Гилберта (Gilbert, 1994), Дж. Дэвиса, (Davis, 1983), Ф. Нахтигаль (Nachtigal, 2014), Н. Фергюсона (Ferguson, 1999) и Х. Хервига (Herwig, 1997). В работах проблема плена не изучается как отдельный вопрос, но в них отражены различные аспекты, связанные с периодом Первой мировой войны. Тема плена раскрывается только как отдельный аспект. И все же есть исключения. Так, фрайбургский историк Р. Нахтигаль обращается напрямую к проблеме, ставя ее в центр сюжета, и пытается рассмотреть положение военнопленных в рамках системного анализа. Если обратиться к поиску такого аспекта, как пребывание российских солдат в немецком плену, то найти целостное, системное и многоплановое исследование очень сложно.

В российской историографии присутствует первая тенденция. Проблема плена была обозначена и получила свое развитие в межвоенное время, в период становления советской историографии. В 1920-х годах впервые заговорили в научном ключе об опыте пребывания российских солдат в плену во время Первой мировой войны. В это время вышел в свет коллективный труд советских ученых Н.М. Жданова, А.А. Свечина, В.Н. Клембовского, Д.П. Парского, Я.К. Циховича, Д.К. Лебедева, В.Э. Грабаря о русских военнопленных (Русские военнопленные..., 1921). Можно сказать, что зародилась традиция в изучении нахождения человека в экстремальных условиях. Однако, несмотря на дальнейшие попытки обращаться к проблеме плена, тема не получила своего развития, да и тема Первой мировой войны рассматривалась лишь в рамках материалистической диалектики.

В современной российской историографии проблема рассматривается с различных сторон и в рамках междисциплинарного подхода, что делает ее многополярной и плюралистичной. В качестве примера можно привести труды российских историков И.Б. Беловой (Белова, 2014), О.А. Денисовой (Денисова, 2015), Р.В. Ильязовой (Ильязова, 2013), Н.П. Истоминой (Истомина, 2013), И.В. Климака (Климак, 2015), Е.С. Сенявской (Сенявская, 2013), О.С. Поршневой (Поршнева, 2004), А.В. Олейниковой (Олейникова, 2020), И.В. Нарского (Нарский, 2007), О.С. Нагорной (Нагорная, 2007), А.Н. Кудрявцева, А.В. Соколова (Кудрявцев, Соколов, 2014, 2016). В работах ставятся различные вопросы: от особенностей пребывания российских, немецких и других солдат во вражеском плену до проблемы личностного восприятия «атмосферы плена». В процессе анализа опыта пребывания российских солдат в немецком плену исследователи обращаются к различным аспектам. Проблема восприятия военнопленными «врага» во многом связана с проявлением

«ксенофобии» в форме унижения военнопленных со стороны немецких солдат и мирных жителей Германии в невыносимых условиях пребывания в лагерях. Все эти тенденции, по мнению исследователей, зачастую оказывали влияние на настроение военнопленных, особенно в контексте восприятия «врага».

4. Результаты

Для того чтобы сформировать целостное представление о проблеме, необходимо выделить три основных сюжета: фронтовые будни, взятие в плен, пребывание в плену. Перед началом следует обратить внимание на влияние массовой пропаганды, проводившейся в тылу в начале войны. В средствах массовых коммуникаций, в частности листовках и манифестах, шел призыв россиян на борьбу с «внешней угрозой». В связи с этим в агитационных материалах немцы воспринимались «внешней враждебной силой» и автор был подвержен воздействию массовой антигерманской и антинемецкой пропаганды.

И вот первый выделенный сюжет, который описан у В.В. Корсака в автобиографической повести «Плен», посвящен обстановке на фронте. Автор пишет, как его 43-я пехотная дивизия была переведена на Варшавский фронт и он был назначен дежурным офицером, задачей которого была следить за людьми, подозреваемыми в шпионаже в пользу Германии, причем некоторые лица выдавались доносчиками, так как были «колонистами-немцами» (Корсак, 2011: 5-7). Влияние на массовое сознание отраженной в прокламациях агитационной информации и недоверие к лицам немецкой национальности было очень сильное, особенно в 1914–1915 годы. В это же время В.В. Корсак попал в плен.

Вопрос о взятии немцами в плен поручика В.В. Корсака специфичен по своему характеру. Автор в повести «Плен» пишет, что во время кипящего боя был взят в плен только потому, что «запнулся о пулеметную ленту и упал», после чего его схватили немецкие солдаты и обезоружили (Корсак, 2011: 16). Далее поручик описывает свой опыт пребывания в «принудительных немецких лапах» (Корсак, 2011: 17), отмечая параллельно то, как солдаты Германии принялись заниматься мародерством, обворовывать российских солдат, срывать погоны, осматривать кошельки и присваивать ценные вещи и походные предметы (Корсак, 2011: 16, 18, 29). В то же время поручик царской армии описывает в повести амбивалентную ситуацию. С одной стороны, немцы-конвоиры угощали сигаретами, «награждали» хлебом за «ношение» походного ранца, а немецкие офицеры формально давали слово наказать мародеров, наблюдая «обмен сапогами» (Корсак, 2011; 20-21, 34, 31). С другой стороны, они проявляли «звериную жестокость»: солдаты без причины били прикладами, расстреливали отставших пленных, добивали раненых или просто убивали, при этом не кормили ни разу и постоянно подгоняли, заставляя голодных и измученных бойцов преодолевать усталость (Корсак, 2011: 21, 24-25, 32, 36). Упоминается в повести рассказ сослуживца о заколотом солдате России, жестом просившем у немца хлеба (Корсак, 2011; 26). В процессе таких взаимоотношений у военнопленных выработался рефлекс: солдаты России понимали, какие последствия могли быть за нарушение дисциплины.

Похожие сюжеты об отношении немецких солдат к пленным россиянам присутствуют в рассказе рядового 87-го пехотного Нейшлотского полка Юлия Кирша. Автор делает акцент на описании «военной атмосферы» и раскрытии причин войны и хода операции. При обращении к сюжету своего пленения во время наступления немецкой армии он отмечает в немцах нежелание помогать раненым российским солдатам, безразличное к ним отношение, желание «обменяться сапогами» с «врагом», мародерство и воровство, применение грубых и насильственных действий, использование пленных в качестве «живого щита», обращение с людьми, как со скотом (Кирш, 2014: 31-33, 34-35, 41). При этом Ю. Кирш, как и В.В. Корсак, показывает амбивалентную ситуацию: доброжелательное отношение немцев к пленным, разрешавших печь картошку, и жестоких конвоиров (Кирш, 2014: 40-41, 41-42).

Если обратиться к проблеме восприятия плена со стороны немцев, то следует упомянуть дневник немецкого солдата Э. Двингера. Его автор, семнадцатилетний командир кавалерийского взвода, был контужен, в результате чего был пленен казаками. Будучи раненым, он почувствовал, что его обыскали, забрав все самые ценные вещи и походные предметы. После ему оказали помощь казаки, военврач и сестра милосердия. В то же время автор отмечал, как некоторые российские санитары издевались над попавшими в плен его сослуживцами, среди которых было много раненых (Двингер, 2004: 7-9, 11, 20, 27, 36).

Сюжет пребывания в немецком плену поручика В.В. Корсака отражен в двух написанных им повестях, на основании которых можно попытаться определить степень отражения в них ксенофобии («германофобии»). Так, в повести «Плен» российский офицер описывает период пребывания в Мюнденском лагере для военнопленных на территории Ганновера. Прежде всего он отмечает постоянное упоминание фразы «русские свиньи» из уст конвоиров, желание немецкого населения отобрать что-нибудь ценное у военнопленных, агрессивное и пренебрежительное отношение со стороны немцев (Корсак, 2011: 39-41, 44). Вопрос отношения немецкого населения к военнопленным требует пояснения. Поскольку выбранный очевидец попал в плен в ноябре 1914 года, то данный акт

пришелся на тот период, когда массовая антироссийская пропаганда в Германии достигла своего апогея. Так, ученый-историк Н. Кареев, публицист С. Щепотьев, доктор И. Гольдштейн и артист М.Н. Каракаша упоминают, что накануне военного конфликта в Германии шла антироссийская и даже антирусская пропаганда, в связи с чем россияне подвергались арестам за шпионаж в пользу России, преследованиям, нападкам со стороны жителей Германии, а также упоминается применение высшей меры наказания – расстрел ([В немецком плену..., 2015: 14, 27-28, 36-37, 38-39, 54-55](#)). Кроме того, в рассказах некоего Алексея (авторство не установлено) и А.А. Лопухиной указываются российские военнопленные, которыми фактически были российские студенты, учившиеся за границей, туристы, путешественники. Из-за начала войны их принудительно заставили работать, причем в СМИ указывалась информация, что эти военнопленные были дезертирами и комбатантами, захваченными в пограничных боях ([В немецком плену..., 2015: 52-53, 58-59](#)).

Если обратиться к вопросу о восприятии пленными своих конвоиров в «атмосфере плена», то в повести В.В. Корсака описывается амбивалентная ситуация. С одной стороны, комендант лагеря (лейтенант Вальтер) и конвойные (гауптман Абт и прозванный «Фрицем» фельдфебель) показаны обычными людьми. Первый описан строгим и дисциплинированным, особенно в борьбе с курением. Еще он разрешал выписывать книги для чтения, в том числе запрещенные в России ([Корсак, 2011: 53, 64-66, 76](#)). Вторые проводили обыски, допрашивали пленных и проверяли при помощи переклички, не сбежал ли кто, и даже письма разносили ([Корсак, 2011: 50-51, 67, 83](#)). А побег были, за который сотрудники лагеря наказывали, причем сурово: заставляли пленных всю ночь стоять лицом к стене и били, если те шевелились ([Корсак, 2011: 90-94](#)). Беглецов судили военным судом и за порчу казенного имущества приписывали статью (полковник царской армии Аносов пробил стену при попытке побега) ([Корсак, 2011: 94](#)). При всем этом сложно увидеть какие-либо признаки «германофобии». С одной стороны, даже приезд в лагерь сестры милосердия Н.И. Оржевской по взаимному соглашению между Германией и Россией показывает, что немцы были не против ее приезда ([Корсак, 2011: 120-121](#)). С другой – автор отмечает в плену отрицательные моменты, но о них он слышит от сослуживцев, выражавших жалобы на плохое обращение. Хотя поручик, отмечая свое «брезгливое» поначалу отношение к немецким солдатам, показывает неоднозначную ситуацию ([Корсак, 2011: 54, 120-121, 51, 67](#)).

Подобные моменты описаны и Ю. Киршем в своих воспоминаниях. Вот только они сильно отличаются. Возможно, здесь необходимо учитывать факт пребывания в лагере для военнопленных солдат, в то время как В.В. Корсак был в лагере, предназначенном для офицеров. Показательным примером жестокости можно назвать описанные Ю. Киршем «зверства» в деятельности фельдфебеля 7-го батальона Тимме. Именно этот военный немецкий комендант применял муштру к своим солдатам и военнопленным, обращался с людьми, как со скотом, под видом любви к «нравственным устоям» за их нарушение избивал, муштровал «своих» и «чужих», натравливал собак на пленных, в то же время заставляя их дразнить животных ([Кирш, 2014: 59, 60-61, 62-63](#)). Подобные акты агрессии показывают другую сторону быта российских военнопленных, в результате чего у них на подсознательном уровне вырабатывался рефлекс. Пленные солдаты Российской империи инстинктивно пытались выжить в экстремальных условиях и не попасть под «горячую лапу» коменданта.

Переходя к вопросу развития представлений о жизни в плену, в повести «Забытые» В.В. Корсака наблюдаем некую эволюцию представлений. Связано это с тем, что, согласно тексту повести, автор вместе с пленными был перевезен в Галле, то есть другой лагерь для военнопленных офицеров. Он отмечает, что немцы проинформировали пленных о ситуации в лагере и успокоили в плане отсутствия репрессий, которые применяли к французским офицерам в августе 1916 года. Так и получилось, что в лагере не было той атмосферы, что была описана российским офицером в повести «Плен», хотя пленные боялись репрессий со стороны немцев ([Корсак, 2011: 229, 234, 238, 239](#)). Подобные настроения формировались из-за рассказов сослуживцев и ухудшения условий в новом месте пребывания ([Корсак, 2011: 239-240, 243-244](#)). В остальном автора уже мало волновали события в плену. Его взгляд был сосредоточен на событиях в России: он описывал то, как «...исчезло ...утешение – надежда на победу над немцами и справедливое наказание их за тысячи сознательно погубленных в Германии русских жизней» ([Корсак, 2011: 261](#)). Автор сохранил представление о немецких солдатах как о «врагах», вот только из текста повести исчезло представление о «внешнем враге» – теперь появился образ нового «врага», то есть «врага внутреннего».

По тому же вопросу Ю. Кирш отмечает другую сторону. В этом плане он больше сконцентрирован на процессе выживания в солдатском лагере для военнопленных. Он пишет о том, что солдатам-военнопленным приходилось работать за остатки солдатского супа, причем совместно либо вместо немецких рабочих, причем рабочие Германии не проявляли антирусских настроений ([Кирш, 2014: 57, 67](#)). Жестокость проявляли высшее командование лагеря и надсмотрщики на предприятиях ([Кирш, 2014: 59, 67-68](#)). В качестве примера уже был приведен фельдфебель Тимме. За попытку провести забастовку во время работы следовали суровые наказания ([Кирш, 2014: 71-73](#)). Последнее, что можно отметить в воспоминаниях Ю. Кирша, так это акцентирование внимания на внутренней жизни Германии и ее влиянии на обстановку, в которой проживали военнопленные.

Конечно, условия, как пишет автор, были оптимальные по своему характеру, например, в лагере функционировала библиотека и не одна, и можно было поначалу читать любые книги, а вот уже после ареста К. Либкнехта вводилась цензура (Кирш, 2014: 75-76, 87-89). Совпадение авторских взглядов с В.В. Корсаком у Ю. Кирша только в одном: упоминаются готовящиеся репрессии (послать на фронт рыть окопы) против французских военнопленных и чтение газет, особенно немецкой газеты «Русский вестник» (Кирш, 2014: 89-90).

В похожих условиях оказался и немецкий солдат Э. Двингер. Он в своем дневнике, описав долгое и трудное путешествие в Восточную Сибирь, отмечал тяжелые условия, трудовые будни сотрудников лагеря, проживание вместе с каторжниками, жесткое обращение с военнопленными и неоднозначную реакцию со стороны россиян (Двингер, 2004: 93-95, 96-97, 168-169, 190-191, 196, 203). Автор, кстати, пишет, как некто Мышонок распорядился выпороть нагайкой австрийца за кражу куска мяса, что свидетельствует о том, что в лагере за преступление также следовало наказание (Двингер, 2004: 111-112).

5. Заключение

Рассмотрев на конкретном примере вопрос о развитии «ксенофобии» в автобиографических повестях поручика В.В. Корсака, можно подвести итоги, определив степень отраженной в повестях «германофобии». Следует учитывать специфику исторического источника и факт пребывания очевидца в лагере для военнопленных офицеров. Отраженные в них сюжеты в одних моментах совпадают, а в других – расходятся с описываемыми событиями других очевидцев, попавших во время войны в плен. В целом автобиографические повести российского офицера показывают не только быт и условия плена, но и переживания автором экстремальной ситуации.

Исходя из этого, можно поставить вопрос о проявлении признаков ксенофобии в форме «германофобии». Конечно, в начале текста их можно обнаружить, сравнить с похожей ситуацией, отраженной в других источниках, и сделать вывод, что на отношения очень сильно оказала влияние массовая пропаганда. Немецкие солдаты воспринимались «врагом», из-за чего конвоиры для российских солдат представляли «опасность» как угроза жизнедеятельности. Случаи проявления немцами по отношению к военнопленным жестокости, «брезгливости» россиян к «врагу» и демонстрации неприязни со стороны жителей Германии к россиянам, страха солдат России перед начальником лагеря и конвоем немецких солдат свидетельствуют о проявлении опасения перед «врагом», каким бы он ни казался очевидцу и его сослуживцам.

Констатировать высокую степень «германофобии» в повестях поручика В.В. Корсака не следует. Скорее всего, случаи проявления жестокости «врагом» связаны с исторической действительностью и влиянием «военной атмосферы». Авторский текст отражает не зверства, проявляемые немецкими солдатами, а повседневность, в частности быт и условия пребывания в немецком плену. При этом сам автор, обращая внимание на различные аспекты бытия, людей, условия, взаимоотношения между пленными и сотрудниками лагеря, пытается описать свой собственный «фронтный опыт» во время Первой мировой войны.

Литература

Белова, 2014 – Белова И.Б. Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию историографический аспект // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2014. № 4. С. 72-77.

В немецком плену..., 2015 – В немецком плену: рассказы проф. Н. Кареева, К. Станиславского, А. Дживелегова, проф. И.М. Гольдштейна, Н. Сперанского, К. Мазинга, бывшего посла в Берлине С.Н. Свербеева, президента г. Калиша г-на Буковинского и мн. др. М., 2015. 208 с.

Двингер, 2004 – Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. / Пер. с нем. Е.Н. Захарова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 350 с.

Денисова, 2015 – Денисова О.А. «Забывтое» фольклорное наследие в звуковых архивах Берлина // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2015. № 6(68). С. 248-252.

Ильязова, 2013 – Ильязова Р.В. Условия содержания австро-венгерских и германских военнопленных в концентрационных лагерях России и русских военнопленных в Германии во время Первой мировой войны по документам архивов Ульяновской области // *Симбирский научный вестник*. 2013. № 1(11). С. 30-34.

Истомина, 2013 – Истомина Н.П. Положение военнопленных во время Первой мировой войны // *ProNunc: современные политические процессы* № 12. Тема номера: Война как продолжение политики (к 100-летию начала Первой мировой войны) / Отв. ред. Д.Г. Сельцер. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2013. С. 73-77.

Кирш, 2014 – Кирш Ю.И. Под сапогом Вильгельма II. Из записок рядового военнопленного № 4925. 1914–1918. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2014. 160 с.

- Климак, 2015** – Климак И.В. Русские военнопленные в годы Первой мировой войны и политика русского правительства // *Вестник магистратуры*. 2015. № 10(49). С. 40-42.
- Корсак, 2011** – Корсак В.В. Забытые // *Забытая война*. М.: Посев, 2011. С. 227-332.
- Корсак, 2011** – Корсак В.В. Плен // *Забытая война*. М.: Посев, 2011. С. 5-226.
- Кудрявцев, Соколов, 2014, 2016** – Кудрявцев А.Н., Соколов А.В. В окопах и в плену солдатский дневник времен Первой мировой войны // «Запад–Восток». Научно-практический ежегодник. 2014. № 7. С. 136-152; 2016. № 9. С. 163-180.
- Нагорная, 2007** – Нагорная О.С. Русские военнопленные в Первой мировой и Гражданской войнах: другой военный опыт // *Опыт мировых войн в истории России*. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 534-552.
- Нарский, 2007** – Нарский И.В. «Я как стал средь войны жить, так и стала мне война, что дом родной...». Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // *Опыт мировых войн в истории России*. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 488-502.
- Олейникова, 2020** – Олейникова А.В. Военнопленные на Русском фронте Первой мировой войны // *Военно-исторический журнал*. 2020. № 9. С. 56-59.
- Поршнева, 2004** – Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. 368 с.
- Русские военнопленные..., 1921** – Русские военнопленные в Мировой войне 1914–1918 гг. Ч. I, II и III / Сост. Н.М. Жданов, под ред. А.А. Свечина, В.Н. Клембовского, Д.П. Парского, Я.К. Циховича, Д.К. Лебедева, В.Э. Грабаря. М., 1921. 376 с.
- Сенявская, 2013** – Сенявская Е.С. Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны очерк повседневной реальности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. 2013. Вып. 1. С. 64-83.
- Davis, 1983** – Davis G.H. The Life of Prisoners of War in Russia, 1914–1921, in Samuel Williams and Peter Pastor (eds) *Essayson World War I: Origins and Prisoners of War*, New York, 1983, pp. 162–196.
- Ferguson, 1999** – Ferguson N. The Pity of War: Explaining World War I. New York, 1999. 563 p.
- Gilbert, 1994** – Gilbert M. The First World War; A Complete History. New York, 1994. 615 p.
- Herwig, 1997** – Herwig H.H. The First World War: Germany and Austria-Hungary 1914–1918. London, 1997. 490 p.
- Nachtigal, 2014** – Nachtigal R. Prisoners of War in Russia during World War I. *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. P. 142-156. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2014.1>
- Winter, 1995** – Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History, Cambridge, 1995. 320 p.

References

- Belova, 2014** – Belova, I.B. (2014) *Vozvrashcheniye russkikh voyennoplennykh Pervoy mirovoy voyny v Sovetskuyu Rossiyu istoriograficheskiy aspekt* [The return of Russian prisoners of war of the First World War to Soviet Russia historiographical aspect]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 4: 72-77. [in Russian]
- Davis, 1983** – Davis, G.H. (1983). The Life of Prisoners of War in Russia, 1914–1921, in Samuel Williams and Peter Pastor (eds). *Essayson World War I: Origins and Prisoners of War*, New York, 1983, pp. 162-196.
- Denisova, 2015** – Denisova, O.A. (2015). «Zabytoye» fol'klornoye naslediyе v zvukovykh arkhivakh Berlina ["Forgotten" folklore heritage in the sound archives of Berlin]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 6(68): 248-252. [in Russian]
- Dvinger, 2004** – Dvinger, E. (2004). *Armiya za kolyuchey provolokoy*. Dnevnik nemetskogo voyennoplennogo v Rossii 1915-1918 gg. [Army behind barbed wire. Diary of a German prisoner of war in Russia 1915-1918]. Per. s nem. Ye.N. Zakharova. M., 350 p. [in Russian]
- Ferguson, 1999** – Ferguson, N. (1999). The Pity of War: Explaining World War I. New York, 563 p.
- Gilbert, 1994** – Gilbert, M. (1994). The First World War; A Complete History. New York, 615 p.
- Herwig, 1997** – Herwig, H.H. (1997). The First World War: Germany and Austria-Hungary 1914–1918. London, 490 p.
- Ilyazova, 2013** – Ilyazova, R.V. (2013). *Usloviya sodержaniya avstro-vengerskikh i germanskikh voyennoplennykh v kontsentratsionnykh lageryakh Rossii i russkikh voyennoplennykh v Germanii vo vremya Pervoy mirovoy voyny po dokumentam arkhivov Ul'yanovskoy oblasti* [Conditions of detention of Austro-Hungarian and German prisoners of war in the concentration camps of Russia and Russian prisoners of war in Germany during the First World War according to documents from the archives of the Ulyanovsk region]. *Simbirskiy nauchnyy vestnik*. 1(11): 30-34. [in Russian]
- Istomina, 2013** – Istomina, N.P. (2013). *Polozheniye voyennoplennykh vo vremya Pervoy mirovoy voyny* [The position of prisoners of war during the First World War]. *Pro Nunc: sovremennyye politicheskiye protsessy* № 12. Tema nomera: Voyna kak prodolzheniye politiki (k 100-letiyu nachala Pervoy mirovoy voyny). Otv. red. D.G. Sel'tser. Tambov, pp. 73-77. [in Russian]

[Kirsh, 2014](#) – *Kirsh, Yu.I.* (2014). Pod sapogom Vil'gel'ma II. Iz zapisok ryadovogo voyennoplennogo № 4925. 1914-1918 [Under the boot of Wilhelm II. From the notes of an ordinary prisoner of war No. 4925. 1914-1918]. M., 160 p. [in Russian]

[Klimak, 2015](#) – *Klimak, I.V.* (2015). Russkiye voyennoplennyye v gody Pervoy mirovoy voyny i politika russkogo pravitel'stva [Russian prisoners of war during the First World War and the policy of the Russian government]. *Vestnik magistratury*. 10(49): 40-42. [in Russian]

[Korsak, 2011](#) – *Korsak, V.V.* (2011). Plen [Captivity]. *Forgotten War*. M., pp. 5-226. [in Russian]

[Korsak, 2011](#) – *Korsak, V.V.* (2011). Zabytyye [Forgotten]. *Forgotten War*. M., pp. 227-332. [in Russian]

[Kudryavtsev, Sokolov, 2014, 2016](#) – *Kudryavtsev, A.N., Sokolov, A.V.* (2014, 2016). V okopakh i plenu soldatskiy dnevnik vremen Pervoy mirovoy voyny [In the trenches and in captivity, a soldier's diary of the First World War]. «Zapad-Vostok». *Nauchno-prakticheskiy ezhegodnik*. 7. pp. 136-152; 9. pp. 163-180. [in Russian]

[Nachtigal, 2014](#) – *Nachtigal, R.* (2014). Prisoners of War in Russia during World War I. *Quaestio Rossica*. 1: 142-156. DOI: <https://doi.org/10.15826qr.2014.1>

[Nagornaya, 2007](#) – *Nagornaya, O.S.* (2007) Russkiye voyennoplennyye v Pervoy mirovoy i Grazhdanskoy voynakh: drugoy voyennyi opyt [Russian prisoners of war in the First World War and the Civil War: a different military experience]. *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii*. Chelyabinsk, pp. 534-552. [in Russian]

[Narskii, 2007](#) – *Narskiy, I.V.* (2007) "Ya kak stal sred' voyny zhit', tak I stala mne voyna, chto dom rodnoy..." Frontovoy opyt russkikh soldat v "germanskoy" voyne do 1917 g. [As I began to live in the midst of the war, so the war became to me like a home..." Front-line experience of Russian soldiers in the "German" war until 1917]. *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii*. Chelyabinsk, pp. 488-502. [in Russian]

[Oleinikova, 2020](#) – *Oleynikova, A.V.* (2020) Voyennoplennyye na Russkom fronte Pervoy mirovoy voyny [Prisoners of war on the Russian front of the First World War]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. 9: 56-59. [in Russian]

[Porshneva, 2004](#) – *Porshneva, O.S.* (2004) Krest'yane, rabochiye i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny [Peasants, workers and soldiers of Russia on the eve and during the First World War]. M., 368 p. [in Russian]

[Russkie voennoplennyye..., 1921](#) – Russkiye voyennoplennyye v Mirovoy voyne 1914-1918 g.g. Ch. I, II i III [Russian prisoners of war in World War 1914-1918.: Part 1, 2 and 3]. Sost. N.M. Zhdanov, pod red. A.A. Svechina, V.N. Klembovskogo, D.P. Parskogo, YA.K. Tsikhovicha, D.K. Lebedeva, V.E. Grabarya. M., 1921. 376 p.

[Senyavskaya, 2013](#) – *Senyavskaya, Ye.S.* (2013) Polozheniye russkikh voyennoplennykh v gody Pervoy mirovoy voyny ocherk povsednevnoy real'nosti [The situation of Russian prisoners of war during the First World War, an essay on everyday reality]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 1: 64-83. [in Russian]

[V nemetskom plenu..., 2015](#) – V nemetskom plenu: rasskazy prof. N. Kareyeva, K. Stanislavskogo, A. Dzhivelegova, prof. I.M. Gol'dshteyna, N. Speranskogo, K. Mazinga, byvshego posla v Berline S.N. Sverbeyeva, prezidenta g. Kalisha g-na Bukovinskogo i mn. dr. [In German Captivity: Stories by Prof. N. Kareev, K. Stanislavsky, A. Dzhivelegov, prof. I.M. Goldstein, N. Speransky, K. Mazing, former ambassador to Berlin S.N. Sverbeev, the President of the city of Kalisz, Mr. Bukovinsky, and many others]. M., 2015. 208 p. [in Russian]

[Winter, 1995](#) – *Winter, J.* (1995). Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History, Cambridge, 320 p.

К вопросу о «германофобии» в автобиографической повести российского офицера В.В. Корсака периода Первой мировой войны

Павел Владимирович Ульянов ^{а, *}

^а Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В связи с публикацией и переизданием в современности воспоминаний, дневников и писем участников войны изучение темы военнопленных приобретает актуальность. Пребывание в плену отдельной категории лиц, добровольно сдавшихся или насильственно взятых, представляет научный интерес в возможности обратиться к опыту выживания человека в экстремальной ситуации. Обращение исследователей к теме пребывания отдельных индивидов или группы лиц в нечеловеческих условиях подталкивает задавать новые вопросы и получать на них

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: imperialnext@mail.ru (П.В. Ульянов)

ответы. Во время Первой мировой войны военнопленные находились в специальных лагерях, содержались в различных условиях, наблюдали за жизнью в тылу страны, с солдатами которой воевали на фронте. Интересен тот факт, что в пропаганде того времени присутствовала тема плена. Наличие связи между содержанием агитационной информации и восприятием конкретным человеком окружающей его действительности побуждает обратиться к вопросу о развитии признаков «ксенофобии». Настоящая статья посвящена изучению вопроса «ксенофобии» в трудах российского военнопленного В.В. Корсака (настоящая фамилия – Завадский), чтобы определить степень отраженной в них «германофобии». При изучении историографической стороны вопроса автор отмечает отражение исследователями проблемы проявления признаков «ксенофобии» во взаимоотношениях между солдатами, сражавшимися по разные стороны окопов. Хотя, возможно, «ксенофобия» была обусловлена не столько чем-то общим, сколько частным случаем, встречавшимся в отдельных эпизодах. В результате исследования следует обратить внимание на неоднозначность данного вопроса. Взгляд конкретного человека, в нашем случае В.В. Корсака, направлен на раскрытие той действительности, в которой побывал сам человек. Он был непосредственным очевидцем и наблюдал за различными сторонами жизни, а вопрос о «германофобии» связан с его взглядами на образ войны.

Ключевые слова: ксенофобия, «германофобия», «образ врага», военная история, российские военнопленные, В.В. Корсак, Россия в Первой мировой войне, Первая мировая война.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 1050-1059
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.1050

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Barges of the Votkinsk Plant, Ordered by the Naval Ministry in 1916–1917

Nicholas W. Mitiukov ^{a,*}, Irina Yu. Cherkasova ^b

^a Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

^b Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

Barges of the domestic merchant and military fleets have not yet been the object of scientific research. Many authors dealing with the history of shipbuilding mention the construction of non-self-propelled ships, but these are only eclectic references. Partially, this problem is overcome by statistical collections that published the composition of the merchant and military fleets on a certain date. However, a holistic picture of the evolution of the domestic non-self-propelled fleet is created either for the pre-revolutionary or for the Soviet period. The events of the revolution and the civil war pass by a kind of watershed, which makes it difficult to reliably connect the biographies of the vessels.

In 1916–1917 The Votkinsk plant received an order from the Maritime Ministry for the construction of 20 barges of a 250-ton raid and 200-ton river type. The entire order was fulfilled by the plant, but with some delay, given the "force majeure" of 1917–1918. These barges became the object of study of this work.

Of the ten barges of the 250-ton type, seven were handed over to the customer and became part of the watercraft of the Arkhangelsk military port. Three more, apparently, at the time of the start of active hostilities on the Northern Dvina were under construction. Since this type was not well suited for fighting on the rivers, all three barges were transferred to the Upper Volga.

Of the ten barges of the 200-ton type, within the existing source base, it is possible to trace only the biographies of five that entered the Kama River Shipping Company, and later the Vyatka. Most likely, at the time of the beginning of the Votkinsk uprising, these five barges were located in the city, used first as a prison, and then floated to the Kama to build a pontoon bridge. The fate of five more barges is unknown. If they did not die during the civil war, it is possible that they were assembled without the participation of the Votkinsk plant and the plant no longer appeared in their further registration data.

Keywords: source, Votkinsk plant, Naval Ministry, shipbuilding, Arkhangelsk military port, civil war.

1. Введение

Баржи отечественного торгового и военного флотов пока не были объектом целенаправленного научного исследования. Многие авторы, занимающиеся историей судостроения, упоминают о постройке несамоходных судов, но это довольно эклектичные упоминания. Частично проблему реконструкции биографий несамоходных судов можно решить за счет статистических сборников, публиковавших составы торгового и военного флотов на определенную дату. При этом, в отличие от самоходных судов, сборники по несамоходным или опускают информацию по наименованиям, заменяя ее регистрационными номерами (как это сделано в Списках судов 1890 и 1900 гг.). Регистры 1915 и 1916 гг., в отличие от пароходов, явно неполные и включают лишь суда, прошедшие осмотр Русским регистром, а в списках несамоходных судов 1917 г. отсутствуют данные о заводе-строителе, что сильно затрудняет реконструкцию судовых биографий. Подобное пренебрежение к

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

несамоходным плавсредствам отсутствует в документации советского периода: сведения в них достаточно подробные. Но особенность заключается в частом изменении структур, и как следствие, переподчинении и переименовании судов. Поэтому, если нет информации о какой-то структуре, фрагменты биографии судов продолжительностью в несколько лет (или даже десятков лет) могут просто выпасть из нее. Тем не менее дореволюционные и советские биографии несомоходных судов вполне возможно реконструировать.

Она из труднорешаемых задач отечественной истории заключается в соединении дореволюционного и советского этапов. В период смутного времени революции и Гражданской войны суда могли быть переброшены с одной акватории на другую, быть кардинально перестроенными для военных целей и, наконец, просто утратить любую регистрационную информацию. Для решения этой проблемы трудно рекомендовать какие-то универсальные подходы, и они довольно различаются для каждого конкретного случая.

Объектом исследования данной работы выступили 20 барж, построенные Воткинским заводом в период 1917–1918 гг. для нужд Архангельского военного порта. Все они, судя по делопроизводственной заводской документации, были успешно сделаны и сданы заказчику, а следы этих судов после революции обнаруживаются в регионах, довольно далеко удаленных от Белого моря.

2. Материалы и методы

Основой работы послужили два массива источников. В первый вошли статистические издания, прежде всего Наркомата водного транспорта. Они публиковали списки судов на определенную дату, что особо ценно с указанием места и года постройки судов. В этот же массив источников вошли переписные бюллетени Русского регистра, публиковавшие сведения о регистрации судов по мере их технического освидетельствования. Бюллетени следует рассматривать как существенное дополнение к имеющимся спискам судов и регистрам, поскольку они публиковали оперативную информацию о судах. В результате по ряду судов (например, баржа «Знаменосец») получалась интересная ситуация, когда они попадали в бюллетени, но по каким-то причинам отсутствовали в вышедшем следом списке судов.

В связи с этим выделение из массива барж воткинской постройки не представляло особой трудности. Проблема заключалась лишь в некорректных годах постройки и частично в ошибках в характеристиках. В связи с этим для анализа этого массива данных использовались методы историзма и системного анализа. С их помощью суда, как объект, обладающий некоторым набором технических характеристик, ставился на временную ось и для отождествления его с построенными объектами продвигался по ней до ближайшего по времени судна, обладавшего подобными характеристиками.

Вторым массивом источников выступила делопроизводственная документация как Воткинского завода, находящаяся в фондах ЦГА УР, МИКВ, так и Морского ведомства, в РГА ВМФ. Для ее анализа оказалось достаточным использование принципа историзма, при котором, расположив факты из документации в хронологическом порядке, можно было увидеть картину постройки.

Для сведения воедино обоих массивов использовались методы системного анализа.

3. Обсуждение

С началом Первой мировой войны экспортно-импортные потоки Российской империи претерпели существенные изменения. Если в мирное время основная масса грузов проходила через черноморские порты, то со вступлением в войну Османской империи этот путь оказался закрыт. Минимальные логистические издержки для товарооборота в изменившихся стратегических условиях теперь приходились на северные порты, в первую очередь Архангельск. Это неизбежно вело к интенсивному развитию архангельской портовой инфраструктуры, в техническом перевооружении которой не последнюю роль сыграл Воткинский завод.

Поскольку новые торговые пути не могли не привлечь внимания германских подводных лодок, ответом на их активность стало кратное увеличение корабельной численности флотилии Северного Ледовитого океана. В итоге напрашивались меры по перевооружению мощностей и Архангельского военного порта. Понимая это, в конце 1916 – начале 1917 гг. Морское ведомство заказало Воткинскому заводу две серии барж по десять единиц: 250-тонную рейдовую и 200-тонную речную. Первые давали возможность осуществлять грузооборот в прибрежной и морской акватории, а вторые – в речной с возможностью кратковременного выхода на морской рейд.

11 октября 1917 г. Временное правительство своим решением продолжило выполнение ранее принятой судостроительной программы Российской империи. При этом был выдан ряд новых заказов, в том числе направленный на развитие инфраструктуры Архангельского порта. В фондах РГА ВМФ имеется справка Главного управления кораблестроения (ГУК) Морского министерства, составленная в марте 1918 г. о сроках ввода судов в эксплуатацию (РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 6. Д. 1888. Л. 18, цит. по: [Военная промышленность, 2004: 665](#)).

Из 25 рейдовых барж грузоподъемностью 250 т 10 штук строились Воткинским заводом. При этом четыре баржи в документе значатся как сданные, готовность еще шести определялась апрелем–маем 1918 г. Еще шесть барж должен был сдать Ижорский завод – по две в апреле, мае и июне 1918 г. Предприятие «Нижегородский теплоход» получил контракт на три баржи, который было предложено аннулировать. Наконец, еще шесть барж должен был поставить завод Шорина в апреле–мае 1918 г. Весь заказ на 10 речных барж грузоподъемностью 200 т достался Воткинскому заводу, пять из них он должен был сдать в апреле и еще пять – в мае 1918 г. (*Военная промышленность, 2004: 665*).

Обращает на себя внимание факт, что из всех заказанных стальных барж (кроме указанных, заказывались также 30 рейдовых 500-тонных барж) только у Воткинского завода значатся готовые суда. Это явно указывает на более раннюю дату заказа и начала работ – Временное правительство лишь переутвердило предыдущие военные заказы.

К сожалению, в литературе отсутствует информация о службе этих барж. В работе В.В. Ярового с соавторами (*Яровой и др., 2013*) в предисловии отмечается фраза, ставшая «стандартной» для подобных работ: «*В список не включены несамостоятельные плавсредства (баржи, лихтеры, дебаркадеры и прочие)*» (*Яровой и др., 2013: 3*). Аналогичным образом поступают и другие авторы, например С.С. Бережной (*Бережной и др., 1981*). Впрочем, это правило не распространяется на плавучие батареи, переоборудованные из тех же барж. В обеих работах их биографии рассматриваются достаточно подробно. И лишь в непосредственном описании боевых действий на севере иногда упоминаются сами баржи. Но при этом, как правило, не указан ни тип, ни технические детали судна (*Военные моряки..., 1982*). Таким образом, проследить биографии барж Морского ведомства воткинской постройки возможно лишь на основе статистических сборников.

По хронологии самый ранний из них – это «*Торговый флот РСФСР. Список судов к 1-му января 1922 года*», изданный в 1922 г. (*Торговый флот, 1922*). В соответствии с ним, на Белом море числятся шесть барж типа ТЛ: ТЛ-6, ТЛ-9, ТЛ-15, ТЛ-16, ТЛ-18, ТЛ-19. Порт приписки у всех Архангельск. Бывшим владельцем по трем баржам значится «*Воен[ный] речн[ой] трансп[орт]*», у одной – «*Служ[ба] Лед[околов]*», еще у двух стоит прочерк. Все суда грузоподъемностью по 246 тонн (15 тыс. пуд.), длиной 32,025 м (105'), шириной 6,405 м (21'). Год постройки – 1919-й. Еще одна баржа явно этого же типа имеет грузоподъемность 328 т (20 тыс. пуд.), при этом точно такие же размеры и год постройки. Это № 1, находящаяся в «*Воен[ном] порт[у]*», бывший хозяин которой значится «*Служ[ба] Лед[околов]*» (*Торговый флот, 1922: 196-197*). Исходя из описания боевых действий на севере, можно сделать вывод, что это плавучая мастерская № 1. Судя по всему, указанный список составлялся еще до основных событий Гражданской войны, возможно, в 1919 г., но был издан лишь в 1922 г. На это указывают названия, литеры и номера кораблей и судов, которые на 1922 г. находились в составе Морских сил Северного моря (*Яровой и др., 2013*). В Списке все они даются под старыми наименованиями. Таким образом, можно заключить, что, по крайней мере, семь воткинских 250-тонных барж в 1919 г. благополучно были собраны, достигли Архангельска и вошли там в строй.

Относительно баржи № 1 из списка или плавмастерской № 1, по В.В. Яровому с соавторами, – это 250-тонная баржа, о чем прямо сообщается в последней работе. Там же дается информация, что длина судна 30,00 м, ширина 6,50 м, осадка 2,15 м (*Яровой и др., 2013: 171*). Интересна и установленная авторами ее дальнейшая судьба. «*В середине августа 1921 г. в составе отряда лихтеров отправилась из Архангельска на Енисей. Затем вошла в состав вначале отдельного Объ-Енисейского гидрографического отряда, а в июле 1922 – Убекосибиря. 18 августа 1922 года штормом вынесена из Нового порта и выброшена на берег в районе Яру-яга. Дальнейшая судьба не установлена*» (*Яровой и др., 2013: 172*). Это еще раз доказывает, что список 1922 г. дает данные, по крайней мере, до 1921 г. (год отправки судна на Енисей).

Таким образом, на 1919–1920 гг. в литературе фигурируют данные о семи баржах 250-тонного типа, одна из которых в 1921 г. отправилась на Енисей.

Следующий «срез» состояния барж можно получить на 1926 г. В этот период в составе портовых плавучих средств в Управлении Архангельского торгового порта в землечерпательном караване числятся шаланды № 1, № 2 и № 8, построенные на Воткинском заводе в 1914 г. Порт приписки у всех Архангельск, регистрационные номера № 133, 134 и 137 соответственно. Все три судна имеют длину по 31,70 м, ширину 6,70 м, осадку порожним 0,76 м (2,5'), в грузу 1,68 м (5,5') (у № 8: 0,79/1,71 м – 2,6'/5,6'). Грузоподъемность судов 150, 160 и 150 тонн соответственно. Еще две шаланды имеют характеристики, близкие к этим. Это № 3 и № 6. Снова обе постройки Воткинского завода, первая – 1914 г., вторая – 1917 г. Их регистрационные номера № 135 и 136, а порт приписки Архангельск. Проблема в том, что их размеры отличаются от вышеприведенных: длина 37,79 м, ширина 8,53 м, осадка 0,76/1,83 м (2,5'/6,0'). Грузоподъемность судов указана как 160 и 320 т соответственно (*Морской торговый флот, 1927: 280-281*). Идущие подряд регистрационные номера вполне могут указывать на однотипность всех судов. А сообщаемые размеры – на 250-тонный тип. Существенно различается год постройки. Но при анализе Воткинской продукции легко заметить, что ни в 1914 г., ни в 1917 г. завод ничего подобного не строил.

В землечерпательном караване имеется еще одно судно с аналогичными размерениями, также воткинской постройки (1914 г.). Это Рефулер № 2, числящийся в Управлении Новороссийского

торгового порта. Порт приписки Новороссийск, регистрационный номер № 46. Длина судна 32,00 м, ширина 7,00 м, глубина трюма 3,20 м, осадка порожним 1,19 м (3,9'). На судне стояли два дизеля постройки Колпино (год производства неизвестен), 450 и.л.с., или 36 э.л.с., вместимость судна 211 брт. (*Морской торговый флот, 1927: 272-273*). Как видно, снова указан год постройки 1914-й, а поскольку размерения совпадают, можно предположить, что это все тот же тип 250-тонной баржи, переоборудованный в данном случае в рефулер.

Еще четыре баржи этого типа обнаруживаются в речном флоте. На Енисее в 1927 г. числится лихтер № 330, регистрационный номер № 53257. Район плавания – Енисей с заливом. Длина судна 33,70 м, ширина 6,50 м, глубина трюма 3,10 м, осадка порожним 0,93 м, в грузу 2,10 м. Тоннаж – 240 брт., грузоподъемность 200 т сухого груза (*Регистр, 1927: 111*). Место постройки судна не указано. На Волге в составе судов Волго-Каспийского канала имеется железная баржа «Литер Б». Приписка – Астрахань, регистрационный номер № 20687. Длина судна 30,40 м, ширина 6,54 м, глубина трюма 2,90 м, осадка порожним 0,56 м. Тоннаж 204 брт. Судно числится постройки 1923 г., место постройки также неизвестно (*Регистр, 1926: 534*). Наконец, еще две сухогрузные баржи находились в 1926 г. в Северо-Западном государственном речном пароходстве. «Цефей», приписка Рыбинск, регистрационный номер № 32352, построен в 1917 г. на Воткинском заводе. Длина 30,48 м, ширина 6,60 м (напечатано 60,60 м, но это явно опечатка), глубина трюма 3,30 м, осадка порожним 0,57 м, в грузу 2,23 м. Тоннаж 235 брт., грузоподъемность – 361 т сухого груза. И, наконец, «Пегас», приписка Рыбинск, регистрационный номер № 28540, построен в 1916 г. на Воткинском заводе. Длина 30,25 м, ширина 6,55 м, глубина трюма 3,22 м, осадка порожним 0,54 м, в грузу 2,34 м. Тоннаж 225 брт., грузоподъемность – 330 т сухого груза (*Регистр, 1926: 150*).

Данные регистров несколько корректируются бюллетенями Российского регистра за 1924 г. Под номером регистрации № 962 в них значится баржа № 60099 «Знаменосец» Северо-Западного речного государственного пароходства, ранее принадлежавшая Воткинскому заводу. Местом плавания судна значится Нева. Год постройки неизвестен, место – Воткинский завод. Длина 31,95 м, ширина 6,40 м, высота 2,77 м, осадка порожним 0,26 м, в грузу 1,52 м. Грузоподъемность – 159 т сухого груза (9715 пуд.) (*Бюллетень № 7 и 8, 1924, 11*). Под номером регистрации № 1162 значится баржа № 61665 «Цефей» (регистрационный номер 32352). Характеристики судна совпадают с таковыми из Регистра 1926 г. (*Бюллетень № 9, 1924: 9*). В аналогичном более раннем бюллетене под номером регистрации № 125 имеется информация о постановке на учет регистром железной баржи № 1360. Она прошла осмотр 27 мая 1925 г. в Рыбинске и получила регистрационный номер № 28540. Судно имеет грузоподъемность 330 т сухого груза, осадку порожним 0,54 м, в грузу 2,34 м (*Дополнение № 2, 1925: 1*). Сравнивая регистрационные данные и характеристики последнего судна, можно прийти к выводу, что это «Пегас». Совпадает регистрационный номер, грузоподъемность и осадка.

По «Персею» странным видится отсутствие наименования на момент регистрации. Весьма возможно, что у «Знаменосца» и «Цефея», для которых указаны номера и наименования, последние были присвоены лишь непосредственно в период их регистрации. Поскольку до этого они были номерные, в бюллетень вошли как номера, так и новые наименования. В Регистре 1926 г. номера уже не сообщаются, суда фигурируют исключительно под названиями. Что касается «Пегаса», несмотря на то, что «Дополнение № 2» имеет более позднюю дату издания, по логике и нумерации она явно предшествует «Бюллетеням...». Но у них различается издательство. В «Дополнениях...» это типография Госстраха, а в «Бюллетенях...» – Транспечать. Можно сделать предположение, что Русский Регистр сначала передавал для печати бюллетени в первую типографию, но, явно не удовлетворенный сроками издания, перешел на печать своими силами с намного большей оперативностью. В итоге можно утверждать, что на 1924 г. все три баржи, скорее всего, формально принадлежали Воткинскому заводу (в это время он находился на консервации) и имели лишь номера.

Таким образом, можно сделать предположение, что, скорее всего, до начала активных боевых действий на севере семь воткинских 250-тонных барж были приняты заказчиком в Архангельске. Первая баржа стала плавучей мастерской (№ 1), еще шесть использовались как рейдовые (ТЛ-6, ТЛ-9, ТЛ-15, ТЛ-16, ТЛ-18, ТЛ-19). Три оставшиеся баржи на 1919 г. находились в стадии, далекой до готовности к сдаче, поэтому их эвакуировали с Северной Двины на Верхнюю Волгу. Поскольку это были рейдовые баржи, их использование на реках имело множество трудностей, и в качестве плавучих батарей они не годились. По окончании Гражданской войны архангельские баржи нашли неожиданное применение в качестве шаланд для дноуглубительных караванов. Возможно, из-за этого одна из них ушла на Волжско-Каспийский канал, а еще одну из переведенных на Волгу переоборудовали в рефулер.

Информация о 200-тонных баржах намного более неполная и впервые встречается лишь в Регистре 1926 г.

Пять штук прошли освидетельствование регистром в период с 1 по 4 февраля 1925 г. В бюллетенях регистрации № 4403 значится шаланда дебаркадер, регистрационный номер № 13114, бюллетень № 4408, это шаланда «Юг», регистрационный номер № 13127, бюллетень № 4409 – шаланда «Рабочий», регистрационный номер № 13128, бюллетень № 4410 – шаланда «Сатурн», регистрационный номер

№ 13129, бюллетень № 4412 – шаланда «Моряк», регистрационный номер № 13199. Их характеристики следующие:

Дебаркадер 516 грт., 42,67 – 8,64 – 2,41 – 0,44 / 1,96 м ВЗ, 1917 г.;

«Юг» 547,5 грт., 42,69 – 8,64 – 2,41 – 0,33 / 1,96 м ВЗ, 1917 г.;

«Сатурн» 663 грт. 42,67 – 9,60 – 2,39 – 0,33 / 1,23 м ВЗ, 1917 г.;

«Рабочий» 547,5 грт. 42,67 – 8,64 – 2,41 – 0,33 / 1,96 м ВЗ, 1917 г.;

«Моряк» 547,5 грт. 42,67 – 8,64 – 2,41 – 0,33 / 1,96 м ВЗ, 1917 г. (Бюллетень № 26, 1925: 11-12).

Размерения судов совпадают с таковыми у 200-тонных барж, кроме «Сатурна», ширина которого 9,60 м. Впрочем, это банальная опечатка, и следует читать 8,60 м, что подтверждает Регистр 1946 г.

В регистре 1946 г. в составе Камской инспекции находились следующие баржи, которые по характеристикам напоминают 200-тонный тип.

ГХ-014, рег. № 110021. 420 брт., 300 грт. 42,70 – 9,92 – 1,80 – 0,25/1,20 м ВЗ, 1902 г.

ГП-015, рег. № 110032. 405 брт., 370 грт. 42,67 – 8,53 – 2,10 – 0,25/1,50 м ВЗ, 1897 г.

ГП-016, рег. № 110394. 420 брт., 370 грт. 42,67 – 8,55 – 2,00 – 0,28/1,40 м ВЗ, 1897 г.

ГХ-019, рег. № 110159. 450 брт., 390 грт. 44,26 – 9,92 – 1,8 – 0,30/1,20 м ВЗ, 1915 г. (Регистр, 1946: 46).

«Сатурн», рег. № 13129. 246 брт., 410 грт. 42,57 – 8,60 – 2,39 – 0,32/1,72 м ВЗ, 1917 г. (Регистр, 1946: 70).

ГП-08, рег. № 110031. 377 брт., 310 грт. 42,67 – 8,50 – 1,81 – 0,30/1,21 м ВЗ, 1899 г. (Регистр, 1946: 82).

ГП-07, рег. № 110421. 410 брт., 310 грт. 42,50 – 8,65 – 1,78 – 0,28/1,18 м ВЗ, 1897 г. (Регистр, 1946: 3).

Всего, таким образом, получается семь барж. В преамбуле «Сатурна» сомнений не возникает: сходятся характеристики и регистрационный номер. Вероятно также, что именно четыре баржи (ГП-07, ГП-08, ГП-015, ГП-016) указаны вместе с «Сатурном» в Регистре 1926 г.

Еще две баржи отсутствуют в Регистре 1926 г. (ГХ-014 и ГХ-019) и имеют слишком большую ширину – 9,92 м. Причем, это явно не ошибка (в отличие от «Сатурна» в Регистре 1926 г.). Список 1939 г. относительно ГХ-014 (бывшая баржа Ж-12) и ГХ-019 (бывшая Ж-50) сообщает, что они имеют ширину 9,92 м (Список, 1939: 75). Аналогично Список 1934 г. говорит, что Ж-12 (бывшая № 0307) имеет ширину 9,92 м, а Ж-50 (бывшая № 0309) – 9,96 м (Список, 1934: 21-22). Таким образом, обе баржи, скорее всего, – другой тип. На это же указывают годы постройки. Если четыре 200-тонные баржи ошибочно даются как 1897–1899 гг. постройки, то у ГХ-014 это 1902 г., а для ГХ-019 – 1915 г.

В качестве возможных кандидатов на эти два судна можно указать плашкоут «Вотка» и пароход «Сплавщик», построенные как раз в 1902 и 1915 гг. Они фигурируют в Регистре 1926 г., после чего пропадают.

Таким образом, получается, что пять 200-тонных барж, достраивавшихся Воткинским заводом к 1918 г., вошли в строй к 1926 г. и находились в работе к 1946 г. Отсюда информация справки ГУК за март 1918 г. о готовности пяти барж к отправке в апреле 1918 г. кажется вполне вероятной, учитывая некоторую задержку с выполнением заказа.

4. Результаты

Информацию из литературы существенно дополняет делопроизводственная документация Воткинского завода.

В первую очередь это графическая документация. Так, имеется «Чертеж стальной баржи для сухого груза на 200 т по заказу ГУК [Главного управления кораблестроения] Адмиралтейства». Чертеж утвержден 15 ноября 1917 г. Объекты имели строительные номера № 373–№382 (10 шт.). Длина корпуса 42,67 м (140'), ширина по миделю 8,54 м (28'), высота борта 2,44 м (8'), осадка с грузом 200 т 1,22 м (4'). Имеется примечание, что дров войдет около 70 куб. саж. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 338).

По другому типу есть «Проект баржи грузоподъемностью 250 т для Белого моря», утвержденный 1 января 1917 г. начальником цеха Сумароковым. Длина между перпендикулярами 30 м, ширина на миделе 6,5 м, высота борта 3,2 м, осадка порожним 0,55 м, в грузу 2,15 м. Водоизмещение пустой 78,4 т, полной 347 т. Команда 4 чел. На судне предполагалось установить грузовые стрелы (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 337). Теоретический чертеж баржи 250 т для Белого моря утвердили 4 января 1917 г. Характеристики судна полностью совпадают с приведенными на чертеже общего вида (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 77).

Видно, что утверждение чертежей состоялось с разницей в 10 месяцев. Это подтверждает, что работы по 200-тонным баржам начались по окончании основных работ по 250-тонным.

Серьезной трудностью, с которой столкнулся Воткинский завод, стала военная инфляция. В частности, по заказам ГУК завод предлагал цену за 200-тонную баржу увеличить с 65 тыс. до 85 тыс. руб. Аналогично цену на 250-тонную рейдовую баржу с 85 тыс. до 95 тыс. руб. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11229. Л. 19).

Первая сумма рассчитывалась по ценам 1917 г., вторая – уже 1918 г. Видно, что цена за 200-тонную баржу увеличивалась на 30 %, в то время как на 250-тонную – на 12 %. Это снова свидетельствует о том, что на момент составления документа (середина 1917 г.) 250-тонные баржи были уже практически готовы, в то время как 200-тонные еще только строились.

Далее администрация завода сетовала, что, несмотря на инфляцию, ГУК перевел лишь 30 % от общей стоимости: за все 20 барж – 450 тыс. руб. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11229. Л. 190б.). В данном случае имеется изначальная контрактная стоимость: 650 тыс. руб. за 200-тонные баржи и 850 тыс. за 250-тонные. 30 % от суммы в 1,5 млн руб. как раз и составляет указанные в документе 450 тыс. руб.

Имеются немногочисленные упоминания и о сроках выполнения заказов. Так, в ответ на запрос ГУК завод проинформировал 7 апреля 1918 г., что касается заказа на 20 барж, то четыре уже находятся в пути, «остальные будут готовы в нынешнем году» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11229. Л. 268). Хотя в документе нет указания на тип, но понятно, что отправлены рейдовые 250-тонные.

В сведениях о производстве Воткинского завода за 1918 г. указывается, что в период с 1 января 1917 г. по 1 января 1918 г. заводом сданы, согласно спецификации, Кольские баржи (6 шт.), плавучий кран для Николаевского порта, две грунтоотвозные шаланды по 13 куб. саж. для Архангельского порта, шесть грунтоотвозных шаланд по 15 куб. саж. для Астраханского порта, два бака для Ижевского завода и 10 барж грузоподъемностью по 250 т для Морского министерства. На изготовление последних было затрачено 35 000 пудов железа (573 т) (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 1. Д. 29. Л. 2).

Таким образом, получается, что, действительно, к началу войны на севере все десять 250-тонных барж были отправлены заказчику, но, очевидно, что собраны и сданы были далеко не все. Так что картина, которая явствует из анализа литературы, если архивными документами полностью и не подтверждается, то, по крайней мере, категорично и не опровергается.

А вот с выполнением заказа на 200-тонные баржи имеется определенная неясность. Тем не менее в документации, связанной с Воткинским восстанием, имеются многочисленные свидетельства, что восставшие содержали пленных в каких-то недостроенных баржах. Подробности о самих баржах отсутствуют, но в фондах МИКВ имеется, вероятно, единственное фотосвидетельство (Рисунок 1). Судя по характерным размерам и практически четырехугольным шпангоутам, это либо 200-тонная, либо 120-тонная баржа. Отличить их можно только по размерениям, и по имеющейся фотографии это сделать трудно. Но поскольку в 1918 г. завод все заказы по 120-тонным баржам уже выполнил и суда успешно сдал, а к заказу на последние десять единиц еще практически не приступал, это явно 200-тонная баржа. В правой части снимка видна носовая часть с характерным фальшбортом. На заднем плане явно проступают заводские постройки, что указывает на место фотографирования в Воткинске.

Рис. 1. Одна из четырех барж-тюрем с бывшими баржевиками (оригинал 18 × 24 см. Ноябрь 1918 г.) (МИКВ. Д. 7512. № 99)

Имеется также упоминание, что в конце восстания четыре баржи сплавили по рекам Сива и Вотка в Каму для создания понтонного моста. По этому мосту был осуществлен отход подразделений

Воткинской народной армии для соединения с Колчаком. К сожалению, каких-либо более или менее достоверных свидетельств этого пока не обнаружено.

А вот на 1 января 1919 г. завод отчитывался, что у него в стадии достройки находились суда по наряду № 9 «*Баркасы речные в 200 тонн для Архангельского порта*». В документе значится, что их всего 10 единиц с общей массой 51 150 пуд. (838 т). Но напротив цифры стоит проставленный красными чернилами знак вопроса, и этими же чернилами выше стоят цифры 6 единиц, 30 608 пуд. (501 т). В графах по имеющимся материалам и требуемым материалам стоят прочерки, а цифра общей готовности указана как 99 %. В примечании говорится: «*Четыре из них в разобранном виде отправлены в Архангельск, а остальные 6 шт[ук] кончены и находятся здесь, стоят спущенные на воду*» (МИКВ. Д. 4812. Л. 32).

60 % от массы 51 150 пуд. получается 30690 пуд., что практически совпадает с указанной красными чернилами цифрой в 30 608 пуд. С другой стороны, на четыре сданные баржи приходится 20 542 пуд., или 5 135,5 пуд. на единицу. Получается, что на шесть оставшихся должно пойти материала 30 813 пуд., то есть недостает 205 пуд., что составляет 0,7 % от готовности. Округляя, действительно получается процент готовности – 99%.

В плане работ Судового цеха на 1919 г. среди прочих пунктов значится п. 10 на «*Баржи в 200 тонн речные для Архангельского порта*». Работы по нему производились по наряду № 9, выданному 19 января 1917 г. Водоизмещение их составляло 21 700 пуд. (355 т), вес 5 650 пуд. (92,5 т). В примечании указано: «*четыре кончены и в разобранном виде отправлены в Архангельск. 6 кончены, находятся здесь, нет корпусных принадлежностей. Сделано 99 %. Стоят на воде*» (МИКВ. Д. 4812. Л. 350б–36). Более каких-либо дополнительных данных по этим баржам в заводской документации пока не обнаружено. А в 1920–1921 гг. эти баржи не указаны в довольно подробных описях имущества завода среди достраиваемых или ремонтируемых судов. Поэтому можно сделать вывод, что уже в конце 1919 г. барж на заводе не было.

В апреле 1919 г. колчаковские войска вышли к Каме. На 25 апреля 1919 г. они вели спасательные работы воткинского каравана, состоявшего из 20 барж и пароходов «Звенига», «Онега» и «Шторм». Как отмечалось в рапорте начальника опорной базы, «*части машин и арматура с пароходов снята частью белыми, частью красными*». Пароходы «Онега» и «Шторм» стояли выше села Степаново, часть каравана находится у деревни Костоваты ниже Галева (РГА ВМФ. Р-2180. Оп. 1. Д. 5. Л. 67). К сожалению, состав и состояние барж воткинского каравана в деле не рассматриваются. Но, судя по всему, суда требовали спасательных работ, поэтому ни одна из барж белыми не мобилизовывалась.

Цифра 20 с достаточно высокой вероятностью может свидетельствовать, что 200-тонные баржи действительно сплавили в Каму. Только вот вопрос, сколько и когда. Фотография из фондов МИКВ (рис. 1) свидетельствует, что после взятия Воткинска красными, по крайней мере, одна баржа все еще оставалась в городе. На фотографии виден снег, то есть это явно зима 1918/19 г. Анализ литературы показал, что в 1926 г. на Каме имелось пять барж этого типа. Причем одна из них не имеет наименования, а называется дебаркадером. Можно предположить, что на момент восстания на заводе имелось пять барж, а не шесть, как утверждает документ. Тогда многое становится понятным. Одна – дебаркадер и склад имущества. И тогда, действительно, под тюрьму могло использоваться четыре баржи (как утверждает подпись к фотографии). И сплавить повстанцы могли только четыре. Склад-дебаркадер перед сплавом надо разгрузить, а куда складировать имущество? Если на снег, то оно непременно пострадает во время зимы. Поэтому вполне логично и проще склад-дебаркадер оставить в городе. И баржевики после захвата города красными как раз могли сфотографироваться на этом дебаркадере, тем более что, как утверждает рапорт начальника опорной базы, если баржи действительно сплавили, то они, скорее всего, после ликвидации понтонного моста зимовали в неподготовленных пунктах Камы. И уж тем более удобного подхода к ним, как это видно на фотографии, скорее всего, не было бы. Так, в протоколе заседания Делового совета Воткинского завода от 23 декабря 1918 г. говорилось, что баржа «Кама» и плашкоут «Север» из заводского каравана стоят на мели вдали от Галева и им угрожает опасность от весеннего ледохода (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 1. Д. 33).

Учитывая вышеуказанное, можно сделать предположение, что до начала восстания Воткинский завод поставил Морскому министерству четыре комплекта 200-тонных барж. Возможно, еще один комплект находился в стадии перевозки и еще не был сдан. И тогда в Воткинске действительно могли стоять пять барж, которых в итоге не стали разбирать и передали в Камское речное пароходство. Именно поэтому пять судов фигурируют в Регистрах 1926 г. и 1943 г. А вот проследить судьбу еще пяти комплектов в рамках имеющихся источников не представляется возможным. Вполне вероятно, если комплекты не пострадали во время боевых действий, их могли собрать не силами завода. В этом случае вряд ли где-то могли остаться указания, что это воткинская продукция, и они могли идти в регистрах без указания места постройки или с указанием в качестве такового места их сборки.

5. Заключение

В 1916–1917 гг. Воткинский завод получил заказ Морского министерства на строительство 20 барж 250-тонного рейдового и 200-тонного речного типа. Весь заказ заводом был выполнен, но с некоторым запаздыванием, учитывая «форс-мажор» 1917–1918 гг.

Из десяти барж 250-тонного типа семь были сданы заказчику и вошли в состав плавсредств Архангельского военного порта. Еще три, по-видимому, на момент начала активных боевых действий на Северной Двине находились в стадии достройки. Поскольку этот тип мало подходил для боевых действий на реках, все три баржи перевели на Верхнюю Волгу.

Из десяти барж 200-тонного типа в рамках имеющейся источниковой базы можно проследить лишь биографии пяти, вошедших в Камское речное пароходство и позднее – в Вятское. Скорее всего, на момент начала воткинского восстания в городе как раз и находились эти пять барж, использованных сначала в качестве тюрьмы, а потом сплавленных на Каму для строительства понтонного моста. Судьба еще пяти барж неизвестна. Если они не погибли во время Гражданской войны, возможно, их собирали без участия Воткинского завода и в их дальнейших регистрационных данных завод более не фигурировал.

Литература

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской республики.

МИКВ – Архив Музея истории и культуры города Воткинска.

РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота.

Бережной и др., 1981 – *Бережной С.С. и др.* Корабли и вспомогательные суда советского Военно-Морского флота (1917–1927 гг.). М.: Воениздат, 1981. 589 с.

Бюллетень № 7 и 8, 1924 – Бюллетень № 7 и 8. Список судов без механического двигателя, получивших свидетельства Российского Регистра на право плавания (5 августа 1924 г.). М.: Транспечать, 1924. 16 с.

Бюллетень № 9, 1924 – Бюллетень № 9. Список судов без механического двигателя, получивших свидетельства Российского Регистра на право плавания (13 августа 1924 г.). М.: Транспечать, 1924. 12 с.

Бюллетень № 26, 1925 – Бюллетень № 26. Список судов без механического двигателя, получивших свидетельства Российского Регистра на право плавания (10 июня 1925 г.). М.: Типография Госстраха, 1924. 16 с.

Военная промышленность, 2004 – Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917). М.: Новый хронограф, 2004. 832 с.

Военные моряки..., 1982 – Военные моряки в борьбе за власть Советов на севере (1917–1920 гг.). Л.: Наука, 1982. 408 с.

Дополнение № 2, 1925 – Дополнение № 2 к бюллетеням речных судов без механического двигателя (20 июня 1925 г.). М.: Типография Госстраха, 1925. 8 с.

Морской торговый флот, 1927 – Морской торговый флот СССР. Список судов к 1 января 1926 г. М.: Транспечать, 1927. 292 с.

Регистр, 1926 – Регистр Союза ССР. Список речных судов. Составлен ... на 1 марта 1926 г. / Под ред. инж. Н.Я. Волпянского. М.: Транспечать, 1926. 632 с.

Регистр, 1927 – Регистр Союза ССР. Список речных судов. Бассейны рек Днепра и Буга, Дона и Кубани, Сибирских и Среднеазиатских рек. Составлен ... на 1 марта 1927 г. / Под ред. инж. Н.Я. Волпянского. Рыбинск: Типолитография ЯГСНХ им. Володарского, 1927. 218 с.

Регистр, 1946 – Регистровая книга речных и озерных несамоходных судов, находящихся под технадзором Речного Регистра Союза ССР. Камская инспекция. [Б.м.]: [Б.и.], 1946. 167 с.

Список, 1934 – Список парового и непарового флота. Навигация 1934 года. Пермь: Камское речное пароходство, 1934. 23 с.

Список, 1939 – Список судов речного несамоходного флота Московско-Волжско-Камского ЦУРФА. М.: Водный транспорт, 1939. 162 с.

Торговый флот, 1922 – Торговый флот РСФСР. Список судов к 1-му января 1922 года. М.: Цумор, 1922. 280 с.

Яровой и др., 2013 – *Яровой В.В., Смолин А.А., Приданников М.И.* Морские силы Северного моря (1920–1922 гг.). СПб.: Галера Принт, 2013. 280 с.

Reference

Berezhnoy et al., 1981 – *Berezhnoy S.S. et al.* (1981) Korabli i vspomogatel'nye suda sovetского Voenno-Morskogo flota (1917–1927 gg.) [Ships and auxiliary vessels of the Soviet Navy (1917–1927)]. Moscow: Military Publishing House, 1981. 589 p. [in Russian]

Bulletin № 26, 1925 – Byulleten' № 26. Spisok sudov bez mekhanicheskogo dvigatelya, poluchivshikh svidetel'stva Rossiiskogo Registra na pravo plavaniya (10 iyunya 1925 g.) [Bulletin No. 26. List of ships without a mechanical engine that received certificates from the Russian Register for the right to sail (June 10, 1925)]. Moscow: Gosstrakh Printing House, 1924. 16 p. [in Russian]

Bulletin № 7 and 8, 1924 – Byulleten' № 7 i 8. Spisok sudov bez mekhanicheskogo dvigatelya, poluchivshikh svidetel'stva Rossiiskogo Registra na pravo plavaniya (5 avgusta 1924 g.) [Bulletin No. 7 and 8. List of ships without a mechanical engine that received certificates of the Russian Register for the right to sail (August 5, 1924)]. Moscow: Transpechat, 1924. 16 p. [in Russian]

Bulletin № 9, 1924 – Byulleten' № 9. Spisok sudov bez mekhanicheskogo dvigatelya, poluchivshikh svidetel'stva Rossiiskogo Registra na pravo plavaniya (13 avgusta 1924 g.) [Bulletin No. 9. List of ships without a mechanical engine that received certificates from the Russian Register for the right to sail (August 13, 1924)]. Moscow: Transpechat, 1924. 12 p. [in Russian]

Dopolnenie № 2, 1925 – Dopolnenie № 2 k byulletenyam rechnykh sudov bez mekhanicheskogo dvigatelya (20 iyunya 1925 g.). [Supplement No. 2 to the Bulletins of River Vessels Without Mechanical Propulsion (June 20, 1925)]. Moscow: Gosstrakh Printing House, 1925. 8 p. [in Russian]

MIKV – Arkhiv Muzeya istorii i kul'tury goroda Votkinska [Archive of the Museum of History and Culture of the city of Votkinsk].

Morskoi torgovyi flot, 1927 – Morskoi torgovyi flot SSSR. Spisok sudov k 1 yanvarya 1926 g. [Merchant Marine of the USSR. List of courts by January 1, 1926]. Moscow: Transpechat', 1927. 292 p. [in Russian]

Register, 1926 – Registr Soyuz SSR. Spisok rechnykh sudov. Sostavlenn ... na 1 marta 1926 g. [Register of the USSR. List of river ships. Compiled ... on March 1, 1926] / Ed. by Eng. N.Ya. Volpyansky. Moscow: Transpechat, 1926. 632 p. [in Russian]

Register, 1927 – Registr Soyuz SSR. Spisok rechnykh sudov. Basseiny rek Dnepra i Buga, Dona i Kubani, Sibirskikh i Sredneaziatskikh rek. Sostavlenn ... na 1 marta 1927 g. [Register of the USSR. List of river ships. Basins of the Dnieper and Bug, Don and Kuban, Siberian and Central Asian rivers. Compiled ... on March 1, 1927] / Ed. by Eng. N.Ya. Volpyansky. Rybinsk: Typo-Lithography YaGSNKh im. Volodarsky, 1927. 218 p. [in Russian]

Register, 1946 – Registrovaya kniga rechnykh i ozernykh nesamokhodnykh sudov, nakhodyashchikhsya pod tekhnadzorom Rechnogo Registra Soyuz SSR. Kamskaya inspektsiya [Register book of river and lake non-self-propelled vessels under the technical supervision of the River Register of the USSR. Kama inspection]. [Without place]: [Without editorial], 1946. 167 p. [in Russian]

RGA VMF – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota [Russian State Archives of the Navy].

Spisok, 1934 – Spisok parovogo i neparovogo flota. Navigatsiya 1934 goda [List of steam and non-steam fleet. Navigation 1934]. Perm': Kamskoe rechnoe parokhodstvo, 1934. 23 p. (In Russian).

Spisok, 1939 – Spisok sudov rechnogo nesamokhodnogo flota Moskovsko-Volzhsko-Kamskogo TsURFa [List of ships of the river non-self-propelled fleet of the Moscow-Volga-Kama TsURF]. Moscow: Vodnyi transport, 1939. 162 p. [in Russian]

Torgovyi flot, 1922 – Torgovyi flot RSFSR. Spisok sudov k 1-mu yanvarya 1922 goda [Merchant fleet of the RSFSR. List of ships for January 1, 1922]. Moscow: Tsumor, 1922. 280 p. [in Russian]

TsGA UR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic].

Voennaya promyshlennost', 2004 – Voennaya promyshlennost' Rossii v nachale XX v. (1900–1917) [Russian military industry at the beginning of the 20th century. (1900–1917)]. Moscow: Novyi khronograf, 2004. 832 p. [in Russian]

Voennye moryaki..., 1982 – Voennye moryaki v bor'be za vlast' Sovetov na severe (1917–1920 gg.) [Military sailors in the struggle for Soviet power in the north (1917–1920)]. Leningrad: Nauka, 1982. 408 p. [in Russian]

Yarovoy et al., 2013 – Yarovoy V.V., Smolin A.A., Pridannikov M.I. (2013) Morskie sily Severnogo morya (1920–1922 gg.) [Naval Forces of the North Sea (1920–1922)]. St. Petersburg. 280 p. [in Russian]

Баржи Воткинского завода, заказанные Морским министерством в 1916–1917 гг.

Николай Витальевич Митюков ^{a, *}, Ирина Юрьевна Черкасова ^b

^a Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Российская Федерация

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. Баржи отечественного торгового и военного флотов пока не были объектом научного исследования. Многие авторы, занимающиеся историей судостроения, упоминают о постройке несамоходных судов, но это лишь эклектичные упоминания. Частично эта проблема преодолевается за счет статистических сборников, публиковавших составы торгового и военного флотов на определенную дату. Однако целостная картина эволюции отечественного несамоходного флота создается либо для дореволюционного, либо для советского периода. События революции и Гражданской войны проходят своеобразным водоразделом, затрудняющим достоверно соединить биографии судов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

В 1916–1917 гг. Воткинский завод получил заказ Морского министерства на строительство 20 барж 250-тонного рейдового и 200-тонного речного типа. Весь заказ заводом был выполнен, но с некоторым запаздыванием, учитывая «форс-мажор» 1917–1918 гг. Эти баржи и стали объектом исследования данной работы.

Из десяти барж 250-тонного типа семь были сданы заказчику и вошли в состав плавсредств Архангельского военного порта. Еще три, по-видимому, на момент начала активных боевых действий на Северной Двине находились в стадии достройки. Поскольку этот тип мало подходил для боевых действий на реках, все три баржи перевели на Верхнюю Волгу.

Из десяти барж 200-тонного типа в рамках имеющейся источниковой базы можно проследить лишь биографии пяти, вошедших в Камское речное пароходство и позднее – в Вятское. Скорее всего, на момент начала воткинского восстания в городе как раз и находились эти пять барж, используемых сначала в качестве тюрьмы, а потом сплавленных на Каму для строительства понтонного моста. Судьба еще пяти барж неизвестна. Если они не погибли во время Гражданской войны, возможно, их собирали без участия Воткинского завода и в их дальнейших регистрационных данных завод более не фигурировал.

Ключевые слова: источник, Воткинский завод, Морское министерство, судостроение, Архангельский военный порт, Гражданская война.